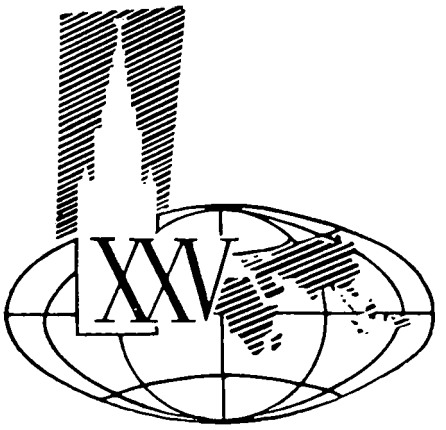

XXV

ТРУДЫ
ДВАДЦАТЬ ПЯТОГО МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА ВОСТОКОВЕДОВ

МОСКВА

9—16 августа 1960 г.

ТОМ V

ЗАСЕДАНИЯ СЕКЦИЙ XVI—XX

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1963

Под редакцией

Б. Г. Гафурова (председатель редакционной коллегии),
И. С. Брагинского, А. А. Губера,
И. М. Дьяконова (секретарь редакционной коллегии),
И. И. Потехина, С. Л. Тихвинского и *С. П. Толстова*

СОДЕРЖАНИЕ

Секция XVI. Китаеведение 5
Подсекция истории 5
Подсекция филологии 89
Секция XVII. Корея 234
Секция XVIII. История Монголии 302
Секция XIX. Япония 355
Секция XX. Африканистика 491
Подсекция истории 555
Подсекция филологии 586
Послесловие 620
Список делегатов 621

ТРУДЫ XXV МЕЖДУНАРОДНОГО
КОНГРЕССА ВОСТОКОВЕДОВ

Том V

Печатается согласно решению
Президиума АН СССР от 19 сентября 1960 г.

Издательство восточной литературы. Москва, Центр, Армянский пер., 2

1 Типография Издательства АН СССР. Ленинград, В-34, 9 лин., д. 12

СЕКЦИЯ XVI

КИТАЕВЕДЕНИЕ

ПОДСЕКЦИЯ ИСТОРИИ

9 августа, вечернее заседание
Председатель В. М. Штейн (*Ленинград*).

HERBERT FRANKE (*München*): SOME ASPECTS OF WARFARE IN MEDIAEVAL CHINA

A most important source for the military history of mediaeval China is the *Wu-ching tsung-yao* ("Summary of Military Classics") of 1044. This Sung handbook of strategy, tactics, training and military technology has recently been reprinted (1959). The *Wu-ching tsung-yao* as a staff manual does not contain data on the practical realization of the staff rules in warfare. Very few descriptions of actual battles have survived but there are some important texts describing in great detail attacks against walled cities and the fighting between defenders and assailants, *e. g.* the *Shou-ch'eng lu* (written ca. 1170) and the *Hsiang-yang shou-ch'eng lu*. The latter is a diary of the defence of Hsiang-yang against the Jurčen in 1206-1207. Equally important is the *Pao-Yüeh-lu*, a diary of the defence of Shao-hsing against the Ming troops in 1359. From these texts we obtain a clear picture of military tactics and technology as applied in actual wars during the 12th to 14th centuries.

In those days, before cannons were generally used, the most important far-reaching weapons were catapults and cross-bows. Catapults were of a simple lever type operated by a few dozen to more than 200 soldiers who pulled cords attached to one end of the lever; to the other end of the lever a sort of basket containing the missile was fastened. The missiles were balls of clay or stone and had a weight varying between 2 and 50 kilos approximately. As the maximum distance of throwing did, as a rule, not exceed 100 or 150 meters these machines had to be brought rather near to the walls of the city. A dangerous weapon was the use of catapults throwing incendiary materials (gun-powder grenades or burning cotton drenched in oil) because a fire in the town was fatal.

Crossbows must be regarded as the most deadly weapon in Sung China. The bigger types were mounted on carriages or a wooden structure like catapults. The most powerful types of crossbows consisted of 3 combined bows and were operated (*i. e.* wound up) by almost 100 soldiers. The projectiles were bullets or arrows. They could kill a man or a horse at a distance of 200 meters. Cannons (*huo-t'ung*, "fire-tubes") were used against Shao-hsing in 1359 but their effect was apparently not very great. They caused casualities among the defenders but no considerable damages to walls or gates are mentioned.

Several types of ladders and platforms mounted on carriages were used to give access to the city walls. The ladders were of the folding type, having a maximum height of 8—10 meters. Another means of approach were artifi-

cial tunnels and corridors. They were made of wood, sometimes 100 or even 200 meters long, and covered with wooden boards or leather hides. As they afforded a good protection against arrows and smaller missiles, they constituted a great danger for the defenders, who usually tried to destroy them by using catapults throwing heavy stones or incendiary materials.

Among the various means of attack, the *Wu-ching tsung-yao* mentions also the use of poisonous or suffocating gas but the diaries mentioned above do not record the actual use of this kind of chemical warfare. The same applies to mines and subterraneous tunnels of which detailed descriptions are given in the *Wu-ching tsung-yao*. This may, however, be due to the fact that these devices could only be used in dry soil and not in either Shao-hsing or Hsiang-yang.

The duties of the commander of a besieged town were manifold. He had, for example, to take precautions against fires. Jars filled with water were placed on the streets, and the patrol service of the police forces was increased. Other security measures concerned possible enemy agents, the spreading of rumours and the prohibition of fortune-telling. Psychological warfare played a great role, chiefly in civil wars, as can be seen from the *Pao-Yüch-lu*. During a siege the whole population had to take part in the defence, even women, children and aged people. They were organised into labour battalions and employed as food carriers, cooks or fire-wood collectors. The adult men were usually ordered to join the ranks in order to reinforce the regular troops.

Considering the state of technology in mediaeval China, a fortified town could be held by a comparatively small force of defenders against a great majority of assailants. The capture of a town by open attack was therefore difficult and regarded as a considerable military success, a success which was, however, often bought at the price of heavy losses. Another reason for the importance of towns in warfare was the fact that towns were centres of trade and commerce — the riches accumulated behind the town walls attracted both barbarian invaders and native insurgents.

По докладу выступили Р. В. Вяткин и П. ван дер Лун.

ICHISADA MIYAZAKI (*Kyoto*): CITY-STATES IN ANCIENT CHINA

Under the Han dynasty, three small administrative units, *hsiang* 鄉 *t'ing* 亭, and *li* 里 were in use. Their mutual relationship was expressed as follows.

ten *li* makes one *t'ing*
ten *li* makes one *hsiang*
ten *t'ing* makes one *hsiang*.

These three theses naturally can not coexist mathematically. But each of them was based upon certain exact sources. The word 'ten' does not always mean exactly t e n, but can be understood as 'several'. I have tried to solve this enigma and reached a conclusion. Most local towns under the Han dynasty were survivals of city-states of ancient China, and were surrounded by walls and moats. Inside they were divided into several 'quarters' by highroads. This 'quarter' is *li* containing ordinarily about one hundred hearths. Then, *t'ing* is a small town which consists of several *li*. When several *t'ing* are assembled, the largest one takes the name *hsiang*

and dominates other *t'ing*. Thus a *hsiang* is generally larger than a *t'ing*, but there is no fundamental difference between the two. A *hsiang* is in itself nothing but a specially important *t'ing* which becomes, as it were, the center of these towns. The relationship between *hsiang* and *hsien* 縣, between *hsien* and *chün* 郡, is just the same as between *t'ing* and *hsiang*. Only a *hsien* is larger than a *hsiang*, and a *chün* is larger than a *hsien*. Each 'quarter', *li*, was also surrounded by low walls, in which there was only one gate called *lü* 閭. Two guards kept a watch on those who passed in and out by the gate. Narrow roads, starting from the gate, wound and crossed each other until they reached to the gate of each house. Each house was also surrounded by fences which separated it from its neighbours.

These towns were the basic unit of society in ancient China; villages comparable to those in modern times did not exist. Almost all the people lived inside the town walls, although most of the townsfolk were farmers who had their lots of land outside the walls. The farmland belonged to each town, stretching not so far from the wall gates, because the farmers had to go back and forth daily from their house to their land. Then, beyond this distance, there remained vast areas of virgin soil, uncultivated grasslands which enticed the nomad tribes with prospects of abundant pastures for their troops of animals. Sometimes it happened that the nomads became involved in trouble with the townsfolk in the outer fields.

This is one of the reasons why the first emperor of the Ch'in, Shih-huang-ti, undertook the construction of the Great Wall of ten thousand leagues, after driving various nomad tribes away towards the north, to keep the Chinese people apart from them.

Previous to the Han dynasty, these towns were named *i* 邑 or 'boroughs', among which the independent ones were known as *kuo* 國 or 'states'. The Chinese believed that, as one went back into the remote past, the more numerous the numbers of these 'states' became. At first there were ten thousand independent 'states', which diminished gradually, to three thousand in the Yin 殷 epoch, to thirteen hundred at the beginning of the Ch'un-ch'iu era. By the Warring States Period, the seven great powers of China had absorbed these townships and at last the 7 states themselves disappeared in the Ch'in 秦 empire. When there were ten thousand independent states, each of them was very small in size, containing some 3000 hearths at the largest. In the days of Ch'un-ch'iu, the capital cities had ordinarily double walls. The inner ones were called *ch'eng* 城, which meant defence for their lord. The outer ones were called *kuo* 郭, which meant enclosure for the people. At first, the most important defence line was the inner walls as it was in ancient Greece. But in the Warring States Period, the outer walls became higher and stronger day by day, until the outer walls were called *ch'eng*, and the difference between the two walls had vanished. The lord was compelled to protect his people in order to protect himself.

По докладу выступил Л. С. Васильев.

A. PALÁT (Prague): ON THE IMPORTANCE OF THE STUDY OF THE REFORM POLICIES IN CHINA IN THE XIth CENTURY

In the last decade a growing interest is observable among sinologists in the history of the Sung [1] Dynasty. In the West scholars participate in the Sung Project, Japanese sinologists are studying different economic prob-

lems of this period, in other countries new angles of investigation are being explored and, of course, in the first place we must stress the importance of the research being done by Chinese scholars on this subject. It is especially the 11th and the beginning of the 12th century that attract the attention of the historians — at that time Chinese society, with its ever sharper contradictions, is approaching the final disaster of 1127. China loses its northern provinces, the capital is moved from Pien-liang [2] to Lin-an [3], the weak Chinese court has to yield step by step to the powerful invading tribes from the North, and a century and a half later the Mongols succeed in occupying the whole of China and ruling it for a century.

None of the studies on this subject can pass over one of the outstanding figures in Chinese history, the statesman and reformer of the 11th century, Wang An-shih [4]. Unfortunately this topic has been rather neglected by European scholars and the conclusions and results are sometimes misleading.

The cause of this kind of misunderstanding and to a certain degree even disrespect is already present in the official history of the Sung Dynasty, *Sung-shih* [5]. It was, indeed, compiled from material distinctly weighed against Wang An-shih and in favour of his opponents, and we know enough about the personal likings and grudges that influenced the preparation of this material. We are also aware of the fact that the consequences of the tragic year 1127 have to be taken into consideration, and so we can affirm that these chapters of *Sung-shih* are not to be relied upon. And because the works of Wang An-shih himself were not considered an impartial source for research, practically all that was written about him in China during many centuries followed the same tendency. It was not till the Ch'ing [6] Dynasty that the famous scholar Ts'ai Shang-hsiang [7] presented in his *nien-p'u* [8] the first critical evaluation of Wang An-shih and showed him in a more favourable light. But later on, and especially in the material published in China about 1930, the whole problem was once again obscured — sometimes there were even attempts to connect the reform policies of Wang An-shih with the measures taken at that time in China by Chiang Kai-shek [9] and his clique. In the last few years Chinese scholars have made great efforts to study these complicated problems, and they stress the necessity of systematic and deep research into different aspects of the economic history of that time, such as agriculture in general, land-tenure, farming standards, crops, handicrafts and manufactures, commerce and transport facilities, as well as the study of the institutions and the bureaucracy (see for example *Wang An-shih pien-fa* [10], by Ch'i Hsia [11]). On this solid basis it is then possible to understand and interpret the class relations and contradictions and thus see the reform policy of Wang An-shih in its proper context.

At that time class antagonisms and contradictions became evident — and not only the contradictions between landlords, on the one hand, and poor peasants and tenants on the other, but also antagonisms among the landlords themselves (as we see, for example, in the hard struggle among different representatives and groups, or we may even say parties, during the reign of the Emperor Shen-tsung [12] and, later on, under the Emperor Hui-tsung [13], the contradictions between the landlords, big merchants and high officials, and even the contradictions brought into life by the tension between different tribes and nations. In the past these very complicated relations were either passed over, because they were difficult to explain, or they were misunderstood and distorted.

In Europe articles about Wang An-shih appeared already in the 19th century, but of course they were short and aimed only at giving general information, without analysing causes and principles. Naturally, there were always some paragraphs about the subject in general histories of China. In the 20th century two monographs were published on Wang An-shih's life and his reform measures — one before the First Great War in Petrograd by Ivanov and another (in two volumes) approximately thirty years later by Williamson in London. In the United States, Professor Liu [14] synthesizes the relevant results mostly of Chinese and Japanese scholars and makes an interesting reappraisal of these problems (published in 1959). It is impossible to supplement these references to literature with an exhaustive bibliography of works in different learned journals, and my intention is not to discuss, appraise or query the facts and figures in them. All that I would like to stress is the feature which, in my opinion, they usually have in common: an overestimation of the importance of one aspect of Wang An-shih's reform policies — that is, his interest in raising the standard of living of the broad masses of population. From this it is only one step to the assertion that Wang An-shih was the first Chinese "socialist", that his policies are a form of "state socialism" and that his reforms can be compared with the socialist movement in modern ages. Such deductions prove that sometimes even the very basis of socialistic theories is misunderstood. It is true that Wang An-shih's reforms were intended to achieve a rise in the standard of living, especially of the peasants, but it could not be considered to be his ultimate aim (quite apart from the question of the ownership of the means of production and of the exploitation of labour). For him it is only a means towards creating a solid base for increasing the country's stability and power of resistance, which in the 11th century was one of the most important tasks for the Chinese imperial court. In this way we must also interpret the slogan — *fu-kuo ch'iang-ping* [15]; it expresses very clearly the endeavours of the landlords to strengthen their position, but responds as well to the demands of the broad masses to protect the country against invasion.

China at that time was threatened by aggression from the north and the north-west and, at the same time, was economically much weaker than before, nor was the Chinese army any match for the invading armies of Liao [16], Chin [17] or Hsi Hsia [18]. The administrative system was in the hands of the bureaucracy, and the officials and clerks were on the whole very conservative and therefore not keen, in accordance with traditional Chinese concepts, to interfere with the status quo, and even if they were sometimes aware of the imminent danger, they preferred to leave things as they were. And if there is some talk among scholars about influencing the Emperor, it always means (that was even Chu Hsi's [19] opinion) influence in a moral sense and has nothing to do with economics or finance. These were, in the opinion of all Chinese scholars, of secondary importance and beneath the consideration of a perfect *chin-shih* [20].

Sometimes we find another attitude towards Wang An-shih and his policies, *e. g.*, that it was all mere phantasy without any practical importance. But if we consider Wang An-shih as the representative of the forces striving for power in the 11th century and if we pay due respect to the whole economic situation and the contradictions mentioned above, we realise that Wang An-shih surely paid comparatively little attention to the opposition among the officials who had to put his policies and reforms into practice (even if he was to a certain degree aware of it), and that in this respect

he underestimated the rigidity of Chinese society of that time, but his aim was by no means unpractical, quite the contrary. Wang An-Shih was a sober realist and a patriot and he succeeded in proving, among other things, that it is possible to raise the state revenue without increasing the tax-burden.

And we must not forget that Wang An-shih had no alternative possibilities such as increasing the output of minerals or the capacity of heavy industry, as is the case in modern times; all he could do was to try and further agriculture and commerce. He shares the position of the landlord class, but at the same time he knows enough about economic development in general and also understands the way of life and the demands of the broad masses. He plans and acts as a very far-sighted man, he grasps the importance of long-term investments (water conservancy!), he opposes unnecessary expenditure (at court, the transport of grain to the capital, military reforms) — all this testifies to his reforms being carefully prepared and, under the circumstances, on a very solid basis. Their failure is the failure of — to a certain degree — progressive measures, and is due to other reasons than his ability: the general economic situation, the state of productive forces and relations and the possession of the means of production naturally precluded the successful realization of his reforms.

In concluding my few remarks I would like to stress once again that without deep and detailed studies of economic conditions in the period of the Northern Sung it is impossible to understand and to interpret rightly Wang An-shih and his reform policies. If hitherto the works published in European languages could not adequately fulfil this task, because there were too few contributions to this problem, it is to be hoped that now the sinologists, by uniting their efforts, making comprehensive use of new collections of material and paying due attention to all these complex contradictions will help us to understand better and see more distinctly and clearly the greatness and the tragedy of this important period of Chinese history and, we may say without exaggeration, in the history of mankind.

NOTES

1 宋
2 汴梁
3 臨安
4 王安石
5 宋史
6 清
7 蔡上翔
8 年譜
9 蔣介石
10 王安石變法
11 漆俠
12 神宗
13 徽宗
14 劉
15 富國強兵
16 遼
17 金
18 西夏
19 朱熹
20 進士

PAUL RATCHNEVSKY (Berlin): ÜBER DEN MONGOLISCHEN EINFLUß AUF DIE GESETZGEBUNG DER YÜAN-ZEIT

Nach der Eroberung Chinas standen die Mongolen, wie vor ihnen schon die Tabgač, die K'itan und die Jurčen vor der Aufgabe, ein Reich zu verwalten, dessen dualistische Struktur bedingt war durch die Verschiedenheit der wirtschaftlichen und gesellschaftlichen Organisation der Eroberer und der unterworfenen Bevölkerung. Inwieweit der dualistische Charakter der Staatsstruktur in der Rechtsordnung der Yüan-Zeit zum Ausdruck kommt, soll Gegenstand meiner Ausführungen sein.

Die Mongolen, die unter Činggis-khan von der Stammesorganisation zu einer militärischen Organisation übergegangen waren, kannten weder eine Zivilverwaltung noch ein geschriebenes Gesetz. Ansätze zu einer Trennung der Machtbefugnisse gehen jedoch schon auf die Zeiten Činggis-khans zurück. Wie wir in der *Geheimen Geschichte der Mongolen* (§ 203) lesen, wurde Shiki-qutuqu mit der Verteilung des Volkes unter die Mitglieder der kaiserlichen Familie und die verdienstvollen Kampfgefährten Činggis-khans und mit der Behandlung der Gerichtssachen beauftragt. Činggis ordnete an: «Bestrafe die Diebstähle im ganzen Reich und kläre die Betrugsfälle auf! Die, welche den Tod verdient haben, laß töten; die, welche Buße verdient haben, laß Buße leisten!» Die Teilungssachen und die Prozeßsachen sollten in ein Blaubuch eingeschrieben werden und bis in die fernste Nachkommenschaft nicht wieder geändert werden. Leute aus den Nachtwachen wurden bestimmt, um mit Shiki-qutuqu gemeinsam das Verhör vorzunehmen (§ 234). Auch das *Yüanshih* (87, 1a) vermerkt: «Am Anfang der Dynastie gab es noch keinen Verwaltungsstatut. An der Spitze der Verwaltung stand der Richter (*tuanshihkuan*), der *jarγuči* genannt wurde. Er entschied alle Staatsangelegenheiten». Zum ersten Richter in Nordchina wurde unter Ögödei Shiki-qutuqu berufen. Dieses Amt war das angesehenste von allen, und die Zahl der Richter überschritt nicht 1—2 unter den ersten Khanen. Nur Mitglieder der kaiserlichen Familie, des Adels und die höchsten Würdenträger wurden in dieses Amt eingesetzt. Als unter Qubilai eine Zivilverwaltung geschaffen wurde, wurden die Befugnisse der *jarγuči* auf die Rechtsprechung beschränkt. 1265 wurde ihre Zahl auf 10 erhöht, Ende der Regierung Qubilais erreichte sie 46, seit 1342 wurde sie auf 42 festgesetzt. Ihrer Gerichtsbarkeit waren unterstellt: der mongolische Adel und die *aimaq*-Mongolen, die Zentralasiaten (*sömujen*) sowie die Bewohner Nordchinas (*Hanjen*), die sich eines kriminellen Deliktes schuldig gemacht hatten. Auch die Straffälle, die von Beamten begangen wurden, welche sich auf einem Feldzuge in entfernten Ländern befanden, den Kaiser in seinen jährlichen Reisen begleiteten oder abkommandiert waren, um in der Sommerresidenz Shangtu zu überwintern, gehörten zum Bereich ihrer Rechtstätigkeit. Die Unterstellung der chinesischen Bevölkerung der Gerichtsbarkeit von mongolischen Richtern mußte von den Chinesen als ein schwerer Eingriff in die gewohnte chinesische Rechtsordnung empfunden werden, welche die Rechtsprechung den Beamten der Zivilverwaltung zuwies, umsomehr als die *jarγuči* sich in ihren Entscheidungen von mongolischen Rechtsauffassungen leiten ließen und die Akten in mongolischer Sprache abgefaßt waren. Die Chinesen suchten mit allen Mitteln die Rückkehr zu der traditionellen chinesischen Gerichtsverfassung durchzusetzen; sie warfen den *jarγuči* Überschreitung ihrer Machtbefugnisse, Parteilichkeit, Bestechlichkeit, fehlerhafte Entscheidun-

gen usw. vor und erzielten in ihrer Kampagne auch einen Erfolg: 1272 wurden die Chinesen der Gerichtsbarkeit der *jaryuči* entzogen. Ein mongolischer Gerichtshof *tatsung chengfu* wurde geschaffen und seine Kompetenz auf die Behandlung der von Mongolen begangenen Amtsdelikte beschränkt, während die Gerichtsbarkeit über die Chinesen den Zivilbeamten übertragen wurde. In den «Neuen Dekreten der Regierungsperiode *chihyüan*» (*Chihyüan hsinko*) vom Jahr 1291 wurden die Strafbefugnisse der Zivilbeamten wie folgt festgesetzt: die Unterpräfekten waren befugt, Strafen bis zu 57 Stockhieben, die Oberpräfekten bis zu 87, die Kommissariate (*hsüanweise*) und die Kreisbehörden (*tsungkuanfu*) bis zu 107 Stockhieben zu verhängen. Über Verbannungs- und Todesstrafen mußte ein Bericht dem Justizministerium bezw. dem *jaryuči* gemacht werden.

Die Erweiterungen und Beschränkungen der Kompetenz des mongolischen Gerichtshofes, die folgten, spiegeln den Kampf zwischen der prochinesischen und der nationalmongolischen Partei am Hofe wider. Durchgesetzt hat sich aber schließlich doch das Prinzip der gesonderten Gerichtsbarkeit für Mongolen und für die Chinesen. Der § 30 des Yüan-Kodex schreibt vor, daß sich die Rechtstätigkeit des mongolischen Gerichtshofes auf die Behandlung der kriminellen Delikte erstreckt, die von Mitgliedern der vier Leibgarden (*k'iehsie=kešig*) sowie von Fürsten (*chuwang*), Schwiegersöhnen des Kaisers, Mongolen und Zentralasiaten (*sömujen*) begangen wurden, und ein kaiserlicher Erlaß von 1335 verfügt, daß die Mongolen und Zentralasiaten, die für kriminelle Delikte belangt werden, der Gerichtsbarkeit des mongolischen Gerichtshofes, die Nord- und Südchinesen aber der Gerichtsbarkeit der Zivilbehörden unterworfen sind.

Dieselben Kompetenzstreitigkeiten wie für die Mongolen bestanden auch für die verschiedenartigen nationalen, konfessionellen, territorialen und beruflichen Gruppen, die im Yüan-Reich ihre eigenen Verwaltungen hatten und Anspruch auf eine eigene Gerichtsbarkeit erhoben. Die Chinesen waren bestrebt, die Rechtsprechung zu vereinheitlichen und die Strafsachen den Zivilbehörden zuzuweisen. Sie stießen dabei auf einen besonders starken Widerstand von seiten der Militärbehörden. Die Heeresangehörigen waren zum großen Teil Mongolen, welche, wenn sie sich nicht auf einem Feldzug befanden, zusammen mit ihren Familien in Zeltlagern (*cyruq*) oder Kolonien (*t'un*) lebten. Die militärischen Führer waren gewohnt, die unterworfene Bevölkerung nach Kriegsrecht zu behandeln; wie aus den zahlreichen Verboten hervorgeht, mischten sie sich auch nach der Trennung der Zivil- und Militärverwaltung in den Rechtsgang der Zivilbevölkerung ein. Sie waren nicht gesonnen, ihre Machtbefugnisse gegenüber ihren Untergebenen zugunsten der Zivilbehörden abzutreten, jedoch mußten sie sich damit abfinden, daß ihre Rechtsbefugnisse geschmälert wurden. Während eine Verfügung des Kriegsrates (*ch'umiyüan*) noch vorschrieb, daß die schweren Delikte, die von Soldaten verübt wurden, dem mongolischen Gerichtshof, die anderen «verschiedenen» Delikte aber den Heeres- und Lagerverwaltungen überwiesen werden, wurde unter Qubilai die Behandlung der schweren Delikte in die Hände der Zivilbeamten gelegt, die leichten Delikte aber von einem Gerichtskollegium verhandelt, das aus einem Zivil- und einem Militärbeamten gebildet wurde. Auch die Rechtsbefugnisse des apanagierten mongolischen Dienstadels (*t'ouhsia*) wurden im Zuge der allgemeinen Politik der Zentralregierung geschmälert. Laut einem kaiserlichen Erlaß von 1264 wurden die Straf- und Zivilsachen der den apanagierten Mongolen unterstellten Haushalte einem gemischten Gerichtskollegium überwiesen. Ein kaiserlicher Erlaß von 1311 erweitert

aber die Kompetenz der Zivilbeamten auch auf die Strafsachen der den *t'ouhsia* unterstellten Angehörigen des Hilfskorps der *tamači* sowie auf die Rechtsstreite, die diese mit der Zivilbevölkerung führen. Im Absatz 146 des Kodex endlich sind festgelegt, daß die kriminellen Delikte von Treibern und Falknern, Soldaten und Handwerkern, die einer Militärverwaltung, einer mongolischen Lagerverwaltung oder der Salzakziseverwaltung (*yenyünse*) sowie von Personen, die der Verwaltung eines *t'ouhsia* unterstellt sind, den Zivilbeamten überwiesen werden, während die Zivilsachen der Entscheidung der eigenen Verwaltung unterworfen sind.

Mit Ausnahme der Mohammedaner wurde das Privileg der eigenen Gerichtsbarkeit in Zivilsachen auch den Mitgliedern der religiösen Gemeinschaften eingeräumt. Absatz 150 erkennt dieses Privileg den Vorstehern der buddhistischen Klöster und den buddhistischen Verwaltungen und ein kaiserlicher Erlaß von 1317 — den taoistischen Äbten zu. Das Verbot vom Jahr 1311, das den *kaḍi* jede rechtsprecherische Tätigkeit in Straf- und Zivilsachen untersagt, steht wohl in Zusammenhang mit dem Übertritt der Westkhane zum Islam und der darauffolgenden Änderung der Politik der mongolischen Khane in China gegenüber den Mohammedanern im allgemeinen. Jedenfalls erklärt auch der Absatz 149 des Kodex, daß allein der Zivilbeamte für die Straf- und Zivilsachen der Mohammedaner zuständig ist.

Im Falle daß die streitführenden Parteien der Gerichtsbarkeit verschiedener Gerichte unterworfen waren, wurde die Sache einem Kollegium (*yohui*) überwiesen, das aus dem Zivilbeamten und dem Vertreter der eigenen Verwaltung gebildet wurde. Ein solches Verfahren wird außer den im Absatz 146 sowie 150 angeführten Personengruppen auch für Mediziner, Musikanten und Salzarbeiter, die untereinander oder mit Zivilpersonen einen Rechtsstreit haben, angeordnet. Zwar kommen auch in dieser Frage Abweichungen von der allgemeinen Regel vor. Absatz 148 des Kodex schreibt z. B. vor, daß Streitfälle zwischen Mitgliedern verschiedener Konfessionen der Entscheidung eines Kollegiums obliegen, das aus Vertretern der betreffenden kirchlichen Verwaltungen gebildet ist, während laut einer Regelung vom Jahr 1313 der Zivilbeamte für Rechtsstreite zwischen Buddhisten und Taoisten zuständig ist und nach einer Verfügung von 1328 die Prozesse zwischen Nordchinesen, Mongolen und Zentralasiaten an die Zivilbehörden und das Justizministerium überwiesen werden. Das Prinzip der Rechtsprechung durch ein gemischtes Kollegium bleibt aber die Regel.

Trotz der Bestrebungen der Chinesen, eine einheitliche chinesische Rechtsprechung durchzusetzen, hat die Gerichtsverfassung unter den Yüan den Nationalitäten, Konfessionen, Ständen und insbesondere den mongolischen Richtern weitgehende Befugnisse eingeräumt, Recht zu sprechen. Unter diesen Umständen erhebt sich die Frage, ob die in den überlieferten Gesetzeswerken der Yüan-Zeit enthaltenen Rechtsnormen einen allgemeingültigen Charakter hatten oder ein Sonderrecht darstellten und ob sie chinesisches oder mongolisches Recht verkörperten.

Popow (*Яса Чингис-хана и уложение монгольской династии Юань-чао-дянь-чжао*) und mit einigen Vorbehalten auch Rjasanowskij (*Обычное право монгольских племен*, 22; *Монгольское право*, *124*) haben die Ansicht vertreten, daß das *Yüan tienchang* ein solches Sonderrecht für die Mongolei darstelle, obwohl die in ihm enthaltenen Vorschriften chinesisches Recht beinhalten. Diese Ansicht ist auf Grund einer Reihe von Irrtümern entstanden, auf die ich hier nicht eingehen werde. Ich begnüge mich mit der Feststellung, daß das *Yüan tienchang* ebenso wie die anderen Gesetzessammlun-

gen und auch der Kodex der Yüan kein Sonderrecht enthalten, wenn auch einzelne Vorschriften sich mit nichtchinesischen Verhältnissen befassen.

Komplizierter ist die Frage, ob die Rechtsvorschriften und Normen auch bindend für die nichtchinesische Bevölkerung und insbesondere für die Mongolen waren. Da die Gerichtsverfassung der Yüan-Zeit, wie wir gesehen haben, zwischen Zivil- und Strafsachen unterscheidet, soll die Frage für beide gesondert untersucht werden.

Die Rechtsprechung in Sachen zivilen Charakters lag in den Händen der eigenen Vorgesetzten, falls es sich um Mongolen, Zentralasiaten, Mitglieder einer religiösen Gemeinschaft usw. handelte; es ist anzunehmen, daß die rechtsprechenden Organe sich in ihren Entscheidungen von Rechtsauffassungen leiten ließen, die dem nationalen Gewohnheitsrecht entsprachen. Die Institution des gemischten Gerichtskollegiums (*yohui*) hatte sicherlich auch vornehmlich den Zweck, Entscheidungen zu verhüten, die gegen die nationalen Rechtsgepflogenheiten und das Rechtsempfinden der Parteien verstießen. Was die übrige Bevölkerung anlangt, die der Gerichtsbarkeit der Zivilbeamten unterstand, so wurden die Rechtshändel nach chinesischem Recht entschieden. Wenn eine Vorschrift im Widerspruch zu den Sitten und Bräuchen der nichtchinesischen Bevölkerung steht, wird in gewissen Fällen ausdrücklich vermerkt, daß sie nur für die Chinesen bestimmt ist. So erklärt z. B. der Gesetzgeber, daß das Verbot, nach dem Tode des Vaters oder des älteren Bruders dessen Beifrauen zu nehmen, nur für die Nord- und Südchinesen gilt, ebenso, daß die Vorschriften für die Eheschließung sich nicht auf die Mongolen erstrecken.

Im Gegensatz zu den Vorschriften, die das zivile Rechtsleben regelten, hatte sich in bezug auf die kriminellen Delikte das Prinzip einer einheitlichen Gerichtsbarkeit und somit einer einheitlichen Rechtsprechung durchgesetzt. Der Gesetzgeber hatte also nicht nur Rechtsfälle zu behandeln, die charakteristisch für eine seßhafte Stadt- und Landbevölkerung, sondern auch solche, die spezifisch für das Leben nomadisierender Viehzüchter sind.

Das Rechtsleben der Mongolen wurde durch das Gewohnheitsrecht bestimmt. Zwar soll Činggis-khan nach einer späten mongolischen Überlieferung, die im *Činda mani-yin erike* erhalten ist, nach der Besetzung Nordchinas chinesische Gelehrte zu sich gerufen und mit der Abfassung eines Gesetzbuches beauftragt haben, um «die Ruhe bei allen Untertanen» zu sichern; nach Beendigung des Werkes soll er sogar die Absicht geäußert haben, auch für das «große Volk» (also die Mongolen) Gesetze nach chinesischem Vorbild anfertigen zu lassen, und im *Yüan tienchang* finden sich Verweise auf «Veröffentlichte mongolische Gesetze (*li*)», doch konnte mongolisches Recht, welches das unkomplizierte wirtschaftliche und gesellschaftliche Leben von Viehzüchtern regelte, nicht auf chinesische Verhältnisse übertragen werden. Jedenfalls geht aus den chinesischen Quellen hervor, daß die Mongolen nach der Eroberung Nordchinas sich auf das Gesetzbuch der gestürzten Dynastie der Kin gestützt haben und daß dieses Gesetzbuch erst 1271 außer Kraft gesetzt wurde. Das neue Recht, das durch Dekrete (*t'iaoko*) geschaffen wurde, stellte Rechtsnormen dar, welche durch die Bedürfnisse des Tages oder durch das Auftauchen eines einzelnen bestimmten Rechtsfalles angeregt wurden. Da 1272 die rechtsprecherische Tätigkeit der mongolischen Richter auf die Mongolen beschränkt worden war, drückten die neuen Rechtsnormen zum größten Teil die traditionellen chinesischen Rechtsauffassungen aus. So wird auch die Sammlung der neuen Dekrete, die 1291 unter dem Titel *Chihyüan hsinko* veröffentlicht wurde,

von einem Chinesen — Ho Jungtsu — zusammengestellt. Trotzdem die Chinesen den maßgebenden Anteil an gesetzgeberischen Schöpfungen der Yüan-Zeit hatten, war durch die dualistische Struktur des Staates und der Rechtsprechung ihr heterogener Charakter bedingt. So wurden von chinesischer Seite immer wieder Eingaben an den Thron gerichtet, die die Veröffentlichung eines Kodex beantragten, um eine einheitliche Rechtsprechung zu gewährleisten. Die Entwürfe, die von den Chinesen unterbreitet wurden, fanden aber nicht die Billigung der Khane, weil sie der chinesischen Tradition zu streng folgten. «Was in der Vergangenheit gut war, braucht in der Gegenwart nicht gut zu sein. Man halte sich nur an das, was sich für die Gegenwart eignet», erklärt der Khan Temür.

In der Tat finden wir in den Rechtsnormen der Yüan-Zeit Institutionen, die dem chinesischen Recht fremd sind und deren mongolischer Ursprung unbestreitbar ist. Eine solche Institution ist die Buße, die bei den Mongolen in Form einer Viehstrafe geleistet wurde und in Einheiten von neun Stück Vieh (mong. *isu*) gemessen wurde. Die Buße, die ursprünglich eine Sühneleistung war mit dem Zweck, die Privatrache abzulösen, ist charakteristisch für die nomadisierenden Viehzüchter, und schon im Buch *Weishu* des *Sankuo chih* vermerkt der chinesische Chronist, daß die Wuhuan sich mit Rindern und Schafen von der Strafe loskauften. Wir haben gesehen, daß in der *Geheimen Geschichte der Mongolen* (§ 203) die Buße neben der Todesstrafe erwähnt wird. Die im *Yüan tienchang* enthaltenen Vorschriften über die Ahndung des Viehdiebstahls berufen sich ausdrücklich auf das mongolische Recht: falls der Dieb nicht imstande ist, die Viehstrafe *isu* zu leisten, werden als Ersatz sein Vermögen, Besitz, Kinder, Frau und Diener eingezogen. Wie der Araber Ibn Baṭṭutah bezeugt, galten dieselben Vorschriften auch bei den Mongolen in Kipčak Anfang des 14. Jahrhunderts.

Die Viehstrafe setzt den Besitz von Herden voraus und ist für Verhältnisse der in der Steppe nomadisierenden Viehzüchter gedacht. Diese Voraussetzung und diese Verhältnisse waren bei den Chinesen nicht gegeben.

Trotzdem wird durch kaiserliche Entscheidung vom Jahr 1292 verfügt, daß die mongolischen Strafvorschriften für Viehdiebstahl auch auf Chinesen anwendbar sind. Sie erstrecken sich ebenfalls auf den Diebstahl von Tieren, die, wie die Esel und Schweine, in der Mongolei nicht vorkommen, für die chinesischen Wirtschaften aber charakteristisch sind. Die Viehstrafe wurde noch in den Kodex aufgenommen, wenn sie auch dort nur als Zusatzstrafe neben den traditionellen chinesischen Strafen für Diebstahl, d. h. Stockhiebe, Zwangsarbeit, Brandmarkung, erscheint.

Der Diebstahl von anderem Gut als dem Vieh spielt im Leben der Nomaden keine bedeutende Rolle. Die Strafvorschriften der Yüan-Zeit folgen deshalb der chinesischen Tradition: der Dieb hat laut Absatz 567 des Kodex das Diebesgut zu ersetzen und eine Entschädigung in Höhe des doppelten Wertes in Papiergeld zu leisten, die Mongolen und die Frauen werden von der Brandmarkung befreit.

Tötungsdelikte betreffen in gleichem Maße Mongolen wie Chinesen. Der Gesetzgeber geht ein Kompromiß ein. Das Prinzip der Buße wird von dem mongolischen Recht übernommen, die Form aber den chinesischen Verhältnissen angepaßt. Die Buße wird als Entschädigung für die Bestattungskosten (*shaomaits'ien*) erhoben, und zwar nicht in Vieh, sondern in Silber und später in Papiergeld. Ein kaiserlicher Erlaß von 1265 schreibt vor: «Hat jemand einen Menschen getötet, so wird, selbst wenn er mit seinem

Leben die Tat gesühnt hat, noch ein Bestattungsgeld in Höhe von 50 *liang* in Silber eingezogen. Falls die Todesstrafe auf Grund einer Amnestie erlassen wurde, wird die Buße verdoppelt.»

Aufschlußreich für die mongolische Rechtsauffassung ist ein kaiserlicher Erlaß vom Jahr 1283, der eine neue Regelung der Bußeleistung festlegt. Es heißt darin: «Die für die Bestattungskosten festgesetzte Summe von zwei *ting* in Papiergeld ist zu leicht. Nach der mongolischen allgemeinen Regel nimmt man die Kinder des Täters weg. Wenn der Täter Kinder hat, soll er die Kinder geben. Wenn er keine Kinder hat, soll er vier *ting* in Papiergeld geben». Im Gegensatz dazu suchen die chinesischen Instanzen, die Ausführungsbestimmungen zu mildern. Die Tilgung der Geldbuße wird durch Arbeitsleistung im öffentlichen oder privaten Dienst zugelassen. Durch eine Entscheidung der Staatskanzlei von 1270 wird die Buße erlassen, falls der Täter weder Besitz noch Familie hat und, laut Absatz 911 des Kodex, falls das Opfer keine Verwandten hat, die Anspruch auf die Buße haben (*k'uchu*).

Das Vermögen, der Besitz und die Menschen, die dem Täter gehörten, kommen in diesem Falle der Frau und den Kindern zu. Schließlich schreibt der Absatz 916 des Kodex vor, daß der Staat für die Bestattungskosten aufkommt, falls es nicht möglich ist, die Summe von der Familie des Täters einzuziehen.

Die Änderungen in der Gerichtsverfassung und die Institution der Buße zeigen, wie während der Yüan-Zeit mongolische und chinesische Rechtsauffassungen aufeinander stießen und zu Schwankungen in den Rechtsnormen führten. Der mongolische Einfluß läßt sich noch in anderen Institutionen des Straf- und selbst des Zivilrechtes nachweisen, er erstreckt sich nicht allein auf das Rechtsleben der Yüan-Zeit. Die Theorie von dem raschen Sinisierungsprozeß der fremden Eroberer in China sollte einer Überprüfung unterzogen werden.

TATSURO YAMAMOTO (*Tokyo*): RECENT STUDIES ON CHÜN-T'IEN LAND ALLOTMENT SYSTEM

This paper deals with the studies of *chün-t'ien* 均田 land allotment system, based upon the Chinese MSS found in Tun-huang and Turfan area, and carried out by Japanese scholars: Messrs Sudō, Niida, Nishijima, Nishimura, A. Ikeda, Hori K. Naitō and myself. Although these kinds of materials have been studied in the last 50 years, the researches were accelerated since 1953 thanks to two new facilities. The first is the microfilming of all Stein MSS kept in the British Museum and the India Office Library; the second is the transfer of the Ōtani Central Asian MSS from the Buddhist Honganji Treasure House to the Ryūkoku University for study.

Among various topics derived from these Stein and Ōtani MSS, along with some Pelliot MSS of the Bibliothèque Nationale, the *chün-t'ien* problem attracted the keenest attention of historians in the last few years. The system of *chün-t'ien* ('equal land' or 'balanced land'), which is of capital importance in the economic and legal history of East Asia, began in the Northern Wei around 485 A. D. and ended in the T'ang in the middle of the VIIIth century. As far as our studies are confined to the compiled texts such as dynastic histories, a problem still remains as to how far the governmental regulations were practically observed. The Chinese documents found in Tun-

huang and Turfan area bring to light various aspects of this *chün-t'ien* system in action. Three categories of documents are to be studied here.

1. The Tun-huang MS 613 of the Stein collection. This scroll consists of 17 documents which can be divided into two distinct groups. One is a detailed description of each individual family: name and age of its members, items and amount of tax levied in kind, lands in possession, amount of land to be distributed, etc. The other is classified tables and sum totals of land, tax and corvée concerning 33 families. The rearrangement of these documents, formerly in disorder, and the investigation of the contents show that the two groups were originally two different parts of one record. Appearance of land and tax for slave and cattle is especially noteworthy. There is no date, but it is identified to be 547 A. D. My interpretation is that this MS is a *chi-chang*, the annual record for tax and corvée which originated in the reform act of Su Ch'o 蘇綽 of the Western Wei dynasty. The land allotment is clearly stated, and this is the oldest and the most detailed record ever known of the *chün-t'ien* system in action.

2. Documents of the second category were all found in the tombs near Turfan by the Ōtani expedition, and date from about 741 A. D. The following three types are included. (A) *Ch'üeh-t'ien* ('deficient land') documents. This is a written application for grant of land which a village headman submitted to his district magistrate, enumerating deficient areas in respect of persons whose respective lands did not come up to the standard extent which the government had decided each person was entitled to. (B) *Chi-t'ien* ('granted land') documents. This type is a list of lands with entries in different calligraphy denoting that "this land is granted to such a person". (C) *T'ui-t'ien* ('returned land') documents. This is a list of returned land: the land once distributed and then returned to the state. The lands are enumerated lot by lot, and the name of the former possessor is shown. The compilation of these three types of documents means that land was actually granted and returned, according to the statute of the *chün-t'ien* system, in this remote Turfan area.

3. Documents of the third category show us the cultivator and crops of the land during the period of the *chün-t'ien* system. These are also Ōtani MSS of the late VIIth and the early VIIIth centuries. In this case *yen-t'ou* (headman of dam or sluice) of the local irrigation system played an important role, and he was obliged to present to the district officials a report describing the circumstances of land under his control. The tenant farming by *tien-jên* 佃人 appears frequently. The study of the whole of the documents of this kind proves that when we compare the area of land cultivated by landowners themselves with that by *tien-jên*, the latter is by far larger than the former, both as to the number of persons and the area under cultivation. Although the status of *tien-jên* is still to be studied, the cultivation by *tien-jên* was already in full operation in this period of Empress Wu of the T'ang dynasty. The percentage of the government lands was relatively large in the Turfan area, and most of them were tenanted by farmers or slaves.

Besides the above stated documents of three categories, there are several materials connected with the *chün-t'ien* system, showing different phases of its change.

10 августа, утреннее заседание
Председатель Л. Каррингтон Гудрич (*Нью-Йорк*)

L. W. SIMONOVSKAÏA (*Moscou*): DEUX TENDANCES DANS LA SOCIÉTÉ FÉODALE DE LA CHINE DE LA BASSE PÉRIODE

La science historique a obtenu de nos jours de grands succès dans les recherches sur les particularités de la basse féodalité en Chine. Mais, selon nous, une étude fructueuse ultérieure des problèmes essentiels de cette période exige qu'il soit tenu compte de la lutte de deux tendances opposées qui s'étaient manifestées dans le développement économique du pays, dans sa vie politique, dans son art, dans le domaine de l'idéologie, dans les violentes luttes de classe.

Quelques puissants que fussent encore les rapports féodaux et quelque active que fût l'action de la superstructure féodale, la société chinoise des XVe—XVIIIe siècles, dont les forces productrices avaient alors atteint un niveau relativement élevé, voyait se manifester les signes essentiels de ce qu'on a convenu d'appeler «l'accumulation initiale», qui trouvait une expression concrète dans le processus historique de la séparation du producteur et des moyens de production.

La ruine des petits producteurs prit une envergure particulière à la campagne. Les propriétaires *de facto* de la terre nationale, les paysans, qui avaient reçu leurs lopins à l'issue de la guerre des paysans contre les Mongols perdirent leurs terres dès la première moitié du XVIe siècle. Au milieu du XVIIe, ils reprirent provisoirement leurs biens pour se voir, au XVIIIe siècle, de nouveau soumettre à une spoliation suffisamment intensive, qui se renforça particulièrement à la fin du XVIIIe siècle.

Deux tendances opposées présidaient aux processus mêmes de l'expropriation des terres.

L'une d'elles, qui reflétait un courant progressiste au sein de la société féodale de la Chine, s'exprimait par le fait que les ex-propriétés paysannes de terre nationale passaient aux personnes privées, au moyen d'une expropriation directe, d'un achat, à l'issue d'un endettement ou par contrefaçon des listes cadastrales. Selon les sources de l'époque Ming, les terres nationales ne représentaient au début du XVIe siècle qu'une septième des terres privées [1]. Les différents procédés d'expropriation étaient favorisés par l'absence dans la question de la terre d'une ligne bien définie entre les notions de propriété d'État et propriété privée, et par le manque de clarté dans la législation même étant en vigueur et aussi par l'incroyable confusion des écrits.

Les nouveaux tenanciers des terres étaient soit des propriétaires locaux, possédant des titres mais dénués de terre, soit des fonctionnaires civils et militaires, soit des usuriers et des marchands, soit encore des représentants de la notabilité rurale (*haokia* et *foumin*). Un document officiel rappelle que les terres «sont passées par duperie aux mains des gens rusés. . .» [2]. On sait même à propos des terres appartenant aux colonies militaires que des hauts-gradés s'en sont emparés, des riches, des personnages influents, qu'elles ont été «saisies par les eunuques, les fonctionnaires militaires, et tout le système s'est définitivement désagrégé» [3]. Parmi les nouveaux tenanciers on trouve de très gros propriétaires. Ainsi, les riches marchands qui habitaient les côtes du Koangtong et de Foukien et menaient

un commerce maritime, possédaient de vastes territoires. Dans le Tchekiang, certains propriétaires possédaient près de la moitié du district. Mais la propriété foncière privée gardait le plus souvent un caractère de petite et moyenne propriété.

Evitant de créer des économie centralisées, les nouveaux propriétaires jugeaient d'un plus grand profit de céder la terre en métairie aux paysans, établissaient de nouveaux délais et conditions de métayage, ruinant et chassant les paysans établis de tout temps sur leur sol. Il n'est pas étonnant de voir les documents de l'époque foisonner de plaintes sur la «perte» et la fuite, la vie «insupportable» des travailleurs de la terre.

S'efforçant d'augmenter leurs profits, les nouveaux tenanciers de la terre cherchaient souvent à adapter leur propriété aux intérêts du marché et à renforcer leur liaison avec celui-ci. Ils introduisaient une certaine spécialisation, ce qui est particulièrement visible dans les propriétés situées à proximité des villes. Devant l'extension des cotonnades dans le pays, ces propriétés tentaient de se spécialiser dans la culture cotonnière, d'autres cultivaient les légumes, les fruits, les fleurs, élevaient le poisson dans des réservoirs d'eau, etc. . .[4] Par endroits, les cultures techniques commençaient à supplanter les céréales. Reflétant ce phénomène, les rapports locaux contiennent des plaintes sur le fait que d'excellentes terres à labour sont utilisées inconsidérément et ne fournissent plus à la population le blé et autres produits alimentaires.

Les propriétés privées utilisaient dans une certaine mesure le travail salarié des journaliers. Les documents officiaux eux-mêmes, avec lesquels les historiens ont le plus souvent à faire, conservent des indications sur l'engagement des journaliers pour l'accomplissement de corvées publiques [5]. De nombreuses données attestent l'extension des rapports monétaires à la campagne, y compris les réformes d'État visant à remplacer l'impôt naturel et les corvées par un impôt en espèces [6].

L'autre tendance, qui exprimait les efforts déployés pour affermir la position des féodaux, conserver les rapports féodaux en leur forme immuable, se concrétisait dans le saisie de vastes superficies terriennes effectuées par les membres de la famille impériale et les empereurs eux-mêmes, par les plus grands féodaux, les hauts dignitaires influents. L'expropriation s'effectuait en vertu des édits impériaux, de récompenses ou de donations. Juridiquement, ces actes concernaient les terres qui au début du règne de la dynastie étaient considérées comme terres d'État, mais pratiquement, toute terre pouvait être incorporée dans la propriété *houangtchouang*, *wangfou*, *koungtchou*, *kouokoung*, c'est-à-dire domaine impérial, propriété des princes, des princesses, etc. La dimension de ces domaines était toujours considérable et parfois elle atteignait plusieurs milliers sinon des millions de *mou*. «L'absorption» de la terre par une poignée de personnages puissants dans le pays prit une grande envergure. Mais sur les terres appropriées par les féodaux régnaient l'ordre féodal, le travail forcé, et l'économie naturelle y demeurait à son état premier. Le féodal y faisait figure de maître de la terre, de la vie et des biens des paysans et des petits propriétaires ou des personnes sensiblement moins puissantes que lui-même. Mais dans ces domaines également le féodal pouvait chasser les paysans-métayers et les petits propriétaires dont le maintien ne lui était pas profitable. Cette expulsion revêtait souvent les formes les plus brutales et s'accompagnait de la confiscation des biens et d'arrestations.

Cette double offensive contre les paysans eut pour résultat de priver de terre la masse essentielle des producteurs, de leur faire perdre leurs pro-

priétés, de causer la mort d'un grand nombre de personnes. Décrivant dans les tons les plus sombres la situation des paysans, leur ruine, leur vagabondage forcé, leur mendicité et leur mort [7], les historiens ne soufflent mot de la capture des fugitifs. Une simple confrontation avec l'histoire de l'époque T'ang, remplie d'édits sur la capture des fugitifs, montre que le désir de se débarasser des anciens tenanciers était devenu la préoccupation majeure des propriétaires fonciers. La réduction du chiffre de la population sous les Ming [8] par rapport à l'époque T'ang vient également confirmer la supposition que de nombreux paysans n'avaient pas été insérés dans les listes de recensement vu qu'ils étaient métayers des terres appartenant à des personnes privées.

La collision des deux tendances se mit en évidence dans la production industrielle et dans le commerce. En ville, où le développement de la technique progressait plus vite, apparurent de nouveaux types de productions telles que la filature des cotonnades, l'industrie du verre; l'art de la construction obtint de nouveaux succès, ainsi que les branches attenantes; l'imprimerie s'étendit, l'industrie des objets de luxe et d'art artisanal s'éleva à un niveau encore plus haut. L'industrie du fer fit un certain progrès. Des milliers de personnes en divers points du territoire travaillaient à l'extraction du minerai, à la filature, à l'industrie de la porcelaine. Parfois les habitants d'un quartier entier de la ville ou de la banlieue travaillaient à la filature [9].

Ces dernières années les investigateurs chinois ont recueilli une documentation considérable et fort précieuse sur l'artisanat, les grands ateliers et les manufactures capitalistes des XVIe et XVIIe siècles, qui apparurent dans les régions économiquement plus développées. Les entreprises du type manufacture se formaient à l'aide des ressources des maîtres artisans (propriétaires des métiers de tisserand), marchands, anciens fonctionnaires, propriétaires fonciers. Certaines entreprises étaient ouvertes par des compagnies commerciales et usurières (banques); les compagnies contractaient des accords mentionnant le montant des participations et la répartition des bénéfices.

Il existe de nombreux témoignages sur l'engagement de la main-d'œuvre dans les industries du fer, de la filature, de la porcelaine et autres. «Les travailleurs travaillent dans l'intérêt des commerçants et en reçoivent un salaire»[10]. Cependant c'est une main-d'œuvre qualifiée que l'on rencontre principalement sur le marché du travail. De nombreux maîtres artisans descendaient dès le matin dans les rues des grandes villes, s'installaient aux endroits réservés à chaque spécialité et attendaient jusqu'à ce qu'il se trouve un entrepreneur qui vienne les embaucher. En cas de fermeture des ateliers des milliers d'ouvriers restaient sans moyen de subsistance.

La différenciation du travail en Chine est apparue assez tôt, mais dans les manufactures le processus de la division du travail atteignit une grande spécialisation et l'atelier semblable se transformait en ouvrier collectif. On sait, par exemple, qu'un vase de porcelaine devait passer dans les mains de 50 à 60 ouvriers avant d'atteindre sa forme définitive, ainsi que 72 mains différentes maniaient la feuille de papier au cours de sa fabrication. Les ateliers eux-mêmes étaient fortement spécialisés.

Les manufactures comme les artisans travaillaient pour le marché. Dans les conditions du développement des rapports monétaires et commerciaux, le marché faisait preuve d'une certaine capacité.

La division territoriale du travail jouait à l'époque un rôle bien défini. Les marchands achetaient le coton dans les régions situées au nord

du Houangho et le transportaient dans les principaux centres de filatures sur le Yangtsekiang. A Chensi-Kansou, ils achetaient la laine et les lainages et y amenaient la soie, le riz et le thé. Les peintures sur soie exécutées à Hangtcheou étaient vendues dans tout le pays; des sortes particulières de soieries extra étaient fabriquées par les tisserands de Songkiang et de Hangtcheou, Soutcheou et Nanking, «tout le pays les portait». Le fer de Koangtong qui était considéré le meilleur, le papier et l'encre de Chine qui faisaient la gloire de la province d'Nganhoei, les articles en métaux de Chansi, etc. . . participaient à un vaste courant d'échange. On assistait à l'établissement d'un marché commun au pays.

Le marché extérieur également jouait un rôle sensible dans le développement de la production artisanale et manufacturée. Les compagnies commerciales chinoises exportaient les produits finis des manufactures et ateliers artisanaux nationaux vers les pays des mers du sud, en y achetant de précieuses matières premières. Ils vendaient non seulement des soieries, de la faïence, des laques mais également des monnaies qui avaient dans le sud une plus grande valeur que dans la Chine même. La production des manufactures apparut fonctionnant principalement sur la base du grand commerce maritime et terrestre.

Mais le règne de l'ordre féodale faisait obstacle au développement de la manufacture, à l'initiative de l'entreprise et du commerce. La politique fiscale de l'État obligeait les paysans à travailler dans des filatures et d'autres genres d'industries artisanales, ce qui freinait la séparation de l'artisanat et de l'agriculture et soutenait artificiellement le caractère naturel de l'économie. De plus, le système fiscal incorporait tous «ayant une occupation», et pas un seul marchand, pas un seul patron d'une grosse manufacture ou un simple ouvrier, pas un seul ouvrier à domicile ne pouvait se soustraire à la nécessité d'exécuter les corvées, de payer les impôts. Tous les types d'activité étaient strictement recensés, les hommes étaient inscrits sur les listes correspondantes, inclus dans des organisations urbaines de caractère professionnel et corporatif, pour la plupart extrêmement reservées et jouant le rôle de contrôle, de réglementation et accomplissant aussi des fonctions fiscales. Les représentants de l'appareil bureaucratique intervenaient constamment dans l'activité des compagnies marchandes et des entreprises. Les entreprises publiques également causaient un tort sensible à l'entreprise privée. Ils utilisaient le travail forcé des paysans et artisans ne faisant appel que partiellement aux ouvriers qualifiés. Fournissant gratuitement aux grands féodaux, à la cour et au monde des fonctionnaires les articles de leur production de qualité, ils contribuaient à la réduction du marché. Au-delà de la Chine, sur le marché extérieur, ils jouissaient de tous les privilèges dont un État féodal était capable de faire profiter le commerce public.

Des formes particulières de monopole d'État limitaient, dans le domaine des industries du minerai et du fer, l'extraction du minerai, augmentant considérablement le prix des articles en métaux, exerçant une influence profondément néfaste sur l'extension de l'économie du pays [11]. L'entreprise privée et l'entreprise publique, s'entrelaçaient étroitement, ce qui jouait également un rôle de frein. On sait, par exemple, qu'à Kingtetchenn les fours appartenant à des personnes privées voisinaient avec les fours de l'État et que dans ces derniers les ouvriers mettaient une certaine quantité de minerai qui était considérée leur propriété [12].

La confusion de la production privée et celle de l'État, le rapprochement des entrepreneurs et des fonctionnaires faisaient obstacle au développement de la bourgeoisie en tant que classe.

Les barrières douanières disséminées dans tout le pays, souvent contrôlées par les agents des favoris impériaux freinaient le libre développement du commerce et la formation d'un marché national. Le précurseur du prolétariat, tout comme la bourgeoisie naissante, rencontraient de sérieux obstacles sur la voie de leur développement. La perte des colonies commerciales des pays des mers du sud après les grandes découvertes géographiques, les dures guerres défensives et les nombreuses victimes qui y étaient liées, l'augmentation des impôts, l'appauvrissement général du pays, tout cela faisait obstacle à la formation de classes nouvelles, retardait l'extension de l'industrie et du commerce.

La lutte de ces tendances contradictoires laissa son empreinte sur la vie politique de la Chine. Le pouvoir impérial et l'aristocratie féodale utilisant leur puissant appareil de fonctionnaires, l'armée, les tribunaux, les organes spéciaux du contrôle et de surveillance, appliquant des peines sévères s'efforçaient d'écraser toute manifestation de l'esprit nouveau et de conserver leurs droits et privilèges. Un système bureaucratique développé, en commençant par les organismes centraux supérieurs et jusqu'à les organisations par 110 et par 10 foyers dans les campagnes [13] et les unions du type guilde professionnelle dans les villes, leur assurait dans une grande mesure cette possibilité. Non seulement la structure de l'Empire chinois ne se modifia pas dans le sens de la création d'organes représentatifs des diverses couches sociales, mais, bien au contraire, on assiste vers la fin du XVe, au XVIe et dans les premières décades du XVIIe siècles à la venue réitérée au pouvoir des groupements les plus réactionnaires, liés aux grands féodaux, aux cliques de palais, au monde des harems. Les favoris atteignent la toute puissance, piétinant les éléments du droit féodal déjà insignifiant par lui-même.

Les intérêts des groupes sociaux progressistes entrent en conflit direct avec l'ordre féodal de l'empire Ming. Au XVIe siècle une atmosphère d'opposition peut être constatée dans les rapports que les inspecteurs adressaient directement à l'empereur. Nombre de ces rapports étaient dirigés, quant au fond, contre le despotisme et l'arbitraire des favoris, la vente des fonctions publiques, la corruption des administrations publiques. Ces rapports exigeaient la révision d'une législation tombée en désuétude, la fermeture des entreprises d'État, la suppression des monopoles d'État sur l'extraction du minerai et le travail des métaux. Les auteurs de ces rapports s'efforçaient d'obtenir l'activisation de la politique extérieure, la réorganisation de l'armée, exigeaient de l'empereur qu'il s'occupât lui-même des affaires de l'État. Le gouvernement répondit par des mesures de terreur outrancière [14], et malgré tout, on note à la fin du XVIe et au début du XVIIe siècles un renforcement des éléments progressistes. Durant le gouvernement du *tsaihiang* Tchang Tsiou-tcheng on assiste à certaines réformes de l'appareil, à la suppression des dettes par arrérages du peuple, les corvées en nature sont remplacées par un impôt en espèce. Des exigences encore plus vastes sont formulées par l'organisation politique Tounglin. Certains adeptes du Tounglin réussirent à donner vie à une partie de leurs plans [15].

Mais dans les années vingt du XVIIe siècle les grands féodaux parvinrent à écraser cette organisation et à mettre le pouvoir aux mains d'un nouveau favori.

Les tendances progressistes trouvèrent leur expression dans la critique de la toute-puissante idéologie de Tchou Hi, du système d'enseignement scolastique et de l'art officiel. Les auteurs de drames et de romans critiquaient l'ordre féodal et les mœurs féodales. Les savants étudiaient les sciences naturelles, bien que le système d'éducation officiel excluât cette branche du domaine de la connaissance. Le milieu du XVIIe siècle fut riche en éminents travaux des premiers civilisateurs [16], philosophes matérialistes, sociologues chinois qui formulèrent et justifièrent théoriquement les exigences du partage des terres et d'une jouissance égalitaire des biens. Les idées progressistes se propageaient ouvertement ou dans une forme voilée dans des écrits qui étaient lancés en grande quantité sur le marché du livre par d'innombrables éditeurs privés.

Dans leur forme la plus aiguë, les deux tendances se heurtèrent pendant les révoltes citadines et paysannes, au cour de la guerre des paysans, dans la lutte contre le camp des féodaux mandchous et chinois. Des révoltes citadines éclataient en divers points. Les initiateurs en étaient les ouvriers de la filature de Soutcheou, les travailleurs de l'industrie de la porcelaine de Kingtetchenn, les mineurs de Yunnan, de Kingtcheou et des régions voisines de Pékin. Des manifestations eurent lieu à Hank'eou et Siayang. Entrepreneurs et marchands organisaient des grèves originales contre certaines mesures du gouvernement. Plus fréquentes encore étaient les révoltes des paysans, les révoltes des sociétés religieuses secrètes telle que la révolte du Lotus blanc [17]. Le gouvernement répondait par de cruelles répressions, par l'envoi de détachements punitifs, le renforcement du système de terreur sanglante et d'espionnage.

Mais ces mesures s'avérèrent impuissantes lorsque éclata la grande guerre des paysans qui s'étendit à la plupart du pays et se poursuivit pendant de longues années. Dans le feu de cette guerre paysans et citadins formulèrent des mots d'ordre tels que le partage égalitaire de la terre et des biens, la suppression ou la réduction sensible des impôts [18], l'abdication de la monarchie Ming. Les révoltés luttaient contre l'ennemi principal, les dirigeants féodaux [19], mais promettaient tranquillité et sécurité absolues aux paysans, commerçants, à tous les citadins, aux savants. Parmi les citadins ils distinguaient trois couches différentes [20], envers lesquelles ils se comportaient différemment. Respect de la discipline, respect du travail d'autrui, puritanisme des mœurs devinrent la loi de tous y compris les chefs du mouvement [21].

La classe des féodaux mobilisa contre le peuple révolté toutes ses forces et moyens et conclut un pacte avec l'adversaire militaire de la Chine, les féodaux mandchous. Ce sont les participants de la guerre des paysans — paysans, citadins, adeptes du groupement politique Tounglin, intellectuels — qui furent les combattants les plus décidés du camp anti-mandchou.

Le milieu du XVIIe siècle fut l'époque d'un grand épanouissement culturel, à l'origine duquel se trouvait la victoire provisoire de la guerre des paysans, le partage de la terre par les paysans et le grand enthousiasme moral dû à la lutte patriotique.

La victoire des féodaux mandchous et chinois obtenue à la fin du XVIIe siècle singnifiait la victoire de la seconde tendance et l'écrasement des forces progressistes. Bien qu'au début les Ts'ings se virent obligés de faire des concessions partielles, une fois leur pouvoir rétabli dans le pays, ils consolidèrent le règne de l'ordre féodal, renforcé par l'oppression nationale de la nation Han et des petites nationalités. La ruine de l'économie des régions entières, l'extermination d'une masse de la population, les poursuites

contre les patriotes, les savants et les écrivains progressistes furent le résultat de la victoire de la tendance féodale. Peu à peu furent rétablies les différentes formes de réglementation, et les monopoles, les divisions territoriales internes furent renforcées, ce qui dressa des obstacles à l'unification nationale, à la création d'un marché commun dans le pays et à toutes possibilités d'extension du commerce, des navigations lointaines, de l'entreprise privée. La restauration des rapports féodaux eut pour conséquence une stagnation considérable de l'économie, de la culture et engendra des formes de lutte telle que la création de sociétés religieuses secrètes. L'activité de ces organisations de type moyennageux prit un essor inouï, bien que leur mots d'ordre politiques eussent été infiniment bornés. Dans les conditions de l'oppression cruelle et de la terreur permanente de la monarchie mandchoue, seules ces sociétés, grâce à leur caractère profondément conspiratif, étaient en mesure de mener un travail parmi les masses, de préparer et de provoquer des révoltes populaires.

Pour ce qui est des embryons des nouveaux rapports sociaux, l'entreprise privée, la manufacture, l'utilisation du travail salarié, la commercialisation de la propriété rurale, ils ne disparurent pas mais se trouvèrent dans des conditions très difficiles qui tardèrent leur développement. L'ordre féodal de la Chine semblait figé pour un long délai dans son dernier stade.

NOTES

[1] *Vingt-quatre histoires des dynasties*, Pékin, 1958, *Ming che*, ch. 77, feuille 7a (28990). (En chinois).

[2] *Idem*, 7b.

[3] *Idem*, 9a (28991).

[4] «Jenmin jepao», 9 janvier 1955 (2375) (article de Teng To, *Loun «Hong leou Mong» ti chehouei Peiking ho liche yiyi*). (En chinois).

[5] *Ming che* Ch. 78, feuille 1b (28994). Dans le recueil *Histoire étonnante de notre époque et de l'antiquité* on trouve cette remarque: «On paie d'ordinaire au journalier la moitié de son salaire annuel à la fin de l'année», M.—L , 1954, p. 125.

[6] Il s'agit des réformes «Ytiao pien». *Ming che*, ch. 78, f. 11a (28999).

[7] *Ming ki pei leo*, Xylographe, 5, f. l. (En chinois).

[8] La population de la Chine comptait au XVIe siècle de 53 281 158 à 60 692 856 habitants. (Voir *Ming che*, ch. 77, f. 4b, 5a).

[9] *Kou kin t'ouchou tsitch'eng*, ch. 676; d'après le recueil *Tchoungkouo tscoupentchouyi mengya went'i taoloun tsi*, Pékin, 1957, t. I, p. 22. (En chinois).

[10] Yen Jou-yi, *San cheng pienfang peikien*, ch. 11, p. 21, 22; d'après le même recueil, t. 2, p. 226.

[11] J. Neuhof, *Die Gesandschaft der Ostindischen Gesellschaft in den Vereinigten Niederlanden an den tartarischen Han und nunmehr auch chinesischen Kaiser*, Amsterdam, 1666.

[12] *Ming ki pei leo*, ch. 17, f. 7b.

[13] *Ming che*, ch. 77, f. 2a (28987).

[14] *Ming t'ong kien*, t. 2, Pékin, 1959, p. 1598. (En chinois).

[15] Kou Jing-t'ai, *Ming che tsiche pen mo*, Changhaï, l. 10, ch. 66, p. 8. (En chinois).

[16] Heou Wai-lou, *Tchoungkouo sseusiang t'ong che*, Pékin, 1958, t. 5, p. 26. (En chinois).

[17] *Ming che*, ch. 22, f. 4b (28364).

[18] *Ming ki pei leo*, ch. 23, f. 9a; Heou Wai-lou, *Tchoungkouo litai tat oung sseusiang*, Pékin, 1959, ch. 21.

[19] *Yentou jeki*, f. 30—31.

[20] *Ming ki pei leo*, ch. 23, f. 18a.

[21] *Ming che*, ch. 309, f. 15a, *Ming ki pei leo*, ch. 20, f. 73b.

По докладу выступили Дж. К. Фэрбенк, Л. Стужина.

DERK BODDE (Philadelphia): NEW YEAR FESTIVALS IN HAN CHINA

During the Han dynasty (206 B. C. — A. D. 220) there were no less than five different days which, in one way or another, could be interpreted as marking the beginning of the year. They were:

(1) The official New Year's Day of the lunar calendar — first day of the first month — which, in the Western calendar, would occur some time between January 21 and February 20. On this day a great court audience was held in the palace, at which nobles, officials and tributary envoys felicitated the emperor and were entertained at a banquet. Processions were also organized in which dragons, fish, and other creatures, hundreds of feet long, were represented.

(2) The Ch'in dynasty had begun its year on the first day of the tenth month, and during the Han — even following the calendrical reform of 104 B. C. — this day continued to be marked by a lesser court reception. Throughout the dynasty it likewise constituted the beginning and end of the governmental fiscal year, for on it the prefectures and commanderies submitted their annual reports to the central government on tax receipts, population figures, agricultural production, and the like.

(3) The solar or astronomical year was inaugurated by the Winter Solstice (*ca.* December 21), which — like the Summer Solstice but to a greater extent — was cosmologically important because it was then that the shift of dominance began from the *yin* to the *yang* principle. At the Winter Solstice, therefore, the emperor and his officials interrupted their usual activities; prognostications on the coming year were made by observing the color of the clouds and counting the number of intervening days between the Solstice and the lunar New Year; the shadow cast by a gnomon was measured and also used to make prognostications; and eight skilled functionaries facilitated the shift from *yin* to *yang* by playing special music and weighing a load of charcoal (symbolic of the growing *yang*) against a load of earth (symbolic of the shrinking *yin*).

(4) For the people as a whole, however, *the* great New Year festival was that of the La. This occurred on the third *hsü* day (in the twelve-day cycle) following the Winter Solstice, *i. e.*, according to the Western calendar, on a day falling between January 14 and 25. The La was the name of a great offering, consisting of products of the hunt and of agriculture, made in every family to the ancestors and to the tutelary deities of the household; it was accompanied by much feasting and exchange of presents. On the eve of the La there also took place an expulsion of the demons of pestilence and other evil spirits, so as to purify the world and thus inaugurate the New Year. This ritual, known as the "Great Exorcism" (*ta no*), was performed with much noise and brandishing of torches by shamans clothed in bear-skin and youths masked as demon-animals.

(5) Li Ch'un or the "Beginning of Spring" (falling around February 6) was not a popular festival, but (together with the beginnings of the other seasons) part of the state cult based on the Five Elements system of cosmology. On this day the officials, clad in green costumes symbolic of spring, marched to an altar in the countryside east of the city, where they welcomed with offerings the tutelary spirit of spring (represented by a youth also clad in green), and set up clay figures of a bull and an agriculturalist.

Of the foregoing observances, those based on the Ch'in calendar naturally disappeared entirely by post-Han times. Likewise the Winter Solstice,

though still an important festival in the T'ang, thereafter gradually faded away. The rites connected with the Beginning of Spring, on the other hand, remained as a part of the state cult until Republican times. As to the most genuinely popular ceremonies — those pertaining to the La — these by the Vth century were being assimilated to the official New Year of the first day of the first month, combining with the court ceremonial of that day to constitute the lunar New Year festival known to us in modern times. Thus the fire-crackers now so characteristic of New Year's Eve are with little doubt the lineal descendants of the rite of "Great Exorcism" anciently performed on the eve of the La. With this shift of ceremonies, the La itself came to be almost forgotten save as the name for a special gruel prepared for gods and humans alike on the eighth day of the twelfth month.

The multiplicity of New Year festivals in Han China is paralleled by the China of recent times, in which, despite the official recognition of a New Year based on the Western calendar, the traditional lunar New Year still persists under the euphemistic guise of the "Spring Holiday". And just as in post-Han China the popular ceremonies of the La were gradually transferred to the officially-recognized New Year of the lunar calendar, so it seems probable that what today remains of the popular lunar ceremonies will in future gradually be transferred to the officially-recognized New Year of the lunar calendar. That, indeed, is what has already happened in Japan.

Присутствующие задали докладчику ряд вопросов.

H. F. SCHURMANN (*Berkeley*): PROBLEMS OF POLITICAL ORGANIZATION DURING THE YÜAN DYNASTY

The Yüan Dynasty dates from the year 1260, the year of the accession of Qubilai to the disputed succession of the Mongol qaghanate, but also the year in which the Mongols in China began the massive restoration of the traditional Chinese bureaucracy. It was also a year in which the Mongols in China undertook economic and fiscal programs of the widest scope, of which the national issuance of paper currency was only one part. The re-establishment of the bureaucracy and this intense fiscal activity were intimately related, as we shall try to show. Most traditional Chinese historians, while disapproving of the Yüan in general, nevertheless saw 1260 as the beginning of a process of Sinicization of the Mongols, a growing conformity to age-old Chinese ways of politics and power. There is no question but that a Sinicization of sorts took place. The Mongols in China established their capital near what is now Peking. The Emperor Qubilai surrounded himself with Chinese advisers, though often of the most varied sort. Chinese became one of the official languages, with many imperial edicts now composed in the traditional *ku-wen*, though others were written in the Sino-Mongolian *lingua franca* of the time. Nevertheless, the traditional view as to the Sinicization of the Mongols is correct only in part. Seen from the standpoint of the *literati* bureaucracy, the bureaucracy indeed resumed its traditional Chinese shape. Despite the widespread employment of foreigners in the bureaucracy, the post-1260 bureaucratic structure was essentially Chinese. In fact, the restoration of the bureaucracy provided employment for large numbers of ex-officials, for, to quote the *Yüan shih*, "when the new era

of the Yüan was established, and the Central Secretariat and the Pacification Offices were set up, all the old officials of the Court, all the gentlemen in retirement, now were re-appointed to civil position"[1].

But once one looks beyond the bureaucracy, the evidence for Sinicization becomes less apparent. If the restored bureaucracy was one arm of Mongol power in China, the military was the other arm. Despite a considerable number of Chinese in the Mongol armies, the structure and spirit of the military remained Mongol. The nucleus of the Mongol armies, the *kešek* — the personal troops of the monarch — recruited only Mongols and Turks. The great body of so-called *tamači* (=*tamghači*) troops were recruited largely from Khitans and Jurčens, although there were considerable numbers of Han-jen — North Chinese — in the ranks of the *tamači*. There were Chinese armies which played an important role in Mongol military policy — the so-called Han Army which consisted mostly of North Chinese recruited after the fall of the Chin, and the New Attached Armies — *Hsin-fu-chün* 新附軍 — which were organized after the occupation of Southern China and consisted mostly of South Chinese. But despite the considerable Chinese participation, the military forces were organized along Mongol lines [2]. Chinese civilians were prohibited from carrying weapons, the Chinese were forbidden to learn Mongolian, the language of the élite. If, therefore, on the level of the bureaucracy a rapid Sinicization took place, on the level of the military the Mongol conquerors strove to maintain their own separate identity.

The duality of Chinese bureaucracy and Mongol military also had its counterpart in the duality of monarchy and bureaucracy. Despite the extensive Sinicization of the bureaucracy which Qubilai instituted, Qubilai did not transform himself into a Chinese Emperor. It is questionable whether he ever learned to speak more than a simple colloquial Chinese. The Mongolian language — the speech of the political élite — was carefully preserved during the entire period of Mongol rule in China. Despite his apparent admiration of Confucianism, Qubilai felt no inclination to become a sage ruler like Hsüan-tsung of the T'ang. Around him were not only Confucian advisers like Hsü Heng, Wang Ê, Chang Wen-ch'ien, but men like Liu Ping-chung, a former Zen priest, Ahmad, an Uighur Muslim, Phags-pa, a Tibetan Buddhist. Despite his power base in China, Qubilai regarded himself as a universal ruler, the true successor of Činggis Khan — a ruler over realms other than China. The blood relatives of Qubilai in Persia, the Il-khans, consistently recognized their formal subordination to the Chinese line, as one can see from the use of the great seal of the Qaghan on Il-khanid official documents. Not only Qubilai and his monarchical successors, but the Mongol élite retained their specific Mongol identity during the remainder of the Yüan Dynasty. They continued to speak Mongolian, and kept their Mongolian names. In fact, there is evidence that some Chinese attempted to identify with the élite by assuming Mongol names. As in the case of the military, separate identity meant the maintenance of a certain aloofness from Chinese society, a social and cultural distance necessary for the preservation of the élite. Special Mongol schools were organized to train young Mongols in their own cultural and historical heritage. Instead of fusing with the dominant class of Chinese society — the bureaucratic gentry or gentry bureaucracy, — the Mongols remained a colonial élite, on but not really of the society in which they were.

The essence of the political structure of the Yüan, in my opinion, was based on the duality of an essentially Mongol monarchy and military, and

an essentially Chinese bureaucracy. There are two problems with which I should like to deal. One, what was the genesis of this duality, and two, what was its function. The first problem is not answered by simply saying that Qubilai's determination to base his power on China required the restoration of the Chinese bureaucracy. The restoration occurred too rapidly and suddenly to have been simply the result of abstract political conviction. The main events of the restoration were accomplished during the first two or three years of the new Yüan Dynasty. There were more immediate and pressing considerations which pushed Qubilai to undertake the massive restoration of the bureaucracy. These considerations were largely fiscal and economic. During their period on the steppes, the Mongols had a relatively simple system of obtaining economic resources from their subjects. This was the system of regular tributes — the so-called *alban* — and of periodic levies — *qubčur*. Since Mongol "nomadic feudalism", to use B. Ya. Vladimirtsov's term, was based on networks of personal relations of domination and subordination, every subject was bound to pay certain more or less fixed amounts of wealth to his personal ruler at periodic intervals. Since the regular tributes rarely sufficed for the elastic fiscal needs of the Mongols, from time to time levies were made on the populations under Mongol control. These levies were, of course, arbitrary, irregular, and were highly resented by the subject populations. During their steppe period, the Mongols had no clearly defined civilian bureaucracy. The tributes and levies were collected by the élite directly or through the medium of military governors — *darughas* [3]. However, as the Mongols occupied more and more non-nomadic settled territories — cities and villages, their fiscal problems became more complex. All subject populations were forced to pay tribute, but they were also liable to the massive periodic levies. The levies in themselves created unrest among the subject populations, but the chaos was compounded by Mongol ignorance of fiscal techniques. As a result, the Mongols began to make use of a system of farming out quotas of revenues to fiscal agents. These fiscal agents were usually merchants — Uighur, Chinese, Persian and others — who paid the Mongols a certain fixed sum of money for the privilege of collecting revenues from the population. The sum collected was always in excess of the amount paid the Mongols. Since the business was lucrative, the Mongols granted the privilege to the highest bidders. Mongol arms, of course, stood behind the fiscal agents to insure that the population paid up. General rates of payment, more often than not violated in practice, were supposed to assure some sort of equity [4].

Though this system was more effective than the earlier one, it continued to create fiscal problems. The fiscal agents were hated throughout the Mongol realms — China, Central Asia, Persia. Revenues did not always flow into the central government, but into the hands of the individual Mongol nobles — now possessors of great appanages in the conquered territories. In China and Central Asia, the Mongols had by the 1240's and 1250's developed a sufficiently complex political structure to require a regular and ordered inflow of revenues to support it. Under Ögödei and under Möngke, attempts at regularization were made through the establishment of fixed rates of tribute and tax payments. However, as long as the instruments of revenue collection remained in the hands of the fiscal agents, the military governors, and the local nobles, no effective regularization was possible. But in both China and Central Asia — *i. e.* in the settled regions of Transoxiania — vestiges of traditional bureaucracies remained. These bureaucracies continued to rule on a local level, and in particular continued

to collect revenues, for the benefit of the Mongol rulers, as well as to support themselves. Thus, despite the fiscal agents, the Mongols had before them an example of ordered fiscal operation through bureaucracy.

In the year 1260, the new emperor Qubilai faced both an economic and a political crisis of vast scope. The political crisis arose as a result of conflict over succession and the split between the Mongols in China and in Mongolia. The fiscal crisis — declining revenues — continued on from the period of Möngke, but was compounded by the new financial needs created by the war with Aryq Böge. Qubilai needed not only a tremendous amount of money for the campaigns, but he needed assurance that the state could rest on a permanent and stable fiscal foundation. That foundation could only be provided by a bureaucracy, and the only potentially available bureaucracy was the traditional Chinese bureaucracy. Immediate financial needs were met, in part, by the issuance of great sums of paper currency. Intense commercial activity and shortage of specie created a need for more media of exchange. Previous experiments with paper currency on a local level indicated that such currency would be widely accepted. But the permanent fiscal structure demanded the existence of an ordered, routinized political structure, whose task would be the regular collection of revenues and their ordered transmission to the central government. The bureaucratic restoration thus took place in intimate relationship to fiscal reform. Traditional Chinese taxes were re-established, but in addition the Mongol tributes and levies were qualitatively transformed into taxes. It is significant that in the writings of leading Chinese bureaucrats of the period, discussions on economic policy figured most prominently [5].

The restoration of the bureaucracy was accomplished through the full re-creation of a traditional Chinese central government and of provincial and local administrations. Jobs opened up and qualified *literati* — as well as many foreigners — accepted employment. To activate and control the bureaucracy, the Mongols made use of a bureaucratic device tried somewhat earlier. They set up special mobile bureaus 行中書省 and roving control commissions 宣撫司 which ranged up and down the levels of the bureaucracy to make certain that government policy was being followed. In time, these mobile bureaus were either fixed and institutionalized, or they disappeared. Despite economic problems which continued to preoccupy the Mongols during the reign of Qubilai, the bureaucratic restoration of 1260 brought with it a basic fiscal stability.

Qubilai's sudden political orientation toward China in the early years of the 1260's, in my opinion, remained largely at the bureaucratic and fiscal levels. In effect, the Mongol rulers in China added another arm to their system of political control. The state rested on the Mongol military, as before, but now on a Chinese bureaucracy as well. It was thus a question not of "changing" but of "adding". Although the military became more centralized and the appanage nobles lost considerable local power, the bureaucratic and economic reforms of the 1260's did not basically affect the military. Nor did they change the character of the monarchy, for, despite the additions of Chinese trappings, Qubilai remained essentially a Mongol *qaghan*. The Mongols brought in their military organization from the steppes, and the bureaucracy was created during the crisis period of the early 1260's. Thus was the duality of military and bureaucracy — *wu* and *wen* so to speak — formed upon which the dynastic power of the Yüan was based.

In discussing the genesis of the Yüan political system, I have already dealt with the second of our questions, that of the political purpose, the

raison d'être of the duality. The Mongols needed a powerful military for their conquests, for the preservation of order in the conquered territories, and as a perpetual safeguard against incursions from enemies, such as the hostile khans of Čaghatai. But, like any complex political structure, the system demanded a continuous and ordered inflow of revenues. Such could only be insured by a complex bureaucracy, such as existed traditionally in China. But the maintenance of a political structure based on a duality of military and bureaucracy also demanded effective separation of the two from each other. It demanded that the military forces not assume bureaucratic functions and qualities, as had occurred during the late T'ang when the local commanders — *chieh-tu-shih* — had turned into local rulers. And on the other hand it demanded that the bureaucracy remain purely bureaucratic, severed from any possible military connections [6]. During the Yüan, this separation was maintained not only structurally, but also through the preservation of separate cultural identities. The ethos of the bureaucracy once again became Confucian with its explicit disapproval of things military. But the ethos of the military was that of steppe feudalism, and its cultural essence was Mongol rather than Chinese.

But was the duality of military and bureaucracy, of monarchy and bureaucracy simply the making of the Mongols? Did not centralization and absolutization of monarchical power which the founder of the Sung Dynasty carried out create the very conditions which made such a duality possible? In the early T'ang, the system of a citizen soldiery — the *fu-ping* 府兵 — proved to be unworkable. During the late T'ang, the local armies of the *chieh-tu-shih* which developed after the An Shih rebellion were too dangerous for the existence of the central government. To solve this problem, Chao K'uang-yin created a separate military force under the direct control of the monarchy. Similarly in the political field, Chao K'uang-yin concentrated tremendous power in the hands of the monarch, thus establishing a centralized state on a scope hitherto unknown in China. The traditional Chinese expression "Heaven is high and the Emperor is far away"—天高帝遠—expressed the isolation of the supreme political figure from the society as a whole. Did not these very developments in the political history of Chinese society make Qubilai's solution to his own particular problem feasible in the context of the political system of China? Did not the same conditions three hundred years later make possible the existence of the Ch'ing Dynasty?

NOTES

[1] *Yüan shih* 157.6497a—b (*Wan yu wen-k'u ed.*).

[2] See Yanai Wataru, *The Bureaucracy and the Military during the Yüan*, "Môkô-shi Kenkyû", Tokyo, 1930.

[3] H. F. Schurmann, *Mongolian Tributary Practices of the Thirteenth Century*, "Harvard Journal of Asiatic Studies", 1957.

[4] Tax farming was not the only source of revenue in this intermediary period. The Mongols also lent large sums of money to the so-called *ortaqči* merchants in order to buy commodities needed by the Mongols. The loans were repayed with considerable interest.

[5] In Il-khanid Persia, the fiscal reforms of Ghâzân Khân (1295—1304) were also tied in with the restoration of central and local bureaucracies. See Абдул-Керим Алиаде, *Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв.*, Баку, 1956.

[6] The Mongols in Persia faced much the same problems as did their *confrères* in China. The combination of Turco-Mongol military leaders with local rulers created grave dangers for the central state. Though the Il-khanids never succeeded in establishing as

firm a political structure as the Yüan in China, their attempts in this direction were of the same order as those in China. On the one hand, the Il-khanids, particularly Ghâzân Khân, re-established the traditional Persian bureaucracy, and on the other created a separate military force bound to the state through the institution of non-permanent appanages — the so-called *iqtâ'* system. See И. П. Петрушевский, *Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков*, М.—Л., 1960, стр. 48—53, 55—62.

МОРТОН Х. ФРИД (*Нью-Йорк*): ПРОБЛЕМА РЕВОЛЮЦИИ СЕМЬИ В КИТАЕ *

Текст доклада не представлен.

По докладу выступили Е. Ф. Ковалев, А. Г. Крымов, С. Л. Тихвинский, Дж. К. Фэрбенк.

10 августа, вечернее заседание
Председатель Я. Прушек (*Прага*)

IRENE B TAEUBER (*Hyattsville*): THE GROWTH OF CHINA'S POPULATION

The size and growth of China's population are key facts in Asian and in world demography. They are also controversial ones. The course of growth over recent centuries, the present status, and the prospects for the near and the remote future are alike topics for discussion rather than definitive analysis. Historical research may contribute much to the fuller knowledge of the processes, the correlates, and the consequences of growth. Statistical research may contribute further to the demonstration of the insufficiencies and inadequacies of the figures in the historic records. Knowledge will be advanced, but there will be no attainment of numerical precision. There can be none until some great endeavor comparable in attention, skill, and drive to the Soviet census of 1926 is undertaken in China.

The designation of China as a country without statistics may seem naïve to students of China's historical development. There are innumerable figures; numbers can be cited on almost any subject for almost any province at almost any date. The schemes for the collection of figures have been many, and they have ranged from simple orders to intricate innovations. The difficulty is the enormous hiatus between plans at high levels and activities at lower levels. Moreover, the habits of bureaucrats and the reactions of people have led to almost predictable biases. The bureaucrats at each level transmitted upward figures that they believed to be reasonable, acceptable, and harmless. If people were queried, they responded with the answers they believed to be appropriate, provided always that the taboos of the culture were not violated in the questioning and that the giving of the information was not actually or potentially harmful. Thus records used for taxation, labor recruitment, or military conscription had major biases toward exclusions. Records designed to show the progress of the realm and the benevolence of the ruler had major biases toward exaggeration. In general, the movement of any series of reports was persistently upward.

These characteristics of response, record, and report were products of the state of development of China rather than inherent peculiarities of

* Доклад был прочитан на английском языке.

people or culture. At no time from the early XVIIth century to the middle of the XXth century was there a coincidence of urgent need for data, statistical sophistication, administrative organization, and resources. Yet this coincidence was essential to the successful completion of an enumerative census or the successful maintenance of a current registration system. This statement is applicable to the *pao-chia* records of the Ch'ing, the registrations and investigation of the Republic of China, the Communist registration of 1953—1954, and the contemporary registration system.

The registration of 1953—1954 is widely described as a census, though it was not so regarded at the time it was taken and the resources devoted to it were limited. This investigation and registration of household heads was an addendum to the screening and registration of voters. The successive orders concerning it, the contemporary reports on its progress, and the severely limited publication alike suggest that major deficiencies became obvious as the data were tabulated. It seems also that the ancient difficulties of registration systems plague the current activities. If these assessments of the state of demographic statistics are overly severe, correction could be achieved quite simply through the publication of the quantity and the type of data that are essential for statistical evaluation. Demographic knowledge and scientific advance cannot evolve from general statements and an almost complete absence of publication. They require, instead, numerically complete and qualitatively adequate data on the numbers, the distribution, and the characteristics of the people.

Thus today we still ask the ancient questions. How did the population of China change while European peoples and Japanese moved toward new equilibria of birth and death rates and other peoples multiplied many times under colonial conditions? What is the present size of the population of China? What is the current rate of growth? What is the population potential of this colossus among the nations? And what is the probable growth in the next few decades under various plausible assumptions as to economic growth and social change?

Reconstructions of the changing course of the population of China from the middle of the XVIIth or XVIIIth century to the present require the selection of initial and terminal figures and then the hazardous task of interpolations between them. As late as 1950 the accepted figures were based on the *ting* figures of the Ch'ing and some household figures from the so-called censuses of the last years of the Ch'ing. There were then interconnected and adjusted figures that utilized the results of partial surveys and registrations along with liberal estimates. The *pao-chia* reports of the Ch'ing were rejected with considerable emphasis, despite the fact that many Ch'ing figures for 1850 were used as provincial populations in 1910—1911 and then survived as the basis for the Nationalist estimates of 1947.

There were increasing evidences in the special surveys and the official reports of the Republic of China that the official population figures were substantially below the true population. The examination of the field records and the results of the 1953—1954 registration corroborated the evidences of incompleteness, and they placed its magnitude at a startling one hundred and twenty five million people. If the registration and investigation of 1953—1954 is accepted, then Mainland China had a total population of 582 million in 1953. But if this was the size of the population in 1953, then the series of figures that moved from *ting* figures to Ch'ing "census" to Nationalis estimate was patently unacceptable. The hiatus of reconstruction here was brief, however, for there was a ready alternative to the

acceptance of the *ting* figures and the census estimate of the Ch'ing. It was the formerly discredited *pao-chia* reports of the Ch'ing.

There is a nice congruence of Ch'ing and Communist figures. The reported population of China was 278 million in 1780 and 432 million in 1851. The course of the annual series, projected to 1953, is quite consistent with a population of 582 million in 1953. Is the problem of growth then solved? Unfortunately, the answer is negative. There are two reasons for this conclusion. One is the very major deficiencies of the Ch'ing *pao-chia* reports if the evaluations are based on the provincial and *hsien* figures rather than the grand totals for all China. The other is the difficulty of reconciling the computed growth curve with the realities of Chinese history over the last century and a half. As we have already noted, the Ch'ing records indicated a population of 278 million in 1780, 432 million in 1851. The overall growth of 154 million in the period of 71 years is plausible. But then the population increased another 150 million in the century from 1851 to 1953. Is this increase plausible for a period of one hundred and two years of rebellion, disorganization, economic retardation, and war? Certainly disease, epidemic, and famine remained the major regulators of human survival. But if the 1953 figure is accepted and the growth of the preceding century is assumed to have been less than 154 million, then the population of China in 1851 must have been substantially above the 432 million of the Ch'ing report.

It may be noted parenthetically that a careful enumeration of the population would contribute greatly to the measurement of the growth that had occurred during the three-quarters of a century preceding the enumeration. Again, detailed tabulation and publication would be essential. Numbers alone would contribute little. Demographic reconstruction requires as a minimum the populations of the provinces in single or quinquennial age groups, separately for each sex.

If the present is imprecise and the past conjectural, what about the future? No reconstruction of the past can serve to predict the future, and no mechanical projection of the present has predictive validity. Continuing and appreciable growth had already replaced the slow and erratic changes of the past. It is doubtful whether the birth rate has changed appreciably — and one can argue with equal plausibility that it should be higher or lower than in the pre-Communist period, or that it should be increasing or declining today. The death rate is declining along with health and sanitation programs, a more regularized distribution of food, and mass education. The official figures indicate that the population of 582 million in 1953 grew to 631 million in 1957. Growth thus amounted to almost 14 million a year — if both figures are accepted and the difference between them is due only to the growth of the population. This is massive increase in numerical terms, but the rate of increase is not very high for the contemporary world. Given the level of the Chinese birth rate and efficient health services, the population of China could increase at four per cent a year. A population of 650 million would increase 26 million within a single year if its growth rate were four per cent!

The analysis of the prospective growth of the population of China is not simply an exercise in arithmetic. The birth rate and the death rate are alike variables. Movements are neither mechanical nor accidental. They are products of the developments in economy and society. Economic advance and social change in their turns are related to the pre-existing size, distribution, characteristics, migrations, and growth rates of the population.

In the early years of Communist control, the patterns of population change and the reactions to them were traditional. There were major movements into urban areas, along with continuing concentrations of the skilled and the educated in the great cities. There were theoretical formulations in social terms and a campaign to encourage the practice of birth control. Then, early in 1958, the registration system was strengthened, migration was controlled, and publicity for birth control ceased. The formation of communes in rural areas and later in the cities, the mobilization of labor, and many related transformations followed swiftly. The permissive legislation for birth control remained, but population ideology became more orthodox in its public expression.

The reaffirmation of the value of numbers and the lapse of verbal propaganda in the birth control field need not predicate rapid and continuing increase of the population of China. It is probable that the processes that lead to declining fertility are speeded by the ideals and practices of the Communist form of social organization. In China there are special factors in the communal organization and the labor mobilizations. Certainly the assaults on the Confucian ethic, the family system and the traditional role of women undermine the institutions, the behavior patterns, and the values that sustained the high fertility of traditional China. The definitions of loyalty in terms of party and state, the prestige of education, the shift from family agriculture to group industrial production on the land, the economic utilization of women and the collective care of children — these and many other policies and activities in contemporary China are conducive to ways of living and values that encourage delayed marriage, planned parenthood, and smaller families.

The present organization is transitional, and its current demographic correlates are uncertain. If the economic developments and the social transformations proceed smoothly, death rates will move downward to create ever-increasing annual increments to the labor force. At the same time mechanization will be reducing the demands for labor in the traditional productive processes. Agricultural developments in frontier regions can contribute little to the direct solution of the manpower problem, for the effective agricultural use of the marginal areas requires mechanization rather than a maximum human input. The areas of destination of the increasing populations of the rural communes might be thought to be the urban communes, but similar processes of growth will be occurring there. Thus the total economic transformation of China, rural areas and cities alike, is essential to the perpetuation of the death rate at the levels that have now been achieved.

Thus success in this most radical demographic experiment would maximize population growth in the short run, but it would also maximize the forces tending to reduce fertility. Economic development, manpower utilization, and mortality control are necessarily related over any substantial period of time. But the transformations that lead to maximum reductions of death rates have a maximum impact on the forces that influence fertility.

The preeminent significance of research on the population of China is apparent. That research cannot proceed in a statistical vacuum. The greatest single contribution to the demographic research of the contemporary world would be the development of a statistical system in China, with enumerative censuses, current registrations of births and deaths, and publications that made the resulting data available for analysis within China and outside it.

Выступивший по докладу Ю. Левада отметил, что автор, делая упор на политические и идеологические моменты, влияющие на рост народонаселения, абстрагируется от экономических моментов. Рост народонаселения нельзя изучать в отрыве от социально-экономических условий, а последние дают широкие возможности для обеспечения растущего населения необходимыми средствами существования. А. Г. Крымов в развернутом выступлении заметил, что автор доклада неосновательно подвергает сомнению статистику Китайской Народной республики и успехи ее экономического строительства. Изучение проблем народонаселения должно быть направлено на выявление соотношения прироста населения к перспективам роста материальных ресурсов, но докладчик отступает от этого основного принципа. В Китае имеет место нормальный прирост населения, причем КНР обладает достаточными ресурсами для того, чтобы обеспечить этот прирост. Неправильно также рассматривать прирост населения Китая только с точки зрения роста числа потребителей, так как человек — прежде всего создатель материальных благ. Последняя мысль была поддержана также в выступлении А. Палата. В своем заключительном слове И. Тойбер сослалась на краткость доклада, которая не позволила ей уделить внимание экономическим факторам, не являющимся, по ее мнению, главными, и подчеркнула, что не видит «опасности» в росте народонаселения Китая, как, по-видимому, ее поняли выступавшие.

HELMUT FESSEN (Berlin): DAS GEMEINFELDSYSTEM DER LI AUF HAINAN UND SEINE UMGESTALTUNG IN LANDWIRTSCHAFTLICHE PRODUKTIONSGENOSSENSCHAFTEN

Gegenstand des Referates ist es, die spezifischen Bedingungen und Methoden zu zeigen, die es möglich und damit auch zugleich notwendig machten, die Umgestaltung des Gemeinfeldsystems der Li auf Hainan in landwirtschaftliche Produktionsgenossenschaften zu vollziehen.

Der Verfasser untersucht zunächst den Stand der Produktivkräfte in Gemeinfeldsystem, die bereits ihren Höhepunkt für die Urgesellschaft erreicht haben. Darauf folgt eine kurze Darlegung der Produktionsverhältnisse. Die niedere und die entwickelte Form des Gemeinfeldes werden verglichen im Hinblick auf Eigentumsverhältnisse und Verteilungsprinzipien. Der Entwicklungs- und Zerfallsprozeß einiger Gemeinfelder, der Ausbeutungsverhältnisse erzeugt, wird gezeigt. Im weiteren Verlauf stellt sich der Verfasser die Aufgabe, darzulegen, wie die in den Formen des Gemeinfeldes existierenden Widersprüche unter und mit Hilfe der Diktatur der Volksdemokratie gelöst wurden.

Die entscheidende historische Voraussetzung für die sozialistische Umwandlung in den Gebieten mit Gemeinfeldsystem war die Gründung der Volksrepublik China. Durch die revolutionäre Staatsmacht wurden die realen Bedingungen zur Überwindung der materiellen und kulturellen Rückständigkeit aller Minoritäten geschaffen. Der entscheidende Hebel zur Erreichung dieses Zieles war die Einführung des Prinzips der Gebietsautonomie; die für die zentralen und südlichen Gebiete von Hainan am 1. Juli 1952 mit der Gründung des Autonomen Bezirks der Li und Miao auf Hainan geschaffen wurde. Es werden die Maßnahmen der Volksregierung auf landwirtschaftlichem, industriellem, kulturellem und medizinischem

Gebiet dargelegt, die eine stabile Basis für das schnelle Ansteigen des materiellen und kulturellen Lebensniveaus im Bezirk waren. Danach wird der Prozeß des Übergangs der Gemeinfelder zu landwirtschaftlichen Produktionsgenossenschaften in seinen Besonderheiten untersucht, werden kurz die Schwierigkeiten angedeutet und die Ergebnisse skizziert.

11 августа, утреннее заседание
Председатель Дж. К. Фэрбенк (*Кембридж, США*)

J. R. LEVENSON (*Berkeley*): CONFUCIAN AND TAIPING 'HEAVEN': THE POLITICAL IMPLICATIONS OF CLASHING RELIGIOUS CONCEPTS

The Taiping rebels of mid-nineteenth century set up a monarchy perfectly non-Confucian in its premises, a monarchy, that is, based on a transcendental religious conception, diametrically opposed to the Confucian insistence on immanence. Immanent virtue, not transcendental power, was the Confucian ideal for monarchy. And the Taiping denial of immanence (which was also the Taiping rejection of the bureaucratic intelligence) was denial of Confucianism at just the point where the latter strained against monarchical pretensions. For the Confucian ideal of the monarch as sage, radiator of a hidden virtue to a timelessly patterned society, implied rebuke to a monarch on the transcendental model, as center of spectacle and wielder of naked power.

Confucianists, never forgetting their historic *bête noire*, Ch'in Shih Huang-ti, perennially conceived of themselves as ends, not means, not manipulable instruments of a totally free authority. The religious counterpart to this political conception was the Confucian negation, complete by Sung, of the idea of Creator. It was left to nineteenth century Christians, Western and Taiping, to dwell on the shadowy classical concept of *Shang-ti* as a transcendental supreme power. The traditional Confucian sancta were all bound up in *T'ien*, Heaven, whose "mandate" made rulers legitimate and committed them to virtue (not power), to the end of harmony (not creative change). One must not be betrayed by foreign verbal associations into the equation of the Confucian concept of *T'ien* with a transcendent God, just because in Judaism, for example, Heaven (*hasshamayim*, etc.) frequently occurs as a metonym for Deity seen in that transcendental light. It is not some hypothetically definitive connotation of "Heaven" which characterizes a religion, but the character of the religion which imparts the connotation.

Where God is transcendent, man tends to be seen as intrinsically morally limited, and kings as necessarily coercive (as in patristic Christian thought, where the Fall brings sin and social disorder and the need for a power-authority; and as in Maimonides' philosophy, where kings are those who accept the dictates of lawgivers and have the power to enforce them, compelling the people to obey). But the seminal Han Confucianist Tung Chung-shu (IInd century B. C.), reasoning from a premise of unfallen man, man with a good nature, sees the need of a m o r a l authority — an exemplar, not a coercer — whose Heavenly Mandate is not a license to God-like power but a certification of charm. People are good and thus can be, as it were, magicked (by *li* and *yüeh*, ritual and music) into the harmony that Heaven implies; the Son of Heaven, by his being, not his doing — as a sage,

not a potentate — is the one to work or waft the magic, to bend the grass (the masses) into the immanent order of Heaven. That is what he exists to do. Man's nature is perfectible but, left to itself, not perfect — "therefore Heaven sets up the king to perfect it . . . If the nature were already perfect, then what would the king's receiving the mandate be for?"

Wherever divinity was conceived of as transcendental — a conception which the Confucian world-view expressly excluded — the monarch assumed the mask of God, with His appropriate attribute, power. Mme de Sévigné referred to Louis XIV, that lover and embodiment of spectacle, as a being compared to God in such a manner that God, not the king, was the copy. A sixteenth-century German, dilating on the absolute authority of the Russian Czar, reported that the Russians conceived of their adject obedience to the will of the prince as obedience to the will of God. When Hung Hsiu-ch'üan, *T'ien-wang* of the *T'ai-p'ing T'ien-kuo*, was the prince in question, he, too, took obedience to the prince as obedience to the will of God, and he was just as alien to the crucial rationalistic Confucian doctrine of "Heaven" as any foreign divinely-mantled autocrat. When he rejected ties with certain contemporary fellow-rebels against the Ch'ing Dynasty, he did so not merely because he, an aspiring monarch in his own right, could hardly share their zeal for a Ming restoration. The Taiping ideal of monarchy was simply far removed from the conventional ideas of the traditional sort of rebels.

a. "Traditional" rebels: divergence from Taiping ideas

For a time in the 1850's, the shadowy figure of an Emperor T'ien-te ("Heavenly Virtue") came, in rumor, to the attention of fascinated foreign observers of a torn China. Some confused him with Hung Hsiu-ch'üan, but in fact the "T'ien-te" manifestos came from the circles of the *T'ien-ti hui*, "Society of Heaven and Earth" (in other terms, "Triads", etc.), and Hung, very early, lost any sense of common cause with them. For their assault on the Ch'ing system was such as to confirm Confucianism as the intelligence of Chinese society, while the Taipings thrust it off.

The secret societies reviled the Manchus, repeatedly, for "selling office, vending noble rank" ("like Shang Yang oppressing the people"), and thus bypassing the legitimate claims of Confucian learning. That is, the Manchus were equated with a Confucianist's villain, and Confucianists were included among the victims of parasites. But the Taipings named the Confucianists themselves in the charge against parasites, and made that charge more sweeping, because so much more inclusive. Not just the dynasty but the whole legitimate system was arraigned when the Confucian learned were not the injured but the worthless injurers. And not just this dynasty but the Ming or any like it was rejected when the Confucian learning, in its application to monarchy, was explicitly supplanted, as worthless. For the "T'ien" of T'ien-te was the impersonal cosmic harmony of the neo-Confucianists: "*Ta Ming T'ien-te Huang-ti t'i T'ien hsing jen*", a proclamation ran, "The T'ien-te Emperor of the Great Ming has Heaven as his essence and benevolence as his function" (*hsing=yung* in the famous neo-Confucian *t'i-yung* dichotomy). "T'ien" as his essence — this "inner" conception of the relation of monarch to the harmony of the cosmos was never the Taiping "T'ien", which pertained to a transcendent God, whose *T'ien-ming* was personal commandment

from on high, not impersonal mark of election. Hung as *T'ien-wang* was not "King of Heaven" (in the fashion of a Ming pretender, hopefully *T'ien-tzu*, "Son of Heaven") — he was "Heavenly King", a ruler receiving orders from God in Heaven, set apart, not one with Heaven "in essence".

b. Taiping "T'ien" and the transcendental aura of power

Hung Hsiu-ch'üan never maintained that the Ch'ing Dynasty had lost the Mandate of Heaven. He never made this conventional rebel claim because he never thought of his own position as legitimized by the Mandate. Not "Heaven" but "God in Heaven" was the source of his authority, and when *T'ien-ming* appears in Taiping documents *T'ien* is, metonymously, "God", and *ming* is "order" in its Biblical sense of commandment, not in its Confucian sense of timeless pattern.

For the metonymy, it is sufficient to note that when Hung Jen-kan (the "Shield King" of the Taipings) enjoined, "*Ching T'ien ai jen*" ("Revere Heaven and love men") he meant explicitly to quote words of Jesus, whose object of reverence was what the Taipings, too, repeatedly called their "Heavenly Father". "*Wo T'ien-wang feng T'i e n-fu Shang-ti chih m i n g*", declared the Taipings, "Our Heavenly King receives the c o m m a n d m e n t s of God (*Shang-ti*), the H e a v e n l y Father (*T'ien-fu*)". Clearly, on this showing, the Taiping *T'ien-ming* compound is an ellipsis: between "*T'ien*" and "*ming*" falls the Father-God.

It is clear, too, that just as *T'ien* signifies God for the Taipings, God who as creator brings time into the timeless, so *ming* is a different "order" from the Confucian timeless one. How does the "*T'ien-wang*" receive "*T'ien-fu Shang-ti chih ming*?" *Feng* is the verb, signifying receipt from a superior, while an emperor in Confucian texts almost never receives his *T'ien-ming* thus, but with *ch'eng* or (usually) *shou*. The great Han Confucianist, Tung Chung-shu, had laid it down, "Only the Son of Heaven receives (*shou*) the *ming* from Heaven; the Empire receives the *ming* from the Son of Heaven". The *ming* so received and transmitted was an imprint of order (we have seen Tung Chung-shu allotting the monarch the role of ordering men's hearts by an example that only he can radiate). But Hung Hsiu-ch'üan "*feng T'ien-ming hsia-fan*", receives the heavenly order t o c o m e d o w n to earth (while Confucian *t'ien-ming* is not an order t o d o anything, and the holder, of course, is on earth already); "*feng T'ien-ming*", here, has the same significance as in the subsequent phrase, "*feng Shang-ti chih ming* (receives God's order) to exterminate the goblin people. . ." When the Taiping "Heavenly Father" demands acceptance of himself, Jesus (*T'ien-hsiung*, Heavenly Elder Brother), and Hung Hsiu-ch'üan, the Heavenly King, he endorses the latter's political supremacy in this quite different fashion: "When he utters a word it is *t'ien-ming*; you are to obey it".

This is God's injunction to men to obey the *T'ien-wang* and obey the *T'ien-ming* because God speaks the latter, His orders, through the former, His younger son. The *ming* of Confucian *t'ien-ming* could never be governed as it is here, by *tsun*, "obey", just as the *T'ien* who "speaks" it here could only, really, be the Taiping *T'ien-fu*, the Heavenly Father: when Confucius asked, rhetorically, "Does Heaven speak"? he went on to identify it with the timeless cosmic pattern. And so the Confucian *ming* of Heaven perennially exists, with only the qualified holders changing. But the Taiping *ming* is given in time, spoken from above, to be obeyed from below.

The books of the "true *Tao*" of the Taipings are given as three, Old Testament, New Testament, and *Chen T'ien-ming chao shu* ("Book of the true heavenly decrees and edicts"), while Confucian books are demonic, noxious, and ought to be burned. Or, in sum, the "true *t'ien-ming*" of the Taipings must be far removed from the Confucian understanding — Hung does not receive the "mandate" because the Ch'ing have "lost" it — for, if that were the Taiping's contention, they would appeal to the sanction of Confucian books instead of advancing a canon to supplant them.

It was a new canon, then, enshrining the record of a God who speaks. If Confucius preferred not to speak because Heaven did not speak, Hung Hsiu-ch'üan arrogated to himself an earthly version of the speech, the power, of a Heaven personified. "Do you know that the Heavenly Father is omnipotent, omnipresent, omniscient? I know. . ." ran a Taiping catechism. Over and over again the changes were rung on the concept of Shang-ti as God of power, unlimited, inexhaustible power, and sovereigns are *neng-tzu*, those of his children whom he clothes with power. (Where is *neng-tzu* in the Confucian vocabulary, in which *te*, virtue, the very antithesis of outer physical force, was the ideal "power" of monarchs?) Not virtue but power is what the *T'ien-wang* gets from Heaven. God is greater than his sons — God alone is *shang*, God alone is *ti* (cf. the regular dynastic emperors, all *ti* themselves), God and Jesus alone are *sheng* or "holy", Hung Hsiu-ch'üan is only *chu*, the people's lord. God, thus transcendent, routes his authority down through the Heavenly King. Obedience to him is service to God and Jesus. Hung's cousin and aide, Hung Jen-kan, distinguishing between classical titles of nobility (*kung*, *hou*, *po*, *tzu*, *nan*) and the Taiping designations, calls the latter far superior. For the classical ranks, he says, were taken from the nomenclature of the family system (indeed, they are kinship terms as well as political ones), and this arrangement was confused and inelegant. But the Taiping terms are all prefixed with "*T'ien*" — the capital is *T'ien-ching*, soldiers are *t'ien-ping*, officials are *t'ien-kuan* — for the *T'ien-wang*'s authority derives from the *T'ien-fu*.

c. Significance of the Bible as successor to the Classics

These *t'ien-kuan* were supposed to be chosen for the Taiping service by an examination system, and for this traditional procedure the Taipings modified their strictures on the traditional literature. God was said to have acknowledged that Confucius and Mencius made many points in common with divine sentiment and reason, and that the Four Books and Five Classics, imperially revised, their falsehoods noted, could be studied again as supplementary texts for examination candidates. But the fundamental texts were the *Chiu-yüeh*, *Ch'ien-yüeh*, and *Chen-yüeh* — the Old Testament, New Testament, and "true testament" of Taiping decrees and edicts.

A Ch'ing intelligence report on this examination system noted that the essay retained the "eight-leg" (*pa-ku*) form, and the poem the regular Ch'ing form (*shih-t'ieh*; eight five-character lines). However, the subjects were all drawn from false books. For example, a Hupei essay was set on the theme, "The true God (*chen-shen*) is the sole Lord (*Huang-shang-ti*)", with the next phrase, "*Huang-shang-ti* is the true emperor (*Huang-ti*)". The poem dealt with the Incarnation and the Passion. (The "false books" are *wei-shu*. One may note in passing that wherever the Taiping documents prefix *T'ien*,

this Ch'ing account prefixes *wei*, "spurious", — *wei-ching*, *wei-ping*, *wei-kuan*, etc. — with much the same regularity and ritualistic impact as the sanguinary or conjunctive expletives of the British or American military argot.)

Does the retention of traditional forms — the examination system itself, and the form of questions — make a nullity of the shift in content? To say so would be to deny the significance of Confucian content throughout previous Chinese history, to make any intellectual content inconsequential in itself, as though it served only as a symbol of the importance of intellect in the abstract, not as serious intellectual substance. But something really significant did happen with the Taiping change from Confucian to Biblical subject matter; it was no change in "mere form". For just as Taiping *T'ien-ming* cut through the restraints in the Confucian conception of monarchy, Taiping examinations demanded officials' adherence to the monarch's ideology, the books which made him legitimate; while Confucian examinations enshrined the books which made officials legitimate in their high places (and monarch legitimate in their way), and which confirmed their grandeur, their independence of mere possession by the monarch, by commanding his adherence as well, monarch's adherence to the officials' ideology.

The T'ang monarch who put the Taoist "Five Classics" on the scholars' curriculum was doubtless showing some independence of Confucian authority in the examination sphere. But the very devising of a Taoist canon of "Five Classics" was clearly a tribute to the Confucian Classics' prestige, and the Taoist canon, tentatively put forward as rival to the Confucian, was never supposed to supersede it. Just that, however, was what the Taipings' triple testament was meant to do. The Taiping examination, far from confirming a continuity of Confucianists and Taipings, marked a rupture with the past, the displacement of the Confucian intelligence.

d. The Taiping relation to Confucianism

In the harshest of Taiping anti-Confucian writings, Confucius is questioned and whipped before God for his deception of mankind. His books are invidiously compared with the Taiping canon, which God is said to have handed down, free of error. Such a purely anti-Confucian note was not sustained. But selective borrowings from Confucian materials commonly served only to enrich iconoclastic statements. "*T'ien-hsia* (the empire, the world) is one family", "Within the four seas all men are brothers" were statements whose antiquity the Taipings acknowledged while avowing them as their own. Yet these phrases, Confucian enough (though rather special), were adduced to support their Christian heresy: "Your flesh is all flesh begotten by fathers and mothers, but your souls are begotten of God". Here, with this matter-spirit insinuation, we see (as in Hung Jen-kan's distinction between Taiping and classical hierarchies) a deprecation of the family.

Statements of Confucian universalism, then, were wrenched into the service of a very different, a Christian universalism, (the preceding classical phrases were used in a proclamation entitled, "Saving all God's Heaven-begotten, Heaven-nurtured children"). After declaring that God's love and his summons to bliss in heaven are available to all, all can become his sons and daughters through following his commandments, a Taiping prophet declares: "In all the world under Heaven there shall be neither China nor barbarian (foreign) nation (*pu lun Chung-kuo fan-kuo*), neither male ner

female. . ." This is "neither Jew nor Greek" theology, and Confucianists, with their strong sense of history and culture — their own universalism bound up in the ecumenical pretensions of Chinese culture — could hardly accept this anti-historical Pauline version of universalism, with its disparagement of cultural significance.

There are words here which are words of Confucianists — *T'ien-hsia* (under Heaven), *fan-kuo* (barbarian country) — but the language is new. For while the Taipings might conclude that "when *T'ien-hsia* is one family, *Chung-kuo* is one person", Confucianists must deny this species of all-under-God equality and take *fan-kuo* literally, as barbarian nations truly inferior to *Chung-kuo*. But the Taipings made *fan* a metaphor, with the neutral connotations of "foreign" succeeding the primary sense of "barbarian" inferior to China. "*Huang-shang-ti* in six days created heaven and earth and mountains and seas and men and things. *Chung-kuo* and *fan-kuo* were all together proceeding on this great road. However, each *fan-kuo* of the West has proceeded on this great road to the bottom, but *Chung-kuo*, after proceeding on this great road, then strayed onto the devil's road in the last one or two thousand years and was taken into the clutch of the "demon king of Hell". Here it is C h i n a which has fallen away from the highest value, while *fan* can have no offensive significance, since the *fan-kuo* have been loyal.

It has been noted that the compound, *T'ai-p'ing*, comes from a text much studied in Hung Hsiu-ch'üan's home region, the *Kung-yang chuan*, key document of that Confucian reform movement which ran through scholars like Wei Yüan to its final phase in the school of K'ang Yu-wei (1858—1927). Just as *Kung-yang* reformers contended that China had abandoned its genuine ancient wisdom, so the Taipings insisted that in high antiquity there was only the "true way", when the whole people worshipped God, *Huang-shang-ti*, and they culled Shang-ti references from the Classics. But only the *Kung-yang* school, not the Taipings, were conceivably perpetuating the Confucian intelligence. The reformers were still Confucian enough to have their universalism begin with China; the world was held to be following a pattern of history discerned only by the prophetic Confucius. The Taipings, on the contrary, saw it as a universally shared revelation. To K'ang Yu-wei, China had fallen away from a truth, an idea of progress through history, which the Chinese sage propounded and which the West had only exemplified. To the Taipings, China had fallen away from a truth which the West had both k n o w n and accepted. Taipings averred, not China's particular reception of universal truth, but China's defection from the universal. And when they offered China a recovered sense of primacy, it was by exalting China as the setting of the newest revelation, elevating a Chinese to a new universal trinity. Confucius, the master of the old, was not their sage, and Confucianism not the intelligence of the China they foresaw.

e. Taiping egalitarianism

Thus, though the influence of the *Kung-yang* school may have turned Taiping attention to the *Li-yün* section of the *Li-chi* (another favorite text of the school), the effect was not Confucian but despotically levelling in the Taipings' purest monarchical manner. A Taiping document calling all men brothers and all women sisters continued directly with, *Ta tao chih hsing yeh, T'ien-hsia wei kung* — in Legge's translation from the *Li-chi*,

"When the Grand Course was pursued, a public and common spirit ruled all under the sky". This same Taiping document which dwells on the *kung*, the public, explains the equality as deriving from the (strictly non-Confucian) universal fatherhood of God, and another document, declaring that the Heavenly Father wants no inequalities, goes on to say: "The *T'ien-hsia* is all God's one great family, the *T'ien-hsia's* population does not receive private property". It has been remarked clearly that this levelling sentiment ran counter to the traditional vertical "five relationships" and the "five constant virtues".

An intelligence report on the Taipings to Tseng Kuo-fan noted the long background in Chinese history of heterodox *chiao*, religions, and their relation to class disturbances. Most recently the *T'ien-chu chiao* (Lord of Heaven religion, Christianity), repressed by officials, changed names from *chiao* to *hui*. After the English barbarians were soothed, the disobedient people of the southeast coast became more and more violent. Hung Hsiu-ch'üan and others consolidated some of the bandit *hui*, beginning as the *Shang-ti hui*, then changing the name to *T'ien-ti hui* (in either of two homophonous compounds, meaning, respectively, "Emperor of Heaven Society" and "Increase Younger Brothers Society"; the *T'ien-ti* of the "Heaven and Earth Society", that a l t e r e g o of the Triads, does not appear in this account, but it is certainly suggestive concerning the Taipings' entanglement with the secret societies). Initiates paid no heed to seniority, and for this reason they were all "younger brothers" thereafter.

Here in this Aesopian language of interchangeable parts, is the Taiping absolute identification of an anti-Confucian acceptance of a transcendental God with an anti-hierarchical (hence again anti-Confucian) social system. And it is linked with a feeling for monarchical supremacy which recalls the conventional straining of monarchy against hierarchical, immanentist Confucianism. "Men should know", ran a Taiping hymn, "that *ching-t'ien*, the reverence due to Heaven, is superior to *hsiao-ch'in*, filial obligations to parents". We can almost hear the Yung-cheng emperor here, c o n t r a Ou-yang Hsiu, insisting that an official "gives himself to his prince, and can no longer consider himself as belonging to his father and mother" We hear him again in the voice of Hung Jen-kan, attacking "faction", Yung-cheng's particular target. The Taiping, like the Ch'ing, rules that *p'eng-tang*, factions, cannot exist, for the *kuan* are attached to the court, as officials committed to serving the public, not a private interest, and they must not make alliances among themselves. For a sovereign is to his ministers as a general to his subordinates: if the underlings combined, they would impair the sovereign's power.

Taipings, however, were not the men to admit that a Ch'ing emperor united power with the public interest. A Taiping document proclaiming God's universal ownership excoriated the Manchus: "The *T'ien-hsia* is *Shang-ti*'s, not the *Hu-lu*'s, the despicable northerners". Taipings saw the Ch'ing Dynasty — and any dynasty so Confucianized that it could not acknowledge, "The earth is the Lord's" (*i. e.*, "Heaven's" in the Taiping sense, not the Confucian) — as *ssu*, not *kung*, private, not public. The Taipings were no more simple monarchists straining against a Confucian bureaucracy which nevertheless influenced them, than simple Confucianists, straining against a monarchy which nevertheless patronized them. This rising against Confucianists as parasites was a rising, too, against the imperial system, that traditional monarchy which, whatever its own public-private tensions with the same Confucianists, could never break them in the Taiping spirit,

as the purely private purveyors of a dead intelligence — p u r e l y private just because the intelligence was dead.

По докладу выступили В. И. Соловьев, указавший на крестьянский характер идеологии тайпинов, Ж. Шено, Ф. Майкл, П. ван дер Лун, В. С. Колоколов.

HERBERT BRÄUTIGAM (Berlin): ZU DEN VOLKSAUFSTÄNDEN POLYETHNISCHER GRUPPEN IN GUIZHOU ZWISCHEN 1854 und 1872

Außerhalb des eigentlichen Taiping-Gebietes kam es in vielen Gebieten Chinas zu breiten, zeitlich parallelen Aufstandsbewegungen, die sowohl direkt als auch indirekt mit der Taiping-Revolution verbunden waren oder unter deren Auswirkungen standen. Vor allem griffen die Volksmassen vieler Völker Südwest-Chinas in die antifeudalen und antimandschurischen Kämpfe jener Zeit erfolgreich ein. Am Beispiel der Provinz Guizhou sollen einige Fragen behandelt werden, die für Aufstandsgebiete polyethnischen Bestandes charakteristisch sind.

Für die Untersuchung der Aufstandsbewegungen in Guizhou während der Taiping-Zeit sind in erster Linie die Lokalchroniken Guizhous und der Nachbarprovinzen heranzuziehen. Weiterhin stehen Aufzeichnungen zeitgenössischer Beamter, halboffizielle und private Berichte zur Verfügung.

Über die ethnische Situation um 1850 lassen die Quellen folgende Schlußfolgerungen zu: Nur in wenigen Kreisen Nordost-Guizhous gab es ausschließlich Han-Bevölkerung; als größere Völker sind die Miao, Buyi, Shui, Dong, Yi, Gelao und Hui bekannt, die schon damals im Osten, Süden und Westen der Provinz saßen. Die Angehörigen der verschiedenen Völker, die nur in wenigen Fällen geschlossene Siedlungsgebiete einnahmen, verstreuten sich über ein weites Terrain, was die Existenz vieler Lokalgruppen begünstigte. Gegenseitige Durchdringung und Verflechtung der Siedlungsgebiete zeichneten sich als allgemeine Erscheinung ab. Unterschiedliche Sprachen und Dialekte, unterschiedliche Sitten und Lebensgewohnheiten sowie schwierige Verkehrsverhältnisse hemmten die Annäherung der verschiedenen Völker. Eine wichtige sozialökonomische Voraussetzung für die Entwicklung der Aufstandsbewegungen war die Losreißung großer Teile der einheimischen Bauern, der Minoritätenbevölkerung, von ihrem Boden, die Verwandlung dieses besitzlos gewordenen Teils der Bauern in Leibeigene, Hörige und Tagelöhner. Schrittweise schoben sich die feudalen Produktionsbeziehungen, die Beziehungen zwischen Grundbesitzern und Pächtern, in die Gebiete der ursprünglichen Dorfgemeinden. Diese bedeutsamen Veränderungen konzentrierten sich in Guizhou — neben einer früheren Welle zwischen 1725 bis 1735 — auf den Zeitraum von etwa fünf Jahrzehnten im Anschluß an die Niederschlagung der Minoritätenerhebungen von 1795. Bedingt durch die ethnische und ökonomische Zersplitterung vollzog sich dieser Prozeß sehr ungleichmäßig. Noch um die Mitte des 19. Jahrhunderts hielten sich in isolierten Gebieten der Miao, Dong, Shui und Buyi nach wie vor ursprüngliche Dorfgemeinden mit Anfängen der Klassendifferenzierung. Schärfste ethnische und soziale Gegensätze bestanden in Nordwest-Guizhou, wo die Yi als Träger von Mischformen der Sklavenhalterordnung und des Feudalismus die Bauern der Miao, Han, Gelao und anderer Völker unterdrückten und ausbeuteten.

Je nach dem Grad des ökonomischen Drucks durch Besteuerung und Pachtabgaben, was vor allem die Han-Bauern betraf, und dem Grad der Einbeziehung der Minoritäten in das Feudalsystem der Mandschu-Dynastie gewannen die Widersprüche zwischen den unterdrückten Völkern auf der einen Seite und den Mandschu-Herrschern und den mit ihnen liierten Grundbesitzern der Han und anderer ethnischer Zugehörigkeit auf der anderen Seite an Bedeutung. Dieser grundlegende Widerspruch, der in den Aufstandsbewegungen auf eine gewaltsame Lösung drängte, hatte jedoch zu dieser Zeit noch keine allgemeinen Formen angenommen; er blieb lokal begrenzt und eliminierte nur zeitweise die früheren ethnischen und sozialen Widersprüche in Guizhou. Während der Prä-Taiping-Zeit (1838—1850) und auch in der Frühphase der Taiping-Revolution (1850—1855) kam es in Guizhou bereits vereinzelt zu Aufständen kleineren Ausmaßes, an denen sich jedoch vorwiegend nur monoethnische Gruppen beteiligten. Beispiele dafür sind die Erhebungen von 1838/39 im Kreis Renhuai 仁懷, von 1852 im Kreis Weng'an 甕安 und im Kreis Liping 黎平 und schließlich auch die Erhebung von Han-Bauern unter Yang Feng 楊鳳. Yang Feng führte seine Aufstandsgruppe vom Herbst 1854 bis zum Frühjahr 1855 von Tongzi 桐梓 aus (in Nord-Guizhou) in einer weiten Bogenbewegung durch die Minoritätengebiete West-, Süd- und Ost-Guizhous. Der antimandschurische Kampf dieser Vortrupps der Aufstandsbewegungen fand zu diesem Zeitpunkt noch keine oder nur sehr geringe Resonanz bei den Volksmassen der verschiedenen Völker. Die Ereignisse dieses Zeitabschnittes verdeutlichten, daß Aufstandsbewegungen polyethnischer Gruppen nicht unter beliebigen Voraussetzungen zustandekommen. Erst als im Sommer und Herbst 1855 die Steuersätze in weiten Teilen der Provinz — aber durchaus nicht überall — erneut erhöht wurden, setzten Massenaufstände ein, in deren Verlauf sich in regionaler Begrenzung Aufstandsgruppen polyethnischen Bestandes bildeten. Auf der Grundlage der ethnischen und sozialökonomischen Zersplitterung formierte sich innerhalb der Provinz Guizhou während der nahezu zwei Jahrzehnte andauernden Aufstandsbewegungen eine große Zahl von Aufstandsgruppen, die in ihrer zahlenmäßigen Stärke, Stabilität, Kampfkraft, im ethnischen Bestand and häufig auch in ihrer Zielstellung viele Unterschiede aufwiesen. Das neue Stadium der breiten antimandschurischen und antifeudalen Widerstandskämpfe stand im Zeichen des Zusammenschlusses polyethnischer Aufstandsgruppen. Um diese verzweigten Aufstandsbewegungen einigermaßen zu erfassen und zu systematisieren, empfielt sich eine territoriale Gliederung. Ausgehend von den Berichten der betreffenden Lokalchroniken lassen sich in Guizhou fünf Aufstandsgebiete herauskristallisieren: es sind dies die Aufstandsgebiete Südost, Mittelost, Nordost, Nordwest und Südwest, die je nach den unterschiedlichen sozialökonomischen, ethnischen und historischen Voraussetzungen spezifische Charakteristika bewahrien. Die Grenzen der Aufstandsgebiete sind nicht starr; sie bezeichnen lediglich den geographischen Rahmen, im dem größere — häufig auch sehr viel kleine — Aufstandsgruppen zumeist selbständig und unabhängig von den Aufstandsgruppen der Nachbargebiete und im allgemeinen wenig permanent operierten. Nur in wenigen Fällen kam es zeitweise zu koordiniertem Vorgehen der Aufstandsgruppen verschiedener Gebiete, beispielsweise zwischen 1860 und 1863, als die Provinzhauptstadt Guiyang von starken Insurgentenverbänden des Mittelost-, Südost- und Südwest-Aufstandsgebietes mehrmals eingeschlossen und berannt wurde.

In einer Reihe wissenschaftlicher Abhandlungen zu den Problemen der Guizhouer Aufstandsbewegungen werden zur Klassifikation der Auf-

stände verschiedene Völkernamen gewählt, wie Miao-, Hui-, Buyi- oder Shui-Aufstände, oder sie bezeichnen die Aufstandsbewegungen in Nordost-Guizhou als Aufstände der Haojun. Wenn auch oft das Dominieren dieses oder jenes Volkes in den lokalen Aufständen oder in einigen Fällen die ethnische Herkunft der Aufstandsführer mit Sicherheit nachgewiesen werden kann, erschwert m. E. eine solche Klassifizierung die Erkenntnis der tatsächlichen historischen Prozesse in Gebieten polyethnischer Bevölkerung während der Aufstandsbewegungen. Mit dem offenen Ausbruch der Widersprüche zwischen der herrschenden Mandschu-Dynastie und den unterdrückten Teilen der verschiedenen Völker wurde besonders deutlich, daß polyethnische Gruppen ein gemeinsames historisches Schicksal teilen. Ihre Forderungen nach Verminderung der Ausbeutung durch Steuern und Pacht, nach Abschaffung des Feudalsystems und der ethnischen Unterdrückung wurden durch die Aktivität der Aufständischen in den verschiedenen Gebieten zeitweilig und in unterschiedlichem Grade erfüllt, wobei sich alle erreichten Erfolge oder die erlittenen Niederlagen nicht auf ein einzelnes Volk sondern stets auf die polyethnische Bevölkerung eines bestimmten Territoriums auswirkten. Undifferenzierte Betrachtung der ethnischen und sozialökonomischen Situation in Guizhou führte viele Autoren zu der Ansicht, daß die Aufstandsbewegungen während der Taiping-Zeit im wesentlichen Miao-Aufstände waren und daß die Aufstände in der gesamten Provinz unter der Führung des Miao Zhang Xiumei 張秀眉 gestanden hätten. Diese Auffassung dürfte auf die summarische Darstellung der Ereignisse in Guizhou zurückgehen, wie sie sich in den «Aufzeichnungen der Hunan-Armee» 湘軍記 findet. Vergleiche mit den Lokalchroniken der Provinz Guizhou legen eine andere Version der Rolle Zhang Xiu-meis nahe. Er war zweifellos einer der tüchtigsten Führer im Aufstandsgebiet Südost, und die ihm bewahrte Verehrung der Volksmassen, beispielsweise in Liedern, entbehrt durchaus nicht der Grundlage seines hervorragenden Heldentums. Aber unter den Aspekten der sozialökonomischen und ethnischen Zersplitterung war ein die gesamte Provinz umfassender Aufstand, zudem noch unter einheitlicher Führung stehend, eine historische Unmöglichkeit. Dagegen verdient das Aufstandsgebiet Mittelost größere Aufmerksamkeit, und auch eine positivere Bewertung der Rolle des bedeutsamsten Aufstandsführers dieses Gebietes, des Miao He De-sheng 何得勝, scheint gerechtfertigt. Er stand in enger Verbindung mit dem «Weißen Lotosbund» und konnte sich auf ein relativ ausgebautes Netz dieser Organisation stützen. Die zielstrebigeren Aktionen der Aufstandsgruppen des Mittelost-Gebietes spiegeln nicht zuletzt die ökonomische und politische Höherentwicklung und den starken Einfluß der Han-Bauern wider.

Wesentlichster Prozeß dieser historischen Etappe war die Stabilisierung der gegenseitigen politischen, ökonomischen, kulturellen und ethnischen Beziehungen in den polyethnischen Gebieten. Dabei nahmen die militärischen Organisationsformen der Aufständischen und ihre Maßnahmen in ökonomischer Hinsicht eine hervorragende Stellung ein. Mit dem Aufbau eines eigenen Militärwesens, wenn auch oft nur in elementaren und rohen Formen, und der Organisierung der Produktion in den Gebieten der Aufständischen wurden zwei Faktoren wirksam, die in der Aufstandsperiode den Stabilisierungsprozeß der polyethnischen Gebiete unvergleichlich intensivierten und den früheren Tendenzen der Zersplitterung und Isolierung entgegenwirkten.

Militärische Organisationen und zivile Verwaltungsorgane der Aufständischen lassen gleichzeitig erkennen, daß sie ihrem Charakter nach Elemente eigener Staatsbildung waren. In den jeweils begrenzten Macht-

bereichen sind die Selbstverwaltungsorgane und die militärischen Formationen in dem Maße als Elemente eines neuen Staates anzusehen, wie der alte Staatsapparat zerschlagen, die Beamtenschaft verjagt und die eigene Produktion und Verwaltung in Gang gebracht worden war. Für die Völker Südwest-Chinas, die im allgemeinen keine über die Dorfgemeinde hinausgehenden politischen Institutionen hervorgebracht hatten, bahnte sich im Laufe der Aufstände objektiv eine Entwicklung an, die etwa mit dem Untergang des alten Staatsgebildes der Nanzhao 南詔 zur Yüan-Zeit zugunsten eines einheitlichen zentralisierten chinesischen Staates abgebrochen wurde. Als die Mandschu-Truppen die Aufstandsbewegungen der Völker Guizhous und Südwest-Chinas niederwarfen, zerschlugen sie damit gleichzeitig alle Elemente einer höheren gesellschaftlichen Organisationsform in diesem Gebiet.

По докладу выступил Г. Франке, оспаривавший антиманьчжурскую направленность антифеодальных восстаний национальных групп в Гуйчжоу.

В. П. ИЛЮШЕЧКИН (*Москва*): АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА ТАЙПИНОВ

Аграрная политика тайпинов имеет первостепенное значение для уяснения социальной сущности тайпинского восстания 1850—1864 гг. в Китае. Однако до недавнего времени она оставалась одной из наименее исследованных проблем истории восстания. Это в значительной мере объяснялось скудостью материалов в связи с тем, что при подавлении восстания документы тайпинов подвергались варварскому уничтожению цинскими властями. Но за последние десять лет благодаря большой работе китайских ученых по выявлению и публикации сохранившихся тайпинских документов и других источников, проливающих свет на эту политику, а также благодаря появлению на этой основе ряда исследований китайских историков по некоторым ее вопросам, положение значительно изменилось. Опубликованные за указанное время различные источники и исследовательские статьи позволяют проследить в общих чертах эту политику, что и является целью данного сообщения.

Накануне тайпинского восстания аграрный вопрос в Китае приобрел жгучую остроту в связи с концентрацией обрабатываемой земли в руках помещиков, обезземеливанием крестьян-собственников, ростом арендной платы за землю и увеличением налогового бремени трудового сельского населения. Ухудшение жизненных условий крестьян в связи со всем этим явилось как раз одной из главных причин тайпинского восстания. Восставшие, основную массу которых составляли крестьяне, естественно были кровно заинтересованы в урегулировании аграрного вопроса в своих интересах.

Основные представления восставших о путях решения указанного вопроса наиболее полно выразились в известном документе «Земельная система небесной династии», который был опубликован тайпинским правительством в 1853 г., вскоре после того, как оно обосновалось в Нанкине. В этом документе излагались идеи перераспределения всей земли среди сельского населения по уравнительным нормам, что означало бы уничтожение помещичьего землевладения, а также идеи объединения крестьян в замкнутые в хозяйственном отношении патриархальные общины и создания сельской администрации по военному образцу. Однако, как

это вполне определенно установлено исследованиями китайских историков, изложенные в упомянутом документе идеи уравнительного перераспределения земли и объединения крестьян в патриархальные общины не получили практического осуществления в государстве тайпинов. В этой своей части «Земельная система небесной династии» осталась в истории тайпинского восстания лишь утопической программой, отразившей неосуществимое в тогдашних условиях Китая стремление восставших покончить с помещичьим землевладением и создать новый общественный строй, основанный на равенстве всех людей и всеобщем благоденствии.

Но, хотя тайпины оказались не в состоянии уничтожить систему помещичьего землевладения и распределить всю землю среди крестьян по уравнительным нормам, тем не менее они наносили ощутительные удары по помещикам и старались в меру своих возможностей облегчить положение крестьян. Их руководители, как указывает современник тайпинского восстания Чжан Дэ-цзянь, автор книги «Положение в стане мятежников», провозгласили: «Наша казна — это богатые дома Поднебесной, наши кладовые — дома, скопившие зерно; мы можем брать в этих домах все и повсюду» [1].

Неуклонно проводя в жизнь этот принцип, они вместе с тем по-разному относились по крайней мере к двум группам помещиков, в число которых входили и чиновники цинского правительства. На всем протяжении восстания тайпины, как правило, беспощадно уничтожали цинских чиновников, родовитую знать и тех помещиков и богачей, которые открыто выступали на стороне маньчжурско-цинской династии. Например, в начале восстания, когда тайпины заняли район Луншань в Гуанси, они убили только помещика Яня в деревне Люхэ и помещика Чжоу Фэн-у в деревне Люцюй за то, что те боролись против восставших, а в других деревнях они не трогали никого [2]. «Они, — писал о тайпинах Чжан Дэ-цзянь, — никогда не убивают крестьян. . . но рьяно рыщут по домам представителей родовитой знати и родственников чиновников, убивают и сжигают их дома» [3]. Истребляя своих открытых врагов, тайпины конфисковывали их движимое имущество и передавали его в «священные кладовые», снабжавшие тайпинскую армию всем необходимым. Со времени захвата восставшими Нанкина в марте 1853 г. земля указанной категории помещиков также стала передаваться в ведение тайпинских властей либо переходила в руки ранее обрабатывавших ее арендаторов.

По отношению к тем помещикам и богачам, которые не выступали открыто против восстания, тайпины проводили более сдержанную политику. Они не только не подвергали их физическому истреблению, но даже многим из них после проведения соответствующих экзаменов присваивали ученые звания, дававшие право на замещение чиновничьих должностей в тайпинском государстве, и довольно широко привлекали их на различные посты в свою сельскую администрацию. Это последнее объяснялось тем, что восставшие остро нуждались в грамотных людях.

Вместе с тем эта категория помещиков подвергалась ограничениям и даже притеснениям со стороны тайпинских властей. Не случайно в одном из тайпинских документов отмечалось, что в районах, занятых восставшими, «богатые семьи не смеют поднять голову и терпят страдания и муки» [4]. Все уцелевшие помещики обязаны были выплачивать тайпинским властям натуральную и денежную контрибуцию — *гунсянь* («дань в знак покорности»). Во многих районах такие помещики могли собирать арендную плату с арендаторов только с разрешения тайпинских властей и по правилам, установленным этими властями и предусматривавшим,

в частности, получение собственниками земли, за определенную плату, удостоверений на право владения землей либо свидетельств на получение арендной платы. Тайпинские власти беспощадно карали нарушителей правил. В одном из рукописных источников сообщается, например, об объявлении тайпинских властей, согласно которому «у тех, кто не получает свидетельств на сбор арендной платы, земля будет передаваться в казну» [5]. В одной рукописной хронике того времени приводится такой случай: «Когда тайпинский сановник Цянь Гуй-жэнь прибыл к командиру дивизии Чжоу. . . нашелся человек, который пожаловался, что (помещиками) без разрешения властей создана контора по сбору арендной платы; тогда сановник послал людей схватить виновных, казнил их главаря Тана, а остальных приказал избить палками» [6].

Тайпинские власти облагали помещиков повышенными и чрезвычайными налогами и сурово карали их за попытки уклониться от их уплаты. «Те, которые раньше слыли богачами, — сообщается в одном из источников, — подвергались особенно тяжелым притеснениям; на этих лиц составляли особые списки на предмет обложения их большими налогами в сумме от 1 тыс. до 10 тыс. лянов; тех, кто отказывался платить эти налоги, заковывали в колодки» [7]. В другом источнике сообщается, что тайпинские власти в уезде Уцзян приказали десяти богатым семьям уплатить 1 млн. вэней [8], и рассказывается такой, довольно типичный случай: «Начальник штаба Хуа предложил собрать военный налог с 14 семей по 80 тыс. вэней. . . Семья Фань не захотела платить его, тогда главу этой семьи схватили, заковали в колодки, через 3 дня доставили в г. Уцзян, дали 300 палочных ударов и отпустили лишь после того, как задержанный уплатил 80 тыс. вэней налога, такой же денежный штраф и 30 серебряных даянов на расходы по этому делу» [9].

Перекладывая значительную часть налогового бремени на помещиков, тайпины в ряде случаев заставляли их также выплачивать различные сборы за неимущих. Например, в том же уезде Уцзян они приказали населению внести деньги и зерно в уплату за дворовые удостоверения, при этом «если бедняки не имели возможности уплатить, то за них надлежало дополнительно платить богачам» [10].

Поскольку многие помещики, представители знати и цинские чиновники бежали из районов восстания либо были убиты тайпинами, их земли так или иначе перешли в руки безземельных и малоземельных крестьян, которые благодаря этому избавились от необходимости отдавать значительную часть урожая в виде арендной платы. Уцелевшие помещики уже не осмеливались угнетать крестьян как прежде и требовать повышенную арендную плату за землю. Во многих районах по приказу тайпинских властей либо по требованию арендаторов проводилось снижение этой платы, ущемлявшее интересы помещиков и способствовавшее улучшению жизненных условий крестьян. В ряде случаев арендаторы просто отказывались вносить эту плату. Так было, например, в уездах Шаосин [11] и Сунцзян [12] осенью 1860 г. и в уездах Уси, Цзиньгуй и Тунсянь осенью 1861 г.[13]. Примерно в это же время в последних трех уездах, а также в уездах Чаншу и Чанчжоу (в 1860 г.) арендная плата была снижена наполовину [14]. В уезде Шаовэнь в 1860 г. арендаторы добились снижения арендной платы до 1—2 доу зерна с каждого му земли [15]. Более того, в одном из источников сообщается, что тайпинский администратор этого уезда в 1860 г. издал приказ, разрешавший тем, кто фактически обрабатывает землю, не платить арендную плату [16]. Однако, судя по другим источникам, этот приказ не был проведен в жизнь.

Аграрная политика тайпинов приносила определенные выгоды не только арендаторам, но и крестянам — собственникам земли, страдавшим ранее от тяжелого налогового гнета. Земельный налог, взимавшийся тайпинскими властями, был значительно ниже того, который крестьяне выплачивали раньше цинским чиновникам. Например, в 1856 г. в районах Цзянси, занятых тайпинами, крестьяне выплачивали земельный налог в два раза меньший, чем при цинских властях [17]. В Аньхое в 1858 г. тайпины собирали налог в размере 6 шэн зерна и 200 вэней деньгами с каждого му земли [18], что составляло приблизительно лишь пятую часть прежнего налога, взимавшегося цинскими властями. В 1860—1863 гг. земельный налог, установленный тайпинами, составлял в уезде Хайлан 1 доу зерна с каждого му земли [19], в уезде Уцзян — 1 доу и 4—5 шэн [20], в уезде Шимын — 1 доу и 6—7 шэн [21], в уездах Тунсянь и Нинбо — 2 доу [22]. Помимо зерна, крестьяне выплачивали часть земельного налога еще и деньгами из расчета 140—350 вэней с каждого му земли; в пересчете на зерно это составляло только несколько шэн [23]. Наиболее крупный налог — по 3—4 доу зерна с каждого му земли — выплачивали крестьяне некоторых районов близ оз. Тайху. Однако он все же был почти в два раза меньше того, что они платили раньше цинским властям [24]. При сборе налога тайпинские власти нередко предоставляли крестьянам различные льготы, снижали первоначально установленные суммы либо взимали его на веру, не выясняя действительных размеров угодий. А в уезде Нинбо плательщики, имевшие менее 5 му земли, вообще освобождались от земельного налога [25].

Бедноте и беженцам тайпинские власти оказывали всевозможную материальную помощь. Например, в 1860 г. в районе Сучжоу они снабдили одеждой и продовольствием многих беженцев и роздали более 100 тыс. связок медных монет местной бедноте [26], а в 1862 г. в том же районе выдали населению более 20 тыс. даней риса, свыше 100 тыс. лян деньгами и снизили налоги.

Таким образом, аграрная политика тайпинов была направлена в основном на оказание помощи бедноте, ограничение феодальной эксплуатации арендаторов, уменьшение налового бремени крестьян — собственников земли, переложение значительной части его на помещиков, ликвидацию тех феодалов и чиновников, которые активно боролись против восстания, и передачу их земель в той или иной форме непосредственным производителям. Это была, несомненно, прогрессивная политика для условий Китая того времени. Правда, такая политика проводилась в жизнь тайпинами не всегда и не везде последовательно. В ряде случаев, особенно в последний период восстания, тайпинские администраторы отдельных районов действовали вопреки интересам крестьян и даже выступали против них на стороне помещиков. Но таких случаев было сравнительно немного.

В целом же аграрная политика тайпинов имела ярко выраженный антифеодальный, антипомещичий характер. Она свидетельствует о том, что тайпинское восстание было не только движением, направленным на свержение глубоко ненавистной народу маньчжурской династии Цин, но также антифеодальной крестьянской войной.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Чжан Дэ-цзянь, *Цзэй цин хойцзи*, — сб. «Тайпин тяньго», т. 3, Шанхай, 1952, стр. 269.

[2] «Тайпин тяньго цин тяоча баогао», Пекин, 1956, стр. 43.

[3] Чжан Дэ-цзянь, *указ. соч.*, — сб. «Тайпин тяньго», т. 3, стр. 273.
[4] «Тайпин тяньго гэмин вэньу лу ту сюйпянь», Шанхай, 1954, 3-е изд., стр. 56.
[5] Лун Шэн-юнь, *Тайпин тяньго хоусы туди чжидуды шиши вэньти*, — журн. «Лиши яньцзю», 1958, № 2, стр. 42.
[6] Рукопись Гун Ю-цуня, *Цзинчжисюань цзыи жицзи*, цит. по ст. У Ян-нань. *Шилунь тайпин тяньгоды туди чжиду*, журн. «Лиши яньцзю», 1958, № 2, стр. 22.
[7] *Юэчжоу цзилюе*, — сб. «Тайпин тяньго», т. 6, стр. 769.
[8] Чжи Фэй, *Уцзян гэнсинь цзиши*, — журн. «Цзиньдай ши цзыляо», 1955, № 1, стр. 46.
[9] *Там же*, стр. 42.
[10] *Юэчжоу цзилюе*, — сб. «Тайпин тяньго», т. 6, стр. 769.
[11] *Вэйчун шицзе*, — журн. «Цзиньдай ши цзыляо», 1955, № 3, стр. 89.
[12] Фань Чэп, *Чжи янь*, — журн. «Цзиньдай ши цзыляо», 1955, № 3, стр. 79.
[13] *Гэншэнь цзиши (сюань лу)*, — журн. «Цзиньдай ши цзыляо», 1955, № 3, стр. 50.
[14] Лун Шэн-юнь, *указ. ст.*, — журн. «Лиши яньцзю», 1958, № 2, стр. 47.
[15] *Там же*, стр. 44.
[16] Гу Жу-юй, *Хайюй цзэйлуань чжи*, — сб. «Тайпин тяньго», т. 5, стр. 370.
[17] «North China Herald», October 4, 1856, № 323.
[18] Ло Эр-ган, *Тайпин тяньго ши ши као*, Пекин, 1955, стр. 202.
[19] «Тайпин тяньго гэмин вэньу ту лу», Шанхай, 1955, 3-е изд., стр. 68.
[20] Цюань Пу-елао, *Гэнгуй цзилюе*, — сб. «Тайпин тяньго цзыляо», Пекин, 1959, стр. 100.
[21] «Тайпин тяньго гэмин вэньу ту лу», стр. 70—73.
[22] Го Тин-и, *Тайпин тяньго шиши жичжи*, т. 2, Шанхай, 1947, стр. 828.
[23] Ли Чунь. *Тайпин тяньго чжиду чу тань*, Пекин, 1956, стр. 24.
[24] *Там же*, стр. 24.
[25] Го Тин-и, *указ. соч.*, т. 2, стр. 828.
[26] *Ли Сю-чэн цзышу*, — сб. «Тайпин тяньго», т. 2, стр. 813 и 821.

По докладу выступили Ф. Майкл, Хэ Пин-ди, П. ван дер Лун, А. Г. Крымов.

Г. В. ЕФИМОВ (Ленинград): ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ 70—90-х гг. XIX ВЕКА В НОВОЙ ИСТОРИИ КИТАЯ (К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ НОВОЙ ИСТОРИИ КИТАЯ)

Большую роль в развитии исторической науки в Китайской Народной Республике сыграли научные дискуссии по крупнейшим проблемам истории. Основным стержнем большинства дискуссий, проведенных среди историков КНР, был вопрос о марксистской периодизации истории Китая. Другие вопросы, например вопрос о зарождении элементов капитализма, о формировании нации, непосредственно примыкают к указанной нами основной теме.

К числу важнейших дискуссий, проходивших в КНР, относится дискуссия о периодизации новой истории Китая. В ходе ее обсуждались вопросы о критерии периодизации, о начальном и конечном рубежах новой истории, о внутренних этапах.

Дискуссия началась статьей Ху Шэна в 1954 году. В октябрьском номере журнала «Лиши яньцзю» за 1959 год Лю Да-нянь формулирует некоторые итоговые выводы, относящиеся к проблемам периодизации новой истории.

По нашему мнению, в вопросе о критерии периодизации мы должны исходить из того, что определяющим, решающим является способ производства, экономика общества. Развитие классовой борьбы, изменения во взглядах и идеях общества в конечном счете зависят от экономического строя общества и изменений в этом строе. Конечно, после прогрессивных изменений в экономической структуре общества в идеологической

сфере продолжают жить остатки старой идеологии, идеологические явления (взгляды, идеи общества) оказывают весьма существенное влияние на развитие самой экономики. Но несомненно, что анализ изменений в экономике является ключом к пониманию нового в классовой борьбе, в идеологической сфере, в развитии внутренних и внешних противоречий в обществе.

Иначе говоря, правильная периодизация истории Китая возможна лишь на базе анализа развития материального производства, в неразрывной связи с развитием классовой борьбы во всех ее проявлениях внутри страны и с учетом внешних факторов, воздействующих и на сферу материального производства, и на сферу классовых и идеологических отношений.

Вопрос заключается в том, как правильно применять эти общие положения к конкретной исторической действительности.

При всем многообразии высказанных в ходе дискуссии суждений участники дискуссии сходились на том, что время от подавления революционной крестьянской войны середины XIX века и до японо-китайской войны 1894—1895 гг. (или включая период восстания ихэтуаней) представляет особый этап новой истории Китая.

Ху Шэн рассматривает 1864—1895 гг. как период социального и политического формирования полуколониального и полуфеодального общества в Китае. Наиболее характерными явлениями этого периода были, по мнению Ху Шэна, усиление влияния иностранного империализма в хозяйственной и политической истории Китая, начало формирования промышленности нового типа, развитие стихийной борьбы масс против иностранных миссионеров и подъем реформаторского движения.

Сунь Шоу-жэнь, соглашаясь с предложенными рубежами данного исторического периода, отмечает в качестве характерного явления данного времени назревание буржуазно-демократического движения в Китае. Фань Вэнь-лань, анализируя исторический процесс с точки зрения развития основных противоречий общества, считает, что указанные годы характеризуются развитием противоречий внутри китайского общества и противоречий между китайским народом и империализмом.

Дай И несколько сдвигает намечаемые другими историками рубежи, рассматривая в качестве определенного исторического периода 1873—1901 гг., когда противоречия с миром империализма приобретают наибольшую остроту; китайская буржуазия предпринимает попытку осуществления реформ.

В упомянутой выше статье Лю Да-нянь относит период с 1864 по 1904 год ко второму этапу новой истории. Важнейшими событиями этого периода являются так называемое проиностранное движение (или движение подражания Западу), реформаторское движение и антииностранное движение, включая восстание ихэтуаней.

Из вышеизложенного видно, что современные китайские историки, незначительно расходясь в определении начального и конечного рубежей, сходятся на том, что 70—90-е годы являются особым этапом новой истории Китая.

Видный представитель старой китайской исторической науки Ли Цзянь-нун также выделял 1864—1894 годы в особый исторический этап, считая наиболее характерным для этих лет подражание западным методам.

В большом курсе «История дальневосточной цивилизации», читаемом в Гарвардском университете профессорами Фэрбенком и Рейшауэром,

видный американский китаевед Фэрбенк также выделяет 1864—1894 годы в особую тему, называя эти годы периодом «реставрации» и западничества ("Restoration" and Westernization).

Таким образом, историки различных школ и различного мировоззрения сходятся на том, что 70-е—90-е годы (или годы со второй половины 60-х годов) представляют особый этап исторического развития Китая. Основной вопрос заключается в том, какое содержание является действительно определяющим для рассматриваемого периода.

Расхождения в определении начальных и конечных дат данного периода не имеют большого значения. В данном случае точная дата всегда будет условна. Все факты и явления, связанные с революционной крестьянской войной (в том числе и восстание «нэньцзюней» и Ду Вэнь-сю), могут быть рассматриваемы в том разделе истории Китая, который охватывает начальный период новой истории Китая (40—60-е годы и начало 70-х годов до 1873), а явления, характерные для рассматриваемого периода (например, возникновение первых современных предприятий), можно и должно рассматривать при характеристике нового периода, охватывающего 70—90-е годы, но в какой-то степени включающего отдельные факты и явления конца 60-х годов.

Переходя к рассмотрению основных черт 70—90-х годов, определяющих их значение в новой истории Китая, следует иметь в виду, что эти годы представляют собою особый период в мировой истории, период перехода от домонополистического капитализма к монополистическому, период становления империализма. Эти огромной важности явления не могли не сказаться на положении Китая. Уже в 70-х годах натиск капиталистических держав на Китай усиливается (захват Японией островов Лю-цю, нападение на Тайвань, провокации в Корее, дело Маргари и Чифуская конвенция). В 70-х гг. Китай лишается «защитного пояса» дружественных держав (франко-китайская война, утрата контроля над Вьетнамом и Бирмой и т. д.). В 90-х же годах развернулась прямая борьба держав за раздел Китая, начало которой было положено войной Японии против Китая.

Все эти процессы являются отражением и составной частью движения мировой истории: перехода к империализму и его становления.

Систематически осложняющееся международное положение, создающее угрозу самому существованию государства, и глубочайшее потрясение основ Цинской феодальной монархии в результате революционной крестьянской войны третьей четверти XIX столетия были исходными явлениями, на фоне которых происходили процессы, характерные для 70—90-х годов.

Среди этих процессов принципиально новым и значительным было формирование капиталистического уклада, создание современных промышленных предприятий. В Китае существовали элементы капиталистического производства, но их удельный вес был еще незначителен. Несомненно, что в XIX веке они получили бы значительное развитие и без вторжения иностранного капитала, но события 40—60-х годов ускорили процесс формирования капиталистического уклада, одновременно придав ему специфическую форму. Поражение Китая в войне с Англией и Францией и занятие англо-французскими войсками Пекина, решающая роль иностранного оружия в подавлении революционной войны тайпинов — все это заставило правящий класс Китая стать на путь создания предприятий современного типа, прежде всего в целях изготовления современного оружия.

Ли Хун-чжан писал Цзэн Го-фаню в 1863 г.:

«Если бы наше оружие было бы так же хорошо, как западное, мы располагали бы более чем достаточной силой для того, чтобы усмирить мятежников в Китае и мы могли бы быть достаточно сильными, чтобы сопротивляться иностранным агрессорам. Россия и Япония ничего не знали об артиллерийском деле до тех пор, пока их императоры и чиновники не стали смиренно учиться секретному искусству Англии и Франции, и вскоре Россия и Япония оказались способны делать пушки и пароходы сами и смогли бороться с Англией и Францией за гегемонию. Если Китай последует их примеру, то спустя столетие будет способен стоять на собственных ногах...»

Первыми предприятиями современного типа, построенными еще в 60-х годах, были артиллерийские арсеналы и судостроительные верфи, созданные лидерами «иностранной партии». Бюрократический характер их организации обусловил их малую эффективность в решении поставленных перед ними задач.

Но уже в 70-х годах появились, а в 80-х начинают преобладать частнокапиталистические предприятия; в 80-х годах было открыто 23 частных предприятия и 9 государственных и государственно-частных предприятий. К началу 90-х годов в Китае сформировался капиталистический уклад, — это является важнейшим фактором данного периода истории Китая в новое время. Именно этот процесс является ключом к пониманию новых идеологических и политических явлений в общественной жизни Китая.

Движение подражания Западу, политика так называемого «самоусиления» были характерными явлениями для политики правящих кругов династии Цин, пытавшихся путем заимствования западной техники укрепить положение монархии и господствующего класса феодалов, и тем самым спасти существующий режим. Закономерно, что наиболее активными представителями такой политики были главные руководители подавления массовых революционных движений — Цзэн Го-фань, Ли Хунчжан, Цзо Цзун-тан и др. Их глубокая враждебность самой идее коренных преобразований в стране, их приверженность феодальному режиму заранее обрекали на неудачу всю политику «самоусиления». Проиностранная направленность их деятельности предопределила дальнейшее подчинение Китая экономическому и политическому влиянию Запада. Это нашло свое проявление в подчинении некоторых важных сфер политической и экономической жизни Китая иностранному контролю (таможенное ведомство, новые концессии и сеттльменты, вновь открытые порты, проникновение иностранцев в сферу дипломатической деятельности Китая и пр.).

Хотя официально право строительства промышленных предприятий в Китае иностранные государства получили после японо-китайской войны (6-я статья Симоносэкского договора), но фактически число иностранных предприятий в Китае было уже довольно значительным (см. *Историю экономического развития Китая 1840—1948 гг.*, М., 1958 г., табл. 74). Эти предприятия были существенными конкурентами молодой национальной промышленности.

Прав Фань Вэнь-лань, когда пишет: «Чем больше „богатств и могущества" добивалась проиностранная группировка, тем беднее становился народ и слабее государство». Проверка результатов «новой политики» франко-китайской войной (не говоря уже о японо-китайской) показала полную ее несостоятельность.

Деятельность крупных сановников — сторонников «новой политики» — была направлена по существу на сохранение основ старого феодального режима.

Именно в свете банкротства этой «новой политики» по достоинству можно оценить действительно новое явление в общественной жизни Китая 80—90-х годов — подъем либерально-реформаторского движения. При всей ограниченности и слабости, присущих этому движению, оно в основе своей было патриотическим, и программа его была программой осуществления буржуазных преобразований в Китае. Это движение, порожденное значительным ухудшением международного положения Китая и существенными изменениями в экономическом положении страны, было важнейшим проявлением нового периода китайской истории.

Либерально-реформаторское движение потерпело полный крах, знаменовавший собой непригодность метода реформирования Китая сверху в условиях новой китайской действительности. В конце рассматриваемого периода в Китае зарождается революционно-демократическое движение. Тем самым данный исторический период завершает полосу великих крестьянских движений, проходивших вне организованного революционно-демократического руководства.

В 70-х и частично 80-х годах XIX столетия, после подавления восстаний неханьских народностей, в Китае не происходило крупных антифеодальных или антииностранных восстаний. Ошибочно было бы рассматривать этот факт как отражение результатов «новой политики» или нового в политике держав. Причины этой временной стабильности заключаются в другом: народные восстания были подавлены со столь беспощадной жестокостью, истребление участников антифеодального движения было столь велико, разорение ряда провинций было столь значительно, что народные массы не сразу оправились от нанесенного поражения. Но уже в середине 80-х годов и особенно на рубеже 80-х и 90-х годов антииностранные (антимиссионерские в своей основе) выступления приобретают большой размах. В 1898—1899 годах антииностранные выступления, тесно переплетающиеся с антиправительственными, приобретают грозный характер, приведя в конечном счете к мощному ихэтуаньскому восстанию. Народные движения этих лет, сыгравшие огромную роль в предотвращении окончательного раздела Китая, были в известной степени продолжением крестьянских движений середины XIX века со всеми присущими им особенностями; вместе с тем для них характерно еще более ясно выраженное антиимпериалистическое начало.

В 90-е годы возникают явления, знаменующие начало нового этапа борьбы. Суть этого нового этапа Мао Цзэ-дун характеризовал так: «Антиимпериалистическая, антифеодальная буржуазно-демократическая революция в Китае, строго говоря, началась с Сунь Ят-сена, и она продолжается уже более 50 лет» (Мао Цзэ-дун, *Избранные произведения*, т. 3, стр. 19).

Именно на рубеже двух столетий, с того времени, когда Китай уже стал полуколониальной, полуфеодальной страной, борьба китайского народа против феодализма, против династии Цин, приобретает более организованный, целенаправленный характер, и в руководстве этой борьбой решающую роль занимает демократическая буржуазия Китая во главе с Сунь Ят-сеном; начинается, как говорил В. И. Ленин, «переход старых китайских бунтов в сознательное демократическое движение» (В. И. Ленин, *Соч.*, т. 15, стр. 162).

Значение 70—90-х годов новой истории Китая не исчерпывается одними лишь отмеченными выше чертами. Если рассматривать всю совокупность экономических, политических и идеологических явлений, получивших свое особое развитие в последние десятилетия XIX века, то такие из них, как становление капиталистического уклада, расширение экономических связей, возникновение новых крупных политических, экономических и культурных центров, активизация идейной жизни во имя поисков новых путей развития страны, — все это отражает неоспоримый факт дальнейшего распада феодального общества. Вместе с тем многие из указанных процессов являются базой или непосредственным проявлением роста национального самосознания китайского народа. То, что мешало консолидации китайской нации, вело к ее разобщенности, постепенно отмирало. При всем многообразии точек зрения, высказанных в процессе дискуссии о становлении китайской нации, никто не отрицал того, что во второй половине XIX века, особенно в его последние десятилетия, несомненен факт окончательного сформирования китайской нации.

Следующий период новой истории Китая (первое и второе десятилетия XX века) характеризуется многими новыми явлениями, отражающими более высокий этап борьбы китайского народа за социальный и политический прогресс.

По докладу выступил П. ван дер Лун.

11 августа, вечернее заседание
Председатель Г. Франке (*Мюнхен*)

FRANZ MICHAEL (*Seattle*): THE ROLE OF THE GENTRY AND THE PROBLEM OF CENTRAL CONTROL AND REGIONAL POWER IN XIXth CENTURY CHINA

Students of Chinese history have been intrigued by two phenomena, each often mentioned as an outstanding characteristic of that great historical tradition. One is the very length of Chinese imperial history which lasted from the third century B. C. until the revolution of 1911; the other, the succession of different dynasties that ruled the country. The institutional and intellectual continuity appears to be in contrast to the recurring decline and fall of dynasties followed by the rise of new ruling families in what have been called dynastic cycles. This contrast between two opposing institutional trends, a continuity of the institutional structure and a recurring political disruption, is certainly one of the most intriguing issues with which the student of Chinese history has to deal.

In the following paper an attempt is made to derive from an analysis of one period of this long history an understanding of elements that existed in other periods as well and are believed to be of general importance for the understanding of this contrast. The period under discussion is the XIXth century, the time of the decline of the Ch'ing Dynasty.

I. The Gentry and the Ch'ing Government

Let me describe the Ch'ing situation while the power of the state was represented by an emperor who was in theory omnipotent, the sanction of the emperor's authority rested on a belief in a moral order accepted by

the emperor and people alike. This moral order, based on Confucian teachings, was represented by an educated class, the Chinese gentry, whose education was believed to give them the qualifications and the moral authority for leadership in state and society. In the Ch'ing period, as under the preceding dynasties, the gentry was the educated stratum from which the emperor selected his officials. The officials, however, were only a small group. By far the larger number of the gentry remained at home and on their own initiative assumed most of the responsibility for the welfare of their districts and provinces. Theirs was a double role. As government officials they acted under the orders of the emperor and were the instruments of dynastic authority. As gentry, leaders of Chinese Confucian society, they worked for the maintenance of the Confucian system itself, motivated by the traditional responsibilities of the gentry to society and backed by the authority of their educational prestige. The gentry were in fact the link between society and state, and the functioning of the government depended as much on their services as gentry as it did on their work as officials.

While the emperor's rule was sanctioned by the Confucian system and maintained by the gentry, the final guarantee of his power was military force. But military power was, as Chinese history has told, a dangerous weapon for any ruler. The government's endeavor was always to relegate the military to a supporting position in the bureaucracy. The military men were under the Ch'ing therefore not a separate power group but a part of the officialdom, and the Chinese among them were counted as members of the gentry.

In surveying the actual work of the government officials and of the gentry leaders in their home areas during Ch'ing time, one is struck by the small size of the official staff and the limited range of its activities. During the XIXth century there were only some 40 000 officials. In contrast there were some 1 000 000 to 1 500 000 gentry who carried on affairs that the government did not handle.

The government naturally reserved to itself the areas of supreme importance for power and control. Military force was in principle a government prerogative; the people were forbidden by law to carry arms, and only the emperor's officers and officials had the right to lead troops. The government reserved to itself the right to impose and collect taxes. The government had all the lawmaking power and had the sole judicial authority to decide on violations of the law and the punishment of offenders. Military power, taxation, the making and enforcement of laws, — these were the main prerogatives of the government.

The gentry held itself responsible for serving the well-being of society by carrying on a great many functions in their local areas. They handled a vast number of widely divergent responsibilities. They acted as arbitrators in local conflicts between individuals, families, villages, and even districts or provinces. They had to care for the poor and the weak; they organized the rice kitchens, the charity granaries, and collected and administered the funds to alleviate the difficulties of the poorest elements of the population. They organized and managed local public works, the building of roads and bridges, dikes for flood protection, irrigation and drainage canals so vital for the agricultural economy. The arbitration, the charity, the public works, could be small matters or very large ones. The large ones were of obvious importance, and the small ones were not isolated activities that occurred occasionally but were a systematic handling of all the many problems that concerned the people of the area. Taken together the

activities of the gentry determined the well-being and the peace and order of their areas.

The work of the government officials and the activities of the gentry were, however, not sharply delineated and kept apart. In the important area of public works, for instance, there was a close link between official and gentry management and responsibilities. While smaller works were often undertaken by the gentry themselves, with or without formal official approval and participation, the larger works were initiated and frequently directed and financed by the government, but built with the help of the gentry. Even when the officials took a most active part in organizing public works, they depended on the gentry for cooperation in bringing in the local population and frequently providing funds from the area concerned. For the Ch'ing time it may be safe to say that practically all of the public works undertaken were done with gentry participation, if not by the gentry on their own. This cooperation, however, between government and gentry could be observed in many other fields. No local official could manage his district without the practical cooperation of the local gentry.

In their management of local affairs, whether on their own or in cooperation with officials, the gentry acted, however, on their own initiative and not under the orders of the emperor or under the discipline of the administrative organization. Their responsibility was not — like that of the officials — toward the emperor. To them their education had given them an obligation to serve society, to "carry the burden of the world on their shoulders". The education that provided them with a privileged position was believed to impose at the same time an obligation to serve. In practice such service was a profession and a source of income.

The affairs they managed — arbitration, welfare, and public works — were matters of public concern, not matters of private interest. The areas in which they functioned were the districts or provinces — administrative areas rather than any private domain. The gentry cannot be considered as part of the official bureaucracy, nor on the other hand were they a class of estate holders with jurisdiction over their own domains. They were public functionaries serving within the administrative areas of the state but acting on their own responsibility in what they regarded as the public interest. Their public service gave the gentry power and income. While the income derived from gentry services could not compare with the fortunes that the gentry could accumulate when they served as officials of the government, it was a substantial amount and provided the basis of the gentry standard of living, which was far above that of the common people.

One may indeed wonder about this role of the gentry. Why had, even at the end of the imperial time, the Ch'ing Dynasty, as highly sophisticated in its administrative system and methods as it was, limited its official staff and its administrative activities to the most essential aspects of government? Why did it rely so heavily on the gentry to manage local affairs under their own initiative? The Ch'ing government certainly had the power to prevent any real local autonomy of the common people and had initiated subadministrative systems of control such as the *pao-chia* and *li-chia*, which were meant to prevent any such local autonomy. Why did the government not manage all public affairs through appointed officials or subofficials under its direct control? Why did it leave so much leeway, privilege, and responsibility to the gentry? The answer, we hold, lay in the ideological authority of the gentry, which no emperor could take away from them.

The gentry's authority was based on their education, an education through which they gained not only the skills needed for the management of people and affairs: skill in the writing of the official language, knowledge of the history and practice of government, and proficiency in the handling of affairs within the existing social order, but, most of all, an inculcation in the ethical precepts of Confucianism which were the heart of the Chinese cultural tradition.

They were also through private teaching to educate their students to carry on this tradition. In fact teaching was the major occupation of most members of the gentry. The state limited itself to the recognition of the educated status through the granting of degrees given after highly competitive examinations arranged by the government; but the preparation for these examinations was given by private teachers to smaller or larger groups of students who paid for the tutoring they received. Of all the activities that the gentry carried on autonomously, teaching was the most important. The largest group of the gentry, especially of the lower gentry, made their living as teachers.

Their teaching, their scholarly work, their management of affairs in their home districts and provinces, these were the activities carried on by the gentry, activities which were as vital to the maintenance of state and society as was their service as officials of the emperor. These activities were also major sources of income. The gentry were institutionalized public functionaries whose position and role depended on their education as certified by their examination degrees. Their position and power did not depend on ownership of large landed estates. There were, indeed, very few large estates, and while many gentry owned some land, land was certainly not owned by all, nor was landownership crucial for the gentry's role, not even as a source of income. Investment in land did not give high returns, and land was not easily held together as a family possession. There was no guarantee against state interference in property rights, and property was often lost when officials and their families fell into disfavor or simply as a result of political intrigue and corruption. But the most important reason for the weakness of landed property was the absence of a system of primogeniture. Without primogeniture, which was the basis for family holdings of nobles and sometimes ordinary farmers in Europe, no continuity of landed property ownership could be secured in Ch'ing China. The Chinese law of inheritance provided for equal division of property among sons, and many family histories show a constant division of property through inheritance. As a result, very few large landed properties could be found in Ch'ing time, and those in existence were mostly accumulated in a short time by people who gained fortunes in official service and invested in land. They were the result, not the source of power and were usually as quickly dispersed as they had been built up. Land was not the basis of political power.

The gentry supported the state and served it as officials, but they retained an outside source of reference in the ideological system which was accepted by emperor, officials, and gentry alike. The autocratic power of the emperor, his court, and his government was confronted by the gentry's intellectual authority in a bipolarity which gave the Chinese empire an inner tension that may well have been a decisive factor contributing to the greatness and continuity of its traditions, as well as to its political instability. The gentry's autonomy limited the power of the dynasty and created problems of control; but it was also the gentry that maintained the system

in times of crisis and was instrumental in rebuilding from regional beginnings the government power of the ruling house or of a new dynasty. The dynasty could fall, but Confucian society must survive.

II. Central Control and Its Results

The emperor's problem was therefore to maintain a central control over a ruling élite which was only in part in his government administration and which, outside of it, carried on the education and propagation of a system of ethical values, beliefs, and ideas which remained outside imperial control. To do this the government established its system of examinations through which the results of Confucian education were given formal recognition. By setting quotas for the examinations the government succeeded in limiting the gentry and in gaining some control over admission to this group. The danger that the central government sought to avoid was an invasion of state power and assumption of official authority by members of the gentry and, most of all, a joining of forces between local officials and gentry, and the establishment of centers of local bureaucratic power which the central government could no longer control. In order to prevent this threat, the Ch'ing government, following the examples of its predecessors, devised a number of measures to divide and check the authority of its officials and to supervise and control the gentry. But then, as earlier, these measures did not prevent the eventual disintegration of central control, and in fact may have contributed to dynastic decline. At the provincial level, for example, there was no clear delineation of official functions, which greatly overlapped. No official was able to organize his bureaucratic organization against the government, but also none was able to act quickly and show initiative to solve an urgent problem or to introduce new measures and changes for general improvement. To prevent a link between officials and the gentry, no official was permitted to serve in his home district or province, and each term of office was too short to allow for acquaintance and connection with the local social leadership. This measure was meant to keep gentry and officials apart but worked to the disadvantage of efficient government.

The Ch'ing government's loss of control resulted from a growing ineffectiveness of the whole bureaucratic machine, as had occurred before in the dynastic cycles. Such decline has been ascribed to corruption, so often mentioned in Chinese sources; and in the view of most historians it is this factor that has been the main cause for the downfall of Chinese dynasties. But corruption itself is a phenomenon caused by some deeper factors. The explanation may be that the system of control itself caused its own decline. The system of checks, division of authority, and the use of terror, at times against individuals and families, at others against whole groups to prevent independence or autonomy, was, in a sense, self-defeating. It discouraged all initiative, all resourceful action, and stifled the administrative machine to such a degree that only routine measures could be carried out, and officials could not easily deal with emergencies. To move up or even to hold their own the officials had to build up their connections and secure their positions and actions from the denunciations and bad will of competitors or rivals. The system itself, therefore, made necessary a regulated giving of gifts and contributions in an atmosphere of intrigue and influence peddling which no one could escape. And the army, as part of the administrative organization, was equally prone to corruption.

III. The Growth of Local Power

In the XIXth century the Ch'ing government was deeply affected by the corruption of the administration and the army. With the weakening of the army the Ch'ing government lost its ability to maintain order and prevent the unrest that resulted from the discontent with maladministration. The decline of the imperial government's administration and its military force invited an extension of authority by nonofficial local leaders. The power abdicated by the imperial government was taken over by local leaders and gentry, and the second phase of the cycle began with the build-up of local power. Local leadership, however, was frequently provided also by the heads of the secret societies that existed at all times during the last centuries of imperial history but grew more important during periods of political chaos and discontent when they could become the organizational framework of military uprisings.

Towards the middle of the XIXth century the conditions created by the decline of government and local unrest had reached crisis proportions. The rebellions of that time, the Taiping, the Nien, and the Moslem rebellions, all originated from the small scale warfare of the time and from local battles in which the government took sides only when a local disturbance had led to a rebellious threat against its own authority. Of these three rebellions the only one whose openly expressed aim was conquest of the empire and establishment of an imperial government was the Taiping Rebellion. It differed from the others and from earlier rebellions in the role which a religious ideology played in its organization and in the new political and social structure which it attempted to establish. Its leader, Hung Hsiu-ch'üan, the Heavenly King, wanted not only to overthrow and replace the imperial government but to establish a new religious ideological system based on Christian concepts as the foundation for the new state and the training of its new élite. In this sense the Taipings were revolutionary. They attacked not only the dynasty but also the ruling stratum itself.

For this reason the gentry could not join the rebel side or wait for a Taiping victory to offer their services. They had to fight the Taipings to defend the system. Tseng Kuo-fan, who became the defender of the Ch'ing government against this attack, appealed to his fellow gentry to come to the support of the Confucian system rather than calling them to save the dynasty. Speaking of the Taiping ideological attack against tradition he said:

"How could that be a change that only concerns our Ch'ing dynasty? No, it is a serious change that concerns our entire civilization (*ming chiao*) from its very beginnings, and makes our Confucius and our Mencius cry with grief at the nine wells. How can anyone who can read and write remain quietly seated, hands in sleeves, without thinking of doing something about it?"

This was the crucial issue, not the salvation of the Ch'ing dynasty. Since the dynasty was representing the order that the Taipings attacked, the defense of the system became a defense of the dynasty. But the defeat of the Taipings did not re-establish the dynasty in its former position of power.

The leaders of the Taiping armies carried out an open attack against the Ch'ing government; but the leaders of the regional armies that the Ch'ing government permitted to be formed in defense of its interests were undermining the government's authority from within. It was a totally different

army from the government's central force. A clear chain of command centered authority in the head of the organization. It was a personal army consisting of units loyal to the individual officers who were in turn loyal to their highest commander. To support it the commander had to have regular tax funds. To collect them he needed an administrative staff which was appointed and controlled by him. Military, administrative, and financial authority had to be combined in one person. This situation the Ch'ing government had to permit and even to encourage as a defense against the more serious threat of rebellion.

The new regional leadership emerged from the local gentry who extended their area of function to include what had been the prerogative of the government — the military defense of their home districts and provinces, and indeed of the whole country. The new administrative organizations that were established maintained close contact with the members of the local gentry from whom they continued to derive their support. The regional leaders owed their power to the control of their own armed forces, their own administrative staff, and their own funds. But the government had to add its official blessing and recognition through the formality of appointment of these leaders and their staff to provincial or other offices within the official hierarchy. The regional machines remained therefore a part of the official bureaucracy undermining its central control. This development tended to dissolve central authority and created new regional nuclei of power, as dangerous to the dynasty as open rebellion.

IV. Concluding Remarks

When in the XIXth century the power of the Ch'ing dynasty declined through corruption of the administration and disintegration of the central armies followed by rebellions, it was the gentry leadership that rebuilt local government through military and administrative organizations under its control. Once more, when the political structure was at the point of collapse, the gentry leaders acted to preserve the continuum of the social order. And in this they succeeded at the time.

Once victory over the Taipings was secured, the new leaders did not dissolve their political and military organizations in spite of the imperial government's attempt to reduce or break their autonomous power. There was no real T'ung-chih Restoration, since the regional power, once established, carried on, and the central government failed to regain most of its military, administrative, and financial authority. The problem of the political decline was not resolved. And before it could be resolved through a new centralization of dynastic power under a new mandate, the intellectual crisis of the Confucian beliefs undermined the social order itself, which was made more vulnerable through the disintegration of its political institutions. Whether under other political conditions this system itself could have been transformed to survive in the world of the XXth century, whether for instance reforms like those of K'ang Yu-wei might have had a chance of success, is a matter of speculation that cannot concern us here.

The crisis of the decline of the gentry itself, however, came only after the early crisis in which the gentry still preserved the system. In this earlier crisis the elements of decline and continuity of traditional state and society were still at work. The special role of an educated stratum, the gentry, in state and society; the reliance of the Ch'ing government on the services of

the gentry in the official bureaucracy; the problems of incorporating the military into the bureaucracy; the complex of stratagems developed to maintain central control over the bureaucracy and to neutralize the gentry; the breakdown of this system of control in inefficiency and corruption; the build-up of local and regional and military power; and the role of the educated in preserving social and intellectual continuity, — these appear as the main factors in the Ch'ing dynastic crisis of the middle XIXth century, factors that we believe to be of importance for earlier periods as well.

The preoccupation with the period of crisis, however, must not lead to an underestimation of the long years of the successful operation of the Ch'ing system, which was based on a balance between political power and social control that did not guarantee the former but provided a continuity of social development only broken when the beliefs themselves on which it was based had come under attack.

По докладу выступили Е. Ф. Ковалев, Г. В. Астафьев. Последний указал, что занятие государственной должности в старом Китае требовало больших затрат и свободного времени, а потому было невозможным для трудящихся. Вследствие этого джентри были в основном выходцами из помещиков и к тому же владели половиной всей обрабатываемой в Китае земельной площади. Джентри и центральная власть были связаны общими классовыми интересами в деле эксплуатации крестьянства и сохранении феодальной собственности на землю.

SIEGFRIED BEHRSING (*Berlin*): TELEGRAMME DER CHINESISCHEN GESANDTSCHAFT IN BERLIN AUS DER ZEIT DES EINDRINGENS DES DEUTSCHEN IMPERIALISMUS IN CHINA (1898—1899)

Jerussalimski hat in seinem Werk *Die Außenpolitik und die Diplomatie des deutschen Imperialismus Ende des XIX. Jahrhunderts* auf Grund von altem und neuem Akten-Material auch die deutsche «Pacht» von Kiautschou 1897/98, die den Versuch der imperialistischen Mächte zur Aufteilung Chinas einleitete, anschaulich dargestellt. Weiteres Material zu diesem Themen-Komplex stellen 13 Telegramme dar, die der chinesische Gesandte in Berlin, Lü Hai-huan, in der Zeit vom 28.1.1898 bis zum 13.1.1899 an das Tsungli Yamen richtete und die im *Ch'ing-chi wai-chiao shih-liao* (Kuanghsü, Kap. 129—136) veröffentlicht sind.

Diese Telegramme (etwa ein Viertel des im *Ch'ing-chi wai-chiao shih-liao* erhaltenen auf Kiautschou bezüglichen Materials) beziehen sich auf Verhandlungen, die Lü Hai-huan mit dem Auswärtigen Amt in Berlin in der Zeit vor und nach dem Abschluß des «Pachtvertrages» vom 6.3.1898 geführt hat. Lü Hai-huan sieht den Gesandten Heyking in Peking als den Hauptverantwortlichen für die rücksichtslose China-Politik der damaligen deutschen Regierung an. Lü tritt uns in seinen Berichten einerseits als bewährter und treuer Ch'ing-Beamter entgegen, der es als seine Pflicht ansah, die Dynastie selbst mit Hilfe der Ausländer gegen das eigene Volk zu schützen, andererseits aber als Chinese unter den Demütigungen leidend, denen sein Land seitens der imperialistischen Eindringlinge ausgesetzt war. Seine telegraphischen Berichte vervollständigen das Bild von den Methoden, deren sich die Berliner Regierung bediente, um ihre Forderungen wegen der Ausbeutung der Kohlen- und Erzlager und wegen des Hafen- und Bahnbaus in Schantung durchzusetzen.

Eine deutsche Übersetzung der genannten Telegramme wird in den «Mitteilungen des Instituts für Orientforschung» der Deutschen Akademie der Wissenschaften erscheinen.

По докладу выступил Г. К. Райна.

J. CHESNEAUX (*Paris*): LES TERMES RELATIFS AUX ORGANISATIONS OUVRIÈRES PENDANT LA PHASE INITIALE DU MOUVEMENT OUVRIER CHINOIS (1911—1927)

Le terme le plus courant est celui de *gong-hui*. C'est lui qui désigne communément les organisations ouvrières qui se multiplient à Canton vers 1920—1922, à Changhai à partir du «Mouvement du 30 mai», à Wuhan après l'arrivée des troupes cantonaises en 1926. Les termes de *zong-gong-hui* et de *gong-hui-lien-he-hui*, de la même façon et à la même période, sont employés pour qualifier les regroupements de syndicats sur une base régionale (Changhai, Wuhan, le Henan, le Hunan) ou industrielle (marins, mineurs, postiers, cheminots).

Mais cette terminologie ne s'est precisée et stabilisée que peu à peu, et il vaut la peine d'examiner et d'analyser les très nombreux termes qui à cette période étaient également employés pour désigner les syndicats et autres groupements ouvriers.

Certains de ces termes reflètent la vitalité de la tradition des guildes, (*gong-suo* ou *gong-hui*, mais avec le caractère *gong* qui signifie «public»). Il subsiste alors de nombreuses guildes mixtes, mais il est significatif que même des organisations authentiquement ouvrières comme celles des imprimeurs du Hunan en 1918, des ouvriers du textile de Pudong en 1922, des postiers de Changhaï en 1925, se soient appelées *gong-hui* (avec le caractère *gong* signifiant «public», et non «travail», ce qui est la forme normale). La tradition des guildes se retrouve aussi dans des termes à coloration semi-religieuse comme ceux qui désignent des associations de marins de Changhai (*Jun-An shui-gong-hui*, «guilde marine de l'égalité et de la paix») ou des groupements de coolies de Hongkong (*Tong-de gong-hui*, «guilde de la vertu commune»).

D'autres groupements, en particulier ceux qui se forment à Changhai à l'époque du «4 mai» 1919, sont marqués par l'idéologie «d'expansion industrielle» de cette époque. Les termes de *gong-jie lien-he-hui* (électriciens de Changhi, 1919; bateaux et entrepôts de Changhai, 1920), désignent des associations qui vraisemblablement réunissaient le petit patronat chinois, les cadres, et des ouvriers qualifiés, espérant développer en commun leur pays en dépit de la diversité de leurs problèmes de classe. A cette époque, plusieurs associations changhaiennes portent le nom significatif de *gong-jie zhi-cheng-hui* («association de promotion industrielle»).

Les aspirations ouvrières sont en effet encore fort confuses, jusqu'en 1921—1922 et même au-delà. Les premières organisations à caractère de classe n'ont pas encore pour autant adopté des positions de lutte de classe. Les noms qu'elles choisissent reflètent l'apolitisme de leurs préoccupations: fraternité et solidarité (*tong-zhi-hui*, chez les cheminots du Jinpu en 1912; *tong-yi-hui*, chez les tireurs de rickshaws de Wuhan en 1912; *you-yi lien-he-hui*, chez les préparateurs en pharmacie de Changhi en 1918; *tong-ren-hui*, chez les mineurs de Fangzi en 1922); mutualisme (*tong-ren gong-ji-hui*,

chez les cheminots du Lunghai en 1912; *lao-gong hu-zhu-tuan*, chez les imprimeurs du Sichuan en 1919; *hu-zhu zong-shi*, formée à Canton vers 1920 par le militant du Guomindang Xie Ying-bo; défense professionnelle et formation professionnelle (*yan-jiu-hui*, *wei-chi-hui*, noms qu'a successivement porté le groupement des mécaniciens du Guangdong en 1907 et en 1921; *yan-jiu-hui*, chez les mineurs de Sichuan en 1924; *wei-chi-hui*, chez les cheminots de Harbin en 1923); moralisme, qui rejoint ici la tradition des guildes déjà mentionnée ci-dessus (*tong-ren-hui*, chez les imprimeurs des Presses commerciales de Changhai en 1912; *jin-de-hui*, chez les ouvriers du textile de Changhai en 1922; *li-zhi-hui*, chez les ouvriers des Presses commerciales en 1913).

Il semble bien, encore que ce point reste mal éclairci, que quand la conscience de classe s'est affirmée en 1921—1922 avec la première grande vague de grève, elle se soit cristallisée non autour du terme *gong-hui* (syndicat), mais autour du terme *ju-le-bu* (phonétisation chinoise du mot occidental «club»). Le terme *gong-hui* s'imposera par la suite pour désigner communément les organisations syndicales revendicatives, mais il semble bien qu'en 1919—1920 il ait été utilisé d'abord par des contremaîtres ou des éléments surtout soucieux de carrière personnelle, en particulier sur les lignes de chemins de fer et à Changhai. Selon Deng Zhong-xia, c'est par réaction contre ces manœuvres et ces ambitions que les organisations authentiquement ouvrières auraient préféré le nom de *ju-le-bu*; c'est ainsi que se nomment les groupements de cheminots et de mineurs créés en 1921—1922 à l'instigation du Secrétariat du travail (communiste). C'est aussi ce nom que prennent en 1920—1921 un certain nombre de groupements de mécaniciens cantonais désireux de rompre avec les éléments patronaux qui à l'origine étaient très influents dans leur organisation.

Certain de ces *ju-le-bu* prendront ensuite le nom de *gong-hui*, surtout chez les cheminots, mais jusqu'à sa dissolution en 1925, et même quand au fait de sa fortune il groupe 1300 adhérents et constitue une véritable puissance locale, le groupement des mineurs de Anyuan, sous la direction de Liu Shao-qi, garda toujours le nom de *ju-le-bu*.

Cette diversité des termes relatif aux organisations ouvrières reflète donc, jusqu'en 1921 en même au-delà, le lent cheminement de la conscience de classe et des aspirations de classe. Mais pendant une seconde période, qui commence en 1922 quand les communistes du Secrétariat du Travail s'affirment comme les plus actifs animateurs du mouvement ouvrier chinois, cette diversité des termes subsiste, mais avec un tout autre caractère. Elle traduit désormais l'acuité des conflits politiques entre l'aile révolutionnaire du mouvement ouvrier et les éléments dissidents, réformistes, plus ou moins liés au patronat et aux forces anticommunistes, que leurs adversaires de gauche qualifient de *gong-zei* (brigands du travail). Ces éléments de droite tentent de toutes les façons de prendre le contre-pied des organisations syndicales de masse. A Changhai ils tentent de constituer en 1924 un *gong-tuan lien-he-hui* qui a d'ailleurs des ambitions nationales, et qui s'opposera violemment aux éléments de gauche du *zong-gong-hui* l'année suivante. Ils cherchent aussi à exploiter à leur profit des traditions de lutte, et, par exemple, le terme de *lao-gong-hui*, porté en 1921 par l'organisation semi-anarchisante de Zhangsha dont les dirigeants sont décapités en 1922 par Zhao Heng-ti, est repris par des groupements de droite à Changhai en 1924, à Nankin en 1925, au Hunan en 1924 et 1926. De même, les appellations apolitiques, qui dans une première période ne reflétaient que l'incertitude des aspirations ouvrières (mutualisme, moralisme, qualification professionnelle),

sont en 1923—1926 utilisée fréquemment par ces groupements anti-communistes, pour tenter d'entretenir dans la classe ouvrière ce même apolitisme. Le club patronal d'entreprise fondé en 1924 à la manufacture de tabac Nan-yang à Changhai s'appelle *tong-zhi-hui*; ce sont des *yan-jiu-hui* que fonde Wu Pei-fu en 1923—1924 chez les cheminots du Nord pour tenter d'y consolider son influence; les associations constituées en 1923—1924 chez les ouvrières de la soie de Jiabei par l'agent patronal Mme Mu Zhi-ying portent le nom de *jin-de-hui* et de *yan-jiu-chu*.

La diversité des termes relatifs aux organisations ouvrières en Chine de 1911 à 1927 reflète donc bien la complexité des influences et des conflits qui se manifestent alors au sein mouvement ouvrier chinois.

Mais cette diversité, on l'a noté, est surtout le fait des éléments qui ne se sont pas encore engagés dans la lutte revendicative et politique de masse, ou qui refusent de s'y engager par anti-communisme. Les organisations appelées simplement *gong-hui* ou *zong-gong-hui* sont au contraire, dans la grande majorité des cas, celles dont l'action a le plus fortement pesé sur l'évolution sociale et politique de la Chine à cette époque.

По докладу выступил Г. К. Райна.

V. PURCELL (Cambridge): THE BOXERS — "PRO-DYNASTIC" OR "ANTI-DYNASTIC"?

In the course of my enquiry into the history of the Boxers over some years the question which has interested me above all others is this. At the time of the crisis in 1900, the Boxers were vowed to the support of the Throne and to the destruction of foreigners, yet there is reason to believe that their aim had previously been "anti-dynastic". At what point did the change-over take place, and for what reasons? After setting out Lao Nai-hsüan's theory of the Boxer origins Mr. Chester Tan writes, "The Boxer's slogan of 'upholding the Ch'ing Dynasty and exterminating the foreigners' caught the imagination of the people". The question is — w h e n and w h y. (No previous slogan or aim is mentioned by Mr. Tan.) The fact that the theory of the present-day Chinese historians is that it was a peasant movement on the traditional pattern of Chinese revolutions, directed against the Manchu Government as well as the foreign imperialists, makes the answer of the first importance. Can we "pin-point" the appearance of the slogan, "Support the Ch'ing; destroy the foreigner"? This is what I have attempted to do, although the evidence has proved to be conflicting in some respects and the answer given cannot therefore be conclusive.

The first mention of the Boxers since Chia Ch'ing's reign is in a telegram of 22 May 1898, from Chang Ju-mei to the Throne reporting the appearance of a new society called the *I Min Hui* (Righteous People's Society) in the Tunming region on the borders of Chihli and Shantung [1]. It had already taken root in Chihli, Honan, and Kiangsu provinces. Its object was to cause trouble with the foreign religion. He (Chang Ju-mei) had immediately communicated with the Viceroys and Governors of the Provinces in question so that orders might be issued forthwith for stamping out this new society.

This telegraphed memorial was replied to in a decree the next day (23 May) to the Grand Councillors instructing them to send a telegram to Wang Wen-shao, Viceroy of Chihli, stating that it had come to Imperial

notice that a group of people who called themselves without official sanction the *I Min Hui* were distributing placards calling on the people to prepare an assault on foreigners and Christians.

In response to instructions contained in the same decree, Chang Ju-mei carried out extensive enquiries and reported his findings to the Throne in a lengthy memorial of 30 June [2].

Chang Ju-mei said that the inhabitants of the Shantung—Chihli border region were practising "boxing" and had established village bands (*Hsing T'uan*). Their object was the protection of their persons and property. The name they originally gave themselves was *I Ho*, which was afterwards changed to *Mei Hua Ch'üan* (Plum Blossom Fists). In recent years they had changed it back to *I Ho*, or *I Min*, but they regarded themselves as a newly-established society. Before the coming of the Christians into this region they had existed to protect themselves and their families against bandits and the like, but since the arrival of the missionaries friction had developed between the people and the newcomers in which they became involved. They formed into private bodies on their own and were not organized or interfered with by the officials. But now the local officials had been enjoined to transform these private bodies into public ones, to convert "Boxer Braves" (*Ch'üan Yung*) into "People's Militia" (*Min T'uan*).

As the result of further enquiries, Chang Ju-mei had ascertained with certainty that the body referred to as the *I Min Hui* (the Righteous People's Society) was actually the *I Ho T'uan* (Righteous Band). There was no sign at present, however, of any trouble. When the authorities had established *Pao-chia* and *T'uan-fêng* (neighbourhood constabulary and village militia) in these areas, they intended to include the Boxers in the *Hsing T'uan* (village militia units) and to appoint suitable persons to officer them in due course.

It was clear that Chang Ju-mei (prompted most likely by his provincial Judge, the anti-foreign Yü-hsien) wished at this juncture to minimize the danger of the Boxers to good order although they were already at an early date declaring their intention to kill the converts [3].

The next reference to civil commotion is a telegram of 29 July, 1898 (K 24/6/17) from Chang Ju-mei stating that on the borders of Chihli and Shantung a notorious bandit named T'ung Chen-shen had collected some hundreds of men from the Yuch'ing District of Honan and had joined up with other bad characters from Kiangnan. They had been engaged by troops from Tanchou, about a dozen had been killed and the same number captured including T'ung himself. The rest had fled. The troops had also captured a "little red flag inscribed with rebellious characters", carried by the insurgents. There was a further reference to the "little red flag inscribed with rebellious characters" in Chang's memorial of 14 September, 1898 (K 24/7/29), but he does not say what these characters were. There is no suggestion that the rebels were "Boxers", though they were undoubtedly members of an anti-dynastic secret society.

There can be no doubt that the return of Yü-hsien to Shantung from Hunan as Governor in April, 1899, was a turning point in the career of the Boxers. For the first months of the year, however, the interest both of Peking and the new Governor were concentrated rather on the menacing behaviour of the Germans in Kiaochow than on the Boxers, and Yü-hsien's memorials are concerned primarily with this.

Yü-hsien's memorials and telegrams for the first six months of his governorship give the impression that the Boxers were not causing any

particular anxiety to the officials. This, however, was not the case, as we can ascertain by reference to another source, namely the narrative of Chiang K'ai, the Magistrate of P'ingyüan (who was to be dismissed by Yü-hsien after the Boxer riots of October).

Chiang K'ai relates [4] that he was transferred from Chüchou on 23 April, 1899 (K 25/3/14). On arrival in P'ingyüan he was informed of the activities of the *I Ho Ch'üan* in Szuching-ch'eng in the neighbouring Ên District. Some said that the Boxers came from the Kuan region in eighteen bands; others said that they came from Tungch'ang in Ts'aochou, without giving any details as to their formations, and Chiang K'ai could not say which of these accounts was the true one. Early in the fourth month (10 May—7 June, 1899) a Roman Catholic priest wrote to tell him that the Boxers were active in the village where he was stationed and were behaving with great violence. The whole neighbourhood was in a state of excitement, and the priest requested him to act at once to repress the sect. This letter was followed up by a personal interview between the priest and the Magistrate.

Chiang K'ai at once proceeded to investigate and discovered a number of facts about the Boxers. They operated only at nighttime and dispersed during daylight. They were closely connected with the Big Sword Society, they carried charms, recited incantations, and boasted of their invulnerability, they were armed with spears, swords, guns, and cannon; their chief god was Yang Chin (apparently from the novel, *The Stone Monkey*) and they addressed him as *T'ai Lao Shih* (Great Elder Teacher); they prophesied that the next year of the cycle (*Keng Tzŭ*, 1900) would be the year of the (Taoist) *Kalpa* (*Chieh*) in which the Jade Emperor would send down to earth his spirit soldiers. On the eighth day of the fourth month (6 May, 1900) they would take Peking, they said. Their leader, whom they addressed as Great Teacher Elder Brother (*T'ai Shih Hsiung*) was one Chu Hung-têng ("Red Lantern Chu"). His title was "Dragon of Heaven" (*T'ien Lung*). His real name was Li Wên-ch'ing (a name borne by an earlier leader of the White Lotus fraternity). He claimed to be a descendant of the Ming Emperors, and his associate was one known as the "Ming Monk".

When Chu Hung-têng eventually appeared in person in the P'ingyüan region in October, 1899, Chiang K'ai said that he wore a big "wind hat" and red trousers; the leaders of his troops carried two red flags, and their weapons were decorated with red cloth. Red, representing "fire", was their symbolic colour and they made obeisance towards the South according to the religion of Eight Trigrams.

Now, you will notice that so far in these documents we have not come across any actual Boxer slogan. Chiang K'ai does not mention one himself from d i r e c t observation, but under the heading of 25 October, 1899 (K 25/9/21) in his narrative, he relates how a Roman Catholic priest (Martin Ên?) wrote to him saying that the Governor neglected to take into account the interests either of the people or the Throne, and that when the Boxers erected a great flag at the provincial headquarters inscribed with the characters *Pao Ch'ing; Mieh Yang* ("Protect the Ch'ing; exterminate the foreigner") Yü-hsien was delighted.

The question we have to decide is, — When did the slogan "Support (or Protect) the Ch'ing; destroy the foreigner" first appear, and what slogan or slogans did it displace?

To help answer these questions there are two entries in *I Ho T'uan*, 1951 [5], in the biographical summaries. The first relates to Chu Hung-têng

and says that in the 25th year of Kuang Hsü (1899) he appeared under the standard of *Fan Ch'ing Mieh Yang* ("Overthrow the Ch'ing; destroy the foreigner"), and gathered round him a crowd of followers at P'ingyüan in Shantung. The people followed him in large numbers and burnt churches and killed foreigners. In the seventh month (6 August—4 September, 1899) they defied the Government army in the Ling District. In the ninth month (5 October—2 November, 1899) they were again in revolt, and this time their operations extended into Chuangp'ing, Changch'ing, etc. (near P'ingyüan). In the resulting engagement between Chu and a force of government cavalry and infantry at Selotien he was defeated but escaped, and it was only in a second engagement at Chuangp'ing that he was captured by General Ma Tung-ling by a stratagem and sent to Chinan. At this time Chu's fate was undecided. In the eleventh month (3—31 December, 1899) Yüan Shih-K'ai replaced Yü-hsien, being appointed Acting-Governor, and on 27 December (K/25/11/25) Chu Hung-têng was executed.

The second entry relates to one Li Lai-chung. Li came from Shansi and was said to be a sworn-brother of Tung Fu-hsiang (the Kansu Mohammedan General). He was of a mercurial and gregarious temperament. At the time of his birth his mother dreamt of a spirit-dragon. He was deeply trusted by the local people, and exploited this to gather a band of followers to overthrow the Ch'ing. Then he heard that Yü-hsien was resentful of the foreigners, so he led his band into Shantung where they joined the rebel leader, Wang Chan. Li then adopted Wang's ritual of magic and incantations and people came in crowds from near and far to join them. The Governor, Yü-hsien, who wanted to make use of the *I Ho Ch'üan* against the foreigners, often sent them presents of beef, wine and weapons. "Then, all of a sudden, the slogan *Fu Ch'ing Mieh Yang* ("Support the Ch'ing; destroy the foreigner") was heard in unison from ten thousand mouths. Li thereupon secretly returned to Shansi to propagate this idea, but failed in his purpose. When the army of the Eight Allied Powers entered Tientsin and moved towards Peking, Li joined Li Ping-hêng's troops. When they reached Peich'iang, however, their resistance crumbled, and no one knows what became of Li Lai-chung after this.

I now come to the earliest reference to the slogan "Support the Ch'ing; destroy the foreigner" that I have been able to trace so far in a Chinese source. It occurs in *A Record of Religious Cases of Tungp'ing* (*Tungp'ing Chiao-an Chi*), by Liu T'ang, the Prefect of Tungp'ing at the time. Under the date of 23 September, 1899 (K25/19/8), Liu says:

> "I received written instructions from the Governor Yü-hsien in which he says, 'I have just received a letter from the assistant bishop (?) in which he states that in several villages of the Tungp'ing Prefecture there is disorder, and the slogan of the mob is, "Support the Ch'ing; destroy the foreigner"' (*Fu Ch'ing Mieh Yang*)" [6].

Then Chi Pi-hu, in his *Hsü I Ho T'uan Yüan K'ao* (1907) [7] says that after Chu Hung-têng and his friend the Ming Monk Yang and their followers had been defeated and wiped out, a few detachments from Tungp'ing, etc., escaped over the border into Chihli and joined up with a turbulent rascal named Wang Ch'ing I (Wang Chan?) and together they exploited their magic to battle with the Christians and burnt their houses. The officials were ineffective and treating the rebels as "righteous people", neglected to bring out the military against them. Thereupon the rebels, calling themselves "spirit-soldiers", erected a square flag on which was inscribed "Support the Ch'ing; destroy the foreigner", thus adopting a loyal aim.

Fan Wên-lan in his *Chung-Kuo Chin-tai Shih*, I, Peking, 1953, pp. 357—358 states that it was Chu Hung-têng who first adopted the pro-Ch'ing slogan, but the evidence is against this (and certainly Chu would not have been left to be executed by Yüan Shih-k'ai if he had turned his coat in time).

It was not until the publication of *I-ho-t'uan Shih-liao* in 1959 that Chang Ju-mei's reference to the Boxers as a *T'uan* as early as May, 1898, was available, and the Chinese authorities in *I Ho T'uan* (the earlier collection of 1951) seem united in assuming that it was Yü-hsien who changed the name of the Boxers from *I Ho Ch'üan* to *I Ho T'uan*, and the "Draft History of the Ch'ing Dynasty" (*Ch'ing Shih Kao*) repeats this error. Liu Mêng-yang, for example, the author of an account of the Boxers in Tientsin (1901) states:

"In the winter of the 25th year of Kuang Hsü (1899), the rebels rose in the prefectures of Chinan and T'aian in Shantung. They called themselves the *I Ho Shên Ch'üan* (The *I Ho* Spirit Boxers), and their aim was to fight the Roman Catholics and the Protestants. They adopted "Support the Ch'ing; Destroy the Foreigner" as their slogan, and many suffering from oppression were attracted to their ranks. When he learnt of their existence, the Governor Yü-hsien challenged them, saying, 'If gods and men are inspired by a single aim, the foreigners will certainly be defeated'. Because he disliked their name as being unrefined, he changed it to *I Ho T'uan*" [8].

Ichiko is of the opinion that the Boxers and the Government were hostile to one another from the beginning and that there could therefore be no connection at all between the *I Ho T'uan* and the village militia since they had opposing aims. Muramatsu (on the other hand) points out that the decree of 29 June, 1900 blames the officials for the spread of the Boxer movement, thus confirming that there was no initial disagreement between the Boxers and the authorities. The fact seems to be that the Boxers comprised several different elements, some "anti-dynastic" and some at least potentially "pro-dynastic". It was the setback at P'ingyüan which persuaded the Boxer leaders that they had no chance under anti-Ch'ing, pro-Ming banner and that it would be expedient to adopt a pro-Ch'ing one.

This change of viewpoint coincided with developments at Court. The Empress Dowager had been much incensed by the intervention of the foreign diplomats in 1898 to warn her that foreign opinion would react very unfavourably should Kuang Hsü be deposed or murdered, and this had assisted the reactionaries at Court. Towards the end of 1899 there was another move to get rid of Kuang Hsü — but I T'zü Hsi had eventually to content herself with having P'u Chün, the son of Prince Tuan, proclaimed Heir Apparent on 24 January, 1900. In the meantime, on 7 December, Yü-hsien had been recalled to Peking "for an audience" on foreign pressure and he seems to have finally influenced the Empress Dowager in favour of a "pro-Boxer" policy or rather one of separating the pro-Ch'ing Boxer elements from the anti-Ch'ing ones and encouraging the former.

Altogether the Chinese authorities are agreed that it was towards the end of 1899 that the slogan "Support the Ch'ing; destroy the foreigner" was adopted and became the only slogan of the Boxers henceforth. And the first mentions of the slogan in the Chinese sources date from this time.

But there exists a curious piece of evidence from a foreign source that the slogan in question had appeared a year earlier, namely by 25 October, *1898*. In *China and the Occident*, at p. 132, G. N. Steiger quotes the Journal of a Father Remy Isoré, SJ, which says under the heading of October 25, 1898:

"At six [ten in the original] o'clock in the morning, I was informed of the rising of the 'Ihonokinen' (a hostile sect). These rebels have as their insignia a sort of turban and boots; their weapons are muskets or lances; their ensign, a yellow flag with a black border, carrying the motto, 'Obedience to the Tsing [Ch'ing], Death to the Europeans'..."

This appeared in *Chine et Ceylan*, a small Jesuit magazine published in Abbeville, the files of which are preserved in the Bibliothèque Nationale, Paris. So far I have obtained a microfilm of the above extract but have not yet seen the original files, which I hope to do on my return from Russia.

The surprising thing about this incident is that it relates to October *1898* — about a year too soon — if the Chinese authorities are to be believed!

Reference to the original French of the microfilm reveals that the entry is dated "Mercredi 25 Octobre, 1898". Now, 25 October 1898 was on a T u e s d a y, not a Wednesday, and since 25 October, 1899, w a s on a Wednesday, this encourages the explanation that the Journal actually relates to October 1 8 9 9. However, the succeeding dates in the Journal are stated with their correct days of the week for 1898, so this convenient theory must be dropped.

There are a number of possible explanations for Father Isoré's statement including the possibility that he or his informant mistook the characters on the flag (the change from "Overthrow the Ch'ing" to "Support the Ch'ing", for example, would mean only the substitution of one character *fan* for *fu*). It is, of course, possible that the pro-dynastic slogan had appeared as early as this — even though unexpected. I am still investigating the matter.

The question above discussed is perhaps the most important in my enquiry, but I may mention that I have also discovered a MS of a statement by Sir E. Backhouse preserved in the British Museum as to the exact circumstances under which the "diary of Ching-shan" was discovered by him, and I have made some interesting extracts relating to the earlier period of the Boxer uprising from the records of the London Missionary Society. These will be included in my forthcoming book. I am also in the process of examining the Salisbury papers, preserved at Christ Church, Oxford.

One very important fact, subsequently discovered, I have yet to add and that is that in July, 1900, in Peking and in P'ingyangfu some scores of members of the White Lotus Sect (the parent sect of the Boxers) were executed by the Boxers. The White Lotus was alleged by them to be in league with the Roman Catholics. Seventy-eight White Lotus members were executed on one day alone in the Greengrocer's Market in Peking. The evidence is in the diaries reproduced in *Kêng-tzŭ chi-shih*, compiled by the Institute of Historical Research, Academy of Sciences, Peking, 1959.

NOTES

[1] *I-ho-t'uan tang-an shih-liao* (Source Material in Despatches Relating to the Boxers), Peking, 1959, I, 14.
[2] IHTTA, I, p. 14.
[3] Chester Tan, *The Boxer Catastrophe*, p. 47.
[4] Chiang K'ai, *P'ing Yüan Ch'üan Fei Chi Shih*, *I Ho T'uan*, Peking, 1951, I, pp. 353—362.
[5] IHT, IV, p. 504.
[6] IHT, I, p. 391.
[7] IHT, IV, p. 443.
[8] IHT, II, p. 7.

По докладу выступил Ю. Гарушянц.

12 августа, утреннее заседание
Председатель П. ван дер Лун (*Кембридж*)

CARRINGTON GOODRICH (*New York*): ON CERTAIN BOOKS SUPPRESSED BY ORDER OF CH'IEN-LUNG DURING THE YEARS 1772—1788

Twenty-five years ago I published a book entitled *The Literary Inquisition of Ch'ien-lung* (Waverly Press, Baltimore, 1935) in which I traced the history of book censorship of the 1770s and 1780s, the methods used in the search for books, the aim of the emperor and his advisers, and the results of the destruction of certain books and the elimination of pages or whole chapters of many others. As an appendix I added a census of works, proscribed in part or in whole, which had survived the inquisition. This appendix occupied pages 238 to 260, and listed some 476 titles in all. The list was acknowledgedly incomplete [1]; still, it was the first thing of its kind [except for the short lists of Inaba, Kunzan (1916) and Kondo, Moku (1937) in Japanese][2] and was based on only the library catalogues available to me at the time, notably those of the British Museum and Cambridge University in England, Bibliothèque Nationale in France, the University of Leyden in Holland, the École Française d'Extrême-Orient in Hanoi, the Imperial Household Library and Collection of Marquis Maeda in Japan, the Gest Chinese Research Library then in Canada, Columbia University and the Library of Congress in the United States, and — most importantly — the Kiangsu First Provincial Library, Yenching University, the copy of the *Ssŭ-k'u ch'üan shu* in Peking, and the National Library of Peking in China.

From 1935 to the present I have been slowly adding titles of surviving works to my list. New catalogues of rare books 善本 have helped; so have book reviews, notably that of Walter Fuchs in *Monumenta Serica* III, 1938, pp. 300—306, and notices of re-publication. But perhaps of greatest value has been a work sent me just a year ago by Dr. P. van der Loon entitled *Ch'ing tai chin shu chih chien lu* 清代禁書知見錄, compiled by Sun Tien-ch'i 孫殿起, and published by the Commercial Press 商務印書館 in 1957 [3]. Here Mr. Sun has listed all the works known to him which have survived. He gives in each case the size of the work (usually number of *chüan*), date of printing (or dates if it has been reprinted), and name and native place of author if known. Sometimes he has added reasons for suppression, or has mentioned the contents of a book, and occasionally he has made corrections of detail on title or authorship as given by an older Index Expurgatorius. Once in a long while he himself has nodded, but not often [4]. I have been able to trace many a book and author because of his careful annotations. The main lack in his book is the absence of information as to the present whereabouts of a rare work. A scholar interested in some particular phase of history needs to know if he can gain access to a book, not just whether or not the book exists. Perhaps Mr. Sun can repair this lack in a future study.

Another reason for my personal interest in the surviving works of the literary inquisition is the current interest in the Ming Dynasty in the United States and elsewhere. As some of you may know, various scholars in Germany, Japan, and elsewhere are joining with us in an effort to raise sufficient money to launch a project comparable to that presided over two decades ago by Dr. Arthur W. Hummel of the Library of Congress, which resulted in the publication of *Eminent Chinese of the Ch'ing Period* in two

large volumes (U. S. Government Printing Office, Washington, D. C., 1943—1944). Since so many of the books which drew the ire of the Ch'ien-lung emperor were written by men of the Ming period or by later scholars about the Ming it seemed to me that, by investigating the books which have lasted to our day, I might make a small contribution to the project, if and when it develops.

Before giving a revised estimate as to the number of surviving works it may be well to review briefly the statistics of those partially or wholly condemned. The latest word which I have seen on the subject is that of Hsü Hsü-tien 徐緒典 writing in «*Hsieh Ta hsüeh-pao*» 協大學報 I, 1949, p. 53. His figures are as follows:

Books condemned to total suppression	1355
Books condemned to partial censorship	260
Books once condemned but later released	155
Books once condemned with final fate uncertain . . .	1054

As remarked in my monograph of 1935 it did not always seem to matter whether a monograph was listed for total or partial suppression; the effect was often the same.

Now as to my own calculation of the number of books which have survived, either in manuscript or in printed form: the total number is 1215 [5]; this includes the 476 titles listed in my above-mentioned Appendix. This figure, of course, is not absolute, for until each book is examined one cannot be sure that the titles in the Ch'ien-lung list correspond with the books now in our libraries. It gives some notion, however, of the proportion of books saved out of those originally brought under suspicion: 1215 out of 2824 (Hsü Hsü-tien's total), — approximately 43 per cent.

What type of books has been saved? Almost every kind. My 1935 Appendix gives a fair sampling. Volumes of poetry, collections of memorials to the throne, essays, histories of every sort (even including *Veritable Records* 實錄), gazetteers, encyclopaedic works, commentaries on the Confucian canon, discussions about Lao-tzu and Chuang-tzu, replies to examination questions, geographical treatises, collectanea 叢書, catalogues of paintings, fiction, etc.

It would be impossible for anyone who does not have access to this literature to give an adequate assessment of it. But one at least may suggest the value of some of the finds. Already Walter Fuchs [6], Wolfgang Franke, Hellmut Wilhelm, and Arthur Hummel, not to mention our Chinese and Japanese colleagues, have done this. Here are a few samples, based on the 739 titles noticed since my last list was published.

First let me mention certain books which I thought 25 years ago to be among the lost [7]. Consider the gazetteers or local histories. There is the record of Wang-tu, *Wang-tu hsien chih* 望都縣志 in 10 *chüan*, by Wang Hsi-hou 王錫侯 (1713—1777) who, together with his writings, suffered so grievously at the hands of the emperor [8]. Copies of this are reported both in China and Japan. For example, the National Diet Library in Tokyo has an original edition of 1771.

The record of Wu-hsien, *Wu-hsien chih* 吳縣志 by Yang Hsün-chi 楊循吉 (1456—1544) [9], a native of the district, is more of a problem. The National Diet Library, in its recent catalogue of Chinese local histories (p. 8), lists both Yang's *Wu-chün chih lüeh* 吳郡志略 (6 *chüan*), printed during the Ming, and his *Wu-i chih* 吳邑志 (16 *chüan*), printed in 1529.

Chu Shih-chia 朱士嘉, in the revised edition of his *Chung-kuo ti-fang chih tsung-lu* 中國地方志綜錄, Shanghai, 1958, p. 104, also lists copies of the latter. Is either of these works the one considered reprehensible?

Parenthetically it is worth noting that other books by Yang Hsün-chi which deal with his native region and which were listed for destruction have been saved. There is the *Wu-chung wang che chi* 吳中往哲記 which the editors of the *Ssû-k'u* Catalogue (61/4a) describe as a work of 1 *chüan* plus 1 supplementary *chüan*, which is concerned with the men and affairs of the Soochow prefecture. The people whom it treats are ones who have achieved special merit; they run the gamut from followers of the right (*i. e.* correct Confucian) path of virtue to Buddhist priests and are divided into seven groups — altogether 41 individuals. The supplement has an even wider spread, and includes those who enjoy themselves in mountain and stream, divided into 17 categories — 40 individuals in all. Sun Tien-ch'i reports three copies: one printed in the Chia-ch'ing period, one in the Shun-chih, and a third (an old manuscript) in 4 *chüan*. A second of Yang's books listed to be destroyed which has survived is *Su t'an* 蘇談, *Conversations about Soo* (*-chow*). Sun reports a copy in 1 *chüan* printed in the Chia-ch'ing era. At the beginning of the Ch'ing (1646) it was incorporated into the well known collectanea, *Hsü shuo fu* 續說郛[10], and, much later, was reprinted in the years of Tao-kuang's reign... A third of Yang's books to be noticed, which may or not be among the proscribed works, is the *Chin-shan tsa chih* 金山雜志 in 1 *chüan*, printed in the Ch'eng-hua period[11]. The author studied in Chin-shan (Kiangsu province) during his youth.

One work which, a generation ago, I believed not to have been saved[12] was *Pien sai k'ao* 邊塞考 by Chêng Ta-yu 鄭大郁 of Ch'üan-chou, Fukien. An original copy of this book in 6 *chüan* was located by Hsieh Kuo-chen 謝國楨 in two private libraries in China and Japan[13]. According to Arthur Hummel, the compiler's preface is by the father of Koxinga (Chêng Chih-lung, 1604—1661), and the names of four members of the Chêng family appear as sponsors[14]. Another book is Chêng Ssŭ-hsiao's 鄭思肖 (1239—1316), *Hsin shih* 心史[15]. The apparent reason for the disfavor into which this book fell was the fact that the author, who lived during the take-over of south China by the Mongols, showed his distate for them in the most obvious way. According to Kuwabara, Jitsuzo[16], "he persisted his whole life through in entertaining a hostile feeling against the Yüan court, and his writings breathed a bitter animosity to all foreign tribes of that time". And again, "Whenever in any company he saw a man who spoke the strange language (Mongolian), he would instantly go away". Kuwabara reports a Ming edition, and a Sun one of 1640 and another of 1639, besides several later reprints.

A third is the *Wu chêng lu* 吾徵錄 by Wu Hsüan 吳玄[17], *chin-shih* of 1598, who was born in Wu-chin, Kiangsu. A Ming edition of this work of 2 *chüan* is in the Tsing-hua library, according to Hsieh Kuo-chen. It contains memorials from the time of Wan-li and T'ien-ch'i and shows a sharp bias against the Tung-lin party. It seems to have escaped the attention of Heinrich Busch and Charles O. Hucker who have written on the Tung-lin[18] doubtless because of its unavailability.

A fourth is the *Ch'êng-ching-t'ang shih ts'ê* 澄景堂史測, written by Shih Hung 施鴻 who flourished in the K'ang-hsi period[19]. The editors of the *Ssü-k'u* (*tsung-mu* 90/7a) described this as a book of 14 *chüan* containing a series of discussions on 177 points of history occurring

between A. D. 265 and 617. This seems harmless enough. The trouble was that the preface contained comments applauding Chin Pao 金堡, whose name was anathema to Ch'ien-lung[20]. Sun Tien-ch'i tells of a copy in 14 *chüan* printed in 1887.

Now let us take up a few others on which I expressed no opinion as to their availability.

Sun Tien-ch'i reports a copy of the *Fu Wu su ts'ao* 撫吳疏草 by Chang Kuo-wei 張國維 (1594—1645), a *chin-shih* of 1622. Now Chang rose in the Ch'ung-chên period to the junior Vice-presidency of the Censorate, and was made inspector of the Nanking, Anking, and several other prefectures of the lower Yangtze valley, becoming eventually President of the board of war under the Prince of Lu at the time that the Manchus were invading this region and Chekiang province. Here he successfully held them at bay for a short while[21], even pushing them back to the north of the Ch'ien-t'ang river. This book, in 20 *pên* 本, printed in these tumultuous years, contains his memorials to the throne on the problems of keeping the Wu area quiet.

Another work is *Liao ch'ou* 遼籌, in 2 *chüan*, printed probably in the Ch'ung-chen period, written by Chang Nai 張鼐, a *chin-shih* of 1604. He became concerned over the situation in Manchuria and once at least made an inspection trip in the north-east[22]. This book, which might be called "Strategic plans for Liao", which was completed in 1620, and printed shortly after, was republished by the late Chang Chên-to in 1940. Another book by the same author, entitled *Pao-jih-t'ang ch'u chi* 寶日堂初集 in 32 *chüan*, printed in 1629, according to Sun, includes in the 24th and 25th *chüan* respectively his *Wo Pien chih* 倭變志 and *Liao i lüeh* 遼夷略. These two items alone, concerned as they are with the Japanese and Khitan "barbarians", should be of interest to historians of frontier affairs during the early decades of the seventeenth century[23].

A reporter on another frontier is Chang Tung 張棟 (*tzŭ*: K'o-an 可菴), *chin-shih* of 1577, who was appointed near the end of his career to serve as supervising censor of the Board of War. In this capacity he was despatched as inspector to Ku-yüan in Kansu. He rode his horse fearlessly, we are told, from one dangerous place to another, and recorded the actual state of affairs in his book known as *K'o-an shu tu* 可菴書牘 in 8 *chüan*, printed (according to Sun) in the T'ien-ch'i era. Because it contained despatches to other inspectors, which the Ch'ien-lung commissioners considered seditious, these were ordered torn out and burned.

One example out of many of a collection of poetry which suffered listing on Ch'ien-lung's Index but has survived both in manuscript (10 *chüan* plus 1 *chüan*) and in a printing of the Shun-chih period (undivided into *chüan*)[24] is *Ch'i-chên liang ch'ao i shih* 啓禎兩朝遺詩 which may be rendered in translation: "Surviving poetry of the T'ien-ch'i and Ch'ung-chên periods" (*i. e.* 1621—1644).

Works about the northern frontier and the Jurchen were, as I pointed out in my book (pp. 45—49), particularly offensive to the Ch'ien-lung commissioners. Several of these have been saved. One instance is that of *Kuang huang yü k'ao* 廣皇輿考 in 20 *chüan*, printed (according to Sun) in the T'ien-ch'i period. This is by Chang Yüan-pien 張元忭, *chin-shih* of 1571, who is said to have made pernicious remarks about the nine passes (in the Great Wall) ant about the Jurchen.

A book on one famous episode in the civil strife at the end of the Ming, whose inclusion is somewhat surprising, is an account by the chief

officer of the defense at the siege of K'aifeng in 1642. This is the well known *Shou Pien jih chih* 守汴日志 in 1 *chüan* by the Chinese Jew Li Kuang-tien 李光墊[25]. It was first published in 1705 and has appeared since in several *ts'ung-shu*[26].

A work which suffered because it contained the critical comment of Lü Liu-liang 呂留良 (1629—1683)[27] is a book on medicine, entitled *I kuan* 醫貫 in 6 *chüan*, written by the Chekiang practitioner Chao Hsien-k'o 趙獻可. Fortunately this book, printed probably in the K'ang-hsi era (according to Sun) and reprinted in 1867, has survived. The Columbia University library is fortunate in owning a copy in the original edition, with Lu's comments intact.

A massive work in 504 *chüan*, entitled *Huang Ming ching-shih wên-pien* 皇明經世文編 has recently received special attention at the hands of Chang Shun-hui 張舜徽 in his book *Chung-kuo shih lun-wên chi* 中國史論文集 (Wukan, 1956). This rare compilation is a Ming collection of memorials and political writings assembled by Ch'ên Tzŭ-lung 陳子龍 (1608—1647) and others, and, in the words of Walter Fuchs[28], "describes the close of the Ming dynasty from 1638—1644"[29]. But it does far more than that. As Wolfgang Franke said[30]: The writings are "by 425 personalities beginning with Sung Lien 宋濂 (1310—1381) and ending with Ch'ên Tsu-shou 陳組綬 (*chin-shih* of 1634)" who became an official in the Board of War just before the fateful collapse.

Another volume which might have significant differences from the standart histories and therefore be of some interest is the *I chien* 意見, a short contribution of 1 *chüan*, by Ch'ên Yü-pi 陳于陛[31], a native of Szechuan province and *chin-shih* of 1568 who rose to be president of the Board of Ceremonial in 1594 and was likewise made assistant director-general of the office of historiography, dying at the beginning of 1597[32]. The commissioners declared in their report on this book: "In it are passages on the southern migration of the Sung, on Yüan history, on Chang Tao-ling, and on the superior ability of southerners, many parts of which are partisan and censorable. We recommend that they be cut out and burned." The editors of the *Ssŭ-k'u ch'üan shu*, who listed it in the *ts'un-mu* 存目 section of the Catalogue (125/3a), gave some of the following reasons for failure to include it in the "Four Treasuries": It opposes the theories of Wang Yang-ming; deals with the Yellow Emperor, Lao-tzŭ, and Chuang-tzŭ; has a passage about the Yüan history 元史 which is very one-sided. A piece about Sung Hsiao-tsung (r. 1128—1163) includes references to the upset conditions in the time of Ch'êng-hua (r. 1465—1487) and the loose rein given to officials during the two reigns... Now, who was to know better about the latter: an official historiographer of the 16th century who had full access to the archives, or the *Ssŭ-k'u* editors nearly two centuries later? It is good to learn that such a book has escaped destruction.

As one glances over some of these titles, and often with little more to go on, one can only wonder as to the reason why some of them were thought worthy of suppression. Here, for example, is the *Shih jui chi* 石蕊集 also known as *Chang Chi-ling chi* 張伎陵集, a book in 7 *chüan*, by Chang Fêng-hsiang 張鳳翔, *hao* Chi-ling, who was a native of Hsün-yang, Shensi. The author was born in 1472, "with divine gifts", his biographer records. He could write horizontally with his left hand. When in a gay mood his pen flew, and in the twinkling of an eye or the uttering of a sigh he could fill a page. Becoming *chin-shih* in 1499 he was

given a post in the Board of Revenue, and died shortly after, in 1501, at the age of 29. Such a career, at such a time, during the relatively enlightened rule of Hsiao-tsung (r. 1488—1505) seems hardly the kind to have made anything he wrote harmful to the Manchu cause[33].

Then there is the *Po-hao an chi* 白毫庵集 in 4 *chüan* by Chang Jui-t'u 張瑞圖, *hao*: Po-hao-an tao-chê 道者, who came out third in the palace examinations held in the year 1607. Politically Chang was in high favor with the evil eunuch Wei Chung-hsien, which fact caused his downfall. But he was also an accomplished landscapist and calligrapher[34]. What can he have written to bring his book under the ban?

It would take too long to review all the discoveries of recent years. I have touched on only a fraction (with few exceptions, only those in my own alphabetically arranged card catalogue, running from Ai Nan-ying to Ch'ên Yün-hêng). Just let it be said in conclusion that one is grateful to those scholars who are recording these finds and in some cases making them available through re-publication.

NOTES

[1] See page 61. While the book was in press I located one more; see p. 119.

[2] Cf. Fuchs, *Mon. Ser.* III, 1938, p. 305.

[3] Actually this is a work in two parts. I refer especially to the second part, comprising 252 pages.

[4] For example, on page 57, there are two slips. After *Shin wai* 史外 by Wang Yu-tien 汪有典, written originally in 1736, Sun states that it was printed in the 30th year of T'ung-chih, which doesn't exist. The correct date is the 3rd year of Kuang-hsü, or 1877. Concerning *Shih kuan* 史貫 by Chou Shih-i of the Ming 明周士儀 Sun reports that its date of printing is K'ang-hsi 19th year *ping-ch'en* 丙辰. Again this is impossible. The two are at least four years apart (1680 and 1676 respectively).

[5] This does not include an occasional title which Sun Tien-ch'i has listed and which I can find in no Index Expurgatorius. Take, for example, *I-ch'ing-t'ang chi* 貽清堂集 in 13 *chüan*, with additions 補遺 of 4 *chüan*, printed in the K'ang-hsi period. The author was Chang Hsi-k'ung 張習孔, a native of Shê-hsien, Anhui, who graduated as *chin-shih* in 1649 ... In some cases Sun's reasons for listing a book are clear though not indicated. A good example is that of Chiang Hsien-kêng's 蔣先庚 *Lung-mên kang chien hui tsuan* 龍門綱鑑會纂 in 20 *chüan* and two supplementary works in 4 and 7 *chüan* respectively, printed probably in the K'ang-hsi era. This publication included the *P'an shih tsung lun* 潘氏總論 by P'an Jung 潘榮 of the Yüan dynasty and the *Ming chi pien nien* 明紀編年 by Chung Hsing 鍾惺, *chin-shih* of 1610, both of which were condemned. See my *Literary Inquisition*, p. 140, n. 3.

[6] Fuchs, in "Pacific Affairs", IX, 1936, pp. 83—84; Franke, in *Studia Serica*, Ser. A, 2, 1948, pp. 1—118 and IX, 1, 1950, pp. 33—41; Wilhelm in *Monumenta Serica*, VII, 1942, pp. 92—41, especially pp. 113—118; and Hummel, in "*Reports of the Library of Congress*", passim (cf. entry in "Report" for 1940, pp. 167—168).

[7] See my *Literary Inquisition*, p. 62, n. 1.

[8] *Lit. Inq.*, pp. 161—166. Wang was executed on Dec. 27, 1777. The Jesuit missionaries at the court reported on the case of his word study, *Tzŭ kuan* 字貫, and its fateful aftermath. Cf. Fuchs, *Mon. Ser.*, III, 1, 1938, p. 303.

[9] *Lit. Inq.*, p. 62, n. 1.

[10] On this edition of 1646—1647 see S. King P'ei-yüan, *Etude comparative des diverses editions du Chuo Fou*, "Scripta Sinica", mon. 81, Peking, 1946.

[11] The title of the proscribed work is *Chin-shan chih*.

[12] See *Lit. Inq.*, p. 48 and p. 55, n. 48.

[13] See his *Ch'ing k'ai-kuo shih-liao k'ao* 清開國史料考 3/36a.

[14] *Report of the Library ob Congress*, 1935, p. 191.

[15] *Lit. Inq.*, pp. 46—47 and p. 54, n. 33 and 34.

[16] "Mem. Toyo Bunko" 7, 1935, p. 2 and pp. 9—13.

[17] *Lit. Inq.*, p. 59, where I gave his name as Wu Yüan 元. Hsieh Kuo-chên, *Wan-Ming shih chi k'ao* 晚明史籍考 5/7b, says that the *ming* 名 should be corrected to Hsüan. Sun Tien-ch'i, following Ch'ing tradition, still holds to Yüan. Because of the tabu current in the time of K'ang-hsi against use of 玄, his name is written 元 in the *Ming shih* 229/11b, *Wu-chin Yang-hu hsien-chih* (1879) 19/13b, *Hupeh t'ung-chih* (1921) 113/2735 下, and *Kiangsi t'ung chih* (1880—1881) 13/28a. The last notes that it was originally 佐. The list of *chin-shih* for 1598 in the *Liang ch'ao t'i ming pei lu* gives 玄.

[18] See *Mon. Ser.*, XIV, 1955 and *Chinese Thought and Institutions*, pp. 132—162.

[19] *Lit. Inq.*, p. 64.

[20] Cf. *Lit. Inq.*, p. 49.

[21] Cf. *Eminent Chinese of the Ch'ing Period* I, *sub* Chu I-hai, pp. 180—181.

[22] In 1620, according to Wilhelm, *Mon. Ser.*, VIII, p. 345.

[23] Cf. Franke, *Studia Serica*, ser. A, no. 2, *237.

[24] The National Library of Peking has a printed copy of 10 *chüan*, entitled *Ch'i-chên i shih hsüan* 選, which I suspect to be identical.

[25] Bishop William C. White has given a short biographical sketch of Li in *Chinese Jews*, Part III, pp. 128—132. The last character of his name appears in the *Hsiang-fu* 祥符 *hsien-chih* (of 1898) 17/7b-8a as 墜. Li escaped to Nanking from the demolished city and dictated the *Diary* to his son before his death, *circa* 1650.

[26] For example, in the *Shuo ling* 說鈴 and Chao-tai 昭代 *ts'ung shu*.

[27] See my *Literary Inquisition*, p. 22. I reported this work in the Appendix, p. 251, but assigned it mistakenly to Lü himself.

[28] "Pacific Affairs", IX, 1936, p. 84.

[29] See also *Mon. Ser.*, III, 1, p. 306, which records a copy in Japan. Sun Tien-ch'i reports a copy which includes, besides the main body of the work in 504 *ch.*: 首, 1 *chüan*, 補遺, 4 *chüan*.

[30] *Op. cit.*, 144.

[31] Here Sun Tien-ch'i makes one of his infrequent errors, writing the character 陞 instead of 陛.

[32] According to the *Ming shih* 110/14b, he died during the 12th moon of the 24th year of Wan-li, or some time between January 18 and February 15.

[33] He was a friend of Li Mêng-yang 李夢陽, 1472—1529, a fellow poet, who had the hardihood in 1505 to impeach Chang Ho-ling 張鶴齡, father of Hsiao-tsung's empress, and was punished for his pains. See "Harvard Journal of Asian Studies", III, 1938, p. 311. The editors of the SKCS Catalogue (176/3b), which lists his work in the *ts'un-mu* section, criticizes Li Mêng-yang for writing so fulsomely of him; they seem to realize, nevertheless, that, in comparing Chang Fêng-hsiang with the precocious Wang Po 王勃 (648—675), Li had his tongue in his cheek as he did so.

[34] Cf. Contag and Wang, *Maler- und Sammler-Stempel aus der Ming- und Ch'ing-Zeit*, 242.

По докладу выступил С. Л. Тихвинский.

PING-TI HO (*Vancouver*): THE SOCIAL COMPOSITION OF BUREAUCRACY IN MING—CH'ING CHINA

In the study of the social composition of the bureaucracy of a historical society such as traditional China's, four methodological problems merit our attention. First, the period should be sufficiently long to allow an observation of the unchanged aspects as well as the changing trends, and the geographical coverage should be sufficiently broad. Any generalization based on local or regional data of a limited and sometimes special period is likely to be risky. Second, statistical data must be cross-sectional. Any generalization derived from dynastic histories and the various biographical

series which are inevitably achievement-biased cannot be regarded as conclusive. Biographical sketches in local histories, being often extremely brief, are sources of especially dubious value. Third, the criteria of classification must not be based on neat preconceived theory or theories, for historical facts are so complex that they can seldom be reduced to simple patterns. Fourth, in an age in which there is an insatiable desire to theorize, especially in the Far Eastern field, not all scholars remember that factual control, which requires a laboriously accumulated knowledge of legal, institutional, economic, and social history, is a prerequisite to any responsible generalization.

With these four methodological problems in mind, this paper tackles an important aspect of social mobility in Ming—Ch'ing China, namely, the entry into bureaucracy. One of the main bodies of sources used is the fourty-eight available lists of Ming-Ch'ing *chin-shih* collected from the three great Eastern American libraries, the National Central Library at Taipei, Formosa, and the National Library of Peking, which yield a total of more than 12 000 candidates. In addition, there are more than 22 000 cases from twenty lists of *Chü-jen* (successful candidates of the provincial or intermediate examination) and *kung-sheng* (senior licentiates who much like *chü-jen* had opportunity of minor official appointment). While the *chin-shih* lists cover almost the entire period from 1371 to 1904, the latter lists are confined to the nineteenth century and used as supplementary data. The quality of these lists is generally high as they are not only cross-sectional but provide precise information as to whether the candidate's family had produced any office-holder and/or degree-holder during the three preceding generations. Some later Ch'ing lists amount almost to abridged genealogies. These lists are by far the most exact and accurate sources for a study of officials' family background, similar in quality to the two extant Sung lists which form the backbone of Professor Kracke's study, *Family vs. Merit in Chinese Civil Service Examinations under the Empire.*

It ought to be pointed out, however, that our lists theoretically have two defects, namely, the lack of information in many of them on collaterals and the absence of information on the economic status of candidates' families. But thanks to the standardized practice of conferring honorific titles on officials' ancestors both living and deceased, those candidates whose direct ancestors were not degree-holders or office-holders but whose close collaterals one or two generations before them were holders of office or higher degrees can as a rule be detected. When detected, they are classified as descendants of officials. As to the second theoretical defect, it may have been serious for the period from the founding of the Ming Empire in 1368 to 1450, when examinations and recommendations were the two only major channels of sociopolitical mobility. But owing to the serious Tartar invasion of the Peking area in 1451 which resulted in the capture of the reigning emperor, the Ming government began to sell minor official titles, offices, and the titles of *chien-sheng*, or Imperial Academy studentships. In the course of time it became increasingly common for men of substantial or even limited means to buy such titles. In late Ming and the entire Ch'ing period it may be said that men of above average economic means almost invariably purchased at least an Imperial Academy studentship which cost between one hundred and two hundred taels of silver. For such a small amount of money they could acquire the right of wearing students' gowns and caps and exemption from corvée, thus differentiating themselves from ordinary commoners. For a greater part of the five and a half centuries under study, therefore,

our data in fact imply some information on the economic status of candidates' families.

In the light of the power structure and the peculiar prestige and value system in Confucian China, we adopt three standards for classifying the 35 000 holders of higher degrees. Group I consists of those candidates whose families had failed to produce any office-holder or degree-holder in the three preceding generations. From our knowledge of legal, institutional, and social history, and also by implication, these candidates may be regarded as coming from families of humble and obscure circumstances. They thus represent cases of very remarkable upward mobility. Group II consists of candidates whose families during the three preceding generations had produced one or more *sheng-yüan* (holders of the elementary degree) but no office-holder or holder of a higher degree. Since *sheng-yüan* as a class have been regarded by Dr. Chung-li Chang as members of what he calls "gentry", a brief discussion of their legal, social, and economic status is necessary. Legally and institutionally, as is well known, *sheng-yüan* were undergraduates of county and prefectural schools; as such they were subjected to the periodic tests and reviewing examinations supervised by the provincial educational commissioner and had not right to minor government service, a fact so fundamental that it set them apart from higher degree-holders. Being unable to enter government service, *sheng-yüan* as a class, as revealed in social literature and biographies, were forced to make a meager living by "ploughing with the writing brush, tongue, or inkslab" (that is, teaching in village or private schools for a mere pittance), or by taking up sundry trades and lowly jobs, many of which were legally prohibited because they were considered as too derogatory to *sheng-yüan*'s status as government students. The frequency with which the modern researcher comes across cases in which *sheng-yüan* gave up their métier for trade reflects that even in their subjective "felicific calculus" there was greater comfort in more adequate living than prolonged material privation often entailed upon them by their student's status. Within the limited space available it is not possible to discuss fully the technicality of *sheng-yüan*'s true social status; however, modern students can understand the problem much better if they remember that after the abolition of the civil service examination system in 1905 the time-honored *sheng-yüan* degree was equated by the government with graduation from grade school. While it is true that a *sheng-yüan*'s knowledge of basic classics and ability to compose essays were superior to those of twentieth-century grade school graduates, his over-all scholastic standing could not have been higher than that of a modern high school graduate. When the *sheng-yüan* is viewed not in the abstract but against concrete social realities, it is impossible to agree with Dr. Chang that he belonged to the theoretically conceived class of "gentry" albeit an adjective "lower" to qualify it.

Within certain limits it is permissible to borrow a foreign term to describe a Chinese social class, but when the difference in the social realities behind Ming—Ch'ing *sheng-yüan* and the English gentry is so great, there is reason to reject the term "gentry" entirely in our study of the Chinese society. For in the sixteenth, seventeenth, and eighteenth centuries an English gentry owned anywhere between 1 000 and over 10 000 acres of land, usually dominated local administration, and was as a rule Tory in his political sympathy. Some keen seventeenth-century French observers of English society could find no French or European analogy to members of the English gentry, whom they called "*nobiles minores*", an appellation with

aristocratic aroma. That *sheng-yüan* and another comparable group *chien-sheng* (students of Imperial Academy, only nominal in the overwhelming majority of cases) should be regarded as a socially significant transitional group at all can be justified only because of the premium that the Confucian society attached to bookish learning. Most of the candidates who came from *sheng-yüan* families and constitute our Group II were relatively humble or even poor.

Group III consists of candidates whose families during the three preceding generations had produced one or more office-holders and/or degree-holders higher than and including *kung-sheng*. These families may be regarded as official and potential official families.

Our criteria for Group I are very strict and those for Group III very lenient. If our criteria has a certain bias, the bias should be on the safe side. From the fourty-eight *chin-shih* lists extant, which comprise more than 12 000 candidates and cover a period of five and a half centuries, we find that Group I accounts for 30.1 per cent, Group II 12.3 per cent, and Group III 57.6 per cent. The combined percentage of Groups I and II (by our definition non-official families) is 42.4 per cent.

For the Ming period alone Group I account for 47.5 per cent, Group II a mere 2.5 per cent, and Group III 50 per cent. In other words 50 per cent of Ming *chin-shih* came from non-official families. For the Ch'ing period the percentage of Group I drops to 19.1 which is partially though not adequately compensated for by a sharp increase in Group II, which accounts for 18.1 per cent. The combined percentage of Ch'ing *chin-shih* from non-official families is 37.2. The crucial change began with the late sixteenth century, when Group I figures drop from over 50 or the high 40's to below 30 per cent, a trend which continues through the early Ch'ing to 1904. For the nineteenth century the average percentage of Group I is slightly under 16. An analysis of over 22 000 nineteenth-century *chü-jen* and *kung-sheng* gives an average of 20.6 per cent for Group I, 27.7 per cent for Group II, and 51.7 per cent for Group III. It should be noted that the percentage figures for Group I and II are minimized, because the highest status held by the candidate's ancestors during the three previous generations determines his family status.

In the light of available data on the social origin of higher civil servants in modern Britain, France, U. S. A. and Canada, which all show a lower recruitment ratio from lower classes, it may be said that official career was more open to talents in Ming—Ch'ing China than in the modern West, where, despite democracy and compulsory education, higher position in the bureaucracy depends more on family status.

The factors which made it possible for Ming—Ch'ing China to achieve a broader social representation in its bureaucracy were many and varied. We can barely mention in passing the major ones: the unusually sympathetic attitude on the part of early Ming rulers toward the poor and humble; the establishment of government schools at the country, prefectural, and provincial levels; the rudimentary but nationwide scholarship system; the mushrooming growth of private academies which also offered scholarships to the intelligent and needy; the institution of community chests for the express purpose of subsidizing candidates to travel to provincial and national capitals to take higher level examinations; the availability in many cases of educational and financial aid from kinsmen and friends; the effect of the continual expansion of printing facilities; and the intellectual and social emancipation as a consequence of the teachings of Wang Yang-ming.

All in all, Ming—Ch'ing China approached more closely than any previous period in Chinese History to the true ideal of Confucius that "In education there should be no class distinctions".

It would be one-sided, however, to say that the competitive examination system was the only major channel for social mobility. Wealth, as a matter of fact, was becoming increasingly important since 1451, particularly after 1850. This can be shown by our analysis of the initial qualifications of active officials. But viewed from the needs of the whole society and from the necessity of maintaining a balance within the bureaucracy, the sale of offices and titles in later Ming and Ch'ing times, much like the system of *la Paulette* in France under the *ancien régime*, served a not unuseful social purpose.

In addition to examinations and sale of offices, descendants of high officials could also enter government service through *yin*, that is, hereditary privilege. In sharp contrast to earlier periods, however, the scope of *yin* was greatly curtailed in Ming—Ch'ing times. By Ming—Ch'ing practice only officials of three top ranks were entitled to bring one descendant into state service through *yin* as a seventh, sixth, or fifth ranking official. As shown from biographies the *yin* privilege seldom could go beyond two generations.

Since the purpose of this paper is to arouse general interest and to invite constructive criticism, I wish to utilize this opportunity to formulate a few tentative generalizations which are based on more than four years' study.

First, for historians the continuity and changes in the pattern of socio-academic mobility since the permanent institutionalization of the competitive civil service examination system in the seventh century are worth a brief review. The significance of the examination system on social mobility in T'ang times, though quite obvious, as revealed in Professor Ch'en Yin-chüeh's monumental study of T'ang political history, cannot easily be shown statistically because of the lack of sources similar to ours. There seems to have been a remarkable continuity in the social mobility pattern between Sung and Ming times. Professor Kracke's study of the two extant Sung *chin-shih* lists shows that candidates from non-official families constituted 56.3 per cent of the total of the class of 1148 and 57.9 per cent of the class of 1256. These figures are highly significant, although they are not strictly comparable to our figures. The main reason is that in Sung times the passing of the provincial examination was merely a requisite for taking the *chin-shih* examination, not a formal degree or qualification for minor official appointment, as it was in Ming—Ch'ing periods. A significant portion of Sung *chin-shih* who are technically classified as from non-official families may well fall into our Group III, that is, the broadly and leniently defined official and potential official families. Since the average percentage of Ming *chin-shih* from humble families without officeholders or degree-holders was as high as 47.5, there is reason to believe that the amount of this kind of socio-academic mobility in Ming times was larger than that during the Sung. This appears all the more reasonable because we know that many channels that promoted upward social mobility, such as government schools, private academies, scholarships, and so forth, were more extensively established after the founding of Ming. In our long-range retrospect, therefore, it may be suggested that the amount of socio-academic mobility began to become substantial in the Sung, reached its maximum in the greater part of the Ming, started to level off after the late sixteenth

century, and continued its downward trend until the final abolition of the examination system in 1905.

Second, in the light of the broader social composition in the bureaucracy throughout the Ming—Ch'ing period, as compared with those of modern Western societies, it is difficult to say that the civil service examination system failed to serve an important social and political function. Modern students without preconceived theories or prejudice would perhaps rather agree with François Quesnay, a typical eighteenth-century French *philosophe*, who, despite a much idealized picture about China which he acquired from the Jesuits, believed with basically valid reason that by and large the Chinese ruling class was recruited on the basis of individual merit. In fact, the examination system's long history of thirteen centuries is a most eloquent testimonial to its usefulness as a channel of mobility and as a socially and politically stabilizing factor. It is inconceivable for a large nation as pragmatic as China to have perpetuated an institution if it were truly a sham as some modern scholars would have us believe.

Third, as a corollary to the preceding generalization, there is no valid reason to believe that Ming—Ch'ing bureaucracy was a self-perpetuating body. True, the total average of *chin-shih* from our leniently defined official and potential official families was 50 per cent for the Ming and 62.8 per cent for the Ch'ing period, but the social composition of the bureaucracy was constantly changing. The constantly changing social composition of the bureaucracy was well nigh inevitable because academic success and official appointment owed not so much to blood as to intelligence, assiduity, and perseverance. From our study of the genealogies of some of the most prominent Ming—Ch'ing clans and from extensive social literature, we know that it was very difficult for the average official family to maintain that Confucian puritanical spirit which had accounted so much for its early success. But by far the most important reason for the failure of the bureaucracy to be a self-perpetuating body was the absence of primogeniture and the inevitable process of progressive dilution of family property by the typically Chinese clan and family system. This causal relationship is nowhere more succinctly and piercingly pointed out than by Ke Shou-li, one of the famous censor-generals of the sixteenth century, who, on the occasion of donating some 1 000 *mu* of land as his clan's inalienable common property, remarked: "When the ancient clan system of which primogeniture formed a hard core can no longer be revived, the empire can have no hereditary families; when the empire has no hereditary families, the imperial court can have no hereditary ministers". Small wonder, then, that Ming—Ch'ing China could not have "predestined parliament men" as eighteenth-century England had as a matter of course. Since Ming—Ch'ing China had more institutionalized channels which promoted upward mobility but had practically no institutionalized means to prevent downward mobility, the Ming—Ch'ing society was highly competitive in its own peculiar ways.

Fourth, somewhat different from the gradualness of the processes of social mobility in modern Western societies, our Group I figures and a vast amount of biographical material which cannot be presented here would suggest that there were probably more actual cases of "from rags to riches" in Ming—Ch'ing China than in the modern West.

Last, although the social composition of the bureaucracy throughout the Ming—Ch'ing period was reasonably broad, the significance of the downward trend in our Group I figures must be interpreted in the context of Chi-

nese society at that time. For a nation so used to a "Horatio Alger" sort of social myth, though in a strictly academic and political sense, the steadily shrinking opportunity-structure for the poor and humble must have engendered a great deal of social frustration. It is worth speculating, therefore, whether the persistent downward trend in our Group I figures and anything to do with social unrest and revolutions that have characterized nineteenth and twentieth century China*.

По докладу выступили Е. Ф. Ковалев, Г. Франке, Ж. Шено и А. Г. Крымов. Последний подчеркнул, что экзаменационная система фактически затрудняла проникновение трудящихся в число джентри и тем самым служила интересам имущих слоев.

С. Л. ТИХВИНСКИЙ (*Москва*): МАНЬЧЖУРСКОЕ ГОСПОДСТВО В КИТАЕ В КОНЦЕ XIX в. И ПАРТИЯ РЕФОРМ

В последней трети XIX в. активизировался процесс формирования китайской нации. Своеобразие этого процесса заключалось в том, что он протекал в условиях широко распространенного и прочного засилья феодальных порядков одновременно с процессом колониального закабаления Китая капиталистическими державами.

Китайская нация с самого начала формировалась как нация угнетенная в условиях длительного господства в стране чужеземной маньчжурской династии Цин, воцарившейся в Китае с 1644 г. Проводившаяся маньчжурскими феодалами политика защиты феодальных порядков и противодействия новым, капиталистическим формам хозяйства и буржуазным общественно-политическим явлениям и идеям (носителями которых выступали, как правило, китайцы), непрерывные уступки державам китайских земель и отказ от суверенных прав китайского народа в пользу представителей иностранного капитала, ухудшение экономического положения народа — все это привело к тому, что маньчжурское владычество стало рассматриваться широкими слоями трудящихся масс Китая как первопричина всех их бедствий и страданий. Антифеодальная борьба крестьянских масс и движение за освобождение от гнета иностранного капитала в этот период, как правило, принимали в Китае форму антиправительственных, антиманьчжурских выступлений.

Маньчжуры к концу XIX в., несмотря на свою малочисленность [1], продолжали играть исключительно важную роль в политической жизни страны. В их руках было сосредоточено 50% всех постов министерского и 75% постов вице-министерского ранга; 77% всех высших чиновничьих должностей в столице также находилось в руках маньчжуров [2]. Маньчжуры-военачальники занимали все ключевые посты в армии, во всех крупнейших городах Китая были расположены гарнизоны маньчжурских, так называемых «восьмизнаменных» войск. Императорскому двору и маньчжурской аристократии принадлежало огромное количество пахотных земель и пастбищ, сдаваемых в аренду китайским крестьянам на кабальных условиях.

* The complete list of sources will be found in my forthcoming book, *Aspects of Social Mobility in China, 1368—1911.*

На содержание Цинского двора и маньчжурской военно-феодальной знати шли огромные суммы из государственного бюджета. Так, по официальным данным Налогового Приказа, в 1894 г. на содержание «восьмизнаменных» войск из казны отпускалось 22,7 млн. лан серебра. На различные расходы Цинского двора ежегодно ассигновалось 7,6 млн. лан. Таким образом, только на содержание маньчжурских войск и двора, по официальным, значительно преуменьшенным данным, тратилось более 37% всех доходов империи, составлявших 81 млн. лан. На содержание китайских войск, использовавшихся маньчжурами для подавления национально-освободительного движения китайского народа, из казны ассигновалось еще 19 млн. лан [3]. С беспощадной жестокостью расправлялись маньчжуры со всеми попытками китайцев и представителей других национальностей Цинской империи ограничить власть и произвол маньчжуров.

Маньчжуры держались у власти в Китае лишь благодаря безграничной поддержке со стороны китайской феодально-бюрократической реакции и иностранного капитала, помогавшего цинскому правительству подавлять народные восстания, снабжавшего его займами и отчислениями от таможенных сборов. Разложение маньчжурской аристократии, открытое казнокрадство, коррупция, фаворитизм, интриги и распри придворных клик приняли к концу XIX в. поистине катастрофические размеры.

Оппозиционный маньчжурскому владычеству лагерь делился в конце XIX в. на три основные группы: широкие слои трудящихся масс китайского народа и национальных меньшинств, зарождавшуюся группу китайских буржуазных революционных демократов во главе с Сунь Ятсеном и китайскую буржуазно-помещичью партию реформ.

Антиманьчжурские настроения широких масс китайского народа, нашедшие свое яркое отражение в ходе антифеодальных, по существу крестьянских войн тайпинов и няньцзюней, а также в многочисленных восстаниях ханьских народов Цинской империи в 50—60-х годах XIX в., вновь усилились и приняли массовый характер после поражения Цинского правительства в войне с Японией 1894—1895 гг. В 1895 г. население острова Тайвань, уступленного маньчжурами Японии по условиям Симоносекского мирного договора, не желая подчиниться решению Цинского двора и отделиться от Китая, восстало и объявило об установлении на острове республиканского строя. С 1895 г. в различных провинциях Китая все чаще и чаще вспыхивают стихийные антиманьчжурские и антииностранные волнения китайских крестьян и городского населения, сливающиеся к концу 1899 г. в могучее народное восстание ихэтуаней в Северном Китае.

Еще в августе 1894 г. выдающийся китайский буржуазный революционер-демократ Сунь Ят-сен создал глубоко законспирированную революционную группу «Союз Возрождения Китая» (*Син чжун хуэй*), поставившую своей задачей организацию вооруженного восстания против маньчжурского владычества и учреждение китайского республиканского правительства. На 26 октября 1895 г. в Гуанчжоу намечалось первое антиманьчжурское выступление «Союза» совместно с тайным антиманьчжурским обществом «Неба и земли», объединявшим в своих рядах крестьянство, ремесленников, городскую мелкую буржуазию и оппозиционных маньчжурам китайских помещиков приморских южных провинций Китая. После неудачи восстания, обусловленной плохой связью с народными массами, Сунь Ят-сен и его сторонники, вынужденные эмигрировать, продолжали за границей работу по сплочению революционных рядов

и по подготовке нового вооруженного выступления против власти маньчжуров в Китае.

Широкие круги либеральных китайских помещиков южных, центральных и восточных провинций Китая и представители молодой китайской национальной буржуазии и интеллигенции, принимавшие участие в движении за реформы в период 1895—1898 гг., также не могли не проявить своего отношения к маньчжурскому владычеству в Китае. Однако, в отличие от трудящихся масс китайского народа и китайских революционных демократов, партия реформ заняла гораздо более нерешительную и непоследовательную позицию в этом вопросе.

В силу экономической слабости и политической незрелости нового общественного класса — китайской буржуазии (пролетариат к тому времени еще не выделялся достаточно четко из общей массы неимущих) — все программные требования реформаторов, в том числе и вопрос об отношении к маньчжурам, формулировались под значительным влиянием взглядов китайских либеральных помещиков и чиновников, стремившихся решить все вопросы мирным путем, путем реформ сверху, не вызывая к жизни революционной творческой активности народных масс. Следует, однако, иметь в виду, что среди руководителей движения за реформы не было полного единства во взглядах на маньчжурское господство и что позиция лидеров левого крыла реформаторов Тань Сы-туна, Тан Цай-чана и др. существенно отличалась от взглядов основного направления, руководимого Кан Ю-вэем и Лян Ци-чао. Как это показано далее, позиция лидеров левого крыла в значительной степени сближалась с позицией революционных демократов, руководимых Сунь Ят-сеном.

Китайские реформаторы, опираясь на 24-летнего маньчжурского императора Цзай Тяня, симпатизировавшего делу реформ, а также на так называемую «южную» группу высокопоставленных китайских сановников при дворе, возглавляемую императорским наставником Вэн Тун-хэ, пытались добиться отстранения от власти ультраконсервативной маньчжуро-китайской клики, возглавляемой вдовствующей императрицей Цыси, маньчжурами Жун Лу и Ган И, китайскими сановниками Сюй Туном и Сюй Инкуем.

В период кратковременного (в течение 102 дней) пребывания реформаторов у власти, летом 1898 г. их руководитель Кан Ю-вэй подал императору Цзай Тяню ряд меморандумов, содержавших предложения, направленные на демократизацию государственного строя, существенное ограничение императорской власти путем введения конституции и учреждения парламента, на проведение мирной ассимиляции маньчжуров с китайцами, на «китаизацию» всех центральных и периферийных органов власти в империи, т. е. на фактическую ликвидацию мирными средствами господства маньчжуров в Китае, длившегося 250 лет.

В меморандуме «О сотрудничестве императора со своим народом и ликвидации неравенства между маньчжурами и китайцами», поданном в конце августа 1898 г., Кан Ю-вэй писал:

«Теперь корабли бороздят воды всех океанов и державы угрожают своим соседям. Теперь необходимо объединить сердца всех людей, с тем чтобы противостоять внешней опасности и не допустить деления народа на отдельные национальности. Если между национальностями внутри страны будут существовать различия, то это неминуемо приведет к разногласиям и разделу территории страны, приведет к созданию такого угрожающего положения, при котором легко смогут иметь место вредная аги-

тация и измена. . . Различия, существующие между маньчжурами и китайцами, подрывают силы народа. . .» [4].

Призывая Цзай Тяня проводить политику «единения императора с народом и ликвидации неравенства между маньчжурами и китайцами», Кан Ю-вэй просил «немедленно отменить особые титулы, создающие преграды между китайцами и маньчжурами, и провести в жизнь меры, направленные к осуществлению равенства всего китайского народа, установить конституцию, созвать парламент и провести в жизнь разделение трех прав. . .» [5]. В заключение Кан Ю-вэй предлагал покончить с практикой наименования Китая по названию царствовавшей династии (*Дайцинго* — «Государство великой Цинской династии») и впредь, в соответствии с встречающимся в конфуцианских классических канонах наименованием Китая, называть страну в официальных документах «Срединным цветущим государством» (*Чжунхуа*).

Приведенные выше строки свидетельствуют о весьма упрощенном подходе реформаторов к решению вопроса о ликвидации господства маньчжуров в Китае. Было весьма наивным рассчитывать на то, что, прочитав соответствующий императорский указ, маньчжуры так легко и просто откажутся от своих привилегий и титулов; реакционная придворная маньчжурская клика, поддерживаемая китайскими феодалами и бюрократами, не допускала и мысли об отказе хотя бы от части прав и привилегий, которые были закреплены за ними с прадедовских времен.

В первых числах сентября 1898 г. Кан Ю-вэй направил Цзай Тяню ряд меморандумов, в которых предлагал срочно создать императорскую гвардию, включить в нее все преданные ему войска и назначить на офицерские посты сторонников преобразований, т. е. китайцев. Цзай Тянь должен был взять на себя лично командование гвардией. Учитывая засилье консерваторов в Пекине, влияние вдовствующей императрицы Цыси и саботаж столичной бюрократии, Кан Ю-вэй предлагал срочно перенести столицу из Пекина в район озера Тайху, близ Шанхая. Кан Ю-вэй рекомендовал оставить всех консервативных сановников в Пекине на пенсии и не разрешать им приезд в новую столицу. Одновременно с этим Кан Ю-вэй предлагал изменить название годов правления, а также изменить форму национальной одежды и прически, в частности упразднить ношение кос — эту насильственно введенную среди китайцев национальную прическу маньчжуров.

Все эти мероприятия были направлены на фактическое отстранение маньчжуров от власти и создание национального китайского правительства во главе с «окитаившимся» императором Цзай Тянем [6].

Наряду с этим участники движения за реформы в период с 1895 по 1898 г. проводили антиманьчжурскую пропаганду, популяризуя антиманьчжурские памфлеты начала Цинской династии, вроде *Неофициальной истории Минской династии* (разделы «Записки о 10-дневных событиях в Янчжоу» и «Записки об истреблении населения города Цзядин»), *Воспоминаний об обороне города Цзянина*, *Записок об императорской инспекционной поездке на Юг* («Записки для тех, кто заблудился в поисках справедливости») [7], произведений китайских патриотов середины XVII в. Гу Тин-линя и Хуан Цзун-си и др.

Многочисленные оригинальные публицистические произведения реформаторов, появившиеся в период с 1895 по 1898 г., содержали завуалированную по цензурным соображениям, но резкую критику маньчжурской администрации, коррупции маньчжурских князей, сановников и военачальников; маньчжуры, как правило, прямо в статьях не назывались,

и критика в основном была направлена по адресу всего маньчжуро-китайского реакционного, феодального и бюрократического лагеря в целом.

Кан Ю-вэй еще в 1891 г. в своих *Педагогических записках школы Чансин* отказался от официального летосчисления по годам правления маньчжурских императоров и установил новое летосчисление, взяв за отправной момент год рождения древнего философа Конфуция.

В книге *Исследование учения Конфуция о реформе государственного строя* (*Кунцзы гай чжи као*), опубликованной в 1898 г., Кан Ю-вэй резко критиковал официальную феодальную идеологию. Он демонстративно отказался от обязательного в те времена во всех научных трудах панегирика по адресу царствующей маньчжурской династии и противопоставил маньчжурскому императору идеализированный образ Конфуция, которого представил как выдающегося сына китайского народа, как борца за сильный, независимый Китай, поборника ограничения самодержавной императорской власти демократической конституцией [8].

Практическая деятельность и публицистические выступления представителей основной группы китайских реформаторов конца XIX в. были объективно направлены на ликвидацию в стране феодальных порядков, на расчистку путей для капиталистического развития Китая. Предлагавшиеся Кан Ю-вэем и его сторонниками практические мероприятия, в том числе и мероприятие по ограничению владычества маньчжуров, были направлены на достижение этой цели мирным путем во имя предотвращения революционного взрыва, предотвращения нового антифеодального и антиманьчжурского восстания трудящихся масс Китая наподобие восстания тайпинов. Отсюда половинчатость, непоследовательность этих предложений.

Руководитель левого крыла реформаторов Тань Сы-тун в своей книге *Учение о гуманности* (*Жэньсюе*), законченной в 1898 г., в отличие от Кан Ю-вэя и других руководителей движения за реформы выступал с беспощадным гневным разоблачением маньчжурского владычества в стране, не допускал возможности компромисса между китайцами и маньчжурами, осуждал проповедь мирной ассимиляции маньчжуров с китайцами. Он писал, что маньчжуры, как в свое время кидани, чжурчжени, монголы и другие кочевники, вторгавшиеся в Китай, «убивали и насиловали, отнимали драгоценности, шелка, захватывали китайских женщин и детей. . . Копытами своих коней они топтали земли Китая. Китай лежал в груде развалин. Не довольствуясь этим, они пресекали всякую возможность организации китайцев на борьбу за восстановление китайской власти; как воры, ненавидящие хозяев, они пытались наглухо закрыть глаза и уши китайцев, крепко сковать их руки и ноги, подавить их мысли и желания, уничтожить источники их благополучия, лишить их средств к существованию, запереть их разум» [9].

В своей книге Тань Сы-тун называл маньчжуров «тиранами», «выходцами из дикого кочевого племени», разоблачал проводившуюся Цинами политику кровавого подавления выступлений ханьского и неханьских народов империи против власти маньчжуров. Особенно резко осуждал Тань Сы-тун кровавое покорение маньчжурами Синьцзяна, которое привело к резкому уменьшению численности коренного населения этой «новой провинции». Он писал: «Дунганский народ, живший на территории площадью в несколько десятков тысяч ли, некогда был большим народом, но его численность ныне значительно уменьшилась по сравнению с численностью, которая была зарегистрирована в ходе переписи, проведенной в годы правления "Цяньлун". Разве это не кровожадная свирепость?» [10].

Резко осуждал Тань Сы-тун и китайских помещиков, помогавших маньчжурам удержаться у власти в период восстания тайпинов.

Тань Сы-тун осуждал и преступную внешнюю политику маньчжуров — политику умилостивления иностранных агрессоров путем передачи иностранцам китайских территорий, которые для чужеземцев-маньчжуров не имели ни ценности, ни святости.

Объясняя причины противодействия маньчжуров политике реформ, Тань Сы-тун писал, что они «хотят сейчас присвоить себе ум, богатство, силу и самую жизнь народа и думают удержать все это в своих руках, обрекая народ на темноту, бедность, слабость и гибель. Если же будут проведены реформы, народ будет вести с ними борьбу за разум, богатство, силу и жизнь. Вот почему они так цепляются за старину. . . Они рассматривают Китай как свое богатое пастбище и водопой и предпочтут довести его до гибели и уступить все его богатства чужеземцам, нежели передать их тем, кого они терзают, словно хищные звери. . .» [11].

В своей книге Тань Сы-тун открыто призывал к борьбе против маньчжуров, заявляя, что гибель маньчжурской династии уже по существу предрешена Небом и что достаточно появиться группе смельчаков-китайцев, которые возглавят движение за восстановление гуманности, как всем зверствам маньчжуров придет конец.

Реализовать свои планы на практике Тань Сы-туну не удалось. 24 сентября 1898 г., на четвертый день после дворцового переворота Цыси, он был арестован в Пекине, а 27 сентября по приказу Цыси тайно казнен вместе с пятью другими руководящими деятелями партии реформ.

Антиманьчжурские идеи Тань Сы-туна оказали большое влияние на деятельность таких революционных демократов начала XX в., как Цзоу Жун, У Юэ, Цю Цзинь и др.[12] Группировавшиеся вокруг Сунь Ят-сена революционные демократы в № 1 «Миньбао» за 1905 г. отметили память Тань Сы-туна, высоко оценив его заслуги в борьбе за свержение маньчжурского владычества в Китае [13].

Под влиянием роста национально-освободительной борьбы китайского народа в лагере реформаторов усилилась дифференциация, выделение левого крыла, но соглашательское в своей основе отношение подавляющего большинства китайских помещичье-буржуазных реформаторов к правящей маньчжурской династии, сложившееся в период 1895—1898 гг., не претерпело существенных изменений и в последующие годы и особенно ярко проявилось в период непосредственной подготовки и проведения Синьхайской революции 1911—1912 гг.

Китайские либералы больше всего боялись растущей революционной активности китайских крестьян и молодого рабочего класса, а также массовых выступлений национальных меньшинств страны и в целях недопущения народной революции пошли на компромисс с маньчжурами и стоявшими за спиной последних китайскими феодалами и капиталистическими державами.

Китайские буржуазно-помещичьи либералы оказались неспособными решать насущные задачи национального освобождения Китая из-под гнета феодальных сил и империалистических держав, а также осуществить равноправие всех народов, населяющих Китай; непоследовательность китайской буржуазии сказалась и в том, что хотя Синьхайская революция и привела к отречению Цинов от престола и на смену абсолютной монархии в Китае пришла республиканская форма правления, —

за маньчжурским императором и маньчжурской знатью сохранились их многочисленные земли, охотничьи угодья, дворцы; республика выплачивала им огромную пенсию и т. д.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Фань Вэнь-лань в *Кратких очерках по всеобщей истории Китая* определяет общее количество маньчжуров в Китае максимальной цифрой в 600 тыс. человек. См. Фань Вэнь-лань, *Чжунго тунши цзяньпянь*, стр. 624.

[2] См. Цзоу Жун, *Революционная армия*, сб. «Синьхай гэмин», т. I, стр. 337. Шанхай жэньминь чубаньшэ (цюаньшу бацэ).

[3] См. Лю Юй-юнь, *Гуансюй куайцзибяо — ди и цэ*, Цзяоюйшицзе, 1901.

[4] См. сб. «Меморандумы 1898 г.» под редакцией Май Чжунхуа, 1911, «Усюй цзоугао», стр. 36а (а также 4-томный сборник «Усюй бяньфа», т. 2, стр. 238).

[5] См. там же, стр. 375б (или сб. «Усюй бяньфа», т. 2, стр. 239—240).

[6] См. Меморандумы Кан Ю-вэя в сборнике «Усюй цзоугао», стр. 57а—61б, 62а—64б (см. также «Усюй бяньфа», т. 2, стр. 259—265).

[7] *Мин цзи бэй ши, Янчен ши жи цзи, Цзядин тучэнцзи, Наньсюньлу* (*И цзюэ ми лу*), *Цзянъин чэн шоу чэн цзи*.

[8] См. Кан Ю-вэй, *Кунцзы гай чжи као*, Шанхай, Датун и шу цзюй, 1898, гл. 9, стр. 7а.

[9] См. Тань Сы-тун, *Жэньсюэ*, *Тань Сы-тун цюань цзи*, Пекин, 1954, стр. 58, Изд-во Саньляньшудянь.

[10] См. там же, стр. 59.

[11] См. Тань Сы-тун, *Жэньсюэ*, стр. 60.

[12] См. Ян Тин-фу, *Хронология жизни Тань Сы-туна*, «Тань Сы-тун няньпу», Пекин, изд-во Жэньминьчубаньшэ, 1957, стр. 3.

[13] См. «Миньбао», т. 1, стр. 82—92, «Миньбао хэцзибэнь», Пекин, Кэсюэчубаньшэ, 1957.

По докладу выступили Дж. Левенсон, поддержавший основные положения доклада, но высказавший мнение, что главными причинами поражения китайских реформистов были чисто идеологические (приверженность к конфуцианству), и Хэ Пин-ди, полагавший, что маньчжурское господство в Китае в тот период уже не представляло реальной силы, так как власть на местах принадлежала представителям бюрократии; докладчик привел ряд конкретных фактов, противоречащих мнениям Дж. Левенсона и Хэ Пин-ди. Затем присутствующие задали С. Л. Тихвинскому ряд вопросов.

ПОДСЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИИ

9 августа, вечернее заседание
Председатель К. Иосикава (*Киото*)

С. Е. ЯХОНТОВ (*Ленинград*): СОЧЕТАНИЯ СОГЛАСНЫХ В ДРЕВНЕКИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

О начальных согласных древнекитайского языка мы судим главным образом по иероглифам фонетической категории.

Иероглиф фонетической категории представляет собой сложный знак, в составе которого одна часть — фонетический знак — указывает на приблизительное чтение иероглифа в целом: иероглиф читается при-

мерно так же, как читается его фонетический знак, будучи употреблен как самостоятельный иероглиф. Следовательно, все слова, пишущиеся иероглифами с одинаковым фонетическим знаком, в эпоху создания этих иероглифов произносились приблизительно одинаково. Группу слов, пишущихся иероглифами с одним и тем же фонетическим знаком (включая употребление этого фонетического знака как отдельного иероглифа), условимся называть «графической группой».

Слова одной графической группы вовсе не обязательно все начинались с одного и того же согласного. Обычно в одну графическую группу входят слова, начинающиеся с нескольких фонетически близких согласных; при этом чем меньше различие между двумя звуками, тем чаще эти звуки чередуются между собой в пределах одной графической группы. В единичных случаях возможны были, видимо, чередования согласных, не имеющих между собой ничего общего. Как правило, такие чередования остаются исключениями и не образуют никакой системы.

Однако некоторые чередования несходных звуков встречаются слишком часто, чтобы их можно было считать случайностью. Таковы, например, чередования *k* : *l* или *m* : *x*.

Для объяснения их обычно предполагают, что в древнекитайском языке возможны были сочетания двух согласных в одном слове, например *kl-* или *xm-*. Однако в реконструкции таких сочетаний не последовательности; вопрос о сочетаниях согласных решается отдельно для каждой пары чередующихся звуков, а иногда и для каждой графической группы, где наблюдается чередование.

Между тем реконструкции могут считаться достаточно убедительными только в том случае, если они опираются на более широкие фонетические закономерности, распространяющиеся не на один конкретный случай, а на большое число аналогичных фактов.

В настоящем докладе будут рассмотрены две такие широкие закономерности, охватывающие две группы чередований согласных: 1) чередование любого согласного с *l*; 2) чередование носовых согласных с глухими щелевыми.

I. Чередование любого согласного с l

Известно, что в среднекитайском языке все слоги делились на четыре «ряда» (等). Слоги III-го и IV-го ряда содержали промежуточный *i̯* или *i*; слоги I-го и II-го ряда различались по характеру основного гласного: во II-ом ряду был более передний или более широкий гласный, чем в I-ом (в I-ом — *â*, *ə*, *o*, *u*, во II-ом — *a*, *ɛ*, *ɔ*, *å*). Кроме того, во II ряд всегда входили слоги, начинающиеся с твердых шипящих (*tṣ*, *tṣh*, *dẓh*, *ṣ*), даже и в том случае, если они содержали промежуточный *i̯*.

Слоги II-го ряда почти никогда не начинаются с согласного *l*. Как видно из фонетических таблиц Дун Тун-хэ [1], в словаре *Шо вэнь* можно найти только три слова II-го ряда на *l*; из них только одно — достаточно распространенное: 冷 *lɔngᴵᴵ* 'холодный' (другие два — это 犖 *lâk* 'пестрая корова' и 酸 *ngi̯ämᴵᴵᴵ*, *lɔmᴵᴵ* 'уксус') [2].

Между тем, в тех случаях, когда в одной графической группе оказываются слова на *l-* и слова с другими начальными согласными, последние (если они не имеют промежуточного *i̯* или *i*) в большинстве случаев представляют собой слоги II-го, а не I-го ряда. Иероглиф, обозначающий слог на *l-*, может быть фонетическим знаком в иероглифе, обозна-

чающем слог II-го ряда с любым другим согласным; и обратно, иероглиф, обозначающий слог II-го ряда с любым согласным, может быть фонетическим знаком в иероглифе, обозначающем слог на *l-*. Наконец, один и тот же иероглиф может обозначать одновременно слог на *l-* и слог II-го ряда с другим согласным. Для слогов I-го ряда такие отношения со слогами на *l-* исключены. Скажем, хотя слог *lân* (I ряд) фонетически ближе к слогу *kîn* (I ряд), чем к слогу *kan* (II ряд), но иероглиф с чтением *kan* (в среднекитайском) может быть фонетическим знаком в иероглифе с чтением *lân*, а иероглиф с чтением *kân* — не может. Приведем примеры.

1) 寥 *liau*^{III}, *lieu*^{III}: 膠 *kau*, 嘐 *xau*
   泉 *luk*: 剝 *pâk*
   巒 *li^{w}än*, *luân*: 蠻 *m^{w}an*, 孿 *ş^{w}an*^{III}
   里 *lji*^{II}: 埋 *măi*
   來 *lâi*: 麥 *m^{w}ɛk*
   婁 *lau*, *liu*: 數 *şiu*^{II}, *şiu*^{III}, *şâk*
   麗 *liei*^{III}: 醾 *şiɛ*^{II}, *şi^{w}o*, 灑 *şai*^{II} *şiɛ*^{II}, *şa*^{II}.
2) 東 *kan*^{II}: 闌 *lân*, 鍊 *lien*^{III}
   監 *kam*, *kam*^{III}: 濫 *lâm*^{III}
   降 *kâng*^{III}, *γâng*: 降 *liung*
   卯 *mau*^{II}: 柳 *liau*^{II}, 留 *liau* , 聊 *lieu*
   史 *şi*^{II}: 史 *lji* ^{III}: 使 *şi*^{II}
3) 鬲 *liek*, *kɛk*
   樂 *ngâk*, *lâk*
   龍 *li^{w}ong*, *mâng*
   率 *şiuĕt*, *ş^{w}i*^{III}, *liuĕt*.

Можно указать несколько случаев, где слоги с начальным *l-* по написанию непосредственно связаны со слогами I-го, а не II-го ряда; однако во всех этих случаях мы имеем дело с иероглифами, чтение или написание которых появилось сравнительно поздно.

Например, иероглиф 各 *kâk* 'каждый' является фонетическим знаком в 洛 *lâk* (название реки). Слово *kâk* 'каждый' представляет собой слог I-го ряда. Однако иероглиф 各 первоначально был создан для обозначения другого слова — *kvk* 'приходить'[3] (которое является слогом II-го ряда) и лишь позднее был заимствован для слова *kâk* 'каждый' (для слова *kvk* 'приходить' был после этого взят иероглиф 格, а затем оно вообще исчезло из употребления). Следовательно, и для 各 более древним чтением является слог II-го, а не I-го ряда.

Иероглиф 裸 *luâ*^{II} 'голый' сейчас пишется с фонетическим знаком 果 *kuâ*^{II} 'плод'. Слово 果 *kuâ*^{II} относится к I-му, а не ко II-му ряду. Однако написание 裸 — это древний сокращенный иероглиф; первоначально, согласно словарю *Шо вэнь*, слово *luâ*^{II} 'голый' писалось 祼 (с другим фонетическим знаком).

Для иероглифа 谷 *kuk* 'долина' (слог I ряда) словари указывают другое чтение *luk*; но это чтение (в названии гуннского титула 谷蠡 *luk liɛ*) появилось не раньше эпохи Хань.

Итак, эти примеры не могут опровергнуть утверждения, что слоги с начальным *l-* первоначально могли быть связаны по написанию со слогами только II-го, но не I-го ряда.

Относительно того, что представляли собой слоги II-го ряда в древнекитайском языке, не существует единого мнения. Б. Карлгрен решает этот вопрос по-разному для разных типов слогов. Дун Тун-хэ считает, что во всех случаях гласный II-го, III-го и IV-го рядов был более передним,

чем в соответствующих слогах I-го ряда. Однако в древнекитайский период, в отличие от среднекитайского, различие между I и II рядами никак не было связано с распределением слогов по рифмам; в составе каждой рифмы обычно имелись слоги всех четырех рядов. Поэтому слоги I и II рядов едва ли могли иметь неодинаковый гласный; скорее они различались по промежуточному звуку. Этого последнего мнения придерживается Ван Ли, который реконструирует в слогах II-го ряда промежуточный гласный *e* (или *o* вместо *u* в лабиализованных слогах).

Мне кажется, что, поскольку слоги II-го ряда, как было показано, тесно связаны со слогами на *l-*, в них должен был быть промежуточный звук *l*, то есть они начинались с сочетаний согласных — *kl*, *pl*, *ml* и т. п. Естественно, что слоги с такими сочетаниями звуков были фонетически достаточно близки к слогам на *l-*, чтобы входить с ними в одни и те же графические группы. С другой стороны, при таком объяснении происхождения слогов II-го ряда становится понятным, почему ко II-му ряду не могли относиться слоги с начальным *l-*: после начального *l-* не могло быть еще и промежуточного *l*.

Наличие звука *l* в китайских слогах II-го ряда в некоторых случаях можно подтвердить сравнением с другими языками [4], где ему соответствует *l* или *r*, например:

八 *p^{w}ăt* (**plet*) 'восемь' — тибетск. *b-r-gyad*
百 *pɒk* (**plâk*) 'сто' — тибетск. *b-r-gya*
馬 *ma*^{II} (**mlâ*^{II}) 'лошадь' — бирманск. *mrang*^{II}
江 *kâng* (**klong*) 'река' — тхайск. *khlong* 'канал'
甲 *kap* (**klap*) 'панцирь' — тибетск. *khrab*

Таким образом, слоги I-го и II-го ряда в древнекитайском языке различались между собой тем, что в слогах II-го ряда имелся промежуточный звук *l*, а в слогах I-го ряда не было никакого промежуточного звука. Гласные звуки в слогах I-го и II-го ряда внутри одного и того же класса рифм были одинаковыми.

Позднее промежуточный *l* в слогах II-го ряда заменился каким-то полугласным или гласным звуком (может быть, *e*), а последний, в свою очередь, вызвал изменение основного гласного. Произошло это около начала нашей эры; именно тогда некоторые слоги II-го ряда перестали рифмоваться с соответствующими слогами I-го ряда (например, слоги II-го ряда класса 魚 перешли в класс 歌).

В слогах, имевших промежуточный *l̥* или *i*, тоже были возможны сочетания согласных с *l*, как можно судить по следующим примерам:

蠻 *l̥i^{w}än*, *luân*: 變 *p̥i^{w}än*^{III}
林 *l̥iəm*: 禁 *k̥iəm*^{III}
兼 *kiem*: 廉 *l̥iäm*
京 *k̥iɒng*: 涼 *l̥iang*
品 *phiəm*^{II}: 臨 *l̥iəm*
文 *mi̯uən*: 吝 *l̥iĕn*^{III}

Здесь согласные *k*, *p*, *ph*, *m*, очевидно, восходят к сочетаниям *kl*, *pl*, *phl*, *ml*, иначе непонятно, почему они чередуются с начальным *l*. Однако *l* между согласным и промежуточными *i̯*, *i* исчез без следа, и основной гласный в большинстве случаев не изменился.

Особое место занимают слоги, начинающиеся с твердых шипящих (*ts*, *ʂ* и т. д.). Слоги с этими согласными всегда относятся ко II-му ряду, хотя в них возможен промежуточный *i̯*. Слоги II-го ряда, как было показано выше, восходят к древнекитайским слогам с промежуточным *l*; следовательно, твердые шипящие возможны только в слогах, некогда

содержавших *l*. Поскольку твердые шипящие постоянно чередуются со свистящими, они, очевидно, происходят от сочетаний свистящих с *l* — **tsl*, **sl* и т. д. Звук *l* здесь вызвал изменение начального согласного — переход свистящих в твердые шипящие.

Итак, сочетания согласных с *l* были в древности во всех слогах, которые в среднекитайском относятся ко II-му ряду. Кроме того, сочетания согласных с *l* были в ряде слогов III-го и IV-го ряда (с промежуточными *i* и *i*), но, поскольку *l* в них в большинстве случаев исчезло без всякого следа, реконструировать его можно лишь в отдельных случаях (по употреблению фонетических знаков).

2. Чередование глухих щелевых и сонорных согласных

Хорошо известно, что в одну и ту же графическую группу могут входить слова, начинающиеся с *m-* и *x-*. Например:

勿 *miuət*: 忽 *xuət*
亡 *mi̯ʷang*: 荒 *xʷâng*
麻 *ma*: 痳 *xi̯ʷie̯*
無 *miu*: 幠 *xuo*, (撫 *phi̯uᴵᴵ*)
微 *mi̯ʷe̯i*: 徽 *xi̯ʷe̯i*
每 *muâiᴵᴵ*: 晦誨 *xuâiᴵᴵᴵ*,海 *xâiᴵᴵ*
毛 *mâu*: 耗 *xâuᴵᴵᴵ*
黑 *xək*: 墨默 *mək*.

В таких случаях обычно предполагается, что звук *x* восходит к древнекитайскому сочетанию согласных *xm-*.

Однако чередование *m-* и *x-* не единственный случай, когда в пределах одной графической группы имеются одновременно слова, начинающиеся (в среднекитайском) с носового и с глухого щелевого. Кроме того, носовые нередко чередуются с *th* (или с *t'h*, восходящим к более раннему *th*). Приведем примеры.

艾 *ngâiᴵᴵᴵ*: 餲 *xâiᴵᴵᴵ*
義 *ngji̯e̯ᴵᴵᴵ*: 羲 *xji̯e̯*
虐 *ngi̯ak*: 謔 *xi̯ak*
厳 *ngi̯ɐm*: 獫 *xi̯ämᴵᴵ*
午 *nguoᴵᴵ*: 許 *xuoᴵᴵ*, 許 *xi̯ʷoᴵᴵ*, (杵 *tshi̯ʷoᴵᴵ*)
玉 *ngi̯ʷok*: 頊 *xi̯ʷok*
兒 *ńźi̯e̯*, 倪輗霓 *ngiei*: 閱 *xiek*
堯 *ngieu*, 饒蕘 *ńźi̯äu*, 撓 *ńauᴵᴵ*, *xâu*: 嘵 *xieuᴵᴵ*, 燒 *śi̯äu*, (譊驍 *kieu*. 翹 *ghi̯äu*)
疑 *ngji*: 癡 *t'hi*
岩 *ngi̯ät*, 巖 *si̯ät*: 孽蘖糱 *ngi̯ät*
化 *xʷaᴵᴵᴵ*: 訛吪 *nguâ*
卸 *si̯aᴵᴵᴵ*: 御 *ngi̯ʷoᴵᴵᴵ*
念 *niemᴵᴵᴵ*, 稔 *ńźi̯əmᴵᴵ*: 諗淰 *śi̯əmᴵᴵ*
女 *ńi̯ʷoᴵᴵ*, 如 *ńźi̯ʷo*: 恕 *śi̯ʷoᴵᴵᴵ*, 絮 *si̯ʷoᴵᴵᴵ*, *t'hi̯ʷoᴵᴵᴵ*
爾 *ńźi̯e̯ᴵᴵ*, *niei*ᴵᴵ: 嚱 *si̯e̯ᴵᴵ*
聶 *ńi̯äp* (*tśi̯äp*), 讘 *ńźi̯äp*: 攝 *niep*, *śiäp*,懾糵 *śi̯äp* (*tśi̯äp*)
藝 *ngi̯äiᴵᴵᴵ*, 熱 *ńźi̯ät*: 勢 *śi̯äiᴵᴵᴵ*, 蔇褻 *si̯ät*
襄 *si̯ang*, 饟 *śi̯angᴵᴵᴵ*: 攘禳穰 *ńźi̯ang*, 釀 *ńi̯angᴵᴵᴵ*, 曩 *nângᴵᴵ*
需 *si̯u*: 偏濡 *ńźi̯u*
能 *nəng*, *nâi*: 態 *thâiᴵᴵᴵ*
內 *nuâiᴵᴵᴵ*: 納 *thuâiᴵᴵᴵ* (вариант иероглифа 退, приводимый в *IIIo вэне*).
若 *ńźi̯ak*, 諾 *nâk*, 匿 *ńi̯ək*: 婼 *t'hi̯ak*, 慝 *thək*

耳 *ńźi*^{II}: 恥 *t'hi*^{II}
難 *nân*: 歎 *thân*^{III}, 灘 *thân*, *xân*^{II}, 漢暵 *xân*^{III}, 熯 *ńźi̯än*^{II}, *xân*^{III}
丑 *t'hi̯ə̯u*^{II}, 羞 *si̯ə̯u*: 狃紐 *ńi̯ə̯u*^{II}
安 *thuâ*^{II}, 綏 *s*^{w}*i*, *s*^{w}*i̯ę*^{III}, *xʃ*^{w}*i̯ę*^{III}, *thuâ*^{III}: 倭 *nuâi*^{II}, 桜 *ńź*^{w}*i*
戌 *si̯uĕt*, 恤 *xi̯uĕt*, 威 *xi̯*^{w}*ät*: 滅 *mi̯ät*.

Можно предположить, что в этих случаях, так же как и при чередовании *m* : *x*, глухие звуки восходят к сочетаниям согласных — таким, как **xng-*, **sn-*, **thn-* и т. п.

Заметим, что не все чередования согласных встречаются одинаково часто. Обычно в одну графическую группу входят носовые и неносовые согласные, одинаковые по месту образования. Как правило, *ng* чередуется с *x*, *ńź* — с *ś*, а *n* (и *ń* ← *n*) — с *th* (и *t'h* ← *th*). Из носовых согласных только *m* чередуется не с одинаковым по месту образования звуком (звуков типа *f* вообще не было в древнекитайском языке), а с *x* (точнее — обычно с *xu-* или *x*^{w}-). Есть только три случая, где чередуются *ng*: *t'h* и *n*, *ńź*: *x*; вопрос об их происхождении остается открытым. Наконец, что касается звука *s*, то он преимущественно связан с *ńź*, но часто чередуется и с другими носовыми согласными; однако его распространение ограничено в другом отношении: он встречается только в слогах, содержащих промежуточный *i̯* или основной гласный *i* (который сам восходит к древнекитайским финалям с промежуточным **i̯*).

Эти закономерности дают основания предполагать, что в сочетаниях **xm-*, **xng-*, **thn-* и т. д. первый звук первоначально был везде одинаков и лишь позднее развивался по-разному под влиянием следующего согласного, а отчасти также и промежуточного *i̯*.

Остается выяснить, какой именно звук был первоначально в этих сочетаниях — *x*, *th*, *s* или еще какой-нибудь иной.

В ряде случаев звук, предшествующий носовому согласному, представлял собой словообразующий префикс; то есть существуют пары родственных слов, одно из которых начинается с носового согласного, а другое — с глухого щелевого, восходящего к сочетанию двух согласных. Например:

墨 *mək* 'тушь': 黑 *xək* 'черный'
亡 *mi̯*^{w}*ang* 'погибнуть': 荒 *x*^{w}*âng* 'пустой', 'заброшенный'
訛 (譌) *nguâ* 'изменяться', 'ложный': 化 *x*^{w}*a*^{III} 'изменяться'
岸 *ngân*^{III} 'высокий берег': 厂 *xân*^{III}, *xân*^{II} (то же)
蓁 *ńźi̯äu* 'трава, которую жгут как топливо': 燒 *śi̯äu* 'гореть'.

Тот же самый префикс мы находим, очевидно, в словах, начинающихся (в среднекитайском) на *ʂ-* и родственных словам на *l-*, например:

史 *li̯ji*^{III} 'чиновник': 使 *ʂi*^{II} 'посылать'
林 *li̯ə̯m* 'лес': 森 *ʂi̯ə̯m* 'густой, как лес'.

Мы уже знаем, что звук *ʂ* восходит к сочетанию согласных **sl*. Значит, в словах 使 *ʂi*^{II} (**s-li̯ə*^{II}) и 森 *ʂi̯ə̯m* (**s-li̯um*) имелся префикс **s-*. Очевидно, в таких словах, как 黑 *xək* 'черный' или 燒 *śi̯äu* 'гореть', префикс тоже первоначально звучал как **s-*, и древнее произношение их следует реконструировать как 黑 *s-mək* (ср. тибетское *s-mag* 'темный'), 燒 *s-ńi̯ĕ̈* и т. д. Следовательно, в словах, в которых в древнекитайском можно предположить какой-то согласный перед носовым, этим первым согласным был **s-*.

Сочетания **s* с сонорными согласными в дальнейшем развивались следующим образом:

**sm* → **x*^{w}*m* → *x*$^{(w)}$
**sng* → **xng* → *x*

**sn* → **thn* → *th, t'h*
**sń* → **śń* → *ś*
**sl* → **ṣl* → *ṣ*

Кроме того, в ряде слов, содержавших полугласный *l̩*, носовой согласный после **s* выпал, не оставив следов, так же как в большинстве случаев выпал перед *l̩* промежуточный *l*.

Итак, древнекитайские сочетания **s-* с носовым следует реконструировать в словах, которые в среднекитайском начинаются с *x, th, t'h, ś, s* (*l̩*) и входят в одну графическую группу со словами на носовой. Звук *x* может в пределах одной графической группы чередоваться с *m* или с *ng* и восходит соответственно к **sm-* или **sng-*; звуки *th, t'h, ś* чередуются с *n, ń, ńź* и восходят — первые два к **sn-*, последний — к **sń-*. Наконец, *s* может чередоваться с любым носовым согласным.

Кроме того, весьма вероятно, что сочетания типа **sm-* следует реконструировать в ряде слов, начинающихся с *x, th, t'h, ś, s*, но по написанию не связанных со словами, начинающимися с каких-нибудь других согласных. Рассмотрим только один пример.

Слово 火 *xuâ*[II] 'огонь' пишется иероглифом изобразительной, а не фонетической категории, поэтому по его написанию нельзя судить о его произношении. Однако оно родственно тибетскому *me* 'огонь'. Кроме того, в словаре *Фан янь* приводится название огня в диалекте Ци — 尾 *xj*[w]*i̯ę*[II]. Слово это пишется с фонетическим знаком 尾 *mj*[w]*ę̆i*[II] и, следовательно, должно было в древнекитайском начинаться с **sm-*. На основании этих двух фактов древнекитайское произношение слова 火 может быть восстановлено как **s-mar*[II].

Из всего сказанного следует, что в древнекитайском языке можно реконструировать следующие типы сочетаний начальных согласных:

1) сочетание любого согласного со следующим *l*;
2) сочетание *s* со следующим сонорным согласным.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] 董同龢. 上古音韻表稿 (Дун Тун-хэ, *Опыт фонетических таблиц древнекитайского языка*), 歷史語言研究所集刊, № 18, 1948.

[2] Здесь и в дальнейшем среднекитайские чтения иероглифов даются в транскрипции Карлгрена (но придыхание обозначается буквой *h*, а глухой заднеязычный — *x*). Восходящий тон указан цифрой II, падающий — III. Реконструируемые древнекитайские формы помечены звездочкой *.

[3] 楊樹達. 積微居小學述林 (Ян Шу-да, *Филологические заметки из кабинета «Цзи вэй цзюй»*), 中國科學院出版, 1954, 69—70 頁, 182 頁.

[4] Некитайские слова ниже даны в транслитерации.

По докладу выступил У. Саймон, отметивший новаторский характер выводов С. Е. Яхонтова.

W. A. C. H. DOBSON (Toronto):—LINGUISTIC FEATURES WHICH CONTRAST IN EARLY ARCHAIC AND LATE ARCHAIC CHINESE

Table 1

Early Archaic EAC	Late Archaic LAC
11th and 10th Cent. B. C.	4th and 3rd Cent. B. C.
尚書	
大誥 酒誥 康誥	孟子 莊子
洛誥 召誥 多士	墨子 左傳
金文	

In my *Late Archaic Chinese*[1] I set up a formal categorical system by means of which the grammatical features of Archaic Chinese can be described. By way of illustration, I segregated from Archaic Chinese a corpus of material dating from the 4th and 3rd Centuries B. C., and described it by this system. This I called Late Archaic Chinese. More recently I have segregated a further corpus, this time from Western Chou Bronze inscriptions and the "Ming" of the *Shu Ching*, and submitted that to a similar analysis and description. This material dates from the 11th and 10th Centuries B. C. This I call Early Archaic Chinese.

More than 500 years elapse between the currency of Early and Late Archaic Chinese, and we should suppose, on the most general grounds, that this would be reflected in considerable linguistic change. A comparison of the forms, particles and of the lexicon of EAC and LAC suggest the extent of that change. It is not my purpose to discuss or even to suggest explanations for these changes, but simply to report them as matters of observed fact. I am well aware that it would be oversimple to suggest that there is a direct connection between the two, and certainly oversimple to suggest, on the basis of our present knowledge of Archaic phonology, the phonological relationships between the two sets.

I have selected for this paper a few illustrative examples, from a very much larger body of data, to show five types of contrast. The first is contrast in the repertory of particles; the second is contrast in linguistic structures; the third is contrast both in the vocabulary in general and in the use of specific words; the fourth is the contrast revealed by obsolescence and innovation of

forms, and the fifth — a graphic feature — the allomorph and the allograph.

1. Contrast in the Repertory of Particles of EAC and of LAC.

Table 2

1a. Conjunctions linking two nouns

	EAC		LAC	
Texts	越	*giwat	及	*g'iəp
Bronzes	粵	(雩)		
	以	*ziəg	與	*zio

1. a. Conjunctions linking two nouns

In EAC the particle of simple connection between two nouns is *yueh* (texts and bronzes use different signs). *Jyi* is the LAC parallel, and this is attested by the fact that *yueh* and *jyi* occur in comparable distribution in distributions other than that of simple connection between nouns. See my article *Towards a Historical Treatment of the Grammar of Archaic Chinese*, HJAS[2]. EAC *yii* differs from *yueh* in that elements can interpose between first noun and the noun for which it acts as a link. In LAC this becomes *yeu*; *jyi*+*yeu* in these usages are unknown to EAC.

Table 3

1b. Indefinite Substitutes

EAC		LAC	
曷	*g'ât	何	*g'â
害	*g'âd	何以	
廼*	diôg	所	* şio
廷	*d'iôk		
her		*her*	
hay			
iou		*suoo*	
dyi			

1. b. The Indefinite Substitutes

The indefinite substitute *suoo* and the interrogative substitute *her* which occur with high frequency in LAC, are unknown to EAC. In EAC, *her* and *hay* are not in comparable distribution, *hay* occurring where in LAC we should expect *her-yii*.

Table 4

1c. Particles of Reciprocity

EAC		LAC	
肖	*sio	相	*siang
		交	*kog
	Agent	/□/	Verb.

1. c. Reciprocity of Action

Where two agents mutually affect each other, the EAC form is *shiu* in contrast to the *shiang* and *jiau* or *jiau-shiang* of LAC.

Table 5

1d. The Demonstratives

EAC		LAC		
玆	*tsiəg	斯	*sieg	det.
時	*diəg	之	*tiəg	
		是	*dieg	
		此	*ts'iar	preg.

1. d. The Demonstratives

The EAC demonstratives shew no contrast when in the determining position, and when used as independent forms. LAC distinguishes between a demonstrative in the determining position and one used independently.

Table 6

1e. Conjunctions

EAC	LAC
肆 *siəd	遂 *dziwəd

1. e. Conjunctions

Most conjunctions in Archaic Chinese occur between agent and verb of the second sentence. An exception is EAC *syh* and LAC *suey* "as a consequence", "it followed that", etc., which occur before the agent.

Table 7

1f. The directive particles

EAC	LAC
于 *giwo	於 *.io
(弖 etc.)	乎 *g'o

1. f. The Directive Particle

The directive particles of LAC *yu* and *hu* are unknown to EAC, which has a consistent *yu*. The occurrence of EAC *yu* in LAC is archaistic as has been shown by Jou Fa-gau.

Table 8

1g. The determinative particles

EAC	LAC
之 *tiəg	之 *tiəg
其 *kiəg	
厥 *kiwat	

Examples

天之休	The grace of Heaven LA
朕其弟	My younger brother KA.
明公君厥休	The grace of the Governor, the Duke of Ming LFY.

Anaphoric System

α	β	γ	α	β	γ
其		之	其		之
厥→			其→		

1. g. The Determinative Particles

Jy, *chyi* and *jyue* occur indifferently when two nouns are in a determinative relationship in EAC. This is regularised in LAC by *jy*. The EAC feature makes clear that the determinative particle derives from a pronominal source. As anaphoric pronouns, *c'iyi* and *jyue* distinguish between levels of formation in EAC. This distinction is lost in LAC.

Table 9

2a. Delegation of Agency

EAC				LAC			
Agent (a)/	爲 (b)/	Verb		Agent (a)/	Verb/	(b)	惟代
	(a)	Verb	(b)		object		
孟子引尙書		作	之		君		
趙岐注	爲	作			君		

2. *Contrast in Linguistic Structures*

As one might suppose, not only grammatical words, but also grammatical structures also evolve and change.

2. a. Delegation of Agency

The delegating agent in EAC occurs after the verb. It occurs before the verb in LAC. The particles also contrast. This was well understood by *Jaw Chyi*, who transposes a citation from *Shang-shu* in Mencius (an EAC structure) to a LAC structure.

Table 10

2b. Proper Names in distribution

EAC Attribute	P. N.	
光	父乙	"the illustrious Fu-i"
寧	武	"the blessed (*i. e.* deceased) Wu"
玆	洛	"this (city of) Lo"

P. N. →	B	Attribute	B	P. N.
商	邑	天	邑	商
殷	國	大	國	殷

2. b. Determination of Proper Names

In LAC, Proper Names are never determined terms. In EAC, they may be. In Geographical Names, an attribute preposed inverts the determining order of the Geographical Name itself. These two features are unknown in LAC.

Table 11

2c. Determination by apposition

EAC

1.
Pronoun ~ Noun

予小子	"I, a mere child"
我有周	"We, the rulers of Chou"
女孟	"You, Yü...

2.
Noun ~ Proper Name

乃光烈考武王	"Your father of illustrious deeds, King Wu"

3.
Noun ~ Nouns as distributives

臣三品, 州人, 重人, 庸人	"Servants of 3 kinds, from Chou, from Tung, and from Yung"
參有嗣, 小子, 師氏, 虎臣	"The three officials, the hsiao-tzŭ, the shih-shih and the hu-ch'ên."

2. c. Determination by Apposition

EAC has a formation similar to the English "We, the people of Canada", which I call determination by apposition. It occurs in three types:

(I) Pronoun/noun — this is a free formation in EAC. In LAC it continues only in conventional collocations, such as *woo-i ren*.

(II) Noun/Proper Name — observe here that Proper Names and Pronouns contrast in this procedure.

(III) Noun/Distributive.

These forms are unknown to LAC.

Table 12

2d. The Adverbial suffix

EAC Adverb	EAC Verb	LAC Adverb	LAC Verb
—		口然	
		口口然	
若玆			
若			
乃		乃	

2. d. The Adverbial Suffix

In EAC, determinations of the verb of manner are unmarked. Substitutions for these determinations "in such a manner" (Modern Standard Chinese, *Che-yang tso*). In LAC, *nae* only occurs in this usage. But *ran* (perhaps a derivative), occurs as a suffix to these forms of determination.

Table 13

2e. The *erl*-clause

EAC	LAC
—	Agent [. . . . . 而] Verb

Table 14

3. Contrast in the Lexicon

EAC		LAC	
廸	**d'iôk* DYI point way, teach, lead	道	**d'ôg* DAW
彝	**i* YI custom, people's customs, espec. as criteria of justice	義	**ngia* YIH
獻	**xian* SHIANN worthy — as m × 民 : × 民 : etc.	賢	** gien* SHYAN
多 many all		多	many

多尹 — B (cf. 諸尹 LFY: 庶尹 JG).
多士 DG (cf. 庶士 DG).
多邦 DG (cf. 庶邦 DG).

Table 15

4a. Obsolescence

EAC		LAC
1. Before Verbs		丕誕
2. »	B. 罔 F. 亡	
3.a Before Time		惟
b As copula		

Table 16

	LAC
Final	也 矣; 乎; 已; 而已; 耳
Introd.	夫
Pronouns	而 吾
Collectives	具 舉
	皆 偕 俱
Allegro-forms	諸 焉 旃 耳 與 etc.
Syntagma	者
Before time	比
Before verbs	得

Table 17

5. Allographs

EAC Texts	Bronzes	
在	Preposition	才
	Verb	在
乃	Pronoun	乃
	Conjunction	迺

2. e. The *Erl* Clause

A ubiquitous feature of LAC is the clause terminated by *erl*, occurring between agent and main verb. Such clauses are rare in EAC, and are never marked by *erl*.

3. *Contrast in the Lexicon of EAC and of LAC*

Among the most frequently occurring items of the material vocabulary of LAC are the words *daw*, *yih* and *shyan*. These are unknown to EAC, but the words *dyi*, *yi* and *shiann* are peculiarly EAC words, and occur in contexts where one might expect *daw*, *yih* and *shyan* to occur. Similarly, though *duo* has high frequency in EAC and in LAC, in EAC it comprises both "many" and "all", while in LAC it narrows to "many".

4. *Major Innovations in LAC*

In LAC certain forms become obsolescent, other are innovations.

4. a. Obsolescence

Pj and *dann*, *wang* and *woang*, and *wej* are peculiar to EAC. (For *wei*, see my article in T. P.[3]) and are archaistic in LAC.

4. b. Innovation

The entire repertory of final particles in LAC are innovations, with the single exception of *tzai*. The *g*-series of collectives is also new. The allegro form is unknown to EAC, with the possible exception of *nae*. The particle of syntagma is also an innovation.

5. *The Allographs*

Two morphemes, in bronze inscriptions of EAC, have contrasting forms which correspond to contrasting distribution. If we can speak of allomorphs (same morph, differently realised in contrastive environment), then perhaps we can speak of allographs?

Conclusion

These contrastive features are but a sampling. In its totality the contrast between EAC and LAC is far wider. This contrast points to the importance of observing strict historical method in grammatical description, and of building up, stage by stage, the phases through which Archaic Chinese passes. Then only is synchronic treatment of grammar possible. Within Archaic Chinese itself there is little evidence of a deliberate classicising of the language of the past. In Han times, a classical Chinese, which draws precedent for usage, indiscriminately, from the *Shu Ching*, *Shih Ching*, and Late Archaic writers, comes into being. Thereafter, the entire Archaic Chinese range must be considered in segregating archaic and contemporary forms. But prior to Han times, each period seems to avail itself of contemporary forms only. One of the tasks for scholars in the future is to build up a grammar of Archaic Chinese on historical principles.

Recent progress in both the study and publication of dateable bronze inscriptions, has added greatly to the facility with which this task can be undertaken.

A complete descriptive grammar of EAC, as I have defined it earlier, will be published shortly [4].

NOTES

[1] W. A. C. H. Dobson, *Late Archaic Chinese*, Toronto, 1959.
[2] W. A. C. H. Dobson, *Towards a Historical Treatment of the Grammar of Archaic Chinese — EAC* Yueh > *LAC* Yii, H.J.A.S.
[3] W. A. C. H. Dobson, *Studies in the Grammar of Early Archaic Chinese — No. 1. The Particle* Wei *in Early Archaic Chinese*, "T'oung Pao", Vol. XLVI, No. 3, 1959.
[4] W. A. C. H. Dobson, *Early Archaic Chinese*, University of Toronto Press (to appear shortly).

Доклад вызвал оживленную дискуссию, в которой приняли участие С. Е. Яхонтов и У Ши-чан.

Н. Н. КОРОТКОВ (*Москва*): К ПРОБЛЕМЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ КИТАЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Еще в начале XIX в. А. Ремюза в своей статье *О моносиллабизме, обычно приписываемом китайскому языку* [1], отстаивал тезис о господствующем в современном китайском языке полисиллабизме и охарактеризовал основные типы сложных и производных слов. Однако представление о моносиллабизме китайского слова сохранялось в науке в течение долгого времени. В наши дни, когда неопровержимо доказано преобладание в словарном составе китайского языка слов многосложных (преимущественно двусложных), иногда проявляется обратная тенденция: игнорировать значение количественной характеристики китайского слова вообще, рассматривать его как единицу, ничем принципиально не отличающуюся от слова флективных языков.

Между тем уже столетие назад в работах А. Базена [2] была заложена основа для правильного понимания природы китайского слова. Она заключалась в признании господствующего полисиллабизма китайского языка и в то же время в учете специфического характера соотношения между многосложным и односложным словом. Это соотношение А. Базен определил как относительный, условный моносиллабизм.

Исследуя процессы, происходящие в словарном составе китайского языка и особенности употребления слова в речи, языковеды неоднократно обращали внимание на противоречивые, казалось бы, взаимоисключающие, а в действительности дополняющие друг друга тенденции. С одной стороны, через всю историю китайского языка красной нитью проходит тенденция к переходу от односложного слова к двусложному. С другой стороны, до наших дней сохраняется тенденция к употреблению исходного корневого слова как более или менее самостоятельной единицы, что проявляется в возможности «разлагать слово и подставлять в некоторых случаях простое слово вместо сложного» [3], причем моносиллаб в сознании говорящего идентифицируется с упомянутым сложным словом [4], а также в «глубоко укоренившейся в разговорном языке тенденции рассматривать двусложный комплекс как два слова» [5].

Для определения природы китайского слова важно учитывать обе эти тенденции. Между тем эти тенденции нередко рассматривались в отрыве одна от другой. Те, кто обращал преимущественное внимание на первую тенденцию, приходили к выводу, что слово китайского языка в количественном отношении ничем не отличается от слова в индоевропейских языках [6]. Те же, кто переносил все свое внимание на вторую тенденцию и игнорировал первую, заключали, что китайское слово моносиллабично.

Чем обусловлена эта специфика развития китайского слова? Важнейшей особенностью китайского языка, присущей ему уже в глубокой древности и решающим образом повлиявшей на его дальнейшее развитие, был односложный состав корневого слова при ограниченных возможностях слогообразования, а также постепенно сокращающиеся (до нуля в современном языке) возможности изменения внутреннего состава односложного слова [7]. В этих условиях рост числа понятий, выражаемых в рамках одного корневого слова, и сокращение числа слогов (до 414, а с учетом тоновых вариантов до 1324 в современном литературном языке) в результате фонетической эволюции языка неизбежно вели к увеличению омонимии. Но, как нам представляется, сам ход развития языка способствовал преодолению этой тенденции. Постепенно усложнялся характер выражаемых в языке понятий, многие из которых не могли быть переданы иначе, как описательно, расчлененно — несколькими корневыми словами, соединяющимися для выражения единого, но сложного понятия. Поэтому язык все чаще прибегал к способу сложения. Но переходя к способу сложения (а затем и к возникшему на его основе словопроизводству), язык преодолевал и указанную выше опасность разрастания омонимии. Поскольку эти способы возникают на базе неизменяемого *односложного* слова, естественным результатом этого является *двусложность* как господствующая количественная норма слов нового типа [8].

На основе этой новой нормы в дальнейшем создается и большое количество сложных и производных (реже удвоенных) слов, причиной возникновения которых является только необходимость устранения неясности значения, присущей корневому слову, имеющему много омонимов, а иногда — просто желание *довести* слово до двусложного состава из стилистических соображений. Многие корневые слова, бытующие и в наши дни в устном общении, получают удлиненные (а иногда и уточненные — однозначные) двусложные варианты. Эти варианты существуют наряду с корневыми словами или частично их вытесняют. Так, наряду с *ми* 'рис', 'обрушенное зерно' появляется «уточненный» вариант *дами* 'рис', наряду с *янь* 'глаза' — *яньцзин* и т. п. Причем в одних случаях исполь-

зуется односложный вариант, в других для выражения того же значения предпочтительным оказывается использование двусложного варианта. Причины, обусловившие это своеобразное явление, заключаются в следующем: односложное слово, будучи часто многозначным и имея много омонимов, вне поясняющего его контекста может быть истолковано неправильно и может повести к недоразумениям. Таким «контекстом», который является минимально необходимым и вместе с тем достаточным для внесения полной определенности в значение односложного слова, может быть второй компонент словосочетания. Два односложных слова, вступая в словосочетание, взаимно поясняют друг друга. Там же, где нет возможности или необходимости создавать словосочетание, используется (или создается) двусложное слово, несущее в самом себе, в значении своих компонентов, поясняющих друг друга [9], в типе связи между ними более или менее полную характеристику своего лексического и категориального значения. Вот почему в тех случаях, когда слово стоит в изолированной позиции, не имея опоры во втором компоненте словосочетания, как правило, употребляется двусложный вариант.

Однако там, где ситуация или общий контекст совершенно ясны и исключают возможность неправильного истолкования слова, язык и поныне вполне может обойтись и часто обходится исходным односложным словом. Более того, в тех случаях, когда двусложное («удлиненное») слово вступает в соединение со словом односложным, иногда предпочтительнее его исходный односложный вариант, не нарушающий двусложности комплекса (словосочетания) [10] как господствующей в языке минимальной нормы для номинативной единицы вообще.

Упомянутая нами двусложная норма, таким образом, оказывает двоякое влияние на развитие китайского слова: с одной стороны, односложное слово «доводится» до двусложного состава, с другой — сочетания, состоящие более чем из двух слогов, путем сокращения их компонентов также иногда приводятся к господствующей норме, т. е. к двусложному составу. В частности, это происходит при образовании так называемых «стяженных» слов в результате сокращения и слияния двух (обычно двусложных) компонентов словосочетания [11]. Например, *чжигун* ‘служащие и рабочие’ (из *чжиюань* ‘служащие’, *гунжэнь* ‘рабочие’), *цзэнчань* ‘увеличивать производство’ (из *цзэнцзя* ‘увеличивать’, *шэнчань* ‘производство’) и т. п.

Наконец, во всех тех случаях, когда тема высказывания обусловливает необходимость многократного повторения какого-либо слова, употребление односложного варианта делает это повторение менее назойливым.

Употребление того или иного количественного варианта приобретает с течением времени характер стилистического средства. В зависимости от структуры словосочетания, в которое входит слово, и от его лексического состава употребление односложного или двусложного варианта вносит различную стилистическую окраску (живые разговорные интонации или, наоборот, оттенок книжности, литературности). Кроме того, некоторые вариантные пары приобретают индивидуальные смысловые и стилистические различия. Однако основное назначение таких лексических пар в системе современного китайского языка — дать возможность выбора между двумя количественно различными вариантами одного слова, в зависимости от контекста, позиции, ритма и структуры словосочетания, и тем способствовать большей ясности, силе и выразительности предложения.

Лексические вариантные пары широко распространены в современном китайском языке и охватывают все части речи, а также некоторые категории служебных слов и морфем. Практически, видимо в тех случаях, когда один из компонентов двусложного слова является основным носителем значения целого или одной из синонимичных морфем, всегда при определенных условиях потенциально возможно его употребление в качестве односложного варианта двусложного слова [12]. Это, казалось бы, означает, что в остальных случаях, когда состав многосложного, особенно состоящего более чем из двух слогов, слова обусловлен описательной передачей выражаемого понятия, ни один из компонентов подобного слова как правило, не может выступать в качестве его односложного варианта. Однако и в этих случаях морфема, являющаяся смысловым ядром слова (и имевшая вне его иное значение), иногда получает метонимически значение целого слова и способна выступать как его сокращенный односложный вариант, а практика узаконивает такое употребление. Способность односложной морфемы, входящей ь состав слова, выступать в качестве его лексического варианта с тем же значением свидетельствует о ее относительной автономности, специфичной для китайского языка. Относительная автономность значимого однослога даже в тех случаях, когда он входит в сложное слово, проявляется и в возможности сложного слова в некоторых случаях сравнительно легко распадаться на составляющие его элементы, снова обретающие таким образом качество отдельных слов. Это, например, может происходить в следующих случаях:

А. Когда говорящий (пишущий), раскрывая содержание слова, привлекает внимание к его буквальному этимологическому значению.

Б. При разъединении компонентов слова, принимающих качество отдельных слов, входящих в устойчивую фразеологическую единицу, которая функционирует по нормам современного языка байхуа (т. е. происходит варьирование «слово — фразеологическая единица»).

В. При включении в четырехсложные конструкции с перекрестной парностью их компонентов, приобретающие облик фразеологических единиц, построенных по нормам старого письменно-литературного языка вэньянь.

Г. При повторении глагола с отрицанием в вопросительном предложении, когда глагол в первый раз выступает в усеченной форме (т. е. в форме односложного варианта двусложного глагола), второй — в полной.

Охарактеризованная выше относительная автономность значимого однослога в системе современного языка обусловлена следующими причинами:

1) созданием многосложных слов в основном способом сложения на базе неизменяемого односложного корневого слова старого языка;

2) отсутствием в современном языке явлений опрощения и перераспределения состава слова [13];

3) сохранением вследствие этого знаменательной морфемой в слове ее фонетической (слоговой) структуры и целостности как предельной единицы, объединяющей звучание и значение;

4) вхождением ее с тем же значением подчас в десятки сложных и производных слов;

5) употреблением значимых однослогов, утративших качество отдельности в байхуа, в качестве отдельных слов в составе тысяч фразеологических единиц, афоризмов, крылатых выражений, заимствованных из вэньянь, до начала XX в. бывшего основным средством письменного общения, или создаваемых заново по нормам вэньянь;

6) использованием слов старого языка в качестве стилистического средства при построении целых предложений или отдельных их частей в речи (особенно письменной), отвечающей в целом нормам байхуа;

7) использованием как в письменной, так и особенно в устной речи большого количества односложных слов, в различной степени связанных в своем употреблении и имеющих двусложные варианты.

Суммировав все особенности употребления значимых однослогов в системе современного языка, мы убеждаемся, что они выступают в ней в двух качествах [14]:

1) в качестве морфемы в составе сложного или (реже) производного слова; эта роль свойственна почти всем значимым однослогам, употребляющимся в современном языке;

2) в качестве отдельного слова, употребление которого может регулироваться в современной языковой практике различными нормами. Большинство однослогов способно выступать в качестве отдельного слова, свободно функционирующего по нормам байхуа. За редкими исключениями, они же могут употребляться в предложении и по нормам вэньянь [15]. Значительное количество однослогов может иметь качество отдельного слова лишь при определенных условиях. Сюда входят, во-первых, слова, употребление которых ограничено определенными условиями в рамках норм байхуа и, во-вторых, слова, употребление которых возможно лишь по нормам вэньянь [16]. Слова этих двух категорий могут быть названы типологически неполными [17]. Таких значимых однослогов, которые в современной языковой практике не могли бы иметь качества отдельного слова, сравнительно немного.

Из сказанного следует, что подавляющее большинство значимых однослогов в различных условиях может иметь и качество морфемы, и качество отдельного (полного или неполного) слова. В каждом конкретном случае такой однослог, очевидно, должен выступать либо в одной, либо в другой функции. Однако в результате того, что в словарном составе современного китайского языка лишь немногие значимые однослоги не способны так или иначе обретать качество отдельного слова, а сложные слова по своим структурным типам ничем не отличаются от словосочетаний, отграничить двусложное слово от словосочетания и — соответственно — морфемы от односложных слов подчас бывает весьма затруднительно.

Мы уже говорили выше, что двусложность как доминирующая норма современного языка выражается в тенденции к сведению не только слова, но и словосочетания к двусложному комплексу — биному. Значительное количество биномов по ряду формальных признаков [18] может быть безошибочно отнесено к лексическим единицам языка. Однако, как уже отмечалось в литературе [19], встречаются и такие сложные случаи, когда можно говорить о слове-словосочетании (комплекс непроницаем, но ударный — второй слог) и словосочетании-слове (ударный — первый слог, но комплекс проницаем). Более того, сами признаки, которые кладутся в основу при разграничении слова и словосочетания, в действительности не всегда могут служить надежными критериями. Многие ученые отмечают наличие больших качественных различий между словом и словосочетанием. Эти различия усматриваются, в частности, в том, что синтаксическая связь между элементами словосочетания может, в отличие от слова, осуществляться «при помощи тех или иных грамматических показателей, в том числе и разделительной паузы» [20]. Однако всегда ли возможно разграничить слово и словосочетание, в частности слово и

фразеологическую единицу? Попробуем разобрать, например, такой комплекс, как *телу* 'железная дорога', где возможно ударение на втором слоге, и проверить действенность всех критериев, которые приводятся в таких случаях в литературе:

1. Идиоматичность значения не может служить критерием слова, ибо она может быть свойственна и устойчивому словосочетанию.

2. Невозможность разделительной паузы в равной мере свойственна любой атрибутивной синтагме.

3. Единственное служебное слово, которое может быть введено между компонентами определительного словосочетания, *ды*, здесь исключено в силу его выделительного характера, несовместимого с идиоматичностью комплекса [21]. Аналогично обстоит дело и с часто приводимыми примерами *фэйняо* 'пернатые', *цибин* 'кавалерия', где *фэй* 'летать', *ци* 'ездить верхом' — глаголы, обозначающие постоянные признаки, и только в силу этого не допускают введения *ды* (точно так же как и четырехсложное словосочетание *цзучжи синши* 'организационная форма'). Если мы возьмем другой комплекс типа *иньцюань* 'серебряный обруч', то убедимся, что введению *ды* будет препятствовать еще и такой фактор, как принадлежность обоих компонентов к неполным словам (их полные варианты будут *иньцзы* 'серебро' и *цюаньцзы* 'обруч'), допускающим расчленение путем введения другого однослога (например, *инь сянцюань* 'серебряный нашейный обруч'), но не принимающим *ды*.

Но отсюда следует, что в некоторых случаях в рамках бинома принципиально невозможно разграничить слово и словосочетание, и только двусложность комплекса, отвечающая господствующей норме слова, и соотносительность с отдельным предметом мысли или чувства заставляют китайских ученых склоняться к признанию такого комплекса единым словом.

Таким образом, бином, представляющий, по определению А. А. Драгунова, тот «статистически-доминирующий количественный минимум, который, как правило, понятен на слух и может функционировать в изолированной позиции» [22], и в ряде случаев с трудом допускающий или вовсе не допускающий разграничения в его рамках слова и словосочетания, может, по нашему мнению, быть охарактеризован как основная номинативная единица, обнимающая как двусложное слово, так и словосочетание. Внутри категории бинома, как мы видели, выделяются две полярные противоположности — бесспорное слово и бесспорное словосочетание; между ними располагаются комплексы, в которых это разграничение принципиально невозможно. Однако, поскольку бином функционирует в предложении как единое целое, для китайской речи такое разграничение, видимо, и не является существенным.

Какова же языковая природа этих двух структурных единиц, выделяемых в китайском языке, — значимого однослога и бинома? Систематическое описание структурных единиц китайского языка, основанное на учете его специфики, впервые дал советский ученый А. А. Драгунов [23]. А. А. Драгунов пишет, что в отличие от европейских языков, в которых основными структурными единицами речи являются величины качественного порядка (словосочетание, слово, часть слова), в китайском языке таковыми являются прежде всего величины количественного порядка (однослог и двуслог — бином), а на них уже базируется система единиц качественного порядка [24].

Данный выше анализ специфики значимого однослога, восходящего к слову старого языка, как нам представляется, убеждает в том, что это

единица не только количественного, но и качественного порядка, единица, особенности которой исторически обусловлены законами развития китайского языка. В какой-то мере, видимо, можно говорить и о качественных признаках второй структурной величины высшего порядка — бинома. Как мы видели, бином качественно отличается от значимого однослога. Он не нуждается в опоре на другие слова и как бы «стоит на двух ногах», имея в самом себе все необходимое для однозначного выражения того или иного содержания.

Между этими двумя структурными единицами, характеризуемыми одновременно и количественными и качественными признаками, наблюдается известный параллелизм: значимый однослог может выступать в качестве: а) полного слова, б) неполного слова (величины, пограничной между словом и морфемой), в) части слова (морфемы). Бином может выступать в качестве: а) единого слова, б) протяженного слова [25] (величины, пограничной между словом и словосочетанием), в) соединения слов (словосочетания лексического или синтаксического).

Обе эти основные структурные единицы представляют, таким образом, более общие категории, чем слово и морфема (в первом случае), слово и словосочетание (во втором), и включают их в себя вместе со всеми промежуточными явлениями. Признание этих единиц величинами не только количественного, но и качественного порядка потребует, очевидно, и создания для них особых терминов [26]. Рассмотренные нами явления неоднократно привлекали внимание как западных, так и особенно советских и китайских языковедов, на труды которых мы опирались в нашем исследовании. Однако, насколько нам известно, со времени Базена никто так и не попытался рассмотреть весь их комплекс, в их связи и взаимообусловленности, в свете морфологической природы современного китайского языка в целом. Между тем, как нам представляется, они характеризуют существенные стороны его специфики и должны быть приняты во внимание при уточнении морфологической характеристики китайского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Эта статья впервые была напечатана в «Fundgruben des Orients», Вена, 1813—1814 гг. Перепечатана в «Mélanges Asiatiques», т. II, Париж, 1826.

[2] A. Bazin, *Mêmoire sur les principes gênêraux du chinois vulgaire*, Paris, 1845; *Grammaire Mandarine, ou principes gênêraux de la langue Chinoise parlée*, Paris, 1861.

[3] A. Bazin, *Grammaire* ..., стр. XIX.

[4] Ibid.

[5] См. Ло Чан-пэй и Люй Шу-сян, *Вопрос о нормах современного китайского языка*, стр. 10. Издано Секретариатом научной конференции по вопросам норм современного китайского языка, Пекин, октябрь, 1955.

[6] К такому выводу в свое время пришел уже А. Ремюза.

[7] Для установления природы современного слова не имеет существенного значения возможность скрещенного (двуморфемного) характера односложных корневых слов, засвидетельствованных древними памятниками, о которой впервые упоминает В. Грубе.

[8] Излагаемая нами концепция закономерностей развития китайского языка, в основных чертах общепринятая в китайском языкознании, естественно, нуждается в уточнении и конкретизации на материалах конкретно-исторического исследования.

[9] Ср. *дами* 'рис' (*да* 'большой', *ми* 'крупа').

[10] Ср. *дами* 'рис', но *хао ми* 'хороший рис'; *ифу* 'одежда', но *синь и* 'новая одежда'.

[11] Такие единицы напоминают сложносокращенные слова русского языка. Отличие этих единиц от подобных слов русского языка заключается в том, что они охватывают все знаменательные части речи и, складываясь из корневых слов, как правило, ничем принципиально не отличаются от обычных сложных слов, если не считать того, что значение компонентов не всегда растворяется в значении целого

[12] Хотя языковая практика и не всегда реализует эту возможность.

[13] Если не считать слияния суффикса *эр* с основой в один слог.

[14] Ср. А. А. Драгунов, *Структурные единицы китайской речи*. «Ученые записки ЛГУ», № 236, Л., 1958, стр. 236—237.

[15] Корневые слова современного языка в огромном большинстве своем унаследованы из древнего языка и входят в словарный состав вэньянь.

[16] Границы между двумя последними категориями неясны.

[17] Термин предложен проф. Люй Шу-сяном. См. Люй Шу-сян, *Вопрос о слове в китайском языке*, ВЯ, 1959, № 5, стр. 20.

[18] Наличие словообразовательных аффиксов, ударение на первом слоге, непроницаемость.

[19] См. А. А. Драгунов, *ук. соч.*, стр. 232—236.

[20] Там же, стр. 237.

[21] Определительные словосочетания, в зависимости от того, как они реагируют на введение *ды*, могут быть разбиты на следующие типы: 1) признак, обозначенный определением, не может быть представлен как переменный — *ды* исключено; 2) комплекс идиоматичен — введение *ды* разрушает значение целого; 3) признак может быть представлен как переменный — введение *ды* вносит оттенок переменности признака.

[22] А. А. Драгунов, *ук. соч.*, стр. 231.

[23] См. *ук. соч.*, представляющее часть неопубликованной монографии А. А. Драгунова, подготовленной к печати в 1941 г. В этой работе А. А. Драгунова получают дальнейшее развитие и уточнение положения, выдвинутые Е. Д. Поливановым еще в 20—30-х годах.

[24] См. А. А. Драгунов, *ук. соч.*, стр. 230, 232.

[25] Термин, предложенный проф. Люй Шу-сяном, *ук. соч.*, стр. 20.

[26] Проф. Люй Шу-сяном для обозначения значимого однослога предложен термин *цзы* — мельчайшая единица, соединяющая звучание и значение и фиксируемая иероглифом.

По докладу выступил П. Демьевиль.

B CSONGOR (Budapest): SOME PROBLEMS CONCERNING CHINESE TEXTS WRITTEN IN FOREIGN SCRIPTS

Chinese texts written in non-Chinese scripts are so to say a speciality of the medieval library found in Tun-huang by Sir Aurel Stein. From a theoretical point of view, the importance of these texts lies in the fact that the Chinese characters themselves are unable to offer any direct information concerning the contemporary reading of the texts which were written by them. Practically speaking, however, one has always to bear in mind that the non-Chinese scripts by which these texts are actually put down must have had also phonological backgrounds of their own. In the case of the Tibetan script, for example, it is easy to realize that the sound-value of the different letters might not always be the same in a text coming from Tun-huang — *i. e.* from the 8th—11th century — as in the classical, learned reading of the later ages. Neither can one neglect the fact that these foreign alphabets are not in all respects adequate means for denoting Chinese sounds — in many cases there are chances for a sound-substitution, etc. And — last but not least — if we consider the philological problems arising from the identification of the text with the Chinese original, one can easily realize the complex character of the interpretation of these valuable documents of old Chinese language.

Time and space forbid me this time to deal comprehensively with the various problems connected with the Chinese texts from the T'ang-period written in foreign scripts. I chose therefore to present here only some of the problems which may be interesting also from a general point of view.

The first step in working up a material of this kind is obviously the identification of the respective text in transcription with the original written in Chinese characters. In some rare cases this is not necessary as the original MS. contains the text in both scripts. Nevertheless, on a closer scrutiny even the text written in Chinese characters may reveal sometimes some interesting linguistic facts. Take for instance the well-known 千字文 *Ch'ien tzŭ wen* fragment with sound-notations in Tibetan script of the Fonds Pelliot in the Bibliothèque Nationale. When comparing the MS. with the traditional form of the text, in 1.29. we discover an interesting variant reading: the traditional wording has 史魚 (ACh. *ṣi' ngi̯wo*) while the MS. gives 事儀 (ACh. *ḍẓ'i· ngji̯ę*). The traditional wording is obviously correct as it occurs in a passage cited from the *Lun-yu*, the form 史魚 in the MS. is then obviously a slip. If we consider the ACh. forms of the respective words, it turns out that the slip can only be accounted for by a homophonous reading of these characters in the dialect of the scribe by whom the Chinese text of the MS. was put down. This T'ang-time dialect shows the following features: 1. ACh. *chuang* initial was substituted in it by a voiceless fricative, 2. ACh *-i̯wo* and *-i̯ę* (*-i*, *-ęi*) finals were practically the same, 3. there was no (great) difference in intonation of the *shang* and *ch'ü sheng* respectively.

As most of the texts here discussed are transcriptions of Buddhist sutras, the identification with the original is on the whole not very difficult for an expert in Chinese Buddhist literature. At the same time, the exact wording of the MSS. contains sometimes some minor, but not uninteresting differences from the original. Take for instance the Brahmi transcription of the Chinese version of the *Vajracchedikā* by Kumārajīva [edited by F. W. Thomas in ZDMG 91 (1937)]. On the whole, the transcription follows quite faithfully the original wording; but in the case of the original 不 negative, one can discover an embarrassing richness in the transcription: *pa* in 9 cases, *pi* in 3 cases, *ḫvū*: 2 cases, *hvū*: 1 case, *hu*: 1 case, *hviri̯*: 1 case, *hvi*: 2 cases — total seven different forms in 19 cases. What is this chaos due to?

In a previous paper of mine (*A Contribution to the History of the* 輕音 ch'ing yin, "Acta Orient. Hung.", IX/1, 1959, pp. 75—83) I attempted to explain the cases of *pa*, *pi* as being due to proclisis. Now, from a syntactical analysis of the respective passages — this time I take the liberty to dispense with the somewhat lengthy detailed argumentation — it may be concluded that 1. *pa*, *pi* is equal to ACh. 不 *pi̯ə̯u* and was used as a proclitic negative particle, devoid of a tone of its own; 2. *ḫvū*:, *hvū*:, *hū*: is ACh. 否 *pi̯ə̯u* in *shang sheng* and was a pregnant negative used at the end of interrogative sentences; 3. *hviri̯*, *hvi*: is equal to ACh. 弗 *pi̯uət*, and was also a pregnant negative but used as an answer to an interrogative sentence.

Of course, one can as well easily assume that this treble correspondence of the negative 不 is simply due to a version of the Chinese original in which these three forms of negation were duly distinguished from one another by the proper Chinese characters. Unfortunately I had no access to the *Taishō* edition to establish whether there ever existed such a textual version or not. Nevertheless, similar data can be found in some other texts also: the Tibetan transcription of the Chinese *Vajracchedikā* (edited by F. W. Thomas and G. L. M. Clauson in the JRAS, 1926) renders 不 as *pu* in twelve cases, but in four others as *phu*; the syntactical behaviour of these cases are the same as above, *i. e.*, *pu*

stands for 不 and *phu* for 否. But even if we accept the derivation of this triplicity from a textual version, there is no need for much reasoning to realize that the basic problem is still kept open: what is this difference due to?

Everybody who is somewhat familiar with the ways in which even educated Chinese read aloud a written text laid before them is well aware of the fact that sometimes, mostly while reading the text a little hastily, they mistake a word in reading it for one or another of its synonyms. Excellent instances of this kind were adduced by the late Lo Ch'ang-p'ei in his *The northwestern dialects of Tang and Five Dynasties* (Shanghai, 1933) from the *Ta sheng chung tsung chien chieh* (ed. by F. W. Thomas, S. Miyamoto and G. L. M. Clauson in JRAS, 1929) which contains a Chinese original supplied with occasional sound-notations in Tibetan writing: 1.37.14 削 is supplied with the gloss *the'i, i. e.* 剃; 1.49.16 無 *'der phan* clearly stands for 涅般; 1.82.18 怖 *"i'u* for 憂; for my own part, I may add 1.65.8 聲 *pun bu* which stands in my opinion for 吩咐 ("a word/command of Buddha"). In my opinion these cases may be put down perhaps as having resulted from an intrusion of the elements of the common, living speech into the wording of a more literary kind.

While setting forth my reasoning in this line I was faced by a problem of a similar kind in the Tibetan transcription of the *O mi t'o king* (ed. by F. W. Thomas and G. L. M. Clauson in JRAS, 1927). By the courtesy of the India Office Library, London, I got access to the microfilms of the originals. It turned out that this Tibetan transcription exists in two versions which are differing from one another in minor points only. Now, one of the data contained in both of them is quite a puzzle at first sight: 願 ACh. *ngiwon* is represented in the version edited by Thomas and Clauson 6 times as *'gwan*, 2 times as *wen*, while in the hitherto unedited version we find 5 cases of *wen* and 2 cases of *wan*, as correspondences of the very same word. It seems that syntactical or sandhi reasons are out of question this time. The more so as a word with the same initial (月 ACh. *ngiwot*) is represented as *'gwar* in both versions. Considering other Chinese texts in Tibetan transcription from Tun-huang we find that ACh. *ng-* is represented in them as a rule by *'g-*. The cases with an initial *w-* are surely of a later date, but how about the coexistence of these two forms of the very same word within the same text? The process by which this confusion was brought about may be conceived perhaps as follows: 1. there existed a primary version of the transcription, hitherto unknown, which contained forms with initial *'g-* only; 2. this primary version served further on as a basis for numerous copies written for religious motives. Now, it happened that one of the later copyists was aware of the identity of this word with the original Chinese character and therefore corrected the text in some items according to his own pronunciation. It would be, however, somewhat too rash to assume that this difference in the pronunciation was simply due to chronological differences; the phonological features of the *O mi t'o ching* transcription in question do not offer any more hints to corroborate this assumption. Moreover, I have to remind of the fact cited above, *viz.*, that Tibetan transcriptions of the same age represent ACh. *ng-* throughout by *'g-* only. These sporadic divergences might be perhaps better explained by assuming that there existed a way of reading of the Chinese sutras which had a somewhat archaizing character — while reading a text it was deemed correct to read *'g-* while in actual speech in *ho k'ou* cases it was already substituted by *w-* — and

this way of reading was here and there influenced by the living speech.

The linguistic material contained in the T'ang-time Chinese texts in foreign scripts is in itself insufficient for giving a comprehensive picture of T'ang-time Chinese language. At the same time, however, owing to its special character, it raises some questions which would perhaps be overlooked while working on a linguistic material of a different kind and worthy of a further investigation.

10 августа, утреннее заседание
Председатель Я. Прушек (*Прага*)

P. DEMIÉVILLE (*Paris*): REMARQUES HISTORIQUES SUR LA LITTÉRATURE CHINOISE EN LANGUE VULGAIRE

Un des effets de la «Révolution littéraire» des années 1915 a été de mettre en valeur les éléments de la tradition littéraire chinoise dont la langue est le chinois vulgaire et que la prépondérance du chinois classique avait plus ou moins relégué dans l'ombre. Il en est résulté une modification des perspectives de l'histoire littéraire de la Chine, comparable à celle qui s'est produite en Europe à la suite du développement des études médiévales au cours du XIXe siècle.

Longtemps cultivée oralement ou restreinte à des genres particuliers comme les entretiens des sages ou les effusions des poètes, la littérature de langue vulgaire commence à affleurer dans la tradition écrite vers la fin des T'ang, au VIIIe et IXe siècles, pour s'épanouir sous les Song et les Yuan dans le conte, le roman, la chanson, le théâtre. Cette évolution, qui n'était pas sans rapports avec celle de la société et de l'économie chinoises à la même époque, offre un curieux synchronisme avec les deux autres grandes littératures du monde médiéval, la littérature de l'Inde et celle de l'Europe. Là aussi, et sensiblement vers le même temps, on voit les langues vulgaires mettre en cause le monopole littéraire du sanscrit d'une part, du latin de l'autre, et accéder peu à peu à la dignité littéraire.

En Chine, il semble bien que ce soit des milieux bouddhistes, si influents sous les T'ang, que soit parti ce mouvement aux vastes conséquences. Les manuscrits retrouvés à Touen-houang apportent sur ce point des témoignages abondants et précis. Ils comprennent un grand nombre de textes tant bouddhiques que profanes qui sont rédigés dans le plus pur chinois parlé des T'ang et qui présentent un intérêt de premier ordre pour l'histoire du chinois vulgaire et pour celle des débuts de la littérature vernaculaire. La langue utilisée dans ces textes diffère à maints égards de cette qu'on trouve dans les textes en langue parlée des Song et des Yuan. Elle semble avoir constitué une *koinè* nationale, relativement normalisée dans toute la Chine et qu'on retrouve chez les poètes des T'ang, dont le recours aux formes vulgaires apparaît plus frappant à la lumière des documents de Touen-houang.

Une des tâches de la sinologie actuelle devrait être l'établissement d'un lexique et d'une grammaire de cette langue vulgaire des T'ang (et des Song), très différente à la fois de la langue classique et de la langue vulgaire postérieure aux Song. L'interprétation de cette langue est loin d'être aisée; elle impose une véritable exploration, qui serait facilitée par des rapprochements avec les données de la dialectologie moderne, encore mal étudiées

sur le plan lexical et grammatical. Des travaux d'approche ont été entrepris de ci de là. A Changhai a paru en 1954 un riche *Recueil explicatif des termes vulgaires des poèmes réguliers, des poèmes irréguliers et des chansons* (*Che-ts'eu-k'iu yu-ts'eu houei-che*), ouvrage posthume de Tchang Siang, qui ne tient malheureusement aucun compte des documents de Touen-houang. La grande collection de textes de littérature vulgaire de Touen-houang, éditée en 1957 par un groupe des spécialistes de Pékin (*Touen-houang pien-wen tsi*), celle de textes de chansons qui a été publiée en 1955 par Jen Eul-pei (*Touen-houang k'iu kiao-lou*), fournissent une masse de matériaux présentés avec toutes les garanties d'une saine méthode philologique. Au Japon, une des meilleures autorités en ce domaine, Iriya Yoshitaka de Kyôto, prépare un manuel de la langue vulgaire des T'ang et des Song. A Londres Arthur Waley va publier une anthologie de textes de littérature vulgaire de Touen-houang en traduction anglaise, et j'en prépare moi-même depuis plusieurs années un recueil fondé sur les manuscrits du Fonds Pelliot de la Bibliothèque nationale de Paris, comparés avec ceux qui existent ailleurs et reproduits en fac-similé avec leur apparat critique, leur traduction française, une introduction détaillée et un commentaire. J'ai été heureux d'apprendre récemment que la sinologie soviétique aborde également ce champ d'études et annonce la publication de manuscrits bouddhiques de Touen-houang conservés à l'Institut d'orientalisme de Léningrad.

Il est permis de regretter que ces efforts restent dispersés. Il y aurait intérêt à en assurer la coordination, comme on l'a fait par exemple pour le *Glossarium mediae et infimae latinitatis*, entrepris au XVIIe siècle par Du Cange, mais devenu de nos jours une œuvre collective dont l'élaboration se poursuit sous l'égide de l'Union académique internationale.

По докладу выступили Л. Д. Позднеева, У. Саймон, Г. Франке, В. С. Колоколов, Я. Прушек. В дискуссии были затронуты как отдельные конкретные положения доклада, так и работы синологов отдельных стран в области изучения китайской литературы на народном языке (СССР, Франция, Япония, Чехословакия) и вопросы международного сотрудничества в этой области.

KŌJIRŌ YOSHIKAWA (*Kyōto*): THE PROGRESS OF CHINESE POETRY FROM THE SUNG PERIOD

It is generally agreed that the T'ang Dynasty marked the golden age of Chinese poetry. From the Sung on, Chinese poetry is often said to have grown stereotyped and declined from its previous high level of achievement. One fact about this so-called process of decline, however, is worthy of attention, namely that in later ages the writing of poetry spread widely among private citizens.

In T'ang times poetry was written by qualified specialists. The four greatest figures in the T'ang poetic world, Li Po, Tu Fu, Han Yü and Po Chü-i, did not belong to noble families, as had most of the poets of the Six Dynasties, but came from families of the lower scholar-gentry. This fact suggests that important social changes had been brought about by the An Lu-shan rebellion. Nevertheless these men all aspired to become officials in the government, though the first two were largely unsuccessful in their efforts, and at the same time they made a speciality of writing poetry.

It is difficult to determine whether ordinary citizens of the T'ang attempted to write poetry. One brief description from a work of the period tells of an oil dealer named Chang and a tack artisan named Hu who composed poetry at the end of the T'ang. (Hence the expression, "to write oil dealer's poetry", meaning to write very poor verse.) Such instances, however, seem to have been very rare, and if the examples ascribed to these men are trustworthy, the results were extremely poor.

In Japan there is preserved a group of scrolls which contains several poems sent by minor Chinese officials to a Japanese monk named Enchin in the IXth century. Some of these poems are of very low quality. They serve to suggest that in T'ang times ordinary people were occasionally forced to try their hand at composing verse very unsuccessfully.

In the Sung, however, the situation gradually changed. The noble families who had still maintained a position of some importance in T'ang society were all wiped out in the conflicts of the Five Dynasties period, and during the succeeding Northern Sung the examination system was opened to candidates from the general public. This encouraged ordinary persons to aspire to become men of letters. As a result some of the greatest figures of the Sung literary world came from ordinary families, such as Su Shih, whose family is said to have originally been silk merchants in Szechwan, or Huang T'ingchien, who characterized himself as a farmer's son. The latter, in fact, states that if he had not passed the civil examination he would have made a living by opening a pharmacy.

In addition we have evidence that quite ordinary people who had no social intercourse with government officials were able to compose passable poetry. According to the *Ts'ang-hai shih-hua* by Wu K'o, in the *yüan-yu* era (1086—1093) there was a group of poets at Nanking made up of a pawnbroker, a wine dealer, a seller of toilet articles, and men of similar occupation. Wu K'o records two poems by members of the group which are quite passable, and in addition describes similar groups in Northern China, giving an example of a poem by a butcher. This is of course only one isolated piece of evidence, but I believe it is indicative of a wide difference which existed between Northern Sung and T'ang times.

In the Southern Sung the situation is more obvious, and we may give at least two examples of poets who were ordinary citizens. One is Ch'en Ch'i, who lived in the early XIIIth century. His own works have survived, along with an anthology which he made of poems by his colleagues, most of whom seem to have been ordinary citizens. Another is Tai Fu-ku, one of the most famous poets of his time. His poems, preserved in the *Shih-p'ing-chi*, give ample evidence that he belonged to a farming family.

The sudden rise of colloquial short stories and dramas in the late Sung and Yüan has been attributed simply to the frustration which the scholar-gentry experienced under the Mongol regime. Though this is undoubtedly correct, I would like to suggest a further reason. It would seem that ordinary citizens had for some time been developing their literary ability by composing poetry, and they were hence in a position to apply this skill to the new genre of colloquial literature.

In the Ming the number of poets of common origin greatly increased, especially in the district of the lower Yangtze valley around Suchow. The best example of this group of poets is Shen Chou, a painter, poet, village head and tax farmer. Throughout his works we find evidence of his enthusiasm for art and literature, as well as descriptions of the hardships he encountered as village head. He and some of his famous disciples such as T'ang

Yin, lived all their lives as private citizens and were rather proud of the fact that they held no position in the government.

This phenomenon was not restricted to the Yangtze valley. Li Meng-yang, the most famous literary figure of the middle Ming, though a high official in later life, was the nephew of a minor official of the local militia in Kansu Province.

The free and sometimes rather vulgar modes of expression which characterize Ming novels, dramas and even poetry are due no doubt to the fact that so much of the literature of the time was produced by commoners. During the Ch'ing the vulgarity decreases as the citizen poets strove for greater elegance and elaborateness in their works. As before, however, most of the famous poets were members of ordinary families, such as Li O, whose works enjoyed great popularity during the middle Ch'ing and who was the brother of a tobacco dealer.

To sum up, I would like to suggest that Chinese poetry, far from ceasing to develop after the T'ang, shows a continuous process of growth. One aspect of this process of development was the spread of poetry writing among private citizens, who in previous times had not attempted it. On the one hand this led to the appearance of a great many stereotyped works, since more and more people who lacked real talent and inspiration turned their hand to writing. On the other hand, however, it led to an increase in the volume of poetry written and also produced works that depicted many of the more detailed and familiar aspects of human life that earlier poets had ignored.

По докладу выступили Р. Рульман, Г. Франке, Л. З. Эйдлин, Я. Прушек.

F. TŐKEI (Budapest): QUELQUES MOTS SUR L'ŒUVRE DE K'IU YUAN

Permettez-moi de retenir votre attention pendant quelques minutes et de vous soumettre certaines idées de principe et certaines pensées relatives à la méthodologie, survenues en cours de travail. Pour illustrer ces pensées, je profite de l'occasion pour vous dire quelques mots sur les problèmes qui se sont posés à propos de mon livre sur K'iu Yuan paru l'année passée en langue hongroise et qui, par conséquent, vous est, pour le moment, inaccessible.

En guise de préambule je voudrais vous expliquer ce que j'ai pensé entreprendre avec mon étude. Celle-ci n'est pas une monographie historico-littéraire prise en sens traditionnel du terme, ni un ouvrage philologique dans la stricte acception du mot, mais la coordination de plusieurs méthodes, autant dire de différentes sciences, dans le but de nous approcher de la poésie de K'iu Yuan plus que ne l'ont fait les recherches effectuées jusqu'ici, afin de pouvoir saisir l'essence, le contenu de l'œuvre du grand poète chinois et de mettre en évidence chaque détail de la facture de cette œuvre, chaque caractéristique de son style.

Dans la pratique de la sinologie de nos jours — en Chine, aussi bien qu'en Europe — la spécialisation des recherches devient de plus en plus générale. Cette spécialisation est, bien entendu, motivée par le fait, que la sinologie a dépassé le stade du travail de pionnier et que les études des détails approfondis et à tous les points de vue correctes gagnent de plus en plus d'importance. Il est aussi évident, que le même spécialiste ne peut être également versé dans chacune des différentes sciences sinologiques,

car, s'il voulait obtenir dans chacune d'importants résultats indépendants, seul le recensement de la matière demanderait le travail de toute sa vie. La spécialisation de la sinologie est due au développement rapide de la sinologie même — comme il arrive de nos jours dans plus d'un domaine de la science. Cependant en même temps — et c'est ce que je voudrais souligner dans mon intervention — c'est précisement le développement scientifique qui exige des recherches d'un système complexe unissant les méthodes de plusieurs sciences. Dans le domaine d'autres sciences c'est également le développement qui nécessite les méthodes complexes à l'heure actuelle; à l'époque du développement rapide de la physique nucléaire, par exemple, la séparation de la physique et de la chimie ne peut plus être soutenue. On a bien l'habitude de dire, que notre époque n'est point l'époque des grandes synthèses, mais celle des recherches de détails, néanmoins, à mon avis, la synthèse est parfaitement réalisable pour certains problèmes bien choisis, et il faut l'essayer — simultanément avec les recherches spéciales — aussi pour les problèmes où elle semble encore être prématurée, l'aboutissement à une synthèse devant être nécessairement précédée, à l'avenir aussi, par des tentatives incessantes de synthèse.

Lors de l'analyse de l'œuvre d'un poète ou d'un philosophe, il arrive très souvent dans la sinologie que l'historien de la littérature ou de la philosophie emprunte presque sans modification, tout au plus avec une certaine sélection, les différentes conclusions des historiens ou sociologues qui s'occupent des recherches de l'époque en question, mais lui-même n'entreprend pas la solution de problèmes historiques ou sociologiques. Cela conduit, bien entendu, à des résultats très confus et fantaisistes, mais le plus souvent cela ne conduit à aucun nouveau résultat, tout au plus à un abrégé sans intérêt, de caractère éclectique, où les véritables problèmes, les corrélations plus profondes, donc décisives ne sont même pas soulevées. Par cette méthode l'historien de la littérature ou de la philosophie renonce à la possibilité qui se récèle dans son sujet, dans la littérature ou la philosophie, notamment: de mettre en lumière ce que l'œuvre poétique ou philosophique révèle de sa propre époque, et cela non pas sur les données séparées, mais sur les grandes questions historiques et sociales, sur les corrélations plus profondes et les lois. Si le spécialiste de la littérature et philosophie chinoises (pour les recherches des civilisations européennes le problème se pose d'une façon quelque peu différente) n'effectue pas lui-même des recherches historiques et sociologiques, ce seront précisément les lois les plus importantes de la littérature et la philosophie chinoises, qui ne se manifesteront pas à lui.

Voilà les considérations méthodologiques qui m'ont amené à consacrer beaucoup d'années à l'investigation de la société de l'époque Tcheou, avant de formuler mon opinion sur les problèmes de la littérature et la philosophie chinoises antiques. Ce qui m'a aidé à formuler mes opinions sur les problèmes historiques fondamentaux a été le fait que comme historien je n'ai jamais négligé les témoignages de la littérature et de la philosophie. Au cours des travaux relatifs à une étude traitant des formes de l'esclavage à l'époque Tcheou, par exemple, je n'ai pas oublié que dans les textes de la poésie et de la philosophie de cette époque non seulement on ne trouve pas de preuve de l'existence de l'esclavage pris au sens européen du terme, mais que les problèmes éthiques, stylistiques et autres qui dans les littératures et philosophies grècques et romaines sont tous liés à l'esclavage, à la propriété privée des esclaves, y font également défaut. Mais même sans cette aide, purement au moyen de l'analyse des indications fournies par les sources

historiques, on a pu constater qu'à l'époque Tcheou les esclaves n'étaient pas dans la propriété privée de leurs seigneurs, mais seulement dans leur possession basée sur les titres communautaires, c'est-à-dire patriarcales. Un autre de mes essais traitant des conditions de la propriété foncière à l'époque Tcheou n'utilise non plus comme argument probant les considérations provenant de la connaissance de la littérature et de la philosophie, mais le témoignage des sources historiques, en toute conformité avec ces considérations, m'a convaincu qu'à l'époque Tcheou il n'existait pas encore de propriété terrienne privée — les paysans tout comme les aristocrates possédaient leurs terres à titre communautaire, patriarcal — de même que dans les caractéristiques de l'éthique et la création littéraire font défaut tous les traits qui, dans les littératures grècque et romaine, sont en connexion avec la propriété privée de la terre, et au contraire tous les problèmes importants de la philosophie et de la poésie ne peuvent être compris que par le fait même du manque de la propriété privée.

A l'étude sur K'iu Yuan j'ai donné le titre : *La naissance de l'élégie chinoise.* Il est connu que dans la poésie chinoise l'élégie était d'une importance cruciale non seulement dans l'antiquité, mais encore au moyen âge. Cette immense importance peut, de toute évidence, être comprise et expliquée, en premier lieu, par la compréhension et l'explication des circonstances sociales de sa naissance. J'ai choisi un problème relevant de l'histoire des genres et de la théorie des genres, puisque la solution de pareils problèmes exige dans une mesure accrue les méthodes complexes des recherches, d'autre part elle permet de saisir des lois beaucoup plus profondes et synthétiques. Pour représenter les perspectives des problèmes de genres, il suffit d'alléguer l'importance de la solution de la question de savoir pourquoi dans la Chine antique le genre de l'épopée héroïque ne s'est pas développé, pourquoi tous les genres épiques sont restés rudimentaires et de caractère transitoire, pourquoi c'est précisément l'élégie qui est devenu le genre éminent, quel est le rapport des formes de vers et des « genres » entre guillemets chinois avec les genres européens. Je ne peux pas entreprendre de vous exposer, ne fût-ce qu'en grandes lignes, la contexture de mon livre, car les analyses des genres exigent des considérations si complexes et variées, que l'exposition des thèses — même détachées des corrélations — semblerait ahurissante ou, au contraire, inintéressante. Tout ce qu'on pourrait résumer en quelques mots, c'est, que l'étude analyse tour à tour les genres de la littérature de l'époque Tcheou et finit par constater qu'à cette époque, pour des raisons sociales, la représentation épique devient impossible, ainsi qu'à cette époque toute forme primitive épique de la littérature chinoise et même encore les genres plus épiques de la poésie lyrique comme l'ode, le hymne ou le poème didactique montrent, sans exception, une tendance vers l'élégie. Cette tendance aboutit finalement à la grande poésie élégique de K'iu Yuan, qui donne naissance au genre le plus caractéristique de la poésie chinoise. Dans le livre, l'analyse des différentes œuvres s'allie toujours à celle des question sociales. En d'autres termes : je considère comme la cause historico-sociale fondamentale de l'essor pris par l'élégie qu'à l'époque Tcheou la société chinoise s'est engorgée dans un stade de transition, à savoir entre la société primitive et la société antique prise dans le sens européen du terme, et elle n'a pas pu se délivrer de cet état de transition, de cette situation ambiguë. De temps en temps, le développement a pris un nouvel essor : on a tenté, par exemple, de briser le pouvoir de l'aristocratie patriarcale au moyen de réformes ; ces élans sont, cependant, retombés, la société chinoise n'a pas réussi à briser les entraves l'attachant au passé. Quant à son contenu, ainsi

qu'à sa forme, la poésie élégique de K'iu Yuan reflète fidèlement ces arrêts subits réitérés de la société chinoise. J'ai cherché à démontrer méthodiquement, comment, dans la poésie de K'iu Yuan le contenu se nourissant de la reconnaissance de l'état ambigu de la société, détermine la forme spéciale : l'élégie qui dans les littératures chinoise, sanscrite et grecque est caractérisée également par une composition à deux moments, en ce qui concerne son contenu et sa forme, quant à cette dernière jusqu'à la rythmique brisée à deux moments. K'iu Yuan est devenu le père de la poésie chinoise, en premier lieu, non pour sa perfection artistique, mais parce qu'il est le premier grand chanteur de l'arrêt subit de la société chinoise, de son engorgement asiatique, de son impuissant attachement au passé. Et pour la même raison il est un des plus grands poètes d'élégie de la littérature mondiale, poète dont l'œuvre m'a permis de tenter, dans le dernier chapitre de mon livre, — tout en prenant prétexte des enseignements chinois, — des considérations sur la théorie des genres et de contribuer par-là à la théorie de l'élégie.

Permettez-moi de terminer mon intervention en exprimant le désir de voir paraître mon modeste ouvrage, dans un proche avenir, dans une langue accessible à vous, car dans le travail de recherches sinologiques personne ne peut se passer de la critique de la sinologie internationale.

По докладу выступили П. Демьевиль, Л. Д. Позднеева, Р. Рульман.

L. Z. EIDLIN (Moscow): TRADITION AND INNOVATION IN CHINESE POETRY (THE WORKS OF T'AO YUAN-MING)

Tradition is a factor of tremendous importance in every national culture. This is particularly true in regard to the life and culture of Chinese society, the development of which goes back over several thousand years.

Consequently, attitudes towards the classical literary heritage are a highly topical question in China today. What are the values to be found n the works of the vast numbers of Chinese poets, prose writers, playwrights, whose names and writings have come down to us unfaded through the centuries? What qualities have enabled them to sustain the ordeal known as the test of time? Are they all entitled to the places this test has assigned them? Is it not time they were subjected to a new appraisal, an appraisal that would bring closer to the masses all that is democratic — of the people — in their writings, and that would at the same time evaluate objectively such limitations, such aspects of their writings as stand between them and the aspirations of the people? And, in any case, it would seem essential — now that the people, creators of all beauty, have become masters of their own creations — it would seem essential that the people attain full understanding of the value of their cultural heritage; that the classic works which served as the forerunners of contemporary literature, and which in one or another degree helped to lay its foundation, be properly reflected in the aesthetic training of the people of our day.

Such is the background of the interest evinced not merely by scholars, but by the entire reading public in China, in the discussion of the works of T'ao Yuan-ming, great Chinese poet of the fourth and fifth centuries: a discussion of his place in the history of Chinese literature, and of the active and passive elements in his beautiful verse.

Joining in the general discussion of T'ao Yuan-ming, we seek in the present paper to direct attention to a definite section of the course of develop-

ment of literature — a course stretching over many and many a century, past, present, and future, and reflecting always the conflicts that occur in life; a course in which, inevitably, tradition meets up with innovation, and innovation in its finest aspects enriches folk tradition and creates new traditions, preserving for the ages the great works of human thought and imagination.

Our parer is devoted to the question of tradition and innovation in the poetry of T'ao Yuan-ming — a broad theme, in the treatment of which we make a first attempt to examine what seems to us a very important question in the great poet's work: the new (for the period) and the traditional aspects of the romantic traits of his poetry.

* * *

The romantic traits inherent in Chinese poetry have become a tradition, which continues into the present day. By romantic tradition we mean the poet's dream, the expression of his wish for happiness — happiness for all mankind, or happiness of a more limited character, depending on the period and on the poet.

This romanticism came into conflict with feudal realities, to which it opposed the poet's longing to improve reality, to see a different, and a better life. The effort to see into the future was to a great degree purely intuitive, inasmuch as the poet could not in those days have any clear analytical understanding of what caused the vices of the society in which he lived — could not attain that sober judgement of reality, or that sober understanding of the laws of history, which comes with the development of society and which, in its turn, promotes the development of the realistic method in art.

But even the romanticists' surmises were not altogether baseless; for the power of romanticism arises when the artist reveals reality, and by so doing, as it were, foreordains the transformation of his ideal, of his romantic dream, into reality. In social development too, after all, scientific socialism was preceded by utopian socialism. Speaking of the correctness and significance of utopian socialism from the point of view of world history, Lenin, in his article *Two Utopias*, wrote "Let us recall here Engels' admirable dictum: 'What formally may be economically incorrect, may all the same be correct from the point of view of world history'".

"Engels laid down this profound proposition in reference to utopian socialism: formally this socialism was economically "incorrect". This socialism was "incorrect" when it declared that surplus value was an *injustice* from the point of view of the laws of exchange. As against *this* socialism the theoreticians of bourgeois political economy were formally right, from the point of view of economics, for the surplus value is derived from the laws of exchange quite "naturally", quite "justly"».

"But utopian socialism was *right* from the point of view of world history, as it was a symptom, an index, a herald of the class which, born of capitalism, has by now, the beginning of the twentieth century, become a mass force capable of putting an end to capitalism and irresistibly proceeding in that direction" [1].

In precisely the same way the intuitive, and, at times — from the point of view of later generations — naïve character of the poet's romantic dream of happiness cannot diminish its significance from the point of view of history as a whole.

Again, is not the artist's gaze into the future, raising him above the reality that he portrays, extending his horizons, an essential element of realistic art, just like the inspiring flight of the imagination without which scientific thought is hardly to be conceived?

Mankind advances steadily to a more profound scientific perception of reality; and just so, evidently, literature advances — less steadily, perhaps — to a more profound artistic perception of this same reality, to its own, artistic, discoveries. Social and economic formations change, life grows more intricate — and the artist begins to perceive what formerly was hidden from his view.

A splendid stage in the development of the artistic perception of Chinese society was the work of T'ao Yuan-ming, a great poet who, while carrying on the old traditions established in the course of the centuries, at the same time had his own, new word to say.

Before T'ao Yuan-ming the most powerful tradition — after the *Shiching* collection of folk songs — had been that of Ch'ü Yuan, the first poetic personality in Chinese literature. The *Shiching* songs, whose existence it was that made possible the poetry of Ch'ü Yuan, had no individual author behind them.

Ch'ü Yuan was a romanticist. His poetry is imbued in every line with the impassioned quest for truth and good. He could not bear this world, in which "the bell of yellow gold is cast away, destroyed, while the clay cauldron roars and thunders"; in which "the slanderer has triumphed and seized all the heights, while the worthy scholar is disgraced".

Ssuma Ch'ien, a historian of the Ist century B. C., has recorded for us a sad tale of the tragic fate of Ch'ü Yuan. A dignitary of the land of Ch'u, he was defamed by slanderers and exiled by the ruling prince. We could not easily understand the poet's lines, his hopes and his despair, were it not for the testimony of Ssuma Ch'ien:

"Ch'ü P'ing's poem *Lisao* arose, of course, from his feeling of indignation. . . What he says in these lines is small in form, but in significance it is vast beyond all measure. The images that he applies are close to us, but his thought, his ideal are far distant".

Ch'ü Yuan's poetry is like a whirlwind. His heart, "a live coal, blazing bright", called him on into the unknown. On earth, he did not fear the prince, his ruler; and his soaring imagination carried him into the heavens, to the sun and the stars. Everything in his poetry is unusual, from his very method of figurative expression of his thoughts; nothing is as things are in daily life; so that, of course, were it not for Ssuma Ch'ien's *Historical Records*, today one could understand nothing in the great poet's works but the emotions that possessed him. This is the limitation inherent in Ch'ü Yuan's romantic treatment of reality. But only the keenest, the most intense interest in public life — and not merely public, but political life — could have given rise to this poetry, so ultra-modern for its day, a poetry of spiritual purity, calling for human kindness, for peace among men. Only the struggle of life, only the truth of human relationships, only the closest ties with the hopes and aspirations of the people, with the poetry of the people, could have produced such power of feeling, such mighty passion and ecstasy, as imbue the poetry of Ch'ü Yuan.

Kuo Mo-jo, one of the most profound students of this poetry, says of Ch'ü Yuan:

"Much in his *Lisao*, his *Nine Odes*, and his *Nine Elegies* goes beyond the bounds of reality. He desires to harness to his chariot the clouds and the

rainbow, the dragon and the Feng bird — to whip up the sun and the moon, the wind and the thunder — to sweep through the heavens without pause or rest. Now he is in Paradise, now returned to ancient times, now risen to the summit of the world, now sunk beneath the waters of Tungt'ing Lake; now he strokes a comet with his hand at the rim of the sky, now pauses in the shadowy distances to talk of love with a fairy resident of the heavens. . . But this he does, not to escape from reality. . . but in his quest for the ideal and for an ideal man to save his country, in the cause of human life, of the great unification of ancient China" [2].

We should like to stress the precision and truth of this exposition of the active nature of Ch'ü Yuan's romantic poetry.

How, then, did the romantic tradition develop, how did it change, retaining its basic progressive tendency, after Ch'ü Yuan? An over-all answer to this question is to be found in Lin Keng's interesting article *Ch'en Tzuang and the Style of the Chienan Period.* Lin Keng writes:

"The splendid romantic traditions in Chinese poetry from Ch'ü Yuan to Li Po, traditions which from the very outset expressed and were vehicles of the spirit of political struggle and patriotism, in their nature constituting resistance to the powers that be, and imbued with the ideals of the enlightened policy of advancement of those who were gifted and honest — these traditions became dominant in Chinese poetry of the period of development of feudal society" [3].

Our theme here is the romantic aspect of the poetry of T'ao Yuan-ming with its elements of tradition and of individuality.

The poet T'ao Yuan-ming "hung up his official cap" and returned to *tzujan*, or the state of pristine human freedom as he understood it. He began to work on the soil. Four centuries divided him from Ch'ü Yuan, four centuries of Ch'ü Yuan's romantic tradition.

T'ao Yuan-ming's poetry took its rise in the political events of his troubled times, so abounding in uprisings and in internecine conflicts among the warlords. True, there seems to be no direct reflection of all this in T'ao's verse; but the old Chinese commentators refer persistently to hidden meanings in many of his poems.

In T'ao Yuan-ming's poetry we find romanticism of two differing trends.

Of these trends, one — deriving directly from Ch'ü Yuan — is the less prominent. We find it, say, in the poet's recollections of his youth, when "in mad aspirations I flew beyond the four seas, with sweeping wings, dreaming of flying far" (*Miscellaneous Poems*); we find it, in his later years, in his song of praise of Ching K'o, the hero who attempted to assassinate the tyrannous ruler of Ch'in: "And it matters not that this man has long been dead. He will stir hearts through all the thousands of years to come".

"People describe the verse of Yuan-ming as flat and insipid", wrote Chu Hsi, XIIth century poet and philosopher. "But I perceive the poet's might and breadth. It is simply that his mighty spirit soars unobserved. He showed his true nature in his poem, *Song to Ching K'o*. Could a flat, insipid man have found such words?".

The second romantic trend, that which dominates in T'ao Yuan-ming's verse lies in his dream of an ideal human life, free of trivial bustle, of official routine. In this, too, critics have long since perceived the lofty heights of his aspirations. Sung Lien, XIVth century poet, one of the authors of the *Yuan History*, wrote of T'ao Yuan-ming in his well-known *Reply to a Letter About Poetry*:

"He rises high above all those who wrote in the 'Foundation of Tranquillity' period — he rises higher and higher. His lofty aspirations, the distances into which his poetry is carried — truly, they recall 'that wondrous infusion' that fills the sacrificial bowl: neither salt may one add, nor, certainly, vinegar, but the most ineffable taste is there within it, of itself".

Absorbed by this aspect of T'ao Yuan-ming, Sung Lien did not realize that the "thoughtless coarseness" which he went on to condemn in the great poet Po Chü-i was also derived from T'ao Yuan-ming, who originated this "coarseness" in Chinese poetry — of which we shall have more to say below.

In his quest of an answer to the question, How to live? — in his anxiety as to what awaited man in the future ("The ancients valued every *tzun* of time. Thinking of this, I tremble") — T'ao Yuan-ming found happiness for himself in peasant labour, in life on the land; and this ideal had its romantic flavour.

> . . . To cleave to my hoe and be content with my calling,
> To smile and keep up the hearts of my fellow farmers.
> The wind skips far across the level fields,
> Where sturdy shoots are sprouting new leaves.
> Although I cannot measure my year's produce,
> Its present state shows many signs of hope.
> There comes a time when I rest from ploughing and planting,
> But still no Traveller comes to ask me questions!
> When the sun goes down we all go home together;
> With soup and wine I treat my nearest neighbours.
> Loudly I sing as I shut my gate of brushwood,
> I will remain a man of the fields and furrows! [4]

Can we agree with those who accuse the poet of idealizing rural life and thus sinning against the realistic portrayal of life? To us, a somewhat different view seems more correct: that his idealization of a life directly opposed to that of the aristocracy was his protest against oppressive reality.

Kuo Mo-jo declares, and very rightly, that this "tranquil peace" of T'ao Yuan-ming's "was a concealed protest against the stupidity and obscurantism of feudal society"[5].

This was the conscious view of the artist, who sought above all to perceive and stress the beneficence of labour on the soil, to divert men from trivial to-do and summon them to labour. How much broader and more human this than, say, the ideas of Chungchang T'ung, poet of the IInd and IIIrd centuries, whose poem *On the Contented Soul* also reflects simple human life and its attributes — but a barren, egoistic life, in which the poet's wife and children "know no labour, so opressing to the frame", and the poet himself is relieved of labour by his servant.

Such things could not content the soul of T'ao Yuan-ming. He sang the joy of labour. And though we find but little reflection in his verse of the peasant's hardships and misfortunes (the time was yet to come when this vital aspect of the life of the people, too, was to find its expression in Chinese poetry), it was T'ao Yuan-ming who first saw the peasant as a human being — saw the human being in that "kind master of the house" who "understood my need before I spoke", and in the ploughman with whom, when spring arrived, he would "have things to do in the western fields"; saw him as a man of equal worth with himself, and not as a downtrodden creature, made to do the bidding of those to whom the poet himself belonged by birth, but whom he had left to live with the simple people of the village.

"Among the four seas all men are brothers", he declared, quoting the *Lunyu*, in his *Message to My Sons*. And in Hsiao T'ung's biography of T'ao Yuan-ming we find a story of how, having gone to hold office in P'engtze, the poet sent a servant home to his sons. "It will be hard for you to manage alone", he wrote to them. "I send this man to you to help you, to chop wood and carry water. He, too, is some man's son. You must treat him well".

T'ao Yuan-ming's portrayal of the ideal is a condemnation of the hunger-ridden life of his time. In his poem on the fire that consumed his house, there is reproach to the life of his time in the lines describing the days of Tunghu, when surplus grain lay all night in the fields, and people stroked their full bellies and had no cares. Indeed, he says plainly that in his time such things are no longer to be seen.

Praise of Country Life, *I Return to the Orchards and Fields*, *Home Again!*— in these and many other of his works he sings the joys of life in the countryside. Neither Nature herself, with her threats of untimely rain or snow ("I have always the fear lest a sudden frost or a downpour of rain mixed with snow, kill all my shoots, and weeds grow over all"), nor the hardships of his labour could overcloud this joy of the poet's accomplished dream ("My own labour in the fields cannot make me sigh"). This romantic and, in some degree, deliberately biassed portrayal of reality is enriched by elements which were not yet possible in the day of Ch'ü Yuan, and which were but hesitantly introduced by later predecessors of T'ao Yuan-ming: details of daily life, truth to life.

It would be exaggeration, of course, to call this truth to life complete. The poet's neighbours and friends, for example, of whom he writes repeatedly, are devoid of individuality, are presented in the mass; but they have already become an essential, inseparable element of the general portrayal of life, in which a child plays and lisps its first words, in which the poet converses with his wife and instructs his son, or comes home, weary, with his hoe over his shoulder, or, famished, knocks at a stranger's door.

The "coarse things" of life found their way into his poetry; and they came into no conflict with the poet's romantic dream, with the unfading spirit of Ch'ü Yuan's ancient melancholy. T'ao Yuan-ming wrote a poem about marriage, and children, and the ravage of fire, and bad harvest — and gave his poem the name, *Plaint to the Melody of Ch'u*, having in mind, of course, the Ch'u poet Ch'ü Yuan.

We make this comparison between T'ao Yuan-ming and Ch'ü Yuan for the reason that in the long history of Chinese literature, T'ao was the first, after Ch'ü Yuan, to initiate a new era in the development of poetry. From Ch'ü Yuan's majestic and all-embracing, but most unsophisticated truth, from the unceasing plaint of Ch'ü Yuan's noble heart, T'ao Yuan-ming advanced to an ideal of his own, by his own life indicating the program for its accomplishment. In Ch'ü Yuan's works — and this is a characteristic trait in the romantic poetry of many peoples — there is no clear logical transition from reality to dream, and what there is of reality is confined to vague symbols. T'ao Yuan-ming's romanticism, his dream, is far more concrete, more evidently bound up with reality. In his utopian *Peach-Blossom Springs* he describes a land in which, concretely, "there is no imperial tax".

Both these poets were heroic, each in his own time and in his own way. Ch'ü Yuan perished in the clash with injustice. T'ao Yuan-ming, so far as this was possible for him, conquered the injustice that he fougth — con-

quered it because, living in less simple times, he could base himself on broader experience in the philosophical cognition of the world than could Ch'ü Yuan. To Ch'ü Yuan, in his simple and uncompromising aspirations, the entire universe lay open for the quest for truth. In T'ao Yuan-ming's poetry and outlook, a mingling of Confucian rationalism with elements of Lao Tzu's and Chuang Tzu's poetic perception of the world, all is concentrated principally, exclusively, in this human world we live in, beyond which lies but emptiness.

Ch'ü Yuan's cosmic forces, his myths, are not to be found in T'ao Yuan-ming's poetry. Standing firmly on this earth, in ordinary daily life with its ordinary daily traits, T'ao Yuan-ming seeks no aid from supernatural forces; and when he does speak of the miraculous we perceive it as a fairy tale, whose characters, if they do exist at all, are somewhere very far off, and do not interfere in human affairs. This is reflected even in the titles of such verses, as, say *Reading the Shanhaiching — i. e.*, reflecting on the legends set forth in that ancient book of wonders.

Personifying the forces of Nature, Ch'ü Yuan raised himself to their level. That was his way of raising man to majesty. T'ao Yuan-ming found majesty in the ordinary. His hand stroked no comet flying through the heavens — it lay quietly on the handle of his hoe.

With the appearance of T'ao Yuan-ming in Chinese poetry, new aesthetic approaches became necessary. A change came over the prevailing view of poetry which now began to write of life.

Touching but slightly upon other features of the writings of T'ao Yuan-ming we have treated here only one aspect, important to our mind: the romantic dream that sounds in his poetry. What has been said, we feel, brings out the progressive nature of this aspect of the poet's work, its active influencing of life; and we may thus regard the romantic traits of T'ao Yuan-ming's poetry, reflecting the real life of his time, as belonging to that type of romanticism in the history of world literature which, as Gorky put it, "is highly beneficial in that it contributes to the awakening of a revolutionary attitude towards reality — the attitude which in practice changes the world".

NOTES

[1] V. I. Lenin, *Selected Works*, Vol. I, p. 558, Foreign Languages Publishing House, Moscow, 1946.
[2] Kuo Mo-jo, *Romanticism and Realism*, Hsinhua panyuekan, 1958, No. 14. pp. 140.
[3] "Wenhsue pinglun", 1959, No. 5, p. 144.
[4] Translation by Andrew Boyd, in "Chinese Literature", 1958, No. 2 (March-April).
[5] Introduction to the Russian edition of Po Chü-i's verse, Moscow, State Literary Publishing House, 1958, p. 12.

По докладу выступили Я. Прушек, возражавший против расширительного толкования понятия романтизма, К. Иосикава, отметивший значение личной неприязни поэта к основателю династии Сун в судьбе Тао Юань-мина, и Р. Рульман, коснувшийся определения романтизма в литературе и выразивший согласие с мыслями докладчика.

10 августа вечернее заседание
Председатель У. Саймон *(Лондон)*

JANUSZ CHMIELEWSKI (*Lodź*): SYNTACTIC RELATIONS AND WORD-FORMATION IN CHINESE

I feel responsible for the statement that the specifically compositive syllabic word-formation of the Modern Chinese language has grown up on the ground of what was syntax (syntactic procedure) in the early stages of the language. This statement, repeatedly formulated in various papers of mine, and also in the one published in "Zhongguo Yuwen", No. 30, Dec. 1954, met with rather strong criticism from Prof. Lu Zhi-wei 陸志韋. The whole of Prof. Lu's article (in the same review, No. 33, March 1955) clearly implies that he considered my theory as far-fetched, to say the least. I am not going to engage in polemics with my eminent critic here, but I should like to emphasise that in the introduction to his own book 漢語的構詞法 published in 1957, Prof. Lu — contrary to his previous criticism of my theory — went much further than I did with regard to this problem, saying "From our standpoint, it is better to consider Chinese word-formation as a part of syntax rather than as a part of morphology" (*op. cit.*, p. 2: 据我們看來，漢語的構詞法，與其說是«形態學» 的一部分還不如說是結溝學的一部分). In fact, the very arrangement of the book and the classification of word-formative types is largely based on syntactic criteria: determination, verb-object relation, subject-predicate relation, etc. For a similar treatment of word-formation in Chinese cf. also Sun Chang-xu, 孫常叙, 漢語詞彙, Chang-chun, 1957, pp. 100 ff.

It seems however that the problem of syntactic relations as reflected in Chinese word-formation needs further elaboration, and the preliminary task to be done is that of enumerating the main types of syntactic relations occurring in Chinese word-groups as well as that of establishing a more adequate terminology — since the one now in use is neither exhaustive nor uniform. It goes without saying that the definition of syntactic relations should be basically formal, *i. e.*, free from extra-grammatical notions, and should refer to words themselves, not to anything else. Mere juxtaposition having always been an important — although polyvalent — syntactic procedure in Chinese, and word-order having been rigid, while, on the other hand, most syntactic relations are asymmetric (except for coordination), it also seems necessary to analyse all the relations uniformly with regard to the first member of the word-group.

With this in mind, and limiting myself to the simplest word-groups composed of only two 'full' words, A and B, — leaving out the 'empty' words which would complicate the matter — the syntactic relations occurring in such elementary AB groups may be tentatively classified in the following way:

1. Co-ordination (corresponding with the Chinese terms 並立 or 並列) — when both members of the group AB perform the same syntactic function; consequently, this is the only relation which is symmetric: its converse is again co-ordination.

2. Determination (corresponding with 修飾 or 向心 — the latter Chinese term, evidently rendering 'endocentric', is inadequate here since determination is only a special case of Bloomfield's endocentri-

cism) — when A determines B. The converse of the relation is, of course, 'being determined by. . .' which however need not be taken into consideration since in Chinese the first member cannot be determined by the second.

3. Rection (動賓) — when A 'governs' B. Its converse, 'being governed by. . .', can occur with the first member only if this member is marked with a special 'empty' word and, consequently, may be left out of consideration. As far as I know, the term 'rection' is not commonly used in English, but it has a long tradition in grammar and seems convenient for replacing the more accurate but unwieldy expression 'verb-object relation'.

4. Direction (partly corresponding with 連動式) — when A 'directs' B. This term is selected arbitrarily. Tentatively it may refer to the relations — or better: an otherwise composite group of relations — which occur between verbal A and verbal B and which may be defined negatively as not belonging to any other item of the present list. An important case is that of 'modal verb+verbal complement', but other sub-types occur as frequently. It must be emphasized that the delimitation of sub-types in this item (and the delimitation of syntactic relations occurring between Chinese verbs in general) is particularly difficult and the problem needs further research, cf. Lu Zhi-wei, 漢語的構詞法, p. 62. The converse of the relation here in question, 'being directed by. . .', does not occur with regard to the first member of the syntactic word-group.

5. Introduction (corresponding with Chinese 后補) — when A 'introduces' B. This is again an arbitrary term applied here to the syntactic relation between verbal A and verbal or adjectival B when this B represents either what Prof. Zhao Yuan-ren 趙元任 called 'resultative complement' or (always in Zhao's terminology) 'directional complement'. The converse of the relation, 'being introduced by. . .', cannot occur with the first member of the group.

6. Subjection (主謂) — when A is the subject and B its predicate. The converse of the relation is, of course, predication; it can occur with the A-member, see next item. As has rightly been emphasised by Zhao Yuan-ren, the phonetic and semantic connection between subject and predicate is rather loose in Chinese, see *Mandarin Primer*, pp. 34—35.

7. Predication (for which I would suggest 主謂 as the Chinese term) — when A is the predicate and B its subject; the relation can occur only if A is an intransitive verb.

8. Exposure (no corresponding term in Chinese) — when the first member is an 'exposed word' in relation to the second member, see J. Mullie, *The Structural Principles of the Chinese Language*, I, p. 155. This otherwise important and at the same time composite item (comprising several sub-types) is included in the list to make it complete; however, it is of little importance, if any, to our present purpose since instances of exposure hardly occur in elementary AB groups. Let me add that the phonetic and semantic connection between an exposed term and the other part of the utterance is particularly loose (cf. J. Mullie, *l. c.*). It goes without saying that the converse of the relation cannot occur with the first member of the group.

Formal and factual objections will probably be raised against both the terminology adopted — which certainly is very arbitrary — and the classification itself. The composite character of some of its items has already been emphasised, and closer inspection may prove that some of the subtypes deserve to be singled out as separate items. None the less I believe

that the present classification, tentative as it is, has the advantage of being terminologically uniform and that it gives a clear idea of what the main types of relations actually occurring between 'full' words in elementary syntactic constructions are. The classification is also in some sense panchronic since all the relations listed are not only typical of present-day Chinese syntax but also appear — at least in a rudimentary form or only in some of their sub-types — in the earliest written documents of the Chinese language, *i. e.* the Yin inscriptions. For instance, it is not widely known that predication occurs, even if sparingly, in the language of the oracle-bone inscriptions, cf. Guan Xie-chu 管燮初, 殷虛甲骨刻辭的語法研究, 1953, p. 16 — as against Chen Meng-jia 陳夢家, 殷虛卜辭綜述, 1956 (chapter on grammar, pp. 85 ff.), who failed to notice the predicative construction in the language of the inscriptions. The most controversial point in this respect will probably be the relation which I call 'introduction'. It goes without saying that introduction developed into a fully-fledged syntactic category not earlier than the postclassical epoch, but similar instances appear also in pre-Han texts (cf. the important studies by Zhou Chiming 周遲明 in "Shandong Daxue Xuebao", 1957, and "Yuyan Yanjiu", 1957), and I believe I can show that the construction may be traced back to some rudimentary syntactic groups attested in the earliest inscriptions. Within the restrictions just spoken of we may assume that the classification given above constitutes the framework of Chinese syntax (as limited to juxtaposition of 'full' words) from the earliest epoch we know of to this day, the difference between the early stages of the language and Modern Chinese lying not so much in syntactic categories, which are largely the same, as in the structure of syntactic units, *i. e.* words — which were simple in early Chinese and which are mostly complex in Modern Chinese. The latter remark brings us close to the next topic to be dealt with.

In short, syllabic word-formation resulting in complex word-structures of the Modern Chinese language largely reflects syntactic relations occurring in elementary word-groups. It is true that different relations appear in word-formation at different frequency-levels, but what is most important is the fact that practically all the syntactic relations listed — except for exposure — do appear in dissyllabic (bisemantemic) words of the Modern Chinese language and constitute the most adequate, if not the only, basis for the classification of word-formative types. Thus, it may be said that the inventory of relations occurring in elementary AB word-groups not only panchronically characterises Chinese syntax but also synchronically characterises Modern Chinese word-formation. Co-ordination, determination, rection, introduction and subjection as appearing in word-formation are sufficiently exemplified in Lu Zhi-wei's book, but it must be emphasised that closer scrutiny also reveals word-structures bound up by what I call direction and predication (the latter entirely omitted from Prof. Lu's book).

The very fact that compositive word-formation reflects syntactic relations is not a peculiarity of Chinese since some of the relations genetically syntactic (as for instance determination and less frequently rection) are represented in compound words of various languages, but the fact that the syntax of elementary word-groups — including those bound up by subjection and predication — is reflected in word-formation to so large an extent certainly is a specific feature of Chinese. This latter fact also shows that there is a very close interrelation between syntax and word-formative syllabic morphology in Chinese, the more so as most affixal formations are

also historically traceable to elementary syntactic word-groups in early Chinese. Indeed, there is very little in Modern Chinese morphology which is not reducible, more or less directly, to what formerly belonged to syntax. But all this, to my mind, does not authorise the linguist entirely to dissolve word-formative morphology in syntax and say that Modern Chinese word-formation is a part of Modern Chinese syntax. After all, synchronic word-formation is mainly concerned with the internal structure of words as units syntactically simple and analysable into non-syntactic morphemes while synchronic syntax is concerned with the structure of actual word-groups as analysable into syntactic words. Even if there are border-line cases which are difficult to qualify as syntactic or word-formative (which are mostly of the kind of syntactic word-groups merely lexicalised but not morphologised), syntax and word-formative morphology remain two distinct — although historically interrelated — fields of Modern Chinese grammar. The intermorphemic relations discoverable in true complex word-structures (not in lexicalised word-groups) are not simply syntactic: they are genetically syntactic, and I only have to repeat the statement that the specific word-formative morphology of the Modern Chinese language has grown up on the ground of syntax — as I formulated it years ago.

Присутствующие задали докладчику ряд вопросов.

И. М. ОШАНИН (*Москва*): ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАД БОЛЬШИМ КИТАЙСКО-РУССКИМ СЛОВАРЕМ (О СТРУКТУРЕ ГНЕЗДОВОЙ СТАТЬИ СЛОВАРЯ)

I. Работа над составлением четырехтомного (пятый том — справочный) иероглифического *Большого китайско-русского словаря* была начата Институтом китаеведения Академии наук СССР почти четыре года назад. Первые два года авторский коллектив был занят подготовительными работами: определением объема словаря, отбором источников, разработкой системы расположения материала, выбором системы транскрипции, составлением и сравнением пробных статей, разработкой инструкций для лексикографов и редакторов Словаря. За это время мы не один раз пересматривали положения, прежде казавшиеся нам несомненными. Словарь, задуманный как алфавитный, составляется теперь по графической системе Васильева-Розенберга (принятой в нашем *Малом словаре* 1952—1955 гг. издания). В транскрипции от первоначально принятой традиционной русской системы Палладия Кафарова мы перешли на принятый в 1958 г. в Китае латинизированный транскрипционный алфавит; запланированный объем Словаря вырос с 15 тыс. иероглифов и 220—235 тыс. слов и речений до 20 тыс. иероглифов и почти до 400 тыс. словарных статей; самое расположение материала в статье (производные слова и фразеология) также подверглось неоднократному пересмотру. Макет *Большого словаря*, составленный в 1958 г., во многих отношениях отражает наши колебания и поиски. Например, можно указать на наличие в нем двух вариантов расположения иллюстративного материала — фразеологии и производных слов. Мы остановились на втором варианте, еще раз его переработав. В данное время мы заканчиваем общую редактуру I полутома Словаря.

II. В настоящем сообщении я не имею возможности останавливаться на каждом из принципов, которые приняты нами окончательно в нашей работе: предисловие к макету, написанное в конце 1958 г., дает о них представление. Здесь я хочу задержать ваше внимание на одном только вопросе, который оказался для нас особенно сложным, — на структуре гнездовой статьи, то есть статьи, вскрывающей систему значений слова (или слов-омографов), представленного (или представленных) на письме данным иероглифом, — и, в связи с этим, на вопросе о подаче читателю *Словаря* системы грамматических значений данного слова (или данных слов).

В процессе разработки схемы гнездовой статьи *Словаря* наше основное внимание, конечно, привлекали тщательностью разработки и подробной детализацией значений такие лексикографические работы, как *Чжунхуа Дацзыдянь*, изданный в Китайской Народной Республике в 1958 г. коллективом авторов (издательство Чжунхуа Шуцзюй), и особенно *Дай Кан-ва Дзитэн* проф. Морохаси Тэцудзи, выпуск в свет которого закончен XII томом в 1960 г. (Токио, Тайсюкан Сёгэн). Значения иероглифов, предлагаемые этими работами, были, конечно, приняты нами во внимание при разработке гнезд значений иероглифов в *Большом китайско-русском словаре*. Для современного литературного китайского языка наши выводы были дополнены как материалами оригинальной расписки источников, так и лексикой, учтенной в новейших работах китайских ученых, — в первую очередь в словаре *Сяньдай Ханьюй Цыдянь*, предназначенном для издания в 1960 г., — рукописью которого благодаря любезности Академии наук Китая мы получили возможность воспользоваться.

Однако в систематике значений и компоновке гнездовой статьи нашего Словаря мы столкнулись с рядом трудностей, обусловленных конкретными задачами и объемом Словаря. Здесь прежде всего следует указать, что широкий охват в нашем Словаре языка литературных текстов (начиная от *Шицзина* и до произведений современных авторов) позволяет систематизировать значения данного иероглифа сплошь и рядом лишь в объемно крупной статье, размером иногда до целой страницы убористого текста.

Заботясь об экономии времени будущего читателя Словаря, следовало найти такую схему членения гнездовой статьи, которая избавила бы его от необходимости читать ее целиком и позволила бы ему ограничиться просмотром лишь подсказываемых ему данным китайским контекстом и легко находимых в тексте Словаря тех или иных рубрик гнездовой статьи. Традиционная система членения статьи на основании чтения иероглифа оказывалась, по нашему мнению, нецелесообразной, так как в большинстве случаев при работе над старыми текстами именно чтение иероглифа и неизвестно читающему.

Так возникла мысль провести основную классификацию значений иероглифа в гнездовой статье по рубрикам лексико-грамматических категорий представляемых иероглифом слов, то есть в известной степени подчинить фонетическую сторону иероглифа грамматическому значению воспроизводимых им на письме слов. Этот принцип был уже отчетливо представлен в макете, например, в гнездовых статьях иероглифов 差 или 左 на страницах 24 и 27 макета. Это — принципиально новое положение, доселе в практике китайской лексикографии не применявшееся. Мы считаем его логически вытекающим из принятой для Словаря системы (в основе которой лежит иероглиф) и из его большого объема.

III. Придя к указанному выше положению, мы оказались перед необходимостью выбора одного из трех возможных путей:

1) классифицировать значения китайских слов по рубрикам частей речи языка перевода (в данном случае русского языка); 2) положить в основу нашей классификации критерий позиционности слова (и иероглифа) в китайском тексте или 3) разработать для каждого данного слова (и иероглифа) такую схему, которая максимально точно отражала бы группировку воспроизводимых иероглифом слов по категориям частей речи в самом китайском языке.

От первого пути нам пришлось отказаться во избежание многочисленных повторений в разных рубриках статьи значений одного и того же слова по категориям, не различаемым в китайском языке, но различаемым в русском. Укажу здесь на категории существительное — относительное прилагательное (ср. 鐵 'железо' и 'железный' или 獸 'дикий зверь' и 'звериный'): атрибутивное использование этих слов в китайском языке ни в какой степени не сообщает им свойств прилагательного (например, предикативности). В Словаре эти слова в обоих случаях надлежало оставить в одной рубрике (например, существительного).

Не удовлетворял нас и второй путь, ибо и он усложнял структуру гнездовой статьи, требуя многочисленных повторений (например, одно и то же слово в позиции определения к подлежащему, дополнению, сказуемому) и внося, по-видимому, излишнюю для Словаря детализацию, например, обстоятельственных слов в случае их экспозиции в предложении (впереди подлежащего) или их препозиции по отношению к сказуемому. Так остановились мы на третьем из возможных путей.

Этот путь имеет свои сложности. Прежде всего особенно трудной оказывается классификация материала в тех случаях, когда слово древнекитайского языка, принадлежавшее некогда к одной лексикографической категории (или одних категорий), сохраняется в современном языке в составе другой категории (или других категорий); ср., например, 來 в глагольном значении в древнекитайском языке и его современное именное значение. Очевидно, приходилось разработать систему специальных помет, разъясняющих значение слова в разные исторические эпохи (сейчас у нас приняты знаки * для древнекитайского языка и особый русский шрифт в переводе значения для живого односложного слова современной живой речи Пекина).

Далее, осложнения вызывали и те случаи, когда односложное слово древнекитайского языка вообще исчезло из употребления в качестве отдельного слова, перейдя в разряд морфем словообразования или формообразования (ср., например, употребление 民 или 子 в древнекитайском и современном языке). Здесь пришлось ввести в нашу классификацию особые рубрики: «в словообразовании», «в формообразовании». Наконец, особое затруднение возникало при классификации собственных имен и всякого рода условных обозначений (циклические знаки, ономастика, топонимика, рифмы и числа в телеграммах и т. д.). И для них пришлось также отвести в классификации особую рубрику: «собственные имена и условные обозначения».

Замечу, что в макете 1958 г. еще не все из изложенных выше принципов нашли свое четкое отражение.

IV. Одна из наших трудностей на этом пути заключается в том, что в меньшем масштабе мы здесь столкнулись вновь с необходимостью дополнительной детализации статей в рубриках, трактующих глагол. Насколько нам известно, дифференциация китайских глаголов по частным

лексико-грамматическим категориям в существующих словарях до сих пор не проводилась. Для нас — в связи с большим объемом рубрики «Глагол» в тех или иных статьях — некоторая дальнейшая детализация значений оказалась необходимой из тех же соображений экономии времени и труда нашего читателя. Для примера сошлюсь на гнездовую статью 出, в которой глагольные значения составляют в Словаре 34 (!) рубрики. Эти рубрики надлежало сгруппировать таким образом, чтобы читатель мог обратиться лишь к той или иной части этих глагольных значений.

Сначала мы предполагали остановиться на пометах «переходный» и «непереходный» как на наиболее обычных пометах, предлагаемых в современных лексикографических работах в помощь переводчику с одного языка на другой.

Опыт нашей работы, однако, показал, что для глаголов в китайском языке такое деление оказывается малоудовлетворительным. В самом деле: любой глагол, являющийся непереходным или косвенно-переходным в языке перевода, едва ли не всегда оказывается в китайском языке (особенно в литературном) переходным, если он употребляется в побудительном значении. Ср., например, 出 в значениях: а) 'выходить' и (出之) 'заставить его выйти, выгнать, сослать' и б) 'появиться' и 'заставить появиться, производить, родить' и т. д. Тем самым один и тот же глагол оказывается переходным в одном контексте и непереходным — в другом. Этого, однако, мало: один и тот же глагол во внешне совершенно одинаковом глагольно-объектном построении способен различно управлять дополнением, — очевидно, в зависимости от смысловой связи действия с объектом. Сравним, например, словосочетания 出京 в значении 'выехать из столицы' или 陷井 'упасть в колодец' и 出鐵 'производить железо' или 陷城 'взять город', — где в первой паре глаголы 出 и 陷 выступают в косвенно-переходном, а во втором в побудительно-переходном значении.

Различный характер управления в обоих случаях ясно заметен, ибо первая пара допускает постановку предлога (например, 於) между частями словосочетания, в то время как вторая этого не допускает. Очевидно, *Большой словарь* должен предусматривать побудительно-переходные значения таких глаголов.

С другой стороны, глаголы активного действия, переводимые на русский язык переходными глаголами, не менее легко употребляются вовсе без дополнений в возвратно-переходном значении или с дополнениями инструментального типа в значении, например, взаимно-переходном (я сознательно здесь избегаю термина «пассив»). Даже в живой современной речи мы находим построения вроде 兒子打了, 爻親就走了, 'когда сын был побит, отец ушел', 打棍子 'драться на палках', 打麻將 'играть в мацзян'. Очевидно, *Большой словарь* должен указать и параллельные «непереходные» значения этих, казалось бы, «переходных» глаголов. Между тем глаголы этой группы по характеру управления явно отличимы от глаголов предшествующей группы: они не имеют параллельной системы побудительных значений, а введение между ними и объектом предлога 於 совершенно меняет значение предложения, указывая на пассивный строй последнего. Интересно также, что в современном словообразовании значительная часть морфем этого рода в соединении со словообразовательным суффиксом 子 образует многочисленные названия орудий действия: 鋸子 'пила', 刷子 'щетка' и т. д., чего в отношении глаголов первой группы не замечается.

Таким образом, для нас проблема заключается в выяснений и фиксации для китайских глаголов тех или иных рядов параллельных значений, связанных с неодинаковой способностью управления у того или иного глагола. Этот вопрос выходит за рамки лексикографии как одной из дисциплин прикладной лингвистики и принадлежит уже к одной из наиболее сложных областей теоретического языкознания: здесь приходится выяснять и фиксировать внутренние формы глагола в китайском языке и группировать значения в зависимости от системы этих внутренних форм, их своеобразной «парадигмы».

В заключение позволю себе на примере двух конкретных разработок проиллюстрировать сказанное выше (указана лишь основная система внутренних форм глагола):

а

出 без объекта или перед предлогом	Косвенный объект (место)	Прямой объект (побудительное значение)
1) выходить, уходить, удаляться; 啓門而出 отворил дверь и вышел;	1) выходить из; покинуть: 出窩 покинуть гнездо, уйти из дома;	1) вывести; развестись с; 出齊女 развестись с принцессой Ци;
2) появляться; выходить наружу; 日出 солнце взошло; 痘出 сыпь появилась;	2) появиться в, выйти на; 出山 «появиться на горе», — выйти на официальный пост;	2) выпятить, сделать выпуклым; 出胸 выпятить грудь;
3) происходить, производиться; 出自閩粵 происходить из Фуцзяни и Гуандуна и т. д.	3) выдать из, отпустить из; 出庫 выдать из кладовых и т. д.	3) произвести, родить; 出茶 производить чай.

б

塗 без объекта или перед предлогом	Косвенный объект (орудие)	Прямой объект (активное значение)
1) быть оштукатуренным (обмазанным); 牆塗 [而... (以...)] стена оштукатурена;	1) обмазать, оштукатурить; 塗泥 обмазать глиной;	1) обмазать глиной, оштукатурить; зашпаклевать; 塗牆 оштукатурить стену;
2) быть покрашенным, загримированным; 面塗 [而... (以...)] лицо было загримировано;	2) покрасить, загримировать; 塗朱 покрасить красной краской;	2) выкрасить, загримировать; 塗面 нагримировать лицо;
3) быть запачканным, очерненным: 名塗 репутация испорчена	3) вымазать, запачкать; 塗墨 зачернить, вымазать тушью.	3) замазать, зачернить; замарать, очернить; 塗吾身 очернить мою репутацию

Конечно, эти разработки ни в какой мере не являются исчерпывающими: внутренние парадигмы китайских глаголов на деле гораздо более разнообразны.

Мы надеемся, что работа над *Большим китайско-русским словарем* позволит нам составить относительно полные таблицы своеобразных «пород» китайских глаголов по различным типам управления, чем и внести

некоторые уточнения в вопрос о классификации китайских глаголов по частным лексико-грамматическим категориям.

По докладу был задан ряд вопросов; выступили У. Саймон, П. ван дер Лун.

В. М. СОЛНЦЕВ (Москва): О СООТНОШЕНИИ СЛОВА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Слово, употребленное в предложении, выступает в качестве так называемого члена предложения. Роль слова как члена предложения (грамматическая функция слова) определяется его синтаксическими связями, или, говоря иначе, теми грамматическими отношениями, в которое оно вступает с другими словами. Принято считать, что чем более морфологически осложнено отдельное слово, тем явственнее его отношение к другим словам, и роль в предложении указывается его «собственными ресурсами». Наоборот, «чем проще обставлено» слово морфологически, тем меньше оно способно самостоятельно выявлять свои связи с другими словами и свою роль в предложении.

Слово в китайском языке может обладать достаточно сложной морфологической структурой и выступать в предложении в разных формах, однако в нем, в отличие, например, от слов в русском или латинском языках, никогда не выражается отношение к другим словам. Поэтому, независимо от степени морфологической осложненности отдельного слова, в китайском языке для выражения отношения слова к другому слову и тем самым выявления его грамматической функции всегда требуется наличие минимально двух слов, а также определенное расположение их относительно друг друга.

Между двумя словами в зависимости от их расположения могут возникнуть разные связи. Изменение характера связей влечет за собой изменение функций каждого из слов. Например, расположение слов *лэн* 'холодный' и *шитоу* 'камень' в последовательности *лэн шитоу* устанавливает между ними атрибутивную связь ('холодный камень'). При этом первое слово является определением, второе — определяемым. При расположении этих слов в иной последовательности: *шитоу лэн* 'камень холодный' (Ван Ли) — реализуется предикативная связь. Соответственно меняются и грамматические функции слов. Слово *лэн* 'холодный' во втором случае выполняет уже функцию не определения, а сказуемого. Определенная последовательность в расположении слов — порядок слов — является в китайском языке формальным средством установления синтаксических связей и выявления грамматической роли слова как члена предложения или члена словосочетания. Тем самым порядок слов в китайском языке выступает как средство связывания слов в более крупные единства — словосочетание и предложение.

В таком своем качестве порядок слов представляется многим исследователям китайского языка как некое всеобъемлющее и универсальное средство связи слов и выявления их функций. Принцип, сформулированный в начале XIX в. одним из первых европейских исследователей китайского языка—Дж. Маршманом, что «вся китайская грамматика покоится на позиции» [1], фактически лежит в основе многих работ по китайскому синтаксису.

Конкретное проявление абсолютизации роли порядка слов состоит, в частности, в том, что во многих работах порядку слов приписывается способность менять грамматическую значимость слов как частей речи и соответственно придавать им значение других частей речи. Последнее обусловлено пониманием китайского слова как некоей аморфной единицы, лишенной, когда она берется изолированно, грамматической значимости, — чем-то вроде «чистой семантемы» [2].

Вопрос тем самым ставится так: не грамматическая значимость слова определяет его синтаксическое использование (его связи с другими словами и его функцию), а, наоборот, синтаксическое использование слова определяет его грамматическую значимость как части речи. Эта точка зрения получила отражение в некоторых общелингвистических работах [3].

Другое проявление абсолютизации роли порядка слов заключается в признании того, что всякое изменение позиции слова относительно других слов ведет к изменению его связей с другими словами и его функции в словосочетании или предложении.

Исследования в области слова, проводившиеся за последние годы, привели к доказательству наличия в китайском языке частей речи [4], то есть того факта, что в китайском языке существуют классы слов, которые объективно, сами по себе обладают грамматической значимостью, проявляющейся в их строго определенных грамматических свойствах. Поскольку же в современном языке слово само по себе, так сказать, до акта речи, обладает грамматической значимостью, постольку считать, что позиция наделяет слово той или иной грамматической значимостью, неправомерно. Синтаксическое использование слова (его позиция) в некоторых случаях, правда, может быть средством «опредмечивания» глагольного слова или «оглаголивания» именного слова. Так, в предложении *та цзю дундэ игэ чи. . .* 'Он понимает одно — поесть. . .' [5] глагол *чи* 'есть, кушать' употреблен как обычное существительное (занимает позицию дополнения, сочетается с числительным *игэ* 'один'). Поскольку *чи* в других случаях ведет себя как типичный глагол, можно, казалось бы, заключить, что слово *чи* само по себе не есть ни то ни другое (не имеет закрепленной грамматической значимости) и приобретает значимость существительного или глагола лишь в зависимости от своего местоположения относительно других слов [6]. Это, однако, не так. Свободно занимая любую позицию и употребляясь в любой конструкции, свойственной глаголам, *чи* в то же время не может выступать в любых именных конструкциях. Именно грамматическая значимость *чи* как глагола позволяет ему выступать в любой глагольной конструкции и не дает ему возможности употребляться в совокупности «именных конструкций». Употребление *чи* в приведенном примере — факт опредмечивания его в данном конкретном словоупотреблении. «Глагольность» *чи* есть факт языка, определяющий основное поведение этого слова в речи, «предметность» же его есть факт конкретного употребления, что подтверждается невозможностью использовать это слово в других именных конструкциях. Случаи явно временного — для данного контекста — «опредмечивания» (или, наоборот, «оглаголивания») слов подтверждают объективную отнесенность слов в системе китайского языка к определенным частям речи и лишний раз свидетельствуют о том, что грамматическая значимость является внутренним свойством слов [7], определяющим их основное синтаксическое использование.

Если бы китайские слова в равной мере обладали способностью употребляться, например, и как глаголы и как имена, то в таком случае

было бы невозможно говорить о наличии у слов закрепленных грамматических свойств, определяющих их синтаксическое поведение. Пришлось бы признать, что их использование в речи — их местоположение — действительно придает им ту или иную грамматическую значимость как частей речи.

Некоторое количество слов (в общем запасе слов их сравнительно немного) могут регулярно употребляться и как имена, и как глаголы (ср. *цзюй мутоу* 'пилить дрова' и *и ба цзюй* 'одна пила'). Именно такие слова обычно служат фактической основой рассуждений о способности порядка слов менять грамматическую значимость слов. С точки зрения автора настоящего доклада, подобные слова следует рассматривать как грамматически разные слова — омонимы, отнесенные к разным частям речи [8]. Но если даже считать, что эти слова не отнесены к разным частям речи и лишены определенной грамматической значимости, то все равно ограниченность их количества во всей массе слов языка не может изменить общей картины.

В свете современных знаний о природе китайского слова можно утверждать, что не позиция слова (порядок слов), не его синтаксическое использование придают слову ту или иную грамматическую значимость, но, наоборот, грамматическая значимость слов как частей речи в конечном счете определяет и его возможные позиции и его синтаксическое использование. Так, грамматические свойства глагола обусловливают возможность его употребления в совокупности «глагольных конструкций», обусловливают его специфическую сочетаемость со служебными словами и другими частями речи и т. п.

Рассмотрим теперь вопрос о том, действительно ли всякое изменение позиции слова в предложении ведет к изменению его функции как члена предложения. Многие авторы современных исследований по китайскому языку фактически допускают возможность перестановок слов с сохранением их функций как членов предложения [9]. Тем не менее признание порядка слов абсолютно твердым — неким всеобъемлющим средством связывания слов в словосочетания и предложения — до сих пор имеет хождение. Разное понимание роли порядка слов ведет к принципиально различному членению и анализу предложений и к установлению различного соотношения слова и предложения.

Поскольку, как уже говорилось, роль слова как члена предложения определяется его связями с другими словами, следует кратко рассмотреть, какие факторы наряду с порядком расположения слов влияют на установление связей между словами в китайском языке.

В качестве первого фактора, влияющего на установление связей между словами, очевидно, следует указать грамматическую значимость (категориальную отнесенность) слов.

Два непосредственно соположенных знаменательных слова (назовем их *X* и *Y*) в зависимости от своей категориальной принадлежности могут в рамках одной и той же последовательности *XY* вступать в следующие типовые отношения: предикативные (подлежащее—сказуемое, ПС), глагольно-объектные (сказуемое—дополнение, СД), атрибутивные, обстоятельственные, результативные, а также сочинительные, или копулятивные.

Сказанное можно пояснить простым примером. Если в последовательность *XY* подставить реальные слова, например прилагательное и существительное: *хао пиньго* 'хорошее яблоко' — то образуется атрибутивное словосочетание. Расположение в той же последовательности

глагола и существительного, например *чи* 'кушать' и *жоу* 'мясо', не дает атрибутивного словосочетания; образуется глагольно-объектное словосочетание *чи жоу* 'кушать мясо'. Если в сочетаниях *хао пиньго* и *чи жоу* поменять местами первые компоненты, то соответственно получится: *чи пиньго* 'кушать яблоко' и *хао жоу* 'хорошее мясо'. Изменяется не только смысл этих сочетаний, но и тип связи между компонентами. Прилагательное *хао* и в отношении *пиньго*, и в отношении *жоу* ведет себя одинаково — вступает с ними в атрибутивное отношение. Глагол *чи* также ведет себя одинаково в отношении этих существительных — устанавливает с ними глагольно-объектную связь.

Из этого следует, что различие в типе связи между словами в пределах одной и той же последовательности определяется категориальной отнесенностью слов. В пользу того, что для установления грамматически разных типов связи важно грамматическое значение (значение слова как части речи), а не лексическое значение, говорит и то, что семантика глагола *чи* в принципе не препятствует его использованию как определения к любому из приведенных существительных. Однако в этом случае простого соположения уже недостаточно (оно дает связь С—Д), требуется введение служебного слова *ды*, которое не позволяет реализоваться связи С—Д и устанавливает атрибутивное отношение: *чи ды жоу* 'мясо, которое едят', *чи ды пиньго* 'яблоко, которое едят'.

Каждый тип связи, могущий возникнуть в последовательности *XY*, требует подборки слов определенных категорий. Например, связь П—С не устанавливается при непосредственном соположении категориально одинаковых слов, или, говоря иначе, слов одинаковой грамматической значимости. Между словами *гунжэнь* 'рабочий' и *фуцинь* 'отец', точно так же, как *хао* 'хороший' и *лао* 'старый', *цунмин* 'умный' и *ганьцзин* 'чистый', *цзоу* 'идти' и *лай* 'приходить' и т. д., при соположении связи П—С, как правило, не образуется. В то же время сочетание существительного или местоимения с глаголом или прилагательным дает эту связь: *фуцинь лай* 'отец придет', *та цунмин* 'он умный' и т. д. То, что именно грамматические, а не лексические значения слов мешают установлению связи П—С при категориально однородных словах, подтверждается возможностью установить эту связь между теми же словами с помощью введения служебного слова — связки *ши*: *фуцинь ши гунжэнь* 'отец (есть) рабочий'.

Не допуская установления предикативной связи, категориально однородные слова могут вступать в иные грамматические отношения. В частности, обязательным условием образования сочинительной связи является наличие категориально однородных слов, например: *ай гио ай сяо* (Ба Цзинь) 'любит говорить (и) любит смеяться'.

Грамматические свойства слов играют определяющую роль и при установлении любых других типов связи. Например, атрибутивная связь при непосредственном соположении может быть установлена при наличии: а) прилагательного и существительного, б) двух существительных, в) местоимения и существительного.

Для образования результативной связи требуется наличие двух глаголов или глагола и прилагательного и т. д. Все это лишний раз говорит о том, что не структура словосочетания и расположение слов наделяют слова грамматической значимостью, а, наоборот, грамматические свойства слов наполняют последовательность слов определенным содержанием и дают нам то, что мы называем предикативными, атрибутивными, результативными и прочими связями.

Итак, важнейшее условие установления тех или иных грамматических связей между словами — их категориальная отнесенность. При наличии этого определяющего условия в конкретном словоупотреблении для реализации потенциально возможной синтаксической связи требуется определенная смысловая подборка слов. Так, обязательным условием образования результативной связи является, как говорилось выше, наличие двух глаголов или глагола и прилагательного. При наличии этого грамматического условия требуется такая смысловая подборка слов, при которой второй компонент (глагол или прилагательное) может выражать конкретный результат действия, обозначенного первым глаголом. Например, сочетание *сяо* 'смеяться' и *шо* 'говорить' не образует результативной связи, а *сяо* 'смеяться' и *сы* 'умирать' образует — *сяо сыла* 'умер со смеху'.

Наличие категориально однородных слов, как уже отмечалось выше, есть условие образования, в частности, сочинительной связи. Однако в зависимости от смысловой подборки слов два категориально однородных слова, например глаголы, могут дать результативную связь, а два существительных — атрибутивную, например: *мутоу чжоцзы* 'деревянный стол'. Какие бы синтаксические конструкции мы ни брали, всякий раз мы сталкиваемся с необходимостью иметь грамматическое условие образования конструкции (слова определенной категории) и дополнительный фактор — смысловую подборку слов. Ясность того или иного синтаксического отношения слов в китайском языке во многом зависит от смысловой подборки слов в рамках иногда одинаковых грамматических условий, определяющих существование той или иной конструкции [10]. Необходимость в смысловой подборке слов для реализации грамматически возможной связи в китайском языке можно определить как дополнительное условие связывания слов в «более крупные единства».

Рассмотренные выше факторы (основной — грамматический и дополнительный — семантический) сами реализуются лишь при определенном условии, а именно: когда между сочетающимися словами не стоит никакого третьего элемента, который нарушал бы двустороннюю зависимость сочетающихся слов. Так, наличие служебного слова *ды* между глаголом и существительным [11] не дает реализоваться глагольно-объектной связи: *чи ды жоу* 'мясо, которое едят' (но не 'есть мясо'). Далее, постановка между прилагательным и существительным, находящимися в атрибутивной связи, еще одного имени нарушает существующую связь, так как новое слово само стремится вступить в связь с прилагательными. Например, как утверждает китайский лингвист Ху Чжу-ань [12], фраза *чжоцзы-шан фанчжо сюйдо пэнъю сунлай ды лиу*, букв. 'на стол лежать многие друзья присылать подарки' может иметь два смысла: прилагательное *сюйдо* 'многие' можно отнести и к слову *пэнъю* 'друзья' и к слову *лиу* 'подарки'. Соответственно получается 'многими друзьями присланные подарки', либо же: 'много подарков, присланных друзьями'. Чтобы избежать этого и передать, например, значение 'много подарков. . .', слово *сюйдо* надо поставить непосредственно перед существительным *лиу*. С таким же положением мы сталкиваемся и при рассмотрении всех других синтаксических связей. Разбираемое условие можно назвать принципом непосредственного соположения, или принципом контактности. Контактность не предполагает, что между сочетающимися словами не может стоять никаких слов вообще. Контактность требует лишь сохранения двусторонней зависимости слов. Поэтому синтаксическая связь не нарушается, если между словами стоят элементы, подчиненные одному из со-

четающихся слов, например определение при имени в глагольно-объектном словосочетании: *чи хао жоу* 'кушать хорошее мясо' и т. п.

Далее, рассматривая факторы, влияющие на установление синтаксической связи между словами, следует указать интонацию, с которой связано ритмическое членение предложения. Интонация присуща всякому содержательному сочетанию слов. В устной речи интонация позволяет связывать слова иногда вопреки правилам письменного языка. Так, в приведенном примере *сюйдо пэнъю сунлай ды лиу* за счет интонации, как утверждает Ху Чжу-ань [13], можно ликвидировать двойной смысл. При этом каждое из значений 'многие друзья' и 'много подарков' потребует своей интонации. Далее, благодаря интонации в устной речи возможно поместить дополнение без помощи служебных слов в позицию между П—С, что, вообще говоря, «противоречит» грамматическому правилу. Например: *Лао данян! Ни вань хай мэйю цзегэй во ни!* 'Матушка! Ты чашку еще не дала мне!' (Юн Цзюнь-вань). Это, правда, редкое явление. Его можно встретить в основном лишь в аффективной речи и — что важно отметить — в тех случаях, когда семантика дополнения не позволяет ему стать производителем действия — подлежащим. Интонация часто является причиной различных «исключений» и «отклонений» от правил.

Остановимся теперь на таком факторе установления связей между знаменательными словами, как служебные слова. Их роль сводится, говоря кратко, к следующему:

а) служебные слова дают возможность установить синтаксическую связь между словами, которые в силу своего категориального значения при прямом соположении не вступают в требуемую связь. Такова роль связки *ши* при связывании в предикативное отношение категориально однородных слов, такова же роль *ды* при связывании глагола и имени в атрибутивную связь. Аналогична роль предлогов и послелогов, которые в современном языке дают возможность существительному функционировать в роли обстоятельства, и т. п.;

б) служебные слова позволяют сохранять двустороннюю зависимость (связь) между словами в тех случаях, когда нарушается контактность расположения слов. Например, если без помощи служебных слов прямое или косвенное дополнение не может, как правило, занимать позицию между подлежащим и сказуемым, не нарушая контактной связи между ними, то при помощи различных предлогов (*ба* — для прямого дополнения, *хэ*, *юн*, *гэнь*, *гэй* и т. п. — для косвенного) дополнение, выраженное существительным или местоимением, может оказаться в этой позиции, например: *Цинь ган ба тоу фа-шан ды шуй моцюйла. . .* 'Цинь только что вытерла воду на волосах. . .' (Ба Цзинь); *Та жан Цинь хэ Цзюе Минь шо хуа* 'Она дала возможность Цинь разговаривать с Цзюе Минем' (Ба Цзинь) и т. д. [14].

Таковы основные факторы, влияющие на установление синтаксических связей между словами в китайском языке. В речи эти факторы взаимодействуют и дают весьма сложную картину, в которой отражается соотношение слова и предложения в китайском языке. Действие порядка слов в этом языке осложнено множеством факторов, из которых основным является грамматическая значимость слов. Именно в силу этого китайский язык допускает известные перестановки слов с сохранением присущей им грамматической роли на основе сохранения словом в разных позициях прежних грамматических связей, или, говоря иначе, допускает тождественность членов предложения в разных позициях. Именно в силу этого в некоторых случаях характер возникающих между словами связей

оказывается безразличным к порядку следования слов. В этом случае оказываются возможными перестановки слов одно относительно другого с сохранением тех же связей, а следовательно, и функций. Например, непереходный глагол, как и переходный, с предшествующим существительным образует предикативную связь П—С: *Кэжэнь лайла* 'Гости пришли'. В силу непереходности глагола *лай* 'приходить' при постановке существительного *кэжэнь* 'гости' после него не образуется глагольно-объектной связи. Слово *кэжэнь* по-прежнему находится в той же связи с глаголом *лай*, что и раньше, например: *ши-бу-ши лайла кэжэнь* (Ба Цзинь) 'Что, пришли гости?' Поэтому при наличии непереходного глагола наряду со схемой связи П—С возможна также связь С—П. В силу этого подлежащее при определенных условиях может оказаться в конце предложения и даже между двумя равноправными сказуемыми, одно из которых обязательно должно быть выражено непереходным глаголом, например: *иба ицзы шанбянь цзочжо гэ хэй дахань таньчжо саньсянь* 'На стуле сидел черный верзила (и) играл на струнном инструменте' (Лу Синь).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] J. Marshman, *Elements of Chinese Grammar*, Serampore, 1814, p. VIII.

[2] Такова точка зрения, в частности, так называемой традиционной синологии, считавшей китайский язык аморфным. См., например, работы Дж. Маршмана, А. Ремюза, Н. Я. Бичурина, С. Жульена, Ма Цзянь-чжуна и др.

[3] См., например, работы Э. Сэпира, а также И. И. Мещанинова.

[4] См., например, работы Люй Шу-сяна, Ван Ли, А. А. Драгунова, Н. И. Конрада, Я. Хмелевского и др.

[5] Пример заимствован из работы проф. Гао Мин-кая, *О грамматических категориях в китайском языке* («Сборник статей по грамматике», т. II, Пекин, 1957 г.).

[6] Такова точка зрения, в частности, проф. Гао Мин-кая; см. там же.

[7] Здесь и ниже речь идет, разумеется, о современном состоянии китайского языка, а не о становлении в нем частей речи.

[8] См.: В. М. Солнцев, *Проблемы слова и корня в китайском языке*, канд. дисс., М., 1953 (машинопись); *Проблема частей речи в китайском языке*, «Вопросы языкознания», 1956, № 5.

[9] См., например, С. Е. Яхонтов, *Члены предложения в китайском языке*, — Сб. «Вопросы корейского и китайского языкознания», Изд. ЛГУ, 1958.

[10] Семантическая подборка слов имеет отношение к реализации грамматически возможных связей во всех языках. Однако не во всех языках это столь явственно ощущается, как в китайском. Например, в русском языке наличие падежей и форм глаголов, различающих связи и функции слов, делают более скрытыми взаимодействие семантических и грамматических моментов. Тем не менее и в русском языке, как неоднократно отмечали акад. А. А. Шахматов и акад. В. В. Виноградов, различие и ясность осознания некоторых синтаксических конструкций держится на различной семантической подборке слов. Ср. 'братья переписываются' (возврат. залог) и 'письма переписываются' (страдат. залог); 'ребенок причесывается няней' (страд. залог) и 'ребенок причесывается гребенкой' (возврат. залог).

[11] Мы не касаемся здесь модально-временной функции *ды*. Например, *вомынь цзай хочжань фэнь ды шоу* (из пьесы) 'мы расстались на станции' (букв. «отделить-*ды*-руки»).

[12] Ху Чжу-ань, *Следить за порядком слов*, — «Юйвэнь сюеси», № 1, 1960.

[13] См. «Юйвэнь сюеси», № 1, 1960, стр. 29.

[14] Роль служебных слов в китайском языке не ограничивается указанной областью. Здесь речь идет лишь о роли служебных слов для установления синтаксических связей между словами и выявления их синтаксических функций.

Присутствующие задали докладчику ряд вопросов.

Г. П. СЕРДЮЧЕНКО (*Москва*): ОБЗОР ЯЗЫКОВ ЧЖУАН-ТАЙСКОЙ ГРУППЫ В КНР

I

В годы после образования Китайской Народной Республики значительно усилилось изучение языков национальных меньшинств Китая, в результате чего появилась возможность уточнить классификацию и взаимоотношение этих языков, а также их диалектный состав [1].

Исследование языков Южного Китая, к которым относятся и чжуан-тайские языки, особенно интенсивно проходило в последние пять-шесть лет, когда, согласно указанию руководящих организаций КНР, решался вопрос о создании новых и о реформе ранее существовавших письменностей у многочисленных народов Китая [2].

Задача настоящего доклада — дать общий обзор языков и письменностей чжуан-тайской группы. В ее состав на территории КНР входят: а) собственно чжуан-тайские языки (*чжуан*, *буи*, *тай-сишуанбаньна*, *тай-дэхун*); б) дун-шуйские языки (*дун*, *шуй*); в) язык *ли*, распространенный в основном на острове. Хайнань.

Все языки чжуан-тайской группы характеризуются очень большой диалектной дробностью. По своему словарю, а также основным фонетическим и грамматическим признакам они наиболее близки китайскому языку.

Как и в китайском языке, слог в рассматриваемых нами языках является не только фонетической, но и важнейшей словарно-морфологической единицей. Структура слога подчинена строгим фонетическим закономерностям. Входящие в слог отдельные согласные и гласные могут сочетаться в нем лишь в определенной последовательности, отражающей фонетические особенности данных языков. Все языки чжуан-тайской группы характеризуются наличием тонов, количество и качество которых варьируется по языкам.

В течение столетий народы чжуан-тайской группы имели постоянные и разнообразные политические и хозяйственно-культурные связи с ханьцами (китайцами). В результате этого в их словаре, помимо исконного чжуан-тайского фонда, мы находим многочисленные словарные заимствования из различных китайских диалектов. Фонетически оформившись в соответствии с нормами заимствующих языков, эта китайская лексика органически вошла в словарь чжуан-тайских языков и в настоящее время трудно отличима от их первоначального словарного фонда. Приток словарных заимствований из китайского в чжуан-тайские языки, особенно в области терминологии, продолжается и в последнее десятилетие.

Основным способом словообразования в языках чжуан-тайской группы, как и в китайском, является слово-(корне-)сложение. Значительно меньшую роль играет в них аффиксация, хотя во всех языках имеется известное количество суффиксов и префиксов. Словообразование может происходить и путем редупликации корней, а также отдельных суффиксов.

Грамматика в языках данной группы по существу едина. Морфология частей речи мало чем отличается от морфологии китайского языка. Значительна роль слов-классификаторов.

В качестве основных синтаксических средств для выражения отношений между словами чжуан-тайские языки используют порядок слов,

сравнительно немногочисленные служебные слова и ритмомелодику, интонацию речи.

Под влиянием синтаксиса китайской речи все чаще наряду с типичной для языков чжуан-тайской группы постановкой определения после определяемого начинают употребляться обороты с определением перед определяемым, что является ведущей закономерностью китайского синтаксиса.

Количество сочинительных союзов в языках незначительно. Поэтому в них преобладает бессоюзное соединение однородных членов предложения и бессоюзный способ сочетания простых предложений. Некоторые языки, например чжуанский, заимствуют из китайского языка отдельные подчинительные слова (*эпvіь* — 'потому что', *soyi* — 'поэтому' и др.), в результате чего обогащаются синтактико-стилистические возможности этих языков и создаются сложноподчинительные конструкции, в первую очередь—причинные, условные и уступительные.

Но несмотря на общее типологическое сходство языков чжуан-тайской группы, каждый из них имеет свои особенности, главным образом в области словаря и фонетики.

II

На чжуанском языке говорят чжуанцы (*чжуанцзу*) — народность, наиболее крупная из национальных меньшинств Китая. По переписи 1953 г., их насчитывалось более 6611 тыс. человек. Основная масса чжуанцев живет в западной части Гуанси-Чжуанского автономного района. К чжуанцам в настоящее время относятся также *нун* и *ша*, живущие в восточной части провинции Юньнань, а также *мяонань* из уезда Гуаньцзянь Гуанси-Чжуанского автономного района. По переписи 1953 г., *нун* насчитывалось более 196 тыс. человек, *ша* — более 112 тыс. человек, а *маонань* — около 15 тыс. человек. Таким образом, всего чжуанцев в КНР около семи миллионов.

Помимо официального и наиболее известного среди чжуанского населения обозначения «чжуан, чжуанцзу», в различных местах чжуанских поселений можно встретить ряд других наименований: *бучжуан*, *буи*, *буту*, *буляо*, *бунун* и др. В китайских летописях, относящихся к периоду Юаньской династии, чжуанцы именовались «*чуан*», а также общим с другими национальными меньшинствами словом «*мань*».

Кроме самих чжуанцев, на их языке говорят представители других двуязычных народностей, живущих в окружении чжуанцев — *яо*, *мяо*, *и*.

Чжуанский язык представлен двумя основными диалектами [3] — северным и южным. Северный чжуанский диалект, на котором говорят, по-видимому, более 4 млн. человек, распространен к северу от рек Юнцзян и Юцзян. К югу от тех же рек говорят на южном диалекте (по ориентировочным данным, несколько больше 2,5 млн. чжуанцев). Основное различие между северным и южным диалектами чжуанского языка заключается в фонетике.

В северном диалекте совсем нет придыхательных. Смычные губные и зубные (b—p, d—t) противопоставляются здесь не по придыхательности и непридыхательности, как в китайском языке, а по звонкости — глухости. В южном диалекте губные и зубные смычные имеют трехстепенное деление (b—ph—p, d—th—t) — на звонкие, глухие придыхательные и глухие непридыхательные. Помимо придыхательных губных и зубных, в говорах южного диалекта можно встретить и другие придыхательные, например kh,

tsh, tçh, придыхательные палатализованные и лабиализованные — phj, khj, khw и т. д. Существенны и словарные различия, объясняемые иногда различием корней, а иногда фонетическими особенностями диалектов. Грамматика диалектов по существу едина.

Северный диалект включает в себя шесть основных говоров: *гуйбэй*, *люцзян*, *лайбинь*, *жунбэй* (иначе — центральный), *тяньдун* (иначе — *байсэ*) и *ша*. В составе южного диалекта четыре основных говора: *жуннань*, *лунцзинь*, *цзинси* и *нун*.

Различия между отдельными говорами также сводятся прежде всего к фонетике и отчасти к словарю; различен состав палатализованных, лабиализованных, придыхательных и некоторых других согласных, долгих и кратких гласных, тонов, неодинаково общее количество начальных согласных, слоговых окончаний и т. д. Расхождения в словаре объясняются рядом причин: различным количеством словарных заимствований из других языков, заимствованием слов из разных диалектов китайского языка, подчинением заимствований фонетическим особенностям данного диалекта, говора и т. д.

До последнего времени чжуанцы фактически являлись бесписьменной народностью. Попытки создать для них письмо с использованием иероглифов были, но широкого распространения среди населения не получили.

В настоящее время на основе северного диалекта для чжуанцев впервые создана массовая письменность. Литературное произношение установлено на фонетической базе центрального говора (*жунбэй*) с ориентировкой прежде всего на произношение города Умина, в течение уже многих лет являющегося культурным центром чжуанцев.

Фонетика уминского говора довольно проста и легко усваивается как представителями северного, так и представителями южного диалекта. Новая письменность для чжуанцев создана в 1955—1956 гг. на основе латинской графики и в значительной части унифицирована с китайским фонетическим алфавитом, утвержденным в 1958 г.

В чжуанский алфавит для передачи специфических чжуанских фонем, отсутствующих в китайском, и для обозначения тонов, начиная со второго, внесены дополнительные знаки.

III

На языке *буи* говорит народность *буи*, живущая на юге центральной и юго-западной части провинции Гуйчжоу, а также в северо-западной части провинции Гуандун. Обозначение «*буи*» является названием, общим для данной народности, но в зависимости от диалектных особенностей речи в различных местах расселения *буи* оно звучит неодинаково.

Во многих поселениях *буи* можно услышать и старые наименования народности и ее подразделений: *чжунцзя*, *и*, *шуйху*, *лаоху*, *сайшан*, *туцзя* и некоторые другие.

Язык *буи* включает в себя три основных говора: *ванмо*, *гуйчжу* и *чжэньнин*.

По звуковому составу говоры *ванмо* и *гуйчжу* ближе друг к другу, чем к говору *чжэньнин*. Только в последнем говоре имеются придыхательные (ph, th, tsh, tçh, kh), значительное количество аффрикат (ts, tsh, dz, tç, tçh); в составе гласных нет долгих, кроме 'a', в силу чего и количество слоговых окончаний в говоре *чжэньнин* значительно меньше (50), чем в говорах *ванмо* (86) и *гуйчжу* (84). В словарном отношении говоры

гуйчжу и *ванмо* также теснее связаны между собой, чем каждый из них с говором *чжэньнин*.

В силу этого говоры *буи* можно объединить в два диалекта — *ванмо-гуйчжу* и *чжэньнин*. На диалекте *ванмо-гуйчжу* говорит около 1 млн. человек, а на диалекте *чжэньнин* — примерно 250 тыс. человек. Наиболее важным в языке *буи* является говор *гуйчжу* (более 430 тыс. человек), распространенный в уездах, находящихся на линии шоссе невдалеке от г. Гуйяна — административно-политического и культурно-экономического центра провинции Гуйчжоу.

Говор *гуйчжу* и взят в качестве основы единой письменности и литературного произношения всех *буи*. Фонетически он близок к литературному произношению чжуанцев. По словарному составу он несколько отличается от чжуанского и имеет много заимствований из лексики ближайших к нему китайских диалектов.

Для говора *ванмо* специфичны многочисленные лабиализованные согласные, не типичные для литературного чжуанского произношения. Словарь говора *ванмо* ближе к современному чжуанскому словарю, чем словарь говора *гуйчжу*. Но в словаре *гуйчжу* благодаря значительным заимствованиям из китайского языка больше синонимов.

Близость диалектных основ письменности и устанавливающейся литературной речи языков *чжуан* и *буи* делает возможным в дальнейшем максимально сблизить и унифицировать не только письменность, но и литературные языки этих ближайше родственных народностей.

IV

На языках *тай* (*дай*) говорит в КНР народность *тай*, общая численность которой, по переписи 1953 г., составляет около 479 тыс. человек. Тайское население Китая живет в основном в южной и западной частях провинции Юньнань.

Общераспространенное название *тай* в КНР — tăi («*тай*» с *т* непридыхательным). Как известно, это же наименование принято и у некоторой части тайского населения Бирмы, Вьетнама и Таиланда. Основная масса тай в Таиланде и Лаосе именуется thăi («*т*^{ъ}*ай*» с *т* придыхательным). Вопреки имеющимся в литературе суждениям такое произношение можно слышать и у некоторых групп тайского населения в Китае, например в автономном округе Сишуанбаньна.

Конечно, фонетическое различие в названиях «*тай*» и «*тхай*» не вызвано какими-то особыми социальными и этническими факторами. Наличие *т* непридыхательного у китайских, бирманских, вьетнамских и некоторых других *тай* объясняется, по-видимому, тем, что большинство из них, утратив существовавшие когда-то в их речи звонкие звуки, заменило их соответствующими глухими непридыхательными. Что же касается таиландских, лаосских и части китайских *тай*, то они на месте звонких согласных стали употреблять соответствующие глухие придыхательные согласные. При этом следует отметить, что звонкие b, d до сих пор сохраняются в языке тайского населения автономного округа Сишуанбаньна. Поэтому безоговорочное утверждение о потере к настоящему времени всеми тайскими языками и диалектами звонких взрывных не соответствует реальному положению вещей.

Рядом с общим этническим наименованием у китайских тай можно встретить параллельно употребляемые ими местные названия: *тайлэ*

(автономный округ Сишуанбаньна, уезд Цзиньпин), *тайна* (автономный округ Дэхун, уезды Гэнма, Цзингу), *тайбэн* (Сишуанбаньна), *тайсай* (уезды Синьпин, Юаньцзян) и др.

Язык *тай* в КНР делится на два основных диалекта, которые можно рассматривать и как самостоятельные языки: *тайлэ* и *тайна*. Различие в наименовании этих диалектов отражает одну из их существенных фонетических особенностей. В диалекте *тайна* нет противопоставляемых друг другу фонем n и l; наименование своей народности представители диалекта *тайна* могут произнести и как «*тайлэ*» и как «*тайнэ*» или «*тайна*». В диалекте *тайлэ* n и l являются самостоятельными фонемами; поэтому свое этническое наименование представители *тай* Сишуанбаньна произнесут только в форме *тайлэ*, не допуская параллельного произношения *тайнэ* или *тайна*.

Диалект *тайлэ* объединяет два основных говора — говор *сишуанбаньна* в автономном округе Сишуанбаньна и говор *цзиньпин* в уезде Цзиньпин. В диалекте *тайна* также различаются два основных говора — *дэхун* в автономном округе Дэхун и ряде уездов и говор *нахун*, на котором говорит тайское население уездов Ланьцан, Шуанцзян, Гэнма, Синьпин и ряда других.

В диалектах *тайлэ* и *тайна* при наличии в значительной части полностью совпадающего словаря, шести конечных согласных (m, n, ŋ, p, t, k), шести тонов, наблюдаются и значительные расхождения в том же словаре и фонетике.

В диалекте *тайлэ* девять долгих и девять параллельных им кратких гласных, в диалекте *тайна* по долготе и краткости различается лишь фонема 'a'. Отсюда и большие различия в слоговых окончаниях.

При сопоставлении, например, 1300 слов обычной бытовой речи обнаружено, что около 20% их в диалекте *тайлэ* и *тайна* совершенно различны; примерно в 30% слов наблюдаются различия или начальных согласных, или слоговых окончаний.

У тайского населения КНР до последнего времени было пять письменностей: *тайлэ*, *тайна*, *тайбэн*, *цзиньпин* и *синьпин*. Первые четыре своим происхождением связаны, по-видимому, с письменностью пали, но путь развития каждой из них был своеобразен, и в настоящее время они значительно отличаются друг от друга.

В письме *тайлэ* посредством обозначений согласных передаются не только сами согласные, но и тоны слога, в силу чего одна и та же фонема может передаваться здесь неодинаково — в зависимости от того, в каком тоне произносится слог с данной согласной. Письмо *тайна* коренным образом отличается от письма *тайлэ*. В нем для каждого начального согласного и каждого слогового окончания имелись отдельные, самостоятельные буквы; тоны передавались шестью специальными диакритиками.

В последние годы в КНР проведена реформа тайских письменностей. До реформы письменность *тайлэ* имела 56 знаков, после реформы — 42, но система передачи согласных и тонов сохранена в ней прежняя, и буквы по-прежнему делятся на буквы для «высоких звуков» и «низких звуков». В усовершенствованном алфавите *тайна* сохранено 18 букв для начальных согласных, 9 для передачи гласных, 1 для дифтонга *йш*. Десятью последними буквами, а также комбинациями согласных и гласных теперь передаются все слоговые окончания. Для обозначения пяти тонов, начиная со второго, взамен диакритик введены специальные буквы которые ставятся в конце слогов.

В основе письменности и литературного произношения *тайлэ* лежит сейчас говор г. Юньцзинхун (автономный округ Сишуанбаньна), а письменности *тайна* — говор г. Манши (автономный округ Дэхун).

Письмо *тайбэн* напоминает письмо *тайна*, но отличается от него округленностью букв; распространено оно было среди небольшой части тайцев уезда Ланьцан (около 3 тыс. человек). Это же письмо использовали немногие представители народности *кава* (мон-кхмерской группы), исповедующие буддизм.

Письмо *цзиньпин* употребляется тайским населением уезда Цзиньпин и совпадало в основном с письмом лаосцев и тайского населения Вьетнама.

Письмо *синьпин* составлено на основе китайской транскрипции *чжуинь цзыму* и имело чрезвычайно незначительное распространение. В настоящее время среди тайского населения КНР культивируются лишь две письменности — *тайлэ* и *тайна*.

V

Основным представителем дун-шуйских языков является язык *дун*, на котором говорит народность *дун* (712 тыс. человек). На языке *шуй* говорит народность того же названия (более — 133 тыс. человек).

Народность *дун* расселена в провинции Гуйчжоу (ок. 400 тыс. населения; уезды Душань и Динъюань), в Гуанси-Чжуанском, автономном районе (несколько больше 200 тыс. человек; уезд Сапцзян, Мяоский автономный уезд на горе Дамяо и др.) и в провинции Хунань (остальная часть народности дун; уезды Дундао, Фуан и Цзин).

Больших диалектных различий между отдельными группами *дун* нет, но расхождения типа говоров существуют. Можно установить по крайней мере три говора — гуансийский, гуйчжоуский и хунаньский, различающиеся в области фонетики (наличием или отсутствием придыхательных, количеством палатализованных и лабиализованных согласных, долгих и кратких гласных и некоторыми другими особенностями) и тонов, а также словаря.

Впервые письменность для языка *дун* на основе латинской графики с равнением на фонетику гуйчжоуского говора (говор *жунцзян*) была создана в 1958 г. Письменность унифицирована с новым китайским фонетическим алфавитом и отражает деление смычных в говоре *жунцзян* на непридыхательные и придыхательные (p—ph, t—th, k—kh), что характерно и для китайской фонетики, а также с учетом наличия значительного количества придыхательных — ph, th, kh, tsh, tçh.

Народность *шуй*, иначе — *шуйцзя*, живет в основном в провинции Гуйчжоу (уезды Санду, Липо) и в Гуанси-Чжуанском автономном районе (уезд Наньдан). Помимо названия *шуй*, среди населения широко распространено «*ай-шуй*». По имеющимся у нас данным, язык *шуй* в провинции Гуйчжоу можно разбить на три говора: *шуй-по*, *саньдунсян* и *шуйли-шуйянь*. Диалект языка *шуй* в уезде Наньдан имеет свои словарные и фонетические особенности.

Самостоятельной письменности народность *шуй* никогда не имела. Попытки использовать китайские иероглифы для записи речи *шуй* широкого распространения не получили.

VI

На языке *ли* говорит народность *ли*, живущая на острове Хайнань и совсем в небольшом количестве в Гуанси-Чжуанском автономном районе. По переписи 1953 г., *ли* в КНР насчитывалось около 361 тыс. человек. Помимо *ли*, из наименований данной народности известны *лаи*, *лои*, *дай* и некоторые другие.

В составе языка *ли* можно установить четыре диалекта: *ха* с тремя говорами (*лохо*, или *баодин*, *ха*, или *чжунша*, *баосянь*, или *хэйту*), *цзи* с тремя говорами (*тунцза*, *чжаньдуй*, *баочэн*), *бэньди* с двумя говорами (*байша* и *юаньмэнь*) и *мэйфу*. К языку *ли* относится и наречие *дэтоу*, иначе — *цзямао*, решительно отличающееся от всех других диалектов *ли* как в области словаря, так и в области фонетики и грамматики и находившееся, по-видимому, длительное время под сильным воздействием китайского языка.

Диалекты *ха* и *цзи* характеризуются значительным количеством лабиализованных и палатализованных согласных; в диалектах *бэньди* и *мэйфу* их нет. Диалекты различаются между собой и по количеству имеющихся у них придыхательных согласных, а также гласных и слоговых окончаний. Существуют и некоторые отличия в системе тонов этих диалектов. О расхождениях между диалектами в области словаря можно судить по одному примеру. При сопоставлении семи тысяч слов говора *баодин* со словарем говоров *тунцза*, *байша*, *мэйфу* только половина слов оказалась общей для всех говоров; совершенно несходных слов оказалось свыше 26%; близких, но не совпадающих фонетически — более 18%. В области грамматики различия между диалектами несущественны.

Наречие *цзямао* по сравнению с другими диалектами имеет наименьшее количество (21) начальных согласных. Зато система слоговых окончаний (160) и связанный с нею вокализм в наречии *цзямао* несравнимо сложнее, чем в других диалектах. Порядок слов в предложении в диалекте *цзямао* тот же, что и в китайском языке.

Из 6770 слов, взятых из словаря говоров *баодин*, *тунцза*, *байша*, в *цзямао* имеется лишь 20% слов, полностью совпадающих с ними. Больше 50% словаря *цзямао* совершенно несходно с лексикой указанных выше говоров. Более 27% словаря близко к словарю других групп населения *ли*, но отличается от словаря этих групп фонетическим составом слога или тоном.

* * *

Обилие диалектов и говоров в языках чжуан-тайской группы не случайно. Объясняется оно историческими условиями развития говорящих на них народов, в частности — сохранением у большинства из них вплоть до образования Китайской Народной Республики дофеодальных и раннефеодальных форм общественно-экономических отношений, тормозивших установление языкового единства народов и стирание у них многочисленных диалектных различий.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О классификации языков и народов Китая см. статью Ло Чан-пэя и Фу Маоцзи, *Обзор языков и письменностей национальных меньшинств Китая*, «Чжунго юйвэнь» («Китайский язык»), 3, 1954 (на китайском языке) и ст. Г. П. Сердю-

ченко, *К вопросу о классификации народов и языков Китая*, «Советское востоковедение», 4, 1957.

[2] В этот период, в течение почти трех лет, нам посчастливилось работать в КНР рука об руку с китайскими языковедами. В настоящем докладе использованы материалы экспедиций Академии наук КНР по изучению чжуан-тайских языков.

[3] При диалектном членении языка мы различаем единицы более крупные (наречие, затем диалект) и более мелкие (говор, подговор).

11 августа, утреннее заседание
Председатель П. Демьевиль *(Париж)*

J. PRŮSEK (Praha): CHINESE LITERARY REVOLUTION (1919—1937)

I am not going to repeat here the truism that the Chinese revolution means probably the greatest change that humanity has ever witnessed. Probably a change even greater than that brought about by the Russian October Revolution. It is only natural because the October Revolution — apart from its consequences — effected a transition from the capitalist order of society, whereas the Chinese revolution involved a leap in certain domains from a feudal society, in others from still older social structures. As I have repeatedly pointed out, it meant a leap, if only approximately, from our fourteenth century into the age of atomic energy and astronautics. All this is quite familiar to the student of Chinese life and culture. But there remain many spheres of life where it is still very necessary to elucidate their significance and implications. Such are, for instance, the spheres of political, economic and cultural life and even the problem of how to grasp and describe the changes in the mental outlook of this, the biggest nation of the world. How inadequate as yet our knowledge is I shall illustrate by one example or rather by a few examples chosen from the field with which I am in some measure acquainted, that is, the field of Chinese literature.

Recently when we were preparing in Prague a volume of studies devoted to the new Chinese literature, I was confronted with the question of what was the real significance of the revolution after 1919 in the realm of literature and I found that it was very hard to give a proper answer. Nor could I find anything to put me on the right lines in the existing literature devoted to the history of the Chinese revolution, a greater part of which deals with the political, ideological or philosophical problems of the Chinese revolution rather than with its purely literary aspects. And still I believe that a proper interpretation of the literary material could give us a deeper insight into the nature of the changes going on in China than anything else. Works of literature are a direct reflection of the thinking and feeling of the period, and allow us to penetrate the mental processes of the revolutionary actors themselves.

What probably strikes a student most about the new literature, by which I mean the literature created after the May Fourth Movement up to the Patriotic War against Japan, but not subsequent to it, is its total departure from traditional patterns. And here I have in mind not only the formal aspects of this literature, its structure and methods of artistic approach, but the whole spirit which permeats it. The artist thinks in images and ideas which are, for the most part, not Chinese but European. Thus when one of the foremost representatives of the literature of this period, Yü Ta-fu, speaks of the cruel fate of his wife, he says that she bears her cross on her shoulders,

a beautiful girl immediately becomes his Mona Lisa and his Beatrice or even his Marie, and when he loses his child, he compares his lot with that of Rousseau, who put his children in an orphanage. It would be possible to take for example one image after another of Lu Hsün's collection *Yeh-ts'ao* ("Wild grass") and trace it to its European sources, mostly the romantic literature of the early nineteenth century or, more precisely, its revival in the second half of the nineteenth century. On the other hand, we rarely find — except in works which have Chinese history and mythology as their theme — any allusions in these works to old Chinese literature.

That is one striking difference between this new literature and the literature created some ten years earlier, that is, prior to the first Chinese revolution of 1911. For whereas the literature of that period still possessed all the qualities of a purely Chinese literature, this new literature is a genuine part of modern international literature. It would even be possible to speak of europeanisation of this literature. But this wide adoption of themes, methods and forms does not imply mere imitation. In an incredibly short time Chinese authors mastered the literary heritage of Europe and America but they never set themselves to imitate a specific author or even a specific literary school. Allow me to give at least one example. Sometimes it has been pointed out that the famous writer Mao-tun was influenced by the French naturalistic school. Undoubtedly it would be possible in his earlier novels and short stories to find certain similarities with the works of Zola. A superficial reader may point to obvious parallels between Mao-tun's *Tzu-yeh* ("Twilight") and Zola's *Money* or draw attention to certain motifs in his short stories, and so on. He may even attribute to the French writer's influence the gloomy pessimism of Mao-tun's earlier works, especially of his trilogy *Shih* ("Eclipse"). But it is enough to bring out only one striking aspect of Mao-tun's work to demonstrate how incorrect this theory of naturalistic influence on his work is. Zola, in accordance with the doctrine of biological determinism which he believed in, usually presented a complete biography of the hero or heroes of his story, or even provided a complete genealogical study of their ancestry. The primary aim of his work is to follow as closely as possible the whole process of development of a certain character. The individual is his primary concern. Do we find anything like that in Mao-tun's works? Certainly not. The most striking feature of Mao-tun's works is that in most of his major works the main figures are dropped in the course of narrative and the reader is never informed — as we would say — how the story ended. It shows that the interest of Mao-tun is never focussed on the individual, but on something else — on the social forces which determine human fate in general.

I could quote as many examples as are needed to demonstrate the extraordinarity of the new Chinese literature, but what I have said will be enough for the present.

I shall rather try to indicate what revolutionary changes in Chinese literature were initiated by the immense upheaval of May the Fourth.

Generally speaking, the revolution meant the liberation of the Chinese man in the broadest sense of the word. The same is true of Chinese literature. We could speak of the liberation from the fetters of old forms and themes, from old patterns of various kinds. We know, for instance, that the so-called popular literature, that is literature in the vernacular — with the exception of the greatest works — was, for the most part, confined to a certain set of artistic patterns, artistic forms which nobody dared to shatter, although they were often felt to have outlived their usefulness. Here we need

only mention the stereotype form of novels with their prologue, division of chapters, heightening of tension at the end of the chapter and so on. The same is true of popular drama and other branches of literature with a mass appeal.

In contrast to this fixed set of patterns we may set the immense variety of forms used by the writers of the revolutionary period. What differences there are between the artistic methods used by Lu Hsün, Mao-tun, Kuo Mo-jo, Yü Ta-fu, Ping-hsin and others! We could with considerable precision show the artistic method of each and analyse their creative processes. But that would not be enough, for each of their works again presents very original features.

It is not however a question of forms and methods, it is also a question of themes. A striking feature of the popular literature is the way in which the same theme is treated again and again and moulded to some new pattern. Chinese literary historians have supplied us with extremely interesting material by editing various versions of the most famous themes, as the story about the White Snake, about Meng Chiang-chün, etc.

This recasting of familiar subject-matter was not always prompted by the wish to come before the public with a well-known favourite theme. It seems to me that behind it lay, at least in part, a certain reluctance or even fear on the part of the author, to create something of his own, the wish to keep to a certain basis either in the form of a given text or even of a given fact. In one of my studies, I once pointed out that, for example, story-tellers in the Sung and later periods preferred to draw for their themes upon the writings of well-known *literati* instead of inventing their own themes. I was even more struck by this fact when preparing a study on the celebrated novel, *Lao Ts'an yu-chi* and other works of a similar kind from the end of the nineteenth and the beginning of the twentieth century. Novels of that period — the period immediately preceding the revolution — criticize the conditions of that time and make a special share upon the official class. Their special feature is that they introduce under a very thin disguise — usually slightly changed names—various real persons and narrate real stories or at least generally known anecdotes about well-known personalities. One would suppose that this close connection with reality would enable the authors to create vivid images of reality and true portraits of historical figures. But nothing of the kind! This sticking to reality results in an insipid record, or, at best, in a well-told story, but it can never produce a real work of art. We see that the most talented writer in this group, Liu O, the author of the *Lao Ts'an yu-chi*, is continually trying to gain more room for his imagination. He still introduces into his novel real persons and probably mostly narrates real happenings but at least he shifts his figures freely from the given milieu into another, invents for them new situations, and so on. We see that he is trying to liberate himself from living patterns, and the degree of this achievement is the degree of his artistic mastery.

The new literature emancipated itself completely from the shackles of a certain pattern — either derived from the old literature or taken directly from life. The new artist stands above the elements of his art, not being bound by them, but moulding them freely into creations of his mind, of his imagination, no matter whence these elements derive. Only thus is he able to create a typical situation or a typical personality, one which is not the reflection of a single phenomenon, but the synthesis of an immense number of facts. And so, if it is the question of a certain type, we meet him everywhere; through him we can cover and express a larger section of expe-

rience; he fits into almost every situation. This is true, for example, of Lu Hsün's *Ah Q*, and also of various situations in his other stories, which need have no content in actual reality and yet cover a great part of our experience.

По докладу завязалась оживленная дискуссия, в которой выступили И. Ласт, У Ши-чан, К. Иосикава, В. Ф. Сорокин, П. Демьевиль.

IRMA PETERS (Leipzig): DIE ANSICHTEN LU HSÜNS ÜBER DAS VERHÄLTNIS VON LITERATUR UND REVOLUTION IN DER ZEIT VON 1927—1930

Alle Literaturhistoriker, die sich mit Lu Hsün befassen, sowohl marxistische als auch bürgerliche, sind sich im wesentlichen darin einig, daß sich ab 1927 seine Hinwendung zum Proletariat, zum Marxismus abzuzeichnen beginnt. Die Einschätzung dieser Tatsache ist allerdings verschieden und geht vom Bruch über den Kompromiß bis zur folgerichtigen Entwicklung.

Diese Weiterentwicklung Lu Hsüns muß natürlich auch ihren Niederschlag in seinen damaligen literarischen Ansichten finden. Ich möchte deshalb im folgenden versuchen, seine Gedanken über das Verhältnis von Literatur und Revolution in den Jahren 1927—1930 zusammenzustellen. Ziel dieser Arbeit soll sein zu untersuchen, ob und wie sich eine Weiterentwicklung dieser literarischen Ansichten feststellen läßt und wenn ja, wie sie sich äußert und wie sie einzuschätzen ist.

Ich stütze mich dabei auf seine damaligen Essays und werde gezwungen sein, zum besseren Verständnis der Gedankengänge Lu Hsüns in diesen Jahren einige Zitate anzuführen.

Lu Hsün widmet ab 1927 der Frage des Verhältnisses der Literatur zur Revolution große Aufmerksamkeit, wozu er wohl nicht zuletzt durch die damalige Diskussion über revolutionäre Literatur unter den chinesischen Literaturschaffenden angeregt wurde. Seine grundlegende Ansicht zu diesem Problem kann man dahingehend zusammenfassen, daß er zu dieser Zeit die Rolle der Literatur für die Revolution sehr gering einschätzte und sogar zu der Meinung gelangte, daß beide nicht zusammen passen. Das wird vor allem deutlich in seinen Essays *Literatur in revolutionärer Zeit* (Rede vor den Offiziersschülern in Hungpu vom 8. 4. 1927, Band 3/312); *Literatur und Revolution* (28. 1. 1928, Bd. 3/419, und 16. 4. 1928, Bd. 4/61); *Im Glokkenturm* (17. 12. 1927, Bd. 4/23) u. a. So sagt er z. B. in *Literatur und Revolution* (3/419):

«Leute, die die Literatur erhalten wollen, sagen in einer revolutionären Gegend jedesmal gern: 'Die Literatur ist der Vortrupp der Revolution'. Ich finde das sehr zweifelhaft. Vielleicht mag es im Ausland so sein. China hat seinen besonderen Volkscharakter, es muß eine Ausnahme bilden. . .

1. Revolutionäre Truppen. Zuerst muß man Truppen haben, dann erst kann man Revolution machen. . .

2. Vertreter des Volkes . . . Sie sind der 2. Vortrupp.

3. Schriftsteller: Da erscheint nun irgendwelche revolutionäre Literatur, Literatur der Volksmassen. . . Auch Organe mit großen ruhmreichen Namen erscheinen, um die Jugendlichen anzuleiten. Das ist — es tut mir leid, aber es macht nichts — der dritte Vortrupp» [1].

Wie kommt Lu Hsün zu dieser Auffassung? Das hat meiner Ansicht nach eine Reihe von Gründen:

1. Lu Hsün setzte anfänglich große Hoffnungen auf die Literatur und ihre Rolle bei der Umwandlung der chinesischen Gesellschaft. Das trifft besonders für die Zeit seines Aufenthaltes in Japan zu, als er sich aus patriotischen Motiven heraus der Literatur zuwandte und mit ihrer Hilfe den Geist seiner Landsleute reformieren wollte. Hier mußte er bereits die erste Enttäuschung erleben. Er konnte seine Pläne, eine literarische Bewegung ins Leben zu rufen und eine Zeitschrift herauszugeben, nicht verwiklichen [2].

Im Verlaufe seiner weiteren literarischen Tätigkeit gab es mehrere solcher Enttäuschungen. Eine der tiefsten war wohl die Differenzierung des Lagers der «Neuen Jugend», der Hauptkraft der literarischen Revolution zur Zeit des 4. Mai 1919 [3].

Diese persönlichen bitteren Erfahrungen führten schließlich dazu, daß er seine frühere hohe Meinung von der Literatur berichtigte [4], wobei er allerdings jetzt in das andere Extrem fiel und ihre Bedeutung unterschätzte. Man muß allerdings beachten, daß viele seiner Ansichten in der Polemik gegen die Vertreter der «Schöpferischen Gesellschaft» (*Tschuang-dsau-schö*) geäußert wurden, die die Rolle der Literatur überbetonten.

2. Lu Hsün schätzte die damaligen Verhältnisse in China sehr real ein und erkannte, daß der starke Druck und Terror, die von seiten der reaktionären herrschenden Kräfte auf fortschrittliche Schriftsteller und Verleger ausgeübt wurden und selbst vor ihrer Verhaftung und heimlichen Ermordung nicht haltmachten, die Möglichkeiten für die Veröffentlichung fortschrittlicher Literatur und damit die Wirksamkeit der Literatur auf die Gesellschaft sehr einschränkten [5].

3. Eine weitere Ursache ist in der Unwissenheit des chinesischen Volkes zu suchen, das, wie Lu Hsün frühzeitig erkannte, unter den bestehenden gesellschaftlichen Verhältnissen wenig oder gar keine Möglichkeiten hatte, Bildung zu erwerben. Dazu trugen auch die Schwierigkeiten der chinesischen Sprache nicht unwesentlich bei. Lu Hsün sah deshalb seine Schrifte, seine Angriffe gegen die Gesellschaft als wirkungslos an, da nur ein geringer Teil des chinesischen Volkes genügend Schriftzeichen verstand, um literarische Werke selbst lesen zu können [6].

Aus den bisher genannten Gründen kam es bei ihm zu einer gewissen Resignation, die sich auch aus dem einführenden Gedicht zu *Und das ist alles* (Bd. 3/303) herauslesen läßt:

«In diesem halben Jahr sah ich wieder viel Blut und viele Tränen — aber ich habe nur gemischte Gefühle, und das ist alles». («Gemischte Gefühle» steht hier für seine Essays).

4. Diese geringe Bewertung der Literatur hängt aber auch eng mit einer anderen damaligen Ansicht Lu Hsüns zusammen. Er meint nämlich, daß die Kultur und damit auch die Literatur ein Produkt des Überflusses sind und in Zeiten der Armut nicht gedeihen können. Ein Dichter, der hungert und friert, kann seiner Meinung nach keine lyrischen Gedichte schreiben. Da er weiß, daß eine revolutionäre Umwälzung zu Beginn Armut und Not in ihrem Gefolge hat, kommt er zu der Schlußfolgerung, daß Literatur und Revolution nicht zusammenpassen [7]. Aufschlußreich in dieser Hinsicht ist u. a. wieder sein Artikel *Literatur in revolutionärer Zeit*, wo es heißt:

«Einige Leute sagen, Literatur entsteht in Zeiten der Armut. Das ist unwahrscheinlich. In Zeiten der Armut gibt es bestimmt keine literarischen Werke. Als ich in Peking arm war und überall Geld lieh, schrieb ich nicht ein Zeichen. Erst wenn ich Gehalt bekommen hatte, setzte ich mich hin und schrieb Aufsätze. . . In Zeiten, wo man beschäftigt ist, gibt es auch keinesfalls literarische Werke. . . Während der großen Revolution ist man

beschäftigt, gleichzeitig aber auch sehr arm. . . Man muß zuerst die gegenwärtigen gesellschaftlichen Bedingungen ändern, hat keine Zeit und Gedanken zum Aufsätzeschreiben. Daher schweigt die Literatur in Zeiten der Revolution dann am besten einstweilen» (3/315) [8].

Diese sehr subjektive und etwas absolute Einschätzung kann leicht durch Beispiele aus der Literaturgeschichte widerlegt werden. Man muß Lu Hsün vorwerfen, daß er in dieser Zeit zu sehr von seinen eigenen bitteren Erfahrungen und Enttäuschungen ausging (wie sie sich z. B. in der Flucht aus Peking, um der drohenden Verhaftung zu entgehen, dem Terror der Kuomintang nach dem reaktionären Umsturz vom 12. 4. 1927 usw. äußern) und seine Urteile daher etwas einseitig sind.

5. Es gibt jedoch noch einen weiteren Grund, den man zur Erklärung für Lu Hsüns damalige Einstellung anführen kann. Weil er die chinesische Gesellschaft sehr gründlich analysierte, erkannte er deutlich, daß eine Änderung der in China herrschenden chaotischen Zustände nicht durch eine literarische Bewegung allein zu erreichen war, sondern nur durch eine allumfassende gesellschaftliche Umwälzung, durch eine Revolution [9].

Der Geringschätzung der Rolle der Literatur steht daher die Tatsache gegenüber, daß er die Revolution für China als notwendig ansah und ihr große Bedeutung beimaß. Das ist aus vielen seiner Essays ersichtlich. So schreibt er z. B. in *Literatur in revolutionärer Zeit*:

«In Wirklichkeit hat die Revolution nichts Seltsames. Nur durch sie kann die Gesellschaft sich ändern, die Menschheit vorangehen» (3/313) [10].

Trotz seiner geringen Meinung von der Literatur in der Revolution verkennt Lu Hsün jedoch nicht, daß beide in gewissen Beziehungen zueinander stehen, einen gewissen Einfluß aufeinander ausüben, und daß die Literatur in Zeiten der Revolution ihr Aussehen verändert. Er sagt auch im einzelnen, wie das aussieht, und teilt die Literatur in dem obengenannten Artikel (3/314—16) in revolutionärer Zeiten in drei Perioden ein:

1. Alle Literatur vor der großen Revolution ist seiner Meinung nach mit den bestehenden Verhältnissen unzufrieden und ruft diese Unzufriedenheit hinaus. Diese Literatur hat jedoch keinen Einfluß auf die Revolution.

2. Wenn die Revolution erreicht ist, gibt es keine Literatur mehr. Man ist vom Rufen zum Handeln übergegangen, hat mit der Revolution zu tun und keine Zeit mehr, um über Literatur zu sprechen.

3. Wenn die Revolution gesiegt hat, die Verhältnisse friedlich geworden sind, dann entsteht wieder Literatur [11].

Richtig ist es, die Literatur in Abhängigkeit von den Verhältnissen, von der jeweiligen Etappe der Revolution aus zu betrachten, da die revolutionäre Entwicklung die Literatur entscheidend beeinflußt. Das hat auch Lu Hsün schon erkannt, wenn er in *Literatur in revolutionärer Zeit* (3/314) seiner Meinung dahingehend Ausdruck gibt, daß alle Literatur entsprechend den Verhältnissen entsteht. Und wenn auch Leute, die mit der Literatur zu tun haben, meinen, daß die Literatur genügt, um Unruhe zu schüren, so doch in Wirklichkeit die Politik vorangeht und die Literatur sich erst danach verändert. Lu Hsün sieht jedoch die bestimmende Rolle der Verhältnisse zu absolut und hat noch nicht erkannt, daß, obwohl die Revolution das Primäre ist, umgekehrt die Literatur einen nicht zu unterschätzenden Einfluß auf den Lauf der Revolution ausüben kann, eine a k t i v e Kraft ist. Für dieses dialektische Wechselverhältnis fehlte ihm damals noch das richtige Verständnis. Das läßt sich zum Teil aus dem bereits oben Gesagten erklären; aber man muß noch eine Reihe von anderen wichtigen Gründen hinzufügen.

Der wichtigste scheint mir in seinem damaligen ideologischen Stand zu suchen zu sein. Er bejahte zwar bereits in seiner Frühperiode als Anhänger der Darwinschen Evolutionstheorie die Entwicklung nach vorn, den Sieg des Neuen; aber was dieses Neue war, darauf wußte er noch keine Antwort zu geben [12].

Obwohl Lu Hsün bereits sehr früh die Gesellschaft in «Menschenfresser» und «Gefressene» einteilte und stets auf seiten der Unterdrückten und Geknechteten stand, kann man jedoch um 1927 keinesfalls davon sprechen, daß er die Dinge vom marxistischen, vom Standpunkt der Arbeiterklasse aus betrachtete. Er war zu dieser Zeit noch dem Kleinbürgertum und der Evolutionstheorie mit dem Glauben an das Neue als absolutes Prinzip verhaftet.

1927 begann er jedoch die Unzulänglichkeiten seiner damaligen Weltanschauung zu erkennen. Sein Glaube an die Evolutionstheorie wurde vor allem durch die Ereignisse des Frühjahrs 1927 — den Verrat der Kuomintang an der Revolution — erschüttert. Dazu kam seine Erkenntnis der Differenzierung im Lager der Jugend, an die er bisher blindlings geglaubt hatte und die nun zum Teil zur Reaktion übergegangen war. Er konnte jedoch nicht sofort an die Stelle seiner früheren Ansichten etwas Neues setzen, sondern fand erst nach langen und harten inneren Auseinandersetzungen den Weg zum Proletariat, zum Marxismus. Bevor er diesen Weg gefunden hatte, durchlief er eine Zeit kleinbürgerlichen Schwankens und Umherirrens.

So ist es verständlich, daß er damals noch keine Klarheit über die chinesische Revolution hatte. Sein Haß gegen die alte Gesellschaft, seine Liebe zu den Unterdrückten und sein Streben nach einer Veränderung der bestehenden Zustände durchziehen zwar sein ganzes Werk, auch das Wort Revolution taucht in seinen Schriften auf. Aber welchen Inhalt hatte es für ihn vor 1927? Meiner Ansicht nach bedeutete es nur das Streben nach gewaltsamer Umgestaltung der alten Gesellschaft, mit der er als Patriot und Humanist sich nicht einverstanden erklären konnte. Über den Charakter der für China notwendigen Revolution, ihre führende Klassenkraft, ihre Perspektiven war er sich um 1927 noch nicht im Klaren. In *Antwort auf Fragen der internationalen literarischen Gesellschaft* (6/14) sagt er dazu:

«Nach der Oktoberrevolution erst wußte ich, daß der Schöpfer dieser neuen Gesellschaft das Proletariat ist. Aber wegen der Gegenpropaganda der einzelnen kapitalistischen Länder stand ich der Oktoberrevolution noch etwas gleichgültig und zweifelnd gegenüber».

Hier muß man wohl den Begriff «nach der Oktoberrevolution» etwas weiter fassen. Dieser Artikel wurde 1934 geschrieben und verallgemeinert im starken Maße seine Entwicklung.

Aus dem damaligen kleinbürgerlichen Standpunkt resultierten auch Unklarheiten über das Wesen der Literatur, wie es zum Beispiel in *Literatur in revolutionärer Zeit* deutlich wird. Er wendet sich hier gegen propagandistische Literatur, weil, wie er meint, große künstlerische Werke größtenteils nicht von anderen Menschen befohlen werden, sondern Dinge sind, die natürlich aus dem Herzen hervorquellen. Gleichzeitig stellt er die Frage, wie es sich vom achtteiligen Aufsatz unterscheidet, wenn man zuerst ein Thema stellt und dann einen Aufsatz schreibt.

Aber woher sollte er auch das richtige Verständnis für die Rolle der Literatur haben? Die marxistische Literaturtheorie wurde gerade erst in China eingeführt. Lu Hsün hatte selbst entscheidenden Anteil daran, um zur Selbstklärung und zur Klärung anderer beizutragen. Dazu kam, daß die damals propagierte revolutionäre Literatur in ihrer Frühzeit viele Mängel

und Schwächen hatte, die Lu Hsün mit Recht kritisierte. Sie war also nicht in der Lage, seine Ansichten über den Wert der Literatur für die Revolution zu berichtigen. Die damaligen Vertreter der revolutionären Literatur waren zum großen Teil aus dem Kleinbürgertum, vor allem aus der kleinbürgerlichen Intelligenz hervorgegangen. Sie hatten zwar große revolutionäre Begeisterung, aber auf der anderen Seite stellten sie sich, wie auch Lu Hsün richtig sah, den Übergang vom Kleinbürgertum zum Proletariat etwas zu einfach vor und nahmen gegenüber anderen Schriftstellern, die man für ihre Sache hätte gewinnen können, eine mitunter sehr radikale und sektiererische Haltung ein.

Daß Lu Hsüns Kritik keine grundsätzliche Ablehnung der neuaufgestiegenen Literatur war, sondern im wesentlichen eine Kritik an ihren Fehlern und Mängeln, wird aus vielen seiner Essays deutlich, vor allem aber durch die Tatsache bestätigt, daß er später selbst eine führende Rolle im «Linken Flügel»[13] spielte.

Es ist hier leider nicht möglich, ausführlich auf diese Auseinandersetzung mit den Vertretern der revolutionären Literatur einzugehen, in der Fehler auf beiden Seiten gemacht wurden. Bei Lu Hsün zeigt sich auch in diesem Fall wieder, daß er das Verhältnis Literatur—Revolution nicht richtig einschätzte. Obwohl er mit Recht bemängelte, daß die damalige revolutionäre Literatur nur ein Schild heraushängte und es an der entsprechenden Praxis — d. h. Werken — fehlen ließ, ist doch aus seinen Schriften auch herauszulesen, daß er die Zeit der proletarisch-revolutionären Literatur für China — im Gegensatz zur Sowjetunion — noch nicht für gekommen hielt, da die Revolution noch nicht gesiegt hatte. Solange er aber über den Charakter der chinesischen Revolution noch keine Klarheit hatte, konnte er auch nicht erkennen, daß zu dem Zeitpunkt, wo die Arbeiterklasse die Führung der Revolution in ihre Hände genommen hatte, auch die proletarisch-revolutionäre Literatur ihre Daseinsberechtigung erlangt hatte und ihre Aufgabe darin bestand, die vom Proletariat geführte Revolution aktiv zu unterstützen.

In dem Maße, wie er sich mit der marxistischen Literaturtheorie vertraut machte — verbunden mit seiner ständigen Analyse der chinesischen Wirklichkeit — und bestrebt war, an die Stelle der Evolutionstheorie bewußt etwas Neues, Besseres zu setzen, ist auch seine Wandlung seiner literarischen Ansichten festzustellen.

Er glaubte zwar nicht an die weltbewegende Kraft der Literatur, schloß sich aber Sinclair an, daß alle Literatur Propaganda ist, die man als eine Art Werkzeug in der Revolution gebrauchen kann (*Literatur und Revolution*, 4/67—68). Etwas später erkannte er die Zusammenhänge noch klarer und sagte, wenn auch noch etwas ironisch, weil an die «Schöpferische Gesellschaft» gerichtet: «Wenn man nur unbestimmt von 'revolutionärer Literatur' spricht, kann es natürlich nicht radikal sein. Daher ist das in diesem Jahr in Schanghai herausgehängte Schild in Wirklichkeit proletarische Literatur. . . Aber wenn man von proletarischer Literatur spricht, kommt man schließlich unvermeidlich auf kämpferische Literatur. Dann kann man nur sagen, daß sie ein Flügel des höchsten politischen Kampfes ist» (*Stütze des literarischen Altars*, 20.8.1928, Bd. 4/96).

Lu Hsün spricht auch bereits 1928 davon, daß der Schriftsteller in erster Linie Revolutionär sein muß. Wenn man diese Forderung außerhalb des Zusammenhanges mit seinen übrigen Ansichten zu dieser Zeit betrachtet, hatte er scheinbar doch richtiges Verständnis für das Verhältnis von Literatur und Revolution. Aber im Zusammenhang gesehen, muß man es wohl

doch etwas anders einschätzen. Er tat nämlich nur den ersten Schritt, aber vergaß den zweiten. Er forderte zwar richtig, daß ein Schriftsteller in erster Linie Revolutionär sein muß, erkannte aber noch nicht, daß er Revolutionär vor allem als Schriftsteller sein muß, d. h. daß er die revolutionäre Praxis eng mit seinem literarischen Schaffen verbinden muß, daß sein revolutionäres Betätigungsfeld, seine Waffe im Kampf vor allem seine literarische Tätigkeit ist. Er forderte meiner Ansicht nach nur allgemeine Beteiligung der Schriftsteller am revolutionären Kampf, was aus seinen Äußerungen über die geringe Bedeutung der Literatur in der Revolution deutlich wird [14].

1928 begann sich Lu Hsün mit der Frage des Klassencharakters der Literatur auseinanderzusetzen, vor allem mit Liang Schi-tjiu, dem Hauptvertreter der bürgerlich orientierten Hsin-yüä-pai [15]. Liang war der Ansicht, daß die Literatur über den Klassen steht und ewig unveränderliche menschliche Gefühle ausdrücken muß, wenn sie Bestand haben will. Lu Hsün wandte sich vor allem in seinen Essays *Der Klassencharakter der Literatur*, 20.8.1928, 4/100; und *'Starre Übersetzungen' und 'Klassencharakter der Literatur'*, 1930, 4/155, dagegen. Er zeigte besonders in dem letztgenannten Aufsatz, daß man nicht ewig unveränderliche menschliche Gefühle an sich ausdrücken kann, sondern nur durch Menschen. Dann läßt sich aber in der Klassengesellschaft keinesfalls der Klassencharakter vermeiden. Man fügt nicht, wie Liang meint, die Klassenfesseln der Literatur zu, sondern sie gehen in Wirklichkeit aus der Notwendigkeit hervor.

Er kommt weiter zu der Ansicht, daß die Schriftsteller in der Klassengesellschaft schließlich doch unbewußt vom Klassenbewußtsein ihrer Klasse beherrscht werden, wenn sie auch meinen, daß sie frei sind. Dieser Artikel zeigt ganz deutlich, in wie starkem Maße sich Lu Hsün der marxistischen Literaturtheorie und dem Marxismus überhaupt angenähert hat und wie er die Interessen des Proletariats verteidigt. So tritt er z. B. Liang entgegen, der meint, daß bürgerliche und proletarische Literatur nebeneinander existieren können, und sagt ihm ganz eindeutig:

«Weil die proletarische Literatur ein Flügel ist, der auf seine eigene Kraft gestützt kämpft, um die eigene Klasse und alle Klassen zu befreien, daher braucht sie die ganze Sache und nicht einen Platz in der Ecke» (4/169).

Diese neue Einstellung wird in seiner Rede anläßlich der Gründung des «Linken Flügels» am 2.3.1930 noch deutlicher. Man kann sie zusammen mit dem oben angeführten Artikel als einen gewissen Abschluß seiner ideologischen Auseinandersetzung werten. Der qualitative Sprung, der sich bei ihm im Denken vollzogen hat, wird daraus sichtbar. Er wiederholt zuerst noch einmal seine früher schon geäußerten Ansichten, daß der Schriftsteller in erster Linie Revolutionär sein muß und daß ein linker Schriftsteller ohne Berührung mit dem praktischen Kampf, ohne Verständnis für die wirklichen Umstände der Revolution leicht zum rechten Schriftsteller werden kann. Im Zusammenhang mit der Äußerung: «Die proletarische Literatur ist ein Flügel des Befreiungskampfes des Proletariats. Sie wächst mit dem Wachsen der gesellschaftlichen Kraft des Proletariats» (4/185) zeigt sich jedoch, ganz klar, daß er jetzt den engen Zusammenhang zwischen Literatur und Revolution erkannt hat.

Er betont auch die Notwendigkeit der Formulierung eines einheitlichen Zieles, das bei den Arbeitern und Bauern liegen muß, d. h. proletarische Literatur, und fordert die Ausdehnung der literarischen Kampffront.

Auf Grund seiner wertvollen Hinweise für die proletarische Literaturbewegung wird diese Rede allgemein als Kampfprogramm des «Linken Flügels» gewertet.

Man kann und muß also meiner Ansicht nach von einer Entwicklung der Ansichten Lu Hsüns über das Verhältnis von Literatur und Revolution in den Jahren 1927—1930 sprechen. Der Weg, den er zurücklegte, war sehr widerspruchsvoll. Insgesamt gesehen läßt sich jedoch eine kontinuierliche Weiterentwicklung seiner Gedanken feststellen, vor allem, wenn man den Stand von 1927 mit dem von 1930 vergleicht. Aber das heißt nicht, daß diese Entwicklung 1930 schon abgeschlossen war. Auch jetzt gibt es noch Unklarheiten und dogmatische Auffassungen in bestimmten Dingen.

Wie zeigt sich nun diese Entwicklung?

1. Man muß in dieser Zeit seine Abwendung vom Kleinbürgertum, von der Evolutionstheorie, und seine Hinwendung zum Proletariat, zum Marxismus feststellen. Das ist die Grundlage für seine jetzige, im wesentlichen richtige Einschätzung von Revolution und Literatur und ihrem gegenseitigen Verhältnis.

2. Entscheidend für dieses richtige Verständnis der Rolle der Literatur war vor allem die Überwindung seiner früheren unklaren Vorstellungen in bezug auf die chinesische Revolution. Er bejahte jetzt dem Inhalt nach die unter Führung des Proletariats stehende neue demokratische Revolution. Ich sage 'dem Inhalt nach', da ja der Begriff erst später entstand.

3. Von einer Unterschätzung der Rolle der Literatur aus den verschiedensten Gründen, hauptsächlich aber aus ideologischen Unklarheiten heraus, kam er allmählich zu der Ansicht, daß man die Literatur in der Revolution als Waffe gebrauchen kann. 1930 betrachtete er sie dann als einen Teil des Befreiungskampfes des Proletariats. Diese Meinung wiederholte und festigte sich in späteren Schriften, und durch sein publizistisches Schaffen, mit dem er unmittelbar der Revolution diente, setzte er sie auch in die Wirklichkeit um.

Von anfänglich unklaren Vorstellungen über den Charakter der Literatur kam er zu der Auffassung, daß sie von den Umständen, von der Revolution bestimmt wird, Klassencharakter trägt und dem Proletariat und den werktätigen Massen dienen muß. Er spricht jetzt nicht mehr nur allgemein von 'revolutionärer Literatur', sondern von 'proletarisch-revolutionärer' Literatur. Seine früher mitunter pessimistischen Ansichten sind jetzt, trotz des Ernstes der Situation, einer optimistischen Betrachtungsweise gewichen, die hauptsächlich aus seiner Weltanschauung resultiert [16].

4. Will man diese Entwicklung richtig verstehen, muß man unbedingt seine frühen literarischen Ansichten berücksichtigen und vor allem die Beweggründe, aus denen heraus er sich der Literatur zuwandte. Das waren in erster Linie Patriotismus und Humanismus, oder anders ausgedrückt: Liebe zum chinesischen Volk und allen Unterdrückten. Daraus resultierte sein Streben nach einer Änderung der gesellschaftlichen Verhältnisse. Wenn man diese Motive versteht, ist seine Hinwendung zum Proletariat nichts Verwunderliches und Plötzliches, sondern eine logische Konsequenz seiner frühen humanistischen und patriotischen Gedanken in Verbindung mit seinem revolutionären Geist. Er hatte erkannt, daß es nur eine Kraft gab, die die chinesische Revolution zum Siege führen konnte, nämlich das chinesische Proletariat. Im Vorwort zur Sammlung *Zwei Herzen*, 1930, 4/151, sagt er darüber:

«Daß ich zuerst nur diese vertraute eigene Klasse haßte, ihren Untergang überhaupt nicht bedauerte und später, ausgehend von den Lehren der

Tatsachen, zu der Ansicht kam, daß nur das neuaufgestiegene Proletariat eine Zukunft hat, ist richtig».

Er hatte weiter erkannt, daß er als Schriftsteller seine Ziele, dem chinesischen Volk zu dienen und sein Vaterland zu neuer Blüte zu führen, nur erreichen konnte, wenn er sich dieser Kraft anschloß und sein Schaffen ganz in den Dienst dieser Sache stellte.

Ich kann mich deshalb der Meinung des bürgerlichen Sinologen van Boven, wie sie Jef Last in seiner Dissertation *Der Wandel in der Beurteilung Lu Hsüns und seine Ursachen*, Hamburg, 1957, wiedergibt, nicht anschließen, der Lu Hsüns Wendung nach links als Kompromiß ansieht, um die extremen Linken zu mäßigen. Es war kein Kompromiß, sondern ein freier Entschluß Lu Hsüns, zu dem er nach einer langen Zeit des Suchens und Umherirrens kam, nicht zuletzt auf Grund seiner realen Einschätzung der chinesischen Situation. Und daß es in der Zeit der Niederlage, nicht des Aufschwungs der Revolution geschah, macht seinen Schritt umso wertvoller.

ANMERKUNGEN

[1] Siehe auch: *Literatur in revolutionärer Zeit*, 3/313: «Von der Revolution aus gesehen, brauchen wir Revolutionäre, nach 'revolutionärer Literatur' besteht aber kein so dringendes Bedürfnis»; *ditto*, 3/318: «Literatur zu studieren, hat für den Kampf keinen Nutzen. Am besten macht man nur ein Kampflied. Wenn es jemand schön schreibt, kann man es in einer Kampfpause lesen, und es ist interessant».

[2] Siehe: *Vorwort zu Na-han*, 1/3. Deutsch in: Lu Ssün, *Morgenbluten abends gepflückt*, S. 7

[3] Siehe: *Vorwort zur selbstausgewählten Sammlung*, März 1933, 4/347: «Später löste sich die Gruppe der "Neuen Jugend" auf. Einige kletterten nach oben, andere wurden rückständig, einige gingen voran. Ich erlebte wieder einmal, wie Gefährten in einem Kampflager sich so sehr verändern können. Aber es blieb der Titel eines Schriftstellers. Nach wie vor wanderte ich in der Wüste hin und her. . . Wo waren die neuen Kampfgefährten?. . . Da nun sammelte und druckte ich die 11 Arbeiten aus dieser Zeit und nannte sie "Umherirren", und ich hoffte, daß es später nicht mehr so wäre».

[4] Siehe: *Literatur in revolutionärer Zeit*, 3/312: «In den letzten Jahren begannen mir auf Grund meiner eigenen Erfahrungen in Peking Zweifel an der Beurteilung der Literatur, wie ich sie bisher kannte. . . aufzusteigen. Das war die Zeit, wo man Studenten tötete und die Verbote in der Literatur auch sehr streng waren. Ich dachte, Literatur wird von den Leuten gelehrt, die überhaupt keinen Nutzen, keine Kraft haben. Leute, die die wirkliche Macht haben, öffnen nicht den Mund, sondern töten Menschen. Und wenn die Unterdrückten einige Sätze sprechen, einige Zeichen schreiben, dann werden sie getötet».

[5] In dem bereits erwähnten Essay *Literatur und Revolution*, 3/419, wo er über die revolutionären Truppen als ersten Vortrupp der Revolution spricht, fügt er z. B. in Klammern hinzu: «Vor diesen (d. h. den revolutionären Truppen. — *I. P.*) gibt es vielleicht manchmal auch Jugendliche, die in die Propaganda eindringen und heimlich die Erhebung der Arbeiter unterstützen; aber diese Leute sind vermutlich schon gestorben. . .» Dieses «schon gestorben» weist offensichtlich auf die heimliche Ermordung fortschrittlicher Jugendlicher hin, von der die Zeitungen nichts berichten.

[6] Siehe: *Antwort an Herrn Schi Yu-heng*, 3/347; *Stummes China*, 4/9.

[7] Siehe: *Im Glockenturm*, 4/24: «Ich sage nur, daß Literatur und Revolution nicht zusammenpassen».

[8] Siehe auch: *Literatur in revolutionärer Zeit*, 3/318: «Natürlich gibt es auch Leute, die meinen, daß die Literatur für die Revolution große Kraft hat; aber ich zweifle, die Literatur ist immer ein Produkt des Überflusses»; *Im Glockenturm*, 4/29: «Manche Leute sagen, daß der Aufstieg der Kultur Überfluß haben muß. Auf Grund meiner Erfahrungen im Glockenturm (d. h. Zeit in Amoy. — *I. P.*) ist das im allgemeinen richtig».

[9] *Allgemeine Gedanken zur gegenwärtigen neuen Literatur*, 4/107: «Wenn man annimmt, daß die Literatur die Umstände verändern kann, dann ist es idealistisches Gerede. In Wirklichkeit ist es nicht so, wie die Literaten sich das vorstellen».

[10] Siehe auch: *Literatur in revolutionärer Zeit*, 3/318: «Ich möchte natürlich gern den Lärm der großen Kanonen hören. Ich fühle gleichsam, daß der Lärm der großen Kanonen vielleicht viel besser klingt als der Ton der Literatur»; *Im Glockenturm*, 4/431:

«Ich wußte daher, daß alle revolutionären Dichter, die vor der Revolution Illusionen und Ideale haben, sehr leicht das Schicksal haben können, daß sie in der von ihnen besungenen und erhofften Wirklichkeit auf den Tod stoßen. Aber wenn die wirkliche Revolution nicht die Ideale und Illusionen dieser Dichter zerschlägt, dann ist diese Revolution noch leeres Gerede auf Bekanntmachungen»; *Literatur und Revolution*, 4/67: «Was den Kampf angeht, so meine ich, daß er richtig ist. Wenn die Menschen unterdrückt werden, warum sollen die nicht kämpfen?»

[11] Siehe auch: *Allgemeine Gedanken zur gegenwärtigen neuen Literatur*, 4/107: «Erst wenn die Revolution einige Ergebnisse, ein wenig Zeit zum Verschnaufen hat, entstehen neue revolutionäre Schriftsteller. Wenn die alte Gesellschaft sich dem Zusammenbruch nähert, erscheinen häufig literarische Werke, die annähernd revolutionären Charakter tragen: aber in Wirklichkeit ist es keine wirkliche revolutionäre Literatur».

[12] Siehe: *Antwort auf Fragen der internationalen literarischen Gesellschaft*, 6/14: «Früher fühlte ich den Untergang der alten Gesellschaft und hoffte auf den Aufstieg der neuen Gesellschaft. Aber ich wußte nicht, was dieses 'Neue' war. Ich wußte auch nicht, ob es nach dem Aufstieg des 'Neuen' dann unbedingt gut war».

[13] Abkürzung für die am 2.3.1930 in Schanghai gegründete «Liga der Schriftsteller des Linken Flügels». Diese Schriftstellervereinigung stand unter Führung der Kommunistischen Partei Chinas und propagierte proletarisch-revolutionäre Literatur. Sie bestand bis zu ihrer Selbstauflösung im Jahre 1936, da dann die Frage der antijapanischen Einheitsfront in den Vordergrund trat.

[14] Siehe: *Revolutionäre Literatur*, 3/408: «Ich meine, die grundlegende Frage liegt darin, daß der Schriftsteller ein 'Revolutionär' ist. Wenn er es ist, ungeachtet, was er schreibt, welches Material er gebraucht, alles ist 'revolutionäre Literatur'».

[15] Übersetzt: «Gesellschaft des neuen Mondes». Hatte nach «Gesammelte Werke Lu Hsüns» (chin., Band 3/536, Anmerkung 2), ihren Namen nach einer Gedichtsammlung Tagores.

[16] Siehe: *Die gegenwärtigen Umstände auf dem Gebiet der Literatur im dunklen China*, 4/3227: «Aber diese 'bessere Literatur', die das Messer gebraucht, beweist in Wirklichkeit, daß die Schriftsteller des Linken Flügels das gleiche Schicksal auf sich genommen haben wie die in gleicher Weise unterdrückten und ermordeten Proletarier. Die Literatur des Linken Flügels leidet jetzt in gleicher Weise wie das Proletariat, in Zukunft wird sie sich natürlich auch wie das Proletariat erheben»; *Antwort auf Fragen der internationalen literarischen Gesellschaft*, 6/14: «Nicht nur meine Zweifel sind völlig hinweggefegt, sondern mein Mut hat sich verstärkt».

Bei den Verweisen auf die «Gesammelten Werke Lu Hsüns» handelt es sich um die chinesische Ausgabe in 10 Bänden, Verlag der Volksliteratur (*Jen-min wen-hsüä tschu-ban-schö*), Peking, 1957/58.

По докладу выступили И. Ласт, возражавший против отнесения произведений Лу Синя к социалистическому реализму, и Б. Кребсова, полемизировавшая с И. Ластом и возражавшая против схематического противопоставления творчества Лу Синя до 1927 г. его позднейшему творчеству.

V. B. NIKITINA, E. V. PAYEVSKAYA, L. D. POZDNEYEVA, D. G. ROEDER (*Moscou*): DE LA TRANSITION DU FOLKLORE À LA LITTÉRATURE ÉCRITE (ÉTAPE DE L'ART ORATOIRE DANS LES LITTÉRATURES DE L'ANCIEN ORIENT)*

Les historiens de littérature de l'Institut des langues orientales de l'Université de Moscou se sont trouvés devant la nécessité de généraliser certaines données sur les littératures de différents pays orientaux et de résoudre certains problèmes théoriques. Cette nécessité était dictée par la conférence d'un cours sur l'histoire des littératures orientales et la composition d'un manuel traitant de la même matière. La transition du folklore à la littérature écrite et individuelle par l'intermédiaire de l'art oratoire constitue l'un des problèmes théoriques à résoudre. Cette conférence est consacrée à ce problème. Des sources et des témoignages très variés depuis

* *Доклад был прочитан Л. Д. Позднеевой.*

les données archéologiques d'anciens monuments littéraires jusqu'aux indices plus récents, représentant des survivances du passé, en tant que matériel complexe, y seront aussi évoqués.

Dans le monde entier les littératures présentent une grande variété quant au caractère de leur origine et de leur développement. Il faut noter en outre le caractère inégal de la conservation des monuments littéraires et de l'état actuel où se trouve la connaissance de ces littératures. C'est pourquoi, l'étude complexe des littératures orientales, particulièrement de celles de la Chine, de l'Inde et de l'Iran qui ont connu une période antique et possèdent une tradition ininterrompue, permet de retracer les étapes différentes du développement littéraire dans son ensemble, de considérer sous certains aspects déjà établis par la science et de reconstituer quelques anneaux manquants dans la chaîne continue de l'histoire littéraire de tel ou autre pays [1].

Les origines de la littérature écrite sont dans le folklore, dont les œuvres vivent des siècles et des millénaires dans la tradition orale et ne sont fixées par l'écriture qu'à une époque de beaucoup postérieure à la naissance de cette dernière. Ceci s'explique par plusieurs ordres de faits.

I. Dès son commencement, et lors des premières étapes de son développement, l'écriture chez tous les peuples se sert d'un matériel peu commode. Ainsi, dans la Chine on se servait pour l'écriture des os de bêtes, des carapaces de tortue, des vaisseaux en bronze dont on s'était servi dès 2000 avant notre ère, etc. Il était impossible d'y inscrire des textes quelque peu développés. C'était à peu près la même chose chez d'autres peuples orientaux. La technique de l'écriture sur les rochers, les murs des pyramides et d'autres édifices, les pierres et les tessons de poterie exigeait un travail très ardu. L'invention d'un matériel plus maniable, comme par exemple les planchettes de bambou en Chine, a permis de créer les premiers livres. Le nombre de ces livres, lourds et peu maniables, était restreint. C'est pourquoi les œuvres du folklore continuaient à se répandre de bouche en bouche par ceux qui les savaient par cœur.

II. Lors des stades primitifs de son existence l'écriture n'avait pas encore conquis l'estime de l'opinion publique. La parole orale continuait à être considérée comme toute-puissante. De très anciens monuments littéraires en fournissent les preuves. On trouve des témoignages éloquents dans des monuments littéraires comme le *Traité de Memphis* en Egypte, l'hymne en l'honneur du dieu Sin à Babylone, et, à une époque postérieure, l'Evangile de Saint Jean («La Parole était au commencement; la Parole était avec Dieu, et cette Parole était Dieu»), etc. Nous pouvons évoquer de même la doctrine du «logos» chez les Grecs, l'existence aux Indes d'une déesse de la parole — Vâch, mère des Védas [2], et, plus tard, d'une autre de la sagesse et de l'éloquence — Sarasvatî. Aux Indes la parole orale, «ce qui s'écoute», appelée *shruti*, c'est-à-dire la révélation, est considérée comme supérieure à la parole écrite, «l'écriture sacrée», appelée *smriti*, litt. «gardé dans la mémoire». N'oublions pas aussi que les œuvres religieuses, comme le Coran ou l'Avesta, sont dites avoir été dictées des cieux. Cette préférence du langage oral au langage écrit se manifestait aussi aux époques postérieures. Ainsi dans la didactique persane médiévale on évoque souvent des sentences orales appartenant à des «autorités»; les poètes persans et arabes du Moyen Age composaient des vers destinés à l'exécution orale plutôt qu'à la lecture. Le *râwi*, chanteur exécutant les vers, devait apprendre par cœur les œuvres poétiques. On dit encore aujourd'hui dans l'Iran qu'un poète ou un écrivain «a dit» et non qu'il «a écrit» telle ou telle chose.

Le système de l'enseignement oral consiste en ce qu'il faut apprendre par cœur des œuvres littéraires en entier. Ce système, qui date de l'antiquité, a survécu jusqu'à nos jours. La méthode orale est appliquée dans le collège de langue sanscrite de Calcutta, dans les écoles du Ceylan et dans les medressés musulmanes. Au début du XXe siècle elle existait encore en Chine; les élèves devaient apprendre par cœur les canons du confucianisme que les maîtres expliquaient par la suite.

III. L'inscription des œuvres orales pouvait aussi être retardée par le fait que ces œuvres étaient composées de plusieurs parties, créées à des époques différentes et soumises à des influences du côté des classes sociales. Avant d'être fixées par l'écriture elles devaient d'abord former un ensemble homogène. Ce fut le sort des livres sacrés, entre autres celui du Rigvéda, de l'Avesta, de la Bible, du «Livre des Chants» (*Cheu-King*), du «Livre des traditions» (*Chou-King*).

Ainsi, la parole écrite qui apparut bien plus tard que la parole orale, à cette époque déjà sanctifiée par le temps et la religion, restait à l'arrière-plan.

«Le commencement de l'art de la parole est dans le folklore», disait M. Gorky. «On appelle „folklore" tout l'ensemble des connaissances que le peuple a tirées de son expérience de travail. . . Longtemps avant l'invention de l'écriture ces connaissances étaient déjà exprimées sous forme de proverbes et dictons, légendes, contes, chansons épiques et traditions. Le savoir du peuple contenait des éléments de science et d'art, tant par son contenu que par son importance. C'était de la science quand il s'agissait de la qualité des matières, des procédés de travail, de la nature des animaux, des propriétés alimentaires et médicales des céréales, des herbes et des racines, des règles de comportement social des individus vis-à-vis de leur famille, de leur clan, de leur tribu. Tout cela prenait la forme de sentences possédant une valeur de loi, de précepte, de règle. Quand les hommes éprouvaient de la joie, de l'extase devant une réussite dans le travail, dans la lutte ou dans l'invention, ils sentaient le besoin de fixer leurs sentiments en composant des chants, des légendes, des traditions [3]».

Ainsi dans la parole orale il existait déjà au temps de la communauté primitive des éléments de suggestion émotionnelle (le rythme, la musique, l'effet mystère). Avec la transmission orale et l'improvisation on voit apparaître les éléments de l'éloquence.

La division de la société en classes sociales a pour suite l'apparition de diverses écoles philosophiques et religieuses dont les représentants défendent la cause de telle ou autre couche sociale. La lutte idéologique entre diverses doctrines philosophiques et religieuses contribue à la formation de l'art oratoire.

Tout comme le cercle de Socrate et l'Académie fondée par Platon, les écoles de l'Inde ancienne, aussi bien que les écoles de l'ancienne Chine confessant le taoïsme ou le confucianisme, comme beaucoup d'autres encore, connaissaient une méthode d'enseignement oral. Les monuments littéraires chinois du IVe et IIIe siècles avant notre ère témoignent de ce que parmi les héros de l'antiquité les uns apprenaient la doctrine des sages directement et les autres par ouï-dire («Mencius»); la transmission des doctrines représentait un processus oral de longue durée (*Tchouangtzeu*). Les œuvres philosophiques de l'Inde ancienne s'appelaient *Upanishad*, ce qui veut dire textuellement «être assis à côté» (c'est-à-dire «être assis à côté du maître et écouter ses sermons»).

Les informations puisées dans le lexique et la syntaxe des monuments

littéraires, et aussi dans le système hiéroglyphique (pour la Chine et l'Egypte) confirment aussi la priorité de la parole sur l'écriture. Les hiéroglyphes chinois désignant la bouche, la parole, l'oreille, servent aussi à désigner des notions comme «l'étude», «la leçon», «le savoir». Dans le système hiéroglyphique égyptien l'oreille était représentée sur le dos de l'élève, tandis que la notion d'«enseignement» était représentée par une main tenant un bâton. Les monuments littéraires de l'ancien Orient connaissent une grande variété de verbes désignant les notions liées à la parole orale et à la perception par l'oreille.

Ces monuments passent sous silence des observations qui dans les textes datant de l'époque de l'écriture étaient obligatoires. Citons comme exemple les textes chinois où l'on trouve l'explication des mots, non des hiéroglyphes, et où l'on traite de l'art de la déclamation et du chant, et non de l'art d'écrire ou de la lecture; où l'on parle des orateurs et de leurs défauts (par exemple, le bégaiement), et non des maîtres du pinceau (de la plume).

Les mêmes observations peuvent être faites par rapport aux œuvres égyptiennes, babyloniennes et hébraïques. On parle beaucoup du langage dans l'Avesta dont le texte est d'ailleurs rempli de verbes, désignant la parole orale. L'éloquence et l'art d'écouter («l'art d'avoir mille oreilles») sont considérés comme des qualités nécessaires à l'homme accompli [4].

Le caractère oral de l'enseignement est confirmé par un fait dont témoignent les traités et les traditions de la Chine ancienne. Il est question de ce que les maîtres enseignaient souvent au cours de leurs voyages, ce qui, à cette époque, excluait la possibilité d'enregistrer leurs pensées et de conserver les inscriptions. D'après la tradition, la vie des prédicateurs légendaires (notamment celle de Bouddha, de Zarathoushtra, etc.) était pour la plupart du temps remplie de voyages. C'est pourquoi les discours des maîtres et des prédicateurs étaient appris par cœur par leurs élèves et disciples et transmis ensuite aux générations nouvelles. On ne sait qui et quand joua dans les pays de l'Orient le rôle que joua Platon par rapport à Socrate, ni combien il y eût de ces Platons. Néanmoins, ces Platons existaient, ce qui peut être confirmé par l'histoire de l'inscription du Coran, monument littéraire d'une époque assez tardive, mais appartenant au même stade du développement littéraire. Lors de la vie de Mohammed on n'avait fixé qu'une quantité minimale de ses sentences. Après la mort du prophète et de la majorité de ses disciples, qui savaient ses discours par cœur, l'ancien secrétaire du prophète — Zeid rassembla et codifia ses sentences à l'aide de différentes sources orales et écrites. Les versions orales continuaient, cependant, leur existence et différaient de plus en plus les unes des autres, ce qui nécessita par la suite l'apparition d'une seconde rédaction. Cette dernière fut sanctifiée.

Beaucoup de temps s'écoulait entre le moment où les préceptes étaient prononcés pour la première fois et celui où ils étaient notés par écrit. C'est pourquoi au texte primaire qui représentait déjà lui-même l'héritage de la littérature populaire, s'ajoutaient continuellement des couches nouvelles. De là de nombreuses répétitions et des contradictions dans les monuments littéraires de l'ancien Orient. Il en est ainsi pour les Védas, l'Avesta, la Bible, le «Livre des traditions». L'existence de couches superposées dans les monuments littéraires et l'entrelacement de divers éléments appartenant à des époques différentes même à l'intérieur d'une même partie est observée dans l'Avesta par J. S. Braginsky [5] et quant à l'Evangile par

Y. P. Frantzev [6]. Les Védas et la *Mahâbhârata* peuvent aussi servir d'exemple. La présence de couches différentes dans les traités philosophiques chinois est souvent considérée comme le résultat d'une falsification postérieure, — même dans les cas où l'on reconnaît que ces traités sont des discours inscrits par la suite. L'attention de ceux qui étudient ces traités doit être dirigée non vers les scribes et les copistes, mais vers les auteurs véritables, non vers ce qui a été écrit, mais vers ce qui a été prononcé; autrement dit, ces traités doivent être considérés comme des œuvres de l'art oratoire [7].

Les activités des écoles philosophiques et religieuses étaient dictées par leur idéologie.

Les œuvres collectives appartenant à telle ou autre école étaient souvent attribuées à son fondateur ou au plus remarquable de ses partisans. C'est pourquoi l'on y trouve des indices de création individuelle. Des monuments littéraires chinois appartenant à peu près à la même époque, comme, par exemple, le *Tao Te King*, et le *Luen yeu*, le *Tchouangtzêu* et le *Mêngtzêu* présentent des différences très marquées.

Au fur et à mesure que la parole orale devenait plus riche en idées, sa forme se perfectionnait. Les monologues et les dialogues, rapportés à l'aide du style direct dans les monuments littéraires les plus anciens (les Védas, l'Avesta, la Bible) se compliquent et se perfectionnent. Ils deviennent mieux adaptés aux besoins de la lutte idéologique. Les œuvres citées contiennent une grande quantité de dialogues — causeries ou discussions. Les parties philosophiques du *Mahâbhârata* (*Bhâgavadgîtâ*, *Anugîta* et d'autres) sont entièrement construites en forme de dialogue; la même chose pour *Le dialogue du maître avec son esclave* et le *Poème des souffrances du juste* (Babylone), *Le dialogue du désespéré avec son âme* (Egypte), *Le Livre de Job* (La Bible) et certaines parties de l'Avesta.

A mesure que la lutte idéologique devenait plus ardue, l'on peut observer dans les œuvres philosophiques de la Chine ancienne et de l'Inde, dans la littérature du bouddhisme, du zoroastrisme et du christianisme, un développement plus poussé des procédés de la rhétorique et de la logique. L'élément artistique devient de beaucoup plus marqué. Pour prouver la vérité des doctrines traitées dans ces œuvres, on y évoque souvent les autorités de l'antiquité, ou les œuvres du folklore (les mythes, les traditions, les chants, les proverbes, les devinettes, les comparaisons et les métaphores). L'analogie sert de procédé d'argumentation. Ainsi naquit la parabole (dans le *Tchouangtzêu*, les *Jâtaka*, l'Evangile, la littérature philosophique et religieuse de l'époque des Sassanides en Iran). L'on trouve aussi, comme suite du développement de la logique dialectique, le procédé d'antithèse (dans le *Tao Te King*, le *Tchouangtzêu*). On attribuait aux héros mythologiques, légendaires ou historiques des opinions qui correspondaient à la doctrine de telle ou autre école. Les héros étaient représentés non tels qu'ils avaient été mais tels que l'on aurait voulu qu'ils eussent été. C'est déjà le début de la fiction artistique.

Les monuments littéraires de ces époques éloignées révèlent certains traits caractéristiques de l'esprit antique, notamment l'absence de limites précises entre la religion et la science, la philosophie et la littérature. Lors de la délimitation de ces activités d'esprit et au cours du développement indépendant des types et genres de littérature les procédés artistiques élaborés par les orateurs influencèrent la poésie individuelle (comme exemple citons le rôle du monologue et du dialogue dans la poésie lyrique de K'iū Iuén, de Sóung Iû, de Kià I en Chine) et la dramaturgie (dans le drame indien classique le discours direct des personnages reflète leur caractère).

On employait largement les procédés de l'art oratoire dans la littérature didactique de l'ancien Orient. Ces procédés ont contribué à la formation des genres littéraires indépendants comme l'anecdote, la fable, le fabliau, etc. Ceci est très important car ces genres sont les prédécesseurs de la nouvelle, du récit, du roman.

Le développement de l'art oratoire a influencé aussi la formation du genre chronical.

Les premiers monuments littéraires des peuples de l'Orient étaient composés en discours direct; notons, à titre d'exemple, les *Textes des Pyramides* en Egypte, les inscriptions des rois assyriens et persans, les édits d'Ashoka dans l'Inde, le «Décalogue» de Moïse chez les Hébreux. Les plus anciens monuments littéraires chinois présentent une série de questions posées à l'oracle et les réponses à ces questions, où bien des discours de roi. Dans la plus ancienne des chroniques chinoises conversées *Tch'ouĕnnts'ioū* («Le printemps et l'automne», 722—481 avant notre ère) on observe pour la première fois un certain écart de la tradition orale (ce qui se manifeste par le caractère narratif du style et l'absence du discours direct), bien que l'enregistrement des événements qui ont lieu dans le temps et l'espace conserve encore la forme de questions à l'oracle. Les commentaires aux chroniques constituent l'étape suivante dans le développement du genre historique. Ce genre est aussi lié à la parole orale. On y trouve la description des événements, des monologues et des dialogues, depuis les plus simples (*Kōungiàngtchouén*, *Kŏu Ieang tchouén*), jusqu'aux plus développés (*Tsouò tchoén*), qui s'approchent des monuments de l'art oratoire des époques postérieures. Ce progrès devient possible parce que l'école des commentateurs s'adresse à un monument oral de l'époque «Les discours du règne» (967—453 avant notre ère). C'est ainsi que les traditions de la parole écrite, dont la fonction est d'enregister les événements, se joignent aux traditions de la parole orale qui enregistre les discours. Au début cette combinaison de sources différentes était encore mécanique et assez primitive. L'assemblage ne se faisait que par rapport à une seule et même date. Mais grâce à lui la formation des chroniques s'enrichit de traditions folkloriques et d'éloquence individuelle. C'est dans les «Mémoires historiques» de Sema Ts'ien (151—81 avant notre ère) que nous voyons pour la première fois un véritable alliage d'éléments écrits et oraux, de toutes les richesses que possède la langue. Cet ouvrage présente l'image d'un développement génial du style chronical. C'est de l'art verbal écrit au sens direct de ces mots. La chronique connaît le même développement dans d'autres pays. Ainsi, en Egypte, la chronique de Palerme n'était qu'une énumération d'événements et de dates, tandis que les chroniques postérieures, les chroniques de Karnak rédigées sous le règne de Thotmes III (Nouvelle Empire) donnent l'exemple d'une narration vivante avec l'emploi du style direct et des procédés de l'art oratoire.

En même temps le contenu des chroniques, comme celui des monuments reflétant la lutte idéologique, témoignent de ce que l'éloquence dans une société divisée en classes sociales sert d'arme à la classe dirigeante. C'est le moment où la littérature se sépare du folklore, et où apparaissent les conditions favorisant la création individuelle.

Depuis lors la littérature créée au temps de la communauté primitive se divise en deux flots différents: l'un est fidèle aux traditions du folklore, et l'autre est pour la plupart du temps au service des classes supérieures. Néanmoins du moment où se dégage cette seconde littérature et jusqu'au moment où elle donne naissance à des œuvres véritablement individuelles, écrites par l'auteur lui-même, il se passe tout une époque. Au début

on observe dans les œuvres orales de création (appartenant à telle ou autre école) une tendance à trier et à commenter l'héritage populaire; en même temps se produit l'assemblage et la notation par écrit de différents morceaux de monuments littéraires, appartenant à des époques différentes. C'est le stade intermédiaire pendant lequel s'accomplit la transition de l'art oral à l'art écrit. Autrement dit, c'est le stade de l'art oratoire qui n'a été jusqu'ici fixé que dans l'histoire de la Grèce, de Rome et encore quelques autres pays.

L'étude de ce problème, pour ce qui est de la littérature de l'Ancien Orient, confirme le point de vue énoncé par les historiens de la littérature soviétiques d'après lequel le développement littéraire de chaque peuple, oriental ou occidental, malgré la divergence des formes, passe régulièrement par les mêmes étapes, étroitement liées au développement de la société.

NOTES

[1] Les auteurs d'un ouvrage monumental intitulé *The Growth of Literature* (v. I—III, Cambridge, 1936—1940), H. Munro Chadwick et N. Kershaw Chadwick, ont déjà tenté une étude complexe des littératures mondiales. Néanmoins ils n'ont pas réussi à résoudre le problème traité dans le présent rapport, c'est-à-dire le problème de la corrélation entre l'art écrit et l'art oral.

[2] *Taittirīya-Brāhmana*, II, 885.

[3] «Архив М. Горького», т. III, М., 1951, стр. 235 (О фольклоре. Действительность есть движение).

[4] Cf. *Mihr-Yasht* dans l'Avesta.

[5] Cf. И. С. Брагинский, *Из истории таджикской народной поэзии*, М., 1956.

[6] Ю. П. Францев, *У истоков религии и свободомыслия*, М., 1959.

[7] Л. Д. Позднеева, «Вестник древней истории», 1958 № 3 и 1959, № 3.

По докладу выступили Ф. Токеи, В. С. Колоколов, К. Иосикава.

11 августа, вечернее заседание
Председатель У. Добсон (*Торонто*)

W. SIMON (*London*): THE RECONSTRUCTION OF ORIGINAL CLUSTER «NASAL+*r*» THROUGH TIBETAN-CHINESE WORD EQUATIONS

Since announcing the title of this lecture as 'Clusters of Nasal+Liquida' a few months ago, I decided to deal only with clusters "Nasal+*r*" and not also with clusters "Nasal+*l*" on the Tibetan side, but this limitation makes it all the more necessary to point out my first assumption on the Chinese side, which is that the *r* in such a Tibetan cluster will be either v o c a l i z e d in Chinese or appear there as *l* implying that Chinese in fact never had an *r*-sound.

By way of introduction, I shall, however, operate with a few cases of Tibetan clusters consisting of a "Plosive+*l*". In such cases we witness in Chinese the vocalization of the *l* after the plosive, much in the same way as we observe the *l* of Latin *flamma* developing in Italian to the *i* of *fiamma*. Vocalization of this kind seems also to have occurred in the Tibetan field, since we have *p'yogs* "side" by the side of *logs* (Chinese *fang* GSR[1] 740 a *pi̯wang*) and *p'yag* honorific for "hand" by the side of *lag*, probably related to Chin. *bey* (*gerbey*), 掰 GSR 853s *pi̯ĕg*.

To take a clear case of a Tibeto-Chinese word equation, the doublets *loṅ* and *ldoṅ* "to be blind", clearly going back to an original Tibetan **dloṅ* with an initial cluster *dl-*, has its equivalent in Chinese in *loong* 聾, GSR 1193m *lung* "deaf". As far as the discrepancy in meaning is concerned it will be observed that the same discrepancy occurs in the words for "seeing" and "hearing": Tibetan *mt'oṅ* "to see" corresponds to Chinese *ting* 聽, GSR 835 *d't'ieng* "to hear"[2]. A trace of the original initial dental on the Chinese side can be seen in *choong* 寵 "to cherish", where Karlgren (GSR 1193p) has now — as opposed to his entry in the *Analytic Dictionary*, — rightly assumed an archaic cluster *t'l* — (*t'l̥iung*)[3]. *ldaṅ* by the side of *laṅ* "to rise" would seem to have an obvious correspondence in Chinese *shaang* (*shanq*) 上, GSR 726 *d̂iang*, though the question of the Chinese palatalised initial must be gone into.

To turn now to clusters "Nasal + *r*", I take as a first example an equation suggested many years ago, *viz.* Tib. *bro* "dance" = Chinese *wuu* 舞, GSR 103g *mi̯wo*. The equation is based on the assumption of an original cluster "Nasal + *r*", which on the Tibetan side, *via* an epenthetic voiced stop, leads to the loss of the original nasal, whereas in Chinese the nasal is preserved, but the *l* vocalised. The loss of the nasal assumed for the Tibetan word clearly recalls cases as Greek *brotós* from **mrotós* (for *mortos*)[4].

A second type is represented by cases where we witness two alternative forms (doublets) much like the kind just observed (*ldoṅ* || *loṅ*) with the initial cluster "Plosive + *l*" in Tibetan. The comparison with Chinese definitely supports again the reconstruction of an original cluster "Nasal + *r*". I should like to illustrate this type by the alternatives *bro* and *ro* for "taste", apart from which Jäschke (basing himself apparently on dialects) also records a form *brod*. The obvious Chinese equivalent is *wey* 味, GSR 531g *mi̯wəd*. It may be noted that Jäschke, though quoting an example like *ro myoṅ-ba* "to taste" under *ro* and *bro lta-ba* or *myoṅ-ba* under *bro* with the same meaning, has apparently failed to recognise as such what must be described as "doublets" from the etymological point of view.

A further type to be mentioned at this stage can be represented by a further plausible equation, *viz.* *'brog* "summer pasture" = Chinese *muh* 牧, GSR 1033 *mi̯ok* "to herd, herdsman, pasture-grounds", where we meet a prefix, in this case the so-called *a ch'uṅ* in front of the *b* which on its part clearly results from an original cluster *mr-*.

Finally I wish to refer at this stage, and I shall later come back to, Tibetan words like *dro* "the hot time of the day", *dro-ba* "to be warm", *drod* "heat" by the side of *sro-ba* "to make warm" which, when compared to Chinese *reh* 熱, GSR 330j *ńi̯at*, would lead us to assume original clusters *nr-* or *snr-*. This might cause a reconsideration in principle of Karlgren's reconstruction of an archaic palatal *ń-*, by which, *via ńź* (for *ʒ*) he accounts for the modern initial supradental fricative (rendered as *r*). In this particular Chinese phonetic series concerned we observe in any case alternation between a nasal and an *s* sound (*shyh* 勢 *śi̯ad*), the explanation of which Karlgren leaves open. To sum up the results so far, it may be said that on the Chinese side some of the nasals followed by a short *i̯* would seem to go back to an ancient cluster "Nasal + *l*", and that on the Tibetan side either doublets or comparison with Chinese may lead us to suspect original "Nasal + *r*" when we find there either a "Voiced Stop + *r*" or merely an initial *r*.

It is possible, I think, to carry this research a little further by bringing in both on the Tibetan and on the Chinese sides cognate words which seem to form "word families".

The first example of this latter kind that I wish to adduce is the Tibetan *reṅ-ba* "to be stiff, hard, rigid" with *reṅs-pa* "solid, coagulated, stiff, hard".

Bearing in mind that, as we have seen, initial *r* may go back to an original cluster "Nasal+*r*", the Chinese word that comes to mind is, of course, *ning* 凝, GSR 956h *ngiəng* "to freeze, coagulate, solid".

Taking our bearing from the previous examples this would induce to look round on the Tibetan side for cognate words with the cluster *gr-*, preceded or not preceded by prefixes.

graṅ-ba "cold, to be cold" offers itself as a first possible cognate word and with it Chinese *leeng* 冷, GSR 823h ancient *lvng*[5].

With the *a ch'uṅ* prefix we have in Tibetan *'greṅ-ba* "to stand erect (stiff)" and furthermore *groṅ-ba*, the honorific word for "to die", this latter word recalls, apart from the slangy "a stiff" for "a corpse", German *sterben* "to die" belonging to *starr* ("stiff"). There is also the causative *sgreṅ-ba* "to raise, erect, lift up, plant up, etc.". I think it likely that words like *bgraṅ-ba* "to count", *graṅs* "number" [literally: "place (occasion) to count"] belong here also, the word "finger" as the obvious thing to be stiffened or lifted when counting being understood. There is also a form *bgreṅ-ba* for *sgreṅ-ba*. A Chinese word that belongs to the same family is modern *jiang* 僵 "stiff" which apparently has survived only dialectically, but probably goes back to an ancient *kiang* (cp. *jiang shy* 僵尸 "vampire").

The reconstruction of an archaic cluster "Nasal+*l*" on the Chinese side may explain why *minq* 命 "order, destiny" and *ling* 令 "to order" appear in one and the same phonetic series and *minq* may, therefore, be explained as a 諧聲 *shye sheng*, not as a *huey yih* 會意 (GSR 762). Karlgren refers to the graphs for *minq* and *ling* as being in fact interchangeable (GSR 823).

The next word that I am going to adduce on the Tibetan side reveals difficulties of a lexicographical nature that I am glad to be able to direct attention to, though they obviously cannot be discussed here in detail.

From what we have seen so far, it is justifiable to suspect Tibetan initial *r-* as being the remainder of original clusters like *ṅr-*, *mr-*, or *nr-* and perhaps also *nyr-* and to look therefore for cognates among Tibetan words starting with clusters like *gr-*, *br-* or *dr-*, which on their part can be prefixed. It must be borne in mind, however, that while the clusters *gr-* and *br-* can have an *s-* prefix (*sgr-*, *sbr-*), *sdr-* does not occur as an initial cluster. Furthermore it must be borne in mind that we have the initial clusters *rṅ-*, *rn-*, *rm-*, and *rny-* and it must also be noted that we witness in a few words initial *smr-* and in three words *snr-*, *viz.* in *snrubs* and *snron* (nakshatra 17 and 18) and in the compound *snrel-(g)źi* for "oblique".

Clear correspondences between *r-* and *dr-* and *sr-* can be found apart from *ro, dro, sro* quoted above, in the groups *'drul-ba* "to become putrid", Perfect *drul* and *rul-ba* and *srul-ba* with the same meaning, and *dr-* and *r-* in a) *dral-ba* (pf. *dral*) "to tear to pieces" and *ral-ba* (also *hral*) "torn", and in b) *'dre-ba* "to be mixed with", *'dren*, *'dres* "mixture" and *sre* "to mix with".

The group of words that I should like to place before you are the following:

a) with the vowels *a/o*

dran-po "straight, right, honest" and

sron-ba, *bsrans*, Fut. *bsran*, Imp. *sron*(s), *bsran* "to straighten", brought together by cross reference already by Jäschke, who also refers in this connection to *sran* "pair of scales, balance, steel-yard" (but there does not seem a connection between these obvious cognates and *ran* "self", or for that matter *ran-ba*, Pref. *rans* "to rejoice");

b) with the vowel *i*

rin "long" (time) and "distant", correctly connected by cross reference in Jäschke's *Dictionary* with

srin "to extend, stretch, stretch out". (There does not seem to be any cognate with initial *dr-*.)

c) with the vowel *u*

run "to be fit, suitable, right", which may perhaps be connected with

srun "to keep, guard" (Sanskrit: *raksha*) but also "to save from, keep, preserve" so that it might be interpreted as meaning primarily "to cause to be fit, keep fit". (Again there does not seem to be any cognate with an initial *dr-*.)

No support for the assumption of an original cluster *nr-* can be derived from two Chinese words that may be suggested owing to their meaning, *viz. jenq* "straight, correct, right" 正, GSR 833j *tjĕng*, and *charng* "long" 長, GSR 721 *d'jang*. But it is possible to think of Chinese *reng* 仍, GSR 945e *ńjəng* "as before, to repeat, etc." in connection with *srun* just mentioned, and this, then, would, as in the case of *reh* "hot", connected before with *srod* "heat", suggest an initial cluster *snr-* instead of Karlgren's initial palatal *ń* (*snrəng* > *snjəng*). I do, in fact, believe that these latter words are cognates on the Chinese side, but such an assumption would hardly be acceptable unless it were possible to show that words like *ran-ba* "to rejoice" and also *ran* "self" are, in spite of the meanings just set out, cognate words.

I think it is possible to prove that *ran* meant originally "straight" and *ran-ba* "to be straight". Starting with the verb *ran-ba*, it must be said in the first instance that words like *yid* or *yi* "mind" or *sems* "soul, mind" are often actually mentioned in connection with *ran-ba* in the meaning "to rejoice" and in other cases, the word *yi* (*yid*) was apparently understood. "To rejoice" is originally "to be straight", as far as the mind is concerned, and Jäschke himself notes *sems mi rans-par* "discontented". The literal translation of *yid ran-ba* is "to be straight as far as the mind is concerned", *i. e.* "at ease". One would, however, need support from passages or "collocations" in which *ran-ba* "to be straight" is **not** used **figuratively**, as in the case of *yid ran-ba*, but **literally**.

I found examples of that kind in a passage of the Tibetan version of the *Karmaśataka*. As is well known, we do not possess either the Sanskrit original or the Chinese version of this work; however, the meaning of this passage is quite clear. It occurs in one of two stories about a hunchback whose back through a miracle performed by the Buddha becomes "as straight as it was before". The promise "We shall straighten your back" is made (in one of the two stories) by fraudulent woodcutters to a hunchbacked princess and the Tibetan text is then *khyod-kyi*

rgyab dran-por bsron-ño. In another passage, however, a paraphrase *rans-par byed-pa* is used. The father of a hunchbacked boy is convinced that doctors "would be able to make his boy's back straight as before" *de-dag-gis bdag-gi bu'i rgyab sña mkho-bźin-du rans-par byad nus kyaṅ sriddo*. A little later, the boy after listening to a sermon of the Buddha rises together with the other monks from the seat and no sooner does he do so than his back becomes indeed "as straight as it was before", *de khri las lans-pa'i mod las rgyab sgur-ba de sña 'kho-bźin-du rans-par gyur-to*. With the latter collocation (*rans-par gyur-ba*) occurring twice we have in fact three examples for the meaning of *rans-pa* "to be straight" ("to have got straight"), and it is worth noting that this meaning, not to be found in Western dictionaries of Tibetan, nor, for that matter, in the Tibetan—Tibetan Dictionary by *dGe-bśes chos-kyi gśags-pa* sinisized as 格西典札 *Ger-shyi cheu-jar* in the 1957 edition of his Dictionary with Chinese translation (*Tzanqwen-tsyrdean*), has also worried the Mongolian translators of the *Kanjur*, who only in one of the passages used the Mongolian word for "straight" (*šidurγu*), in the other two they use a word meaning "to stiffen" (obviously confusing *raṅ* with *reṅ*)[6], and in the third they use the word *tegüskü* "perfect, complete". It may furthermore be adduced that in the compound *gnyer-ma rans-pa*, which apparently means "full of wrinkles" *rans-pa* corresponds to *vitata* "stretched out, extended", as we see from the Sanskrit compound *vitata-valikā*, which it translates, according to *Mahāvyutpattī*, No. 6946.

In the figurative sense "to put at ease" *rans*, preceded by *nyams* "mind" occurs to translate the Sanskrit *ayantritā* (lit. "without fetters", etc.) in the well known cliché[7] about the pregnant woman who is "put at her ease" on the upper floor, *upariprāsādatala-gatām ayantritāṁ dhārayati*, Tibetan *Karmaśataka* (and also *Avadānaśataka*, Tibetan version): *nyam rans-su bźag-ste*. The Chinese version of the *Divyāvadāna* has *an jyh tzay gau lou-shanq renn chyng you shih* 安置在高楼上任情遊戲.

Passing then over to *raṅ* and therewith to the entry *raṅ* in Jäschke's *Dictionary*, I should like to point out briefly that the basic meaning seems again to be "straight". What is "straight" has its n a t u r a l shape; it is neither bent nor crooked, it is r i g h t and not wrong, s p o n t a n e o u s and not enforced, it is d i r e c t and not by proxy, the v e r y s a m e, s e l f s a m e person or thing, and not a substitute, in fact the thing or the person i t s e l f. I think it is possible to reconcile all the various meanings listed by Jäschke with what I suggest to be the basic meaning of *raṅ*.

As I said before, this is not the place to enlarge on our state of Tibetan lexicology where a hitherto unrecorded meaning of a word may drastically affect the structure of a lexical entry, quite apart from enabling us to build up more complete lists of cognate words.

I wish to extend a little further the list of words originally starting with *nr-* (or *snr-*) by taking a case with *r* metathesis. It would seem extremely likely that the Tibetan words for "sharp, pointed, acute", *viz.*: *rno* and *rnon* belong together with *rna-ba* "ear"[8] ("the pointed one"), on the one hand, and with *snyan* "to hear" on the other. "To hear" is to "prick" (one's ear, "ear" to be understood; cp. Greek ἀκούω, German *spitzen* "make pointed", and Sanscrit *karṇa* "point"). This presupposes the assumption of the loss of the *r* after the palatalised *ń* (*snyran* > *snyan*), for which there seem to be other examples. Tibetan *rnon* "sharpness" has an obvious equivalent in Chinese *renn* "edge" 刃, GSR 456 a *ńi̯ən*.

In the same Chinese phonetic series we witness *reen* "to endure" 忍, GSR 456 c *nįən* which suggests Tibetan *sran* "to endure". The Tibetan word on its part clearly belongs with *sra*, *sran* "hard, solid".

Turning now to original clusters *mr-*, I wish to suggest an original cluster *mr-* on evidence similar to the one adduced at the beginning of this paper for *bro* and *ro*, both meaning "taste" and belonging with Chinese *wey* 味 (archaic *mįwəd*). The two Tibetan words are not "doublets" but simply cognate words, *viz. rum* "the womb", and *sbrum-pa* "pregnant", going back to an earlier **smrum-pa*. This reconstruction gets further support from Chinese *renn* 妊, GSR 667 i *ńįəm*, for which I would assume an earlier **smįəm*, dissimilated to *snįəm*.

I should like to conclude with two further cases where, as in the case of *rna*, the *r* has shifted place through metathesis. The first is the obvious case of Tibetan *rmugs-pa* "fog" which I equated long ago with Chinese *wuh* 霧, GSR 1109t *mįuġ*.

The second case shows metathesis both on the Tibetan and the Chinese side, but in Chinese, if my assumption is correct, the nasal as such no longer appears but has been absorbed by a labial fricative *w* which follows.

The case I wish to adduce is the Tibetan word for "plough", *rmod-pa*, belonging with *rmo-ba* "to plough". There seems little likelihood at first sight that there should be any connection between *rmod* and Chinese *leei* 来, GSR 578a *lwər* (besides *lįwər*). As is well known, the final *r* in Karlgren's reconstruction represents a final dental of some kind and I personally should prefer to replace it by a voiced dental fricative [*đ*]. The suggestion, then, is to refer back *lwər* to an older **lmwər*, supporting the simplification of the initial cluster by cases like Archaic *χmwang* simplified to Ancient *χwang* in *huang* 荒 and 慌 or *hoang* 謊 (GSR 742e′, f′, g′) or in *hong* 薨, GSR 902g *χmwəng*.

This would necessitate the assumption of an original *va-zur* (*rmwod*) on the Tibetan side, the fall of which we have to assume in many cases on Chinese evidence. The most interesting point about this equation seems to be that this time we appear to witness in the initial *l* the survival of a shifted sound in Chinese instead of its normal vocalization.

The above suggested reconstructions have been undertaken in an attempt to arrive at more archaic stages of both Chinese and Tibetan than the evidence of either single language would allow us to reach. Moreover, through the reconstruction of initial clusters we are a little better placed in carrying out etymological research in a linguistic field where the word bodies are singularly lacking in substance and, as it were, in palpability.

NOTES

[1] GSR, followed by a figure and a letter refers to the entries in B. Karlgren's *Grammata Serica Recensa*, Stockholm, 1957. The asterisk preceding Karlgren's reconstructions of archaic Chinese which are reproduced here, has been omitted.

[2] For the vocalism cp. Tib. *sdoń-po*, Chin. *tyng* 廷, GSR 835l, *d'ieng* "stalk of a plant".

[3] Cp. GSR 597i *t'liər* 體 *tii* "body", Tib. *lus* [no alternative **ltus* is transmitted].

[4] See, *e. g.*, Meillet-Vendryès, *Traité de Grammaire comparée*, 2nd ed., 1948, p. 131.

[5] Karlgren has refrained from reconstructing an archaic value for this variant of pronunciation.

[6] This confusion occurs also in the *Mahāvyutpattī* where *reṅs-pa* in No. 6946 appears as an alternative to *raṅs-pa* quoted as the next example.

[7] *Divyāvadāna*, Cowell and Neil, 1886, p. 2[18].

[8] It is difficult to bring in Chinese *eel* 𠂤, GSR 981a/b *ńiəg*, as it ended originally in a guttural.

По докладу выступил С. Е. Яхонтов.

В. И. ГОРЕЛОВ (*Москва*): ОСНОВНЫЕ СРЕДСТВА ОБЪЕДИНЕНИЯ ЧАСТЕЙ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Цель настоящего доклада — рассмотреть вопросы, связанные с грамматической характеристикой некоторых средств объединения частей сложного предложения, а также попытаться хотя бы в общих чертах наметить в качестве предварительной версии систему основных средств и способов сочетания предложений в сложные синтаксические единства в современном китайском литературном языке.

* * *

Одним из важнейших средств объединения частей сложного предложения являются союзы. Огромная роль союзов как средства синтаксической связи общеизвестна. Применение союзов сложного предложения характерно главным образом для письменной речи [1], особенно для таких ее жанров, как газетно-журнальный и научно-деловой язык. В произведениях современной художественной литературы также можно найти большое число примеров объединения частей сложного предложения посредством союзов. Произведенный нами подсчет, правда, не претендующий на исчерпывающую полноту, позволяет говорить о том, что в сложном предложении современного китайского литературного языка в общей сложности употребляется около ста пятидесяти союзов, не считая союзных сочетаний.

Союзы сложного предложения неоднородны морфологически. Говоря о строении союзов китайского языка, следует иметь в виду, что их основную массу составляют производные союзы. Последние в своем подавляющем большинстве состоят из двух морфем и лишь в единичных случаях представляют собой трехморфемные образования (*ююй* «так как», *вэйдышы* «чтобы»). Вместе с тем встречаются также непроизводные союзы, равные одной морфеме (*жу* «если»).

По внутренней структуре производные союзы представляют собой самые различные образования. Многие из производных союзов являются дериватами непроизводных союзов или слов, принадлежащих к иным лексико-грамматическим категориям. Некоторые же из них возникли в результате слияния в одно слово двух синонимичных непроизводных союзов и по существу являются своеобразными плеоназмами. Кроме того, в китайском языке встречаются сложные союзы, представляющие собой образования, состоящие из двух служебных слов (например, *хаосян. . . сыды* «как», «будто», «словно») [2]. Важнейшей структурной особенностью сложных союзов является то, что их компоненты, как правило, находятся на расстоянии друг от друга. Сложные союзы возникли и сформировались в результате развития всей системы служебных слов китай-

ского языка как средство выражения наиболее абстрактных отношений в составе сложных синтаксических единств.

Наконец, следует упомянуть устойчивые сочетания союзов с знаменательными словами типа *жуго. . . хуа* «в том случае, если». Поскольку эти сочетания являются устойчивыми и включают в своей состав подчинительные союзы, их целесообразно назвать союзными фразеологическими единствами. Характерная конструктивная особенность этих образований также заключается в том, что их части разобщены; это единство на расстоянии. Придаточное предложение, помещаясь между компонентами союзного фразеологического единства, присоединяется ко второй его части посредством служебного слова *ды*. Хотя сложные союзы и союзные фразеологические единства разложимы, так как их составные части обладают лексической отдельностью, однако в синтаксическом плане они не свободны и выступают как единое синтаксическое средство, используемое в языке для сцепления частей сложного предложения.

Многие союзы сложного предложения характеризуются способностью образовывать в процессе употребления повторные сочетания типа *хочжэ. . . хочжэ. . .* «или. . . или. . .», а также сочетания парные, такие, например, как *иньвэй. . . соц. . .* «так как. . . то. . .». Они позволяют четко обозначить и полно выразить сложные предметно-логические отношения. Повторные и парные союзы не образуют отдельных типологических классов. Они появились в языке не как структурные типы, сложившиеся в процессе формирования служебных слов, а как типы функциональные, порожденные особенностями употребления.

Повторные и парные союзы по своему внешнему виду, обусловленному структурными особенностями, весьма сходны со сложными союзами и союзными фразеологическими единствами. Однако сходство между ними ограничивается лишь внешней стороной. Компоненты повторных и парных союзов находятся в разных частях сложного целого, тогда как компоненты сложных союзов и союзных фразеологических единств помещаются в одной части сложного предложения.

Круг значений, выражаемых союзами в сфере сложного предложения, необычайно широк. А. А. Шахматов писал: «Союз имеет значение не сам по себе, а как выразителя того или иного сочетания (выделено нами. — *В. Г.*), как словесное обнаружение такого сочетания» [3]. И действительно, значения союзов определяются теми вещественно-логическими отношениями, которые лежат в основе определенных синтаксических построений, выразителями которых являются союзы. Союзы сложного предложения выражают разнообразные и многосторонние отношения между явлениями действительности. Смысловой объем некоторых союзов сложного предложения весьма велик. Эти союзы способны сочетать основное значение с добавочным, что позволяет им передавать тонкие смысловые оттенки.

По степени грамматизации союзы современного китайского языка неоднородны. Одни из них, такие, как слово *эр* «и», «да», «но», давно уже перешли в разряд служебных слов, полностью грамматизованы и призваны ныне выражать в языке разнообразные отношения. Это — союзы раннего, первичного происхождения, так называемые «первообразные» союзы. Другие, такие, как слово *цзишы* «если даже допустить, что», уже перешли в разряд служебных слов, но еще не полностью утратили исходное вещественное значение. Союзы данной группы — более позднего, вторичного происхождения. Наконец, есть и такие союзы которые совпа-

дают по своей звуковой и графической форме с знаменательными словами, от которых они произошли. Это явление представляется нам как существование двух генетически связанных слов-омонимов: знаменательного и служебного (например, союз *хао* «чтобы» и знаменательная часть речи *хао* «хорошо», «хороший»).

Союзы, употребляемые в сложном предложении, распадаются на девять семантических классов: соединительные, противительные, разделительные, сопоставительные [4], целевые, причинные, условные, уступительные, сравнительные.

Особенности употребления союзов в сложном предложении современного китайского литературного языка бывают двоякого рода. Одни из них обусловлены содержанием сложного предложения, характером выражаемых ими смысловых отношений и всей совокупностью условий, возникающих в результате взаимодействия различных элементов сложного предложения, как лексических, так и грамматических; другие определяются добавочными смысловыми значениями и структурой самих союзов.

Большинство союзов сложного предложения обладает широкими позиционными возможностями, что применительно к китайскому языку является показателем высокой степени грамматизации лексических элементов. Все сочинительные союзы, кроме разделительных, и все подчинительные союзы, за исключением сравнительных, характеризуются способностью образовывать в процессе употребления парные сочетания. В сфере употребления союзов сложные предложения выступают как определенные структурно-семантические единства. Союз функционирует в сложном предложении не как самодовлеющая величина, а как одно из грамматических средств, которое способно реализовать свое значение, лишь взаимодействуя с другими лексическими и грамматическими средствами языка.

Сочетание предложений посредством союзов и союзных фразеологических единств является наиболее совершенным способом синтаксической связи, располагающим большими возможностями для полного и четкого обозначения и выражения наиболее сложных вещественно-логических отношений между частями сложного предложения.

* * *

Наблюдая сложное предложение в китайском языке, легко заметить, что в его составе, помимо союзов, часто встречаются слова типа *цзю*, *бянь*, *цай*, сочетания предлогов с послелогами, такие, как *цзыцун. . . илай*, а также лексические элементы вроде *дэндао*, *жэньпин*.

В условиях непрерывного развития всех сторон языка и возможного перехода слов из одного класса в другой неизбежно тесное соприкосновение слов разных типов и существование целого ряда промежуточных категорий. И действительно, союзы и названные слова не изолированы друг от друга, а, напротив, соприкасаются и взаимодействуют между собой, причем соприкосновение бывает столь близким, а взаимодействие столь полным, что нередко союзы смешивают со словами указанных выше категорий. «Hard and fast lines (абсолютно резкие [5] разграничительные линии) несовместимы с теорией развития», — пишет Энгельс. Тем не менее он считает, что деление на определенные категории сохраняет свое значение для повседневного обихода [6]. Факт использования тех или иных слов в сложном предложении сам по себе еще не может служить достаточным основанием для зачисления их в разряд союзов, так как китайский язык располагает многочисленными средствами объединения

предложений в сложные синтаксические единицы, но далеко не все они являются союзами. Чтобы разграничить союзы и слова, входящие в смежные лексико-грамматические категории, необходимо выяснить свойства и особенности, присущие этим словам, и попытаться дать им соответствующую морфологическую характеристику.

* * *

Слова типа *цзю*, *бянь*, *цай* употребляются в устной и письменной речи. Удельный вес этой группы слов в сфере сложного предложения довольно велик. Они используются как в сложносочиненном, так и в сложноподчиненном предложении [7].

Синтаксические функции указанных слов как средства объединения частей сложного предложения не вызывают сомнения и отмечаются многими исследователями грамматики китайского языка (Ван Ли, Гао Минкай и др.). Иначе обстоит дело с морфологической характеристикой слов типа *цзю*, *бянь*, *цай*. Одни лингвисты считают эти слова наречиями (Ван Ли, Люй Шу-сян, Яхонтов), другие — союзами (Ли Цзинь-си, Мюлли, Ошанин). Мы считаем, что эти слова отличаются от наречий. Вместе с тем ряд особенностей, присущих этим словам, отличает их также и от союзов.

В современном китайском языке рядом с наречиями *цзю* «тогда же», *цай* «только тогда», *хай* «еще», *е* «тоже» и некоторыми другими существуют материально с ними совпадающие служебные дериваты. Последние тем и отличаются от наречий, что уже в значительной степени утратили свое исходное вещественное значение и приобрели значение служебной части речи. Наречие, являясь знаменательной частью речи, способно выступать в качестве отдельного члена предложения, в то время как названные слова не играют в составе сложного предложения самостоятельной синтаксической роли, то есть не являются членами предложения. А в этом именно и заключается основной критерий, позволяющий четко разграничить слова знаменательные и слова служебные [8].

Слова указанной группы, приобретя значение служебной части речи и являясь в современном китайском языке средством сочинения и подчинения предложений, тем не менее не могут быть отнесены к союзам. Прежде всего служебные слова этого типа обладают по сравнению с союзами меньшей степенью грамматизации. Вносимые ими в предложение добавочные лексические значения иной раз бывают весьма ощутимы. В этой связи нельзя согласиться с утверждением С. Е. Яхонтова о том, что эти слова «получают чисто грамматическую функцию — функцию подчинительных союзов» [9].

Не менее важной является также и та особенность рассматриваемых слов, что в составе сложного целого они могут занимать место только перед сказуемым главного предложения, в то время как союзы, используемые в главном предложении, как правило, помещаются перед подлежащим. Прослеживая путь, который прошли в своем развитии служебные слова *цзэ* и *цзи*, Ван Ли указывает на то, что они отличаются друг от друга по месту, занимаемому в предложении [10].

Наконец, нельзя отождествлять служебные слова *цзю*, *бянь*, *цай* с союзами еще и потому, что союзы являются более совершенным средством подчинения предложений. При подчинении посредством анализируемых слов в отдельных случаях бывает трудно точно определить значение придаточного предложения. Это отмечает С. Е. Яхонтов, говоря, что слова *цзю*, *бянь*, *цай* сами по себе не позволяют судить о том, ука-

зывает ли предыдущее предложение на время совершения главного действия, его причину или условие, при котором оно совершается [11]. Значение придаточного предложения в таких случаях нередко уточняется интонацией или посредством грамматического оформления глагола, выступающего в функции сказуемого. При подчинении же посредством союзов смысловые отношения, существующие между частями сложного предложения, выявляются четко и определенно.

Служебные слова типа *цзю*, *бянь*, *цай* занимают промежуточное положение между наречиями, с одной стороны, и союзами, с другой стороны. По своему происхождению и добавочным лексическим значениям эти слова тяготеют к наречиям, а по своей синтаксической функции — к союзам, Они у ж е перестали быть наречиями, но е щ е не перешли в разряд союзов. Учитывая двойственную природу анализируемых слов, совмещающих в себе черты разных лексико-грамматических классов, а также промежуточное положение, занимаемое ими в системе средств современного китайского языка, их можно назвать частицами союзного типа [12].

* * *

В сложных предложениях с придаточными времени часто встречаются также сочетания служебных слов, такие, как: *цзай. . . ицянь. . .*, *цзай. . . ихоу. . .*, *цзыцун. . . илай. . .* и др.[13].

По своему внешнему виду, обусловленному структурными особенностями, сочетания типа *цзай. . . ицянь* похожи на сочетания типа *сян. . . сыды*. Однако сходство между этими сочетаниями служебных слов ограничивается лишь внешней стороной. Рассматриваемые средства прошли различный путь развития и по своей грамматической природе существенно отличаются друг от друга. Сочетания типа *сян. . . сыды* уже в пределах простого предложения, выражая в форме сравнения отношения между о д н о р о д н ы м и словами, приобретают тем самым функцию союза. Сочетания же типа *цзай. . . ицянь* выражают в простом предложении отношения между н е о д н о р о д н ы м и словами, и, следовательно, им не свойственна функция союза. Это принципиальное различие обусловливает в свою очередь различие в употреблении сочетаний обоих типов в сфере сложного предложения. Сочетания типа *сян . . . сыды*, будучи использованы как средство соединения частей сложного предложения, получают широкие позиционные возможности, именно и свойственные союзам, в то время как употребление сочетаний типа *цзай. . . ицянь* в качестве средства сцепления частей сложного предложения не сопровождается расширением их позиционных возможностей.

Поскольку предложно-послеложные сочетания, выступая в определенных синтаксических построениях как средство соединения частей сложного предложения, не приобретают при этом присущих союзам особенностей, данное явление целесообразно рассматривать как случай расширенного употребления предложно-послеложных сочетаний. Расширенное употребление предложно-послеложных сочетаний нужно понимать как своеобразное использование этих служебных слов в необычной для них функции. Здесь синтаксис, стремясь преодолеть морфологию, использует языковое средство вопреки его морфологической характеристике.

* * *

В сфере использования служебных средств сложное предложение китайского языка характеризуется еще одним интересным явлением.

При построении сложных предложений с придаточными определительными употребляется служебное слов *ды* (или *чжи*) [14].

Как известно, статистически доминирующей синтаксической функцией служебного слова *ды* является обозначение атрибутивной связи между структурными элементами простого предложения. Атрибутивная связь по своей синтаксической природе является связью подчинительной. Поэтому использование служебного слова *ды* в сложноподчиненном предложении для присоединения придаточного определительного к главному представляется вполне естественным явлением. Это явление есть закономерное следствие последовательного развертывания и усложнения структуры китайского предложения, постепенного расширения и совершенствования функций служебных элементов китайского языка. Если предложно-послеложные сочетания употребляются в сложном предложении вопреки их морфологической характеристике, то служебное слово *ды*, напротив, используется в составе сложного целого в соответствии с его морфологической характеристикой как показателя атрибутивной связи между элементами структуры предложения.

* * *

Некоторые исследователи грамматики китайского языка относят к союзам такие средства, как *дэндао* (Ли Цзинь-си, Тань-юн), *жэньпин* (Бичурин, Ли Цзинь-си, Тань Юн) [15]. Однако для этого, как нам кажется, нет достаточного основания. Хотя интересующие нас слова функционируют в современном китайском языке в качестве одного из средств соединения предложений в сложные синтаксические единства, тем не менее они не являются союзами, так как отличаются от последних рядом существенных особенностей.

Прежде всего нужно сказать, что анализируемые слова в значительной степени сохраняют свое вещественное значение, поэтому их вообще вряд ли возможно считать служебными. Союзы же, будучи словами служебными, характеризуются, как известно, полной или во всяком случае значительной утратой знаменательного значения. Следствием того, что интересующие нас слова сохраняют свое основное вещественное значение, является другая их особенность. Она заключается в том, что слова *дэндао* и *жэньпин*, будучи словами глагольного происхождения, употребляются только в позиции перед подлежащим придаточного предложения. Не менее важной является и та особенность рассматриваемых слов, что их использование возможно только при прямом порядке расположения частей сложного предложения, то есть когда придаточное предложение предшествует главному.

Указанные особенности свидетельствуют о том, что рассматриваемые слова лишь только вступили на путь грамматизации и имеют крайне ограниченные позиционные возможности. Союзы же, как это отмечалось выше, уже достигли высокой степени грамматизации и обладают широкими позиционными возможностями. Таким образом, сопоставление слов *дэндао* и *жэньпин* с союзами показывает, что анализируемые слова не обладают теми свойствами и особенностями, которые свойственны союзам современного китайского языка.

Не будучи служебной частью речи, все эти слова тем не менее играют «строевую» роль, выступая в современном языке в качестве специальных лексических элементов, призванных служить своеобразным средством объединения частей сложного предложения. Их использование характерно

для сложных предложений с придаточными времени, цели и уступки. Они образуют лексический слой, таящий в себе потенциальные возможности формирования новых союзов. Есть основание думать, что в дальнейшем названные слова, подчиняясь общим тенденциям образования служебных частей речи, получат более свободное употребление в языке, расширят свои позиционные возможности и приобретут тем самым грамматические свойства, присущие союзам.

* * *

Нам представляется, что применительно к китайскому языку можно наметить два основных способа соединения частей сложного предложения: асиндетический и синдетический. Асиндетический способ — это такой синтаксический прием, при котором части сложного предложения соединяются при помощи двух обязательных для каждого сложного предложения средств: интонации и порядка расположения частей. Синдетический же способ — это такой синтаксический прием, при котором для объединения частей сложного предложения, кроме интонации и порядка расположения частей, используется также одно или несколько специальных формальных средств синтаксичесой связи, среди которых важнейшую роль играют союзы. При асиндетическом способе смысловые отношения между частями сложного предложения в ряде случаев выявляются недостаточно полно. Так, например, иной раз бывает трудно разграничить временные и условные отношения. В этом смысле синдетический способ является более совершенным приемом синтаксической связи.

Насколько позволяют судить результаты проведенного нами исследования, основными средствами объединения частей сложного предложения в современном китайском литературном языке, кроме интонации и порядка расположения частей, являются: союзы, союзные фразеологические единства, частицы союзного типа, предложно-послеложные сочетания, частица *ды* (*чжи*) и, наконец, специальные лексические элементы. Кроме того, нужно упомянуть элементы структурного соотношения частей сложного предложения: указательные местоимения и наречия, а также вопросительно-относительные слова, позволяющие еще теснее объединить части сложных синтаксических единиц и еще полнее выразить лежащие в их основе вещественно-логические отношения.

Все сказанное позволяет говорить о том, что современный китайский литературный язык располагает многочисленными и разнообразными средствами объединения частей сложного предложения, в совокупности образующими стройную систему, в которой каждому средству принадлежит свое определенное место.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Чжан Чжи-гун, *Ханьюй юйфа чанши*, Пекин, 1954, стр. 265.

[2] В работе Тань Юна содержится указание на то, что в современном китайском языке употребляются союзы этого типа (Тань Юн, *Ляньцзецы шиюнфа*, Шанхай, 1953, стр. 102). Дж. Мюлли приводит некоторые сочетания служебных слов указанного типа как возможные эквиваленты английских союзов *as* и *like* (J. Mullie, *The Structural Principles of the Chinese Language*, Peiping, 1937, p. 585).

[3] А. А. Шахматов, *Синтаксис русского языка*, Л., 1927, вып. II, стр. 98.

[4] Нами сделана первая в синологической литературе попытка выделить сопоставительные союзы в отдельный семантический класс. К сопоставительным союзам целесообразно отнести парные сочетания типа: *бушы. . . цаншы* «если не. . . то»; *жуго. . . намо, жуго. . . цзэ* «если. . . то». Эти союзы выражают сопоставительные

отношения с оттенком так называемой «образной условности» (выражение А. М. Пешковского). Пример: *Жуго цянь и цзедуань-ды жэньу чжуяо-ды шы чжэнцюй хэпин, цзэ чжэ и цзедуань-ды жэньу чжуяо-ды шы чжэнцюй миньчжу.* — «Если задачей предыдущего этапа была главным образом борьба за мир (внутри страны), то задачей данного этапа является главным образом борьба за демократию» (Мао Цзэ-дун).

[5] Лучше: «строго определенные» (см. Логан П. Смит, *Фразеология английского языка*, русский перевод, М., 1959, стр. 15).

[6] Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, Госполитиздат, 1950, стр. 167.

[7] Приведем один пример: *Жуго нимынь-ды гунцзо чу-ла маобин, на ни цзю яо фуцзэ.* — «Если в вашей работе обнаружатся недостатки, то ты будешь нести ответственность» (Чжан Тянь-и).

[8] Л. С. Бархударов, *Служебные слова и их функции*, «Труды ВИИЯ», 1951, № 1, стр. 13.

[9] С. Е. Яхонтов, *Образование сложно-подчиненного предложения посредством служебных наречий в современном китайском языке*, «Ученые записки ИВАН», 1952, т. IV, стр. 392.

[10] Ван Ли, *Чжунго юйфа лилунь*, Шанхай, 1951, т. 1, стр. 357.

[11] С. Е. Яхонтов, *указ. соч.*, стр. 389.

[12] Подробнее о частицах союзного типа см.: В. И. Горелов, *К вопросу о морфологической характеристике слов типа* цзю, бянь, цай, «Труды ВИИЯ», 1956, № 10, стр. 22—27; то же на китайском языке, — «Чжунго юйвэнь», 1959, № 6, стр. 269—271.

[13] Пример: *Цзыцун та иоу цзии илай, та-ды наоцзинь ли цзю иоу и-гэ сянмао чжуанъянь-ды цзуфу-ды инцзы.* — «С тех пор как он помнил себя, в его сознании жил образ деда с величавым и строгим лицом» (Ба Цзинь).

[14] Пример: *Мань-цин ханьху-ды ин-чжэ, яньгуан чжу цзай Чжан Цю-лю ганцай се-го цзы-ды на чжан чжи.* — «Мань-цин невнятно отозвался, устремив взгляд на бумагу, на которой только что писала Чжан Цю-лю» (Мао Дунь).

[15] Примеры: 1. *Дэндао пиндэн-ды юаньли шисянь, чжэ чжун цзя мяньцзюй цзыжань сяоме-ла.* — «Когда (дословно: дождемся до того как) осуществится принцип равенства, конечно, будет сорвана эта фальшивая маска» (Ли Цзинь-си). 2. *Жэньпин Цзюэ-хуэй цзай ваймянь цяо-чже боли хуань та, та е бу кэнь ба чуанлянь цзе цилай.* — «Как ни звал ее Цзюэ-хуэй (дословно: независимо от того как Цзюэ-хуэй звал ее), стуча с улицы в оконное стекло, она все же не соглашалась поднять занавеску» (Ба Цзинь).

По докладу выступили А. Рыгалов, С. Е. Яхонтов.

Ю. В. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ (Москва): О ГРАНИЦАХ СЛОЖНОГО СЛОВА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Китаеведы не раз обращались к вопросу о границах сложных слов, но до сих пор не удалось найти достаточно убедительные критерии разделения слова и морфемы [1], с одной стороны, и словосочетания — с другой.

К «несомненным» словам обычно относят такие образования, как *фанцза* 'дом', *сюэсяо* 'школа', *шицин* 'дело', *жэньличэ* 'рикша' и т. п.

В словах *фанцза* 'дом' и *шицин* 'дело' части *цза* и *цин* не встречаются в предложении как отдельные слова. Поэтому *фанцза* 'дом' и *шицин* 'дело' должны быть признаны словами. Компоненты слов типа *сюэсяо* 'школа', *жэньличэ* 'рикша', наоборот, могут употребляться как отдельные слова в предложении. Слов этого типа очень много. К ним применяются разные критерии; учитывается смысловая неразложимость, проявляющаяся в невозможности введения внутрь их других элементов без изменения значения целого, изменение значения одного из компонентов внутри данного образования [2], единство «ударения» и т. п. Но все эти критерии не являются абсолютными, не позволяют во всех случаях отграничить сложные слова от словосочетаний.

Тем не менее словари фиксируют большое количество слов вроде *мачэ* 'конная повозка', *хочэ* 'поезд', *цзиньсю* 'усовершенствование в знаниях' и т. п. Каковы же границы этих образований?

Рассмотрим такой отрывок текста:

Лю Гуй-ин ицзяо шуйсинла, канькань чжошан ды нао-чжун и куай идянь бань ла. Юй хайши хуахуа сянга бучжу. Каньлай, цун жушуй ши дао сяньцзай хай мэйю тин. Тады айжэнь — саньлуньчэ гунжэнь — Хэ Юн-цзао хай мэй хуйлай. Та тинчжо юйшэн, буцзюэ цзыянь-цзыюй-ды шо: «Хай мэй хуйлай, ся чжэян да ды юй, ифу чжуньдин шитоула» [3].

«Лю Гуй-ин вдруг проснулась, взглянула (на стоящий) на столе будильник — уже скоро половина второго. Дождь все еще безостановочно шумел. Похоже, что с того времени, как (она) заснула и до этого момента (дождь) не прекращался. Ее муж Хэ Юн-цзао — велорикша (досл. рабочий на педикебе) еще не вернулся. Она, слушая шум дождя, невольно сказала себе: «Не вернулся. . . идет такой сильный дождь. Одежда, наверно, промокла».

В этом тексте содержится ряд «общепризнанных» слов: *наочжун* 'будильник', *хайши* 'все еще', *сяньцзай* 'сейчас', *айжэнь* 'любимый', 'супруг', *саньлуньчэ* 'педикеб', *гунжэнь* 'рабочий', *ифу* 'одежда' и др. Все они зафиксированы словарями. Но в этом же тексте есть ряд образований, которые вычленяются из предложений п о д о б н о «общепризнанным» словам. Это такие, как *ицзяо* — букв. 'одно пробуждение', *жушуй* 'погрузиться в сон, заснуть'; *юйшэн* 'звук дождя'; *чжуньдин* 'определенно', *шитоу* 'промокнуть насквозь'. Их называют «окказиональными словами».

Рассмотрим, что связывает и что различает эти две группы слов. Прежде всего как «окказиональные», так и неокказиональные (обычные) слова указывают на один предмет мысли, передают «несложное понятие». Далее, обе группы слов построены по совершенно одинаковым моделям. Например, *ифу* и *чжуньдин* построены по так называемой копулятивной модели: первое слово содержит именные компоненты, второе — глагольные.

В нашем примере не представлены все модели, но в текстах встречается много «окказиональных» слов, образованных по в с е м существующим в языке моделям [4].

Обе группы слов отличаются от словосочетаний тем, что сами входят в состав словосочетаний как их члены. Например, *ифу шитоу* 'одежда промокла', где слова — одно «окказиональное», другое обычное — выступают как члены одного предикативного словосочетания. По грамматическим признакам — внутренней структуре и отношению к словосочетанию — «окказиональные» и обычные слова входят в одну категорию.

Рассмотрим теперь эти две группы слов с точки зрения их употребления в речи. Известно, что «окказиональные» слова отличаются от обычных тем, что создаются один раз для нужд данного речевого произведения и умирают вместе с ним (например, слово «Шэйдеманит», созданное Маяковским). «Окказиональные» слова, которые оказались удачными и только что перешли из уст их автора в уста других людей, а также вновь созданные термины принято называть «неологизмами». Обычные слова отличаются от неологизмов давностью и всеобщностью употребления, повторяемостью в данном составе.

Однако «окказиональное» слово *шитоу* 'промокнуть насквозь' встречается ничуть не реже, чем слово *наочжун* 'будильник'. Слово второй группы *юйшэн* 'шум дождя' встречается в речи куда чаще, чем имя собственное «Лю Гуй-ин».

Разбираемые нами «окказиональные» слова никак нельзя считать произведениями одного человека. Они произносятся всеми и повторяются в своем составе в разных речевых произведениях. Поэтому с точки зрения повторяемости (то есть того, что различает подлинные окказиональные слова, неологизмы и обычные слова) между нашими двумя группами слов различий нет.

Подлинными окказиональными словами и неологизмами могут быть слова обеих групп, например: новый термин вроде *уфань* 'борьба против 5 злоупотреблений' (неологизм) или слово вроде *баньчайшэн* 'звук переносимого хвороста' (окказиональное слово). Поэтому для различения обеих групп слов нужны другие термины. За неимением лучшего пока назовем слова первой группы «словарными», а второй — «несловарными».

Остается рассмотреть обе группы слов (словарные и несловарные) с точки зрения особенностей значения.

В числе «словарных» слов, то есть слов, помещаемых в словарь, можно выделить сложные слова следующих пяти типов:

1. Термины или слова, которые допускают терминологическое употребление, например: *хэйхай* 'Черное море', *гуншэ* 'коммуна', *сяньфа* 'конституция', *хочэ* 'поезд'.

2. Слова, обладающие идиоматичностью значений компонентов, которая затрудняет их понимание без комментариев, скажем, *машан* 'быстро' (букв. «на коне»), *махуцза* 'бука' (букв. «тигро-лошадь»).

3. Слова, реалии которых утрачены в настоящее время, вроде *маби* 'банкнот с лошадью' — деньги, которые не употребляются сейчас. В этом случае комментарий дается не к слову, а к реалии. Такие слова включаются далеко не во все словари.

4. Этимологически неразложимые слова типа *чжичжу* 'паук' или заимствования *симиннаэр* 'семинар'. Такие слова не разлагаются на составные компоненты и являются по сути дела одноморфемными.

5. Суффиксально образованные от «несамостоятельных корней» слова типа *чжоцзы* 'стол' и двусложные «лексические варианты» односложных слов типа *яньцзин* 'глаз'.

Последние две категории сравнительно немногочисленны по отношению ко всей массе слов, и, главное, в определении их границ никогда не бывает сомнений, так как в их состав, как правило, включаются несамостоятельные части. Прочие категории сложных слов не входят в словарь в качестве обязательных и появляются иногда в зависимости от желания составителя. При изучении границ сложных слов нас интересуют первые два типа, поскольку слова с терминологическим значением и слова, обладающие идиоматичностью, соотносительны с «несловарными сложными словами».

«Несловарные» сложные слова с точки зрения смысловой цельности передачи понятия как одного предмета мысли, повторяемости, грамматических признаков, как говорилось выше, совпадают со «словарными» сложными словами. «Несловарные» слова отличаются от «словарных» лишь тем, что они не могут быть терминами или не обладают идиоматичностью значения.

«Несловарные» сложные слова не включаются в словарь потому, что значение морфем, составляющих их, грамматические отношения, в которые вступают эти морфемы в слове, настолько ясно передают их значение, что нет нужды включать их в словарь. Кроме того, включение в словарь «несловарных» слов чрезвычайно увеличило бы размер словаря и даже

сделало бы его составление невозможным, так как количество «несловарных» слов не поддается учету.

Анализ существующих словарей показывает, что китайские сложные слова включаются в словарь не в силу их грамматического устройства, а в силу их значения, то есть на том же основании, что и словосочетания. «Несловарные» сложные слова соответствуют так называемым свободным словосочетаниям и не включаются в словарь. Идиоматичность или терминологическое значение «словарных» слов заставляет включать их в словарь, так же как и фразеологические единицы. Условимся называть эту особенность значения (то есть идиоматичность и терминологичность) «словарных» сложных слов «фразеологичностью значения», понимая, что это очень условный термин.

Лексикографический параллелизм сложных слов и словосочетаний может быть представлен следующей таблицей.

		Слова	Словосочетания
Словарные образования	Фразеологичность в значении	*наочжун* 'будильник'	*цзыянь-цзыюй* 'говорить самому себе'
Несловарные образования	Отсутствие фразеологичности в значении	*юйшэн* 'шум дождя'	*чжуньдин шитоу* 'наверно, промокла'

Каково отношение этих различных образований к речи и языку? Принято говорить, что в язык входит то, что воспроизводится, а в речь — то, что производится.

В индоевропейских языках в язык входят все слова, кроме окказиональных, а также некоторые словосочетания. Однако слова и словосочетания входят в язык на разных основаниях. Достаточно вновь созданному слову повториться в речи, как оно считается воспроизведенным. Не так обстоит дело со словосочетаниями. Словосочетание 'зеленая трава' может повторяться сколько угодно раз, но от этого оно не станет достоянием языка, тогда как словосочетания 'железная дорога', 'сломя голову', напротив, входят в язык. С точки зрения повторяемости эти образования ничем друг от друга не отличаются. Различие между ними лежит не в повторяемости, а в значении. «Фразеологичные» (в нашем понимании) словосочетания входят в язык, «нефразеологичные» независимо от числа повторений — остаются в речи. Грамматическая организация слова такова, что оно потенциально всегда единица языка. Грамматическая организация словосочетания относит его к речи. Словосочетания входят в язык вопреки своей грамматической организации лишь иногда, в связи с особенностями значения.

Если мы обратимся к сложным словам китайского языка, то они в отличие от простых слов воспроизводятся так же, как и словосочетания. «Словарные» сложные слова входят в язык, подобно словосочетаниям, вопреки своей грамматической организации, и всегда только в силу «фразеологичности значения». Поскольку «несловарные» и «словарные» сложные слова тождественны грамматически, «словарные» сложные слова, будучи в силу «фразеологичности значения» единицами языка, грамматически построены все же как единицы речи. Своей грамматической организацией сложные слова китайского языка отличаются от сложных слов русского языка — 'овцебык', 'пароход', 'мореплавание',

которые грамматически организованы как единицы языка. Им достаточно повториться, чтобы войти в язык; китайским словам, чтобы войти в язык, повторяемости недостаточно.

То, что китайские сложные слова организованы как единицы речи, доказывается наличием грамматической связи между их компонентами, что совершенно невозможно в словах индоевропейских языков. Китайские сложные слова образуются в речи по тем же моделям, что и словосочетания.

Речевая грамматическая природа сложных слов в китайском языке доказывается еще тем, что «словарные» слова могут быть разбиты на части, которые приобретают качества слов, но в целом сохраняют при этом свое качество единой фразеологической единицы языка, так, *шуйцзяо* 'спать' — «словарное» слово, единица языка. В нашем примере единство и «фразеологичность значения» этих двух компонентов, взятых вместе, сохраняются (то есть сохраняется качество сочетания как единицы языка), а представлены они в нашем примере в составе двух разных слов: *ицзяо шуй-синла* «разом проснулась».

Третье обстоятельство, указывающее на речевую грамматическую природу этих единиц, состоит в том, что они способны к метонимическим сокращениям по тем же правилам, что и словосочетания. Слово *жэньличэ* 'рикша' в контексте свободно сокращается до *чэ* с тем же значением, слово *наочжун* 'будильник' — до *чжун* с тем же значением.

Подобными признаками может обладать только образование, грамматически организованное как единица речи.

Возникает вопрос: не объясняется ли неудача в определении границ китайских сложных слов тем, что они вольно или невольно приравнивались к словам индоевропейских языков, которые по грамматической организации являются единицами языка? Ведь применявшиеся до сих пор критерии — ударение, морфемный анализ, подстановка и т. п. — суть критерии для выделения единицы, грамматически организованной как индоевропейское слово.

Если же признать, что китайское сложное слово по своей грамматической форме — единица речи, значит, нужны иные критерии.

Всякая речевая единица определяется лишь в сопоставлении с другими единицами речи и конкретно для каждого конкретного предложения. Если признать сложные слова грамматически организованными как единицы речи, то поиски их границ за пределами конкретного предложения вообще безрезультатны. Их границы в этом случае следует искать в структуре предложения, в противопоставлении данного сложного слова данному словосочетанию, а не словосочетанию вообще.

В пользу этой точки зрения можно привести следующие соображения:

1. Существуют предложения, где членение на слова зависит от членения на словосочетания:

Например:

юэгуан цзай шуймянь шан людун, цзю сян
яо гэньчжо (шуй) — (лю) — (дао) цзянли цюй.

'Свет луны колебался на поверхности воды, как будто (за течением воды устремлялся в реку) (за водой тек в реку)'.

Как разбить на слова следующие подряд морфемы: *шуй* (вода) — *лю* (течение, течь) — *дао* (идти, направляться)? Очевидно, деление будет зависеть от интонационного членения, отражающего членение предложения, продиктованное только смыслом.

2. Как говорилось, строение сложных слов повторяет строение словосочетаний. В том случае, когда члены сложного образования с тру-

дом разделяются на члены предложения, различие между словом и словосочетанием как бы стирается. В нашем примере так обстоит дело с образованием *юэгуан* 'свет луны'. С другой стороны, когда структура словосочетания ясна, сложное слово той же модели должно обладать свойством, отличным от словосочетания. В соответствии с этим все предикативные словосочетания, которые всегда ясны в своем членении, резко отличаются от слов той же структуры. Так обстоит дело со словами *жэньвэй* 'искусственный', *няньцин* 'молодой' и другими, которые в силу своей предикативной структуры особого рода — прилагательные.

Если ввести в предложение дополнительные слова, которые характеризовали бы один из компонентов исследуемых образований, то тем самым изменится группировка морфем и уточнятся границы слов. Так, в приведенном примере образование *юэгуан* без дополнительных элементов трудно отнести к сложному слову или словосочетанию. Но стоит определить одну из его частей другой морфемой, как границы становятся ясными: *юаньюэ ды гуан* 'свет полной луны' — два слова.

Таким образом, в тех случаях, когда нам нельзя опереться на «несамостоятельные» морфемы, границы сложного слова выделяются не абсолютно, а относительно. Граница конкретного сложного слова проходит там же, где граница члена конкретного словосочетания, в которое входит данное сложное слово. Это правило, по-видимому, можно конкретизировать, исходя из анализа морфемных структур предложений разных типов, и дать точные конкретные правила для каждого случая.

Правило относительности применительно к морфемам, составляющим сложные слова, можно сформулировать так: морфема является частью сложного слова тогда, когда в конкретном предложении она сгруппирована с другой морфемой так, что ни одна из них порознь не может быть членом словосочетания.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Под морфемой здесь понимается структурная единица китайского языка, которая в национальной традиции называется *цзы*. Китайские «морфемы» по ряду своих свойств существенно отличаются от морфем языков, не принадлежащих к китайско-тибетской семье.

[2] Так, *сюэ* в слове *чжунсюэ* 'средняя школа' имеет именное значение — 'школа, училище'. В отдельном употреблении *сюэ* может иметь только глагольное значение: 'учиться, подражать'.

[3] Газета «Гунжэнь жибао», 12 февраля 1960 г., стр. 4.

[4] Число «окказиональных» слов в художественных текстах превышает число «неокказиональных». В рассказе Ба Цзиня «Лунная ночь» содержится $^3/_5$ слов, не зафиксированных в китайско-русском словаре под ред. И. М. Ошанина (словарь содержит 80 тыс. слов и выражений). Рассказ не содержит каких-либо специальных терминов или выражений. Китайский толковый словарь Ван Юнь-у охватывает еще меньшее количество слов этого рассказа. Число слов, не фиксируемых словарями, уменьшается в публицистических текстах и сходит на нет в научных.

По докладу выступил Я. Хмелевский.

Я. КАЛОУСКОВА (*Прага*): НЕКОТОРЫЕ РУКОВОДЯЩИЕ ПРИНЦИПЫ РАБОТЫ НАД ЧЕШСКО-КИТАЙСКИМ СЛОВАРЕМ

Предлагаемый доклад составлен коллективом членов лексикографического отделения Института востоковедения в Праге, работающим под руководством Л. Згусты над чешско-китайским словарем.

Предпринимая какую-либо работу, нужно прежде всего уяснить себе цель и задачи, которым будут служить ее результаты. Задачей двуязычного словаря является зафиксировать словарный состав одного языка, например чешского (причем это, конечно, можно сделать с разной степенью детальности, смотря по величине словаря), и для каждой чешской единицы привести соответствующую единицу второго языка, например китайского, причем грамматическая форма или структура этой единицы имеет лишь второстепенное значение. Именно в Москве, где академик Л. В. Щерба разработал лексикологическую теорию перевода и так блестяще применил ее в своем французском словаре, кажется излишним распространяться об этом принципе. Но нам хотелось бы указать на то, какое огромное значение эта теория имеет именно для лексикографии китайских двуязычных словарей.

Мы в Праге подготовляем издание небольшого чешско-китайского словаря, который должен охватить словарный состав бытового, разговорного языка. Такая задача определяет в известной степени приемы нашей работы. Мы не стремимся зафиксировать все, в том числе и редкие или изолированные способы применения данного китайского выражения; мы включаем в наш словарь лишь выражения, фразы и значения живые, разговорные и общеупотребительные.

В настоящем докладе я не могу распространяться о всех проблемах, связанных с моей темой, приведу лишь несколько замечаний более или менее принципиального характера.

Одной из самых важных выгод того, что мы в нашем коллективе называем «теорией соответствий», для лексикографа в области китайского языка является то, что она дает ему возможность не запутаться в до сих пор не разрешенных проблемах китайской грамматики. Всем известно, например, что до сих пор не во всех случаях вполне ясно, какие единицы китайского языка можно считать словами, а какие нет. Поэтому весьма выгодно, что для теории соответствий этот вопрос в общем не важен. Нам все равно, соответствует ли одному чешскому слову единица самостоятельная (*мутоу* 木頭 'дерево'), несамостоятельная (*му* 木 'деревянный' в выражении *мутань* 木炭 'деревянный уголь') или соединение нескольких самостоятельных единиц (*мукэ хуа* 木刻畫 чеш. dřevoryt 'гравюра на дереве'). Решающим является лишь то, чтобы китайское выражение как можно ближе соответствовало выражению чешскому.

К сожалению, все это не так просто, как хотелось бы. Одним из важных затруднений является то обстоятельство, что соответствующие выражения могут иметь и имеют неодинаковый объем применения. Например, *ююн* 游泳 'купальный' можно применить в ряде контекстов ('купальная шапочка' *ююн мао* 游泳帽, 'бассейн для плавания', чеш. koupací basen *ююнчи* 游泳池), но 'купальный' *цзао* 澡 выступает лишь в контексте *цзаопэнь* 澡盆 'ванна' (чеш. koupací vana). Поэтому при разработке словарной статьи мы различаем:

а) лексическую абстракцию, то есть китайское соответствующее выражение с широкой областью применения; эту область мы иллюстрируем примерами;

б) китайские выражения с весьма узкой областью применения, даже фразеологического характера; такие мы приводим только в конкретных примерах, например:

лекс. абстракция: obdělávat (обрабатывать) *чжун* 種;

примеры: obdělávat půdu (обрабатывать землю) *чжунди* 種地; obdělávat pole (обрабатывать поле) *чжунтянь* 種田;

пример выражения с узкой областью применения: obdělávat panenskou půdu (поднимать целину) *кайхуан* 開荒.

Здесь нужно упомянуть о том, что подобного рода затруднения создает иногда основной язык словаря, в данном случае чешский. Некоторые чешские слова употребляются, по крайней мере в разговорном языке, только в сочетании с определенными другими словами (в основном это то явление, которое проф. Исаенко называет словами «со связанным значением»). Такие слова нужно приводить как словарные статьи, но было бы безрассудно искать для них китайские соответствия. В таких случаях мы ставим за чешским словом двоеточие и далее приводим все лексическое сочетание полностью. Китайское соответствующее выражение мы подыскиваем не к отдельным словам, а ко всему сочетанию, например:

burský: burský oříšek (земляной орех) *лохуашэн* 落花生.

В задачи словаря не входит дать исчерпывающие сведения по грамматике данного языка. Но для того, чтобы им вообще можно было пользоваться, он должен все же содержать указания, позволяющие правильно отыскать в нем нужные выражения, особенно если дело идет о более сложных явлениях, в которых, как известно из практики, иностранцы часто допускают ошибки. Составитель словаря неизбежно должен включить в него и подробные справки, которые можно кратко назвать грамматическими. Мы, конечно, также приводим подобные справки. Здесь я упомяну лишь о двух.

1) Несамостоятельная морфема. Несамостоятельная морфема есть односложная или двусложная единица, соответствующая данному чешскому выражению, но не являющаяся в этом значении самостоятельной. Несамостоятельную морфему мы обозначаем условным знаком *, поставленным на той стороне, на которой к ней присоединяются другие единицы. Например:

pracovní (рабочий) *гунцзо* 工作*;

pracovní postup (рабочий прием) *гунцзо фанфа* 工作方法;

pracovní plán (рабочий план) *гунцзо цзихуа* 工作計劃;

pracovní oblek (рабочий костюм) *гунцзофу* 工作服;

pracovní system (рабочая система) *гунцзочжи* 工作制.

2) Факультативная частица *ды*. О факультативной частице *ды* мы говорим тогда, когда она может стоять, а может и не стоять за единицей, соответствующей чешскому прилагательному. Тогда мы ставим частицу *ды* в квадратные скобки, например:

dobrý (хороший) *хао* [*ды*] 好 [ɦə];

dobrý člověk (хороший человек) *хао жэнь* 好人;

dobrý způsob (хороший прием) *хаоды фанфа* 好的方法;

on je dobrý člověk (он хороший человек) *та чжэгэ жэнь хэнь хао* 他這个人很好.

Состояние нашей работы в данный момент не позволяет сказать больше о наших методах. Мы будем счастливы, если наши коллеги в дискуссии дадут нам советы, касающиеся нашей дальнейшей работы.

По докладу выступил Г. П. Сердюченко.

М. К. РУМЯНЦЕВ (*Москва*): ЗАВИСИМЫЕ И САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Текст доклада не представлен.

12 августа, утреннее заседание
Председатель Я. Хмелевский (*Лодзь*)

G. ROERICH (*Moscow*): THE STORY OF RĀMA IN TIBET*

It is well-known that many of the Tibetan epics and folk tales, even now extremely popular among the masses of the Tibetan people, are of Indian and Chinese origin. Through Tibet these folk tales at an early date reached Mongolia, and not only became popular in the eastern parts of Central Asia, but spread far to the West, to the Volga steppes. They became part and parcel of the national cultural heritage of these regions. Translations from Sanskrit originals and, possibly, Prākrit versions, are extant in Tibetan. Besides translations from Sanskrit, we have Tibetan literary adaptations of Indian original texts — Tibetan authors often borrowed their themes from Indian originals and created original literary works. Some of the Tibetan translations and literary adaptations of Indian originals go back to unknown versions, current in India and adjacent countries influenced by Indian culture. Thus the *Pañcatantra*, a collection of edifying tales, spread to Mongolia at an early date. The late Professor B. Vladimirtsov published the text of a Mongol version of the *Pañcatantra* with a Russian translation [1]. Some of the stories from this collection are even now extremely popular in Mongolia. Notwithstanding the popularity of this story book, the Tibetan version from which the Mongol translation was made remains unknown. It is possible that some of the oral versions go back to written versions which must have existed once, and, perhaps, are still extant in manuscript copies. Some of the Tibetan epics, though manifestedly of Indian character, are not translations from Indian originals, but original Tibetan works written in imitation of Indian works. Thus the well-known *Story of Rūpāditya* (གཟུགས་ཀྱི་ཉི་མའི་རྣམ་ཐར། *gzugs-kyi ñi-ma'i rnam-thar*) is an original Tibetan work and not a translation from Sanskrit, as thought by some scholars.

Tibetan poetry is little known outside of Tibet, with the exception of Mongolia where Tibetan literature was widely known. It is important to stress that many literary works known outside of Tibet and usually classed as good poetry, as for example the *mGur-'bum*, or "A Hundred Thousand Songs" (མགུར་འབུམ།) by the famous Tibetan hermit-poet མི་ལ་རས་པ། *Mi-la-ras-pa* (1040—1123) is not considered to be poetry by the Tibetan *literati*. Similarly the popular songs ascribed to the Sixth Dalai Lama ཚངས་དབྱངས་རྒྱ་མཚོ། *Tshaṅs-dbyaṅs rgya-mtsho* (1683—1706; 1706 is the officially accepted date of his death. According to the Tibetan tradition the deposed Sixth Dalai Lama continued to live after that date) [2].

* Посмертный доклад Ю. Н. Рериха был прочитан Б. И. Панкратовым.

Tibetan poetry continues the traditions of the ancient Indian *kāvya* and follows certain rules of poetics borrowed from India. The theory of poetics was well-known to Tibetans from such works as the *Chandoratnākara* by Ratnākaraśānti, a Tibetan translation of which is included in the Tibetan Buddhist Canon (*bsTan-'gyur*, *mDo*, CXII). Often these literary compositions are written in a very difficult language, hardly understood by the masses of the people. This explains the fact that Tibetan poetical works are popular within a limited circle of *literati* only. The names of authors (སྙན་ངག་མཁན། *sÑan-ŋag-mkhan*) are even now unknown to the outside world, with the exception of a limited number of people in Mongolia.

The traditions of Ancient Indian poetics are still being continued in many parts of Eastern Tibet or Khams, and especially in the province of Derge in the NE of the Tibetan upland, where Sanskrit grammar or *vyākaraṇa* and the theory of poetics are being studied. Notwithstanding the somewhat artificial character of these poetical works, Tibetan poetry is represented by several well-known names. The works of most of them are completely unknown outside of Tibet, and it is often impossible to ascertain their dates. All of them continue the traditions of the ancient Indian *kāvya*. Famous as poetical works, composed according to all the rules of poetics, are: the "Treasury of Elegant Sayings" or ལེགས་བཤད་ཕ་རིན་པོ་ཆེའི་གཏེར། *Legs-par-bśad-pa rin-po-če'i gter* by ས་སྐྱ་པཎྜི་ཀུན་དགའ་རྒྱལ་མཚན་ མཆོག། the Sa-skya paṇḍita *Kun-dga' rgyal-mtshan* (1182—1251), the Life of the Sa-skya paṇḍita ས་པཎ་རྣམ་ཐར། *Sa-paṇ-rnam-thar*, composed in verses by རིན་སྤུངས་པ། *Rin-spuṅs-pa*, the feudal lord of Tsang, དོན་རྒྱན་གོ་དཀའ། *Don-rgyan go-dka'* ("The Ornament of Meaning difficult to grasp") by the poet ཟུར་མཁར་པ། *Zur-mkhar-pa*, the *sÑan-ŋag dper-brjod* (སྙན་ངག་དཔེ་བརྗོད།) ("Collection of Poems") by བོད་མཁས་པ། *Bod-mkhas-pa*, a poet of the XVIIth century. There exist several blockprint editions of the *Collection* in Central Tibet, Khams and Amdo.

Well-known are the poetical works of the Fifth Dalai Lama (1617—1682) and of the Seventh Dalai Lama སྐལ་བཟང་རྒྱ་མཚོ། *sKal-bzaṅ rgya-mtsho* (1708—1757).

Extremely popular in Tibet is the poem དྲི་མེད་ཀུན་ལྡན། *Dri-med-kun-ldan* by སྐྱབས་དབྱིངས་པ། *sKyabs-dbyiṅs-pa*, written in imitation of the famous Buddhist *Jataka* story.

Well-known in Amdo is the Collection of Poems entitled རེ་བ་སྐོན་སྐོམ། *Re-ba skoṅ-skom*, or "Thirst for the Fulfilment of Desires" by the poet མི་ཕམ་བླ་བ། *Mi-pham zla-ba*. The following are known as poets having composed voluminous poetical works: མོད་མཁར་ཟབས་དྲུད། *mDo-mkhar žabs-druṅ*,

a contemporary of མི་དབང་བསོད་ནམས་སྟོབས་རྒྱས། *Mi-dbaṅ bSod-nams stobs-rgyas*, དུ་ཀྭན་རིན་པོ་ཆེ་བློ་བཟང་ཆོས་ཀྱི་ཉི་མ། *Tu-kwan rin-po-če blo-bzaṅ čhos-kyi ñi-ma* (1737—1802), a well-known historian and author of the "Story of *Nor-bzaṅ*" (ནོར་བཟང་རྟོགས་བརྗོད། *Nor-bzaṅ rtogs-brǰod*), the second Incarnate Lama of La-brang འཇིགས་མེད་དབང་པོ། *'J̌igs-med dbaṅ-po* (1728—1791) and པོ་དོན་པ། *Po-doṅ-pa* (XVth century A. D.).

To this line of names belongs also ཞང་ཞུན་པ། *Žaṅ-žuṅ-pa*, the author of a poem (*kāvya*), the "Story of Rāma", about which we shall speak in detail.

In the present paper I would like to outline the history of the "Story of *Rāma*, the son of king *Daśaratha* of *Ayodhyā*" in Tibet. The Story of Rāma was widely known throughout India before its final codification by Vālmīki, the author of the *Rāmāyaṇa*, known as the "first *kāvya*" or *ādi-kāvya* of Ancient India. The story was popular among the Buddhists and Jains. The Buddhist *Daśaratha-jātaka* gives a somewhat different version of the story as told by Vālmīki in his *Rāmāyaṇa*. It can be said now that the Tibetan versions of the story, known to us, are not translations of the *Rāmāyaṇa* by Vālmīki, but go back to the numerous popular versions of the story. In Tibet the Story of Rāma is known from ancient times. It came to the Land of Snows in the early centuries of the spread of Buddhism and of the ancient Indian culture. It is possible that popular versions of the story were known even earlier, especially in Southern Tibet, for example in Shang-shung and Guge, provinces which from ancient times had close cultural and economic links with adjacent India and were populated by people of mixed origin. The story was known in China[3] and in Khotan, where fragments of manuscripts written in the Eastern Iranian dialect containing the Story of Rāma were discovered.

It is interesting to note that Tibetan versions of the Story of Rāma are found among the manuscripts of the VIIth — IXth centuries A. D. brought back by A. Stein from his Central Asian Expedition of 1906—1908. Among these manuscripts the British Tibetologist Dr. F. W. Thomas[4] discovered four documents containing the Story of Rāma, which has little in common with the *Rāmāyaṇa* as known to us. The study of these documents revealed that the story as told in the documents follows the narrative of the *Mahābhārata* (*Vana-Parvan*, ch. 274—290), but the incidents differ widely. The Tibetan versions seem to represent a translation of a version similar to the narrative in the *Mahābhārata*. The fragments preserved in the India Office Library in London belong to two different versions of the story. Manuscript B contains the story of the birth of the two sons of king Daśaratha. Manuscript A relates the life of Rāma and Sītā, after her captivity. Dr. Thomas has pointed out the peculiarities of these Tibetan versions of the Story of Rāma. The nomenclature (for example, personal names) reveal a similarity between the Tibetan version and the Jain version of the story. The narrative describing the meeting of Ravana with Viṣnu reminds one of the incident in the Uttarākaṇḍa in the poem of Vālmīki (№ 24). Some incidents in the Tibetan version remind one ot the version of the story

given by Tulsīdās. But the largest amount of similarity is found in the two Rāma stories contained in the *Katha-saritsāgara* (IX, 51 and XIII, 107). The mention in the text of the name of the Licchavi tribe seems to point towards Nepal, as a possible place of origin of the Tibetan version.

The French Tibetologist Mlle M. Lalou has discovered in the Tibetan collection of the Bibliothèque Nationale two fragments of the Story of Rāma, which supplement the Tibetan versions preserved in London, but differ considerably in the treatment of separate incidents. In all the early Tibetan versions the name of the prince is given as Rāmaṇa. This was evidently an ancient tradition which survived in later periods. Manuscript E of the Paris Collection gives a version which is somewhat similar to the one contained in Manuscript A of the London Collection[5].

This clearly shows that already in the early period of Tibetan history, *i. e.*, in the VIIIth — IXth centuries A. D. the Story of Rāma was well-known to Tibetans and existed in Tibet in several versions. These Tibetan versions contain the main incidents of the Story — the departure of Rāma to the forest, the capture of Sītā, the search during which Rāma is assisted by the king of monkeys, Rāma and his allies' march against Lankā, and the recovery of Sitā. The Tibetan versions differ from the Indian versions in the treatment of some of the incidents and remind one of the popular versions of the Story of Rāma. The existence of several versions in the VIIIth — IXth centuries A. D. shows that these versions of the story must have developed on Tibetan soil. It is possible that these versions penetrated into Tibet from different parts of India and in different periods.

The period of the VIth—IXth centuries A. D. was characterized by an extensive penetration of Ancient Indian and Chinese cultures among the tribes of the Tibetan upland. Indian cultural influences penetrated into the country not only from India, Nepal and Kashmir, but also from Khotan and the other states of the Tarim basin. Gradually Indian stories including that of Rāma became part of the popular literature. For Mongols and Tibetans these stories form a part of their national literature. There appear original Tibetan literary compositions, the work of Tibetan writers and poets, in imitation of ancient Indian and Chinese originals.

In the first half of the XVth century A. D. appears a poem entitled "The sound of the lute of a celestial nymph" (དྲི་ཟའི་བུ་མོའི་རྒྱུད་མན་གི་སྒྲ་དབྱངས *Dri-za'i bu-mo'i rgyud-man-gi sgra-dbyaṅs*) composed by the well-known poet *Žaṅ-žuṅ-pa Čhos-dbaṅ grags-pa'i dpal* (ཞང་ཞུང་པ་ཆོས་དབང་གྲགས་པའི་དཔལ།) who in the colophon of his poem calls himself a native of the northern region (ཡུལ་བྱང་ཕྱོགས་ཀྱི་རྒྱུད། *yul byaṅ-phyogs-kyi rgyud*), and adds that his poem which he calls a *kāvya-śāstra* (སྙན་ངག་གི་བསྟན་བཅོས། *sñan-ṅag-gi bstan-bčos*), was composed by him in imitation of the Story of king Rāmaṇa (རྒྱལ་པོ་རྨ་མ་ཎ། *rgyal-po Rāma-ṇa*) in the year Earth-Horse (ས་རྟ། *sa-rta*), *i. e.*, in 1438 A. D., which corresponds to the year 2316 since the Enlightenment of the Buddha (according to the accepted chronology the event

took place in the year 978 B. C.) in the monastery of *'Brog ri-bo-čhe dGa'-ldan rnam-par-rgyal-ba'i gliń* (འབྲོག་རི་བོ་ཆེ་དགའ་ལྡན་རྣམ་པར་རྒྱལ་བའི་གླིང་།) founded by the Tibetan reformer *Tsoń-kha-pa* (1357—1419) in 1409 A. D. The author of the poem has been a disciple of *Tsoń-kha-pa* and was known as a scholar in the *Kālacakra* system. The poem by *Žań-žuń-pa* is a typical *kāvya*, written in an elegant language and is widely known in Tibet, but remains almost unknown outside of the Land of Snows. A block-print edition exists in the monastery of *Tra-shi lhün-po* in Tsang.

The poem of *Žań-žuń-pa* describes the departure of Rāma and Sītā to the dense forest of Dandaka, the marvels of the forest, the unsuccessful hunt of prince Rāma after phantom deer during which Sītā is carried away by the king of demons who appears before her amidst thunder and lightning. The king of demons puts Rāma to sleep and the latter falls asleep embracing his bow. His younger brother *La-ghu-ma-na* (Lakṣmāna) goes in search of him and finds him asleep. The influence of magic comes to an end, and Rāma awakes and simultaneously disappears Lakṣmāna's grief. The two brothers enter the dense forest (དཀའ་ཐུབ་ནགས། *dka'-thub-nags*, *tapovana*) in search of Sītā. Meanwhile the king of demons with the help of his magic power carries away Sītā to Lankā. In their search, the brothers are helped by the king of monkeys *Hi-lu-man-tha* (Hanumant) who goes in search of Sītā and reaches the place of Sītā's captivity. Sītā recognizes him as the messenger of Rāma after he had shown her Rāma's ring. The poem gives a description of the battle and the building of the great bridge. Rāma and his allies cross the ocean "reddened by blood" (ཁྲག་གིས་དམར་བའི་རྒྱ་མཚོ། *khrag-gis dmar-ba'i rgya-mtsho*), similar to a bull and recovers his kingdom, his glory and his wife. During the battle, Rāhu blinds the king of demons.

The poem about Rāma, in which the prince is called both Rāmaṇa and Rāma, and in this differs from the other Tibetan versions, forms one of the links in the chain of Tibetan adaptations of the story. The next link was the translation by *Kun-dga' sñiń-po Tāranātha* (ཀུན་དགའ་སྙིང་པོ་བྱང་རྩ་ཧ།, born 1575 A. D.), a writer well-known to science as author of the valuable "History of Buddhism in India" (རྒྱ་གར་ཆོས་འབྱུང་། *rGya-gar čhos-'byuń*), translated into Russian by Professor V. P. Vasilyev and into German by Prof. A. Schifner.

It is well-known that Tāranātha knew Sanskrit. He translated into Tibetan the *Sārasvatī-vyākaraṇa* (བདེ་སྐྱེད་པ་དབྱངས་ཅན་གྱི་མདོ། *brDa-sprod-pa dbyaṅs-čan-gyi mDo*). He befriended Indian learned pandits and *sannyasīs* who often visited Tibet, especially Tsang, north of Nepal. In his autobiography, Tāranātha gives an annual account of the events of his life[6] and mentions his meetings with Indian scholars among whom was the Indian pandit Buddhagupta (སངས་རྒྱས་སྦས་པ། *Saṅs-rgyas sbas-pa*), a Buddhist according to his name, who arrived in Tibet after many years of travels, during which he visited Swāt and other places of pilgrimage.

It seems that Tāranātha availed himself of many unknown written sources and was well-informed about India, her culture and the history

of Buddhism. Tāranātha knew the heroic poem by Vālmīki which he quotes in his works. His translation of the Rāmayāṇa and of two chapters of the *Bhāgavad gīta* are lost. The printing blocks were destroyed during the persecution of the *Jo-naṅ-pa* sect (ཇོ་ནང་པ།) in the time of the Fifth Dalai Lama in the first half of the XVIIth century A. D. The *Karmapa* and *Jo-naṅ-pa* sects supported the ruler of Tsang and thus incurred the enmity of Lhasa and of the *dGe-lugs-pa* sect. In the chief monastery of the sect — *rTag-brtan phun-tshogs-liṅ* (རྟག་བརྟན་ཕུན་ཚོགས་གླིང་།) was situated a printing establishment well-known throughout Tibet in which were preserved the printing blocks of the works of Tāranātha. Many of the printing blocks were destroyed, and the monastery itself was renamed *dGa'-ldan phun-tshogs-liṅ* དགའ་ལྡན་ཕུན་ཚོགས་གླིང་། and handed over to the *dGe-lugs-pas*.

We do not know which chapters of the Rāmayāṇa were translated by Tāranātha but it seems that his translation was the first attempt to render into Tibetan the epic poem by Vālmīki. Possibly it was an abridgment of the original poem. Before the XVIIth century A. D. the various versions of the Story of Rāma in Tibet belonged to popular literature. The Story of Rāma spread far to the North, into Central Asia. The late Professor C. F. Golstunsky prepared for publication a short version of the Story of Rāma in the Kalmuk language[7]. Further search will no doubt discover the story in the Mongol steppe also.

NOTES

[1] В. Я. Владимирцов, *Монгольский сборник рассказов Pancatantra*. «Сб Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого при Академии наук СССР», Ленинград, 1925.

[2] Yü Tao-ch'üan, *Love songs of the sixth Dalai Lama Tshangs-byangs rgya-mtsho*, Peking, 1930

[3] Raghuvīra & Chikyo Yamamoto, *Rāmayāna in China*, "Sarasvatī — Vihāra Series", 8, 2 ed., Nagpur, 1955.

[4] F. W. Thomas, *A Rāmayāna story in Tibetan from Chinese Turkestan*, «Indian Studies in honor of Ch. R. Lanman», Cambridge, 1929, p. 193—212.

[5] M. Lalou, *L'histoire de Rāma en tibétain*, J. As., CCXXIX, 1936.

[6] རྒྱལ་ཁམས་པ་ཏཱ་ར་ན་ཐས་བདག་ཉིད་ཀྱི་རྣམ་ཐར་ཞེས་པར་བྲྀད་པའི་དེབ་གཏེར་ཤིན་ཏུ་ཟབ་མོ་མཐོས་བཀུག་པའི་རྟོགས་བྲྀད། *rGyal-khams-pa Tā-ra-nā-thas bdag-ñid-kyi rnam-thar ñes-par brǰod-pa'i deb-gter šin-tu zab-mo-ma bčos-lhug-pa'i rtogs-brǰod*, fl. I—I. gSuṅ-'bum, 1 (ka).

[7] The MS. of Prof. Golstunsky's work is preserved in the Buriat Research Institute of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR.

По докладу выступили П. Демьевиль, Г. П. Сердюченко.

R. K. SPRIGG (*London*): VOWEL HARMONY IN LHASA TIBETAN

I wish first to mention the great regret with which I heard of the untimely death of Professor George de Roerich, or, as he is of course better known here in Moscow, Юрий Николаевич Рерих. It was, indeed, largely because

of him that I chose vowel harmony in Lhasa Tibetan as the subject of this paper; for it was a topic that I well remember discussing with him in Kalimpong ten years ago, at the time when it had first occurred to me that the rather puzzling alternation in vowel quality of certain vowels in Lhasa Tibetan was to be ascribed to vowel harmony; and both on that occasion and on numerous others I benefited from his criticisms.

Some of the alternations in vowel quality that I discussed with de Roerich ten years ago had been noted — briefly — twenty years earlier by Jaw Yuanrenn in *Love-songs of the Sixth Dalai Lama*, in which he describes them as fortuitous, or as due to differences in tempo; but my phonological analysis of the speech of Rinzin Wangpo (*rig-'dzin dbang-po*), a Lhasa-born, and Lhasa-dialect-speaking, Tibetan, supported by what I had observed of the speech of other Lhasa-dialect speakers in Kalimpong, and during a brief visit to Gyantse, in the Tsang province of Tibet, in the spring of 1950, has convinced me that such features as these are rather to be ascribed to vowel harmony.

The Lhasa-Tibetan vowel harmony is of the type in which degrees of vowel closure harmonize. In this paper I deal with these vowel-closure features in accordance with the phonological theory of Professor J. R. Firth, the Prosodic Theory: I treat them as exponents of terms in a prosodic system named, since it is concerned with inter-related degrees of vocalic closure, the Closure system. The Closure system comprises two terms: Close, Open.

The Closure system is applicable to groups of two successive syllables; these disyllabic groups are termed Pieces. The Piece is treated as a unit, in the same way as the word and the syllable are treated as units. The boundaries of a Piece can coincide with those of a word (provided, of course, that word is disyllabic); so that a unit that is from one point of view a disyllabic word is at the same time, from another point of view, a (disyllabic) Piece; but commonly a Piece is contained in a word, a word of three or more syllables.

Just as certain phonetic features, — pitch features, for example, and duration features, — can be treated not as features of individual vowels and consonants but as features of syllable units and word units as wholes, so the relevant vowel-closure features are treated here as features of a unit, the Piece, as a whole, and are associated, as exponents, either with the Close or with the Open term of the two-term Closure system. According, then, to the type of inter-related vowel-closure features that are associated with it, a Piece may be identified as a Close Piece or as an Open Piece.

From a grammatical point of view a Piece, whether Close or Open, can be of one of the following five types (I. A—E):

I. *Types of Closure Piece classified grammatically*

A. *Noun*			
1. Open :	[kjɛ:dʒə]	*skad-cha*	[ɛ:]
1. Close :	[kje:gju:]	*skad-rgyur*	[e:]
2. Open :	[phø:gɛ:]	*bod-skad*	[ɛ:]
2. Close :	[druge:]	*'brug-skad*	[e:]
B. *Noun + Particle*			
Open :	[pha:lə]	*bar-la*	[a:]
Close :	[phʌ:du]	*bar-du*	[ʌ:]
C. *Adjective + Particle*			
Open :	[maŋbu] / [maŋgu]	*mang-po* / *mang-go*	[a]
(?) Close :	[dʒʌŋgu]	*ljang-khu*	[ʌ]

D. *Particle + Particle*

	Open :	[jøβɛ:]	*bzhes-kyi-yod-pas*	[ɛ:]
	Close :	[jimbe:]	*rgyab-kyi-yin-pas*	[e:]

E. *Verb + Particle*

1.	Open :	[tʃa:bəjĩ] / [tʃarəjĩ]	*bcar-* { *ba* / *ra* } *-yin*	[a:] / [a]
	Close :	[tʃʌ:gejĩ:]	*bcar-gyi-yin*	[ʌ:]
2.	Open :	[nã:rɔ:]	*gnang-rog*	[ɔ:]
	Close :	[lʊbro:]	*slab-rog*	[o:]

In these examples each of the alternative vowel qualities, shown in the right-hand column ([ɛ:], [e:], [ɛ:], etc.), has a matching vowel quality in the other syllable of the Piece.

It is not possible in twenty minutes to give an account of all five grammatical types of Piece; but, having illustrated the applicability of the Closure system to each of these five types, I now propose to restrict myself to the fifth type (E), the *Verb+Particle* type, and give a fairl 'l account of it (II).

II. *The Verb+Particle Piece*

Section II is further subdivided into sections A, B, and C.

A. *Particle Syllables in the Closure Piece*

Section A is further subdivided into sections 1 and 2. In section 1 the Particle category is represented by the Interrogative Particle *pas / gas / ngas / ras*. The examples are divided into Close-Piece (the right-hand column) and Open-Piece (the left-hand column).

1. *pas/gas/ngas/ras*

Open Piece				Close Piece			
[phe:bɛ:]	*phebs-pas*	[e:]	+ [ɛ :]	a. [jimbe:]	*yin-pas*	[i]	+ [e:]
[sø:bɛ:]	*bzos-pas*	[ø:]		[si:be:]	*gzigs-pas*	[i:]	
[tɛrɛ:]	*ster-ras*	[ɛ]		[ʃy:be:]	*zhus-pas*	[y:]	
[dɛ:bɛ:]	*bsdad-pas*	[ɛ:]		[duge:]	*'dug-gas*	[u]	
[jɔŋɛ:]	*yong-ngas*	[ɔ]		[ʃu:be:]	*bzhugs-pas*	[u:]	
[naŋɛ:]	*gnang-ngas*	[a]		b. [gjʊbe:]	*rgyab-pas*	[ʊ]	

In the Close Piece (right-hand column) the vowel of the second syllable, the Particle syllable, has its closer quality ([e:]); and there are matching qualities in the first syllable, the Verb syllable. With one exception, the last example in this column (section b), these matching qualities all have closeness as a feature: [i], [i:], [y:], [u], [u:] (section a); the one exception (section b) has not closeness but half-closeness, combined with backness and spreading ([ʊ]). These Close-Piece features, abstracted from both syllables of each example, are set out on the right-hand side of the (Close-Piece) column.

As far as the grammatical type of Piece exemplified in section 1 is concerned, then, the exponents of the Close term of the two-term Closure system are: in the first syllable (the Verb syllable), either (a), closeness ([i], [i:], [u], [u:], [y:]), or (b), half-closeness+backness+spreading ([ʊ]), and in the second syllable (the Particle syllable), half-closeness ([e:]).

In the Open Piece (the left-hand column), on the other hand, the vowel of this same syllable, the Particle syllable *pas*, has its more open quality

([ɛ:]); and in the first syllable (the Verb syllable) there are the matching non-close vowel qualities [e:], [ø:], [ɛ], [ɛ:], [ɔ], and [a]. These qualities have also been abstracted from the Open-Piece examples, and are set out on the right-hand side of this (the left-hand) column.

The corresponding exponents of the Open term of the system, then, are: in the first (Verb) syllable, non-closeness; *i. e.* openness ([a]), half-openness ([ɛ:], [ɛ], [ɔ]), or half-closeness ([e:], [ø:]), but, of course, excluding half-closeness+backness+spreading ([ɔ]); and in the second (Particle) syllable, half-openness ([ɛ:]).

The vowel of the Particle syllable *pas / gas / ngas / ras* has, thus, two exponents, one of them appropriate to the Close Piece (half-closeness, [e:]), and the other appropriate to the Open Piece (half-openness, [ɛ:]).

There is one other Particle syllable whose vowel has alternative degrees of vocalic closure as exponents: the Nominalizing-Particle syllable *rog*, which is the second syllable of the Verbal-Noun forms given in section 2. The vowel of this syllable also alternates in quality, and has two exponents: a closer quality (half-close, [o:] appropriate to the Close Piece (the right-hand column), and a more open quality (half-open [ɔ:]) appropriate to the Open Piece (the left-hand column).

2. *rog*

Open Piece				Close Piece			
[phe:rɔ:]	*phebs-rog*	[e:]	+ [ɔ:]	a. [simro:]	*zin-rog*	[i]	+ [o:]
[kjø̃:rɔ]	*skyon-rog*	[ø̃:]		[tɪhi:ro:]	*dris-rog*	[i:]	
[tʃhɛrɔ:]	*phye-rog*	[ɛ:]		[phy:ro:]	*phul-rog*	[y:]	
[tɛ̃:rɔ:]	*bstan-rog*	[ɛ̃:]		[ʃuro:]	*zhu-rog*	[u]	
[jɔ̃:rɔ:]	*yong-rog*	[ɔ̃:]		[lu:ro:]	*blug-rog*	[u:]	
[ɲɔrɔ:]	*nyo-rog*	[ɔ:]					
[nɑ̃:rɔ:]	*gnang-rog*	[ɑ̃:]					
[damrɔ:]	*bsdams-rog*	[a:]		b. [lʊbro:]	*slab-rog*	[ʊ]	

The exponents of the two terms Close and Open are, as one would expect, the same for the first (Verb) syllable of section 2 as of section 1: closeness ([i], [i:], [u], [u:], [y:]) for the Close term, and non-closeness ([e:], [ø:], [ɛ], [ɛ:], [ɔ], [a], [a:]) for the Open term, except that half-closeness+backness+spreading ([ʊ]) is an exponent of the Close term; for the second (Particle) syllable too they are the same for section 2 (rog) as for section 1 (*pas/gas/ngas/ras*), except that the alternative degrees of closure, half-closeness and half-openness, are here combined with backness and rounding ([o:] and [ɔ:] respectively) instead of with frontness and spreading ([e:] and [ɛ:]).

The two Particle syllables so far considered, *pas/gas/ngas/ras* and *rog*, are rather special, in that they are the only two such syllables to have alternative exponents for their vowels. All the other Particle syllables in Pieces of the grammatical type under consideration (*Verb+Particle*) have vowels with a single exponent as far as the Closure system is concerned, and do not therefore provide criteria for identifying the Close, or the Open, Piece.

It is clear from the examples in section A that *pas/gas/ngas/ras* and *rog* can be contained in both the Close (right-hand columns) and the Open (left-hand columns) Piece. They, and other Particle syllables that resemble them in this respect, are therefore termed Close-/Open-Piece Particle syllables to distinguish them from certain other Particle syllables, which have yet to be considered, that are confined to the Close Piece (section C).

B. *Verb Syllables in the Closure Piece.*

There are also Verb syllables that resemble the Particle syllables *pas/gas/ngas/ras* and *rog* in that they too are not confined to either the Close or the Open Piece but may be contained in either; all the Verb syllables that have so far appeared in the left-hand columns of section A, in examples of the Open Piece, are of this type. In these examples, it is true, these Verb syllables are all contained in the Open Piece; but they can equally well be contained in the Close Piece. In section 1 below, examples of these Verb syllables are given both in the Close Piece (the right-hand column) and in the Open Piece (left-hand column). Since they can be contained in either type of Piece, and in order to distinguish them from certain other Verb syllables, which have still to be considered, that are confined to the Close Piece, Verb syllables such as these are termed Close-/Open-Piece Verb syllables.

Further, just as the vowels of the Particle syllables *pas/gas/ngas/ras* and *rog* have alternative exponents according as they are contained in the Close or the Open Piece, so those of the majority of these Close-/Open-Piece Verb syllables have alternative exponents (section a), shown on the right of the Close-Piece column in section 1 below ([ɛ], [i]; [ø], [y]; [ɔ], [u], etc.); but there is also a minority of Close-/Open-Piece Verb syllables that have single exponents ([e], [ɛ]) in both Close and Open Piece (section b).

1. *Close-/Open-Piece Verb Syllables* (*e*, *o*, *a* except *ab* (*s*))

a. Alternative exponents; b. Single exponents

	Open Piece		Close Piece		
a.	[thɛmbə]	*'then-pa-red*	[thiŋgi]	*'then-gyi-'dug*	[ɛ] [i]
	[thømbə]	*thon-pa-red*	[thyŋgy]	*thon-gyi-'dug*	[ø] [y]
	[drɔbə]	*'gro-ba-red*	[drugy]	*'gro-gi-'dug*	[ɔ] [u]
	[dɛ:bə]	*bsdad-pa-yin*	[de:gə]	*bsdad-kyi-yin*	[ɛ:] [e:]
	[lɔ:bə]	*klog-* {*pa*, *ga*} *-yin*	[lo:gy]	*klog-gi-yin*	[ɔ:] [o:]
	[lɔ:gə]				
	[naŋbə]	*gnang-* {*ba*, *nga*} *-red*	[nʌŋgə]	*gnang-gi-red*	[a] [ʌ]
	[naŋə]				
	[tʃa:bə]	*bcar-* {*ba*, *ra*} *-yin*	[tʃʌ:gə]	*bcar-gyi-yin*	[a (:)] [ʌ:]
	[tʃarə]				
b.	[phe:bə]	*phebs-pa-red*	[phe:gi]	*phebs-kyi-'dug*	[e:]
	[tɛmbə]	*bstan-pa-red*	[tɛŋgi]	*bstan-gyi-'dug*	[ɛ]

The Close-/Open-Piece Verb syllables are regularly written with the vowel letters *e* (*'greng-bu*), *o* (*na-ro*) and *a*, except when followed by *b* (*ab*).

All the Close-Piece examples given above contain the Particle syllable *gi/gyi/kyi*. This Particle syllable, unlike *pas/gas/ngas/ras* and *rog*, is one of a small group of Particle syllables that are confined to the Close Piece, and may therefore be termed Close-Piece Particles (C. 1). The vowel letters with which Close-Piece Particles are written are *i* (*gi-gu*), *u* (*zhabs-kyu*), and *a* followed by *b* (*ab*). The Particle syllable *pa/ba/ga/nga/ra* of the Open-Piece examples (left-hand column) is, like *pas/gas/ngas/ras* and *rog*, a Close-/Open-Piece Particle (C. 2).

All the Verb syllables that appear in the Close-Piece examples in section A (right-hand columns), *e. g.*, *yin*(*-pas*), *gzigs*(*-pas*), *zin*(*-rog*), *dris*(*-rog*), are, like *gi/gyi/kyi* and the other Close-Piece Particle syllables, confined

to the Close Piece; they are therefore termed Close-Piece Verb syllables. The vowels of Close-Piece Verb syllables have, as far as the Closure Piece is concerned, a single exponent; they do not alternate in quality. The Verb syllables in the Close-Piece examples below (section 2) are all Close-Piece Verb syllables, and confined to the Close Piece. The (single) exponent of the vowel of the Verb syllable is shown in the right-hand column. The Particle syllable in the left-hand column is the Close-/Open-Piece Particle *pa/ba/ga/nga/ra*; the Particle syllable in the centre column is, for comparison, the Close-Piece Particle *gi/gyi/kyi*.

2. *Close-Piece Verb Syllables* (*i*, *u*, *ab(s)*)

a.	[ʃibə]	*shi-ba-red*	[ʃigi]	*shi-gi-'dug*	[i]
	[ɪrhi:bə]	*bris-pa-red*	[ɪrhi:gi]	*bris-kyi-'dug*	[i:]
	[phy:bə]	*phul-{ba, ra}-red*	[phy:gy]	*phul-gyi-'dug*	[y (:)]
	[phyrə]				
	[thymbə]	*mthun-pa-red*	[thyŋgy]	*mthun-gyi-'dug*	[y]
	[kumbə]	*bskums-pa-red*	[kumgy]	*bskums-kyi-'dug*	[u]
	[ʃu:bə]	*bzhugs-{pa, ka}-red*	[ʃu:gy]	*bzhugs-kyi-'dug*	[u:]
	[ʃu:gə]				
b.	[ʊbə]	*slabs-pa-red*	[ʊbgə]	*slab-kyi-yin*	[ʊ]

The vowels of the Close-Piece Verb syllables, like those of the Close-Piece Particle syllables, are regularly symbolized in Tibetan orthography by *i* (*gi-gu*), *u* (*zhabs-kyu*), and *a* followed by *b*. So far as literary Tibetan orthography is valid for the spoken dialect of Lhasa, these letters and sequences of letters in the Verb syllable provide a regular indication of the Close Piece; so also, of course, do the Close-Piece Particles *gi/gyi/kyi*, *dus*, *thabs*, etc. (C. 1).

C. *Particle Syllables*: *Classification by Closure*

The Particle syllables that are confined to the Close Piece, Close-Piece Particle syllables, are listed at section 1; at section 2 are listed the Particle syllables that, like *pas/gas/ngas/ras* and *rog* in section A, and *pa/ba/ga/nga/ra* in section B, can be contained in either the Close or the Open Piece. These Close-/Open-Piece Particles are divided into those which, as one might expect, are spelt with *e* and *o*, and with *a* when not followed by *b* (section a); and those which, irregularly, are spelt with *i* or *u*, including commonly encountered phonetic spellings (section b).

1. Close-Piece *(i, u, abs)*

gi/gyi/kyi, *rtsis*; *dus*, *rgyu*, *mus*; *thabs*.

2. Close-/Open-Piece

a. (*e*, *o*, *a* except *abs*)

se/ze; *rog*, *dog* (*rdog*), *do*, *gro* (*'gro*), *yong*, *dgos* (*dgo*, *go*), *myong* (*nyung*), *song*; *pa/ba/ga/nga/ra*, *pas/gas/ngas/ras*, *pa/ga/nga/ra*, *nyan* (*mkhan*), *ka(g)*, *ta*, *shag/zhag*, *sa*, *a*, *byas*, *tsang*, *na*, *ya(g)*, *mad* (*med*), *ma/mi*, *nas* (*ni*).

b. (*i*, *u*)

shig, *bzhin*, *ni* (*nas*), *mi/ma*; *'dug*, *byung*, *nyung* (*myong*).

По докладу выступил В. В. Иванов.

J. SCHUBERT (*Leipzig*): TIBETISCHE SPRACHPROBLEME IM LICHTE DER EINHEIMISCHEN GRAMMATIK

Meine langjährige Beschäftigung mit der tibetischen Sprache, besonders aber meine tibetischen Sprachstudien in Peking, Chengtu, Lanchow, in der tibetischen Steppe, am Kukunor, in Kumbum, Labrang, Darjeeling, Kalimpong, Gangtok, bei den Mon-pa's und auch in der Mongolischen Volksrepublik, haben mir gezeigt, daß sehr Vieles, was die tibetische Sprache angeht, doch noch höchst problematisch ist. Das beginnt bereits mit dem Alphabet und endet mit der Frage nach Zweck und Sinn des so eigenartigen Baues der tibetischen Silbe, die in der Mehrzahl der Fälle mit unserem Wort identisch ist, und der Betrachtung der ebenso eigenartigen syntaktischen Beziehungen derselben und deren Ausdrucksweise im Satz.

Wenn man sich z. B. heutzutage von einem Lhasa-Tibeter die Laute des Alphabetes vorsprechen läßt, von denen jeder — wie die Phonetik des Lhasa-Dialektes lehrt — auch einen bestimmten Ton hat, dann erscheinen die *Tenues*, die alle im Ton 1 zu sprechen sind, als Mediae und die *Mediae*, die sämtlich im Ton 4 zu sprechen sind, als Aspiratae. Die Mediae unterscheiden sich in der heutigen Lhasa-Aussprache nur dadurch von den Aspiratae, daß die letzteren alle im Ton 1 gesprochen werden. Vergleicht man — um noch ein Beispiel aus dem Alphabet zu nehmen — den 20. und 27. Laut, d. h. das *ZHA* und *SHA* miteinander, dann zeigt sich, daß unser Laut *SCHA*, der nach allen Grammatiken mit dem *SHA* gleichgesetzt wird, gar nicht auftaucht, sondern mittels Konsonanz *HR* gebildet werden muß, weil eben nur diese Zusammenstellung im heutigen Lhasa-Dialekt *SCH* lauten kann. Was den Bau einer tibetischen Silbe angelangt, die in der Form *KA* das einfachste und in der Form *BSKRABS* (=*tschab* im Lhasa-Dialekt) das komplizierteste Gebilde zeigt, — dazwischen liegen noch etwa 20 weitere Möglichkeiten, —so treffen wir auf die altbekannte Erscheinung von 5 Präfixen, die, wenigstens im Lhasa-Dialekt, zu 98% stumm sind und mancherlei Zwecke erfüllen, die am augenscheinlichsten da in Erscheinung treten, wo wir von „Verbalformen" sprechen, obwohl sie natürlich auch in Silben bzw. Wörtern von anderer Bedeutung vorkommen. Außerdem begegnet man des öfteren einem durch *S* bzw. *D* bewirkten doppelkonsonantischen Auslaut zum Ausdruck gewisser Funktionen, die sich zu einem Teil mit denen der Präfixe decken und zu einem Teil mit den Funktionen der Präfixe korrespondieren. Aber auch in Bezug auf die Anwendung syntaktischer Beziehungsmittel, z. B. schon allein der Partikeln *DU*, *LA*, *RU*, *SU*, *TU* in ihren Kasusfunktionen als auch in ihrer Funktion im Prädikat der Nebensätze ist noch nicht das letzte Wort gesprochen.

Selbstverständlich hat man sich schon seit vielen Jahren mit diesen Problemen befaßt, und es ist eine stattliche Anzahl von Publikationen erschienen, die bezeugen, welch große Mühe man aufgebracht und welch tiefe Schürfung man vorgenommen hat, um den Dingen nachzugehen. Ich betone dabei besonders die Arbeiten von Bacot, Conrady, Durr, Koerber, Posch, Shafer, Simon, Uray und Wolfenden, deren Kenntnis ich hier voraussetzen darf. Einen Berg kann man von verschiedenen Seiten betrachten und besteigen: an ein Problem kann man ebenso von verschiedenen Seiten herangehen. Hier aber — scheint mir — hat man eine Seite zu wenig berücksichtigt, ihr zu wenig Wert beigemessen oder sie nur von fern und nicht aus der Nähe gesehen: ich meine die Betrachtung der Probleme von der

einheimischen tibetischen Grammatik aus. Jedenfalls ist das für die «Besteigung des Berges» die am nächsten liegende, wenn auch nicht die leichteste Seite. Auf die Schwierigkeiten, die sich der Betrachtung von dieser Seite entgegenstellen, d. h. auf die nicht immer richtig verstandene einheimische Terminologie, hat mit Recht zuletzt wieder Uray hingewiesen; aber versuchen wir den Aufstieg!

Vollständig im Dunkel freilich liegt noch die Herkunft der Tibeter und höchst undurchsichtig noch ist die Entwicklung der tibetischen Sprache. Mit dem gleichen Rechte, mit dem man glaubt in den *Chiang* (羌), von denen sich heute noch geringe Reste in NW-Szŭ-ch'uan finden, die Vorfahren der Tibeter zu sehen, konnte man die Sprache der *Chiang* als Urquell des Tibetischen ansehen. Diese Annahme ist schwer hypothetisch, wird jedoch durch das Studium der tibetischen Ost-Dialekte immerhin ein wenig gestützt und zwar zunächst dadurch, daß einmal manche *Chiang*-Wörter mit den entsprechenden Begriffen der osttibetischen Dialekte gleichlauten und zum anderen sich in den Ost-Dialekten hier und da die Aussprache mancher Wörter mit dem uns aus dem Schrifttibetischen bekannten Silbenkomplex deckt. Die Schreibung des Tibetischen erhielt im ersten Viertel des 9. Jahrh. eine Reform, die sogenannte «Neue Orthographie», die z. B. statt früherem *KĀ — KA*, statt früherem *MYE — ME* und statt früherem *'AGYO — 'AGO* schreibt, wenn das auch aus den zeitgenössischen Inschriften nicht immer hervorgeht. Wie bekannt ist, haben die Amdo-Dialekte noch einige solcher Altertümlichkeiten bewahrt und man schreibt dort heute noch *MYI* statt *MI*, *MYE* statt *ME* usw. Auf jeden Fall aber scheint NW-Szŭ-ch'uan, SW-Kan-su und SO-Ch'ing-hai ein sehr beachtenswertes altes tibetisches Sprachgebiet darzustellen, und die Sprachen der *Chiang*, *Rgya-roṅ-pa* und *A-mdo-ba* (von ihnen in erster Linie die der *Ṅo-log-pa*) geeignet zu sein in der hier gegebenen Reihenfolge die Richtung zum Ausgangspunkt des Tibetischen zu weisen. Für die tibetische Schriftsprache selbst aber liegen die Werke einheimischer Grammatiker vor, die ihrerseits wieder als Quintessenz die beiden uns noch erhaltenen der insgesamt 8 grammatischen Schriften des Thon-mi Sambhoṭa enthalten. Beide Traktate gehören zusammen; eins schließt an das andere an; das eine ist ohne das andere nicht denkbar; beide zusammen liefern das grammatische System. Ich will versuchen, dies auf den einfachsten Nenner zu bringen.

Das *SUM-CU-PA*, der erste der beiden Traktate, sagt einleitend ganz kurz und einfach, es sind vier Vokale (*i*, *u*, *e*, *o*) vorhanden und 30 Konsonanten (die natürlich, weil jedem Konsonanten der Vokal *a* inhäriert, gleichzeitig eine einfache, offene Silbe bilden, welche wiederum auch ein Wort darstellen kann). Diese 30 Konsonanten werden hier im *SUM-CU-PA* noch in zwei Gruppen eingeteilt: a) in Klassen (*SDE-PA*), d. h. zunächst für die ersten vier Klassen genau analog den Lauten des Sanskrit-Alphabetes (natürlich mit Ausnahme der Linguale und ohne die im Tibetischen nicht existierenden aspirierten Mediae), dann aber, was die Palatal-Sibilanten, Halbvokale, Zischlaute und den Hauchlaut anbetrifft, einfach mechanisch weiter in 3 Klassen zu je vier Lauten, was im Ganzen 7 Klassen zu je vier Lauten, d. h. $7 \times 4 = 28$ Laute, des Alphabetes ergibt. Der 29. und 30. Laut bilden dann die letzte Klasse, die 8. Klasse, die, weil es nur noch 2 Laute sind, natürlich nur eine halbe Klasse sein kann. Die zweite Einteilung, die das *SUM-CU-PA* mit den 30 Lauten des Alphabetes vornimmt, besagt, b) daß 1) 20 dieser Laute als Stammkonsonanten einer Silbe (die im Tibetischen wiederum auch ein Wort darstellen kann) und damit auch im Anlaut

erscheinen können; daß 2) 10 Laute als Auslaute, d. h. am Ende der Silbe stehen können; und daß 3) 5 von den 10 als Auslaut vorkommenden Konsonanten auch als Präfix auftreten können. Ich weise darauf hin, daß die über- und untergeschriebenen Buchstaben, die mit den Stammkonsonanten zusammen Konsonanzen ergeben, nicht erwähnt, sondern deren Vorhandensein (als normaler Bestandteil der Silbe bzw. des betr. Wortes) vorausgesetzt wird.

Der Hauptteil des *SUM-CU-PA* hat die Darstellung der syntaktischen Beziehungsmittel zum Gegenstand. Es handelt sich dabei ausschließlich um Partikeln (*TSHIG-PHRAD*), die wiederum ausschließlich dem Begriff, zu dem sie eine Beziehung herstellen sollen, angehängt werden. Man teilt sie in zwei Gruppen, je nachdem sie bei ihrer Anwendung einer euphonischen Veränderung unterliegen oder nicht. Von diesen Partikeln, die unter verschiedene einheimische Termini aufgegliedert sind, dienen die *BDAG-PO*-Partikeln sowie *DE* und *ZHIG* zur Bezeichnung des Nominativus absolutus, des normalen Akkusatives, des bestimmten und unbestimmten Artikels und des Befehles; die *SLAR-BSDU-BA*-Partikeln zur Bezeichnung des Prädikates der Hauptsätze; die *LA-DON*, *I-LDAN*, *'ABYUṄ-KHUṄS*, *'ABOD-PA* und *LHAG-BCAS*-Partikeln sowie *ZHIṄ* und *ZHES* zur Bezeichnung der Kasus obliqui, des Prädikates der Nebensätze und adverbialer Funktionen; die Partikel *DE* und *GAṄ* zur Bezeichnung des Pronomens demonstrativum und interrogativum; die *RGYAN-SDUD* und *'ABYED-SDUD*-Partikeln sowie *NI* und *DAṄ* zur Bezeichnung der Verbindung von Wörtern, Sätzen oder Satzteilen und schließlich die *DGAG-PA*-Partikeln zur Bezeichnung der Negation.

Das *RTAGS-KYI 'AJUG-PA*, der zweite und umfangreichere der beiden Traktate und gleichzeitig — da die anderen 6 Traktate Thon-mi Sambhoṭa's verlorengegangen sind — der zweite Teil des uns bekannten grammatischen Systems der Tibeter, hat es mit den Ton-Verhältnissen der Laute des Alphabetes, d. h. also des tibetischen Lautbestandes im Einzelnen und im Komplex der Silbe (die eine bestimmte Harmonie aufweisen muß) zu tun. Die für die bestimmte Aussprache eines Lautes gebrauchte Terminologie verwendet die Ausdrücke *PHO* (männlich), *MO* (weiblich) und *MA-NIṄ* (neutrum), von denen *MO* und *MA-NIṄ* noch weiter spezifiziert werden. So wird zunächst allgemein den Vokalen die Aussprache *MO*, den Konsonanten die Aussprache *PHO* zugeteilt. Im Weiteren gliedern sich die $7^1/_2$ Klassen der *SUM-CU-PA*-Einteilung der Konsonanten nunmehr in 5 Gruppen: die harten Laute (*K*, *C*, *T*, *P*, *TS*) als *PHO*, die aspirierten Laute (*KH*, *CH*, *TH*, *PH*, *TSH*) als *MA-NIṄ*, die Nasale, Liquiden und der Hauchlaut (*Ṅ*, *NY*, *N*, *M*, *R*, *L*, *H*) als *SHIN-TU MO*, der letzte Laut des Alphabetes als *MO-GSHAM* (*A*), und die übrigen als *MO* (*G*, *J*, *D*, *B*, *DZ*, *W*, *ZH*, *Z*, *'A*, *Y*, *SH*, *S*), die also Mediae, Halbvokal, Zischlaute etc. umfassen. Den größten Raum nimmt dann die Behandlung des *RTAGS* — ich übersetze das Wort nicht — der 5 Präfixe ein, denen nur vier der erwähnten Lautbezeichnungen zugebilligt werden: *PHO* für das Präfix *b*, *MA-NIṄ* für die Präfixe *g* und *d*, *MO* für das Präfix *'a* und *SHIN-TU MO* für das Präfix *m*. Nun wird dargelegt, welches *RTAGS* die Stammkonsonanten haben müssen, vor die die Präfixe treten. Das kann nur in einer bestimmten Harmonie geschehen, z. B. Präfix *b* vom *RTAGS PHO* kann nur an Stammkonsonanten von *RTAGS PHO* (außer an *P*), von *RTAGS MO* (außer an *B*, *W*, *'A*, *Y*) und vom *RTAGS SHIN-TU MO* (außer an *M*) treten usw. Ob dabei *PHUD* sich wirklich dem nach den Regeln der

einheimischen Grammatik unmöglichen *bPUD* (u. ä. Fälle) entwickelt hat (Uray), ist unsicher. Bei Beantwortung der Frage, in welcher Weise und zu welchem Zwecke die Präfixe einer Silbe angesetzt werden, treten im Text des Traktates 8 wichtige Termini auf: 1) die Ausdrücke *DRAG-PA*, *RAN-PA* und *ZHAN-PA* (bei der Frage in welcher Weise das Vorsetzen geschieht) und 2) die Ausdrücke *DA-LTA*, *'ADAS-PA MA-'ONS-PA*, *DNOS-PO BDAG* und *DNOS-PO GZHAN*. Darauf komme ich dann noch zu sprechen. An diesen sehr ausführlich behandelten Teil des *RTAGS-KYI 'AJUG-PA* schließt sich noch die *RTAGS*-Einteilung der 10 möglichen Auslaute an, für die man drei Lautbezeichnungen festgelegt hat: *PHO* (für *G*, *D*, *B*, *S*) *MO* (für *N*, *M*, *'A*) und *MA-NIN* (für *N*, *R*, *L*). Auch hier werden bei der Frage, in welcher Weise das Ansetzen geschieht, d. h. welche Lautfähigkeit sie haben, neben den schon bekannten Termini *MO* und *MA-NIN* mit je einzelnen Abstufungen, noch die Termini *SKYES-BU RAB*, *SKYES-BU 'ABRIN* und *SKYES-BU THA-MA* gebraucht. Dabei ist zu beachten, daß bei dieser *RTAGS*-Einteilung auch die Auslaute mit einem zweiten Affix berücksichtigt sind. In Bezug auf die Präfixe sind des öfteren Beispiele von Wörtern mit entsprechenden «Vorsilben» aus verschiedenen in diese Sprachgruppe gehörigen Sprachen zum Vergleich herangezogen worden. Diese Basis ist aber nicht ganz sicher, da es doch fraglich ist, ob es sich bei den einzelnen Erscheinungen tatsächlich um Vorsilben oder Vorbuchstaben handelt, die wirklich ihrem Wesen und ihrer Funktion nach den tibetischen Präfixen entsprechen. Aus dem *RGYA-RON*-Dialekt liegen mir Proben vor, die z. B. eine Art Nominal-Präfixe zeigen, wie *ti-CHU* (Wasser), *ti-ME* (Feuer), *ti-TSHA* (Sohn), *ti-SNA* (Ohr) usw. oder in der Miri-Sprache findet sich die Vorsilbe *do-* in Wörtern wie *dc-NYI* (Sonne), *do-MUK* (Wolke), *do-LUNG* (Dorf) usw., oder *e-* als Vorsilbe in *e-SING* (Baum), *e-KUM* (Haus) und *e-MI* (Feuer), während im Bhutanesischen eigenartige Affixe, wie *MI-to* (Auge), *GO-to* (Kopf), *BYAN-to* (Brust) usw. auftreten, wobei das *-to* evtl. ein Nomen in der Bedeutung des tibetischen *TOG* = Gipfel, Zenit usw. sein kann.

Damit ist jedoch gleichzeitig das gesamte System der einheimischen tibetischen Grammatik gedrängt formuliert.

Dieses uns sehr fremdartig anmutende System trägt aber durchaus dem eigenartigen Charakter der sinico-tibetischen Sprachen — zu denen das Tibetische gehört — mit den Wesenszügen der Einsilbigkeit, der (musikalischen) Töne, der Isolierung der Stammwörter, des Gebrauches gewisser Nominal-Prä- bzw. Affixe Rechnung. Betrachtet man nun das System, so zeigt sich, daß erstens weder vom Nomen noch vom Verbum, sondern nur von den Partikeln die Rede ist, die jeweils als Beziehungsmittel fungieren, und daß zweitens beim Prädikat der Nebensätze dieselben Partikeln Anwendung finden, die auch zur Bezeichnung der obliquen Kasus dienen. Das setzt aber voraus, daß die Wurzelwörter (bestehend aus einer Silbe einfachster bis zu einer solchen kompliziertester Form nach dem Eingangs erwähnten Beispiel), an die diese Partikeln treten, Gebilde einunderselben Wortart, d. h. einfach «Nomina» sind (*MI* = Mensch, *RTSIS* = Rechnung, *YUL* = Land, *'PHAN*, *dPAN*, *SPAN* = Höhe, *gCIG* = (Zahlwort) Eins usw.) und daß demzufolge die Begriffe, die eine Handlung ausdrücken, als VERBAL-Nomina erscheinen; letztere haben jedoch fast ausschließlich die Partikel *BA* bzw. *PA* hinter sich (*mTHON-BA* = das Sehen, *BYED-PA* = das Handeln), die ihrerseits aber auch bei vielen anderen Wurzelwörtern

auftreten kann (*KHA-BA* = Schnee, *RÑAN-PA* = Lohn). Die Aufzählung der jeweils verschiedenen Funktionen, die die genannten Partikeln, wenn sie im Zusammenhang des Satzes mit einem Nomen verbunden sind, haben können, stellt daher die «Syntax» im grammatischen tibetischen System dar, wobei für diese einzelnen Funktionen einheimische Termini vorhanden sind, und wobei wiederum, wenn dieselbe Partikel bei einem Nomen in unserem Sinne (also, wenn es sich um einen Kasus handelt) oder bei einem Verbum in unserem Sinne (also, wenn es sich um ein Converbum handelt), steht, derselbe Terminus gebraucht wird (z. B. wenn die Partikel *LAS* in comparativischer Funktion steht, ist der Terminus *DGAR-BA*, wenn diese Partikel aber ablativische Funktion hat oder weiterhin — sagen wir — die Endung eines Verbums in einem temporalen Nebensatz ausmacht, dann steht für diese beiden zuletzt genannten Funktionen der Terminus *'ABYUÑ-KHUÑS*). Auf alle Fälle können mit Hilfe der im *SUM-CU-PA* aufgezählten Partikeln in Verbindung mit entsprechenden Nomina alle syntaktischen Beziehungen ausgedrückt werden; dabei tritt unser Verbum — wie dargelegt — als Nomen auf.

Nomen und Partikeln haben selbstverständlich ihren bestimmten Laut und ihre bestimmte Betonung. Man weiß zwar nicht, wie das Tibetische zur Zeit der Abfassung des *RTAGS-KYI 'AJUG-PA*, d. h. im 7. Jahrh. n. d. Zw., gesprochen wurde; es ist aber mehr als naheliegend, daß der Kernpunkt des *RTAGS-KYI 'AJUG-PA* der ist, den Charakter der Silben bzw. der Wörter tonmäßig zu bestimmen, wobei sich die interessante Erscheinung ergibt, daß man den Ton-Charakter jeder tibetischen Silbe aus ihrem Schriftbild ablesen kann. Meine 1937 ausgesprochene Vermutung, bei der ich den Vergleich mit dem Siamesischen in Bezug auf Schriftbild und Ton der Silben bzw. Wörter anstellte, befestigt sich immer mehr; zumindestens hätte ich keinen Grund, diese Vermutung fallen zu lassen. Ganz ohne Zweifel sind Ausdrücke wie *PHO*, *MO* usw. Bezeichnungen für Betonungsklassen. Der Anlaut — auch eine Anlautkonsonanz — wird — anders als in der modernen Sprache — nicht durch die über- oder untergeschriebenen Buchstaben (Laute), sondern durch Antreten von Präfixen verändert: denn nur von diesen ist in dem Traktat die Rede. Die über- bzw. untergeschriebenen Buchstaben (Laute) werden — wie bereits erwähnt — als vorhanden und zum Wort (Nomen) gehörig vorausgesetzt, wie sich aus den im Traktat jeweils angeführten Beispielen ergibt. Die Betonungsklasse des Anlautes (Stammkonsonanten oder Anlautskonsonanz) und die Betonungsklasse des antretenden Präfixes decken sich nicht immer, müssen aber auf alle Fälle im harmonischen Verhältnis zueinander stehen (wie der Text des *RTAGS-KYI 'AJUG-PA* im Einzelnen genau lehrt). Tritt nun ein Präfix einer bestimmten Betonungsklasse an den der Betonungsklasse nach geeigneten Stammkonsonanten einer Silbe, so ergibt sich eine Art Akzent dreifacher Natur (das besagt das *DRAG-PA*, *RAN-PA* und *ZHAN-PA* des Textes), der zusammen mit dem Lautcharakter des Silbenschlusses (des Auslautes, wobei die Vokalbasis *'A* als Konsonant gilt) von achtfacher Natur (das besagt das *SKYES-BU RAB* usw. des Textes) die eigentliche Betonung der Silbe kennzeichnet. — Ich möchte hier einschalten, daß im Lhasa-Dialekt heutiger Zeit z. B. das Präfix *g* vor *D*, das Präfix *d* vor *G* oder das Präfix *b* vor *G* oder *D*, die Veränderung von Stimmhaftigkeit in Stimmlosigkeit bewirkt; stehen diese Präfixe *g*, *d*, *b* aber vor *Ñ*, *NY*, *N* oder *M*, dann verändern sie die Tonhöhe der Silbe und zwar — in diesem Falle — vom tieferen zum höheren. Das aber, was ich eben vorher vom Schrifttibetischen dargelegt habe, be-

zieht sich natürlich auf alle tibetischen Silben bzw. Wurzelwörter und nicht etwa nur auf diejenigen Nomina, die verbale Bedeutung haben. Diese letzteren treten uns zunächst genau wie die anderen Wörter in Form einer einzigen Silbe von einfachster bis kompliziertester Bauart und bestimmter Betonung entgegen, haben aber auf Grund dessen, daß sie eine Handlung, ein Geschehen, ein Ereignis bezeichnen, ihre besonderen Charakteristika: 1) nur das Genus AKTIVUM; 2) nur drei Tempora: VERGANGENE, GEGENWÄRTIGE und ZUKÜNFTIGE HANDLUNG; 3) nur zwei Modi: INDICATIV und IMPERATIV; 4) keine NUMERI; und 5) keine Bezeichnung der PERSONEN (PERSONALENDUNGEN), d. h. unpersönliche Konstruktion mit dem Sinn «es geschieht ein Schlagen, ein Sehen, ein Laufen» oder «man schlägt, sieht, läuft» usw.

Diese 5 Charakteristika, zu denen noch ein sechstes tritt, ergeben sich mir auf Grund einer neuen Auffassung und Deutung einiger einheimischer grammatischer Termini. Die einheimische tibetische Grammatik spricht eigenartiger Weise nicht im *SUM-CU-PA*, sondern nur im *RTAGS-KYI 'AJUG-PA*, d. h. in dem Teil des Systemes, der die Laute bzw. Töne behandelt — von den drei Zeiten (*DUS GSUM*) *DA-LTA-BA*, *MA-'ONS-PA* und *'ADAS-PA* und in steter Verbindung damit von den Begriffen *DNOS-PO BDAG* und *DNOS-PO CZHAN*. Die Darstellung und Erläuterung dieser Begriffe nennen die tibetischen Kommentatoren der grammatischen Traktate selbst «die Schwierigkeiten des *RTAGS-KYI 'AJUG-PA*». Gerade die stete Verbindung der beiden erwähnten Begriffe mit den drei Zeiten besagt mir aber, daß *DNOS-PO BDAG* und *DNOS-PO GZHAN* nicht mit INTRANSITIVUM und TRANSITIVUM übersetzt werden darf (ich habe das leider früher selbst so übertragen), sondern daß es sich dabei um die Bezeichnung einer dauernden Handlung, einen ASPEKT I (*DNOS-PO BDAG*), und die Bezeichnung einer vollendeten Handlung, einen ASPEKT II (*DNOS-PO GZHAN*) handelt. Daß Aspekte im Tibetischen vorliegen hat übrigens Bacot bereits einmal flüchtig angedeutet. Wenn aber Aspekte — als Bezeichnungen von Aktionsarten — vorhanden sind und die genannten einheimischen Termini sich damit decken, dann haben wir in der *DA-LTA-BA*-Form als Aktionsart 1 stets den Aspekt I und in der *MA-'ONS-PA*-Form als Aktionsart 3 stets den Aspekt II zu erkennen. Es heißt auch immer «*byed-pa DA-LTA*» und «*bya-bai-las MA-'ONS-PA*», weil sich im *byed-pa* das *DNOS-PO BDAG* und im *bya-ba* das *DNOS-PO GZHAN* ausdrückt. Da weiterhin «*bya-bai las*» die «Form bzw. Handlungsweise des *bya-ba*» bedeutet und nach den Kommentatoren der grammatischen Werke mit «*bya-bai yul*» gleichzusetzen ist, kann letzteres nicht, wie gewöhnlich übersetzt worden ist, «Objekt» in unserem Sinne heißen, welches im Tibetischen stets durch *LAS* wiedergegeben wird; ein *bya-bai-yul* liegt dort vor, wo die Silbe *BYA* gebraucht wird! *BYA* ist aber die bekannte *MA-'ONS-PA*-Form von *BYED-PA* und damit nach meiner Theorie die Form des Aspektes II. So sind, wie ich glaube, die verschiedenen in den sogenannten «Verbalreihen» auftretenden Nomina verbaler Art, d. h. z. B. *'AGEGS*, *BKAG*, *DGAG*, *KHOG*, die alle «ein Hindern» bedeuten, nicht eigentlich Tempora, sondern Aktionsarten, d. h. einmal die Form für den Modus IMPERATIVUS (*KHOG*) = Aktionsart 4, einmal die Form für den ASPEKT I (*'AGEGS*) = Aktionsart 1, einmal die Form für den ASPEKT II (*DGAG*) = Aktionsart 3 und einmal die Form *BKAG*, die ausschließlich die Vergangenheit (*'ADAS-PA*) bezeichnet, in der also die beiden Aspekte zusammenlaufen und die man

deshalb als Form für ASPEKT I+II = Aktionsart 2 ansehen könnte. Das begründete dann durchaus die Aufstellung solcher «Verbalreihen» in der Grammatik der tibetischen Sprache, Reihen, in denen nach der bisherigen Auffassung nebeneinander von einem MODUS und drei TEMPORA etwas ausgesagt wird. Die Formen für die 4 Aktionsarten — sie werden von modernen tibetischen Komentatoren in anderer Reihenfolge, z. B. *MA-'ONS-PA, DA-LTA-BA, 'ADAS-PA*, IMPERATIV oder *'ADAS-PA, DA-LTA-BA, MA-'ONS-PA*, IMPERATIV gegeben — reduzieren sich dort, wo einunddieselbe Lautkombination — also auch einunddieselbe Schreibung der Silbe mehrere dieser Aktionsarten zugleich ausdrückt. Dann begegnen sich einerseits ASPEKT I und II, d. h. Aktionsart 1 und 3, und andererseits *'ADAS-PA*-ASPEKT und IMPERATIV, d. h. Aktionsart 2 und 4, in einer Form, wie die sogenannten 3- bzw. 2-wurzeligen «Verba» der herkömmlichen Grammatiken zeigen. Bei denjenigen Nomina verbaler Art, die nur eine einzige Form, z. B. *mTHON(-BA)* = Sehen, für alle vier Aktionsarten haben, werden die betr. Handlungsweisen (ASPEKTE und MODUS) durch Anfügung bestimmter Silben bzw. Hilfswörter an das Wurzelwort (hier also an *mTHON*) ausgedrückt, daher *-BZHIN* (ASPEKT I), *-'AGYUR* (ASPEKT II), *-ZIN* (*'ADAS-PA*) und *-ZHIG* (IMPERATIV), Eine große Unsicherheit in der bisherigen Deutung der Begriffe *DNOS-PO BDAG* und *DNOS-PO GZHAN* lag darin, daß man zu Unrecht bei dem Übersetzen aus dem Tibetischen in den entsprechenden Wendungen viel zu sehr ein PASSIV bevorzugte, wo gar keines vorhanden ist. Keine Grammatik des Tibetischen sagt über die Bildung eines Passivs etwas aus, und beim Vergleichen von zweisprachigen Texten, z. B. Sanskrit und Tibetisch, wie das hier und da bereits geschehen ist, ergibt sich, daß der jeweilige tibetische Text ausschließlich an Stelle der sanskritischen Passivform das Aktivum braucht, d. h. jede passivische Konstruktion muß im Tibetischen aktiv gewendet, ins Aktivum umgesetzt werden, und die Verwendung des Instrumentals als Subjektskasus resultiert aus diesem Motiv heraus.

Mit diesen Betrachtungen glaube ich vom Gipfel des nunmehr bestiegenen Berges einen guten Einblick — und wie ich wünschen möchte, auch den richtigen — gewährt und die Wichtigkeit der einheimischen Grammatik für die Problematik im Tibetischen gezeigt zu haben.

По докладу выступили Г. Ураи, У. Саймон.

MAHARAJ KUMAR OF SIKKIM, PALDAN THONDUP NAMGPAL: ADDRESS ON PROBLEMS OF TIBETOLOGY

I feel extremely honoured to address this galaxy and at the same time have my own reasons of diffidence. Though not a scholar, I have the honour to represent a subject — Tibetology — the importance of which is well known to you. I happen to be the President of the Namgyal Institute of Tibetology of which I propose to speak a few words later.

Tibetology, that is, study of culture or cultures expressed through the medium of *Po Key* (*Bod Skad*=Tibetan language), is not confined to the geographical boundaries of Tibet only. *Po Key*, with variations of dialect, is spoken in many adjoining countries. In earlier days *Po Key* was the vehicle of the Doctrine of the Buddha in Mongolia. Till a hundred years ago

Po Key was *lingua franca* in the eastern half of the mass of countries conventionally called Central Asia. The perimeter of *Po Key* thus indicates one of the many facets of Tibetology.

Po Key came into its own as the vehicle of the Buddha's message. I need not tell this gathering as to how *Po Key* came to preserve for posterity the treasures of Mahayana literature. As the repository of the sublime Doctrine of Nirvana and Sunyata, the humanitarianism of Bodhisattvavada and the canons of Buddhist iconography, *Po Key* has its own importance. The sacred collection *Tanjur* contains, besides works of strictly doctrinal interests, books on medicine, astrology, chemistry, poetry etc. If we add to this the associations of Tibetan culture with Indian, Iranian, Mongol and Han cultures, Tibetology represents a variety of subjects each worthy of specialization.

As one interested in the promotion of Tibetology I consider this session of Oriental Congress in Russia very much in the fitness of things. Russian scholarship in Sanskrit and Tibetan studies is as ancient as it is profound. For more than a century now Leningrad is reported to have the largest Tibetan collection outside Tibetan speaking countries. Numerous Russian scholars have made worthy contributions to appreciation of Mahayana. I may however mention only two. The great scholar S t c h e r b a t s k y in making a thorough exploration into Mahayana, in Sanskrit as well as Tibetan texts, found it necessary to visit Mahayana monasteries in the highlands of Asia and live with the Lamas. This scholar who astounded the Western World by tracing anticipations of thought mechanics of Kant, Hegel and Bradley in the philosophy of Nagarjuna, Vasubandhu and Dharmakirti [1], built a small Buddhist temple in Leningrad. I should also mention our friend late lamented Dr. George R o e r i c h whom we miss here so much today.

With these prefatory remarks I may speak on the problems of a Tibetologist. The very first difficulty which a Tibetologist faces is that of non-availability of literary data. Study in the Mahayana monasteries and educational establishments has all along been pursued in an exclusive manner, that is, the cultivation of literature and learning of the particular sect with which the establishment is concerned. Such sectarian study was necessary, for the field was so great and so much had to be acquired both in literary and spiritual treasures that specialization, to choose a modern word, was rather obligatory. Meditation (*Sgom*) for instance could not be cultivated without being attached to a particular sect or master. But as a result of this tradition nowhere in Sikkim, Bhutan, Tibet, Nepal or Mongolia is there a single repository of literature pertaining to all sects and schools. Scholars from the outside world who spend a few months or at best a couple of years in a Mahayana monastery naturally form somewhat incomplete notions of Mahayana. The Namgyal Institute of Tibetology opened in October 1958 by His Excellency Pandit Jawaharlal Nehru, Prime Minister of India, seeks to remove this deficiency. His Highness the Maharaja of Sikkim, whose patronage made the establishment of the Namgyal Institute of Tibetology possible, has by a Charter incorporated the Institute into an autonomous body and has given us powers to collect books of all the sects. His Highness, himself a staunch and devout follower of the Nyingma tradition, desires us to hold aloft the lamp of the Freedom of Mind which is the special legacy of The Buddha. This is indeed the first time that in a public establishment under Government auspices anywhere in the Tibetan-speaking countries books of different sects are being stored and preserved in one repo-

sitory. Lamas of different sects work in our Institute and speak from the same platform. Modern, non-Tibetan speaking, scholars who come to consult our collection have the advantage of collaboration from Lamas of all sects. We do not claim that we have in two years built a complete collection representing all schools and sects. Book production in Tibet is not exactly the same as in other countries. Blocks of xylographs have to be located in different monasteries, requisite paper is to be supplied and then prints are obtained. This is quite a job in normal times. Even before we could get our first orders complied with unhappy events took place in Tibet. So for more than a year we have not been able to procure any books. With the turn of normal times, now in sight, we propose to request the Government of India and Government of China for provision of facilities to visit monastic presses in Tibet.

Speaking of literary sources I need not tell you that even a complete bibliography of all printed works is not available. There are incomplete catalogues of different sects from printing establishments. But a long felt desideratum is a complete bibliography of all works doctrinal and secular, in print or in manuscript. The Namgyal Institute of Tibetology has undertaken compilation of bibliography of printed works in the first instance.

Though good work has been done to bring to light many Tibetan works for about a century now, much has yet to be done. A considerable portion of the work done relates to *Kanjur* and *Tanjur*. There are other sacred collections which can be fruitfully studied. *Rin Chen Ter Zod* (Treasury of Revelations) which have not been studied so far may reveal many *Agamas*, *Dharanis* and other texts lost in India. The same is true of the collection which opens with *Jam Gon*.

For secular subjects literature of Tibet is very rich, a fact not much realised till recently. *Sakya Kabum* and *Pao Tsug La Thengwa*, for instance, contain much data for subjects like history and economy. P e t e c h [2] has made a very happy beginning in this field. *Jam Ling Gya She*, it is understood, is being printed and edited in the University of Washington (Seattle) [3]. Good data may be available from Tibetan translation of Yuan Chwang's *Travels*. A systematic study of Chronicles and Annals is thus much needed. The results should be of use to students to Indology and Sinology also. Even *Nam Thars* may yield date for history of other countries, as T u c c i has so ably demonstrated from pilgrimages to Orgyan (Swat) [4]. A large part of Tibetan original works — that is, works not based on Indian or any other foreign sources — is in manuscript form. Studies in history and economy are primarily dependent on such original contributions. For an exploration of such material this Congress of Orientalists may form a team to visit monasteries in Tibet.

Tibetan literary and epigraphic data studied with similar Indian evidence may throw much light on the history of India. During the centuries following Harsha's death a number of Tibetan invasions are on record. But the chronology and extent of these invasions have yet to be settled. For one thing, these were perhaps not expeditions for well planned material gain. Tibetans, after conversion to Buddhism, looked upon India as the sacred land, and a spirit of adventure stimulated them to reach Vajrasana and other sacred places in their own way [5]. Indian records speak of Kambojas, identified by B a n e r j i and T h o m a s with Tibetans, having ruled sections of Eastern India, but not much of depredations. On the other hand a Kamboja ruler is said to have built a large and beautiful temple of Siva in Dinajpur [6].

Literary sources are however not the only material with which Tibetology is concerned. Mahayana iconography and art provide a key not only to appreciation of doctrinal matter but also to a history of exchange of aesthetic ideas. Many contributions have been made particularly by Bhattacharyya, Foucher, Getty, Gordon, Jisl, Roerich and Tucci [7]. Even then a vast field remains unexplored. I should diffidently suggest a comparative study of art objects country-wise: Indo-Nepalese, Mongol and Chinese, besides pure Tibetan. This will reveal contributions of different countries. I may just refer to two or three peculiarities within my knowledge. *Dorje* (*Vajra*) [8] and *Phurpa* (*Kila*) are instruments of Indian origin but the iconic representation *YabYum Dorje Phurpa* provides a subject of research [9]. *TamYang* (*Manjusri*) is generally depicted with sword of Wisdom in right hand and the Book (*Prajna Paramita*) in left hand. We have in a painted scroll, done by a previous Galwa Karmapa (1670 A. C.), *TamYang* holding in two hands a pair of Wheels of Law. This is unique but not against canon. In *Sadhanamala* such representation is also prescribed [10]. This Thanka with distinct Chinese influence is however the only such instance known to us. *Tara* (*Drolma*) images in Tibet, Sikkim or Bhutanese are generally after Indo-Nepalese patterns. There is however a Chinese Tara (*Gyanag Drolma*) also popular in Tibet [11]. Is it from *MahaGheena*? These are just a few points I submit to the consideration of scholars.

Speaking of the provenance of the images I may say that some of the finest sculptors were not Buddhists. Exquisite works, strictly according to canon, came to Tibet and Mongolia from Turkestan and Eastern Europe. This is reminiscent of the historical fact that Mahayana had in earlier days prevailed in these places [12]. This matter, besides being of interest to students of art is an evidence of active trade relations between Tibet and the West.

While speaking of fine arts one may notice the finding of an authority on Indian music [13] that one of the Indian *ragas*, *Bhottaraga*, is not of classical Aryan origin but is an adaptation from a Tibetan chord. Is it a relic of Tibetan inroads into north India? Tibetan contributions to Indian culture may be recalled in the poetic words of Tagore: "a river belonging to a country is not fed by its own waters alone". "The Tibetan Brahmaputra is a tributary to the Indian Ganges"[14].

If I have stressed the utilisation of Tibetan data for research in history or fine arts it is not that religion has been adequately studied. There are still many obscure chapters in our knowledge of religion. There is, for instance, a widely prevalent notion that Buddhism came to Tibet during the reign of Srong-tsen Gampo. Srong-tsen Gampo is indeed the Asoka or the Constantine of Tibet but it would be contrary to facts to say that Buddhism first entered Tibet under his auspices. There is firm evidence to hold that Buddhist scriptures and Buddhist scholars had been coming at least five generations earlier to Tibet. King Lha-the The-ri who ruled about 150 years before Srong-tsen Gampo could not use these scholars and their books because of lack of a script. Nevertheless there was no lack of respect in the Royal House for the Noble Doctrine from India. It is however difficult to fix the date of first entry of Buddhism [15]. In view of close contact between Tibet and India from very early days as evidenced in the field of mystic practices and meditation and in view of Asokan missionaries having preached both in the Himavats and the borderlands up to Khotan [16], it may not be surprising if we discover that Buddhism made its first entry in Asoka's

time either through Nepal or through Ladakh. Asoka in Tibetan tradition occupies a niche which is not enjoyed by any other foreign king.

I have no intention to tire you with a long address. I have taken the liberty to present some ideas for exploration by academicians. It is, however, not to be understood that Tibetology concerns only students of religion, art and history. It provides a rich field to students of linguistics, ethnology, science and sociology as well. With these words I should conclude with greetings on behalf of India where The Buddha was destined to be born and on behalf of Sikkim and the Namgyal Institute of Tibetology in Sikkim where we strive to preserve the lamp of the Freedom of Mind as lit by The Buddha.

NOTES

[1] *Buddhist Logic* ("Bibliotheca Buddhica", Leningrad, 1930—1932).
[2] E. g. *Chronicles of Ladakh* (Calcutta, 1939); *China and Tibet in early 18th Century* (Leiden, 1950).
[3] Turrel Wylie.
[4] *Travels of Tibetan Pilgrims to Swatt Valley* (Calcutta, 1940).
[5] Memoirs: ASB V and *Tibetan Texts*, Pt. I.
[6] *Indian Antiquary*, I and UASB NS, VII.
[7] *Indian Buddhist Iconography* (Calcutta, 1924 and 1958); *L'Iconographic Buddhique de l'Inde* (Paris, 1900—1905); *Beginnings of Buddhist Art* (Oxford, 1917); *Gods of Northern Buddhism* (Oxford, 1914 & 1928); *Iconography of Tibetan Lamaism* (New York, 1939); *Tibetan Art* (London, 1959); *Tibetan Paintings* (Paris, 1925); *Indo-Tibetica* (Rome, 1932—1941); *Tibetan Painted Scrolls* (Rome, 1949).
[8] Vajra of the shape of a peg was not unknown, see an exhibit from Java in British Museum. Evans—Wentz describes Phurpa as Tibetan. (*Tibetan Book of the Great Liberation*, Oxford, 1954).
[9] Bhattacharyya obviously considers Derje Phurpa as non-Indian. He does not notice this in *Indian Buddhist Iconography*.
[10] Bhattacharyya.
[11] E. g. Woodroffe, *Shakti and Shakta* and *Shastri Cult of Tara*, Memoirs, ASI: 20.
[12] E. g. Koeppen.
[13] Swami Prajnanananda.
[14] *The Centre of Indian Culture* (Visvabharati, 1919).
[15] Many Tibetan authorities (Theb Ter Ngon Po, Gya Po Yig Tsang etc.) allude to pre-Srong-tsen Gampo events connected with Buddhism.
[16] The border tribes mentioned in Asokan records might have spread even beyond Pamires and Oxus: *Barua Asoka and his Inscriptions* (Calcutta, 1946 and 1955).

GÉZA URAY (Budapest): DIE LEHNFÜRSTENTÜMER DES TIBETISCHEN REICHES IM VII.—IX. JAHRHUNDERT

1. Es ist schon über dreißig Jahre her, daß die Artikelserie *Tibetan Documents concerning Chinese Turkestan* des unlängst verschiedenen Professors Frederick William Thomas die systematische Erforschung der alttibetischen Quellen und der tibetischen Geschichte des VII.—IX. Jahrhunderts inaugurierte. Seitdem erschienen viele wichtige Quellenausgaben und Studien. Viele Probleme sind gelöst, für viele fand man noch keine befriedigende Lösung und viele gibt es, die überhaupt noch nicht untersucht wurden. In diesem Zustand der Forschungen scheint mir die monographische Forschung das nötigste zu sein, in dem Sinne, daß man einzelne Teilgebiete der alten tibetischen Geschichte, Kultur und Sprache auf Grund aller publizierten oder sonst zugänglichen Quellen in allen Einzelheiten untersucht. Zu dieser Aufgabe möchte ich — soweit es mir meine beschei-

denen Kräfte möglich machen — mit einer systematischen Behandlung des gesammten alten tibetischen Staatswesen beitragen. Es sei mir gestattet, einen der schon im wesentlichen ausgearbeiteten Abschnitte meiner staatsgeschichtlichen Forschungen, u. zw. den Abschnitt über die Lehnsfürstentümer des alten Tibets, vorzulegen. Es kann sich dabei natürlich nur um eine überaus knappe Zusammenfassung handeln. Auf eine detaillierte philologisch-historische Analyse aller bezüglichen Quellenangaben muß hier verzichtet werden, ich beabsichtige aber das hier Vorgetragene bald auch mit vollständigen philologischem Apparat zu publizieren.

2. Das zur Stiftung der Skar-čhuń Kapelle erlassene Edikt des Königs Khri Lde-sroń-brcan gibt eine Aufzählung der damaligen Würdenträger des tibetischen Reiches. Nach den Königinnen, aber vor den großen Ratsherrn («Ministern») erscheint die Kategorie der *rgyal-phran* 'kleinen Könige'. Unter dieser Sammelbezeichnung werden drei Würden: der *dbon 'A-ža-rje*, der *Rkoń-kar-po* und der *Myań-bcun* angeführt. Diese hohe Rangstellung der kleinen Könige, bzw. des allein erwähnten *dbon/'bon 'A-ža-rje* kann schon aus der Mitte des VIII. Jahrhunderts nachgewiesen werden.

In früheren Zeiten, u. zw. am Ende des VII. und anfangs des VIII. Jahrhunderts, wird der *Da-rgyal* in der gleichen hohen Rangstellung erwähnt. Dieser *Da-rgyal* führte denselben Titel *dbon/'bon* wie der *'A-ža-rje*. Diese Umstände lassen in dem *Da-rgyal* einen frühen Vertreter oder Vorläufer der Kategorie der kleinen Könige vermuten. Wir müssen also die Besprechung der einzelnen kleinen Könige mit dem *Da-rgyal* beginnen.

3. Die Würde des *'bon Da-rgyal* hatte Thomas mit der des *'bon* 'A-*ža-rje* identifiziert. Für diese Identifizierung kann man aber weder bei Thomas noch in dem Quellenmaterial selbst Bestätigung finden. Anderseits kann aber aus den Versionen des sog. Katalogs der Fürstentümer, ferner aus dem Türkiskatalog eines mythologischen Textes nachgewiesen werden, daß der Titel *Da-rgyal/Dar-rgyal* eine Variante des Titels *Dags-rgyal* 'König von Dags' darstellt. Dieser *Da-rgyal/Dags-rgyal* regierte die Landschaft *Dags/Dags-šul/Dags-yul/Dags-po*, welche die Tradition für eines der zwölf, bzw. dreizehn vorgeschichtlichen Länder, d. h. Stammesgebilden des Schneelandes hielt. Diese Landschaft lag östlich von *'Ol-kha* und *Yar-luń* am nördlichen oder an den beiden Ufern des *Gcań-po* und ist im wesentlichen mit dem heutigen *Dvags-po* identisch.

Das Land Dags-po wurde unter Slon-mchan Gnam-ri und erneut unter Sroń-brcan Sgam-po dem tibetischen Königreich unterworfen. In den königlichen Jahrbüchern Tibets sind zwischen 653 und 714 drei nacheinander folgende Könige von Dags erwähnt. Den Titel *'bon/dbon* 'Neffe', welcher auf ihre Abstammung von einer tibetischen Königstochter hinweist, führten nur die zwei letzteren. Die Könige von Dags beteiligten sich an der Administration des gesamten Reiches und führten das tibetische Heer.

Nach der mißlungenen Expedition von 714 wird kein König von Dags mehr erwähnt. Im Jahre 718 lesen wir von der «roten Kerbe» von Dags-po, d. h. von einer solchen Konskriptionsart, welche nur die Gebiete der vier «Hörner» betreffend bekannt ist. Hiermit stimmt auch der aus dem dritten Viertel des VIII. Jahrhunderts stammende Heereskatalog überein, insofern er Dags-po als eine Tausendschaft des eigentlichen Tibets unter der Führung des Geschlechtes Mčhims anführt. Das beweist, daß der Lehnsstaat Dags-po zwischen 714 und 718 dem Geschlechte

Mčhims, welches nach den chinesischen Quellen eben in den ersten Jahrzehnten des VIII. Jahrhunderts die eigentliche Macht in Tibet ausübte, zum Opfer fiel.

4. Auch der Titel *Rkoń-kar-po /Rkoń-dkar-po/Rkoń-rje kar-po* 'der weiße Herrscher von Rkoń', *Rkoń-rgyal* 'der König von Rkoń' soll der Tradition nach einem der zwölf, bzw. dreizehn vorgeschichtlichen Fürsten beigelegt worden sein. Sein Land *Rkoń-yul* oder *Rkoń-po* lag nördöstlich von Dags-po und ist mit dem heutigen *Koń-po* identisch. Das Fürstenhaus von Rkoń-po führte seine Abstammung auf den Bruder einer der mythischen tibetischen Könige zurück. Das Land kam — zuerst oder erneut — am Anfang der Regierungszeit des Königs Sroń-brcan Sgam-po unter die Herrschaft Tibets.

Der König von Rkoń spielte annehmbar keine bedeutende Rolle in der Administration des gesamten tibetischen Reiches, da er in den königlichen Jahrbüchern Tibets überhaupt nicht erwähnt wird. Angaben über die Rechtstellung des Königs von Rkoń sind aus einer Inschrift von der Wende des VIII.—IX. Jahrhunderts bekannt. Aus dieser erfahren wir, daß die Finanzbeamten Tibets «sich nach den Steuern» des Lehnsstaates «sehnten», denen gegenüber der tibetische Prinz-Regent Ldesroń — im Einklang mit einem früheren Edikt des Königs Khri Sroń-lde-brcan — der Fürstenfamilie die Erbrechte auf den Thron, und dem jeweiligen Fürsten das Recht auf die Leibeigenen, Felder, Weidelände, Steuereinkünfte (?) usw. sicherte. Aus dem einleitenden Satz der Inschrift kann festgestellt werden, daß dem König von Rkoń ein Ratsherr zur Seite stand.

5. Außer den Königen von Dags und Rkoń führte die tibetische Tradition auch die Würde des *Myań-bcun/Myań-cun*, des 'Herrn von Myań' in die Zeit der zwölf, bzw. dreizehn vorgeschichtlichen Fürstentümer zurück. Von diesem Fürsten behauptete Tucci, daß er der Fürst von *Myań-ro/Ñań-ro*, d. h. der um das heutige *Bkra-šis-lhun-po* liegenden Landschaft war. Der sog. Katalog der Fürstentümer benennt aber *Myań-yul* als das Land der *Myań-bcun*, und Thomas behauptete es richtig, daß dieses *Myań-yul* von *Myań-ro* zu unterscheiden und im Osten zu lokalisieren ist.

Ich kann aber Thomas keineswegs darin beistimmen, daß er *Myań-yul* dem «östlichen Frauenstaat» der chinesischen Quellen gleichsetzt. Tatsächlich ist *Myań-yul* mit *Myań-po*, dem heutigen *Ñań-po* zu identifizieren und dementsprechend in den Nordwesten von Dags-po und in den Westen von Rkoń-po zu setzen.

Myań-po kam gleichzeitig mit Rkoń-po, d. h. zum Anfang der Regierungszeit von Sroń-brcan Sgam-po — zuerst oder erneut — unter tibetische Oberherrschaft. Sonst finden wir über diesen Lehnsstaat außer der Nennung seines Fürsten unter den «kleinen Königen» im Skar-čhuń-Edikt keine Angaben.

6. Aus dem bisher Gesagten ist es ersichtlich, daß der König von Dags, der «weiße Herrscher» von Rkoń, ferner der Herr von Myań im Osten Tibets liegende Länder regierten, ihre Würde von der Tradition in die Zeit der zwölf, bzw. dreizehn vorgeschichtlichen Fürstentümer des Schneelandes zurückgeführt wurde und daß sie schon in der ersten, bzw. zweiten Etappe der Gründung des tibetischen Staates unter tibetische Oberherrschaft gekommen sind. Dementgegen lag das Land des *'A-ža-rje*, des 'Herrn der *'A-ža*' entlegen von dem eigentlichen Tibet und auch die tibetische Oberherrschaft ist hier von jüngerem Datum.

Die Identifizierung der *'A-ža* mit den *T'u-yü-hun/T'ui-hun/T'u-hun* der chinesischen Quellen ist eine alte Streitfrage der tibetischen Philologie und Geschichtsforschung. Der Rahmen des jetzigen Vortrages erlaubt es nicht, die einander gegenüberstehenden Standpunkte zu analysieren. Ich möchte nur bemerken, daß ich nach der Überprüfung der bisher in Diskussion stehenden Argumente und auch auf Grund von neuen Angaben es keineswegs für berechtigt halte, irgendeinen Unterschied zwischen den *'A-ža* und den *T'u-yü-hun* zu machen.

Die *'A-ža*, d. h. *T'u-yü-hun* wurden von Tibet zum ersten Mal in den 630-er Jahren unterworfen. Im Jahre 658 versuchten sie sich der T'ang zu unterstellen, aber nach mehrjährigen Kämpfen und einer entscheidenden Niederlage floh der Khagan und ein Bruchteil des Volkes im Jahre 663 nach China. Unter tibetischer Herrschaft organisierte sich ein neuer 'A-ža-Lehnsstaat, dessen Fürst in 689 eine tibetische Königstochter zur Frau erhielt.

Über die inneren Verhältnisse dieses Lehnsstaates unterrichtet uns ein Schriftstück, das 84. Blatt des 69. Bandes der Stein-Collection. Thomas datierte diese Schrift in die Jahre 635—643, Petech aber in die Zeit zwischen 706—714. Der Beweisführung Petechs kann ich nicht in allen Einzelheiten beistimmen, doch ist seine Datierung zweifellos richtig und kann auch mit neuen Argumenten bekräftigt werden. Es handelt sich dabei nicht um eine Privataufzeichnung, wie das Thomas und nach ihm auch Petech annimmt, sondern vielmehr um die nach tibetischem Muster gestalteten Jahrbücher des 'A-ža-Khaganates. Das Schriftstück ist leider in äußerst schadhaftem Zustand auf uns gekommen, das Ende, vielleicht ein Drittel jeder Zeile, fehlt. Dennoch gestaltet sich ein ziemlich klares Bild von einer ganz nach tibetischem Vorbild gearteten Staatseinrichtung, mit für das tibetische Staatswesen charakteristischen religiösen Kulten. Auf dem höchsten Grad der Rangliste des Landes stand nicht der Khagan, sondern seine Mutter, die tibetische Königstochter. Eine Anzahl der Würden bekleideten tibetische Aristokraten.

Nach den königlichen Jahrbüchern Tibets vollzogen sich wichtige Änderungen in der Stellung des Herrschers der 'A-ža in 727—728. Damals reiste der tibetische Herrscher selbst nach dem 'A-ža-Lande, um die Stellung Tibets in diesem reichen und strategisch höchst wichtigen Lehnsstaat zu befestigen. Diesmal erhielt der Khagan den seiner Abstammung entsprechenden Titel *dbon/'bon* 'Neffe (des tibetischen Königs)'. den früher der König von Dags führte. Damit erhielt der Khagan seinen hervorragenden Platz in der Rangliste des Reiches. Viele 'A-ža-Leute erhielten vom tibetischen Herrscher Donationen. Innerhalb des Staates scheinen aber die Rechte des Khagans auch weiterhin beschränkt geblieben zu sein. So wurden bestimmte Handlungen in 734 und 742 im 'A-ža-Lande von den zentralen tibetischen Organen durchgeführt.

Im Jahre 758 kamen auch jene 'A-ža unter tibetische Herrschaft, die im Jahre 663 nach China geflohen waren und von den Chinesen in der Umgebung Liang-chou angesiedelt wurden. Auch in der Umgebung von Tun-huang wurden geschlossene 'A-ža-Gruppen unterworfen. Von diesen «zu China gehörigen 'A-ža» wurden besondere Tausendschaften und Zehntausendschaften organisiert, deren Gebiete anscheinend nicht dem 'A-ža-Lande eingegliedert wurden, der 'A-ža-Herrscher hatte aber Empfehlungsrechte auf die Posten der Führer dieser 'A-ža-Tausendschaften und Zehntausendschaften.

7. Der König von Dags, bzw. später der Herrscher der 'A-ža, ferner der «weiße Herrscher» von Rkoń und der Herr von Myań waren also Fürsten einst unabhängiger Staaten, bzw. Stammesgebilden, die ihr Staatstum auch nach der Unterwerfung durch Tibet in beschränktem Maße beibehalten konnten. Diese Lehnsfürsten wurden — wenigstens vom Ende des VIII. Jahrhunderts an — zusammenfassend *rgyal-phran* 'kleine Könige' genannt, wobei dieser Ausdruck als ein staatsorganisatorischer Termin für eine bestimmte, hoch im Range stehende Gruppe der Lehnsfürsten aufzufassen ist. Wie einerseits ihre Anteilnahme in den Staatsangelegenheiten des gesamten Reiches, anderseits die inneren Verhältnisse des 'A-ža-Khaganates andeuten, bildete das Lehnsstaatswesen in den bisher behandelten Fällen die institutionelle Form eines verhältnismäßig ständigen Bündnisses der tibetischen und einheimischen Herrscherklasse zur gemeinsamen Ausbeutung des Volkes der betreffenden Länder.

8. Der Ausdruck *rgyal-phran* 'kleine Könige' wurde nicht nur als ein genau umgrenzter staatsorganisatorischer Termin, sondern auch in breiterem Sinne angewendet. Die königlichen Jahrbücher, die alttibetische Chronik und andere Texte bezeichnen als kleine Könige schlechtweg alle Fürsten der angrenzenden Länder, welche sich entweder infolge tibetischer Übermacht oder aus außenpolitischen Überlegungen zeitweilig Tibet unterwarfen. So sang der tibetische Herrscher Khri Lde-gcug-brcan von der «Pazifizierung aller kleiner Könige», als er in 751 die Unterwerfung des Königs der weißen Myva, Kag La-boń, d. h. des Nan-chao-Königs Ko Lo-fêng der chinesischen Quellen, zeremoniell übernahm. Aus diesem Anlaß erhielt der Myva-König den Ehrentitel *gčuń* 'jüngerer Bruder (des tibetischen Herrschers)'. Doch bedeutete das keine wahre hohe Rangeinteilung und keinen Wirkungskreis in der Administration des tibetischen Reiches, da der Bericht der königlichen Jahrbücher Tibets vom Jahre 756 ihn erst nach den tibetischen Ratsherrn anführen. Diese Behandlungsweise des Königs der weißen Myva erklärt sich dadurch, daß die Ständigkeit der tibetischen Oberherrschaft in dem Myva-Lande keineswegs für gesichert betrachtet wurde, und tatsächlich mußten die Tibeter ein oder zwei Jahrzehnte später militärische Aktionen gegen die weißen Myva einsetzen. Im Falle des Königs der weißen Myva und anderer sich unterwerfender 'kleiner Könige' ist es also zu keinem ständigen Bündnis zwischen der tibetischen und der einheimischen Herrscherklasse zur gemeinsamen Ausbeutung des einheimischen Volkes gekommen. Hier drückte der Termin *rgyal-phran* 'kleine Könige' nur eine Abhängigkeit von Tibet aus, wobei der Stand des Lehnsstaates zwischen dem eines verbündeten und dem eines besetzten Landes variieren konnte.

9. Der Sammelbegriff *rgyal-phran* 'kleine Könige' konnte, als ein dem *bcan-po* 'tibetischer Herrscher' und *rgyal-po čhen-po* 'großer König' entgegengestellter Begriff, frühestens zur Zeit der Ausbildung des tibetischen Staates entstehen. Doch wird diese Bezeichnung in den tibetischen Geschichtswerken auch auf die Fürsten der zwölf, bzw. dreizehn Länder der tibetischen Vorzeiten angewendet. Dieser antizipierte Gebrauch des Termins *rgyal-phran* kann höchstens zum Teil dadurch erklärt werden, daß die Nachfolger einiger vorgeschichtlichen Fürsten zu den 'kleinen Königen' des tibetischen Reiches gehörten. Vielmehr ist davon die Rede, daß die Fürsten der Vorzeiten und die Lehnsfürsten der geschichtlichen Zeiten als einheitlicher Begriff in der Ideologie der tibetischen Herrscherklasse figurierten. Dies zeigt sich klar in dem schon zitierten zeremoniellen Gesang des Königs Khri Lde-gcug-brcan. Dieser Gesang spricht erst vom Herabsteigen des göttli-

chen Ahns der tibetischen Könige, um «alle kleinen Könige durch die große Wissenschaft des guten Gesetzes zu versöhnen», nachher von der Unterwerfung des Königs Kag La-boń. Hier werden also alle sog. 'kleinen Könige' von den vorgeschichtlichen Stammeshäuptlingen an bis zu dem König der weißen Myva auf dieselbe historische Stufe gestellt. Alle haben nämlich nach der Ideologie der tibetischen Herrscherklasse die Pflicht, sich den göttlichen Herrschern Tibets zu unterwerfen.

По докладу выступили И. Шуберт, П. Демьевиль и другие.

15 августа, утреннее заседание
Общее заседание секции. Председатель Т. Ямамото *(Токио)*

MAX LOEHR (Cambridge, Mass.): THE BEGINNINGS OF PORTRAIT PAINTING IN CHINA

The question I should like to discuss in brief is related to the vestiges of early Chinese portrait painting and to the literary testimonies of the existence of such paintings.

Literature makes it evident that portraits were painted as early as the second century B. C., and there is no reason why we should doubt the painters' ability to grasp and render individual features. The extant works of the Han Dynasty, on the other hand, rather suggest that portraiture in a true sense was not achieved until after Han, although we must not overlook the fact that most, if not all, of the extant works are from the hands of artisans and not of the great masters of the period. The problems arising from this state of affairs may be formulated as follows:

1. What does the term «portrait» as used in Han literature actually mean? What are the realities behind it?
2. What were the relationships of the extant works to the lost ones?
3. Do the existing monuments permit us to recognize an historically meaningful sequence? Are they datable on stylistic grounds?
4. Can such a sequence, if established, be used to evaluate and interpret properly the textual references to portraits?

Here are some relevant passages on the practice of portrait painting in Han times: In 120 B. C. Wu Ti has a portrait of a Hunnic princess made. — In 51 B. C., Hsüan Ti orders portraits of eleven statesmen and generals for the Ch'i-lin-ko. — Under Yüan Ti (48—33 B. C.), Mao Yen-shou and others did portraits of the Palace ladies. One of them, Wang Chao-chün, was given in marriage to a Hsiung-nu prince, in consequence of her unflattering likeness. — Under Ch'eng Ti (32—7 B. C.), the portrait of Chao Kuo-chung was painted for the Kan-ch'üan Palace. — Kuang Wu Ti (25—57 A. D.) had a portrait of his faithful supporter Li Yeh (李業) from Szechwan made. — In 59 A. D., Ming Ti (58—75 A. D.) orders portraits of 28 meritorious generals for the Palace.

All of these passages refer to living persons, and some of the portraits no doubt were done from life. But ideal portraits of ancient heroes and rulers and sages may have played an even greater role. Those of Chou Kung (under Wu Ti, 88 B. C.), of the last Shang ruler Chou-hsin (under Ch'eng Ti, between 15—12 B. C.), of the Lieh Nü (under Shun Ti, 126—144 A. D.), and of K'ung-tzu with his 72 disciples (under Ling Ti, in A. D. 178) may be

mentioned here. And it was of pictures such as these that Wang Ch'ung (27—97 A. D.) in his *Lun-heng* wrote that

«looking at them is like contemplating dead people; one sees their faces, but this does not equal perceiving their words and actions»,

a word for which he was rebuked by the mid-ninth century Chang Yen-yüan in his *Li-tai ming-hua-chi:*

«It seems to me that such talk is like throwing ridicule on the Tao or abusing the Confucian scholars».

Now, it would be a mistake to assume that ideal portraits required less ability on the part of the artist than did the portraits from life. The ideal or imaginary portrait demands a rather deeper insight. But, it is not before Ku K'ai-chih (ca. 344—406) that we hear of an artist's reasoned reflections on this subject. His words are recorded in the *Li-tai ming-hua-chi*; for instance:

«The most difficult subject in painting is m a n».
«Painting the Small Heroines (Lieh Nü), I made their faces grave and sharp, their deportment without vivaciousness. . ., their limbs and bodies without natural ease. . .»

Ku K'ai-chih left similar remarks on the portraits of various eminent personages of the past. His concern about meaningful and fitting physiognomical traits extended even to mythical personages such as Tung-wang-kung, whose image ought to reveal

«a capacity for spiritual powers, unlike a human being's».

Of a less remote subject he said:

«When the face of a drunken man is painted, his bones must show. . .»

That Ku speaks of portraits or human figures generally as a difficult matter may be found surprising. Had painters not for many centuries achieved a mastery of this subject? His remarks will have to be understood, not as a statement on technical difficulties, but as an indication of a new, serious effort toward greater expressiveness. He endeavoured to achieve something that had not been achieved before him; he was, as he said himself,

«seeking what the ancients had never seen yet»,

according to the *Hua-p'ing* (in *Hua-hsüeh hsin-yin*), attributed to him. That such was his real concern is vouched for also by some later men's words. Yao Tsui (*Hsü-hua-p'in*), about A. D. 550, praised Ku K'ai-chih for his surpassing ability to effect a «spiritual expression», and Chang Huai-kuan (張懷瓘, VIIIth century) similarly spoke of his bringing out «the soul's very essence».

It is exactly this kind of expressiveness, by the way, which forms the criterion of what should be regarded as a «portrait in a true sense». We have no means of judging «similarity» because all those persons portrayed are unknown to us. It makes no difference, therefore, whether we have to do with real or ideal portraits. What counts is the convincing, life-like expression, the expression of the human face rather than that attained through gesture, pose, or action.

Where and when do we find, among Han and post-Han monuments, such expressive faces?

Reviewing rapidly the pertinent, original monuments, our attention will be attracted chiefly by the following ones: (1) The *Wu Liang Tz'u*,

Shantung, Chia-hsiang-hsien, dating from A. D. 147—168; (2) the Painted Basket from Lo-lang, Korea, assigned to the end of Eastern Han; (3) the painted bricks from near Lo-yang, Honan, in the Boston Museum, which are most widely regarded as Han (late Han) pieces but may well be somewhat later; (4) the slabs of the Chu Wei (朱鮪) Tomb from near Chin-hsiang; and, finally, (5) the «Admonitions Scroll», *Nü-shih Chin*, in the British Museum, a copy after Ku K'ai-chih, illustrating a poem of Chang Hua (232—300); it is an attribution we have no reasons to reject, whatever the date of the copy (which is not later than Northern Sung), a copy that faithfully reflects an original from about A. D. 400. Of the especially important instances, namely, the Basket, the Boston Bricks, and the Chu Wei slabs, none is clearly datable and the opinions as to their sequence differ. Yet it is original works such as these on which our understanding of the actual achievements ultimately depends and it is highly desirable, therefore, to arrive at a concept of their mutual relationships, as well as their position with regard to the *Wu Liang Tz'u* and the *Admonitions Scroll*.

The contrast between the figures of the last-mentioned two works can give us some insight into the kind of advance which made Ku K'ai-chih feel he had gone beyond the ancients. It can also provide a hint about the relative position of the undated works.

The *Wu Shrine* figures — which undoubtedly repeat older models — are without facial expressions. Their expressiveness hinges entirely on their total silhouettes. Powerful though these silhouettes are, they have a limiting effect. They difine an action, not a person or an individual. The time range is that of the moment, nothing beyond. There are no physiognomies; all that is told about a figure is: an adult human in such and such an action.

The figures of the *Admonitions Scroll*, by contrast, tell far more. They clearly reveal a person's age and sex, something of his upbringing, intelligence, character, and even mood. They are considerably more differentiated and accordingly more real, less stereotyped, although it would be difficult to account for this. It is there as a matter of course, it would seem, not dependent on the action of the moment: a semblance of feeling and thought in each of the persons portrayed, a semblance of an individual inner life, comprising memories and experiences, or, in short, existential time. These persons have, or appear to be endowed with an inner dimension that is entirely absent in the Wu Shrine figures.

If we now compare them with those of the *Painted Basket*, we notice in the latter an extraordinary degree of animation and liveliness. But, this animation is stereotyped, recurring as it does in all of the faces; it means nothing with regard to emotion or character, remains a mere formula which is applied indiscriminately. Evidently the brilliant and facile lacquer painter was not interested in individual differentiation; he defines a person's age as youthful, mature, or old, but that is all. This limitation is the more remarkable because of the painter's excellence. At any rate, his ability of animating the human face takes us far beyond the stage exemplified by the Wu Shrine.

In the *Boston Bricks*, the figures are widely spaced, and each of them is treated as an individual type. The painter brings out some characteristic facet of each person depicted — despite the fact that there is no action but only conversation. Through the combination of stance, gesture, and a slightly caricaturish physiognomy something of the person's character is made apparent. In this, the painter of these bricks has a command of characterization quite unattainable to the Basket painter, and more comparable to that of

the Admonitions Scroll. Similarities with the Admonitions Scroll extend, however, also to the proportions of the figures, their costume, and the fine lineament, while there is no similarity between the Admonitions and the Painted Basket from Lo-lang. This fact is suggestive of a later date of the Boston Bricks, conceivably post-Han.

Again stylistically rather close to the Ku K'ai-chih Scroll are the engraved stone slabs of the *Tomb of Chu Wei* (朱鮪) at Chin-hsiang-hsien (金鄉縣) in Shantung. Chu Wei died around the middle of the Ist century A. D. It is doubtful whether the slabs date from that time, as has been assumed by Otto Fischer. Juan Yüan (阮元), in his *Shan-tso chin-shih-chih* (山左金石志) (1796), ch. 8, 24, suggested a later date on stylistic grounds. Moreover, the slabs were re-carved at some time, probably before the Northern Wei period because there is no trace of the Northern Wei style at all, despite some additions, pointed out by Wilma Fairbank (in «Harvard Journal of Asiatic Studies», VII, 1942, pp. 52—88). Others have followed Juan Yüan's view and placed the slabs as late as IIIrd or IVth centuries. This later date appears to be supported also by the portrait style of the monument.

The Chu Wei Shrine figures stand out on account of their pronounced individual diversity, which makes them more portrait-like than any of the above discussed figures, a fact stressed also by Otto Fischer. Here it is the heads and faces alone that make for a deep animation. The bodies appear as full round, and the faces show a mastery of foreshortening.

In contrast to the Painted Basket and the Boston Bricks, there is a certain heaviness, bulk, and severity in the design of these faces. These qualities, so unlike the swift and facile brushwork of the Basket and the Bricks, no doubt go back to the brush designs on which the engravings were based; it would be arbitrary to assume that the lapidaries (who could copy *ts'ao-shu* characters on stone) were unable to copy those brush designs without altering them. But, the main point to note in the Chu Wei portrait heads is their psychological depth. These faces are expressive, individual and full of life, and they appear to embody a good deal of a person's past. In this inner dimension they can only be compared to the Ku K'ai-chih Scroll, which, unfortunately, is a late copy and may have lost much of the original's artistic power.

Relying on the testimony of the Han and post-Han works discussed, it appears conceivable that they typify progressive stages in the history of early portraiture.

The image of man was of small importance until the Han period, and it was not until then that the human face became a matter of artistic concern. The stages of developing a new artistic tradition cannot be fully known from the scarce remains of original works, still less from the scanty literary references. But it would seem that the growth of portraiture had to do with a growing insight into man's inward reality, no less than with a serious exploration of his outward appearance. That seems to be the reason for relinquishing, gradually, the extraneous factors or symbols of identification. In the beginning, the characterization of a person was entirely dependent on some action performed, the face itself did not matter, nor did it speak. Perhaps, this was still the case when Wang Ch'ung wrote (in the Ist century A. D.) his passage about «contemplating dead people»; if the images conveyed no sensation of life or expression, they certainly were «not equal to words and actions».

When Chang Yen-yüan castigated Wang Ch'ung for having said so, he judged from a vastly changed scene. He thought of portraits in terms

of such achievements as were still unknown to Wang Ch'ung, those of Ku K'ai-chih and his unknown precursors, whose discoveries are dimly reflected in the few works that have occupied us here.

По докладу выступили Ю. Кроль, У Ши-чан, Уильма Фэрбенк, П. ван дер Лун.

Е. И. ЛУБО-ЛЕСНИЧЕНКО (*Ленинград*): КИТАЙСКИЕ ШЕЛКОВЫЕ ТКАНИ ПЕРИОДА ХАНЬ (II в. до н. э.—II в. н. э.) В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

Раскопки гуннских могильников 1924—1925 гг. в горах Ноин-ула Монголо-Тибетской экспедицией Русского Географического общества под руководством П. К. Козлова дали важнейший материал для изучения материальной культуры Китая ханьского периода, его связей с гуннами и населением соседних стран. Как уже неоднократно отмечалось, эти находки, датируемые рубежом нашей эры, относятся к числу важнейших археологических открытий XX в.[1]. Комплекс вещей, найденных в курганах, можно разделить на три группы: вещи китайского происхождения, составляющие большую часть находок, вещи гуннского происхождения и вещи греко-бактрийского круга. Основную массу вещей китайского происхождения составляют шелковые ткани. Эта коллекция шелковых тканей ханьского периода не имеет себе равных в мире как по количеству, так и по их сохранности. Хотя некоторые из найденных тканей и были описаны специалистами-технологами и искусствоведами, однако коллекция эта в целом изучена совершенно недостаточно, а более трети тканей до сих пор не издано. Кроме китайских шелковых тканей из Ноин-улы в Эрмитаже хранятся шелковые ткани периода Хань из других археологических находок: из Ильмовой пади Керчи, Кенкола, а также древнейшие китайские шелковые ткани периода Чжаньго (V—III вв. до н. э.) из Пазырыкских курганов.

Эти находки наряду с найденными в Синьцзяне шелковыми тканями периода Хань открыли новые главы в изучении искусства древнего Китая и имели исключительную ценность для изучения истории ткацкого производства в тот отдаленный период.

Китайские шелковые ткани периода Хань, хранящиеся в Эрмитаже, можно по способу их переплетения разделить на следующие четыре большие группы: гладкие безузорные ткани, включающие тафту и репс, различные типы камчатных тканей, газовые ткани и полихромные шелковые ткани. Основную часть эрмитажного собрания — около $^{9}/_{10}$ — составляет группа одноцветных безузорных тканей. Узорных тканей, различных по технике выполнения, в Эрмитаже имеется 29. По характеру орнамента рассматриваемые ткани можно разделить на несколько групп.

Первая группа включает в себя две ткани (инв. № МР 1120 и МР 1237). Орнамент ткани МР 1120, состоящий из меандров и треугольников, тесно связан с орнаментами на древнекитайских бронзовых сосудах. Элементы орнамента этой ткани, по нашему мнению, принадлежат к числу двенадцати символических узоров, установленных в период Западной Хань Кун Ань-го [2]. Они вышивались или ткались на церемониальных одеждах. В число этих узоров входили зигзаги *фу* и меандр *фу*. Сведения о месте производства тканей с орнаментом *фуфу* содержатся в книге первых ве-

ков н. э. *Фэн су чжуань*, где говорится: «В местности Сяньи имеется большое количество узорных полихромных тканей с орнаментом *фуфу* и с орнаментом в виде завитков» [3]. Узор ткани МР 1237, состоящий из рядов крестиков и пальметок, представляет собой вариант четырехлистника, являющегося распространенным элементом орнаментального искусства периода Хань. Четырехлистник появляется особенно часто в орнаментах бронзовых зеркал, где он образует центр круга и акцентирует узор.

Ко второй, самой многочисленной, группе относятся ткани с преобладанием ромбического орнамента — важнейшего мотива в орнаментальном искусстве ханьского периода. На ряде тканей (инв. № МР 1315, 1685/23, МР 1013, МР 1984, П — 1842—83, МР 21111, МР 1209, МР 1384, МР 1386, 14029, МР 986, МР 1804) нанесены ромбические орнаменты, которые часто соединяются с другими рисунками геометрического характера. Особенно интересен орнамент ткани 1685/23, происходящей из третьего Пазырыкского кургана. Ее узор представляет собой ранний этап развития ромбического орнамента, первичным элементом которого явились ромбовидные фигуры с незамкнутым углом и отходящими в сторону линиями. На ноин-улинских тканях этот узор выступает уже в развитой форме. Иногда в ромбический орнамент вводились птицы, помещенные внутри ромбов или стоящие на их вершинах, — прием, часто употреблявшийся на зеркалах периода начала Хань. Так, узор камчатной ткани МР 1403 состоит из ромбических лент с маленькими ромбиками по бокам и со сложными ромбами внутри. Через каждые две ленты ромбы заполнены двумя симметрично расположенными птицами, вероятно фениксами, с длинными хвостами и пересекающимися клювами. Орнаменты ряда тканей (МР 1836, МР 1108, МР 1965 и МР 1105), очень сходных между собой, состоят из геометрических, главным образом ромбических форм и симметрично расположенных петухов на вершинах ромбов. Тождественность узоров тканей говорит о том, что они были изготовлены в одной и той же мастерской. Исходя из характера погребения можно предположить, что они были изготовлены в известных императорских ткацких мастерских в Лояне. Изображение птиц — петухов и журавлей (на орнаменте ткани МР 1108) — имело несомненное магическое благопожелательное значение — оберегание от дурных влияний. Прямое указание на это содержится в письменном источнике II в. н. э. *Фэн су тун и* [4]. Орнамент камчатной ткани МР 1068 по своему характеру представляет переход к третьей группе.

В третью группу входят две ткани (1354/149 и МР 1885) с орнаментами из завитков пальметок и спиралей. Из сопоставления орнамента тканей с орнаментами бронзовых зеркал периодов Чжаньго и начала Хань можно сделать вывод, что исследуемые орнаменты представляют собой сильно стилизованное изображение птицы-дракона. В результате стилизации птица-дракон превратилась в клубок спиралей и волют, и прежнее осмысление орнамента утратилось.

Следующая группа содержит ткани с орнаментами из разных типов «облачных лент» — одного из главных элементов орнаментального искусства ханьского периода. Орнамент ткани МР 1127 представляет собой мотив обычной бессюжетной «облачной ленты». В орнамент ткани МР 2219 введены фантастические и реально существующие животные: тигры, драконы и благопожелательные животные *тяоба*.

Сюжеты некоторых тканей этой группы отражают религиозные и мифологические представления своего времени. Так, богатый и пышный

орнамент ткани МР 1826, состоящий из лент с изображением гор, птиц и деревьев, дает стилизованное изображение священных даосских островов бессмертия Пэнлай. Легенды о трех священных островах Пэнлай начиная с IV в. до н. э. были широко распространены в Китае. Они нашли свое отражение и в искусстве ханьского периода. О том, что многие тканые орнаменты первых веков нашей эры являются изображением островов Пэнлай, сообщает письменный источник IV в. н. э. *Ечжун цзи*. В нем этот тип орнамента выделяется особо [5]. В рисунке ткани МР 1964, состоящем из «облачных лент», животных и деревьев, стилизация зашла так далеко, что связь с изображением «островов бессмертных» еле уловима, и рассматриваемый орнамент близок к бессюжетной «облачной ленте».

Очень интересен орнамент ткани МР 1405. Он состоит из идущих от одного края до другого параллельных лент с большим количеством обвивающих их дополнительных лент с утолщением, завитками и прожилками. Около оси симметрии, проходящей в центре ткани, расположены вертикальные ряды крылатых козлов в летящем галопе. У кромок помещены человекообразные всадники на крылатых лошадях. Эти человекоподобные существа с крыльями, с повернутой назад головой, представляют собой божества даоского пантеона. Изображения божеств — *сян* — появляются в периоды Чжаньго (V—III вв. до н. э.) и Хань в связи с широким распространением идей складывающегося даосизма и становятся одной из излюбленных тем искусства этого времени. Знаменитый философ ханьского Китая Ван Чун так описывает эти фантастические существа: «Тела божеств — *сян* — покрыты оперением, а их руки превращены в крылья, при помощи которых они парят в облаках. Эти божества образованы флюидами небес, и их тела так легки, что они могут летать, как дикие гуси» [6].

Представление о характере веры в эти существа можно получить по надписям на зеркалах ханьского периода. Приведем в качестве примера одну такую надпись: «Если вы поднимете на гору Тайшань, то увидите божества — *сян*. Они питаются нефритовой эссенцией и пьют из прозрачных источников, они достигают небесного пути. Запрягая безрогих драконов в свою повозку, они поднимаются на летящие облака» [7]. Таким образом, орнамент рассматриваемой ткани, по нашему мнению, представляет собой картину даоского рая, где в небесах, среди облаков, божество — *сян* — верхом на крылатой лошади несется в бешеном галопе вместе с одним из обитателей небес — горным козлом. Упоминание в тканой надписи мифологического небожителя Гуан Чена подкрепляет это предположение.

Две ткани (МР 1889 и МР 1330) не удается отнести к какой-либо из описанных выше групп. Орнамент ткани МР 1889, состоящий из золотисто-желтых рыбок, сгруппированных парами и плывущих в одном направлении на синем фоне, связан с многочисленными легендами о рыбах и носит, подобно большинству рассмотренных тканей, благопожелательный оттенок.

Для изучения раннего китайского искусства очень важна ткань МР 1330. На темно-пурпурном фоне золотисто-желтыми нитями выткан узор, состоящий из двух суживающихся кверху скал с зубчатыми прямоугольными краями. В расщелинах между скалами находится стилизованное дерево с тремя симметричными парами веток и вершиной с плодами. На верхней части каждой из скал изображены наклонившиеся птицы с длинными хвостами и гребешками. Головы птиц обращены к помещенной

в большом промежутке между скалами грибообразной фигуре с тремя большими ответвлениями. Эта ткань с одним из наиболее ранних изображений ландшафта вызывала большой интерес у историков китайского искусства. Касаясь происхождения узора ткани и его символики, некоторые ученые (П. Иеттс, Г. Боровка) объясняли их западными влияниями. По нашему мнению, рисунок на этой ткани представляет собой отражение широко распространенных в древнем Китае мифов о солнечном дереве и небесной птице. Элементы этих мифов содержатся в книгах I—V вв. н. э.: *Шэнь и цзин*, *Юань чжун цзи*, *Цзинь лоу цзы* и т. д. Грибообразные фигуры между скалами — это широко распространенные в китайском изобразительном искусстве грибы *чжи*, дающие бессмертие и укрепляющие жизненные силы. Описание гриба *чжи* и его свойств встречается в работе знаменитого медика IV в. н. э. Гэ Хуна [8].

Легкая стилизация, необходимая для превращения горного пейзажа в узор ткани, не уничтожает общего представления о реальных предметах. Тонкое, хрупкое дерево резко контрастирует с тяжелыми волнообразными очертаниями гриба *чжи*. С большим умением переданы скалы, резкие изломы которых подчеркивают неприступность и уединенность мифической солнечной горы, где небесная птица — символ солнца — возвещает своим криком начало дня [9].

Рассмотренные богатые и разнообразные орнаменты шелковых тканей ханьского периода носят все характерные черты искусства этого времени. В изображении тканых фантастических и реально существующих животных и птиц — при отсутствии многих деталей — превосходно переданы характерные черты каждого животного. Яркими примерами этого стиля являются изображения тигра с повернутой назад головой (ткань МР 1964), идущих драконов с открытой пастью (ткань МР 2219), кричащих петухов (ткань МР 1108). Стремление к передаче движения и динамичность поз — одна из главных отличительных черт ханьского искусства — хорошо передана на ткани, изображающей мчашихся в летящем галопе всадников и животных среди фантастического переплетения лент (ткань МР 1405). Значение линии и выделение контура, типичное для периода Хань, нашли отражение на многих рассмотренных тканях, особенно на ткани МР 1964, где контурные линии изображений выделены цветом или же вытканные звери обозначены одним лишь контуром. Различные тенденции, существовавшие в орнаментальном искусстве ханьского периода, нашли отражение и в тканых орнаментах. Так, широкое распространение орнамента из «облачных лент» с тенденцией ленты к усложнению изгибов представлено группой тканей. На ряде тканей также можно наблюдать возникновение и развитие ханьского ромбовидного орнамента в его самых разнообразных формах. Стилизацию птицы-дракона и превращение ее в комплекс завитков дают несколько рассмотренных выше тканей (1354/143, МР 1068) и т. д. Находясь в общем русле развития искусства своего времени, орнаментация тканей в значительной степени зависела и от специфики ткацкой техники. В связи с особенностями устройства ткацкого станка первых веков нашей эры ткани имели в большинстве раппорты с повторением узора в направлении основных нитей более частым, чем в направлении уточных. Насчитывая в ширину 50 *см*, ткани имели в связи с особенностями техники переплетения узоры с числом красок, не превышающим пяти [10]. Ткацкая техника влияла на создание и выбор некоторых типов орнамента. Широкое распространение геометрических фигур, особенно ромбов и треугольников, на тканях частично объясняется тем, что их было сравнительно легче ткать. Этими же при-

чипами можно объяснить возникновение композиции зеркальной схемы на орнаментах многих тканей.

Высокоразвитая техника производства тканей, совершенный ткацкий станок, тщательно разработанные приемы обработки и окраски тканей, употребление шелка — материала, исключительно приспособленного для тканья, и, наконец, многовековой опыт китайских мастеров — все это, вместе взятое, позволяло создавать на рубеже нашей эры шедевры ткацкого искусства. Для иллюстрации высокого умения ханьских ткачей можно привести несколько примеров. На полихромной ткани МР 1826 вытканo двенадцать различных иероглифов по всей ширине ткани, две стоящие друг против друга тщательно выполненные птицы на камке МР 1403 имеют высоту лишь 8 *мм* и т. д. О газовой ткани МР 1403 с ромбическим узором авторы сборника «Технологическое изучение тканей курганных погребений Ноин-ула» говорят, что эта «ткань во всех отношениях является изумительной. . . такого рода композиция выявляет необычайное искусство ткацких мастеров эпохи, к которой эта ткань отнесена» [11].

Число таких примеров можно увеличить. Но и на основе сказанного выше становится понятным, почему слава о китайских шелковых тканях разошлась по всему древнему миру. По свидетельству Плиния и других латинских авторов, в «золотой» августовский век шелк был широко распространенным товаром и его китайское название проникло в поэзию Проперция, Горация и Вергилия. Именно тем, что на шелковых тканях ханьского периода лежит печать высокого и зрелого искусства и технического совершенства, равно как и тем, что Китай пользовался монополией в области шелководства, объясняется спрос на них в зарубежных странах и место, которое они заняли в материальной культуре этих стран.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. *Краткие отчеты экспедиций по исследованию северной Монголии в связи с Монголо-тибетской экспедицией П. К. Козлова»*, Ленинград, 1925; C. Trever, *Excavations in Northern Mongolia*, Leningrad, 1932.

[2] См. J. Harada, *Chinese dress and personal ornaments in the Han and Six Dynasties*, Tokyo, 1937, p. 45—55.

[3] Цит. по книге: Жэнь Да-чун, *Сборник Хуацин цзинцзе*, гл. 503, стр. 21.

[4] См. Е. И. Лубо-Лесниченко, *Камка ханьского периода в собрании Государственного Эрмитажа*, — «Советское китаеведение», 1958, № 4, стр. 159—163.

[5] *Тушу цзи чэн*, VI, 27, 318, стр. 4.

[6] См. A. Forke. *Lun Heng*, «Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen», 1907, Bd X, p. 133.

[7] B. Karlgren, *Early chinese Mirror Inscriptions*, «Bulletin of the Museum of Far Eastern antiquities», 1934, N 6, p. 29.

[8] Подробно см. в книге: Ли Ши-чжэн, *Бэньцао ганму*, Шанхай, 1954, цз. 28, стр. 20.

[9] См. Е. Лубо-Лесниченко, *Символическое значение орнамента ноин-улинской ткани МР 1330*, «Сообщения Государственного Эрмитажа», вып. XII, 1957, стр. 50—52.

[10] См. Е. И. Лубо-Лесниченко, *Из истории техники производства художественных тканей в древнем Китае*, «Труды Государственного Эрмитажа», т. II, 1958, стр. 218—219.

[11] «Технологическое изучение тканей курганных погребений Ноинула» под редакцией А. А. Воскресенского и Н. П. Тихонова, «Известия ГАИМК», 1932, т. XI, вып. 7—9, стр. 57.

По докладу выступил П. ван дер Лун.

WU SHIH-CH'ANG (*Oxford*): THE ORIGINAL MEANING OF 'KE-WU' IN THE *GREAT LEARNING*

The *Great Learning*, just as the *Doctrine of the Mean*, was originally a chapter in a Confucian classic, the *Record of Rites* or *Li Chi*. It was taken out of the *Li Chi* by the Sung philosopher Chu Hsi, and together with the *Doctrine of the Mean*, the *Analects*, and the *Mencius*, it has since become one of the *Four Books*. The *Five Classics* and the *Four Books* were the sources from which papers in the various grades of state examinations were set from the Yuan Dynasty to the beginning of this century, hence the importance of the *Great Learning* in moulding orthodox Chinese thought through this national system of education in the last eight centuries.

The whole system of Confucian thought, as we can see from the thirteen classics, is mainly political and ethical. In the *Book of Changes*, there are some passages in the Appendices dealing with cosmological problems, but they were later additions written under Taoist influence since the fourth century B. C. Aesthetics is treated in the chapter on *Music* in the *Li Chi*, but the problem of epistemology does not occur in any of the Confucian classics. When Confucius and his followers spoke of 'learning', they always meant the learning of moral principles and political tenets. It other words, Confucian philosophy is chiefly concerned with human and social relations, not with abstract speculation of how an individual comes to know his outside world. This sort of question, which belongs to the realm of epistemology, would appear to the Confucian to have been non-essential and irrelevant. To them all that is necessary is to be good and to extend this goodness to your family, to your country and to the whole world. This all-embracing ethical principle is summed up in a well-known passage in the *Great Learning*:

«In the ancient time he who wished to manifest his illustrous virtue in the world must first govern his state well; in order to govern his state well he must first put his house in good order; to put his house in order he must first cultivate his own personality; to cultivate his personality he must first rectify his mind; to rectify his mind he must first make his thoughts sincere; and in doing so he must attain knowledge. The attainment of knowledge lies in '*ke-wu*'».

Now what does '*ke-wu*' mean? It has always been interpreted as 'to investigate things' or 'the investigation of things'; so *wu* here means 'things'. In making such an interpretation, which has become the accepted translation of this passage in foreign languages, one is in fact committed to Chu Hsi's commentary on this passage. Following this passage the text of the Great Learning goes on:

«Only when after the *wu* is being *ke* can knowledge be arrived at; having arrived at knowledge one's thought is sincere; having made sincere one's thought one's mind is rectified; having rectified one's mind one's personality is cultivated. . . From the Son of Heaven down to the commoner all alike must take the cultivation of personality as the fundamental».

After this passage there are some comments with quotations from other classics to expound the theme. Then the text further explains the phrases 'to make sincere one's thought', 'to cultivate one's personality' etc. But no explanation is given to the two phrases: '*ke-wu*' and 'to attain one's knowledge'. Chu Hsi thought that the text here was corrupt and the explanations of these two phrases were missing. According to instructions he received from his master Ch'eng Yi, he made the following emendation:

«What is meant by 'the attainment of knowledge lies in *ke-wu*' is that, in order to attain our knowledge, we must come to things and fully find out their principles. With the intelligence of a human mind, every one naturally has his knowledge and of all things under heaven, each has its principle. It is simply because we have not fully found out these principles that our knowledge has not reached its full capacity. Therefore the first doctrine of the *Great Learning* requires the scholar to come to all things under heaven and, relying on the already known principles, further explore all of them to the utmost. When we have thus worked long enough until one morning we find ourselves thoroughly enlightened in these principles, then the external, the internal, the fine and the crude, of all things will be thoroughly comprehended on the one hand, and on the other hand, the totality and the great usefulness of our mind will be manifested. This is what is meant by 'When the things are investigated, the attainment of knowledge is achieved'».

It might be true that the text of the *Great Learning* was corrupt, and some verses were missing. Chu Hsi's emendation itself was certainly a contribution to medieval Chinese philosophy, and it has excersised a considerable influence on Chinese thought since the twelfth century. The question is, whether or not this emendation, upon which depends the true meaning of the key-phrase '*ke-wu*', is in conformity with the main theme of the *Great Learning* and with the rest of the passage that contains this phrase. As far as the general theme is concerned, the concept of 'relying on already known principles to further investigate the principles of all things under heaven' clearly has nothing to do with the overall doctrine in the *Great Learning*, which is a treatise on moral principles and political thought. To introduce such a concept into this treatise would be a digression into the elementals of epistemology, which is hardly relevant to the moral issue under discussion. As to the second part of the question, at a first glance there may be some justification in interpreting the phrase '*ke-wu*' as 'investigation of things', if the phrase is taken at its face value. The crucial point here is whether *wu*, which normally means 'a thing', 'things', or 'objects', really means 'things' in this particular context.

This word *wu*, originally meaning a multi-coloured ox or cow, had acquired a number of different meanings by the third century B. C. In any classical dictionary, such as the *Ching-Chi-Tsuan-ku*, one can usually find illustrations for at least half a dozen different usages. But one meaning of this word is missing in all Chinese dictionaries: That is, *wu* is sometimes used to indicate 'human being'. This interpretation appears at first sight far-fetched and unconvincing, but in Chinese classics from the fifth century B. C. right to the fifth century A. D. there is ample evidence to support it.

The ancient history *Tso Chuan*, which was based on sources coming from the eighth to the fifth century B. C., occasionally uses *wu* in this sense. The current usage *yu wu* (尤物), meaning an 'enchanting woman', actually first occurs in the *Tso Chuan*, the twenty-eighth year of Duke Chao, which says, "There are enchanting women, who are well able to seduce people". And *wu* in this sense is not applied to woman only; man could also be called *wu*, witness for instance an expression in the *Chuang-tzu*, "you, sir, are the best of human beings" (夫子物之尤也. 徐無鬼). In another connection the *Tso Chuan* says, "There cannot be two leaders among people" (物不能兩大) 'In the *Mencius*, we find the following quoted statement by Duke Ching of Ch'i:

"If one can neither command nor accept others' orders, one is a hopeless person" (既不能命, 又不受令, 是絕物也—'離婁', 上). It may be argued that *chüeh-wu* is in this context used in a contemptuous sense, meaning 'hopeless thing', but the above examples from the *Tso Chuan* and the *Chuang-tzu*, and many more similar examples we are going to quote, do not support this view. It is also true that the old commen-

tary on the *Mencius* says that *wu* means 'thing' (物, 事也). But Chu Hsi is more to the point when he says *wu* is the same as *jen*, a person. When the Chinese proverb says 'human beings are the most divine of the myriad of *wu*', *wu* means animals. That is why Hsün-tzu says "wu is a great generic term" (物者, 大共名也, 一'正名,). Yet in another chapter in his work he uses *wu* as a collective term for 'human beings' or mankind as a whole:

«The myriad things (*wan-wu*) are but one aspect of the Tao, one category of things (*i-wu*) is one aspect of the myriad things, the foolish ones are but one aspect of 'one category of things' (*i-wu*), yet they think that they know the Tao».

The 'one category of things' (*i-wu*) here clearly means 'human beings' or mankind, for among them are included the 'foolish ones', who think they know the Tao. In Han time, the phrase *wu ku* ('passed away') was used to describe the death of a human being. It occurs in the Biographies of Liu Hsiang, a descendent of King Yuan of Ch'u, of Ssu-ma Hsiang-ju, and of Su Wu. The last of these examples is typical:

"(Apart from) those who had previously surrendered and died, all those who returned with Su Wu numbered nine".

The use of *wu* as a collective noun for human beings or people, or as an ordinary noun applied to individuals, has persisted throughout ages right to the present day. For instance we say 'he is a queer chap, or a tiresome person, or a V. I. P.' (他是一个怪物, 厮物, 大人物). All these expressions are derived from earlier similar usages or old allusions which have become part of the current vocabulary. A few examples will suffice for illustration, in such phrases as *yu wu* (mentioned above), *ying wu* (英物) and *jen wu* (人物) or, if in the interrogative construction, *ho-wu*. In the *History of the Chin Dynasty*, 'Biography of Huan Weng' (桓溫), when Huan Weng was still a baby Weng Chiao heard his cry and remarked that he was truly a *ying-wu*, meaning an extraordinary boy. In the same history, 'Biography of Liu Yi' (劉毅), it is said that because Yi liked to criticise *jen-wu* (*i. e.*, people), all the nobles were afraid of him from a distance. In the *Old History of the T'ang Dynasty*, in his biography, Li K'uei (李揆) was told that his "family prestige, personality (*jen-wu*) and literary achievement were among the first of his times". Earlier in the *Lo-yang Chia-lan Chi* (Monasteries in Lo-yang), Erh-Chu Jung is described as *jen wu wei-so* (人物委瑣), that is, his personality was mean and undignified. *Jen-wu* can also be used in the plural sense, *e. g.*, the *Shih-shu Hsin-yü* records the story of how Wang T'an-chih discussed with Fu T'ao and Hsi-chu Ts'ŭ the *jen-wu* in Ch'ing and Ch'u. Perhaps the most interesting example of this usage is in the interrogative form. When Lu Chih (盧志) made enquiries about the family of Lu Chi (陸機), he says: "Who were Lu Sun and Lu K'ang in relation to you, Sir?" (陸遜, 陸抗是君何物). The two were in fact Lu Chi's grandfather and father, and when Shan T'ao saw Wang Yen, he remarked, "Who was that old woman who has given birth to such a son?" (何物老嫗, 生比寧馨兒), in both cases *ho-wu* (何物) 'what thing' is used to mean 'who'.

When *wu* is used in the genitive case in a conjoined noun of two characters, it always means 'people' or 'human beings'. Thus both *wu-yi* (物議) and *wu lun* (物論) mean public criticism. In the former we may quote the *Annals* of K'ao Tsu of Ch'i, in the *History of the Northern Dynasties*: "If the king wishes to pacify the feelings of the people and

to forestall public criticism (*wu-yi*), the only course he can take is to send back the troops from Ho Tung", etc.

In Liu Hung-ch'i's memorial begging for retirement (drafted by Shang-kuan Yi) it says: "Internally I have reflected on my errors and sins, extrernally I have been shamed of people's criticism".

The letter sent to the Marquis of Chen-Yang (贞陽) by Wang Seng-pien (王僧辨) (drafted by Shen Chiung) says: "Recently a decree has descended to the Palace messenger, and enquiries have been made in various places. Public opinions (*wu-lun*), however, are at variance, and nothing yet has been quite decided".

The inscription on the stone tablet of the Sheng-shan Temple (神山寺碑) by Emperor Chien-wen of Liang, says: "His wisdom encompasses what is beyond the human world" (智周物外). *Wu-wai* here does not mean beyond the material world or world of things. It refers to the other world, therefore beyond the human world or this mundane world.

Most of the above examples are taken from writings of the Pre-T'ang period. In Sung times the term *wu-wang* (物望) was used to mean the people's aspiration. For instance, when Emperor Shen Tsung (神宗) wanted to appoint Chang Fang-p'ing as State Counsellor, Ssu-ma Kuang considered that Cheng's appointment would not satisfy the people's aspiration (不協物望). It is obvious that up to Sung times *wu* was understood to mean 'people' and it was not neccessarily used in a derogatory sense.

Bearing in mind this particular meaning of the character *wu*, we can perhaps interpret more correctly many passages in ancient Chinese classics, where *wu* forms part of many a phrase. For instance, in the *Tso Chuan*, the first year of Duke Chao, (言以知物) really means 'by means of speech one understands people'; In the *Li Chi*, 'Enquiries by Duke Ai' (哀公問); 則庶物從之矣 means 'then all the people will follow him'. In the *Doctrine of the Mean* 'sincerity is not merely that which establishes oneself, it is that whereby the people are established' (誠者非自成已也，所以成物也).

In all these instances the old commentaries gloss *wu* as either 'things' or 'matters', which does not seem to make good sense.

But we come back to our problem in the *Great Learning*. In the light of the correct meaning of the word *wu* in certain contexts, and the general trend of thought in the *Great Learning*, the phrase *ke-wu* cannot mean 'investigation of things'. The character *ke* was originally a pictograph of a foot above a square (in both the oracle bone inscriptions and early bronze inscriptions). It therefore signifies 'arriving at', or 'coming to' a certain place. Chu Hsi's interpretation to that effect is correct. Now if we substitute 'people' for 'things' in the interpretation of *wu*, then *ke-wu* really means 'to come to the people' and (致知在格物) would then mean, 'The attainment of knowledge lies in one's contact with people'. The 'knowledge' here, if we recall the whole passage, is really that of how to make your thought sincere, your mind upright, etc., in order to govern your state well and achieve peace in the world. We know that most Confucian classics were written for the aristocracy, *i. e.* the ruling classes or advisers to the ruling class, and this book was particularly written for those who were expected to govern their states well and bring peace to the world, therefore it was entitled the *Great Learning*. It is clearly a book on political ethics and has nothing to do with epistemology. Chu Hsi and his master Ch'eng Yi lived in a period when half the Chinese intellectuals were under the strong

influence of Ch'an Buddhism. Buddhism aimed at proving the illusory nature of this material world in order to attain what was called nirvana (or salvation). In doing so, it evolved a complicated system of epistological process, in which each stage of our empirical life is analysed and shown to be illusory. The Chinese Ch'an Buddhism had substituted the 'sudden enlightenment' method for the epistemological analysis, but its aim remained much the same: *i. e.*, to prove that this world of senses is nothing but illusory or void. The Ch'eng-Chu school of Neo-Confucianism, in defence of traditional Chinese thought, was on the one hand anxious to disprove the main tenets of Buddhism and yet on the other hand could find nothing in Confucianism comparable to the systematic theories of Buddhistic epistemology which had a great appeal to the intellectual elite since the fourth century A. D. The phrase *ke-wu* in the *Great Learning* which, when taken literally, means the 'investigation of things', was a convenient catch-phrase to oppose the Buddhist slogan 'appearence is void, void is appearence' (色卽是空, 空卽是色). Chu Hsi says, 'the Confucian is realistic and belives in being, (儒家是實是有). The Buddhist believes in non-being and void. Every day he eats meals, yet he says he has not eaten a grain of rice. Every day he wears clothes, yet he says he has not a thread of silk on his body'. To defend his position as a Confucian, he has to refer to the authority of Confucian Classics, and this passage in the *Great Learning*, it seemed to him, provided the right answer; Chu Hsi says:

«The Buddhist speaks of void. . . but in this theory of void he must have good reasons to prove his point. If he simply says that 'I am a void' and does not know the principle of reality, then what's the use? For instance, a pool of clear water is crystal and cold from its surface to the bottom. If one looks at it, it seems there isn't any water; so he says that the pool was empty (a void). He has not tried to feel with his hand whether it is cold or warm, so he does not know that there is water in it. The Buddhist's view is just like that. The reason why it is essential for scholars nowadays to 'investigate things and to attain knowledge' is just that they must look into the matter right to its bottom».

It is obvious that Chu Hsi was prompted by his opposition to Buddhism so that he stressed the importance of investigating things. In so doing his primary aim was to prove the existence of the objective material world, and thereby to expose the fallacy of Buddhist epistemology. From the very beginning he was not interested in the investigation of things as modern scientists are. His ultimate aim was again ethical rather than scientific. As his emendation of the *Great Learning* says:

«When we have worked long enough. . . one morning we find ourselves thoroughly enlightened in these principles. . . then. . . all things under heaven will be thoroughly comprehended. . . and the totality and great usefulness of our mind will be manifested».

The effort to investigate things here looks like a pre-requisite for mental hygien rather than a genuine attempt at scientific researches, although Chu Hsi himself was able to make some scientific observations, for instance in geology. The 'totality and full usefulness of our mind' were to be applied to the 'cultivation of personality, rectification of the mind' etc. As his master Ch'eng Yi says,

«There are many ways in finding out the principles fully: one may read books and expound the moral principles therein, or discuss personalities from the ancient to the present (*ku-chin jen-wu*), or in dealing with business one abides by the right course. All these matters are efforts to find out the principles fully».

Thus the 'things' that the Ch'eng-Chu School at first wanted to 'investigate' eventually turned out to be problems of human or social relations.

So the neo-Confucian has returned from the natural world to the ethical realm. It is obvious that in the depth of Ch'eng Yi's mind, *wu* really means *jen*, 'human being'. Since this theory of 'investigation of things' was produced under the pressure of Buddhism, and not from a strong urge to know the natural world, it never took a deep root in natural science; and even Chu Hsi's admirable new interpretation was still confined in the old context, and was thus unable to usher in a new scientific epoch. But Chu Hsi was a great thinker. In opposing the overwhelming pressure of Buddhistic idealism, he attempted to apply a materialistic interpretation of our empirical world. I have in this paper tried to restore the original meaning of 'ke-wu' in the *Great Learning*, but this is not to disparage Chu Hsi's contribution to Chinese philosophy. It is one thing to understand correctly the important passages in ancient classics, it is quite another to appreciate the real value of any great thinker. On the other hand, we can not take for granted that Chu Hsi's emendation and interpretation of the *Great Learning* are right, simply because he was a great thinker and his neo-Confucianism has had great influence on Chinese thought.

По докладу выступили Ю. Гарушянц, Г. Франке, Р. Рульман, В. С. Колоколов.

A. SOPER (*Rosemont*): *T'O-PA* and ANTI-*T'O-PA* at YÜN-KANG

The Buddhist cave shrines of Yün-kang illustrate vividly the power wielded by the T'o-pa barbarian emperors of north China in the Vth century, and their devotion to Buddhism. It is obvious today that the caves present a two-part stylistic development, the earlier imitative of Indian and Central Asian models, the later much more affected by Chinese tradition. The change seems to have occurred early in the third decade of work, around 480, and is first seen in a group of unusual caves, notably in the most elaborate of all, № 6. My argument attempts to explain this change of style in historical terms; emphasizing the decisive role played in the adoption of the Chinese manner by the person who then dominated the Northern Wei empire, the dowager empress Wen Ming, or Lady Feng.

Moving from the general toward the specific, the potentially important historical factors seem to have been:

(1) The transformation of the Wei state after 450 from an aggressive to a static military power, which helped to give a steadily increasing governmental and cultural importance to the native Chinese gentry of the North.

(2) The acquistion in 467—69, by treachery, of the whole northeast portion of the south Chinese Sung empire: a populous, rich, and highly civilized region (modern Shantung plus northern Anhui and Kiangsu), with highly developed skills which must have tipped the cultural balance still farther. The greatest prize among the conquered cities, P'eng-ch'eng (modern Hsü-chou) possessed a famous, miracle-working Buddha image of outstanding beauty, which had been executed on behalf of the Sung emperor in the 430's. This is said to have performed a spectacular feat of prophesy by sweating in 480, in the presence of a T'o-pa prince. As the chief treasure acquired by the northern Buddhist church, it may have been directly imitated at Yün-kang as a nucleus for the new, Sinicizing style.

(3) Around 480 the North was ruled for about 10 years by a Chinese woman, Lady Feng, who had every reason to hate the T'o-pa regime. The

Wei had smashed the independent Chinese state, the Northern Yen, which her great-uncle had founded in the early Vth century in southern Manchuria, and had killed her grandfather. Her father, who somehow survived to enter Wei service and be granted high rank and authority, was later executed as a traitor. The future empress by some means escaped this second family disaster and was taken into the imperial harem. On the death of her husband Kao Tsung, in 465, she was already powerful enough, at 23, to take the lead in crushing an attempted coup d'état. With the next ruler, her stepson Hsien Tsu, her relations grew steadily worse. The emperor had her lover executed in 471; in turn she is said to have had him murdered in 476. When she became regent thereafter for the child Kao Tsu, her extravagant and tyrannical rule took two directions interesting for my present argument. On the one hand she executed quickly both her personal enemies and members of the T'o-pa clan whom she could reach. On the other, she took conspicuous means to rehabilitate her father's reputation and to recall the memory of the state of Yen. Her favorites were all Chinese. Perhaps she dreamed of leading a coup d'état of her own, modelled after the classic destruction of the Western Han dynasty by the Wang family. If so, she was disappointed. Her one brother, Feng Hsi, had nothing like Wang Mang's ability and strength of purpose; and the balance of power was still too strongly in favor of the T'o-pa to permit an overturn. I believe, however, that her ambition and malice are revealed at Yün-kang, both in the adoption of a new, Chinese model for the supreme deities and in the design and placing of the new caves which must have been done under her direction.

Earlier work at Yün-kang, done to glorify the T'o-pa line, had been of two types. A series of 5 caves holding colossal images, begun around 460, had probably been vowed in honor of 5 rulers of the past: these are № 16—20. A second group, to the east, consists primarily of paired, twin caves. The earliest of these, № 7—8, are likely to have been excavated after 466 to commemorate Kao Tsung and his other empress the queen-mother, Lady Feng's rival. The next pair, № 9—10, must have been opened after 476 for Hsien Tsu and his queen-mother. Obviously similar in style, the smaller № 12 was probably dedicated about the same time to the boy Kao Tsu, and is single because he was as yet not married. All of these caves are uniformly western in their iconography and sculptural decoration.

Lady Feng's intentions must have centered on the cave which she intended as her own, № 6, a work new in design and style, and richer than any other at Yün-kang, crowded insultingly against the more modest pair which served her husband and her rival. A companion shrine, № 5, with an identical entrance, was, I believe, excavated on behalf of her father. Its interior form follows that of the colossal imperial caves № 16—20, as if to claim an equal rank for her own family. Two other very large related caves, № 11 and № 13, hem in the smaller № 12, which I have assigned to the boy emperor. № 13, like № 5, subscribes to the imperial forefather scheme and so may have been intended for the dowager's brother Hsi; who, had he been more bold and ambitious, might have been used to seize the throne. № 11, which in a less ostentatious way follows № 6 and so suggests another empress of the Feng line, may have symbolized another direction taken by the dowager's plans. She did, indeed, introduce two nieces into Kao Tsu's harem. Both remained childless and came to tragic ends, however. In neither № 11 nor № 13 was the original, monumental design completed; perhaps their disorganized state reflects the dowager's recognition that her scheming was unsuccessful.

B GRYNPAS (Bruxelles): QUELQUES NOTES SUR KOUAN-TZEU

Description de l'œuvre de Kouan-tzeu

Le texte de l'auteur, ou ce qu'on lui attribue comme texte, nous est parvenu en mauvais état. Le premier éditeur connu de ces écrits, Liou Hiang (80—9 av. N. Ère), après émendation portant sur une masse d'écrits attribués à Kouan-tzeu, arrêta son choix sur 86 chapitres. Des recueils de différentes provenances formèrent le texte définitif. Personne parmi les critiques chinois ne considère Kouan-tzeu comme le seul auteur de l'œuvre éditée sous ce nom. En tout cas celle-ci doit «provenir» de la fin de l'époque Tcheou. Un anonyme, qui avait à cœur la renommée de ce grand homme et désirait qu'elle ne passât inaperçue, recueillit les aphorismes du sage et les Hauts faits de l'homme d'état. Naturellement la rédaction de cet ensemble d'écrits fut influencée par les courants qui traversaient, alors, la pensée chinoise; si bien que nous nous trouvons non seulement devant un texte développant les tendances du ministre de Ts'i, mais aussi les positions intellectuelles qui avaient cours à l'époque du compilateur anonyme.

L'analyse de l'ouvrage, par les lettrés chinois, nous donne une idée provisoire sur l'ensemble. Toutefois, une étude systématique et des recherches approfondies manquent encore.

Le lettré Tchang K'iu-chan (1131—1163 ap. N. Ère) dit qu'en conclusion d'une longue étude, il n'est pas parvenu à comprendre complètement le texte. Cette difficulté est due, peut-être, au mauvais état de ce dernier.

Tchao Young-hsien (époque Ming) prétend avoir corrigé, dans son édition, près de 30 000 fautes (cf. Forke, *Ges. Alt. chin. Philos.*, p. 72). D'autres critiques prétendent que la moitié de l'œuvre a été ajoutée plus tard (Fou-tzeu, époque Soung). Un érudit, Ye Chouei-sin, estime que cette œuvre n'a pu être composée par une seule personne, cependant que le grand philosophe Tchou-Hi attirait, de son côté, l'attention sur le côté hétéroclite de l'ensemble. Kouan-tzeu, pensait-il, ne pouvait pas avoir écrit ce gros ouvrage touffu. L'hommè d'état qu'était I-Ou (Kouan-tzeu) n'aurait pas trouvé le temps pour écrire des livres. Le philosophe Soung (Tchou-Hi) ajoute non sans une pointe d'ironie — nous verrons plus loin que les Confucéens n'appréciaient guère Kouan-tzeu — «que les affaires politiques et ses trois femmes, ne lui laissaient pas beaucoup de loisirs». Il y a cependant un fait incontestable: il a laissé des écrits. Le *Kouo-Yu* de Tso Kieou-ming rapporte des discours politiques de Kouan-tzeu. Ces discours présentent le même caractère politique et social que celui qui est reflété dans les parties authentiques de l'œuvre attribuée à notre auteur. Ce cas fait penser à celui de Me-ti, de Lie-tzeu, de Confucius en ce qui concerne le problème «œuvre-auteur»; tant donné que ces derniers écrivaient peu par eux-mêmes. Ils professèrent des doctrines, énoncèrent des maximes et des aphorismes que leurs disciples transmirent, d'abord oralement, puis par écrit, à la postérité. On peut imaginer la genèse et la formation de son œuvre d'après ce que nous inférons des classiques chinois.

Comme nous l'avons vu plus haut, le texte qui nous est donné comme l'œuvre de Kouan-tzeu, n'est pas originelle dans toutes ses parties. Ce que nous possédons est la compilation faite par Liou Hiang, sur des textes transmis dès la plus haute antiquité comme étant du ministre de Ts'i. Cette compilation nous est actuellement connue sous la forme d'un livre divisé en 76 chapitres — une paranthèse s'impose à ce sujet — nous ne pouvons pas

savoir, dans l'état actuel des travaux si Tchao Young-hsien s'est trouvé devant un texte tronqué de Liou Hiang dont il n'aurait pu tirer que 76 chapitres ou si nous nous trouvons devant une matière différemment répartie en chapitres. De ce nombre, 40 peuvent être considérés sinon comme authentiques, du moins, comme reflétant la philosophie de Kouan-tzeu. Les principes de sa doctrine se trouvent exposés dans les chapitres 1, 5, 7, et 10. Les chapitres 18 à 20 nous entretiennent de la vie de l'auteur. Les chapitres 31, 44, 46, 54, 73, contiennent encore des éléments intéressant la philosophie de notre auteur, mais nécessiteraient une étude approfondie et des recherches supplémentaires.

Il faut encore mentionner «Kouan tzeu Taoïste». Il s'agit de huit chapitres de rédaction taoïste certaine et... tardive. Les éléments taoïstes de ces chapitres rappellent Lie-tzeu, Tchouang-tzeu et Wen-tzeu. Ces chapitres dateraient du IIIe siècle av. N. Ère. Dans les définitions du Tao et de Te, qui y sont données, l'auteur déclare que le Tao est: «le vide, le non-être, l'immatérialité (sans corps: *ou hing*) et son action, le Te représente la production et la transformation des choses (*Kouan-tzeu*, XIII, 9 (Sin Chou-chang). Un autre Kouan-tzeu, «Savant naturaliste», également apocryphe, compte une dizaine de chapitres qui sont plus anciens et datent certainement de l'époque de Tcheou et remonteraient même plus haut que l'auteur lui-même. Ce sont là des recueils forts précieux, abstraction faite même de l'intérêt que nous pouvons porter à notre auteur. Ils apportent une contribution importante à l'histoire des sciences naturelles en Chine avant et pendant l'époque des Tcheou (1000 av. N. Ère environ). A cette époque on trouve une floraison d'œuvres de naturalistes. Le Han-chou énumère vingt et un ouvrage de cette nature. On sait, d'après les historiens Sse-ma T'an et Pan-Kou, la philosophie de la nature est un enfant de l'astronomie. Les astronomes ne devaient pas seulement établir le calendrier, mais encore déterminer les jours fastes et les jours néfastes pour chaque saison et chaque mois de l'année. Ils le firent sur la base de la théorie du double principe: *In* et *Yang*. De ce double principe naissaient les cinq éléments (ou *Hing*): bois, métal, feu, eau et terre. Dès lors, les rapports entre les cinq éléments fournissent une sorte d'équivalence pour les actions humaines en sympathie entre le monde physique et l'activité humaine. C'est en mouvant par leurs actions les forces de la nature que les hommes provoquent leur destin. Les gouvernants, dès lors, organisent — comme les gouvernés — leur vie selon ces données. Ces doctrines remontent aux origines de la conscience chinoise. L'I-King est un des premiers traités de ce naturalisme antique. Les philosophes qui s'occupent de ce naturalisme sont appelés *In-Yang Tzeu*, les «Maîtres de l'*In* et du *Yang*».

Ces chapitres constituent avec le *Sou-Wen* et le *Yue-Ling* (contenu dans Liu Pou-Wei et dans le *Li-Ki*) une contribution importante pour la connaissance de la pensée chinoise ancienne.

Biographie de Kouan-tzeu

Kouan Tchoung naquit à Ing-chang (*Ché-Ki*, chap. 62), dans la province de Ngan-houei (Anhui). Son père s'appelait Kouan Yen. Yen est, cependant, un nom plus récent remplaçant l'ancien nom de Chan: Ki. L'année de sa naissance ne nous est pas connue. Il est permis, toutefois, de faire certaines suppositions. En 686 av. N. Ère, il est déjà précepteur du prince Kiéou. Dans le *Che-Ki* (chap. 64), le commentaire *Souo-in* se référant au

Tch'ouen-ts'icou de Lu Pou-wei, dit que Kouan-tzeu et Pao Chou-ya (dont nous parlerons plus bas) avaient un négoce fixe à Nan-Yang. On ne peut admettre qu'ils furent, à la fois, négociants, précepteurs et fonctionnaires à la cour de Ts'i. Conjecturons que Kouan-tzeu commença à s'adonner au commerce entre vingt et vingt-cinq ans et, si nous admettons une période de cinq à dix années au cours desquelles les associés firent des affaires, plutôt mauvaise, s'il faut en croire Kouan-tzeu, on donnera à notre auteur entre 30 et 35 ans quand il entra au service du duc. Forke, sans songer à sa carrière commerciale, lui donne trente ans au moment de son entrée au service de la famille régnante de Ts'i. D'après les calculs de l'historien allemand, il serait né en 715 av. N. È. et mort en 645, si l'on ajoute à ces trente ans d'age les quarante passés au service de l'état.

Dès son enfance, il se lia d'amitié avec un fils d'un grand de l'état de Ts'i: Pao Chou-ya. Ce dernier devait jouer un rôle déterminant dans la vie de Kouan-tzeu. Leur amitié nous font songer aux célèbres amitiés de notre antiquité: aux David et Jonathan, aux Damon et Pythias, etc. . . Cette amitié est devenue proverbiale dans l'Empire du Milieu. Encore aujourd'hui, un chinois s'adressant à un ami éprouvé, lui dit: «*Ni ngo Pao Chou*», c'est-à-dire: «vous êtes à moi un Pao Chou».

Chez Lie-tzeu (VI), on lit:«Kouan I-ou et Pao Chou-ya étaient liés d'une grande amitié. Ils habitaient la même ville dans l'état de Ts'i. Kouan I-ou (ou Kouan-tzeu) s'occupait des affaires du prince Kiéou, et Pao Chou-ya de celles du prince Siao-pé. Les clans qui régnaient (à la cour), aimaient les femmes et avaient des concubines. Ils s'affichaient avec elles, irritant le sens moral des gens de Ts'i. Kouan-tzeu et Chao-hou, éducateurs du prince Kiéou, se réfugièrent à Lou, redoutant une révolte des gens du pays. Pao Chou-ya, de son côté, mentor du prince Siao-pé, s'exila avec ce dernier à Kiu».

Une relation exacte sur ces évènements devrait être encore établie grâce au travail d'un historien et d'un philologue. Certaines affirmations des chroniqueurs sont obscures à cause de la théorie de la «censure et de la pudeur», à travers la tradition, Tch'ouen Ts'ieou de Confucius. C'est ainsi qu'on ne trouve mentionné ni assassinats, ni suicides, ni adultères, etc. . ., ce qui amena les chroniqueurs postérieurs à choisir dans ces relations ce qui leur plaisait, quand ils ne s'appliquaient pas à donner à leurs récits un relief où l'histoire n'était pas de partie (cf. Legge, *Introduction au Tch'ouen*, Sect. IV et sq.)

On lit encore: «Après le meurtre du duc régnant, Siang, son petit-fils Ou-tche s'empara du pouvoir. Après un règne d'une année il tomba à son tour sous les coups d'un assassin. A la suite de ces événements, Siao-pé, (fils cadet du souverain défunt) fut poussé par ses partisans à prendre le pouvoir à Ts'i; tandis que le prince de Lou favorisait le prince Kiéou, réfugié sur son territoire. Une hésitation fit échouer cette tentative. Dans une bataille entre les frères ennemis, Siao-pé, atteint par une flèche à la ceinture, simula la mort. En conséquence, Kouan-tzeu crut pouvoir prendre d'autres mesures. Il fit parvenir à Lou la nouvelle de la mort de Siao-pé, retardant d'autant l'offensive de Tsen Kiéou (Monsieur Kiéou). Quelques jours après, Siao-pé entrait à Ts'i et montait sur le trône en prenant le nom de Houan. Il exigea immédiatement du duc de Lou qu'il tuât son frère et lui livrât ses précepteurs: Kouan-tzeu et Chao-hou». Le texte ajoute joliment, «afin de les mettre en pièces».

En cas de refus, Houan menaçait le duc de Lou de guerre. Ce dernier donna suite aux exigeances du nouveau maître de Ts'i. Kiéou fut mis à mort et les deux précepteurs furent livrés. Chao-hou se suicida pour suivre son

maître dans la mort. Pao Chou-ya — le grand ami de Kouan-tzeu — qui se trouvait heureusement du bon côté de la barricade, put obtenir non seulement la grâce et la liberté pour son collègue, mais aussi sa promotion comme ministre de Ts'i.

A partir de ce moment, Kouan-tzeu conduira pendant quarante ans les destinées de son pays, lui assurant la prépondérance parmi les cinq grands États d'alors. Il s'agit des principautés hégémoniques (*Pa*), parmi lesquels Ts'i devint la plus puissante.

Il sut en outre rester pieusement lié au souverain très effacé de Tcheou. Il réorganisa l'armée, donna une nouvelle impulsion au commerce, rendit le travail rémunérateur, insuffla un esprit nouveau dans les arts libéraux. Il eut le courage de réformer une administration déjà très ancienne, cérémonieuse et, par-là, compliquée et désuète. Il renouvela le personnel, plaçant à tous les postes des hommes énergiques et compétents. Les sources affirment, et le *Tse-Tchouan* le confirme en quelques endroits qu'il «changea les pertes en gains et les défaites en victoires». Jamais Ts'i ne fut plus florissante et prospère. Nous ignorons les circonstances et la date de sa mort. Nous avons toutes les raisons de croire, cependant, qu'il occupa les fonctions de premier ministre de l'État jusqu'à sa mort. Si nous avons quelque peu insisté sur l'histoire de Ts'i, à son époque, c'est parce que sa vie est indissolublement liée à celle de cet État et, en tenant compte de l'importance de ce dernier dans la formation de l'empire, qui s'acheminera vers l'unification.

La pensée politique de Kouan-tzeu

Notre philosophe est conscient de la relativité de l'activité huma ine- Au chap. XV, 19, nous trouvons la remarque qu'au cours des soixante dix-neuf générations qui se sont succédées jusqu'à lui, le méthode de gouvernement ne fut jamais la même. Il n'a pas de principes rigides, non plus d'ailleurs de doctrines politiques, morales et philosophiques particulières. Il est un homme d'état qui a fait beaucoup, non seulement pour la Chine, mais pour le peuple. Il n'a pas le préjugé facile du lettré pour le *siaojen* «le petit homme», c'est-à-dire pour l'homme du commun, pour le peuple. Il n'ignore pas qu'il faut aussi observer, calculer, supputer, avant d'agir, puis rendre possible la pratique des affaires et heureuse la conclusion des entreprises décidées. C'est en discernant des courants de pensées semblables, chez notre auteur, que certains crurent pouvoir le mettre, avec un Han Fei-tseu, parmi les philosophes légistes. Si l'on admet qu'à une époque de mœurs corrompues doit correspondre, chez qui veut surmonter cet handicap, une sévérité plus grande, il n'en existe pas moins un abîme entre les conceptions d'un Han Fei-tseu et d'un Kouan-tzeu. Voyons plutôt celui-là déclarer: «Il est évident que bienveillance, justice, amour et bonté ne suffisent pas quand on gouverne un État. Il faut exiger des peines sévères et avoir des lois très dures. Sans la menace du fouet et la menace de l'aiguillon, même un Tsao-fou (célèbre cocher de l'antiquité chinoise) est incapable de conduire ses chevaux. Sans compas et sans équerre, même un Wang-eul (allusion à un célèbre artiste ciseleur) ne pourrait tracer des carrés et des ronds. Sans la sévérité qui impose un pouvoir fort, le jeu combiné de récompenses et de châtiments, même un Yao et un Chouen (Empereur fabuleux) eussent été incapables de gouverner le pays» (Han Fei-tseu, IV, 15). Pour Kouan-tzeu, il en va tout autrement. Ce ne sont pas les peines et la manière forte qui sont la panacé. Voyons plutôt: «Par l'enseignement et l'exemple, on

empêche les hommes de dévier de la bonne route et, chez les femmes, on évite le dérèglement. D'autre part, il faut s'opposer même aux pécadilles, car de petites fautes se développent les grands vices». On trouvera cette sagesse un peu simple. Elle est, sans conteste, populaire et éloignée de la rigueur tyrannique qui est la marque des théories de Han Fei-tseu et de son école.

Une théorie de la civilisation chez Kouan-tzeu se trouve avec certaines variations chez d'autres penseurs chinois.

«A l'origine — dit-il (*Kouan-tzeu*, XI, 1) — les hommes vivaient comme des bêtes, en troupeau. Il n'existait guère de différence entre gouvernants et gouvernés. On ignorait le mariage. Entre les particuliers ne règnait que le droit du plus fort». (Et par cet exposé négatif, nous arrivons à une critique pertinente de la société de son temps). «Les plus roués trompaient les plus simples. Les forts tyranisaient les faibles. Quant aux vieux, aux malades, aux abandonnés, personne ne s'en souciait. Les premiers adoucissements vinrent des plus sages qui, peu à peu, se sont réunis. Avec l'appui de la collectivité, ils mirent fin aux excès, devenant les instructeurs du peuple. Celui-ci apprit de ces hommes sages la vertu et les bonnes mœurs».

Passant à son époque, Kouan-tzeu déclare: «Si puissant que soit un état, il ne peut pas ne pas tenir compte des besoins et des désirs du peuple. Il n'y a que les gouvernements tournés vers le peuple, qui se réalisent» (*Kouan-tseu*, I, 3); depuis, continuant sur la même voie, notre auteur poursuit fortement et si sagement qu'on pourrait offrir les sentences qui suivent, à la méditation de beaucoup d'hommes d'Etat modernes: «Un gouvernement est florissant quand il répond aux aspirations du peuple. Il périt quand il s'oppose à ses aspiration. Le peuple haït la pauvreté et l'humiliation. C'est pourquoi on doit le rendre prospère et lui montrer de l'estime. Le peuple haït le souci et le besoin. C'est pourquoi il faut le rendre content et heureux. Le peuple n'aime pas se voir assaillir de dangers et de catastrophes. C'est pourquoi il faut lui conserver la paix. Le peuple ne veut pas être anéanti, c'est pourquoi il faut protéger son existence et promouvoir son développement» (*Kouan-tzeu*, I, 3 et sq.).

L'ouvrage contient aussi beaucoup de matière sur l'économie, ses facteurs, ses moyens d'application. Seulement, certains passages sont difficiles à comprendre parce que corrompus ou altérés. Forke croit que l'on se trouve là en présence d'éléments sans valeur et portant la marque de la fiction (Forke, *id.*, p. 81). Les choses qu'on y trouve ne sont cependant pas plus étranges que les utopies de More, Cardan, Campanelle et tutti quanti. . .

Il commence par diviser l'Etat de Ts'i (son pays natal) en cinq provinces. Il est important de remarquer que ce nombre n'a aucune visée pratique. Cela ressemble aux «neuf continents» de Tsou-yen (philosophe naturaliste du IIIe siècle av. N. Ère. De son œuvre il n'existe que de citations éparses chez d'autres auteurs), à la division de la Chine en neuf provinces par les anciens souverains mythiques, au système des «neuf champs», etc. . . On trouve ainsi des nombres surtout: neuf, huit, cinq et trois.

Certains de ces nombres ont une base naturaliste ou historique: les cinq éléments, les cinq saints souverains de l'antiquité, les cinq livres classiques, les trois facteurs de l'Etat (prince, fonctionnaires et peuple), les trois puissances: ciel, terre, hommes, etc. . . Il en est d'autres dont l'usage semble arbitraire, comme la division en cinq provinces, parfois en neuf, les trois pierres précieuses (c'est-à-dire les vertus), etc. . . Ce dernier aspect est à mettre au compte de cette mystique du nombre, dont nous trouvons de si fréquents exemples chez la plupart des peuples de l'antiquité. Chaque pro-

vince, pour en revenir à notre exposé, se décompose en cinq districts, chaque district en dix préfectures, chaque préfecture en dix localités, chaque localité en chaque fois cinq clans, et chaque clan en chaque fois cinq familles (*Kouan-tzeu*, XV, 7). On y trouve encore: un plan d'urbanisme pour la capitale de Ts'i. Ce plan est conçu pour une ville de dix-mille maisons. Un plan pour l'aménagement des sols. Fertilisation des sols moyens et des sols maigres. Un plan pour un budget de «défense nationale». L'auteur prévoit que six *li* carrée de territoire auront à fournir un char de guerre, quatre chevaux et trente hommes. Ce qui semble, pour notre politique qui sacrifie à la paix, un peu paradoxal. Il faut plutôt y voir d'être prêt à protéger le peuple en protégeant le pays (*Kouan-tzeu*, I, 34). Son programme militaire traite avant tout des fortifications et du rôle prépondérant que doivent jouer les garnisons dans la défense. Il affirme même que les armées de métier sont trop onéreuses, qu'elles provoquent la disette parce que le paysan est obligé de les nourrir avec sa graine. Il demandera, enfin, l'énergie et le dévouement de la part du fonctionnaire, ainsi que le «patriotisme» de la part des chefs militaires (*Kouan-tzeu*, I, 13). Voici sa conception de la patrie: 1) Les hommes sont attachés à la terre où reposent leurs parents. 2) Ils sont attachés à leur maison natale, à leur foyer. 3) Ils aiment leur clan, leur village, leur province, en un mot: leur patrie. 4) Ils aiment défendre les montagnes, les bois et les prés dont ils vivent.

Il y a cependant une ombre au tableau. Kouan-tzeu est moins pacifiste que Me-ti, moins encore que Meng-tseu, qui vingt-deux siècles avant Jean-Jacques Rousseau insistera sur la bonté naturelle de l'homme, quoiqu'on puisse alléguer, pour la défense de Kouan-tzeu, qu'il vivait à une époque difficile: l'empire disloqué, les guerres civiles et les invasions étrangères (les Young et les Ti). Aussi n'est-il pas étonnant de trouver dans la bouche de notre ministre des paroles amères contre les défaitistes: «Lorsqu'on parle de défaite, on ne surveille plus bien les passages qu'il faut garder. Lorsqu'on ne fait que parler d'amour universel, de l'humanité, les soldats n'ont plus envie de se battre. Et si on parle sans cesse de pitié universelle, il n'y aura plus de place pour le sentiment de l'honneur» (*Kouan-tzeu*, XV, 7).

Comme Me-ti et les philosophes ermites, Kouan-Tchoung condamne le luxe, qu'il considère comme corrupteur et pernicieux pour la collectivité. Yen-ying, l'autre grand homme d'État de Ts'i — un siècle plus tard — et qui est considéré comme théoricien chinois de la «mesure en toutes choses», préconisera aussi la modération, la simplicité dans la nourriture, le vêtement et l'habitation. Il pense, comme Me-ti et Kouan-tzeu, que le luxe fait souffrir le peuple. La question se pose autrement, chez Kouan-tzeu et chez Me-ti. Chez Kouan-tzeu, la confection de broderies, d'objets ciselés et peints, etc. . . ne peut qu'avoir une influence pernicieuse sur le moral du peuple en ce qu'il peut créer un trouble dans l'ordre social. A lire des passages se rapportant à cette question, on croirait entendre un Confucéen du *Li-ki*.

«Rang et dignité et non pas richesse décidaient de la nourriture, de l'habit et de la demeure de chaque particulier» (*Kouan-tzeu*, I, 25).

On trouve, chez Kouan-tzeu, outre ces sortes de principes généraux, toute une gamme de préoccupations d'une espèce «plus technique». Il demande, qu'avant tout, on porte ses soins sur l'agriculture et qu'on fasse au maximum, le défrichement de terres nouvelles. Mais il n'oublie ni le commerce, niles soins qu'il fait apporter à la circulation des marchandises, les routes qu'il faut entretenir, les endroits de repos et d'hébergement qu'il faut édifier

et conserver; les dépôts, les douanes et les marchés qu'il faut créer, les voies fluviales qu'il faut organiser et entretenir; les ponts et les digues qu'il faut construire et surveiller constamment.

Le côté «social» ne lui est pas non plus étranger. Un soin tout spécial est de mise pour les vieillards, les faibles, les orphelins et les malades. On se trouve en présence d'une véritable «prévoyance sociale». Citons à cet égard, les textes (*Kouan-tzeu*, XVIII): «Une personne de 70 ans doit avoir deux de ses enfants exonérés d'impôts. On leur fournira chaque trois mois de la viande. Si la personne dépasse quatre-vingt ans, elle recevra cette contribution de viande chaque mois. A nonante ans, toute la famille sera exonérée d'impôts. Cette personne recevra, en outre chaque jour, du pain et du vin. Le jour de son décès, les autorités lui fourniront son cercueil. Une personne ayant à sa charge trois petits enfants débiles, qu'elle ne pourra nourrir, verra son épouse exempte d'impôts. S'il y a quatre enfants, toute la famille sera exonérée. S'il y a cinq enfants, on leur fournira une garde d'enfants (une garde-malade?). Ils recevront, en outre, des rations alimentaires pour deux adultes. Si des jeunes orphelins ne peuvent subvenir d'eux-mêmes à leur entretien, on les renverra dans leur pays natal où ils recevront le soutien nécessaire. Si un ami prend un des enfants à sa charge, un des enfants sera exempt d'impôts. Pour les soins donnés à deux orphelins, on libérera de l'impôt deux enfants de la famille. Si on accueille trois orphelins, c'est toute la famille qui n'est plus imposable. Le conseil (?) des orphelins doit s'enquérir, de temps en temps, du bien-être de ceux-ci: mangent-ils bien, sont-ils en bonne santé? Des malheureux tels que des aveugles, des sourds, des muets, des boîteux, tous les infirmes qui ne peuvent pas subvenir à leurs propres besoins doivent être pris en charge par les autorités locales. Veufs et veuves recevront un lopin de terre et une habitation. Les fonctionnaires de la santé doivent s'enquérir s'il n'y a pas de malades (dans leur arrondissement). On s'informe quotidiennement sur l'état de santé des nonagénaires. On visitera les octogénaires tous les deux jours, les septagénaires tous les trois jours. Toutes les autres personnes avancées en âge recevront une visite tous les cinq jours. Si les autorités apprennent que quelqu'un est gravement malade, elles devront faire des visites personnelles. Quand aux indigents et sans logis provenant d'autres pays, que leurs compatriotes les signalent pour qu'on prenne des mesures. Une négligence en ce domaine sera punie. En cas de calamités publiques, lorsque la mort ou la maladie sévissent, on fera appel à la bonté des gens. Les autorités, dans ces circonstances, remettent des peines, les pauvres sont nourris sur la réserve des greniers publics. Pour les soldats tombés à la guerre et qui n'ont pas de famille, le gouvernement offrira à leur armée les prix des offrandes (à leurs moines). On créera pour toutes les activités de prévoyance sociale et publique des organismes et un corps de fonctionnaires assumant la responsabilité de cette administration. . .».

Cet essai, qui est loin d'avoir la prétention d'être complet ou systématique, vu les lacunes existant actuellement dans les études qui se rapportent à cet auteur, permettra, cependant — j'ose l'espérer — de nous faire entrevoir l'étonnante figure de Kouan-tzeu, Ministre de Ts'i, Homme d'État et Philosophe.

Nous retiendrons, surtout, qu'ayant vécu aux VIIe et VIe siècles avant notre ère, il présentait, par certains côtés, une sensibilité moderne et des préoccupations dont nous sommes fiers à notre époque d'avoir saisi la portée. N'est-ce pas un auteur digne de toutes nos sollicitudes et des études approfondies?

В заключение П. Демьевиль (Париж), поддержанный У Ши-чаном (Оксфорд), предлагает резолюцию (см. т. I, стр. 60), принятую единогласно.

С. Л. Тихвинский (Москва) подводит итоги работы секции. Д. Бодде высказывает сожаление по поводу того, что на Конгрессе не присутствовали ученые Китая, и выражает пожелание об их участии в следующем конгрессе.

СЕКЦИЯ XVII

КОРЕЯ

10 августа, утреннее заседание
Председатели Ким Сок Хён (*Пхеньян*),
А. А. Холодович (*Ленинград*).

ТО Ю ХО (*Пхеньян*): О МЕГАЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ КОРЕИ *

Корея славится богатством памятников мегалитической культуры, которая была распространена почти по всей территории страны. Правда, в северо-восточной части страны — в провинциях Северный Хамгён и Янган наблюдается сравнительно слабое влияние этой культуры, но это не значит, что эти районы совершенно свободны от него.

В Корее мегалитическая культура преобладала не только в приморских, но и в горных районах. Так как она была распространена по всей стране, то, естественно, имеются местные отличительные черты, которые позволяют исследователю различить этнические группы.

Конечно, нельзя сказать, что мегалитическая культура Кореи возникла и развивалась самостоятельно, без всякой связи с культурой соседних стран. Но все же в мегалитах Кореи есть некоторые лишь им присущие черты. Наиболее известными памятниками корейской мегалитической культуры являются дольмены и менгиры. В Корее не обнаружено алиньманов и кромлехов.

В мегалитическую культуру Кореи включаются каменные могильники (пирамиды) и каменные ящики. Эти две формы могил принадлежат одной генетической группе и вначале не имели ничего общего с мегалитической культурой. Но затем они также оказались втянутыми в бурный процесс развития последней. Каменные могильники и каменные ящики существовали как в древние времена, так и в средние века. В северных районах Кореи имеются каменные могилы чжурчженей давностью всего лишь в несколько столетий. Все же некоторые каменные могильники восходят, без сомнения, к временам мегалитической культуры. В провинции Канвон на востоке центральной части Кореи я лично видел разрушенные каменные могильники доисторических времен. Каменные могильники первобытной эпохи — это не что иное, как каменные ящики, покрытые камнями. И если убрать эту кучу камней, то под ними сразу обнаруживается каменный ящик. Но не все аналогичные каменные могильники относятся к первобытным временам. На материке подобные могильники и ящики позднее превратились в каменные могилы различных видов. Обычай сооружения могил распространился также в Корее. В последнее время в Мукпанри, в уезде Кэчхон провинции Южный Пхёнан, в бассейне реки Тэдонган мы натолкнулись на материалы, свидетельствующие о том, что в конце периода мегалитической культуры строители таких каменных могильников также оказались вовлеченными в мегалитическую культуру.

Нам еще не удалось самим найти какой-либо доисторический могильник. Но мы предполагаем, что такие существовали во времена мега-

* Доклад был прочитан на корейском языке.

литической культуры. Что касается каменных ящиков, то мы обследовали их немало после освобождения страны.

Из сосуществования дольменов, каменных могильников и ящиков произошли видоизмененные дольмены. Японские исследователи называют их «южными дольменами» или же «дольменами формы столика для игры в *го*». Они все еще считают, что такие дольмены существуют только в Южной Корее. Однако по нашим исследованиям после освобождения страны, они широко распространены и в Северной Корее.

Видоизмененные дольмены имеют много форм. Наиболее типический из них состоит из одного каменного ящика, окруженного камнями с огромной каменной крышкой наверху в центре. Гроб иногда сложен из простых камней вместо плит. Могила содержит несколько гробов, сложенных из плит или простых камней. Иногда стены гроба представляют кладку из плоских камней, а вся могила покрыта одним огромным камнем.

Мы смогли уяснить подлинный характер культуры только после ознакомления с жилищами строителей этих могил. Типичной керамикой для остатков таких жилищ была посуда вымявидной формы, которую мы раньше называли «роговидной». Жилище с такой посудой представляло собой в большинстве прямоугольную полуземлянку глубиной около 30 *см*. Иногда жилище стояло прямо на земле. Пол был большей частью обожжен. Очаг помещался посередине пола или несколько в стороне. Крыша, по-видимому, была двускатной. Поразительно то, что абсолютное большинство этих жилищ, особенно те, что с вымявидной посудой, со времени бронзового века сохраняют следы пожаров.

Культурные остатки мегалитических стоянок наряду с вышеуказанной посудой включают в качестве каменных орудий полулуновидный нож с односторонним дугообразным лезвием, «ступенчатое тесло», ромбические в поперечном разрезе наконечники стрел, наконечники дротиков, различные типы кинжалов, долото, похожее на тесло, прямоугольный топор, топор похожий на вальцовый, но с выровненным лезвием и пр. Имеются и другие разновидности топоров, но все они являются вариантами, переходными от вальцового к прямоугольному топору.

Некоторые из вышеуказанных предметов были извлечены из обычных и видоизмененных дольменов, а некоторые из могильников и каменных ящиков. Как будет отмечено далее, дольмены — южного происхождения, каменные могильники — северного. Но жилища с вымявидной посудой представляют единство двух культур различного происхождения.

В каменных могильниках и видоизмененных дольменах были обнаружены цилиндрические бусы, которые еще не найдены на стоянках. Но это не имеет особого значения, поскольку различие в нахождении или отсутствии каких-либо предметов в разных стоянках уменьшается по мере дальнейших исследований. Например, цилиндрические бусы были найдены только в могилах, имеющих форму каменных ящиков, но затем были обнаружены и в видоизмененных дольменах (Пхундонри, Мукпанри и т. д.). Круглые каменные плиты («каменные монеты») можно было сперва найти лишь в жилищах и каменных ящиках, но потом в Симчоне, уезда Хванчжу, мы обнаружили один экземпляр диаметром в 75 *см* и толщиной 6 *см* в видоизмененном дольмене. Обычно они делались из шифера диаметром 35—40 *см*. Но в Тхэсонри, уезда Кансо, провинции Южный Пхёнан были более крупные, сделанные из гранита, а обнаруженные в Миримри около Пхеньяна были приблизительно такого же размера, как и в Симчоне.

Еще до освобождения Кореи в могиле типа каменного ящика в Пхунёнри, уезда Сичжун, провинции Чаган была найдена бронзовая пуговица

такого же типа, что и в районах Великой стены или же в карасукской культуре Южной Сибири. После освобождения страны аналогичная бронзовая пуговица была найдена на стоянках бронзового века на острове Чодо у Начжина. На том же месте обнаружены каменные «деньги» и дискообразные булавы, хотя стоянка не относилась к мегалиту. Позже такая же пуговица была найдена на местах жилищ с вымявидной керамической посудой в Понсане, провинции Северный Хванхэ.

Бронзовое долото было найдено на месте жилища с вымявидной посудой в Кымтханри вблизи Пхеньяна в бассейне реки Тэдонган. Весьма вероятно, что оно попало сюда из верхних слоев «посуды с гребенчатым орнаментом и с ручкой» более раннего периода, чем мегалитическая культура. Но пока мы должны считать это долото находкой, принадлежащей указанной стоянке. Пока еще ни одно жилище того же возраста не дало подобного долота. Бронзовый наконечник стрелы был найден в каменном ящике в Санмэри около Саривона, — пока единственный для могил того же возраста.

И в отношении бронзовых орудий нахождение или отсутствие того или иного предмета среди стоянок определенного типа не имеет абсолютного значения. Как показывает случай с бронзовой пуговицей, продолжающиеся исследования уменьшают различия. И как было указано ранее, жилища показывают единство могил различных традиций. Так что мы ясно можем видеть, что каменные ящики в Корее также принадлежат к мегалитической культуре.

Появились разновидности вымявидной посуды. Сперва появились горшки с плечиками, но выявляющие традиции вымявидной посуды, как, например, найденные в Миримри около Пхеньяна. Но данный экземпляр керамики своей черной поверхностью и прочностью напоминает скорее глиняную посуду не бронзового, а железного века. Аналогичные горшки были обнаружены на стоянке в Симгвири в бассейне реки Тонногана, притока Амноккана, причем на этой стоянке были и другие разновидности вымявидной посуды. Из них самой характерной является посуда, имеющая у горлышка налепной валик с защипами. Подобный мотив орнамента отмечается на стоянке бронзового века в Хверене и наблюдается в районе Причерноморья и на Северном Кавказе в доскифский и скифский периоды. Плоский топор и полулуновидный нож сигматической разновидности являются находками, неожиданными для стоянки бронзового века.

Во всяком случае, жилище в Симгвири с разновидностью вымявидной посуды выявляет самую последнюю стадию развития этой керамики, прошедшей через значительные изменения под влиянием местной культуры.

Мегалитическая культура в бассейне реки Амноккан имеет много местных различий. Так, например, керамический комплекс каменного ящика в Пхунёнри вряд ли может быть обнаружен в Пхеньяне и южнее. Стоянка в Конгвири около Канге несомненно родственна с находящимися поблизости каменными ящиками, но она не имеет вымявидной посуды. Керамический комплекс этой стоянки родственен с комплексом каменного ящика в Пхуненри. Тот же комплекс наличествует в Симгвири и в бассейне реки Туманган. Еще со времени до освобождения страны считается, что глиняная посуда каменного ящика в Пхунёнри выявляет связь с культурой материка. Она также родственна с керамикой Ляодуна.

В пещере в Мисонри около Ычжу в бассейне реки Амноккан мы нашли посуду с большим горлышком, которая напоминает нам японскую «Яёи». Аналогичная керамика найдена в каменных могилах Сидуаньшаньцзы около Гирина на Северо-Востоке Китая. А в последнее время по-

добную глиняную посуду можно видеть в видоизмененном дольмене в Мукпанри уезда Кэчхон в бассейне реки Тэдонган. Подобный комплекс керамики в прошлом мог ожидаться только в бассейне реки Амноккан, но посуда из Мукпанри указывает на распространение подобных местных черт далее на юг.

Во всяком случае, мегалитическая культура Кореи включает в себя материковые элементы. Но более глубокое изучение покажет, что она имеет еще больше элементов с Юга.

Вымявидная посуда, характерная для мегалитических стоянок, редко может быть обнаружена в захоронениях. В видоизмененном дольмене в Симчоне уезда Хванчжу найден лишь один экземпляр. Обломки вымявидной посуды были извлечены из разрушенного каменного ящика в Эсугу уезда Понсан. В последнем случае обломки могли проникнуть туда позже. Однако ясно, что вымявидная посуда не чужда мегалитическим могилам. Вымявидная посуда, видимо, имеется и на Северо-Востоке Китая, и там она также рассматривается как признак мегалитических стоянок. Мы не знаем, насколько распространена вымявидная посуда в южных краях. Но аналогичная посуда была найдена в Гуанхань, уезда Синьфань, провинции Сычуань, а также на стоянке в Баньпэ в Шаньси, и она обнаруживает наличие многих южных элементов.

«Ступенчатое тесло» также южного происхождения. Гейне-Гельдерн считал его колыбелью Юго-Восточную Азию, но впоследствии проф. Линь Хуэй-сянь высказался за материковую часть юго-восточного Китая. Я не вижу оснований, позволяющих проф. Линю указывать на этот район. В Китае указанное тесло распространено главным образом в юго-восточной части материка и на острове Тайване, а также на севере Шаньдуна и на северо-востоке Китая. Говорят, что их находят в тех районах, где есть мегалитические памятники.

Полулуновидный нож с односторонним дугообразным лезвием также имеет отчасти южный характер. Я мало информирован о его распространении в Юго-Восточной Азии, но во всяком случае все каменные полулуновидные ножи в Юго-Восточном Китае имеют одно дугообразное лезвие. Конечно, на Ляодуне, кроме указанных, есть ножи с двойным прямым лезвием. Дискообразные и звездообразные булавы обычны для Юго-Восточной Азии.

Колыбель вышеуказанных «каменных монет», видимо, также находится в Юго-Восточной Азии. Экземпляры из Симчона и Миримри напоминают нам *fei* из Меланезии — объект, зарегистрированный этнографически.

А каменный кинжал больше указывает на родство с районами Великой Стены и Южной Сибири. Покойный Тории Рюзо говорил однажды, что каменные кинжалы Северо-Востока Китая и Кореи происходят от так называемого «турецкого кинжала». За исключением Тории все другие японские исследователи, исходя лишь из типологической точки зрения, заявляют, что указанный каменный кинжал происходит от так называемого «тонкого бронзового кинжала» или же «криссовидной алебарды» того же периода. Но такое мнение неприемлемо. Это верно, что в Южной Корее есть экземпляры, очень схожие с «тонким бронзовым кинжалом» периода Древнего Чосона. Однако, хотя они могут иметь касательство к вопросу о влиянии культуры древнего Чосона на Южную Корею, но не имеют никакого отношения к происхождению каменных кинжалов в Корее. Сообщается, что из каменного ящика в уезде Ёндок, провинции Северный Кёнсан, извлечен бронзовый кинжал, который может быть принят за про-

межуточный между кинжалом маньчжурского типа и древнечосонским бронзовым кинжалом. Но это так же не указывает на прототип корейского каменного кинжала, поскольку он является не чем иным, как образцом, попавшим в Южную Корею в поздней стадии мегалитической культуры.

Типологическое сравнение недостаточно для объяснения археологических объектов. Стоянки с вымявидной посудой, имеющие различные виды каменных кинжалов, определенно предшествуют периоду узких бронзовых кинжалов Древнего Чосона. Их возраст также старше так называемых кинжалов маньчжурского типа, которые являются прототипом кинжалов Древнего Чосона.

В связи с этим следует коснуться вопроса о могиле в Ундэри, провинции Северный Чолла, в которой найдены обломки кинжала маньчжурского типа и который считается «южным типом дольмена». Это каменная могила без скальной крышки дольмена. Однако японские исследователи утверждают, что крышка исчезла позже. Мне же кажется, что крышки не было с самого начала. Судя по раскопкам в районах Муянчэн и в Шиэрдайинцзы в Ляонине, мы знаем, что обладатели подобных кинжалов были захоронены в каменных могилах, и могила в Ундэри — бесспорно одна из таких каменных могил.

Во всяком случае, прототип мегалитического каменного кинжала нельзя искать среди бронзовых кинжалов железного века. Даже если говорить о форме, то поперечное сечение каменного кинжала имеет форму ромба. Каменный кинжал, найденный в Тэрёне, провинции Южный Хванхэ, имеет длину более 35 *см* и напоминает нам бронзовый кинжал районов Великой стены, или поздней стадии карасукской культуры, или начального периода тагарской культуры.

Наконечники стрел и дротиков, ромбической формы в поперечнике, видимо, пришли из тех же районов, что и каменный кинжал. И такие материковые элементы, кажется, имеют родство с каменными могильниками и ящиками. А в конце периода мегалитической культуры и сооружение каменных могил, бывших еще одним материковым элементом, проникло в нашу страну. Этот факт мы можем подтвердить на примере видоизмененного дольмена в Мукпанри в Кэчхоне. Но видоизмененный дольмен сам по себе появился раньше. Мы не можем предполагать, что обычные дольмены исчезли с появлением видоизмененных. Дольмены, видоизмененные дольмены и каменные могильники — каменные ящики, видимо, сосуществовали значительный период времени. Но я считаю, что в конце концов обычные дольмены должны были уступить место видоизмененным. Дольмен, проникший в Западную Японию, также является видоизмененным.

Мегалитическая культура Кореи выявляет близкое родство с культурой Юго-Восточной Азии. Как известно, Юго-Восточная Азия — один из центров мегалитической культуры, и в островных районах эта культура зарегистрирована этнографически. Мне сообщили, что индийский археолог У. Д. Кришнасвами уже указал на близкое родство мегалитической культуры Южной Кореи с Юго-Восточной Азией, и его мнение должно привлечь к себе внимание.

В связи с этим мы считаем необходимым привлечь ваше внимание к данным, указывающим на практику вторичного захоронения. В видоизмененном дольмене в Симчоне, уезда Хванчжу, мы нашли конечности скелетов в беспорядочном положении. В последнее время в двух видоизмененных дольменах в Мукпанри конечности скелетов находились в необычном положении. Одна из могил была расположена в направлении

с востока на запад, другая — с севера на юг. Из первой могилы были выкопаны несколько зубов, но из второй — только кости конечностей. Вызывает интерес их положение в виде буквы X. Существует мнение, что все это результат позднейших нарушений, и споры по этому вопросу между исследователями продолжаются.

По-моему, это, вероятнее всего, связано с обычаем вторичного захоронения. Часто обычные дольмены имеют такую длину, которая не позволяет хоронить в вытянутом положении. По-видимому, такие дольмены указывают не только на захоронение в скорченном положении, но и на вторичное захоронение. В некоторых каменных могильниках и ящиках также могли быть вторичные погребения. В Мукпанри мы обнаружили, что глиняная посуда из одного видоизмененного дольмена принадлежит материковой традиции, и что все гробы видоизмененных дольменов были не типа ящиков, а типа каменных могил. Таким образом, здесь нет сомнения в наличии материковых традиций. И все же это не исключает практики вторичного захоронения. А именно этот обычай наиболее характерен для Юго-Восточной Азии.

Во всяком случае главное течение мегалитической культуры Кореи связано с Юго-Восточной Азией, но в ней имеются и материковые элементы. В прошлом я говорил, что мегалитическая культура сперва возникла в провинции Хванхэ и затем она связалась с Юго-Восточной Азией без промежуточного моста. Но с того времени я много думал над этим и пришел к выводу, что проникновение ее в нашу страну произошло через Китай.

В первое время мы знали о мегалитической культуре лишь то, что она имеется на Северо-Востоке Китая (в том числе в Ляодуне). Затем мы услышали о ее присутствии в Шаньдуне, а также в Фуцзяне и Сычуани, в Южном Китае. Но теперь мы знаем, что ее распространение прослеживается широко в Южном Китае.

Район Хванхэ или Южный Пхёнан, а не Южная Корея, остается той частью Кореи, куда раньше всего пришла мегалитическая культура, потому что в провинциях Хванхэ и Южный Пхёнан значительно больше обычных дольменов, чем видоизмененных, тогда как в Южной Корее абсолютно преобладают последние. В провинции Канвон обычные дольмены также численно преобладают, проникновение их туда происходило, по-видимому, вдоль реки Имчжинган и Пукханган и других притоков Хангана.

В районах севернее реки Чхончхонган мегалитические стоянки сравнительно редки, но в бассейне реки Амноккан они увеличиваются в числе и проникают выше по реке, преодолевают водораздел и достигают бассейна реки Туманган. Мегалитическая культура района реки Амноккан, видимо, имеет связь с Ляодуном.

Что касается хронологии корейской мегалитической культуры, то она большей частью относится к бронзовому веку, за исключением ее последней стадии. В Южной Корее она продолжается и в железном веке. В отношении данных о мегалитической культуре в Южной Корее мы имеем лишь материалы до освобождения страны и публикации японских авторов последующего времени. Последние утверждают, что из видоизмененных дольменов извлекается даже керамика периода Силла. Но я не могу сказать, насколько точны их сообщения.

Не так много бронзовых орудий найдено в мегалитических стоянках, однако в свете примеров из других стран они достаточны для установления того, что эта культура относится к бронзовому веку. Даже в начальный

этап Шанского периода в Китае бронзовые орудия были очень редки, и до самого конца указанного периода, когда бронзовая культура была уже в расцвете, широко использовались каменные орудия.

Абсолютное большинство стоянок мегалитической эпохи с вымявидной посудой определенно принадлежит бронзовому веку. Даже учитывая разновидности этой посуды, мы не могли найти такой стоянки с вымявидной посудой, которую можно было бы синхронизировать с периодом бронзового кинжала Древнего Чосона.

Мы сперва относили нашу мегалитическую эпоху к VII—III вв. до н. э. Но последующие исследования позволяют возвести начало эпохи к началу VIII и даже концу IX века до н. э. Конец мегалитической эпохи в Южной Корее может быть отнесен гораздо позже, однако вряд ли она дожила до нашей эры.

По докладу выступили М. Н. Пак, С. В. Киселев, М. В. Воробьев, И. И. Хван.

КИМ СОК ХЁН (Пхеньян): КУЛЬТУРА КОРЕИ ПЕРИОДА ТРЕХ ГОСУДАРСТВ*

Периодом трех государств (I—VII вв. н. э.), когда три государства Когурё, Пэкче и Силла занимали территорию корейского полуострова и прибрежные районы реки Ляохэ в Маньчжурии, начинается первая стадия истории феодального общества Кореи. Период трех государств характеризуется упрочением господствующего положения развивающихся феодальных отношений над развалинами первобытного общества и рабовладельческими отношениями. Это был самый воинственный период в средневековой истории нашей страны. Народы трех государств, выполняя возложенную на них историческую миссию, продемонстрировали свою выдающуюся творческую способность во всех областях напряженной и возбужденной жизни. Племена, создавшие три государства, пришли к феодальному обществу от первобытного общества. Производительные силы и культура этих государств были унаследованы от первого государственного образования в Корее — королевства Древнего Чосона и других древних государственных образований в Корее и получили дальнейшее развитие. С раннего периода народы этих государств установили связи с соседними народами — с кочевыми племенами стран Азии на севере и народом Китая на западе. С древности поддерживались особо тесные культурные связи с северными народностями. Со II в. до н. э. усилилось политическое и культурное влияние народа Китая. Тем не менее наша древняя культура продолжает развиваться как самобытная культура. В легендах об образовании трех государств упоминается, что правящие круги этих государств пришли с севера. Эта основная идея, выраженная в легендах, перекликается со специфическими особенностями культурного наследия этих государств.

Еще со времени древней Кореи предки китайского народа особо выделяли корейцев среди соседних племен, тем самым воздавая должное их высокоразвитой культуре и прекрасным моральным качествам.

И в период трех государств у китайских ученых-историков ничего не изменилось в мнении о корейских племенах, и они утверждали, что все у последних находится на том же уровне, что и у китайцев.

* Доклад читался на корейском языке.

Это говорит о том, что древняя Корея и три государства по тогдашнему уровню достигли высокого развития производительных сил и, следовательно, культурной жизни.

Три государства — Когурё, Пэкче и Силла, по темпам развития и по достигнутому уровню общественного развития, каждое имело свои отличительные черты, и культура их различалась друг от друга своими специфическими особенностями. Государство Когурё вело длительную борьбу с сильными врагами извне, начиная с самого начала основания государства (I в. н. э.). Когурё вышло победителем из этой длительной и тяжелой борьбы. В этих исторических условиях формировался характер людей Когурё — энергичный и темпераментный, что нашло свое яркое отражение в их культуре и, в частности, в искусстве.

У народов Пэкче и Силла, так же как и у народа Когурё, в культурной жизни отражалась живость характера людей, но у них на первое место ставились изящество и грациозность.

Культура трех государств имела много общего, потому что она обусловливалась общими историческими условиями этих государств, общностью происхождения племен, постоянными взаимными политическими, экономическими и культурными сношениями. Это обстоятельство послужило благсприятной предпосылкой для формирования единой корейской культуры после объединения трех государств Силла.

В период трех государств высокого развития достигла астрономия, география, история, литература и искусство. Большое внимание люди периода трех государств уделяли составлению исторических записей страны. Уже на заре государственного образования у народа Когурё выходит в свет историческая запись *Рюки*, а государство Пэкче в IV в. издает книгу *Секи*. Немного позже в государстве Силла появляется *Кукса*.

Народы трех государств не имели собственной письменности. Зато они пользовались китайскими иероглифами, приспособив их к самобытной фонетической системе и грамматической структуре корейского языка. Предполагают, что вышеприведенные исторические записи были написаны китайскими иероглифами, но казенные документы, песни и др. писались на корейском языке при помощи иероглифических знаков. Можно предполагать, что использование китайских иероглифов в форме *лиду* получило свое распространение не только в государстве Силла, но и в других государствах.

Особо заботились люди трех государств также о воспитании подрастающего поколения. Например, в государстве Когурё книги были в большом почете у всех слоев населения, независимо от их имущественного положения, и в больших городских домах постоянно занимались чтением книг, а также совершенствовали свое военное искусство.

Высокого уровня развития в этот период достигла также музыка. Издревле корейский народ славился как музыкально одаренный народ.

В период трех государств музыкальная культура получила особо бурный расцвет. Создаются каягым и другие музыкальные инструменты. Из Центральной Азии и Китая завозят новые инструменты. Музыкальная культура Когурё, Пэкче и Силла оказывает влияние на музыкальную жизнь танской династии Китая.

В стенных росписях гробниц периода Когурё изображены разнообразные музыкальные инструменты того времени — духовые, струнные и ударные, самой разной формы и назначения. Под музыку люди исполняют танцы и акробатические номера, оркестранты возглавляют шествия [1].

Наивысшее развитие в культурной жизни трех государств получило изобразительное искусство. В нем нашло свое яркое выражение эстетическое чувство людей трех государств. Представление об искусстве того времени можно составить из стенных росписей и погребальной утвари, обнаруженных в древних гробницах. Люди трех государств торжественно устраивали похороны согласно своим религиозным воззрениям. Вместе с умершим погребали различные украшения, оружие и другие предметы домашнего обихода. Люди Когурё еще со времени, когда столица государства находилась в Чжиане, на среднем течении р. Амноккан, строили для умерших каменные склепы и украшали их стены и потолки различными росписями, рассказывающими об эпизодах из жизни усопшего. Эти обычаи людей Когурё полностью сохранились и после переноса столицы в Пхеньян. Почти такие же обычаи наблюдались также в государстве Пэкче.

Из трех государств Когурё не только обладало самой обширной территорией, но и имело самую развитую культуру.

После IV—V вв. н. э. до нашествия китайцев владения государства Когурё простирались от северо-западной части корейского полуострова до бассейна р. Ляохэ, который раньше входил в территорию древней Кореи. В начале IV в. Когурё изгнало из северо-западного района корейского полуострова китайцев и, спустя столетие, полностью овладело прибрежными районами р. Ляохэ, вытеснив оттуда племена Сянби, которые в начале IV в. захватили эти районы у китайцев. Несмотря на тот исторический факт, что главную часть его владений составляла территория, где в течение ряда столетий господствовала ханьская культура, культура государства Когурё и после переноса столицы в нынешний Пхеньян, в начале V в., не утеряла своих самобытных черт. Сегодня в обширных районах северо-западной части нашей страны разбросаны многочисленные гробницы в ханьском стиле, и в тех же местах имеются резко отличающиеся от них гробницы Когурё.

Ознакомление с этими гробницами приводит к выводу, что люди Когурё использовали достижения иноземной культуры лишь в интересах дальнейшего развития и обогащения своих собственных культурных традиций. Отличительными чертами архитектоники гробниц Когурё являются плоский потолок и сводчатый потолок, сложенный из прямоугольных каменных плит, сходящихся друг к другу, сужаясь квадратом кверху, которые берут свое начало от дольменов и каменных усыпальниц последнего периода первобытного общества.

Гробницы Когурё разделяются на две группы: каменные курганы и усыпальницы с каменным склепом. Каменные курганы, в большинстве случаев существовавшие еще со времени конца первобытного общества, не имеют склепа. Камни складывались выше поверхности земли, на них клался труп и затем сверху снова складывались камни, образуя курган в виде квадратной башни. Впоследствии курганы по мере расширения масштабов возводились на каменном постаменте и принимали более совершенную форму, примером чему служит курган «Тянгунчон» в Чжиане. С этого времени уже появляются каменные склепы. Усыпальница с каменным склепом уходит своими корнями к далекой древности, но крупные усыпальницы этого типа в государстве Когурё начали строиться только в поздний период. Усыпальницы с каменным склепом в свою очередь имеют две разновидности: один — покрытый землей, другой — камнями. Однако это не представляет особой важности. Усыпальницы с каменным склепом имеют самую разнообразную форму и бывают самые различные по ха-

рактеру потолочных перекрытий, по горизонтальному плану и структуре галереи.

После освобождения Кореи 15 августа 1945 года в северной части Республики были проведены многочисленные раскопки гробниц периода Когурё наряду с гробницами в стиле Хань. Во многих были обнаружены стенные росписи [2].

Особой известностью пользуются анакская гробница № 3 в провинции Южный Хванхэ [3], анакские гробницы № 1 и 2 [4], гробница № 1 в селе Тэан, уезда Ёнган, провинции Южный Пхёнан, двусклепная гробница на привокзальной площади города Пхеньяна [5], гробница № 1 в селе Тхэсон, уезда Кансо, провинции Южный Пхёнан [6], гробница с фресками в селе Яксури в том же уезде, гробница с фресками в селе Пхалченри уезда Тэдон, гробница «Рёдонсен» в уезде Сунчхон [7] и другие.

Из фресок гробниц Когурё самыми древними являются фрески, изображающие быт и обычаи того времени, за ними по времени следуют фрески с изображением четырех божеств. Кроме того, имеются гробницы, внутренние стены которых полностью покрыты орнаментальной росписью.

Первое впечатление, которое возникает при ознакомлении с культурой трех государств путем изучения фресок гробниц периода Когурё — это то, что она проста, жива, великолепна и грациозна, пронизана духом оптимизма.

Приведем некоторые примеры. Анакская гробница № 3, обнаруженная в 1949 году, по масштабу и по великолепию стенных росписей является одной из самых замечательных гробниц периода Когурё. Фрески, украшающие стены гробницы, изображают портрет погребенного, придворных дам, свиту, домашние сцены из жизни умершего и большое шествие.

Они поражают великолепием выполнения. Торжественное шествие нескольких сот человек, сопровождающееся оркестром, красноречиво иллюстрирует величие духа людей времен Когурё. Об этом также говорят само архитектурное строение гробницы, многочисленные исторические записи, упоминающие о строительстве большого количества дворцов усилиями народа Когурё, и сохранившиеся до нашего времени другие фрески и памятники культуры. Гробница «Тангунчон» и курган «Тэванрын» в Чжиане и остатки дворца Анхаккун у подножия горы Тэсонсан в окрестности г. Пхеньяна, также показывают великолепие культуры Когурё.

Величием и изысканностью отличается также культура государства Силла. Крепость древней столицы Силла в Кёнчжу по своим масштабам не уступает Пхеньянской крепости времен Когурё, а буддийский храм Хуанрёнса и девятиярусная пагода на его дворе являлись одними из крупнейших и самых великолепных в Азии.

Так как в период трех государств постоянно происходили войны, широко поощрялись воинственный дух и отвага. Так, в государстве Когурё ежегодно весной проводился крупный военный парад и устраивалась охота на зверей в виде военных учений. Самым любимым и почетным делом для людей Когурё была охота верхом за тиграми, оленями и косулями.

Смелый нрав и отвага людей Когурё оставили свой отпечаток на стенных росписях гробниц.

Картина «Охота», изображенная на стене гробницы в селе Яксури, уезда Кансо, раскопанной в 1958 году, наряду с картиной на ту же тему

в гробнице «Танцовщицы» в Чжиане относятся к шедеврам этого вида искусства.

Смотришь на картину и будто слышишь свист стрелы и крики гонщиков. Все это передано в картине просто и живо. Особо удался скачущий конь на стене анакской гробницы № 3. Изображение коня в гробнице в селе Пхалчонри, уезда Тэдон, убедительно подтверждает, какой тонкостью наблюдения и острым чутьем динамики движения лошадей обладали люди Когурё.

Живость и яркость присущи культуре всех трех государств периода их расцвета. По разнообразию тематики и многообразию орнаментов фрески гробниц Когурё мало имеют себе равных в мире. Обычно считается, что культура определенных государств, существовавших в древности и в средневековье, в особенности, культура тех стран, где особо сильно чувствовалось влияние господствующей религии, приводит к однообразию и ограниченности тематики картин и скульптурных работ.

Если учесть это обстоятельство, то нельзя не поражаться необычайному разнообразию и богатству тематики фресок на гробницах периода Когурё. Все это убедительно говорит о свободолюбии и стойкости духа людей государства Когурё.

Выдающейся чертой фресок гробниц Когурё является также ярко выраженный оптимизм. Впрочем, эти черты присущи не только культурным памятникам государства Когурё, но и памятникам материальной культуры двух других государств. Как бы ни была серьезна тематика произведений, все они без исключения дышат оптимизмом, лишены какого-либо уныния, что обычно наблюдается в средневековых картинах других стран. Даже изображение демона радует яркостью, и в нем чувствуется неподдельный юмор. То же самое относится и к изображениям демона в государствах Пэкче и Силла.

Эта черта культуры трех государств особо отчетливо выражена в фресках на гробницах, изображающих любимый народом вид борьбы — *ссирым* (корейская национальная борьба).

В гробнице «Ссирым», обнаруженной в Чжане, есть картина, изображающая двух молодых борцов, схвативших друг друга, и старика посередине, вроде судьи, подбадривающего их, и птиц, с любопытством наблюдающих за ними с веток деревьев.

Общность, связывающая произведения искусства трех государств, наиболее четко выражается в их изяществе в сочетании с яркостью изображения. Особо выделяется роспись потолка анакской гробницы № 2, с изображением летающей феи. Она по праву занимает первое место среди многих произведений на эту тему в странах Азии.

Картина «Четырех божеств», украшающая стены гробниц Тэмё и Сомё в Кансо являются вершиной фресочного искусства этого периода.

Из ювелирных изделий поражают своим изяществом и тонкостью отделки золотая корона и серьги, найденные в древней столице Силлы, городе Кёнчжу, которые показывают высокий уровень развития ювелирного искусства этого периода.

Заслуги создателей культуры трех государств, в том числе искусства, заключаются в том, что они, используя лучшие достижения культуры стран Востока и Запада, сохранили и дальше развили самобытные черты культуры Кореи. Сношения со странами Востока и Запада осуществлялись еще с давних времен через северные кочевые племена. В период трех государств Китай подвергался учащенным нашествиям северных племен, которые в политическом и военном отношениях начали брать верх над

китайцами. Три государства Кореи, и в первую очередь Когурё, творчески осваивая культурные достижения Китая применительно к жизни страны, одновременно поддерживали деловые связи с этими северными государствами. Так через эти государства в Корею стали проникать элементы культуры стран Средней Азии. Этим и нужно объяснить, что в анакской гробнице изображен борец с рыжими волосами и синими глазами. Влияние западной культуры чувствовалось в области техники и в обычаях правящих кругов. Подтверждением этому служит наряд погребенных вельмож на росписях гробниц и культ божеств-хранителей четырех сторон. Элементы зарубежной культуры служили у народа Когурё фактором, способствовавшим дальнейшему обогащению отечественной культуры.

* * *

Культура трех государств была унаследована и дальше усовершенствована Объединенным Силла в конце второй половины VII в. Объединенное Силла не только продолжало культурное наследие Силла, но и Пэкче и Когурё. Об этом свидетельствуют прежде всего старинные исторические записи нашей страны, а вещественным доказательством служат культурные памятники периода Объединенного Силла. В их числе — архитектурный ансамбль храма Пульгукса, пагоды Таботхаб и Соккатхаб, являющиеся шедеврами культуры этого периода.

В этом можно убедиться, ознакомившись с рельефным изображением летящей феи на колоколе в храме Пондекса и статуями будды в храме пещеры Секкурам. Золотая корона, украшенная нефритовыми бусинами и другими украшениями, серьги с золотой инкрустацией, исполнены непревзойденным мастерством и изяществом, пояса и другие предметы, раскопанные в гробницах Объединенного Силла, убедительно показывают блестящие плоды неуклонного развития культурного наследия трех государств в период Объединенного Силла.

В период Объединенного Силла культура Кореи впервые получает бурный расцвет как национальная культура объединенной Кореи. Само собой разумеется, что историческими предпосылками для такого расцвета послужило лучшее из наследия предыдущей культуры периода трех государств.

Высокое развитие культуры трех государств оказало благоприятное воздействие на культуру соседних государств. Особенно большое влияние было оказано на культуру Японии. Известные в то время корейские ученые, живописцы, скульпторы и буддийские монахи непосредственно содействовали развитию культуры Японии. Конкретным примером этому являются пагода, буддийские статуи и стенные росписи в буддийском храме Хорюдзи в Японии.

Культура периода трех государств пользовалась большим уважением у стран Восточной Азии в период I—VII вв. Она не стояла одиноко среди культур этих стран, а развивалась в тесной связи с ними. Народ трех государств, достойно развивая культуру всех предшествовавших корейских племен со времени Древнего Чосон, поднял ее на новую, более высокую ступень развития, еще больше обогатили ее культуру лучшими достижениями зарубежных стран.

Прекрасная культура периода трех государств является частью лучших традиций национальной культуры корейского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. Тен Дю Нон, *Исследование музыкальных инструментов, изображенных в стенных росписях гробниц периода Когурё*, «Мунхва юсан» («Культурное наследство»), 1957, № 1, 2.

[2] Только на берегах р. Тонноган было раскопано более чем 100 гробниц периода Когурё. Многочисленные усыпальницы с каменным склепом найдены также в бассейне реки Тэдонган вокруг Пхеньяна. В числе их имеются гробницы с замечательными стенными росписями.

[3] Доклад о раскопках анакской гробницы № 3, Институт археологии и этнографии при Академии наук КНДР, 1958 г.

[4] Доклад о раскопках анакских гробниц № 1, 2, Институт археологии и этнографии при АН КНДР, 1958 г.

[5] Доклад о раскопках гробниц на берегах р. Тэдонган, «Сборник археологических материалов», том I, 1958 г.

[6] Доклад о раскопках гробницы в селе Тхэсонри 1958 г.

[7] Доклад о раскопках гробниц на берегу р. Тэдонган, «Сборник археологических материалов», том I, 1958 г.

По докладу выступили Л. Е. Еременко, М. В. Воробьев, М. Хан, Р. Ш. Джарылгасинова.

М. Н. ПАК (*Москва*): КОРЕЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ХАРАКТЕРЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТРОЯ КОРЕИ В ПЕРИОД ТРЕХ ГОСУДАРСТВ

Вопрос о характере социально-экономических отношений в период трех государств (Когурё, Пэкче и Силла) занимает одно из центральных мест в современной корейской исторической науке. С решением его тесно связано не только выяснение истоков корейской цивилизации, но и понимание общих закономерностей исторического процесса в Корее, в частности таких вопросов, как время распада первобытнообщинного строя и возникновения государственности, существования в Корее рабовладельческой формации, время зарождения феодальных отношений и их особенностей.

Вся старая корейская историография, как феодальная, так и буржуазная, не поднялась до исследования закономерностей общественно-экономического развития страны. Так, например, феодальных конфуцианских историков факты прошлого (преимущественно деяния отдельных личностей — королей, министров, полководцев) интересовали только с точки зрения дидактической, поучительности их для поведения последующих поколений [1]. Из ученых феодальной эпохи наиболее существенный вклад в изучение ранней истории общественного развития страны внесли историки, представлявшие сирхакское течение прогрессивной мысли XVII—XVIII вв. Они не только серьезно развили критику исторических источников и предшествующей историографии, но и связали изучение истории с определенными задачами обновления и преобразования современной им действительности [2].

По-настоящему изучение истории Кореи как закономерного процесса и неразрывной части всемирной истории человечества начато только в XX в. прогрессивными корейскими историками, посвятившими свой труд национально-освободительной борьбе народа за освобождение от колониального ига.

В монографии Пэк Нам Уна (ныне президента Академии наук КНДР), вышедшей в 1933 г.[3] и положившей начало марксистскому изучению

социально-экономических вопросов истории Кореи, на основе исследования конкретных корейских материалов был сделан вывод о последовательной смене социально-экономических формаций в истории Кореи. Автор утверждал, что в Корее самой ранней ступенью общественного развития был период первобытнообщинного строя, который сменился затем классовым обществом трех государств, являвшихся, по его мнению, рабовладельческими, ибо там, как он полагал, «рабы несли основное бремя общественного производительного труда» [4].

Тезис Пэк Нам Уна о рабовладельческом характере социально-экономического строя государств Когурё, Пэкче и Силла получил довольно широкое распространение уже в 30-е годы. Однако большое признание он получил в первые годы после освобождения страны, о чем свидетельствовало появление ряда других работ [5], стремившихся выявить характерные черты рабовладельческого общества в период трех государств.

В ходе дальнейшего успешного развития исторической науки в КНДР возникли и иные трактовки социально-экономической природы трех государств.

В начале 1953 г. во время дискуссии в Академии наук КНДР значительная группа историков высказала идею о том, что государства Когурё, Пэкче и Силла следует считать не рабовладельческими, а государствами периода формирования феодальных отношений [6]. Позднее, с появлением статей члена-корреспондента корейской Академии наук Ким Кван Чжина [7], выступившего с обоснованием мнения, почему Корея миновала рабовладельческую формацию и перешла к феодализму непосредственно после разложения первобытнообщинного строя, среди корейских историков особенно оживилась дискуссия о социально-экономической сущности трех государств [8]. Дискуссия стала даже выходить за пределы самой Кореи [9].

В изучении вопроса о характере социально-экономических отношений в период трех государств большим событием явилась организованная Институтом истории АН КНДР общекорейская дискуссия (в октябре—ноябре 1956 г.) [10], которая выявила имеющиеся среди корейских историков различные точки зрения по данной проблеме. Если одна большая группа историков рассматривала три государства как раннефеодальные, обосновывая возможность для Кореи миновать рабовладельческую формацию, то другая немеьшая группа по-прежнему считала их рабовладельческими, выдвигая ряд новых соображений относительно характера рабовладельческого строя в Корее. Кроме этих двух противоположных точек зрения, были высказаны и иные мнения о социально-экономической природе трех государств. Так, например, некоторые историки вообще возражали против того, чтобы возникновение трех государств связывать с концом первобытнообщинного строя, так как, по их мнению, начало классового общества в Корее надо искать раньше, в период, предшествующий появлению трех государств.

Как итог этой дискуссии возник опубликованный в 1958 г. сборник статей и выступлений [11], который является результатом многолетней исследовательской работы корейских ученых и вносит серьезный вклад в изучение истории Кореи раннего периода. После такого всестороннего рассмотрения почти всех фактических данных, относящихся к социально-экономической характеристике трех государств [12], усилия корейских историков сейчас направлены к тому, чтобы сблизить существующие точки зрения и выработать единое мнение по решению этой актуальной проблемы корейской истории [13].

Не вдаваясь во все подробности этой большой дискуссии в современной корейской историографии, мы вкратце остановимся лишь на некоторых главных вопросах, разногласия по которым не позволяют историкам выработать общее мнение о характере социально-экономического строя Кореи в период трех государств.

Трудность решения проблемы связана прежде всего с тем, что она переплетается с комплексом других нерешенных вопросов корейской истории. К ним относится, например, вопрос о характере общественно-экономических отношений в Корее до образования трех государств. Историки, признающие рабовладельческий характер трех государств (Пэк Нам Ун и др.), и историки, отрицающие его (Ким Кван Чжин и др.), до сих пор одинаково считали, что возникновение государств Когурё, Пэкче и Силла в первые века новой эры (в датировке точного времени формирования этих государств у историков тоже существуют расхождения) было связано с разложением первобытнообщинного строя у корейских племен. С появлением у них рабовладения Пэк Нам Ун связывал возникновение рабовладельческого строя, а Ким Кван Чжин, учитывая ничтожный удельный вес рабов в общей массе населения, обосновал теорию о возможности перехода к феодализму, минуя рабовладельческий строй. При этом все три государства он охарактеризовал как раннефеодальные. Однако в последнее время вслед за выступлением Чон Хи Ёна [14], полагающего, что зарождение классового общества в Корее связано не с появлением трех государств, а с более ранним периодом Чосона и Махана, в его поддержку выступили и другие историки, например, Ким Сок Хён [15] и Лим Кон Сан [16], которые полагают, что классовое рабовладельческое общество зародилось в Корее за несколько веков до начала новой эры. Однако, исходя из одинаковой посылки относительно общественного строя древней Кореи, Ким Сок Хён и Чон Хи Ён при характеристике трех государств считают их раннефеодальными, а Лим Кон Сан — рабовладельческими. Это показывает, что выяснение характера социально-экономического строя трех государств не может быть поставлено в прямую зависимость от понимания сущности общественных отношений в древней Корее, для социально-экономической характеристики которых налицо еще меньше данных, поэтому приходится основываться на истолковании тех фактов, которые имеют непосредственное отношение к истории трех государств.

Поскольку значительная часть корейских историков считает три государства рабовладельческими, важное значение имеет установление роли рабского труда в системе общественного производства в трех государствах, то есть рассмотрение тех фактов и доводов, на основе которых делаются выводы о существовании рабовладельческой формации в период трех государств. Обосновывая тезис о рабовладельческой сущности одного из трех государств (Силла), акад. Пэк Нам Ун в 30-х годах писал, что рабочая сила рабов там «являлась главенствующим элементом в организации труда», «основным элементом производительных сил», что расстановка ее «служила олицетворением антагонистических отношений в организации производства, лежала в основе общественных производственных отношений» [17]. Единственным фактическим основанием для этого вывода о массовом применении рабов послужило сообщение «Синь Тан шу» [18]: 新羅宰相家不絕祿，奴僮三千人甲兵，牛馬猪稱之，畜牧海中山，須食乃射 «В доме силланского министра не прерывается жалование. Три тысячи юных рабов, воины-латники (воинов-латников), крупный рогатый скот, лошади, свиньи создают ему вес. Животные пасутся на горных островах среди моря, а когда требуется для стола [мясо], скотину убивают

из лука». Мне уже приходилось писать [19] о том, насколько здесь иероглифы «奴僮», означающие юных невольников, не согласуются с последующими «甲兵» (воинами-латниками), что, вероятнее всего, в источнике допущена описка и «奴僮» означают не рабов, а употреблены вместо «弩幢», обозначавших воинскую единицу в государстве Силла [20]. Несмотря на сомнительность этого сообщения о рабах, историк Кан Пён До и сейчас приводит его в качестве основного аргумента при защите тезиса о рабовладельческом характере трех государств [21].

Из-за отсутствия в источниках фактов о массовом применении рабов в период трех государств потерял смысл тезис Пэк Нам Уна о существовании в Корее развитого рабовладения наподобие греко-римского, поэтому на последней дискуссии сторонники рабовладельческой концепции настаивали на ином понимании своеобразия рабовладельческого строя в Корее. Вместе с Ли Нын Сиком [22] историки Лим Кон Сан [23], Хан Кир Он [24], а также и Пэк Нам Ун [25] говорят о том, что в Корее существовала рабовладельческая система не классического, греко-римского, а древневосточного типа, когда рабы, будучи основным элементом данных производственных отношений, не составляли, однако, большинства населения, когда сохранялась почти нетронутой общинная организация, подчиненная власти деспотического рабовладельческого государства. При характеристике непосредственных производителей в Корее периода трех государств Хан Кир Он [26] видел в них рабское крестьянство (наподобие спартанских илотов), распространяя на них тезис К. Маркса о существовании системы поголовного рабства на древнем Востоке [27]. Но такое определение социально-экономического строя трех государств исходит только из некоторых внешних признаков (наличие общины, дань, государственные работы и пр.), сближающих их с рабовладельческими государствами древнего Востока. Оно не только не учитывает различия в общей исторической обстановке Кореи начала новой эры и древнего Востока периода формирования рабовладельческих деспотий (за много столетий до новой эры), но и конкретных условий развития трех корейских государств, сложившихся после утверждения феодализма в соседнем Китае, который оказывал влияние на развитие производительных сил, социально-политических институтов, идеологии и культуры корейского населения.

Несмотря на то что имеется мало фактов, показывающих внутреннюю структуру общинной организации, те отношения поземельной собственности, которые складывались в Корее в начале новой эры в результате разложения первобытнообщинных отношений, историк Но Чон Хан [28] на примере Когурё весьма убедительно характеризует как формирующиеся феодальные отношения. Касаясь вопроса о производительных силах той эпохи, этот автор считает затруднительным точно определить уровень производительных сил, который отличает рабовладельческую формацию от феодальной [29]. Тем не менее нельзя не отметить того, что если формирование первых рабовладельческих государств древнего Востока началось еще в период применения бронзовых орудий, то три корейских государства сложились в эпоху не только широкого применения железа [30], но и вообще более высокого уровня производительных сил. Как правильно отмечает Ом Чхан Чжон [31], до сих пор речь шла главным образом о применении железа в Корее, а всестороннее изучение состояния производительных сил трех государств все еще остается задачей будущего.

При спорности многих вопросов, касающихся уровня производительных сил, форм собственности, а также государственной организации, которые в какой-то мере могут быть сходными и при рабовладельческом,

и при феодальном строе, исключительное, можно сказать решающее, значение для определения характера общественно-экономической формации трех государств имеет уяснение классового положения массы непосредственных производителей. При этом надо четко определить существенное различие между рабом и крепостным крестьянином, связанное с различиями в способах производства. Между тем корейские ученые То Ю Хо [32] и Ли Ыи Су[33] различие между рабом и крепостным усматривают только в степени эксплуатации и угнетения, которым они подвергались, а не в различных экономических условиях (отношениях к орудиям и средствам производства), при которых происходило извлечение прибавочного продукта их труда. В результате в категорию рабов произвольно зачисляется весьма значительная часть феодально-зависимого крестьянства. Из трех категорий трудового и эксплуатируемого народа в период трех государств «民» (народ), «下戶» (низшие дворы) и «奴婢» (рабы, подневольные *ноби*) в разряд «рабов» эти историки зачисляли не только подневольных *ноби*, но и зависимых крестьян категории «низших дворов», или *хахо*. Такое произвольное зачисление *хахо* к разряду подневольного рабского населения мало согласуется с данными письменных (китайских и корейских) источников. Поэтому попытка зачислить *хахо* в разряд рабов встречает дружное возражение со стороны тех историков, которые не признают существования рабовладельческой формации в трех государствах [34]. Последнее исследование Ким Сок Хёна [35] убедительно свидетельствует о том, что к категории рабов нельзя отнести не только *хахо*, но также и подневольных *ноби* («рабов» по названию), потому что они вели свое собственное хозяйство, а хозяева их взимали с них определенную подать наподобие той, которую платили и «низшие дворы». Формы эксплуатации трудового населения (находившегося в разной степени зависимости) как со стороны государства, так и отдельных представителей господствующего класса, носили определенно феодальные черты.

К более правильному решению проблемы социально-экономической природы трех корейских государств подходят, как нам кажется, не те историки, которые стремятся увидеть картины примитивного рабовладельческого строя в период трех государств, а те, кто видит их закономерное развитие на путях феодализма, ибо в положении трудящихся масс, а также в формах присвоения плодов их труда господствующим классом (налоги, отработки) можно видеть определенные черты феодальных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Историк XII в. Ким Бу Сик свою задачу усматривал в том, чтобы находить такие исторические факты, которые пригодны «для выявления добра или зла государей и государынь, преданности или вероломства их слуг, спокойствия или опасности в государстве, благоденствия или мятежности народа, что могло бы служить назиданием для потомков». Ким Бу Сик, *Самкук саги* (*Исторические записи трех государств*) (*Летописи Силла*). Издание текста, перевод, вступительная статья и комментарии М. Н. Пака, М., ИВЛ, 1959, стр. 61.

[2] Критическое отношение к старой конфуцианской историографии было высказано в сочинениях почти всех сирхакских мыслителей, но крупными специальными историческими исследованиями являлись работы Ан Чон Бока, *Тонса канмок* и Хан Чхи Юна, *Хэдон ёкса*, продолженные затем Хан Чин Со в его труде *Хэдон ёкса сок*.

Для изучения раннего периода истории Кореи большое значение имеют исследования по исторической географии, принадлежащие Син Кён Чжуну, *Еам чонсо* Хан Пэк Кёму, *Тонгук чири чжи* и знаменитому Чон Як Ёну, *Абан канёк ко*. Об этом см. *Чосон кодэ ёкса чирихак ёнгу сосоль* («Введение в изучение исторической географии древней Кореи») в сборнике «Ёкса нонмун чип», т. II, Пхеньян, 1958, стр 1—79.

[3] Пэк Нам Ун, *Тёсэн сякай кэйдзай си*, Токио, 1933 (Пэк Нам Ун, *Социально-экономическая история Кореи*, Токио, 1933).

[4] *Там же*, стр. 447.

[5] К ним относятся: Хан Кир Он, *Чосон кодэ кукка хёнсон квачжон* (Хан Кир Он, *Процесс формирования древнего государства в Корее*) в «Чосон ёкса ёнгу нонмун чип», Пхеньян, 1947 («Сборник исследовательских статей по истории Кореи», Пхеньян, 1947); Ли Ын Су, *Чосон кое сидэса ёнгу* (Ли Ын Су, *Исследование истории рабовладельческой эпохи в Корее*), «Ёкса че мунчже» («Вопросы истории», Пхеньян), 1949, № 9, 10, 11; *Чосон кодэса*, Пхеньян, 1951 («Древняя история Кореи», изд. Комиссии по составлению истории Кореи), Пхеньян, 1951; а также некоторые учебники и пособия для школ.

[6] См. *Чосон тхонса*, т. I, 1956 (*История Кореи*, т. I), изд. Института истории АН КНДР, Пхеньян, 1956, стр. 76—79.

[7] Ким Кван Чжин, *Чосон э иссосоы понгон чедоы пальсэн квачжон — ное соючжачжок кусоны чонбу ёхаэ тэхан мунчже ва кваллёнхаё* (Ким Кван Чжин, *Процесс возникновения феодального строя в Корее в связи с вопросом о том, существовала ли в Корее рабовладельческая формация*), «Ёкса квахак» («Историческая наука», далее — «Ёкса квахак»), 1955, № 8, 9.

Ким Кван Чжин, *Самгук сидэы сахвэ кёнчже кусонэ кванхан мёткачжи мунчжеэ тэхаё* (Ким Кван Чжин, *О некоторых вопросах, касающихся социально-экономического строя в период трех государств*), «Ёкса квахак», 1956, № 5, 6.

[8] Против взглядов Ким Кван Чжина выступили То Ю Хо и Ли Ы и Су. См. То Ю Хо, *Чосон ёксасатэнын кваён ноечже сахвега омнынга. Ким Кван Чжин тончиы пучжон нонгва кваллёнхаё* (То Ю Хо, *Действительно ли в истории Кореи не было рабовладельческой эпохи? По поводу отрицания ее тов. Ким Кван Чжином*), «Ёкса квахак», 1956, № 3; Ли Ын Су, *Таси ханбон чосон нос сидэ мунчжерыль нонхам* (Ли Ын Су, *Еще раз к вопросу о рабовладельческой эпохе в Корее*), «Ёкса квахак», 1956, № 5.

[9] После опубликования моей статьи *«О характере социально-экономических отношений в государстве Силла»* («Вопросы истории», 1956, № 7; китайский перевод в «Шисюэ и-цунь», 1956, № 6; корейский перевод в «Ёкса квахак», 1957, № 1), в которой государство Силла рассматривается как раннефеодальное, с возражениями против ее основных положений выступил на страницах китайского журнала «Лиши яньцзю» историк Хан Кир Он. См. Хан Кир Он, *Лунь Синьло гоцзя-ды шэхуй цзинцзи цзегоу-ды синчжи. — Чжи М. Н. Пак тунчжи ды луньвэнь вэй чжунсинь.* (Хан Кир Он, *О характере социально-экономического строя в государстве Силла. По поводу статьи М. Н. Пака*), «Лиши яньцзю» («Изучение истории», в дальнейшем «Лиши яньцзю»), 1957, № 11.

[10] Сообщения о дискуссии в газете «Нодон синмун» от 6 ноября 1956 года (см. перевод: Хан Чан Хо, *Дискуссия о рабовладельческом строе в Корее*, «Вопросы истории», 1957, № 5, стр. 217—220) и в журнале «Ёкса квахак», 1957, № 1.

[11] *Самгук сигиы сахве кёнчже кусонэ кванхан тхорон чип* (*Дискуссия о социально-экономическом строе периода трех государств*, изд. Института истории Академии наук КНДР), Пхеньян, 1958, 443 стр. (далее — «Дискуссия. . .»).

[12] Краткость и отрывочность сведений о социально-экономической жизни, встречающихся в основных корейских (*Самгук саги*, *Самгук юса*) и китайских (династийных историях от *Саньгочжи*, *Хоуханьшу* до старой и новой *Тан шу*) источниках по истории трех государств, допускают возможность различных толкований смысла этих сообщений и значительно затрудняют решение проблемы.

[13] Лим Кон Сан, *Самгук сиги сахве кёнчже кусонэ кванхаё* (Лим Кон Сан, *О социально-экономическом строе периода трех государств*), «Ёкса квахак», 1959, № 2, стр. 51—60. Ким Сок Хён, *Самгукы кегып чекванге — самгук сахве кёнчже кусоны хэмёныль вихаё* (Ким Сок Хён, *Классовые отношения в трех государствах. К выяснению их социально-экономического строя*), «Ёкса квахак», 1959, № 4, стр. 15—40.

[14] См. Чон Хы Ён, *Самгук сиги ичжоны кукка пальчжонэ тэхан кочхаль* (Чон Хы Ён, *Исследование развития государственности в период до трех государств*), «Дискуссия. . .», стр. 350—391; а также: Чон Хы Ён, *Чосонэсоы чхот кукка хёнсонын самгукы хёнсоныропутхо сичжак твэнгосын анида* (Чон Хы, *Начало государственности в Корее не связано с появлением трех государств*), «Ёкса нонмун чип», вып. I, Пхеньян, 1957, стр. 1—76.

[15] Ким Сок Хён, *указ. соч.*, «Ёкса квахак», 1959, № 4, стр. 39—40.

[16] Лим Кон Сан, *Чосон са* (I). (Лим Кон Сан, *История Кореи*, I, для вузов), Пхеньян, 1958, стр. 56—86.

[17] Пэк Нам Ун, *указ. соч.*, стр. 362.

[18] *Синь таншу*, *цзюань* 220 лечжуань 145, дуни, Синьло чжуань.

[19] «Вопросы истории», 1956, № 7, стр. 58.

[20] Эта воинская единица упоминается в Самгук саги. См. *Самгук саги*, квон 40 чанжи 9, чикван ха.

[21] Цитированному месту источника Кан Бён До дает, по нашему мнению, неверный перевод: «В доме силланского министра не прерывается жалование — рабов три тысячи, а войска зовутся именами быков, лошадей и свиней. Пасут животных на островах, а когда необходимо, убивают из лука» (Силла чесанын чибэ нокнони кынночичжи анатко ноега самчхон мёнина твэго кунсарыл собудэ мальбудэ, твэчжи пудэраго пуллотта. Сомэсо мокчхугыль кёнёнхаё пхирёхаль тээнын соасо чабатта). См. Кан Бён До, *Чосонын ное сидэрыль кёнгвахаёнынга* (Кан Бён До, *Прошла ли история Кореи рабовладельческую формацию?*), «Дискуссия. . .», стр. 230.

[22] Ли Ныи Сик, *Тонбал ное соючжа сахвеы сонкёгэ кванхаё—самгуксидэы сонкёгэ кванхан тхорон* (Ли Ныи Сик, *О характере восточного рабовладельческого общества. К дискуссии о характере периода трех государств*), «Дискуссия. . .», стр. 265—282.

[23] Лим Кон Сан, *Самгукы сахве кёнчже кусонэ тэхан мёткачжи мунчже—чекегыбтыры хосан квангерыль чунсимыро* (Лим Кон Сан, *Некоторые вопросы, касающиеся социально-экономического строя трех государств*), «Дискуссия. . .», стр. 74—144.

[24] Хан Кир Он, *Чосонэсоы ное соючачжок сахве кёнчже кусончхээ кванхаё* (Хан Кир Он, *О социально-экономической структуре рабовладельческого общества в Корее*), «Дискуссия. . .», стр. 145—182.

[25] Пэк Нам Ун, *вонсаы тхорон ёчжи* (*Из выступления академика Пэк Нам Уна*), «Дискуссия. . .», стр. 336—349.

[26] «Сборник исследовательских статей по истории Кореи», стр. 298—299; «Лиши яньцзю», 1957, № 11, стр. 85—89.

[27] К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, М., 1940, стр. 30.

[28] Но Чон Хан, *Когурёэсоы тхочжи сою кванге* (Но Чон Хан, *Отношения поземельной собственности в Когурё*), «Дискуссия. . .», стр. 294—335.

[29] *Там же*, стр. 297.

[30] Если Ким Кван Чжин (см. указ. соч.) на основании факта применения железа в Корее сделал вывод о высоком уровне развития производительных сил, позволивших Корее перейти к феодализму, минуя рабовладельческую стадию, то сторонники рабовладельческой концепции стараются отрицать столь высокий уровень. Так, например, Хан Кир Он в полемике с нашим мнением о высоком уровне производительных сил в Силла (см. «Лиши яньцзю», 1957, № 11, стр. 79—83) даже утверждает, что железные орудия стали применяться в Силла не раньше IV в. н. э., но это его мнение, кажется, не разделяют ни историки, ни археологи в КНДР.

[31] Ом Чхан Чжон, *Самгук сидэы сахве кёнчже кусонэ тэхан ёнгува кваллён хаё чеги твэльсу иныи мёткачжи мунчже* (Ом Чхан Чжон, *Некоторые вопросы, возникающие при изучении социально-экономического строя периода трех государств*), «Дискуссия. . .», стр. 416—417.

[32] То Ю Хо, *Самгук сидэыи понгон сидэга анида* (То Ю Хо, *Период трех государств не был феодальным*), «Дискуссия. . .», стр. 49.

[33] Ли Ын Су, *Чосон ное сидэ мунчже сорон* (Ли Ын Су, *Коротко к вопросу о рабовладельческой эпохе в Корее*), «Дискуссия. . .», стр. 301.

[34] Кроме названных работ Но Чон Хана и Ом Чхан Чжона, см. также: Ким Кван Чжин, *Чосон вонси сахве пунгвэы тхыксусонгва понгончжок укладыы пальсэн квачжон* (Ким Кван Чжин, *Особенности распада первобытного общества в Корее и зарождение феодального уклада*), «Дискуссия. . .», стр. 1—23. Чон Чхан Ён, *Когурёы сахве кёнчжечжок сонкёгэ тэхаё* (Чон Чхан Ён, *О социально-экономическом характере Когурё*), «Дискуссия. . .», стр. 183—218. Чхе Хи Гук, *Самгук сигиы сахве — кёнчже кусоныль хэмёнхаги вихан меткачжи мунчжеэ тэхаё* (Чхе Хи Гук, *О некоторых вопросах понимания социально-экономического строя в период трех государств*), «Дискуссия. . .», стр. 231—264.

[35] Ким Сок Хён, *Чосон понгон сидэ нонмины кегып кусон* (Ким Сок Хён, *Классовая структура корейского крестьянства в период феодализма*), Пхеньян, 1957.

По докладу выступили Пак Си Хён, То Ю Хо, Г. П. Пейдж, М. В. Воробьев. Выступавшие указывали на сложность вопроса и необходимость продолжения дискуссии.

10 августа, вечернее заседание
Председатель Ким Сок Хён (*Пхеньян*).

ЯН ХЁН СОП (*Пхеньян*): БОРЬБА КОРЕЙСКОГО НАРОДА ЗА МИРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ РОДИНЫ И ЗА СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИЗМА *

Прошло пятнадцать лет с тех пор, как Советская Армия освободила корейский народ от японского колониального ига. Тем не менее по вине американских империалистов, оккупирующих Южную Корею, наша родина до сих пор не объединена. Искусственное разделение страны на две части принесло корейскому народу неисчислимые бедствия и страдания. С давних времен корейцы жили на одной территории как единая нация, имели единую экономику и культуру, единый язык и национальные обычаи. Раскол страны не только чреват постоянной опасностью братоубийственной войны и угрожает всеобщему миру, но и является серьезным тормозом в развитии народного хозяйства нашей страны и культуры корейского народа. Он несет страдания каждому корейцу.

Мирное объединение родины — это первоочередная революционная задача корейского народа, насущное чаяние всей нации.

В обстановке, когда американский империализм, захватив южную часть страны, проводит колониальную политику, Трудовая партия Кореи в целях успешного решения вопроса мирного объединения родины взяла курс на создание мощной демократической базы и настойчиво боролась за его осуществление.

Корейский народ под руководством ТПК за короткие исторические сроки успешно осуществил задачи антиимпериалистической и антифеодальной демократической революции, построил в северной части страны мощную демократическую базу и создал материальные условия для строительства основ социализма.

В создавшейся обстановке курс на создание демократической базы явился единственно правильным политическим курсом, способствующим быстрейшему объединению родины. Он составляет одну из общенациональных задач и неразрывно связан с борьбой за укрепление и развитие демократической базы в северной части Республики.

ТПК и Правительство Республики, исходя из насущных интересов народа, всемерно укрепляли и развивали демократическую базу корейской революции, ведя последовательную борьбу за мирное решение корейского вопроса в интересах корейского народа и всеобщего мира. Но американские империалисты, оккупирующие Южную Корею, с самого начала игнорировали демократическое право корейского народа на создание единого суверенного и независимого государства, стремились увековечить раскол страны, превращая Южную Корею в свою колонию, в форпост агрессии в Азии.

Вопреки чаяниям корейского народа американские империалисты торпедировали работу «Советско-американской совместной комиссии», созданной для претворения в жизнь решений Московского совещания министров иностранных дел, отвергли справедливое предложение Советского правительства об одновременном выводе из Кореи советских и американских войск и о предоставлении корейскому народу возможности самому решить свою судьбу, незаконно включили корейский вопрос в повестку

* Доклад был прочитан на корейском языке.

дня Второй сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Проведя сепаратные выборы «под наблюдением ООН» и создав марионеточное правительство, США намеревались увековечить раскол страны.

В обстановке обострившегося кризиса, вызванного расчленением страны, народ Южной и Северной Кореи поднялся как один человек на борьбу за спасение родины; лозунгом этой борьбы было объединение родины самим корейским народом.

В созванной по инициативе ТПК конференции представителей всех политических партий и демократических организаций Севера и Юга страны (состоялась в Пхеньяне в апреле 1948 года) приняли участие представители всех слоев населения Северной и Южной Кореи за исключением архиреакционных элементов. Все участники этой конференции, включая и представителей правых партий, выразили единодушную решимость бойкотировать сепаратные выборы, и, изолировав продажную южнокорейскую клику и сплотив все патриотические силы, бороться за единство и независимость родины. Эта конференция показала, что независимо от политических взглядов и религиозной принадлежности корейцы оказывают горячую поддержку политике ТПК, направленной на достижение единства и независимости родины, что они едины в борьбе за ее осуществление.

Американские империалисты вопреки желанию и воле корейского народа под вывеской ООН навязали Южной Корее марионеточный режим Ли Сын Мана. Продолжая держать свою армию в Южной Корее после того, как из северной части страны были полностью выведены советские войска, США приступили к подготовке агрессивной войны против Северной Кореи.

В такой сложной обстановке корейский народ продолжал добиваться осуществления мирного объединения страны.

Американские империалисты и лисынмановская клика отвергли предложения об объединении Кореи, внесенные Отечественным фронтом в июне 1949 и 7 июня 1950 года. Поэтому 19 июня 1950 года Президиум Верховного Народного Собрания КНДР внес предложение осуществить объединение страны путем создания единого общекорейского законодательного органа на базе Верховного Народного Собрания и «Национального собрания» Южной Кореи. На наши настойчивые и искренние предложения и усилия американские империалисты и лисынмановская клика ответили давно подготовляемой ими преступной агрессией. Захватническая война, развязанная американскими империалистами и кликой Ли Сын Мана, закончилась для них позорным поражением.

Корейский народ и после войны продолжал упорную борьбу за осуществление мирного объединения родины. Он единодушно поднялся на борьбу за превращение перемирия в прочный мир и за создание в северной части страны мощных материальных сил для мирного объединения родины, добивался созыва более высокого по уровню политического совещания, предусмотренного соглашением о перемирии.

Основным требованием в деле мирного объединения родины, на котором последовательно настаивали и настаивают ТПК и Правительство КНДР, является вывод из Кореи всех иностранных войск и предоставление корейскому народу возможности без вмешательства извне самому осуществить объединение страны на демократической основе. Вопрос о том, какой общественный строй установить в Корее, должен быть решен в соответствии с желанием самого корейского народа. Это его священное право, на которое никто не должен покушаться.

Стремления и требования корейского народа получили единодушную поддержку народов Советского Союза и всех стран социалистического лагеря, а также миролюбивых сил всего мира. На Женевской конференции 1954 года, на которой по инициативе Советского Союза обсуждался корейский вопрос, делегация КНДР прилагала всемерные усилия для решения вопроса мирного объединения страны на демократической основе.

Однако из-за несправедливых притязаний американской делегации и лисынмановской клики корейский вопрос на этой конференции не был решен. Несмотря на происки американских империалистов и лисынмановцев, Трудовая партия Кореи продолжала проявлять инициативу и принимать меры, основанные на реальном учете обстановки и направленные к мирному объединению родины.

В ответ на Заявление Правительства КНДР от 5 февраля 1958 года о выводе из Кореи всех иностранных войск и предоставлении корейскому народу самому решить корейский вопрос Правительство КНР вывело из Северной Кореи все части народных добровольцев. Но американские империалисты не только не вывели свои войска из Южной Кореи, а наоборот, перетащили туда Командование войск ООН и, грубо нарушая соглашение о перемирии, довели состав марионеточной армии Ли Сын Мана с 16 до 30 дивизий. Продолжая ввозить оружие массового уничтожения, они превращали Южную Корею в базу атомной войны.

Шестая сессия Верховного Народного Собрания КНДР второго созыва в октябре 1959 года снова внесла предложение о том, чтобы в целях мирного объединения страны были выведены из Южной Кореи американские и другие иностранные войска и после этого провести на всей территории Кореи свободные выборы; сессия предложила сократить численность Корейской Народной Армии и армии Южной Кореи (соответственно на сто тысяч человек), установить экономические и культурные связи между Севером и Югом, разрешить населению переписку и взаимное посещение районов севернее и южнее демаркационной линии. Для решения всех этих вопросов предлагалось провести встречи делегатов Севера и Юга. Было предложено также создать «Комиссию по развитию и установлению экономических связей между Севером и Югом», состоящую из представителей деловых кругов Северной и Южной Кореи. Все эти предложения были продиктованы горячими братскими чувствами к населению Южной Кореи. Они открывали путь к восстановлению разрушенной экономики Юга и улучшению жизни народных масс на основе использования демократической базы в Северной Корее. Они преследовали также цели создания условий, ускоряющих мирное объединение родины.

Американские агрессоры и южнокорейская реакция не приняли ни одного из предложений ТПК и правительства КНДР. Более того, они бросали в тюрьмы и подвергали физическому уничтожению всех патриотов, выступающих в поддержку мирного объединения родины. Они закрыли все пути, ведущие к его осуществлению, проводили политику увековечивания раскола страны и развязывания войны.

Однако, несмотря на провокационную политику американских империалистов и южнокорейской реакционной группировки, в последнее время политическое положение в нашей стране решительно изменилось, создались предпосылки для мирного объединения.

Особенность современной политической ситуации в нашей стране заключается в том, что расшатываются основы колониального господства американского империализма в Южной Корее, в то время как силы социализма на севере страны быстро развиваются и крепнут.

Народ Северной Кореи под руководством ТПК в послевоенный период добился больших успехов в социалистическом строительстве.

После заключения перемирия трудящиеся КНДР приступили к восстановлению разрушенного народного хозяйства. Все как один поднялись они на борьбу за осуществление экономической политики ТПК, заключающейся в обеспечении преимущественного роста тяжелой индустрии при одновременном быстром развитии легкой промышленности и сельского хозяйства.

Благодаря этому всего за три-четыре послевоенных года промышленное и сельскохозяйственное производство значительно превзошло довоенный уровень, а превращенные в руины города и села страны приобрели совершенно иной облик.

В 1956 году — последнем году трехлетнего плана — промышленное производство выросло по сравнению с довоенным 1949 годом в 1,8 раза, с послевоенным 1953 годом в 2,8 раза. Были восстановлены на новой технической основе, реконструированы и значительно расширены такие отрасли тяжелой индустрии как металлургическая, угольная, химическая, строительная промышленность и энергетика. Была создана собственная машиностроительная промышленность и новая база легкой промышленности. В результате в значительной мере была преодолена колониальная однобокость и техническая отсталость промышленности и создана база самостоятельной национальной экономики. Кроме того, в ходе выполнения трехлетнего плана в северной части страны было в основном завершено кооперирование сельского хозяйства и достигнута решительная победа в социалистическом преобразовании частной промышленности и торговли.

Выполнив трехлетку, трудящиеся Северной Кореи приступили в 1957 году к выполнению первого в истории нашей страны пятилетнего плана. Основная задача плана состояла в создании базы для социалистической индустриализации страны, в решении вопроса об обеспечении населения продовольствием, одеждой и жилищем. Для выполнения этих задач было необходимо, продолжая развивать высокими темпами тяжелую индустрию, создавать новые отрасли производства, оснащать их передовой техникой, ускорить технический прогресс.

Успешное выполнение пятилетнего плана означало превращение страны из отсталой аграрной в индустриально-аграрное государство с развитой самостоятельной промышленностью и сельским хозяйством, дальнейшее укрепление материальной базы для мирного объединения родины.

Именно поэтому пятилетний план вызвал огромный творческий подъем, вдохновил народные массы на новые трудовые подвиги.

Начиная с 1957 года — первого года пятилетки — на всех участках социалистического строительства началось движение «Чхоллима». Трудящиеся, проявляя пламенный энтузиазм и творческую инициативу, ежедневно и ежечасно демонстрируют небывалые чудеса трудовой доблести. Благодаря героическому труду рабочего класса были созданы крупные технические сооружения, в короткие сроки восстановлены старые и построены новые домны. Благодаря коллективной мудрости рабочих, инженеров и техников и их инициативе были построены гидротурбины, восстановлены и построены новые электростанции.

Трудящиеся нашей страны своими собственными силами в массовом количестве производят тракторы, автомашины, бульдозеры, что стимулирует успешное техническое перевооружение сельского хозяйства. Быстро меняется облик деревни.

В период пятилетки на основе высокого энтузиазма трудящихся быстрыми темпами развивались промышленность и сельское хозяйство. В 1957 г. валовая продукция промышленности увеличилась по сравнению с 1956 г. на 44%, в 1958 г. — на 40%, в 1959 — на 52%. По выпуску валовой продукции промышленности пятилетка была выполнена к июлю 1959 г., т. е. за 2,5 года. В течение последних 6 лет валовая продукция промышленности государственного и кооперативного секторов увеличилась в 8—9 раз, а в 1959 г. она в 6 раз превзошла уровень 1949г . Удельный вес промышленности в валовой продукции всего народного хозяйства вырос с 46,7% в 1949 до 71% в 1959 г. Еще больше укрепилась позиция промышленности в народном хозяйстве.

Ее сердцевина — крупная машиностроительная промышленность (в 1960 г. ее удельный вес составлял 20,6% всей валовой продукции промышленности) производит различные станки и машины. Имеются возможности для удовлетворения своими силами потребности в оборудовании и сырье для развития каждой отрасли народного хозяйства. Тем самым в КНДР полностью ликвидирован колониальный, однобокий характер промышленности, создана прочная база индустриализации страны.

Наряду с развитием тяжелой промышленности развивается быстрыми темпами и легкая промышленность. Имеются возможности для удовлетворения населения в предметах широкого потребления. Быстрое развитие промышленности ускоряет подъем производственных сил деревни. Создана прочная материально-техническая база сельского хозяйства.

В основном решена задача по водоиспользованию, построена ирригационная система на площади более чем 800 тыс. *чонбо*. Успешно осуществляется механизация сельского хозяйства. В сельском хозяйстве имеется более 80 тыс. тракторов, большое количество грузовых автомобилей и других сельскохозяйственных машин. Быстрое развитие сельского хозяйства дало возможность решить продовольственную проблему в Северной Корее: по сравнению с 1946 г. валовый урожай зерновых культур в 1959 г. увеличился на 79%.

В результате активной борьбы народа за 5—6 лет КНДР превратилась в индустриально-аграрную страну.

Не ослабляя темпов строительства социализма, трудящиеся нашей страны за 6—7 лет превратят страну в развитое индустриальное государство. КНДР обгоняет по темпам промышленного развития капиталистические страны. За последнее пятилетие наша промышленность развивалась в 3—4 раза быстрее, чем промышленность Японии и обогнала ее в ряде важных отраслей. В недалеком будущем страна опередит Японию по производству продукции всех важных отраслей промышленности на душу населения. Эти успехи КНДР говорят о том, что в северной части страны создана прочная материальная база для быстрейшего восстановления разрушенного хозяйства и улучшения жизни населения Южной Кореи после мирного объединения Родины.

Трудящиеся Северной Кореи под руководством Трудовой партии добились крупных успехов в развитии социалистических производственных отношений. К августу 1958 г. все крестьяне были объединены в сельскохозяйственные кооперативы, завершены социалистические преобразования в городе. Таким образом полностью ликвидированы условия, порождающие эксплуатацию человека человеком.

Полная победа социалистических производственных отношений ускорила развитие производительных сил. На основе быстрого роста промышленности и сельского хозяйства повысился и уровень жизни трудя-

щихся масс. В 1959 г. реальная заработная плата рабочих и служащих превысила в 2 раза довоенный уровень. Установлена система бесплатной медицинской помощи. Значительно улучшилось по сравнению с довоенным периодом материальное положение крестьян. Тем самым впервые в истории нашей страны в основном разрешена проблема благосостояния человека, полностью ликвидированы безработица и нищета.

Большие успехи достигнуты в культурном строительстве. В 1956 г. осуществлено всеобщее обязательное начальное образование. КНДР первая из стран Востока в 1958 г. ввела всеобщее обязательное семилетнее образование. Успешно идет подготовительная работа по осуществлению технического обучения (девятилетка). В период японского колониального господства в стране не было ни одного высшего учебного заведения, а теперь их насчитывают шестьдесят три. 2,5 млн. учащихся, составляющие четверть всего населения, бесплатно обучаются в различных учебных заведениях. Многие из них получают государственные стипендии.

Имеется значительный прогресс и в развитии искусства и литературы.

Большая работа проведена по коммунистическому воспитанию трудящихся и разъяснению массам политики ТПК. На нашей свободной земле расцветает новая социалистическая культура.

Успехи, достигнутые трудящимися КНДР под руководством Трудовой партии в строительстве социализма, являют собой полную противоположность положению в Южной Корее, оккупированной американскими войсками. В результате пятнадцатилетней колониальной грабительской политики США Южная Корея превратилась в рынок сбыта залежалых военных и других американских товаров. Они составляют 63% в товарообороте Юга. Удельный вес американского капитала в финансах Южной Кореи составляет более 30%.

Таким образом резко ограничивается самостоятельное развитие экономики Южной Кореи, особенно ведущих отраслей промышленности, почти уничтожены отрасли металлургической, машиностроительной и химической промышленности. Снабжение промышленности Южной Кореи сырьем на 85% зависит от США. Выпуск промышленной продукции снизился по сравнению с периодом японского колониального режима на 21%. В настоящее время из-за сырьевых и финансовых затруднений около 60% мелких и средних предприятий либо закрылись, либо сократили свое производство. На основе проведенных выборочных исследований видно, что во втором полугодии 1958 г. из 5251 фабрик и заводов, производивших 45 различных видов продукции, 56,9% совсем закрыты или не действуют. Даже из официальных южнокорейских данных видно, что в марте 1958 г. число шахт и рудников, на которых прекращена добыча, достигает 80%. В 1958 г. уровень производства обрабатывающей промышленности снизился на 63% по сравнению с 1940 г. В 1958 г. в Южной Корее по сравнению с Северной на душу населения приходилось не более 1/12 электроэнергии, 1/49 стали, 1/10 цемента.

По сравнению с японским колониальным периодом площади пашен уменьшились на 190 тыс. *чонбо*, посевная площадь на 440 тыс. *чонбо*; производство зерна сократилось на 20%, хлопка-сырца на 80%. Поэтому прежняя житница страны — Южная Корея вынуждена ежегодно ввозить зерно из-за границы. Только в 1958 году импортировано свыше 1 млн. тонн зерна. В настоящее время в Южной Корее 72,4% всех крестьянских дворов — это мельчайшие хозяйства, имеющие каждое не больше 1 *чонбо* земли. Банкротство экономики ведет население Южной Кореи к бедности и разорению. Быстро увеличивается армия безработных и полубезработ-

ных; число полностью безработных достигло 1,5 млн. Реальная заработная плата рабочих за последние 4 года снизилась на 20%, то есть сумма заработной платы составляет $^1/_3$ прожиточного минимума. Ежегодно 1—1,2 млн. крестьянских дворов не обеспечивают себя продовольствием. В 1958 г. задолженность каждого крестьянского двора составляла 60 тыс *хван*; в среднем в год 100 тыс. крестьянских семей бросают свое хозяйство. В настоящее время 20 тыс. рыбаков Восточного побережья оказались на грани голодной смерти. Свыше 80% выпускников высших учебных заведений лишены работы. Широкие массы трудящихся влачат нищенское существование. Стремясь к коренным изменениям условий жизни, они развернули борьбу против американских империалистов и их приспешников.

Факт существования Корейской Народно-Демократической Республики — рабоче-крестьянского государства, развивающегося по социалистическому пути, государства, где для каждого человека созданы все условия для счастливой жизни, вдохновляет трудящихся Южной Кореи в их борьбе за свободу и счастье.

Несмотря на бешеную пропаганду империалистических кругов США, в последнее время осуществляется массовое возвращение в Северную Корею соотечественников из Японии (к 1 августа 1960 г. в КНДР прибыло 33 392 человека). Из числа вернувшихся более 90% являются выходцами из Южной Кореи. В настоящее время трудящиеся Юга видят выход из создавшегося положения в воссоединении с Северной Кореей. Они связывают свои надежды и стремления к свободе и счастью с политикой и деятельностью Трудовой Партии, с успешным строительством социализма в Северной Корее.

Революционные выступления народных масс, охватившие районы Южной Кореи после Масанского восстания (март 1960 г.) сбросили предателя Ли Сын Мана с президентского кресла. Это открыло новые пути в борьбе за мирное объединение корейского народа.

В последнее время горячей поддержкой народных масс пользуются «Политические партии обновления», действующие на политической арене под лозунгами «За политическое и экономическое сотрудничество между Югом и Севером», «За мирное объединение Родины».

Несмотря на репрессии со стороны американских империалистов и их сообщников из верхушки «Демократической партии», борьба против реакции продолжает усиливаться, громче звучит голос народа, требующий мирного объединения Кореи. Пытаясь найти выход из экономического и политического кризиса, стремясь привлечь народ на свою сторону, марионеточное правительство в июле 1960 г. провело новые парламентские выборы. Но ставленники американских империалистов не имеют никакой поддержки у народа. Сопротивление народных масс Южной Кореи, и их борьба за коренное улучшение жизненных условий не могут быть остановлены никакими заговорами и маневрами со стороны реакции. Борьба рабочих и крестьян Южной Кореи пользуется поддержкой всех слоев населения. Международные отношения, соотношение сил мира и прогресса изменились в пользу корейского народа в его борьбе против американских империалистов и в осуществлении задачи мирного объединения Родины.

Могучий своим единством социалистический лагерь, во главе с Советским Союзом, наносит удары по политике «с позиции силы», проводимой империалистами США. Растет с каждым днем национально-освободительная борьба народов Азии и Африки.

Товарищ Ким Ир Сен сказал: «Растут наши силы, растут силы Советского Союза и всего социалистического лагеря, и США должны обязательно уйти из Южной Кореи, их пребывание не может быть более терпимо». Зрест именно такая революционная ситуация. В обстановке, когда соотношение сил сложилось в пользу мира и социализма, корейский народ отдает все силы дальнейшему укреплению революционно-демократической базы, строительству социализма в Северной Корее.

Всемерным укреплением дружбы с народами социалистического лагеря и всеми миролюбивыми народами мира корейский народ добьется вывода с родной земли американских империалистов и осуществит мирное объединение Родины.

По докладу выступили Г. Ф. Ким, И. И. Хван, Г. М. Торопов, Ф. И. Куликова, В. А. Ким, отметившие правильность положений доклада и необходимость разработки корееведами ряда важнейших вопросов современной экономики.

И. С КАЗАКЕВИЧ (*Москва*): РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ КОЛОНИАЛЬНОЙ КОРЕИ НА ПРИМЕРЕ ЭВОЛЮЦИИ АРЕНДНОЙ СИСТЕМЫ

В колониальной Корее, так же как и во многих странах Востока, эволюция отдельных видов издольной аренды отражала процесс становления капиталистических производственных отношений в сельском хозяйстве. Внутренняя сущность этого процесса состояла в отделении непосредственного производителя от орудий и средств производства, превращении его в наемного сельскохозяйственного рабочего, с одной стороны, и в превращении феодального землевладельца в капиталистического предпринимателя с другой. Следует отметить, что эволюция отдельных видов издольной аренды не проходит изолированно от общего процесса развития капиталистического способа производства, она связана с ним и обусловлена им. Только развитие капиталистического способа производства создает прямые условия и предпосылки для использования потенциально заложенных в отдельных видах издольной аренды возможностей перехода от феодальных производственных отношений к капиталистическим. Поэтому было бы ошибочным говорить об издольной аренде как о переходной форме хозяйства без учета общего уровня развития капитализма, то есть конкретно-исторических условий. В условиях колониальной Кореи вследствие общего низкого уровня развития капитализма виды издольной аренды, в которых наиболее полно использованы возможности перехода на путь капиталистического развития, характеризовали собой первую стадию развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве страны. Становление капиталистических производственных отношений шло в Корее на базе средневековой сельскохозяйственной техники — прямом наследии феодального способа производства.

Следует также отметить, что в Корее 30—40-х годов эволюция издольной аренды шла не только по пути превращения издольщика в сельскохозяйственного рабочего, а землевладельца в капиталистического предпринимателя. В небольших масштабах шел процесс превращения издольщика в капиталистического предпринимателя, а землевладельца — в простого получателя земельной ренты. Для колониальной Кореи харак-

терным и определяющим являлся первый вид эволюции издольной аренды. Развитие капитализма и связанное с ним развитие рынка, а также потребности экспорта явились толчком к росту товарного земледелия. В своеобразных условиях Кореи, характеризующихся наличием большого количества феодальных пережитков, эта «товаризация» крестьянских хозяйств могла носить принудительный характер и проходила под «руководством» помещиков и ростовщиков. Корейские помещики не могли сразу стать на путь капиталистического развития, в то же время старые формы аренды, обеспечивающие им 40—50% урожая, не могли их больше удовлетворить. Это неизбежно толкало землевладельцев на использование заложенных в издольной аренде возможностей увеличения товарного выхода продукции. Издольная аренда давала землевладельцам возможность получать наивысший доход по сравнению с другими видами аренды; оплата ее стала поглощать не только весь прибавочный, но и часть необходимого продукта. Качественно меняется характер ренты. Оставаясь по форме продуктовой, она в новых экономических условиях, связанных с развитием капитализма, могла включать в себя и некоторые черты, присущие капиталистическому способу производства, т. е. элементы прибыли на вложенный капитал, которые в издольном хозяйстве еще не отделяются от ренты.

30—40-е годы в колониальной Корее характерны значительным ростом сферы распространения издольной аренды. Так, с 1930 по 1940 г. число арендаторов-издольщиков в Корее увеличилось на 283 тыс. семей, а площадь арендованной земли почти на 80 тыс. *чонбо* [1]. Развитие издольной аренды в новых условиях предопределило различное для разных стадий вмешательство землевладельца в процесс производства в форме предоставления арендатору орудий и средств производства, денежных и семенных авансов, а также определенного контроля над производством. Сам по себе этот процесс знаменовал возникновение переходных видов хозяйств и начавшийся процесс перехода от феодальных производственных отношений к капиталистическим.

Внешне отличаясь друг от друга по количеству средств и орудий труда, предоставляемых землевладельцем своему арендатору, отдельные виды издольной аренды в своей внутренней сущности претерпевают значительные изменения. Однако на практике весьма часты случаи, когда тесное переплетение феодальных пережитков с чертами, присущими капиталистическому хозяйству, делает невозможным определить — имеем ли мы дело с отработками или капитализмом. Последнее обстоятельство чрезвычайно затрудняет четкое деление издольных форм аренды на определенные группы по степени их близости к капиталистическому хозяйству. Под отработкой мы понимаем здесь сохранившиеся от феодализма пережитки в виде частичной уплаты за землю работой. Отработки обычно производятся средствами производства самого арендатора, но это не обязательное условие. Об отработках, как пережитках барщины (отработочной ренты), писал в свое время В. И. Ленин в книге *Развитие капитализма в России*.

Однако исходя из бесспорного положения о том, что издольщина не представляет собой, с экономической точки зрения, единой системы, нам представляется возможным подразделить ее на три основных вида, связанных между собой цепью различных переходов.

Наиболее распространенным и простым видом издольной аренды в колониальной Корее являлась аренда, при которой землевладелец не принимал никакого участия в ведении хозяйства. Процесс производства осуществлялся мелким закабаленным крестьянином, применявшим свои орудия и средства производства. Землевладелец взимал за землю, сданную

в аренду, земельную ренту в форме доли урожая. Землевладелец предоставлял арендатору либо одну землю, либо землю с жильем. Арендатор применял свой сельскохозяйственный инвентарь, семена, свой труд. Возможно частичное привлечение арендатора, чаще его семьи к несельскохозяйственным работам в собственном хозяйстве землевладельца; последнее обстоятельство в глазах некоторых экономистов послужило основным доказательством того, что издольщина воспроизводит феодальные производственные отношения, хотя труд семьи арендатора, как правило, применялся вне сферы производства [2]. Урожай делился между землевладельцем и арендатором в отношениях: 3 : 7, 5 : 5, 6 : 4 и т. д., но как правило, он делился в отношении 5 : 5. Если арендатор пользовался для орошения земли водой помещика, доля последнего увеличивалась на 10—20%.

Подобный вид аренды земли в колониальной Корее был распространен повсеместно, независимо от способа взимания арендной платы, но в 30-х годах вытесняется другими видами.

Развитие товарного земледелия в Корее, наблюдавшееся в 20—40-х годах, постепенно вело к изменению старых феодальных видов аренды, существовавших со времен династии Ли, и к появлению новых видов издольщин, в которых землевладелец предоставлял арендатору не только землю, но и часть орудий и средств производства. Издольщик использовал в процессе производства часть собственных орудий и средств производства, а также необходимую рабочую силу. Существенным отличием второй группы издольной аренды от первой является определенное участие землевладельца в процессе производства. Это соучастие землевладельца и арендатора в процессе производства по своему экономическому содержанию представляет собой уже переходную форму хозяйства от феодального способа производства к капиталистическому. Примером издольщины второй группы может служить получившая широкое распространение в колониальной Корее и дожившая до наших дней в Южной Корее так называемая система трехдольной аренды. При этом виде издольщины землевладелец, кроме земли, предоставлял арендатору семена, удобрения, иногда скот или сельскохозяйственный инвентарь. Интересно отметить, что, например, удобрения и сельскохозяйственный инвентарь землевладелец раньше, до 20-х годов, арендатору, как правило, не предоставлял. Доля землевладельца в виде предоставляемых арендатору орудий и средств производства выражалась отношением 2 : 1, что давало две доли урожая в пользу землевладельца. Зависимость арендатора от землевладельца становилась настолько значительной, что самостоятельно он уже не мог осуществлять процесс производства. Выход товарной продукции в этом случае по сравнению с первым видом издольщины значительно увеличивался. К этой же группе можно отнести и ряд других видов издольщины, в которых черты перехода выступают более рельефно.

Рассмотрим один из наиболее интересных видов издольщины под названием *магин* [3]. Крестьянин, лишенный каких бы то ни было орудий труда, получал от землевладельца землю, жилище (землянка, шалаш), семена, продовольствие, удобрения, сельскохозяйственный инвентарь. Иногда его попечению поручался сад или огород землевладельца, за которым он ухаживал, выполняя все необходимые при этом работы; привлекался он также к различным работам в хозяйстве землевладельца. Формально землевладелец не устанавливал арендной платы. Перед арендатором ставилось условие, чтобы с арендованной земли он вернул землевладельцу после сбора урожая долги с процентами. После сбора урожая

арендатор возвращал долги, которые поглощали буквально весь урожай. Вследствие этого землевладелец тотчас же выдавал ему продовольствие и т. д. По существу арендатор-издольщик *магин* по своему положению мало чем отличался от сельскохозяйственного рабочего, хотя и не стал им еще полностью. Вид *магин* известен со времен появления династии Ли и может служить примером эволюции издольщины. В этом виде только в 20—30-х годах землевладелец стал предоставлять арендатору удобрения, сельскохозяйственный инвентарь.

Ярким примером перехода к прямому капиталистическому предпринимательству может служить вид издольной аренды, известный под названием *чинмочжак*. В Корее известны три разновидности этой аренды: *чундоди*, *чондоди* и *чундочжо*. Все три разновидности почти не отличались друг от друга.

Сущность этого вида издольщины сводилась к тому, что отдельные зажиточные крестьяне или горожане арендовали участки земли и организовывали производство на этой земле путем передачи в субаренду мелких участков. При этом субарендатор-издольщик, кроме участка, получал сельскохозяйственный инвентарь, продукты питания, удобрения, жилье. Осенью арендатор получал от своих издольщиков в счет погашения задолженности весь урожай, большая часть которого реализовалась им на рынке, остальная шла на выдачу семенных и продовольственных ссуд. Ссуды арендатора начинают в этом виде носить характер простой заработной платы за труд арендатора-издольщика. Лишенный полностью средств производства, субарендатор этого вида издольной аренды существовал за счет продажи своей рабочей силы. Интересен тот факт, что до первой мировой войны к подобной аренде никогда не прибегали горожане и очень редко зажиточные крестьяне.

Подобный вид аренды знаменует собой второй тип эволюции — превращение арендатора в капиталистического предпринимателя, а субарендатора-издольщика — почти полностью в сельскохозяйственного рабочего. Хозяйства подобного типа носят почти капиталистический характер. *Чинмочжак* получила некоторое распространение в провинции Хванхэдо (по старому административному делению).

Дальнейшая эволюция системы издольной аренды, длительное существование которой обусловливается и закрепляется аграрным перенаселением, ведет к полному превращению арендатора в сельскохозяйственного рабочего. Это является типичным для третьей группы издольщины, при которой все средства производства, включая землю и денежные авансы, сами по себе рассматриваемые в качестве специфической формы заработной платы, принадлежат землевладельцам, а издольщик превращается почти в наемного рабочего, оплачиваемого долей урожая. Этот тип хозяйства, на наш взгляд, является хозяйством капиталистического типа, развивающегося на основе наиболее низкого органического состава применяемого капитала, то есть в условиях типичных для колониальных стран с наличием больших феодальных пережитков в сфере сельскохозяйственного производства. В качестве примера подобного вида издольщины можно привести так называемую «переселенческую аренду», появившуюся в Корее только в колониальный период и связанную с освоением пустошей, залежей, целины.

Предприниматели, в роли которых часто выступали различные японские сельскохозяйственные компании, покупали у генерал-губернаторства большие участки, впоследствии сдаваемые ими в аренду по 1—2 *чонбо*. Арендатор вместе с землей получал жилье, семена, удобрения, скот,

продовольствие, денежный аванс, предметы потребления. Погашение ссуд начиналось с первого года. Компания или предприниматель ежегодно устанавливали ассортимент возделываемых культур, способ обработки земли, орошения, количество удобрений и следили за выполнением арендаторами этих условий.

В этом виде издольной аренды с наибольшей очевидностью проявляется капиталистический характер хозяйства, да и само ее зарождение отражало потребности развития товарного хозяйства рынка. Эта форма издольной аренды особенно отчетливо свидетельствует о процессе отделения непосредственного производителя от орудий и средств производства. Землевладельцы и различные сельскохозяйственные компании, например в 30-х годах, сдавали землю в аренду только тем крестьянам, которые были полностью лишены как земли, так и всех орудий и средств производства.

Подобный путь наиболее типичен для капиталистической эволюции класса помещиков в колониальной Корее.

Аграрная реформа в Южной Корее 1951 г. не уничтожила, а только сократила сферу распространения издольной аренды, но капиталистическая эволюция класса помещиков все же значительно ускорилась. Вопреки официальным утверждениям, в южнокорейской деревне сохранилась издольная аренда земли. Правда, статистика ее не учитывает, ибо она развивается в скрытых формах, в обход положений земельного закона, но по некоторым данным можно судить о ее масштабах. Так, в 1954 г. арендовало землю около 21% крестьянских хозяйств [4]. Капиталистические тенденции в сельском хозяйстве Южной Кореи проявляются в росте батрачества. С 1951 по 1954 г. число сельскохозяйственных рабочих выросло с 4—5% до 15—20% деревенского населения.

Аграрная реформа 1951 г. в Южной Корее усилила процесс экспроприации крестьянства и превращения его в основной массе в класс наемных сельскохозяйственных рабочих.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ин Чжон Сик, *Тёсэн-но ноге кико* (*Структура сельского хозяйства Кореи*), Токио, 1939, стр. 62.

1 *чонбо*=0,99 *га*.

[2] См. «Революционный Восток», № 5, 1934, стр. 96—104.

[3] *Магин* (кор. яз.)—человек, живущий в землянке, шалаше.

[4] *Адзиа сэйдзи кэйдзай нэнкан* (*Политико-экономический ежегодник Азии*). Токио, 1956, стр. 225.

По докладу выступили В. М. Мазуров, Пак Си Хён, Г. М. Торопов, Г. Ф. Ким.

Г. Ф. КИМ, Г. Д. ТЯГАЙ (*Москва*): СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКЕ КОРЕИ

Советское кореесведение является продолжателем лучших, подлинно научных традиций русского востоковедения. Начало научному изучению в России истории корейского народа было положено трудами выдающегося русского востоковеда первой половины XIX в. Н. Я. Бичурина (Иакинфа). В его книге *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии*

в древние времена немало страниц, написанных по материалам китайских династийных хроник, посвящено древней и средневековой истории народов Корейского полуострова с первых веков н. э. до IX в.[1].

Во второй половине XIX в. русские ученые, писатели, дипломаты, представители деловых кругов, побывавшие в соседнем Корейском государстве, создали ряд интересных трудов по Корее. Русские путешественники, будучи в большинстве случаев проводниками политики царского правительства, допускали в своих работах известную тенденциозность. Однако в записках и мемуарах они правдиво рассказали о тяжелой доле талантливого и трудолюбивого корейского народа и об его самоотверженной героической борьбе за независимость родины [2]. Работы русских, побывавших в Корее, способствовали появлению первых научных трудов, в которых обобщались имеющиеся знания по этой стране. В 1900 г. было издано *Описание Кореи* в трех томах, явившееся своеобразной энциклопедией по истории, экономике, географии и этнографии этой страны. Так создавалось русское кореесведение, блестящим представителем которого был крупнейший ученый Н. В. Кюнер, работавший и в советское время [3].

Дореволюционное русское кореесведение, стоявшее в целом на позициях буржуазной методологии, недостаточно внимания уделяло вопросам социально-экономического развития страны, а также не могло дать правильную оценку освободительной борьбе корейского народа.

После Великой Октябрьской социалистической революции кореесведение, как и прочие науки, стало развиваться на подлинно научной марксистско-ленинской основе.

Политика молодого Советского государства, решительно выступившего против всякой национальной и расовой дискриминации, создала благоприятные условия для развития советской востоковедческой науки, в частности кореесведения.

Историю развития советского кореесведения можно разделить на два основных периода; первый — 1917—1945 гг. и второй — с 1945 г. по настоящее время.

В первый период в кореесведении еще не выделились отдельные отрасли. Оно развивалось как страноведение с историко-экономическим уклоном. Центром научного изучения Кореи был Коммунистический университет трудящихся Востока и его печатный орган — сборники «Материалы по национально-колониальным проблемам». На развитии советского кореесведения в этот период сказалось отсутствие непосредственных связей между СССР и колониальной Кореей, что затрудняло поступление необходимых источников. Однако, несмотря на все трудности, в этот период появилось много работ по Корее, хотя не было крупных обобщающих трудов. В 20—30-е годы в основном издавались небольшие брошюры [4]. Кроме того, на страницах периодических изданий — «Материалы по национально-колониальным проблемам», «Революционный Восток», «Тихий океан», «Новый Восток», «Мировое хозяйство и мировая политика» и др. — печатались статьи, посвященные борьбе корейского народа за национальную независимость, социально-экономическому положению трудящихся, формам и методам колониального порабощения. Наиболее значительной работой этого периода можно считать книгу Н. Кима, анализирующую положение страны и ее народа в период японского колониального господства [5].

Советские специалисты в своих работах, посвященных Корее, исходили из национальной политики Коммунистической партии и Советского

государства, воплотившей в жизнь ленинские принципы пролетарского интернационализма и открывшей новую эпоху во взаимоотношениях между народами. Эти труды советских востоковедов способствовали формированию кадров марксистов в колониальной Корее. Написанные по свежим следам событий, происходивших в Корее, эти работы до сих пор не утратили своего значения. Они, с одной стороны, дают в целом правильную оценку положения в стране, а с другой — содержат большой ценный для исследователей материал [6].

Характеризуя работы советских кореееведов первого периода, необходимо отметить также, что они носили серьезный научно-исследовательский характер, отличались политической остротой и злободневностью тематики. В 1945 г. началась новая эра в истории корейского народа, освобожденного от многолетнего колониального рабства. Корейский народ под руководством славной Трудовой партии создал свою народно-демократическую республику и с огромным творческим подъемом строит социализм, неутомимо борясь за мирное объединение страны.

Наступил новый период и в развитии советского кореееведения. Победа народно-демократической революции и грандиозные успехи строительства социализма в КНДР вызывают живой интерес советской общественности, с неослабевающим вниманием и симпатией следящей за жизнью братского корейского народа. Советский читатель ждал книг, всесторонне освещающих жизнь корейского народа. После 1945 г. стали подготавливаться кадры квалифицированных специалистов — историков, экономистов, языковедов, литературоведов — из студентов и аспирантов в крупнейших научных центрах страны — на историческом факультете МГУ (с 1956 г. в Институте восточных языков при МГУ), на Восточном факультете Ленинградского государственного университета, до 1954 г. в московском Институте востоковедения, а затем в Институте международных отношений.

Научно-исследовательская работа по изучению истории, экономики, литературы и языка Кореи проводится главным образом в Институте народов Азии (Институте востоковедения) АН СССР, где с 1956 г. был создан специальный сектор Кореи, занимающийся изучением истории, экономики, литературы и языка этой страны.

Сразу же после 1945 г. основной проблемой научно-исследовательской работы стали вопросы новейшей истории.

В первые годы после освобождения Кореи на страницах многочисленных журналов печатались популярные и научно-исследовательские статьи и издавались брошюры, которые должны были познакомить советского читателя с различными сторонами борьбы корейских трудящихся за построение социалистического общества [7].

В 1951—1952 гг. появились монографии И. Кравцова *Агрессия американского империализма в Корее (1945—1951 гг.)*, М., 1951, 440 стр. и Е. А. Пигулевской *Корейский народ в борьбе за независимость и демократию*, М., 1952, 360 стр. Несмотря на существенные недостатки этих первых больших книг по Корее, несомненным достоинством их является то, что в них история корейского народа после освобождения от колониального гнета была освещена с достаточной полнотой.

В 1954 г. в сборнике под названием «Корейская Народно-Демократическая Республика» была сделана попытка обобщить накопленные знания по различным отраслям кореееведения — истории, экономике, географии и языку, а также познакомить советского читателя с различными сторонами внутриполитической и международной жизни Корейского государства после освобождения [8].

В 1958—1959 гг. Ф. И. Шабшиной были опубликованы *Очерки новейшей истории Кореи* в двух частях [9]. *Очерки новейшей истории Кореи* — значительный научный труд, в котором с правильных методологических позиций исследуется важнейший период в истории этой страны на основе изучения обширного фактического материала, в основном из корейских источников. В первой части *Очерков* автор касается таких важных проблем, как формирование и рост корейского пролетариата, его роль в освободительном движении, распространение марксизма в Корее, роль национальной буржуазии в освободительной борьбе, вопросы крестьянского движения, формы и методы колониального порабощения. Вторая часть *Очерков* охватывает период 1945—1953 гг. и посвящена изучению строительства социализма в КНДР.

Проблема строительства социализма находится в центре внимания советских исследователей, занимающихся изучением экономики Кореи. Они опубликовали ряд работ, посвященных экономическому строю КНДР, индустриализации, вопросам переустройства сельского хозяйства [10].

Советские историки много внимания уделяют изучению положения в Южной Корее, главным образом освободительной, антиимпериалистической борьбе народных масс и экономическому положению юга страны. Однако всестороннее исследование проблем Южной Кореи затруднено из-за недостатка материалов. Этим объясняется отсутствие специальных обобщающих монографий по Южной Корее. До сих пор издавались лишь отдельные научно-исследовательские статьи по различным вопросам положения в Южной Корее [11]. Кроме того, Южная Корея освещалась во всех общих работах, посвященных изучению Кореи после ее освобождения в 1945 г.

В 1959 г. был опубликован коллективный труд московских кореееведов *Южная Корея. Экономическое и политическое положение (1945—1958 гг.)*, который является первой попыткой обобщить накопленные материалы, осветить некоторые политические и экономические проблемы южнокорейской действительности.

После второй мировой войны корейский вопрос занял важное место в мировой политике. Поэтому изучение корейского вопроса в системе международных отношений после 1945 г. стало одной из ведущих тем советских специалистов [12].

Центральной темой историков, занимающихся новой и новейшей историей Кореи, является история революционной борьбы корейского народа. Работы советских историков по этому вопросу убедительно доказывают, что корейский народ обладает богатыми революционными традициями и что в его славном историческом прошлом основное место принадлежит самоотверженной борьбе против национального и социального угнетения.

Специальные монографии посвящены крупнейшим в новой и новейшей истории антиимпериалистическим вооруженным выступлениям [13] корейского народа — крестьянскому восстанию 1893—1895 гг. и народному восстанию 1919 г., оказавшим серьезное влияние на все дальнейшее развитие борьбы трудовых масс страны против гнета иноземных и местных эксплуататоров. Работы В. М. Мазурова, *Антияпонская вооруженная борьба корейского народа 1931—1940 гг.*, М., 1958 и ряд других показывают, что кульминационным пунктом этой борьбы является антияпонская вооруженная борьба корейского народа за период с 1931 по 1945 г.[14].

Изучение революционных традиций корейского народа ведется в непосредственной связи с исследованием уровня развития производительных

сил и производственных отношений, а также экономического положения трудящихся на разных этапах развития страны [15].

Особое внимание в работах советских кореееведов, изучающих экономику страны до освобождения, уделяется анализу социально-экономических предпосылок корейской народно-демократической революции. Изучению аграрных отношений в Корее накануне второй мировой войны посвящена книга И. С. Казакевича [16]. В ряде работ исследуется экономическое положение страны в период мирового экономического кризиса [17].

Созданная за последние годы серьезная кореееведческая база дала возможность перейти к исследованию средневековой и древней истории Кореи, ранее почти совершенно не изучавшимся в нашей стране. Основной темой исследования древней истории Кореи стало разложение первобытно-общинного строя и возникновение классового общества, а также проблема существования рабовладельческой формации и генезиса феодализма в период трех государств.

В основе исследования историками Кореи средних веков лежит проблема изучения особенностей феодализма, распада государственной собственности на землю и развитие частной феодальной собственности.

Говоря об изучении древней и средневековой истории Кореи, необходимо отметить труды М. Н. Пака. На основе глубокого изучения работ корейских историков периода трех государств и более поздних первоисточников он впервые в советской кореееведческой науке выступил с важными работами по этим разделам истории Кореи [18].

Советские специалисты приступили к публикации корейских исторических памятников древней и средневековой истории. В 1959 г. М. Н. Паком был опубликован перевод сочинения историка XII в. Ким Бу Сика *Самгук саги* (*Исторические записи трех государств*) с вступительной статьей и комментариями. *Исторические записи трех государств*, которые были составлены в 1145 г., включают древние письменные источники (летописи, хронологию, различные описания и биографии) и имеют исключительно важное значение для изучения ранней истории корейского народа. На основе изучения первоисточников написаны диссертации по древней и средневековой истории Кореи Р. Ш. Джарылгасиновой *Древнее государство Когурё. Историко-этнографический очерк* (*Самгук саги*, ч. II) и Ю. В. Ванина, *Феодальная Корея в XIII—XIV вв.* (*Корёса. Тхонгук Ихенгам*).

На изучение Кореи в СССР после 1945 г. большое и плодотворное влияние оказало развитие науки в КНДР. Трудовая партия и правительство КНДР огромное значение придают созданию подлинно марксистской исторической и экономической науки, а также литературоведения. Корейские историки и экономисты с большим творческим подъемом создают труды, в которых освещаются грандиозные победы, одержанные корейским народом в деле строительства социализма. Одновременно они работают над книгами по различным периодам корейской истории, в которых поднимаются сложнейшие социально-экономические проблемы древней и средневековой истории Кореи, восстанавливается правда о героическом прошлом корейского народа.

Большая научная работа проводится в институтах истории, экономики, языка и литературы Академии наук КНДР. Ученые КНДР за короткий срок создали марксистские обобщающие работы по истории страны, ее экономике, литературе [19].

На состоянии и развитии советского корееведения, естественно, не могли не отразиться эти крупные успехи гуманитарных наук в КНДР. Более того, с первых дней развития демократической Кореи советские кореееведы трудятся в тесном научном сотрудничестве с учеными новой Кореи. В этом одна из качественных особенностей развития советской кореееведческой науки как части социалистической культуры, обогащающейся на базе взаимовлияний.

В настоящее время, по нашему мнению, усилиями кореееведческой науки КНДР и СССР, а также и других стран можно считать решенными многие сложные вопросы, относящиеся к периоду новой и новейшей истории Кореи, — борьба держав за Корею, освободительная и антифеодальная борьба корейского народа, формы и методы колониального порабощения корейского народа, а также отдельные проблемы строительства социализма в Корейской Народно-Демократической Республике. Однако не все сказано и по этим вопросам.

Усилия ученых обеих стран в настоящее время направлены на изучение наиболее актуальных вопросов новейшей истории и проблем социалистического строительства. Если к этому добавить крупные успехи корейских ученых в изучении проблем раннего и позднего феодализма, то можно утверждать, что для кореееведения вообще и для советского кореееведения в частности наиболее плодотворными были последние пятнадцать лет, т. е. второй период его развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. Н. Я. Бичурин (Иакинф), *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, т. I—III, М.—Л., 1950—1953.

[2] См. А. Г. Лубенцов, *Хамкенская и Пхиенанская провинции Кореи*, Хабаровск, 1897; Сб. «По Корее. Путешествия 1885—1896», М., 1958; Л. А. Поджио, *Очерки Кореи*, СПб., 1898.

[3] См. Н. В. Кюнер, *Очерки Кореи*, т. 1—2, «Известия Восточного Института», т. XII, Владивосток, 1910—1912; Н. В. Кюнер, *Лекции по коммерческой географии стран Дальнего Востока*, Владивосток, 1906.

[4] См. В. Д. Виленский-Сибиряков, *В когтях японского империализма. Борьба корейского народа за независимость*, М., 1919, 16 стр.; Н. Ким, *Корея*, М., 1929, 37 стр.; Д. Рубинштейн, *Пробуждающаяся Корея*, М., 1927, 32 стр. и др.

[5] Н. Ким. *Под гнетом японского империализма*, Владивосток, 1926, 152 стр.

[6] Например: Цой Шен У, *Положение в Корее*, «Революционный Восток», 1930, № 8, стр. 210—219; А. Ф. Сперанский, *Национальное движение в Корее*, «Новый Восток», 1923, кн. 3, стр. 122—138; О. Плетнер, *К аграрному вопросу в Корее*, «На аграрном фронте», 1926, № 1, стр. 124—138; Сольц, *Революционное движение в Корее и оккупация Маньчжурии*, Сб. «Оккупация Маньчжурии и борьба империалистов», М., 1932, стр. 87—91.

[7] См. П. Крайнов, *Борьба корейского народа за независимость*, М., 1948, 104 стр.; Л. Перов, *Американская агрессия в Корее*, М., 1951, стр. 116; Б. В. Щетинин, *Возникновение народных комитетов в Северной Корее*, «Советское государство и право», № 4, 1947, Г. Ф. Ким, *Ведущая роль Трудовой партии в народно-демократической революции*, «Советское востоковедение», № 2, М., 1956.

[8] Г. Ф. Ким, *Корейский народ в борьбе за независимость и демократию*, М., 1957.

[9] Ф. И. Шабшина, *Очерки новейшей истории Кореи (1918—1945)*, М., 1959; Ф. И. Шабшина, *Очерки новейшей истории Кореи (1945—1953)*, М., 1958.

[10] См. Г. Ф. Ким, *Экономическое развитие Корейской Народно-Демократической Республики*, «Вопросы экономики», № 8, М., 1955; Г. В. Грязнов, *Восстановление и развитие промышленности в КНДР в послевоенный период (1953—1956)* и Н. М. Шубников, *О социалистическом переустройстве сельского хозяйства Корейской Народно-Демократической Республики*, Сб. «Корея», М., 1958; Л. Н. Каршинов, *Корейская Народно-Демократическая Республика*, «Экономика и внешняя торговля», Внешторгиздат, 1958; Б. Баянов, *Народная Корея на пути к социализму*, М., 1959.

[11] Г. Ф. Ким, *Некоторые данные об экономической агрессии американского империализма в Южной Корее*, «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», вып. XI, М., 1954; О. С. Сороко, *Экономическое положение в Южной Корее*, Сб. «Корея», М., 1958.

[12] См. В. В. Лезин, *Борьба Советского Союза за мирное демократическое решение корейского вопроса*, Сб. «Корейская Народно-Демократическая Республика», М., 1954; Г. Тавров, *Корейский вопрос*, «Международная жизнь», № 2, М., 1956; Г. Тавров, *Корейский вопрос после второй мировой войны*, «Советское государство и право», № 7, 1950 и др.

[13] См. Г. Д. Тягай, *Крестьянское восстание в Корее в 1893—1895 гг.*, М., 1953; Г. Д. Тягай, *Народное движение в Корее во 2-й половине XIX в.*, М., 1958; Ф. И. Шабшина, *Народное восстание 1919 г. в Корее*, М., 1958; Статьи: М. Хан, *Освободительная борьба корейского народа в годы японского протектората (1905—1911)*, С. А. Хан, *Участие корейских трудящихся в гражданской войне на русском Дальнем Востоке (1918—1922)*, Сб. «Корея», М., 1958; М. Н. Пак, *Октябрьская революция и национально-освободительное движение в Корее*, «Научные доклады высшей школы», сер. Ист. науки, 1958, № 1 и др.

[14] В. М. Мазуров, *Антияпонская вооруженная борьба корейского народа (1931—1940 гг.)*, М., 1958.

[15] М. Н. Пак, *К характеристике социально-экономических отношений в Корее в конце XIX в.*, «Сборник статей по истории стран Дальнего Востока», М., 1952; В. И. Шипаев, *Колонизаторская политика японского империализма в Корее в области промышленности и сельского хозяйства*, Сб. «Корея», М., 1958 и др.

[16] И. С. Казакевич, *Аграрные отношения в Корее накануне второй мировой войны*, М., 1958.

[17] См. В. И. Шипаев, *Положение в Корее в период мирового экономического кризиса (1929—1933)*, «Краткие сообщения Института востоковедения», XXV, М., 1957.

[18] См. М. Н. Пак, *Возникновение и развитие феодализма в Тибете, Индокитае, Корее*, «Вопросы истории», 1957, № 6; «Всемирная история», т. IV, гл. 2, М. 1958.

[19] См. *Общая история Кореи*, т. 1—2, Пхеньян, 1957—1959; *История Кореи в средние века*, Пхеньян, 1954; *Общая история корейской литературы*, Пхеньян, 1959; *Развитие народного хозяйства КНДР*, Пхеньян, 1954—1955 гг. и др.

По докладу выступили Хён Ги Мун, То Ю Хо, высоко оценившие доклад и отметившие некоторые стороны советского корееведения, не нашедшие отражения в докладе (филология — работы А. А. Холодовича, Ю. Н. Мазура, археология — работы А. П. Окладникова, С. В. Киселева, Сосновского, и др.), а также В. В. Лезин, остановившийся на дальнейших задачах советского корееведения.

11 августа, утреннее заседание
Председатель Пак Си Хен (*Пхеньян*)

HELGA SCHULT (*Berlin*): DIE ERZÄHLUNGEN DES JUNGEN SONG JONG

Unter dem Einfluß der Oktoberrevolution begann sich in Korea die nationale Befreiungsbewegung zu entwickeln. Das erste Aufflammen brachte die Bewegung vom 1. März 1919, deren Initiator die koreanischen Studenten und deren Hauptträger die Bauern waren. Auch die bürgerlichen Nationalisten nahmen anfangs an dieser Bewegung teil. Sie mußte aber scheitern, weil die nationalen Kräfte der bewaffneten japanischen Übermacht keine organisierte, einheitlich wirkende Bewegung entgegenzusetzen hatten. Die Nationalisten verrieten die Bewegung, und die Aktionen der Studenten und Bauern waren zu zersplittert, um noch Hoffnung auf Erfolg zu haben. Das Proletariat als entscheidende Kraft im nationalen Befreiungskampf im Zeitalter des Imperialismus war in Korea erst im Entstehen begriffen. Mit der Nachricht vom siegreichen Verlauf der Oktober-

revolution kamen auch die Theorien des Marxismus-Leninismus nach Korea, und die entscheidende Lehre, die die revolutionären Kräfte unter Anwendung dieser Theorien aus dem Scheitern der Märzbewegung zogen, war die Erkenntnis, daß sie sich organisieren mußten. So entstanden Anfang der zwanziger Jahre in Korea die ersten illegalen marxistischen Zirkel und die ersten vereinzelten Arbeiterorganisationen.

Damit bekam auch die koreanische Literatur einen neuen Aufschwung und eine neue Richtung. Die jungen Schriftsteller, die zum großen Teil in Japan studiert oder gearbeitet hatten, brachten von dort die Ideen von der Parteilichkeit der Kunst und ihrer Rolle im Klassenkampf mit und begannen danach zu handeln. Die marxistische Einsicht in die Gesetzmäßigkeiten der Entwicklung der Gesellschaft half den Schriftstellern das Typische und Neue in der gesellschaftlichen Entwicklung zu erkennen und darzustellen. So entstand die Literatur der neuen Richtung (*Sin.kjong.hjang.p'a*).

Diese Richtung vertrat die Hinwendung zum Leben des Volkes, vor allem zu dem neu entstehenden Proletariat. Ihr Hauptthema waren die Armut und Rechtlosigkeit der arbeitenden Menschen und die Kritik an dem Wesen der Ausbeutung des kapitalistischen Systems, das diese Armut und Rechtlosigkeit erzeugte. Deshalb bezeichnet man diese Richtung als erste Stufe der koreanischen proletarischen Literatur und ersten Schritt zur Entstehung des sozialistischen Realismus. Die zweite Stufe begann mit der Bildung der Koreanischen Assoziation proletarischer Schriftsteller (KAPP, 1925), die sich ein revolutionäres Kampfprogramm gab. Das entsprach der Entwicklung der koreanischen Arbeiterbewegung, die zu dieser Zeit in das Stadium des einheitlich organisierten Kampfes eintrat.

Die Schriftsteller der Periode vor der Gründung der KAPP konnten sich nicht auf den organisierten Kampf der Arbeiterklasse stützen und so also nicht der ästhetischen Forderung des sozialistischen Realismus entsprechen, als positive Helden ihrer Werke revolutionäre Kämpfer in Verbindung mit dem Kampf der werktätigen Massen zu gestalten. Ihre Helden waren allein und isoliert handelnde Menschen, denen sie aber durch ihre Kenntnis der sozialistischen Ideale die ethischen Anschauungen dieser revolutionären Helden verleihen konnten. Sie treten aus der Menge der anderen heraus und leisten privaten Widerstand gegen die kapitalistische Ausbeutung. Sie genießen die Achtung und das Vertrauen der Menschen ihrer Umgebung und werden so zu Vorbildern, zu den Menschen der neuen Zeit. Alle diese Helden sind vom Geist des Widerstandes erfüllt, und der Leser gewinnt die Überzeugung, daß sie sich sofort der Widerstandsbewegung angeschlossen hätten, wenn sie schon vorhanden gewesen wäre.

Die sozialistischen Ideale brachten die Schriftsteller hauptsächlich in den Träumen und Gedanken ihrer Helden von einer glücklichen Zukunft und ihrer Teilnahme am Kampf dafür zum Ausdruck. Betrachtet man nun die Erzählungen des Schriftstellers Song Jong aus den zwanziger Jahren, so kann man diese Entwicklung ganz klar verfolgen.

Song Jong wurde 1903 als Kind einer Beamtenfamilie in So-ul geboren. Er besuchte eine Oberschule, wurde aber wegen seiner Teilnahme an den Demonstrationen der Studenten und Schüler 1919 aus der Schule ausgeschlossen. Nun arbeitete er als Transportarbeiter, Postarbeiter u. a. und in Tokio auch als Fabrikarbeiter. Dort kam er zuerst mit den Schriften von Marx und Lenin in Berührung. Nach seiner Rückkehr nach Korea im Jahre 1923 gründete er zusammen mit anderen jungen Schriftstellern die «*Jom. kun.sa*» (*Agentur der Flamme*), die als erste proletarische Schriftstellerorganisation in Korea gilt.

Im Jahre 1925 gehörte er zu den Gründern der KAPP und nahm durch seine theoretischen Schriften und literarischen Werke ständig am nationalen Befreiungskampf teil.

Seine Erzählungen kann man meiner Ansicht nach in 3 Entwicklungsstufen teilen, die sich qualitativ nach der Entwicklung der Revolution und seiner eigenen Teilnahme daran unterscheiden. Zur ersten Gruppe gehört als erste bedeutende Erzählung die im Jahre 1924 erschienene *Wachsende Menge* (*Nyr.o.ka.nyn mu.ri*). Diese Erzählung trägt stark autobiographischen Charakter, denn er schildert in ihr das Leben eines koreanischen Hilfsarbeiters in Japan. Dieser junge Koreaner hat seine Familie verlassen, weil er hofft, in Japan eine bessere Arbeit zu finden. Jetzt arbeitet er in Tokio auf einem Bauplatz zusammen mit vielen anderen koreanischen und japanischen Arbeitern. Der Autor verwendet viel Raum auf die Beschreibung der schlechten Arbeits- und Lebensbedingungen in den Hütten der Bauarbeiter und zeigt, wie sie durch die schwere Arbeit zu Maschinen werden und wie stumpfsinnig ihre Interessen nur noch dem Essen und dem Kartenspiel am Abend gelten.

Diesen Arbeitern stellt er den koreanischen Meister als kleinen Ausbeuter im Dienste der größeren japanischen gegenüber. Die besonders raffinierte Ausbeutung kommt in der Tatsache zum Ausdruck, daß er sogar das Essen an die Arbeiter verteilen läßt, um auch daran noch zu verdienen. Der Held der Erzählung Syng.ho zieht sich am Abend, als die anderen Arbeiter stumpfsinnig in ihren Ecken hocken, zurück, um über seine Weltanschauung, seine Hoffnungen und seine Teilnahme an dem zukünftigen Sieg nachzudenken. Er träumt davon, das Bewußtsein der Arbeiter zu wecken, sie fest zusammen zu schließen und sie zum Kampf zu führen. An seinem Auge zieht eine ständig wachsende Menge von empörten Arbeitern vorüber.

Diese kurze Erzählung beschränkt sich hauptsächlich auf die Schilderung des Milieus und der Grausamkeit der Ausbeutung sowie der Gedanken des Helden. Seine Gedanken, die aus den widerwärtigen Lebensbedingungen entspringen, bringen das Hauptanliegen des Autors zum Ausdruck, die arbeitenden Menschen aus ihrer fatalistischen Stimmung zu reißen und sie zum Kampf zu mobilisieren. Er zeigt, daß er noch keinen aktiven Widerstand erlebt hat, und sich deshalb auf seine Gedanken beschränken muß, weil er sie nicht einmal jemand anvertrauen kann.

Zur zweiten Gruppe kann man die Erzählungen *Der Hochofen* (*Jong. koang.ro*, 1925), *Die Menge bleibt stehen* (*Kun.dsung dsong.rju*, 1927) und *Der Abend des Freudentages* (*Ki.ppyn nar.dso.njok*, 1928) rechnen.

Betrachten wir als Beispiel den *Abend des Freudentages*. Diese Erzählung ist die kurze Darstellung eines Vorganges ohne Helden. Der Freudentag ist für die Frauen der Fischer der Tag, an dem ihre Männer gesund vom Fischfang zurückkommen. Da aber in den vergangenen Jahren die Stürme viel Unglück über das Dorf gebracht haben, sind die Fischerfamilien tief verschuldet, und die Gläubiger nehmen den Fischern den unter schweren Gefahren erbeuteten Fang ohne Bezahlung aus den Booten fort, so daß sie wieder von neuem Schulden machen müssen. Aber diesmal begehren die Fischer auf, und es kommt zu einem Handgemenge, das jedoch mit einer Niederlage der Fischer endet. So sitzen am Abend des Freudentages die Frauen allein weinend in den Hütten, und in den Booten liegen die Fetzen der zerrissenen Netze.

Am Schluß fügt der Autor nur die Bemerkung an, daß in allen Ecken die Stimmen flüstern: «Der Weg ist weit, aber bald. . .». In dem spontan

ausbrechenden Widerstand der Fischer will der Autor seinen Landsleuten zeigen, daß es Menschen gibt, die der Ausbeutung nicht tatenlos und demütig gegenüberstehen. Die gleiche Tendenz kommt auch in den beiden anderen Erzählungen aus dem Leben der Bauern und der koreanischen Arbeiter in Japan zum Ausdruck. Hier gestaltet der Autor Menschen, die selbst vom Geiste des Widerstandes erfüllt sind und durch ihr Beispiel die anderen zum spontanen Widerstand begeistern.

Zu den Erzählungen der letzten Gruppe ist zu sagen, daß sich hier schon deutlich der organisierte Kampf der Schriftsteller, gestützt auf die entstehende organisierte Arbeiterbewegung, bemerkbar macht. Sie dienen der Darlegung der marxistischen Ideen vom Klassenkampf und von der Einheit der Arbeiterklasse.

In der ersten von beiden, dem *Delegierten der Steinarbeitergewerkschaft* (*Sok.kong.dso.hap.tä.p'jo*, 1926), wird erzählt von dem Kampf der organisierten Arbeiterschaft gegen die Schikanen der Fabrikbesitzer. Auf einem P'jongjanger Steinbruch am Ufer des Tädonggang klopfen, beschlagen und gravieren die Arbeiter Grabsteine, während auf der Uferpromenade die reichen Frauen spazierengehen und die Mädchen singen. Der Autor fragt, woraus entstehen diese Widersprüche? Aus sich heraus? Durch höhere Gewalt? Nehmen wir das Schicksal des Steinarbeiters Tsang.ho! Er ist ein Mann von 20 Jahren mit einer jungen Frau, die in einer Gummifabrik arbeitet, und einem einjährigen Söhnchen. Sein Vater ist Gärtner beim Besitzer des Steinunternehmens. Bei seiner Arbeit denkt er oft darüber nach, in was für einer elenden Lage er sich befindet, aber auch wie er sich an dem Kampf für den Nutzen aller beteiligen kann. In So-ul soll eine Tagung der Steinarbeitergewerkschaft stattfinden, zu der er als Delegierter seiner Gewerkschaftsorganisation fahren soll. In einer Versammlung haben ihm seine Kollegen einmütig ihr Vertrauen ausgesprochen. Am Tage vor seiner Abfahrt läßt ihn der Chef zu sich rufen und sagt ihm, daß es böse Folgen für ihn und seinen Vater haben würde, wenn er zu der Tagung fährt. Aber Tsang.ho bleibt fest. Durch die Beschreibung seiner Familie und seines Hauses weist der Autor nachdrücklich auf die Armut dieser schwer arbeitenden Menschen hin. Seine Frau muß in der Gummifabrik sehr schwer arbeiten, und auch das Kind muß auf ihrem Rücken die ungesunde Luft der Werkhallen mit einatmen. Das Haus, in dem sie wohnen, ist eigentlich nur als Schlaf- und Aufenthaltsraum für den Gärtner des Fabrikbesitzers gedacht, und es ist eine besondere Gnade des Fabrikbesitzers, daß er seine Kinder auch dort wohnen läßt. Tsang.ho hat einen Freund, der mit ihm zusammen arbeitet. In den Gesprächen der beiden kommt wieder ihr Widerstandsgeist zum Ausdruck und ihr Wille, lieber im Kampf mit den Kapitalisten zu sterben als sich ohne Widerstand ausbeuten und unterdrücken zu lassen. Fünf Tage nachdem Tsang.ho nach So-ul gefahren ist, kommt der Fabrikbesitzer in das Gärtnerhäuschen, kündigt dem alten Vater seine Stellung, jagt ihn und die Familie aus dem Hause und läßt die Frau bei dem Vater, den er halbtot geschlagen hat, weil er es gewagt hatte, gegen diese Behandlung aufzubegehren, verzweifelt zurück.

Hier zeichnet Song Jong wieder die Gestalt eines Helden des revolutionären Kampfes, aber diesmal kommt er meiner Ansicht nach der Forderung des sozialistischen Realismus in bezug auf den positiven Helden nach. Denn dieser Pak kann wirklich zum Beispiel für alle Arbeiter werden und ihnen den Weg in die Zukunft zeigen. Besonders stark hervorgehoben sind seine Furchtlosigkeit gegenüber dem Chef, seine Liebe zu seiner Familie und seine Opferbereitschaft.

Die Erzählung *Der indische Soldat* (*In.to pjong.sa*, 1928) spielt in China zur Zeit des vereinten Kampfes der Kommunistischen Partei und der Kuomintang gegen die Militärcliquen in den Provinzen. Die Truppen des Nordfeldzuges haben Wuhan und Hankau von der Militärclique befreit und feiern den Einzug der Nationalregierung in der Stadt. Der Zorn der begeisterten Menge richtet sich gegen die ausländischen Imperialisten in China, besonders gegen die Engländer und Japaner. Ein junger Kommunist namens Dsin Yng.si marschiert an der Spitze der Demonstranten zum internationalen Settlement, zerbricht dort das Schild «Für Chinesen und Hunde verboten!» und dringt mit der Menge in das nur noch von englischem Militär besetzte Settlement ein. Die englischen Soldaten eröffnen das Feuer, töten viele Demonstranten und die jungen Kommunisten werden schließlich von einem Trupp indischer Soldaten im Dienste der Engländer verhaftet und ins Gefängnis geworfen. Dsin Yng.si und seine Freunde werden gefesselt und im Gefängnis von indischen Soldaten bewacht. Er lockt einen indischen Soldaten zu sich heran und erzählt ihm, daß er in Shanghai indische Freunde hätte und daß sie, als sie über das Elend in China und Indien sprachen, sich gegenseitig versprochen hätten, immer vereint gegen den gemeinsamen Feind zu kämpfen. Er spricht mit dem Soldaten über das Elend, das beide Völker unter der Herrschaft des englischen Imperialismus erdulden müssen und überzeugt schließlich den Soldaten von dem Verrat an der Sache des indischen Volkes, den er durch seinen Dienst bei den Engländern begeht. Der indische Soldat öffnet die Zellen der Gefangenen und gemeinsam überwältigen sie die englische Wache. Sie zerreißen das rote Hemd von Dsin Yng.si und hängen es als Banner anstelle der englischen Fahne auf dem Dach des Gefängnisses auf, das in der Morgensonne des beginnenden Tages leuchtet.

Mit dieser Erzählung will der Autor den Koreaner zeigen, wie das chinesische Volk gegen die einheimischen und ausländischen Unterdrücker kämpft und tritt für die Solidarität aller kolonialen Länder ein. Der Kampf dieser chinesischen Kommunisten ist das Vorbild für den Kampf des koreanischen Volkes gegen seine ausländischen Unterdrücker.

Anhand dieser 3 Gruppen von Erzählungen wird deutlich, wie sich der Schriftsteller in den zehn Jahren vom passiven Widerstand lüstenden jungen Menschen zum bewußt kämpfenden proletarischen Schriftsteller entwickelt hat. Besonders die beiden letzten Erzählungen zeigen, wie er sich die Theorien des Marxismus-Leninismus zu eigen gemacht hat und wie er durch seine Schriften versucht, sie zu popularisieren und die Menschen in ihrem Sinne zu erziehen. Immer nahm er direkten Anteil an dem Geschehen in seinem Lande und sagte seine Meinung dazu. Mit seinen Erzählungen wollte er die Menschen auf die Mißstände und Widersprüche des kapitalistischen Systems aufmerksam machen und ihnen durch das Beispiel seiner Helden zeigen, was für Eigenschaften man sich aneignen muß, um ein revolutionärer Kämpfer zu werden. Seine ganze Liebe gilt diesen Heldengestalten, was in seinen Beschreibungen ihres Verhältnisses zu ihrer Familie und ihren Freunden besonders stark zum Ausdruck kommt.

Diese Entwicklung läuft parallel mit der Entwicklung der modernen koreanischen Literatur zu einer Literatur der proletarischen Parteilichkeit und der Teilnahme am Klassen- und nationalen Befreiungskampf entsprechend dem Aufstieg der Revolution in Korea von der ersten niederen Stufe des spontanen Widerstandes zur Stufe des einheitlich organisierten Kampfes.

По докладу выступили В. И. Иванова, Еременко, Ян Хён Сон.

М. И. НИКИТИНА, А. Ф. ТРОЦЕВИЧ (Ленинград): КОРЕЙСКИЙ РОМАН *«УДИВИТЕЛЬНОЕ СОЕДИНЕНИЕ ДВУХ БРАСЛЕТОВ»*

В Рукописном отделе Института востоковедения АН СССР в числе рукописей и ксилографов бывшей коллекции известного английского востоковеда В. Г. Астона находится рукопись романа *Удивительное соединение двух браслетов* 鸞釧奇逢 *Ссянъчхйэн кыйбонъ* (22 тетради). Рукопись написана корейским буквенным письмом. Время создания памятника и автор не обозначены.

Известные нам библиографические справочники и литературоведческие работы дают следующие сведения об этом романе.

В первом томе *Библиографии Кореи* Курана [1] под № 933 значится произведение под названием: *Ссянъчхйэн кыйбонъ* 鸞川奇逢 (?) [2] По-видимому, Куран непосредственно не был знаком с этой рукописью. В иероглифической записи названия второй иероглиф 釧 представлен только фонетической частью 川. Поэтому автором сделан неверный перевод заглавия: «Удивительная встреча двух рек» (Rencontre merveilleuse des deux fleuves).

О произведениях сходного жанра и о самом романе *Ссянъчхйэн кыйбонъ* упоминается в работе Ким Тхэ Чжуна *История корейской повествовательной литературы* [3], изданной в Сеуле в 1939 г. Однако автор ссылается здесь на библиографию Курана.

В работе Цой Хён Бэ *Изучение корейской письменности* [4] об этом романе ничего не сказано, хотя в ней дается подробное описание сохранившихся памятников (рукописей, ксилографов и старопечатных книг), написанных корейским буквенным письмом.

Отсутствуют указания на этот памятник и в работе Маэма Кё:саку *Каталог старых корейских книг* [5].

Не располагая, таким образом, какими-либо подробными сведениями об этом памятнике, попытаемся определить характер этого произведения и время его написания, исходя из данных самой рукописи.

Ссянъчхйэн кыйбонъ представляет собою исторический роман типа семейной хроники. Действие его происходит в Китае, в правление династии Мин и охватывает период с 1382 по 1572 г. Роман излагает историю пяти поколений дома Ли. Основатель этой семьи Ли Хён (по-китайски Ли Сянь) — историческое лицо. В начале династии Мин действительно жили два Ли Сяня. Один из них был приближенным императора Чэн-цзу (1403—1425 гг.), другой — приближенным императора Ин-цзуна (1457—1465 гг). Если сравнить биографии этих лиц, помещенные в *Большом словаре китайских имен* [6] с жизнеописанием Ли Хёна, представленным в *Ссянъчхйэн кыйбонъ*, можно убедиться в том, что в истории героя романа слились биографии двух лиц. В основу романа легли некоторые факты из жизни Ли Сяня — приближенного Чэн-цзу. Однако ему приписаны государственная деятельность, чины и звания другого Ли Сяня, жившего несколько позже. Автором был создан синтезированный, художественно переосмысленный образ героя, жизнь и деятельность которого стала основной сюжетной канвой начала романа.

Ссянъчхйэн кыйбонъ — многоплановое произведение со сложным и разветвленным сюжетом. Названием своим он обязан одной из второстепенных сюжетных линий, которая не занимает важного места в романе, а привносит лишь дополнительную занимательность. Это история соединения двух браслетов, принадлежавших семейству Ли. Некогда один

из золотых браслетов был потерян и впоследствии найден в семье Со. Браслеты были вновь соединены только через несколько поколений, когда сочетались браком юноша из семейства Ли и девушка из дома Со.

Действие романа развивается стремительно, повороты сюжета зачастую неожиданны, сюжетные комбинации остры и занимательны. Автор неистощимо изобретателен в придумывании сложных сюжетных ходов, иногда далеко уводящих от основной канвы романа. Ни одна из намеченных ранее ситуаций не повторяется, и все главные и дополнительные сюжетные линии имеют логическое завершение. В романе действие длится около двух веков, и перед читателем проходят десятки героев, с каждым из которых связана какая-нибудь занимательная история.

Основное внимание автора сосредоточено на действии, интриге, ситуации. Об этом свидетельствует отказ от ряда художественных приемов и средств, характерных для других прозаических жанров. Например, отсутствует развернутый пейзаж, нет подробных и красочных описаний внешности героев, детальных бытовых зарисовок и т. д. Описательный элемент сокращен до минимума, устранено все то, что отвлекает читателя от сложной и запутанной интриги.

Персонажи романа наделены чертами исключительности: они необычайно талантливы и красивы. Если это мужчина, то он либо выдающийся государственный деятель, ученый, либо талантливый полководец; если это женщина, то она непременно добродетельна и образованна.

В своем поведении герои, — особенно члены семейства Ли, — руководствуются конфуцианскими правилами «пяти отношений». Неоднократно, особенно в начале и в конце произведения, высказывается идея неизбежности возмездия в настоящей жизни за проступки в прошлых перерождениях. Человеку заранее предначертано в этой жизни либо терпеть мучения, либо жить в довольстве независимо от того, чего он хочет и добивается сам — судьба его предопределена. Однако, несмотря на тесные рамки, в которые поставлена человеческая личность в романе, герои решительны и самостоятельны в своих поступках, которые иногда идут вразрез с нормами феодальной морали. Так, одна из главных героинь — Лю, действуя на свой страх и риск, принимает подчас решения вместо своего мужа Ли Хёна.

Роман по существу отражает жизнь людей во всей ее сложности; человек сам находит выход из создавшихся трудностей; фантастические силы не вмешиваются в судьбы героев. Так, госпожа Чин, изгнанная несправедливо из дома, не водворяется обратно волей мужа или государя. Она сама растит сына и дает ему образование. Справедливость не восстанавливается вмешательством чуда или волей мудрого правителя. Сын, выросший без отца и не имеющий влиятельной поддержки, добивается высокого положения и дружбы родственника императора лишь благодаря собственным талантам, уму и прозорливости [7].

Роман *Удивительное соединение двух браслетов*, излагающий события из истории Китая, представляет собой, по-видимому, оригинальное корейское произведение. Как известно, перенесение места действия в Китай является одной из традиций корейской литературы (например, произведения Ким Ман Чжуна *Скитания госпожи Са по Югу*, где действие происходит в Китае эпохи Мин. *Облачный сон девяти*, где также действие происходит в Китае эпохи Тан, или новеллы Пак Чи Вона (1737—1805 гг.). Кроме того, в романе есть целый ряд признаков, отличающих его от китайских произведений этого жанра. Китайский роман, как правило, разбит на главы, в *Ссянъчхйэн кыйбонъ* такое деление отсутствует. Затем китайский

роман обычно имеет пролог; *Ссянъчхйэн кыйбонъ* начинается прямо с изложения событий, что соответствует корейской литературной традиции. Специфично также использование художественных средств для описания внешности героев. Дело в том, что традицией китайской литературы выработаны художественные приемы при описании женской и мужской красоты. Смешение сфер применения этих традиционных образов в китайской литературе было бы невозможно. Между тем, в романе *Удивительное соединение двух браслетов* образы женской красоты применяются для описания внешности как женщины, так и мужчины.

Об оригинальности этого произведения свидетельствует также заключительная фраза романа — обращение к читательницам: «Вы, госпожи, прочтя, разберетесь (в этом)» (*пуин-и нăрипоа чăси алчжиэда*).

Как известно, литература, написанная корейским буквенным письмом, презрительно именовавшимся «женским письмом», обычно предназначалась для простолюдинов и женщин. Такое обращение к читательницам — явление специфически корейское.

И, наконец, в пользу предположения об оригинальном, корейском происхождении этого произведения свидетельствует тот факт, что в *Сводном каталоге китайской художественной прозы* Сунь Кайди [8] его название не упомянуто.

Попытаемся теперь определить время написания романа *Ссянъчхйэн кыйбонъ*. Качество бумаги и почерк не дают никаких сведений для датировки [9].

Предварительно мы можем определить временные границы создания *Ссянъчхйэн кыйбонъ*. «Верхней» границей является очевидно 1894 г. (год опубликования первого тома *Библиографии* Курана); «нижней» границей можно считать 1572 г. — наиболее позднюю из упомянутых в тексте романа дат. В XXII тетради рукописи, на странице 55-а, сказано: *Нюнъгйэнъ хванъдйе ттэ-ый сйэлчхо-ый чхилдэсон сйэлмун-и кыпдйехăя халлим хаксă-ро сăгый-рыль таккыл-сэ...* «Во времена государя, правившего под девизом Нюнъ-гёнъ [10], (потомок Сёля в седьмом колене) Сёль Мун, сдав государственные экзамены и получив звание *халлим хакса*, приводил в порядок (семейную) хронику...»

IV тетрадь рукописи имеет шмуцтитул: *капсин чэнъвэл ил ссянъчхйэн кыйбонъ* („год Капсин, первая луна, день «Удивительное соединение двух браслетов»“) *Капсин чэнъвэл сибил ссянъчхйэн кыйбонъ* („год Капсин, первая луна, двенадцатый день, «Удивительное соединение двух браслетов»“).

Вторая запись сделана, по-видимому, потому, что в первой пропущено число.

В этом шмуцтитуле указан в циклическом летосчислении год Капсин 甲申. С 1572 г. (нижняя граница) по 1894 г. (верхняя граница) циклической датой Капсин обозначались 1644, 1704, 1764, 1824, 1884 годы. Какую же из этих пяти дат необходимо идентифицировать с годом Капсин? Мы полагаем, что 1884 год. Просмотрев колофоны и пометки на других рукописях коллекции Астона, можно убедиться, что эта же циклическая дата встречается на следующих памятниках.

1. C-5 [11] (рукопись без заглавия) — сборник рассказов и диалогов на корейском языке, составленный Пак Чхон Сиком и др. для Астона во время его пребывания в Корее. На стр. 359 (по китайской пагинации) этой рукописи есть колофон: *капсин сибилвэл исипсам ил сочжэнъ тончпхилсэ.*

2. Д-16: *хйэн сси ссянънинги.* На V тетради этой рукописи имеется пометка: *капсин овэл исипсамил.*

3. С-17: *поынъги урок.* В конце первой тетради рукописи имеется пометка: *капсин савэл сибил йэдан чонъмансэк.*

Известно, что владелец коллекции корейских рукописей Астон был в Корее консулом с 1884 по 1886 г. Циклическая дата Капсин (甲申) приходится как раз на первый год его консульской работы — на 1884 г. Можно предположить, что 1884 г. является не годом создания памятника, а годом его переписки (возможно, специально для Астона). Иначе трудно объяснить, почему эта дата так часто упоминается в рукописях коллекции.

В пользу этого предположения говорят следующие факты.

1. При сравнении почерка рукописи *Ссянъчхйэн кыйбонъ* с почерками других рукописных романов той же коллекции обнаружилось, что этим почерком написана рукопись С-36: *хвачжэнъ сэнхэнънок* (за исключением второй и третьей тетради), а также XXII и XXIII тетради рукописи Д-14: *ха чжин янъмуннок* (остальные тетради рукописи Д-14 написаны другим почерком).

2. На различных страницах рукописи *Ссянъчхйэн кыйбонъ* имеются исправления и вставки (иногда размером до 1—2 строк), сделанные черной и красной тушью, написанные тем же почерком, что и вся рукопись (тетр. VI, стр. 37-б; тетр. VII, стр. 49-б; тетр. VIII, стр. 21-б; тетр. X, стр. 41-а; тетр. IX, стр. 29-а; тетр. XI, стр. 27-б, 28-а; тетр. XIV, стр. 28-б). Эти исправления и вставки могли быть сделаны переписчиком при позднейшей сверке данной рукописи с оригиналом или каким-либо другим списком *Ссянъчхйэн кыйбонъ.*

Рассмотрим теперь, является ли язык рукописи *Ссянъчхйэн кыйбонъ*, помеченной 1884 г., языком XIX в.

Воспользуемся теми фактами языка, наличие или, наоборот, отсутствие которых в языке памятника дает возможность приблизительной его датировки. Здесь имеется в виду оформление существительного в именительном падеже одним или двумя показателями и соблюдение закона гармонии гласных при образовании дательного падежа существительных.

Известно, что в средневековом корейском языке был только один показатель именительного падежа *-и*, единый для слов, оканчивающихся на закрытый слог и для слов с открытым конечным слогом. В дальнейшем в языке появляется особый показатель именительного падежа: *-га* для открытого слога. Посмотрим, как оформлялось существительное с открытым слогом в именительном падеже в данном памятнике и сравним его с рукописями и ксилографами XIX века.

Ссянъчхйэнъ кыйбонъ	*Памятники XIX века*
нусю-и манмйэнхйа Слезы залили лицо... (тетр. I, стр. 4-а).	*пхосю-га ви сйэн хйан сон-ыро кынйэн-ый мэри чхэ-рыл камачвиго* Стражник сначала схватил эту бабу за волосы и намотал их на руку... (С-5, рукопись 1884 г., стр. 129).
чэчжо-и кыйтхыкхйанчжира Талант удивительный... (тетр. I, стр. 48-а).	*кы-сарйм-ын чэчжо-га мантха хйомнэда* Говорят, что у него много талантов (В-15, ксилограф 1880 г., стр. 7-б).
тхйэнха-и кыымэпси нэрйани Поднебесная беспредельно широка (тетр. I, стр. 27-а).	*тянъма-га йэнил кытчхи чжиани хйайпкиро* Ливень не прекращался несколько дней (С-6, рукопись 1876 г., стр. 15).

пумо-и эмгымхйни Родители были строги (тетр. I, стр. 10-а).

чомо-га эпсэ кйесимника Здравствует ли ваша матушка? (В-4, рукопись 1841 г., стр. 95).

Мы видим, что в рукописи *Ссянъчхйэн кыйбонъ* для именительного падежа в открытом слоге регулярно используется тот же показатель, что и в закрытом слоге, в то время как в цитированных памятниках XIX века — открытый слог имеет особый показатель *-га*.

Указанная особенность языка рукописи *Ссянъчхйэн кыйбонъ* дает возможность предположить, что рукопись была написана раньше XIX в.

Общеизвестно, что действие закона гармонии гласных, который строго соблюдался в раннесредневековом языке, в памятниках XIX века не прослеживается; так например, противопоположение *ый/е* ≈ *ӳ/э*, характерное для раннесредневекового корейского языка, снимается в пользу окончаний *ый/е*. Отсутствие противопоположения двух видов дательного падежа, свидетельствующее о нарушении закона гармонии гласных, характерно и для исследуемого памятника. Вот несколько примеров:

сырха-ый урэ
Плача у колен... (тетр. II, стр. 15-а)
хок и кос-ый мачжйлка турйэхйя
Боялся, не встретиться бы в этом месте...
(тетр. X, стр. 2-а)
нйэй-ый панъдюнъ-ый нирйни
Привел (его) в комнату девушки... (тетр. I, стр. 13-а)

Совсем иначе обстояло дело в XVII в., когда гармония гласных при образовании дательного падежа за редким исключением соблюдалась. Возьмем несколько примеров из ксилографа 1667 г. „*Сохак энхэ*“

танъ-э сянъ-и исимйэ
На пятьсот домов есть школа... (стр. 47)
сйохйк-э ссын марира
Что говорится в «Малом учении»... (стр. 21)
сымыл се хин хэ-йе ка холттинира
В двадцать три года выдадут замуж... (стр. 45)

Этот факт дает возможность предположить, что памятник *Ссянъчхйэн кыйбонъ* был написан после XVII века.

Остается сравнить язык романа *Ссянъчхйэн кыйбонъ* с языком одного из памятников XVIII века как по линии оформления существительного в дательном падеже, так и по линии действия закона гармонии гласных в дательном падеже:

Ссянъчхйэн кыйбонъ
Д-13: *кйэнъсиннок* (энсэк), ксилограф 1796 г.

а) именительный падеж

тхйэнчжй-и сюдйо-ро сынъсянъ-ыл какпйор вирохйсиго Сын неба, выразив соболезнование, утешил *сынъсянъа*... (тетр. XXII, стр. 17-б).

тянъччжя-и вал Почтенный муж сказал... (тетр., I, стр. 25-а).

йэчжй-и юсюнчхи мотхйя женщина, будучи непокорной... (стр. 5-б).

чхйэнъ-ый сйчжя-и нар-ыл чабакадэни Цинский посол схватил меня... (стр. 54-а).

б) дательный падеж

открытый гласный корня

мяам-ый чхюйэнхядэни (Ли сиран) огорчился в душе... (тетр. X, стр. 1-а).

конъ-и мяам-ый исянъи нэгйэ Конъ, в душе сочтя это необычным... (стр. 34-б).

закрытый гласный корня

чиб-ый ирйро Подойдя к дому... (тетр. II, стр. 2-б).

кыдэ чиб-ый кынсимхйго тхансик хам-ыл тыкко Слышал, как беспокоятся и вздыхают в вашем доме... (стр. 34-б).

Мы видим, что в языке памятника XVIII века, так же как и в романе *Ссянъчхйэн кыйбонъ*, закон гармонии гласных в дательном падеже не соблюдается, а именительный падеж в обоих памятниках имеет для открытого слога те же окончания, что и для закрытого.

Таким образом, мы приходим к заключению, что памятник *Ссянъчхйэн кыйбонъ* с большой долей вероятности можно датировать XVIII веком.

Роман *Ссянъчхйэн кыйбонъ*, по-видимому, был создан в эпоху расцвета в Корее повествовательной литературы на родном языке и представляет ее особую ветвь как в отношении жанра, так и в отношении стиля. Знакомство с этим произведением показывает, что в Корее в эпоху средневековья проза была значительно богаче, чем это считалось до сих пор. Дальнейшее изучение жанра романа должно расширить наше представление о средневековой корейской литературе.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Maurice Courant, *Bibliographie Coréenne*, Paris, 1894.

[2] Знак вопроса принадлежит Курану.

[3] Ким Тхэ Чжун, Чосон сосольса, Сеул, 1939.

[4] Цой Хйэн Бе, Хангылгал, Сеул, 1942.

[5] Маэма Кё:саку, *Косэн саппу*, Токио, 1954.

[6] *Чжунго жэньмин дацыдянь*, Шанхай, 1921.

[7] Сравним судьбу г-жи Чин с судьбой г-жи Са, героини повести Ким Ман Чжуна (1637—1692 гг.) *Скитания г-жи Са по югу*.

[8] *Чжунго тусу сяошо шуму*, Пекин, 1958.

[9] Подробно вопрос об отношении качества бумаги и характера почерка к датировке корейских рукописей рассмотрен О. П. Петровой в ее предисловии к первому выпуску *Описания письменных памятников корейской культуры*, М.—Л., 1956 г.

[10] *Нюнъ-гёнъ* — китайское Лун-цин — девиз правления минского Му-цзуна (1567—1572 гг.).

[11] Здесь и далее — шифры рукописей по инвентарной описи собрания памятников корейской культуры Рукописного отдела Института востоковедения АН СССР.

По докладу выступили Ю. Н. Мазур, Г. Ф. Ким, Хон Ги Мун, Л. Р. Концевич, Л. Е. Еременко, отметившие сложность и важность изучаемых вопросов, а также элементы реализма, возникавшие в корейской литературе XVII—XVIII вв.

В. И. ИВАНОВА (*Москва*): ЛИ ГИ ЕН — ОДИН ИЗ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ СОВРЕМЕННОЙ КОРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ли Ги Ен — крупнейший романист, публицист и общественный деятель Кореи. Среди писателей, составляющих национальную гордость корейского народа, ему принадлежит особое место как одному из основоположников современной корейской литературы.

Свыше тридцати пяти лет работает Ли Ги Ен в литературе. За это время им создано более двухсот произведений. Все вместе они представляют собой художественную летопись судеб корейского народа с конца XIX века до наших дней. Его перу принадлежат три больших романа *Родина*, *Земля* и *Туманган*, занимающие почетное место в корейской литературе и сыгравшие значительную роль в ее формировании и развитии.

Начало творческого пути писателя совпало с ранним этапом развития новейшей корейской демократической литературы, основное направление которой вошло в историю корейской литературы под названием «школы нового направления». Демократическая литература 20-х годов возникла под влиянием первомартовского восстания. Она резко противопоставила себя господствовавшей в тот период буржуазной литературе. Ее характерными, отличительными чертами являлись резкий критицизм по отношению к миру феодально-буржуазной Кореи и подчеркнутое внимание к трудовому народу Кореи.

Основной темой этой литературы было бедственное положение корейского народа под игом японских поработителей, а центральным образом — простой маленький человек, жизнь которого исковеркана колониальным строем. Ведущее место в литературе этих лет принадлежит таким писателям как Цой Со Хэ и Чо Мен Хи. Ли Ги Ен вошел в ряды писателей, составивших ядро прогрессивной корейской литературы. Двадцатые годы — период формирования и становления его писательского таланта, выработки оригинального художественного почерка.

Раннее творчество Ли Ги Ена шло в русле литературы «школы нового направления». Все оно посвящено теме социального конфликта между бедностью и богатством. Героями его рассказов выступает рядовой кореец-труженик. Это интеллигент, доведенный безработицей до крайнего отчаяния (*Бедные люди*, *Сумасшедшие*), батрак, молча переносящий тяготы нищенской жизни (*Крестьянин Чон До Рён*), крестьянская девушка, идущая наложницей в богатый дом, чтобы спасти свою семью от голода (*Деревня простолюдинов*) и т. д.

Сила рассказов Ли Ги Ена этого периода, как и произведений других писателей 20-х годов, в гуманистической трактовке образа человека, загубленного строем колониально-феодальной Кореи. Еще узок круг идей, которые затрагиваются в его первых рассказах. Из всех многочисленных сторон человеческой жизни подчеркивается одна — острое физическое страдание человека от голода и нищеты. Ли Ги Ен не мог еще наметить перспективы разрешения общественных противоречий. Его идеалы были еще абстрактно-гуманистическими.

Слабые стороны творчества Ли Ги Ена, как и всей литературы «школы нового направления», были обусловлены исторической действительностью Кореи первой половины 20-х годов, недостаточной зрелостью рабочего движения.

Активизация и подъем рабочего движения в конце 20-х годов, дальнейшее распространение в Корее идей марксизма-ленинизма и, наконец, переход в начале 30-х годов национально-освободительного движения на путь организованной вооруженной борьбы, руководимой коммунистами во главе с Ким Ир Сеном, не могли не отразиться на последующем развитии прогрессивной корейской литературы.

Она обогатилась новыми темами и новыми героями. Появилась целая плеяда писателей, прочно связавших свою жизнь с революционным авангардом рабочего класса. В 1925 году возникла Корейская ассоциация

пролетарских писателей; после ее реорганизации и принятия новой программы на основе революционного марксистского учения в 1927 году она стала одной из антияпонских патриотических революционных организаций.

За период с конца 20-х до середины 30-х годов Ли Ги Ен прошел плодотворный творческий путь, сопровождавшийся глубокими идейными исканиями.

Писатель постепенно отходит от занятых им ранее общедемократических позиций, сосредоточивая все свои творческие силы на утверждении нового революционного идеала. На страницы его произведений приходит новый герой — сознательный рабочий (см., например, рассказ *Вон Бо*) или, чаще, передовой интеллигент, несущий социалистическую идеологию в массы (например, рассказ *Поселок бумажной фабрики*). И если в первых рассказах 20-х годов революционный гуманизм писателя просто декларируется, то в романе *Родина*, вершине творческого и идейного развития Ли Ги Ена этого периода, он утверждается силой образов с большой полнотой реалистического изображения.

В литературе 30-х годов Ли Ги Ен является ведущим писателем КАПП. В этот чрезвычайно плодотворный период его писательской и общественной деятельности (Ли Ги Ен бессменно выполнял обязанности ответственного за отдел печати КАПП), он выступает как родоначальник корейского демократического романа. Его первый роман *Родина* является знаменательной вехой, новой страницей в истории корейской демократической литературы. Это было первое произведение большого жанра в корейской пролетарской литературе. Отклики критики 30-х годов на это произведение свидетельствуют о том, что роман *Родина* был воспринят общественностью как нечто необычайное. В чем же заключается новаторство этого произведения? Прежде всего в том, что никогда до этого тема порабощенной Родины, тема национальной трагедии корейского народа не воплощалась с таким большим художественным мастерством. Никогда еще в произведениях современной корейской литературы не создавалось столь широкой, глубоко волнующей, проникнутой щемящей болью картины жизни корейского народа, его борьбы и страдания под двойным колониальным и феодальным гнетом.

Новаторство романа *Родина* состоит также в том, что это большое реалистическое полотно на современную тему, освещенное новым пониманием законов исторического развития, явилось произведением, в котором Ли Ги Ен выступил не только гуманистом и демократом, но и писателем социалистического направления.

В романе *Родина* были поставлены новые жизненные проблемы, выдвинутые социальным развитием страны: изображение остроты и непримиримости общественных конфликтов сочетается в нем с созданием яркого жизнедеятельного характера главного героя, революционера Ким Хи Чжуна. Рогатки цензуры значительно суживали творческие возможности Ли Ги Ена. Но все же образ Ким Хи Чжуна без сомнения входит одним из первых в плеяду героев корейской демократической литературы, стремившихся к социалистическому переустройству корейского общества. В образе Ким Хи Чжуна нашла свое отражение проблема, волновавшая Ли Ги Ена в течение всего его творчества — проблема интеллигенции и народа.

Интеллигенция силой мысли и слова должна помочь народу в его революционной борьбе — такова главная идея этого образа. Действие романа *Родина* начинается с возвращения героя из Токио, где он учился,

в родное село, затерявшееся где-то в глуши. Задачи, которые ставит перед собой герой романа, благородны: просвещать забитый народ, облегчать своими знаниями его тяжелую жизнь.

Понятно то значение, которое писатель придавал культурно-просветительной работе в крестьянских массах, так как население корейских деревень было в подавляющем большинстве неграмотным. Однако деятельность героя не ограничивается просветительством. Ким Хи Чжун выведен в романе как носитель передового мировоззрения. Не случайно писатель сравнивает его с ярким факелом, освещающим людям путь во мраке ночи. Ким Хи Чжун видит смысл своей жизни в том, чтобы нести в массы идеи правды и свободы.

По цензурным соображениям Ли Ги Ен не называет Ким Хи Чжуна революционером. Однако отдельные намеки писателя не оставляют сомнения в том, что в этом образе Ли Ги Ен вывел обобщенный образ борца за освобождение родины. Так, писатель дает понять, что Ким Хи Чжун в своей постоянной работе связан с руководящим центром в городе, что на работу в село он послан из города. Он организует вечернюю школу в деревне, а общеизвестен тот факт, что вечерние школы были одним из каналов распространения марксизма в Корее. Под руководством Ким Хи Чжуна создается на селе *туре* — бригада взаимопомощи.

Туре способствовало сплочению крестьян в единый коллектив, что облегчило работу Ким Хи Чжуна, помогло ему влиться в массы. Очень скоро Ким Хи Чжун становится для крестьян необходимым человеком. Ему они доверяют разрешать свои споры. Следуя его призывам, они организуют забастовку и не выходят работать на помещичьи поля.

Но Ли Ги Ен показывает, что крестьянство еще очень слабо подготовлено к борьбе за свои интересы. Порою даже самые боевые и активные крестьяне готовы сдаться. Силы, которые таит в себе народ, еще дремлют. Победа, которую удается одержать крестьянам над управляющим помещика в арендном конфликте, достигается исключительно благодаря помощи Ким Хи Чжуна. Этим обстоятельством еще раз как бы подчеркивается та роль, которую отводит Ли Ги Ен интеллигенции в деле пробуждения крестьян к борьбе с угнетателями.

Вряд ли есть основания упрекать Ли Ги Ена в том, что он поставил в центре внимания образ интеллигента, описывая процессы, которые были немыслимы без воздействия рабочего класса и его коммунистического авангарда.

Ли Ги Ен в романе *Родина* на свой лад откликнулся на идейные запросы своего времени. Специфические условия Кореи породили тип такого борца как Ким Хи Чжун. Сама идея — посвящение жизни народу — была исключительно прогрессивна в период подъема национально-освободительного движения.

Не менее значительную роль сыграло творчество Ли Ги Ена и в развитии корейской литературы периода демократического строительства. С освобождением Кореи Советской Армией от японского ига в 1945 г. началась новая эра и в развитии корейской литературы. Корейские писатели были призваны показать новых людей — хозяев и творцов своей судьбы, мобилизовать все силы литературы и искусства на выкорчевывание в сознании корейцев пережитков колониального прошлого, на превращение их в активных строителей нового общества. Ведущая роль в становлении новой корейской литературы принадлежала прогрессивным писателям старшего поколения. Одним из первых среди них был Ли Ги Ен. Вся творческая деятельность Ли Ги Ена после 1945 г. является

беззаветным служением Трудовой партии — революционному авангарду народа. Ведущей тенденцией развития всей корейской литературы стало окончательное утверждение метода социалистического реализма и продолжение лучших демократических традиций национальной литературы.

Уже в первых рассказах периода после освобождения страны: *Начало весны*, *Люди таежной деревни*, *Возрождение*, *Нужны руководители* Ли Ги Ен сумел передать атмосферу первого года демократического строительства, полную пафоса новой жизни, обрисовать трудности, с которыми столкнулся корейский народ в период после освобождения. Во всех этих рассказах Ли Ги Ен ставил своей целью показать психологию забитого корейского крестьянина на рубеже двух эпох, радость свободы, национального и социального раскрепощения.

Одной из важнейших задач писателей КНДР отныне стала задача создания образа нового человека Кореи, героя, который являлся бы выразителем умонастроений широчайших народных масс, строящих новое общество. О необходимости создания такого образа неоднократно напоминала писателям Трудовая партия. Полнота осуществления этой задачи стала в корейском литературоведении критерием оценки творчества писателей. Ли Ги Ену, первому среди писателей КНДР, удалось осуществить эту задачу в романе *Земля*. До 1948 г. творчество прозаиков КНДР не выходило за пределы короткого рассказа. Роман *Земля* — новая этапная веха в истории корейской демократической литературы. Этот роман явился первым большим художественным произведением, запечатлевшим и обобщившим те коренные изменения, которые произошли после освобождения в жизни и психологии корейского крестьянства. Тема укрепления новой жизни на селе раскрывается в романе как тема прозрения рядового труженика, рождения в широчайших народных массах воли к изменению старого мира.

«Мы боремся за новую Корею. Только в этой борьбе человек может найти свое счастье» — говорит один из героев романа *Земля*, бывший батрак Квак Па Ви. Эти слова являются идейным ключом всего романа.

Образ главного героя романа крестьянина Квак Па Ви — совершенно новый в корейской литературе. Это полновластный хозяин своей страны, человек новой социалистической морали, опора новой власти на селе. Все повествование романа подчинено процессу духовного обновления героя в свободном творческом труде на благо народа освобожденной Кореи. Отсюда актуальность романа. После выхода романа в свет корейская критика единогласно признала его самым значительным произведением корейской литературы периода после освобождения.

Третье крупное произведение Ли Ги Ена — трилогия *Туманган* свидетельствует о том, что корейская литература сегодняшнего дня подошла к овладению большой эпической формой исторического романа. Роман-хроника *Туманган* является итоговым произведением творчества Ли Ги Ена. Он задуман писателем как летопись жизни и борьбы трех поколений Кореи за последние шестьдесят лет. Обширная рама произведения, показ целой эпохи в разных ее разрезах и социальных пластах, включение в роман подлинного исторического материала делает трилогию *Туманган* монументальным произведением, не имеющим себе равных в новейшей корейской литературе. В нем показан не узкий круг лиц, не небольшой участок жизни, а судьбы борющегося народа в самой Корее. Творчество Ли Ги Ена наиболее полно отразило жизнь корейского крестьянства. Ни один писатель Кореи не дал такого широкого освещения этой темы. Однако значение творчества Ли Ги Ена для развития ко-

рейской литературы состоит не только в этом. Произведения Ли Ги Ена на всех этапах развития корейской литературы были исключительно актуальны, отражали самые коренные вопросы жизни народа. Перечисленные же выше большие романы писателя явились эпохальными вехами в истории корейской литературы.

Творчеству Ли Ги Ена присущи горячая любовь к родине и народу, страстная защита его интересов. Оно глубоко народно.

Все это наряду с огромной общественно-политической деятельностью Ли Ги Ена как активного участника строительства социалистической Кореи, неутомимого борца за ее национальное единство, за мир дает право считать его одним из лучших представителей современной корейской литературы, подлинно народным писателем.

По докладу выступили Х. Шульт, М. И. Никитина.

Ю. Н. МАЗУР, Ф. В. МАЛЬКОВ, Л. Б. НИКОЛЬСКИЙ (*Москва*): ФОРМА СЛОВА И СЛОВОСОЧЕТАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ*

Вопросы формы слова и словосочетания в корейском языке еще мало изучены и находят весьма различное истолкование. Достаточно сказать, что, например, языковые единицы, при помощи которых образуется форма слова и словосочетания, в одних работах причисляются к аффиксам, а в других — к служебным словам и включаются в состав частей речи.

В данном докладе сделана попытка рассмотреть в порядке постановки вопроса основные проблемы, связанные с формой слова и словосочетания в корейском языке.

* * *

В корейском языке формы слова различны у разных групп частей речи, что и является одним из основных критериев их разграничения. При выделении частей речи, присущих современному корейскому языку, учитываются семантический, морфологический и синтаксический признаки слова. Исходным критерием классификации слов является семантико-функциональный. В отличие от других принципов он распространяется на весь словарный состав и отражает процесс развития языка, в котором некоторые слова первоначально были носителями номинативной функции, а затем превратились в служебные слова. Слово, таким образом, рассматривается в его связи с другими словами, в структуре предложения.

По семантико-функциональному признаку слова делятся на полнозначные и служебные.

Морфологический критерий предполагает учет особенностей словоизменения, формообразования и словообразования.

По вопросу о словоизменении и формообразовании в корейском языке в литературе высказываются два мнения. Одни лингвисты считают, что связь между словами осуществляется с помощью *тхо* (прилеп), которые не входят в состав слова и присоединяются к слову для осуществления различных связей между словами, при этом слова-носители лексического

* Доклад был прочитан Ю. Н. Мазуром на корейском языке.

значения остаются неизменными. Другие лингвисты, считают, что связь между словами осуществляется с помощью морфем, являющихся средством словоизменения и формообразования.

Мы исходим из признания словоизменения и формообразования с помощью морфем. Морфемы способны отрываться от лексемы, когда между лексемой и морфемой вклинивается другая морфема, но от этого они не перестают быть морфемами. Подобная подвижность морфемы обусловлена тем, что каждая морфема в составе данного слова имеет одно грамматическое значение.

Полнозначные слова делятся на изменяемые и неизменяемые. Морфологический принцип может быть применен только для классификации изменяемых слов, которые в корейском языке делятся на два морфологических класса — имен и предикативов. Имени в отличие от предикатива свойственно склонение.

Относительно спряжения в корейском языке высказываются две точки зрения: по мнению одних лингвистов, спряжение свойственно только предикативам, а по мнению других, — и именам. Мы исходим из признания того, что спряжение свойственно только предикативам. Кажущееся спряжение имени есть не что иное, как спряжение связки: в силу утраты связкой своего корня после гласного основы некоторые морфемы связки присоединяются непосредственно к имени. В этом случае есть некоторое основание говорить о спряжении имени, однако такое предположение может быть опровергнуто следующими фактами: 1) в предложении *кы гэс-и со-йэтта* 'это была корова' *со* 'корова' связано со связкой *ида*, поэтому вместо ожидаемого *соатта* мы имеем *со-йэтта* (ср. от *поида* 'показываться' образуется *пойэтта* 'показывалось'); 2) в слове *сомйэн* 'если [это] корова' выпал корень связки, но он появляется во множественном числе *содыр-имйэн* 'если [это] коровы'; 3) часто корень связки не выпадает и после гласного.

Морфологическая классификация не завершается делением изменяемых слов на имена и предикативы, ибо как склоняемые, так и спрягаемые слова делятся на более мелкие разряды, различающиеся морфологически. Общность морфологических свойств изменяемых слов в основном совпадает с общностью лексических значений.

Как и в других языках, слово в корейском языке представляет собой единство лексических и грамматических форм. Лексическими формами слова как компонентами его смысловой структуры представлена его закономерная многозначность. Так, например, у существительного *мэри* в *Малом словаре корейского языка* отмечено четыре разных, но взаимосвязанных значения: 1) голова; 2) волосы; 3) сообразительность; 4) макушка, верхушка. К лексическим формам относятся и различные фоно-морфологические варианты одного и того же слова (большинство из них можно назвать стилистическими формами слова), такие, как *пэм* и *пэам* 'змея', *сэ* и *саи* 'промежуток', *пуккырэум* и *пуккырэм* 'стыд', 'смущение', *кырэтха* и *кырэ-хада* 'такой', 'таков', *ирэн* и *ирэхан* 'такой', *ну* и *нугу* 'кто', *ссам* и *ссаум* 'борьба', *йэги* и *ияги* 'рассказ' и т. д.

Слово в корейском языке выступает как единство структурных модификаций в двух планах: 1) вне речи (как словарная единица); 2) в потоке речи (во всем многообразии функциональных форм — реляционных и деривационных). При этом наглядна делимость слова на основную принадлежность, выражающую лексическое значение, и формально-функциональную принадлежность, представляющую то или иное его грамматическое значение.

Реляционная функциональная форма служит для выражения отношений данного предмета мысли к другим предметам того же предложения. Таковы, например, формы падежей, деепричастия и др. Деривационная функциональная форма служит для выражения дополнительного формального или смыслового оттенка. Таковы, например, формы множественного числа, присоединительного указания, ограничительного указания и т. д. И реляционные и деривационные формы образуются посредством аффиксов, выражающих те или иные грамматические категории. При этом реляционными формами выражаются позиционные категории, то есть категории, связанные с определенной синтаксической функцией слова в предложении. Деривационными же формами выражаются преимущественно непозиционные категории.

Наиболее характерной особенностью деривационных форм является совмещение двух оттенков значения — смыслового и формального. Так, например, группа аффиксов, при помощи которых выражается «категория уточнения», имеет двойственную природу: с одной стороны, употребление этих аффиксов не связано с позицией слова в предложении, и они могут быть в составе различных членов предложения — подлежащего, дополнения и других, выраженных разными частями речи, но преимущественно именами, а с другой стороны, они, будучи компонентом формы слова, играют в определенной мере ту же роль, что и реляционные аффиксы. Выражение смыслового оттенка совмещается у них с выражением и какой-то доли формального значения, благодаря чему в ряде случаев и происходит «вытеснение» деривационными аффиксами аффиксов реляционных в составе функциональной формы, например: *на-до ка-нда* ‘я тоже иду’, *кы-нын синмун-до понда* ‘газету он тоже читает’ и др. Опущение в таких случаях деривационного аффикса делает, как правило, функциональную форму неполноценной, а во многих случаях такое опущение просто невозможно.

Основное различие между словоизменением и формообразованием состоит в том, что при помощи словоизменения, осуществляемого посредством словоизменительных суффиксов, еще не создающих функциональной формы, выражаются непозиционные грамматические категории.

В то же время при помощи формообразования (то есть образования формы слова как члена предложения) выражаются, как правило, позиционные грамматические категории. В определенных случаях исключение составляют лишь деривационные формы слова.

Функциональные формы в современном корейском языке в большинстве случаев различаются по группам частей речи: формы слова, объединяемых в группу имен (существительное, числительное, местоимение), и формы слов, объединяемых в группу предикативов (глагол и предикативное прилагательное; по особенностям формообразования к ним примыкают и связки). Выделяются формы, присущие только именам, и формы, присущие только предикативам. Разграничение по системам формообразования находит свое отражение и в традиционном делении частей речи на два разряда — имен (*чхэон* — „слова-субстанции“) и предикативов (*ёнъэн* — „слова-акциденции“).

Поскольку образование функциональной формы обычно обусловлено и синтаксической ролью слова в предложении, образование функциональной формы слова представляет собой сложный процесс взаимодействия формы слова как части речи с формой слова как члена предложения. В тех случаях, когда, например, глагол выступает в необычной для него функ-

ции подлежащего, дополнения и т. п., происходит как бы приравнение его к имени (он употребляется в форме инфинитива), и его функциональные формы образуются в соответствии с парадигмой именного склонения. И наоборот, необходимое приравнение формы имени к форме предикатива происходит тогда, когда имя выступает в предложении в необычной для него функции, например в функции сказуемого.

В образовании некоторых функциональных форм могут участвовать аффиксы двух типов: основные аффиксы и их аналоги. За «основной» мы принимаем наиболее универсальный по значению и наиболее употребительный тип аффикса. Употребление аналогов основного аффикса связано с теми или иными оттенками значения. (Характерный пример: аффикс *-еге* и его аналоги — *-хантхе* и *-тэрэ*, и т. п.).

У основных аффиксов реляционных и деривационных форм могут быть варианты, в связи с чем различаются единичные (*-е*, *-ый*, *-то*, *-ман* и др.) и параллельные (*-га/-и*, *-рыл/-ыл*, *-ва/-ква*, *-ныи/-ын* и др.) аффиксы, которые в свою очередь могут иметь соотносительные (*-еге/-ге*, *-есэ/-сэ*, *-рыл/-л*, *-мйэн/-мйэн-ын*, *-дага/-да* и др.) и разговорно-диалектные варианты (*-ый/-е*, *-то/-ту*, *-ко/-ку* и др.).

Параллельные аффиксы равноценны по значению и употребляются в зависимости от того, на гласный или на согласный звук оканчивается корень (основа) слова. Употребление соотносительных (чаще всего так называемых «усеченных») вариантов аффикса связано с грамматико-стилистическими условиями.

Разграничение словообразования и формообразования в корейском языке, как и в других языках, в ряде случаев представляет известные трудности вследствие того, что функции и значения некоторых аффиксов в языке оказываются неоднородными. Сравните, например, суффиксы залога у глаголов *чук-та* 'умирать', *//чуг-и-да* 'убивать', *мэк-та* 'есть', *//мэг-и-да* 'кормить' и др., образующие в то же время глаголы от прилагательных *нор-та* 'высокий', *нопх-и-да* 'повышать' и т. п. Точно так же в самой системе формообразования не всегда четко отграничиваются реляционные и деривационные формы.

Форма слова в корейском языке имеет двоякое значение: будучи прежде всего формой данного слова, она является в то же время и формой словосочетания, состоящего из слов, относящихся к данному слову. Например: *тоси-ва нонъчхон-ыл поккухайэтта* 'восстановили города и села'; *нопко пхурын ханыл* 'высокое и голубое небо'. В этих примерах форма винительного падежа имени и определительная форма прилагательного одновременно являются формой заключающего члена словосочетания и формой словосочетания как грамматической единицы.

Однако могут быть и такие случаи, когда форма словосочетания будет превалировать над формой слова. Это значит, что возможно образование формы словосочетания по модели формы слова — с помощью тех же формообразующих морфем, — наблюдаемое тогда, когда словосочетание выступает в предложении в функции, не свойственной для его заключающего члена.

... хйэ нйэг-е иткэна йебийэг-е иткэна-рыл манънонха-го... 'независимо от того, находятся [они] на действительной военной службе или состоят в резерве'...

... пхйэнъянъ чип ияги-мйэ сончжадыр-ый ияги-мйэ-рыл твемутко твемутко хайэтта ... 'все спрашивал и спрашивал о доме в Пхеньяне, о своих внуках'

... *чогуг-ый пхйэ нъхвачжэк тхонъир-ыл вихайэ сэ-ый панъчхэк* 'мероприятия в целях мирного объединения родины'...

ып-нэ мот мичхэ-е иннын чунъган веттан чумаг-есэ чатта 'Переночевал в одиноко стоящем посреди дороги трактире, не дойдя до уездного городка';

... *побйэнъ чэнтху сэ йэр-ыл чинасэ-ый ттанъкхы хэнъдонъ* ... 'действия танков после прохода ими боевых порядков пехоты'...

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в корейском языке словосочетание как грамматическая единица может иметь свою собственную форму, не совпадающую с формой его последнего члена. Как частный случай образования формы словосочетания можно рассматривать и такие формы, в которых создается видимость изоляции формообразующих аффиксов (наращение их на формы конечной сказуемости типа *хан-да-нын*, *ханын-га-рыл* и др.).

При рассмотрении формы словосочетания возникает необходимость отграничения словосочетания от сложного слова, структурно часто совпадающего с словосочетанием.

Сравните: *хэппал* 'солнечные лучи' и *ачхим исыл* 'утренняя роса' (первое слово — имя в форме основы); *нарагада* ('улететь' и *нэмэ када* 'переходить через... и уходить': *'сан-ыл нэмэ мэн теро катта* 'перешел через горы и ушел в далекие края' (первый глагол — в форме деепричастия предшествования); *кхынабэчжи* 'старший брат отца' и *кхын кабанъ* 'большая сумка' (первое слово — прилагательное в определительной форме).

Сходство между сложным словом и словосочетанием не ограничивается чисто структурными моментами: некоторые виды словосочетаний (имя в форме основы плюс другое имя) и синтаксически приравниваются к сложному слову. Так, например, определение, стоящее перед первым членом этого словосочетания, как правило, соотносится по смыслу со всем словосочетанием (*сасохан кююл вибан* 'малейшее нарушение дисциплины').

При наличии общего как у слова, так и у словосочетания есть особенности, делающие возможным их разграничение.

1. Структурно сложное слово отличается от словосочетания постоянством формы своего первого компонента. Например, в составе сложного слова *кхынаги* 'самая старшая дочь' прилагательное *кхыда* 'большой' не может иметь других определительных форм. Что касается словосочетаний, то их первые компоненты могут иметь минимум две формы: *кйэнъчже чарип* и *кйэнъчже-ый чарип* 'экономическая самостоятельность'; *кипхын канъ* 'глубокая река', *киптэн канъ* 'бывшая глубокой река'.

2. Значение некоторых сложных слов идиоматично: *курымттари* (облако-мост) 'подвесной мост'; *нэрйэгада* (спускаясь, уходить) 'ехать из столицы в провинцию'.

3. Фонетически сложные слова объединяются с непроизводными и отличаются от словосочетаний: начальные звуки вторых компонентов некоторых слов подвергаются изменениям (появление сильного согласного *кхоккумэнъ* 'поздря', наличие немотивированного звука *кконнып* 'лепесток цветка'). Ударение в сложном слове, по-видимому, падает только на один компонент (ср.: *'сэппйэл* 'утренняя звезда' и *сэпйэл* 'новая звезда'), отсутствие паузы при произнесении сложного слова и ее наличие при произнесении словосочетания (ср.: *чосэнсо* 'судоверфь' и *чосэн со* 'скот корейской породы').

Таким образом, сложное слово отличается от словосочетания структурно, семантически и фонетически. Однако самым существенным и общим признаком слова оказывается его структурная устойчивость и неразложимость.

В связи с необходимостью разграничения сложного слова и словосочетания возникает вопрос о структурной отнесенности единиц типа *инмин вивэнхве* 'народный комитет', *инмин кундэ* 'народная армия'. Эти сочетания слов, как и сложные слова, устойчивы и неразложимы, обозначают одно понятие, но вместе с тем их семантическая монолитность и структурная устойчивость другого рода. Если моносемантичность в слове *санмэри* 'вершина горы' сопровождается изменением значения второго компонента (*мэри* 'голова человека и животного' > 'верхняя часть предмета'), то в сочетаниях рассматриваемого типа слова сохраняют то значение, в котором они обычно употребляются. Эти сочетания имеют терминологический характер. Их структурная устойчивость также связана с тем, что они являются терминами, которые, как таковые, характеризуются прежде всего устойчивостью состава и форм входящих в них слов. С точки зрения структуры словосочетания типа *инмин вивэнхве* ближе стоят к сложным словам, чем к словосочетаниям. Однако отсутствие других признаков сложного слова не позволяет считать их сложными единицами лексического типа.

По докладу выступили В. Васильев, Хо Ги Мун.

11 августа, вечернее заседание
Председатель А. А. Холодович (*Ленинград*)

ПАК СИ ХЁН (*Пхеньян*): ИЗОБРЕТЕНИЕ И УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОДВИЖНОГО МЕТАЛЛИЧЕСКОГО ШРИФТА В КОРЕЕ*

После освобождения Кореи, трудящиеся северной части страны, под руководством Трудовой партии и правительства КНДР добились больших успехов в развитии науки и культуры. Трудовая партия и правительство КНДР уделяло большое внимание также и развитию книгоиздательского дела. За 14 лет после освобождения издано: газет 2 189 838 233 экземпляров; журналов — 151 504 502 экземпляров и 19 634 названия книг общим тиражом 166 939 339 экз.

Развитие книгоиздательства сопровождалось не только увеличением тиражей, но и резким улучшением самого качества изданий. Развитие книгопечатания играет важную роль в коммунистическом воспитании трудящихся масс, вооружая их богатыми знаниями. Трудящиеся вооруженные этими знаниями борются за построение социализма темпами «чхоллима». Наша страна быстро ликвидирует отсталость в книгоиздательском деле, унаследованную от полувекового японского колониального режима. Теперь книгоиздательское дело развивается на базе современной техники. Достижения в этой области — лишнее подтверждение блестящих побед политики нашей партии, которая творчески применяет марксистско-ленинское учение.

Богатые многовековые традиции, накопленные нашим народом,

* Доклад был прочитан на корейском языке.

особенно в области культуры в сочетании с передовой наукой и техникой, на которой основана полиграфическая промышленность КНДР, способствовали достижению блестящих успехов.

Богатейшее национально-культурное наследство сохранилось в литературных памятниках, богатых по содержанию, а также в высоко развитой полиграфической технике. Корейцы впервые в мире изобрели подвижной металлический шрифт. Изобретение подвижного металлического шрифта и его дальнейшее развитие являются одним из важнейших вкладов нашего народа в сокровищницу мировой культуры.

В нашей стране печатание ксилографов развивалось вместе с общим развитием культуры и ростом спроса читателей. Предполагают, что в VI—VII вв., т. е. к концу эпохи трех государств в Корее печатание достигло значительного уровня развития. Известно, также, что необходимые условия для создания подвижного металлического шрифта имелись. В 675 г. в государстве Силла была изготовлена круглая печать из меди для центральных и местных государственных учреждений. На колоколе монастыря Санвон, отлитом в 725 г., и на колоколе монастыря Пондок, отлитом в 771 г., сохранились четкие надписи китайскими иероглифами. Это свидетельствует о применении техники гравирования, а также об усовершенствовании инструментов, необходимых для производства металлического шрифта. Применение печати, изготовленной из меди, дает основание утверждать, что ее использование явилось переходной ступенью к созданию металлического шрифта.

Наряду с объединением территории государства Корё быстрее стали развиваться производительные силы, подорванные в последний период существования государства Силла. Вместе с этим начала развиваться и культура.

Процветание буддизма, в период Корё являвшегося господствующей идеологией феодальных классов, привело к тому, что ксилографическим способом печатались многочисленные буддийские канонические книги. Далее, в период Корё была установлена система государственных экзаменов *кваго* для получения чина. Поэтому в правящих феодальных кругах более широко распространилось образование. В связи с этим быстро развивалось печатание конфуцианских книг и произведений китайской поэзии.

В те времена изданием буддийских канонических книг занимались в Корее буддийские монастыри. Но, начиная с 1011 года, в течение более 60 лет, количество книг, выпущенных и государственными учреждениями ксилографическим способом («*Тэчжангён*»), достигло более 6000 томов. Постепенно ксилографы «*Тэчжангён*» устарели и с 1086 г. до 1106 года начали печатать с ксилографов «*Сокчжангён*», представляющие собой копии ксилографов «*Тэчжангён*»; за 15 лет выпущено было 4700 томов. После того, как и ксилографы «*Сокчжангён*» пришли в негодность, в течение 14 лет, начиная с 1237 г. до 1251 г., печатание производилось с новых ксилографов, и было выпущено 6895 томов. Количество досок стало огромным — 81 258 штук. Таким образом, ксилографическим способом было выпущено всего 17 595 томов, а количество досок превысило 200 тыс. Эти данные говорят о том, что феодальное государство Корё прилагало значительные усилия для развития книгоиздательского дела. Известно, что книги, изданные ксилографическим способом, как по количеству печатных изданий, так и по содержанию являются одними из лучших в мире. Третья книга ксилографов, изготовленная более 700 лет тому назад, сохранилась и до сих пор. Тщательностью

техники выполнения и четкостью знаков она удивляет специалистов всего мира.

Эти книги, несмотря на длительный период хранения, прекрасно сохранились. На них не повлияли ни колебания температуры, ни изменение влажности воздуха. Они не были испорчены древоточащими насекомыми.

В течение двухвекового периода значительно развилось издание конфуцианских, астрономических и медицинских книг. Книги издавались не только в центре страны — в столице, но и во всех крупных городах. В Корею привозили и зарубежную литературу: повсеместно создавались мелкие и крупные библиотеки, хотя пользовались этими библиотеками только представители господствующих классов. Государственные книгохранилища, — такие как Чхонёнгак и Помунгак, — по количеству книг широко были известны в соседних с Кореей странах.

На базе развития полиграфической техники, особенно печатания книг ксилографическим способом, был изобретен подвижной металлический шрифт, который широко применялся в книгопечатании. Точные годы изобретения подвижного металлического шрифта не известны. Однако из произведения поэта Ли Гю Бо (1168—1241 гг.) *Синсосанчжонемун* из сборника «Тонгукисангукчип», известно, что правитель Корё в тот период приказал, чтобы напечатанные подвижным металлическим шрифтом 28 экземпляров книги были переданы в каждое государственное учреждение. Дата выпуска этой книги точно не указывается, но очевидно, это происходило в период между 1232 годом, когда столица Кореи была перенесена на остров Канхвадо, и 1241 г. (год кончины Ли Гю Бо). Кроме того, указывается на то, что в сентябре 1239 г. на острове Канхвадо было переиздано произведение *Наммёнчхонхвасан* под названием *Наммёнчжондога*.

Итак, к какому же периоду относится начало применения подвижного металлического шрифта в Корее? В то тяжелое время, когда, спасаясь от монгольского нашествия, королевское правительство переехало на остров Канхвадо, не было возможности использовать подвижной металлический шрифт. Поэтому не могло быть переиздано и произведение *Наммёнчхонхвасан*. Ясно, что это произведение переиздавалось в Сеуле еще до переезда правительства на остров Канхвадо. Начало применения подвижного металлического шрифта в целом относится к XII—XIII вв., вернее к середине XII в. (не говоря уже о подвижных металлических шрифтах, использовавшихся для печатания небольших работ). Существует предположение, что появление подвижного металлического шрифта относится к XI в. или даже к более раннему периоду. Но это не подтверждается точными данными. Кроме того, в такой стране, как Китай, где ксилографический способ книгопечатания получил развитие раньше, чем в Корее, в 1041—1048 гг. был изобретен типографский шрифт *Кёни*. Если бы в Корее изобрели подвижной металлический шрифт раньше чем в Китае, то несомненно, что Китай сразу же получил бы этот шрифт. В этом случае не возникла бы необходимость в изобретении своего шрифта *Кёни*.

Несомненно, что корейский подвижной металлический шрифт является приобретением XII—XIII вв. Так как до наших дней не сохранились напечатанные этим шрифтом книги, такие как *Синсосанчжонемун*, то трудно судить о самом подвижном металлическом шрифте — материале, из которого он сделан, его форме и т. д. Но в целом он подходит ближе к распространенному в то время ксилографу, например, сохранившемуся

до нашего времени корейскому шрифту «*Тэчжангёнмокпхан.*» Предполагают, что металлический шрифт отливался из сплава, на 80—90% состоящего из меди. В конце XI в. чеканили медные монеты, а после XV в. точно было известно, что в большинстве случаев типографские шрифты были медными.

Славные имена гениальных изобретателей, создавших первый в мире подвижной металлический шрифт, неизвестны, но нет сомнения в том, что они являлись гравёрами, выделывавшими ксилографы в центральных учреждениях, или литейщиками, выходцами из чернорабочих.

Изобретением подвижного металлического шрифта Корея опередила Западную Европу где, как известно, шрифт был изобретен в XV в. Гутенбергом, то есть на три века позже. Изобретение подвижного металлического шрифта является одним из выдающихся достижений в истории мировой культуры. В современной литературе отмечают, что изобретен подвижной металлический шрифт впервые в Корее. Но дату его изобретения относят к более позднему периоду — XIV или XV вв. (J. D. Bernal, *Science in History*, London, 1954; перепечатка исследования по истории Китая). Это несомненно ошибочное представление.

Форма подвижного корейского металлического шрифта, в отличие от европейского, гораздо сложнее и меньше по размеру, но в то же время этим шрифтом одновременно набирали тысячу или более иероглифических знаков. Кроме того, этим шрифтом пользовались не только центральные учреждения, но частично и районные. Известно, что в 1377 г. в г. Чхончжу в монастыре Хындок подвижным металлическим шрифтом были напечатаны *Пэгун хвасан чхорок пульчжочикчи симчхе горё* (M. Courant, Bibliographie Coréenne, Paris, 1894).

После появления в Корее металлического шрифта феодальное правительство обратило особое внимание на выработку шрифта, которым стали все больше пользоваться.

В 1392 г. правительство Корё создало книжную палату, которая проводила книгопечатание металлическим шрифтом, продолжавшееся и при династии Ли.

В 1403 г. был вновь организован специальный литейный двор, и с февраля того же года начали изготовлять подвижной шрифт, в течение нескольких месяцев было изготовлено 100 тыс. знаков подвижного металлического шрифта. Срочное изготовление такого большого количества знаков шрифта обнаружило, что его формы несовершенны и хрупки. В течение 1420—1421 гг. государство обращало особое внимание на ликвидацию этих недостатков. Напечатанные усовершенствованным шрифтом такие книги, как *Чачхи тхонгамканмок*, *Саги*, *Сосан сонсэн чинмунчхуго Мунчжанхончжон*, *Мунсон* и др. сохранились до нашего времени и служат хорошим оригиналом для переизданий. Особого внимания заслуживает способность ксилографии печатать такие огромные издания как *Чачхи тхонгам* и *Саги*.

Неизвестен метод отливки подвижного шрифта XIII века, но до начала XV в. применяли следующий метод:

Прежде всего печатную доску покрывали слоем глины, затем вырезали знаки. Углубления заливали расплавленной медью. Полиграфический набор производили следующим образом: нижнюю доску заливали топленым воском, и пока он не затвердевал, на ней ставили шрифт, и после затвердения воска производили печатание. В связи с хрупким свойством воска такой метод печатания требует значительных затрат труда и материалов. Поэтому остро ставился вопрос об улучшении техники печатного дела.

В 1420 г. правительством было дано указание Ли Чену, чтобы наряду с усовершенствованием типографского шрифта улучшить и метод полиграфического набора. Проявляя свой талант и инициативу, Ли Чен добился успеха в усовершенствовании метода полиграфического набора. Во избежание колебаний шрифта он связывал литеры друг с другом тесьмой и располагал завязанный шрифт на нижней доске, заполняя промежуток клочками бумаги. Печатание после такого закрепления дало хороший результат, производительность увеличилась в несколько десятков раз, строчки были ровные. За период только с 1420 года по XVI век этот шрифт использовался 14 раз, и с его помощью было напечатано почти 40 названий печатных работ.

В нашей стране материалами для изготовления шрифта были медь, латунь, свинец, а параллельно пользовались также и деревянным шрифтом. В 1436 г. отливали шрифт из свинца, а в 1516—1519 гг. из латуни, но в большинстве случаев применялся медный шрифт. Наряду с ростом государственной полиграфической техники и широким применением подвижного металлического шрифта в 1577 г. в Сеуле отливался металлический шрифт частными лицами, и с его помощью издавались газеты. Шрифтом, изготовляемыми частными лицами, пользовались государственные учреждения для выпуска газет. Хотя под контролем феодальных правителей издание газет частными лицами не могло получить должного развития, но тем не менее оно способствовало развитию полиграфической техники.

В конце XVI в. агрессия японских захватчиков временно приостановила развитие полиграфии. В период войны японские захватчики уничтожили и вывезли в Японию огромное количество знаков подвижного металлического шрифта. Это надолго затормозило послевоенное развитие культуры в нашей стране.

В XVIII в. вновь наблюдалось оживление в области книгоиздательства. В течение 1772—1777 гг. два раза отливали подвижной металлический шрифт по 150 тыс. в год, а в течение 1795—1796 гг. по 300 тыс. шрифтов. Таким образом после издания *Санчжонемун* в XIII в. (спустя почти 630 лет), в 1870 г. общее количество оборотов подвижного металлического шрифта в феодальном государстве составляло 30, а за это время общее количество отлитого шрифта (лишь известного) превышало 200. Если добавить еще до сих пор неизвестные шрифты, то ясно, что их насчитывалось еще больше.

Из сказанного выше можно судить об уровне развития полиграфической техники в нашей стране. Корейский народ, безгранично преданный партии, в дальнейшем добьется еще больших успехов в развитии национальной полиграфической культуры, базирующейся на богатых культурных традициях.

По докладу выступили М. Н. Пак, Ким Сон Хён, И. И. Хван.

ХОН ГИ МУН (*Пхеньян*): МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА*

О морфологических особенностях корейского языка можно в двух словах сказать следующее: почти все формы в корейском языке образуются посредством аффиксации. Говоря более конкретно, среди спосо-

* Доклад был прочитан на корейском языке.

бов аффиксального образования форм преобладает суффиксация. Формообразующие суффиксы подразделяются на две группы — позиционные и непозиционные.

I. *Позиционные аффиксы*

Аффиксы, входящие в эту группу, делятся на четыре следующие подгруппы.

а) Падежные аффиксы. В эту подгруппу включаются не только аффиксы, указывающие на определенный падеж, но также и аффиксы типа *-то*, *-ман*, *-ккачжи*, *-мада* и т. п.

б) Соединительные аффиксы. В эту подгруппу входят аффиксы типа *-ни*, *-мйэн*, *-на*, *-ко* и др., а также типа *-ке*, *-торок* и т. п.

в) Заключительные аффиксы. Сюда относятся такие аффиксы, как *-нда*, *-нында*, *-ныня*, *-кэра* и др.

г) Определительные аффиксы. Сюда включаются аффиксы типа *-н/-ын*, *-ль/-ыль*, *-нын*, *-тэн*.

Многие исследователи считают определительные аффиксы временными. Конечно, нельзя категорически утверждать, что они не обладают никаким временным значением. Но главной функцией их является выражение определительной позиции слова, а не временного значения. Так, например, в словосочетаниях типа *пхурын саль* 'зеленый рис', *малгын муль* 'светлая вода' аффиксы *-н/-ын* почти не выражают временного значения, а выступают как показатели определительной позиции слова.

Некоторые исследователи относят формы на *-м/-ым* и на *-ки*, которые по значению соответствуют неопределенным формам глагола в индоевропейских языках, к позиционным категориям. На деле же позиционность этих форм проявляется лишь в тех случаях, когда к ним присоединяется какой-либо падежный или иной аффикс.

Среди исследователей распространено мнение о том, что позиционность существует сама собой, в чистом виде, без сопровождения каким-либо аффиксом падежа и т. п. Между тем, по нашему мнению, у этой формы позиционность обнаруживается лишь тогда, когда она выступает позиционно как существительное.

Таким образом, совершенно неоправданно усматривать позиционность как характерное свойство этих форм.

II. *Непозиционные аффиксы*

Непозиционные аффиксы подразделяются на следующие три подгруппы:

1) Показатели залога *-ки-* (*синги да* 'обувать'), *-и-* (*ногида* 'растопить'), *-хи-* (*ссэкхида* 'портить'), *-ри-* (*сальлида* 'оживить').

2) Показатели времени *-эт-* (*мэгэтта* 'кушал'), *-кет-* (*чапкетта* 'поймаю')

3) Показатель почтительности *-си-* (*касида*, 'уходить', *осида* 'приходить').

Приведенные примеры несомненно характеризуют особенности формообразующих аффиксов в корейском языке. Однако следует отметить еще несколько их конкретных особенностей.

Сущность этих особенностей сводится к следующему: во-первых, все аффиксы, соединяясь друг с другом, образуют своего рода сцепление (цепочку); во-вторых, образуя сцепление, аффиксы выступают в строго определенном порядке; в-третьих, в определенных условиях аффиксы могут иметь смысловую связь.

Поясним эти положения.

1-я особенность. Сцепление аффиксов. Для примера возьмем форму глагола *пальбысиэннынде* 'был растоптан' и рассмотрим значение аффиксов, составляющих её. *Пальб-* — основа, *-си-* — аффикс почтительности, *-эн-* (*-эт-*) — аффикс прошедшего времени, *-нынде-* — соединительный аффикс. Правилен ли такой анализ? Правилен, если подойти к рассмотрению этих явлений формально и тем более, с позиций сопоставления аффиксов корейского языка с аналогичными аффиксами языков индоевропейской системы. Однако трудно говорить, что они точно совпадают с подобными явлениями в индоевропейских языках, если учесть специфику корейского языка. В корейском языке различные грамматические аффиксы — почтительности, времени, соединительные и т. п. — ледуют после какой-либо основы, представляя как бы единое целое. Обратимся снова к вышеприведенному примеру. Здесь нельзя расчленять по ступеням *пальбы*, *пальбыси*, *пальбысиэт* и *пальбысиэннынде*; *сиэннынде-* выступает здесь как сцепление грамматических аффиксов, присоединяемое к основе.

Вот эта особенность сцепления аффиксов корейского языка до сих пор не освещена, хотя она сама собой разумеется в сознании носителей корейского языка.

Исключение составляют только залоговые аффиксы, которые присоединяются непосредственно к основе глагола и не выступают как элемент сцепления аффиксов. Так, например, в глаголах *нальлида* 'развеять' и *эхида* 'быть опутанным' не *-лида* и *-хида* присоединяется к *наль-* и *эк-*, а аффикс *-та* присоединяется к основам *нальли-* и *эхи-*.

В сцеплении аффиксов каждый элемент его занимает определенную позицию по отношению к основе и выражает определенное грамматическое значение.

2-я особенность. Порядок следования аффиксов. 1) В тех случаях, когда позиционные и непозиционные аффиксы соединяются друг с другом, — позиционные аффиксы всегда следуют за непозиционными.

2) Присоединяясь к основе, непозиционные аффиксы всегда выступают в строго определенном порядке: показатели залога — показатели почтительности — показатели времени и т. п.

3) Позиционные аффиксы выступают в следующем порядке: падежные аффиксы — соединительные аффиксы — заключительные аффиксы и т. п.

Здесь возникает проблема сцепления падежных либо соединительных аффиксов между собой, и прежде всего вопрос о так называемых сложных (совмещенных) падежах. На этот счет я не могу высказать определенного мнения, так как эта проблема требует особо тщательного исследования.

Что же касается проблемы «сцепления» аффиксов, то задача состоит в том, чтобы полнее осветить важнейшую особенность аффиксов, а именно строго определенный порядок их следования друг за другом.

3-я особенность. Смысловая связь аффиксов. Рассмотрим следующий пример: *сан-и нопко мур-и кипчи антха*. Это предложение можно толковать двояко. 1-й вариант: 'Гора высокая, а река неглубокая'. 2-й ва-

риант: 'И гора невысокая и река неглубокая'. Почему же возможны столь различные толкования этого предложния? Они возможны потому, что здесь можно распознать два различных типа связи этих предложений. С одной стороны *сан-и нопко* и *мур-и кипчи антха* ('гора высокая', и 'река не глубокая'). А с другой стороны *сан-и нопчи антха* и *мур-и кипчи антхаа*, так как *антха* относится и к первому словосочетанию.

Теперь обратимся к следующему примеру: *сан-и нопко мур-и кипхыня?* 'высока ли гора, глубока ли река?' В данном предложении вопрос распространяется на оба компонента предложения (Ср. *сан-и нопко* 'высока ли гора?', *мур-и кипхыня* 'глубока ли река?').

Спрашивается, отличается ли толкование соединительной связи этого предложения от толкования предыдущего предложения? Конечно, нет. Потому что вопросительное значение аффикса *-ня*, наличествующего в *кипхыня* 'глубока ли', распространяется и на слово *нопко* 'высокий'. Такое явление мы называем смысловой связью. Точно также, значение аффикса именительного падежа *-ка* в словосочетании *на-ва не-га* ('я и ты') не только относится к местоимению *не*, но и распространяется на предыдущее местоимение *на*.

В словосочетании *на-ва нэ-рыл* ('меня и тебя') аффикс *-рыл* не только указывает на винительный падеж местоимения *нэ*, но также и на винительный падеж местоимения *на*.

Далее рассмотрим словосочетания типа *пи-га ондаго* ('говорят, что дождь идет'), *пи-га ондадэни* ('говорят, что дождь идет, поэтому...'), *пи-га ондамйэнсэ* ('говорят, что дождь идет и одновременно...') и т. п.

Если посмотреть на эти образования в историческом плане, то мы имели бы тогда соответственно *онда хаго*, *онда хадэни*, *онда хамйэнсэ* и т. п. С развитием языка *хада* выпало, и в настоящее время словосочетание *пи-га онда*, присоединяя различные аффиксы типа *-ко*, *-тэни*, *-мйэнсэ* и др., выступает как своеобразное сцепление аффиксов.

Среди исследователей имеется попытка по другому истолковать эти позиционные аффиксы, но с их мнением мы не можем согласиться.

Далее. Факты показывают, что перечисленные выше особенности присущи не только позиционным, но также могут обнаруживаться и у непозиционных аффиксов.

Рассмотрим следующие примеры с аффиксом почтительности *-си-* и без него: *абэчжи-га осйэсэ нэ-рыль пурысинда* 'Вошел батюшка и зовет тебя'; *абэчжи-га васэ нэ-рыл пурында* 'Вошел отец и зовет тебя'.

Первый пример с аффиксом почтительности является типичным.

Чаще всего аффикс почтительности *-си-* опускается в одном из сказуемых. Сравни: *абэчжи-га осйэсэ нэ-рыл пурында* 'Батюшка пришёл и зовет тебя' и *абэчжи-га васэ нэ-рыл пурысинда* 'Батюшка вошел и зовет тебя'.

В этих примерах аффикс *-си-* наличествует либо в глаголе *ода*, либо в *пурыда*. Но главное здесь состоит в том, что наличие аффикса почтительности в одном глаголе достаточно, чтобы осознать значение почтительности в другом глаголе.

Явления такого рода мы наблюдаем не только с суффиксами почтительности, но и с временными аффиксами. Например: *тар-и пакко парам-и мальгатта* 'И месяц был светел, и ветерок был свеж', *пап-то мжкко сул-то масигетта* 'И каши поем, и водки выпью'.

Как видно из первого примера, значение аффикса прошедшего времени *-атт-*, наличествующего в слове *мальгатта* 'был свежий', распространяется и на слово *пакко* 'светлый'. Во втором примере значение

аффикса будущего времени *-кет-* распространяется и на впереди стоящий глагол *мэкко* 'кушать'.

Таким образом, некоторые явления морфологии и синтаксиса, являющиеся двумя разными разделами грамматики, не только существенно отличаются друг от друга, но и взаимосвязаны. При этом следует учесть, что степень взаимосвязи этих явлений применительно к каждому конкретному языку различна, так как степень идентичности подобных явлений выражается по-разному в зависимости от типа и формы каждого языка.

Если допустить, что индоевропейские и тибето-китайские языки в древности не могли соприкасаться друг с другом, то безусловно нельзя проводить никаких параллелей между явлениями связи элементов корейского языка и языков индоевропейской группы. Кстати, некоторые исследователи корейского языка не обращают внимания на существенные различия этих языков, проявляющиеся в особенностях смысловой связи элементов.

Мы разделяем формообразующие аффиксы корейского языка на позиционные и непозиционные. Это деление правильно. Однако общее понятие позиционности очень широкое. Оно пронизывает не только категории морфологии, но также распространяется и на синтаксические категории. Не подлежит сомнению, что формообразующие аффиксы корейского языка существенно отличаются от подобных аффиксов индоевропейских языков.

Конечно, смысловая связь не есть явление, существующее только в корейском языке. В японском языке также обнаруживаются факты, в какой-то степени близкие явлениям, наблюдающимся в корейском языке.

Интересно отметить, что такая смысловая связь очень удобна в тех случаях, когда какое-либо слово или словосочетание древнего или современного китайского языка заимствуется корейским или японским языком. Исходя из этого, мы предполагаем, что определенная общность между корейским и японским языками сложилась при одинаковых языковых условиях, когда китайская письменность *ханмун* долгое время служила письменным языком в этих странах.

По докладу выступили Ф. В. Мальков, То Ю Хо, А. А. Холодович.

ЦОЙ ЧОН ХУ (*Пхеньян*): СИНГАРМОНИЗМ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА XV—XVI вв.)*

Правильное освещение вопроса о гармонии гласных в корейском языке окажет немалую помощь не только в изучении языка, но и в решении вопроса о родственных отношениях корейского языка с другими языками (языками алтайскоїі семьи, японским языком и т. д.), которому уделяли внимание лингвисты еще с давних времен.

Хотя исследователи языка как в самоїі Корее, так и за ее пределами проявляют интерес к гармонии гласных в корейском языке, однако в свет вышло мало работ, в которых этот вопрос подвергался бы детальному исследованию.

* Доклад был прочитан на корейском языке.

Так, например, в работах Огура Симпей, Ли Сын Ёна и других авторов не раскрыты полностью особенности сингармонизма в корейском языке и его закономерности.

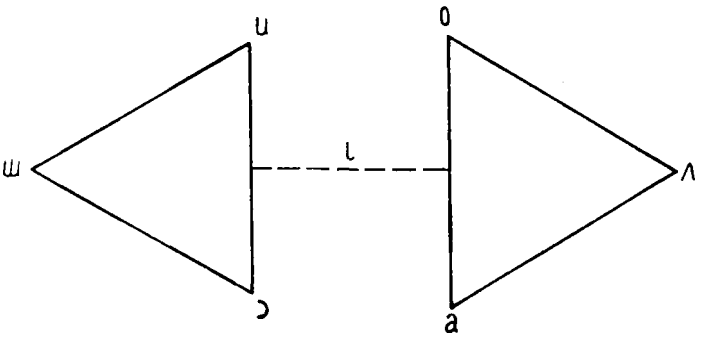
Научное освещение состояния сингармонизма в современном корейском языке возможно только на основе исследования гармонии гласных в корейском языке XV—XVI вв., ибо, во-первых, в современном корейском языке гармония гласных почти не сохранилась, кроме ономатопоэтических слов, где она наблюдается довольно часто, и образования некоторых форм глаголов, во-вторых, хотя до XV века явления сингармонизма часто встречались в языке, однако они не отражались в письме, что вызывает серьезные трудности в исследовании гармонии гласных и делает невозможным полностью раскрыть ее закономерности. Материал, опубликованный «Корейским национальным алфавитом» (*Хунмин чоным*), крайне скуден и недостаточен для полного анализа состояния гармонии гласных в языке XV—XVI веков.

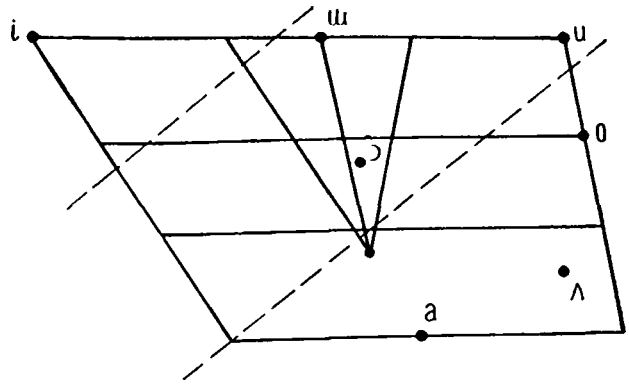
Чтобы ясно представлять себе характер и особенности гармонии гласных в корейском языке XV—XVI вв., прежде всего необходимо уяснить систему гласных в языке того периода. В корейском языке XV—XVI вв. были следующие гласные: монофтонги — ·(ʌ), ㅗ (o), ㅏ (a), — (ɯ), ㅜ (u), ㅓ (ɔ), | (i); дифтонги — ·| (ʌi), ㅗ| (oi), ㅏ| (ai), ㅓ| (ɯi), ㅜ| (ui), ㅓ| (ɔi → e), ㅛ (io), ㅑ (ia), ㅠ (iu), ㅕ (iɔ), ㅗㅏ (oa), ㅜㅓ (uɔ).

Какие же закономерности действовали в гармонии этих гласных? Анализ материалов (*Хунмин чоным*, *Ёнбиочхонга*, *Воронсскпо*, *Тусионхэ*, *Хунмончахве*) свидетельствует, что в языке XV—XVI веков наблюдался следующий сингармонизм:

1) если гласный первого слога — звук · (ʌ), то за ним следуют гласные · (ʌ), ㅗ (o), ㅏ (a) и | (i);
2) если гласный первого слога — ㅗ (o), то за ним следуют гласные ㅗ (o), · (ʌ), ㅏ (a) и | (i);
3) если гласный первого слога — ㅏ (a), то за ним следуют гласные ㅏ (a), · (ʌ), ㅗ (o) и | (i);
4) если гласный первого слога — — (ɯ), то за ним следуют гласные — (ɯ), ㅜ (u), ㅓ (ɔ) и | (i);
5) если гласный первого слога — ㅜ (u), то за ним следуют гласные ㅜ (u), — (ɯ), ㅓ (ɔ) и | (i);
6) если гласный первого слога — ㅓ (ɔ), то за ним следуют гласные ㅓ (ɔ), — (ɯ), ㅜ (u) и | (i);
7) если гласный первого слога — | (i), то за ним могут следовать гласные | (i), · (ʌ), ㅗ (o), ㅏ (a), а также гласные — (ɯ), ㅜ (u), ㅓ (ɔ).

Таким образом, в гармонии гласных наблюдается определенная закономерность, которая может быть представлена на следующих схемах.

Из схемы видно, что «светлые» гласные ʌ, o, a проявляют взаимную зависимость, характеризуются общностью и образуют свой район сингармонизма, точно так же «темные» гласные ɯ, u, ɔ проявляют взаимную зависимость, характеризуются общностью и образуют свой район сингармонизма. Звук i не входит ни в одну из этих двух групп гласных и занимает промежуточную позицию. Он гармонирует как со «светлыми», так и с «темными» гласными.

Из вышеуказанного можно заключить:

1. Сингармонизм в корейском языке прогрессивный (конечно, имеет место и регрессивный сингармонизм, который возник позже и является позиционным, а не общим). Сингармонизм в корейском языке определяется всегда гласным первого слога.

2. Сингармонизм происходил по подъему языка, т. е. по признаку открытости и закрытости гласных. В корейском языке не наблюдался сингармонизм по признаку участия губ, как это имеет место в тюркских языках, и нет также сингармонизма по рядам гласных, как в монгольских языках.

3. Сингармонируют «светлые» гласные со «светлыми», «темные» гласные с «темными», а промежуточный гласный i сингармонирует как со «светлыми», так и с «темными» гласными.

Сингармонизм гласных не распространялся на сложные слова, а встречался только внутри простого слова, главным образом, в его основе. В редких случаях действие сингармонизма распространялось на соединительные гласные -(ʌ),—(ɯ), на некоторые суффиксы и падежные окончания (например, на окончание винительного падежа).

Следует отметить, что сингармонизм действовал не только в исконно корейской лексике, но распространялся на некоторые заимствования из китайского языка слова, например 도적 *точжйск* → 도족 *точжок* 'воровство', 우방 *убанъ* → 우엉 *уэнъ* 'репейник' и т. д. Нет сомнения в том, что подобные слова в силу их частого употребления утратили былую природу китайского слова.

Можно наблюдать интересное явление в сингармонизме с гласным —(ɯ). Как и в ряде языков алтайской семьи гласный —(ɯ) сингармонирует со «светлыми» и «темными» гласными, но проявляет тенденцию к гармонии с «темными» гласными. Это объясняется тем, что звук —(ɯ) гласный высокого подъема, и по характеру артикуляции стоит ближе к «темным» гласным.

Далее. В одном и том же памятнике можно наблюдать случаи двоякого написания слова — либо со светлым гласным, либо с темным

гласным, например: *саль* → *сэль* 'возраст', *мари* → *мэри* 'голова'. Подобные случаи встречаются довольно часто.

Случаи параллельного употребления двух звуков встречаются также в словах, обозначающих цвета, например: *норан* → *нурэн* 'жёлтый', *пхаран* → *пхэрэн* 'зеленый', 'голубой'. Такое противопоставление звуков в словах, обозначающих оттенки значений, особенно развито в ономатопоэтических словах, которые прочно сохранили до сегодняшнего дня систему гармонии гласных. Ономатопоэтические слова могут выражать еще более тонкие и многобразные оттенки значений посредством чередования слабых, сильных и придыхательных согласных.

Выражение различий в оттенках значений посредством различных звуков в своем развитии привело в некоторых случаях к лексическому различению и выделению новых слов, например: *мат* 'вкус' → *мэт* 'фатовство', *коль* 'ложбина' → *куль* 'пещера', *налгын* 'старый' → *нылгын* 'старый'.

Мы кратко рассмотрели гармонию гласных в корейском языке XV—XVI вв., встречавшуюся в разных случаях. Однако мы не можем не отметить, что в XV и XVI вв. нередко наблюдались нарушения сингармонизма, как в корне (основе), так и в суффиксах и окончаниях. На основе тщательного исследования нарушений сингармонизма можно сказать, что они были связаны с колебаниями в гармонии гласных, наблюдавшимися в языке XV—XVI веков.

Следует отметить, что законы сингармонизма в корейском языке действовали еще до XV века. А в XV и XVI вв. впервые наблюдаются нарушения этой закономерности, и в XVII в. сингармонизм совсем разрушился. С этим процессом связаны значительные изменения, происшедшие в системе гласных, например исчезновение звука · (Λ), возникновение новых звуков, связанное с образованием монофтонгов из дифтонгов. Эти процессы не могли не привести к нарушению сингармонизма. Внешним фактором разрушения сингармонизма явилось проникновение в корейский язык большого количества китайских слов.

Следует отметить, что в нарушении сингармонизма активными оказались «темные» гласные, пассивными — «светлые» гласные.

* * *

В XV—XVI вв. сингармонизм в корейском языке хотя начал разрушаться, но сохранялся довольно долго. По своему характеру сингармонизм был прогрессивным, осуществлялся он по подъему языка, то есть между открытыми и закрытыми гласными. Чаще всего наблюдался сингармонизм в корне (основе), но иногда он распространялся на суффикс и падежное окончание. В некоторых случаях гармония гласных выходила за рамки выражения оттенков значения и приводила к выделению новых слов.

По докладу выступили И. И. Хван, Ф. В. Мальков, Л. Р. Концевич, Л. Б. Никольский, Ю. Н. Мазур, В. Васильев, А. А. Холодович.

СЕКЦИЯ XVIII

ИСТОРИЯ МОНГОЛИИ

9 августа, вечернее заседание

Председатель И. М. Майский (*Москва*)

Ш. НАЦОКДОРЖИ (*Улан-Батор*): ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ*

В июле 1961 года монгольский народ торжественно отметит 40-летие своей народной революции. К своему славному сорокалетию наш народ приходит с огромными достижениями во всех областях народного хозяйства и культуры. Как известно, до революции животноводство представляло единственную отрасль сельского хозяйства Монголии, а сейчас мы имеем развитое земледелие, которое уже в ближайшие годы позволит обеспечить нашу страну своими продуктами.

В настоящее время доля промышленности в валовой продукции сельскохозяйственного и промышленного производства составляет более 40%.

В дореволюционной Монголии не было национальной промышленности, отсутствовал и рабочий класс. Ныне у нас успешно развивается национальная промышленность и транспорт, в результате чего Монголия из традиционной животноводческой страны превратилась в страну аграрно-индустриальную.

За годы революции у нас произошла настоящая культурная революция, страна покрылась густой сетью школ, число учащейся молодежи достигает 100 000, страна стала поголовно грамотной. Благодаря заботам партии и народной власти о здоровье трудящихся и успешному развитию здравоохранения, Монголия сейчас является одной из стран мира с высокой рождаемостью (30 детей на 1000 человек населения).

Велики успехи и достижения нашей страны, но для достижения этих успехов монгольский народ должен был пройти трудный, но славный путь борьбы.

В этом сообщении мы попытаемся наметить основные этапы того пути от феодализма к социализму, который наш народ проделал за 40 лет.

Народная власть Монголии получила в наследство от старого режима разоренную, нищую страну, в которой царил полный хаос. Несмотря на это, молодая революционная власть энергично взялась за преобразование страны.

В то время перед страной стояли три основные задачи: во-первых, уничтожение колониализма и его последствий, во-вторых, ликвидация феодализма, в-третьих, развитие производительных сил страны на новых началах.

Хотя в 1921 г. в основном с территории страны и были изгнаны иностранные оккупанты, но Монголия продолжала оставаться под эконо-

---

* Доклад был прочитан на монгольском языке.

мическим господством капиталистических стран. Без завоевания экономической самостоятельности не могло быть и речи об упрочении народного строя, сохранении свободы и независимости. Поэтому народная власть энергично приступила к осуществлению мероприятий по развитию национальной кооперативной, частной и государственной торговли, строительству национальной промышленности и подъему животноводства.

Для достижения этих целей необходимо было ликвидировать пагубное влияние капиталистических монополий, действовавших, главным образом, через посредство китайского торгово-ростовщического капитала и державших в своих руках почти всю внутреннюю и внешнюю торговлю, разоряя страну и народ.

Монгольский народ в течение 20 с лишним лет должен был при помощи великого Советского Союза самым решительным образом отстаивать свою политическую самостоятельность от посягательств со стороны японских империалистов. Борьба за сохранение независимости явилась самой главной задачей нашего молодого государства.

Главным историческим результатом нашей революции является полное освобождение монгольского трудового народа не только от империалистического гнета феодализма. Борьба против феодализма и за ликвидацию феодалов как класса, в силу исторических условий нашей страны, имела свои особенности и специфику. В результате революции власть перешла из рук феодалов в руки народа мирным путем, без таких острых форм классовой борьбы как гражданская война. Это объясняется тем, что феодалы не в состоянии были оказать вооруженное сопротивление силам революции, они были раздроблены и неспособны к открытым активным формам политической борьбы, они не смогли создать своей политической партии. Все это парализовало их действия против революционного строя.

Учитывая внешнее и внутреннее положение страны, в частности, угрозу со стороны внешних врагов, большое влияние церкви во главе с Богдо-гэгэном и отсталость народных масс, недостаточную зрелость народной власти, особенно на местах, партия и правительство решили вести борьбу против феодализма постепенно, по мере укрепления народной власти и повышения политической сознательности масс. Прежде всего Народное правительство приняло меры по ограничению и ликвидации политических прав светских и духовных феодалов. Борьба за ликвидацию политических прав феодалов и демократизацию страны, проводившаяся с 1921 г., в основном была завершена в 1924 г. Происшедшие преобразования были зафиксированы первой Конституцией МНР.

Все более активно развертывалась борьба за ликвидацию экономической мощи и тем самым за ликвидацию феодалов как класса. Некоторое сдерживающее влияние на развитие этого процесса оказал тот факт, что одно время к руководству партии и правительства пробрались представители феодалов и нарождающейся монгольской буржуазии в лице правых элементов. Это было в период 1926—1928 годов. После разгрома правых элементов были предприняты решительные меры по уничтожению экономической мощи феодалов, и в 1929—31 гг. их богатства, опираясь на которое они продолжали эксплуатировать трудящихся монголов, были экспроприированы.

Мы здесь говорили главным образом о светских феодалах, борьба с которыми была к этому времени успешно завершена в силу того обстоятельства, что они не пользовались никаким авторитетом или поддержкой среди народных масс. Араты единодушно шли на борьбу со светскими

феодалами, проявляя огромную активность. Это, разумеется, облегчило борьбу против светских феодалов, но успешная ликвидация феодализма во многом зависела от борьбы против духовных феодалов, сила и влияние которых были неизмеримы по сравнению с их светскими собратьями. Во-первых, они пользовались религиозным авторитетом среди населения, во-вторых, под их непосредственным руководством находилась многотысячная армия ламства, в-третьих, они целиком и полностью сохранили свою церковную организацию с ее дисциплиной, в-четвертых, главной экономической силой желтых феодалов являлись огромные стада и богатства монастырей, которые еще не были затронуты народной властью.

Главной и основной силой желтых феодалов и их опорой являлась многотысячная армия ламства, поэтому партия и народная власть проводили политику постепенного и вполне добровольного перевода ламства от паразитического образа жизни к общественно-полезному труду. Мероприятия партии и правительства, направленные против желтых феодалов, вызвали среди них враждебные действия, выразившиеся в целом ряде мятежей и заговоров, которые возглавлялись желтыми феодалами и реакционной верхушкой ламства, выступавших как прямые агенты империализма. Разоблачение и разгром верхушки реакционного ламства, с одной стороны, оттолкнули от них верующих аратов, а с другой стороны, способствовали уходу низших лам из монастырей и их окончательному переходу к светскому образу жизни. Так постепенно были подготовлены условия, позволившие к 40-м годам завершить ликвидацию феодалов, как эксплуататорского класса. Важно при этом отметить, что борьба против церковных феодалов отнюдь не означала борьбу против ламаизма как религии. Церковь в нашей стране, согласно Конституции 1924 г., была отделена от государства, а религия была объявлена частным делом верующих. Вопреки клеветническим утверждениям наших недругов, мы можем заявить, что, как правило, честные служители церкви и светские верующие в нашей стране не подвергались репрессиям. Ламы и верующие и сегодня имеются в МНР, но эксплуататорская и антинациональная часть духовенства подверглась экспроприации и была обезврежена. Таким образом, к 40-м годам в основном была успешно разрешена программа антифеодальной революции.

Одновременно с постепенной ликвидацией класса феодалов, с упорной борьбой за экономическую самостоятельность страны и ликвидацию иностранного капитала в экономике страны, народно-демократическое государство активно занималось хозяйственно-культурным строительством.

С первого дня победы народного строя перед нашей страной встал вопрос, по какому пути развития пойти: по капиталистическому или по некапиталистическому? Наш народ, руководимый Народно-революционной партией, избрал второй путь — путь социализма. Это был единственно правильный путь, ибо идя по этому пути страна смогла сохранить свою независимость, обеспечить быстрое развитие народного хозяйства и культуры, вывести страну из векового прозябания. Особенности экономического развития Монголии заключались в том, чтобы поднять частные аратские хозяйства, которые были в крайне застойном состоянии в результате феодально-колониального гнета; исходя из этого, народно-демократическое государство всячески поощряло инициативу аратских хозяйств, одновременно проводя мероприятия по ограничению развития национальных капиталистических элементов, которые после победы народной революции имели тенденцию к усилению.

Наряду с этим партия и народная власть всемерно стремились к развитию и укреплению социалистических форм хозяйства в экономике МНР.

С развитием национальной промышленности нарождался монгольский рабочий класс, борьба за развитие национальной по форме и революционной по содержанию культуры содействовала появлению новой национальной интеллигенции.

Огромные изменения за время демократического этапа революции (1921—1940 гг.) обусловили переход к социалистическому этапу, который был отражен в Конституции, принятой VIII Великим Народным Хуралом в июне 1940 г.

Переход от демократического этапа к социалистическому был закономерным процессом развития революции 1921 года.

Основной задачей социалистического этапа является подготовка материальных и культурных условий для перехода к социализму.

Наша страна, как известно, не могла сразу после вступления на некапиталистический путь развития развернуть социалистические преобразования во всей экономике, в частности, в ее основной отрасли — сельском хозяйстве, так как производительные силы МНР не достигли соответствующего уровня. Кроме того, при переходе к социалистическому этапу развития нас застала вторая мировая война. Разгром фашизма и японского империализма, установление мира, образование мировой социалистической экономической системы открыли благоприятные условия для особенно быстрых темпов роста и развития нашей страны.

Отличительная черта послевоенного развития нашей страны — ее стремительная быстрота.

В послевоенные годы у нас особенно сильно развилась промышленность, были достигнуты большие успехи в деле развития современных видов транспорта, в промышленности возникли новые важные отрасли, бурно расцвел железнодорожный, воздушный и автомобильный транспорт, быстро стали развиваться современные виды связи. Если сравнить продукцию промышленности МНР 1959 г. с продукцией 1940 г., то она возросла в 5,8 раз. Быстрым темпом развивается дело народного образования и здравоохранения, наука, культура, искусство и литература, повысился жизненный уровень трудящихся. Но главное, решающее достижение второго периода развития нашей революции — это успешное добровольное производственное кооперирование частных аратских хозяйств.

Это достижение по своему значению равно победе народной революции 1921 года. Кооперирование индивидуальных аратских хозяйств в условиях нашей страны осуществлялось постепенно в течение 20 с лишним лет. Это было исторической необходимостью и закономерным процессом развития нашего общества, избавленного от колониально-феодального гнета.

Если на первом этапе революции класс феодалов был ликвидирован насильственным путем и немногие сельские и городские капиталистические элементы были ограничены в своем развитии, в результате чего их число из года в год уменьшалось, то на социалистическом этапе немногочисленные капиталистические элементы вместе с аратскими массами были вовлечены в кооперативное движение.

Социалистическое преобразование мелких частных аратских хозяйств прежде всего знаменует собой ликвидацию экономической основы эксплуатации человека человеком и открывает широчайшие возможности

для прогрессивного развития животноводства на новой социалистической основе.

Четвертая сессия первого созыва Великого Народного Хурала, имевшая место в июле 1960 г., утвердила новую Конституцию, в которой торжественно отражены огромные исторические изменения и преобразования, происшедшие со времени Конституции 1940 г., зафиксировано, что в нашей стране полностью победили социалистические отношения.

Ныне наш народ под руководством своего испытанного вождя, Монгольской Народно-революционной партии, и при помощи великого Советского Союза и других братских стран социалистического лагеря борется за полное торжество победы социализма. Решающей программой этой борьбы за построение социализма, является разрабатываемый сейчас партией и правительством III пятилетний план развития народного хозяйства и культуры на 1961—1965 гг.

Одна из задач III-го пятилетнего плана — довести удельный вес промышленной продукции в общем объеме производства всех отраслей народного хозяйства до 50%. Причем валовая продукция всей промышленности должна возрасти не менее, чем на 60% против 1960 г., или в 2,4 раза по сравнению с 1957 г. — последним годом второй пятилетки.

В 1961—1965 гг. будут заложены основы металлургической промышленности, созданы рудоплавильные предприятия, на базе их — химическая промышленность, будет положено начало фармацевтической химии.

Огромные успехи нашей страны обусловлены прежде всего энергией и трудовыми усилиями нашего народа, мудрым руководством МНРП, постоянной помощью великого Советского Союза и других стран социализма.

Почти сорокалетняя история нашего народа доказывает, во-первых, что народ, завоевавший свободу и независимость, открывает перед собой широкую дорогу к прогрессу и процветанию; во-вторых, она подтверждает правоту марксизма-ленинизма в вопросе о возможности некапиталистического пути развития отсталых народов при помощи победившего пролетариата; в-третьих, изо дня в день повышающийся уровень жизни нашего народа еще раз доказывает преимущества социализма перед капитализмом.

Таким образом, периодизация истории народной революции в нашей стране рисуется в следующем виде:

1921—1924 гг. — борьба за победу народно-демократического строя;

1924—1940 гг. — борьба за завершение антифеодальной революции и создание материально-культурных предпосылок социализма;

1940—1958 гг. — борьба за победу социалистических производственных отношений в экономике страны;

С 1958 г. начинается новый период развития нашей страны, а именно— период создания материально-технической базы социализма в целях полного построения социализма и перехода к коммунизму.

По докладу выступил А. Т. Якимов.

WILLIAM B. BALLIS (*Ann Arbor*): HISTORICAL PERSPECTIVES ON THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE MONGOLIAN PEOPLE'S REPUBLIC

Outer Mongolia, now called the Mongolian People's Republic, was the first of the states within the Soviet Bloc to be classed as a «people's

democracy". Since 1921 when the Red Army entered Outer Mongolia, that country has had the longest span of years of existence as a "people's" democracy. The *Great Soviet Encyclopedia* described this country in the following manner:

"The Mongolian People's Republic (Outer Mongolia, according to the old Chinese terminology) is a bourgeois-democratic republic of a new type, conceived as a result of the revolutionary struggle of the people's masses against imperialism and Mongolian feudal lords and developing as an anti-imperialist republic. The Mongolian People's Republic has been liquidating feudal relations within the country, thereby establishing the bases for the non-capitalistic way of development"[1].

The second edition of the *Great Soviet Encyclopedia* does not give the above description but quotes Article I of the Mongolian Constitution of 1940 as amended in 1952, which states:

"The Mongolian People's Republic is an independent state of workers (*arat* cattle raisers, workers and intelligentsia) who have annihilated the imperialist and feudal yoke, ensuring a non-capitalistic approach to the development of the country to pave the way to socialism in the future" [2].

A recent text on the theory of the people's democracy compares the Mongolian People's Republic with the Eastern European people's democracies as follows:

"The peculiar development which distinguishes the MPR from the development of the European People's Republics is that the MPR is accomplishing the transition of feudalism to socialism without the stage of capitalism, while the European People's Republics (except Albania) are carrying out the transition from capitalism to socialism" [3].

The official organ of the Comintern stated in 1930:

"The Colonies can learn a great deal from what is taking place in the independent Mongolian People's Republic. The MPR is an interesting proof of how a backward people, which until recently lived the life of nomads, is making progress while avoiding the purgatory of capitalism because it is lead by a national revolutionary party which is benefiting from the experiences of the Russian October Revolution" [4].

That Mongolia did not have a proletariat which could lead the country into socialism did not impede its non-capitalist development. The leadership was admittedly supplied by the Soviet Union. In a discussion a few years ago in the Oriental Institute of the Academy of Sciences, E. M. Zhukov, the Director of the Institute, stated that "the constant disinterested assistance, the ideological and political support of the Soviet Union ensured to the Mongolian people's government — to the 'peasant soviets' — the necessary proletarian leadership". Zhukov went on to say: "the whole significance of the teaching of the non-capitalistic path of development consists of the fact that the working class of the country of victorious socialism takes upon itself the leadership of a backward country with a peasant population" [5].

As early as 1907 Russia had a recognized interest in Outer Mongolia, when Japan in a secret treaty of that year acknowledged Russian interest there. As a result of the Chinese Revolution of 1911—12, Russia concluded in 1912 a separate treaty with Outer Mongolia, which contained the following statement:

"The Imperial Russian Government will lend Mongolia its assistance in order to preserve her present autonomy and also her right to keep her national army, forbidding entry to Chinese armies and colonization of her lands by the Chinese [6]". The Mongol princes who were leading the autonomy

movement were disappointed that Outer Mongolia was still under the sovereignty of China. Russia and China signed on Nov. 5, 1913 an agreement which affirmed Chinese suzerainty over Outer Mongolia, but at the same time recognized it as being autonomous. On June 7, 1915, the Tripartite Agreement between Russia, China and Outer Mongolia which recognized the previous agreements was signed.

Russia's involvement in World War I, the Bolshevik revolution and the Civil War made her position in Outer Mongolia less strong until 1921. While Russia was in the throes of revolution and counter-revolution, Outer Mongolia was also experiencing similar struggles. Native opposition to the Chinese influence created tension in Outer Mongolia. Mongol princes and lamas exploited other Mongols, thus contributing to internal stress. Even from 1912, many groups of Mongols desired to rebel from the Chinese economic exploitation and wished to revolt from the oppression of the Mongol feudal lords and higher clergy. In the pre-Bolshevik revolutionary period, these groups periodically asked the Russians for assistance. The dominant attitude of the Mongol national leaders was anti-Chinese, although some supporters of Mongolian autonomy affiliated with the Chinese party. The pro-Russian party was headed by the *Bogdo-Gegen* who, though not slavish in following the Russians, nevertheless allowed himself to be used by them. All the Mongol leaders were for Pan-Mongolism. These leaders advocated Mongolia for the Mongols but disagreed on how it was to be obtained. An influential group of these leaders were Buryat Mongols.

In the period 1919—21 the Moscow oriented Mongol revolutionaries began to fuse with the older forces of the Mongolian revolution. The Mongolian Revolution of 1921 resulted more from the centripetal forces generated by the Bolshevik Revolution than from the centrifugal forces of the brewing Mongolian revolutionary movement which was diffuse and varied. While it is true that all wings of the Mongolian revolutionary movement were desirous of expelling Chinese influence from Mongolia, all the Mongolian revolutionary groups were not united in turning to Russian Communism for leadership.

In 1919 the Communist oriented Mongolian revolutionaries, among them Sukhe Bator, who organized the Mongolian Revolutionary People's Party, and Choibalsang, who succeeded him, met in Siberia in a conference. Before 1919, the Mongolian nationalist leaders wanted to establish a national, semi-feudal and traditionalist state independent of China. When the People's Party took over it also wanted a national independent state, but an anti-feudal Marxist oriented state. In speaking of the Russian Communist influence on the Mongolian revolutionary group in 1920, Nacogdorji states in his *Life of Sukhe Bator*:

"In the work of this revolutionary group, the Russian revolutionary Bolsheviks Gembarzhevskii and Kucherenko [Russians living in Urga] were of great assistance. In particular these two for the first time penetrated among the young Mongol revolutionaries with Marxism-Leninism, and transmitted to them the achievements and experience of the Socialist Great October Revolution that had arisen in Russia and the revolutionary struggle of the Russian proletariat" [7].

While these activities were going on, certain Mongol princes hoped that by joining forces with some Chinese groups, Russian influence in Mongolia could be curtailed. In the fall of 1919, a Chinese army under General Hsü Shu-tseng (known as "Little" Hsü) allegedly backed by the Japanese-controlled Anfu clique, invaded Outer Mongolia under the pretext of saving

it from the Mongol revolutionaries. The unresisted Chinese army reached Urga and forced the *Bogdo-Gegen* to sign away Mongolian autonomy, which was won from the Manchus in 1912. This act incited the Mongolian nationalist groups to greater activity. About a dozen Mongol nationalists became the prototype of the People's Revolutionary Party. They swore an oath to maintain iron discipline, secrecy and a Communist party type organization. Hsü arrested the *Bogdo-Gegen*, but did not liquidate him. The Mongol group, led by Sukhe Bator and Choibalsang, succeeded in getting the *Bogdo-Gegen*'s seal on a petition to Russia to expel the Chinese rulers in Outer Mongolia. Choibalsang went in June 1920 with the petition to Ulan-Ude, which was then part of the Far Eastern Republic of Siberia to appeal to this appendage of the Russian Socialist Soviet Republic for aid. In the same month, Hsü was recalled to Peking. The Chinese pressure on the Mongols became more relaxed and the Mongolian nationalists stepped up their agitation.

Meanwhile, certain leaders of "White" forces in Siberia, who were sporadically engaged in various encounters with "Red" forces, began to conceive a plan for a great Mongol state including not only the Mongols of Inner and Outer Mongolia but those of Manchuria, Siberia, Central Asia and the Trans-Caucasus. Ungern-Sternberg, a Baltic Russian baron wearing the uniform of the Tsar's army, moved against Urga in October, 1920 and took the city on February 3, 1921. Leading a band of anti-revolutionary Russians united with a few Mongols and Tibetans, the "Mad Baron" (as he was called) instigated a revolt of some of the Mongols against the Chinese, culminating in the wholesale slaughter of the army of "Little" Hsü and many of the native population. Suffering from delusions of grandeur, the Baron considered himself the head of a theocratic oriental despotism. He captured the *Bogdo-Gegen* and attempted to use him as a screen for his personal reign.

Several months after Ungern-Sternberg's invasion of Outer Mongolia, the revolutionary Mongols who had been organizing in Siberia under the leadership of Sukhe Bator joined with the Red Army and marched into Urga on July 6, 1921. Ungern-Sternberg was taken prisoner on August 19 and executed on November 15.

Eight months before this happened, the Mongolian People's Revolutionary Party, which had been established in Siberia in 1919, met with the representatives of the Russian Communist party in Kiakhta. The Far Eastern Secretariat of the Comintern, directed by Shumiatskii, had established close relations with the Mongolian People's Revolutionary Party. At this time the members of the Mongolian Party numbered only about 160 [8]. Among the early organizers of the Party were Bodo and Zhamtsarano. Recent Soviet accounts state that Sukhe Bator and Choibalsang organized the MPRP at Urga (former name for Ulan-Bator) in 1919 [9].

Late in 1920, Shumiatskii of the Comintern talked with Mongol revolutionary leaders and planned to send some of them to Moscow. Sukhe Bator and Choibalsang remained at Irkutsk and began to study military affairs in a military school. Soon they went to Kiakhta, which they used as their base for travels in and out of Outer Mongolia and for maintaining contact with Red army units.

The Mongolian People's Revolutionary Party was supported by the Russian Communist Party. At the Kiakhta conference in March, 1921, each agreed to regard the other as "the only lawful government" in each territory. As a result of this conference, the Mongolian party became a member of the Communist International and sent delegates to its Third

Congress in the summer of 1921. The MPRP proclaimed in its Kiakhta conference the program known as the Kiakhta Platform, which enumerated the principles of the Mongolian revolution. The second point of the document states:

"In view of the fact that the peaceful existence of the Mongolian popular masses and their joining in the culture and knowledge of enlightened peoples depend on the formation of an independent, sovereign state of the Mongolian nation, not on enslavement and oppression by foreign imperialists, our People's Party strives ultimately toward the unification of all Mongolian tribes in one independent state, at the present time toward liberation from the power of the Chinese despots, and toward the restoration and revival of the recently abolished autonomous statehood of Outer Mongolia" [10].

Only about twenty delegates were at this first conference of the MPRP. Its chairman was Danzan, who later was shot. Sukhe Bator also was a member and so was Choibalsang. It was here that the left wing of the Party got further control and paved the way for eliminating the right wing three years later. The Provisional Revolutionary Government of Mongolia which was established at the Kiakhta conference requested on April 10, 1921 Soviet military assistance. This brought the Red Army to Outer Mongolia. An official Soviet account of this period says:

"The Soviet Government, having accepted the invitation concerning the joint liquidation of the White bands in Outer Mongolia, aided the Mongolian partisans and army to liquidate the ranks of Ungern and having remained at the request of the Mongolian Government in the country up to 1925, helped to wipe out, finally, the remnants of White Guardism" [11].

With the arrival of Soviet troops in Mongolia, the authority of the Russians transcended that of the Mongols. As the American consul in Kalgan, Samuel Sokobin, reported in a dispatch of October 10, 1921: "There may be a Mongolian Government but the authority is the Russian Soviet Commandant. He issues orders for the release of men, even if they have been arrested by the Mongols" [12]. When Soviet troops entered Urga on July 1, 1921 and helped to establish a "People's Revolutionary Government", the *Bogdo-Gegen* was allowed to retain his position as spiritual ruler of the Mongols. Since he wielded great influence as the head of the Lamaist church, he served as a useful cloak under which the revolutionary forces assisted by the Russians could bring about political and economic changes.

On November 5, 1921, the Soviet government and the provisional government of Outer Mongolia signed in Moscow the treaty which provided for mutual recognition. Lenin had been considering the problem of the ultimate transition of this backward country to communism. Before he received the Mongolian delegation, he expounded his theory of revolution in backward countries in a report to the second Comintern Congress:

"It would be incorrect to say that the capitalistic stage of development is inevitable. With the help of the proletariat of the more advanced countries, backward countries can switch over to a Soviet structure and arrive at Communism through special stages of development, avoiding the capitalist stage altogether" [13].

This statement, made almost forty years ago, laid down the theoretical line for those countries which were not yet industrialized or capitalized. According to Lenin, these countries could ultimately become Communist states without having to experience an industrial revolution. I. Ya. Zlatkin's book on Mongolia reported on Lenin's interview with the Mongolian delegation as follows:

"Comrade Lenin widely developed for our delegation the idea of the possibility and necessity of a non-capitalistic development of the MPR. The main condition which would guarantee this transition on the path of non-capitalistic development is the strengthening of the work of the People's Revolutionary Party and of the Government, so that as a result of this work and strengthening of the influence of the Party and of the Government, cooperatives would grow, new forms of economic and national culture would increase and the *arats* would be joined around the Party and the Government for the economic and cultural development of the country. Only from the little islands of the new economic order created under the influence of the Party and Government will the new non-capitalistic economic system be formed in *arat* Mongolia" [14].

In the summer of 1922, the Mongolian police headed by Choibalsang discovered a plot to overthrow the new regime. Sixteen Mongol political leaders were shot. One of them was Bodo, who had been prime minister. Bodo was shot for having had too close relations with former Mongol princes opposed to the new regime. After the liquidation of Bodo, the outstanding leader of the "rightist" group in the MPRP was Danzan, who had been educated in Moscow. After the death of Sukhe Bator in 1923, Danzan became commander-in-chief of the Mongolian Army.

At the Third Congress of the MPRP in August 1924, which occurred after the death of the *Bogdo-Gegen*, Danzan was accused of embezzling funds and plotting to establish a new *Bogdo-Gegen*. Soviet trained Buryat Mongols opposed Danzan and it was reported that he openly challenged the Soviet police. An official history says Danzan was guilty of serving the interests of foreign powers. Although Danzan's downfall was ostensibly brought about by the Mongols themselves, the minutes of the Third Congress of the MPRP show that the leading role of the plot was played by Vasiliev, the Soviet representative in the Congress, who was Soviet minister in Urga (Ulan-Bator). Vasiliev told the Congress, "You have gathered here only because the Communist International made it possible for you to work freely" [15].

At the Congress, Danzan attempted to hold power to the end. The anti-Danzan group attempted to set up a rump Congress and called for Vasiliev. As one of the members of the Congress remarked to that body, "Wait a little; Comrade Vasiliev will soon come from the Russian Consulate". Danzan was disposed of and after his execution Vasiliev congratulated the Congress on doing away with him. Choibalsang succeeded Danzan as commander-in-chief of the Mongolian Army. Choibalsang later became prime minister and was the chief political figure in the Mongolian People's Republic until his death in Moscow on January 28, 1952. He was in turn succeeded by Tsedenbal who had been deputy prime minister and general secretary of the MPRP.

The MPRP arranged for the meeting of the Great People's Assembly (*Khural*) on November 8, 1924. On that day, the Great *Khural* adopted a constitution modeled after the Soviet constitution. The clergy and other "non-working elements" were deprived of their political rights; Mongol nobles were divested of their titles and denied electoral privileges; and provision was made for state economic planning and government foreign-trade monopoly. With the promulgation of the constitution, the theocratic state was abolished and changes began to develop in the nature of the economy. The Chinese merchants who had occupied key positions began to leave, selling their herds and other property. Not only did the Comintern carefully

watch over the activities of the MPRP but also over the meetings of the First Great *Khural*. At the last of these, the Comintern representative, Ryskulov, congratulated the Government for its actions and announced that the Great *Khural* could then be adjourned. Part of the Soviet troops, which had been in Mongolia since 1921 were withdrawn.

The Fourth Congress of the MPRP, attended by 200 delegates out of a membership of 3200 (before the 1924 purge the MPRP numbered 6200) opened on September 23, 1925 and continued for eight days. Amagaev, the Comintern representative in Mongolia, was very active at the meeting and drew attention to the necessity of "a many-sided approach by the party to the middle-class and the poor elements of the country". At this Congress, there was a schism in the top command. The right wing of the party, composed of older Mongols, wanted to transfer the estate of the *Bogdo-Gegen* to the Lamaist church; the other faction, supported by the Soviets and led by Choibalsang, argued for the division of the property. The second faction won out. The Second Great People's *Khural* met in November, 1925, and decided to purge the Government of old officials and elements hostile to the leftist group.

A Soviet book on Mongolia states:

"...rightist elements made their way to the leadership of the Party during the period 1925—1928, perverted the decisions of the Third Congress of the MPRP and the First People's *Khural*, developed capitalist relations and restored the feudal structure in the country" [16]. In the period 1925—1928, there was an intense struggle in the MPR between the leftists and the rightists over the socio-economic course of the Mongolian revolution. The left wing of the Party demanded that the Party and Government be purged from "casual" and "foreign" elements. They also demanded the confiscation of all feudal property.

In the Seventh Congress of the MPRP, held in December 1928, the policy of the rightist was again censured. The Fifth Great People's *Khural* met the following month and denounced the policy of the "rightists", dismissing them from the "leadership of organs of power". The property of leading "feudal lords" was confiscated; their cattle were given to the Mongol herdsmen-nomads (*arats*). In 1929 the course of collectivization was begun. In 1930—1931 confiscation of herds of monasteries was carried out. The Eighth Session of the MPRP met in 1930 and approved of the course of collectivization, set up a five-year plan, and established the basis for the party not on the middle class but on the peasants. Lamas were forced to go into secular activities, some were sent to camps and others were liquidated.

The forced collectivization of the economy backfired in 1932 with a rebellion. The Soviet Union sent in detachments of the Red Army with airplanes and tanks to quell the uprising. At sessions of Mongolian Party and Government bodies, the leftist measures were abrogated and new policies were adopted. Those who had been responsible for the old measures were declared to be "left deviationists", denounced, expelled from the party and brought to trial. As a result of the "new course", as the new policy was called, some private trade was permitted, collective farms were abolished, "progressive" taxes were reduced, and the attack on religion relaxed. In spite of this new basis, the rumble of opposition to the socialization of Outer Mongolia continued, and in November, 1934 there were further revolts in the country. Soviet forces succeeded in smashing these revolts. Many prominent Mongol leaders, Gendun, the chairman of the Great *Khural*,

Amor, the minister of foreign affairs, and Demid, the minister of war, were all liquidated.

In March 1940, the Tenth Congress of the MPRP announced that the Mongolian People's Republic was following the "path of non-capitalistic development". As already mentioned, in 1940, the new Mongolian Constitution was adopted [17]. Until the 1940 Constitution was amended in 1944, 1949 and 1952 it did not differ significantly from the first Mongolian constitution of 1924. It is now almost a verbatim copy of the Constitution of the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic of the USSR [18]. Since World War II, socialization of agriculture and livestock has been re-introduced and many political changes have taken place [19].

NOTES

[1] *Большая Советская Энциклопеция*, XL, Москва, 1938, стр. 68.
[2] *Там же*, 2-е издание, XXVIII, Москва, 1954, стр. 198.
[3] Н. П. Фарберов, *Государственное право стран народной демократии*, Москва, 1949, стр. 297—298.
[4] *International Press Correspondence*, November 6, 1930, p. 1037.
[5] «Известия Академии Наук СССР, Серия Истории и философии», IX, янв.-февр., 1952, стр. 86.
[6] E. B. Price, *The Russo-Japanese Treaties of 1907—1916 Concerning Manchuria and Mongolia*, Baltimore, 1933, p. 107.
[7] Sh. Nachudorji, *Life of Sukhebatur*, trans. Owen Lattimore and Urgungge Onon, in Owen Lattimore, *Nationalism and Revolution in Mongolia*, New York, 1955, p. 130.
[8] *Монгольская Народная Республика*, «Сибирская Советская Энциклопедия», III, стр. 531
[9] См. И. Я. Златкин, *Монгольская Народная Республика*, Москва, 1950, стр. 132.
[10] А. Калинников, *У истоков*, «Хозяйство Монголии», № 3 (10), май—июнь, 1928, стр. 67—69.
[11] *Большая Советская Энциклопедия*, XL, стр. 81.
[12] *U. S. Consular Reports*, Kalgan, October 10, 1921.
[13] В. И. Ленин, *Доклад Комиссии по национальному и колониальному вопросам*, Сочинения, XXV, стр. 351 сл.
[14] *IX съезд Монгольской Народно-революционной партии*, «Современная Монголия», Улан-Батор, цит. в примечании Златкина, ук. соч., стр. 135.
[15] *The Third Assembly of the Mongolian People's Party, Urga*, trans. F. Actree (Mss. in the Hoover War Library, Stanford University, Stanford, California)
[16] Н. В. Цапкин, *Монгольская Народная Республика*, Москва, 1948, стр. 49.
[17] For an extensive discussion of the constitution, see William B. Ballis, *The Mongolian People's Republic*, «The Western Political Quarterly», IX, No. 2, June, 1956, pp. 311—20
[18] Walter Kolarz, *The Peoples of the Soviet Far East*, London, 1954, pp. 142—46
[19] For a discussion of recent political and economic developments in the MPR, see Robert A. Rupen, *Outer Mongolia Since 1955*, «Pacific Affairs», XXX, No. 4, Dec., 1957, pp. 342—57; Richard A. Geisler, *Recent Developments in Outer Mongolia*, «Far Eastern Survey», XXVIII, No 12, Dec., 1959, pp. 182—88, and C. R. Bawden, *Economic Advance in Mongolia*, «The World Today», Vol. 16., No 6, June, 1960, pp. 257—70.

И. Я. Златкин отметил ошибочность утверждений У. Б. Баллиса о посылке советских танков в МНР в 1932 г. и о восстании, якобы имевшем место в 1934 г., и призвал автора основываться на фактическом материале документов МНР. Выступивший затем Пунцук Норбо указал на ряд правильно отмеченных в докладе фактов, наряду с рядом фактических ошибок, и особенно указал на неправильность положений докладчика в отношении понимания движущих сил народно-освободительного движения в Монголии в 1911—12 и в 1921 гг. Именно вовлечением в борьбу широких народных масс, а не внешним влиянием России и Коминтерна объясняется характер и успех революции 1921 г. Он обратил также внима-

ние на враждебность США к Монгольской Народной Республике с момента ее образования, отразившуюся и в докладе.

О. Латтимор, выступая по докладу, указывал на то, что У. Б. Баллис подходит к истории Монголии с учетом лишь внешних фактов, игнорируя внутренние процессы, в то время, как советские и монгольские историки акцентируют внимание на последних; истина, по его мнению, может быть выяснена путем сочетания двух аспектов проблемы. И. И. Майский обратил внимание на неприязненный к МНР тон изложения в докладе У. Б. Баллиса.

10 августа, утреннее заседание
Председатель Ш. Нацокдоржи *(Улан-Батор)*

Х. ПЭРЛЭЭ (Улан-Батор): СОБСТВЕННО МОНГОЛЬСКИЕ ПЛЕМЕНА В ПЕРИОД КИДАНЬСКОЙ ИМПЕРИИ (907—1125 гг.)

Книжная полка литературы по истории Монголии насчитывает множество сочинений общего характера. Они касаются, главным образом, истории гуннов — периода до н. э., или истории монголов, начиная с XII в. Некоторые из них явились крупной вехой в развитии монголоведения и не потеряли своего значения и на сегодняшний день; отдельные труды стали настольной книгой для монголистов. Теперь перед монголистами, особенно перед историками, стоит неотложная задача детального изучения основных периодов в истории МНР, а также отдельных монгольских племен.

Поэтому, мы, монгольские историки, ставим перед собой задачу перейти от простого упоминания названий монгольских племен в наших работах к конкретному исследованию условий их жизни и истории их взаимоотношений, как между собой, так и с соседними племенами и государствами.

В различных работах по истории Монголии, как правило, утверждается, что Киданьская империя завоевала всю территорию современной МНР. Однако, как видно из китайских источников по истории киданей, в 923 и 994 годах киданьские войска захватили территорию Монголии на западе только до Алтая, а на севере до Керулена [1]. Нет сведений о том, что кидани проникли на территорию к северу от Керулена. Согласно китайским источникам и монгольским хроникам XIII—XVII вв., в момент образования Киданьской империи, в первой половине X в. у истоков трех рек — Онона, Керулена и Толы — обитали монгольские племена: собственно монголы, урянхаты, тайджиуты, чжалайры и др. Это были скотоводческие племена, выделившиеся в результате крупного общественного разделения труда. Акад. Владимирцов делил их на «степные» и «лесные» племена [2]. Еще в VIII—IX вв. эти племена умели производить изделия из железа («умели плавить железо»), что нашло свое отражение в их преданиях [3]. Интересно отметить, что племена, жившие по Онону в X в., занимались даже плавкой чугуна [4].

В X в. племена, населявшие истоки трех рек, объединились в племенной союз. Позднее этот племенной союз был назван одним монгольским историком (предположительно Урадын Мэргэн гэгэном) «Монгольским государством Бутунчара» [5]. Бутунчар родился в 970 г.[6] и, согласно *Сокровенному сказанию* и *Сборнику летописей* Рашид-ад-дина, был предводителем этих монгольских племен.

В период правления Бутунчара, или во 2-й половине X в., монгольские племена стали делиться на господствующие и зависимые, то есть *нируғун* и *дарлигин* [7].

Это разделение вело к развитию классовых отношений внутри племенного союза. С этого времени происходило укрепление внешнего положения этого племенного союза. Бутунчар и его преемники поддерживали тесные связи с Востоком и Западом.

В конце X в., при Бутунчаре, установились тесные политические взаимоотношения между племенами, обитавшими по истокам трех рек, и Китаем. В упомянутом источнике сообщается «с Сунской династией жили в мире» [8]. В Заинской (Цэцэрлэгской) версии *Гэсэриады* имеем указание, что монгольские племена трех рек поддерживали политические отношения не только с Центральным, но и с Северо-Западным Китаем [9]. Там говорится, что в 1064 или 1076 г. в районе Хангай и местности Харауна на Орхоне [10] произошли сражения между войсками внуков и братьев Гэсэр-хана и монгольского Начин-хана [11]. Начин-хан — родственник вождя монгольских племен Хайду-хана, служивший у него предводителем дружины, родился в 1035 году [12].

Выше мы уже упоминали об отсутствии сведений о завоевании территории племенного союза трех рек Киданьской империей, основной центр которой находился в Северном Китае.

Опасаясь усиления монголов и не желая ссориться с ними, кидани поддерживали с ними экономические связи, покупая монгольский рогатый скот, овец, верблюдов, лошадей, продукты животноводства и продавая им изделия ремесла. По данным китайского историка Люй Чжэнь-юя, монголы в период Киданьской империи применяли киданьскую письменность.

Из этого видно, что монголы этого племенного союза имели возможность установить также политические и культурные взаимоотношения с киданями в X веке. Что касается XI в., то хорошо известно, что такие отношения действительно имели место и продолжали развиваться.

У Рашид-ад-дина находим глухое упоминание о разгроме чжалайров киданями в районе Керулена [13]. Согласно сведениям упомянутого нами выше монгольского автора (предположительно Урадын Мэргэн гэгэна), это событие произошло тогда, когда главе этого племенного объединения, родившемуся в 1035 году, исполнилось 23 года, то есть в 1057—1058 году [14]. Из этого ясно, что киданьские войска достигали верховьев Керулена. Однако это совсем не говорит о том, что они покорили всю территорию племенного союза, объединявшего монгольские племена, жившие у истоков Онона, Керулена и Толы.

Во второй половине XI в. и в начале XII в. политические отношения между Киданьской империей и этим племенным союзом стали особенно оживленными и тесными.

В десятый год правления Тайкана из Киданьской династии (1084 г.), в «день белой лошади» второго весеннего месяца, в Киданьскую империю прибыл посол от монгольского государства (от племенного союза трех рек) с поручением осведомиться о здоровье киданьского императора [15]. С тем же поручением ко двору киданьского императора в «день желтой обезьяны» третьего весеннего месяца того же года прибыл посол из дальнего монгольского государства (от тайджиутов) [16]. Эти визиты, по-видимому, имели место при племенных вождях этого союза Байшин-хуре (родился в 1052 г.) или Тумбинае (родился в 1069 г.) [17]. Тот факт, что послы имели наказ расспросить о здоровье киданьского императора,

свидетельствует о том, что в отношениях между киданями и этими монголами не было места зависимости.

Сошлемся также на другой факт, ясно свидетельствующий о том, что между монгольскими племенами, населявшими истоки трех рек, и Киданьской империей существовали особые равноправные отношения. Так, в 1122 году, в трудное для Киданьской империи время, когда она вела войну на два фронта, — против Цзиней и против Сунов, — кидани считали, что в конечном счете монголы явятся одной из их последних опор [18]. Со своей стороны Монгольское государство направило в помощь Киданьскому государству пятидесятитысячное войско [19].

Из этих фактов ясно, что основанный Бутунчаром племенной союз трех рек в начале XII в. стал приобретать черты государственности, складываясь в древнее Монгольское государство.

В 1122 году, в момент падения Киданьской империи, во главе племенного союза трех рек — Монгольского государства — стоял Хабулхан (родился в 1084 г.). В состав этого государства (известного под именем Хамуг-монгол) входили тайджиуты и другие крупные монгольские племена [20]. Согласно *Сокровенному сказанию* признанным главой государства Хамуг-Монгол был Хабул-хан [21].

Итак, монгольские племена, обитавшие в верховьях рек Онон, Керулен и Тола в течение 200 лет поддерживали политические, экономические и культурные связи с Киданьской империей. Эти связи способствовали развитию классовых отношений внутри монгольских племен и сыграли важную роль в победе феодального строя в Монголии на рубеже XII—XIII веков.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *История Великой империи Дайляо*, т. 6, стр. 5 (на маньчжурск. яз., XVII в.).
[2] Б. Я. Владимирцов, *Общественный строй монголов*, Л. 1934, стр. 33.
[3] Рашид-ад-дин, *Сборник летописей*, т. I, кн. 1, стр. 154.
[4] В. Казакевич, *Некоторые вопросы истории Монголии в свете археологии*, «Современная Монголия», № 4, 1934 г., стр. 10.
[5] *Монгольская хрестоматия*, сост. А. Позднеев, стр. 129.
[6] Х. Пэрлээ, *Некоторые ранее неизвестные исторические даты* (на монгольском языке), У-Б., 1956, стр. 6.
[7] Х. Пэрлээ, *Онон-керуленские монголы*, 1959, стр. 51.
[8] *Монгольская хрестоматия*, стр. 129.
[9] *Гэсэриада* (зайнский вариант), XVIII, лл. 475—523.
[10] Хангай — название горного хребта в центральной части Халха-Монголии. Орхон — название реки, берущей начало в Хангае. Хараина — старое название местности на Орхоне, находящейся в сомоне Бат-Улзий Убурхангайского аймака.
[11] По этому вопросу см. также Дамдин-Сурэн, *Исторические корни Гэсэриады*, М., 1957, стр. 70—71.
[12] Х. Пэрлээ, *Некоторые ранее неизвестные исторические даты* (на монгольском языке), стр. 6.
[13] Рашид-ад-дин, *Сборник летописей*, т. X, кн. 2, стр. 18.
[14] Х. Пэрлээ, *Некоторые ранее неизвестные исторические даты* (на монгольском языке), стр. 4.
[15] Ли Ю-дан, *Летопись Ляо* (перевод с китайского на монгольский), тетрадь I, стр. 74.
[16] *Там же.*
[17] Х. Пэрлээ, *Кидани и их отношения с монголами*, стр. 79; он же, *Онон-керуленские монголы*, стр. 53—54.
[18] *История Великой империи Дайляо*, т. 8, стр. 2—3.
[19] Х. Пэрлээ, *Онон-керуленские монголы*, стр. 54. (Возможно, что эта цифра несколько преувеличена).
[20] *Там же*, стр. 54.
[21] С. А. Козин, *Сокровенное сказание (Юань-чао-би-ши)*, т. I, стр. 208, М.—Л., 1941, § 52.

По докладу выступил С. В. Киселев, высоко оценивший работы Х. Пэрлээ по киданям и указавший, что наряду с монголами и киданями следует учитывать и третий элемент — старое уйгурское население IX в., поскольку археологические материалы XI—XII вв., продолжают собой типы IX в.

OWEN LATTIMORE (Ruxton): THE „TEMUJIN" THEME IN THE *TSO CHUAN*

True pastoral nomadism in the Inner Asian world north of the Great Wall of China can first be positively documented in the Chinese historical records only at a surprisingly late date. In B. C. 453 the kingdom of Chin, centering on the modern province of Shansi, split into three new states. Of these the state of Chao held the northern part, reaching up to the modern Inner Mongolia. It is then recorded that Wu Ling of Chao (B. C. 325—299) "changed the customs, wore the costume of the Hu, and trained mounted archers". (The term *Hu* is from this time used for Turco-Mongol-Tungusic tribes). Simultaneously, mounted archers became the élite troops of Ch'in (modern Shensi), to the west of Chao, and of Yen (Peking region and the province of Jehol), to the east of Chao.

Until this time, the Chinese élite had fought from chariots. When wars with "barbarians" are mentioned, all that is said of the barbarian style of fighting is that they fought on foot while the Chinese, or at least their aristocracy, were chariot-warriors. These barbarians could not, therefore, have been true pastoral nomads.*

After this time, a frontier between Chinese agriculture and Inner Asian pastoral nomadism rapidly began to form, confirmed first by local defense walls of the northern Chinese states and then in the IIIrd century B. C., by a unified Great Wall. It is of primary historical significance that the main process in the formation of this frontier was the spread of the Chinese up to the escarpment of the Inner Mongolian plateau, beyond which the rainfall is lower and more uncertain, the streams flow inland instead of to the sea, and irrigation is not possible on a large scale. Along this line begin the steppes which could be more profitably exploited by the mobile herder than by the village-dwelling ploughman. This frontier was emphatically not (as is still so often assumed) created by barbarian "attacks" or "invasions"; it was Chinese, advancing to the edge of this territory new to them and coming into contact with pastoral nomads, who adopted mounted archery and other characteristics of these nomads, turned back against China, and by so doing revolutionized warfare. By showing the power and profit that could be won in China by the mounted warrior they also, of course, drew nomad imitators after them, partly as allies, partly as rivals, and thus opened the real era of the "barbarian menace".

In advancing up to what was to become the frontier the Chinese had driven before them many tribes, of which some may have been different from the Chinese in physical (somatic) type, or in language or other cultural characteristics — there is no way of telling. Others, however, were undoubtedly congeners of the Chinese — people of the poorer, hilly country between the

* Owen Lattimore, *Inner Asian frontiers of China*, New York, 2nd ed., pp. 348 and 361; cited, and interpretation accepted in the main, though with some criticism, by J. J. L. Duyvendak, *De grote Chinese muur* (his address as Rector Magnificus of the University of Leiden), Leiden, 1953, pp. 12 and 33.

Yellow River and Inner Mongolia, who had not advanced as rapidly in agriculture, city-building, and general sophistication as the most progressive and prosperous Chinese. When these "backward" groups were pushed all the way to the plateau escarpment and the steppes they began to find that their livestock were more profitable to them than their farming. Developing this profitable line of specialization they moved farther into the steppe and became true pastoral nomads. We can therefore postulate a Chinese component in the amalgam of the steppe peoples, other components being, by remote origin, oasis cultivators in Central Asia, forest hunters and reindeer herders in Siberia, and migrants from Western Asia and South Russia who spoke Indo-European languages.

I have recently noticed a passage, three or three and a half centuries older than the first mention of mounted archers, that confirms the assumptions set out above. In the *Tso Chuan*, commenting on the *Ch'un Ch'iu*, second year of Huan Kung (B. C. 709), the commentator casts back to an earlier time — the reign of the *hou* ("marquis") of the state of Chin, B. C. 810—783. This is the very state of Chin from which the state of Chao split off in B. C. 453, as described above. My version of this passage has been collated with the standard translations of Couvreur and Legge:

«Once upon a time Mu, marquis of Chin, had a wife of the clan of Chiang who gave birth to his elder son at the time of the conquest of T'iao. It was ordered that he be called Enemy (*Ch'iu*, 仇). His younger brother was born at the time of the battle of Ch'ien Mu. It was ordered that he be called Triumphant Army (*Ch'eng Shih*, 成自) Shih Fu (a minister) said: How foreign are the names our lord gives his sons!».

The scandalized minister — several centuries before Confucius — then expounds with a sententiousness that Confucius himself could not have bettered, and in the style of true Confucian "chain-logic", the principle that names should have a moral content; action should be in accord with this moral content; this results in government by moral principle; and this makes the people behave properly. If these principles are not observed, confusion follows. He ends:

«Now our lord orders that the heir apparent be called Enemy and the younger brother Triumphant Army. Here begins an omen of disaster. Will the elder brother's place be usurped?»

There is not room here to discuss all the ramifications of this passage. I shall deal with only three points.

1. After a successful campaign, a father names his firstborn son "Enemy". Here we have, nearly two millennia before the era of the Mongol conquests, exactly the theme of the given name, Temujin, of Chinggis Khan. Not that "Temujin" means "Enemy" (it means «ironsmith»); but it will be remembered that Yesugei Ba'atur, returning from a victory over Temujin, of the Tatar tribe, finds that he has a new-born son. To this boy, the future Chinggis Khan, he gives the personal name of the "enemy" over whom he has just triumphed. The magical explanation is clear, both for the VIIIth century B. C. and for the XIIth century A. D.: the courage, the warrior-spirit of a slain enemy (or enemies) passes into and fortifies the soul of the new-born child.

2. The younger son, born at the time of a successful battle, is given a name that proclaims military victory. A minister is uneasy, and asks "Will the elder brother's place be usurped?" In some other context one could be content with the simplest interpretation of the omen: The name is Triumphant Army. Triumphant over whom? Over the enemy, of course. But his

brother's name is Enemy. Does this not menace his brother? In this particular context, however, I am moved to see an allusion, garbled in the process of becoming embedded in a Chinese text, to a custom which may once have been Chinese (before strict seniority became the Chinese rule) and long survived among the Turco-Mongol peoples — the custom, that is, of inheritance of the "residual patrimony" by the youngest son. Each elder son, at marriage, was given his share of the livestock and moved away to manage his own camp; this prevented overcrowding on a single pasture. (The Chinese, in the remote period when they were still barbarous and "pre-Chinese", few in numbers but scattering out to occupy a vast land, could well have had the same custom in a village, rather than pastoral nomadic form). The youngest son looked after his parents in their old age and at their death received what was left. This mode of inheritance emphasized the importance of the youngest son in maintaining the continuity of the family cult, especially the cult of the hearth-fire, and gave him in that function a higher standing than his elder brothers — an inversion of the proprieties shocking to Chinese ideas by the time that Chinese ideas had become "classical", as in this text.

3. Supporting the interpretations in both (1) and (2) above is a general impression that the passage makes. The conventional Chinese minister is not only shocked, but bewildered. This is not merely a case of degradation of accepted Chinese custom; it is the contamination of Chinese custom by incomprehensible, barbarous, foreign custom. "How foreign (*i*,異) are the names our lord gives his sons!" Couvreur translates "étrange" and Legge "strange", but *i* also means "foreign", and when so translated here it seems to me to clarify the whole passage.

Conclusion: This text shows that the "sudden" adoption of barbarian custom, costume, and mounted archery in the state of Chao after B. C. 453 was in fact preceded by a long process of the partial barbarization of Chinese moving up to what was to become the frontier between pastoral nomadism and Chinese agriculture. It shows also the long ancestry of customs that were flourishing among the Mongols in the time of Chinggis Khan.

По докладу выступил И. Я. Златкин, отметивший плодотворность мысли о культурном взаимодействии монгольного и китайского населения.

Г. Н. РУМЯНЦЕВ (*Улан-Удэ*): О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ЭТНОГЕНЕЗА МОНГОЛОВ И БУРЯТ

Сложность проблемы и степень ее изученности

Проблема этногенеза бурят и монголов включает в себя целый комплекс вопросов, решение которых зависит от уровня развития ряда научных дисциплин: языкознания, исторической этнографии, археологии, истории, антропологии и фольклористики. Нельзя средствами только одной какой-либо отрасли науки выяснить происхождение народности и проследить процесс ее формирования. Эта отличительная черта проблемы этногенеза, особенно сложная для монгольского и бурятского народов, оказала большое влияние на состояние ее изученности.

В послевоенные годы советские ученые немало внимания уделяли этногенезу бурят, в меньшей степени монголов. Назовем работы С. А. Токарева, А. П. Окладникова, Б. О. Долгих, Е. М. Залкинда, Г. Ф. Дебеца,

М. К. Левина, Г. Д. Санжеева, И. М. Золотаревой и, наконец, автора настоящего доклада, в которых в той или иной степени, прямо или косвенно затрагивались вопросы, связанные с историей происхождения и складывания бурятской народности и попутно монголов.

Специальных работ или статей, посвященных происхождению монголов, нет, но те или иные моменты, важные для исследования этого вопроса, рассматривались в работах преимущественно иностранных ученых, таких, как П. Пелльо, Л. Амби, П. Поуха, Л. Лигети, П. Будберга, Ральфа Стейна, К. Мэнгэса, К. Сиратори, В. Минорского и др.

В настоящее время можно считать установленным сложный этнический состав как монгольского, так и бурятского народов. На этот счет нет разногласий. Не подлежит сомнению наличие среди бурят и монголов монгольских, тюркских и тунгусских этнических компонентов. Не встречало возражений и положение о том, что основное ядро, вокруг которого формировалась бурятская народность, принадлежало к числу древних монголоязычных племен и было генетически тесно связано с собственно монгольскими племенами. Географическое положение, занимавшееся предками бурят на обширном пространстве между Енисеем и Байкалом, на периферии монгольского мира, войны в степях Забайкалья и Монголии и вызванные ими передвижения народов и племен, образование и падение эфемерных кочевых империй не могли не оказать влияния на состав населения Прибайкалья и, несомненно, отразились на его этногенезе. На западе соседями предков бурят в XI—XII вв. были киргизы, а также ойраты, мелкие племена самодийского и тюркского происхождения, и — в лесных местах — тунгусы, на севере — якуты и тунгусы, на юге и востоке — различные монгольские племена.

Какие взаимоотношения существовали у предков бурят с соседними племенами и народностями и в какой степени они приняли участие в формировании бурятской народности, мы знаем очень мало, так как на этот счет нет прямых исторических свидетельств. Чтобы выяснить эти генетические связи, необходимы косвенные данные: сравнение лингвистического материала, родо-племенного состава, элементов культуры, антропологического типа, исторических преданий и т. д. Поэтому было бы очень ценным участие в этой работе ученых Хакассии, Якутии и Тувы. Культура и язык народов этих областей имеют очень много таких общих черт с бурятами, которые отнюдь не могут быть объяснены только случайностью или заимствованием.

Очень важное значение для исследований этногенеза бурят имеет проблема якутско-бурятских связей в прошлом и проблема этногенеза самих якутов, так как от правильного решения последней зависит выяснение судеб некоторых бурятских племен (хори, тумэтов и др.). Хорошо известно, что в составе якутов имеются племена и роды, носящие названия, сходные с названиями некоторых бурятских племен и родов. Известно также, что в материальной культуре, верованиях, в фольклоре и языке бурят и якутов наблюдаются весьма интересные общие черты. Так, например, из монгольских народов только буряты имели удобряемые поливные луга — *утуги*. Это слово в форме *етех* имеется с тем же значением в якутском языке. И буряты и якуты устраивали деревянные укрытия для скота: бур. *хотон*, якут. *хотон* — 'хлев'; бур. *хаша*, якут. *хаһаа* — 'двор для загона табунов'; бур. *урса* — 'конусообразный шалаш, чум', якут. *ураса* — 'берестяный конический чум'.

Очень важным, на наш взгляд, является выяснение ранних исторических связей предков бурят и монголов с самодийскими племенами.

Если такая связь будет доказана, то тем самым будет решен вопрос о времени появления предков бурят и монголов в районе Байкала и в Северной Монголии. Имеющийся в нашем распоряжении сравнительный лингвистический материал, пока еще немногочисленный, все же позволяет сделать некоторые предположения в пользу ранних культурных связей между самодийскими и монгольскими племенами, возможными только при ближайшем соседстве в далеком прошлом.

В монголоведческой литературе еще раньше указывалось, что названия домашних животных и диких зверей в монгольских языках разделяются на три группы: одна группа сближает монгольские языки с тунгусо-маньчжурскими, другая (главным образом названия крупного и мелкого рогатого скота) — с тюркскими, третья — с самодийскими. При этом монгольские названия тех животных, знакомство человека с которыми произошло раньше всего, сходны с названиями этих животных в языках самодийских. Например в монгольских языках, в том числе и в бурятском, 'собака' называется *нохой* (монг. письм. *noqai*, халх. — *нохой*, бур. — *нохой*). В современном ненецком языке, принадлежащем к группе самодийских, *noho* — значит 'песец', 'полярная лисица'. В маньчжурском *nioke* — 'волк'. Словом *унэгэн* в бурятском и монгольском языках (монг. письм. *ünegen*) обозначается 'лисица', что соответствует *энигэн* — 'собака' в самодийских языках (например, в ненецком) и *супэгэн* — 'собака' в эвенкийском. Дополним эти примеры еще одним сравнением: 'волк' у монголов называется *чоно* (монг.) и *шоно* (бур.) (монг. письм. *činu-a* < **tinu-a*), что соответствует ненецкому *th'ona*, удмуртскому *кион* в том же значении 'волк'; бурятское *орон* (**horon*; монг. письм. *oron*) соответствует якутскому *хорон* — 'двухлетний олень', в самодийских языках: селькупскому *коры* — 'олень', ненецкому *хорра*, *хори'э* — 'олень (самец)', нганасанскому *куру* — 'олень'; в тунгусо-маньчжурских языках: эвенкийское *yoron* — 'домашний олень'. Приведенные выше названия зверей в некоторых тюркских языках звучат совсем иначе: 'собака' — *it*; 'волк' — *börö*; *qasqïr*; 'лисица' — *tülkü*.

Такое сходство названий диких зверей в языке монголов, бурят, эвенков и самодийцев могло произойти лишь в результате длительного соседства и общения в далеком прошлом, когда те и другие племена занимались охотой и звероловством и вели соответствующий образ жизни.

На возможность обитания в Прибайкалье самодийских племен указывают сохранившиеся до сих пор названия многих рек и местностей, например, река Иркут, по-бурятски — *Эрху* — явно самодийского происхождения. В. Б. Шостакович, занимавшийся исследованием в области топонимики Восточной Сибири, подсчитал, что в Прибайкалье 60 процентов топонимических названий по происхождению самодийские [1]. Историко-этнографические исследования Прокофьева с достаточной убедительностью доказали южное, саянское происхождение самодийских племен.

Таким образом, данные языка (родовые имена, названия зверей и топонимика) говорят о том, что в древности в местах расселения современных западных бурят обитали племена, говорившие на языках, принадлежащих к самодийской группе. Общность названий диких лесных зверей, а также ряда других слов, как, например, бур. и монг. *хун* — 'человек', самодийского *хум* — 'человек', в монгольских и самодийских языках и несовпадение этих названий с тюркскими свидетельствуют о более ранних, чем с тюрками, связях между монгольскими, самодийскими и тунгусскими племенами.

Эти связи возникли в то время, когда эти племена вели охотничий образ жизни, обитали в лесной зоне и еще не имели никаких других домашних животных, кроме собак и оленей. Местом, где предки самодийских, тунгусских и монгольских племен находились в непосредственном соседстве, могли быть только районы, прилегающие к Байкалу, так как далее на восток никаких следов пребывания самодийских племен не имеется.

Работами Г. П. Сосновского и А. П. Окладникова установлено, что в степных районах Забайкалья в 1300—1000 гг. до н. э. из массы древних охотничьих племен выделяются скотоводы (Нижне-Березовская стоянка в 7 *км* от Улан-Удэ и др.). Это население оставило так называемые плиточные могилы, район распространения которых довольно велик — от западного побережья Байкала до Аргуни. По данным китайских летописей, в III в. до н. э. в долине южного течения р. Селенги обитали динлины, покоренные гуннским шаньюем Модэ (209—174 гг. до н. э.).

Перечисленные выше факты позволяют сделать предположение, что монголоязычные предки бурят появились у вод Байкала еще до перехода к скотоводству, т. е. во II тысячелетии до н. э. Если бы монголоязычные племена переселились в Прибайкалье после того, как они перешли к скотоводству, скотоводческая терминология в монгольских и самодийских языках имела хотя бы частичное сходство, в действительности же этого не наблюдается.

Позднее, когда монголоязычные племена переходят к скотоводству, что могло иметь место в степных районах, они вступают в контакт с тюрками, что и отразилось на общности названий домашнего скота (кроме лошади), диких степных зверей и птиц.

Одним из спорных вопросов, остающимся до сих пор нерешенным, является вопрос о времени появления монголоязычных племен в степях Северной Монголии (Халхи) и Забайкалья. Решение этого вопроса зависит от того, к какой этнической группе следует отнести ряд народностей, политические образования которых — союзы племен или раннефеодальные государства — на протяжении двенадцати веков сменяли друг друга.

Первыми племенными союзами, известными из китайских анналов на территории Забайкалья, Монголии и у северных границ Китая, были гуннский племенной союз, образовавшийся в III в. до н. э., и союз племен дун-ху.

Вопрос об этнической принадлежности этих двух групп племен до сих пор окончательно не решен, причем наибольшие споры вызывают гунны, или хунну, как их называют китайцы.

Многие ученые относят гуннов к тюркоязычным племенам и считают их предками тюркских племен Центральной Азии, известных в более позднее время. Но существует и другая точка зрения — о монгольском происхождении гуннов. Впервые ее выдвинул известный русский синолог Н. Я. Бичурин (Иакинф). Он считал монгольскими также и племена дун-ху, которых западноевропейские ученые причисляли к тунгусским или тюркским племенам.

Таким образом, если согласиться с мнением ученых о принадлежности гуннов к тюркским, а дун-ху — к тунгусским или тюркским племенам, то для предков монголов или протомонгольских племен места на земле не находится, так как вся территория от Алтая до Корейского залива была занята гуннами и дун-ху.

Исследования последних лет, особенно китайских ученых, позволяют

нам вернуться к предположениям Н. Я. Бичурина (Иакинфа). Некоторые факты, например, анализ сохранившихся в китайской иероглифической записи гуннских слов, а также собственных имен гуннских вождей, встречающихся в византийских и западноевропейских источниках, свидетельствуют в пользу монголизма гуннов.

У Иордана, Приска, Прокопия Кесарийского, Олимпиодора и у некоторых других писателей мы находим имена вождей западных гуннов, к сожалению, искаженные греческой и латинской транскрипцией. Все же некоторые из них поддаются восстановлению и оказываются сходными с монгольскими, бурятскими и тюркскими.

1. Буда, брат Аттилы, ср. бур. *Будей*.

2. Денгизих (или Денгиз), то есть Чингис — сын Аттилы. Ср. монг. *tengis* — море (*dengis* монг. квадр.) *tingis~čhingis — имя монгольского хагана.

3. Харато, ср. монг. *Xaratu*.

4. Харя Мурин, придворный Аттилы, вероятно *Xara morin* — 'черный конь', или *Xara müren* — 'черная река'.

5. Могол (Мугел) — имя вождя гуннского племени кутригуров, вошедшего в VI в. н. э. в состав болгар. Могол — один из вариантов этнонима монгол.

В китайских летописях сохранились имена гуннских шаньюев, среди них встречаются: Тумань, Батур (Модэ), Хулугу, Моган, Худурши, Хилоши, Хулань, Усы, Бодэ, Илин-ши, которые созвучны с монгольскими. Японский ученый Куракити Сиратори занимался анализом гуннских слов, приведенных в китайских династийных историях: *Ши-цзи* («Исторические записки»), Сыма Цяня (II—I в. до н. э.) и *Цянь-хань-шу* («История ранней династии Хань»), составленной Баньгу (I в. н. э.). Он пришел к заключению, что две трети известных нам гуннских слов объясняются из монгольского языка, а остальная треть — из слов общих для монгольского, тюркского и тунгусского языков [2].

Любопытна попытка А. Н. Бернштама восстановить древнее произношение китайского иероглифа, коим обозначался род Хоянь, из которого происходили гуннские шаньюи. Пользуясь аналитическим китайским словарем Б. Карлгрена, А. Н. Бернштам нашел, что древнее чтение родового имени Хоянь было *(h)uoger* [3], где *(h)* — придыхание. Гуннскому *(h)uoger* соответствует древнемонгольское **füker ~ *püker* > монгольское *fuguor*, в монгольских памятниках XIII в. — *hüker*, в современной монгольской письменности *üker*, бурятское *кэр* — 'бык'. Питер Будберг имя гуннского правителя *Wei-ch'ên* (359—391 гг. н. э.) читает **gi̯ʷäi-źi̯ĕn* и производит его от монгольского *geyiči ~ giyiči* — 'guest, stranger' ('гость, чужеземец') [4].

В однотомнике *История Монгольской Народной Республики*, изданном Институтом востоковедения АН СССР и Комитетом наук МНР, сказано: «. . .одно несомненно: гунны по уровню общественного развития, обычаям и культуре весьма близки к протомонгольским племенам из группы дун-ху. Вполне возможно, что гунны были монгольского происхождения, но впоследствии, после захвата ими «Западного края» (Восточный Туркестан, Средняя Азия), подверглись значительной ассимиляции со стороны тюркских племен» [5].

Племена дун-ху большинство исследователей признает протомонгольскими. Дун-ху в конце I тысячелетия до н. э. обитали к востоку от гуннов (от Калгана до р. Ляохэ). В 209 г. до н. э. часть племен дун-ху, не желавшая подчиниться гуннам, переселилась на север в бассейн рек Онон,

Керулен и Аргунь. Основная же масса дун-ху откочевала к верховьям р. Ляохэ.

В I в. до н. э. из дун-ху выделяется группа племен сянь-би. В 85 и 87 гг. н. э. сянь-би наносят жестокие поражения северным гуннам. В 93 г. н. э. после окончательного разгрома гуннов господство в Центральной Азии переходит к сянь-би. Часть северных гуннов вливается в состав сянь-би. К середине II в. н. э. сянь-би занимают всю территорию, которая раньше была подвластна гуннам, то есть территорию, простирающуюся от Восточного Туркестана на западе до р. Ляохэ на востоке, от границ Китая на юге и до Байкала на севере. Таким образом, во владении гуннов и затем сянь-би находились нынешняя МНР и Забайкалье.

В III в. н. э. племенной союз сянь-би распадается. Из его состава выделяется сперва племя му-юн, укрепившееся в Южной Монголии. Почти одновременно из сянь-би выделяется сильное племя тоба, которых китайцы называли «косоплетами». Тоба обитали в Забайкалье, в бассейне р. Онона. В конце II в. н. э. тоба подчиняют себе Северный Китай. У тоба складывается первое среди монголоязычных народностей раннефеодальное государство Тоба-Вэй.

Как сянь-би, так и му-юн, и тоба принадлежат к числу протомонгольских племен. Исследованием языка сянь-би и тоба занимались П. Пелльо, К. Сиратори, П. Будберг [6]. Сомнений в монгольской основе их языка сейчас нет.

С конца IV в. до середины VI в. территория от Гоби до Байкала находилась под властью кочевников жу-жаней (жуань-жуань, жоужань), этнически близких к сянь-би.

С конца VI в. до начала X в. Монголия находилась под властью тюркских племенных союзов.

В начале X в, возникает империя киданей, принадлежность которых к монгольским народностям бесспорна.

В эпоху господства тюрок в Северной Монголии в VI—IX вв. территории Прибайкалья и Забайкалья, по-видимому, не входили в их владения. Из китайских летописей и орхонских надписей известно, что в Прибайкалье в это время жили, по китайским источникам, гулигань, которые в тюркских надписях назывались *уч курыкан* («три курыкана»). О курыканах сохранились также известия в сочинениях мусульманских писателей XII в. Так, Тахир Марвази (XII в.) называет их *quri* (*хури*), а *Худӯд ал-ʿАлам — fūrī* [7]. Оба писателя помещают курыкан в Прибайкалье близ страны киргизов. Как по месту обитания, так и по названию народности курыкан — *quri* ~ *фури* можно сблизить с известным бурятским племенем хори, которое в XI—XII вв., по данным *Сокровенного сказания* и Рашид-ад-дина, обитало в стране Баргуджин Тукум на краю страны киргизов.

Впервые на это обратил внимание акад. В. В. Бартольд [8], а позже П. Пелльо и Л. Амби [9].

Основываясь главным образом на том, что курыканы знали тюркское руническое письмо (найдены надписи на скалах, на пряслицах, бронзовых зеркалах), а также на остатках материальной культуры, относимых к курыканам, наши археологи и в первую очередь А. П. Окладников считают курыкан тюрками.

Несмотря на наличие таких весьма важных аргументов, как руническая письменность и характер материальной культуры, безоговорочно причислять курыкан к тюркам преждевременно. Курыканский вопрос требует еще основательного и всестороннего исследования.

К востоку от курыкан, по другую сторону Байкала, в ту же эпоху обитали баегу или байырку. Так же как и курыканы, они не входили в состав тюркского орхонского союза и вели с ним постоянную борьбу. Титул, который носили владетели байырку — *erkin* — монгольский, этноним *байырку* может быть отождествлен с *баргут*, большим союзом древнемонгольских племен, обитавшим в Забайкалье, в частности в Баргузине. По эвенкийским преданиям в древности в Баргузине жили баргуты.

Решение вопроса об этнической принадлежности древних баегу-байырку имеет важное значение для исследования этногенеза бурят и отчасти монголов.

Мы затронули в настоящем сообщении лишь некоторые вопросы, связанные с этногенезом монголов и бурят, решение которых помогло бы выяснить с большей точностью те этнические элементы, из которых впоследствии сложились обе эти народности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В. Б. Шостакович, *Историко-этнографическое значение названий рек Сибири*, Изв. ВСОРГО, 1926, т. 49, вып. 2, стр. 115—130.

[2] Kurakichi Shiratori, *Sur l'origine des Hiong-Nou*, «Journal Asiatique», Paris, 1933, t. CCII, № 1, p. 79.

[3] А. Н. Бернштам, *Очерк истории гуннов*, Л., 1951, стр. 229.

[4] Peter Boodberg, *Two Notes on the History of the Chinese Frontier*, «Harvard Journal of Asiatic Studies», 1936, vol. I, № 3—4, p. 299.

[5] *История Монгольской Народной Республики*, М., 1954, стр. 54.

[6] Peter A. Boodberg, *The language of the T'o-pa Wei*, «Harvard Journal of Asiatic Studies», 1936, vol. I, № 1, p. 167—185; Kurakichi Shiratori, *Über die Sprache der Hiongnu und der Tunghu-Stämme* (Изв. АН, СПб., 1902, т. 17, № 2), стр. 015—018.

[7] *Sharuf al Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. Arabic Text (circa a. d. 1120)* with an English translation and Commentary by V. Minorsky, London, 1942, p. 106.

[8] В. В. Бартольд, *Киргизы (Исторический очерк)*, Фрунзе, 1927, стр. 23.

[9] «*Histoire des campagnes de Gengis Khan*», *Cheng Won Tchin-Tcheng Lau*, Traduit et annoté par Paul Pelliot et Louis Hambis, Leiden, 1951, v. I, p. 63—64.

По докладу выступил О. Латтимор.

11 августа, утреннее заседание
Председатель О. Латтимор (*Ракстон, Мэрилэнд*)

И. Я. ЗЛАТКИН (*Москва*): ОПЫТ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ФЕОДАЛИЗМА В МОНГОЛИИ

Историческая наука о Монголии и монголах насчитывает несколько столетий. Накоплена огромная литература об историческом прошлом этой страны и ее народа. Десятки, если не сотни, ученых мира посвятили свои труды проблемам монголоведения.

Однако задача научной периодизации монгольской истории еще не привлекла надлежащего внимания специалистов. Между тем эта задача является достаточно важной, а накопленный мировым монголоведением значительный конкретно-исторический материал позволяет надеяться на успешное ее разрешение.

Особое значение в этой связи приобретает то обстоятельство, что Монголия, в течение столетий служившая объектом научного исследо-

вания учеными разных стран, в наше время стала страной, обладающей многочисленным отрядом своих ученых, с каждым годом увеличивающих свой вклад в сокровищницу мировой науки.

Известно, что ряд ученых — Н. Я. Бичурин (Иакинф), Б. Я. Владимирцов и др. в России, Оуэн Латтимор в США и т. д. — в разное время, в той или иной связи, с большей или меньшей полнотой затрагивали в своих трудах вопросы периодизации монгольской истории. При этом все они, за исключением Б. Я. Владимирцова, считали, что главными вехами, отделявшими один период монгольской истории от другого, являются события политического или военно-политического характера (завоевания, смена династий и т. п.). Иными принципами руководствовался Б. Я. Владимирцов, исходивший главным образом из эволюции форм материального производства и общественных отношений монголов.

Весь опыт исторической науки убедительно свидетельствует, что подлинно научное познание истории народов возможно лишь при условии последовательного применения принципов исторического и диалектического материализма. Большая заслуга Б. Я. Владимирцова заключается в том, что он отошел от идеалистических представлений об истории кочевых народов вообще и монголов в частности. Можно считать, что Б. Я. Владимирцов является пионером подлинно научной периодизации истории Монголии. Однако схема периодизации, предложенная Б. Я. Владимирцовым, будучи в основе своей правильной, в ряде случаев требует уточнений.

Периодизация истории каждого народа должна исходить из периодизации всемирно-исторического процесса. Из этого следует, что схема периодизации, как нам кажется, должна показать историю Монголии в древнее время, в средние века, в новое и, наконец, в новейшее время, несмотря на то, что монгольский народ в своем историческом развитии миновал как рабовладельческую, так и капиталистическую формации.

Особенности исторического развития монгольского народа обусловили тот факт, что эпоха феодализма в Монголии охватывает не только средние века, но и весь период новой истории.

Советская историческая наука разделяет историю феодализма на три периода соответственно трем главным этапам развития феодального способа производства: период раннего средневековья, период развитого феодализма и период позднего средневековья.

Для раннего средневековья характерно зарождение и утверждение основных черт феодального способа производства. В этот период происходит узурпация родоплеменной знатью общинной собственности на землю, постепенное превращение ее в феодальную собственность, сопровождающееся превращением свободных общинников в класс феодально зависимого крестьянства.

К какому времени можно отнести начало этого процесса в Монголии? Б. Я. Владимирцов относил его начало к XI, а конец к XIII веку. Известные науке объективные исторические факты дают основание полагать, что начало первого периода феодализма в Монголии восходит к первым векам нашей эры, конец же его приходится действительно на середину XIII в.

Каждое из сменявшихся на территории Монголии государственных образований (гунны, сяньби, жужане, тюрки и др.) закрепляло полученные от предшественников элементы феодализма и в свою очередь расширяло и укрепляло их. Монгольские племена в этом смысле явились наследниками всего прогрессивного, что было накоплено их предшест-

венниками. Лишь этим можно объяснить необычайно быстрые темпы их собственного феодального развития, позволившие им примерно в два столетия (XI—XIII) завершить процесс превращения феодализма в господствующую систему общественных отношений.

К середине XIII в. земля в Монголии превратилась в монопольную собственность класса феодалов, а крестьянство — в феодально зависимый класс, прикрепленный к земле феодалов. «Яса» Чингиз-хана впервые придала силу закона прикреплению непосредственных производителей к земле, единственными распорядителями которой стали феодалы. Поземельная зависимость привязывала крестьянина к феодалу, вынуждала его нести в пользу последнего всякого рода повинности, в том числе военную, именно потому, что феодалы стали собственниками и единственными распорядителями земли.

То обстоятельство, что монголы кочевали по обширной территории, нимало не меняет характера взаимоотношений между феодалом и крестьянином. Эти взаимоотношения оставались феодальными независимо от места пребывания феодала и крестьянина в каждый данный момент. В любых условиях и в каждом данном месте они противостояли друг другу как собственник земли лишенному земли, а потому как господин — подневольному.

Исключительно важная веха в истории Монголии — это образование раннефеодального монгольского государства. Оно явилось результатом сложного процесса борьбы нового, более прогрессивного способа производства против изжившего себя старого, первобытнообщинного, равно как и процесса консолидации монгольских племен в единую монгольскую народность. Образование единого государства в известной мере положило конец межплеменным и межродовым войнам, создавая тем самым объективные условия для роста производительных сил и культуры страны. В этом заключается объективно-историческое прогрессивное значение образования единого монгольского государства.

Однако монгольские феодалы использовали ресурсы государства для завоевания и грабежа соседних стран и народов. Монгольское государство было превращено, таким образом, в орудие грабительских завоевательных войн, а закрепощенное крестьянство — в войско, призванное обеспечить обогащение феодалов путем войн. В результате этой реакционной политики монгольских феодалов значительная часть населения Монголии была отвлечена от производительного труда на родине и уведена в чужие края. Период завоеваний ослабил Монголию и затормозил ее развитие.

Второе десятилетие XIII в. должно быть отмечено как рубеж, положивший начало завоевательным войнам монгольских феодалов, обусловившим задержку социально-экономического и культурного прогресса страны.

С завоеванием Северного Китая и Средней Азии связано возникновение империи монгольских феодалов. Эта империя не могла быть долговечной. Распад ее начался вскоре после смерти Мункэ-хана (1258) в связи с образованием самостоятельных государств Джучидами и Хулагуидами. Окончательное крушение империи произошло в 1368 г., когда монгольские феодалы были изгнаны из Китая восставшим китайским народом.

Б. Я. Владимирцов считает, что к XIV—XVII вв. относится в Монголии средний период — расцвет феодализма. Наукой установлено, что содержанием периода развитого феодализма является рост общест-

венного разделения труда, отделение ремесла от сельского хозяйства, развитие городов, зарождение внутренних рынков и т. п.; в результате этих экономических процессов появляются новые общественные классы, обостряется классовая борьба. Показания источников подкрепляют предположение о том, что второй период монгольского феодализма ведет начало с середины XIII в. За полтора столетия существования империи феодальные отношения в Монголии окрепли. Феодальные пожалования типа бенефиция (монгольское *хуби*), послужившие основой военно-ленной системы, созданной Чингиз-ханом, обнаружили тенденцию к превращению в наследственные феоды. Определенные сдвиги произошли в области культуры, о чем свидетельствует появление монгольской письменности, зарождение литературы на монгольском языке, распространение в стране буддизма, который хотя и не стал государственной религией монголов, но вытеснял традиционный шаманизм.

Продолжался процесс внутренней консолидации монгольской народности, что нашло свое выражение в изживании остатков родо-племенной организации, в укреплении общемонгольских элементов, в общественном и государственном строе, культуре и идеологии. К периоду империи относится также развитие в Монголии городов, часть которых представляла собой довольно крупные центры ремесла и торговли. Очаги оседлости, появившиеся в этот период, были, по-видимому, в основном привнесены извне в результате насильственного переселения из завоеванных стран порабощенных мастеров и ремесленников, призванных своим трудом заменить труд монгольских крестьян и ремесленников, превращенных в воинов. Крушение империи и длительная полоса междоусобных войн привели к упадку и полному исчезновению этих городов.

В начале XV в. начался период феодальной раздробленности. Экономической основой этого процесса явилось хозяйственное и политическое укрепление княжеских уделов, владельцы которых до этого времени находились в вассальной зависимости от верховных собственников земли, великих ханов Монголии. В этот период феодальное пожалование *хуби* окончательно уступает место наследственному феоду.

Несмотря на скудость источников, можно с уверенностью сказать, что в этот период ремесло в Монголии не отделилось от сельского хозяйства, внутренние рынки не сложились. Отрицательным следствием реакционной политики монгольских феодалов в период империи явилось то, что в Монголии, в отличие от других стран, процессы, свойственные периоду развитого феодализма, остались незавершенными; производительные силы страны вплотную подошли к порогу «второго крупного разделения труда» [1], но не смогли через него перешагнуть.

Однако и в этот период имели место попытки преодолеть феодальную раздробленность и создать объединенное монгольское государство. Первая попытка такого рода связана с деятельностью Эсен-хана в середине XV в., вторая, наиболее серьезная, была предпринята Бату-Мунхэ (Даян-ханом) в первой половине XVI в. Независимо от субъективных намерений этих ханов их деятельность, направленная на объединение страны и создание крепкой центральной власти, носила прогрессивный характер, ибо застойность социально-экономического развития Монголии могла быть преодолена лишь при условии прекращения процесса дробления страны, внутренних усобиц и войн.

Есть основание предполагать, что к XVI в. относится начало конфликта в Монголии между уровнем развития производительных сил и феодальными производственными отношениями, которые воспрепятство-

вали завершению процессов, свойственных периоду развитого феодализма, и обеспечению дальнейшего роста производительных сил.

Таким образом, второй период феодализма, начавшийся в середине XIII в., заканчивается в XVI в.

Следующие два с половиной столетия от XVII до середины XIX в. могут быть охарактеризованы как период застойности и упадка монгольского феодализма.

Эпохой новой истории во всемирно-историческом процессе является эпоха капитализма. Для Монголии же эта эпоха характерна консервацией отсталых форм экономического и общественного строя, обусловившей все возрастающее отставание от передовых стран Европы и Азии.

Монголия представляла собой страну, не вступившую в стадию позднего средневековья, характерными признаками которого являются разложение феодализма и становление капитализма. Одной из решающих причин этого была затянувшаяся феодальная раздробленность. Нельзя, однако, сказать, что в этот период полностью остановилось социально-экономическое и культурное развитие Монголии. В XVII в. в стране уже не сохранилось заметных следов родо-племенной организации. В связи с внедрением ламаизма, в короткий срок вытеснившим местные шаманистские религиозные верования, усилились в известной мере и элементы общемонгольского единства.

В конце XVII в. Халха утрачивает политическую самостоятельность и подпадает под власть Цинской империи. Маньчжурская династия сознательно проводила в Монголии политику усиления феодальной раздробленности, изоляции ее от внешнего мира и консервации ее отсталого социально-экономического строя.

После того как Халха стала частью империи Цин, независимым монгольским государством оставалось Ойратское (Джунгарское) ханство которое в течение более полувека отстаивало свою политическую самостоятельность. В середине XVIII в. маньчжурским завоевателям удалось вторгнуться в пределы ханства и ликвидировать его. К этому времени относится начало массового народно-освободительного антиманьчжурского вооруженного выступления народных масс Ойратии и Халхи. Восстание охватило почти всю северную Монголию. Однако вследствие стихийности движения, отсутствия у него руководства, оно потерпело поражение.

В середине XIX в. пришел конец созданной маньчжурами системе, которая характеризовалась К. Марксом как «варварская герметическая изоляция»[2] Китая. Начинается превращение Китая в полуколонию международного империализма. Изменение международного и внутреннего положения Китая не могло не оказать влияния и на судьбы Монголии, для которой также кончилось состояние изоляции. С этого времени Монголия втягивается в мировой товарооборот и постепенно превращается в колонию полуколониального Китая. Экономика ее деградирует.

Феодализм в Монголии оказывается не в состоянии обеспечить нормальное воспроизводство и вступает в последний период своей истории, в период загнивания.

Конец XIX — начало XX в. открывает период империализма. Монголия превращается в объект межимпериалистической борьбы. Усиливаются экономическая разруха и пауперизация аратства.

Русская революция 1905 г. пробудила Азию, пробудила она и Монголию. Революционная борьба китайского народа в 1911 г. способствует успеху национально-освободительной борьбы монгольского народа. Но плодами этой борьбы пользуются в первую очередь монгольские феодалы.

Так возникает феодально-теократическое монгольское государство, государство своеобразного феодально-монархического национализма, полностью сохранившее бесправие трудящихся и привилегии князей. Объективно, однако, оно было прогрессивным явлением, шагом вперед на пути к национальному раскрепощению, что и принесла стране народно-демократическая революция 1921 г.

На этом заканчивается история феодализма в Монголии и начинается история социализма. В ходе строительства социализма окончательно и навсегда были ликвидированы все остатки феодализма в экономике и общественных отношениях монгольского общества.

Таким образом, схема периодизации истории феодализма в Монголии нам представляется в следующем виде:

1. *Раннефеодальный период.* Начало — первые века н. э., завершение — середина XIII века.

Образование монгольского государства — 1206 г.

Начало завоевательных войн и образование империи — второе десятилетие XIII века.

Начало распада империи — 60-е годы XIII века.

2. *Период развитого феодализма.* Середина XIII—конец XVI в.

Окончательное крушение империи — 1368 г.

Начало феодальной раздробленности — конец XIV в.

Попытки преодоления феодальной раздробленности — XV и XVI вв.

Распространение ламаизма — конец XVI века.

3. *Период застоя и упадка феодализма.* XVII — середина XIX века.

Завоевание Монголии маньчжурами — середина XVII—середина XVIII века.

Изоляция Монголии от внешнего мира — XVIII—середина XIX века.

Широкое освободительное движение — середина XVIII в. — и поражение этого движения.

Постепенно прогрессирующий упадок экономики. Превращение ламаистской церкви в решающую идеологическую и политическую организацию.

Конец изоляции Монголии. Начало ее вовлечения в мировой рынок — середина и вторая половина XIX века.

4. *Период загнивания феодализма в Монголии.* Конец XIX в. — 1921 г.

Усиление процесса деградации экономики и пауперизации населения.

Русская революция 1905 г. Начало нового подъема национально-освободительной борьбы.

Свержение маньчжурского господства и образование феодально-теократической автономной Монголии.

Ликвидация монгольской автономии.

5. *Победа монгольской народной революции.* Конец феодализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, изд. 2, стр. 163.

[2] К. Маркс, *Революция в Китае и в Европе*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 9, изд. 2, стр. 99.

По докладу выступили О. Латтимор, Ш. Нацокдоржи, указавший на ценность предложенной докладчиком периодизации, а также на необходимость учитывать роль скотоводства в общественном развитии монголов, и Ч. Далай.

А. ГАЛСТЯН (*Ереван*): НОВЫЕ АРМЯНСКИЕ ИСТОЧНИКИ О МОНГОЛАХ

Для изучения истории монголов большой интерес представляют армянские источники. Сочинения некоторых армянских историков о монголах и их завоеваниях еще в прошлом веке были опубликованы на русском и западноевропейских языках. К числу таких сочинений относятся исторические труды Григора Акнерци (Магакия) [1], Вардана Вардапета [2], Мхитара Айриванеци [3], а также некоторые выдержки из трудов Степаноса Орбеляна [4], Смбата Спарапета [5], Киракоса Гандзакеци [6] и др.

Армянские историки XIII в. довольно подробно рассказывают о монгольских завоеваниях, о быте, нравах, вероисповедании монголов, об их методе ведения боя, вооружении и вооруженных силах, о системе управления и взимания налогов в завоеванных ими государствах и т. д.

Однако, кроме упомянутых выше достаточно хорошо знакомых армянских источников, имеются и менее известные, содержащие новые материалы, касающиеся истории монголов, в особенности второй половины XIII в. К числу этих новых материалов относятся труды армянских авторов XIII в.: Степаноса-епископа [7], Безымянного Себастаци [8], Смбата Спарапета [9], Гетума II [10], Нерсеса Палиенци [11] и др. Кроме этих трудов указанных авторов, дошел до нас ряд надписей, часто небольших, отрывочных памятных записей, которые дают более достоверные сведения и воспроизводят более полную картину того или иного события. Они представляют большой научный интерес для изучения социально-экономического и политического положения в Армении, в частности истории монгольского владычества в Закавказье. К числу этих документов относятся памятная запись о монголах, сделанная на Евангелии в 1236 г.[12], автографическая запись Оганеса Тавушеци от 1236 г.[13], памятные записи от 1244 г.[14] и 1248 г.[15], памятная запись епископа Григора Карнеци [16] и ряд других, составленных переписчиками рукописей, хранящихся в Ереванском государственном Матенадаране [17], частью опубликованных в разных сборниках, а частью до сих пор неопубликованных.

Ценность этих источников заключается в том, что их авторы большей частью являлись современниками и очевидцами монгольского нашествия на их родину. Нельзя не согласиться с Паткановым, который замечает, что «армянские писатели отличаются выгодно от других, особенно мусульманских и византийских. . . трезвостью взгляда и правдивостью относительно происшествий, современниками которых они были сами»[18].

Следует отметить, что переведенные на русский язык выдержки из сочинений о монголах средневековых армянских авторов, к сожалению, являются неполными. Так, например, К. Патканов перевел выдержки из *Летописи* Смбата Спарапета, относящиеся к истории продвижения монгольских войск из Самарканда в Иран. Между тем в *Летописи* имеются также и другие материалы о монголах и их завоеваниях. Это, очевидно, объясняется тем, что К. Патканов перевел только те материалы, которые обнаружил в неполном тексте этого сочинения, изданном Карапетом Шахназаряном в Париже в 1859 г.[19]. В 1956 г. в Венеции был издан более

ранний текст *Летописи* Смбата, в пять раз превышающий текст, изданный Шахназаряном. В *Летописи* Смбата Спарапета имеются довольно интересные материалы о совместных действиях армяно-монгольских войск против Румского и Египетского государств, об успехах монгольских завоевателей и т. д.; *Летопись* Смбата Спарапета доводится до 1272 г. Особый интерес представляет письмо Смбата Спарапета, написанное им в 1247 г. в Самарканде, когда он направился в Монголию для ведения переговоров с Гуюк-ханом.

Другой ценный источник — *Летопись* Степаноса-епископа. Труд этот представляет собой хронологическую запись, передающую события, происшедшие на Ближнем и Среднем Востоке, в Закавказье и в Киликийской Армении в течение почти столетия. В ней мы находим ряд ценных фактических данных как по истории армяно-монгольских и армяно-египетских взаимоотношений, так и о монголо-сельджукских и монголо-египетских войнах. Это один из немногих источников, где так обстоятельно говорится о социально-экономических и политических отношениях стран Ближнего и Среднего Востока, находящихся под властью монголов, а также о народных волнениях против господства монгольских завоевателей.

Достойна внимания *Летопись* Безымянного Себастаци. Ценность этого памятника состоит в том, что он является как бы продолжением трудов Киракоса Гандзакеци и Вардана Вардапета. Характерно, что события первой половины XIII в. автор излагает эпизодически, начиная же с 60-х годов XIII в. — довольно систематически и более последовательно. О монгольском господстве в Армении он пишет как современник и очевидец. Свою историю Себастаци доводит до 1309 г.

Упомянутые источники ценны также тем, что они проливают свет на некоторые вопросы, связанные с монгольским завоеванием. Так, например, по сообщению некоторых армянских историков, в 1220 г. двадцатитысячное монгольское войско под водительством Джэбэ Нуина и Субэдэ Багатура сражалось против грузино-армянских войск и одержало победу [20]. Себастаци, напротив, свидетельствует, что «монголы достигли до Тбилиси, но быстро вернулись обратно, ибо их преследовал грузинский царь Лаша (Георгий IV. — *А. Г.*)» [21]. Тот же историк далее говорит, что Лаша и Иванэ «выступили против татар, но последние от сражения уклонились» [22].

По сообщению Степаноса-епископа, армяно-грузинское войско, которое было выставлено против монголов, достигало 60 тыс. человек [23]. Монголы не решились принять сражения, так как, по словам Вардана, «разведка их (монголов. — *А. Г.*) нашла грузин и армян готовыми дать им отпор» [24].

Бывшие до настоящего времени в научном обиходе армянские источники не объясняли, почему такой известный и опытный полководец, как Чармаган, был смещен с поста главнокомандующего монгольских войск на Кавказе и взамен его был назначен Бачу-Нуин. Давид Багишеци, говоря о причинах смещения Чармагана, сообщает: «В году 671 армянского летосчисления (1241 г. н. э.) Бачу заменил полководца Чармагана, так как он оглох (в бою. — *А. Г.*)» [25].

В ранее опубликованных источниках нет достаточных сведений о дипломатических переговорах, имевших место в 1242 г. в Кесарии между Киликийским Армянским царством и Бачу-Нуином. Новые материалы довольно обстоятельно говорят об этих переговорах. Так, например, Давид Багишеци рассказывает, что когда румский султан потерпел по-

ражение и монгольское войско продвинулось в сторону Киликийского Армянского государства, то армянский царь Гетум I «отправил своего брата, армянского спарапета Смбата к Бачу, чтобы выразить свою покорность ему»[26]. По рассказам того же автора, Бачу «обрадовался и клятвенно заключил мир, а спарапета Смбата отправил к великому хану»[27].

Я. А. Манандян, ссылаясь на сообщение Григора Акмерци, приходит к выводу, что Смбат Спарапет был отправлен не к Гуюк-хану, который умер в 1248 г., а к Бату-хану, который до выбора Мунке великим ханом (в 1248—1251 гг.) исполнял обязанности хана. Так как Григор Акнерци говорит, что Смбат был принят «Саин-ханом», то есть добрым ханом, имея в виду Бату-хана, то Я. А. Манандян отсюда приходит к выводу, что Смбат Спарапет был отправлен не в Монголию к Гуюк-хану, а на север, к Бату-хану[28]. Следует отметить, что это же мнение высказывает А. Н. Насонов в своем известном труде *Монголы и Русь*, изданном в 1940 г.[29]. Нашими источниками полностью выясняется этот вопрос. Во-первых, внук царя Гетума I, Гетум II, летописец, по этому поводу дает прямое указание. Он пишет: «В году 695 армянского летосчисления (1246 г. н. э.) царь Гетум (Гетум I. — *А. Г.*) отправил своего брата парона Константина (Смбата. — *А. Г.*) Гундстабля к Гуюк-хану»[30]. Затем Киракос, хотя и не указывает точную дату поездки Смбата Спарапета, но также свидетельствует, что «Смбат Спарапет был отправлен к Гуюк-хану с дарами и приношениями»[31]. Другой факт: Абуль-Фарадж, современник Смбата Спарапета, свидетельствует, что в Монголию к Гуюк-хану прибыли «из Хорасана — эмир Аргун-ага, из Рума — Султан Рукн ад-дин, из Киликийской Армении — Коннетабль (Смбат Спарапет. — *А. Г.*), брат короля Гетума»[32]. Наконец, дошло до нас письмо Смбата Спарапета, написанное им из Самарканда, проездом в Монголию, адресованное кипрскому королю Генриху Лузиньяну, датированное 1246—1247 гг.[33]. Имеются другие аналогичные документы, но и приведенные выше вполне подтверждают, что Смбат Спарапет был отправлен не к Бату-хану и не в 1248—1250 гг., как это указывают вышеупомянутые востоковеды, а в Монголию, к Гуюк-хану, в 1246—1247 гг. Более того, в Каракоруме, по словам Григора Акнерци, Гуюк-хан дал Смбату «великий ярлык, золотые пайзы и выдал за него знатную татарку»[34]. Известно еще то, что Смбат от этой жены-татарки имел сына по имени Василь. И Василь был так похож на татарина, что его называли «Василь татар»[35]. В битве при Мари в 1266 г., происходившей между арабскими и армянскими войсками, двадцатилетний «Василь татар» проявил храбрость и геройство[36].

Армянские источники при характеристике монголов делятся на две группы. Авторы одной группы источников с ужасом и негодованием отзываются о монгольских завоевателях, считая их «кровожадными»[37], «беспощадными»[38], «жестокими»[39] и «хищными»[40]. По словам Киракоса, монголы причинили стране бедствия, которые «превосходят все, что история может рассказать»[41]. Приведем полный текст еще одной памятной записи очевидца, датированной 1236 годом: «В году 685 армянского летосчисления (1236 г. н. э.) настиг страшный божий гнев, появился с Востока некий дикообразный, жестокий и кровожадный народ. Они были широкоплечие с мускулистыми руками, большеголовые, с гладкими и взъерошенными волосами, узкоглазые, широколобые, плосконосые и редкобородые. Их отношение к людям было беспощаднее, чем у зверей, и их настоящее имя было *харататар*. Если кто из них находил пищу, то съедал, а если нет, то не искал и не просил пищи. Они были настолько

жестокие, что если бы я обладал самым большим красноречием, то не смог бы рассказать страдания, которые они дали испить сосудами горести в Араратской долине, особенно в городе Ани. Я видел невыносимую печаль и страшные бедствия; много городов и крепостей захватили и разрушили до основания»[42].

Страдания, причиненные монголами, нашли свое яркое отражение в художественной литературе. Так, например, выдающийся армянский поэт XIII в. Фрик (1210—1290) в своей замечательной поэме *Об Аргуне и Буге* дает тяжелую картину страданий угнетенного монгольскими баскаками народа. Приведем несколько слов из этой поэмы:

Нет больше ни родника, ни реки,
Не наполненных нашими слезами,
Нет больше ни гор, ни полей,
Не потоптанных (злыми) татарами
Лишь дышим мы едва-едва,
А ум и чувства в нас мертвы[43].

Не все армянские историки так отрицательно отзываются о монголах. Некоторые считают их «миролюбивыми», «доброжелательными». Так, например, армянский историк XIII в. Степанос Орбелян говорит: «Народ без бога и религии, но соблюдавший естественный закон; ненавидевший грязные пороки и все гнусные деяния, благомыслящий друг к другу, усердный и покорный властителю своему; справедливый в своих суждениях и делах»[44]. Другой историк отмечает, что «Хулагу-хан был человеком великого ума, он был сведущ, справедлив»[45].

Особенно благоприятно отзывается о монголах армянский католикос Константин Бардзрбердци, который в 1251 г., в связи с поездкой киликийского армянского царя Гетума I в Каракорум для ведения дипломатических переговоров с Мункэ-ханом, обращается к армянскому народу с особым посланием и просит его быть покорным монгольскому «хану, его миролюбивым военачальникам и воинам, которые создали мир для вас». Далее католикос продолжает: «Мы, услышав об этом, утешились и помолились богу, благословляя хана и его всадников, которые проявили свою добродетельность к вам. . . Так слушайте же вы нас и вернитесь к добру и к пристойному нраву согласно заповеди господней, и мы ручаемся, что господь справедливо ниспошлет вам свое милосердие и милость, погода и времена года будут благоприятны, умеренное небо даст вам все сладости, а земля обильно даст вам свои плоды, и хан, в свою очередь, милостиво облегчит подать *мал*, ибо сердца царей в руках господних и он сам отдал весь мир под власть хана»[46]. Все это говорит о том, что после установления своего владычества монголы стремятся найти общий язык с господствующим классом покоренных народов. В этом смысле характерно, что в третьем пункте договора, заключенного в Каракоруме между Мункэ-ханом и царем Гетумом I, сказано, что «все христианские церкви и духовенство как мирское, так и монашествующее были бы освобождены от всякого рабства и даже от податей»[47].

Победу монгольских войск армянские первоисточники объясняют дисциплинированностью и боеспособностью монгольских воинов. По материалам видно, что ни одно войско в средневековье не проявляло такой дисциплинированности и организованности, как монгольское. Смбат Спарапет в своем письме пишет, что монголы «были прекрасные стрелки»[48]. Племянник Смбата Спарапета, Гетум Патмич отмечает: «Татары были воины храбрые и воинственные»[49]. По словам Киракоса, монголы «по дис-

циплине и способу ведения боев превзошли все народы до и после них, потому что они были хитрыми и изобретательными»[50]. Степанос Орбелян говорил о монголах как об искусных «метателях стрел»[51]. Другие армянские историки отмечают техническое оснащение их армии. Кроме того что монголы выставляли многочисленных опытных воинов, пехоту и конницу, они использовали также осадные, стенобитные и камнеметательные машины. Особенно искусно они пользовались катапультами. Во время сражений монголы под угрозой смерти гнали перед своими атакующими отрядами военнопленных. Следует отметить также работу монгольской разведки. Монголы почти всегда заранее посылали своих лазутчиков в те страны, которые они намеревались завоевать. Благодаря разведке монголы умели разжигать вражду между недовольными феодалами данной страны, чем облегчали свое продвижение и господство над завоеванными странами.

Необходимо отметить также, что монгольским завоевателям выражали свою покорность представители господствующего класса: князья, духовенство и крупные землевладельцы, которые хотели путем установления контакта с завоевателями спасти себя, свои владения и привилегии; народ же, больше всего страдавший от монгольского нашествия, не мог мириться с создавшимся положением. Некоторые данные в трудах армянских историков показывают гнев и возмущение простого народа против монгольского завоевания и их господства в Армении и в Закавказье.

Все вышеизложенное позволяет надеяться, что перевод новых армянских источников окажет большую помощь не только специалистам, занимающимся изучением истории монголов и их завоеваний, но и тем, кто работает над исследованиями по политической истории Востока XIII—XIV вв. в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *История монголов Инока Магакии, XIII века*, пер. и объяснения К. П. Патканова, СПб., 1871.

[2] *Всеобщая история Вардана Великого*, пер. Н. Эмина, М., 1861.

[3] *Хронологическая история, составленная отцом Мхитаром, вардапетом Айриванским*, пер. и прим. К. П. Патканова, СПб., 1869.

[4] *Из истории князя Степаноса Орбеляна, митрополита Сюнийского, писавшего в конце XIII века* (сб. «История монголов по армянским источникам», пер. Патканова, вып. 1, СПб., 1873, 29—64).

[5] *Из летописи Конетабля Смбата, писателя XIII века* («История монголов по армянским источникам», вып. 1, стр 65—67).

[6] «История монголов по армянским источникам», вып. II, заключ. в себе извлечения из истории Киракоса Гандзакеци, пер. и разъясн. К. П. Патканова, СПб., 1874.

[7] Рукопись № 8481*, стр. 204[а] — 214[б], научно-критический текст опубликован в сб. «Мелкие хроники XIII—XVIII вв.», составил В. Акопян (на арм. языке), Ереван, 1951, т. I, стр. 35—50.

[8] Рукопись № 2174, стр. 28[а]—52[б] и № 3425, стр. 1[а]—20[б]. Оригинал впервые опубликован в Ереване в 1940 г.

[9] Смбат Спарапет, *Летопись* (на арм. яз.), Венеция, 1956.

[10] Рукопись № 663, стр 246[а] и 252[б]. Оригинал на арм. яз. впервые опубликовал Авгерян в 1842 г. в Венеции. Автор ошибочно эту *Летопись* приписывает Гетуму Патмичу. Эту ошибку исправил В. Акопян («Мелкие хроники», т. 1, стр. 65).

[11] Рукописи № 2037, 2038 (см. «Мелкие хроники» т. 1, стр. 173—188).

[12] Оригинал опубликовал Гарегин Овсепян в своем сборнике *Памятные записи* с V века до 1250 г. (на арм. яз.), — «Антилиас», 1951, стр. 906.

[13] Алишан, *Айапатум* (на арм. яз.), Венеция, 1901, ч. II, стр. 463.

---

* Упоминаемые здесь и ниже рукописи хранятся в Институте рукописей (Матенадаран) при Совете Министров Арм. ССР.

[14] Гарегин Овсепян, *Памятные записи*, стр. 962.
[15] Гарегин Овсепян, *указ. соч.*, стр. 990—993.
[16] А. Я. Манандян и Г. Ачарян, *Сборник летописей* (на арм. яз.), Вагаршапат, 1913, стр. 121—122.
[17] Рукописи № 8100, 3074, 4881, 4160, 380, 178 и др.
[18] «История монголов по армянским источникам», вып. II, стр. V.
[19] Смбат Спарапет, *Тарегирк* («Летописи»), изд. Шахназаряна, Париж, 1859.
[20] Киракос Гандзакеци, *История Армении* (на арм. яз.), Тифлис, 1909, стр. 191; Вардан, *Всеобщая история* (на арм. яз.), Венеция, 1862, стр. 142.
[21] Рукопись № 2174, стр. 46^6.
[22] Рукопись № 2174, стр. 46^6.
[23] Рукопись № 8481, стр. 204^6.
[24] Вардан, стр. 143.
[25] «Мелкие хроники XIII—XVIII вв.», Ереван, 1956, т. II, стр. 346.
[26] Там же.
[27] «Мелкие хроники XIII—XVIII вв.», т. II, стр. 347.
[28] Я. А. Манандян, *Критический обзор истории армянского народа*, т. III (на арм. яз.), Ереван, 1952, стр. 220.
[29] А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, М., 1940, стр. 19.
[30] Рукопись № 663, стр. 249, см. «Мелкие хроники», т. 1, стр. 81.
[31] Киракос, указ. соч., стр. 301.
[32] Абуль Фарадж, *Hist.-Syn.*, стр. 320.
[33] Pierre Bergeron, *Voyages en Asie*, t. I, 1735, p. 154.
[34] Магакия, *История монголов*, стр. 17.
[35] Смбат, *Летопись*, стр. 247.
[36] Смбат, *Летопись*, стр. 246.
[37] Гарегин Овсепян, *Памятные записи*, стр. 906.
[38] Гарегин Овсепян, *Памятные записи*, стр. 962.
[39] Магакия, *История монголов*, стр. 13.
[40] Киракос, указ. соч., стр. 65.
[41] Киракос, указ. соч., стр. 65—66.
[42] Гарегин Овсепян, *Памятные записи*, стр. 906.
[43] Фрик, *Сборник стихов* (на арм. яз.), Ереван, стр. 165.
[44] Орбелян, *История области Сисакана* (на арм. яз.), Париж, 1859, стр. 147.
[45] Магакия, *указ. соч.*, стр. 13—34.
[46] Оригинал хранится в Ленинграде, в библ. им. Салтыкова-Щедрина, древнеарм. текст опубл. Хачикян: «*Назидательное послание*» *Костандина Бардзрбердци* (см. «Банбер-Матенадарана» на арм. яз., № 4, Ереван, 1958, стр. 278).
[47] Гетум Патмич, *указ. соч.*, стр. 43.
[48] Pierre Bergeron, *Ibid.*, p. 154.
[49] Гетум Патмич, *История татар* (на арм. яз.), Венеция, 1848, стр. 70.
[50] Киракос, *указ. соч.*, стр. 227.
[51] Степанос Орбелян, *указ. соч.*, стр. 147.

По докладу выступили О. Латтимор, Ч. Далай, Ш. Нацокдоржи.

Л. С. ПУЧКОВСКИЙ (*Ленинград*): ИДЕЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ХАНОВ В МОНГОЛЬСКИХ ЛЕТОПИСЯХ XVII—XIX вв.

Монгольские летописи XVII—XIX вв. за все время их изучения рассматривались главным образом как источники сведений по истории монголов. В науке эти памятники получили самую различную оценку.[1]

Монгольские летописи представляют также значительный интерес и в идеологическом отношении. Эта сторона летописей не рассматривалась еще подробно, хотя замечания общего характера уже были сделаны.

Идеология монгольских летописей не сформулирована в них в виде точных положений. Отчасти она усматривается из структуры сочинений. Кроме того, ее можно определить путем анализа различных сообщений, замечаний, отдельных выражений и т. п., рассыпанных в разных местах летописей. Будучи собраны воедино, эти сведения дают возможность по-

лучить представление об идеологической направленности монгольских летописей XVII—XIX вв.

Идеологическая направленность монгольских летописей нашла особенно ясное выражение в идее непрерывной преемственности происхождения монгольских ханов.

Возникновение этой идеи тесно связано с созданием и развитием монгольской историографии. Монгольская феодальная аристократия в своих классовых целях уделяла большое внимание вопросу о происхождении и судьбах различных родов и племен, в особенности ханов, которые стояли во главе их. При этом монгольские ханы и остальная знать с давних пор стремились показать, что они происходят от наиболее древних и родовитых предков. Это являлось одним из способов идеологического обоснования ханской власти. Такой характер имеют те сведения о происхождении монгольских ханов, которые на основании различных, в том числе и монгольских, источников Рашид ад-дин сообщает в 1-й и 2-й книгах I тома *Сборника летописей*. Несколько родословных монгольских князей имеется и в *Сокровенном сказании*. В этих родословных Чингис-хану приписывалось сверхъестественное, чудесное происхождение; вместе с тем происхождение рода Борджигид и других аристократических родов представлено как чисто монгольское.

Проследить развитие идеи преемственности со второй половины XIV в. до середины XVII в. не представляется возможным, ввиду того что памятников монгольской историографии за этот период не сохранилось.

Вопрос о происхождении монгольских ханов приобрел особенно большое значение в связи с изменением положения в Монголии со второй половины XVI в. С этого времени происходит распадение Монголии на уделы, ханы которых объявляли себя хаганами. Количество уделов все более возрастало, причем внутри их также возникали новые ханства. В XVII в. некоторыми крупными ханами были предприняты попытки политического объединения восточных монголов. Все эти события сопровождались ожесточенными феодальными войнами. В области идеологии особенно необходимым представлялось обоснование господствующего положения и укрепление авторитета общемонгольского хагана, удельных ханов и отдельных владетельных феодалов. Достижению указанных целей должна была служить концепция происхождения ханов от древних и высокородных предков в их непрерывной преемственности.

Предпосылки этой концепции были показаны выше, но свое полное развитие она получила в связи с тем, что индийское и тибетское культурное и религиозное влияния распространились и на область монгольской историографии, а буддийское учение о «перерождениях» было применено к вопросу о происхождении монгольских ханов.

Буддийское влияние выразилось прежде всего в том, что авторы монгольских летописей стали следовать традиции, принятой в монгольских сочинениях по истории буддизма в Монголии, в которых проповедники этой религии среди монголов в XIII—XIV вв., а затем в XVI—XVII вв. возводились в итоге длинного ряда «перерождений» к буддийским божествам, духовным лицам времен Шакьямуни и т. п. Буддийское влияние видно и в том, что преемственность монгольских ханов признается непрерывной как течение Ганга, что видно хотя бы из заглавия сочинения Гомбоджаба — *Činggis ejen-ü altan uruγ-un teüke. Gangga-yin urusqal neretü bičig* — «История золотого рода владыки Чингиса. Сочинение под названием „Течение Ганга“». О «течении Ганга» как символе непрерывности происхождения монгольских ханов говорится в следующих

выражениях в летописи *Алтан хурдун минган хэгэсуту хэмэху бичиг* (в дальнейшем цитируется как *Минган хэгэсуту*)*:

1) — «Молитвенно поклоняюсь ему — первенствующему сакъяскому царю, который поистине, подобно течению Ганга, непрерывно продолжал род обладающих чистым происхождением, начиная с первого [царя] Маха-Самади, ставшего владыкой самых первых людей в Индии» (F 542, тетр. I, л. 2а).

2) — «Происхождение ханов по [своей] преемственности подобно течению Ганга...» (F 542, тетр. V, л. 27б).

Вопрос о том, в каких сочинениях идея преемственности встречается впервые, представляет большой интерес. Было отмечено, что эта идея была выражена в *Цаган тухэ* — трактате об управлении государством путем сочетания светской и духовной власти. В этом сочинении, приписываемом Хубилаю (1260—1294), неоднократно отмечается преемственность такого принципа управления со времен индийских и тибетских царей [2].

Наиболее полно и последовательно идея преемственности отражена в схеме построения монгольских летописей, согласно которой история монголов излагается как история: 1) мифических индийских царей; 2) легендарных тибетских царей; 3) монгольских хаганов Юаньской династии и послеюаньских ханов Монголии. Относительно этой схемы в самих монгольских летописях не высказано никаких соображений теоретического характера. Между тем эта схема составляет их структурную основу. По этой схеме написаны как большие, так и малые по объему монгольские летописи XVII—XIX вв., в частности те, которые имеются в Собрании монгольских рукописей и ксилографов Института народов Азии АН СССР: *Алтан тобчи* (анонимная); *Алтан тобчи* (соч. Лубсан Дандзана, фотокопия); *Эрдэни-йин тобчи*, *Шара туджи*, *Ганга-йин урусхал*, *Эрдэни-йин толи*, *Алтан хурдун минган хэгэсуту бичиг*, *Болор эрихэ*, *Эрдэни-йин эрихэ* (соч. *гэлуна* Ишибалдана); *Болор толи*, *Эрдэнийин эрихэ* (соч. Галдан-тусалакчи); *Субуд эрихэ* [3].

В одних сочинениях эта схема представлена в более полном виде и изложению ее предшествует очерк буддийской космогонии, в других — она выражена менее полно или же только упоминается, но несомненно, что она свойственна большинству монгольских летописей XVII—XIX вв.

Очень яркое выражение идея преемственности получила в легенде о сыне Тогон Тэмура. Падение Юаньской династии нанесло монгольской аристократии серьезный морально-политический ущерб. Авторитет монгольского хагана был в значительной степени подорван, что было выражено, например, в известном *Плаче* Тогон Тэмура. «Преемственность» 'индийские цари — тибетские цари — монгольские хаганы' должна была оборваться, и притом прежде всего, по линии монгольских правителей Китая. Для монгольской аристократии, оказавшейся в трудном положении, сохранение авторитета хагана как китайского императора являлось весьма важным в политическом отношении. Эти интересы феодальной аристократии и хагана получили свое выражение в названной выше легенде. Содержание этой легенды сводится к следующему. При бегстве Тогон Тэмура из г. Дайду жена его осталась в столице, находясь на третьем месяце беременности. Она была взята в плен и стала женой Хун-у — основателя династии Мин. По ее молитве Небо продлило беременность

* Транскрипция монгольского текста всех цитат из монгольских летописей приведена в отдельном издании в серии «XXV Международный Конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР», М., 1960.

еще на десять месяцев, как об этом говорится в большинстве сочинений, например: 1) *Алтан тобчи* [анонимной (G 26)]; 2) *Эрдэни-йин толи* (F 215); 3) *Минган хэгэсуту* (F 542); 4) *Болор эрихэ* (F 511); 5) *Болор толи* (F 305); 6) *Эрдэни-йин эрихэ* (F 316), или же на 12 месяцев. [См. соч. без заглавия (F 240), а также соч. *Erte nigen čaγtu dayitung suutu boγda činggis qaγan-u ür-e ĕce manju-dur aldarsiju angqa qaγan sayuγsan čaλig*, — «Повествование о том, как в давние времена [один] из потомков Даймун [Даймин]-суту-богда Чингис-хана, прославившись у маньчжуров [?], первым вступил на ханский престол» (D 88), где легенда изложена наиболее подробно]. Вследствие этого родившийся мальчик был признан императором Хун-у родным сыном, а затем стал императором Юн-лэ. Его якобы монгольское происхождение особенно подчеркивается в следующих сочинениях:

1) В летописи *Болор толи* (F 305, л. 87а) сообщается: «Его имя было Даймин Юн-ло [Юн-лэ]-хан. Хотя он как будто был потомком китайского хана, по происхождению он был монгольского ханского рода. Впоследствии мать говорила хану Юн-ло [Юн-лэ] так: „Ты не потомок китайцев, а из рода Чингис-хана, природный монгол“».

2) В *Эрдэни-йин эрихэ* (F 316, л. 15б) об императоре Юн-лэ сказано: «. . . В год земли—тигра он вступил на великий ханский престол. Говоря, что [на престол] вступил потомок нашего законного хана, дали ему имя Юн-ло [Юн-лэ] — [династии] Даймин».

Перечисление императоров династии Мин (см. *Эрдэни-йин эрихэ*, F 316, лл. 15б—16а; *Алтан тобчи*, G 26, лл. 28а—28б) приведено для того, чтобы доказать монгольское происхождение династии Мин, как это справедливо заметил Ч. Боуден [4].

Таким образом, по мнению монгольских историков, Юаньская династия продолжала свое существование в Китае. Продолжала она существовать и в Монголии, как об этом сообщается в одном из наиболее значительных произведений монгольской историографии — *Болор эрихэ* (F 511, тетр. IX, л. 28а). Согласно этому сочинению 14 хаганов — от Чингис-хана до Шунь-ди (Тогон Тэмура) — составили «*Uridaki yuwan ulus*» — «Предшествующую Юаньскую династию», а 21 хан — от Аюшидара-хана (Биликту-хана, 1370—1378) до Лигдан-хана (1604—1634) — «*Qoyitu yuwan ulus*» — «Последующую Юаньскую династию». Мнение о том, что Юаньская династия сохранилась в Монголии, было высказано также в сочинении *Минган хэгэсуту*.

1) При перечислении шестнадцати хаганов Юаньской династии называются те народы, которыми они владели (F 542, тетр. III, л. 14б). Относительно же Тогон Тэмура (1333—1368) сказано: «. . . Этот Шунь-ди Ухагатай [хаган] является хаганом только монгольской Северной Юаньской династии» (там же, л. 15а).

2) Даже о Биликту-хане (1370—1378), при котором столицей Монголии вновь стал Каракорум, сообщается: «Великий тайши Тогон Тэмура У-цзун Биликту Аюшидара в год железа—собаки [1370] вступил на ханский престол, и полностью владея своим монгольским народом из десяти тумэнов, стал ханом одного только монгольского государства, называвшегося „Северная Юаньская Династия“» (там же, л. 16а). (См. еще F 542, тетр. III, л. 1а).

Для развития идеи преемственности большое значение имело признание Даян-хана (1479—1543) общемонгольским хаганом, вследствие чего он считал себя преемником юаньских императоров. В связи с этим имеются следующие сообщения:

1) В летописи *Болор эрихэ* (F 511, тетр. IX, л. 22а): «Когда перед восемью белыми ставками на великий престол возводили хана, то превосходному по правлению и обычаям великому юаньскому владыке Бату-Мункэ поднесли верховный титул „Прекрасный великий юаньский хаган — владыка"» (ср. там же, лл. 21а, 22б, 25а, 36а);

2) В сочинении *Минган хэгэсуту* (F 542, тетр. III, лл. 27б, 28а, 28б, 33а, 34а; тетр. IV, лл. 1а, 20а) Даян-хан именуется *Dayun qayan* — «Великий юаньский хаган».

Идея преемственности выразилась еще в том, что большинство монгольских летописей продолжало именовать *хаганами* — титулом юаньских императоров — и всех послеюаньских ханов в Монголии. Однако в нескольких сочинениях [например: 1) *Эрдэни-йин толи* (F 215); 2) *Эрдэни-йин эрихэ*, соч. *гэлуна* Ишибалдана (F 540_{II}); 3) *Болор толи* (F 305); 4) *Эрдэни-йин эрихэ*, соч. Галдан-тусалакчи (F 316)] — эти ханы именуются *baya qayad* или *baya qad* — «малые ханы». Это произошло под влиянием китайских исторических сочинений, в которых послеюаньские ханы называются *сяо-ван-цзы*; дословным переводом чего и является выражение *baya qayad* или *baya qad*.

Дальнейший ход истории монголов сложился весьма неблагоприятно для развития идеи преемственности. Победа маньчжурских завоевателей лишила Монголию политической самостоятельности. Однако монгольские феодалы для укрепления своей власти и поддержания авторитета считали необходимым, чтобы их сюзерен признавался происходящим из рода Чингис-хана или из рода, тесно с ним связанного, а также, чтобы он считался обладающим всей полнотой власти, преемственно перешедшей к нему от монгольских хаганов, начиная с Чингис-хана.

Стремления монгольских феодалов были выражены в легендарных повествованиях:

1) О происхождении династии Цин;

2) О судьбе «Нефритовой Печати» — *Хас-бао*.

Первая из этих легенд представлена в нескольких вариантах. Согласно варианту в сочинении *Эрдэни-йин толи* (F 215, лл. 28б—29а) в связи с болезнью Чингис-хана один из его сподвижников — Чу-мэргэн — был в качестве выкупа (*ǰoliyasun*) выдан [духам] и исчез. В дальнейшем он оказался на вершине горы и похитил одну из трех купавшихся в озере небесных дев, которая впоследствии родила сына. Еще в одном варианте (Сочинение без заглавия, шифр F 240, лл. 6а—7а) «небесную деву похитил и отцом мальчика стал . . .человек по имени Орлик — потомок джурчидского [чжурчженьского] Чу-мэргэна — одного из девяти урлюков священного Чингис-хана. . .» Далее сообщается, что мальчик был доставлен в столицу и возведен на престол.

Эта легенда не разработана так тщательно, как повествование о сыне Тогон Тэмура, но она представляет большой интерес как попытка связать происхождение маньчжурской династии если не с самим Чингисханом, то с одним из его ближайших сподвижников или же с его потомком.

Судьбу *Хас-бао* — «Нефритовой Печати» можно проследить по сообщениям монгольских летописей, начиная с того момента, как эта печать, обладающая необычным видом и волшебными свойствами, была сверхъестественным путем пожалована Чингис-хану (См. *Эрдэни-йин тобчи*, F 188, тетр. II, лл. 10а—10б; 2) *Минган хэгэсуту*, F 542, тетр. II, л. 3б; 3) *Болор толи*, F 305, том III, лл. 37а — 37б; 4) *Эрдэни-йин эрихэ*, F 316, л. 6а), а затем была увезена Тогон Тэмуром при бегстве

из столицы; 1) F 188, тетр. III, л. 1б; 2) F 542, тетр. III, л. 13б; 3) F 305, тетр. III, л. 59б; 4) F 306, л. 14б.

Далее об этой печати сообщается:

1) В летописи *Болор толи* (F 305, том III, лл. 81б—82а): «. . .Как только тот Лигдан-хан скончался, жены Лигдан-хана по имени Нингнин-тайхоу и Суй-ди-тайхоу, забрав двух своих сыновей — Ачи-Хорхола [Эджэй-Хоргола] и Абахая вместе с ханской державной Нефритовой Печатью, вернулись назад; тогда своего [старшего сына] Аджи-Хорхола [Эджей-Хоргола] со множеством народа они покинули на пути, а со своим младшим сыном Абахаем и Чингисовой печатью смиренно явились к Сэцэн-хану. Вследствие того, что тот маньчжурский хан завладел Чингисовой печатью, он стал монгольским ханом. . .»

2) В летописи *Эрдэни-йин эрихэ* (F 316, л. 6б): «Весною десятого года правления маньчжурского Сэцэн-хана, [его] великое войско умиротворило чахаров. Вследствие того, что он отыскал наследие Юаньской династии — Нефритовую Драгоценность, в первом летнем месяце хагану был поднесен почетный титул, а название годов правления было изменено, и [оно] стало продолжаться под названием „Первого года [правления] Дэгэду эрдэмту". О [таком] изменении я, между прочим, [здесь] кратко написал. Так называемая Нефритовая Драгоценность и есть *Хас-бао* — "Нефритовая печать"». Несколько дальше (л. 17а) имеется подобное же сообщение.

Следует еще отметить, что согласно рассматриваемой здесь идее преемственности древность происхождения монгольских ханов тесно связывалась с высокородностью их предков. В летописях XVII—XIX вв. это получило выражение в легендарных сообщениях и пышной титулатуре.

И в этом отношении в значительной степени сказалось буддийское влияние. Мифический прародитель монгольских ханов — индийский Маха Самади представлен как *Kürdün orčiγuluγci qaγan* — «Царь, вращающий колесо», что является передачей санскритского *чакравартин* — «всемирный монарх». Далее, этот титул присвоен тибетскому царю Сронцан-Гампо, а затем монгольским хаганам — Чингису, Хубилаю (1260—1294), тумэтскому Алтан-хану (род. в 1507 г., умер в 1582 г.), а также ордосскому Бошокту-джинону и другим феодалам, как сообщает Саган Сэцэн.

Согласно монгольским летописям XVII—XIX вв. индийский Маха Самади имел еще титул *Olan-a | ergügdegsen qaγan* — «Многими возведенный хаган». Насколько большое значение монгольская феодальная аристократия придавала этому титулу даже в новейшее время видно из того, что титул «Многими возведенный» был присвоен правителю Автономной Монголии (1911—1919) и сохранялся за ним до самой его смерти (1924).

Буддийское влияние видно далее и в том, что согласно анонимной *Алтан тобчи* Чингис-хан «родился по повелению Будды для усмирения двенадцати дурных царей — мучителей всех живых существ». В *Алтан тобчи* (соч. Лубсан-Дандзана) отмечено, что «рождение Чингис-хана было предсказано Буддой».

Вместе с тем о происхождении Чингис-хана сообщаются сведения и ему присваиваются эпитеты добуддийского характера, восходящие к сообщениям *Сокровенного сказания*. Из многих примеров можно привести следующие:

1. В сочинении *Ганга-йин урусхал* отмечено: «Вследствие того, что

владыка Бодончар был ниспослан небом, нет надобности касаться [вопроса] о происхождении Добу-Мэргэна. . .» (F 294, л. 27б).

2. «Небесное» происхождение Чингис-хана указано в заглавии сочинения *Tngri-ece jayayatai boγda Činggis qayan-n domuγ orusiba* — «Предание о священном Чингис-хане, ниспосланном небом». (Собрание монгольских рукописей и ксилографов Института народов Азии, H 36.)

3) Значение эпитета *sutu*, присвоенного, кроме Чингис-хана, также и Лигдан-хану, наиболее полно и точно передано Б. Я. Владимирцовым в словах «Обладающий счастьем-величием».

Из титулов послеюаньских ханов следует отметить титул *dayiming* — Даймин. Слово это произошло от китайского названия «Великая [династия] Мин», но, как показал Б. Я. Владимирцов, оно «. . . получило у монголов значение „великий, всемирный“»[5]. Вопросу о происхождении еще одного титула Dayan-qaγan — «Всенародный хан» посвящена специальная работа Б. Я. Владимирцова [6]. Следует добавить, что этот титул в ряде случаев имеет написание *Dayun-qaγan* (*Минган хэгэсуту*, F 542, тетр. III, лл. 28а, 33а; тетр. IV, л. 1а и др.), то есть связывается с названием *Dai yuwan* — «Великая Юаньская [династия]». Таким образом, и Даян-хан рассматривается как один из представителей Юаньской династии в Монголии.

Следует отметить, что пышный титул Лигдан-хана имеется в *Шара туджи*[7] и в *Минган хэгэсуту* (F 542, тетр. III, л. 31б). Однако в других сочинениях, например в труде Саган Сэцэна (F 188) и в *Болор толи* (F 305) Лигдан-хан именуется только *Outuγtu qaγan* («Святой хан»). Это объясняется тем, что последние два произведения написаны под сильным влиянием маньчжурских придворных кругов.

Из всего сказанного видно, что в идее преемственности нашло свое выражение стремление монгольской феодальной знати показать, что происхождение и власть монгольских ханов непрерывно пребывают в том ореоле могущества и величия, которыми в ее глазах обладали древние цари Индии и Тибета и позднее — императоры династий Юань, Мин и Цин.

Однако это стремление и идея преемственности, в которой оно было выражено в памятниках монгольской феодальной историографии, находились в полном противоречии с исторической обстановкой того времени и с положением Монголии в XVII—XIX вв.

Изложенные воззрения представляют несомненный интерес для изучения идеологии господствующего класса феодальной Монголии XVII—XIX вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Б. Я. Владимирцов, *Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм*, Л., 1934, стр. 15.

[2] Л. С. Пучковский, *Монгольская феодальная историография XIII—XVII вв.*, «Ученые записки Института востоковедения», М.—Л., 1955, т. VI, стр. 154—155

[3] Ср. также Г. Гомбоев, *Алтан тобчи*, СПб., 1858, A. Mostaert, F. W. Cleaves, *Altan tobči*, Cambridge, Mass., 1952 («Scripta Mongolica I»); A. Mostaert, F. W. Cleaves, *Erdeni-yin tobči*, pts I—IV, Cambridge, Mass., 1956 («Scripta Mongolica II»); Н. П. Шастина, *Шара туджи*, М.—Л., 1957; W. Heissig, *Altan kürdün mingγan gegesütü bičig*, Kopenhagen, 1958; A. Mostaert, F. W. Cleaves, *Bolor erike*, pts I—V, Cambridge, Mass., 1959 («Scripta Mongolica III»).

[4] Charles Bawden, *The Mongol chronicle Altan Tobči*, «Göttinger Asiatische Forschungen», Wiesbaden, 1955, Bd 5, S. 13.

[5] Б. Я. Владимирцов, *О прозвище «Dayan-qayan» (Даян-хан)*, «Доклады Российской Академии наук», 1924, стр. 121.
[6] Б. Я. Владимирцов, *указ. соч.*, стр. 119—121.
[7] *«Шара туджи»*, *Монгольская летопись XVIII в.*, сводный текст, перевод, введение и примечания Н. П. Шастиной, М.—Л., 1957, стр. 75 (текст) и стр. 150 (перевод).

По докладу выступили О. Латтимор, А. Рона-Таш, дополнивший аргументацию автора на материале монгольского фольклора, Ф. Обен, Г. Н. Румянцев, Ч. Далай, Ш. Нацокдоржи.

15 августа, вечернее заседание
Председатель И. Я. Златкин *(Москва)*

GEORGE G. S MURPHY (*Stanford*): THE MONGOLIAN PEOPLE'S REPUBLIC: A DUAL ECONOMY?

The phenomenon of underdeveloped countries which have a small highly developed industrial sector side by side with a large poorly developed agricultural sector has attracted a good deal of attention [2]. It seems generally assumed that this phenomenon has existed only in the structural relationships between the large economies of the North Atlantic nucleus and their overseas dependencies or raw material suppliers. This paper argues that this phenomenon has appeared in the economies of the ruble area. Admittedly the case in support is that of the Mongolian People's Republic which is a rather small economy: but it does raise the question whether the same state of affairs can exist elsewhere.

Oleg Hoeffding has questioned whether what we might call "rules of thumb" for economic development evolved from Russian experience necessarily export well to countries where the initial conditions in a development process are radically dissimilar from those of pre-plan era Russia [3]. Thus the Russian blend of factors of production, with its emphasis on heavy industry, its relative neglect of transport and housing and its complete neglect of agriculture may be quite wrong for an economy heavily dependent on natural resource exploitation. But the factor proportion problem is not especially a Russian one but crops up for any underdeveloped economy.

According to Eckaus who has drawn attention to the problem [4] it occurs because underdeveloped economies must make major and not marginal changes in the balance of their factors of production, because factor endowments are radically different in the underdeveloped economy and finally because technological change becomes a matter of conscious government policy in the underdeveloped area [5]. In the case we are dealing with, the Russian emphasis on capital-intensive projects which has become something of a doctrine for other economies of the ruble area, has meant that the Mongols have invested heavily in a few capital facilities which has not absorbed many of the agricultural workforce. The heavy emphasis on defence, educational and welfare measures in the budget have implied that domestic sources of capital formation are rather meager [6]. Thus an important source of domestic capital formation has been Russian (and later Chinese) lending, which until recently was severely limited. This clearly has analogies to the dual economy. These analogies can be

pushed much further. But first it may be helpful to review the major features of the dual economy.

Historically the typical way in which dual economies have been held to emerge and the equilibrium conditions which then preserved the state of affairs are as follows. It is held that private investors wishing to exploit the resources of newly discovered areas found that due to low domestic income levels and low effective demand that it was not worthwhile to build capital facilities to produce goods for the populations of the new areas. However, investments devoted to extracting raw materials useful to the industrial machines of the Western economies were profitable. Such investments did not trigger off economic growth in the areas where they were made. It is assumed, firstly, that the underdeveloped economies were themselves before the start of trade not making substantial contributions to their own domestic capital formation. Foreign investment tended to be in projects which used a great deal of capital relative to labor and did not give employment to many individuals. Wages thus had little effect on raising effective demand in the society as the total wage bill in industry remained small. The gains of such investment to the society in the way of rental incomes to those who owned land were dissipated by the income demonstration effect which implied that the rentier group consumed Riviera horse-racing or sunshine or gold plated Cadillacs rather than devote its incomes to investment purposes at home. The social overhead investment which was introduced to help facilitate the working of mines, oil wells and plantations also seemed to have no general effect in the way of generating external economies. Railroads and ports funnelled out resources but did not generate economic growth. Thus after the foreign investments were made the economy was in not much better shape as regards domestic capital formation.

In the second place capital projects financed by foreigners had to compete as regards profitability with the needs of investments in the more developed economies and generally as a matter of fact this led to restrictions on the supply of capital to the under-developed areas once all its natural resources were undergoing use.

At first sight it seems unreasonable to locate heavily capital using facilities in areas where labor seemed abundant. Shortages of adequate labor, the desire to economize on management, the fact that technologically capital-using techniques were the only possible ones or that the entrepreneurs thought they were the only possible ones available can all be advanced as explanations for this [7].

For a period somewhat indefinite in specification the dual economy seemed to be self-preserving. Foreign investors in order to protect the profitability of their enterprises generally brought pressure to bear on domestic governments (usually composed of rentier groups) to limit competition, to get privileges such as extraterritoriality, to discipline labor and so forth. Work populations would be unstable or there would be a backward slope in the supply curve of labor which prevented any general advance in the level of skills. Generally both the interests of private investors and of governments involved in areas as spheres of influence coincided: they both wanted stabilization of the areas. Hence no attempt was made to displace the traditional rentier groups as the social élite group; social reformers tended to get short shrift. For that matter the rentier group was itself firmly loyal to the foreign investors and foreign controlling power and helped discipline labor. As investment tended to come from the country which

had political control over the underdeveloped economy and as the élite group of the underdeveloped economy tended to accept the consumption patterns of the developed controlling economy, export and import flows were overwhelmingly concentrated both by bill of goods and by major supplier-purchaser [8]. It has been argued that within this framework of concentration a subtle form of exploitation took place in that the terms of trade tended to shift secularly against the underdeveloped economy. Finally the very investors and managers who brought industry to the new areas also brought medical techniques which prolonged life and cut down mortality rates. However, the small heavy capital-using sector could not absorb rising populations, for further capital investments to employ labor depended on demand shifts for resources in foreign countries [9] so that disguised unemployment appeared in agricultural sectors where variable proportions between capital and labor were possible. Agriculture became crowded: on balance the standard of life remained stationary or even fell.

Whatever the applicability of this analysis in general [10], and like any morphology, the closeness of fit in specific instances is always rather loose, the MPR's historical experience can be fitted into it as well as other small economies [11].

Mongolia came under Soviet Russian influence in mid-1921. Until 1929, the leaders of the country used a range of fiscal and administrative devices

Table I.

Physical Mongolian Foreign Trade from 1924/5 to the present. All data are current prices adjusted to 1950 ruble exchange rate [a]

Date	Total exports	Total imports (millions of rubles)	To Russia	From Russia	To others	From others
					(mainly China)	
1924/5[b]			12.5	9.7		
1925	52.4	52.2	12.6	10.1	39.8	42.1 [c]
1926/7			13.1	12.8		
1926	68.0	58.7	25.9	13.2	40.1	45.6 [c]
1926/7			26.5	16.1		
1927	67.0	65.4	33.5	14.7	33,5	50.7 [c]
1927/8			42.2	26.7		
1928	156.7 [c]					
1929	62.4	72.6	[53.3	35.1] [d]	9.0	37.5 [c]
1930	76.4	79.8	[68.9	62.2] [d]	7.5	17.6 [c]
1931	101.4	143.7	[100.6	130.3] [d]	.8	13.4 [c]
1932	trade only—		67.3	144.5	—with Russia	
1933			60.3	134.6		
1934			71.8	156.4		
1935			27.6	40.6 [e]		
1936			25.6	40.2		
1937			25.4	49.7		
1938			29.1	52.7		
1939			37.3	56.9 [f]		
1940			52.3	118.3		
1941			92.2	117.9		
1942			118.5	53.4		
1943			122.5	84.2		
1944			139.5	86.2		
1945			117.0	110.5		
1946			113.1	167.8		
1947			149.1	180.8		
1948			134.8	157.7		
1949			144.1	171.0		

Table I. (*continued*)

Date	Total exports		Total imports (millions of rubles)	To Russia	From Russia	To others (mainly China)	From others (mainly China)
1950				156.8	172.9		
1951				224.9	317.5		
1952				202.4	264.3		
1953				200.4	349.5		
1954				220.4	530.0		
1955				215.1	486.8		
1956				217.2	413.6		
1957	270		340 [g]	200.5	270.7	70	70 [g]
1958		590 [h]		188.7	259.4 [i]		

Notes: [a] The odd practice of the Russians in revaluing trade data when they devalue is explained fully in F. D. Holzman, *Some Financial Aspects of Soviet Foreign Trade, Comparisons of the United States and Soviet Economies*, «Papers submitted by panelists appearing before the Subcommittee on Economic Statistics, Joint Economic Committee of the United States», Part II, Washington, 1959, pp. 427—432. All the data here have been revalued consistently to 1950 exchange rates.

[b] Until 1938 the basic trade series has been taken from (and revalued to 1950 rates) «Внешняя торговля СССР за 20 лет, 1918—1937», М., 1939; «Внешняя торговля Союза ССР. Статобзор», December 1934, No. 12 (114) and December, 1935, No. 12 (136); «Статистика внешней торговли», December 1936, No. 12.

Until 1929 the data are from September of one year to October of the next year. Data for the normal year are readjustments of this.

[c] The readjusted series for the normal year were built up from «Монгольская народная республика», М., 1952, ред. И. Я. Златкин, p. 205; «Хозяйство Монголии», May—June, 1928; Nikitine cited by G. M. Friters, *Outer Mongolia and its International Position*, London, 1951, p. 137.

[d] From 1929 the basic series are for the normal year and are taken from sources in [b].

[e] The series show an odd break in 1935. Whereas the physical structure of exports and imports do not display any great change, the value data show a 3- to 4-fold drop. This is not associated with change in the trade ruble. Harriet L. Moore, *Soviet Far Eastern Policy*, 1931—45, Princeton, 1945, p. 264 suggests that this is due to the fact that Mongolian transactions were valued in "goods rubles of *chervonets*" before 1934.

[f] The data are taken from М. В. Мещеряков, *Очерк экономического сотрудничества Советского Союза и Монгольской народной республики*, М., 1959.

[g] Meshcheriakov in «Внешняя торговля», No. 2, 1959, p. 11 says that 75% of Mongolian exports go to Russia and 80% of Mongolian imports are from Russia.

[h] N. Samsonov, «Внешняя торговля», No. 11, 1959, p. 10 says 76% of Mongolian trade is with the USSR.

[i] «Внешняя торговля СССР за 1958 год», Statistical supplement to the journal, «Внешняя торговля».

to drive out foreign traders (the chief of which were Chinese) and to reorient the whole of Mongolian trade to Russia. In 1929 a foreign trade monopoly was established and by 1931, the country virtually ceased to trade with any country but the Soviet Union. This state of affairs continued until 1951 when Mongolia started to trade with China, but in very small amounts. Since 1955 perhaps a quarter of foreign trade is with various countries of the Soviet bloc but mainly with China (See Table I).

Thus trade is heavily concentrated to one major supplier-demander but also is heavily concentrated by product type.

Table II.

The structure of Mongolian exports to the Soviet Union in 1934/6 and 1955/57

Commodity group	Commodity group as a percentage of total exports in current values					
	1934	1935	1936	1955	1956	1957
Minerals	—	—	—	4.4	4.3	4.1
Gasoline and oil	—	—	—	*	*	*
Livestock	31.1	38.7	39.4	34.4	35·2	30.9
Animal by-products . . .	66.3	58.6	55.2	60.6	58.7	64.1
Of which Wool	13.2	18.4	21.8	39.5	37.4	43.1
Other	2.6	2.7	5.4	0.6	1.8	0.9

— indicates zero; * indicates less than 0,05%.

Sources: «Внешняя торговля СССР за 20 лет, 1918—1937». «Внешняя торговля Союза ССР», Dec. 1934; Dec. 1935. «Статистика внешней торговли», Dec. 1936. «Внешняя торговля СССР за 1956 год», «Внешняя торговля СССР за 1957 год».

In order to establish this pattern of trade dependence, both Russian and Mongol sources assert that exports to Mongolia were below world prices and imports above world prices [12]. The terms of trade certainly shifted in the Mongols' favour during this period. (Table III). But one authority, Violet Conolly, points out that much more favorable terms were extended to areas like Sinkiang, Turkey and Persia where Russian political influence was weaker [13]. Be that as it may, Outer Mongolia was given special tariff privileges [14] and apparently was a preferred if not the most preferred trading partner.

Table III.

Mongolian Net Barter Terms of Trade 1925/6 to 1934

	Import unit values		Export unit values		Net Barter Terms of trade	
	1925/6 weights	1934 weights	1925/6 weights	1934 weights	1925/6 weights	1934 weights
1925/6	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0
1926/7	106.5	97.9	115.2	96.8	115.2	96.8
1927/8	113.3	103.0	131.4	118.5	131.4	118.5
1929	122.5	103.0	156.9	149.5	156.9	149.5
1930	147.7	106.7	138.7	125.7	138.7	125.7
1931	177.9	138.6	129.4	114.6	129.4	114.6
1932	187.8	144.1	128.0	113.7	128.0	113.7
1933	201.0	143.0	154.5	135.3	154.5	135.3
1934	141.0	107.7	206.5	171.0	206.5	171.0

Source: «Внешняя торговля СССР за 20 лет, 1918—1937».

Fairly large commodity groups were used to establish the unit value indices but Mongolian imports and exports were fairly homogenous in commodity groups and were stable over time so with that the index is not too unreliable.

Table IV uses smaller commodity classes, is much more reliable but corroborates the index above. (For difinition of all terms see Kindleberger, *The Terms of Trade*).

With the declaration of the foreign trade monopoly in 1929 things changed quite noticeably. The terms of trade shifted quite heavily against the Mongols and this at a time when their First (and abortive) Five Year Plan called for heavily increased levels of exports to the Soviet Union. (See Table IV). This might reflect the general shift in the terms of trade against agricultural exporting countries. But this shift seems to have been unique to the Mongols. Sinkiang, Tuva, Persia, Afghanistan and Turkey which as a group traded under similar arrangements to Outer Mongolia (and some of which had comparable transport costs) do not seem to reflect the same situation, in unit value indices or in net barter terms of trade.

Table IV.

A comparison of Outer Mongolian unit value indices and net barter terms of trade indices with Russian data

	Russian export prices (1)	Mongolian import unit values (2)	Russian import prices (3)	Mongolian export unit values (4)	Mongolian net barter terms of trade (4/2) (5)	Russian net barter terms of trade (3/1) (6)
1929	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0
1930	82.7	87.0	85.1	81.1	93.2	102.9
1931	60.1	97.6	77.7	77.5	79.2	129.2
1932	48.7	93.6	68.0	78.6	84.0	139.6
1933	45.2	—	63.2	—	—	—
1934	44.0	75.9	56.0	123.5	162.7	127.2

Notes: Column 6 is not the normal way of calculating this but shows what Outer Mongolia's trading experience would have been at general Russian world prices, subject to the assumption that the Mongol export-import pattern was identical with general Russo-world trade patterns. This assumption is not correct of course but if Mongol experience is compared with Sinkiang, Tuva, etc. it is different, when these countries have somewhat similar trade patterns with the Soviet Union.

Base year weights have been used for the Outer Mongolian indices and computed from commodity classes in А. Вознесенский и А. Волошинский, *Внешняя торговля Союза Советских Социалистических республик за первую пятилетку*, М.—Л., 1933. Russian indices are from С. П. Бакулин и Д. Д. Мишустин, *Статистика внешней торговли*, М., 1940. Alexander Gerschenkron, *Economic Relations with the USSR* (Carnegie Endowment for International Peace), New York, 1945, p. 51 has a terms of trade index based on S. N. Prokopovicz, *Russlands Volkswirtschaft unter den Sowjets*, Zürich and New York, 1944, p. 342 which is almost identical to the Bakulin and Mishustin index.

Mendershausen has suggested that the dynamics of big power — small power trade bargaining can put the small country within the ruble area in a disadvantaged position without formal policy decisions from the top level being involved at all [15]. Furthermore trade relationships and trade bargaining involve more than mere import and export commodity flows, *e. g.*, there is the question of capital and technical assistance at favorable terms which are part of a general trading bargain. Unfortunately as regards the latter there are no statistical data available to throw light on this matter. But the shift in the Mongolian terms of trade was halted in 1933 and it seems fair to conclude that this was a matter of top policy decision. The failure of the First Plan in Outer Mongolia involved the country in severe difficulties [16], placed the Soviet Union and the MPR in a difficult position vis-à-vis the Far Eastern political situation of the time and called for drastic action. From 1933 onwards the terms of trade shifted over to Outer Mongo-

lia's favor unambiguously. This ability to speedily tackle problems created by trade relations is clearly one of the strengths of the Soviet system which coexists with the weakness of big power — small power bilateral bargaining which disadvantages the smaller power.

There are no data available from the late 1930s to 1955 to show what Outer Mongolian trade experience with the Soviet Union was. The Mongols did make substantial transfers of commodities and capital to the Soviet Union during World War II which was an important part of their contribution to the joint war effort [17]. After 1955 Mongolian export and import prices have been quite stable and there has been a heavy Mongolian import surplus with the Soviet Union due to unusually large capital loans after 1954 [18].

As Russian policy towards the MPR seems to have shifted to a considerable degree after 1954 it would be incorrect to infer similar experience during the preceding decade for which data are not available.

During the period of the last two decades the volume of Mongolian foreign trade has increased due to more efficient extraction of raw materials from the economy at large. The value of exports to the USSR in current prices has advanced eightfold from 1936 to 1955—57. This however must reflect a good deal of price inflation for if the basic exports of the country to the USSR are weighted in 1936 prices they record only a threefold growth [19]. Interestingly the degree of domestic fabrication of export commodities seems to have remained fairly stable. Gross industrial output in constant prices increased only 3.6 fold between 1940 and 1955. At this time yearly gross industrial output was something of the order of 300 rubles *per capita* in prices of 1940. As some of this represents a shift from domestic fabrication or processing it seems fair to conclude that processing of raw materials has done little more than keep up with the growth of raw material extraction.

However there has been some shift in import patterns with intermediate commodities rather than consumption goods becoming most important.

Table V.

Composition of Mongolian imports from the Soviet Union

Commodity group	Commodity group as percentage of total (current values)					
	1934	1935	1936	1955	1956	1957
Consumption goods	63.4	70.3	74.4	46.4	40.4	48.5
Intermediate goods	37.7	21.4	20.2	52.7	56.9	47.1
Unallocable	8.9	8.3	5.4	1.0	2.7	4.4

Sources: as for Table 2.

In this as with other statistics for the country there is the problem that much of the output was by joint companies. Mineral output, for instance, is not included in gross industrial output data [20] and it seems likely that exports may be understated similarly.

Joint companies played an important role in the exploitation of the Mongolian raw material base. The first joint company was the Mongolian Trade and Industrial Bank set up in 1924 [21]. The directors of the bank were Russian and were instrumental in reforming the Mongolian currency system as well as playing a not unimportant role in driving the Chinese trade from

Mongolia. Before this individual Russian companies operated in the country purchasing raw materials from the population largely on a barter basis (*e. g.* Tsentrosoiuz, Dal'gostorg, Sherst', Torgpredstvo SSSR, Sibgostorg, and Nephtesyndicate).

After the bank was instituted, Mongolstroi (1925) — a construction company, Mongoltrans (1929) and Sovmontorg (1932) — which handled all Soviet-Mongol trade — became important. Other joint companies of the period until, roughly, the end of World War II were Mongolsherst', Mongsovbuner and Avtokontor. Apart from those which had a paramilitary purpose (such as Mongoltrans) the companies were largely devoted to handling livestock and their by-products [14]. During this period an industrial combine was also set up to process by-products from livestock which also was joint company in form [15]. A meat packing plant was also set up with Soviet assistance in 1946 [16].

During this period it seems clear that the supply of capital to the area was limited by political as well as economic considerations. Russian policy was to neutralize Outer Mongolia as a buffer and to make no investments which might be captured in the event of enemy attack [17]. Assistance during this period was probably largely military in form, devoted to building up the Mongolian army. Until 1949 for instance no railroads were built in the country except for a narrow gauge spur from the Trans-Siberian to Choibalsan, constructed in 1939. It seems reasonable that this was built to supply the troops who later fought off the Japanese at Khalkhin-gol.

From 1949 there was a noticeable shift in Russian policy which was reflected in the type of joint companies instituted. In 1949 a railroad line was built from the frontier to Ulan Bator. In the same year Sovmongolmetall and Mongolneft' were formed. Given the success of the Chinese communists it was possible to devote more resources to Outer Mongolia: but they were clearly based on a more intensive utilization of the country's raw materials with a view to exporting oil and minerals to the USSR.

In 1954 another shift in policy took place. The Bank was handed over to the Mongols and also Russian steamships plying on Mongolian rivers, 16 meteorological stations, telephone communications, and two airports (in Ulan Bator and Sain-Shanda) [18]. In 1957 the mining and oil corporations were transferred to the Mongols [19]. When the Ulan Bator Railroad was extended to China, the previous joint company was presumably expanded, the Russians extending cheap credit to the Mongols to pay their share in the cost of constructing the line. As they get transit charges this enables them to meet yearly interest payments to some unknown extent.

So long as a substantial portion of Mongolian output came under the control of joint companies, the Mongols had limited control over their own economy, and their plan of development was obviously linked to the needs of the Russian export market. It would be wrong to suggest that such facilities are of no use to the Mongols. Furthermore the Russians seem to have been concerned to rapidly train up a Mongol workforce to take over operations of what plants and installations they set up in the country. But on the other hand they have been under overall Russian direction and capital allocation has been in terms of Russian economic interest although Russian and Mongol interests may not be necessarily divergent. The analogy to the raw material exporting sector of a dual economy is strong. There seems no detailed information of Russian investments in Mongolia readily available. Data on industrial production make it very clear that Russian capital until 1954 was confined to the joint companies except for minor gifts of agricultu-

ral equipment. This is not to ignore a substantial but unknown Russian investment in the Mongolian army.

Thus the supply of capital for a considerable time was limited by political considerations, and was then focused on raw material extraction. Generally the facilities were capital-intensive for there is a continual emphasis on the advanced levels of technique used. Thus acceptance of Russian technology essentially implied fixed proportions between capital and labor and undoubtedly contributed to the slow growth of the industrial workforce. In 1939 only 5.5 thousand workers were in state industrial employment out of a population of close on a million. By 1947 some 7.3 thousand were so employed, and by 1955 27.5 thousand [20]. This is the sector of the economy where joint companies functioned. However the Mongols did have a small cooperative industrial workforce during this period of some 10.000.

Meanwhile Mongolian agriculture (mainly stockraising) persisted in a state which was not greatly different from that centuries before. Partially commercialized, using age-old techniques, it was still nomadic in form [21]. Not until 1956 was there any substantial collectivization and the promotion of sedentary life among the nomads. Construction of an adequate educational system outside of instruction provided during military service was tardy. Thus as late as 1941 the first output of middle schools was only 13 [22]. In the previous year the number in middle schools (11—17 years of age) was only 50. 90% of the population was illiterate [23]. The campaign against illiteracy was not started until 1947 and only the Second Five-Year Plan (1953—1957) aimed at compulsory elementary education (8 to 11 years) in the countryside and «seven year» education (8 to 14) in the towns [24].

It is not easy to make productivity comparisons between the two sectors. But the small cooperative industry which must lie midway between them gives some indication. Yearly output per worker has been $2^1/_2$ to 4 fold greater in state than cooperative industry [25].

But it will be objected that the Soviet system of financing economic development ensures good supplies of domestic capital. There are no rentiers in Mongolia and no upper-class demonstration effect to squander funds. But there was still a demonstration effect which generally plagues underdeveloped areas. Considerable emphasis has been placed on social and cultural expenditures out of the Mongolian budget. Badly underdeveloped, the Mongols have attempted to transplant to the Russian standards of health, art, city monument building and the like. Until World War II defense expenditures consumed the bulk of funds but after 1949 the consumption of social goods took on considerable importance [26].

Since 1954 the MPR has had the advantage of substantial loans from both the Russian and the Chinese side, so that the shortages of supply on the capital side has been eased, although investment still seems oriented to raw material exports.

NOTES

[1] This is a revised version of a paper presented to the Association for Asian Studies Meetings, New York, March 1960.

[2] For a discussion of the dual economy see Benjamin Higgins, *Economic Development, Problems, Principles and Policies*, Norton, New York, 1959, Chapter 14. See also Brinley Thomas, *The Alleged Exploitation of Underdeveloped Countries: A Review of the Evidence*, «Proceedings of the Western Economic Association», 1958.

[3] Oleg Hoeffding, *Soviet State Planning and Forced Industrialization As a Model for Asia*, Rand Corporation, August 1958.

[4] R. S. Eckaus, *Factor Proportions in Underdeveloped Areas*, «American Economic Review», XLV (Sept. 1955), No. 4, pp. 539—565.

[5] R. S. Eckaus, *Factor Proportions Problem in Underdeveloped Areas*, AER, Vol. L (May, 1960), No. 2, p. 642.

[6] Data for the MPR are not abundant but I have discussed recent developments in *Planning in the Mongolian People's Republic*, «Journal of Asian Studies», XVIII, Feb. 1959), No. 2, 241—258. This present paper is concerned to see if the economic data on the MPR fit the morphological type of «dual economy» and is therefore not direcly concerned with the issue of proper allocation of a given investment flow over time.

[7] That is, all that is necessary is that technical coefficients for some reason are fixed or that the isoquants of the production function L-shaped, and that the capital-labor ratio favors capital inputs. This can be partly a matter of information or belief as Higgins points out. However a three factor analysis employing management makes more sense (See Albert O. Hirschman's comments on Eckaus in AEA Proc.), so that capital intensivity depends not on inadequate information but on adequate information and the desire to economize management.

[8] Geographic concentration has been measured by Albert O. Hirschman, *National Power and the Structure of Foreign Trade*, Berkeley and L. A., University of California Press, 1945, Chapter VI. Commodity concentration has been measured by M. Michaely, *Concentration of Exports and Imports: An International Comparison*, «The Economic Journal», LXVIII (Dec. 1958), No. 272, pp. 722—736.

[9] When the trend of technology was towards resource saving per unit of product.

[10] Charles W. Kindleberger's, *The Terms of Trade: A European Case Study* (1956) gives no support to the terms of trade hypothesis, for instance.

[11] The dual economy argument is clearly applicable to what we normally think of as sparsely populated economies. We clearly get the co-existence of capital-using sectors with heavy-labor using sectors in what is conventionally thought of as sparsely populated areas. Such areas can display large differences in factor returns. «Oil» economies seem of this type. But they face rather special additional problems compared to economies with a high density of population in that reallocation of customary expenditures will not release considerable funds for investment, and this in the face of extremely high *per capita* needs for social overhead. Further the marginal product of labor is far from zero so that taking people from the agricultural sector implies agricultural output foregone. It is questionable in addition whether it is all to the good to relocate population substantially, for this may speed up the rate of usage of a single natural resource and make the economy highly vulnerable to world shifts in demand and resource availability.

[12] И. Я. Златкин, *Монгольская Народная Республика*, М., 1950, р. 196. В. Ширендыб, *Народная революция в Монголии и образование МНР*, М., 1956, р. 76.

[13] Violet Conolly, *Soviet Economic Policy in the East*, London, O. U P, 1933, p. 13.

[14] А. Каллиников, *Революционная Монголия*, М., б/г, р. 57.

[15] Horst Mendershausen, *Terms of Trade Between the Soviet Union and Smaller Communist Countries, 1955—1957*, «The Review of Economics and Statistics», XLI (May 1959), p. 118.

[16] Prime Minister Gendun remarked: «. . .the exports of cattle and raw material from our country to the USSR were curtailed inasmuch as the export of the former years were clearly at exaggerated levels and did not correspond to our potential». *From the Speech of Prime Minister Gendun of the MPR to the Seventh Great Khural*, «Тихий Океан» No. 1 (3), 1935 (Jan.—March).

[17] М. В. Мещеряков, *Очерк экономического сотрудничества Советского Союза и Монгольской Народной Республики*, М., 1959, pp. 73—82.

[18] Mongolian exports to the USSR in 1955 prices show 1955 (100), 1956 — 101.8, 1957 — 101.8, 1958 — 99.7.

[19] Exports in current unit values: 1936 (100), 1955 — 840.2, 1956 — 848.4, 1957 — 783.2. Exports in 1936 unit values (basic exports only) 1936 (100), — 1955 — 343.6, 1956 — 338.7, 1957 — 287.5

[20] С. К. Рощин, *Социалистический уклад в экономике Монгольской Народной Республики*, М., 1958, р. 77.

[21] Мещеряков, *Очерк. . .*, passim.

Докладчику были заданы вопросы М. С. Джунусовым и И. И. Иоришем. Затем выступил Пунцук Нороб, который заметил, что к вопросу монгольско-советской торговли нужно подходить не только в узко-экономическом, но и в историческом аспекте. Автор доклада ставит под сомнение суверенитет МНР и ее прогресс по пути социализации производства,

что, быть может, объясняется его незнакомством с некоторыми фактами или неправильным методологическим подходом, в связи с чем он и не различает характера взаимоотношений между большой и малой страной в условиях капитализма и в условиях социализма. Когда в 1911 г. Монголия приобрела формальную независимость, ни одно государство не признало государства Богдо-гэгэна, а в 1919 г. империалисты уничтожили суверенитет Монголии. Только при помощи СССР могла МНР ликвидировать свою отсталость и пройти путь от феодализма до социализма. Если же МНР была вынуждена торговать в течение долгого времени только с СССР, то это объясняется тем, что капиталистические страны, в том числе США, не хотели ни признавать МНР, ни торговать с ней. В настоящее время 60% торговли МНР падает на СССР, 6% — на Чехословакию, 19% — на Китай, 0,4% — на капиталистические страны — Англию, Японию, Швейцарию. Выступивший затем И. Я. Златкин отметил недостаточное знание фактов докладчиком и освещение их со специфической точки зрения определенного течения в американской науке, рассматривающей экономические взаимоотношения социалистических стран как аналогичные существующим в капиталистическом мире. Но экономические взаимоотношения между МНР и СССР нельзя узко рассматривать только в плане внешней торговли. Докладчик не учитывает, например, неоднократное списание советской стороной задолженности МНР, безвозмездную передачу советских активов в собственность МНР, и т. д. — явления, аналогию которым вряд ли можно найти, например, в стерлинговой зоне.

19 августа, утреннее заседание
Председатель И. Я. Златкин *(Москва)*

EGAMI NAMIO (*Tokyo*): THE ECONOMIC ACTIVITIES OF THE HSIUNG-NU

The economic activities of the Hsiung-nu as of other nomadic peoples in Central Asia were mostly directed to four spheres: stock-raising, looting, taxing, and trading. These facts are known roughly through the Records of the Hsiung-nu in *Shi-chi* and *Han-shu* of the Han Dynasty. But none of the scholars at home and abroad has ever treated the problems of the economic activities of the Hsiung-nu in full detail, which were closely connected with the rise and fall of the military and political power of the Hsiung-nu, and the changes of their social and cultural conditions. This is the reason why I have made an attempt to study these problems.

The Hsiung-nu method of stock-raising was the grazing system undertaken by every family in the common pasture land alloted to each tribe of the Hsiung-nu. The private ownership of domestic animals was acknowledged among the Hsiung-nu as other nomadic peoples in Eurasia. Horses, cattle and sheep were the most common live-stock, while camels, asses and mules were rather rare in the Hsiung-nu land. In the IInd century B. C. when the Hsiung-nu were at their full glory, every Hsiung-nu had more than 19 domestic animals, and lived on the stable condition of the stock-raising economy. But afterwards they lost largely their live-stock owing to the drought, rain, snowfall, and war.

The number of their domestic animals per one person decreased to less than 10 in 72 B. C., 5 in 68 B. C., and at last 2 in 46 A. D. Such rapid

and radical decrease of live-stock led the Hsiung-nu into economic difficulties and political break-ups.

The Hsiung-nu used to plunder the neighbouring countries, especially China in order to rescue themselves from the economic difficulties caused by the decrease of their live-stock, or to make their standard of living higher with foreign goods. So three main causes may be enumerated for the looting of the Hsiung-nu: the poverty resources, the shortage of foods and the want of goods for trading in their land. They plundered live-stock, especially horses, and human beings, mostly women and boys who were used and sold as slaves. They lead plundering wars with a large number of horsemen, often more than ten thousands, under the command of tribal chieftains who were subject to Shan-yu, emperor of the Hsiung-nu. Their whole military strength seems to have amounted roughly to 300 000, and the Hsiung-nu sometimes were allied with foreign forces such as the Kiang, Wu-huan, Hsienpi and Ch'ê-shih to sack the Chinese of the frontier. They used to make war during summer and autumn, and occasionally succeeded in looting. But gradually it became difficult as the defensive power of the neighbouring peoples became stronger and unconquerable. Thus the looting as one of the economic activities of the Hsiung-nu seems to have had a limit in its effectivity.

Докладчику был задан целый ряд вопросов. По докладу выступили Х. Пэрлээ, отметивший, что при изучении экономики гуннов необходимо учитывать не только скотоводство, но и хозяйство оседлой части населения, и Ч. Далай.

С заключительным словом выступил И. Я. Златкин.

СЕКЦИЯ XIX

ЯПОНИЯ

9 августа, вечернее заседание
Председатели: Е. М. Жуков (*Москва*),
Кисио Тэракава (*Токио*)

KISHIO TERAKAWA (*Tokyo*): ON THE GENERAL DISTRIBUTION OF JAPANESE ACCENT AND JAPANESE VOWEL-QUANTITY

The chart given below shows a systematic distribution of Japanese words' accent and Japanese «*Bunsetsu*» or word-groups' accent, at the same time «Japanese vowels' length», or «Japanese vowels' quantity».

As you know, Japanese accent does not depend on «stress», but on «pitch». In another word, it does not mean «force accent» but «musical accent». The Japanese language is, as seen in the chart, roughly divided into four kinds: «Tokyo accent family», «Kyoto accent family», «One-type accent», and «Vague accent».

By «Tokyo accent family» I mean the accent currently used in Tokyo, Japan's present capital, and the accent regarded as belonging to the same family. Likewise, by «Kyoto accent family» I mean the accent now used in Kyoto, Japan's old capital, and the accent regarded as belonging to the same family. These two accent families form the two main streams of Japanese accent. Even a word with the same sound is capable of conveying different meanings according to its differences in accent. These two main streams of Japanese accent are regarded as belonging to «Multi-type accent». For instance, if in «Tokyo accent family» a two-syllabled word *ka-ki* is pronounced like [ka'ki] with high pitch-accent on the first syllable, the word means 'oyster'; while if it is pronounced like [ka'ki'] with high pitch-accent on the second syllable, it means 'fence'. On the contrary, in «Kyoto accent family», when a two-syllabled word is pronounced like [ka'ki'] with high pitch-accent on the first syllable, it means 'fence'. And when pronounced like [ka'ki'] with high pitch-accent on the second syllable, it means 'oyster'. Therefore, we can call both «Tokyo accent family» and «Kyoto accent family» «Multi-type accent».

In contrast to this «Multi-type accent», we have «One-type accent». This «One-type accent» prevails in regions such as Mito and Miyazaki (non-striped part of the chart). This is a local dialect limited to a very small part of Japan. Nevertheless, I deem it to be a very important factor. In reality, every two-syllabled word is pronounced with high pitch-accent on the first syllable. For instance, the word *ka-ki* has entirely the same accent in spite of having varied meanings such as 'oyster' and 'fence'. Hence comes «One-type accent».

The Japanese language has two kinds of accent: one is «One-type accent»; the other, «Multi-type accent». Further on, «Multi-type accent» can be classi-

fied into two kinds: «Tokyo accent» and «Kyoto accent». Around the borderline between «One-type accent» and «Multi-type accent» there comes the accent peculiar to Sano City in Gumma Prefecture. This is a mysterious accent belonging to neither «Multi-type accent» nor «One-type accent». This phenomenon has only recently been discovered by Assistant Professor Haruhiko Kindaichi of the Tokyo Foreign Language University. According to him, Sano District has no established type in accentuation. The word *ka-ki* meaning 'oyster' and the word *ka-ki* meaning 'fence' are pronounced, on one occasion, with high pitch-accent on the first syllable, and, on another occasion, with high pitch-accent on the second syllable, and all that by the same person. The same person pronounces the same word with different accent. Thus, the same word «*ka-ki*» is pronounced like [ka˥ki] or [ka˩ki˥] by the same person according to his fancy. Eventually, the pronunciation is rather vague and its pitch-accent relations are by no means settled; therefore, it can be called «nonpitch-accent». Assistant Professor Kindaichi calls it «Vague accent».

Now, allow me to tell you an important matter: In Japanese accent there are «word accent» and «word-group accent». For instance, the word *ka-ki*, according to «Tokyo accent family», means 'oyster' when pronounced like [ka˥ki]; it means 'fence' when pronounced like [ka˩ki˥]. But I have to add that the word *kaki* means 'persimmon' when pronounced in the same way as [ka˩ki˥] meaning 'fence'. This is a case of «word-pitch-accent». However, when the word *kaki* 'fence' and the word *kaki* 'persimmon' are pronounced as word-groups, they form different word-group accent. That is, «*Bunsetsu*», word-group, [ka˩ki˥-kara] means 'from the fence', but the word-group [ka˩ki-ka˥ra] means 'from the persimmon'.

Next, allow me to give an example of «One-type pitch-accent». In Mito Dialect accent, a word pronounced with high pitch-accent on the first syllable — [ka˥ ki] means any of these words, 'oyster', 'fence', and 'persimmon'. These three words coupled with *kara* 'from' are pronounced like [ka˩ki-ka˥ra] with middle high pitch accent.

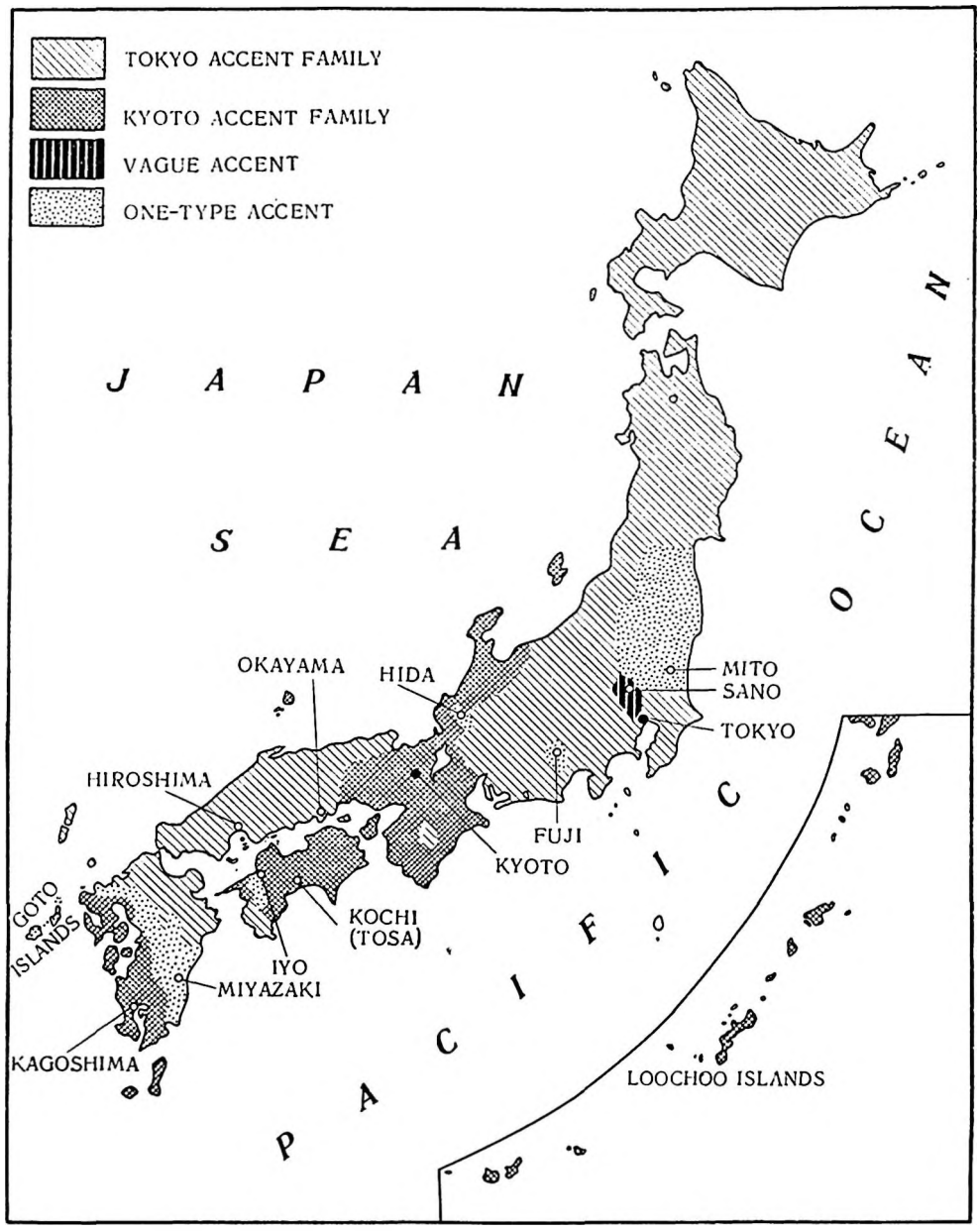
In connection with Japanese accent, I can never miss the problem of the length of Japanese vowels or the quantity of Japanese vowels. I mean by this that the length in «Tokyo accent family», «One-type accent», and «Vague accent» is quite different from that of «Kyoto accent family». The former's vowels are short, but the latter's are long. In case of extremities, the vowel in a one-syllabled word is short in the former case while it is long in the latter case.

For instance: [i] 'stomach', [e] 'picture', [o] 'tail', [ka] 'mosquito', [ki] 'tree', [ko] 'child', [ta] 'farm', [tʃi] 'soil', [te] 'hand', [to] 'door', — all these one-syllabled words are pronounced respectively like [i:], [e:], [ka:], [ko:], [ta:], [tʃi:], [te:], [to:].

And in some local dialects belonging to the «Kyoto accent family» all the vowels of a one-syllabled word are not pronounced with prolonged sound. This is the case with the dialects of Kagoshima in Kyushu, Kochi (Tosa) in Shikoku, and the dialect of Loochoo Islands.

Lastly, I think I have to touch on the problem of the voicelessness of Japanese vowels. In «Tokyo accent family», especially in Kanto dialects, namely Tokyo Metropolis dialect and its environ's dialects have their narrow-lipped vowels unvoiced. To cite some instances, the [i] in [ʃi̥˩ka˥] 'deer' and the [u] in [ka˥ku̥] 'write' become respectively [i̥] and [u̥] — unvoiced sound, losing its voice.

All present here will know that in my pronunciation vowels become voiceless when [i] or [u] comes between unvoiced consonants or when at «word-end» unvoiced consonants go before [i] or [u]. The example of this as follows: [ʃi̥ˈkaˀ] [tsu̥ˈtʃiˀ] [tsu̥ˈkai] [aˀʃi̥] [aˈsaˀçi̥] [kaˀku̥]. And it will

be noticed, too, that [i] and [u] become voiceless in low pitch-accented syllables. But in high pitch-accented syllables, they are never made voiceless.

Well, now, allow me to close my little lecture here by saying that I am very much honoured to have your generous and patient listening. Thank you very much and thank you once again.

WIESŁAW KOTAŃSKI (*Warszawa*): THE STRUCTURE OF THE JAPANESE CONJUGATION

This paper is a short resumé of my observations concerning predicates of sentences in the contemporary Japanese colloquial style. My researches have not been finished as yet and so the conclusions and generalizations suggested should be considered provisional.

It is my conviction that there has been so far no satisfactory scientific description of the structure of Japanese conjugation. Practical grammars of the language, useful and accurate as they are, give us none the less quite arbitrary descriptions of verbal and adjectival forms. Methodologically more advanced works of Japanese and Western scholars within the reach of my knowledge contain no systematic and consistent description of the conjugational structure. This is neither time nor place to quote and to criticize various opinions in this respect. There is no need to inform you that Japanese grammarians are too firmly attached to their conception of *te-ni-o-ha* or *joshi* and *jodōshi* and of the so-called *gokei* 'word stems', though it is evident that for instance *-te* among the *joshi* is quite obsolete a concept, and that many a *jodōshi*, assumed by definition to have their six *gokei* appear in no more but one or two forms, for instance *-u* or *-mai* or *-ta*//*-tara*. I suppose therefore that Japanese grammarians force their language into a rather inadequate *a priori* invented conjugational scheme.

Non-Japanese investigators of the problem do not for the most part imitate the Japanese model of conjugation. We owe them above all two important suggestions concerning the mechanism of forming various inflected forms of verbs. Among these suggestions we find the so-called sequential analysis, establishing the obligatory sequence of inflectional suffixes in complex verbal forms. The most advanced interpretation of this problem is that in Samuel E. Martin's paper *Morphophonemics of Standard Colloquial Japanese* (Language Dissertation No 47, Lg 28.3.2, 1952). Another problem being step by step solved by many non-Japanese scholars is the oppositional arrangement of conjugational forms. This method of description was — so far as I know — first used in Pletner and Polivanov's *Grammar of Colloquial Japanese* (Moscow, 1930), where affirmative forms were expressly opposed to negative ones, and polite forms to common ones. Bernard Bloch partly applied this method in his *Studies in Colloquial Japanese* (JAOS and Lg, 1946), distinguishing past and non-past forms of indicative and presumptive moods. The latest adaptation of this method was carried by Nikolai Syromyatnikov of Moscow, who in his candidate dissertation opposed the past to the non-past tense (he proposes another terminology, namely: antecedent and non-antecedent tense) and at the same time final and non-final forms of indicative, presumptive, negative and desiderative forms.

Interesting and stimulating as they are, both sequential analysis and oppositional order of forms as explained by the scholars mentioned above, have not given us as yet any complete and consistent description of the whole of Japanese conjugation. This gave me an opportunity to try my own luck and to consider the problem anew.

If we take for granted that the conjugated parts of speech in Japanese are verbs, adjectives and copula (or nouns connected with the copula) and if we begin to observe their behavior in language patterns, we can draw some important generalizations. I am going now to demonstrate the most far-reaching generalizations drawn during my studies; unfortunately, it is impossible for me to show you on this occasion, how I have come upon

such results. It is my hope that possible misunderstandings could be explained by discussion or in my future publications.

It is beyond doubt that the Japanese language has preserved till now some vestiges of the so-called agglutinativeness, so with some simplification we may examine any phrase of that language as a regular chain of morphs. The process of separating individual morphs is done by opposing related verb forms and detaching dissimilar fragments of them. These morphs have their two peculiarities. The first is that they can, or cannot, appear as initial in a sentence; the non-initial morphs are 'left-bound' morphs, which may be used only as suffixes, attached to morphs that precede them (for instance: *hanas-e*, 'speak!'). The second is: morphs can, or cannot, be used in speech independently of other morphs, in particular they are, or are not, in harmony with the morphophonemic rules of Japanese (for instance: *kan-* of *kanda* 'has bitten', *a-* or *aw-* of *au* 'meets', or *-t-* of *-ta* [past suffix]). The dependent morphs are always right-bound, so they need to be completed by other morphs as their suffixes. The third additional rule says that initial or non-initial but independent morphs can be suffixed or function as suffixes if syntactical rules of the language do not prevent it. These syntactical rules determine all the ways of connecting independent phrases of the language. We can demonstrate these rules observing thereby the behavior of various morphs in various environments. (See Table I).

This is the full table showing the connectibility of pairs of morphs; all the items can of course be combined with one another, if it is needed. One can observe on it all the circumstances in which a sequence of morphs may be regarded as a finite conjugational form of the Japanese language as actually spoken. Such being the case we are — as I think — formally not authorized to divide verb formations into derivative and inflectional ones, as Bloch in his *Studies in Colloquial Japanese* has done. On the other hand, I don't see the possibility to call all the conjugated parts of speech 'variables' as contrasted with other parts, ostensibly invariable ones. This is the point of view of S. Yoshitake of London and of Prof. Charles Haguenauer of Paris. As far as variability of words means connectibility, there is no need to treat all the inconjugated words as invariables. More proper were the terms: Inconjugables and Conjugables, the last being the most natural translation of the Japanese term *yōgen*.

The next problem to discuss is the notion of conjugational category. Keeping in mind all the combinations of the connectibility table we take as an example any given initial morph BI or BD being a verb or adjective and we place by its side one of the morphs which according to the mentioned rules necessarily becomes suffixed. Let us show it on the Table II. In that way we perform a conjugational operation: a verb V with a morph M by its side becomes a suffixed verb V+S. The operation may be performed by adding another suffix too; we may attach namely the given morph M_2 to the initial verb morph immediately or to the formerly suffixed formation as the second suffix. The operations may be performed over and again and by doing so one obtains every time a double number of new morphemic combinations. If an operation implies an independent morph, the formation may be considered a conclusive one. The longest formations contain no less than 8 suffixes in a sequence. Every new suffix modifies semantically the whole preceding group of morphs. Every sequence of suffixes following a verb or adjective which contains a given single suffix element, belongs to the given conjugational category, and bears its name from the generic meaning of the concerned suffix. The given category stands in full formal and semantical opposition to all

sequences of morphs which do not contain the suffix concerned. The oppositional formations establish an anti-category or counter-category which bears its own name contrasted with the name of its counterpart. Some pairs of categories have been established by various scholars as mentioned above. Their oppositive nature is beyond question, though some problems arise as to the terminology or as to the definition of their semantic value. It is certain that Passive-Potential with their parallel polite and medial functions is opposed to Active, that polite forms are opposed to common ones (I propose the name Addressive and Non-Addressive), further that Negative is opposed to Affirmative, Past to Non-Past (it might also be called Preterite and Non-Preterite or Perfective and Non-Perfective), the Non-Past forms are to be taken as expressing present as well as future. Still other oppositions are: Presumptive and Non-Presumptive, Connexive and Non-Connexive (it is called Conjuctive or Final and Non-Final too), Causative and Non-Causative. I suppose that there is no need to establish the category Imperative as opposed to some Non-Imperative, or Alternative to Non-Alternative and so on, though there is no obstacle to do so.

It is also possible to contrast a whole group of categories into one supercategory being opposed to another group, for instance: all periphrastic locutions (which are so common in Japanese) versus non-periphrastic or simple, one-word locutions; similarly all the sentence-conclusive forms versus non-conclusive ones. These periphrastic and non-conclusive groups of forms are for the time being out of the scope of my lecture.

The last problem I have to discuss is the formerly mentioned idea of sequential analysis. It is possible namely to prove empirically which morphic indicators of categories are capable to appear before which other indicators. It is evident for instance that the Causative morphic indicator *-as/e/-* or *-sas/e/-* is — if at all — invariably the next-to-stem indicator of category among all the possible indicators. The second next-to-stem indicator is doubtlessly the Passive and so on. In analyzing the whole material of the Japanese conjugables one may detect obligatory order of the categorial indicators which is shown schematically on the following Table III.

Though the order here is obligatory, the choice of particular categorial morphs is optional. The so-called counter-categories or anti-categories serve in these cases to replace the omitted proper categories. Two parentheses mark here facultativeness of choosing either the category or its counterpart; terms enclosed in rectangles are collective terms which call for further elaboration; dotted line marks irregular connectibility.

Large segments of the main trunk of the structure denote three cardinal repartitions of conjugational types of words. It is namely possible to ascertain that most verbs undergo all the operations corresponding to segments I to IV (forms like *nasaru* which undergo no causativisation nor passivization are exceptional), that the copula is subject to all the operations corresponding to segments II to IV, and the adjective admit only of the operations of segments III and IV. At the same time we see in these segments important bifurcation points; it means: Alternative and Imperative always follow the formations of segment III and exclude operations of segment IV; respectively — Contemporalis and Durative following the formations of segment I exclude operations of segments II to IV. They are non-continuative endings.

Extensive type of bifurcation, however, is offered by two desiderative moods, all the periphrases and adjectival composites. They are formed from various passive or active formations prolonged by so-called auxiliary verbs, which enables them to be conjugated secondarily, subject to operations cor-

responding mainly to segments II to IV; if prolonged by any adjective formation they are subject to operations of segments III and IV.

This is the full description of the presented tables. We see there the whole structure of the Japanese conjugation in a condensed form. It must be stressed that in view of the time limit I cannot prove my abstract deductions now by morphophonemic illustrations, but I hope you will not have any difficulties in identifying my statements. Nevertheless I would add that the above system, being on a higher level of abstraction than morphophonemic constructions, tries to reduce the number of categorial denominations and thus to simplify the structure of conjugation. I therefore do not introduce such discriminations as: voice, mood, tense, participles and so on, as they do not fit into the accepted scheme. In particular the so-called Gerund (e. g. *matte*) appears here as Connexive of Non-Presumptive Perfective; Infinitive (e. g. *kaki*) is here Connexive of Non-Presumptive Non-Perfective; Conditional (e. g. *netara*) becomes Connexive of Presumptive Perfective; Provisional (e. g. *kæreba*) is called Connexive of Presumptive Non-Perfective. . . I don't quote here the full notation of a conjugational formation. The full formal definition of any connexively or non-connexively terminating formation implies at least 7 terms; any alternatively or imperatively terminating formation implies 5 terms in its definition; and any form which terminates in contemporalis or durative implies in its definition 3 terms. Though I may admit that such a strictly formal way of defining seems slightly pedantic, I can't help thinking however that it is the only price we pay for conciseness and precision.

Table I.

Connectibility of Pairs of Morphs

Explanations: B — Initial Morph; N — Non-initial Morph; I — Independent Morph; D — Dependent Morph; Σ — Existing Syntactic Rule; Σ′ — Not Existing Syntactic Rule; — — Set by the side of...; → — Is transformed in...; + — Next Morph being suffixed

BI — BI
- BI Σ BI → BI BI
- BI Σ′ BI → BI + BI

BI — BD
- BI Σ BD → BI BD +
- BI Σ′ BD → BI + BD +

BI — NI → BI + NI
BI — ND → BI + ND +

NI — BI
- NI Σ BI → + NI BI
- NI Σ′ BI → + NI + BI

NI — BD
- NI Σ BD → + NI BD +
- NI Σ′ BD → + NI + BD +

NI — NI → + NI + NI
NI — ND → + NI + ND +
BD — BI → BD + BI
BD — BD → BD + BD +
BD — NI → BD + NI
BD — ND → BD + ND +
ND — BI → + ND + BI
ND — BD → + ND + BD +
ND — NI → + ND + NI
ND — ND → + ND + ND +

Table II

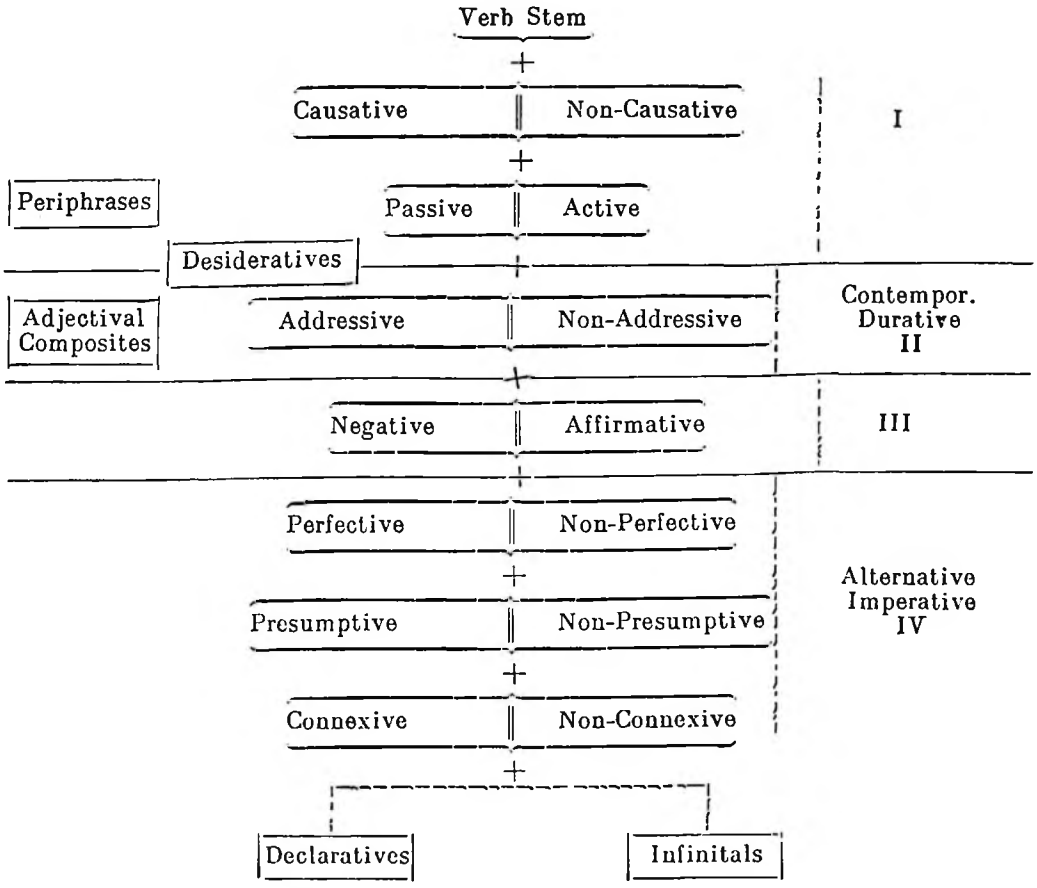
Operations

1. $V - M_1 \rightarrow V + S_1$
2. $V - M_2 \rightarrow V + S_2$
   $V + S_1 - M_2 \rightarrow V + S_1 + S_2$
3. $V - M_3 \rightarrow V + S_3$
   $V + S_1 - M_3 \rightarrow V + S_1 + S_3$
   $V + S_2 - M_3 \rightarrow V + S_2 + S_3$
   $V + S_1 + S_2 - M_3 \rightarrow V + S_1 + S_2 + S_3$
4. $V - M_4 \rightarrow V + S_4$
   $V + S_1 - M_4 \rightarrow V + S_1 + S_4$
   $V + S_2 - M_4 \rightarrow V + S_2 + S_4$
   $V + S_1 + S_2 - M_4 \rightarrow V + S_1 + S_2 + S_4$
   $V + S_3 - M_4 \rightarrow V + S_3 + S_4$
   $V + S_1 + S_3 - M_4 \rightarrow V + S_1 + S_3 + S_4$
   $V + S_2 + S_3 - M_4 \rightarrow V + S_2 + S_3 + S_4$
   $V + S_1 + S_2 + S_3 - M_4 \rightarrow V + S_1 + S_2 + S_3 + S_4$
5. $V - M_5 \rightarrow V + S_5$

. . . . . .

Table III.

Order of Categorial Morphs

E. g.: *Kakanakute*=Connexive of Non-Presumptive Perfective Negative Non-Addressive Active Non-Causative *kak-*; *Torareru*=Non-Connexive of Non-Presumptive Non-Perfective Affirmative Non-Addressive Passive Non-Causative of *tor-*.

О. П. ПЕТРОВА (*Ленинград*): ЛЕКСИКОН РОССИЙСКО-ЯПОНСКИЙ

В Архиве востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР хранится интересный памятник русской лексикографии XVIII в. по японской лексике, составленный Андреем Татариновым в Иркутске [1].

На титульном листе составитель называет свой труд Лексиконом.

На верхнем поле второго листа написано по-французски: «prés à la conference 24 October 1782».

В протоколах заседаний конференции Российской Императорской Академии наук, хранящихся в Архиве АН СССР в Ленинграде [2], имеется запись о том, что иркутским губернатором генерал-майором Францем Николаевичем Кличка был представлен на рассмотрение конференции Японский словарь ученика Андрея Татаринова и другие документы.

Конференцией на заседании 24 октября 1782 г. было постановлено все представленное хранить в Архиве конференции.

Таким образом, этой записью устанавливается имя составителя указанного словаря, на титульном листе которого имеется только монограмма АТ, а также датировка словаря. Если словарь поступил на рассмотрение конференции Академии наук 24 октября 1782 г., то составлен он был уж никак не позже этого года. Раскрывается также и то, каким образом попал этот словарь в Академию наук, откуда поступил в открытый в 1818 г. Азиатский музей, а затем — в Архив востоковедов Института востоковедения АН СССР.

Словарь — один из письменных документов, оставшихся от деятельности Иркутской школы японского языка. Школа эта была продолжательницей Петербургской школы, открытой в 1736 г. при Сенатской конторе и переведенной в 1754 г. в Иркутск. В Иркутске школа была помещена вместе с «Навигацкой школой» и находилась в ведении начальника последней. В 1754 г. была открыта еще одна школа японского языка в Якутске, переведенная затем в Илимск. В 1761 г. Илимская школа была также переведена в Иркутск и объединена со школой японского языка при «Навигацкой школе».

При Екатерине II с 1762 г. связи с японцами расширились благодаря плаваньям русских купцов и моряков к Курильским островам. Японское сёгунское правительство в связи с тем, что голландцы обратили его внимание на значение русских, распорядилось об исследовании Курильских островов и Сахалина, а также о переводе с голландского языка сведений по истории, географии, военному искусству России.

В русской дореволюционной и советской литературе, а также в японской литературе имеются сведения о пребывании в России японских моряков (суда которых были занесены морским течением к Алеутским островам в 1783 и 1793 гг.), возвращенных в Японию экспедицией Адама Лаксмана и посольством Н. Резанова.

Однако нет никаких сведений о японцах, судно которых было принесено морским течением еще 16 мая 1745 г. к пятому из Курильских островов, на котором японцы были найдены и спасены русскими. Судьба этих японцев была связана с переводом школы японского языка из С.-Петербурга в Иркутск для преподавания в Иркутске японского языка, а следствием их преподавания было то, что, по свидетельству возвратившихся на родину японцев на допросе у сёгуна, в России хорошо знали о Японии; в конце XVIII в. уже были книги о Японии и карты Японии на русском языке.

Лексикон свидетельствует о том, что еще в XVIII в. в России изучался японский язык и даже был составлен русско-японский словарь, в котором впервые была разработана русская транскрипция не только отдельных японских слогов алфавита Ироха, но и японских слов.

Об Иркутской школе Бартольд писал, что «за все это время она не подготовила никаких знатоков японского языка и не оставила никаких следов в истории русского востоковедения»[3].

Из перечисленных в протоколе конференции Академии наук от 24 октября 1782 г. документов видно, что это было далеко не так. Прежде всего исключительный интерес представляет «Описание Курильских островов», составленное секунд-майором Михаилом Татариновым, напечатанное в «Месяцеслове» за 1785 г., а затем вошедшее в собрание сочинений, выбранных из «Месяцеслова»[4]. Сама рукопись «Описания» хранится в Архиве Академии наук СССР[5].

Согласно имеющимся документам, Михаил Татаринов, секунд-майор, жил в Иркутске, на Курильских островах не был, а суммарно изложил все сведения о них, почерпнутые им из записей следующих лиц: сотника-казначея Ивана Черных, который плавал на Курильские острова в 1767 и 1776 гг. для сбора ясака; унтер-офицера Ивана Очередина, знавшего японский язык, который 10 сентября 1777 г. был отправлен на Курилы из Охотска на купеческом судне «Святая Наталья»; в 1778 г. Очередин был на острове Мацумаэ (Хоккайдо) на трех байдарах, имея при себе 33 человека команды; сибирского дворянина Ивана Антипина, переводчика японского языка, который в 1779 г. снова побывал на Хоккайдо на семи байдарах, имея 45 человек команды. Оба они были в одном и том же месте: 40°20′ с. ш. и 2°30′ з. д., считая от Охотска. Живущие на Мацумаэ японцы с Очерединым и Антипиным обходились ласково и «россиянам во всем чинили воспоможение»; при взаимных посещениях дарили друг другу подарки[6].

Эти сведения свидетельствуют о дружественных отношениях между русскими и японцами в 70—80-х годах XVIII в., о посещениях русскими острова Хоккайдо, о чем нет сведений в литературе, и о том, что в России уже в те времена были подготовленные переводчики, владевшие японским языком. Готовила же их Иркутская школа, просуществовавшая до 1816 г.

В дополнение к «Описанию Курильских островов» М. Татариновым сообщаются также интересные сведения о японцах, находившихся в Иркутске в 40-х годах XVIII в. В особой записке «О знании японцев, которые находятся ныне в городе Иркутске»[7] сообщается следующее: японское судно «Тана-мару», принадлежавшее купцу Токбе, груженное разными товарами, в основном съестными припасами, с экипажем 17 человек 24 ноября 1744 г. отправилось в столицу Японии г. Эдо. По пути судно попало в шторм, сломавший мачту и руль судна. Потеряв управление, судно долгое время носилось по волнам по воле ветра и течений. 13 апреля 1745 г. экипаж, покинув судно, пытался добраться до какого-нибудь берега в лодке, имевшейся на судне. 16 мая 1745 г. лодку прибило к пятому из Курильских островов. 18 мая потерпевшие бедствие японцы были найдены русскими и отправлены в Большерецкий острог на Камчатке. Японцев к этому времени осталось в живых только десять. Они были представлены камчатскому командиру Лебедеву, который их «содержал добропорядочно».

В 1746 г. пять японцев из Большерецка были направлены в Петер-

бург, где обучались в семинарии русскому языку. Двое из них умерли, а оставшиеся трое в 1753 г. были отправлены в Иркутск. Из оставшихся в Большерецке пяти японцев один умер, четверо были отправлены в 1747 г. в Якутск, откуда были переведены в Иркутск, куда и прибыли 30 июля 1755 г.

Сведения об этих японцах М. Татаринов заключает следующим сообщением: «В бытность оных японцев в Иркутске обучают японскому разговору некоторых учеников. Некоторые по-японски разговаривать, также писать и переводить умеют».

Лексикон Андрея Татаринова представляет большой интерес как первый в России лексикографический опыт перевода на японский язык.

О составителе его нам ничего неизвестно, кроме того, что он ученик, и ученик, безусловно, Иркутской школы изучения японского языка при «Навигацкой школе», о чем свидетельствует подбор лексики в словаре. Лексикон очень невелик по объему, рукопись состоит всего из 51 листа, или 102 страниц. Тем не менее этот краткий словарь является законченным. Он расположен в порядке русского алфавита и охватывает все буквы от *А* до *Я* включительно.

Словник Лексикона содержит 977 слов; японских слов перевода с русского несколько меньше, так как некоторые русские слова остались без перевода. Но, если прибавить еще названия чисел, счет месяцам и дням и вспомогательные счетные слова, добавленные к словарю в виде приложения, тогда окажется, что словарь охватывает свыше тысячи слов.

Японский текст Лексикона, написанный знаками хираганы, не имеет, как это было принято в Токугавской Японии, знаков озвончения согласных, по японской терминологии — «замутнения» (нигори), за исключением очень редких случаев.

Лексикон А. Татаринова интересен не только для русских японоведов, но и для японских диалектологов с точки зрения японской исторической диалектологии, так как является наиболее старой записью в русской транскрипции фонетических особенностей группы диалектов Тохоку.

Диалекты северо-восточной части острова Хонсю, т. е. диалекты Тохоку, охватывают территории шести современных префектур: Аомори, Акита, Ямагата, Иватэ, Фукусима, Мияги. Эти диалекты объединяются общими фонетическими, лексическими и грамматическими особенностями, отличающими их как от общенационального японского языка, так и от диалектов других районов Японии.

А. Татаринов не был ни языковедом, ни диалектологом и не имел, конечно, намерения фиксировать в Лексиконе диалектные особенности Тохоку. Японцы — преподаватели школы, заброшенные морским течением на Курилы и спасенные русскими, были уроженцами северо-востока Японии и обучали учеников школы своему родному говору, естественно считая его общеяпонским языком, а не местным диалектом. А. Татаринов обладал тонким слухом и очень точно, насколько это позволяла транскрипция, русской графикой передал особенности произношения своих учителей. Подробное освещение их сделано во введении к подготовляемому к печати факсимильному изданию Лексикона, поэтому в докладе мы остановимся только на самом основном.

В транскрипции Лексикона отмечены:

1) конвергенция звуков *i* и *e* в одном звуке *ï*. Примеры: *омаи*

(おまい), лит. *омаэ* — 'Вы'; *кинква шимас* (きんくわします), лит. *кэнка симасу* 'дерусь', ('ссорюсь'); *сагие* (さけ) — 'рисовая водка' и др.;

2) наличие среднеязычного *й* вместо общеяпонского *и* после передних согласных *s*, *c*, *z*, *f*, что отмечено в русской транскрипции буквой «Ы»: *цызы* (つち), лит. *цубэн* — 'переводчик'; *карасы* (からす), лит. *карасу* — 'ворона'; а также смешением при транскрипции слогов *fi* и *fu* — *фуру* (ふる) — 'лук'; лит. *хиру*.

3) назализация гласных перед звонкими, соответствующими токийским звонким согласным, в транскрипции Лексикона отмечена вставлением букв *M* или *H*: *тэмбугуро* (てむぶぐろ), лит. *тэбукуро* — 'рукавица'; *биндоро* (びんとろ) — португальск. vitro — 'стекло';

4) озвончение согласных *k*, *t*, *ć* в интервокальной позиции и отсутствие этого озвончения перед редуцируемыми гласными, например: *фодоге*, лит. *хотокэ* — 'бог' (Будда); *миджи* (みち), *мити* — 'дорога'; *тефги*, *тэфуки* — 'салфетка';

5) наличие губно-зубного *f*, перешедшего в общеяпонском литературном языке в *h*; слоги は, ひ, ふ, へ, ほ транскрибируются в Лексиконе фа, фи, фу, фе, фо;

6) наличие дорсальных *ś*, *ć*, *ž*, *ź* не только в положении перед *i*, но и перед *e*, в транскрипции Лексикона *шешезу* (せせす), лит. *сайсай* — 'часто'; *шеги* (せき) — 'ручей' (диалектизм); *дженъканъжо ширувто* (せんかんちやりしるひと) — 'счетчик';

7) устойчивость лабиализованных заднеязычных k^w, g^w как в заимствованиях из китайского, так и в исконно японских словах, примеры: *окидайгван* (をきたいくわろ) — 'градодержавец', 'градоначальник'; *квужи* (くち) — 'рот'; *квуси* (くし) — 'гребень'.

Ряд других менее характерных, но отраженных в транскрипции Лексикона фонетических особенностей диалектов Тохоку свидетельствует о том, что русская транскрипция японских слов А. Татаринова, принятая им в словаре, с исключительной полнотой передает фонетические особенности говоров Тохоку XVIII в.

Из грамматических особенностей диалектов Тохоку, представленных в Лексиконе, следует отметить:

1) наличие своеобразной повелительной формы глаголов: *нусубасьшаре* — 'воруй'; *агесашаре* — 'подыми';

2) отсутствие грамматических показателей именительного и винительного падежей;

3) особый суффикс падежа направления вместо общепринятого суффикса へ (*e*) — さ (*са*), оформляющий также и дательный места.

Совершенно закономерно, что в Лексиконе трудно было отразить другие грамматические особенности диалектов Тохоку, ибо лексика в большинстве представлена в номинативной форме.

Подбор слов в Лексиконе А. Татаринова свидетельствует о том, где и кем составлялся Лексикон. В словаре много сибирских диалектизмов, которых, конечно, не было бы, если бы словарь составлялся в С.-Петербурге или Москве. Такие слова, как *беглый* (сбежавший с каторги), *зверует* (занимается охотой на пушного зверя), *зимовье*, *запан* (передник), *заплот* (забор), *кадь*, *ленок* (род рыбы, водящейся в сибирских реках), *лопать* (одежда), *лавка* (скамейка), *лапасть* (ступня), *омуль* (рыба, водящаяся в Байкале), *поскотина* (загородка, защищающая поля от потрав скотом), *тамарь* (стрела с костяным наконечником), *фанза*, *цыганить*, *черепан* (горшечник) и многие другие, являются сибирскими диалектизмами, свидетельствующими о месте составления словаря, даже ес-

ли бы таковое не было известно из протокола конференции Академии наук.

Наличие в словнике «Лексикона» специфической морской лексики, как *буер*, *бот*, *вязать узел*, *елбот* (вельбот), *ворот*, *ванты*, *гавань*, *галиот*, *кит*, *котик морской*, *кот морской*, *компас*, *корабль*, *мачта*, *руль*, *канат*, *канал*, *лодка*, *матрос*, *море*, *морской берег*, *морское пристанище*, *мореход*, *штурман*, *норд*, *ост*, *ослоп* (стяг), *рапорт*, *раковина*, *рыбная снасть*, *рыбак*, *смола*, *смолить*, *судно*, *туман*, *якорь* и др., свидетельствует не только о том, что А. Татаринов был учеником школы, находившейся при «Навигацкой школе», но также и о том, что словарь предназначался для живого контакта с японскими моряками и японцами, приезжавшими для торговли на Курильские острова, а также с японцами, жившими на Хоккайдо, в основном рыбаками, морепромышленниками или торговцами.

Словарь составлен на основе живой разговорной бытовой лексики, поэтому в нем широко дана диалектная лексика Тохоку, которая и представляет главный интерес для исследователей.

В нем также зафиксированы некоторые айнские слова, бытовавшие в словарном составе жителей Тохоку, имевших постоянный контакт с айнским населением. Такие слова, как *магири* (マキリ) — 'ножик'; *кицу* (キツ) — 'корыто'; *язи* (ヤチ) — 'болото'; *язи* (ヤチ) — 'колодезь' и ряд других.

Работа над составлением переводного русско-японского словаря имела большое значение, так как подбор русских синонимов к японским словам приводил к необходимости раскрывать значение и смысловые оттенки русских слов применительно к японскому языку. Нельзя требовать от ученика школы японского языка в Иркутске А. Татаринова, чтобы он безупречно справился с такой трудной задачей. В «Лексиконе» имеется ряд ошибочно переведенных или переведенных неточно, неправильно осмысленных и неправильно усвоенных японских слов. В словаре отражены характерные особенности провинциально-дворянского просторечия такой отдаленной окраины, как Сибирь. Лексика словаря отличается некоторым налетом книжности, изысканными формами обращения и одновременно с этим — жаргонным словоупотреблением. Следует отметить, что А. Татаринов совершенно исключил из своего «Лексикона» какие бы то ни было бранные слова или вульгарные названия частей тела человека или органов его.

Кроме того, в «Лексиконе» почти нет никакой военной терминологии, совершенно необходимой, если бы русские имели какие-либо враждебные намерения в отношении Японии; напротив, лексика в нем носит мирный, дружелюбный характер. В особенности это заметно по очень краткому разговорнику, приложенному к словарю. Кроме приветственных фраз при первом знакомстве с японцем, в разговорнике имеются такие фразы: «Война будет вредна. Мир есть Вам благоприятный». Это свидетельствует о том, что русские вопреки предупреждениям голландцев считали необходимым при сношениях с японцами с первых же слов при личном контакте уметь сказать о своем дружелюбии.

Лексика — та сфера языка, которая непосредственно соприкасается с миром реальных вещей и понятий и в силу этого является достоверным историческим свидетелем, а поэтому «Лексикон» А. Татаринова представляет ценный документ для изучения наследия русского японоведения и освещения начального периода истории русско-японских отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Андрей Татаринов, *Лексикон российско-японский*, 1782, Архив востоковедов, разряд 1, опись 4, ед. хр. 15 /1045.

[2] *Протоколы конференции Императорской Академии Наук* за 1711—1785 гг., т. III, стр. 629.

[3] В. Бартольд, *История изучения Востока в Европе и в России*, СПб., 1911, стр. 177.

[4] *Собрание сочинений, выбранных из Месяцесловов на разные годы.* Часть VI, в С.-Петербурге 1790 г., иждивением Академии Наук, стр. 63—103.

[5] *Фонд Миллера № 21*, опись 5, № 60, листы 85—100.

[6] *Указанное собрание сочинений*, глава «О свиданиях японцев с россиянами», стр. 99.

[7] *Фонд Миллера*, № 21, опись 5, № 60, листы 100—102.

10 августа, утреннее заседание
Председатель Киёси Иноуэ (*Киото*)

KATSUMI MORI (*Tokyo*): TRADE AND CULTURAL EXCHANGE BETWEEN JAPAN, CHINA, AND KOREA FROM THE NINTH TO THE THIRTEENTH CENTURY

Beginning with 630 Japan sent a total of fifteen embassies to the court of the T'ang dynasty. The embassy of 838 was the last, and in 894 it was decided officially to send no more. Meanwhile, from 727 to 927, the kingdom of Pohai dispatched thirty-three envoys to Japan, but in the latter year this nation was destroyed by the Ch'i-tan and Japan became even more isolated from the continent than before, as far as official channels were concerned.

On the other hand, after the beginning of the ninth century trading vessels began to arrive from Silla, followed toward the middle of the same century by others from China, and Japanese relations with the mainland in the ensuing years were maintained through these private channels. By the beginning of the tenth century, foreign ships were arriving so frequently that the Japanese government, fearing that they would undermine the policy of economic retrenchment it was trying to follow, prohibited them from coming more often than once every three years. This limitation was in principle retained by the Japanese officials in charge of trade throughout the Five Dynasties (907—960) and Northern Sung (960—1126) periods and into the Southern Sung (1126—1279).

In China the Sung period witnessed a tremendous development in internal production, and luxury articles such as silk and porcelain wares were turned out in such quantities that they became important exports. In the field of mining, chemical methods for refining copper were discovered, and the resulting increase in output of this metal led to the minting of huge quantities of copper coins, which also found their way into foreign markets.

Greater production stimulated trade, and the provincial landlord class, which during the confused Five Dynasties period had superseded the T'ang nobles as the dominant element of society, took a leading role in promoting it. Having amassed a great store of capital in Chinese markets, these new entrepreneurs began to venture into those of oth r nations.

Simultaneously, the Sung government, which was gradually being deprived of its domain by northern peoples (the Liao, Hsi-hsia, and Chin), and which was sorely troubled by the financial burden entailed in either making war against them or bribing them to keep peace, began to regard foreign trade as an attractive source of income. Consequently, it proceeded to set up a Bureau of Merchant Ships (*shihpo-ssu*, Jap. *shihaku-shi*) to supervise and encourage commerce in each of the leading ports, including Kuang-chou (modern Canton), Ming-chou (Ningpo), Hang-chou (Hangchou), and Ch'uan-chou (Fukien).

With this governmental support, the Chinese merchants, who had by this time learned from Arabian traders how to construct large ships and navigate them on the open sea, began a lively trade with the various kingdoms to the south and west. The incenses, spices, and other products imported from these nations came to exceed the Chinese demand, and were consequently exported to Japan and Korea along with native Chinese products.

Even from the sources available today, it is known that Sung merchant ships came one hundred and fourteen or fifteen times to Japan and one hundred and eighteen times to Korea. We might remark in passing that among the Chinese merchants natives of Fu-chien and Liang-che Circuits were most numerous.

In Japan trade was under the supervision of the government-general of Kyushu (Dazaifu), and the port of entry was located at what is now the western part of the city of Fukuoka. When a Chinese vessel arrived, officials first made sure that it was complying with the limitations imposed by the government, then bought all goods needed by the government (at the latter's price), and finally gave permission for the Chinese to trade with ordinary Japanese.

The foreign merchants realized that they could profit more from free trade, and soon they began to come not to the designated port of entry, but to other locations within the jurisdiction of the manorial estates, belonging to noblemen, shrines, and temples. These areas, by the XIth century, were virtually autonomous, and within them the Chinese could easily trade with seigneurs or their subordinates without the interference of the central government. The port of Hakata, in the eastern part of modern Fukuoka, Hirado, in modern Nagasaki Prefecture, and Bōnotsu, in Kagoshima Prefecture, became centers for enterprising smugglers.

The latter half of the XIth century was the period in which the central bureaucracy of Sung China was at its strongest. The emperor Shen-tsung, acting largely on the advice of Wang An-shih, instituted a sweeping internal reform, and simultaneously adopted a new and very positive foreign policy. Aside from attempting to conquer traditional enemies, he invited other foreign nations to send tribute and thereby greatly encouraged trade.

Overtures from him were delivered to the Japanese government by Sung merchants travelling to Japan and Japanese priests returning from the continent.

In Japan this era fell during the reign of the emperor Shirakawa which was the high point of government by aristocrats. Powerful nobles, ensconced in huge estates and leading sumptuous lives, were attracted by luxury items being brought in from the continent. At the same time, those with manors in Kyushu, along with religious establishments similarly placed, and a new class of merchants that had appeared in Hakata, were beginning

to become dissatisfied with passive trade. Rather than leave the bulk of the profits to the Chinese merchants, they wished to build vessels and sail to foreign markets on their own. Unfortunately, since the abolition of official embassies to China, Japanese other than priests had been forbidden to travel abroad, and both shipbuilding and navigation were to a great degree lost arts. Still, a counter-clockwise current flowing in the East China and Yellow Seas made it possible for the clumsiest of navigators to sail from western Japan to the western shore of Korea, and the voyage was rendered safer by the fact that a chain of islands lay along the path. The entrepreneurs of Hakata and the Kyushu estates consequently began first to trade with Korea.

At that time the peninsula was under the rule of Mun-chong of the Koryo dynasty, and autocratic government by nobles was firmly consolidated.

Mun-chong had revised the tax system in such a way as to gather the wealth of the nation into his capital, and furthermore, in response to the wishes of Shen-tsung, he had resumed relations with China, with the result that trade between the two countries was now flourishing. During Mun-chong's thirty-five years' reign, Chinese vessels are recorded to have called at Korean ports thirty-nine times.

During the VIIIth century, when Silla had unified Korea, Japanese relations with that nation so deteriorated that official exchanges were discontinued.

In the Xth century, however, Silla fell to Koryo, and the latter proved to be favorably disposed toward renewing connections with Japan. Mun-chong, for instance, petitioned the Japanese government for doctors to cure him of illness.

In brief, the latter half of the XIth century was a period of aristocratic rule and high cultural development in Japan and Korea, as well as in China, and thanks to this coincidence, it was an exceedingly favorable time for Japanese trading vessels to begin sailing to continental ports.

During this era, Japanese exports to China included mercury, sulphur, pearls, seashells, gold and silver lacquer, mother-of-pearl, swords, folding fans, and lumber. It is noteworthy that among the Chinese exports to Korea we find mercury imported from Japan, while, on the other hand, the Korean exports to China included seashells, mother-of-pearl, sulphur, "Japanese fans", "Japanese carts", and so on. The principal Japanese imports from China were incense, spices, medicine, silk, porcelain, books, writing utensils, and copper coins, not to speak of peacocks and parrots, which were highly valued by the court. Silk and books imported by Korea from China were in some cases later exported to Japan. A commercial chain linked the three nations.

Interchange extended into cultural fields as well. After the last of the Japanese embassies to the T'ang, Japanese subjects, as stated before, were forbidden to go abroad. This did not necessarily apply to priests, who were sometimes able to secure imperial permission or the assistance of powerful nobles, but during the troubled period between the fall of the T'ang and the rise of the Sung, the culture of China dropped to such a low level that priests rarely found it worthwhile to visit the continent. In particular, the study of Tendai Buddhist doctrines that had once flourished so in China had virtually come to an end. On the other hand, during the century and a half since Saichō had introduced the Tendai Sect into Japan, the Japanese had mastered its philosophy to the extent that they now felt

themselves qualified to teach the Chinese, and on occassion they did. For example, at the request of the Reverend Te-shao of Mt. T'ien-t'ai, the Japanese priest Nichiren, who crossed to China in 954, carried with him a number of Tendai books that had been lost in China. Somewhat later, the famous Genshin of the Enryakuji sent his disciple Jakushō with a questionnaire on Tendai teachings directed to Chin-li of Ming-chou. At the same time, Genshin also sent his own work, the *Ojō Yōshu* (the *Essentials of Salvation*; a basic text of the Japanese pietist sects), to China, where it became known to a number of Buddhist scholars. When Jōjin visited China in 1072, he took with him Tendai books, paintings, and statues to the number of six hundred.

Mun-chong's fourth son, a priest, went to China to gather scriptures for a Korean printing of the *tripitaka* and with the aid of Chinese priests obtained six thousand *chuan* of newly translated works. To make his publication more complete, he also requested books from Japan. The Korean *tripitaka* later was transmitted not only to Japan but to the kingdoms of Liao and Chin as well. Among the scriptures collected, some that had originated in China were eventually imported from Korea to Japan.

Aside from importing scriptures, Chōnen, Jakushō, and other pilgrim monks of this age made other cultural contributions. Uniformly, their purpose in going to China was to visit the sacred mountains of Wu-t'ai and T'ien-t'ai, especially the former, where by paying homage to its patron, the Bodhisattva Manjusri, they hoped to atone for their sins and gain admittance to the paradise of the Buddha Amida (Amitabha). Consequently, their accounts of their journeys contributed to the growth of Manjusri's cult in Japan, as well as to the custom of traveling to the various locations sacred to the Bodhisattva Kannon. By introducing into Japan the Sung printed edition of the *tripitaka*, the returned pilgrims also started a fashion for copying *sutras* and holding services in honor of them. The current belief that the world was soon coming to an end owed much to ideas they imported from China.

There was considerable exchange of arts and crafts along the Japan—Korea—China trade route. A remarkable example is that of mother-of-pearl ware.

This had first been imported to Japan from China, but by the time of the Sung it had virtually been forgotten in that country. In Japan, however, the techniques for making it had continued to progress, and along with Japanese lacquer ware it was often praised by continental writers. One Chinese source of the Sung period states flatly that mother-of-pearl articles originated in Japan.

Another Chinese art that took root in Japan in that period was calligraphy, and specimens of elegant Japanese writing excited considerable admiration among the Chinese. Japanese folding fans, often adorned with gold and silver or with opulent paintings in the unique Japanese style were greatly appreciated both in China and Korea. One Korean envoy included Japanese fans among the items he was taking as tribute to the Sung emperor, and imitations of them were made in both the continental nations.

The three-nation trade carried on by Japan, China, and Korea reached a peak in this era, but it was not destined to last much longer. After the first decade of the XIIth century, Korea was torn by a series of rebellions, and Japanese merchants in Korean ports suffered considerable damage therefrom.

This, coupled with the fact that navigation methods had improved great-

ly, led the Japanese to abandon the Korean markets and sail directly across the East China Sea to China. When in the XIIIth century the Mongols conquered the eastern part of the continent, Japan was again completely shut off from her two neighbors.

По докладу выступили Л. Л. Гальперин и З. Васильевова.

Л. Л. ГАЛЬПЕРИН (*Москва*): НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЪЕДИНЕНИЯ И ИЗОЛЯЦИИ ЯПОНИИ ПРИ ПЕРВЫХ ТОКУГАВА

Вспыхнувшая после смерти Хидэёси (1598) межфеодальная война в значительной мере свела на нет деятельность первых объединителей Японии. Новый претендент на господство в стране — Токугава Иэясу, самый крупный феодал, фактически выступил против «законного» претендента на пост Хидэёси — его малолетнего сына Хидэёри. Другие крупные феодалы, поддерживавшие права Хидэёри — Мори, Уэсуги, Симадзу и др., которые лишь недавно были подчинены Хидэёси, стремились вернуть свою былую независимость и меньше всего были расположены подчиниться какой-либо центральной власти.

Победа при Сэкигахара (1600) значительно упрочила влияние и власть дома Токугава как главы центрального правительства страны. Однако эта победа еще не обеспечила Токугава полного подчинения *даймё*. Осакский замок продолжал оставаться резиденцией Хидэёри и его ближайшего окружения, которое, так же как и Токугава, претендовало на управление страной.

В такой обстановке наибольшую опасность для дома Токугава представляло образование новой коалиции *даймё* для поддержки Хидэёри.

Главной задачей Токугава на этом этапе было добиться беспрекословного подчинения всех *даймё*, прежде всего *тодзама*. Весьма решительные шаги в этом направлении были сделаны в первые год-два после Сэкигахара. Только после этого, в начале 1603 г., Иэясу получил титул *сёгуна*.

Самыми важными из мероприятий Иэясу были массовые конфискации владений опасных для него феодалов и перемещения их из одного владения в другое. По подсчетам, произведенным нами по таблице владений *даймё* (*даймё итиран*) на 1598 и 1602 гг.[1], были полностью конфискованы владения 72 *даймё*, то есть примерно одной трети всех *даймё*; число *даймё*, переведенных из одного владения в другое (с увеличением площади владения), то есть сторонников Токугава, составило 61; владения 22 *даймё* были увеличены без перевода их в другой район. Только 60 *даймё* были оставлены на месте без изменения размеров владений.

Такого рода мероприятия затронули не только одних крупных феодальных владетелей. По существовавшей в стране традиции при лишении *даймё* владения его *самураи* становились *рониными* [2]; при переводе *даймё* из одного владения в другое его *самураи* должны были следовать за ним, а те, которые не последовали, также превращались в *рониновъ* и т. д. Таким образом, мероприятия Иэясу в первые год-два после битвы при Сэкигахара отразились на судьбе не только нескольких десятков или сотни *даймё*, но и сотен тысяч *самураев*, не говоря уже о том, что смена *даймё* и его чиновничьего аппарата неизбежно должна была отразиться и на положении миллионов крестьян. Такие же меры применялись Иэясу и

в последующие годы, особенно накануне и после Осакских кампаний (1614—1615 гг.), а также его преемниками.

На место тех *даймё*, владения которых были конфискованы, назначались новые из родственников Токугава или его ближних вассалов, главным образом из его родового владения — провинции Микава [3].

Центральная власть сумела добиться в результате этих мероприятий, а также некоторых других (*санкинкотай*, мобилизации людских и материальных ресурсов княжеств на строительство Эдо и т. д.) значительного укрепления своего влияния в стране. Ни один *даймё* не решился выступить со своими войсками на стороне Хидэёри в Осакских кампаниях 1614—1615 гг. После победы Токугава в 1615 г. в стране в течение двух с лишним столетий не было больше межфеодальных войн, раздиравших страну и разорявших ее население в течение предшествующих веков.

Но политика объединения страны и особенно укрепление и консервация феодальных порядков породили новые проблемы, с которыми пришлось столкнуться первым Токугава. На некоторых из этих проблем я остановлюсь вкратце ниже.

В результате конфискации владений и перемещения *даймё* в течение первых десятилетий XVII в. появилось огромное количество *ронинов* которое оценивается японскими авторами примерно в 400 тыс. человек [4]. Если эта цифра верна, то количество *ронинов*, то есть воинов, имевших оружие и хорошо им владевших, приблизительно равнялось количеству *самураев* в токугавский период.

Основной костяк войск Хидэёри (около 100 тыс.) составляли *ронины* из которых в короткий срок была создана вполне боеспособная армия. Несмотря на полное истребление войск Хидэёри армией Иэясу [5], проблема *ронинов* никак не была разрешена. Их оставалось еще очень много, и количество их увеличивалось за счет новых конфискаций и перемещений. Многие японские историки пишут, что проблема *ронинов* была одной из самых жгучих общественных проблем в начальный период Эдо.

Но *ронины* были опасны не только сами по себе, поскольку они были лишены земельных владений или рисовых пайков и, не имея каких-либо постоянных источников существования, готовы были на любое выступление против правительства. Очевидно, из *ронинов* в прошлом (XV и XVI вв.) комплектовались японские пираты — *вако*; главным образом они образовывали японские поселения в странах Юго-Восточной Азии, на Тайване и в Макао [6]. Часть *ронинов* была тесно связана с иностранцами и особенно с миссионерами; торговля и пропаганда христианства при Хидэёси и Иэясу велись главным образом на юго-западе страны, здесь же было наибольшее количество *тодзама-даймё*, владения которых были конфискованы Иэясу.

Не случайно решительные меры против миссионеров были приняты Иэясу как раз накануне Осакской кампании. Не случайно также в осакском гарнизоне было много христиан, выступавших под знаменами с христианскими эмблемами, и даже несколько европейских миссионеров [7].

Но особенно опасны *ронины* были тем, что основная их масса, представляя собой низшие слои дворянства, являлась в прошлом владельцами мелких поместий и поэтому ближе всего соприкасалась с крестьянами. В течение XV—XVI вв. в многочисленных крестьянских и городских восстаниях *ронины* или низшие *самураи* были руководителями или участ-

никами этих боевых выступлений. Правда, количество крестьянских восстаний в XVI в. снизилось по сравнению с XV в. [8]. Однако феодалы не переставали опасаться нового подъема крестьянского движения. Токутоми Иитиро приводит весьма любопытное высказывание Иэясу по этому вопросу; под заголовком «Главное было в том, чтобы не допустить крестьянских восстаний» автор пишет: «Иэясу считал, что богатство является основой могущества. Он полагал, что по мере роста своеволия крестьян, они, бесспорно, начинают бунтовать. Причина их своеволия, конечно, в том, что они богатеют. Но, с другой стороны, если на них оказывать чрезмерный нажим, то. . . это может толкнуть их на восстание». Поэтому способ управления крестьянами заключается в том, чтобы «не оставлять им ничего лишнего, не лишая их необходимого» [9]. Как известно, эти слова характеризовали достаточно ярко политику феодалов того времени по отношению к крестьянству. Количество крестьянских выступлений в первые десятилетия XVII в. значительно возросло по сравнению с XVI в.

За 34 года XVII столетия (1603—1636), то есть до крупнейшего восстания в Симабара (1637—1638), по таблице японского историка Кокусё Ивао [10], насчитывается 55 крестьянских выступлений, то есть несколько больше, чем за все предшествующее столетие, и в два с лишним раза больше, чем во второй половине XVI столетия. Принято считать, что в XVII в. крестьянские выступления носили в основном петиционный характер. Однако из 55 зарегистрированных Кокусё Ивао выступлений почти половина падает на боевые выступления (бунты, восстания и т. д.) и только 25% — на петиционные выступления. Основные причины крестьянских выступлений в эти годы — злоупотребления феодальных властей, протесты против новой власти и т. д. Из *Дай Нихон сирё* [11], где о некоторых из этих восстаний приводятся более подробные данные, становится ясным, что восстания возникали не раз в связи с конфликтом между *самураями* прежнего *даймё* (то есть *ронинами*), оставшимися на месте, и новым *даймё*, назначенным в это владение. *Ронины* либо возглавляли крестьянские выступления, либо, используя недовольство крестьян, опасавшихся новой земельной переписи [12], усиления обложения и т. п., подымали крестьян на борьбу.

По существу аналогичный характер имело и крупнейшее в истории Японии крестьянское восстание в Симабара и на о-вах Амакуса в 1637—1638 гг., с той только разницей, что смена *даймё* произошла здесь не накануне восстания, а за два-три десятилетия до него. Это было такое же в своей основе крестьянское восстание, в котором приняли активное участие оставшиеся в этом феодальном владении *самураи* (*ронины*) прежних *даймё* (Кониси и Арима) [13].

Исключительно стойкое сопротивление восставших крестьян потребовало от токугавского правительства сосредоточения на Кюсю значительных сил. Тем не менее, как известно, восстание было подавлено лишь при помощи голландской артиллерии. Подавление восстания сопровождалось поголовным истреблением его участников. Скорее всего (вопрос этот требует дальнейшего изучения) именно эта жесточайшая расправа явилась одной из важных причин последовавшего спада крестьянского движения, временного превращения его по преимуществу в петиционное движение.

Во всяком случае после 1637—1638 гг. мы встречаем лишь три случая боевых выступлений крестьян вплоть до конца XVII столетия (в том же 1638, 1670 и 1686 гг.). Однако Симабарское восстание явилось крупней-

шим событием не только в истории крестьянского движения, но и в истории всего японского государства.

Как известно, вскоре после подавления этого восстания, сёгунат осуществил последний и самый решительный шаг на пути к изоляции страны от внешнего мира, запретив португальцам въезд в Японию и торговлю с ней. Португальцы, в частности, были обвинены в снабжении оружием и людьми восставших крестьян в Симабара. Изоляция Японии от внешнего мира была одним из важнейших мероприятий, завершивших объединение страны, восстановление и укрепление феодальных порядков. Я не могу в кратком сообщении сколько-нибудь подробно осветить многообразные причины, толкавшие правящие круги Японии к осуществлению изоляции [14]. Я остановлюсь лишь на некоторых из них, с моей точки зрения объясняющих колебания сёгуната в этом вопросе.

С первого мероприятия Хидэёси против иностранцев (первое запрещение миссионерской пропаганды в 1587 г.) и до завершения изоляции (1639 г.) прошло свыше 50 лет. Вместе с тем, как известно, изоляция оказалась не полной. Отсюда напрашивается вывод, что центральные власти Японии были сами заинтересованы в торговле с иностранцами и в какой-то мере проводили в этом вопросе политику, отвечавшую интересам тех групп торгового капитала, которые были связаны с внешней торговлей. Этот вывод подтверждается, в частности, тем, что указы 1587, 1612 и других годов против миссионеров сопровождались оговоркой о том, что они не должны затрагивать иностранных торговцев, хотя для правителей Японии не могло не быть ясным, что карательные меры против испанских и португальских миссионеров не будут иметь сколько-нибудь серьезного эффекта, пока не будет запрещена торговля с этими странами. Захват Хидэёси, а затем Токугава важнейших горных рудников, поставлявших серебро и медь на экспорт (серебро было основным товаром экспорта), а также создание по инициативе сёгуната и под его контролем торговой организации «*ито ваппу*» для закупки у португальцев и распределения между городами шелка-сырца [15] в не меньшей мере свидетельствовали о заинтересованности центральных властей во внешней торговле. Китайский шелк играл для Японии примерно такую же роль, как тот же товар, пряности и т. п. для европейцев, искавших морские пути на Восток.

Скорее всего именно со стремлением восстановить ввоз китайского шелка после разрыва Китаем торговых отношений с Японией в середине XVI в. в той или иной мере надо поставить в связь как корейские походы Хидэёси, так и последующие многократные попытки Японии захватить Тайвань, Макао (Аомынь) и т. д. Конец этим попыткам положило только Симабарское восстание, обнаружившее полную неподготовленность японских вооруженных сил даже для борьбы с почти безоружным крестьянством. С внешней торговлей были связаны многие японские купцы (из Нагасаки, Сакаи, Киото, а затем Осака и Эдо), нажившие на ней огромные прибыли. О значении этой торговли в тогдашней мировой торговле свидетельствуют примерные данные о роли Японии в мировой добыче серебра, являвшегося главным предметом экспорта. Если в 1600—1640 гг. мировая среднегодовая добыча серебра составляла по некоторым оценкам около 400 *т*, то в Японии на одном острове Садо добывалось в начале XVIII в. 60—90 *т* в год [16].

В течение второй половины XVI и в первые годы XVII столетия монополию по ввозу шелка-сырца держали в своих руках португальцы,

которые, находясь в Макао (Ломынь), имели прямой доступ к китайскому рынку шелка. Правда, в дальнейшем роль португальцев во ввозе шелка-сырца несколько упала, поскольку расширилось мореплавание самих японцев (на *сюинсэн* — «судах с красной печатью»), стали приходить в Японию китайские суда, стали ввозить шелк и голландцы (с Тайваня).

Японские власти все это время не принимали решительных мер к запрещению португальской торговли. Даже в 30-х годах, когда один за другим стали издаваться указы, ограничивавшие внешнюю торговлю, они прежде всего касались японских судов, отправлявшихся за границу. Два указа, известные под наименованием *сакоку рэй*, изданные до Симабарского восстания, в 1633 и 1636 гг., в первых двух пунктах запрещали отъезд из Японии и возвращение в страну японцев и японских судов, усиливали карательные меры против миссионеров, систематическое проведение которых началось еще в 1612 г., устанавливали более жесткий контроль над внешней торговлей в Нагасаки и Хирадо, но опять-таки не налагали полного запрета на португальскую торговлю [18]. И только Симабарское восстание привело к окончательному запрещению португальской торговли. Запрещение это, как известно, впоследствии было распространено на всех европейцев, кроме голландцев.

Таким образом, оставляя в стороне все другие причины изоляции Японии, в том числе такую важную, как угроза иностранных держав независимости страны, можно считать, что вопросы внутренней политики — опасение крестьянских восстаний, особенно восстаний, связанных с деклассированным дворянством, — сыграли важнейшую роль в окончательном решении сёгуната об изоляции страны. Торговые, по существу фискальные, интересы дома Токугава, так же как и купеческого капитала страны, являлись фактором, тормозившим проведение изоляции и обусловившим ее неполное осуществление.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. «Нихон сирё сюсэй» («Сборник японских исторических материалов»), 1956, стр. 299—318.

[2] *Ронин* этого периода — *самурай*, лишенный поместья или рисового пайка. *Ронины* периодов Муромати и Эдо иероглифически обозначались иначе (牢人), чем *ронины* периода раннего средневековья, когда подавляющее большинство *ронинов* состояло из беглых крестьян (浪人). Подробнее об этих различиях см. Курита Гэндзи, *Эдо дзидай си* (*История периода Эдо*), Т., 1939—1940, т. I, ч. 1, стр. 303 и сл.

[3] См. журн. «Рэкисигаку кэнкю», 1958, № 11, стр. 47—48.

[4] «Син Нихон рэкиси. Момояма Эдо дзидай» («Новая работа по истории Японии. Периоды Момояма и Эдо»), Т., 1955, стр. 90; см. также «Нихон кэйдзай си дзитэн» («Японский историко-экономический словарь»), Т., 1956, стр. 1706.

[5] См., напр., «Дай Нихон сирё» («Японские исторические материалы»), т. 12, ч. 20, стр. 298—398; ч. 38, стр. 102—107; — сообщения о розысках бежавших из Осакского замка, их семей и малолетних детей для их истребления.

[6] Ивао Сэйити, *Нанъё Нихон-мати-но кэнкю (Изучение японских поселений в районе Южных морей)*, Т., 1941, стр. 353—354.

[7] A. L. Sadler, *The maker of modern Japan. The life of Tokugawa Ieyasu*, London, 1937, p. 244; C. R. Boxer, *The Christian century in Japan (1549—1650)*, London, 1951, p. 331.

[8] «Нихон бунка си тайкэй» («Очерки истории японской культуры»), Т., 1956, т. 8, стр. 127. — Здесь приводится количество крестьянских восстаний: 1401—1450 гг. — 32; 1451—1500 — 81; 1501—1550 — 24; 1551—1600 — 20. Данные, конечно, сугубо ориентировочны.

[9] Токутоми Иитиро, *Кинсэй нихон кокумин-си*, т. 13. *Иэясу дзидай. Комаку. Иэясу дзидай гайкан (История японской нации в новое время. Период Иэясу. Последний том. Общий обзор)*, Т., 1926, стр. 174.

[10] Кокусё Ивао, *Хякусё икки-но кэнкю. Дзокухэн. (Изучение крестьянских восстаний. Дополнительный том)*, Киото, 1959.

[11] «Дай Нихон сирё», т. 12, ч. 1, стр. 639—642 и 734—749 — о волнениях в прежних владениях даймё Рокуго в пров. Дэва и в прежних владениях даймё Тёсакабэ в пров. Тоса.

[12] См. Кокусё Ивао. *Хякусё икки сидан (История крестьянских восстаний)*, Т., 1929, стр. 8—9.

[13] Одним из наиболее ярких свидетельств современников об этом восстании являются письма голландского представителя в Японии Кукебэкера, в которых он пишет о чрезвычайно тяжелом обложении крестьян новым *даймё* (как о причине восстания), о применении изуверской казни — *мино одори* («танец соломенного плаща»), когда поджигался плащ крестьянина, у которого были связаны руки. См. «Transactions of the Asiatic Society of Japan», Yokohama, vol. XI, 1883, pp. 51—116.

[14] По этому вопросу за последние годы в Японии опубликовано большое количество исследований, статей, книг, по новому освещающих проблему изоляции. Далеко не вся эта литература имеется в Москве, и было бы поэтому преждевременно подводить какие-либо итоги по этому вопросу.

[15] «Дай Нихон сирё», т. 12, ч. 2, стр. 228—234, а также Миямото Матадзи, *Осака сёнин (Осакские торговцы)*, Т., 1958, стр. 22—24; см. также Ивао Сэйити, *Сюинсэн боэки си-но кэнкю (Исследование истории по торговле сюинсэн)*, Т., 1958, стр. 253—254. — Ввоз шелка составлял в среднем 180—240 *т* в год.

[16] Кобата Адзуси, *Кодзан-но рэкиси (История горного дела)*, Т., 1958, стр. 58—59. — О мировой добыче золота и серебра см. A. Bordeaux, *L'or et l'argent*, P., 1926, p. 26, 325.

[17] См. журн. «Рэкиси-гаку кэнкю», № 126, 1947, стр. 1—25, где отмечается, что указы 1633 и 1636 гг. в значительной мере осуществляли требование компании «Ито вапну», предоставив ей преимущественное право закупки всего импортируемого иностранцами шелка и прекратив выдачу разрешений на выход японских судов за границу, владельцы которых в известной мере оспаривали монополию «Ито вапну».

По докладу выступал К. Нагахара

G. I. PODPALOVA (Moscow): CHARACTERISTIC FEATURES OF THE PEASANT MOVEMENT IN THE XVIIth CENTURY JAPAN

A scholar studying the peasant movement in the XVIIth century Japan invariably wonders why this movement adopted relatively moderate forms of struggle in spite of its militant nature and wide scope in the preceding century. Why were most of the peasant uprisings in this period manifestations of an anti-tax movement rather than a struggle for land?

The works of Soviet historians on Japan (E. M. Zhukov, A. L. Galperin, and others), the pre-war studies by the Japanese scholars of the peasant movement (Kokusho Iwao, Ono Takeo, Tamura Eitaro, Honjo Eijiro, and others) and the studies by other progressive Japanese historians in the post-war period (Fujita Goro, Furukawa Toshio, Hirano Yoshitaro, Hayashi Motoi, and others) provide possibilities for a deeper research into these problems.

The main reasons for the relatively moderate forms of the peasant movement seem to be as follows.

1. After the end of the civil wars and the establishment of a lasting peace there arose favourable conditions for the economic development of the country.

2. In the XVIIth century such forms of land ownership emerged in which the rent in labour was being replaced by rent in kind.

3. At the same time the changes in the pattern of landholding were

determined by the increase in petty peasant holdings and relatively early origin and development of petty peasant feudal tenancy.

The phenomena mentioned in item 1 are largely treated in Soviet and foreign special literature. Hence they will not be dwelt upon in this paper. As for items 2 and 3 they will be considered here in a more or less detailed way.

With respect to item 2 (landownership) there should be stated the following.

(A) In feudal Japan of the XVIIth century the latifundia of the princes and the ruling Shogun dynasty had the nature of seignorial domains.

Most of the estates of the vassal *samurai* were of the same nature. It is true that a relatively small part of the estates of the nobility had corvées. Yet they were mostly designed for the needs of the *samurai* and did not constitute an economy of a commercialized type. Such economy was not connected with the market. Therefore the main purpose of the shogunate, the princes and the greater part of the nobility was to preserve the peasant household as a tax-paying unit.

The tax-paying peasant holdings may be compared to small brooks which merged to form the mighty stream of income flowing into the pockets of the feudal lords. Anything that hampered the existence and development of a tax-paying unit became an obstacle standing in the way of the economic policy pursued by the feudal authorities. So they sought to eliminate such obstacles by acting in different ways under different circumstances.

In the period preceding the large-scale commercialization of economy, the fight of the feudal lords for the preservation of their incomes assumed the form of the redistribution of rent within the ruling class: between the princes and *samurai*. In the period of commercialization of economy the fight for the redistribution of rent underwent a change: now all feudal nobility were opposed to the rising bourgeoisie in towns and villages.

The policy of the princes and partly of the Shogun government, aimed at separating the vassal *samurai* from his estate and from land in general, can serve as an example of the first form of struggle — the second form is considered below under (B). They practised it by taking the following steps:

a) firstly they retained the parcellation of lands of their vassals (for instance, there were 80 possessors in one district of the Omi province, and 50 in another, while one village belonged to 11 possessors);

b) next they gave orders to the *samurai* to be permanently in the service of the prince and to live in the castletown;

c) finally the vassal *samurai* were turned into salaried subordinates and their lands were taken from them (it goes without saying that the effectiveness of these measures varied considerably from one principality to another, but here it is undesirable to go into minor details);

d) apart from this, the supreme power in the person of the Shogun or the princes forbade the *samurai* to take up any profession or work (including agriculture), considering any kind of productive labour to be unworthy of a nobleman who was to remain a warrior, and nothing else.

Thus, in the XVIIth century the policy of the feudal authorities (Shogun government and princes) was aimed at doing away with the lands of vassal *samurai* (as the desire of some of the latter to extend their own estates at the expense of peasant holdings led to the ruin of the peasant tax-paying household, and for some other reasons).

The opposition to *samurai* attempts to seize the peasant lands accounts, in that period, for the "gracious" attitude taken by the Shogunate and the princes with regard to the complaints of the peasants on the lawlessness of the vassal *samurai* and sometimes even against the princes possessing small domains. There were many cases when the demands of the peasants to reduce or abolish a land tax, duty or corvée were satisfied. Frequently lands were confiscated and turned over to the government or to the princes, while the peasants were transferred into the category of "Shogun" (state) or "princes'" peasants.

A certain redistribution of rent inside the ruling nobility at the expense of one of its sections took place but with the aim of preserving the incomes and the domination of the class as a whole. The general interests of the class turned out to be in some sort of contradiction with the interests of one of its groups.

Consequently, the Shogunate and the princes did not seize the land of the peasants. On the contrary, objective reasons forced them to defend, in their own selfish interests, the peasant holdings against the encroachments by some of the landowning vassals. At that stage they acted in the guise of defenders of the peasantry.

This did not do away with the basic class contradiction of feudalism: the contradiction between peasantry and the class of feudal lords and nobility.

In short, the fight against the feudal authorities did not assume the nature of a struggle for land — the most acute and ruthless form of struggle. It was an anti-taxation fight.

It is true that the peasants were aroused to the antitaxation struggle by the extremely hard condition to which they were reduced by the feudal taxation burden. Frequently the spectre of starvation haunted the peasant families after all the duties and taxes had been paid. But, at any rate, land — the source of existence — was not or was but rarely seized.

Probably this circumstance played a decisive role in making the fight against big landowners less acute than in other countries where corvées prevailed in feudal landownership.

The wrath of the peasants was directed against the taxation machinery of the principalities and the Shogunate. So far there were but infrequent cases of attacks against the *daikan* administration "*jinya*", and assaults against the most cruel and corrupted officials whom the peasants hated.

(B) Yet another category of landownership existed in feudal Japan of that period. In the early XVIIth century it included the estates of the former *dogo*, and later, by the beginning of the XVIIIth century with the development of commercialization, it was extended to the lands belonging to the *goshi*, the village elders, officials, and merchants. This kind of landownership emerged from the peasant lands seized because of overdue mortgages, or from virgin lands tilled by the peasant tenants.

On such lands corvée economy existed. On the whole such estates had not yet assumed the nature of an enterprise. Yet the peasants there found themselves in a state of patriarchal serfdom. The condition of the peasants was particularly hard in the so-called *dogo* estates. It is true that the *dogo* soon disappeared as a social category (this happened by the middle of the XVIIth century), but similar forms of dependence were preserved in some other types of estates where the owners possessed corvée land and had direct relations with peasants renting small parts of such land.

In a word, personal dependence of peasants was preserved on the lands of these owners and not on those of feudal lords. It should be noted that the

way these lands, obtained by the investment of free capital, were exploited bore the features of feudal serfdom. Their owners sought to extend their lands at the expense of the peasant holdings which they seized by resorting to enslaving loans and other contrivances. While the hostility of feudal lords remained so far concealed, those landowners appeared from the start as the open enemies of the peasants, encroaching on their main asset — the land. Therefore the fight of the peasant against these categories of landowners was waged for land and consequently assumed a bitter and uncompromising nature.

It is true that mass uprisings of peasants against these landowning usurers were less typical of the XVIIth century than of a later period when commercialization of economy developed to a greater extent. Meanwhile, that is, in the late XVIIth and the first decade of the XVIIIth century they only manifested themselves in the forms of isolated clashes. From the middle of the XVIIIth century onward *uchikowashi* (attacks against landowners' houses, destruction of land mortgage documents and the assassination of landowning usurers who had seized peasant holdings) accompanied practically every peasant uprising.

At the same time an acute struggle began between the nobility and the bourgeoisie for the redistribution of feudal rent. It manifested itself in the publication by the feudal authorities of orders prohibiting the sale of land, the transfer of mortgaged land to the creditors (for instance, the moratorium on peasant mortgages issued in 1721), as well as in the form of levelling redistributions of land decreed from above, etc.

In the course of that struggle the feudal lords were forced by the objective economic development of the country to agree to various compromises and concessions to the bourgeoisie. Nevertheless, the contradictions between the nobility and the bourgeois elements fostered in the peasants the illusion that the Shogun government and the princes defended them. This was one of the reasons of the relatively moderate nature of the struggle waged by the peasants against the *bakufu* and the princes.

Concerning the problem of land holding (see p. 377, item 3) it is necessary to note in the first place the increase in petty peasant holdings in the first half of the XVIIth century. It resulted from the attempts of the Shogunate and the princes to do away with the influence of the *dogo* in the countryside and to separate the *samurai* from their estates, as mentioned above. As a result the corvée in these estates was replaced by rent in kind, which should be regarded as a progressive phenomenon. The second matter of importance is that of the relatively early appearance and development of small peasant feudal tenancy in Japan and the role it played in the peasant movement of the time. This type of tenancy sprang up early in Japan for a number of reasons.

First, the surplus agrarian population did not find employment in the towns due to the limitations of the domestic market and the absence of foreign markets, and was forced to stay in the villages.

Secondly, the landowner's estate was not a business enterprise in the majority of cases and did not require a great deal of manpower. As for the rest of land, the landowner rented it out in small plots to tenants.

Besides, in order to disguise enslaving mortgages or land purchase transactions between the landowner and the poor peasant (such transactions were prohibited by law), the landowner leased the plot of land to the former owner and not to an outsider. It was also taken into consideration that the former owner of the plot was interested in its better tilling and its safety,

for such a tenant did not lose his unrealistic hope to get his plot of land back some time. In this way a ruined peasant, who was deprived of his land and actually became a tenant, nevertheless continued tilling the same plot, lived in the same house, and his social position remained legally that of a peasant as before. This was very important since under feudalism various social and other distinctions were being carefully preserved.

All this had important consequences: first, the proletarization of the village remained a concealed process; second, such circumstances retarded the formation of class consciousness among the peasants; third, they prevented the development of the militant forms of the peasants' struggle for land.

Finally, another important circumstance sprang up. The amount of feudal rent in Japan can easily be inferred from the taxation principles applied by the Tokugawa authorities. Their slogan was: "The peasant should not be allowed to live, but neither should he be killed". As for the tenant, he had to pay to the landowner for his tenancy right, apart from the rent. The tenant delivered a considerable part of his indispensable product to the landlord and succeeded in leading an existence of semi-starvation only by means of doing some supplementary work. Therefore in Japan peasant domestic production for the merchant (dispersed manufacture) originated rather early. The peasant and his family, who did not sever the links tying them to the land, worked for a remuneration considerably lower than that of the workers at a manufacture. The merchants supported serfdom, for it gave them a source of fabulously cheap manpower. As regards the peasant he became, as Marx puts it, a persistent exploiter of himself and his family. Rural by-work was mostly weaving and spinning. In other countries this branch of production was usually transformed into manufacture earlier than the other branches and predominated at the early capitalist stage of development. In Japan, however, the utilization of peasants' domestic work delayed the development of manufacture in this most important branch of production. As a result, the formation of the pre proletariat and its ideology was also retarded, delaying the appearance of this ally of the peasantry in its anti-feudal fight.

In this manner the early development of small-holding feudal peasant tenancy, though undermining feudal production relations, contained at the same time a number of contradictory negative features which to a certain extent were instrumental in the preservation of such relations.

To sum up, one of the characteristics of feudal development in Japan in the XVIIth century consisted in the fact that the lands of the Shogun, the princes and most of the vassal *samurai* were seignories, *i. e.* feudal estates where corvées were absent, where no "*banalité*" was introduced, and which were mainly based on a tax-paying peasant household from which rent in kind or money-rent was levied. Their owners were interested in the preservation of peasant households, and therefore it was bondage of peasants through land that developed in such estates.

On the contrary, the landownership of the small rural *samurai*, who later became bourgeois of noble origin, as well as that of the rural and urban bourgeois who subsequently received the rank of nobleman, partly provided for corvée work and, as regards its production relations, preserved the backward traits of serfdom. Such householding had not yet assumed the nature of business enterprise. The capitalist forms of exploitation, progressive for that time, were very slow to appear. These landowners were interested in the aquisition of peasant land (to lease it in small lots) and not in the preservation

of the peasant holdings. Here the bondage of the peasant was personal.

The early appearance of small-scale peasant tenancy and its relatively widespread development favoured the preservation of the personal bondage of peasants and even a certain increase of the second form of landownership.

All the above as well as certain other circumstances (*i. e.* the conditions favourable for the economic development of the country, the disarmament of the peasants, the regimentation of their life, etc.) were the main causes, which determined the predominance of moderate forms of the peasant movement in the XVIIth century, — a movement which mainly assumed the form of petitions.

По докладу выступили А. Л. Гальперин и З. Васильевова.

H. VAN STRAELEN (*Nagoya*): YOSHIDA SHOIN, FORERUNNER OF THE MEIJI RESTORATION

A few months ago we commemorated the 100th anniversary of the death of Yoshida Shoin, the intellectual and spiritual forerunner of modern Japan. He was born in Hagi in 1830 in Yamaguci Ken, the scene of so many developments which finally led to the Meiji Restoration. The place where he lived and taught has become a national shrine and even now we can witness pilgrims coming from distant places to pay homage to the spirit of the builder of new Japan.

From his early youth he took a keen interest in studies. "Each day is an important page in my life and I cannot leave it unwritten". This maxim which he once expressed when still young, he followed until his death.

The *Rangaku*, the Dutch learning, awakened in him a desire to go abroad. This desire became ever stronger, especially after he saw the first American warships in Uraga. Clearly he saw the superiority of the foreigners' technical achievements and the need to bring Japan to the same level. In the face of this urgency, all the prohibitions of the *Bakufu* were of no binding force for him whatsoever. To his brother he wrote his determination: "I have made a resolution, and the time is ripe to put it into practice, whatever might happen, even if Mount Fuji should fall asunder and the river beds should become dry".

He made five definite plans to board foreign ships and five times he failed. At long last he stole a fisherman's boat and went directly to an American warship in Shimoda harbour. However also this time he failed. Perry handed him over to the Japanese authorities and this was the beginning of Shoin's sorrowful journey that was to end on the scaffold in Edo.

"*Kakemakumo Kimi ga Kuni koso yasukereba, Mi wo sutsuru koso, Shizu ga honi nare*", "That the country of my ruler may enjoy peace, I would gladly give my life away". This was his last *waka* which he wrote on his final Edo journey. Yet, his apparent failure was the beginning of the last short period of his life that was to place him high on his country's roll of fame. From now on a whole series of imprisonments begins, often changed into confinement in the house of his *daimyo* or relatives. From this time on, Shoin's literary and educational activities began to develop more and more. He became very influential as a teacher. First he taught in secret, later openly. In 1857 Shoin was allowed by special permission of his *daimyo* to take over the private school of his uncle Tamaki, the *Sonjuku* which was to become famous in the history of modern Japan.

In all, the time of his teaching did not last longer than two years and a half. Yet during this short period he was able to impress his mind and his ideas on the great future leaders of the Meiji restoration (Ito Hirobumi, Kido Koin, Maebara Issei, Yamagata Aritomo, Shinagawa Yajiro, Nomura Yasushi, Yamada Akiyoshi, etc.). On orders of the *Bakufu*, his detention became more severe in 1858. The frank statement of his pupils brought him under suspicion in Edo, but definitely after his plot to kill Manobe Norikatsu, which was discovered by the Shogunal police, he was ordered to Edo, where he was condemned to death.

In so far as Shoin's basic conceptions are concerned, we may say that In the centre of his thought stood the worship of the Emperor as it was expressed by the *Mito Gaku*: *Sonno*. National greatness and unity must be embodied in the Emperor. His sincere devotion to the ruling Emperor whose helpless state he deeply regrets, is clearly expressed in his *Hoketsu wo haishi tatematsuru*. He composed this famous poem on one of his travels, when he passed the Imperial palace in Kyoto.

As far as Confucianism is concerned, Shoin was a real follower of the *Mito Gaku* and since this school tried to connect Shintoism with Confucianism, it is not surprising that Shoin did likewise. From his early youth he was an ardent student of the Chinese Sages; their works were his constant companions on his travels and during his imprisonment. As teacher in the *Sonjuku*, he lectured regularly on the Chinese classics and his comments on them form an important part of his publications. Yet, as a true follower of the *Mito Gaku*, he did not belong to any of the Chinese schools. Things purely Japanese were always much more important to him. Certainly the teachings of the Chinese Sages should always be used to explain moral precepts, but as the soul of Japan has been moulded from times immemorial by Shintoism, it is in no need of foreign teaching. We see by this how close Shoin was to the *Mito* School. In one of his letters to his brother Umetaro, Shoin writes: "I cannot completely share your views that knowledge is of no importance if it is not based on Confucian scholar and he has advised me to study thoroughly Confucianism, yet, I think, it is still more important to study our own history. Is it not K'ung-tzu himself who writes that deeds are greater and brighter than empty words? In order to stimulate real patriotism nothing is better than to read history and to look up to the great personalities of the past. Now, we find that these personalities abound in our own Japanese history and in studying them thoroughly, we are well on the way to deep and solid learning". During the time when he was a teacher, Shoin stressed repeatedly the importance of introspection and the searching of one's heart and in this respect K'ung-tzu was his great teacher.

Shoin's attitude towards Buddhism is less favourable than that towards Confucianism. The Tenno and the people are as one great family, tied together by the same descent, and all intrusions from outside should be eliminated. This refers in the first place to the barbarians, but includes also the teaching of Buddha. The teaching of Buddha is not in harmony with "the way". "The way" is positive, is vital, energetic, and impelling. It makes life enjoyable. How different is Buddhism! A type of escapism, looking too much to the other world. Happiness begins in the other world and for that one has to live; furthermore there is too much passivity and no initiative, too much calmness and no dynamic forces. It is clear that these tenets would not be welcomed by a man who was constantly driven by a great longing for deeds, for reform and all sorts of plans, a real follower of the *jitsugaku* 'school of realities". Despite Shoin's esteem for the *Zen Shu* and its contempt

for death, despite, too, his personal friendship with his uncle Chikuin, head priest of the *Myoenji* in Tonosaki, his heart remained far from Buddhism. In one of his letters to his sister Chiyo he writes: "I do not think that it is necessary to have faith in Buddha, but on the other hand, to go so far as to vilify Buddha is not sensible".

When one visits Hagi, one of the things that make a deep impression is the *Sonjuku*, Shoin's little private school where he taught for the short period of two years and a half. The classroom — measuring at first eight *tatami* (12×2 feet) and later increased by ten and a half *tatami* — looks very poor and shabby, yet it is carefully guarded like a precious gem by Shinto priests. From this poor, little village school a very considerable influence has gone out. Here were educated the great men of the Meiji Restoration. Shoin's personality must have left behind something of itself. How can we explain otherwise the numerous glowing accounts given of him by nearly all the great Meiji leaders, how explain the impression his personality still makes in the Japan of today.

On the whole Shoin was in favour of general education for everybody, but especially for the gifted ones. One's *chosho* (strong points) should be developed without paying much attention to the weaker side of one's character. Every pupil should receive some kind of private tuition and should be individually treated. One should be most careful not to theorize too much but rather keep in mind the practical application.

Of his educational maxims I may mention: "He is indeed poor who does not know modern and ancient history nor the teaching of the sages. To read books and to have intercourse with friends, makes the true gentleman (*makoto no hito*)".

"The exercise of virtue and the development of one's talents, will inspire a debt of gratitude towards the teacher and it will bring advantage to pupils and friends alike; therefore the true gentleman will be prudent in the choice of his acquaintances".

"To take rest only after death. This is a maxim, short yet charged with meaning. Perseverance, dogged determination. There is no other way".

These were the principles with which Shoin worked and which he instilled into his pupils, not without success. The favour with which these principles have been received by the Japanese, has caused him to be compared with the great educators of the West.

As so often happens in Japan, it is not long before their mind discovers a Japanese counterpart to any great feature of the Occident. So they have their Rhine and Alps, their Manchester and Solingen, their Beethoven, Shakespeare and Goethe. Shoin was elected as their Pestalozzi. But the "striking" similarities which Shoin's biographers have discovered between the two are too artificial to deserve serious consideration.

The Poet

As poet, I think, Shoin was a man above the average. He wrote 8 collections of poems among which we find 300 *Kanshi*, more than 40 *Waka*'s, some 30 *Haiku*'s and together with others a number of *Renga*'s. Besides, in his hundreds of letters there are still many other poems. In the whole Japanese literature, there is practically no other writer who has written poetry in so many different forms. The *Seiki no Uta*, the "Song of the Spirit of Rectitude", one of his longer poems, is certainly the most representative of Shoin's poetry.

The lines are clear and strong, each of them accentuated, each a *chi no namida* "tear of blood". Against a cosmic background of stars, mountains, seas and great immortal souls, Shoin sings of the heroes of long ago. The poem is pervaded throughout by the spirit of rectitude, of one convinced of his own purity and blameless sincerity. It would seem that his last suppliant hope was not altogether in vain: "to add some colour to the mountains and waters" of the Japanese island empire. For here indeed he has added some beautiful contours to the Japanese mental landscape which by now have been inseparably woven into the Japanese character.

The poem is a pure *kanshi* and it was not easy to translate. The rhythm of it is rather free. It reminds me a little of the majestic grandeur of Milton and after reading this poem, we can no more be in doubt with regard to Shoin's artistic talents.

The spirit of rectitude fills heaven and earth.
To it the saint gives full surrender,
This spirit which is eternal
And which can rival the light of the sun and the stars.
Ah, me, I am but a humble creature!
Like a small grain fallen in the seas.
I am but poorly gifted and but of humble birth,
Above me far indeed are the clouds and the Imperial Palace.
When in the East I journeyed,
Each place I passed reminded me
Of the glorious deeds of the men of old.
In Itsukushima where traitors had suffered,
Memory of knightly loyalty rejoiced my soul.
Red seem to run the rivers with the blood of these bold
Whose death was like the fall of cherry blossom.
Wake has left the fame of his loyalty
Which will bespeak his glory for ever.
I think of the flute played by the warriors in Ichino Tani
And recall the loyalty of Yoshitsune's mistress.
The sad sepulchre of Nanko draws my tears.
Osaka's castle recalls Toyotomi's loyalty.
I think of Yamato conquering Ezo
And of Tamura making the savages tremble.

After the enumeration of these historical events, Shoin goes on:)

Ah, these noble men
Have saved "the great way" from ruin!
In Owari and in Ise
The sacred treasures are safe for ever.
Fuji's unsurpassable image reflects in Biwa lake.
Heian's Palace — image of Imperial glory — commands the sacred lands around.
Thus was the "great way" born.
With the coming of the foreigners
The *Bakufu* has failed
Allowing an alien religion to bewitch us,
Opening the ports to the South and to the North,
Thus giving great grief to the Tenno to-day.
Everywhere there threatens the Spirit of the dark.
But the three Lords of the Tenno will obey His command.
The Palace will be entered by the barn-door fowl.
The serious *samurais* ineffectually brood
But a decade will see vicissitudes of fortune,
And happily we have our heavenly Emperor.
So we will see restored the country of the Gods.
But oh, why does the Shogun delay
To drive all foreigners away!
Our cause and its justice are clear,

Who can fail to see a path so right!
Life is short though heaven is eternal.
I cannot contend with the sage and the Saint
But my hope is with the heroes
And my mind is with the Saints —
To have left a trace of the spirit of rectitude
And may this in turn enrich the beauty of the country. —

This poem is to be considered as a counterpart of *Cheng-ch'i-ko* by Wen T'ien-hsiang. Shoin has written it in the last year of his life, when he was in prison, in order to encourage himself.

Shoin's short poems are extremely delicate and full of deep feeling. Whatever way Japan will follow in her future course and even when Shoin will be discarded in other respects, never shall his fame completely die as author of the beautiful *waka*'s which the Japanese know by heart and future generations will always cherish. These poems have by now so intimately been woven into the Japanese mental make-up, that they will be united for ever. It is my sincere conviction that the Japanese have been definitely enriched by this process.

По докладу выступил П. П. Топеха, обративший внимание на то, что Сёин был представителем радикального самурайства и сторонником экспансии.

10 августа, вечернее заседание
Председатели О. П. Петрова *(Ленинград)*, Кадзуо Ока *(Лондон)*

КАДЗУО ОКА (Лондон): МЕТОД *ГЭНДЗИ-МОНОГАТАРИ**

Текст доклада не представлен.

По докладу выступила Н. Г. Иваненко.

I. I. MORRIS (London): THE RIVER AT UJI: AN EXAMPLE OF SUSTAINED IMAGERY IN *GENJI MONOGATARI*

An outstanding aspect of the style of *Genji Monogatari* is Murasaki's use of sustained imagery, that is to say, the repeated use of a single image, both in the prose and in the poetry, with the same general associative significance. The river at Uji appears only in the last 10 books (the *Uji Jichō*), but it occupies so important a place in their style as to justify separate consideration.

Hachi no Miya's gloomy residence at Uji plays a special part in the atmosphere of *Genji*. Hachi's house, situated less than ten miles from the bustle and brilliance of the Capital, presents so isolated and depressing an aspect as to become, in a sense, the very crystallization of that mood of melancholy which increasingly dominates Murasaki's novel. The atmosphere is reflected throughout the Uji sequence in the events, the characters and the symbolic details. The death theme is constantly in the foreground; indeed, the action of the Uji books centres about the deaths (or supposed deaths) at Uji of Hachi's wife, Hachi no Miya himself, Ōigimi and Ukifune.

* Доклад был прочитан на японском языке.

Meanwhile the survivors are depicted as becoming increasingly depressed and overcome by the strange gloom of the place. The very name of Uji is symbolical of the sorrow that pervades the house, and the characters frequently refer to this fact both in their poems and in their ordinary speeches[1].

The gloom of Uji is also reflected in the symbolic imagery. Characteristically Murasaki suggests that the depressing weather at Uji mirrors the unhappy emotions of the characters. Often the typical weather of the village — the autumn winds and rains, the snow flurries and blizzards, the clouds and the gathering mist — is compared with the relatively mild and cheerful conditions at the capital. The atmosphere at Uji is further suggested by numerous aural symbols which in *Genji* are invariably associated with grief. Such are the cry of the wild geese and of the deer, the sound of the waterfall, the tolling of a distant temple bell and the roar of the wind in the oak trees.

But of all the characteristic details that symbolize the atmosphere at Uji none is used more consistently and with greater effect than that of the roaring stream outside Hachi no Miya's house. It occurs both in the prose and in the poetry, and is used variously as a simile, a metaphor and a symbol to express the sense of grief and tragedy that dominates the house at Uji and its inhabitants. Thus on his first visit to Uji in Book 45 Kaoru is struck by the terrific noise of the river directly outside the Prince's house; it combines with the howling of the wind to produce an atmosphere of fear and tension: ". . . *ito aramashiki mizu no oto nami no hibiki ni mono osore uchishi. . .*"

Later in the same book Kaoru stands watching the men working on the river and he composes a poem (from which the book derives its title of *Hashihime*) in which he metaphorically identifies Ōigimi with Hashihime, the Goddess of the Shrine at Uji. By means of her poetic imagery Murasaki is now bringing her characters into closer association with the river and what it represents:

"*Hashi-hime no*
Kokoro wo kumite
Takase sasu
Sao no shizuku ni
Sode zo nurenuru".

And Kaoru adds that Ōigimi too must often watch the river: "*Nagametamauramu ka shi*". *Sode nurenuru* refers literally to the splashing of the oars, but includes of course the usual figurative association with tears and sorrow. This double meaning is preserved in Ōigimi's reply; the *kawa-osa* probably represents her father, Hachi no Miya:

"*Sashi-kaeru*
Uji no kawa-osa
Asayū no
Shizuku ya sode wo
Kutashi-hatsuramu".

She adds the words, *Mi sae ukite* ("I also float"), emphasizing her emotional connexion with the river.

In the following book the sound of the water (*mizu no hibiki*) is combined with those other depressing aspects of nature (the autumn rains, the sound of the fallen leaves blown along by the wind, the noise of the waterfall) into which the sisters blend themselves during their grief at the Prince's death.

In Book 47 Oigimi, overcome by melancholy, feels that, if she should allow herself to weep, her tears would flow like the torrents of the river outside the house: ". . . *mono nomi kanashūte, mizu no oto ni nagare-sou kokochi shi-tamau*".

A particularly interesting reference to the river is found later in the same book when Murasaki describes its changing effect on Niou. It is his first visit to Uji and at first he is deeply impressed by the beauty of the river, with the mist floating across, and the boats sailing by leaving behind them their white tracks: ". . . *kiri watareru sama, tokorogara no aware ōku soite, rei no shiba tsumu fune no kasuka ni yukikau ato no shiranami, me-narezu mo aru sumai no sama ka na to, iro naru mi-kokoro ni wa okashiku oboshinasaru*". But later in the day Niou becomes imbued with that lonely and depressing aspect of Uji which so moves its regular inhabitants; the river becomes for him, as it has been for them, a symbol of gloom and foreboding: "*Mizu no oto nao natsukashikarazu, Uji-bashi no ito monofurite miewatasaruru nado, kiri hareyukeba, itodo aramashiki kishi no watari*".

The first overt reference to drowning in the Uji River occurs in a conversation between Kaoru and Ben no Kimi in Book 48. The old nun recites a poem in which she wishes that she might drown hereself in the river of her own tears; this metaphor is preserved in Kaoru's remonstrating answer and in the Buddhist imagery that he uses. But it is clear from the later remarks of the gentlewomen (*mi wo Uji-gawa ni nagetemashikaba*) that Ben actually implies throwing herself into the river at Uji.

In the same book the terrific roar of the river (*kokoro sugō aramashige naru mizu no oto*) combines with the roar of the autumn winds to bring back to Kaoru and Ben no Kimi the memory of past sorrows at Uji.

Ukifune's tragic and tempestuous destiny lends itself perfectly to expression in terms of the river imagery. The sorrows and difficulties of her life are constantly associated, either explicitly or implicitly, with the fierce river that flows ominously outside her house. In one of his poems to Ukifune (book 51) Kaoru speaks about the menace of the rising flood at Uji, thus referring to the growing dangers that he believes are confronting the girl:

"*Mizu masaru*
Ochi no sato-bito
Ika naran
Harenu nagami ni
Kaki-kurasu koro".

Ukifune in her reply maintains the flood imagery:

"*Tsurezure to*
Mi wo shiru ame no
Wo yamaneba
Sode sae itodo
Mikasa masarite".

Ukifune's subsequent reference to the old *Yuku-fune* poem from the *Shinchokusen* anthology [2] suggests the image of the Uji River. The idea of drowning, of mingling with the water, is here clearly implied.

When towards the end of Book 51 Ukifune finally realizes that her predicament has become impossible, it follows both realistically and symbolically that she should decide to drown herself in Uji River, the primary symbol of her tragic life. The web of symbol and reality becomes a single

texture, and the events reveal a degree of inevitability that would never be found in a haphazard narrative of actual happenings. Ukifune has just overheard her mother tell Ben no Kimi that if her daughter should become involved in any further difficulties she will never again be able to see the girl. Ukifune, aware that Kaoru and Niou are each expecting to take her to his own house at the Capital and that the dates of departure are only a few days off, perceives that death is the only solution: "*Nao waga mi wo ushinaitebaya*». During all this time the roar of the river can be heard and now Ukifune listens to her mother and various old ladies-in-waiting discuss its gloominess and its dangers:

. . .kono mizu no oto no osoroshige ni hibikite yuku wo, /Haha/ 'Kakaranu nagare mo ari ka shi. Yo ni nizu aramashiki tokoro ni, toshi-tsuki wo sugushitamau wo, aware to oboshinubeki waza ni namu' nado, haha-gimi shitari-gao ni ii-itari. Mukashi yori kono kawa no hayaku osoroshiki koto wo iite. . .

It is at once symbol and reality that Ukifune should now resolve to add herself to the numbers of women who have chosen suicide to escape from an impossible entaglement and that she should choose to die by drowning. A recurrent image becomes a reality: the fierce river, which has always represented the mood of sorrow and tragedy at Uji, now becomes the real agent of the culminating disaster.

In her final poem Ukifune uses the river imagery in a different context to express the idea that after she is dead her bad name will continue to float on the river of people's memories:

"*Nageki-wabi*
Mi woba sutsu tomo
Naki kage ni
Ukina nagasan
Koto wo koso omoe".

The river continues to appear as a symbol of tragedy long after Ukifune's supposed suicide. In Book 52 the Jijū and Ukon stand watching the waters swirling by outside the house and they hear in the noise a constant rebuke to Ukifune for having committed the sin of suicide. In the same book Kaoru, unbearably agitated by the sound of the waters, sets out for the Capital late at night rather than remain alone in Uji with the picture in his mind of Ukifune lying on the river-bed: ". . . *mizu no oto no kikoyuru kagiri wa, kokoro nomi sawagitamaite. . .*" The Jijū also shortly leaves Uji for the Capital, unable to bear any longer the depressing noise of the river: ". . . *yozukanu kawa no oto mo. . . kokoro-uku imijiku, mono osoroshiku nomi oboete. . .*"

About one year after the attempted suicide Ukifune, slowly recovering from her comatose condition, begins to remember the details of the fearful night on which she tried to drown herself. The scene, as it returns to her, is dominated by the symbolic roar of the flooded river; this is combined with the dismal howling of the wind: ". . . *kaze hageshiku kawanami mo arō kikoeshi wo, hitori mono osoroshikarishikaba. . .*"

Shortly thereafter Ukifune writes an *uta* in which she uses the image of Uji River to represent her own sad destiny; she symbolizes the forces that prevented her death by the river's dam (*shigarami*):

"*Mi wo nageshi*
Namida no kawa no
Hayaki se wo
Shigarami kakete
Dare ka todomeshi".

A final reference to the Uji River is found towards the end of Book 53. Ukifune overhears the Chujo tell how Kaoru on his last visit to Hachi no Miya's old house stood for a long time gazing at the river and finally recited a poem in which the imagery was that of the sorrowful river and its dam:

Kawa chikaki tokoro nite, mizu wo nozokitamaite, imijiku nakitamaiki. Ue ni noboritamaite, hashira ni kakitsuketamaishi,

Mishi hito wa
Kage mo tomaranu
Mizu no ue ni
Ochisou namida
Itodo seki aezu.

NOTES

[1] At the end of Book 50, shortly after Oigimi's death, Kaoru recites an *uta* in which he laments that Uji is still true to its unhappy name:

"*Sato no na mo*
Mukashi nagara ni
Mishi hito no
Omogawari seru
Neya no tsukikage".

A similar reference to the symbolism of Uji's name occurs in Book 51 when Ukifune writes a poem mentioning the unhappiness of her life:

"*Sato no na wo*
Waga mi ni shireba
Yamashiro no
Uji no watari zo
Itodo sumi-uki".

And again, after Ukifune's supposed suicide, it is to this sorrowful aspect of the name Uji that her mother refers when she writes to Kaoru that all their plans for the girl have now come to nothing: ". . .*iikai naku mitamae-hatete wa, sato no chigiri mo ito kokoro-uku kanashiku namu*".

[2] The *uta* in question is classed among the love poems of the *Shinchokusenshū* and provides the image from which Ukifune's name is derived:

"*Yuku fune no*
Ato naki nami ni
Majirinaba
Dare ka wa mizu no
Awa to dani mimu".

По докладу выступили Н. Г. Иваненко и Дэни.

JÜRGEN BERNDT (*Berlin*): EINIGES ZUR PROBLEMATIK BEI BETRACHTUNGEN DER MODERNEN JAPANISCHEN LITERATUR

Es dürfte kaum ein Zweifel darüber bestehen, daß die japanische Literaturwissenschaft vor allem auf dem Gebiet der Literaturgeschichte heute ein hohes Niveau erreicht hat. Aber trotzdem muß festgestellt werden, daß die Beantwortung einer ganzen Reihe von Grundfragen in bezug auf die Periodisierung der japanischen Literatur und ihre terminologische Bestimmung noch weitgehend aussteht.

Viele Untersuchungen gehen von einer mehr oder weniger reinen empirischen Betrachtungsweise aus. Sie sind z. T. Faktensammlungen und Deskriptionen bei denen zu dem noch die an sich in manchen Fällen schon recht

anfechtbare Geschichtsperiodisierung mechanisch auf die Periodisierung der Literaturgeschichte übertragen wird. Durch diese von außen willkürlich herangetragenen Grenzen wird es u. E. nach unmöglich, den vielschichtigen und komplizierten Prozess der literarischen Entwicklung in seiner Gesamtheit und in seinem Gesamtablauf zu betrachten und darzustellen. Die Folge sind meist recht formale Betrachtungen, die bestenfalls Fakten aber kaum eine tiefgehende Erkenntnis von den Ursachen und dem Wesen bestimmter literarischer Erscheinungen vermitteln können.

Wenn wir die Kunst und mithin die Literatur als einer ihrer Teilgebiete als eine spezifische Form des gesellschaftlichen Bewußtseins betrachten, das wie jegliches Bewußtsein eine Widerspiegelung der realen Wirklichkeit ist, dann ergibt sich natürlich die Aufgabe, die literarische Entwicklung im engen Zusammenhang mit der Entwicklung und den Veränderungen der materiellen Lebensformen zu sehen und letztlich auch daraus zu erklären, wobei es allerdings notwendig ist, zum Wesen der Veränderungen in der materiellen Basis vorzubringen und nicht bei Feststellungen der äußeren Erscheinungen stehen zu bleiben. Das soll jedoch nicht bedeuten, daß die Werke der schöngeistigen Literatur als eine direkte Widerspiegelung ökonomischer Ursachen aufzufassen wären. Traditionen, religiöse Vorstellungen und philosophische Anschauungen spielen ohne Zweifel eine bedeutende Rolle bei der Schaffung literarischer Werke. Außerdem besteht zwischen den materiellen und den geistigen Lebensformen kaum jemals eine unmittelbare, leicht zu beobachtende und mechanische Verbindung, so daß die aus den Veränderungen der materiellen Basis hervorgehenden Veränderungen im geistigen Überbau sich selten mit vollkommener Genauigkeit ermitteln lassen.

Aber berechtigt uns die daraus abzuleitende Tatsache, daß wir es in der Literatur in den wenigsten Fällen mit «reinen» stets scharf voneinander abzugrenzenden Erscheinungen zu tun haben, z. B. zu der Behauptung, daß eine genaue Definition des japanischen Naturalismus (*shizenshugi*) nicht möglich sei, weil der Inhalt dieses Begriffes entsprechend der einzelnen Vertreter dieser Richtung zu sehr variiere? [1] Mit der gleichen Berechtigung wäre dann auch eine Definition jeder anderen literarischen Richtung genau so unmöglich, was keineswegs bedeuten soll, daß wir heute schon in der Lage wären, die einzelnen Definitionen zu geben.

Um bei dem genannten Beispiel zu bleiben: Es trifft zweifellos zu, daß die Auffassungen einzelner Theoretiker und Schriftsteller der Richtung des «*shizenshugi*» erheblich von einander abweichen. Aber wenn sich bei einer genauen Analyse nicht nur der theoretischen Abhandlungen, sondern in allererster Linie der schöngeistigen Werke der Richtung des «*shizenshugi*» herausstellt, daß sie kein gemeinsamer bestimmender Wesenszug auszeichnet, haben wir dann nicht das Recht, ja sogar die Aufgabe uns von herkömmlichen Termini und Periodisierungen zu trennen?

Auf der einen Seite scheint eine fast willkürlich anmutende Auslegung von Begriffen in der japanischen Literaturwissenschaft ein kaum noch zu überbietendes Ausmaß erreicht zu haben, wozu andererseits ein merkwürdig zähes Festhalten oft wider bessere Erkenntnis an einmal geprägte Termini kommt.

Für beides ließen sich ohne Mühe beliebig viele Beispiele finden, doch je ein Beispiel möge hier als Beweis genügen.

«Der Naturalismus in Japan geht wie in Europa auf den Realismus zurück», schreibt Prof. Benl [2], dagegen Yoshida Seiichi: «. . . man kann sagen, daß erst mit dem Naturalismus (*shizenshugi*) die Grundlage der Literatur

des modernen Realismus . . . geschaffen wurde» [3]. Hier handelt es sich doch offenbar um ganz verschiedene Auffassungen von den Begriffen Realismus und Naturalismus.

Ein Beispiel für das Festhalten an herkömmlichen Termini: Homma Hisao spricht in Anlehnung an Shimamura Hogetsu und den englischen Literaturhistoriker Bosanquet in seiner bekannten *Geschichte der Meiji-Literatur* von drei Kategorien des Naturalismus, vom «*honrai shizenshugi*» — ursprünglichen Naturalismus, von «*romanteki shizenshugi*» — romantischen Naturalismus und drittens vom «*inshoshugiteki shizenshugi*» — impressionistischen Naturalismus, und meint dazu, die Bezeichnung «*shizenshugi*» sollte eigentlich nur auf die erste Kategorie, zu der er vor allem Kosugi Tengai und Nagai Kafu in seiner ersten Schaffensperiode zählt, Anwendung finden, da sie seinem eigentliche Wesen am meisten entspräche, kommt dann aber kaum eine Seite weiter zu dem nicht ganz einzusehenden Schluß, daß er dem herkömmlichen Brauche folge und alle drei Kategorien unter dem Begriff Naturalismus (*shizenshugi*) zusammenfasse [4].

Diese Beispiele beweisen hinreichend wie problematisch der Terminus «*shizenshugi*» ist. Die Klärung und die nähere Bestimmung dieses Begriffes und damit auch notwendigerweise die Klärung der Frage nach dem Realismus scheinen uns eine wesentliche Aufgabe bei der Untersuchung der modernen japanischen Literatur zu sein, zumal wenn man sich der Ansicht Yoshida Seiichis anschließen würde, «daß der Naturalismus das Fundament der modernen Literatur ist» und daß darum «für denjenigen der die moderne japanische Literatur untersucht, der erste Gegenstand der Naturalismus sein sollte» [5].

Diese Auffassung vom Beginn der modernen japanischen Literatur mit dem Naturalismus, ist sicher anderen Ansichten vorzuziehen, die den Beginn der modernen Literatur mit dem theoretischen Werk von Tsubouchi Shōyō, dem *Shosetsu Shinzui*, mit dem ersten Roman von Futabatei Shimei, *Ukigumo*, oder gar mit dem ersten Jahr Meiji [6] ansetzen, wenn nicht erstens die Gefahr entstehen würde, den Naturalismus von der voraufgegangenen literarischen Entwicklung ganz ungerechtfertigt zu isolieren, und zweitens, wenn nicht der so häufig wiederkehrende Begriff «moderne Literatur» (*kindai-bungaku*) vieldeutig und äußerst unklar wäre.

Kann dem Terminus «*kindai-bungaku*» ebenso wie dem Terminus «*kinsei-bungaku*», deren lexikalischer Unterschied — wenn überhaupt vorhanden — nur sehr gering sein dürfte, ein wissenschaftlicher Wert beigemessen werden?

Auch eine Wiedergabe mit «Literatur der Neuzeit» und «Literatur der neueren Zeit» kann kaum befriedigen, weil hier wiederum Begriffe aus der Geschichtswissenschaft auf die Literaturgeschichte übertragen werden, wodurch die Literatur in ein mehr oder weniger starres System gezwängt wird, das ein Erkennen des literarischen Entwicklungsprozesses und letztlich auch ein Verstehen und Erklären der Besonderheiten des japanischen Naturalismus erschweren, wenn nicht sogar unmöglich machen muß.

Die Besonderheiten des japanischen Naturalismus — sagen wir gegenüber dem französischen Naturalismus — dürften zwar weitestgehend auf die besondere sozialökonomische Entwicklung Japans zurückzuführen sein, haben aber doch sicher ebenfalls in der anders gearteten japanischen literarischen Tradition ihre Ursachen. Wir wollen dabei auch keineswegs den Einfluß der europäischen Literaturen seit dem Beginn der Meiji-Zeit leugnen, sind allerdings der Auffassung, daß eine nationale Literatur zwar weitgehend eine andere nationale Literatur beeinflussen doch auf keinen Fall deren Entwicklung bestimmen kann. Eine falsche Einschätzung dieses Einflus-

ses führte zu dem heute etwas merkwürdig klingenden Lamento, in das Nagai Kafu eine Person aus seinem *Shin-kichosha-nikki* (1908) ausbrechen läßt: «die reine japanische Literatur ist bis zum 30. Jahr Meiji völlig untergegangen. Die Literatur danach ist keine japanische Literatur mehr. Es ist eine europäische Literatur, die nur noch in japanischer Sprache geschrieben wurde» [7].

Dieser Satz aus einem Prosawerk könnte als belanglos abgetan werden, wenn er nicht in gewisser Weise der Auffassung verschiedener Literaturhistoriker entspräche [8].

Es bedarf sicher noch zahlreicher Untersuchungen, Überlegungen und wissenschaftlicher Auseinandersetzungen, aber soll der Begriff «moderne Literatur» (*kindai-bungaku*) als wissenschaftlicher Terminus anerkannt werden, so müßte er als Gegensatz zur mittelalterlichen, zur feudalen Literatur verstanden werden [9]. D. h. der Beginn der modernen Literatur müßte dort angesetzt werden, wo die Herausbildung einer bürgerlichen Literatur ihren Anfang nimmt, anders gesagt, wo die künstlerische Methode des Realismus, bei der die künstlerisch wahre, historisch konkrete Widerspiegelung der Wirklichkeit eine zentrale Rolle spielt, zur vorherrschenden Methode des literarischen Schaffens wird.

Nun kann aber diese Methode nicht die Erfindung irgendeines Genies sein, sondern sich nur in einem allmählichen, komplizierten und vielschichtigen Prozeß herausbilden.

In diesem Zusammenhang dürfte es ganz aufschlußreich sein, festzuhalten, daß Kitamura Tōkoku, einer der hervorragendsten Vertreter der revolutionären Romantik des ausgehenden XIX. Jahrhunderts, die Literatur der Genroku-Periode in beredten Worten preist und sie als eine literarische Revolution bezeichnet, die nachdrücklich in der Geschichte der japanischen Literatur vermerkt werden muß [10]. Die frühbürgerliche Literatur oder mit anderen Worten die Literatur der *Chōnin*, der Handelsbourgeoisie erreichte ihren ersten glanzvollen Höhepunkt auf dem Gebiete der Prosa in den *Ukiyozoshi* eines Ibara Saikaku. Es kann und soll in diesem Rahmen nicht darauf eingegangen werden, aus welchen Motiven heraus diese Literatur entstanden ist, nämlich Ausdruck einer nach Freiheit strebenden Klasse, wie Kitamura Tōkoku in seinen *Ansichten zu Meiji-Literatur* (1893) meint, oder Flucht vor der gesellschaftlichen Wirklichkeit, eine Ansicht wie sie u. a. auch von Kataoka Ryōichi und Odagiri Hideo in *Nihonkindai bungakushi* vertreten wird (Bd. I, S. 31). — Hier mag eingefügt werden, daß diese Ausführungen allein das Prosaschaffen berücksichtigen, da nach unserer Meinung das Prosaschaffen mit allen seinen Gattungen in der bürgerlichen Gesellschaft zur entscheidenden Form der künstlerischen Literatur wird, was sich sehr leicht anhand der Entwicklung der Weltliteratur nachweisen ließe. Prof. Konrad stellt in seinem sehr aufschlußreichen Aufsatz *Das Problem des Realismus und die Literaturen des Ostens* [11] stark in Frage, ob die japanische Literatur des letzten Viertels des XVII. Jahrhunderts und der ersten Hälfte des XVIII. Jahrhunderts schon als realistisch bezeichnet werden kann. Bei einer Gegenüberstellung der Methode Balzacs und Saikakus weist er nach, daß sich für beide kaum ein gemeinsamer Zug feststellen läßt. Dabei taucht allerdings die Frage auf, ob solch eine Gegenüberstellung berechtigt ist. Denn der Prozeß des realistischen Erkennens des Menschenlebens, der bei Balzac einen Höhepunkt erreicht, nimmt doch mit dem Schaffen Saikakus in der japanischen Literatur erst seinen Anfang. Wir halten es deshalb gerade bei der Betrachtung der japanischen Literatur für notwendig, zu unterscheiden zwischen dem Realismus als künstlerische Methode

und dem Realismus als literarische Richtung, in der es dem Schrifsteller aufgrund der vorausgegangenen Entwicklung der realistischen Methode gelingt, ein wahrheitsgetreues und konkret-historisches Abbild der Wirklichkeit zu schaffen und das Leben realistisch in den Formen des Lebens selbst widerzuspiegeln. Die Schwächen des Realismus im Schaffen Saikakus sind offensichtlich: Die Reduzierung des menschlichen Strebens allein auf Gelderwerb und sinnliches Vergnügen.

Daß es Saikaku nicht gelingt, das große gesellschaftliche Problem seiner Zeit, den Widerspruch zwischen der gesellschaftlichen und politischen Herrschaft des Feudaladels einerseits und dem wirtschaftlichen Erstarken des städtischen Bürgertums andererseits zu gestalten, ist eine deutliche Widerspiegelung der Schwächen seiner eigenen Klasse, der Klasse der *Chōnin*. Der Doppelcharakter dieser Klasse als Unterdrückte und Unterdrückende zugleich, und ihr gesellschaftlicher Kompromiß mit dem Feudaladel, mußten mit der immer enger werdenden Liierung zwischen dem Feudaladel und dem reichen Bürgertum dazu führen, daß diese Klasse jegliche revolutionäre Haltung verlor und zu einer Erscheinung wurde, deren Existenz auf Gedeih und Verderb mit der spätfeudalen Gesellschaftsordnung verbunden war. Als Folge davon sind es die Aufgabe des realistischen Standpunkt in der Literatur, das Eindringen der feudalistischen Ideologie in die bürgerliche Literatur zu verzeichnen und damit die Herrschaft des antirealistischen Prinzip des *Kanzen-choaku*, das in den Werken eines Bakin seinen deutlichsten Ausdruck fand, aber in der einen oder anderen Form das gesamte literarische Schaffen der ausgehenden Edo-Zeit beherrschte.

Ein geistiges revolutionäres Element, das allerdings wohl nur sehr bedingt in einen ursächlichen Zusammenhang mit dem vorhandenen sozialökonomischen revolutionären Element, den Bauern und der Stadtarmut, gebracht werden kann, hatte sich bereits zu Beginn der 2. Hälfte der Tokugawa-Zeit vornehmlich aus den Kreisen des niederen Adels herausgebildet. Diese Schicht aber erkennte mit ganz wenigen Ausnahmen in der Schaffung schöngeistiger Literaturwerke kaum eine Waffe im Kampf gegen die Shogunatsherrschaft, wohl aber in der Kommentierung und Deutung der alten klassischen Literatur. Das führte zum Teil zur Beschäftigung mit literartheoretischen Fragen, deren Ergebnisse nicht ohne bestimmenden Einfluß auf die theoretische Überwindung der antirealistischen Werke der Schriftsteller der ausgehenden Edo-Zeit und ihrer Epigonen in den ersten Jahren der Meiji-Zeit blieben. Denn wäre ein für die Entwicklung der japanischen Literatur nicht unbedeutsamen theoretisches Werk wie das *Shosetsu Shinzui* ohne Norinagas *Tama no Ogushi* (1776) denkbar? Wohl kaum!

Homma Hisao bezeichnet das *Tama no Ogushi* als die Quelle des *Shosetsu Shinzui*, und schreibt weiter: «Zieht man einmal nur das Literarische in betracht, so darf man wohl sagen, daß der Verfasser des 'Shosetsu Shinzui' den Geist und die Aussage des 'Tama no Ogushi' wiederbelebt und darüber hinaus weit verbreitet hat» [12].

«*Shosetsu no shu-nō wa ninjo nari*» — «Das Wesentliche der Shosetsu [13] sind die Empfindungen des Menschen», sagt Shōyō, und fährt fort: «danach folgend soziale Zustände, Sitten und Gebräuche». Fordert aber — und das ist das entscheidend Neue — eine psychologische Durchdringung dieser Empfindungen und ihre objektive wahrheitsgetreue Darstellung.

Wenn Shōyō auch den sozialen Zuständen, den Sitten und Gebräuchen bei der Darstellung eine untergeordnete Rolle beimißt, so erkennt er doch in gewissem Umfange an, daß sie durchaus einen Einfluß auf die Empfindungen und die Haltung des Menschen ausüben, wenn er schreibt:

«Haben wir eine Gestalt gedanklich entworfen und wollen wir ihre Empfindungen beschreiben, so gehen wir davon aus, daß diese Gestalt von vornherein Leidenschaften besitzt, und fragen uns dann, was für Gefühle in dieser Gestalt wachgerufen werden, wenn sich dieses oder jenes Ereignis zuträgt, wenn sie unter diesem oder jenem Reiz steht. . . Außerdem fragen wir uns, welchen Ausdruck diese Gefühle finden werden und wie weit sich der Charakter der Person ändern wird aufgrund ihrer genossenen Erziehung und der Wert ihres Berufes»[14]. Trotzdem wird man sagen dürfen, daß für Shōyō der Mensch in erster Linie nach ein psychologisch und kein gesellschaftlich determiniertes Wesen ist.

Die vielfältigen Widersprüche zwischen japanischer Tradition und europäischem Ideengut, die komplizierten vielfach verschleierten Klassenbeziehungen, die verhältnismäßig raschen gesellschaftlichen Umschichtungen, die mit der einsetzenden industriellen Revolution verbunden waren, konnten dem Schriftsteller noch kein tieferes Erkennen und Verstehen der entscheidenden Beziehungen zwischen Mensch und Gesellschaft gestatten.

Hier möge nur als eine Ansicht, die in diesem Rahmen nicht weiter erläutert werden kann, eingefügt werden, daß unserer Meinung nach Futabatei Shimei mit seinem ersten Roman *Ukigumo* in gewisser Weise eine Sonderstellung einnimmt und außerhalb der eigentlichen japanischen Literaturentwicklung steht, — d. h. nicht, daß der hohe literarische Wert dieses Romanes irgendwie geschmälert oder in Frage gestellt werden soll. Aber man wird annehmen müssen, daß dieses Werk weniger auf ein äußerst geniales Erkennen der damaligen gesellschaftlichen Probleme und damit auf ein Vorauseilen von fast zwei Jahrzehnten gegenüber der literarischen Entwicklung Japans beruht, als vielmehr auf eine genaue Kenntnis der russischen Literatur und ein erstaunlichen Einfühlungsvermögen in diese Literatur.

Die sich bei Shōyō andeutungsweise ankündende neue Qualität des Realismus findet vorerst keine Vollender, sondern — der Kürze halber sei diese nicht ganz exakte Formulierung gestattet —, die Verabsolutierung einer Seite seiner Theorie, nämlich, daß das Hauptziel der *Shosetsu*, die von jedem Nützlichkeitsprinzip frei zu sein haben, die Darstellung des Gefühls sei, wird zum Hauptprinzip der nach Inhalt und Form stark traditionell orientierten Literatur der *Kenyusha*, die die literarische Bühne bis zum Ende des chinesisch-japanischen Krieges fast ausschließlich beherrschen konnte.

Mit ihrem Subjektivismus, der durch eine scheinbar wahrheitsgetreue objektive Darstellung der menschlichen Empfindungen übertüncht wird, tendierte die Literatur der *Kenyusha* zu einer Art Sentimentalismus, der nicht in der Lage war, eine neue bisher noch nicht erkannte Seite des menschlichen Lebens der schöngeistigen Literatur zu erschließen.

Während sich noch verhältnismäßig leicht nachweisen ließe, daß der *Kenyusha*-Literatur fast ausschließlich eine einzige Darstellungsmethode zugrundeliegt, die zwar im Verlaufe ihrer Entwicklung erhebliche qualitative Veränderungen erfährt, — es sei nur an Ozaki Koyo und seine deutlich erkennbare Entwicklung von seinem ersten Werk *Ninin bikuni irozange* (1889) bis zu seinem letzten unvollendet gebliebenen Werk *Konjiki yasha* (1903) erinnert — bereitet die Charakterisierung der literarischen Werke nach ihrer Darstellungsmethode im Zeitraum vom Ende des chinesisch-japanischen Krieges bis zum russisch-japanischen Krieg, also ungefähr von 1895 bis 1905 erhebliche Schwierigkeiten. Allerdings drängt sich die Frage auf, ob es sich nicht bei den meisten Werken im wesentlichen um eine

Art progressiver Romantik handelt, wie sie sich mit ziemlicher Sicherheit auf dem Gebiet der Poesie feststellen läßt. Doch die herkömmlichen Bezeichnungen im Prosaschaffen wie *Kannen-shosetsu*, *Shinkoku-shosetsu* oder *Hisan-shosetsu*, wie *Shakai-shosetsu* und schließlich *Shakaishugi-shosetsu* sind Klassifizierungen nach dem Inhalt und nicht nach den ihnen zugrundeliegenden Darstellungsmethoden, womit diese Klassifizierung jeder wissenschaftlichen Berechtigung entbehrt. Ohne auf diese Frage weiter eingehen zu können, denn das würde eine genaue Analyse der einzelnen Werke erfordern, möge nur so viel festgestellt werden, daß sich in all diesen Werken in einem mehr oder weniger starken Maße auf mehr oder weniger realistischer Art die Hinwendung zur Gesellschaft und zum Menschen als ein gesellschaftlich bestimmten Wesen vollzieht. Wobei den *Shakai-shosetsu*, die Shinoda Tarō in Anlehnung an Kimura Takeshi [15] als Ausdruck des Widerstandes der Industriebourgeoisie gegen die Literatur der feudalen Handelsbourgeoisie bezeichnet [16], und den späteren *Shakaishugi-shosetsu* zweifellos die größere Bedeutung zukommt. Aber trotz des neuen Inhaltes und der bedeutsamen Blickwendung zum Menschen als ein Produkt der Gesellschaft bleiben alle Verke dieser Periode, vielleicht nur in gewisser Weise mit Ausnahme der *Shakaishugi-shosetsu*, an Oberflächlichkeiten hängen und der Form nach in Tradition und im Manierismus stecken, wodurch ihnen heute kaum mehr als eine historische Bedeutung zukommt, die aber u. E. deshalb nicht übersehen werden sollte, weil hier zum erstenmale in der bürgerlichen Literatur Japans ein echtes Bemühen wahrzunehemen ist, sich ernsthaft mit dem Problem Mensch und Gesellschaft auseinanderzusetzen — wenn auch noch mit völlig unzureichenden literarischen Mitteln.

Nachdem wir festgestellt haben, daß mit dem Schaffen Saikakus die realistische Darstellungsmethode in der japanischen Literatur ihren Anfang nahm, daß Tsubouchi Shōyō die objektive Darstellung der psychologisch durchdrungenen menschlichen Gefühle forderte, und schließlich, daß die Literatur zwischen dem chinesisch-japanischen und russisch-japanischen Krieg die bedeutsame Hinwendung zur Gesellschaft vollzog, kommen wir zu einem der Ausgangspunkte unserer Betrachtung zurück, nämlich zum Problem welchen Charakter die literarische Richtung des «*shizenshugi*» trägt, ein Problem das hier allerdings weder gelöst werden soll noch gelöst werden könnte.

Haben wir es bei der Richtung des «*shizenshugi*» um eine naturalistische Richtung — im heutigen Sinne des Wortes — oder um die erste realistische Richtung in der japanischen Literatur zu tun, die man der vorausgegangenen literarischen Entwicklung zu diesem Zeitpunkt durchaus erwarten dürfte? Handelt es sich in diesen Werken um ein bloßes Kopieren der Wirklichkeit, wobei die Erscheinungen der Wirklichkeit mit ihrem Wesen gleichgesetzt werden, unter dem Vorwand der absoluten Objektivität nicht zwischen Wesentlichem und Unwesentlichem unterschieden wird, und der Mensch als ein isoliertes Individuum betrachtet wird, dessen Wesen rein psychologisch oder gar physiologisch bestimmt ist — handelt es sich also um naturalistische Werke?

Oder sind die Werke der Richtung des «*shizenshugi*» ein künstlerisches Abbild der Wirklichkeit, in denen der Schriftsteller durch soziale Verallgemeinerungen das Wesen der Erscheinungen enthüllt, typische Charaktere unter historisch-konkreten, d. h. unter typischen, also wesentlichen Umständen darstellen und damit die betreffenden Charaktere im Zusammenhang mit der Gesellschaft und ihren Platz im gesellschaftlichen Leben zeigt — sind es also realistische, genauer kritisch-realistische Werke?

Die Beantwortung dieser entscheidenden Fragen dürfte kaum durch eine noch so genaue Analyse der zahlreichen theoretischen Schriften des «*shizenshugi*» befriedigend gelingen, denn wir möchten meinen, daß die literarische Entwicklung weniger von theoretischen Forderungen und theoretischen Auffassungen bestimmt wird, als vielmehr vom tätigen Leben selbst, vom Stande der gesellschaftlichen Entwicklung, den Klassenbeziehungen und Gegensätzen. Ausnahmsweise sei hier die Wiederholung einiger Gemeinplätze gestattet: Während des relativ langen Verharrens der japanischen Gesellschaft in der spätfeudalen Produktionsweise hatte sich ein revolutionäres Bürgertum, daß den Verlauf der Meiji-Revolution hätte entscheidend bestimmen können, gar nicht oder nur sehr schwach entwickelt. Die besondere Form der z. T. staatlich vollzogenen industriellen Revolution brachte zwar eine industrielle Bourgeoisie im Gegensatz zur stark zur feudalistischen Ideologie tendierenden Handelsbourgeoisie hervor, aber diese neue Bourgeoisie und ihre Intelligenz sah sich mit dem verhältnismäßig raschen Eintritt des Kapitalismus in das Stadium des Imperialismus zugleich zwei Gegnern gegenüber: dem mehr oder weniger deutlich absolutistisch ausgerichtetem Regime mit all seinen feudalistischen Überresten in Staat und Familie und andererseits der immer stärker werdenden Arbeiterklasse. Angesichts der komplizierten und widerspruchsvollen gesellschaftlichen Konflikte gelingt dem Schriftsteller aus den Reihen der neuen bürgerlichen Intelligenz einmal nicht das Erfassen der großen gesellschaftlichen Zusammenhänge, zum andern gerät er in eine scheinbar auswegslose Lage, resigniert und nimmt Zuflucht zu der eng begrenzten Erlebniswelt des eigenen Ich.

Yoshida Seiichi, wohl einer der besten Kenner des japanischen Naturalismus, bezeichnet diesen als «*Kindaiteki realism*», als modernen Realismus. Aber was ist m o d e r n e r Realismus?

Wir wollen nicht leugnen, daß bei solchen Schrifstellern wie Toson, Katai, Doppo und einigen anderen bestimmende realistische Grundtendenzen vorhanden sind. Aber denken wir an Tosons Roman *Haka*, die Flucht des Helden Ushimatsu aus der Wirklichkeit seines eigenen Landes nach Amerika, — liegt in diesem Schluß ein logisches objektives und damit realistisches Fortführen der Handlung — wir möchten es verneinen. Denken wir an Katais Novelle *Futon*, was ist daran realistisch — die schonungslose Aufdeckung eigener charakterlicher Schwächen — ist dieses Psychologisieren Realismus? Man wird nicht übersehen dürfen, daß der «*shizenshugi*» schon bei seiner Geburt starke Krankheitskeime des Naturalismus in sich trägt, die sich rapide entwickelten, so daß die Richtung des «*shizenshugi*» als ganzes trotz des Widerstandes solcher Schriftsteller wie Ishikawa Takuboku in einem grenzenlosen Individualismus und Nihilismus endet. «Ich allein bin ein Mensch, zwischen mir und den anderen ziehe ich einen tiefen unüberschreitbaren Graben», schreibt Masamune Hakucho 1907 in seinem Erstlingswerk *Doko e*. Diese abgrundtiefe Menschenverachtung widerspricht jedem Realismus, dessen höchstes Ziel und Streben der Humanismus war und ist.

Vielfältig und kompliziert sind die Probleme, die uns bei der Betrachtung der modernen japanischen Literatur entgegentreten. Eine exakte Periodisierung, die nur aus dem Entwicklungsprozeß der Literatur selbst abgeleitet werden kann, und eine klare Terminologie, die möglichst genau das Wesen der jeweilig literarischen Erscheinung widerspiegeln muß, erachten wir als eine wesentliche Voraussetzung für die weitere Entwicklung der japanischen Literaturwissenschaft sowohl innerhalb als auch außerhalb Japans.

ANMERKUNGEN

[1] Siehe Oskar Benl, *Naturalism in Japanese Literature*, «Mon. Nipp.», Vol. IX, S. 10.
[2] Oskar Benl, *Naturalism in Japanese Literature*, «Mon. Nipp.», Vol. IX, S. 1.
[3] Yoshida Seiichi, *Untersuchung des Naturalismus*, Tokyo, 1959, 4 Aufl., Bd. I, S. 1
[4] Homma Hisao, *Geschichte der Meiji-Literatur*, 2. Bd., Tokyo, 1937, S. 519/520 und S. 521.
[5] Yoshida Seiichi, *a. a. O.*, S. 1 u 2.
[6] G. Bonneau, *Histoire de la literature japonaise contemporaine, 1868—1939*, Paris, 1940, S. 19.
[7] Zitiert nach Nakamura Mitsuo, *Die moderne japanische Prosa-literatur*, 9. Aufl., Tokyo, 1958, S. 5.
[8] Auch Nakamura Mitsuo tendiert ganz offensichtlich zu dieser Auffassung, *a. a. O.*, S. 4—5.
[9] In diesem Sinne scheint dieser Begriff auch von Engels aufgefasst zu werden. Die Renaissance «war die größte progressive Umwälzung, die die Menscheit bis dahin erlebt hatte» und «in Italien, Frankreich, Deutschland entstand eine neue, die erste moderne Literatur» (Marx und Engels über Kunst und Literatur, Henschelverlag, Berlin, 1953, S. 195 u. 196)
[10] Siehe: *Geschichte der modernen japanischen Literatur*, Kataoka Ryoichi und Odagiri Hideo, Otsuki-shoten, Tokyo, 1956, Bd. I, S. 25.
[11] Sammelband, *Problem des Realismus in der Weltliteratur* (russ.), Moskau, 1959, S. 341—368.
[12] Homma Hisao, *Geschichte der Meiji-Literatur*, Bd. I, Tokyo, 1955, S. 318
[13] Wir behalten den Begriff *Shosetsu* bei, da er sowohl Erzählung, Novelle als auch Roman bedeuten kann.
[14] Zitiert nach Homma Hisao, *a. a. O.*, Bd. I, Tokyo, 1955, S. 311.
[15] Siehe *Meiji bungaku tempo* (Kimura Takeshi), besonders S. 121—170.
[16] *Meiji bungaku kenkyu*, Abschnitt *Meiji no shakai-shosetsu*, Shinoda Taro, S 113 ff.

11 августа, утреннее заседание
Председатель В. Котаньский *(Варшава)*

SHOZEN NAKAYAMA (Tenri-City): WOMAN'S POSITION VIEWED BY TENRIKYŌ*

Roughly, mankind may be divided into man and woman. When one considers human beings collectively, it is usual to mention them as "man", neglecting the importance of woman in social life. This is most clearly seen by the fact that in many languages the word signifying the male sex also stands for mankind. Now what I wish to emphasize is the importance of woman's position in society. Of course, we know that in some old primitive cultures, where matriarchy prevailed, woman held a high position, but subsequently she was forced far below man in social position in all ages and countries. However, the tendency to esteem woman was revived at the end of the nineteenth century or the beginning of the present century. Nowadays, when woman's status in society has been remarkably raised, equality of the sexes is regarded as an everyday affair in all civilized countries. But the fact is that woman is still held in low esteem by some religions, especially by established religions, in which both sexes are deemed equal only intellectually. This condition prevails much more widely in Asiatic countries, where male supremacy has been unquestioned until recently.

However, essentially this point of view is not held in Tenrikyō. It should be noted that woman is in no sense placed on a lower plane than

* Ввиду болезни автора доклад зачитал Кушёси Кисаки.

man in Tenrikyō. We should rather say that she is regarded on a plane equally important to that of man and that she is free and emancipated. In this paper I am exclusively concerned with how her status is represented according to Tenrikyō doctrine and how it now stands in actual fact.

Some people may maintain that this characteristic equality of the importance of man and woman is not surprising in view of the fact that Tenrikyō is a new religion founded in modern Japan and that it was inevitably influenced by the trend and social environment of modern thought. But there is some evidence against this argument, as some characteristics of Tenrikyō cannot be explained by the circumstances of the time in which this religion was founded in 1838 in the central part of Japan, then called Yamato Province. For the emancipation of woman in modern Japan was to take place later than that time; it was commonly agreed in the Japan of those days that woman should be subordinate to man. Then and there female virtue consisted in resignation to a position in life below man.

In the Meiji Constitution, enforced in 1889 (the 22nd year of Meiji), in which the Japanese parliament was also opened, woman was still prohibited from joining a political organization or participating in an assembly for political discussion, which fact clearly showed that she had no importance whatever. Religion in particular, which had until then associated pollution, lack of culture, and witchcraft with woman because of certain physiological phenomena peculiar to her and because of her inferiority of intellectual attainment and physical force, only began to lift unfair restrictions in her acts of worship about that time. In professional priesthood, women were excluded from important positions, except that certain kinds of women believed to be psychic mediums played a central part in popular belief and that unmarried girls were allowed to take part in special religious rites.

Quite contrary, however, to the idea based on those old manners and customs, Tenrikyō was unique in regarding woman's status originally as important, and its doctrine demonstrated this fact as follows:

In the first place, the first step Tenrikyō took for salvation was to protect woman in childbirth, which was then considered to be the biggest crisis of her life, and to secure for her safe delivery and rapid convalescence. It was this part of salvation that intimately concerned all women and what they were most anxious about or afraid of, because it might possibly bring calamity to their homes. It meant salvation both to a woman and to her whole family.

Secondly, the Foundress of Tenrikyō did not teach that woman was more unclean than man. Woman had been associated with pollution in the older religions on account of the menstruation peculiar to her sex. Even woman herself in those days regarded this physiological occurrence as an unclean, shameful period and gave it another name of "the trouble of the month", whereas the Foundress called it "flowering". "Just as the pumpkin and the egg-plant in a vegetable garden bear fruit after flowering, so woman is destined to give birth to a baby after menstruation ceases. The 'monthly trouble' must be, so to speak, a period of flowering preceding fruitbearing. She is not stained by any taint of pollution". Teaching her followers in this way, the Foundress insisted that woman herself is not stained by anything.

Thirdly, from Tenrikyō's point of view, woman is in no sense lower in social standing than man, but both are originally equal. If they live with well-governed minds, there is no essential difference in personal value between

both sexes. In the Holy Scripture or *Ofudesaki*, the Foundress' own writing, she compared those who were engaged in the work of God the Parent according to His wishes to "timber" which was used for construction work. In speaking of the need to collect a lot of trees to be made into what she called "timber", she said as follows: "There is no distinction between the male and the female pine. Both are called together in accordance with the wishes of God the Parent". She taught thereby that there is no distinction of social standing between both sexes of mankind.

Fourthly, woman is, from the standpoint of Tenrikyō, not an evil spirit, but an important foundation of the religious faith of her family members. The Foundress suggested the new part she was to undertake by the phrase: "Woman is the foundation of the faith", which is used today as the motto of the Tenrikyō Women's Association and most widely accepted and constantly kept in mind by its members.

Now, in the fifth place, let us next consider what the Foundress thought female characteristics should be in contrast to those of the male. The main difference was that it was the primary duty of woman to give birth to a child and bring it up. A male is incapable of this by nature; nor can a female be pregnant, if alone. Pregnancy is only possible when man and woman copulate. It is the function of a woman to carry a child in her womb and give birth to it when the time comes. The Foundress always urged her women followers to be fully conscious of this irreplaceable part they must take in society.

In the sixth place, woman is passive by nature in contrast to the activeness of the other sex. In so saying, however, I do not mean that she represents the negative counterpart of the positive in man or that both sexes stand for polarity as in Chinese philosophy. Yet the female sex has an expansible nature and an acquisitive mind, whereas the male is characterized by motivity, activity and dynamics. The Foundress, speaking of the Divine Functions of protection, mentioned the pattern of the male sex as the seed, and that of the female sex as the seed-bed. We can well understand what she meant by this metaphor and it is only natural that woman's function is childbirth as a manifestation of this characteristic.

Next, in the seventh place, such being the case, the essential nature of a woman should be mildness and kindheartedness, which the Foundress suggested implicitly in her teaching. This can be known from her idea that the fundamental function of God the Parent, which may seem antagonistic in its two-fold nature yet is united, is represented by the moon and the sun; that the gifts from these two heavenly bodies are moisture and warmth respectively, according to Her teaching, and that God has made the matrimonial relations of husband and wife similar to the cooperative workings of the moon and the sun. Accordingly, a woman who lacks a kind nature is totally disqualified to be a woman on that account.

In the last and eighth place, the Foundress attributed a natural inclination toward joining and perseverance to a woman. It is peculiar to her in contrast to such requisites of man as activity and support. The Foundress also spoke of woman's capacity to "stick it out" or her unbreakable tenacity. And, of course, she is the stronger when she does something out of true sincerity and not merely for the sake of appearance or courtesy.

Now, this view of woman peculiar to Tenrikyō doctrine is also seen in actual practice.

Firstly, the *Tsutome* (Divine Service), the most important of the Tenrikyō rites, including the *Kagura* service which is performed only at the

Tenrikyō Mother Church situated at Tenri-City, is done by ten people — five men and five women, accompanied by nine musicians — six men and three women. The *Teodori* Service is, as a rule, devoted to God by three male and three female performers, with six male and three female musicians accompanying them. This service is performed at branch churches in different places. All this proves that women are treated on an equal footing with men in priesthood.

Secondly, there are many women who act as heads of branch churches and are responsible for the guidance of their congregations. Out of about 15 000 churches, there are nearly 5000 (or one-third of the total number), whose principal priests are women.

In the third place, a glance at the number of female priests will show woman's status in Tenrikyō. Out of the total number of about 100 000 priests, women occupy 54% at present, men making up the other 46%.

In the fourth place, the number of women followers will also serve to prove the truth of my statement. People who, being especially interested in Tenrikyō teaching, have attended its special lectures nine times, became convinced of its truth, and received the "Holy Grant", are called *Yōboku* (in its literal sense, "timber"), in the phraseology of the *Ofudesaki*, the Foundress' own writing mentioned above, and can give divine aid to the unconverted public. Now the *Yōboku*, numbering 400 000, although still secular, may act as male or female priests or help priests to do missionary work. It should be noted that out of this total numler 260 000 are women, the balance being men.

In the fifth place, apart from this numerical comparison, women are, in many cases, also much more devout in their belief than men, and this is true not only of followers, but also of missionaries. And those women missionaries have especially distinguished themselves in spreading Tenrikyō. Moreover, it often happens that male workers devoted to the service of God are supported by their no less pious wives at home. There are also not a few cases where the conversion of all the members of a family may be attributed to a pious housewife. In this way the female sex is really an admirable means of expansion of the Tenrikyō faith.

To conclude: Tenrikyō attaches much importance to woman's status in sharp contrast to the traditional view of woman as an inferior being, based on the Asiatic idea of male supremacy. But in so saying I do not mean to belittle the opposite sex. What I really mean is, that both sexes should help each other — each with its own sense of responsibility and its own peculiarity. What counts is, that both of them should be "united into one". By this union, however, I do not signify a uniformity requiring each sex to perform the same function. On the contrary, the Foundress expected both sexes — each with its own characteristics — to co-operate to advance toward one and the same goal, helping each other and respecting each other's position. In the Tenrikyō doctrine, it is taught that "two are united into one" as its fundamental truth. In that case, it is expected that both sexes, different in function yet co-operating with each other, will perform the same task. Tenrikyō expects that the real happiness of human life can be realized only when both male and female members of society function with their respective well-governed minds, according to the divine truth that "two are united into one".

TADASHI IKEDA (London): SOME ASPECTS OF CHINESE AND INDIAN INFLUENCE IN JAPANESE LITERATURE

As is well known, Chinese and Indian influence on the ancient culture of Japan was considerable. The Japanese language was influenced by the introduction of the Chinese script, and the literature by the introduction of Chinese Buddhist and other stories and legends in the VIth and VIIth centuries. In this short talk I propose to discuss one of the lesser-known of these foreign influences, namely that of Sanskrit phonetics on Japanese poetry.

It has been said that the use of rhyme in Japanese poetry is almost impossible, though the division into lines, according to the number of syllables, can make the poetry rhythmical.

But in the XIIIth century there were in fact rules of rhyming of a sort. These are found in *Chikuenshō* (竹園抄), a critical essay on Japanese poems of the *Waka* type, which was written by Fujiwara Tameaki (藤原為顯) probably between 1270 and 1280. These rules are called *Goon-renjō* (五音連声) and *Goon-sōtsū* (五音相通).

According to *Chikuenshō*, these are very important rules though they were little known among poets. Let me explain them with a few examples.

Honobonoto ochinotoyamani kinakunari shibashikatarae negurasadamete

The vowel at the end of each phrase is the same as that at the beginning of the next. This is called the rule of *Goon-renjō*.

Here is an example of the next one: —

Asagasumi morinokozuemo mienumade tachikakushikeri hananokawashite.

The consonant at the end of each phrase is the same as that at the beginning of the next. This is called the rule of *Goon-sōtsū*. The system of these rules is based on the "Diagram of fifty syllables" (五十音圖), which is as follows:

a	*ka*	*sa*	*ta*	*na*	*ha*	*ma*	*ya*	*ra*	*wa*
i	*ki*	*shi*	*chi*	*ni*	*hi*	*mi*	*i*	*ri*	*wi*
u	*ku*	*su*	*tsu*	*nu*	*hu*	*mu*	*yu*	*ru*	*u*
e	*ke*	*se*	*te*	*ne*	*he*	*me*	*e*	*re*	*we*
o	*ko*	*so*	*to*	*no*	*ho*	*mo*	*yo*	*ro*	*wo*

The lines of syllables beginning with a voiced consonant, *ga za da ba* were considered the same as those with the corresponding unvoiced consonants *ka sa ta ha*, because the same Japanese symbols were used for the syllables of both lines.

Also there were certain rules of composition which made the poems read more smoothly. These are found in many critical essays on *Waka* from the early Heian period (IXth and Xth centuries) onward when the foreign, *i. e.* Chinese, culture was gradually being assimilated.

When Chinese poetry was introduced into Japan, its rules had a great influence on Japanese poetry, particularly in the Heian period; to be able to write in Chinese, whether in poetry or prose, was considered more important than to be able to write in Japanese. And some of the Japanese poets left essays about how to adapt the Chinese poetry rules. The earliest

example is *Kakyōhyōshiki* (歌経標式) written by Fujiwara Hamanari (藤原浜成) in 772 A. D. and a later representative one is *Shinsenzuinō* (新撰髄脳) written by Fujiwara Kintō (966—1041). But the rules were badly adapted, because Chinese poetry had rhymes which Japanese poetry did not possess.

But as the result of trying to adapt the Chinese poetry rules, Japanese poets became more conscious of the fact that *Waka* consisted of units of 5, 7, 5, 7, and 7 syllables and that they should read smoothly. These units were considered to resemble the units of a Chinese poem. I think this tendency was the first and necessary prerequisite for the establishment of *Goon-renjō* and *Good-sōtsū* which I am discussing here.

The author of *Chikuenshō*, Fujiwara Tameaki, says that one should avoid discordant letters in *Waka*. For instance, in "*Yamawamina akitozomiuru kigiwahaya tokorodokoroni momijishinikeri*" the repetition of "*wa*" (in "*yamawa*" and "*kigiwa*") is unpleasant.

One must avoid certain particles which are discordant either within one half of a *Waka* or anywhere in one whole *Waka*, as shown above. The more strict and detailed rules of this kind are originally found in *Kakyōhyōshiki* (哥経標式), though they are imitations of the Chinese poetry rules. That repetition of letters should be avoided when they are discordant, and that a poem should read smoothly, are very important precepts for poetry writing.

But how did the poets manage in practice to avoid such discordant letters in *Waka* and make *Waka* fluent? Here I think I must talk about Shōmyō and also "the diagram of fifty syllables".

I think the idea of linking the units of a *Waka* probably came from Shōmyō (声明). Shōmyō is vocal music recited in Sanskrit, which was written in Chinese characters used phonetically, in Chinese, or in Japanese. Shōmyō was first recited at the ceremony of 'opening the eyes' of the great Buddha at Kamakura in 752.

And there is a useful passage in *Sengenshō* (仙源抄) written by the emperor Chōkei (長慶天皇) soon after 1278. It says "When one reads the same word twice in succession, the sound of the two words sometimes differs. In Sanskrit grammar there is a rule called Renjō, and whenever one reads the Sutras the sounds of words are sometimes changed for the sake of euphony; both these are phenomena similar to the above".

When they recited Shōmyō, the monks had to analyse the sound of the final unit of a "Gatha" (a Buddhist text in verse) in order to find what sound, according to the mass being performed, was suitable for starting the next unit, so that the harmony of the recitation as a whole was not disrupted and a pleasant rhythm was created. This rule was called "Renjō" (Sandhi of Shōmyō) which was adapted from the Sandhi of Sanskrit.

But there still remains the question of how "the diagram of fifty syllables" which I mentioned above, was adapted to *Waka* for making them read smoothly. It is said that "the diagram of fifty syllables" was influenced by Sanskrit and devised in order to identify the sound of Chinese in a Japanese way. A Japanese monk, Kūkai, (空海, 774—835) who had been to China, brought the Sanskrit book called *Bonji-shittan-jibo narabini shakugi* (梵字悉曇字母并釈義). There were also other Sanskrit scholars after him, such as Myōgaku (明学, 1056—1122?) and Annen (安然, 841—915). And it is recognized that they achieved a high standard.

When they studied Sanskrit, they naturally had to deal with Sandhi. For example in *Shittan-yōketsu* (悉曇要決, *The essential content of Sanskrit* written after 1101) by Myōgaku, one of the chapters was devoted to Sandhi. Also in *Shittan-yōketsu* (Taishō Tripitaka No. 2706, vol. 1) there is a passage which should not be overlooked. "*Bon-bun ōku KI SHI ai-tsūzuru* (or *sōtsū suru*) [*yuenari*]". This means that "[This is because] in Sanskrit *KI* and *SHI* are interchangeable". You will see that this example deals with the second horizontal line of "the diagram of fifty syllables". Instances of this kind are found in many notes and essays on *Waka* in the Heian period. In 1177 Fujiwara Norinaga (藤原教長) composed his notes on *Kokinshū* (古今集, *Collection of Ancient and Modern Poems*, 905); an example is as follows:

"*Ume* was formerly read *Mume*. It is often read in this way in the *Manyōshū* (万葉集)".

Also Fujiwara Norikane (藤原範兼? — 1165) had a passage in his book "*Dōmōshō*" (童蒙抄), — "*Zu* and *Zi*(*Ji*) are identical".

Also Fujiwara Kiyosuke (藤原清輔, 1104—1177) says in his *Ogishō:* (奥義抄) "'*Tanomo*' means '*Ta no omo*'. Since *O* and *Mo* both occur in the same vowel line, in this word one is assimilated to the other".

Examples of this kind are found in numbers in many essays on *Waka*, and were used mostly for the explanation of the meaning of the words.

At the time when *Chikuzenshō* was written this method of explaining the words was very popular. The one which deals with the horizontal line of "the diagram of fifty syllables" was called *Dōkyō* (同韻) and the one which deals with the vertical line was called *Dōon* (同音). It is not surprising then that the letters were considered as interchangeable within the vertical lines and within the horizontal lines.

On these grounds when a poet tries to link the units of *Waka* smoothly, he may do so, either by using the letters of the vertical line of the diagram of the fifty syllables or by using the letters of the horizontal line. The latter method, called Renjō after the Renjō of Shōmyō, was adapted from the Dōkyō which we have just mentioned, and the name, Renjō, came from the Renjō of Shōmyō, and thus ultimately from Sanskrit. The former method, called Sōtsū, was adapted from the *Dōon* which we have also just been discussing; the name Sōtsū is found in *Shitan-yōketsu* and in the critical essays on *Waka* of the eleventh and twelth centuries.

To conclude, let me add some historical background to support what I have been discussing.

As I mentioned at the beginning, the Heian period (794—1184) was a time when the foreign civilization introduced from China was assimilated gradually. The Japanese script was an adaptation of Chinese characters and at the Court, literature flourished, particularly among the court ladies. Refinement in every way was sought after. The Tale of *Genji* was written in the early eleventh century. At the same time among the court nobles, composing a poem was considered socially important, though to be able to write Chinese was still indispensible.

Thus most poets devoted their energy to making graceful poems and especially at poetry contests, they argued about the poems, the appropriateness of the diction, the word-order, the selection of words, and the euphony of the words. And also the meaning of older poems, especially those of *Manyōshū* and *Kokinshū*, was discussed.

As the result the way of composing *Waka* became rather complicated, and in the Heian period there appeared *Goon-renjō* and *Goon-sōtsū*. But after the Heian period *Waka* reached its limits in a sense, and these rules of linking the units became secret traditions, though they were adapted to the "Linked Verse" (both *Renga* and *Haikai*) and also to the verse of the Nō drama.

I should say that *Goon-renjō* and *Goon-sōtsū* had been inappropriate for Japanese poetry, and only effective in Nō drama, which was intended, in the same way as *Shōmyō*, to be recited.

WALTER BÖTTGER (*Leipzig*): BESEELTE STATUEN IN OSTASIEN?

Der Glaube, daß eine Kultfigur erst dann ihren Zwecken gerecht werden kann, nachdem durch Vornahme bestimmter Zeremonien die jeweilige Gottheit von ihr Besitz ergriffen hat, die Statue also «beseelt» oder «geweiht» worden ist, ist allgemein verbreitet. In Ostasien, speziell in China, wurde die Beseelung in der Weise vorgenommen, daß man in die hohle Holz- oder Lehmfigur durch eine an ihrem Rücken angebrachte Öffnung ein lebendiges kleines Tier, z. B. einen Frosch, eine Schlange oder Eidechse oder anderes, hineinsteckte, worauf man die Öffnung verschloß. Auch sind Statuen bekannt, die in ihrem Inneren aus Teig oder Lehm geformte Nachbildungen menschlicher Organe enthielten [1]. Auch Götterfiguren aus kostbarem Material, Sutratexte oder Mantraformeln wurden im Inneren der Figur deponiert und dienten dem gleichen Zweck [2]. Der magischen Belebung diente auch die Zeremonie der sogenannten Augenöffnung, d. h. das Einsetzen oder Aufmalen der Augensterne. Alle diese Zeremonien waren mehr oder weniger auch in Japan bekannt.

Im engeren Sinne versteht man jedoch unter beseelten Statuen solche Götterbilder, bei denen einzelne Teile so angebracht sind, daß sie durch einfache mechanische Vorrichtungen bewegt werden können — z. B. der Kopf, die Arme oder die Hände — oder bei denen durch andere Vorrichtungen der Eindruck erweckt werden kann, als sei das Bildnis in der Lage zu sprechen. Diese Abart «beseelter» Statuen werden auch als «lebende» oder «belebte» Götterbilder bezeichnet.

Nachgewiesen sind Bildnisse dieser letzteren Art bisher hauptsächlich in Ägypten, wo sie gegen Ende des Neuen Reiches (=1. Hälfte des letzten Jahrtausend v. u. Z.) auftreten. Originalbildwerke existieren nicht, doch lassen erhaltene Inschriften und Papyri nach Meinung maßgeblicher Fachleute keinen Zweifel an ihrer ehemaligen Existenz. So wird berichtet, daß das Bild des Gottes Amon-Ré von Karnak, des Amon Pakhoniti von Memphis, des Amon Ta-Shoni und des Khonsu Nofirhatep von Theben, des Totengottes Amenothes sowie das Bild des äthiopischen Amon von Napata und das der Isis von Koptos durch Zeichen ihren Willen kundtaten [3]. In den Texten findet sich für diese Zeichen das Wort *hanu*, welches allgemein «den Kopf schütteln» bedeutet, in anderen Texten ist von «greifen» die Rede. Nur für die sprechenden Götterbilder existieren Originale, von denen eins, eine Statue des Gottes Ré-Harmakhis, von Grégoire Loukianoff veröffentlicht worden ist [4]. Eine sprechende Memnon-Statue beschreibt Juvenal [5] und andere sprechende Statuen aus Ägypten werden von einem unter dem Pseudonym Hermes Trismegistus schreibenden Gelehrten erwähnt [6]. Der spanisch-jüdische Rabbi Maimonides des frühen XIII. Jhs. spricht von «weissagenden Terafim» oder Engelsbildern bei den Juden, die ebenfalls sprechen

konnten [5]. Ähnliche Erscheinungen berichtet Loukianoff aus einem Tempel in Korinth [6]. Hier führte aus einer kleinen, in die Wand eingelassenen Zelle ein langer Kanal durch die Mauer bis an den Altar eines Gottes, und wenn in dieser Zelle ein Priester sprach, erklang seine Stimme vom Altar her als ob der Gott spräche.

Diese beweglichen beseelten Statuen — die Bezeichnung stammt von Gaston Maspero, der sich in mehreren Arbeiten mit ihnen beschäftigte [7] — waren wohl Gliederpuppen, deren Arme, Hände oder Köpfe mittels verborgener Schnüre bewegt wurden. Sie dienten, wie auch die sprechenden Statuen, Divinationszwecken.

Ich wurde auf das Problem der beweglichen und sprechenden Statuen bei der Restaurierung einer japanischen Emma-o-Plastik aus dem Besitz des Leipziger Museums für Völkerkunde aufmerksam, die als Folge der Bombardierung dieses Museums im letzten Kriege arg beschädigt worden war. Diese — eine aus *hinoki*-Holz gefertigte Hohlplastik in sitzender Stellung ohne Sockel von 115 *cm* Höhe, 129 *cm* Breite (an der Basis gemessen) und 90 *cm* Tiefe ist durch drei Inschriften aus den Jahren 1753, 1757 und 1800 einwandfrei zeitlich festzulegen. Die beiden älteren Inschriften sind *in extenso* erhalten und von Prof. Uesugi, Gastprofessor am Institut für Allgemeine Geschichte der Berliner Humboldt-Universität übersetzt worden. Sie nennen unter anderem den Namen des Bildhauers, den Auftraggeber und den Tempel, in dem die Figur zur Aufstellung gelangte. Die jüngste Inschrift ist nicht vollständig erhalten und deshalb bisher unübersetzt geblieben. Folgende interessante Besonderheiten fielen uns bei der Restaurierung der Plastik auf:

a) Tief im weitgeöffneten Munde der Plastik befinden sich zwei erbsengroße, sauber von innen herausgeschnittene Löcher, die eine Verbindung vom hohlen Inneren der Figur nach außen herstellen und wohl als Schallöcher gedeutet werden müssen.

b) In Höhe der Brust befinden sich innen in der Figur im Brust- und Rückenteil zwei in lichter Weite von 30 *cm* parallel gegenüberstehende Einkerbungen unbekannten Zwecks. Sie machen den Eindruck, als seien sie Teile eines nicht erhalten gebliebenen Mechanismus, durch den der Kopf der Plastik gedreht werden konnte. Daß dies möglich ist, beweist ein Vergleich der Maße der Halsöffnung der Plastik (21,5 *cm* mal 20,5 *cm*) und des Durchmessers des Halses (18 *cm* mal 20 *cm*). Auf einen aus unbekannten Gründen entfernten Mechanismus könnte auch der Umstand hinweisen, daß die Halspartie der Figur verkürzt worden ist, wodurch Teile der jüngsten Inschrift verlorengegangen sind.

c) Die Hände der Figur sind nicht starr in die Ärmel eingelassen, wie dies sonst bei japanischen Plastiken üblich ist, sondern beweglich, die rechte horizontal, die linke vertikal. Zwei kleine Löcher an den hinteren Enden der Hände deuten vielleicht ebenfalls auf einen nicht mehr vorhandenen einfachen Mechanismus, etwa in Form kleiner Stäbchen oder von Schnüren. Im Museum durchgeführte Versuche haben ergeben, daß ein solcher Mechanismus leicht zu bedienen wäre, wenn die Figur auf einem Postament steht, in dem ein Mensch verborgen ist.

Aus der mir bekannten europäischen Literatur ist über die Existenz und die Verwendung beweglicher oder sprechender Statuen in Japan nichts zu erfahren. Auch für China habe ich bisher nur einen Beleg für die Existenz beweglicher Plastiken in der europäischen Literatur gefunden. Erkes [8] gibt an, daß sich in der Mittelhalle des von ihm besuchten Tempels Kuan-li-tschen bei Loyang in Honan, in dem das Grab des Nationalhelden Kuan

Yün liegt, ein hölzernes Bild des Kuan-ti befindet, dessen Hände und Füße beweglich sind. Über den Zweck dieser Einrichtung konnte Erkes nichts erfahren. Er vermutet, die Figur sei zu sakralen Puppenspielen oder ähnlichem verwendet worden.

Daß bei sakralen Puppenspielen neben lebenden Akteuren auch bewegliche Holzfiguren mitwirkten, hat A. Bulling in einer interessanten Studie [9] nachzuweisen versucht. Auch die in der klassischen chinesischen Literatur erwähnten Grabfiguren, die *yung*, sollen bewegliche Gliedmaßen gehabt haben [10], und der Kommentar zum *Li-chi*, Kap. *Tan-kung* berichtet, daß sie hüpfen oder springen, sich also bewegen konnten. Nach einer Notiz in der chinesischen Zeitschrift «Wen-wu» [11] sind in Szuch'uan *Han*-zeitliche *yung* ausgegraben worden, die singen und sprechen konnten. Es darf also wohl als sicher gelten, daß die Anbringung mechanischer Vorrichtungen in Holzfiguren in Ostasien, zumindest aber in China, durchaus nicht unbekannt war.

Die Wundergeschichten, die die chinesischen Pilger Fa Hsien, Sung Yün und Hsüan Tsang von ihren Reisen über Götterbilder in Innerasien und Indien berichten, lassen vermuten, daß sich die buddhistische Priesterschaft dieser Länder ebenfalls beweglicher und sprechender Götterfiguren zur Gewinnung von Gläubigen bediente. Diese Meinung wird von C. F. Köppen [12] vertreten. Er schreibt (p. 498): «Man putzte sie (die Götterbilder). . . glänzend heraus, vergoldete sie, schmückte sie mit schimmernden Zieraten, Perlen, Edelsteinen; richtete die Statuen so ein, daß man sie inwendig erleuchten konnte, und fertigte sie deshalb bisweilen aus transparenten Stoffen, oder setzte ihnen Theile, namentlich Augen, aus diesen Stoffen ein, so daß sie nach geschehender Erleuchtung im überirdischen Lichte funkelten,. . . Andere Bildsäulen hatten einzelne bewegliche Gliedmaßen, so daß sie sich beugen, mit dem Kopf nicken, die Hand erheben konnten u. dgl., andere waren beweglich auf ihrem Postamente, noch andere, so scheint es, hatten in ihrem inneren Raum einen Priester in sich zu beherbergen, der die Laute und Worte hervorbrachte, die von den Lippen des Heiligen zu tönen schienen. Dazu wurden Wunder erdichtet, welche dieses oder jenes Heiligenbild getan haben sollte, damit beide Arten von Wundern, das erdichtete und reelle, d. h. Legende und Betrug, sich gegenseitig beglaubigten. In den Jahrhunderten, in welchen die chinesischen Pilger nach Indien wallfahrteten, sah man dort und in den Nachbarländern, in welchen die Buddhareligion Eingang gefunden hatte, wunderthätige Heiligenbilder in Hülle und Fülle: solche, die unaufhörlich oder periodenweise, namentlich an den kirchlichen Festtagen, von innerem Lichte erglänzten, solche, denen übernatürliche Heilkräfte innewohnten, solche, die sich bewegten, Orakel erteilten u. s. w.» Als Belege führt er (p. 499) die von Hsüan Tsang beschriebene Statue des Boddhisattva Avalokiteshvara aus einem Kloster bei Kabul [13] und die der gleichen Gottheit von Magadhas in der Nähe des Ganges [14] an. Diese beiden Statuen öffneten sich vor den Augen der Gläubigen und der Bodhisattva sollte persönlich in lichtem Strahlenglanz daraus hervortreten und zu ihnen sprechen. Ähnliches wird auch von einer Avalokiteshvara-Statue aus einem Kloster in Kashmir berichtet [15]. Eine steinerne Buddha-Statue in Gandhara sollte manchmal einen großen, in der Nähe befindlichen Stupa umwandeln [16], und dasselbe wird auch von einer Avalokiteshvara-Statue berichtet [17]. Hsüan Tsang erwähnt ferner ein Buddhabild, dessen Kuppel sich von selbst bewegte, und sich drehte oder stillstand, je nachdem die Gläubigen, welche es umwandelten, anhielten oder weiterliefen [18]. Schließlich sei noch das Buddha-Bild von Anuradhapura auf Ceylon erwähnt,

daß sich niedergebeugt haben soll, als Räuber seinen Schmuck stehlen wollten [19]. Belege für das Leuchten von Götterbildern sind im *Si-yu-ki* so zahlreich, daß sich Zitate erübrigen. Köppen (p. 500) zitiert auch einen in der Zeitschrift «Ausland» im Jahre 1855 veröffentlichten Bericht, wonach sich in einem buddhistischen Tempel aus dem XVI. Jh., der auf der westlichen Seite des Irtisch südlich von Omsk gestanden hat, eine Maschinerie gefunden hat, «vermöge deren die noch erhaltenen Bildsäulen sich auf einen Ruck erheben konnten». Als Beweis fur die Existenz sprechender Götterbilder sei auch auf Marco Polo verwiesen, der berichtet, daß die Einwohner von Kashmir noch zur Zeit seiner Reise ihre Götzenbilder zum Sprechen bringen konnten [20].

Der Herausgeber glaubt, unter Götzenbilder buddhistische Statuen verstehen zu dürfen. Für die Verwendung der genannten Emma-o-Plastik ergeben sich nach diesen Ausführungen drei Möglichkeiten:

a) entweder konnte sie bei sakralen Totenspielen benutzt werden, wie sie für das Han-zeitliche China gesichert sind, wobei ich nicht anzugeben vermag, ob etwas ähnliches — sei es auch nur als lokale Erscheinung — in Japan im XVIII. Jh. bekannt war;

b) oder sie diente propagandistischen Zwecken, da eine solche Wunderplastik dem Tempel, in dem sie aufgestellt war, starken Zulauf von Gläubigen mit entsprechenden Opfergaben einbringen mußte;

c) oder sie diente Divinationszwecken. Für diese Möglichkeit spricht vielleicht der Umstand, daß Emma-o in seiner Eigenschaft als Höllenrichter den Hinterbliebenen Auskunft über Fragen der Wiedergeburt der Seele eines verstorbenen Angehörigen geben konnte.

Kommen wir auf die eingangs gestellte Frage noch einmal zurück, so scheint es nicht unwahrscheinlich, daß im Gebiet des Mahayana-Buddhismus, dem ja auch Magie und Mysterien nichts Fremdes sind, und damit auch in Ostasien, bewegliche und sprechende Statuen existiert haben. Für das Japan des XVIII. Jhs. erscheint dies jedenfalls durch die an der Emma-o-Plastik des Leipziger Museums für Völkerkunde gemachten Beobachtungen als naheliegend.

ANMERKUNGEN

[1] J. Dyer Ball in Hastings' «Encyclopaedia of Religion and Ethics», Edinbourgh and New York, 1914; (Vol. VII, p. 131), A. S. Geden, *ebenda*, p. 126.
[2] Dietrich Seckel, *Buddhistische Kunst Ostasiens*, Stuttgart, 1957, p. 88.
[3] George Foucart in Hastings' «Encyclopaedia of Religion and Ethics», Vol. IV, p. 793.
[4] «Annales du service des antiquités de l'Egypte», Bd. 36, 1936, p. 187—193.
[5] Lewis Spence, *The Mysteries of Egypt*, London, o. J., p. 232 ff.
[6] *Op. cit.*
[7] Zitiert bei Foucart in Hastings' «Encyclopaedia of Religion and Ethics», Bd. IV, p. 796.
[8] *Gelber Fluß und Große Mauer*, Leipzig, 1958, p. 80.
[9] *Die Kunst der Totenspiele in der Östlichen Han-Zeit.* In: «Oriens Extremus», 3. Jahrg., Heft 1, Juli 1956, p. 28—56.
[10] De Groot, *The Religious System of China*, Vol. II, Book I, Part III, Leiden, 1894, p. 808.
[11] «Wen-wu», 8. Jahrg., Heft 10, Oktober, 1959, p. 3.
[12] *Die Religion des Buddha und ihre Entstehung*, Berlin, 1857, p. 498—500.
[13] Beal, *Si-yu-ki*, Buch I, p. 60, Boston, 1885.
[14] Beal, *Si-yu-ki*, Buch IX, p. 183.
[15] Beal, *Si-yu-ki*, Buch III, p. 160.
[16] *Si-yu-ki*, Buch II, p. 103.
[17] *Si-yu-ki*, Buch IX, p. 172.

[18] *Si-yu-ki*, Buch XII, p. 295.
[19] *Si-yu-ki*, Buch XI, p. 249.
[20] H. Lemke, *Die Reisen des Venezianers Marco Polo im 13. Jh.*, «Bibliothek wertvoller Memoiren», Bd. I, Hamburg, 1907, p. 125.

11 августа, вечернее заседание
Председатель Х. ван Стреелен *(Нагоя)*

КН. EIDUS (Moscow): MEIJI ISHIN AS AN INCOMPLETE BOURGEOIS REVOLUTION IN JAPAN

The essence of what is known as the Meiji Ishin events in Japan in the late sixties and the early seventies of the past century is one of the debatable points in Japanese history.

Some Japanese historians regard the Meiji Ishin events, which found their outward expression in the abolition of the Tokugawa Shogunate and in the restoration of the emperor's powers, as an ordinary palace revolution which did not change the feudal character of the system of government in Japan in those days. Others interpret Meiji Ishin as an incomplete bourgeois revolution. We leave aside the views of conservative and even liberal Japanese historians who lay emphasis on the restoration of the emperor's "divine" rule, "usurped" by the Shogun, as the major aspect of Meiji Ishin.

The overwhelming majority of Soviet historians are unanimous, perhaps, for various reasons, in interpreting Meiji Ishin as an incomplete bourgeois revolution.

In this paper we should like to set out, in brief, the arguments which prompt us to identify the events in question as a bourgeois revolution, though incomplete.

* * *

The standard of evolution of capitalism, or, rather, of capitalistic elements in feudal Japan's industry and agriculture during the Bakumatsu period, i. e. the period which preceded the Meiji Ishin events; in other words, the question as to whether the conditions were ripe at that stage for a bourgeois revolution in Japan, gave rise to much controversy among progressive Japanese historians as early as the 1930s.

Hattori Shiso, a noted historian, and his followers, considered that Japanese industry during the Bakumatsu period was in the manufactory stage. Yet, at the same time, he totally denied the possibility of any capitalism sprouting in Japan's agriculture in those days.

Another prominent scholar, Tsuchiya Takao, held that the industry of the Bakumatsu period was dominated not by manufactory production, but by the antecedent system of domestic craft industry which worked for the buyers-up. On the other hand, he maintained that the agricultural landlordism of that period was based on a comparatively free type of landlord-tenant agreement, thus representing the embryo of the capitalist system of landownership and capitalist farming [1].

To decide whether there was a capitalist mode of production in feudal Japan during the Bakumatsu period and how far it was developed is, of course, essentially important for solving the problem of Meiji Ishin as a bourgeois revolution. Yet, it is another aspect of the question that we should like to stress in this context, namely, to what extent the relations of production

which arose from the Meiji Ishin events in Japan must have corresponded to the level of the productive forces in Japan at that time.

It seems to us that the law of indispensable correspondence of the relations of production to the character of the productive forces must not be understood mechanically. This law does not, in our judgement, imply a mechanical conformity of the relations of production to the character of the productive forces. It operates, first and foremost, against the conservative forces, feudal in this case, which hamper the progressive forces, capitalist in this case, developing in the country.

Whatever the evaluation of the level of development of the capitalistic elements in feudal Japan of the Bakumatsu period, one thing is certain, and this is that a capitalist mode of production did develop there surely, if slowly, this development being increasingly handicapped by such feudal institutions as the feudal system of land-ownership, the craft-guild system, the feudal state and the country's feudal fragmentation, etc. The objective economic law required these obstacles to be removed, and so they were as a result of the bourgeois revolution.

Let us compare this to what took place during the bourgeois revolution of the XVIth century in the Netherlands. Capitalistic elements there were, undoubtedly, very weak as yet, but they were steadily developing, and the bourgeois revolution had to tear down, to a degree, the obstacles that stood in the way of that development.

Bourgeois revolutions take place in the specific historical conditions of each country. In the Netherlands it was in the shape of a national movement for liberation from the rule of Spain which was then the main reactionary force which obstructed the advance of capitalism. In Japan the bourgeois revolution grew into an anti-feudal struggle against the Tokugawa Shogunate. At the same time, the revolution incorporated appreciable ingredients of a national liberation movement because the people's action was directed against foreign capital which was bringing Japan under its power.

During the Bakumatsu period feudal Japan was in the throes of a crisis brought on by the extremely accentuated internal contradictions. The home crisis was aggravated at that time by the invasion of the country by foreign capital and by its incorporation within the sphere of the world capitalist market. Although we do consider the domestic factors to be of supreme importance, we cannot ignore the external factors either. The "opening up" of the earlier "closed" feudal Japan to other advanced capitalist countries (the United States, Britain, France and others) in the 1850s, gave a further fillip to the development of capitalistic elements in Japan in those times [2].

Concerning the importance of Japan's "opening", Marx wrote: "The true objective of the bourgeois society is to establish a world market, at least in broad outline, and a system of production based on it. Since the earth is round, this process must have ended with the colonisation of California and Australia and with the opening of China and Japan" [3].

When we speak of Meiji Ishin as a bourgeois revolution, the natural question is, what classes were involved in that revolution and who led it. This was also a point of debate among progressive Japanese historians. Some of them, as, for instance, Hani Goro and his followers, consider the peasants to have been the Meiji Ishin motive power. Others, like Toyama Shigeki, maintain that the prime movers were the low or low-ranking *samurai*. Still others, such as Hattori Shiso, hold that the major force of the revolution was the bourgeoisie which headed the movement of the lowest-ranking *samurai*.

We do not pretend to settle the issue or to take one point of view to the exclusion of the others. Yet, we want to stress the point that a revolution, or any social movement for that matter, must not be treated statistically, *i. e.* by counting the number of the representatives of this or that class involved in the revolution or the movement, or, as in case in question, by counting the number of peasants, *samurai* and the representatives of the bourgeoisie involved in the Meiji Ishin events. The character of any revolution is determined by the social objectives it attains, the class interests it serves and the kind of classes objectively interested in its development.

It is beyond doubt that the numerous peasant uprisings in Japan during the Bakumatsu period, and the related anti-feudal uprisings in the cities (*uchikowashi*), severely shattered the Tokugawa feudal system.

It is just as certain that a great role in the Meiji Ishin events was played by the low-ranking *samurai*, notably, such as Okubo, Goto, Ito and others, most of them coming from small gentry. There is nothing surprising about it. There was a large proportion of nobility involved in the Dutch, English, and French bourgeois revolutions. The estate affiliation is not enough to identify the class nature of an individual, or even a group of individuals. It is more important to find out the interests of what class these *samurai* defended objectively (*i. e.* not even subjectively), whose class interests their struggle objectively promoted.

Toyama Shigeki, a great authority on Meiji Ishin, who, however, overstated, in our judgement, the role of the low-ranking *samurai* in these events, writes that the low *samurai* expressed the interests of the wealthy peasants and merchants [4]. These *samurai*, due to their social or, rather, class standing, were close to the bourgeois elements, notably, to the village bourgeoisie. Both the former and the latter fought for the freedom of business activity, capitalist in character. The struggle of the low-ranking *samurai* during the Bakumatsu period, by its class nature, was also a struggle for new capitalist relationships, against the old feudal relations [5].

Another question to decide in order to determine the character of a revolution is what class or classes it brought to power. This was also a point of controversy among progressive Japanese historians. The historians who refused to accept the theory that Meiji Ishin was a bourgeois revolution, considered that the reins of power after those events remained in the hands of the feudal elements which established a feudal-absolutist monarchy — the absolute monarchy of Meiji — on the ruins of the Shogunate. Other historians who regarded Meiji Ishin as a bourgeois revolution believed that it had given power to the bourgeoisie.

What is our opinion on this?

We presume that the Meiji monarchy cannot be regarded as a Bourbon- or Tudor-type feudal-absolutist monarchy of the late medieval times. The class basis of those monarchies was formed, in the main, by feudal landlords, although the bourgeoisie was arriving on the scene of history. In Japan, on the other hand, the feudal lords were divested of their feudal rights of ownership of land and people after the Meiji Ishin events, and could be no basis for the monarchy that had emerged.

Our view is that Meiji Ishin brought to power a bloc of two classes — landlords and the big bourgeoisie. The land-owning class was not uniform. It comprised both the landlords of feudal-*samurai* origin and the "new" landlords of bourgeois and peasant origin. The Meiji monarchy was a reactionary dictatorship of a landlord-bourgeois bloc. This bloc was created through a compromise agreement between the landowners and the big bourgeoisie

in face of the surging movement of the masses. There was no complete unity within the bloc, nor, indeed, could there be, for there were serious contradictions between the landlords and the bourgeoisie who often fought each other over their divergent interests. Yet, both classes were united in their action against the oppressed masses.

The landlord-bourgeois bloc was headed by the monarchy. The latter threw the whole weight of its armed strength and civil administration machinery to protect the common interests of both classes against the people. Using the machinery of its power, the Japanese monarchy or, rather, the bureaucratic military and civil officialdom, with the monarch-emperor (*tenno*) at its head, played a certain independent role, too.

For this reason, it seems to us that the Meiji monarchy was not feudal. Nor can it be considered to have been a bourgeois monarchy in the early stages of the revolution after 1868. Meiji was a landlord-bourgeois type of monarchy, which was gradually growing into a bourgeois type of monarchy.

A further aspect of the problem of Meiji Ishin as a bourgeois revolution is that of the changes it brought about in agrarian relations, This, too, was a point at issue among progressive Japanese historians. Some held that the land rent resulting from the post-Meiji Ishin agrarian reform was of an intermediate and transitional type, half-way between the feudal and capitalist rents. Others believed the rent to have remained wholly feudal [6].

The latter view seems doubtful. Feudal land-ownership was abolished after the 1873 agrarian reform, as is known. Land-tenure began to be based on the bourgeois, rather than feudal, right of ownership, notably, on the freedom to buy and sell land. Since there was no more feudal ownership of land, there could be, in our view, no predominance of the feudal type of feudal—peasant relationship either, and, consequently, the land rent could not have remained feudal.

Some feudal survivals did, of course, linger on in the Japanese countryside after the 1873 reform. In particular, the lease of land, which became widespread in the countryside following the reform, involved semi-feudal fetters, such as payments in kind. Yet, the relations between the landlord and the leaseholder, with their class nature being determined by the persistence of feudal survivals, differed from the feudal type of relationship. Feudal domination of the peasants rested on the feudal system of land-ownership, involving the peasant's personal dependence on the feudal lord. In other words, it was based, in large measure, on non-economic coercion, while the landlord's rule over the leaseholder rests, in the main, on the bourgeois system of private land-ownership, *i. e.* primarily on economic coercion. (In the latter case, political and ideological influences do, of course, matter, but the major factor is the leaseholder's economic dependence on the landlord).

These are, in brief, the main arguments which permit us to identify Meiji Ishin as an incomplete bourgeois revolution.

Why do we consider the revolution incomplete? We do so because it left over many feudal survivals which long lingered on in various aspects of Japanese life.

Economically, these feudal left-overs found expression in the existence of parasitic landlordism, the fettering lease of land, the leasehold payments in kind, usury that entangled the bulk of the peasantry etc. As capitalism developed in Japan, these feudal survivals, while persisting mostly in the countryside, influenced other aspects of the Japanese economy as well:

they obstructed the development of the home market, affected the structure of Japanese industry (a multitude of small-scale enterprises) etc.

Politically, these feudal survivals found expression in the immense role of the monarchy, in the long-continued and predominant influence of the landlords within the ruling landlord-bourgeois bloc, in the land-owners' political domination of the countryside, in the extensive influence of the military, etc.

Socially, the feudal survivals were expressed in the conservation of the patriarchal pattern of the Japanese family, in the oppressed position of the Japanese woman, in the preservation of a special caste of outcasts (*eta*) etc.

At a later stage these survivals affected the position of the working class, too, by rendering its exploitation semi-colonial in character and leaving a definite imprint on labour—capital relationships (paternalism, the recruitment of village girls for work on fettering terms at textile and other enterprises, the institution of foremen, backward forms of wage payment, notably, payments in kind etc.).

Even when Japanese capitalism reached its monopoly stage and grew over into imperialism, the latter, due to the still extant feudal survivals, acquired the specific features of the military-feudal type of imperialism, *i. e.* the kind of "newest-capitalist" imperialism which is enmeshed in a particularly dense web of pre-capitalist relationships. The military-feudal nature of Japanese imperialism intensified its internal contradictions and was particularly instrumental in impelling it down the road of external expansion and armed aggression in its quest for a way out of these contradictions.

This is our view of the Meiji Ishin events which paved the way for the advance of capitalism in Japan and laid the groundwork for the new, capital ist state.

To conclude, we should like to refer to Kotoku Shusui (1871—1911), the outstanding Japanese theorist and revolutionary, who regarded Meiji Ishin as a bourgeois revolution. Here is what he wrote in his treatise *The Essence of Socialism* in 1903: "The history of society is a chronicle of revolutions. Human progress is a result of revolutions. Just try to imagine what mankind's stage of evolution would have been if England had produced no Cromwell in his day, if no American independence had ever been proclaimed, if the French people had not established a republican system of government, if feudal fragmentation had endured in Germany and if there had been no unification of Italy and no Meiji upheaval in Japan [7]".

In other words, Kotoku Shusui ranked Meiji Ishin alongside other great bourgeois revolutions.

We presume that this outstanding Japanese revolutionary and thinker, who fell victim to Japanese absolutism, succeeded in coming very near the right approach to the Meiji Ishin problem.

NOTES

[1] See Toyama Shigeki, *Meiji Ishin*, M., 1959, p. 36—37.

[2] Speaking of the effect the country's "opening up" had on its economy, the distinguished progressive historian, Toyama Shigeki, writes: "The rising demand due to the export of raw silk, tea, various half-finished products, foodstuffs, was destroying the natural economy of the countryside which produced these goods, and diverting it towards commodity economy. Meanwhile, the increased demand for, and improved quality of, exported goods went far towards speeding up the rate of industrial progress

and the emergence of manufactories as well as of the new, capitalist forms of domestic industry", *ibid.*, p. 100.

[3] K. Marx and F. Engels, *Works*, v. XXII, p. 362.

[4] Toyama Shigeki, *ibid.*, p. 149.

[5] It is not accidental that the Meiji Ishin events should, shortly afterwards, have had the effect of changing the class structure of society, abolishing the estates, lifting the restrictions on business activity, including that of the *samurai*, producing an agrarian reform which abolished feudal land-ownership, and opening up the way for the rapid advance of capitalism in Japan.

[6] Toyama Shigeki, *ibid.*, p. 38.

[7] Quoted from G. D. Ivanova's *Kotoku — Revolutionary and Literary Activities*, M., 1959, p. 25.

По докладу выступили К. Иноуэ, М. Фукусима и Ф. Мория.

MASAO FUKUSHIMA (*Tokyo*): ZAIBATSU AND THE JAPANESE FAMILY SYSTEM SEEN THROUGH THEIR FAMILY CONSTITUTIONS

The so-called *Zaibatsu* was semi-feudal big monopolistic capital, which wielded overwhelming influence over the pre-war Japanese economy, having developed under the special protection of the political power since the beginning of the Meiji Era. This type of big business capital had as its core the family ties, which retained typical elements of the feudalistic family system. This family was the subject of all proprietorship, and with the modern organ of administration subjected to it, it reigned over the whole concern. It is an indication of one of the characteristics of the retarded Japanese capitalism that the older and the new elements could be thus combined without contradiction into a compound which was well adapted to the pre-surrender Japanese capitalism.

The *Zaibatsu* was an enormous Family Group, consisting of a number of related families, represented by the Head of the Main Family, and equipped with the organ for the administration of the whole body. This Family Group had a private code of written law called *Kaken* (Family Constitution) or *Kaho* (Law of the House), and these were revised from time to time to bring them up-to-date.

It is the object of this report to investigate into the normative structure of the *Zaibatsu* Family in its relation to the Japanese family system, and at the same time to clarify how this normative structure functioned in the course of formation and developement of the *Zaibatsu* capital.

I. The Legal System of *Ie* (The Family, or the House)

The Japanese family law, as a state law, constitutes a part of the Civil Code. It was enacted and promulgated in 1898, and was drastically revised after the Second World War, in April 1947, in accordance with the fundamental principle of the New Constitution.

The basic characteristic of this Family Law was that the whole structure of family relationships was based upon the family group called *Ie* which was transmitted from generation to generation, instead of the family being based on marriage relationship of husband and wife. There was no individual who did not belong to an *Ie*. Each *Ie* was registered in the Family Register [1], but it was a common phenomenon that after a lapse of time, the real family relationships would drift away from what had been recorded

in the Family Register[2]. The Head of the *Ie* represented this group, and had a powerful authority to control the establishment of branch families. marriage, adoption etc., of its members. This authority over the activities of the family members was compositively termed *Koshu-ken* (the right of headship of the house) [3]. The eldest son was the sole heir to theproperty of the head of the family.

There was a special law for the Emperor and the Imperial Family, enacted at the same time with the Meiji Constitution in 1889. It was called the Imperial House Law, and with the special object of continuing the "Line of Emperors unbroken for ages eternal"; this law laid down provisions different from those of the Civil Code. For example, it did not recognize an Empress as the head of the nation, prohibited adoption, and the Throne passed to one of the male descendants, but including sons of concubines [4].

This system of *Ie* had a markedly feudalistic character. However, it should be noted that before the Meiji Era, during the Tokugawa period, the family system in Japan was much differentiated according to the various classes of the hierarchical feudal society. The system of *Ie* was developed among feudal lords and vassals, and also among big merchants and landlords, but according to the custom among the common people, family relationships were more democratic. Though the Meiji Government abolished the warrior class, on the other hand it preserved the main structure of the family law of the warrior class in the Civil Code.

Nevertheless, in order to make the Civil Code adaptable to the capitalistic economy, it was necessary and inevitable to make concessions and borrow some elements from the individualistic laws of the western countries. For this reason, the Family Law of the Civil Code was of a blended nature, containing a considerable element of individualism side by side with its markedly feudalistic character. In the Tokugawa period, the property of a family belonged to the *Ie* as a group, and was not regarded as private property of the head of the family. However, in the Meiji Civil Code, the family property was made completely into the private property of the Family Head as an individual [5], and the other family members were allowed to have their own separate properties, which were to be divided among their descendents after their death.

At the same time, even though the Meiji Civil Code retained much of the laws prevalent among the warrior class, it was difficult under this Code to retain intact the normative structure of the big extended family system characteristic of the feudalistic ruling class; and the relationships within the hierarchical Family Group and between the Main Family and the branch families were only imperfectly reflected in the provisions of the Civil Code.

II. Family Constitutions of the Tokugawa Period and Those of the Meiji Era

The structure of the core of the *Zaibatsu* group is very closely related to the above mentioned system of *Ie*. It retained the characteristic form of the *Ie* system, and it was with the aim of developing the management of their enterprises, using this system as the basic structure, that the Family Constitution was laid down. Therefore, the Family Constitution had two sides: one was taken over from the Family Constitution they had during the Tokugawa period, and the other contained elements newly added in accordance with the requirements of the capitalistic society.

Some of the *Zaibatsu* families derived their origin from the families which were already influential during the Tokugawa period with their wealth based on usurer-merchant capital, while some of them were the families of newly risen industrial capitalists. The older families already had their Family Constitutions or Laws of the House in the feudal days; however, they were revised in the beginning of the Meiji Era; on the other hand, the Family Constitutions of the newly risen *Zaibatsu* families also contained some elements which were copied out of the Constitutions of the older families.

The big merchants of the feudal society of the Tokugawa period were financially powerful enough to make feudal lords deferential to them. But they were not so enterprising as the bourgeoisie of the European Middle Ages who resisted the feudal rule, forming municipal corporations, and took initiative in introducing a new age. They were parasitical to feudal-lord economy, and acquiesced in their status in the hierarchy of the military, agricultural, artisan, and merchant classes, devoting themselves to accumulating wealth through diligent attendance to the traditional trade of the family. Around the middle of the Tokugawa period, they came to have Family Constitutions or Laws of the House of their own, thus extending their regulations over to their posterity. They included such passive and conservative instructions as obedience to the decrees of the feudal lords, thrift and diligence, and prohibitions of speculation and starting new enterprises, side by side with the instructions to strictly preserve the order of the *Ie* system. The idea of family property was emphasized, and the duty of superintendance of the family property was regarded as pertaining to the status of the 'Family Head', until it passed into the care of his son and heir through succession. And there were also strict regulations for the control of the relationships within the *Dozoku* group (an extended family group with a number of branch families organized around the Main Family).

After abolishing various feudalistic restrictions with the aim of encouraging a rapid development of industry by forceful accumulation of industrial capital, the Meiji Government granted all sorts of material benefits to merchants and industrialists out of the tax income obtained by heavy exploitation of the peasant class. The capital which succeeded in gaining governmental support came to be a *Zaibatsu*. In this process, the big merchants who lacked initiative and talent needed to take advantage of the opportunity all fell out of the ranks. In this sense, the moments of formation and development of the *Zaibatsu* are of an extraordinary political character.

The traditional *Ie* has a nature practically akin to that of a corporation in that it was regarded as a body standing over and above its constituent members. The *Zaibatsu*, which usually had the organization of *Dozoku*, found it convenient for accumulation of capital to retain this organization. The Meiji Civil Code, based fundamentally on the *Ie* system with primogeniture, was suitable to this requirements of the *Zaibatsu*; but it had its limits in the adaptation to the requirements of the *Zaibatsu* as it contained elements of the laws of capitalistic society based on individualism, as was stated above.

Under these circumstances, the *Zaibatsu* families revised their older Family Constitutions, if they had any, and the new families started having their Family Constitutions drawn up. These new Constitutions had much more detailed and precise regulations compared with the older ones, and were much more legal in their character. One of the typical Family Constitutions was that of the Mitsui Family drawn up in 1900. This was

drafted by Dr. Nobushige Hozumi, who was Professor of Law at the Imperial University and was also one of the three members of the drafting committee of the Meiji Civil Code [6].

The Constitution or the Law of the *Zaibatsu* families varies considerably owing to the different tradition of each family. The Constitution of the House of Yasuda is not very different from that of the House of Mitsui; but that of the House of Sumitomo is unique because, unlike other *Zaibatsu* families, it did not adopt the *Dozoku* organization; while that of the House of Iwasaki is very simple, and retains only a little of the traditional character.

III. The Contents of the Family Constitutions of the Meiji Era

The typical Family Constitution of the *Zaibatsu* has the following contents.

a) The status of the Main Family and branch families, and membership of the branch families in the *Zaibatsu* group are definitely prescribed; the whole group is systematically organized in accordance with the status of the respective families, thus forming the rigid hierarchy status of the *Dozoku* group [7].

b) The House Council is established as the organ to maintain order of the Family Group, and to guarantee the security of the property of the whole *Dozoku* group. This council is vested with the supreme authority of supervising these affairs. The chairman of the Council is the Head of the Main Family, and the head of each branch family holds membership in this Council.

c) All members of the families, including both the Main Family and the branch families, must actively participate in the 'Family Occupation', and they are not allowed to set up any independent enterprise. Private debts, holding securities, speculations and similar activities on the part of the individual members are strictly prohibited because they might endanger the property of the *Ie*. The expenditure of the member families is regulated by a limited amount of annual allowance, or by the supervision of the budget and closing accounts by the House Council.

d) The members of all the families belonging to the *Dozoku* group had to obtain the approval of the House Council concerning marriage, divorce, adoption, establishment of a branch family, guardianship, application for adjudgement of quasi-incompetence or incompetence, succession, resignation of headship of the family, and other important acts in the sphere of family laws; and individuals are not entitled to persist in their own opinion in such matters.

e) Talented persons among the employees should be given special promotion, and have to be treated with due confidence and considerations.

f) Those members of the families in the group who have violated regulations of the Family Constitutions are subjected to various sanctions culminating in expulsion from the *Zaibatsu* group. And they are not allowed to submit their internal controversies to the courts of law, and such conflicts are judged and decided by its own organs. Herein exists the self-government of the *Dozoku* group.

As explained above, ample variety existed in the Family Constitutions. In case of the House of Mitsui, several subordinate regulations were attached to the Family Constitutions, thus giving it the form of a complete and well-ordered code of a *Zaibatsu* family [8].

IV. Corporate Organization of the *Zaibatsu* and its Relation to the Family Constitution

The core of the *Zaibatsu* was organized as explained above. On the other hand, legally the *Zaibatsu* as capital had the organization of a corporation. The Meiji Government, in its effort to encourage capital formation, imported from Europe a system of business corporations, which utterly lacked in the Tokugawa period, and urged merchants to adopt it. Banks were one of the earliest corporations established in Japan. In truth, the corporate form of the companies was just the thing the *Zaibatsu* could fit itself into. In 1893, the Commercial Code came into force and gave legal grounds for setting up companies. In the same year, the Mitsubishi Limited Partnership was founded, and took care of the management of the whole *Zaibatsu* enterprise. As for Mitsui, they already had established as early as in 1876 the Mitsui Bank and the Mitsui Trading Company, Ltd.

After the Russo-Japanese War, and especially during the First World War, the *Zaibatsu* were firmly established as the fully developed monopolistic capital, and each *Zaibatsu* took to the investigation of how the western plutocratic families managed their business, and adopted some of their ways adaptable to their own system. They set up a holding company over and above the related enterprises, making it the organ for controling and supervising the whole system. In 1909, Mitsui established the Mitsui Gomei Limited Partnership; while Mitsubishi completed the forming of a holding company, twining various enterprises directly belonging to it into independent companies during the World War, while Sumitomo followed in their wake and established the Sumitomo Limited Partnership in 1921. With the Establishment of the Mitsui Gomei, the Family Constitution of Mitsui was accordingly revised.

The corporate form of the unlimited partnership and limited partnership, the so-called 'Personalgesellschaft', was well-adapted to the closed nature of the *Dozoku* capital; and this was why they adopted these particular forms. Accordingly, the position of the President was occupied by the Head of the Main Family, and the membership of the board was limited to the heads of the member families, the introduction of capital from outside was wholly ruled out, and the proportion of investment was regulated by the Family Constitution. It should be pointed out that the articles of association of the Yasuda Hozensha (Limited Partnership) included provisions which forfeited the right of those who infringed on the Family Constitution to their share in the co-ownership.

During the War against China which started in 1937, the *Zaibatsu* were necessitated to make some changes in this system. It was impossible for the closed system of 'Personalgesellschaft' to meet the enormous amount of money demand caused by the shift of the *Zaibatsu* business to heavy industries in order to adopt itself to the war economy. For this reason, to facilitate and accelerate introduction of capital from outside, the headquarters of the *Zaibatsu* changed itself into limited companies. In 1937, Sumitomo and Mitsubishi led the way setting up the "Honsha" (Head Company), and Mitsui followed them in 1940. However, as for Mitsui, the Mitsui Gomei (unlimited partnership) was merged with the Mitsui Trading Company, without setting up a 'head company'; and a non-corporate body called *Somotokata* (term of the traditional body with the function of control

characteristic to the *Ie* system) was placed at the head of the whole organization. In 1944, the Mitsui Head Company Ltd. became independent and took the form already adopted by Sumitemo and Mitsubishi.

These facts show that due to the high degree of development attained by the Japanese economy, the control of industry depending on the old family system was incompetent to cope with the new situation. Nevertheless, the *Zaibatsu* system was very closely related to the state power based on the Tenno (Emperor) System, and in the latter period of the War, the Government did its best to permeate the whole industrial system with the ideal of Familyism. Therefore, the *Zaibatsu* families managed to maintain their control over their industrial enterprises until Japan was defeated in the Second World War.

V. Dissolution of the *Zaibatsu* and the Old *Zaibatsu* Families

After the Japanese surrender, the dissolution of the *Zaibatsu* was one of the main items in the program of democratization of Japan by the Occupation Forces. This involved dissolution of the holding companies, which were the supreme headquarters of the *Zaibatsu*, redistribution of the shares, elimination of control over enterprises by the *Zaibatsu* families, and other related measures. When this policy was decided to be carried out, the Family Constitution of each *Zaibatsu* family was abolished. It was clear enough that the Family Constitutions were fundamentally incompatible with the principles of the revised Civil Code.

Dissolution of the *Zaibatsu* by no means brought about elimination of monopolies in the Japanese economy, and the collapsed Japanese economy was reorganized into modern concerns depending on the American economy. Nevertheless, in spite of the strong resistance made by the old *Zaibatsu*, and in spite of the fact that the interested groups in the United States were divided in their opinion over this matter, it is sufficiently clear that the core organization of the older *Zaibatsu* has completely lost its control over the enterprises and its regulating function over the *Dozoku* group. Now we witness a progress of systematization of various enterprises bearing the names and marks of the former *Zaibatsu* families. This may be said to be an indication of their revival, but it is not correct to interprete it as the revival of the former *Zaibatsu* itself.

At the same time, it is generally pointed out that democratic reforms in the postwar Japan have not been fully accomplished, and both in municipal and rural districts older ways of life and thinking are still left unchanged. Just as the Japanese economy in the Meiji Era was a blending of older and newer elements, the postwar reorganization of the Japanese economy may also be described as a new development not wholly free from the older elements. And it is not improbable that a new type of *Zaibatsu* with some elements inherited from the older one may be now in the process of development.

NOTES

[1] The Japanese System of Family Register was specifically complicated as follows: The whole membership of the family were registered as a group headed by the Head of Family in a public book, and all family law affairs (birth, marriage, divorce, adoption, etc.) relating to them were entered in that book. This system was first enforced throughout the country by the law of 1871, and was later revised several times, but the

Family Registers first made up in the early years of Meiji were succeeded with proper revision by posterior Registers. There is a very close relation between the System of *Ie* and that of Family Register. After the Second World War, in spite of the abolition of the system of *Ie*, the fundamental structure of the Family Register has been preserved.

[2] The place of *Ie* was commonly the place where ancestral tombs existed, and it was quite unnecessary for it to have any relation to the actual abodes of the Family Head or family members. And once born in an *Ie* one belonged forever to that *Ie*, unless a new branch family was established. Accordingly, there were often big *Ie*'s with over ten member families. The postwar Family Register System excludes such phenomena, because it provides that, when a member marries, he (she) shall automatically establish a new Family Register.

[3] The Family Head, moreover, had the right to designate the actual abode of the family member. He could expel from the *Ie* those members who did not submit to his control, and the expelled member with his wife and children automatically established a new family.

[4] The new Imperial House Law was enacted by the Parliament and came into force together with the New Constitution. The principle of male succession is preserved, but sons of concubines are not recognised in this law.

[5] In fact, the principle of the individual proprietorship was first established by the Land-tax Reform (1872—1880) with respect to the land ownership by means of land-certificates, and this principle was later extended to other kinds of properties by the Civil Code.

[6] The request to draw up the Mitsui Family Constitution was at first directed to Dr. Boissonade, a French jurist, who drew up the first Civil Code for Japan. After his refusal on the ground that such system of privileges was undesirable, the next request was made to Dr. Roesler, a German jurist, who drew up the first Commercial Code for Japan. He, unlike the former, did not reject outright, expressing the opinion that Prussian aristocratic families might have such Family Laws, but did not accept the work. Finally, a Japanese jurist accepted the task.

[7] Establishment of a new branch family as a member family was, as a rule, prohibited categorically. Because old families, as the Mitsuis, went to estrangement from each other after a lapse of centuries, matrimonial alliance between the branch families often took place after the Meiji era with the aim of making blood relation with each other closer.

Establishment of a new branch family as a non-member family was of course allowed. In this case, some property was imparted, but the new family was not entitled to share in the family property.

[8] For instance, the Law Concerning the Application of the Family Constitution, Regulation on the Establishment of Branch Families, Regulation on the Imparting of Properties, Regulation on the Reserve Funds, Regulation, on the Annual Allowance, Budget etc.

По докладу выступила М. И. Лукьянова, выразившая сомнение в действительной ликвидации семейных корпораций в послевоенной Японии.

HYMAN KUBLIN (New York): SOCIAL MOVEMENTS AND LEFT-WING LEADERSHIP IN MEIJI JAPAN

The decade from 1897 to 1907, known in modern Japanese history as the Meiji '30's, was characterized by extraordinary social and intellectual vigour. During these years the trade-union movement was launched, socialist activities got underway, and numerous pressures were exerted for the introduction of social and political reform. The purpose of this paper is to explore several aspects of the social movement of these times, particular emphasis being placed upon the origins and nature of the new left-wing leadership.

Though the growth of industrial capitalism and the nature of social change during this period have been extensively studied, insufficient attention has been paid to the lives of the social radicals of these years. For under-

standable reasons biographers have concentrated upon the deeds and thought of these men during their mature years. Many insights into their development as reformers and revolutionaires may, it is suggested, be acquired through a study of their family backgrounds, their adolescent experiences, and their educational processes.

It is, first of all, apparent that the left-wing leaders who emerged to public attention in the aftermath of the Sino-Japanese War (1894—1895) constituted an important dimension of a new generation of Japanese. Unlike their grandfathers and even their fathers they were not personally, intellectually, or emotionally involved in either the struggles of the Restoration (1868) or of the Meiji Reformation. The great political issues which had agitated their country from the overthrow of the Tokugawa Shogunate to the establishment of constitutional, parliamentary government had begun to pall and were of academic rather than immediate interest to them. Taking for granted the need for a modern Japan, they were concerned with the direction and consequences of modernization.

The older leaders in the socialist and trade-union movement were born and raised in areas where the traditions of old Japan prevailed. In their early schooling they were strongly exposed to the time-honored philosophy of Confucianism with its ethical and humanistic view of man and society. Their concern with problems of morality perhaps facilitated their conversion to Christianity and particularly to the more liberal Protestant denominations. Many of these older leaders, moreover, received their higher education in the United States, frequently in theological seminaries where the social gospel of Christianity was commonly advocated. Their ventures into social reform after their return to Japan were thus largely the consequence of the moral imperative of their faith.

Not surprisingly, the older radical leaders, exponents of Christian socialism, represented the conservative wing of the social movement during the decade of the Meiji '30's. If they made little headway, it was not only because political and economic conditions were not ripe for either trade-unionism or socialism. As Christians they were suspect to many Japanese on nationalistic grounds; as proponents of the program of the social gospel they were opposed by Japanese Christians who adhered to more conservative denominations; and as Christian Socialists they could not always cooperate with the rising Marxist wing in the movement.

As opposed to the older leaders, the young captains of the social movement were rarely Christians. Presumably they had been powerfully influenced by the nationalistic reaction against the western religion which set in after 1889 and continued for many years. They were, moreover, not so strongly exposed to the traditional pattern of education which was rapidly breaking down during their adolescent years. And in so far as their higher education is concerned, none of the younger socialist leaders, with perhaps the exception of Kotoku Shusui, had studied or travelled abroad. These young radical leaders, too advanced in their thought, made no significant impression upon their countrymen during the decade of the Meiji '30's. They were, nevertheless, the real founders of the radical tradition of modern Japan.

По докладу выступила Г. И. Подпалова, указавшая на необходимость учета влияния марксистских идей на руководителей левого крыла в Японии, и П. П. Топеха.

ETSUJI SUMIYA (*Kyoto*): THE HISTORY OF ECONOMIC DOCTRINES AFTER THE MEIJI RESTORATION

1. The Development of Economic Thought in Japan and Its Background

Most economic doctrines throughout the world have been established in order to analyse the various kinds of economic phenomena caused by the growth of modern capitalism. The fall of feudalism brought about many important economic theories such as mercantilism, physiocracy (France); classical school of economics (England); old and new historical schools (Germany), Austrian school; various kinds of socialist schools (the so called modern economic theories).

Each of these theories has its own special character, and the nature of their study lies not only in understanding their growth and development, but also in explaining the characteristics of each school.

a) In the study of the development of economic thought in Japan, the same principles must be followed. Like the advanced capitalistic countries, Japan saw the theoretical intercourse of indigenous doctrines, those related to Japan's history, and the general doctrines developed in universal history.

Capitalism in Japan started with the Meiji Restoration (1868). Under the political slogans Industry, Defense, and Civilization, the government improved its textile and heavy industries. In its effort to pave the way for their full development, government-run model factories were started. Under a tense international situation in which there was danger of her being colonized, Japan's capitalist enterprises were not left to their own natural development. Japan established a capitalist system in a hurry and, at the same time, prepared itself for a modernized military expansion. This move to capitalism was initiated by the government and was effectively guided by its industrial policy under Toshimichi Okubo who issued the "White Book" (A Recommendation for the Development of Industry).

Capitalism and other modern activities began with the abolishment of the Daimyos' checking points along highways in 1869. This was followed by the abolition of clans (sub-divisions of the Shogunate government) and the establishment of prefectures, the abolition of Ekiden (post-horse service) in 1871 and the establishment of freedom from traveling restriction, freedom of residence, profession, private ownership of land, cash payment of land tax under the land tax amendment law of 1873, merchandization of agricultural products and other free economic activities.

This trend was accelerated further by the organization of a State Bank (1872), as well as the Yokohama Specie Bank (1882) and other city banks (1883). Postal-telegraph service (1871—72) and the Tokyo—Yokohama Railroad Transportation Service were opened. Private railroads were developed, and the government aided the Mitsubishi Shipping Company. The government took control of armories, ship building plants and mines in Miike, Takashima, Kamaishi, Ani, Ikuno, Innai, Kosaka, Sadoyama which were formerly owned by the Shogunate government and daimyos. The steel, machinery, and chemical industries were also run by the government, as were light industries such as cotton-spinning, silk-textile factories.

While these model factories were opened and modernized, the government also encouraged the development of private industry. In 1881, the Ministry of Agriculture and Commerce was separated from the Ministry of Interior Affairs and a notification was issued which urged the need for a liberal economy.

Against this background, various economic theories were introduced without being criticized. Opinions were divided between Free trade and Protective trade, but the fact was that both policies were based on the type of capitalism initiated by the government.

Industry developed further during the period between 1880 and 1894, the year the Sino-Japanese War broke out. The government-run factories were sold to private enterprise and the Ministry of Agriculture and Commerce issued a notification in favor of free capitalistic activities. It was during this period that scores of economic doctrines from the West (where they had already been well adapted) were discussed with great interest.

Chief among them were:

1) from England — Theories of Adam Smith, David Ricardo, John Stuart Mill, Francis Wayland, and Henry Fawcett;

2) from France — Theories of Jean Jacques Rousseau, Voltaire (François Marie Arouet), Charles de Secondat, Baron de la Brede et de Montesquieue Claude Frederic Bastiat, and Gustave Emile Boissonade;

3) from Germany — Theories of the German state power school, the German new historical school; and the ideas of protectionism advocated by List's school and the Old historical school. (These theories were introduced by professors in Tokyo University);

4) from the United States—the theories of liberalistic economics, trade-unionism, socialism, Christianity, systematized capitalistic economy, as it was lectured by Mr. Ranedd at the Doshisha's University.

The introduction of these doctrines, however, did not result in any organized system of liberal economics. They were "imported" at random, and Japan was not yet prepared to judge them completely.

Japan's imperialistic policy and military adventure on the Asian mainland in the Meiji Era owed much to the industrial revolution, particularly to the field of technology. Victories in the Sino-Japanese and Russo-Japanese Wars brought large sums from the defeated countries. This, together with expanded overseas markets and effective industrial policies, helped Japan to quicken its growth in capitalism.

Banking, railroads, and the cotton-spinning industry expanded rapidly. The spinning industry showed a particularly marked advance between 1897 and 1907 and dominated the domestic market. Japanese yarn outsold Bombay in the Chinese and Korean markets. After the Russo-Japanese War, not only heavy industries, such as electricity, celluloid, carbide, glass, and fertilizer, but also sugar refineries and milling industries were developed. Between 1907 and 1911, the shipbuilding and rolling-stock industries expanded. The industrial development in these years paved the way toward imperialistic expansion.

Capitalism in Japan was affected by several factors from within. In the later part of the Meiji Era, poor labor conditions, such as the extention of labor hours, low wages, accidents, and unsanitary working conditions caused grievance, particularly among miners and women spinning factory workers. The government drafted a factory law, something new in the field of Japanese politics.

Several ideological movements were organized, for example (1) The Workers' Union, led by those who have been in the U. S. (1897) and the Association of Trade-unions, which demonstrated class consciousness; (2) The Socialist Association (1900); and (3) The Socialist and Democratic Party which was compelled to dissolve the same day it started (1901).

Other institutes and associations were organized between 1896 and 1900 to study socialist policies, influenced by the new historical school in Germany. Heated discussions started between the liberal capitalists on the right and the socialists on the left. An example of capitalist abuses was made when a worker was deprived of his possessions needed for his work. In other words, management and labor became divided. Although capitalism in Japan was outdated, it was also testing many difficulties which had been already experienced in other countries.

b) One of the most important of the many economic schools of thought was the Japanese Social Policy Study Association organized between 1896 and 1897. The first members of the Association were Yamazaki Kakujiro, Kuwata Kumazo, Onotsuka Kiheiji, Takano Iwasaburo, Tashima Kinji, Oda Hajime, Kato Haruhiko, Suzuki Junichiro who had been in Germany. They were later joined by many economists, ideologists, government officials and businessmen. Their theory was similar to that of the new historical school in Germany. The theories of Wilhelm Georg Friedrich Roscher, Gustav von Schonberg, and Adolph Heinrich Gotthilf Wagner were introduced by Hakajawa Tsunejiro. "The cathedral socialism party" (Wadagaki Kenzo) and The Modern Science group (Oshima Sadamori, Aruga Nayao, Yamamoto Kentaro, Inoue Chotaro, Mochiji Motosaburo, Kanai and others) were organized. In 1900 "The Prospectus of the Social Policy Study Association" was published. In 1901 "The Vindication" was issued after the Socialist-Democratic Party had been dissolved. An important statement was, "We are against non-interference policy because extreme egoism and unlimited free competition causes too large a distance between wealth and poverty. We are also against socialism. Socialism would destroy the present economic system and would prevent the development of our country because it destroys capitalism. We are determined to maintain a private economic system at the present and try to prevent conflict between the workers and the government".

They were very idealistic. They believed in the possibility of a "third" socialist order which was neither free of capitalism nor of socialism. They insisted on the capitalist production system and tried to adjust Japanese industry to both capitalism and nationalism. Their theory was realized by important members, the so-called "Seven Doctors", who strongly recommended beginning a war with Russia in 1903.

c) Between 1908 and 1914, labor movements were prohibited by the Katsura cabinet and the socialist newspaper "Heimin Shimbun" ("The Newspaper of the Common People") was closed. The first red flag was waved. In 1910, the assassination of the emperor was plotted by Kotoku Shusui, the leader of a socialist party which was ordered to dissolve two days after its organization. The workers of the Tokyo Municipal Electric Company walked out. During this period, union membership rose to 947 000. In 1912, there were 49 walkouts involving 57 000 workers.

After the First World War, Japan lost many overseas markets. Overproduction and a devaluation of the yen followed. Japanese industries were also affected by the financial panic of 1922, the great earthquake of 1923, and the depression of 1929 in the United States. Small enterprises suffered seriously. Many industries were nationalized. Unemployment and serious labor disputes developed; groups of farmers started riots. In 1918, there were rice riots involving 600 000 people in 46 different localities. The workers were stimulated to such an extent that about 400 labor disputes took place both in 1918 and 1919 each involving 60 000 workers.

The Communist Party was organized in 1922, and the government was at one time compelled to resort to force to quell violence (1929). Japan was affected by both the revolution in Russia and the financial panics in capitalist countries.

The Social Policy Study Association which had long influenced economic theories in Japan, lost its identity and dissolved in 1924. Heated arguments developed over Marx' *The Capital* and pro-Marxist social scientists predicted the fall of capitalism. Advanced theories in the accumulation of capital, labor costs and rentals were discussed. Leading contributors were: Marxist—Kawakami Hajime, Yamakawa Hitoshi, Kushida Tamizo, Maide Chogoro, Fukumoto Kazuo, Inomata Tsunao, Sakisaka Itsuro, Hayashi Kaname; Anti-Marxist—Fukuda Tokuzo, Koizumi Shinzo, Hijikata Shigeyoshi, Takada Yasumi and others

d) Between the two World Wars, capitalism in Japan caught up with other capitalist countries. Monopolistic capitalism developed, industrial concerns and the zaibatsu were organized. Main zaibatsu were Mitsui, Mitsubishi, Sumitomo, Riken, Mangyo.

In 1931, the government risked an unsuccessful war with China in Manchuria in an effort to solve its many difficulties caused by capitalism. The progress of heavy industry worsened social problems, and communist movement was started. The Law of Maintenance of Public Peace and other repressing laws against the communists were enforced, and many arrests were made.

The war with China (1936) and World War II (1939) led Japan to the Pacific War in 1941. During this period, a new school of economic theories was organized against Marxism. Eijiro Honjo, Gen Kuromasa, and others advocated the importance of economic theories indigenous to Japan. Meanwhile Marxists were interested in interpreting the development of Japanese capitalism. They organized Japanese Capitalism Study Association and pioneered a new field of economic science by analysing the development of the Meiji Revolution from the viewpoint of materialism introduced by Hattori Koresato. This theory survived oppression and represented the only field which Marxists were allowed to cultivate. Books published by Marxists during this period were comparatively few: "History of development of the Japanese capitalism" (Noro Eitaro), "Analysis of the Japanese capitalism" (Yamada Moritaro), "Structure of the Japanese capitalist society" (Hirano Yoshitaro), "History of the Japanese social policy" (Kazahaya Hanani), "Classical course of statistics" (Takano Iwasaburo, Ouchi Hyoe, Morito Takeo, Kuruma. . . and others), "Study on the theory of social policy" (Okochi Kazuo); "Method of history and its historical study" (Otsuka Hisao), "Translation of The Capital" (Hasabe Fumio). These books were the only material for the study of Marxism during the war.

e) Immediately after the Pacific War, the study of social science and economy were set free from government control. Labor movement, socialists, and other political groups resumed their activities. The surrender was, however, a hard blow to 85 000 000 people. The loss of 73% of the capital funds invested in Manchuria, China and in Southeastern Asia was fatal to Japan's economy.

During the previous four years economic resources had been wasted on war industries. A decline in peace-time production, a shortage of labor due to military draft, a waste of lands, forests, rivers, and ports, the ruin of factories and transportation—all this paralyzed Japan. Foodstuffs and other commodities, so long under military control, were released to blackmar-

kets. A total collapse was barely avoided by the democratization policy of SCAP under the Postsdam Declaration. The agenda of the occupation policy included:

1) A new constitution and the organization of a democratic gevernment.
2) The revision of the land system and the abolition of tenant farming.
3) The breakup of the zaibatsu under the Economic Deconcentration Law.
4) A revision of local administration and the local police system.
5) The democratization of education.
6) Women suffrage.
7) Government aid to labor unions and the release of socialist and communist leaders.

The freedom of thought and speech was restored. Pro-liberalist professors resumed their positions. The Sangyo-Hokokkai (The Association for service to the state through Industry, a super-nationalistic body) was dissolved, and restraining legislature was nullified. The Communist Party joined the diet, and the emperor was de-deified. Labor unions multiplied. There were 33 900 unions totaling 6 533 954 members which were involved in 11 140 disputes in June 1948 vs. 973 unions and 42 589 workers in 1937, the prewar highest.

The United States-dominated occupation policy, however, gradually led Japanese economy to be dependent on the United States. The Nine Principles of Economic Rehabilitation and the Economic Revival Plan No. 1 failed to recover economic independence or to check inflation. The disinflation policy under the Dodge Recommendation did not prove successful, nor was the economic decontrol policy. The peace treaty and the Japan-U. S. Mutual Security Pact concluded in 1952, two years afters the outbreak of the Korean War, destined Japan to rearm and to be subordinated to the United States.

There were many challenging subjects in the field of economics — the establishment of a self-supporting economy in Japan, the monopolist capitalism in the United States, and the socialist economy and national policy in the Soviet Union and Red China. Japan was now witnessing the hardest competition ever seen between the theories of capitalism, as represented by the school of Modern economy school, and Marxism. Both were trying to give positive and theoretically correct answers to economic reality.

In April 1952, the remarkable progress of socialism in the Soviet Union was demonstrated at the International Meeting of Economics in Moscow. In October of the same year, Stalin issued "The Economic Problems of Socialism". Stimulated by these events, Japanese Marxists started discussing the possibility of a transition of socialism into communism. They also reviewed *The Capital*, and examined the adaptability of the law of value to socialist economics, and analysed simple commodity. At the same time, the so-called "Modern economy school" theories, such as Austrian school, Rogers school, New classical school, Cambridge school, Keynes school, North-European school, Systematic school and others, were introduced. Ichiro Nakayama translated the theory of Schumbeter. "The history of modern economic thought" by Sugimoto Eiichi marked a way to develop theoretical economics. The analysis of the structure of the Japanese economics by Nakayama Ichiro gave a positive explanation of these theories. The Marxists also published voluminous works (a course of lectures on the Japanese capitalism. — The postwar politics and economics of Japan).

The recent development of economic theories in university bulletins, magazines, and other publications obviously reflects the influence of both

the United States and the Soviet theories. Many of them are devoted to the logical and positive study of Japanese economy and logical explanation of development in a capitalist society.

II. A Historical Outline of Economic Doctrines in Japan

a. The General Trend. It is true that economic thought in Japan was influenced to some extent by various ideas developed in the Tokugawa Period, but its development owes a great deal to the Western doctrines which were first introduced in the early period of Meiji. The Meiji Restoration prepared Japan to have closer contacts with the world. Its economy, of course, was greatly affected. The Restoration leaders saw an unexpected by-product of their work — a sharp antagonism between the working class and the capitalist class.

Progressive government leaders (Koin Kido and his party) dominated the conservatives (Toshimichi Okubo, Tomomi Iwakura) and started a policy in favor of capitalist industry. After the Seinan Conflict, a civil war, efforts of the government were focussed on the westernization of its political mechanism, education, and military facilities. Peace-time industries were discouraged. The Seinan Conflict apparently succeeded in destroying feudalism, but it also caused a depression and a devaluation of the yen. Capitalist industry sprang from this economic crisis (1887) and showed a remarkable development a few years after the Sino-Japanese War (1894).

Theoretical contributions to the development of capitalism in Japan can be traced as follows.

1) The introduction of the doctrines of free economy from England and the United States.

2) The introduction of New historical school economic theory of social policy from Germany.

3) The introduction of doctrines of Marxism and the theory of subjective value advocated by the Austrian school after World War I.

4) The introduction of the theory of modern economy. Doctrines after World War II.

b. Trade Policy. As to international trade early in the Meiji period, opinions were divided between Free trade and Protective trade; both were encouraged by the government. The ambitious nation which had a deified emperor needed strong nationalism for strengthening its defenses and, at the same time, a need for the liberalism of the West in order to develop its culture and industry. A balance between liberalism and nationalism had been kept until around 1897 when new industries definitely stimulated the development of capitalism.

c. Introduction of Western Doctrines. Eager to catch up with the advanced countries of the world, the Japanese government started a national campaign to develope culture (1868). Various kinds of Western thought streamed into Japan. Chief among them were:

1) The ideas of democratic rights of Rousseau and Montesquieu.

2) The ideas of free economics and utilitarianism from Manchester, England.

3) The ideas of liberalism and Christianity from the United States, and

4) The Bismarck ideas of the state power from Germany.

5) The theory of the social policy advocated by the New historical school.

Their haphazard introduction, however, confused national policy.

d. Publications on Economic Doctrines between 1861 and 1889. Broken down by items, publications on economic doctrines were divided into the following categories:

1) Economics as a science.
   a) The economic doctrines of William Ellis.
   b) The Educational Course on Economic Theories of English Classicists by Ramsay, McCulloch, and Chambers.
   c) The translation of economic doctrines of Fawcett and Mason.
2) Political economics.
3) Economic theories as a key to the management of firms, banks, and other commercial facilities.
4) Handbooks of economic theory.
5) Economic theory as a key to success in business with suggestions on how to make profit.
6) Suggestions of business career making.
7) Discussions on free trade with attacks on protective trade.
8) Discussions on protective trade with attacks on free trade.

e. The Rise and Fall of Major Economic Thought. The antagonism of workers towards capitalists inevitably resulted in socialism. In 1882 Lorenz von Stein, an adviser to the Bismarck government, warned a high government official, Horobumi Ito, about the rise of socialism in Japan. Socialism at that time, however, was free from the influence of Marxism. Socialist leaders—Abe Isoo, Katayama Sen, Kinoshita Naoe, Kawakami Kiyoshi, Nishikawa Mitsujiro, Kotoku Denjiro—organized the Socialist-Democratic Party and advocated a socialism, as found in England, the United States and France. Among party members the most active were Christians who had been in the United States. Other leading theories from the West were the doctrine of liberalistic economics (Taguchi Ukichi, Amano Tameyuki) and the doctrines of the new historical school (Wagadaki Kenzo, Kanai Susumu).

Strict control by government authorities discouraged socialism and labor movements. Socialism lost leadership to its opponent, the German economic school; economic theories of the new historical school, the theory of liberalistic economy of the English classical school was urged by a gifted economist, Ukichi Taguchi. Taguchi's outstanding works, however, were also outweighed by the economic theories of the German new historical school which attracted economic circles with their moderate arguments. They offered a compromise between the advanced theories of the West. They particularly systematized the doctrines of the English classical school, the German new historical school and the theory of value of the Austrian school and others, introducing them as the Principles of Economics.

The Social Policy Study Association was organized by this school. It embraced almost all progressive professors and businessmen and continued to develop until World War I (1914—17).

After the first World War, Revolutions in Germany and Russia stimulated the world into developing socialism. Japan also saw a revival of socialism in labor movement. Marxism-Leninism began to be important (1916—1917). *The Capital* was translated (1918), and in 1924 the Social Policy Study Association was dissolved leaving Marxism uncontested. Many books

on Marxism were imported from England, Germany and the Soviet Union. Other Marxist doctrines developed into a dispute on the capitalism and a dispute on the feudalism: "Kozaha" (Lectureship school) and "Ronoha" (The workers' and peasants' school). Opinions were divided between Marxism (historical materialism, surplus value theory, the theory of collapse of capitalism, the theory of class struggle.) and anti-Marxism (the theory of production cost for the theory of value, the theory of marginal utility) in favor of socialism. After the outbreak of the Pacific War, the Modern economic school theory developed. It covered the Austrian school, Rosens' school, Karnes school, the new classical school, the Cambridge school, the North-European school, the Systematic school and others and discussed the theory of balance, studied the concept of limitation and the concept of flexibility, explained the theory of stationariness and dynamics and so on.

f. The Nature of Economic Doctrines The economic doctrines can be divided into different schools when they share: (1) the same stand-point, (2) the same method of study, (3) the same view of life, (4) the same way of practice, (5) the same defense against criticisms on their logic and practices, and (6) the same process of development.

This is most clearly demonstrated by the Marxist school because: (1) it sorted out and developed old theories, (2) it was practical since it was directly connected with the movements arising from actual social conditions and gave logical principles for emancipating workers, and (3) it developed along a specific view of life.

JUJIRO UESUGI (Berlin): DIE BEITRÄGE DER DEUTSCHEN RECHTSWISSENSCHAFTLER ZUR SOGENANNTEN MEIJI-VERFASSUNG VOM JAHRE 1889

Es its bekannt, daß Japan nach der bürgerlichen Revolution von 1868 stark unter dem Einfluß der europäischen sowie amerikanischen Länder stand.

Ihre Politik, Wirtschaft und Kultur beherrschten die verschiedensten Gebiete der japanischen Gesellschaft. Es wäre interessant, die Reaktion der Japaner auf den Einfluß der europäschen Kultur zu untersuchen. Mit diesem Beitrag möchte ich jedoch nur auf die aktive Rolle der deutschen Rechtswissenschaftler bei der Formulierung der Meiji-Verfassung und auf die Reaktion der japanischen Politiker gegenüber den ihnen gegebenen Lehren und Hinweisen eingehen.

Die Zunahme des Einflusses der europäischen Kultur war zwar ein notwendiges Resultat der Politik der neuen monarchischen Regierung, jedoch die Art und Weise der Einführung dieser Kultur war immerhin verschieden. Zum Beispiel wehrte sich die herrschende Klasse, die die feudalen Überbleibsel nicht ausrottete, gegen die Ideologie der französischen Aufklärung und verhinderte ihren Einfluß mit allen Mitteln. Diese Politik kritisierte damals eine Zeitung sehr scharf unter dem Titel: *Die Beamten hassen Rousseau.* Dagegen übernahmen die leitenden Persönlichkeiten der Regierung gern die Ideologie der deutschen Monarchisten. Diese wirkte sich nicht nur auf die Meiji-Verfassung, sondern auch auf die Armee, das Schulwesen usw. aus. Da der Erlaß der Verfassung von 1889 ein wichtiges Ereignis in der politischen Geschichte der Meiji-Ära war, ist es notwendig, den Einfluß und die Beiträge der deutschen Rechtswissenschaftler auf die Staats- und Regierungsform hervorzuheben.

Kaiser Meiji oktroyierte zwar die Verfassung ohne Einberufung einer Konferenz, deren Aufgabe es hätte sein müssen, den Entwurf der Verfassung gemeinsam mit den Vertretern der Volksmassen zu diskutieren. Trotzdem konnte die herrschende Klasse Japans, die alle Widerstände der Bourgeoisie, der Bauern und der anderen Werktätigen fast vollkommen unterdrückte, den Willen der Volksmassen nicht ersticken, sondern mußte ihn in gewissem Maße in Betracht ziehen. Darum ist es unbedingt notwendig, den Kampf der Bauern, der Bourgeoisie und anderer für Freiheit und Demokratie darzustellen. Da aber bereits viele japanische und auch sowjetische Historiker die sogenannte Bewegung für Freiheit und Volksrecht studierten, und ihre Erkenntnisse veröffentlicht wurden, möchte ich nur darauf hinweisen, daß nicht nur die obengenannte Bewegung, sondern auch die Aufstände und Unruhen der Bauern in der ersten Periode der Meiji-Ära dazu beitrugen, in Japan eine Verfassung und ein Parlament zu schaffen. Aber grundsätzlich war die Meiji-Verfassung ein Produkt der herrschenden Kreise, die einerseits unmittelbar nach der Revolution die Energie der Bauern und armen Stadtbewohner ausnutzten, aber andererseits schon in den ersten Jahren nach Gründung ihrer neuen monarchischen Regierung die Bewegung der Werktätigen schonungslos unterdrückte.

Die Führer der Regierung, zum Beispiel der zweite Stellvertreter des Premierministers Iwakura, Minister Hirobumi Ito und andere waren zwar erfahrene Politiker, jedoch über Verfassung und Parlament hatten sie keine konkreten Kenntnisse. Deshalb ist es verständlich, daß die Theorie der deutschen Staats- und Rechtswissenschaftler den japanischen Politikern außerordentlich nützlich war. Minister Ito, der im März 1882 Europa besuchte, um hier die Verfassungen der konstitutionellen Monarchien zu studieren, schrieb an Iwakura, daß die Theorie der deutschen konservativen Gelehrten wie R. Gneist, von Stein und anderen das wichtigste Werkzeug zur Verwirklichung der «patriotischen» politischen Zielsetzung der Regierung sein müßte. Es war natürlich kein Wunder, daß die führenden Männer der Regierung und der Armee von Preußen sehr begeistert waren. Nach dem siegreichen Krieg gegen Frankreich entwickelte sich der Kapitalismus in Deutschland in schnellem Tempo. Preußen mit seinem mächtigen Heer und seiner hochentwickelten modernen Industrie wurde von vielen Japanern maßlos bewundert. Ein Schlagwort der Regierung lautete: «Reiches Land und starkes Heer». Dabei muß man natürlich berücksichtigen, daß das Junkertum den Kern des preußischen Staates darstellte und die leitenden Positionen der Monarchie von Junkern bekleidet wurde. Es gab zweifellos einen Unterschied zwischen diesem Junkertum und dem halbfeudalen Grundbesitzertum Japans, aber daß die Kräfte und die Befugnisse der Monarchen trotz der hohen Entwicklung des Kapitalismus in Preußen unverändert wirken konnten, interessierte und begeisterte die japanischen Politiker. Die preußische Verfassung von 1850 war ihr Vorbild geworden. Insbesondere Kowashi Inoue studierte sie gründlich. Er war ein Vertrauter Iwakuras und diente nach dessen Tode Minister Ito. Sein Beitrag zur Meiji-Verfassung war sehr bedeutend.

Eine Ursache dafür, daß die Theorie und Lehre der deutschen Rechtswissenschaftler die japanischen Politiker sehr stark beeinflußten, bestand auch darin, daß Gneist und andere Deutsche den Japanern nicht nur jede wissenschaftliche Theorie vermittelten, sondern sie machten Ito u. a. sehr konkret mit den politischen Schlichen vertraut, wie die Politiker die japanische Bevölkerung betrügen und unterdrücken sollen.

Die Revolution von 1848/49 in Deutschland und die bürgerliche Revolution in Japan waren zwar beide unvollendete Revolutionen, doch ohne

Zweifel gibt es zwischen ihnen viele Unterschiede. Ich möchte nur darauf aufmerksam machen, daß die Kräfte des Proletariats bei der Revolution von 1868 ganz unbedeutend waren, obgleich die Aufstände der Stadtarmen eine große Rolle spielten, während in Deutschland, wo sich der Kapitalismus schon in gewissem Maße entfaltete, das Proletariat seine Selbständigkeit von der Bourgeoisie erkämpft hatte und eine gewisse politische Bedeutung erlangte. Deshalb erkannten die deutschen Gelehrten die Gefahr des Sozialismus für die herrschende Klasse und lehrten die japanischen Politiker eben diese Gefahr in vollem Umfange einzukalkulieren. Für diese aber wurde dieses Problem erst Anfang des XX. Jahrhunderts aktuell.

Die deutschen Gelehrten, insbesondere von Stein, waren etwas «fortschrittlicher» als die japanischen Politiker. Die Deutschen, die direkt oder indirekt die Revolution von 1848 miterlebten, waren vorsichtiger und empfahlen den Japanern eine der Entwicklung des Kapitalismus entsprechende Regierungsform, die ihnen jedoch häufig nicht zusagte.

По докладу выступил М. Фукусима.

12 августа, утреннее заседание
Председатель Фумия Мория *(Токио)*

SHOZO MAEJIMA (*Kyoto*): THE FORMATION OF IMPERIALISM IN JAPAN AND ITS CHARACTERISTICS

When was Imperialism built up in Japan? That is the first problem. After the World War II, the opinion of dating it in 1900 (the 33rd of Meiji Era, the year of the outbreak of the Boxer Rebellion) has been apparently dominant among progressive historians, but another opinion of dating it in 1905—1906, the period of the Russo-Japanese War has recently been given by some historians. For the latter opinion they assign such various reasons as the absolute dominance of the state authority under the Emperor system, the immaturity in the growth of financial or monopolized capital, the absence of military demand to obtain a colony, Manchuria, and the weakness of class struggle between capital and labour, early in the thirties of the Meiji Era. I am going to criticize this opinion and to give some demonstrations for my regarding 1900 as the time of the formation of the Japanese Imperialism.

Here arises, naturally, in connection with the above mentioned dating problem, the most difficult, and accordingly the most controversial one of the theoretical problems concerning the formation of Imperialism in Japan. This is the problem of its 'quality', which is defined to be militaristic and feudalistic. As generally known, after the War we had the so-called "Shiga—Kamiyama Debates". According to Mr. Kamiyama's theory, Lenin drew a clear distinction between the latest capitalistic Imperialism and the old feudalistic Imperialism, and in the World War I, this distinction was required in the history of the world, not merely of a single country. That is to say, the intrinsic nature of Japan as a state was, Mr. Kamiyama says, that of an absolutist Emperor system from the Sino-Japanese War till the end of the World War II, and even if the militaristic and feudalistic Imperialism was built up during the period between the Sino-Japanese War and the Boxer Rebellion, it is only a kind of modification of the absolu-

tism. A little more concretely speaking, even when the bourgeois party cabinet of Okuma, Itagaki, etc., was established, the absolutist authority still remained in full force, and it did not prove that the hegemony of the bourgeoisie was established.

In short, Mr. Kamiyama and his followers do not recognize the militaristic and feudalistic Imperialism as a variety of modern Imperialism. Though I have no objection to the assertion that Japanese Imperialism was like "wheat-gluten figures" and militaristic, and that the absolutist authority preserved its solidity, as was mentioned in *A Study of Imperialism* by Shusui Kotoku, still I hold the opinion that the authority in the Emperor system had already been manipulated by the bourgeoisie at the stage of the Sino-Japanese War in our country, and consequently I maintain that it was changing in its quality during the typical 'bureaucratic cabinets", such as the 2nd Matsukata, the 3rd Ito, the 2nd Yamagata Cabinet, etc., and that in these circumstances the Emperor system was being transmuted into an Imperialist authority. Of course, this Imperialism is militaristic and feudalistic, but I consider it as a variety of modern imperialism like that of U. S. A. or England. In other words, I cannot think of the formation of the Japanese Imperialism as something foreign to the world historical formation of Imperialism (1900). Especially I take into consideration the Imperialistic diplomatic coalition between Japan, and U. S. A and England. (The Anglo-Japanese Alliance had already had a remoter cause in the transfer of Weihaiwei in March of the 33rd of Meiji, and after the Boxer Rebellion had its preliminary conditions amply matured with Kato Diplomacy for the breaking down of the Russo-Chinese Secret Treaty).

Giving particular attention to the change of the classical foundation of the Emperor system, the author discussed the following subjects.

(1) The change in the quality of the authority in the Emperor system during the Sino-Japanese War.

(a) The relation between the bureaucracy of Ito (a veteran statesman of the Imperial Restoration of Meiji) Cabinet and the bourgeoisie party.

(b) Mutsu Diplomacy and monopolistic bourgeoisie.

(c) The growth of the parasitic landed classes at the top of which the Emperor stands.

(d) The invasive ideology in respect to China.

(2) The change in the quality of the authority in the Emperor system from the 2nd Matsukata Cabinet till the 2nd Yamagata Cabinet.

(a) The essence of the bureaucracy of the Matsukata Cabinet and its foreign policy.

(b) The class antagonism as to the Bill of the Additional Land-tax in the 2nd Yamagata Cabinet.

(3) The breaking down of the Russo-Chinese Secret Treaty as to the treatment of the North China Affair, and Kato Diplomacy. (Anglo-Japanese Alliance and the growth of monopolized capital).

По докладу выступили А. Л. Гальперин, Х. Т. Эйдус. Выступавшие поддержали критику автором точки зрения Камияма на военно-феодальный империализм как на особую стадию империализма. Нельзя его отождествлять с «тенноизмом», так как последний — лишь надстройка, определяемая самим военно-феодальным империализмом как базисом. В то же время Х. Т. Эйдус указал, что становление империализма в Японии — длительный процесс, начало которого нужно отнести еще ко времени накануне японо-китайской войны 1895—96 гг.

JOHN ALBERT WHITE (*Honolulu*): BEZOBRAZOV AND THE COMING OF THE RUSSO-JAPANESE WAR

The name of Alexander Mikhailovich Bezobrazov has long been associated with a clique which once surrounded Emperor Nicholas II and with responsibility for the outbreak of the Russo-Japanese War. In the half century since then, the opportunity has been greatly enhanced for seeing this problem in broader perspective and for assessing more accurately the relative roles of individuals and of contemporary trends in the coming of the war. This has been made possible by the publication of personal accounts of participants and of a variety of source materials by the British, French, German and Soviet governments as well as the more recently accessible Japanese archival materials.

From the vantage point of the information provided by these new materials it is apparent that Russia's entry into the war with Japan was the culmination of two major factors. One was the rapid economic development of Russia during the 1890's under the able and determined guidance of the Minister of Finance, Sergei Iulievich Witte. So all-inclusive was his program and so unquestionable was it that its effects would sooner or later permeate all of Russian society, that none could disregard it. One of the most outstanding features of Witte's economic program was the building of railways, particularly the Trans-Siberian Line which bridged the continental expanse of Siberia from Cheliabinsk to Vladivostok. In addition to the important economic role this railway was intended to play by establishing more rapid communications with the shores of the Pacific, it posed new political and strategic problems which were clearly not susceptible of easy solution.

Even before the Siberian line was completed, Witte's dominant role had aroused many active opponents. His vast railway enterprises, his Russo-Chinese Bank, Manchurian Mining Company and other ventures which grew out of the eastward expansion had made him the most powerful figure in Russian Far Eastern affairs. But at the turn of the century, the country was in the grip of a depression and those already discontented with his work found new grounds for questioning his whole program. In addition, the Russian occupation of Port Arthur in 1897 brought military commanders to Manchuria to contest his exclusive control there. In time the requirements of defense promised to cut ever more deeply into Witte's domination of Far Eastern affairs. Even the Emperor was jealous and fearful of the Finance Minister's power and thus encouraged the schemes of persons like Bezobrazov.

Even though Bezobrazov was one of those to whom the Emperor listened with interest, neither the role he played by virtue of this fact nor the originality of his plans should be overstressed. Rather he should be seen in the context of the circumstances which provided an outlet for his ambitions. In the first place, he did not act as an individual but rather as a member of the court group which saw its advantage in opposing Witte. Secondly, it should be remembered that this group was not successful until Witte's power was already in decline. Thirdly, the changing Far Eastern situation already seemed to call for a new policy before the ambitions of this group were in any degree successfully brought to bear on the formation of plans regarding this region. Finally, it is clear that such success as this group could claim was to some extent a consequence of the inadequate understanding in St. Petersburg of the Far Eastern situation. It is thus apparent that Bezobrazov can at best claim a secondary influence on the cause of events and that even this he came upon largely by default.

The other major development which lay at the root of the war with Japan was the trend in Far Eastern and world affairs in the last years of the nineteenth and the early years of the twentieth century. In Northeastern Asia the problem that invited trouble had become acute by the 1880's. It was then that China demonstrated a determination to take a forceful stand against the further loss of territory and prestige by strengthening the bonds of tributary relations which had traditionally bound Korea to her. For the time being at least China was able not only to retain her hold on Korea but, in the course of the succeeding decade, to improve her position at Seoul.

However, a sense of concern and even urgency regarding the future of Korea had been aroused in both Russia and Japan, each seeing in the uncertainties of the situation a potential menace to its own national interests. Therefore, in 1894 when a seemingly favorable occasion arose to resolve the question to her own advantage, Japan seized the opportunity and was able, after a quick and decisive victory over China, to assume control of Formosa and the Kuantung Peninsula in Manchuria as well as a potentially dominant role in Korea.

From this struggle there emerged a different political order in Northeastern Asia which had the following characteristics. In the first place, China had, for the time being, lost her bid for supremacy there and had been reduced politically to a position of helplessness. Secondly, an independent though politically weak and strategically located Korea emerged. Thirdly Manchuria, which had not heretofore been of any particular significance either to Japan or Russia, had become, along with Korea, an international problem. Fourthly, Russia had acquired a vital interest in Manchuria which in the course of the years 1896—1898 was to blossom into extensive economic, territorial, and strategic rights. Finally, the intercession of the powers in opposition to the Japanese gains in the Kuantung Peninsula in Manchuria was to call into being two parallel and opposed, though by no means single-mindedly cooperative, groups of powers. These were to make a conclusive impression on the international situation and to lay a part of the ground work for the Russo-Japanese War. One of these groups, consisting of Russia, Germany, and France, was the one which had shared the risks of the intervention and was soon to share its benefits in grants of territory and rights at the expense of China. The other, consisting of Japan, Great Britain, and the United States, was drawn together by a common opposition to the spheres-of-influence policy of the former.

The Boxer Rebellion of 1900 introduced into the situation one further and even more explosive element and one which seems overwhelmingly to tip the balance in favor of Russia — the military occupation of Manchuria by Russia. While other nations at this time sent troops to China to protect their nationals and national interests, none displayed the same tendency as Russia to prolong their military occupation. Nor did any other nation promise to become a menace to regions so vital to Japan as Korea and Manchuria. It was, in fact, this situation which soon called into being the firmest of the opposition groups, the Anglo-Japanese Alliance signed January 30, 1902, This, in turn, was followed by two responses from the other side: a joint Franco-Russian declaration in support of the *status quo* in the Far East and a Sino-Russian agreement in which Russia promised to evacuate her troops from Manchuria in three semi-annual stages.

The long-standing Russo-Japanese rivalry was thus brought into precise focus on the simple question as to whether Russia was carrying out

this engagement with China. The issue reflected two major concerns. On the part of Russia there was a firm determination to surrender no part of the rights and interests acquired in Manchuria. Rather, she sought by every means to ensure her hold on them. Therefore, in order to protect them from dangerous and even fatal pressures from the interested powers, particularly Japan, it came to be considered an indispensable prerequisite for military evacuation that China guaranteed them in some definite way. Russia was also aware that even normal economic competition was beyond her capacity to handle. Therefore, she had to take account of the fact that a literal recognition of the open door in Manchuria, the policy under which Japan was opposing Russia, would expose her to a competition which her weak economic structure could ill afford. Finally, if withdrawal were to place Russia in a defensive posture in Manchuria and, even worse, invite Japan to entrench herself militarily in Korea, defense of Manchuria would add another burden to the Russian budget.

Japan, on her part, felt an equally urgent need for some security for her interests in Korea. The Russian occupation of Port Arthur followed in 1900 by the introduction of military forces into Manchuria menaced Korea from two directions. The troops in Manchuria gave Russia a strategic advantage with respect to Korea which Japan could only have matched by herself sending troops into the peninsula. And even such a precaution would not alleviate the menace of a frontier requiring perpetual vigilance. A second factor was the location of Korea along the sea route between Port Arthur and Vladivistok. This gave the southern tip of Korea a significance to Russia which was outmatched only by its vital role in Japan's conception of her own national security. Thus, to each of the rival countries there was a region of primary and crucial importance to its national interests as well as an area of secondary though still vital significance in which it was felt that the activities of its rival should be limited. This limitation may be said to have had both a defensive as well as an offensive aspect since this secondary area was looked upon by each as a zone reserved for future expansion when the opportunity should present itself.

It was in this final stage of the conflict that Bezobrazov and the group with which he was associated played their role. They appeared on the scene very late in the development of the problem, at a time when a Russian policy was in the final stages of formation. The question as to whether Russia ought to protect her rights in Manchuria was already decided. The only remaining question was how it could best be done and on this they offered advice. Since some of the things they advocated were in fact put into practice, it may very well be that they contributed to the policy ultimately adopted. They shared in the making of these decisions in two major aspects: those regarding Manchuria and Korea.

For Russia, the defense of Manchuria was the immediate problem. At the moment it turned on the question as to how this could be done while carrying out the intent of the treaty with China of April 8, 1902, which called for withdrawal of the Russian forces. In the first place, as already noted, it was generally agreed in St. Petersburg that a complete and literal compliance with this agreement was unthinkable without additional Chinese guarantees of Russian rights and privileges in Manchuria. In the second place, this involved both a careful statement of the conditions China would be required to approve and consideration of the course Russia would pursue in the likely eventuality that China should refuse the conditions. For Japan, Great Britain, and the United States were united in the effort to strengthen

the backs of the Chinese officials to refuse the demands and thus force Russia to back down. In addition, Japan and the United States were urging China to sign a new agreement which included additional commercial opportunities for each in Manchuria, a threat of competition which only made the continuation of her monopoly seem more urgent to Russia.

Russia, therefore, decided to strengthen herself in Manchuria. In putting this decision into operation there was little difference of opinion that her hold on Manchuria was in danger. There was, however, some divergence of views as to the extent of the danger, a difference that would have considerable bearing on the measures necessary for defense. General Kuropatkin, the Minister of War, held the danger to be so great that Russia should prepare to surrender her holdings in South Manchuria. The hostility of the Chinese government and people and of the foreign powers, he felt, made it imperative that Russia should not commit more forces than could defend North Manchuria since this constituted a convenient shield for all of her remaining Far Eastern possessions.

Nevertheless, the Russian decision was that all of Manchuria was to be held.

To do this required the strengthening of existing defense facilities regardless of China's response to the demands. Should China approve the guarantees Russia would withdraw her forces from all places outside the railway zone and the leased territory would remain under occupation.

The strengthening of the Russian hold on Manchuria included also new administrative arrangements. A viceroyalty was established with headquarters at Port Arthur and with jurisdiction over all Russian territory, rights, and subjects in Manchuria and the Russian Far East. The decree ordering this was signed August 12, 1903, and placed both domestic and foreign affairs dealing with this area in the hands of the viceroy.

This measure, in particular, is generally credited to the influence of Bezobrazov. Yet it must be born in mind that it served as a remedy for the long-existing evils of divided authority in Manchuria and of dealing with the foreign relations of a distant region whose requirements were poorly understood in St. Petersburg. To give him the maximum autonomy the viceroy had direct access to the Emperor through the Special Committee for Far Eastern Affairs. In this way, the time-consuming process of reaching decisions in the ministries could to some extent be avoided. However, the system was immediately tested with the opening of the negotiations with Japan and its newness and the insufficiency of the system of communications became glaringly apparent. In fact, the delays in the negotiations from the Russian side are considered to have played a major part in bringing on the end of the negotiations and the beginning of war.

Closely associated with the establishment of the viceroyalty was the dismissal of Witte, the Minister of Finance. This also is credited to the influence of Bezobrazov. To be sure, Bezobrazov and his group wanted nothing better than to discredit the powerful minister and would have been more than pleased to have him dismissed. Yet it must also be kept in mind that Witte's vast role in the development of the country earned him many enemies, including the Emperor. Long before 1903, there were hopes of getting rid of him. Now, with the direction of Far Eastern policy in other hands, it seemed an opportune moment to dispose of one whose direction of affairs appeared less necessary. Since Bezobrazov joined in the cry for the sacrifice of the great minister, he may indeed have contributed to his downfall.

Meanwhile, it can be said with greater certainty that Bezobrazov played a part in the second aspect of the defense of Manchuria, that which looked upon Korea as a shield for Manchuria. It had long been the assumption of Witte and others that Manchuria was only a base of operations for the further expansion of Russian influence. Russian hegemony in Korea and North China was, therefore, considered to be only a question of time and circumstance. But, it was also realized that this phase of the expansion plans would arouse the powers, particularly Japan, against Russia and, therefore, would have to wait. This left the problem as to how best to deal in the meantime with threats to Manchuria that might arise from Japanese ambitions in Korea. Out of this problem there had developed the concept of a protective barrier against possible encroachments from the direction of Korea.

The Yalu timber concession in which Bezobrazov came to play so notorious a part was essentially a product of this defensive thinking with respect to Korea. The concession had originally been granted to a Vladivostok merchant in 1896 and in time had come into the hands of a group centering at the Imperial court. Here the project began to acquire prestige from its exalted backers and, at the same time, to provide them with a vehicle for their Far Eastern plans. Had their plans been as well developed as some have intimated or had they pursued their objective with greater determination, they might have prepared Russia more effectively to meet the challenge or even to have avoided the ordeal entirely. But their plans took insufficient account of the poor state of Russian military preparedness and of the degree to which their activities alienated international good will.

The policy which the Russian government formulated reflected in part the advice of this group. Its purpose was to use the Yalu concession in the defense of the Korean border of Manchuria by acquiring an economic stake in Korea along the Yalu River. It was expected that this could be converted into a political and strategic base of operations. Thus, a shield could be established against a Japanese enterprise attack or any other form of encroachment. To place the role of Bezobrazov in its proper perspective, three aspects of it must, therefore, be kept in mind. In the first place, the concept of Yalu as a shield for Manchuria represents, by comparison with the thinking of many others including Witte, a retreat, a defensive aspect of Russian policy. Secondly, this concept not only predated the entry of Bezobrazov into the scene but was shared by others as well. Finally, the concept continued to be effective after Bezobrazov disappeared from the scene. In the negotiations with Japan, the idea was reflected in Russia's desire that Japan recognize a neutral zone in Korea north of the thirty-ninth parallel, that she promise not to use Korea for strategic purposes, and that she guarantee that the Korean Strait would remain open for shipping. In fact, these demands formed a major stumbling block to Russo-Japanese agreement. In this way also Bezobrazov was only one of many who helped to make the policy that led to war. No apportionment of blame among individuals can avoid the inescapable fact that the policies, in Russia as in Japan, which led to war were those either formulated or accepted by the responsible heads of the respective governments and that these policies were considered to be in the best national interests of both powers.

По докладу выступил А. Л. Сидоров.

TEIJIRO KANBAYASHI (*Osaka*): ECONOMIC AND SOCIAL CONDITIONS OF LABOURERS IN JAPAN

Karl Marx says in Chapter XXV of volume I of his *Capital* about the general law of capitalist accumulation as follows:

"We saw in Part IV, when analysing the production of relative surplus-value: within the capitalist system all methods for raising the social productiveness of labour are brought about at the cost of the individual labourer; all means for the development of production transform themselves into means of domination of the owner, and exploitation of the producers; they mutilate the labourer into a fragment of a man, degrade him to the level of an appendage of a machine, destroy every remnant of charm in his work and turn it into a hated toil; they estrange from him the intellectual potentialities of the labour-process in the same proportion as science is incorporated in it as an independent power; they distort the conditions under which he works, subject him during the labour-process to a despotism the more hateful for its meanness; they transform his life-time into working time, and drag his wife and child beneath the wheels of the Juggernaut of capital. But all methods for the production of surplus-value are at the same time methods of accumulation; and every extension of accumulation becomes again a means for the development of those methods. It follows therefore that in proportion as capital accumulates, the lot of the labourer, be his payment high or low, must grow worse. The law, finally, that always equilibrates the relative surplus-population, or industrial reserve army, to the extent and energy of accumulation, this law rivets the labourer to capital more firmly than the wedges of Vulcan did Prometheus to the rock. It establishes an accumulation of misery, corresponding with accumulation of capital. Accumulation of wealth at one pole is, therefore, at the same time accumulation of misery, agony of toil, slavery, ignorance, brutality, mental degradation, at the opposite pole, *i. e.* on the side of the class that produces its own product in the form of capital".

This antagonistic character of capitalist accumulation, that is, accumulation of wealth at one pole and accumulation of misery at the opposite pole, is evident in the capitalistic development of all capitalist countries. Also in Japan, the antagonistic development of accumulation of wealth of capitalists and of accumulation of misery of labourers is not only evident, but more evident than in other developed capitalist countries. Throughout the life of Japanese capitalism, throughout Meiji era, Taisho era and Showa era of Japan, the accumulation of capital has proceeded at one side and the accumulation of misery has proceeded at the other side. And this antagonistic development of capitalist accumulation, the concrete phenomena of the general law of capitalist accumulation, is evidently to be observed in the economic and social conditions of labourers in Japan after the Second World War.

But bourgeois ideology denies the process of misery of labourers in Japan, and social-democrats and revisionists deny the so-called absolute misery of labourers in Japan. They advocate that economic and social conditions of labourers in Japan become better and better, as the productive power of labour becomes greater and greater. According to their opinion, the greater the productive power of labour becomes, the greater the payment of labourers becomes, the better become the conditions of labour and life of labourers. But this sort of thinking is wrong.

I will explain economic and social conditions of labourers in Japan, before, during and after the Second World War, and will verify the general law of capitalist accumulation and the process of absolute misery of labourers in Japan. I edited with my friends a book *Labour and Life of Working Classes in Japan*, which treats of economic and social conditions of labourers, farmers, fishermen and intelligentsia in Japan after the Second World War. In this book, the "Labour and Life" of workers are described by the workers themselves. Moreover, I wrote with my friends several books which treat economic and social conditions of labourers in Japan, such as *Industrial Problems of Japan under the control of American Imperialism*, *Labour and Capital in Small Business*, *Labour and Capital in Medicine Industry*, etc.

To-day, in Japan, technical progress, mechanization and automatization are going on, and as a result of these technical developments, labour and life of labourers are becoming worse. Here we can see the antagonistic character of technical development in capitalism.

In spite of these bad conditions, labourers in Japan fight against monopolistic capitalists of Japan and America, and for the realization of peace, independence, democracy and improvement of life.

Руководитель секции Е. М. Жуков объявил о внезапной кончине во время заседания члена Конгресса А. Л. Гальперина. Присутствующие единодушно почтили его память вставанием.

Заседание было прервано.

15 августа, утреннее заседание
Председатель Д. И. Гольдберг *(Ленинград)*

KIYOSHI INOUE (*Kyoto*): LABOR MOVEMENT IN JAPAN BEFORE THE WORLD WAR II

Текст доклада не представлен.

По докладу выступили В. М. Константинов и Дз. Уэсуги.

ХОРИЭ МАСАНОРИ (*Токио*): О ЗНАЧЕНИИ БОРЬБЫ ПРОТИВ «АМ-ПО» И РОЛИ РАБОЧЕГО КЛАССА *

I

Я думаю, что о развитии борьбы против «Договора по обеспечению безопасности между Японией и США» [1] в целом выскажутся многие из моих коллег. Я же в своем кратком докладе хочу остановиться лишь на роли рабочего класса, как основного ядра единого фронта, на быстром росте его политической сознательности, выявившейся в ходе борьбы против этого договора. В данном докладе я хочу коснуться не только руководящей роли рабочего класса, но и отрицательных моментов и недостатков, которые должны быть преодолены. Мне радостно думать

* Доклад был прочитан на японском языке.

о себе, как об одном из тех, кто находился в бурлящем водовороте этого движения, и с полной уверенностью доложить вам о том, что данная борьба не только является огромным событием, имеющим в буквальном смысле историческое значение для рабочего и революционного движения Японии, но и важным вкладом в движение народов всего мира за мирное сосуществование. Прежде всего я хочу отметить две политические особенности, которые проявились в этом народном движении.

Во-первых, слова Председателя Мао Цзе-дуна: «Восточный ветер побеждает западный» — еще недавно часто цитировались в демократическом и рабочем движениях и сыграли большую роль в понимании направления этого движения и в побуждении участников движения к действию. Но с другой стороны, некоторые полагают, что сильный «восточный ветер» дует мимо Японии и не благоприятствует движению в стране. Появились сторонники различных версий: не придать ли рабочему движению узкоограниченное направление в случае вступления в силу «Договора безопасности», не окажет ли помощь «восточный ветер» и наших островам и т. д. Исходя из этих положений, одна часть руководителей рабочего движения начала готовиться к право-оппортунистическому повороту (к так называемому японскому тред-юнионизму), другая же часть стала призывать к решительной борьбе с фашизмом, появление которого при существующем положении было неизбежным.

Развернувшаяся в этот момент борьба японского народа против «Договора безопасности» нанесла сокрушительный удар по пораженческим настроениям в связи с борьбой народов всего мира за мир и мирное сосуществование. Борьба корейского и турецкого народов явилась благоприятствующим обстоятельством для нового подъема всеобщей борьбы единого народного фронта Японии. Успешная борьба японского народа за то, чтобы закрыть перед Эйзенхауэром двери в нашу страну, в свою очередь, явилась стимулом не только для развития движения за независимость латино-американских и африканских народов, но и для движения за мир народов Западной Германии, Италии и других стран, движения против американских военных баз. Видя это, рабочие и трудящиеся массы Японии поняли, что именно теперь «восточный ветер» сильнее дует в самой Японии и этот «восточный ветер» — они сами. В этом наш большой шаг вперед.

Во-вторых, политическая демократия в послевоенной Японии приобрела более широкий характер. Но эта демократия, можно сказать, была в значительной степени формальной, ибо основой её было экономическое обнищание японского народа. Рабочие, крестьяне и прочие трудящиеся Японии уже сами почувствовали, что их могут привести к прежнему состоянию политического бесправия. По установившемуся в японской деревне порядку крестьяне со своими повседневными жалобами и политическими требованиями обращались через директоров сельскохозяйственных кооперативов и через депутатов сельских и префектурных самоуправлений, потому что думали будто сами они бесправны и бессильны чего-либо добиться. Подобно тому как можно наблюдать даже у рабочих, проводящих хорошо организованную стачечную борьбу в капиталистических странах, и у японских рабочих во многих случаях проявляется склонность обращаться со своими вопросами к профсоюзным лидерам и депутатам парламента. Много было и таких примеров, когда рабочие и в стачечной борьбе и в демонстрациях участвовали формально в соответствии с указанием вышестоящих профсоюзных центров. При таком положении оказывалось, что демократические требования японского народа

легко сужаются рамками буржуазного демократизма или буржуазного парламентаризма.

В настоящей же борьбе против «Договора безопасности» тысячные толпы народа покидали фабрики, заводы, шахты, школы, дома, фермы, заполняли улицы, присоединялись к массовым демонстрациям. В столице Токио почти ежедневно огромные массы, в двести и более тысяч человек, проводили организованные демонстрации протеста у стен японского парламента, перед резиденцией и штаб-квартирой премьер-министра, перед зданием американского посольства. Эти массовые демонстрации производили такое впечатление, как-будто за исключением небольшой кучки продажных политиков и монополистов восстал весь японский народ, тронулись все классы общества, вливаясь в единый могучий поток, и не было никакой силы, которая могла бы остановить его.

Говорят, что борьба японских крестьян является слабым местом движения. Но во всех районах Японии можно наблюдать участие крестьян в народной борьбе, организованной префектурными советами совместного действия, посылку в столицу крестьянских представителей для участия в борьбе. Мне кажется, что основную причину роста политической активности крестьян следует искать в разукрупнении и расширении районных центров промышленности, в развитии коммуникационных связей, в усилении социального расслоения крестьянства, темпы которого особенно возросли за последние несколько лет в условиях развития послевоенного капитализма. Необходимо принять во внимание также и тот факт, что на политическую жизнь в деревне почти по всей Японии (особенно в зонах близко примыкающих к городам, к железнодорожным и автобусным линиям) начали оказывать влияние новые демократические элементы из числа середняцко-бедняцких слоев, сельскохозяйственных рабочих и городских рабочих, поддерживающих постоянные связи с деревней. То, что крестьянство начало переходить на путь самостоятельных политических выступлений, означает, что «безголосые голоса» (по выражению бывшего премьер-министра Киси), являвшиеся до сих пор социальной опорой консервативных партий, начали кричать во весь голос.

А как же обстоит дело у рабочих? Они не только стали главной политической силой всех политических демонстраций и митингов, происходивших по всей стране, но и смело проводили всеобщие политические забастовки, массовые собрания на заводах и фабриках, бывшие, по существу, также частичными забастовками. Теперь не редкость и такие явления, как массовое обсуждение на фабриках, заводах и шахтах, расположенных за несколько сот километров от Токио, каких-либо политических событий или экстраординарных мер правительства уже на следующий день после того, как они имели место. То, что рабочий класс остро, во всеяпонском масштабе реагирует на политические явления, служит свидетельством нового этапа в развитии рабочего движения Японии. Хотя в политических организациях рабочего класса еще много элементов тред-юнионизма и парламентаризма, нельзя не обратить внимание на всё новое, передовое, что завоевано рабочим классом в массовом масштабе. Мы должны отметить энергичную и самоотверженную борьбу против «Договора безопасности» студенческой молодежи, активную поддержку словом и делом со стороны деятелей культуры и интеллигенции, закрытие в знак протеста магазинов средними и мелкими торговцами в городах и районах.

Во всяком случае, самым замечательным, не имеющим ничего равного по значению, достижением данного демократического движения является то, что трудящиеся массы Японии, находившиеся до сих пор в какой-то

мере в плену представлений о своем политическом бессилии, встали на путь самостоятельного разрешения таких кардинальных задач, как защита мира, независимости и демократии, начали приходить к убеждению, что именно они с помощью организованного массового движения, основой которого является единый фронт, сумеют привести общество в движение и преобразовать его.

II

Где же та историческая сила, которая пробудила волю японского народа, нацелив её на борьбу за мир и демократические свободы, сумела поднять это народное движение на небывалую высоту?

Правильно установить эту историческую силу особенно необходимо теперь, в новой обстановке, когда в борьбе против «Договора безопасности» намечается тенденция некоторого спада, неизбежного после того, как волна движения достигла кульминационного пункта, и у руководителей движения потеря перспективы начинает порождать неверие и шатания. По моему мнению, здесь следует привести по крайней мере два наиболее важных фактора.

Первый фактор. Широкая солидарность, твердость и высокий уровень борьбы народов всего мира за мирное сосуществование. В данном случае решающее значение приобретает то обстоятельство, что социалистические страны стали оплотом мира. Они придают современному движению такие качества и вес, какие немыслимы были в прежнем, довоенном движении. Развернувшаяся теперь в мировом масштабе борьба народов за мирное сосуществование против империалистических войн и колониализма ясно показывает, что в широких народных массах всего мира все более и более усиливаются ненависть к империалистической войне — самому страшному преступлению капитализма, сознание необходимости быть бдительными. Это указывает на то, что империализм, как бы он ни выглядел внешне могущественным, никак не может скрыть свои слабости перед поднявшимися массами угнетенных классов. Слабости его раскрываются полностью. Именно они и являются ярким доказательством того, что борьба против «Договора безопасности» не случайное явление, что она в будущем станет еще более мощной.

Второй фактор — образование единого демократического фронта, целью которого является разрешение национальных задач внутри страны, рост рабочего класса, как главного организатора единого фронта.

Своеобразие огромнейшей потенциальной энергии раскрывшейся в этой борьбе, заключается именно в том, что самые различные классы японского народа, независимо от различия их интересов, политических взглядов, настроений действовали как одно целое, так, как будто во имя общей цели — защиты мира и демократии поднялось всё общество.

Кто же был руководителем этого движения ранее всех предвидевшим главное его направление, отдавшим все свои силы формированию и укреплению его? Это был, конечно, рабочий класс и его марксистская партия. Без напряженных и самоотверженных усилий рядовых бойцов, безымянной, но лучшей части рабочего класса, без партии, творчески применявшей марксизм к особенностям современного демократического движения еще задолго до его полного развития, подобный подъём был бы немыслим, проведение всенародного, общеклассового движения было бы

невозможным и оно не могло бы добиться максимальных успехов с минимальными жертвами.

Однако теперь следует обратить особое внимание на то, что в нынешних условиях, когда движение обнаруживает некоторые тенденции к спаду, часть руководителей мелкой буржуазии выражает недоверие к рабочему классу и руководству политической партии, опирающейся на рабочий класс, и в известной степени оказывает воздействие и на часть рабочего движения. Буржуазная пресса также проявляет усердие в распространении подобных настроений. Всё это способствует образованию различных оппортунистических группировок и некоторому распространению пораженческих настроений. За неимением времени я не могу привести здесь конкретные факты, но это и троцкистский авантюризм и отрицание принципов мирного сосуществования, отрицание единого фронта и руководящей роли рабочего класса в нём, и механический отрыв борьбы против «Договора безопасности» от борьбы в защиту демократии, и, наконец, недооценка успехов борьбы японского народа и прочее.

В период, когда движение идет на убыль, колебания мелкой буржуазии вполне естественны и они неизбежно будут еще сильнее пока рабочий класс не созрет для того, чтобы обеспечить движение действенным руководством. В настоящее время самое важное и главное заключается в признании исторической роли рабочего класса и его способности обеспечить поддержку массового движения как такового и дальнейшее продвижение его на более высокую ступень. В борьбе против «Договора безопасности» рабочие Японии своей активной борьбой доказали, что они способны на это.

Во-первых, у рабочих меньше чем у какого-либо другого класса колебаний при крутых поворотах и резких изменениях обстановки, а если эти колебания и проявляются, то они носят временный характер и преодолеваются коллективно.

Во-вторых, рабочий класс, как организатор единого фронта, начал проявлять такие качества как настойчивость, сила сопротивления сектантству, терпимость и понимание других демократических классов, чего нет у других классов.

В-третьих, рабочий класс держит в своих руках «сердце» всего капиталистического производства, и в нужный момент может всю силу своей организованности превратить в мощное орудие нападения (стачечная борьба на государственных и частных предприятиях, шахтах, ж. д. транспорте и т. д.).

Рабочий класс Японии в массовой борьбе против «Договора безопасности» начинает делать только первые шаги. Нельзя сказать, чтобы деятельность рабочего класса по объединению народных масс вокруг новых политических задач, таких как нейтрализм, понятна всем широким народным массам, особенно в сельских районах. В этом и заключается причина, почему консервативные силы, потерпев поражение в борьбе с единым фронтом, не отказались от своей привязанности к «Договору безопасности», от своей проамериканской, антикоммунистической позиции.

В заключение мне хочется сказать несколько слов о забастовке в Миикэ, к которой приковано внимание рабочих всего мира. Эта борьба углекопов в шахтах Миикэ концерна Мицуи против увольнения рабочих под предлогом рационализации продолжается более года, и для прекращения ее понадобилось вмешательство правительства. Условия, подготавливаемые Центральной Арбитражной Комиссией (являющейся полуправительственным органом с участием представителей от предпринимателей

и рабочих) скорее всего будут не в пользу рабочих, но разработанные условия арбитража должны быть приняты беспрекословно обеими сторонами.

Пусть даже на шахтах Миикэ забастовка близится к концу, но борьба против массовых увольнений, проводимых под предлогом рационализации как среди углекопов Миикэ, которые приобрели в результате такой продолжительной, небывалой в истории рабочего движения Японии забастовки, тяжелый опыт борьбы, так и всех рабочих Японии, в тех или иных формах будет продолжаться и в дальнейшем.

Эта борьба углекопов Миикэ и борьба учителей против системы «*Кимпё*» [2] были первой ступенью, сыграли роль прелюдии к началу большой борьбы против «Договора безопасности».

В Китае говорят: «Человек ходит на двух ногах». Мы можем сказать, что японские рабочие, наконец, начали шагать двумя ногами — и в политической и экономической борьбе. На этом пути встретится немало трудностей, но они преодолеют их, и, сделав первые шаги, будут обеими ногами шагать вперед без остановок. Мы, представители общественных наук, не жалея сил, будем озарять светом науки широкие перспективы, раскрывающиеся перед рабочим движением Японии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Договор по обеспечению безопасности между Японией и США» в Японии сокращенно называют «ампо», т. е. «Договор безопасности».

[2] «*Кимпё*» — Система аттестации учителей, разработанная Министерством просвещения, предоставляющая право официальному начальству (директору школы, инспекторам и т. д.) оценивать работу учителя, его поведение вне школы и т. д., сводящаяся фактически к запрещению учителям участвовать в профсоюзном и демократическом движениях.

SHOBEI SHIOTA (*Tokyo*): THE HISTORICAL IMPORTANCE OF THE STRUGGLE AGAINST UNITED STATES — JAPAN «SECURITY TREATY»

The movement of Japanese people against the new United States — Japan «Security Treaty» (Ampo Struggle) has drawn international attention. It was one of the greatest mass political struggles in Japanese history. The Opposition movement of the people swelled up on the largest scale and with greatest vehemence ever seen, especially after the nineteenth of May, when the Kishi government had managed to pass the new Treaty at midnight by *coup d'état*-like measures which wrecked the parliamentary democracy in Japan. The movement which had begun by signature and petition campaigns, developed into national-wide protest demonstrations, and every day in Metropolitan Tokyo the diet house and the premier's office were surrounded by demonstrators counting nearly 330 thousand at its peak (June 18th). The participants of the demonstrations included not only workers and students, but also professors, artists, unorganized citizens and even housewives. High school pupils without suffrage took part too in this political struggle. Delegations including peasants came to Tokyo from all parts of the country and marched to the diet-house.

With the railway workers at their head, the working class held three general strikes of protest. It was reported that trade-unions under the leadership of Sohyo (General Council of Japanese Trade Unions) and independent unions took part in these strikes, and that the number of strikers were 4.6 million on the 4th of June, 5.8 million on the 15th, 6 million on the 22nd. This was the first experience of political general strikes for Japanese workers. These anti-government strikes were held peacefully, and without confu-

sion, enjoying the support of the public, even though the transport was stopped.

The struggle started systematically one and a half year ago, at first as a movement against the consolidation of the United States—Japan military bloc through revision of the United States—Japan «Security Treaty», and gradually gained its force. Then after the fascist-like actions of the Kishi government in the night of May 19th, the slogan «Defend the Democracy» was focussed up and the movement became wider and deeper. Meanwhile, President Eisenhower's trip to the Far East timing in with the ratification of the «Security Treaty» was understood to have the purpose of helping the Kishi government at its crisis, and opposition to Eisenhower's visit became one of the aims of the movement. Day after day, the United States Embassy in Tokyo was the destination of the protest demonstrations. The car of Hagerty, the press secretary of Eisenhower, was surrounded by demonstrators at Haneda Airport, and the secretary had to escape in a helicopter (June 11th). On June 15th, when students, professors, theatrical workers, citizens and women marched to the diet-house, ultra-rightist terror gangs and the police attacked the demonstrators brutally and injured more than a dozen hundreds of them, until it led to a shocking accident in which a girl student (Miss Michiko Kamba) was killed. Immediately after this, Eisenhower's visit to Japan was suspended and the announcement caused far-reaching international reactions. This situation forced the government of Nobusuke Kishi to resign. It was in power for three years and four months. It is thought probable that the new treaty which went into force formally will practically be unable to have its proper force and will become a dead letter.

Now Hayato Ikeda, the successor of Nobusuke Kishi, formed a new cabinet and a political struggle for the coming general election began. The «Ampo struggle» (anti-Treaty struggle) went through a phase of the movement, and the first round was over. Some of the participants of the struggle regret that we could not succeed in preventing the ratification of the Treaty, and the weak points within the movement and the tactics of the leadership are subject to self-examination and criticism. But we cannot deny the fact that this struggle brought victories to the people, even though they were of an elementary nature, and that the Japanese people made a big step forward on the way to peace, democracy, full independence and neutrality, and played an active role in the international common struggle against imperialism.

The leading role in this «Ampo struggle» was played by the «National Council to Prevent the Revision of the Security Treaty». The National Council was formed in March, 1959, rallying all the anti-Treaty forces around the Social Democratic Party, Communist Party, Sohyo, Zennichino (All Japan Peasants Union) and Gensuikyo (National Conference against A—H bomb). In its background, there was the anti-Keishokuho struggle in Autumn of 1958 (the struggle against the Police Function Bill). It was an experience of victory, in which the mass opposition movement frustrated the attempts of the Kishi government to strengthen the powers of police and suppress democratic freedoms. In this struggle, a dozen hundred joint struggle organizations on the basis of the working class including Socialist and Communist parties were formed throughout the country, and a National Council against the Bill was organized in Tokyo, which lead to an epoch-making advance of the united action. The National Council against the «Security Treaty», which succeeded and developed the gains of the anti-Police-Bill struggle, organized twenty one united national actions from April, 1959 to July, 1960. There are more than two thousand joint struggle organizations working

in the country. One of the most eminent examples of them was the Gumma Minyoren (Democracy Defence Union of Gumma Prefecture) which was organized on the basis of the experience during the struggle against the foreign military bases and against the Kimpyo system (a system to estimate the services of the teachers).

In the center of these struggles stood always the working class. But after the May 19th events, many independent democratic organizations of diverse social sections and professional groups were formed in Tokyo and other places in the country and all of them fought on, showing their particular initiatives. As the result, the whole movement has now developed beyond the control and leadership of the existent methods of the National Council. It is, at present, a matter of organizing a more powerful anti-fascist united front movement on a larger scale.

It would be needless to say that the Ampo struggle had developed in close connection with the present international situation — a situation of conflicts between forces of war and peace. At the same time, our struggle had the history of Japan at its back. It has developed, therefore, on the base of the historical heritage accumulated by the democratic and progressive movements of the Japanese people, while it could not be free from the shortcomings and weaknesses of the previous movements. It was at least a condensation and a final account of democratic movements in Japan since her defeat on August 15th of 1945. It was, in a sense, a turning point to end the "MacArthur Age" and to open a new era. It is important that there was the "old" United States — Japan Security Treaty which was signed at San Francisco in September, 1951, as the basis for the "new" Security Treaty. That was a military bloc formed in connection with the separate Peace Treaty with Japan and without the participation of the People's China and the Soviet Union. The Ampo struggle of to-day, therefore, has as its background ten years of history of struggle against the San Francisco Treaties, and of other progressive movements since then.

In June 1950, the year before the conclusion of the San Francisco Treaties, the war broke out in Korea. Japan set out to re-arm openly in July of the same year, in the disguise of Police Reserve. It grew into the Jieitai (Self-guard) in 1954, and is reinforcing itself year after year until to-day. American occupation and the Japanese ruling circles took steps to suppress the whole labor movement from the summer of 1949 to the summer of 1950. Hundreds of thousands of workers were fired and leftist activists were purged from trade-union organs and shops, while the Communist Party was forced into a semi-illegal status. Taking advantage of these conditions, Japanese monopolists, under the support of their United States counterpart, carried out the "industrial rationalization", recovered their strength from the state of impotence after the defeat and sought the way of further strengthening. The working class, then split, could not rebuff this offensive effectively and was defeated. Communist groups and Social Democratic groups (Minshukadomei) within the trade-unions were sharply conflicting for leadership. In the end of these conflicts, the Communists lost their previous leadership in the labor movement. Under the hegemony of the victorious Mindo groups, the General Council of Japanese Trade Unions (Sohyo) was established in July, 1950. The ranks of the Communist Party were confused because of the differences on the party policy. The Social Democratic Party was also divided into Leftist and Rightist factions, being unable to coordinate their views on the San Francisco Treaties (October, 1951).

The break-out of the war in Korea and the conclusion of the San Fran-

cisco Treaties which are hostile to China and the Soviet Union, made, however, workers and intellectuals conscious of the fact that peace, national independence and democracy are in serious danger. Then a movement for neutralist policy and a full Peace Treaty which would include People's China and the Soviet Union, and against the re-armament and foreign military bases began. But this movement was at first represented only by resolutions and statements of trade-unions and intellectuals, and stronger actions have hardly been organized. Japan was thus situated in an anti-communist military strategic system, as one of the most important posts of the United States imperialist cold-war policy in the Far East.

Since then, monopolist capitalism in Japan had developed production at an accelerated rate and enjoyed an unheard-of prosperity, increasing thereby the exploitation of workers and peasants. It is now trying to make the "Self-guard" forces stronger, which it had bred against the Constitution, to resurrect the militarism openly and to have a say as an imperialist power, by revising and consolidating the "Security Treaty" — a military alliance of the United States and Japan. Meanwhile, the Japanese people's movement resisting American imperialism and Japanese monopoly capitalism grew stronger, the manifestation of which is, first of all, the base problem. Struggles against United States bases in Uchinada (1953), Sunagawa (1955—56) and at the foot of Mount Fuji were fought everywhere in the country by alliances of workers and peasants or fishers. The movements to recover the status of Japanese territory in the occupied islands of Okinawa (Ryukyu) and Ogasawara (Bonin) have been ever growing.

Secondly, there is the peace movement, particularly demanding the banning of the A and H bomb; 33 million had signed the demand by 1955. Giant meetings are held on August 6th every year (the anniversary of the atom-raid of Hiroshima) in Hiroshima, Nagasaki and Tokyo, to which many peace fighters of the world attend. The conclusion of the Soviet-Japan Peace Treaty and the re-establishment of normal relations between People's China and Japan are becoming broad national demands.

Thirdly, there is the struggle for democracy. Fascist-like attacks against democratic education opposed by Nikkyoso (Japan Teacher Union) and others — the Two Education Bills (1954), the Three Education Bills (1956), Teachers' Service Evaluation System (1958) and so on — met intense resistance. Attempts to establish a Conservative dictatorship by revision of the Election Law (1956 — introduction of minor precincts) or revision of the Police Service Law (1958) were repulsed by national opposition movements and the national-wide movement against the unjust judgment on the Matsukawa event is fighting already for over ten years.

Fourthly, there are consistent struggles by trade-unions demanding better conditions. United class actions of resistance are developing, especially against the recent offensive of the monopolists, which, on pretence of "Physical improvement", try to strengthen the exploitation of workers by the "Higher Productivity Movement", "Rationalization" policy or "Liberalization" policy. The current Miike Mine strike is an example. Mitsui Mine Co., a gigantic monopoly, as the forerunner of the rationalization of the coal industry, attacked the Miike Mine Workers Union (one of the strongest unions in Japan) demanding to fire militant workers and destroy the union organization, under encouragement and support of the whole capitalist camp and the state power. The Miike miners have fought for more than two hundred days and frustrated the attempts of the capitalists, showing a striking militancy with nation-wide support of the workers of all industries—

let alone the miners. It was the most bitter struggle in the history of the labor movement in Japan. And there runs through the whole progressive movement the one and same aspiration of the Japanese people to bring about the reconstruction of Japanese society by defending the peaceful and democratic Constitution and positively realizing its contents.

Thus, during ten years from the "old" Security Treaty to the "new" Security Treaty, through series of bitter defeats and partial victories, the Japanese people accumulated an experience of united actions and increased their strength. As already pointed out, joint struggle organizations all over the country are consolidating the basis for establishment of a real united front. The general strike of June 4th demonstrated that the united front of all democratic forces around the working class is taking hegemony.

But it would be wrong to look only at the bright side of the situation and fail to see that there are many weak points and shortcomings to be overcome. Among others, we must admit the fact that there is a split among our people, and in the working class. The Japanese labor movement experienced repeated bitter ideological conflicts and organizational division ever since pre-war time, and this "bad tradition" is not yet overcome. The national centre of the new labor movement resumed after the war, which was divided into the Sanbetsu (the Congress of Industrial Unions) and Sodomei (Confederation of Japanese Trade Unions) in the early period, is still divided into Sohyo (3,6 million) and Zenro (National Congress of Trade Unions — 870 thousands), while some 1,2 million workers are in the independent unions. Though it is under the control of Social Democratic leaders, Sohyo includes almost half of all the organized workers (7.080.000, or 34% of all workers) as its members and is regarded as the leading body of the militant labor movement, while Zenro is in the hands of Right Social Democrats and is under the influence of extreme anti-communism and class collaborationalism. Zenro was passive in the anti-Treaty struggle and refused to join the National Council against the Security Treaty. During the Miike strike, it supported the second union which was organized as a kind of "Company union" and made the struggle of the first union under Sohyo very difficult.

In recent years, trade-unions were split by manoeuvres of the managements and right elements within the unions, making the struggle difficult, as the strikes are becoming harder and longer. We may mention as examples the great strikes as those of Nisan Automobile (1953), Nihon Pipe Muroran Plant (1954), Niigata Local of the National Railway (1957), Ohji Paper (1958), etc. We can see many such examples in strikes of medium and small sized enterprises. In cases where the government and the capitalists fail to control particular trade unions by putting the leadership into the hands of rightist leaders, they pursue the policy of breeding a second union and play on the split of the ranks of the workers. This is why such trade unions as Nikkyoso (Teachers), National Railways, Private Railways and Forest, etc., are threatened by split recently.

The root of the problems of division and of the second unions is the weakness of the Japanese workers in that they are in the grip of "enterprisism" — a feeling of more consciousness of their employed status than of class — with the sense of class solidarity still feeble. This means that the workers cannot get rid of economism, nor have clear political consciousness. This is the reason why the workers of big enterprises under monopoly capital were not always active in the anti-Treaty struggle. Thus when the waves of the whole movement were so high as never seen before, the leading role of the working class was not fully in play, with the result that it seemed as

though students, professors, artists and other sections of petty bourgeoisie played bigger roles. There is some criticism that the political leadership of Socialists and Communists were not strong enough in the Ampo struggle. This might have come from the historical condition of these parties not having strong roots in the working class. It is because of these circumstances and the fact that peasants were not in a position to rise as a whole because of weak organization of the peasant unions that the Ampo struggle could not develop into a too serious political crisis for the ruling classes. It is true that there is no clear manifestation of a serious economical crisis in present Japan. But we cannot deny that the enterprise-unionism bred in our labor movement during the post-war fifteen years and the unripe class consciousness were the major obstacles for the development of our labor movement.

The antagonism between the Social Democratic and the Communist Parties is not yet overcome. True, united actions between both parties have grown considerably during the struggle against the Police Law and the anti-Treaty struggle, but they are hampered to a certain degree by the sectarianism deeply rooted in our working class movement. It must be pointed out that the Democratic Socialist Party which was formed by Suehiro Nishio and his followers who had left the Social Democratic Party are obstructing united actions by a rude anti-communism in alliance with Zenro. They were passive also in the Ampo struggle and often even stood on the side of the Liberal Democratic Party.

It will take more time and more energy to overcome the split in the labor movement. But the future solution of this task will be guaranteed by the fact that the masses are realizing that the "Unity and Solidarity" is the only way to victory, as we could see during the anti-Treaty struggle in many parts of the country examples of rank and file unionists participating voluntarily in the joint struggles despite the passive policy of the Zenro leaders.

По докладу выступил И. Моррис, задавший вопрос о причинах победы либерально-демократической партии на выборах 1958 г., а также Дз. Уэсуги, Ф. Мория и С. Тоёда. На вопрос И. Морриса докладчик ответил, что причиной победы консервативных элементов на выборах явилось недостаточное понимание массами значения «Договора о взаимной безопасности» к моменту выборов и недостаточная активность крестьянства.

SADAKUNI TAKAYA and HIROTAKA KOYAMA (*Kyoto*): GROWTH OF MARXISM IN JAPAN*

In any discussion of "Marxism in Japan", it is necessary to draw a line of distinction between the stage in which theory and doctrines of Marxism were being introduced into our country and made the object of academic study, and the stage in which Marxism began to function as the ideological instrument in class strife. The period of over ten years from 1897 to 1910, when labour movement and socialist movement in Japan were the signs of positive development, corresponds with the time during which Marxism was introduced and was gradually differentiated from a set of various socialist doctrines.

Until this period was over, therefore, Marxism never came to assume a practical importance as a directing principle in labour movement and socialist movement. It may well be noted that what exerted a pervading

* Доклад был прочитан Садакуни Такая на японском языке.

influence over the socialist intelligentsia of the time was anarchism, and anarcho-syndicalism.

The tremendous social disruption resulting from the First World War (1914—1918), the impact of Russian Revolution in 1917, and the frequent rice riots at home in 1918, incidentally urged the labouring masses to set to work concurrently at organizing labour unions, resorting at need to strikes to protect their interests. Thus the Japanese socialists, after a time of oppression, had a chance to reinforce themselves. This period of 'reconstruction' for the socialists, ranging from 1919 to 1921, is also marked by an orthodox introduction of Leninism.

In January of the year 1922, the first issue of the magazine "Zenei" (or "The Vanguard") was published by the Sakai-Yamakawa group, which was the main body of Marxists in Japan. Shortly afterwards, in July of the same year, this group, together with almost all the leading members of minor Marxist organizations throughout the country, joined to Communist Party of Japan.

Although the formation of the party was in a sense premature, it was at this time that the need of deriving theoretical support for labour movement from Marxism was felt all the more keenly. Marxism was no longer regarded merely as a doctrine to be studied. It was now beginning to play the role of an ideological weapon.

It was Hitoshi Yamakawa who attempted to form a directing principle for the movement by adapting Marxism to the state of affairs in Japan. The so-called Yamakawaism is consequently the earliest of the modified form of Marxism on the Japanese soil. During the early part of his career, Yamakawa was engaged in levelling attacks at the petty bourgeois democrats, and in the field of labour movement he advocated the necessity of 'shift of course' for the movement, criticizing the doctrines of syndicalism or anarcho-syndicalism. The view expressed by Yamakawa, known as *Hôkô-tenkan-ron* (Suggestion for Shift of Course) was indeed an epoch-making proposal made from the Marxist point of view, to overcome the dilemma which syndicalism involved. Here Yamakawa made for the first time a logical analysis as well as a suggestion for remedy of the theoretical fallacy which had so far been cherished by the leaders of labour movement of the time, including Yamakawa himself. In this way his suggestion for 'shift of course' actually changed the course of labour movement away from the marshy realm of syndicalism and was highly effective in encouraging its reorganization on a more popular basis.

After making the suggestion for 'shift of course' of the movement, Yamakawa expounded the necessity of forming a "United Proletarian Party". What prompted him to make the proposition was a unique theory of political system which invariably remained to be the core of his thought. He was convinced that a concerted operation of a 'Single Front Party', uniting all the anti-capitalistic elements of society, would be far more effective, at least under the social conditions of 1920's in Japan, than a party consisting exclusively of proletarians.

His proposal for a formation of such a party seemed so timely and practical in the political situation of the day that it was met with an almost unanimous agreement even among the left-wing groups which were busily occupied with the reconstruction of a Revolutionist Party. It certainly had a great deal of potential possibilities and would have proved sufficiently fruitful if a few essential conditions had been fulfilled.

The fundamental drawback, however, of the proposition lay in his

erroneous apprehension of the political situation and governmental system of Japan upon which the whole body of his ideas as well as his strategics and theory of party formation were founded. From the exceptional way in which Japanese capitalism developed, and from its dissimilarity in many aspects to European capitalism, Yamakawa inferred that the rise of the bourgeoisie in the political sphere likewise must have had something unusual about it. He thought that the bourgeoisie by that time was securely in power, after having assimilated all the surviving feudalistic elements. He was pitifully ignorant of the unsatisfied yearning for democracy among the petty bourgeoisie and less wealthy farming population.

The only proper step to be taken was apparently in the direction of mustering up all the democratic forces in society — an improvement upon Yamakawa's idea of Single Front Party — to stand against the Emperor system, in full awareness of the nature of the Japanese monarchy.

The real state of political affairs, however, tended in a contrary direction. Yamakawa's idea of 'Single Front Party' had a temporal realization in 1926 in the Labour-Farmer Party, which, within a year, underwent changes of a nature counter to its original ideal.

Instead of growing into a comprehensive organization for a single front operation against the Emperor system, it splitted into factions each representing labour unions or farmers' associations.

To summarize, Yamakawaism was the first theoretical expression, embodying an earliest attempt to apply Marxism to Japanese reality and to frame an original system and course of action for the labour movement. In other words, Marxism in Japan first manifested itself in Yamakawaism, in the process of rapid growth of labour movement and socialist movement after World War I. In the early half of 1920's it played an indispensable part in the history of left-wing labour movement as the only directing principle in existence at the time, and its central proposition of Single Front Party had been materialized, if for a brief space of time, as a result of concentrated operation. But when the Labour-Farmer Party (established in March, 1926) splitted into several sects, Yamakawaism lost its practical validity as a system of thought, and was superseded before long by another form of Marxism in Japan known as Fukumotoism.

По докладу выступили Сиро Тоёда, Д. И. Гольдберг, Я. А. Побеленский. Выступавшие отметили, что как Ямакава, так и Фукумото не могут рассматриваться как марксисты, а являлись реформистами, и что докладчик не уделил внимания роли С. Катаямы.

P. P. TOPEKHA (*Moscow*): AN UNPUBLISHED MANUSCRIPT BY KATAYAMA SEN

The unpublished manuscript in question may be classified as one of the most important works in the rich literary heritage of Katayama Sen. It deserves attention not only as an important page in the biography of the outstanding leader of the Japanese and world labour movement, the founder of the Communist Party of Japan, but also as a valuable document on the history of the labour and socialist movement in Japan with which the life of the tireless fighter was inseparably linked.

As is known, Katayama had several times started working at his autobiography. He began writing it for the first time early in 1912 during his detention at the Ichigaya prison in Tokyo to which he had been sent for his leadership in the strike of Tokyo tramway workers. "During my imprisonment, taking pains to forget the cold chill and dreariness of the prison

cell, I wrote a book in which I depicted my childhood and youth", wrote Katayama in the preface to his Autobiography [1].

The work was then continued in 1914, shortly before he left Japan for the United States. In February 1920, seeking shelter from the American police in Atlantic City, Katayama tackled his autobiography again, alongside with other works, such as the translation of Lenin's book *The State and Revolution* [2]. Katayama gives the following motivations for writing his autobiography:

"The only aim which I had set myself was to tell in detail to my dear children, friends and comrades where and when I was born, brought up and received my education, how and under what conditions I had spent my youth.

Were I asked why I wished to communicate to my children, friends and comrades these ordinary events of my life — penned by my unskilled hand at that, — I should answer: first, most of my present comrades do not know my past; secondly, I settled down in family life rather late, my children were still small at that time and I could not tell them of my past and pass on my fifty years' experience, for they would not have understood me. So I wrote this book with the idea that when they grow up and come to understand the essence of life and would like to know something about their father, they would be able to read this book and to find out" [3].

Almost all of Katayama's previous autobiographical works, however, refer to his childhood and youth, covering the period from his birth in 1859 to his return from the United States after several years of emigration and, in part, the initial period of his activities in the field of trade union movement in Japan.

Apart from biographical data about Katayama, these works contain a wealth of information on the general history of Japan in the period of the disintegration of feudalism, and the country's transition to the capitalist path of development. Yet according to Katayama at that time he was still a "convinced Christian". The evolution of his outlook "from Buddhism to atheism and materialism, from trade-unionism to socialism and communism" and his great revolutionary activities took place in the subsequent period.[4]

Moreover, the greater part of these works was written under conditions of strict Japanese censorship. Referring to his first autobiography Katayama stated:

"I wrote this book in prison, under the watchful eyes of the police, I faced the threat of the book being confiscated by the police should I touch upon any social or political matters in it. Therefore I told about the most ordinary facts of my life in the simplest manner possible and I was often forced to exclude everything concerning the political, economic and social situation in Japan" [5].

Katayama Sen's unpublished manuscript to which this paper refers is his latest and fullest autobiography written in 1930—31 in connection with his 70th birthday.

The manuscript was found by A. N. Romanov in the archives of the Institute of Marxism-Leninism and was investigated by the research workers of the Institute of Asian Peoples, Academy of Sciences, USSR, G. I. Podpalova and P. P. Topekha.

It is now being prepared for publication by the Institute of Marxism-Leninism together with the Institute of Asian Peoples of the Academy of Sciences. It consists of 604 pages of fine Japanese handwriting and covers a period from the author's birth in 1859 to his arrival in Moscow to the Congress of Far Eastern workers in 1921. The manuscript is the result of three

years of persistent work which meant to Katayama great effort and a considerable damage to his health. In the article *Discourse during illness* which was published in the magazine "Kaizo" in October 1931, Katayama wrote about the work in the following terms: "The last two years (1930—1931. — *P. T.*) were very strenuous ones for me. This strain was connected with the completion of my autobiography (*jiden*) which I had promised to the publishers. I ought to have finished it a long time ago, but there was always something to be done and I had to put it off much against my will. . . And yet, despite this lack of time, I continued writing my autobiography. By mid-December (1930. — *P. T.*) my work had progressed to such an extent that I had to write only 20 or 30 pages to complete it. But before handing the manuscript to the translator I had to look it through again. Over 200 pages were read, corrected and supplemented when I was already running temperature" [6].

Towards the end of 1931 Katayama was taken ill and was sent to the Kremlin hospital. Upon his recovery he went to a health resort in the Crimea. Explaining the reason of his illness, Katayama wrote in the same article that he had fallen ill "as a result of overstrain". "For three years", he wrote, "I was terribly overburdened by the work at my autobiography" [7].

It should also be stressed that the aim of writing the manuscript in question is somewhat different from the previous ones. "The social situation of the late XIXth and the early XXth centuries which formed the background of my life", wrote Katayama, "is of tremendous interest. Therefore, — however ordinary my activities and however modest my experience may be, — the events, which I have directly seen and heard, through which I have lived, lend a deep interest to my life" [8].

The entire manuscript has been translated into German, as it was prepared to be published in Germany as his memoires. The German translation of the manuscript consists of 946 pages.

The first part (about one third) of the manuscript, covering the period from 1859 to 1897 was partly published in the magazine "Oktyabr" under the title *The Way I have Gone*, and was later incorporated in the collection of "Sen Katayama's *Articles and Memories*" published in Moscow in 1959. However, this part is considerably larger in the manuscript, it contains fuller biographical data and is, moreover, supplied with a long historical introduction (pp. 3—23) in which the political history of Japan from the early XIXth century to the Meiji revolution inclusive is outlined.

Unlike the first part which is based on the author's former autobiographical works, though considerably revised and enlarged, the rest of the manuscript, covering the period from 1897 to 1920, has been written almost entirely anew.

This part is of particular interest for the scholar, as it covers the period of Katayama's activities which has not been elucidated elsewhere, apart from the pamphlet *My Life* published in August, 1924. It was precisely in this period that Katayama revealed his great talent as an organizer and leader of the labour and socialist movement and as a proponent of the ideas of socialism, communism, proletarian internationalism, peace and friendship among nations. It was in this period that Katayama became a staunch protagonist of Marxism-Leninism, which he had reached to through long years of search, errors and illusions.

So far it is difficult to speak about the concrete content of the manuscript, as it has not yet been sufficiently studied. But even preliminary investigation shows that it was written against a broad historical background and

that it contains ample information on the internal and international situation of Japan at the time.

Above all, mention should be made of the sections of the manuscript dealing with the origin and the development of the labour and socialist movement in Japan; with the movement for universal suffrage; economic depression and unemployment in the period preceding the Russo-Japanese war. These sections show how deeply Katayama knew his country, how closely he was connected with his people and the Japanese working class, reflected its ideas and hopes. The manuscript contains a great deal of data refuting the erroneous conception to the effect that Katayama's views allegedly had no roots in Japanese life. The information contained in the manuscript convincingly shows that Katayama — a revolutionary leader of world significance, — was closely linked in his own development with the consolidation and the development of the Japanese working class, and that his ideological views emerged out of genuine Japanese soil. Though there were periods of emigration in his life, he always remained a true son of his people, devoted to it to the end.

On the problems of international situation in the period in question the manuscript contains some extremely interesting sections devoted to the Russo-Japanese war, the attitude of the United States during World War I, the Revolution in Russia, the Washington conference of the International Labour Organization etc.

Katayama's manuscript contains a great deal of information on the spreading of socialist ideas in Japan. There is much data of political nature, such as the Kotoku trial, the Amsterdam Congress of the Second International, the socialist movement in other countries. At the same time the manuscript contains many sections which are primarily theoretical. Such are the parts devoted to socialism and anarchism, the conflict between parliamentarism and the direct action doctrine, the method of socialist propaganda under reactionary rules etc.

Of great interest are the sections of the manuscript dealing with Katayama's activities as a publicist, which reached their climax precisely in the course of this period. Before 1897 only eleven works — mainly magazine articles by Katayama — were published, whereas over 360 works appeared between 1897 and 1921. They included his books *The Labour Movement in Japan* (1901) written jointly with Nishikawa; *My socialism* (1903); *The Socialist International* (1905); *On Consumer Co-operatives* (1908); *The Labour Movement in Japan* (1918) and others. In the same period Katayama worked a great deal as an editor of the magazine "Rodo Sekai" (1897—1903); the newspaper "Shakai Shimbun" (1907—1912); the newspaper "Heimin" (1916—1919) and as an active contributor of the magazines "The Class Struggle" (1916—1917) and "The Revolutionary Age" in the United States (1918). Katayama's great and fruitful work in this field is described in the manuscript with considerable detail.

The manuscript also contains abundant data on certain insufficiently investigated problems connected with the activities of Katayama, such as the main stages in Katayama's ideological development, his relations with Kotoku, Sakai and other prominent social and political figures of Japan, the historic conditions of his breech with the social-reformism of the Second International and his transition to communism, as well as other matters of considerable scientific interest.

Many problems dealt with in the manuscript retain their significance even in our times. Of particular interest in this respect are the parts of the

manuscript devoted to the fight against social-reformism and revisionism, Katayama's anti-military speeches in the period of the Russo-Japanese war, his propaganda of the ideas of proletarian internationalism (especially the passages about the Russo-Japanese war, the anti-Japanese movement in America) and others.

We see that in this period of Katayama's activity the sprouts of new elements were already becoming apparent, a foundation was laid, as it were, for his selfless fight for peace, social progress, proletarian internationalism, for the freedom and happiness of his people — the fight which gained particular momentum in the subsequent period of his revolutionary activity in the capacity of one of the leaders of the Communist International.

NOTES

[1] Katayama Sen, *Autobiography*, Manuscript, p. 1.
[2] Watanabe Haruo, *Katayama Sen to tomo-ni* (Watanabe Haruo, *With Katayama Sen*), Tokyo, 1955. (See epilogue by Ishigaki Eitaro, p. 257).
[3] Katayama Sen, *Autobiography*, Manuscript, p. 1.
[4] Katayama Sen, *ibid.*, p. 493.
[5] *Ibid.*, pp. 1—2.
[6] Katayama Sen, *Senshu dai ichi maki* (Katayama Sen, *Selected Works*), vol. I, Tokyo, 1949, pp. 221—222.
[7] *Ibid.*, p. 229.
[8] Katayama Sen, *Autobiography*, Manuscript, p. 2.

По докладу выступили Дз. Уэсуги и Я. А. Певзнер.

YOSHIHIKO ONO (*Osaka*): THE RESURRECTION OF JAPANESE IMPERIALISM

1. Introduction

The situation of Japanese capitalism can no longer be defined as "Potential Imperialism". This definition could have had a reason only for a few years when the basis of the Japanese monopolies was remarkably weakened by the heavy blows of the defeat in World War II and the repercussion from the United States occupation policy, and therefore Japan lost its position as an important component in the group of world imperialism. But the internal basis of Japanese monopolies was still preserved. Today's situation in Japanese monopolistic capitalism is, however, completely different from those days.

After taking advantage of the protection and the regulation of militaristic-feudalistic imperialism through the defeat of the post-war revolution and the enforcement of United States led reforms immediately after the war, the foundation of capitalistic imperialism in Japan has been reorganized and her economy has shown rapid revival and higher ratio of unequal development than in pre-war days. The current production of the manufacturing and mining industries in Japan has risen threefold in comparison with the pre-war level, with rapid progress in heavy chemical industry which was supposed to be a weak point in Japanese industry. Thei ndustrialists are proud of their competitive ability in the international market, even at the cost of low wage level. The steel production capacity in Japan has reached the level of 20 million tons per annum, outrunning that of France. Investment in this field, aiming at the realization of production of 38 million tons per annum, is planned to catch up with that of the United Kingdom in the near future.

Japan's export which had been thought to be lower in comparison with the progress in other fields increased gradually after the war and made in the 2nd quarter of 1959 6% of total industrial export of "Western" countries (7% in 1937). Japanese monopolies have already become a member of the world monopolies' organization and are taking an important part in the imperialistic struggle for market and resources.

The Ministry of Finance announced that the total of capital export to underdeveloped countries was estimated at more than 1.2 billion dollars at the end of last July, including late payment plant export and filed contracts. This amount exceeds the total United States private capital import to Japan after the war (about 0.8 billion dollars).

On the ground of such reinforcement of monopolistic economy the ruling group in Japan plays a definitely positive role in the international imperialists' bloc and has emerged as the leading reactionary in Asia, supporting the cold war policy of the imperialists of the United States, hand in hand with Adenauer's group in Western Europe.

2. Stages of Post-war Revival of Japanese Imperialism

First stage — From the end of the war to the February 1st general strike in 1946. Dissolution of militaristic-feudalistic imperialism. Remarkable weakening of foundation of monopoly. There existed a prospect for a people's democratic revolution, but it was defeated.

Second stage — Up to the execution of Dodge's plan. Fundamental arrangement for the resurrection of monopolies (up to that time, Japan may be termed a country of "Potential Imperialism").

Third stage — During the Korean War (June 1950 — July 1953). The first and preliminary step for the resurrection of imperialism through rejoining the world imperialistic front as a supply station for the Korean war. Establishing 75.000 of police reserve forces in June 1950. Renovation and enlargment of heavy-chemical industries. Iron and steel production amounted to 7.66 million M/T in 1953, which approached to the limit mentioned in the "Johnston—Strike" report on Japan's reparations. Tentative participation in GATT. Reappearance of the United States — Japan imperialistic contradiction in the course of M. S. A. agreement talks.

Fourth stage — From the second half of 1953 to 1956. Remarkable improvement on the international status of Japanese capitalism with readjusting the dependency on the U. S. aid and their "special" procurement through deflation policy during the period of 1953—54. The Bureau of Defence and Self-defence forces started in July 1954. Recuperation of the diplomatic relation with the USSR in October 1956, which led to the admittance to the United Nations.

Fifth stage — From 1957 to the present. "Jinmu Boom" stimulated, enthusiastic investment movement in plants and equipments, through which the re-establishment of internal foundation for the monopolies was completed. Henceforth, change of emphasis in policy to outside expansion. Active foreign investment. Readjustment of the United States — Japan contradictions, especially through entrance of Japanese monopolies into international competition. Rapid invasion even into the United States home market. Participation in the international cartels. Speculative plan of new United States — Japan military alliance, *i. e.* ratification of the United States — Japan Security Pact.

3. United States' «aid» and Japan

It is obvious that support and aid by the United States have done much for the resurrection and intensification of Japanese monopolistic capitalism. The United States policy for Japan, however, had to face serious contradiction because of the ambiguous features of their policy both supporting and checking the Japanese monopolies. The United States have had to check the growth of Japanese monopolies to keep Japan in subordination, at the same time strengthening the whole Japanese economy because they had to treat Japan as their collaborator through the necessity arising from their imperialist policy. They had to give her financial and technical aid to protect her from the attack of the social class offensive, and compromise with their request for outside expansion through supplying a certain market. This contradiction became serious since 1948 when the emergence of the Cold War made Japanese monopolies more important for the United States. Since then Japanese monopolistic capitalists counted much on this contradiction in the deal with the United States. Japanese imperialists continued to pursue their traditional policy to take advantage of the United States policy as a "capital" for their revival and growth under the situation of intensified tension between the two big powers, the United States and the USSR. They utilized also the contradiction between the imperialists of the United States and the Chinese People's Republic. Subsequently, with the order of 5.5 billion dollars of special procurement in the Korean war and the off-shore procurement afterwards (up to the first half of 1959), and with acquiring of 711 million dollars of military aid (1950—1959, announcement of the United States Department of Defence of February 23, 1960) and 343 million dollars of World Bank loan etc., Japanese monopolies succeded to speed up the schedule of their resurrection. There is an obvious intention to utilize "the situation advantageous in bargaining" (E. O. Rayshawer) more effectively by drastic measures taken by the Kishi cabinet to ratify the new United States — Japan Security Pact.

It is not correct to think that only the aid of the United States have made the revival of Japanese monopolies possible. The essential contents of this process is that Japanese monopolies get their strength back by the use of their accumulation system in the Japanese economy itself as main lever. After the fundamental recovery of industries helped by the counterpart fund and Dodge's reform, Japanese monopolies have carried out a surprisingly rapid accumulation relying mainly on their own production process and circulation system, their unique control of fiscal policy and exploitation system (state monopolistic capitalism). The ratio of gross national investment to gross national expenditure (the rate of accumulation) is 24—31% per annum since 1951 and about 32% in 1956 and 1957, which is higher than any other capitalist country. Total investment in plants and equipment in 1959 is 5 billion dollars (1800 billion yens). On the other hand, only 149 million dollars of United States private investment was introduced in Japan in the same year (the total of the authorized foreign investment in Japan was estimated at 723 million dollars from 1950 to September 1959). The economy of Japan is already under the perfect dominance of Japanese monopolists.

4. The Historical Character of Post-War Dependency on the United States

Japan's dependency on the United States should be understood as a temporary situation under the conditions of revival and reinforcement of Japanese monopolistic capitalism. It was, first of all, manifested in the subordination of the state, *i. e.* the restriction of the national sovereignty. But even under the occupation and the subordination of the state, the self-movement of Japanese capitalism and the internal nation of the law of unequal development would be accomplished. In accordance with the restoration of capital accumulation, the process of development had to take the direction of gradual withdrawal from subordination. The essential core of this process is the unequal development of Japanese capitalism. And, for Japanese monopolistic capitalists, the national "subordination" also was recognized as a policy to strengthen their position.

The fact that the ruling circles in Japan give up some part of "national sovereignty" by the ratification of the Security Pact shows an anti-national activity of the capitalists who try to find out chances for their own revival and expansion even through the means of subordination of the State. However, it seems not correct to think that only the dependence on the United States brought about the resurrection of Japanese imperialism. At the same time, national dependency always has a bad influence upon the whole economy and especially on its international position. Therefore, the big capitalists also would be driven to weaken the degree of national dependency, seeking "freer activities" in their foreign policy, in accordance with their strengthened position.

In the political struggle among the Japanese ruling class which recently has become clear, the main fraction of the Liberal Democratic party represents the former current (*i. e.* anti-national activity) while the opposite fraction somehow follows the latter trend. This classification also reflects the contradiction among various groups of monopolists who suffer from anti-trust and decartelization legislation enacted in the post-war days. This classification is important. But under present conditions, the ruling circles of Japan as a whole fear their own people more than the imperialists of the United States, and the United States — Japanese capitalists' contradictions do not disrupt their alliance.

5. Features of the Revival of Japanese Imperialism

The unique character of the revival process of imperialism in Japan in shown in the strong drive toward unbalanced development and expansion owing to the unusually high rate of capital accumulation in spite of Japan's lower status of development in comparison with other powers and her unstable position in international competition. However, under the situation in which the world Socialist camp is strengthened, imperialist ruled territory is narrowed and the competition of the imperialists becomes more serious within their territory, the resurrection of Japanese imperialism which is enforced against the historical inevitability of a peaceful coexistence of two systems, will to-day undoubtedly make all the internal and external contradictions of the Japanese capitalism more serious (contradictions among social classes and imperialists). The special characteristics and the contradictions in the revival process are:

1. The want of colonies, 2. the shortage of raw material, 3. serious instability in the Japanese export market, 4. underdeveloped industrial structure (so-called "dual structure") and relatively poor standard of technology, dependence on low wage level and vast potential unemployement, weak centralization in heavy-chemical industries, 5. instability of foreign balance, 6. great shortage of loan capital, 7. insufficiency of fund for rearmament and foreign investment, 8. weakness in international relations, 9. low earning level and low standard of living of the proletariat and working people, and their active movement, weakness of influence of rightist Social-democrats.

It is by cause of these keen contradictions in Japanese capitalism that the extreme right wing of the ruling group exert themselves to manage to promote a speculative plan based on cold war policy and that others in the group oppose them, actively or passively. Therefore, political struggle among the rulers are fought on the issue of what measures and form are best for the settlement of these contradictions.

6. Contradictions in Kishi-plan

Kishi's ratification of the new United States — Japan Security Pact had its aim in readjusting the relations with the United States grasping at the opportunity of a retiring trend of the United States imperialists in order to draw out more concessions and assistance from them. However, because of the decline of the economic status of the United States (deficit of foreign balance, decline of dollar position and outflow of gold) and growing contradictions between the United States and Japan, the possibility for such concessions and assistance was cancelled, and the failure of Kishi's policy was revealed when the United States undertook a series of measures in the line of make-them-bear policy last fall. Those measures were, namely, the rejection of a loan for the South-East Asia Development Fund which had been traditional during successive Japanese governments since the Yoshida cabinet, the cutting down of the limit for the World Bank loan, curtailment of military aid to Japan and I. C. A. purchase from Japan (turning to the preferential bargain to the United States shippers), enforcement of market liberalization in Japan for the sake of the United States export of commodities and capital, request to finance the fund for cultivating underdeveloped areas at Japan's expense in contrast to the non-selfish aid to those countries of the Socialist states, etc.

Kishi's policy aiming both to impose a heavy tax burden for armament and to promote force of foreign investment requested by the monopolies, in spite of a situation in which the "economic cooperation" set down in the second article of the Security Pact is made complete nonsense will result inevitably in an explosion of the struggle between social classes, because, if the government tries to avoid a tax raise this will lead to curtailment of the social security fund, the fund for public services, educational expenditures, and the local government budget, or otherwise they cannot help taking measures of draining circulating money from the economy — through the issue of government "bonds" and other measures.

Furious struggles between the classes and the formation of an anti-monopoly campaign for peace and democracy with the broadest participation of the people and the development of a popular united front are in prospect. There is no hope and future for the Japanese imperialism.

15 августа, вечернее заседание
Председатель Масанори Хориэ (*Токио*)

M. I. LUKYANOVA (*Moscow*): SOME NEW SPECIFIC FEATURES IN THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF JAPAN AFTER THE SECOND WORLD WAR

The Second World War and its consequences, the American occupation and the aggravation of the general crisis of capitalism have called forth profound changes in the economy of Japan and determined some of its new peculiarities.

Owing to the defeat of Japanese imperialism in the Second World War, as well as to the American occupation and the growing unevenness in the post-war development of the capitalist states, the position of Japan in the imperialist camp had markedly weakened.

Today American monopolistic capital strives to consolidate the dominant position of the Japanese monopolies within the country in order to utilize them as a stronghold in the fight against the growing democratic movement of the Japanese people and as accomplices and allies for their aggressive designs, for the suppression of the national liberation struggle of the peoples of Asia.

Japanese monopolistic capital therefore has not only preserved its political power, but has also strengthened its economic positions, although for the time being it is compelled to reconcile itself to its dependence on the American monopolies in spite of the ever-increasing contradictions between them.

The biggest monopolistic concerns of Japan, such as Mitsui, Mitsubishi, Sumitomo, Yasuda and others, which were the sole masters of militarist Japan, have retained in their hands the basic means of production and large funds, and have thus regained their dominant position in the economy of the country [1]. They have subjugated the state apparatus even to a still greater degree than before, and turned it into an instrument of their rule and a means of their enrichment at the expense of the overwhelming majority of the Japanese people.

Making use of these advantages, the Japanese monopolies started their struggle for a further consolidation of their dominion within the country, as well as of their positions on the world capitalist market.

A number of internal factors played a decisive role in the post-war development of Japan. The country emerged from the war with a reduced and obsolete industrial apparatus; its housing resources and transport, especially marine transport, suffered colossal damages; it lost an appreciable part of its national income, the recovery of which required, according to official estimates, 5,450 billion *yen* (in 1954 prices) [2]. In other words, the national economy of Japan was thrust 10 years back, reduced to the level of 1935. By means of an excessive exploitation of the Japanese working people, and above all of the working class, the monopolies succeeded in expanding the sale of their goods both within the country and on foreign markets. The output of a number of industries has increased due to orders placed with them by the U. S. War Department and the armed forces of Japan. All this along with foreign loans has led to a considerable accumulation and concentration of capital in the hands of the monopolies and has determined a rapid growth of capital investments in the national economy aimed at the rehabilitation and further development of the economic potential of Japan. Growing industrial and transport construction has

contributed to the further expansion of the domestic market, which, in the final analysis, has resulted in the acceleration of the rate of industrial production.

It is the renewal and augmentation of fixed capital which constituted the material basis of the country's economic upsurge. Japan belongs to those capitalist countries where the need for a renewal of fixed capital was particularly imperative after the war. According to the data of the Ministry of Finance of Japan [3], total investments in Japanese economy during the period of 1946—1955 amounted to more than 12.1 trillion *yen* (in 1954 prices), which exceeded 2.2-fold the losses sustained by Japan in connection with the war. In the 1946—1957 period new fixed capital investments (excluding state enterprises) totalled 5.8 trillion *yen* [4]. On the average, these new investments accounted for 20 per cent of the country's annual national income as against 13 per cent before the war (in some countries of Western Europe they comprised from 18 to 20 per cent of the national income). It must be pointed out that the proportion of industrial investments in the total amount of economic capital investments is very high. The average annual share of the investments of joint-stock companies in industry in the period between 1950 and 1954 was 58 per cent. Subsequently, the proportion of industrial investments declined; still, it accounted for more than 50 per cent of all the fixed capital investments, and the absolute amount of these investments did not diminish [5].

The process of the renewal and augmentation of fixed capital was uneven in some years and industries. The heavy industry (including chemistry) and the war enterprises were the main objects of capital investment during the period under review (especially since 1952). According to our estimates [6], not less than two thirds of all the industrial investments were made in the above-mentioned branches of industry in the 1950—1956 period. As in other capitalist countries, in Japan these industries were almost completely under control of the monopolies. Old branches of heavy industry, including war industry, were rehabilitated and new ones created, such as petrochemical industry, gas industry, the production of atomic and electronic equipment, automatic control gear, synthetic fibre, resins, plastics, etc.; this in its turn led to the expansion of the domestic market. The capacity of power plants increased more than twice in the post-war years.

Faced with acute competition of the capitalist countries, the Japanese monopolies endeavoured to reduce the cost of production through the renewal of fixed capital in various branches of light industry, particularly in the exported ones. However, in certain branches of the second subdivision the production capacities have not yet reached the pre-war level (for example, in the cotton industry), while in others they have shown no increase at all, and in some cases even a decline (for example, in the raw silk reeling industry). House-building was carried out on a small scale [7].

V. I. Lenin pointed out that in the course of its development, capitalism under certain conditions creates its own markets [8]. In the period between 1950 and 1956 the increase of production, especially of heavy industry, was to a considerable degree due to the development of capital construction which was also concentrated in the hands of the same Japanese monopolies [9]. The growth of the first subdivision brought about an increased output of consumer goods, though to a lesser extent than in the branches of heavy industry. Thus, in 1956 the index of production in heavy industry exceeded 303 (the index of production in the 1932—1936 period is taken as 100); the overestimated index of production of so-called non-durable goods was 191.4

(excluding the textile industry which barely reached the 1932—1936 level) [10].

By introducing new techniques, and new methods of production in particular, by the gradual introduction of automation equipment into certain branches of industry (power stations, oil-refining industry, man-made fibre production, various cement works, etc.) [11], the Japanese monopolies strove to eliminate those bottle-necks in the Japanese industry which hindered the consolidation of its competitive capacity and making greater profits from the industrial enterprises. But along with new plants and factories provided with latest equipment, there still exist in Japan extremely outdated small and medium-sized enterprises.

The post-war development of the Japanese industry was also facilitated by a certain growth of the demand and adequate purchasing power of the population. This growth was due to the fact that as a result of a hard struggle, the Japanese workers have gained wage increase in comparison with the first post-war years. The total number of workers and other employees engaged in industry and transport also increased. The demand of the peasantry, especially for fertilizers, agricultural implements, machinery and other industrial goods almost doubled as compared with the pre-war level, since the land reform carried out after the war has accelerated the development of capitalist relations in the countryside. Besides, the population of Japan is badly in need of commodities of prime necessity, since a considerable part of the Japanese people almost entirely lost their belongings during the Second World War. As a result of all this, the purchasing power of the population as a whole has increased.

One more factor contributed to the growth of the output of the Japanese industry and of its production capacities: it is the highly increased demand of the U. S. Army for Japanese goods and various services at the time of the American aggression in Korea (1950—1953). At that period the U. S. monopolies utilized Japan as their military base in the Far East, and this with full support from the Japanese ruling circles. Since 1952 the remilitarization of Japan has been accelerating and the demand of the reviving Japanese army and navy for the production of the war and heavy industries has been increasing from year to year. This has also influenced the development of Japanese production as a whole.

After the war in Korea the Japanese monopolies, which gained strength with the help of the American monopolies, almost fully recovered their positions on the world capitalist market which they had lost in the war. They successfully began to compete with the British and even American monopolies in the sale of certain goods (cotton articles, man-made fibre fabrics, etc.) on the foreign markets. The economic expansion of the Japanese monopolies in the postwar period was characterized by the fact that they appeared on the world market not only as exporters of their traditional textile goods and other products of the Japanese light industry, but also as important competitors in the export of means of production. In the 1950—1956 period the export of products of the Japanese heavy industry (mainly of ships, rolling stock and textile machinery) increased fourfold and accounted for 42 per cent of the total volume of exports [12] (against 26 per cent in 1938). Not infrequently the export of Japanese goods is carried out at dumping prices. Export of capital remains, as before, a characteristic trait of the Japanese monopolies. All this has in its turn stimulated the development of industry in Japan.

The Japanese monopolies have utilized foreign state credits, foreign private capital and state funds for the reconstruction of the national economy.

The United States granted considerable credits to Japan in the form of "aid" and in some other forms. During the 1946—1951 period Japan received from the United States 2.1 billion dollars (or 756 billion *yen*) in the form of "aid" [13]. Although since 1951 the granting of such credits has been discontinued by the United States the inflow of American state capital did not cease; now it took the form of so-called special orders. In the period of nine years (1950—1958) the total amount of all military or special orders placed by the United States in Japan reached 4.9 billion dollars [14]. Such special orders remain a source of big income for the Japanese monopolies up to the present time. In its turn, the United States utilize them as an effective means of pushing Japan along the path of militarization. Apart from the U. S. state "aid" which served the American monopolies as the chief instrument of their financial control over the economy of Japan, the investments in the industry of Japan were made by private American capital. By March 31, 1957 the total sum of foreign private investments amounted to 320 million dollars; more than 70 per cent of all foreign investments, or less than 4 per cent of the total amount of Japanese joint-stock capital fell to the share of American investors [15]. When considering the position of American capital in the Japanese industry, one must pay special attention to technical assistance contracts awarded predominantly to various branches of heavy and chemical industry. The U. S. monopolies were interested in expanding the production of some of the heavy and war industries and in raising their technical level.

But although the significance of the import of American capital was very great, it did not constitute the main source of industrial investments. If we add to the total amount of state credits and private American investments the sums obtained by the Japanese monopolies as a result of their fulfilment of special orders, the total share of U. S. capital will comprise, by our estimates, approximately 15 to 17 per cent of all the capital investments in the economy of Japan, if not less. Therefore the most important sources of the renewal and modernization of fixed capital, as well as of the progress of industry in general, must be sought for within the country.

Capital investments in the economy of the country were carried out predominantly at the expense of internal sources: inflation (especially in the first post-war years), big state loans granted to the Japanese monopolies, high taxes and increased undivided profits, *i. e.*, at the expense of the working people. In Japan, the subordination of the state apparatus to the monopolies — which is typical of all capitalist countries — stands out in bold relief. This enabled the monopolies not only to avail themselves of the emission of paper money, but also to utilize in certain branches of the Japanese economy the state budget funds, *i. e.*, the means of the taxpayers who were compelled to pay increased taxes in favour of the monopolies. It is noteworthy that almost 80 per cent of the total income tax is paid by the working people of Japan. In the 1946—1955 period state "subsidies" and "grants" comprised almost one third of all the capital investments in the economy of the country; they were granted mainly to the heavy and power industries [16], and profited the monopolies a great deal.

However, the process of the accumulation of capital, which is indispensable to reproduction on an expanded scale, was being accomplished in Japan, as in other capitalist countries, in the main at the expense of the exploitation of the working class at factories and plants.

The financing of fixed capital was predominantly based on a considerable augmentation of undistributed profit which was due to the growing

exploitation of the workers as a result of using capitalist methods in the application of new technique, automation of production, etc. Whereas in the first years of industrial reconstruction the self-financing of fixed capital hardly accounted for one half of all the capital investments, in 1955 the own capital accounted for almost two thirds of the capital investments and capital drawn from outside — for only a little more than one third [17]. Having accumulated vast amounts of capital in the Second World War and having enriched themselves as a result of the war in Korea, the Japanese monopolies made great profits also from the implementation of capitalist rationalization of industry [18].

Along with the introduction of technical improvements in industrial enterprises, the Japanese monopolies reduce the cost of production by cuting down the expenditures on variable capital. Thus, from 1946 to 1956 the volume of industrial output in Japan increased sixfold, while the number of workers in manufacturing industry increased only by 38 per cent, and in mining industry remained almost unchanged. In some industries the growth of production is accompanied by a reduction of the number of workers. For example, as a result of the installation of automatic control devices at the thermal power plants the output increased three to five times, whereas the number of workers was reduced by two thirds in comparison with that in the middle thirties [19]. It is true that at some enterprises, especially those which are of military importance, the number of workers has somewhat increased, but even here the increase lags far behind the volume of output.

The rate of increase in the wages of the Japanese workers does not keep pace with the growing intensification of labour. According to the data of the Ministry of Labour, the total average output per worker in the 1951—1955 period increased by 57 per cent, while the wages were raised only by 21 per cent [20]. Of course, the growth of output is connected with the introduction of new techniques. But it is the intensification of labour that has been and remains the principal method of raising the labour productivity of the Japanese workers. The increase of real wages is even lower than that of nominal wages. In spite of a marked extension of production, there is an enormous permanent army of unemployed in Japan. Thus, even in the years of economic growth in Japan the living standard of the working class has declined as a whole.

Another highly important source of accumulation of capital in Japan is the plunder of the peasantry by the monopolies through obligatory deliveries of rice to the state, contracts, heavy taxes, as well as non-equivalent exchange of commodities, speculation in agricultural products, bank credit, etc. Having monopolized the raw materials, the credit system, etc., Japanese big capital also appropriates — mainly, by means of subcontracts — an appreciable share of the profits of the urban petty bourgeoisie, *i. e.* — of the owners of small-scale enterprises.

During the post-war years Japan has made a substantial advance in its economic development. Still, the economy of Japan manifests a certain instability, an aggravation of external and internal contradictions.

Capital investments and other factors have by no means put an end to the uneven development of heavy industry (especially of its new branches) as well as of light industry; on the contrary, this unevenness has become still more pronounced. Definite structural and technical changes have taken place in the industry of Japan; they are expressed in the enhanced role of the branches of the first subdivision, in the creation and growth of new industrial branches, in the development of power industry, and in the auto-

mation. At the same time the comparative lag of the branches of light industry has increased and their share in the total industrial output has diminished owing to the limited demand of the working people both on the domestic and foreign markets.

While a small group of monopolistic bourgeoisie has collected enormous material values the majority of the Japanese population live under very dificult conditions. As a result, the contradiction between production and consumption has been steadily increasing. This inevitably led to the crisis of overproduction which affected Japan in the middle of 1957 and in 1958. The economic crisis which began to manifest itself in 1957 in the Western capitalist countries and, above all, in the United States, still more aggravated the contradiction in the economy of Japan.

The economic policy of the government reflects the interests of the Japanese monopolies which are closely interwoven with the interests of the American monopolies. This, however, does not preclude the existence of growing contradictions between Japan and the United States. A bitter competition also takes place between separate groups of Japanese monopolistic capital and between individual monopolists.

The Japanese monopolies strive to consolidate their positions by waging a still more violent attack on the working class and working people in general, and by intensifying their own economic expansion. The growing exploitation aggravates the contradictions between monopolistic capital and labour in Japan. On the foreign markets the Japanese monopolies are faced with increased competition on the part of the monopolies of Britain, West Germany and other capitalist countries. Thus, the situation in the Japanese economy is far from being satisfactory. The influence of the previous stimulating factors cannot last constantly; preconditions for the emergence of new crisis trends in the economy are steadily, though slowly, taking shape within the country.

NOTES

[1] The industry of Japan is characterized by a high degree of concentration of capital. Thus, three monopolistic groups account for 51 per cent of the entire steel output of Japan. The output of aluminium is fully concentrated in the hands of three monopolistic concerns. Over 60 per cent of Japanese shipbuilding falls to 4 monopolistic groups. The same is true of all other industries («Toyo keizai tokei geppo», 1956, No 4, pp. 10—11).

[2] «Zaisei kinyu tokei geppo», 1956, No 62, p. 1.

[3] «Zaisei kinyu tokei geppo», 1956. No 62, p. 2.

[4] «Keizai Hyoron», 1958, No 1, pp. 8, 9; «Gendai Nihon sangyo koza», edited by Arisawa Hiromi, vol. I, 1959, Tokyo, pp. 276—277.

[5] Estimated according to the data of «The Economic Survey of Japan», 1952/53, pp. 200—201; «Keizai Hakusho», 1956, pp. 351—352; 1957, p. 429.

[6] Estimated according to the same data.

[7] «Contemporary Japan», 1957, No 4—6, p. 251.

[8] В. И. Ленин, *Развитие капитализма в России*, «Сочинения», т. 3, изд. 4, стр. 44.

[9] The number of new orders for industrial equipment was growing from year to year. Thus according to the data of the Ministry of Trade and Industry, 74 big machinebuilding firms obtained orders to the amount of 231.5 billion *yen* in 1951, 370 billion *yen* in 1955, and about 706 billion yen in 1956, 60 to 65 per cent of all orders were placed by Japanese companies (See: «Tsusan tokei sokuho», 1956, January, supplement; «Keizai tokei geppo», 1957, No 122, p. 113).

[10] «Keizai tokei geppo», 1957, No 122, pp. 105—106.

[11] For details concerning automation in Japan see «Nihon keizai shikiho», 1956, No 15, pp 101—105.

[12] Estimated according to the data of the Bank of Japan («Toyo keizai tokei geppo», 1957, No 5, p. 3).

[13] «Akahata», 1957, September, 30 (special issue).
[14] «Keizai Hyoron», 1958, No 2, p. 53; «Nihon keizai nempo», 1958, No 99, p. 63.
[15] «Akahata», 1957, September, 30 (special issue); «The Oriental Economist» 1957, No 562 p. 403.
[16] «Zaisei kinyu tokei geppo», 1956, No 62, p. 2.
[17] «Keizai Hakusho», 1955, Supplement, p. 47; 1956, pp. 351—352.
[18] Even according to official data, the profits of the Japanese joint-stock companies increased from 146 billion yen in the 1949/50 fiscal year to 1,165 billion yen in 1956/57 ("Economic Year Book", 1955, p. 117; «Nihon keizai shikiho», 1957, No 17, p. 22).
[19] "Nihon keizai shikiho", 1957, No 15, p. 107.
[20] "The Oriental Economist", 1956, No 560, p. 292.

По докладу выступили Х. ван Стреелен, оспаривавший мнение, что накопление капитала в Японии происходит за счет рабочего класса, и Сиро Тоёда, сделавший некоторые частные замечания.

SUSUMU KAIDO (kobe): WAGES IN JAPAN *

It was notorious all over the world in the pre-war times that the level of wages in Japan was lower than that of other capitalist countries. It is still true at present. It was reported before the Second World War that the wage-level of female workers, especially young girls in the spinning industry, was below that of India, which was one of the typical colonies. After the War the average level of wages in Japanese manufacturing industries is about one-tenth of the wage-level in America and below half of that of English industrial workers. As the reasons for the low wages in the pre-war times, we can point out some feudalistic factors in the Japanese economy. They certainly existed in the area of the agricultural system.

The Japanese capitalism that has developed since 1868, has not grown on the basis of complete collapse of the pure feudalistic system of Tokugawa. So the capitalistic development in Japan has been connected with many feudalistic elements, for example, remaining semi-feudalistic ownership of farm-land, feudalistic relations between land-owners and many small tenants, rent-payment in the natural form of product (that is, the rent was not paid in money but in rice), too high rate of the rent which was at the same level as in the Middle Ages (about 50% of products), and the most feudalistic form — rent paid by labor of tenants themselves (labour rent), which was common throughout .the agricultural districts of Japan.

In our country the average amount of cultivated land belonging to a farmer was very small, only half of a hectare, and the rent in kind was much higher than in foreign capitalist countries. In England the rent was money-rent, and the rate was less than 10%. In other capitalist countries it was almost the same per cent.

The high rate of the rent forced down the living standard of all tenants. Their income was not sufficient to feed a family. The resting part of their produce,—the other part being in the possession of their land-owners,—was not enough for life. In order to live, they had to work hard and for long hours a day. But, nevertheless, their living standard did not rise and the general conditions did not become better.

They were always very poor. Therefore in many families young women had to work in spinning shops in town to get earnings in order to decrease the deficit of their family budgets or to help their miserable parents and younger sisters. They were obliged to work to get a slight sum of money,

* Доклад был прочитан на русском языке.

which was no use in decreasing the deficit. Thereby, their wages were very cheap and low.

Moreover, the character of labor in the spinning companies was in the early period of development of the Japanese capitalism very feudalistic. For example, there existed a compulsory dormitory-system, which was like a prison, because young laboring women had not the freedom of going out whenever they wished. Under the condition of long working-hours they had to work until they became entirely worn out and were certain to fall ill.

Another important reason for the low wages in Japan before World War II consisted in the system of labor. The character of labor of the working class in Japanese enterprises, especially in the very small manufactures, was so extremely feudalistic as can be imagined.

For example, the most feudalistic system of labor of Japanese enterprises were firstly, the prison-like labor system, secondly, the labor system of boss-rule, thirdly, the union of boss and subordinates.

These three labor-systems were characterized by forced labor. In those labor systems humanity was completely ruled out. They retained the features of feudalistic labor-control of the Tokugawa Era. Under these conditions, it is difficult to imagine how poor and horrible was the living standard of working men.

These labor-systems existed in the coal industry, in the railway construction industry and in other manufacturing industries. In these cases the wages were not paid at all or, even if paid, they were unimaginably low. These working men were no modern laborers at all. They did not get the sum of modern capitalistic wages and had no fundamental rights of a human being and a laborer which the laboring class had usually acquired in modern capitalistic countries. Of course, they could not organize their labor unions.

After the War these reasons for the low wages in Japan have been removed by the agrarian reforms and the rapid development of the trade-union

Table 1

Average Monthly Cash Earnings per Regular Worker by Industry
(Size: 30 Workers and Over)
(in yen)

	Total	Mining	Construction	Manufacturing industries	Wholesale and retail trade	Finance and insurance	Transport and communication	Electricity, gas and water
1956	19.987	20.221	15.904	18.348	18.703	26.651	22.876	28.854
1957	21.324	23.660	17.279	19.259	19.839	28.586	24.832	30.744
1958	21.161	23.786	17.994	19.180	20.138	28.885	24.858	31.897
1959	22.608	24.479	19.345	20.792	21.457	30·634	26.253	33.596

The rate of increase to the preceding year (%)
[Compared with year before (%)]

1956 average	7.5	9.3	9.6	9.3	5.8	6.2	6.3	5.1
1957 »	4.7	15.7	7.8	3.5	4.8	6.2	6.4	4.3
1958 »	3.5	2.8	6.0	2.7	3.8	3.3	4.4	8.6
1959 »	6.9	2.9	7.5	8.4	6.6	6.0	5.7	5.3

Note: Ministry of Labor, «Monthly Labor Survey».

Table 2

Average Yearly Wage by Groups of Workers of Manufacturing Industries

	Total for manufacturing industries	Production and related workers	Non-production workers
1952	13.516	11.979	19.185
1953	15.322	13.512	21.950
1954	16.309	14.337	23.401
1955	16.717	14.593	24.246
1956	18.348	15.969	26.852
1957	19.259	16.587	28.961
1958	19.180	16.398	28.644
1959	20.792		

Note: Ministry of Labor, «Monthly Labor Survey».

Table 3

Pre-war Base Indices of Labor Economic Statistics (1934/36 = 100)

	Production (manufacturing industries)	Wage (production workers of manufacturing industries)		Consumer price index (for Tokyo) (1934/36 = 1)
		a) nominal (1934/36 = 1)	b) real	
1951	115	235	92	256
1952	128	272	102	266
1953	159	307	107	286
1954	174	326	108	302
1955	181	340	115	297
1956	220	377	126	300
1957	257	391	126	311

Note: Ministry of International Trade and Industry, «Indices of Industrial Production»; Ministry of Labor, «Monthly Labor Survey»; The Prime Minister's Office, «Retail Price Statistics».

movement. Most of the main feudalistic elements have vanished. But, in spite of this even in the postwar period the general level of the wages in Japan is still lower than that in other capitalist countries.

Why is it still low? This basic reason is, first of all, the great inflation after the War. In the process of the fast decrease of the value of money and the drastic increase of commodity prices, the real wages descended by 15%. The income of many laborers was not sufficient for adequate food and living facilities. It was natural that many trade-unions requested strongly a rise in the amounts of wages. By dint of the influence of the trade-union movement the amount of wages have been gradually raised. It is now shown by the statistics of the government that the real wages have recovered to the low pre-war level. And the recent researches on wages by the Labor Ministry indicate that there are many low-wage earners in Japan, more than one million laborers. What does it mean? It means that the real wage level of many laborers has not reached the average level of the pre-war times. These working men and women are engaged in small enterprises and factories. In most of them trade-unions have not been organized. Therefore, the present low wages are connected with the absence of labor organizations.

Furthermore, I wish to communicate some of the newest materials concerning low wages and minimum wages in various Japanese industries.

Table 4

Indices of Labor Economy

	Average Monthly Cash Earnings per Regular Worker of Manufacturing Industries	Urban family expenditure (all cities) for 5 persons of family (30 Apr. of every year)	Wage Index, manufacturing Industries	Consumer Price Index (all cities)	Real wage index, manufacturing industries	Total hours worked, manufacturing industries	Production index, manufacturing industries
1952 average	13.516 yen	18.504 yen	81.5%	89.1%	91.5%	194.4 hours	68.0%
1953 »	15.322	22.195	91.4	95.0	96.2	196.7	84.2
1954 »	16.309	23.560	96.3	101.1	95.3	195.9	92.4
1955 »	16.717	24.254	100.0	100.0	100.0	198.0	100.0
1956 »	18.348	25.585	109.3	100.4	108.9	204.4	123.5
1957 »	19.259	27.706	113.1	103.5	109.3	202.9	146.4
1958 »	19.180	29.438	116.2	103.0	112.8	201.4	147.0
1959 »	20.792	31.280	126.0	104.1	121.0	204.7	185.2

Note:

1) Ministry of Labor, «Monthly Labor Survey», Total Average Cash Earnings in Month per Worker of Manufacturing Industries.

2) Statistic Bureau of the Prime Minister's Office, «Bulletin of Family Budget, Survey», Average monthly expenditures of urban workers (all cities) are calculated by multiple method.

3) Ministry of Labor, «Monthly Labor Survey» revised by the results of reexamination in January 1952, May 1955 and January 1958.

4) Statistic Bureau of the Prime Minister's Office «Bulletin of Retail Price statistics» (all cities), Total index.

5) Wage index, family expenditures index are divided into consumer's price index for all cities.

6) Ministry of Labor, «Monthly Labor Survey».

7) Indices of the Ministry of International Trade and Industry.

Table 5

Monthly Labor Statistics (Oct. 1959) Ministry of Labor

Items / Industries	Regular workers					Total average day cash earnings per temporary and daily worker (in yen)
	Total	Production and related workers	Non-production workers	Total		
	Total Cash Earnings in yen	Total Cash Earnings (in yen)		Total Hours Worked (in hours)	Days Worked (in days)	
	a	b	c	e	f	g
Total	19.343			202.7	24.3	448
Mining	22.185	20.899	28.089	197.7	23.6	390
Construction	16.935	14.222	21.863	211.3	24.2	472
Manufacturing Industries	17.777	15.597	25.260	205.8	24.1	394
Food	16.306	13.444	25.071	204.9	24.0	302
Textile and Related Industries	11.570	9.884	22.505	202.4	23.9	321
Chemical and Related Industries	21.395	18.696	27.053	185.4	24.0	377
Iron and Steel	26.290	25.270	30.426	212.1	24.9	500
Machinery	19.552	18.092	23.776	216.1	24.1	454
Wholesale and Retail Trade	18.743			196.8	25.1	
Finance and Insurance	24.718			185.8	25.2	
Real Estate	20.923			196.1	25.6	
Transport and Communication	22.443			200.1	24.4	
Electricity, Gas and Water	27.643			189.8	24.8	

Table 6

Wage Composition (Apr. 1959)

	Average Cash Earnings	Average Wage (per hour)	Number of workers
Total for all workers	17.354		9.342.566
For Male	20.522		6.728·647
For Female	9.199		2.613.919
1) Enterprises with 1000 men and over			
Total for all workers	22.527	101	3.612.489
For Male	25.484	112	2.803.356
For Female	12.282	62	809.133
2) Enterprises with 100 — 999 men			
Total for all workers	15.876		2.256.417
For Male	19.508		1.540.493
For Female	8.377		715.924
3) Enterprises with 10 — 99 men			
Total for all workers	12.869		3.473,660
For Male	15.344		2.384,798
For Female	7.449		1.088,862

Note: Ministry of Labor «Wage Composition Survey» 1959.

Table 7

Number of Workers by Class of Wage (apr. 1959)

Cash Earnings	Number of Workers	Cash Earnings	Number of Workers
Total	9.342.566	26.000—28.000 yen	299.842
Less than 2.000 yen	41.521	28.000—30.000 »	251 089
2.000— 4.000 »	114.850	30.000—32.000 »	222.634
4.000— 6.000 »	685.736	32.000—34.000 »	171.081
6.000— 8.000 »	1.101.307	34.000—36.000 »	145.618
8.000—10.000 »	1.047.975	36.000—38.000 »	114.519
10.000—12.000 »	854.324	38·000—40.000 »	94.765
12.000—14.000 »	734.095	40.000—45.000 »	161.261
14.000—16.000 »	642.988	45.000—50.000 »	96.137
16.000—18.000 »	563.221	50.000—55.000 »	63.567
18.000—20.000 »	534.797	55.000—60.000 »	38.749
20.000—22.000 »	497.121	60.000—65.000 »	25.554
22.000—24.000 »	416.959	65.000—70.000 »	16.470
24.000—26.000 »	365.850	More than 70.000 »	40.566

Note: Ministry of Labor, «1959 Wage Composition Survey».

Table 8

Wage per Hour by Industries (Enterprises with 1000 men and over)

Industries	For Total Number of Workers
Total for Industries	101
Mining	93
Construction	86
Manufacturing Industries	97
Textile and Related Industries	57
Iron and Steel	122
Machinery	99
Wholesale and Retail Trade	104
Finance and Insurance	128
Transport and Communication	98
Electricity, Gas and Water	126

Note: «1959 Wage Composition Survey».

Table 9

Spreading of Minimum Wage System, Based on Businessmen's Agreement (15 May 1960)

Minimum Wage Size (in yen)	Cases, when some period (less than 1 year) passed after engagement 1) Number of Cases	Cases, when workers of 15 years was engaged 2) Number of Cases
150—159		2
160—169	5	7
170—179	6	6
180—189	12	25
190—199	12	8
200—209	33	21
210—219	7	7
220—229	4	8
230—239	11	10
240—249	7	3
250—259	2	3
260—269		
270—279		
280—289	1	
Total	100	100

Note: «Wage News», 13, № 18, p. 8.

FUMIO MORIYA (Tokyo): THE CHARACTER OF THE JAPANESE IMPERIALISM

It is widely known that in 1920 Lenin defined the nature of Japanese Imperialism as follows: "Japan has the possibility to plunder oriental Asian countries, but she cannot have any independent financial and military power without the support of other countries".

At that time Japanese Imperialism was enjoying the highest economic and political prosperity because Japan has been able to capture world mar-

kets due to chaotic conditions in European countries after World War I. Before the war Japan was on the verge of bankruptcy because of the unfavorable balance of trade and foreign debt. Japan which before the war had been a "debtor" nation, became a "creditor" nation from 1915 to 1918. At the end of World War I she had a huge credit account which she got from foreign countries, and gold holdings increased 4 times compared with 1914—20. Possession of securities and bank loans increased threefold, and average increase of industrial production was twofold. In spite of Britain's opposition Japan entered the war on the side of the allies and occupied Shantung and the former German South Sea Islands. Japan invaded China with the notorious 21 demands in 1915 and made a military loan to the puppet-government in 1916—17.

Regarding Japan at that time Lenin said in his *Imperialism* in 1916: "Capitalism is growing with the greatest rapidity of all in the colonies and in trans-oceanic countries. Amongst the latter new imperialist powers are emerging (e. g., Japan)".

Then, what does Lenin's previous criticism on Japan mean? Its reason is perhaps that even after the War, the foundation of monopolistic capitalism in Japanese Imperialism was in as backward and weak conditions as before, and Japanese imperialism had to maintain its position by being a gendarme of the Far East for other imperialist countreis. Lenin pointed out the characteristics of Japan comparing her with Russia, which was economically the most backward country, in his *Split to Imperialism and Socialism* in 1916: "In Japan and Russia, the monopoly of the military power, of vast territory, or of the special convenience to plunder China and others, partly supplies and partly substitutes the monopoly of the present and latest financial capital".

With regard to the period of formation of Japanese Imperialism, there are some controversies in Japan and in the Soviet Union. But the most basic economic characteristic of imperialism is a monopolistic capitalism coming into existence, and there is no difference in this point in regard to the Japanese Imperialism. From this point of view Prof. Seitaro Yamada saw the realisation of the nationalisation of railways as the direct appearance of the financial capital in its first and primitive form. Moriya developed this opinion and has asserted in several works and treatises, that by the victory in the Russo-Japanese War, Japanese military power grew up to the level of the monopolistic powers in West Pacific, aided by her favourable geographic position in relation to China, and Japanese capitalism developed rapidly into a monopolistic capitalism, partly being supported and partly being substituted by this monopoly of the military power. Here we can see the Japanese Imperialism coming into existence.

The development of the monopoly of military power, as well as of the monopoly of financial capital, had proceeded largely by the support of Britain and the USA. It is needless to mention that the military, financial and and political help of Britain and the USA to Japan had a decisive effect on the victory of Japan in the Russo-Japanese War. The development of monopolistic capitalism after the Russo-Japanese War was seriously affected by the import of foreign capitals, which attained to 1, 767 million yen from 1905 to 1913. These foreign capitals were mainly imported by the government, and by these means the government redeemed the war-time high-interest public loan into a low-interest loan, the big industrial enterprises — electricity, navigation, steel, electric-machine and cotton-spinning etc., were estalbished and enlarged, and the export of capital to Manchuria and Korea

was carried out. Japanese capitalism established the foundation for the development of monopolistic capitalism, by monopolizing Korean and Manchurian markets thanks to the victory in the Russo-Japanese war, by the customs autonomy in 1911, and by carrying out the nationalization of Japanese railways and acquisition of Korean railways and South Manchurian railways.

But the formation of monopolistic capitalism at that time was still weak and, one could not help to say, "primitive". It was not only because Japanese capitalism was assaulted by the severe crisis of 1907 soon after the war, and the domestic market shrank, and the imports increased on account of investment in heavy industry which helped to recover markets in Europe but which tended to work in reverse in Japan, and thus a chronic depression continued years after the initial depression. But because the structure of Japanese capitalism retained many pre-capitalistic characteristics, — namely, in industry, — light industry had a leading position, and half of the national income came from agriculture and forestry which were operated by fragmental petty farming based on semi-feudalistic landowner system. The greatest part of industrial production output was in the textile and food industries, as Table I shows. In the light industries, cotton-spinning, beer and sugar-making factories etc., were mechanised but in these cases the most important base of the enterprises was low wage and long hours of labour of the female labourers and unskilled workmen, and more than half of the light industries, as silk yarn, weaving, china-manufacturing, Japanese paper, refined sake, soy etc., were mostly operated in petty factories, manufactures and cottage factories, through semi-slave wage labour. So, although the monopolistic capitalism is said to have come into existence, it was not formed around the heavy industries as in the advanced countries, but it is the light industries which were dependent on low-wage labour which were operated in the form of cartell and trust. In these conditions, trade capitals often had a higher rank than industrial capitals. Even in the big industries as cotton spinning, big foreign traders as Mitsui-Bussan Co. and share speculating brokers had dominating influence. The managements of Zaibatsu monopolistic capital were operated around the banking and trading, and they ruled the entire country, land-owners, petty manufacturers and peasantry, through a network of local banks and local factors.

In spite of reorganization of all companies directly ruled by Mitsui and Mitsubishi into modern concerns their content were such as for instance, in the Mining Enterprise where the profits were mainly syphoned off to Zaibatsu headquarters and redemptions were severely limited, therefore only expansion of mining area was sought for in order to dig out high-priced, good quality coal cheaply, and thus, coal price policies were decided by the "selling interest" of Mitsui Bussan and or Mitsubishi Shoji.

After the First Great War, Japanese Imperialism was isolated from the world powers and started a great competition of naval expansion with USA, aiming at the independence of military power. But starting with the crisis of 1920, chronic depression continued for several years, and Japan was exhausted, and was forced to reduce her armaments and withdraw from China in conformity with the Washington Treaty. But after the War, Japanese capitalism still went on upward due to the accumulation during the War and putting in new equipments which were imported in great quantity after the War, and the ratio of the industries in the national income rose as in Table II. The position of industrial capital became higher than trade capital, as in the cotton spinning where industrial capital predominated decisively; in the silk yarn spinning big silk-manufacturers stood higher

than foreign traders, and in the weaving industry factors had to begin producing themselves. This was why the Japanese Imperialism changed its policy in regard to its advance to China from open military invasion to so-called "Shidehara-diplomacy" and cotton spinning capitals were exported to an enormous amount into China in this period. But as to the ratio of industrial production output, the position of the light industries was overwhelming as before, as shown in Table II, and semi-slave low-wage labour in the industry and semi-feudalistic parasite landowner system continued to be the base of Japanese capitalism.

Although many speculative enterprises disappeared in the process of several crises, the concentration of banks and the formation of Zaibatsu-concerns were completed, the party-cabinet system was established, and the role of financial oligarchy became strong, — under such structure of industry and agriculture, the re-production of Japanese capitalism had to go on through the medium of foreign trade, namely the export of light industrial goods and import of heavy industry materials and industrial goods mainly to and from the USA and British Empire and plunderous import of food and materials from China and Korea. For the protection of the domestic market from the competition of foreign goods, the prohibition of export of gold and an inflation policy continued for 10 years after the War, and against the scarcity of specie, an enormous foreign debt was incurred again in this period. In these circumstances, Japanese Imperialism in this period also maintained its position by being a gendarme for the world imperialism against the Chinese Revolution and the Soviet Union.

The great crisis drove the Japanese Imperialism into war ahead of other imperialist countries. The so-called «Manchurian affair» broke out in 1931, and Japanese capitalism strengthened rapidly the tendency to state-monopolistic capitalism and proceeded to enlarge the military industries. The Sino-Japanese War began in 1937, and the military industries expanded though the motive power of the enormous state-finance, sacrificing other industries under the strong control of the government. That meant the change of the structure of production, in pursuit of military independence under the initiative of the militarists. Consequently the ratio of the heavy industries rose and after the break out of the Pacific War, that ratio rose still more, as Table I shows. In the national income, too, the ratio of industry went up in comparison with agriculture and commerce as is seen in Table II.

We can there see the appearence of the law of the uneven development of imperialism. But this development was carried on by taking by Japan on herself the role of a hangman of the Chinese Revolution. The dictatorship of the militarists-fascists and the financial oligarchy and state-monopolistic capitalism strengthened itself more and more, and the semi-slavery conditions of the labourers and peasants became more severe. They dreamt of the erection of a world empire by military force, but the Japanese Imperialism, which lost the support of other countries, was defeated and dumped into a terrible state of desolation.

After the World War II, Japan lost all her colonies, and in the domestic sphere, the half-feudalistic landowner system was dissolved by the Agrarian reform, and the democratic rights of the labourers were established. But Japanese monopolistic capitalism revived rapidly through the help of America by taking up the role of the commissariat of the American army in the Far East. During the 10 years since 1950 the production of industry and mining increased threefold in comparison with the pre-war level and the rate of economic growth was now the highest in the capitalistic world. Espe-

cially the development of concentration of capital in the heavy-chemical industries increased at a great pace, and the structure of industrial production changed from the situation before the War, the rate between means of production and consumption in domestic market becoming $^2/_3$ as to $^1/_3$ in 1953, and in foreign trade too, the heavy industries products, such as steel and steamships etc. grew to be important items of export, together with light industries products.

In this development, the necessary funds were secured by loans from state-banks and fiscal investment which were guaranteed by the help of America, and the "special" demand of USA Army procurements formed an important marketable factor. The characteristic which Japanese Imperialism had always possessed — supplementation and substitution of economic monopoly by the monopoly of military power and the monopoly of special convenience of plundering China and others — was lost after the War, but instead of it, the supplementation and substitution of help by America appeared in the front. The restoration of monopolistic capitalism appeared in the strengthening of state-monopolistic capitalism, in the recovery of productional bases and re-concentration of capitals. This meant widening the gap between monopolies and small—midd le scale enterprises and the strengthening of exploitation of labourers and peasantry. And against the narrowing of domestic market which was caused by expropriation directed against the majority of the population, the investment more than the ability to invest and the exportation drive were needed by the monopolies, and it was the supplementation and substitution by the military and economic power of America that let Japanese monopolies hold and enlarge those marketable bases. The characteristic "to need the support of other countries" appeared not only in the form of the help by America after the War, but it has been deepened in the form of open dependance of Japanese monopolies on American Imperialism.

The recovery of Japanese monopolistic capital attained a level higher than in France on the side of production. The rapid increase of investment was the important base of market for the development of productive means — producing industries, and many parts of heavy industry, not to speak of electric machinery manufacturing, became gigantic. In this conditions, especially as the position of American Imperialism is relatively weakening at present, is it not the same as believing in miracles, to think Japan will not try to get on her feet again? But in spite of the development of production, in Japanese capitalism the foundation of funds is weak, the resources-ground of raw materials is narrow and the exportation market is unsteady. Furthermore, new conditions surrounding Japanese Imperialism after the War, are: effective construction of socialism in the socialist countries, especially in the USSR and China, the heightening of nationalism in the underdeveloped countries and the great progress of democracy inside the country. In spite of the agrarian reform and the development of heavy-chemical industry, the structural characteristics of Japanese capitalism are cheap labour, the existance of an enormous quantity of small—middle enterprises, the continuous small scale farm culture and the construction of reproduction through the medium of foreign trade. Although the domestic market was enlarged by the agrarian reform, the ratio of the rural market to the whole domestic market is about 10%, and the export trade needs a steady market, and the type of goods exported should be changed. In foreign trade, Japan also depends mainly upon America, to which Japan exports cotton-goods, sawing machines and transistor-radios and from where Japan imports, in contrast to this,

mainly raw cotton, caking-coal, scrap-steel, petroleum and machinery etc. This shows clearly the weakness of the base of Japanese Imperialism.

Some Marxists in Japan express the opinion that the rulers and the government of Japan, in order to extricate themselves from this weakness, will try to step into a co-existence policy with the peace-loving camp. Although this forecast in very comfortable, it is in reality for the sake of endeavoring to flee from this weakness, that the Japanese monopolies are tying in with American Imperialism, becoming the vanguard of anti-communism in the Far East, and revive the lost dream of the former "Co-prosperity Sphere of East Asia". This is the meaning of the so-called "reform" of the Security Pact which was concluded between USA and Japan a month ago. However, contrary to the schemers of the "reform" of the Security Pact, the Japanese nation showed fiercely strong resistance, checked Eisenhower's visit to Japan, and beat down the political power of Kishi. Through this fight, the Japanese nation could see the road to real independence in peace and democracy. The restoration of the Japanese Imperialism will be nothing but the road which leads the Japanese nation to be subordinated and dependant upon the support of other countries more than at the time when Lenin had uttered his criticism.

Table I

The Ratio of Structure of Industrial Output

	food	textile	printing	chemical	lumber	pottery	metal	machine	other industries	gas, electricity
1906	28.0	40.7	1.0	8.3	2.1	2.4	5.7	5.8	5.4	0.6
1912	23.1	48.4	1.4	5.8	2.1	2.3	4.6	7.6	3.7	1.0
1917	19.5	41.1	2.0	12.1	2.4	2.6	6.0	8.7	4.0	1.6
1922	16.5	46.1	1.8	10.6	2.9	2.1	4.7	10.1	3.4	0.8
1927	16.3	40.6	2.9	12.8	2.8	2.9	7.1	8.8	3.5	2.3
1932	14.3	35.5	2.9	15.1	2.5	2.6	9.5	9.6	3.8	4.2
1937	9.0	24.1	1.5	18.9	2.3	2.3	21.0	14.7	3.6	2.6

According to the Survey of Nagoya Commercial College. By the way, the average index of 1942—44 is estimated: food 8.5%, textile 10.9%, chemical 18.6%, metal 37.8%, machine 41.6%, by all surveys.

Table II

Estimate of National Income distinguished by Industries

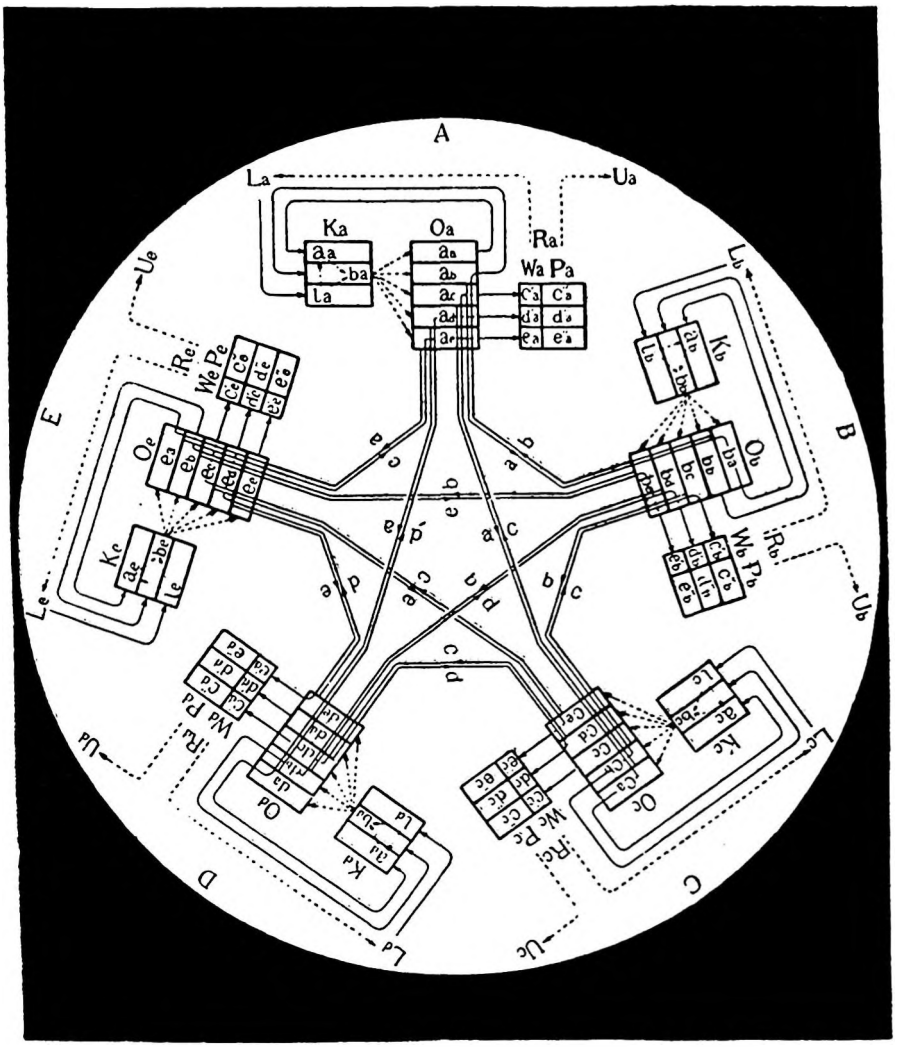
	Agriculture & forestry	Marine product	Mining	Industry	Communication	Commerce		Business		Total with others
						commerce	loan	official	free	
1906	938			764						1.702
1912	1.490			1.276						2.766
1919	3.898	185	257	2.216	683	1.959	124	529	535	10.657
1922	2.853	191	173	2.476	499	1.793	239	956	1.034	10.650
1927	2.588	195	187	2.985	746	2.080	367	1,241	1.131	12.040
1932	1.851	130	114	2.075	634	2.146	350	1,374	1.013	10.222
1932	2.031	163	201	3.023	824	2.015	548	1.221		11.380
1937	3.464	258	617	6.134	1.230	3.223	666	2.013		20.094
1942	5.880	824	1.407	18.775	2.488	4.815	1.298	6.185		46.230

1906—32 is cited from the study of N. Hijikata, and 1932—42 depends upon the Survey of the Economic Stabilization Board. Unit: 1 million yen.

SHINZABURO KOSHIMURA (*Yokohama*): DIAGRAM OF ECONOMIC ROTATION AND THE STRUCTURE OF THE JAPANESE ECONOMY

In this table, column (K) is the consumed amount of capital in each Department, column (O) is the amount of annual output, column (W) is the wage for labourers and column (P) is the profit for capitalists in each Department.

Table I. Economic Rotation.

A. . . .Dept. of machine industry; *B*. . . .Dept. of producing raw materials; *C*. . . .Dept. of making food; *D*. . . .Dept. of manufacturing clothes; *E*. . . .Dept. of building houses etc.; *U* . . . .Undertakers; *L*. . . .Labourers; *K*. . . .Productive capital; *O*. . . .Output; *R* . . . . Revenue; *W* . . . . Wage; *P* . . . . Profit; *a* . . . . machines; *b*. . . .raw materials; *c* . . . . food; *d*. . . .clothes; *e* . . . . houses and household furniture; *l*. . . .labour power; Suffixes *a*, *b*, *c*, *d*, *e*, attached to the above elements denote respectively the sort of Dept., which utilizes or consumes these elements; dotted line. . . .process of production and consumption; straight line — process of circulation and distribution.

Department of producing raw materials (B), and Department of making food (C) are still predominant in the structure of Japanese economy, although Department of machine industry has made rapid progress after World War II.

You can see the rate P/W, that is to say, the rate of surplus value in the last column to the right. You will be astonished that the rate of surplus value in Department (C) is exceedingly high. Why? Because Department (C) contains beer and wine brewing industry, which enjoys the highest possible monopoly profits. But the largest part of these profits are absorbed by the Japanese government by means of tax.

Here the meaning of the notation is as follows.

(K) is the capital employed, in which (a) is machines and other elements of fixed capital, (a′) is the remainder of fixed capital, (a″) is the wear and tear of fixed capital, (b) is raw materials, (l) is labour power. Price unit is 1 milliard yen. (a+b)/1 means the so-called organic composition of capital, P/W means the rate of surplus value, and P/K denotes the rate of profit. In this table, agricultural products are not included.

In August 1945, Japanese imperialism completely collapsed, production was reduced to 20—30% of the pre-war level (1934—36), inflation became inevitable, prices of commodities began to rise, the rate of real wage sank rapidly, and the level of consumption fell to one half.

But the power of the ruling class of Japan rapidly recovered under the support of the USA. Especially the financial inflation, which had exercised overwhelming influence over the whole industry, came to an end in 1949, by means of the so-called Dodge-line policy, and the Korean war, which occured in 1950, gave the greatest advantage to the capitalist class of Japan. Special demand for munition gave an impetus to the monopolistic capitalism. The organic composition of capital advanced to a higher degree, and the rate of profit, which had showed a falling tendency, began to rise at that time. The rate of growth of Japanese industry shows in recent years 6 or 7%.

The rate of surplus value in the Japanese industry is extremely high. It amounts to 200—300%, except the extraordinary high rate in 1946. If we compare this rate with that of USA, we can find that the rate of surplus value of Japanese industry is twice or thrice as high as that of USA.

Why is this rate so high? The principal reason for it is the low level of wage in Japan. Let the rate of wage in Japan in the year 1950 be 100, then that of USA amounts to 1092, that of Great Britain to 291, and that of Germany to 225.

The contradiction in Japanese capitalism became greater and greater and the number of unemployed has grown from 240 000 (1948) to 580 000 (1954). This is the main feature of Japanese economy after World War II.

EXPLANATION

Undertakers (U) of every department employ labourers (L) in order to produce the output (O). Machines (a), and raw materials (b), possessed by undertakers (U), together with labour power (l), offered by labourers (L), constitute the capital (K), and display their productive function. Namely, labour power (l) works upon raw materials (b) directly or with the help of machines (a). By consuming these factors, new products (O) are produced. Departments (A), (B), (C), (D), (E) produce respectively machines (a), raw materials (b), food (c), clothes (d), household furniture (e). A part of these outputs (O) is used in the same department which produces them,

but the greater parts are exchanged one for another, according to the orbits depicted in the centre of the diagram. Food (c), clothes (d), furniture (e), which flow into every department, belong to revenue (R). Of these goods, (c′), (d′), (e′) are bestowed to the labourers as wage (W), and the remaining parts (c″), (d″), (e″) belong to profit.

Thus the lives of labourers (L) and undertakers (U) are renewed, and the capital (K) of every department is reproduced in the capitalistic order.

(S. Koshimura, *Diagram of Economic Rotation, together with its Mathematical Analysis*, Tokyo, 1951, pp. 1—8.).

Table II

Structure of Japanese Economy, 1951
(Unit: 1 milliard *yen*)

Dept.	K*	O	W	P	PW, %
A	1093	1226	242	133	55
B	2396	2746	243	350	144
C	880	1941	116	1061	915
D	1303	1456	103	153	149
E	665	780	110	115	105
Total	6337	8149	814	1812	223

* Remainder of fixed capital not included.

(Made out of *Interindustry Relations Table*, 1951, by Japanese Ministry of International Trade and Industry, 1956).

Table III

Development of Japanese Industry after World War II

year	K				O	R		$\frac{a+b}{l}$	$\frac{P}{W}$	$\frac{P}{K}$
	a		b	l		W	P			
	a′*	a″								
1946	131	15	73	13	158	13	57	17	434%	25%
1947	336	37	240	42	450	42	130	15	309	20
1948	687	76	460	110	927	110	281	11	256	21
1949	950	105	827	175	1523	175	415	11	237	20
1950	1236	137	1466	211	2294	211	480	14	228	16
1951	1781	198	2727	294	4028	294	809	16	275	16
1952	1789	199	3164	353	4624	353	908	15	257	17
1953	1875	208	3838	424	5709	424	1238	14	292	20

* a′ . . . remainder of fixed capital, a″ . . . wear and tear of fixed capital (From *Surplus Value and Profit*, ed. by T. Ikumi, Tokyo, 1955, pp. 74—5).

По докладу выступил Я. А. Певзнер, сделавший ряд замечаний по методике докладчика.

16 августа, утреннее заседание
Председатель Е. М. Жуков (*Москва*)

Я. А. ПЕВЗНЕР (Москва): О ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКОМ КАПИТАЛИЗМЕ В ЯПОНИИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Государственно-монополистический капитализм представляет собою вмешательство капиталистического государства в экономику в интересах монополистического капитала.

Необходимость государственного регулирования экономики возникла

на почве высокой концентрации производства и в условиях резкого обострения экономических, социальных и международных противоречий капитализма. Диалектика развития здесь такова, что регулирование экономики из одного центра прокладывает себе дорогу в условиях, когда такому регулированию противостоит сам капиталистический строй, само господство частной собственности на средства производства. Отсюда — крайняя неравномерность, противоречивость и неустойчивость степени развития, форм и методов государственно-монополистического регулирования экономики. Отсюда и такая историческая несообразность — более высокая организация хозяйства чаще всего применяется с целью милитаризации, то есть выступает как средство организованного разрушения хозяйства.

Государственно-монополистическое регулирование достигло чрезвычайно высокого развития в империалистических странах, участвовавших в первой мировой войне. После ее окончания оно повсеместно было резко ослаблено, но снова начало усиливаться в период мирового экономического кризиса и достигло наивысшего развития в годы второй мирозой войны. После же окончания войны государственно-монополистическое регулирование хотя и было снова ослаблено, но играет в экономической жизни современного капитализма несравненно бо́льшую роль, чем в межвоенные годы. Противоречия современного капитализма достигли такой остроты, что для их разрешения даже в мирный период буржуазия вынуждена прибегать к мерам по общегосударственному контролю и регулированию, т. е. к мерам, чуждым принципам капиталистической экономики. Капиталистическая экономика уже не может функционировать без широкого вмешательства государства в процесс общественного воспроизводства.

Но государственно-монополистический капитализм не вносит изменений в социальный строй капитализма, он лишь направлен на его укрепление. Будучи вынужденным в силу необходимости прибегать к широкому государственному вмешательству в экономику, монополистический капитал использует это вмешательство для усиления своего собственного контроля над немонополизированным предпринимательством, как средство усиления эксплуатации трудящихся классов и увеличения своих прибылей. Эти общие черты развития государственно-монополистического капитализма находят свое яркое проявление в конкретных условиях современной Японии.

В разные периоды решающее влияние на развитие государственно-монополистического капитализма оказывали то одни, то другие факторы. В 30-х и 40-х годах (до окончания второй мировой войны) среди этих факторов главная роль бесспорно принадлежала милитаризации.

После войны японский монополистический капитализм встал перед лицом новых противоречий, также неразрешимых без государственного регулирования. Послевоенная разруха, усугубленная развитием инфляции, восстановление, изменение характера и направления внешнеэкономических связей, необходимость реконструкции промышленности и изменений в ее структуре — все эти и без того сложные проблемы были еще больше осложнены оккупацией Японии Соединенными Штатами, а затем и неравноправным для Японии ее военно-политическим союзом с США. Одни из проблем, вставших перед Японией после войны, носили временный, текущий, преходящий характер, другие же, напротив, существуют на протяжении всей истории японского капитализма, но после войны стали еще более трудными, и их решение требует государственного вмешательства еще в большей степени, чем до войны.

Центральной, стержневой, наиболее важной для японского монополистического капитала проблемой, определяющей необходимость и характер государственно-монополистического регулирования после войны, является проблема накопления капитала, проблема инвестиций. Экономические условия, которые сложились после войны, потеря колоний, отставание японской промышленности по уровню ее технического развития и снижение конкурентоспособности японских товаров, стремление японских монополий освободиться от иностранной экономической зависимости и снова пробиться на внешние рынки — все настойчиво требовало еще больше увеличить абсолютные размеры и норму накопления по сравнению даже с той высокой нормой, которая была характерна для Японии в прошлом. Но падение производства было столь велико, что сразу после войны абсолютные размеры накопления не могли не понизиться, несмотря на столь благоприятный для накопления фактор, каким было резкое снижение военных расходов. В этих условиях государство выступило как коллективный капиталист, взяв на себя обязанности по превращению в капитал дополнительной части стоимости, получавшейся главным образом путем увеличения налогов. Инвестиционная политика — это прежде всего обеспечение расширенного воспроизводства как необходимого условия устойчивой и высокой прибыльности монополистического предпринимательства и, наоборот, обеспечение прибыльности как необходимого условия расширенного воспроизводства.

Специфика послевоенного государственно-монополистического капитализма заключается прежде всего в том, что возросла роль государства в инвестициях. Общая сумма государственных закупок товаров и услуг составляет в настоящее время (1959 г.) около или немногим более одной пятой валового национального дохода, то есть приблизительно столько же, сколько до войны (1936—1940 гг.) [1]. Но что касается доли капитальных инвестиций внутри государственных расходов, то, по расчетам японских экономистов, доля эта составляла в 1934—1936 гг. в среднем 15,1% общей суммы правительственных расходов, тогда как в 1955—1957 гг. та же доля составляла в среднем 43% [2]. Доля государственных инвестиций в отношении к национальному доходу увеличилась с 3,2% в 1934—1936 гг. до 7,8% в 1955—1957 гг.[3]. В 1951—1957 гг. на государство приходилось 29% общего объема ежегодных инвестиций во все отрасли экономики против 14% в 1936—1940 гг.[4].

Государственное финансирование направлялось главным образом в электроэнергетику, транспорт, судостроение, черную металлургию и другие отрасли тяжелой промышленности.

Столь большие масштабы государственного финансирования явились одной из главных причин успехов японской экономики в послевоенный период: быстрых темпов роста промышленной продукции, составлявших в 1951—1958 гг., в среднем 14,4% в год [5], роста доли продукции тяжелой промышленности в общем объеме промышленного производства с 49% в 1950 г. до 64% в 1956 г., быстрого роста выработки на одного занятого рабочего и постепенного сокращения разрыва в уровне производительности труда между Японией и высокоразвитыми капиталистическими странами Запада[6]. Положительное воздействие на экономику мер по ее государственному регулированию было обусловлено еще одним решающей важности фактором: государственно-монополистическое регулирование в этот период не носило милитаристского характера, не направлялось на бесполезную растрату производительных сил в той степени, как это было в довоенный и тем более в военный период. На протяжении XX в. доля военных расходов в на-

циональном доходе Японии никогда не была столь мала, как в 50-х годах, когда темпы экономического роста были самыми высокими. Военные расходы занимали от $1^1/_2$ до 2% национального дохода, а общий размер государственного потребления (то есть всех государственных расходов неинвестиционного характера, включая и военные расходы) понизился с 22% в 1937—1940 гг. и 31% в 1941—1944 гг. до 10,7% в 1955—1957 гг.[7]. Эти данные опровергают взгляды многих американских и западноевропейских экономистов, считающих, что крупные военные расходы являются необходимым условием развития экономики.

Послевоенное государственно-монополистическое регулирование экономики имело не только чисто народнохозяйственные, но и социальные последствия. Главное из них заключается в новой концентрации собственности в руках японской финансовой олигархии и в обострении проблемы внутреннего рынка.

Прямая или косвенная государственная поддержка сыграла важную роль в том, что монополии *дзайбацу*, которым в результате поражения в войне и послевоенных реформ были нанесены серьезные удары, быстро вновь воссоздались в измененном виде под контролем финансовых магнатов. Среди последних в настоящее время нет всемирно известных до конца войны имен Мицуи, Сумитомо, Ивасаки и др., но реальный контроль над экономикой находится в руках нескольких сот богачей, среди которых на первых местах банкир и финансист Юдзу Ниитани, чье имущество оценивается в 3—5 млрд. *иен*, и «король электромашиностроения» Коносукэ Мацусита, чье имущество равно приблизительно 4 млрд. *иен* [8]. В руках этих нескольких сот богачей находятся ключевые посты в основных монополистических компаниях, и они же оказывают влияние на состав и политику правительства и государственного аппарата, на характер государственного регулирования экономики.

За большими успехами последней нельзя не видеть возросшей диспропорции: в то время как объем промышленного производства в Японии втрое выше довоенного, общий объем народного потребления выше довоенного уровня приблизительно на 55—60% [9] (а при расчете на душу населения выше — в городе на 20%, в деревне — на 35%) [10].

Нельзя не видеть, что государственно-монополистический капитализм содействовал воссозданию и укреплению социальных условий, в основном аналогичных тем, что господствовали и до войны, — восстановлению и укреплению господства финансовой олигархии с ее постоянными устремлениями решать внутренние проблемы при помощи внешней экспансии. По-видимому, главный вывод, который сделали из недавних уроков прошлого стоящие у власти группировки монополистического капитала и высшей правительственной бюрократии, заключается в том, что, поскольку Япония в одиночку не может и мечтать о реванше, ей следует блокироваться с более сильной страной, со сторонниками «холодной войны» в США и опереться на них в борьбе за ремилитаризацию, за усиление своих позиций внутри страны, за ревизию принципов Потсдама и территориальных статей договора в Сан-Франциско.

Правящие круги Японии до последнего времени имели редкую возможность осуществлять ремилитаризацию в значительной степени на чужой счет,—пользуясь американскими «дарами» и бессрочными кредитами. Немалой поддержкой для Японии были и американские «специальные заказы», которые также способствовали восстановлению и развитию военной индустрии.

Дух нового японо-американского военного договора, заключенного в январе 1960 г. в Вашингтоне, таков, что Япония должна во все большей

степени переходить на «самоокупаемость» ремилитаризации, и уже сейчас здесь планируется удвоение военных расходов в течение ближайших 3—4 лет. Наступление на «мирную конституцию» 1947 г., которое ведет правящая либерально-демократическая партия, переплетается с ростом вооруженных сил и с усилением влияния военно-фашистских обществ, финансируемых из весьма богатых и влиятельных источников и проповедующих самые реакционные, милитаристские взгляды и традиции («особая миссия» Японии, поклонение памяти казненных военных преступников и т. д.).

Мы ни в малейшей степени не склонны игнорировать те изменения, которые произошли в Японии после войны и отождествлять ее положение с довоенным. Здесь выросли могучие силы демократии и мира, которым Япония в немалой степени обязана не только своими успехами в сфере гражданских прав и социального законодательства, но и своими экономическими успехами, поскольку эти силы препятствуют осуществлению планов ремилитаризации. Но мы не можем закрывать глаза и на опасности, вырастающие из того, что влиятельнейшие силы, находящиеся у власти, вновь стараются придать государственно-монополистическому регулированию экономики милитаристскую направленность.

В нашу эпоху, при нынешнем уровне развития производительных сил, государственное регулирование экономики является неизбежным, ни одна капиталистическая страна не может отказаться от регулирования, вернуться к принципам «свободы предпринимательства». И именно потому, что государственно-монополистический капитализм стал неотъемлемой частью современного империализма, борьба вокруг направления государственно-монополистического регулирования занимает все большее место в борьбе классов и партий капиталистических стран. Опираясь на науку и исторический опыт, марксистско-ленинские партии считают, что подлинное регулирование экономики в интересах всего народа возможно только после ликвидации капиталистического строя, при социализме. Но вместе с тем марксистско-ленинские партии поддерживают и возглавляют борьбу народных масс за то, чтобы и в рамках капитализма государственное регулирование служило делу экономического прогресса, развитию мирной экономики, повышению занятости и доходов трудящихся, улучшению социального обеспечения. Весь народ заинтересован в том, чтобы сорвать курс монополий на превращение государственно-монополистического капитализма в орудие хищничества, милитаризации и подготовки войн.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Кокумин сётоку хакусё* (*Белая книга по национальному доходу*), 1959, стр. 84—85, 1957, стр. 104—105.

[2] *Нихон-но кэйдзай* (*кэйдзай хакусё-но кайсэцу то хихан*), 1958 (*Комментарии и критика «Белой книги по экономике» за 1958 г.*), стр. 67.

[3] *Кокумин сётоку хакусё*, 1959, стр. 84—85, 1957, стр. 104—105

[4] *Там же.*

[5] Расчет по индексу Управления экономического планирования, «Кэйдзай ёр ан», 1958, «Экономисуто», 1959.

[6] «Экономисуто», 19 июня 1958, стр. 60; «Сангё горика хакусё», 1957, стр. 37.

[7] *Там же.*

[8] С. Куга, *Гэндай сихонка рон* (*Современная японская буржуазия*), Токио, 1959, стр. 143.

[9] Наш расчет.

[10] Статья С. Хата в «Новом времени», № 3, 1960, стр. 18.

С некоторыми вопросами и замечаниями по докладу выступили Масао Фукусима, Сиро Тоёда и Тоити Нава.

日本軍国主義と帝国主義の復活　豊田四郎

(一) 軍国主義とは何か

私は最初に、軍国主義について、つぎのような定義をします。

軍国主義とは一定の社会経済構成体の性格や特徴を意味するものではありません。それは又、ある経済制度、国家権力あるいは統治形態の性格や特徴だけを意味するのでもありません。軍国主義とは、けつしてある特定の思想や政策や法体系をいうのではなく、軍事機構の膨張と強大化そのものをいうのであります。たとえば、ある国家が軍事機構をもつていても、それだけでは、まだミリタリズムであるとはいえません。ミリタリズムは、国家機構のなかで軍部とくに将校団がその政治的地位と役割を高め、侵略的な軍備拡張計画をかかげて、その国家の政策や国民生活全体に決定的な影響をおよぼすようになつたとき、生れます。

以上の定義からみて、私は、現在の日本では、すでにミリタリズムが公然と復活したと考えます。

第一に、自衛隊はすでに二十五万の軍隊、攻撃用誘導兵器（例、サイドワインダー、ハーキユリーズ、ポマーク）をふくむ一兆円の武器をもつています。

第二に、国家豫算のうち二十五％は直接の軍事費です。たとえば、電気器機生産の三〇％は自衛隊の注文をうけています。

第三に、三井、三菱、住友などの財閥は、今年からそれぞれの専門分野別に本格的にミサイル兵器の生産を開始しました。

第四に、昨年一月から交通費、電気、ガスなどの独占物価が上り、税金がふえて国民生活が圧迫され、労働運動や一般民主主義運動に対する弾圧も強化されています。

第五に、政府は「第二次防衛整備五ケ年計画」（一九六〇―六五年）という軍備拡張を計画し、自衛隊のミサイル化を目的として、年々、約六億ドル（二千億円）を支出する豫定です。日本独占体の指令部である経済団体連合会のなかの、防衛生産委員会は、一九六五年にはミサイル生産を年間千五百億円位の規模にすると、声明しています。

第六に、今年六月二十三日、日本政府はアメリカ政府との間に、新しい侵略的軍事同盟を批准しました。この同盟の目的は、アメリカのロケット用基地をつくること、自衛隊のミサイル化、自衛隊の極東派兵、自衛隊の治安出動などを、合法化することにあります。

以上の諸事実からみて、私は、今日の自衛隊は単なる再軍備ではなく、侵略的な意図と計画をもつ、日本軍国主義の復活をしめすものである、と考えます。自衛隊の将校のうち、旧帝国軍人の割合は、陸軍では五〇%、海軍では九五%、空軍では六四%をしめています。

(二) 天皇制軍国主義の崩壊

現在、復活している軍国主義は、天皇制を中心とする軍国主義ではありません。なぜならば、天皇制軍国主義は、第二次世界大戦において、ファッシズム陣営に組みして敗北し、アメリカの占領者の手によつて解体され、アメリカ戦略体系の一部として、組みこまれたからであります。

歴史的にみると、天皇制軍国主義は、明治維新から第二次世界大戦まで、百年近くの間、日本人民にたいする軍事警察的専制支配と近隣諸民族にたいする野蛮な侵略とを・指導してきました、天皇制軍国主義を、対外侵略の点からみて、軍事的封建的帝国主義といいます。

天皇制は絶対主義君主制の一変種であり、地主ブルジョア独裁の背骨であります。その経済的基礎、本質、性格、機能は、ツアーリズムやプロシャ軍国主義と似ております。しかし、日本では、半封建的天皇制が近代的資本主義的帝国主義の段階、さらには世界資本主義の全般的危機の段階、資本主義から社会主義への過渡期にまで、生きながらえた結果として、軍事的封建的帝国主義と近代的資本主義的帝国主義とが、からみあって存在してしまいた。日本においては、この軍事的封建的帝国主義が冒険主義的に極東を侵略して手に入れた掠奪物によつて、後進国としての近代的帝国主義の弱さを補つていました。

天皇制軍国主義は第二次大戦において敗北しましたが、完全に根絶されませんでした。それは、つぎの理由によるものです。

すでに、第二次大戦の末期に、イギリスとアメリカは、社会主義にたいする防壁として、日本の地理的条件、勇敢な将兵、人的資源、潜在的軍需工業力を、利用する計画をもつていました。とくに、アメリカ合衆国政府は、一九四二年頃から近衛内閣と交渉を重ね、天皇制軍国主義の温存を計つたことを、多くの資料が示しています。マッカーサーは、ルーズベルト宛書簡で、「天皇制は二十ケ師団に相当する」、と述べています。

アメリカは日本を占領すると、ポツダム宣言の完全実施をサボタージュして、将軍や財閥を、人民の前からかくしました。たとえば、元東条英機の秘書である服部卓四郎大佐は、「マッカーサー戦史編集所」で、旧日本軍の大陸作戦の経験をまとめていました。服部大佐は、今日の自衛隊の影の指導者です。

また、たとえば、アメリカはその占領方針にしたがい、日本の独占資本を「ドルと軍事工業」（アチソン）で「体質改善」するため、ポツダム宣言にさからつて、賠償をゆるめ、財閥解体を中止しました。

（三）日本軍国主義の復活過程

日本軍国主義の復活は、アメリカ帝国主義の世界戦略の変化に対応して、次の三段階をたどつています。

第一段階は、朝鮮戦争（一九五〇―五一年）を初めとして、サンフランシスコ体制の成立（一九五三年頃）まで。

一九五〇年に、第二次吉田内閣は、警察予備隊（自衛隊の卵）七万五千人を創設しました。アメリカ＝日本の反動勢力は、朝鮮戦争の敗北を教訓として、日本の基地化（とくに沖縄）と日本再武装という計画を実行にうつしました。そのため、一九五一年から五三年にかけて、サンフランシスコ条約、安全保障条約、行政協定、日米友好通商航海条約などが締結されました。とくに、安保条約の目的は、アメリカによる日本半占領を永久化すること、沖縄をアメリカの領土として確保すること、ソ連、中国を假想敵国としてアメリカが基地と駐兵を独占すること、日本軍国主義を復活させることにあります。すなわち、アメリカはこれによつて、沖縄を「東洋のジブラルタル」にすることにのりだし、今日までに四千六百億円以上を注ぎこみ、来年までにメース基地（中距離ロケット）をつくる豫定です。また、アメリカは旧日本軍隊の港や演習場をはじめ九州の面積に相当する基地、一千件以上の施設、物件、陸海空軍の駐兵権、治外法権、免税特権、領海領空通行権その他の特権を合法化しました、しかも、「日本に返還にあたつては損害賠償を請求しない」という、条件においてです。

第二段階は、ＭＳＡ調印（一九五四年）から安保改定批准（一九六〇年）までです。

サンフランシスコ体制のもとで、警察豫備隊は、保安隊（一九五二年）となつて十万をこえ、さらに自衛隊（一九五四年）となつて、陸・海、空三軍のほかに統幕本部をくわえました。

米日反動派は、こんどはベトナム戦争の失敗を教訓として、一九五四年に、ＭＳＡ協定を結びました。これによつて日本政府は、今日までに約六千億円にのぼる武器を無償あるいは有償で貸与されています（「防衛白書」）。そのかわり、日本政府は、政暴法の制定、反共宣傳の本格化、生産性向上運動をつうじて、アメリカとともに、日本人民に共同の搾取と圧迫を加えることになりました。

注意すべき点は、われわれは日本軍国主義＝自衛隊を、アメリカの戦略体制、基地、駐兵網と結びつけて考察しなければならぬ、ということです。この点からみると自衛隊は、「おたまじゃくし」から蛙になりましたが、それは日本人の独立軍隊ではありません。なぜならば、アメリカは、軍事顧問団、ＭＳＡ武器、自衛の配置、編成、訓練、指揮をつうじて、自衛隊をアメリカの極東戦略（現在は太平洋戦略）の一環に組みいれているからであります。

（四）安保改定と軍国主義復活の新段階

第三段階は、定保改定後の新しい段階です。

ソ連における中距離ロケット（一九五七年）および大陸間ロケット（一九五八年）の試射成功いらい、アメリカは世界戦略上相対的に弱まりました、また経済的にも、アメリカは、一九五八年は三〇億ドルの国際収支赤字となり、一九五九年は四〇億ドルの赤字となつて、その国際的地位を弱めています。

他方、日本独占資本は、アメリカに育てられながら、自分の防衛力と経済力とを蓄積して、相対的に強まってきました。

防衛力についていえば、自衛隊はサイドワインダーとロッキードＦ１０４Ｊをそなえ、さらには、今年中に、「ハーキュリーズ」、「ポマーク」、「フォーク」その他核弾頭をつけ得るミサイル兵器と、その専門部隊をつくる筈です。自衛隊の新聞、「朝雲新聞」は、ロッキードは超スピード超長距離航続能力をもつ、「人類最後の戦闘機」である、と書いています。

工業力についていえば、他の報告者が指摘しているように、日本独占資本は、今日では十三億ドルの資本輸出を、主として東南アジアに行わざるをえないほど膨張しました。

日本独占資本主義、近代的帝国主義の復活を論ずる場合、二つの注意が必要です。一つは、わが国の独占資本は、戦後は天皇制との特権的な結びつきを失い、アメリカ独占資本と「日米経済協力」という名のもとに特権的に結びついて、売国的になっている点です。すなわち、売国的日本独占資本は、アメリカから国家資金約二十三億ドル、特需十年間で四十九億ドル、また民間資本から、技術九一六件約七億ドル、証券、貸付金その他約七億ドルを、得ています。だから、日本独占資本のいう「独立」は、アメリカとの間で妥協的馳引を行い、緩慢な不完全な反人民的な、似而非独立の道であります。この道は、労働者階級を先頭として日本人民が追求している、徹底的な革命的な完全独立の道と対立するものです。

他の一つの注意は、日本独占資本の経済的復活をアメリカの基地政策と日本軍国主義復活とからきりはなして、判断してはならない、ということです。吉田内閣（一九四八―五三年）は「外資導入」政策を一枚看板として、財閥主流糸の個個の重点大企業を修理し、回復させました。鳩山、石橋内閣（一九五五―五七年）は、技術革新を背景とした合理化政策によつて財閥＝独占資本を復活させました。岸、池田内閣は、「国土計画」・「公共事業」によつて、国家の財政投融資を拡大し、日本独占資本主義の基盤をひろげようとしています。現在の日本の帝国主義者は、「内灘」「砂川」などのような柵にかこつた基地ではなく、日本の全国土、全工業力、全防衛力をアメリカの戦車にしばりつけようとしています。

右にのべたすべての事情から、アメリカと日本との帝国主義者が結んだ新しい軍事同盟は、これまでのアメリカ基地の拡大のほかに、自衛隊のミサイル化、極東派兵、治安出動、経済的には「日米経済協力」の強化を、目的としています。核ミサイル自衛隊の出現こそ、日本軍国主義復活の新しい段階であります。復活した日本軍国主義には、二つのイデオロギー的側面がふくまれています。一つは古い伝統的な独自の侵略性です。すなわち、旧天皇制の軍事的封建的帝国主義は、ロシア、中国、朝鮮、東南アジアの諸民族に対して、敵視と侮蔑を示し、領土的野心と野蛮な侵略を示した、排外主義的民族主義的イデオロギーでありました。

他の一つの側面は、新しい近代的な売国的な側面です。すなわち、アメリカ製のいわゆる「自由と民主主義」の他の旗をかかげてソ連や共産主義を攻撃するイデホオロギーです。

これらの二つの面は、からみあつて、平和・独立・民主主義・社会主義にたいする、「二重の侵略性」をつくりだしています。

このような日本軍国主義の「二重の侵略性」は、アメリカおよび日本の帝国主義的発展、その植民地主義的膨張政策と結びつくとき、再び、冒険主義的侵略戦争の原因となり、第三次世界大戦の火薬庫となる現実的可能性をもつています。

（五）軍国主義復活に反対する日本人民の斗争

現在、アメリカ帝国主義は、日本軍国主義者の積極的な協力を得て、基地という縄で日本民族をしばりつけ、社会主義を攻撃し、東南アジアを征服しようとしています。

米日帝国主義者は、この点で、日本軍国主義を復活させることが共通の利益であると、みています。しかし、同時に、かれらは「同床異夢」をみています。すなわち、アメリカの帝国主義グループは、その占領目的にしたがって、自衛隊をSEATOやPATOの中心に組み入れようとしています。他方、日本帝国主義グループは「虎の威」をかりて、再び「大東亜共栄圏」を再建する夢を追っています。したがって、両者の矛盾も、今後発展してゆくでしょう。

以上にのべた、米日反動派の日本軍国主義復活の計画は、世界歴史の発展法則と人民の利益に合致していません。したがつて、かれらの試みは必ず失敗するでありましょう。

軍国主義の再起を挫折させる一つの原因は、世界とくにアジア・太平洋地域における最近の平和勢力の発展であります。連、中国、朝鮮その他アジア地域における社会主義建設の発展、アジア諸国におけるマルクス・レーニン主義党や労働運動の発展、平和・独立・民主主義・中立運動の発展はすべて、日本軍国主義復活を阻む大きな障害物となつています。昨年九月の国連におけるフルシチョフソ連首相の軍備撤廃提案、本年一月ソ連共産党幹部会最高会議による基地およびロケツット廃止提案は、世界平和愛好国民の熱烈な支持をうけ、国際緊張をゆるめるのに貢献しました。南朝鮮、トルコにおける人民の反抗は、アメリカの最前線基地をおびやかしました。

第二に、日本人民の軍国主義反対闘争、その統一行動の発展をあげねばなりません。とくに、日本人民は、過去一ケ年半にわたり、粘りづよく、持続的に、計画的に整然と、しかもだんだんと政治的自覚を高める闘争につて、軍事同盟に事実上の打撃をあたえ、岸内閣を退陣させ、アイゼンハワー大統領の訪日を中止させ、スパイ機のU2機を厚木基地から撤退させることに成功しました。

たしかに、これはまだ日本人民「勝利第一歩」でしかありません。しかし、この大闘争で日本人民は現在の軍国主義の背後にはアメリカ帝国主義と日本帝国主義との二つの敵があることをみぬき、また、国会請願署名（二千三百万名）から、二十回以上の国会周辺波状デモ、三回のゼネラル・ストライキに至る、多面的な戦術を学びました。とくに、貴重な経験は、日本社会党と日本共産党との統一行動を軸として、安保批准阻止国民共闘会議すなわち民族民主統一戦線の萌芽をつくりあげたことです。「国民会議」は、社共両党をはじめ総評、原水爆禁止協議など、労働者、農民、中小企業家、婦人、学生、知識人の代表をふくむ十四の団体で構成され、全国に二千以上の下部組織をもつています。

日本人民は、この統一戦線のなかにある弱点を克服し、その組織力と行動力を強めることが、軍国主義復活と闘う唯一の道であると、覚りはじめています。

そのために、日本の労働者階級と先進的な人々は、アメリカ・日本政府の反共宣伝や右翼社会民主主義者による分裂政策とたたかうこと、とくに日本に著しい現象である「共産主義者同盟」その他トロツキスト極左分子の排発と冒険主義とを民主主義陣営から排除することが、当面の切実な課題の一つであると考えはじめています。

これらの原因によつて、米日支配層の危険な計画は必ず失敗するでしょう。

最後に、私は、日本の教授や科学研究者の半数以上の人々が、「安保批判の会」を組織し、「国民会議」の指導する方針にしたがつて、平和、独立、民主主義、中立を求める日本人民の統一行動に積極的に参加したことをつけくわえて、この報告をおわります。

終り

СЕКЦИЯ XX. АФРИКАНИСТИКА.

СОВМЕСТНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ СЕКЦИИ

9 августа, вечернее заседание
Председатель И. И. Потехин (*Москва*)

MODILIM ACHUFUSI (*Leipzig*): DIE HERAUSBILDUNG DES SOKOTO-REICHES

Текст доклада не представлен.

КУРТ БЮТТНЕР (*Лейпциг*): ПРИЧИНЫ ОТМЕНЫ РАБОВЛАДЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ В 1888 г.*

Текст доклада не представлен.

По докладу выступили Г. де Сикар, Э. Сакс.

Л. Е. КУББЕЛЬ (*Ленинград*): ДРЕВНЕЙШЕЕ СООБЩЕНИЕ ОБ ОБЫЧАЕ СОПРАВЛЕНИЯ БРАТА И СЕСТРЫ У АФРИКАНСКИХ НАРОДОВ

Настоящее сообщение посвящено отражению в сочинении арабского ученого X в. ал-Хамдани одного из пережитков материнского рода у некоторых африканских народов. Речь идет об обычае совместного управления мужчины и женщины, чаще всего—брата и сестры, отмеченном европейскими исследователями во многих африканских государствах.

Обычно принято считать, что первым, кто описал этот обычай, был П. Погге [1]. Это не вполне точно. Г. Нахтигаль во время своих путешествий по Судану в 1869—1874 гг. отметил, что в государствах Центрального Судана, например в султанате Борну, видную роль в управлении играли царица-мать, жена или сестра правителя [2].

Однако, бесспорно, что Погге был первым из исследователей, специально обратившим внимание на обычай соправления у лунда Анголы. Поэтому и самый обычай получил в этнографической литературе название *лукокеша* (*Lukokescha* или *Lukokesha*) по титулу соправительницы царя лунда, описанной Погге.

Наряду с царем, носившем титул *муата ямво* (*Muata jamwo*, *mwata yamwo*) страной лунда управляла женщина, носившая титул *лукокеша*.

Лукокеша — это одна из сестер правителя, которая теоретически считается матерью всех царей страны (в то же время она не может иметь детей в действительности). Она является равноправной соправительницей *муата ямво*, обладает, так же как последний, полной и неограниченной властью над жизнью и смертью подданных. Любопытно, что *лукокеша* единственная во всем государстве лунда была исключена из юрисдикции *муата ямво*. Она имела свой собственный двор и ей были особо подчинены

---

* Доклад был прочитан на немецком языке.

отдельные округа и селения, составлявшие, по-видимому, нечто вроде ее удела. Обязательным было участие *лукокеши* в обсуждении в царском совете важнейших политических вопросов. Наряду с царем она получала налог, взимаемый со всех торговых караванов. Одной из важнейших функций, которые выполняла *лукокеша*, было участие в выборе нового *муата ямво* взамен умершего. Этот выбор осуществляли коллегия в составе четырех виднейших советников царя — *каннапумба* (*kannapumba*) и *лукокеши*. При этом, именно *лукокеша* имела решающий голос. Отметим попутно, что новый правитель избирался из числа сыновей умершего, то есть наследование осуществлялось по отцовскому праву. Выбор новой правительницы осуществляли те же четыре сановника, но на этот случай требовалось решающее мнение *муата ямво*. Высокое положение, которое занимала в государстве лунда *лукокеша*, подчеркивалось и чисто внешними признаками. Так, она имела право носить *лукано* — браслет из слоновой кости, считавшийся высшим знаком царской власти. Путешествовала она на плечах раба, что дозволялось только высшим сановникам государства [3].

Мы видим, таким образом, сложившуюся и четко разработанную систему двойного правления.

Дальнейшие этнографические исследования показали, что отмеченное выше независимое и почетное положение женщины-соправительницы характерно не для одних только лунда. Такие формы общественной и государственной организации оказались свойственны многим африканским народам, в особенности относящимся к группе банту.

Исследуя чокве, ближайших соседей лунда, которые в XIX в. входили в состав государства лунда, Г. Бауманн показал, что этот народ, так же как и расположенные юго-восточнее луэна, считал вполне нормальным и обычным даже единоличное женское правление [4]. Но, помимо этого, чокве обнаруживают многие черты уже отмеченного параллелизма в системе управления. Так, у чокве почти равные права в управлении имели царь, его единоутробный брат и мать царя [5]. При этом мать царя была сестрой его предшественника. Здесь высокое положение царицы-матери подчеркивалось еще и тем, что она обладала правом предоставлять защиту от наказания любому преступнику [6].

Можно говорить о широком распространении пережитков норм материнского права в государственной организации народов банту. Это подтверждают данные относительно наиболее изученных баганда. Роско сообщает, что здесь царицей становилась единокровная сестра царя. При этом немаловажная роль в выборе новой царицы принадлежала царице-матери. Царица имела собственный двор, чины которого носили те же звания, что и чины двора ее мужа. Она пользовалась столь же неограниченной властью над жизнью и смертью подданных, как и сам царь; причем как царица, так и царица-мать имели право суда над своими слугами. Царица располагала обширными имениями во всех частях государства [7]. Высокое положение царицы у баганда подчеркивалось также и тем что она (как и царица-мать) носила тот же титул — *кабака* (*kabaka*)— что и ее муж, а также еще и принципами, определявшими размещение усадьбы царицы. Эта усадьба непременно должна была отделяться от царской усадьбы какой-либо проточной водой. Теоретически подобное размещение объяснялось так: поскольку жена царя также является независимым царем со своими собственными владениями, двум независимым дворам нельзя располагаться на одном холме, и они должны быть разделены текущей водой [8].

Сходные условия мы встречаем и у других народов банту, например у руанда [9]. Но распространение таких форм государственной организации

не ограничивается народами банту. Например, Мик сообщает, что царица чамба считалась повелительницей всех женщин страны [10]. Аналогичные порядки существовали в древней Дагомее [11], у ашанти [12]; близки к ним условия, существовавшие в древнем Бенине [13] и в государствах йоруба [14]. В последнем случае, так же как и в Дагомее и Бенине, мы сталкиваемся уже с малайской системой родства [15]. Для восточных районов Хофмайр сообщает об обязательном браке вождя со своей сестрой у шиллуков [16].

В работе *Vaterrecht und Mutterrecht in Afrika* Бауманн подробно рассмотрел вопрос о происхождении и причинах вышеперечисленных форм государственной организации у африканских народов и пришел к выводу, что привилегированное положение женщин правящей семьи может проистекать как из пережитков материнского права, так и из чисто династических причин. В случае брака между единоутробными братом и сестрой речь идет, по-видимому о материнском праве; если же брат и сестра имеют общего отца, то можно говорить о преобладании династических соображений [17].

Характерно, что если жена правителя пользуется широкими правами в административной и судебной областях, то эти права принадлежат ей скорее как сестре царя или — после смерти мужа — как матери его преемников, чем как супруге [18]. При этом сестра-жена, если говорить о *лукокеше* или *кабака* (у баганда), не может иметь детей ни от супруга, ни от своих многочисленных любовников [19]. Это подтверждается тем обстоятельством, что во многих случаях царица-мать в действительности не была матерью правителя [20] (так же как и сестра, которая чаще была не родной, но классификационной).

Дошедшие до нас сведения о браке царя Мономотапы с родной сестрой можно рассматривать как попытку примирения принципов родства по материнскому и отцовскому праву [21]. Весь комплекс явлений, связанных с брачными отношениями в правящих семьях у многих народов Африки, — наследование престола по материнской линии, браки между братьями и сестрами, высокое положение матери и сестер правителя — указывает на сохранение значительных элементов материнского права в династических вопросах [22].

Важнейшие центры материнского права в Африке совпадали с районами, где находились государства, достигшие высокого уровня политического и культурного развития, такие как Бенин, Йоруба, Ашанти, Лунда, Мономотапа, Буганда, в которых мы можем отметить значительную феодализацию [23].

Однако, несмотря на сравнительную разработанность проблемы, до настоящего времени не было обращено внимания на сообщение одного из наиболее интересных и самобытных арабских авторов — Абӯ Муḥаммада ал-Ḥасана ибн Аḥмада ал-Хамдāнӣ (ум. в 334/945 году). В своем географическом сочинении *Ṣифат джазīрат ал-ʿараб* («Описание острова арабов») он говорит при описании «четвертей Земли»: «что касается четвертой четверти, которая лежит в южной стороне от ал-Магриба, то это страна черных из числа зинджей, *ал-ḥабаша*, *ал-буджа*, нубийцев, *фаззāн* и земля ал-Ḳайрувāна. Относительно же Ифрикии, ал-Ḳайрувāна, ас-Сӯса, страны нагих черных и Ганы преобладают иные названия, например Нумидия, Гетулия и прочие названия на греческом языке. Эта четверть напоминает треугольник Рака, управляют же ею Венера и Марс. Обе эти планеты суть западные, подразумевая под этим, что они — южные по отношению к ал-Магрибу ибо Венера — южная, а восход Марса находится на юге».

«И поэтому у многих обитателей этих стран из-за союза этих двух звезд имеется обычай, чтобы на царстве находились царь и царица — брат и сестра от одной матери. Из них мужчина правит мужчинами, а женщина — женщинами. Они сохраняют этот обычай; он — древний обычай, они же унаследовали его. Их темперамент очень горяч: они всецело поглощены совокуплением с женщинами, которых выдают замуж до дефлорации их мужьями (то есть девственницами. — *Л. К.*). Женщины некоторых из черных посвящены в то, что есть между мужчинами (то есть в их дела. — *Л. К.*) из-за ненасытности последних и их жадности к красоте» [24].

Совершенно очевидно, что здесь мы имеем дело с нормами материнского права. Это вытекает из подчеркнутого ал-Хамдāнӣ условия — «брат и сестра от одной матери», — и подкрепляется вторым отрывком. Едва ли может быть сомнение, что смысл этого отрывка заключается именно в показе высокого положения женщины в обществе у африканских народов. Естественно, что арабу первой половины X в., мусульманину (пусть даже и не особо ревностному, каким был, по-видимому, ал-Хамдāнӣ) подобная роль женщины в обществе и государстве должна была казаться чем-то необычным, и объяснить эту необычность он мог лишь астрологическими соображениями или необузданным темпераментом африканцев. Сопоставление текста ал-Хамдāнӣ с приведенными в начале настоящего сообщения описаниями сходных обычаев у африканских народов конца XIX в. показывает исключительную устойчивость подобных элементов материнского права и их глубокую древность.

Учитывая уже отмечавшуюся связь районов распространения пережитков материнского права и управления в наиболее высокоорганизованных государственных образованиях, следует признать текст ал-Хамдāнӣ косвенным свидетельством существования таких государств к югу от Сахары уже в начале X в. — государств высокой культуры и значительной протяженности. В самом деле, давно уже известно, что в структуре таких государств, как Гана, сильны были элементы материнского права, в частности в вопросе о престолонаследии [25].

Крупный и разносторонний ученый, ал-Хамдāнӣ тем не менее никогда не выезжал за пределы Аравийского полуострова, которому и посвящен его труд [26]. Внимание к этнографическим сюжетам делает честь широте его научных интересов. Но сюжет этот затронут на основании какого-то источника, письменного или устного, который нам совершенно недоступен. Все же мы можем с полным основанием говорить о существовании у арабов традиции описания районов Африки, традиции, на которой и основывался ал-Хамдāнӣ, но которая не прослеживается у других современных ему авторов; это утверждение влечет за собой дальнейший вопрос: знакомство с какими областями отражала традиция, то есть до каких мест доходили арабы во внутренних районах африканского континента к первой половине X в.? Текст ал-Хамдāнӣ проливает некоторый свет и на этот вопрос.

Области, перечень которых приведен в нашем отрывке, далеко не все поддаются мало-мальски удовлетворительной локализации. Если можно довольно точно определить границы Ифрикии, ас-Сӯса, ал-Ḳайрувāна, Нубии, Фаззāна и земель *ал-буджа*, то значительно менее ясны в этом смысле Гана, области зинджей и *ал-хабаша*; а «страны нагих черных» и вовсе неопределенны. Поэтому необходимо сопоставить сведения ал-Хамдāнӣ с теми данными о пережитках материнского права у различных африканских народов, которые приведены в начале настоящего сообщения.

Совершенно очевидно, что сведения ал-Хамдāнй не могут относиться к банту бассейна Конго — лунда, луэна, чокве. Едва ли можно отнести эти сведения и к восточным банту, хотя нет достаточных оснований к тому, чтобы полностью отрицать возможность знакомства арабов с северной частью нынешнего района расселения баганда (впрочем, в традиции этот народ прослеживается не ранее XII в.).

Вероятнее всего, однако, что сообщение ал-Хамдāнй имеет в виду народы Центрального Судана — позднейшие области Борну, Вадаи, Багирми, Дарфур. На это как будто указывает упоминание Фаззāна — области, через которую проходил один из караванных путей из Северной Африки в Судан, описанный Ибн Хаукалем в 70-х годах X в.[27]. Ко времени Ибн Хаукаля этот путь был уже заброшен, но в начале X в. — время, к которому относится информация ал-Хамдāнй, он еще действовал. К тому же в районе оз. Чад находилось к этому времени одно из крупнейших государственных образований раннесредневековой Африки — Канем[28].

Мы уже упоминали о наблюдениях Нахтигаля в Центральном Судане. Его сведения не ограничиваются Борну. Аналогичные факты были обнаружены в султанатах Багирми, Вадаи, Дарфур. При этом в Багирми сестра султана (или же иногда его дочь) считалась главой всех женщин царской семьи[29].

То, что сообщение Нахтигаля о положении женщин правящих домов этого района в системе управления менее соответствует букве сообщения ал-Хамдāнй, нежели наши сведения, например о баганда, не должно нас смущать. Общественная и государственная организация народов Центрального Судана подверглась длительному воздействию ислама, и некоторые элементы материнского права могли исчезнуть под этим воздействием и, вероятно, действительно исчезли. Более всего примечательно как раз то, что сообщения Нахтигаля относятся главным образом к мусульманским государствам. Самое существование подобных явлений в сильно исламизованной среде показывает, что дело идет о сохранении и значительной устойчивости пережитков материнского права, возникновение которых относится ко времени значительно более раннему, чем время появления ислама в этих районах Судана.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См., например, H. Baumann, *Lunda*, Berlin, 1935, S. 139.

[2] G. Nachtigal, *Sahara und Sudan*, I, Berlin, 1879, S. 723.

[3] P. Pogge, *Im Reiche des Muata Jamwo*, Berlin, 1880, S. 153, 156—157, 227—228, 231—235; M. McCulloch, *The Southern Lunda and Related Peoples*, London, 1951, p. 10—11.

[4] H. Baumann, *Op. cit.*, p. 144—145; id., *Vaterrecht und Mutterrecht in Africa*, ZE, Jhg. 58, H. 1—2, 1926, S. 146, 147; M. McCulloch, *Op. cit.*, p. 69.

[5] H. Baumann, *Lunda*, S. 142.

[6] H. Baumann, *Lunda*, S. 145.

[7] J. Roscoe, *The Baganda*, London, 1911, p. 84—85, 191, 236—237, 266.

[8] J. Roscoe, *Op. cit.*, p. 203; см. также «*Народы Африки*,» М., 1954, стр. 406—407.

[9] J. J. Maquet, *Le Système des relations sociales dans le Rwanda ancien*. «Annales du Musée Royal du Congo Belge, Sciences de l'Homme», vol. I, Tervuren, 1954, p. 147—148.

[10] C. Meek, *Tribal Studies in Northern Nigeria*, London, 1931, I, p. 335.

[11] A. W. Hubner, *Das afrikanische Häuptling- und Königtum*, «Das Ausland», B. 63, 1890, S. 185.

[12] J. Dupuis, *Journal of a Residence in Ashantee*, London, 1824, p. 114.

[13] Д. А. Ольдерогге, *Древности Бенина*, 1, Сб. МАЭ; т. XV, М.—Л., 1953, стр. 366.

[14] S. Johnson, *The History of the Yorubas*, London, 1921, p. 63—64.

[15] Д. А. Ольдерогге, *Малайская система родства*, Труды ИЭ, XIV, М., 1951, стр. 37—45.
[16] W. Hofmayr, *Die Schilluk*, Wien, 1925, S. 139.
[17] H. Baumann, *Vaterrecht*, S. 151.
[18] H. Baumann, *Vaterrecht*, S. 145.
[19] P. Pogge, *Op. cit.*, p. 157; J. Roscoe, *op. cit.*, p. 84; H. Baumann, *Vaterrecht*, S. 153—154.
[20] T. Irstam, *The King of Canda*, Lund, 1944, p. 172, 174.
[21] H. Baumann, *Vaterrecht*, S. 152.
[22] H. Baumann, *Vaterrecht*, S. 157.
[23] H. Baumann, *Vaterrecht*, S. 153, 157; H. Baumann, D. Westermann, *Les peuples de l'Afrique*, Paris, 1943, p. 143, 184—185, 217; T. Irstam, *Op. cit.*, p. 175.
[24] D. H. Müller, *Al-Hamdânîs Geographie der Arabischen Halbinsel*, I. Leiden, 1884, S. 40, 5—16.
[25] См., например, W. D. Cooley, *The Negroland of the Arabs*, London, 1841, p. 40.
[26] Brockelmann, GAL., I, S. 229; И. Ю. Крачковский, *Арабская географическая литература*, Избранные произведения т. IV, стр. 166; C. van Arendonk, *Al-Hamdânî*, EI, II, S. 262.
[27] *Opus geographicum auctore Abū-l-Ḳāsim Ibn Ḥaukal. . .*, ed. J. H. Kramers, I, Lugd. Bat., 1938, p. 92, 153.
[28] См. *Ibn Wadhih qui dicitur al-Jaqûbî Historiae*, ed. M. Th. Houtsma, I, Lugd. Bat. 1883, p. 219.
[29] G. Nachtigal, *op. cit.*, II, Berlin, 1881, S. 611; III, Berlin, 1883, S. 232, 424—425.

10 августа, утреннее заседание
Председатель М. Херсковиц *(Ивенстон, США)*

VIVIANA PÂQUES (Paris): SYMBOLISME DU CHAMP ET DE LA CITÉ TRADITIONNELS DANS LE SUD SAHARIEN ET AU SOUDAN

Dans les sociétés sahariennes et soudanaises, le mythe cosmogonique se projette sur le monde réel et en détermine les structures territoriales et sociales ainsi que le calendrier et les techniques.

Le mythe cosmogonique raconte comment l'ordre statique du monde initial fut troublé lorsque le serpent, figurant le germe vital, eut la tête tranchée par le Grand Chasseur. Le monde alors éclata en 4 éléments (feu, terre, eau, air, qui sont aussi la tête, le cou, le ventre et les pieds de l'archétype humain). Le cou, figuration essentielle du serpent primordial, est un signe triple qui symbolise à son tour un arbre cosmique à dix-sept branches. Un tel arbre se retrouve dans les quatre éléments, si bien que l'ensemble du monde s'oriente autour de quatre arbres (celui du ciel, celui de la terre, l'arbre sous-terre et l'arbre des profondeurs) qui constituent le chemin des âmes et celui de tous les élements fécondants.

Mais la caractéristique principale de cette pensée mythique, c'est que chaque élément de l'ensemble premier peut être considéré comme une image de la totalité et, comme tel, peut être décomposé en un même nombre d'éléments homothétiques sur des plans décroissants. Ainsi, lorsque l'on passe du ciel mythique au ciel astronomique, le chasseur ou forgeron qui a tué le serpent s'identifie à sa victime et éclate à son tour en sept étoiles. Si l'on passe au système planétaire, le forgeron a pour tête le Soleil, pour ventre la Lune (la mère des étoiles) et pour cou Vénus (*Fatma Zohra*).

Une correspondance parfaite s'établit entre le récit mythique et le mouvement des astres qui déterminent le calendrier: dans la version soudanaise de Bamako, la situation du soleil par rapport à Canopus, Aldebaran, les Hyades et Sirius se traduit en termes dramatiques par le mythe initiatique suivant; le Forgeron égorge le Bouc, coupe le "Komo", s'unit à Bintu (la Biche), égorge Wurabadie (le Chien), enfin tue Bintu et se coiffe de sa

tête: de la tête de Bintu va sortir le monde terrestre qui, selon le même système homothétique, s'organisera à l'image du Cosmos.

Ainsi le monde des Sahariens reproduit l'image de l'archétype humain sacrifié: sa tête est en Libye; son cou — triple — est constitué par les trois oasis de Fort-Flatters, Fort-Polignac et Djanet; son ventre est formé par la région Hoggar-Touat; ses pieds sont les deux Iforas. Passons du monde au Sahara: le Tidikelt est la tête, le Hoggar le ventre, le cou est formé par les monts du Muydir. Descendons encore: le Tidikelt a pour tête In Salah, pour ventre son oasis-jumelle Aoulef; elles sont reliées par les trois oasis-cou: In Ghar, Tit et Akabli. A In Salah même, la tête est le quartier Qsar Mrabtin, le ventre le Qsar El Arab; le cou est formé par un quartier plus récent, l'Hawanit, qui pourrait à son tour être décomposé selon le même système.

Une organisation semblable se retrouve au Soudan, avec, toutefois, une variante importante: ainsi à Tombouctou, la ville, qui reproduit la forme idéale de Bouctou, la femme sacrifiée, se compose d'un quartier central triple, à l'image du serpent, mais entouré, cette fois, de quatre quartiers disposés en croix. Le mythe du sacrifice du serpent (ou du forgeron) qui a organisé les structures territoriales, règle de même le calendrier agricole et la technique des cultures.

Le 18 Ibrir du Calendrier Julien commémore le sacrifice: c'est le moment où le Soleil entre en conjonction avec les Pléiades à leur lever héliaque: pendant 40 jours, les Pléiades disparaissent du ciel. C'est une période de deuil pendant laquelle, au Sahara, on moissonne le blé et l'orge, au Soudan, on brûle les champs et on sème le mil. Cette période dure 40 jours. Lorsque les Pléiades se trouvent en opposition avec le Soleil (ce qu'Hésiode appelait le coucher des Pléiades) alors le mythe raconte le meurtre de la biche Bintu, et les paysans commencent à récolter le mil.

Le champ figure le cou de l'être sacrifié, mais, dans une autre perspective, il est également son corps tout entier et représente les quatre éléments de l'archétype humain. C'est pourquoi, au Soudan, le champ du *Fama* (chef traditionnel) se trouve situé au point de rencontre de trois champs, ensemencés de cultures différentes: les trois champs symbolisent le signe triple du cou, les quatre champs reconstituent l'archétype humain.

Au Tidikelt, même coexistence des rythmes ternaire et quaternaire dans les champs irrigués par les *foggara*: une *segya* centrale, flanquée de deux *segya* latérales (le serpent triple, ou l'arbre cosmique), divise le champ en deux fractions (*afrag*), de chacune six carreaux (*gatur*). Chaque *gatur* comprend un carreau (*megleb*) de blé et un d'orge, ces deux cultures étant complémentaires. Chaque *megleb* est à son tour partagé en quatre *guemun* par une chicane formée de trois levées de terre.

Le *guemun* est l'unité apparente de mesure: il correspond symboliquement, en longueur, au jardinier, et en largeur à la houe, son épouse. Mais la véritable mesure est celle qui est donnée par deux *guemun*, c'est-à-dire par le jardinier étendu les bras en croix, représentation du forgeron mythique. Ainsi le jardin tout entier figure le corps du forgeron: la terre est sa chair, l'eau est son sang; et les *segya* irrigant la terre représentent aussi le forgeron étendu sur son épouse dans l'acte de fécondation.

De même que le germe vital, en éclatant, dispersa aux quatre points cardinaux les quatre éléments, ainsi le sacrifice du forgeron dispersa les graines de ses omoplates, qui donnèrent naissance au blé, à l'orge, au mil et au sorgho. Avec les omoplates, les fils du forgeron fabriquèrent la première houe; c'est elle qui ouvre la terre pour que les graines des an-

êtres morts remontent au printemps, circulent dans les eaux d'irrigation et nourrissent les épis. C'est donc le corps du forgeron, et par assimilation, son propre corps que le jardinier cultive et qu'il irrigue de son propre sang.

Le sacrifice qui a créé le monde et qui commande le partage du jardin en 48 parcelles est répété rituellement par les Musulmans lorsqu'ils égorgent le bélier de l'A'ïd: le corps est divisé en 48 morceaux qui, deux à deux, représentent les 24 parts destinées aux 24 fractions issues de la première tribu: car les hommes, ainsi que les jardins qu'ils cultivent, se sont partagés, suivant la même coexistence des rythmes ternaire et quaternaire, à l'image de l'archétype humain, qui servit de modèle au cosmos et au ciel étoilé, qui régla les saisons et les travaux des champs, les structures des cités, des familles et des catégories spirituelles.

По докладу выступили В. А. Субботин, М. Херсковиц.

TEKLE TSADIK MÉKOURIA (*Addis-Abeba*): LE CHRISTIANISME ET LA CROIX EN ETHIOPIE

A l'époque où l'Europe se trouvait dans l'état non-civilisé, les pays que nous appelons aujourd'hui pays de l'Orient, du Moyen Orient, d'Extrême-Orient, comme la Chine, l'Egypte, l'Assyro-Babylonie, l'Inde et la Perse, etc. . . étaient, comme vous le savez, les plus civilisés du monde. Chacun en même temps, et quelquefois à tour de rôle, était conquérant et civilisateur à sa manière. Le vaincu, tout en supportant la tyrannie et le joug, faisait sienne la civilisation de son maître. Même si le vainqueur était avare ou jaloux de sa civilisation, le vaincu intelligent avait l'occasion de sortir de l'ignorance et de rejoindre son maître, et quelquefois de le dépasser et de le renverser. Les exemples de ce genre sont nombreux dans l'histoire.

C'est même dans ces conditions que le pouvoir et la civilisation de l'Orient en général ont cédé devant une autre civilisation, appelée communément civilisation gréco-romaine.

Cette nouvelle civilisation, qui par la suite est demeurée la civilisation européenne, a ouvert à son tour le chemin de la conquête dans la direction de l'Asie et de l'Afrique. Les anciens pays civilisés et forts sont devenus alors passifs et ignorants. Ils acceptaient tout, ils supportaient tout pour obtenir un *modus vivendi* avec le conquérant. Mais ici, sans parler de ceux qui s'occupaient des politiques et d'ambition territoriale, couverts sous le titre des savants ou explorateurs, le cas des vrais savants, malgré qu'ils s'appuient de temps en temps sur leur gouverneur, est différent. Ils font pacifiquement leurs recherches utiles. S'ils s'appuient sur leur gouverneur, c'est uniquement parce que cet appui leur facilite leurs recherches.

Ce sont ces savants qui ont consacré leur vie à l'étude et qui ont supporté toutes les difficultés imaginables dans la recherche de l'histoire de l'Orient et de l'Afrique. Pour ces derniers peuples, je veux dire pour les afro-asiatiques, il est devenu presque normal et non honteux ou un peu honteux, de négliger eux-mêmes et de laisser les étrangers fouiller leurs cités historiques et d'apprendre d'eux même leur propre histoire oubliée et ensevelie. Histoire riche et intéressante qui a pu susciter les passions des archéologues et des savants jusqu'au point de leur faire oublier leur fatigue. Les objets historiques exposés dans les musées de chaque nation et qui ont attiré la visite de grandes affluences sont le résultat des labeurs des archéologues et des savants. Ici, je ne dois pas oublier les déchiffreurs des inscrip-

tions et les architectes, les dessinateurs et les photographes, leurs concours complètent la mise au point de ce travail sacré.

Remerciements aux Orientalistes

C'est dans ces conditions que depuis longtemps les Orientalistes des différents pays européens dont j'ai l'honneur de citer les noms ici, comme Francesco Alvarez, Baltazar Tellez, Esteves Pereira, Job Ludolf, August Dillmann, Enno Littmann, Eduard Glaser, Joseph Halevi, Franz Praetorius, Eduard Ruppel, James Bruce, Antoine d'Abbadie, Jules Péruchon, René Basset, Henry Zotenberg, Ignazio Guidi, Boris Turaiev, Conti Rossini et tant d'autres qu'il m'est impossible de les mentionner tous, ont bien travaillé sur des différents sujets concernant l'Ethiopie. Sujets historiques, religieux, ethniques, linguistiques, économiques, militaires et coutumiers etc...

Certes, les ouvrages des uns diffèrent des autres en valeur et en poids. On ne peut donner la même valeur au dictionnaire amarigna-français de Beatmann et au *Lexicon linguae aethiopicae* du professeur Dillmann, livre de grand intérêt pour l'étude de la langue guèez. On ne peut non plus comparer les simples récits de Salt ou de Valentia avec le *Deutsche Axum Expedition* de Littmann et de son compagnon Krenker, travail monumental pour l'histoire d'Axum. En tous cas, permettez-moi aujourd'hui d'adresser devant vous à tous ces auteurs majeurs ou mineurs, les éloges que méritent leur nom immortel et leur souvenir.

Ils sont nombreux les Orientalistes étrangers qui ont attaché leur vie en général à la recherche de l'histoire ancienne du Moyen, du Proche et de l'Extrême-Orient, ainsi que de l'Afrique plus que les autochtones eux-mêmes. De la même manière les étrangers, chacun selon leur capacité et leur goût, ont écrit sur l'Ethiopie plus que les éthiopiens. Leurs ouvrages, actuellement, pour nous, écrivains modernes qui connaissons les langues étrangères, sont une base de consultation, comme les chroniques ou les fragments des manuscrits laissés par les auteurs éthiopiens de chaque siècle étaient appréciables pour les savants étrangers. Parmi les chroniqueurs et auteurs Ethiopiens se trouvent Wolde Haimanot, Azaj Teklou, Azaj Hawariya Kristos, Azaj Sinoda, Zara Yakob, Aleka Wolde Mariam Zemi-Houy, Memihr Kifle Guiorguis, Aleka Zeneb, Tsehaf Teizaz Gubbre Sellassié, Aleka Taye, Blatengueta Herouy, Negadras Afe work Guebre Yessous etc.

Cela nous montre que l'ouvrage d'un européen, écrit en sa langue, ne peut servir qu'à un européen ou qu'à celui qui parle et écrit cette langue, et que le public de mon pays n'a pas pu profiter directement des ouvrages européens intéressant son pays. Mis à part les auteurs, comme les vrais éthiopisants qui travaillent techniquement avec les textes du pays, le but même des autres écrivains européens est tout d'abord de servir leur propre pays, d'avoir un certain rang dans leur milieu et non pas de mettre au courant le pays dans lequel ils ont puisé toutes les matières nécessaires pour leur ouvrage.

Sur l'Ethiopie, beaucoup a été dit et écrit par les savants ou auteurs, voyageurs ou explorateurs qui nous ont précédés, par conséquent l'écrivain ou orateur moderne ne trouve pas facilement quelque élément nouveau à donner à ses lecteurs, c'est pire encore devant des auditeurs orientalistes. On ne peut aussi, dans l'espace de peu de temps, parler de l'histoire de l'Ethiopie en général même en résumé. C'est pour cette raison que je me bornerai aujourd'hui à vous dire quelque chose sur «La Croix en Ethiopie». Sujet simple et en même temps folklorique.

La Croix en Ethiopie

Le symbole de la croix est né avec la mort de Jésus Christ. La raison en est que Jésus est mort sur une croix en bois.

Les prêtres en Ethiopie ont imaginé au Moyen-âge que l'arbre qui a servi aux Juifs à préparer la croix sur laquelle Jésus a été crucifié, est le même arbre duquel Eve a pris un fruit contre l'ordre du Seigneur.

Nous trouvons cette version avec ses détails dans l'histoire légendaire d'Alexandre le Grand, adapté en Ethiopie au XVIe siècle en langue guèez. Selon cette légende, Alexandre le Grand aurait réussi à faire un mariage entre un aigle et une jument, ce qui donna lieu à la naissance d'un cheval ailé, sur lequel Alexandre monte vers le paradis terrestre tout en montrant un morceau de viande au cheval-aigle (ou griffon) de façon à ce qu'il s'élance vers le ciel dans l'espoir de rattraper ce morceau de viande.

Alexandre arrivé au paradis est allé se promener en attachant son cheval ailé à cet arbre dont je parlais et dont le fruit a été la cause de la condamnation d'Adam et Eve, mais à cause de la fureur du cheval, cet arbre est déraciné et tombe près de Jérusalem où il prend racine et vit jusqu'au jour où les Juifs l'arrachent pour s'en servir de croix, et sur cette croix Jésus a donné sa vie.

Si j'ai voulu vous raconter cela, ce n'est certainement pas dans l'intention de solliciter une approbation de votre part, mais pour vous montrer simplement la pensée des chrétiens en Ethiopie au Moyen-âge.

Le signe de la croix, comme vous le savez, a été mentionné dans la guerre de Constantin le Grand avec Maxence. Selon le texte, un ange montrait avec ses doigts les mots suivants: «*In Hoc Signo Vinces*». Au lendemain de cette vision, la guerre est faite et la victoire gagnée par Constantin a facilité ensuite l'introduction du christianisme dans le monde. Comme dans toutes les parties du monde, l'introduction de la croix en Ethiopie comme symbole a suivi l'introduction du christianisme au IVe siècle et a remplacé le croissant, symbole du dieu Mahrem invincible et protecteur de la dynastie axumite, sur la couronne et sur toutes les monnaies axumites.

Le croissant était un des symboles des dieux des tribus sémitiques qui habitaient au Moyen-Orient, aussi bien au-delà de la Mer Rouge en Arabie, qu'en deça de cette mer en Ethiopie. Frumentos, le premier introducteur du christianisme en Ethiopie, et ses successeurs ont certainement obligé les rois et les familles royales et tous les autres axumites à adopter la croix à la place du croissant, symbole du paganisme. Tandis que Mohammed au moment où il luttait pour introduire la croyance d'un seul Dieu à la place de l'idolatrie, il me semble qui a laissé continuer à se propager l'emblème du croissant que nous voyons encore à présent sur tous les drapeaux des vielles comme des nouvelles nations musulmanes. Ce qui montre l'identité de notre culte ancien, non seulement avec les Arabes mais aussi avec toutes les races sémitiques qui existent. Il me semble que le même croissant était le symbole de Diane, déesse des Romains, mais je ne peux pas préciser ses attributions exactes dans la société romaine et payenne.

En tout cas, le symbole de la croix qui a pris sa source dans la crucifixion de Jésus, partant de Jérusalem arrive en Ethiopie via Alexandrie, séjournant avec la famille royale axumite et a envahi le cœur de tous les Ethiopiens, civils et militaires, laboureurs ou commerçants. Les évêques et les prêtres ont été certainement l'avant-garde de cette invasion et les artisans de la conquête totale, et de la sauvegarde de la continuation de la vie de cette croix. Un Empereur d'Ethiopie, du nom de *Dawit* (David) au XIVe siècle, a fait tout son possible auprès du Sultan d'Egypte et du patriarche de Jéru-

salem pour avoir un morceau de la vraie croix de Jésus que l'impératrice Hélène avait découverte au IVe siècle. La tradition de l'époque nous montre que le roi avait fait une grande fête pour recevoir l'ambassade qui amenait ce morceau.

La marque de la croix figure sur la couronne, les habits, les ornements et sur tous les objets royaux et ecclésiastiques comme en Europe et comme dans tous les cercles chrétiens dans le monde.

Les croix de différentes dimensions, différamment ornées, montées sur les batons, tenues par les prêtres ou par les diacres, accompagnent toutes les fêtes. Par la quantité, par la diversité et par les emplois multiples de la croix, il me semble que l'église de mon pays passera pour le champion parmi les autres églises occidentales et orientales, comme il l'est tantôt dans la conservation du christianisme et tantôt dans la conservation de son indépendance millénaire en Afrique. Ici je parle de l'Ethiopie elle-même.

Au Moyen-âge l'artisan qui gagne le mieux, c'est celui qui s'est distingué dans l'art de faire une bonne croix, par le fait que tout le monde chrétien d'Ethiopie s'intéresse à la croix qui est une marque la de vraie chrétienté. Les rois s'intéressent au travail de la croix, non seulement pour leur propre ornement, mais aussi comme cadeau à envoyer aux autres rois, leurs amis. Ils font en général des donations de croix aux églises qui se construisent sans cesse. Une croix de ce genre, du début du XVIe siècle, déposée dans la galerie de Florence, a été analysée par M. de Lasteirie, sous le titre d'une ancienne croix éthiopienne. Les rôles de la croix dans la famille sont innombrables. L'anneau et la croix, ce sont les cadeaux habituels des fiancés à leurs fiancées. On fait toujours le signe de la croix avant de commencer toute la prière ou prosternation devant une église.

Beaucoup de prêtres et d'éveques éthiopiens se promènent même maintenant avec à la main une croix en or ou en argent, en fer ou en bois, selon leurs moyens et leur grade, de façon que les passants la baisent respectueusement en signe de dévotion envers Jésus Christ.

Un bon prêtre éthiopien ne doit jamais voyager ou se promener la main vide comme un prêtre catholique qui tend sa main vide à son croyant pour qu'elle soit baisée par celui-ci. Au cas où accidentellement ou par oubli, ou par négligence, un prêtre éthiopien se trouve privé d'une croix devant ses fidèles qui se précipitent comme d'habitude vers lui dans l'espoir de baiser sa croix, il faut que tout de suite ses deux mains soient formées en signe de croix. Les deux mains formant une croix remplaceront une croix absente et seront prêtes à etre baisées. Les prêtres bénissent également les fidèles, les repas ou les objets, en tendant la croix vers le sujet ou l'objet avec une récitation adéquate. En cas d'absence d'une croix, ici aussi, ce sont les deux doigts toujours en forme de croix qui serviront à la circonstance pour la bénédiction quelconque.

La croix est une arme pour un prêtre, elle lui inspire du respect parmi le peuple et lui rapporte de temps en temps sans que cela soit son intention un intérêt matériel. Un fidèle a envie d'inviter chez lui un prêtre de préférence qui a entre ses mains une croix, pour goûter ensemble le repas de famille après bénédiction rituelle. L'extérieur et l'intérieur de la maison avec tous les objets sont bénis, de temps en temps, avec une croix, pour chasser les mauvais esprits.

Là où il y a la croix de Jésus, le diable s'en va. C'est la croyance populaire. C'est dans cette croyance que les femmes et les hommes suspendent sur leur poitrine une petite croix en or, en argent ou en fer, avec une chainette ou un fil autour du cou. Il y en a qui sont tatoués d'une croix sur la poitrine

ou sur les bras pour montrer qu'ils sont chrétiens. On voit meme, de nos jours, les femmes du nord de l'Ethiopie tatouées par une croix au front.

L'origine du tatouage en croix remonte vers l'époque d'une empereur du nom *Zara Yakob* (la Race de Jacob) au XVe siècle, qui a décrété plusieurs lois religieuses pour renforcer davantage le christianisme parmi son peuple, parmi lesquelles se trouve l'ordre de se tatouer en croix sur le corps et de marquer d'une croix les habits.

Le symbole de la croix a joué dans la société éthiopienne et chrétienne un grand rôle et continue à le jouer malgré un peu de diminution avec la nouvelle civilisation. Elle donne une force d'esprit aux combattants, une consolation aux prisonniers et aux mourants. La croix touchable représente pour eux le Christ intouchable. Ils se sentent soulagés du feu de leur amour du Christ en gardant une croix quelconque de lui en son nom.

Il y a une récitation libellée dans cette forme, en langue guèez:

La croix est ma force,
La croix est mon salut,
La croix est mon refuge etc. . .

On cherche même à personnifier ou à diviniser la croix. C'est dans cette intention qu'un roi du VIe siècle avait pris le nom de *Guebre Meskel*, qui signifie le Serviteur de la croix. Parmi les onze églises monolithes que l'empereur Lalibela a fait construire, une a été dédiée à la croix, elle s'appelle *Beite Meskel* (Maison de la croix).

L'Empereur lui-même a choisi pour son nom royal *Guebre Meskel* (Serviteur de la Croix) et sa femme s'appelait *Meskel Kibira*, ce qui veut dire La croix est sa gloire. De nos jours, il y a beaucoup de gens qui s'appellent *Wolde Meskel*, *Guebre Meskel*, *Haile Meskel*, *Brahane Meskel*, ce qui signifie le Fils de la croix, le Serviteur de la croix, la Force de la croix, la Lumière de la croix; et les femmes: *Wolete Meskel* et *Amete Meskel* cela veut dire Fille de la croix et Servante de la croix.

Deux grandes fêtes sont célébrées, le 10 et le 17 Meskaram, ce qui correspond au 17 et 25 Septembre dans le calendrier européen. Le 17, c'est la fête de l'arrivée de Jérusalem du morceau de la vraie croix, comme je vous l'ai dit plus haut, elle s'appelle *Atse Meskel* (Croix du roi), l'autre — *Baale Meskel*, la fête de la croix elle-même.

По докладу выступила М. В. Райт.

ГАРОЛЬД Э. ДЕ СИКАР (Уппсала): АФРИКАНСКИЙ ДЕМИУРГ

1. Хотя нельзя отрицать манихейских, гностических и христианских влияний на образование представления о демиурге у африканских народов, его в своих основах следует отнести к культурному слою, который предшествовал древним восточным культурам. Черты, соединяющие его с демиургом Платона, следует отнести к древней средиземноморской культуре неолита или даже к ливио-эфиопской культуре.

2. Африканский демиург развился из первобытной концепции о божественной праматери, ее двуполости, впоследствии разделенной на божественную, или прародительскую, пару или на близнецов. Одно лицо этой пары приняло черты демиурга.

3. Поэтому африканский демиург почти всегда носит имя божества, известного из первоначальной пары, причем имя демиурга может обо-

значать богиню или бога. Особенное внимание заслуживают *Мвари* и *Леле*, соответствия которым встречаются не только повсюду в Африке но и у басков, на Кавказе, в Восточной Европе, в Индии и Индонезии Они подтверждают старое предположение о древних, доиндоевропейски связях, если не переселениях, праливио-эфиопских групп или народо не только на юг, но и на северо-запад и северо-восток.

4. Африканский демиург в своей сущности творец: он завершает тво рение, отделяет землю от неба, разделяет сушу и море и придает человек его окончательный вид. Хотя он иногда, в культе того или иного народа смешивается с героями, он прежде всего представляется помощником вы шего бога-творца. Смешение с культурным героем объясняет явлени демиурга в виде первобытной собаки, паука и т. д.

5. Древность имен божеств, рассмотренных нами в связи с предста влением об африканском демиурге, доказывается их распространенность и взаимными влияниями в верованиях народов Африки, Европы и Ази Их неопределенность, переход одного в другого, различия и тождеств противоречия в представлениях о них и попытки соединить их в одн систему относятся к вопросам сущности политеизма (ср. Wölfel, *Religione* стр. 333 сл.).

6. Африканскому демиургу как таковому не поклоняются и ему н приносят жертв. Этическая черта в представлениях о нем отсутствуе Но это положение меняется там, где его же именем обозначается высш божество.

7. Историко-культурное отношение друг к другу различных демиу гов и божеств с одним и тем же именем представляет собой особый вопр который мы здесь подробно не рассматриваем. Частично оно объясняет языковыми различиями.

По докладу выступили И. А. Сванидзе, Д. А. Ольдерогге и Б. И. Ш ревская. Выступавшие отметили важность разработки вопросов африка ской мифологии, в том числе и в сравнительном плане, и ценность собра ного автором материала, предостерегая в то же время от абсолютно представления о демиурге для всех эпох и народов и призывая к осторо ности в лингвистических сравнениях.

ROLF ITALIAANDER (*Hamburg*): THE HISTORY OF AFRICA REFLECTEI BY MODERN AFRICAN ART

It is the intention of the lecture that the word "history" is to be und stood in its universal sense, that is as historical research based upon foundations of civilization and comprising all aspects of life in Africa. his introduction, the author refutes the old conception — still held today e by Arnold J. Toynbee — that Africa is a continent without history. the contrary: that continent has its own history as well as Europe and A even if there is little written evidence for it. According to the findings Leo Frobenius, Africa has been declared a continent without history Africans have been called "savages" and "half-savages" in order to jus the slave trade and, later on, colonialism and imperialism.

Practically the whole of African art can serve the historian for his vestigations into the origins and developments of African history. Only exceptional cases has the principle of "*l'art pour l'art*" ever been recogn by the peoples of Africa. Almost all artistic manifestations have at all ti been connected with the life of the African, yet not so much with his i

vidual existence as with group life, *i. e.* life within the framework of family, clan, tribe or nation. It is therefore "applied" art — art applied to ritual and cult.

Since the end of the World War II and since the victory of the national independence movements, a new art is developing everywhere in Africa. There are now even some artists who have embraced the principle of "*l'art pour l'art*" like the artists of the western world, but they form only a small minority.

Today the source of inspiration for most of the African sculptors and painters is the spirit of African nationalism. The new art helps them to find themselves, to define their historical position and, at the same time, to fulfill their national and historical duty. Hence modern art is closely linked to the "African personality" of contemporary Africa. Consequently, most of the artists are engaged in political, social or religious groups. Besides, they are in touch with the writers and scientists who stand today side by side with the active politicians, the leaders of contemporary history. The new art is therefore "*art engagé*" — even a "directed" art, though we do not want to ask who is directing it. Therefore, causes and effects mingle, and this constitutes a problem of burning interest for the historian. Just as in literature, the "*négritude*", as the writer and statesman Leopold Sedar-Senghor from Senegal calls it, expresses itself nowadays very clearly in the plastic arts. Jean Paul Sartre has called the negro-lyrics the most revolutionary poetry of our time. He calls it a poetry of message, a poetry of "evangelic announcement". The same can be said of modern African art, as already pointed out by I. I. Potekhin.

A few examples, chosen from its wealth, the lecturer will give, elected from the various countries of Africa, from various personalities and the most different groups: Hassan El Glaoui from Morocco shows in his pictures the life — sometimes still feudal — of the Berbers. Gorgi Abdelaziz from Tunis gives preference in his paintings to scenes of the traditional life of the common people in Tunis, for instance to the circumcision festivities. Whereas the elder generations of Egyptian artists are generally connected with the Egyptian tradition, young artists from Cairo and Alexandria are showing the modern life of their country. We even find there a passionate art very critical of social conditions, something alike to the spirit of Käthe Kollwitz and Pablo Picasso. The Ethiopian court-painter Afewerk Teklé paints scenes from the life of the emperor Haile Selassie but, at the same time, criticizes the arrogance and the haughtiness of the Coptic priests. In Rhodesia, Sam Songo has painted the life in the gold mines after having studied the history of his own country. We find an art very critical of social conditions also in the Belgian Congo and the Republic of Congo. Fl. Mwembia has made caricatures whose theme is cannibalism of his ancestors. Self-criticism in respect to the past as well as the present is a further entirely new characteristic of modern African art.

The young artists of Africa are inspired by various sources. Some are inspired by a sense of mission, others by Africans who have studied in Europe or Asia, others again are stimulated by artists living in Africa or by missionaries. Independent European artists who have done no more than to acquaint the Africans with new techniques have been remarkably successful. On the other hand, the artists trained in the art-classes of the mission-schools develop but rarely their "*négritude*". Too often they reflect only the ways of the white artists. As works of art, their creations are, with few exceptions, worthless and without interest. They rouse interest only insomuch as they

mirror the influence of colonialism. We may, however, assume that these works of art are only those of a transitional state and that they will disappear very soon with the end of colonialism.

Colonialism has done very little to investigate the soul of the Africans, as it is stressed in *Bantu Philosophy*, the book published by the Belgian author, Father Placide Temple. The brother one does not know will never become one's fellow, friend or comrade. If one does not know the soul of the African, one cannot understand his artistic manifestations. When a European king visited "his" African colony, a young artist painted a series of pictures showing the king on a drive around the country. He also painted the tired king who falls asleep in his car and drinks lemonade in the bush. At last a king has been shown as a human being just as Daumier drew men and Balzac or Gorki described them. These paintings have been confiscated and forbidden. This example too reveals a phase of history. These are only a few of the examples the lecturer wishes to give, and they are drawn from his knowledge of experience in many African countries which he has visited himself during a quarter of a century.

Since research into the history and civilization of Africa stands only in a beginning, it is mainly the duty of the historian to study and analyse carefully the important modern poetry and the modern arts of the Africans. The result will be an important addition to the findings of anthropologists and sociologists. Those who describe and interpret the past and present history of Africa can only be successful if they study not only the political history of the various countries but also African Man in all his manifestations. And, the lecturer will conclude, an essential part of this investigation is the study of the African as a creative artist.

The author has been travelling for 25 years in Africa and has collected during his expeditions through many African countries a great many modern African paintings. During the Congress in Moscow he showed more then fifty of the first etchings ever made by Negroes of the Congo, under his guidance. The lecturer has taught his students only the technique of etching but has given them free hand regarding the themes. In part the etchings are naturalistic, in part they resemble the famous rock painting. of Africa and reflect, at the same time, the history of the African peopless

По докладу выступили. Э. Сакс, М. Херсковиц, С. де Ганей, Г. Н. Читтик.

10 августа, вечернее заседание
Председатель Ж. Баландье (*Париж*)

MELVILLE J. HERSKOVITS (*Evanston, USA*): THE ROLE OF CULTURE-PATTERN IN THE AFRICAN ACCULTURATIVE EXPERIENCE

One of the most important questions faced by students of cultural change in Africa concerns the degree to which African peoples have responded to the stimuli resulting from contacts with ways of life different from their own. In most of the literature on Africa, it has been taken for granted that the image of Europe, projected against the African scene, would become permanently affixed to African cultures, and that given time, the Africans would in large measure follow the lead of those who ruled them. It has taken time for the insights provided by the work of anthropologists to spread, so that we could attain a truer evaluation of the real measure of tenaciousness possessed by African cultures.

Why the popular view persisted as long as it did is not difficult to understand. In the degree of their intensity as well as in their extensiveness, the recent acculturative influences that have played on the peoples of Africa south of the Sahara have rarely been equalled. The intensity of this acculturation derived from the relatively short span of time over which the Africans were subjected to these influences, and the nature of the mechanisms that were operative in effecting their implementation. Their extensiveness is manifest in the ways in which they invaded all aspects of African culture — social, economic, political, religious and aesthetic — and their ubiquitousness over the Subsaharan continent as a whole. Given the ethnocentrism of those who exercised the controls, it was logical that attention should fix on the drama of change, and overlook the force of the antecedent indigenous ways which quietly continued to channel the modes of behavior of the vast majority of Africans.

In terms of the historic forces that have come into play in the acculturative picture, the factor of colonial control was of major importance. So important was it, indeed, that explanations of change in Africa have frequently been exclusively referred to it. Simplistic reasoning of this kind, however, cannot be countenanced in any scientific analysis of causation.

Colonialism in Africa represented a late phase of the world-wide movement of European expansion. As the history of this expansion goes, however, its African phase was so short that the governing powers exerted their controls in the manner of the classical patterns of colonial exploitation for only a relatively brief period. This gives us a clue as to the particular character of the African acculturative experience, especially as to the reasons for the rapidity with which the changes that resulted from the contact of peoples there actually did take place.

It will be remembered that in most other parts of the world, colonial systems had been in operation and, in some continents, notably the Americas, had been already overthrown well before the spread of European domination over Subsaharan Africa, whatever the marginal contacts between Europe and Africa may have been along the coastal periphery, and whatever acculturative repercussions may have resulted from the trade in slaves to North Africa, Asia Minor, North and South America, and the Caribbean. We may date the beginnings of the African colonial system at about 1884, when the Treaty of Berlin was concluded. This instrument staked out the interests of the various Powers, and in a general way set the boundaries of territories that in the succeeding years were destined to encompass political entities which transcended the ethnic, geographical and economic realities that for the most part were ignored when these boundaries were drawn.

This later period of colonialism coincided with a time when there was great technological and industrial expansion in Europe and America, which resulted in the growth of a world economy such as had never before existed anywhere. It also coincided with developments in the field of communications which, in terms of distance translated into time, literally shrank the world and allowed the dissemination of ideas on a scale hitherto not possible. These ideas were also changing. It was not only the peoples of the colonial areas who, as they became more and more familiar with those who governed them, began to develop movements looking toward the transfer of power into their own hands. Concomitantly, the colonial system began to have less appeal to the peoples of the metropolitan powers. The cumulative force of all this was to encourage the development of nationalism everywhere in the colonial world which, spurred on by an accelerating world-wide

movement toward achieving — and granting — political independence, presaged the end of the colonial system and its culmination in Africa, the last of the great colonial areas.

What were some of the acculturative mechanisms that functioned in bringing new elements into African life? Some were institutional. Examples of these would be the organized missionary effort, the growth of governmental structures that demanded more and more African participation in the administrative process, educational systems that were developed to increase literacy and equip Africans to function in the situation of change, scientific medicine, and measures to prevent the spread of disease. Other of these acculturative mechanisms were, however, by-products of developments that arose out of the needs of the colonial system under impact of the world economy. One instance of this was urbanization, that followed on the introduction of the industrial process. Another was the development of wage-labor, particularly important in view of the differing rhythm of work it demanded when compared to the schedules of the indigenous systems. Even less formal were the innovations that had to do with the ownership and use of property-reactions to such concepts as those of free-hold tenure in land, or of individual initiative and control of returns from commercial and other activities.

This list, however, by no means comprises all the acculturative forces that functioned in the African scene. It includes but the most recent ones, and the most obvious. We tend to overlook those earlier, pre-European acculturations that, in Africa as elsewhere, have gone on wherever peoples of different cultures have come into contact. There were the relations between the peoples south of the desert and to the north of it — relations that were based primarily on trade, but which brought in their train a reciprocal interchange of cultural elements whose significance has scarcely begun to be analyzed, except in terms of the formula of Egyptian influence, an influence which, in the light of present archeological and ethnographic knowledge, we know to have been far less important than was previously assumed.

In the eastern part of the continent, a similar process of contact and cultural exchange with Arabia and India and China went on for countless centuries. In recent times, too, Africa has seen the introduction of large numbers of Indians into the eastern part of the continent, and of an appreciable group of Lebanese and Syrians in the west, though the acculturative impact of these latter groups on African life has been relatively slight. Nor does this tell the whole tale of African response to contact, since the archeological record, and what we can glean from the writings of the early travellers, demonstrate that Africa has known intertribal acculturation from earliest times.

What this means is that the acculturative experience is nothing new to Africa, and that what we have witnessed there during the past half-century is no more than the continuation of a process that in all likelihood has been going on as long as the continent has had human inhabitants. That this should be the case can scarcely be surprising. Cultural interchange between peoples in contact has long been recognized as a universal in human experience, and is a phenomenon implicit in the theory of cultural dynamics. It derives from the fact that culture, being learned, is transmitted from people to people with a degree of ease and of rapidity that is a function of historical and ecological factors entering into a particular case.

For those less conversant with cultural theory, it is imperative to stress the dynamic actuality of the African past, standing as this does in such sharp contrast to the stereotype of the continent as one existing in sluggish

slumber, out of which it was only awakened by the circumstances of contact with Europe. The peoples of Africa, it is plain, have always been receptive of innovations, and have had no difficulty in adjusting their pre-existing habits to them. Their readiness to adopt many of the basic food-plants now widely spread in Subsaharan Africa — maize, millet, and cassava, for example — affords us one instance of this. So does the distribution of metal — working which was introduced into Africa two or three thousand years ago, and gradually worked its way from people to people until the techniques of smelting iron-ore and bronze-casting had become diffused over almost the entire continent.

There is little question that the impact of the recent acculturative experience of the African has been far greater than these earlier ones, which entailed the introduction of innovations on a smaller scale and at a far more gentle pace. Yet the flexibility which marks the African approach to innovation, and certain elements in African cultures themselves, made the more recent experience far less difficult for them than it was for non-industrialized peoples elsewhere, in North America, for instance, or in the South Seas. It is this element in the African past, and the psychological set toward innovation that it entailed, that makes the problems in the study of the dynamics of acculturative change in Africa so complex. For here three factors are inextricably intermingled — the cultural base, the innovative elements, and the established attitude toward change.

An example of how this attitude functioned in pre-European times may be cited by referring to a pattern of intertribal acculturation found in Dahomey. The Dahomean monarchy, it will be recalled, from the XVIIth century onwards, was undergoing a process of continuous expansion. From a small, typically West African local community, the Aladahonu dynasty which ruled it steadily increased their power. With accelerating speed, it first conquered the villages in the vicinity, then in 1725 took Whydah to gain an outlet to the sea, after which it moved northward and eastward. Shortly before its overthrow by the French, it was warring with the Yoruba, aiming at the extension of its hegemony over Abeokuta.

As with most African peoples, successful exercise of power is linked in the thinking of the Dahomeans with supernatural support, and this was also the case with those whom they conquered. It was thus reasonable for those brought under Dahomean control to add the worship of victorious Dahomean deities to their own, a process which was facilitated by their polytheistic systems. But the matter went further than this. The borrowing of gods was not a one-way process; there was an interchange, whereby the Dahomeans adopted the gods of those they conquered. The theory behind this is as revealing in terms of understanding the acculturative dynamics involved as it is significant for broader questions of the psychology of culture — a matter aside from the point here, and which I have already considered elsewhere. To the Dahomeans, all gods have power, which may be diminished, but is not nullified by defeat. Hence the gods of defeated as well as victorious peoples must be worshipped. In terms of cultural dynamics, this psychological resilience is a prime means of achieving adaptation to cultural change. And though the response of the Dahomeans to the gods of peoples they conquered, in its particular form, is only a single case, the total complex it represents, exemplifies a kind of reaction that is to be observed in all Subsaharan Africa. It cannot be gainsaid that it must have stood the Africans in good stead in meeting the innovations resulting from

European control as it did in pre-European times, where there was inter-tribal acculturation.

In reality, in analyzing African acculturation, we are faced with a continuum of change, and not a dichotomy to which we can refer our instances, placing them in well-defined categories. The particular manifestations of African acculturation we study move imperceptibly along this continuum, ranging from the one pole, which is the complete acceptance of an innovation, through a theoretical midpoint at which innovation and indigenous custom are merged in a syncretic unity, to complete rejection.

This is the theoretical frame; in actuality, it is impossible empirically to discover examples of either extreme, while even at the midpoint the combinations seem to retain enough of their earlier characteristics to enable us to identify the elements in them that come from the contributory cultural streams. In many cases, seeming contradictions between elements that enter are reconciled; thus in East Africa, bride-wealth, or *lobola*, is translated into European currency which, however, cannot be accorded entire validity, since some cattle must pass; or in Ruanda, where a man will work for wages, use his money to buy cattle, which he then gives as bride-wealth to his prospective father-in-law in accordance with established custom.

Except for its polar extremities, the totality of our continuum has its theoretical base in a mechanism of cultural dynamics called cultural reinterpretation. Implicit in the concept is a recognition of the fact that every phenomenon in human behavior has two aspects — its form, and its meaning. In a society where there is a minimum of contact with other peoples, and a maximum of cultural integration, the two are so much a unit that it is difficult to distinguish between them. One of the reasons why it took so long, indeed, to do this was because earlier anthropologists almost exclusively studied such stable societies; and it was only when moved to research on peoples undergoing acculturative change we began to see that the elements with which we were concerned presented these two facets.

There is little question that under acculturation, form changes more readily than meaning. This brings us back to the concept of cultural reinterpretation, for as we study the phenomenon we see more and more clearly that peoples adopt new forms more readily than new meanings; that characteristically they assign old meanings to the new forms, thereby maintaining their pre-existing systems of values, and making the break with established custom minimal as far as their cognitive responses are concerned. On the emotional level, they retain the satisfactions derived from earlier ways, while profiting from those new forms that seem advantageous to them. Certainly in the study of acculturation in Africa, there is scarcely any aspect of the changing life of its peoples not illuminated by reference to this mechanism of cultural reinterpretation; it is essential that it be brought to the forefront of scientific thinking concerning cultural change in Africa if we are to analyze the phenomenon in realistic terms.

We must again refer to the ethonocentric component in Africanist studies in exploring further the reasons why perspective has been so distorted in the study of cultural change in Africa through the failure to recognize its reinterpretive component, and the consequent almost exclusive emphasis that has been laid on innovation. Certainly, at first glance Africa at mid-century impresses the visitor, and has impressed many students, with its degree of acceptance of European forms. One sees Africans operating complex machinery in factories, or using tractors or bull-dozers on the mines, or in road-building, or in agricultural projects; and doing these things efficiently

and with a minimum of European direction. One meets Africans with University educations, entirely competent in the higher fields of learning and technology, who have fully mastered European culture. What could seem more reasonable than to assume that this represents the reality of Africa of today and tomorrow; that the Africa of yesterday is a picturesque vestige, doomed to extinction under the continuing force of these new forms?

An outstanding example of this kind of reasoning is to be had in the concept of detribalization, which has had considerable vogue among students of contemporary Africa. It was especially employed in analyzing African life in the new cities that came to dot the Subsaharan continent, especially in the Union of South Africa, where the twin forces of urbanization and industrialization have been more powerful than anywhere else. Again, in its formal aspect, modes of African city life seemed so different from indigenous patterns that it was *prima facie* impossible to continue antecedent conventions, and that adjustment in terms of earlier orientations was inconceivable.

It is significant that one of the first attempts to correct perspective was that of an African scholar, Z. K. Matthews *. Writing some years before the concept of reinterpretation had been advanced, he clearly saw the power of aboriginal custom in shaping the life of the urban dweller in the Union. Anticipating by at least two decades the swing toward greater balance in the study of the urbanized African, whereby the concept of "detribalization" came to be rejected, he stated: "It seems altogether unwise to attempt to drive a wedge between this urban group and the so-called purely tribal native by refusing to recognize what they have in common and the contribution which the former can make and are making to native life and thought by their synthesis of Western and Native conceptions wherever they are complementary and not contradictory".

A few instances may be taken from the rich documentation he offers in the critical field of social organization:

"Even the individual who feels that for him the old political organization of the tribe does not adequately meet his modern needs and will in any case not survive the white man's interference with it, still thinks that as far as his private married life is concerned the old code need not be entirely abandoned. The man who has accepted Christianity, for example, and belongs to a Church which prohibits the giving and taking of *lobola* is nevertheless not satisfied that the Christian wedding-ceremony alone gives sufficient validity and respectability to the marriage of his son or daughter. The husband who is willing and anxious to take his wife to a modern hospital for confinement still feels under obligation to observe at least some of the Bantu taboos connected with the pregnancy, confinement, and the nursing period of his wife. The educated man in seeking the hand of some girl in marriage still respects the prohibited degrees of marriage as laid down by his tribe in the distant past, and does not often depart in any material point from the procedure prescribed for the marital negotiations of people of good class. . . The publicity given to weddings, the slaughtering of beasts which provides the necessary spilling of blood, the attendance of certain prominent relatives or their representatives; the traditional gifts from one side to the other; the competitive dancing and singing which have replaced the old mock fights; the copious weeping of the bride on her departure for her new home. . . those features characterize the marriages of educa-

* Z. K. Matthews, *The Tribal Spirit among Educated Africans*, «Man», February, 1935, No. 26, pp. 26—27.

ted as well as uneducated Africans. The home life of educated Africans — evidences of Westernization such as the use of chairs, tables, pianos, etc. notwithstanding — conforms in spirit to the old code. The relationships between husband and wife, parents and children, the position of the eldest male child in the family, that of the youngest child, the relations between brothers and sisters on examination will make us guard against the hasty generalization that there is nothing African about the house".

With the passage of time, and particularly as more Africans gained more knowledge of the cultures that had been brought to them, the persistence of earlier custom, often in reinterpreted form, began to be reinforced by rationalization in terms of explicit values being assigned to the old ways. The new come to be recognized as worthy of adoption; but selectively, and in the light of evaluations drawn from pre-existing cultural convention. The values in the social support and assurance afforded by extended kinship units; the values in group holding of land as against free-hold tenure; the formation of African Christian churches or separatists Islamic sects where aboriginal sanctions come to the fore; the reinterpretation of new governmental forms so as to reconcile them with older political usages; the insistence on the importance of the values inherent in the ancestral cult — all exemplify the power of the antecedent cultures in the present acculturative situation, and permit the prediction of the continuing force that they can be expected to exert in the future.

As we penetrate beneath the surface of form to the underlying reality of meaning by the use of the concept of reinterpretation, we approach a deeper understanding of the current African situation. We can realistically assess the functional significance of such new ideas being advanced by African intellectuals as that of an "African personality", or of "*négritude*". In preceding decades much effort has gone into demonstrating the fallacies in the idea of racism, by showing the scientific invalidity of assumptions of racial inferiority and superiority. It is important that, this accomplished, we should not be beguiled by an equally fallacious concept of cultural inferiority and superiority, and thus replace *racism* by *culturism*. Certainly in Africa we are coming to know, and as we learn are coming to appreciate, the values in the cultures of the peoples of the continent. If we recognize that it is impossible, empirically, to establish an absolute scale of worth for different ways of life, we thereby arrive at a position of historical realism by acknowledging that the future cultures of Africa will develop in accord with the traditional values which guide African life however much of the innovations to which they have been, and will continue to be exposed, they may adopt.

По докладу выступили Ж. Баландье, указавший, что лишь после конца колониального господства народы Африки получили возможность выбирать, что из европейского влияния можно принять, и что нет, М. Ачуфузи, отметивший, что проблема влияния европейской культуры на африканские народы сложнее, чем можно заключить из доклада, и И. И. Потехин, который заметил, что помимо изучения влияния европейской культуры на африканцев, связанного с колониальным режимом, подлежит изучению также созидательная роль самих африканцев.

H. N. CHITTICK (Guildford): RECENT ARCHAEOLOGICAL DEVELOPMENTS IN EAST AFRICA

Summary of archaeological investigation in East Africa

Before 1914 no provision for research in history or archaeology was made by the governments in East Africa, though important work was done by individuals, particularly by Germans in what is now Tanganyika. A landmark was the founding of the Coryndon Museum in Nairobi, in 1929, whose curator L. S. B. Leakey quickly laid the foundations of prehistoric research in Kenya, and whose continuation of the work begun by Hans Reck at Olduvai culminated in the discovery of *Zinjanthropus Boisei* in 1959. Between the two Wars, however, little work was done on the archaeology of the coast.

The years since 1945 have seen notable developments. J. S. Kirkman was appointed shortly after the War to care for the coastal antiquities in Kenya, and excavations have been carried on at various sites; in 1960 a new Museum was opened in Fort Jesus in Mombasa. The Government of Tanganyika set up an Antiquities Department in 1957, and an archaeologist, Mr. M. Posnansky, has been appointed to the Uganda Museum in Kampala, and is now excavating proto-historic sites. At the same time the Inter-Territorial Language Committee has begun collecting historical and literary documents on the coast, and in the present year (1960) the British Institute of History and Archaeology in East Africa is being set up to facilitate the work of research students in a wide field.

The Interior of Tanganyika: some trends of thought

1. The recent discovery of naturalistic rock-paintings in the Masasi area may prove to be a link between those of the Kondoa-Singida-Mbulu area (where they are clearly associated with Later Stone Age cultures) and those in the Rhodesias and South Africa.

2. All sites with cairn burials that have been investigated to date in southern Masailand and the Lake Eyasi area have yielded skeletal material with 'Bush-Boskopoid' traits; one was associated with an imported bead of a type commonest in the XVth century. No early graves of negroid people have yet been found in Northern Tanganyika.

3. At three places in Masailand where earth dams are to be seen, stone bowls of Gumban type have been found. Though there is no proof of that the bowls and dams are associated and contemporary, the occurrences seem unlikely to be purely coincidental.

Recent finds on the coast

The remains of the early coastal settlements are being investigated in some detail not only because of their intrinsic interest, but also because they can be linked to historical sources (the subject of recent study by Dr. Freeman-Grenville) and dated by coins. Through excavation a dated corpus of native pottery of various periods is being built up.

Despite the fact that we know from the *Periplus of the Erythrean Sea* that at least one settlement trading with the outside world existed as early as the Ist century A. D., nothing has hitherto been found datable to a period before the XIVth century other than the Cufic inscription, dated A. H. 500, in the XVIIIth century mosque at Kizimkazi at the southern

end of the island of Zanzibar. Excavations have shown that this mosque is built on the foundations of an earlier one associated with a settlement which probably flourished from the XIIth century, or earlier, until the XIVth, the site being then largely abandoned until the XVIIIth century. A coin found at the top of the strata of the earlier settlement, and thus probably of XIVth century date, seems to be in the name of one Muḥammad ibn ʿAlī (or ʿAlī ibn Muḥammad; it is written round three sides of a triangle, and the order of names is not clear). This brings to four the number of putative rulers of Zanzibar known only from their coins*.

At Kilwa Kisiwani recent excavations at Husuni Kubwa ('the Great Fort'), a complex of buildings about a kilometre to the east of the main site of the town, indicate that this is probably the site of the settlement of the early immigrants from the Persian Gulf area, who arrived traditionally in the Xth century A. D. Finds of coins indicate that it was abandoned before about 1300, and an octagonal building with small apses in each of the sides has been discovered, which shows close resemblances to structures of Abbasid date in the Middle East. Similarly, the plan of the adjacent fort of Husuni Ndogo shows resemblances to Omayyad enclosures in Syria.

По докладу выступил Д. А. Ольдерогге, обративший внимание на то, что все города в данном районе, считающиеся арабскими, имеют бантуские названия; это может указывать на предшествующую высокую культуру банту.

EIKE HABERLAND (*Frankfurt a/M.*): ZUM PROBLEM DER AFRIKANISCHEN HIRTENKULTUREN: DIE GALLA IN ÄTHIOPIEN

Bei dem Versuch, einen Überblick über die Geschichte und Kulturgeschichte Afrikas zu gewinnen, muß man — sofern man an eine Diffusion der Kulturgüter in relativ geschlossenen Kulturkreisen an glaubt — einen besonderen Schwerpunkt der Betrachtung auf die Basiskulturen richten, da sich in ihnen die Elemente früher Phasen der Menschheitskultur verhältnismäßig intakt erhalten konnten. Die Linguistik und die vergleichende Pflanzengeographie mögen dabei interessante Hinweise geben, wie das letzte Buch von M u r d o c k [1] darlegt, während die Vorgeschichte bisher noch nicht quantitativ genügende Ergebnisse gebracht hat, um daraus sichere Schlüsse für den Ablauf der menschlichen Kultur ableiten zu können. Schon seit langer Zeit haben die Völker die Aufmerksamkeit auf sich gezogen, die man nach ihrer Wirtschaftsform die Hirten oder Viehzüchter nennt. Dabei setzte man meist stillschweigend voraus, daß die ausschließliche Existenz dieser Stämme ohne Subsidien durch andere Wirtschaftszweige (Jagd oder Feldbau) ebenso erwiesen sei wie ihre originäre und ursprüngliche Entstehung als Basiskultur. Die Stimme von H a h n [2], der schon früh seine Zweifel anmeldete und die Meinung vertrat, daß die sogenannten Hirten-Nomaden nichts als Absplitterungen einer Kultur seien, der Feldbau und Viehzucht gemeinsam und ursprünglich waren und die wir deshalb die 'gemischtwirtschaftliche' nennen können, ging bald im Konzert derer unter, die verkün-

* The others are: al-Ḥasan ibn ʿAlī, al-Ḥusain ibn Aḥmad, and Isḥaq ibn Ḥasan; see Freeman-Grenville, *Coinage in East Africa before Portuguese Times*, «Numismatic Chronicle», Sixth Series, Vol. XVII, pp. 166 ff. I am grateful to Dr. G. S. P. Freeman-Grenville and to Dr. J. Walker for suggesting the reading of the Kizimkazi coin.

deten, das Viehzüchtertum sei primär aus dem Jägertum entstanden. Der dem wilden Rentier folgende Jäger sei während des Verfolgens der großen Herden seiner Beutetiere in eine Art von Symbiose mit ihnen geraten, aus der sich mit der Zeit ein Hegertum und später ein echtes Züchtertum entwickelt habe [3]. Von dieser Zähmung des Rentieres ausgehend, habe man sich in anderen Gegenden der Zähmung der dort lebenden Vorformen der anderen Haustiere zugewandt. Von ihnen erhielten die verschiedenen Feldbauernkulturen die Haustiere oder begannen nach ihrem Beispiel ihrerseits mit der Zähmug neuer Rassen. Nach F l o r ist so die älteste Rinderhirtenkultur in der Nachbarschaft des Pferdehirtentums entstanden, das seinen Ursprung der Rentierzüchterkultur verdankt [4]. Auch die sowjetische Forschung hat diese Ideen aufgegriffen, die in M a r r ihren ausgesprochensten Vertreter fanden. Ich darf noch anführen, daß aus dieser Theorie eine weitere erwuchs, die die Entstehung der Hochkulturen der Überlagerung der Feldbauern durch kriegerische Hirten — mit dem Schlagwort «Reiterkrieger» ausgezeichnet — zuschrieb.

Diese Meinung herrschte lange Zeit und wurde auch auf Afrika ausgedehnt. B a u m a n n hat in seinem noch heute unentbehrlichen Werk über die Völkerkunde von Afrika diesen Gedanken aufgegriffen und den bereits von F r o b e n i u s aufgestellten, von ihm schärfer umrissenen "osthamitischen" Kulturkreis als rein viehzüchterisch angesprochen [5]. Demgegenüber stellt man die Welt des eigentlichen Negers, dessen Kultur ihre entscheidende Prägung durch die chthonische Bindung des geistigen wie des materiellen Lebens erfuhr, in der die Beziehung zu Erde und Pflanze, nicht aber zum Haustiere im Mittelpunkt von Wirtschaft und Religion steht. Wo in Afrika intensive Mischungen von Feldbau und Viehzucht auftreten, wie bei den Niloten, in Ost-Afrika oder bei den Südost-Bantu, da erklärt man diese als aus einer Mischung der beiden Basiskulturen entstanden. Je nach dem Verhältnis dieser Mischung treten einmal Feldbau, ein anderes Mal Viehzucht stärker in den Vordergrund der Gesamtkultur [6].

Diese Meinungen waren in jüngster Zeit mehr und mehr der Kritik ausgesetzt. Für den asiatischen Bereich haben die umfangreichen sowjetischen Ausgrabungen das junge Alter der west- und mittelasiatischen Hirtenvölker aufgezeigt und bewiesen, daß lange vor ihnen Sibirien und Mittelasien von Feldbauern bewohnt wurden, die erst spät dem Druck der sich allmählich herausbildenden Hirtenkulturen wichen, die durch die Benutzung des gesattelten Pferdes eine ungeheure militärische Überlegenheit erhielten [7]. Heute gewinnt die Ansicht stärker Boden, daß man die ältesten Wurzeln von Ackerbau und Viehzucht in einen eng umgrenzten Raum, dem Vorderen Orient zu suchen habe.

Auch für den afrikanischen Raum hat die Kritik an der Existenz eines originären Viehzüchtertums eingesetzt. Als erster hat J e n s e n, auf den Ergebnissen einer Expedition nach Süd-Äthiopien fußend, sich dahingehend ausgesprochen, daß die "reinen" Viehzüchter, wie sie uns heute in Ostafrika entgegentreten, das Ergebnis oft sehr rezenter Absplitterungen von einer gemischt wirtschaftlichen Kultur vom Typ der Niloten sind. Bei dem kleinen Stamm der Tsamako in Südwest-Äthiopien, die noch vor wenigen Generationen ihre Felder auf den Bergen bestellten, war dieser Prozess *in statu nascendi* zu beobachten [8]. Jensen hat diese aus der Feldforschung gewonnene Erfahrung auf die benachbarten südnilotischen Stämme ausgedehnt und an einer Fülle von Literaturbelegen dargelegt, daß auch bei ihnen das reine Viehzüchtertum eine sehr junge Erscheinung ist [9]. Auch in Westafrika ist die Feldforschung zu ähnlichen Ergebnissen gekommen —

Kunz Dittmer konnte bei den nigritischen Feldbauern des westlichen Sudans nicht nur eine starke viehzüchterische Komponente feststellen, er bezeichnete auch die "Hirten-Fulbe" (der westafrikanische Prototyp des reinen Viehzüchtertums) als das Ergebnis einer späten Kulturentwicklung [10].

Diese Aussagen blieben bisher noch vereinzelt. Will man zu sicheren Schlüssen kommen, so muß eine genauere Untersuchung des Viehzüchterproblems in historischer Sicht bei all den Stämmen einsetzen, die als die klassischen Vertreter des Hirtentums gelten, wie z. B. bei den Masai, Hima, Galla, Herero oder Hottentotten. Deshalb sollen hier in zusammengefaßter Form die Forschungsergebnisse eines fast anderthalbjährigen Aufenthaltes bei den Galla-Stämmen Süd-Äthiopiens dargelegt werden, soweit sie für das Problem des Viehzüchtertums von Bedeutung sind [11].

Die Galla gelten in der Literatur allgemein als ein nomadisches Hirtenvolk, das unter dem Druck der von Osten her vordringenden Somali in der ersten Hälfte des XVI. Jahrhunderts aus seiner Heimat in den trockenen Savannen Süd- und Südost-Äthiopiens (Ogaden) aufbrach und in mehreren Jahrhunderten währenden Kriegen seine jetzigen Wohnsitze in Mittel- und West-Äthiopien eroberte. Die bis dahin dort lebenden Völker — Amhara und deren Verwandte (Gafat) sowie Gonga und Neger — wurden von ihnen vertrieben oder assimiliert. Erst von diesen Vorbewohnern hätten die Galla den von ihnen bis dahin unbekannten Feldbau erlernt und die von ihnen gezüchteten Pflanzen übernommen [12]. Diese Auffassung berücksichtigt jedoch verschiedene Tatsachen nicht oder deutet sie irrtümlich. Aus dem — im Vergleich zu dem der Amhara oder Kaffa — verhältnismäßig bescheidenen Inventar der materiellen Kultur der Galla, die bei ihrem Einfall nach Mittel-Äthiopien noch kein Eisen kannten, aus dem Umstand, daß sie bei ihrer großen Wanderung keinen Feldbau betreiben konnten, hat man geschlossen, daß ihnen der Feldbau überhaupt unbekannt war. Fast alle bisherigen Berichte beziehen sich dabei so gut wie ausschließlich auf die Stämme, die aus ihren alten Wohnsitzen auswanderten, wie die Schoa-Galla oder die große Gruppe der Maĉĉa [13]. Gerade diese Stämme aber haben sich am weitesten vom ursprünglichen Galla-Volkstum entfernt und viele Elemente von der Vorbevölkerung aufgenommen.

Ferner wird als bewiesen angenommen, daß das reine Hirtentum verschiedener Galla-Gruppen, wie der Borana, der Tiefland-Guĝi und der Tiefland-Arussi, der Karayu und Annia die ursprüngliche Lebensweise der Galla war. Das am stärksten ins Auge fallende Element ist dabei die sehr starke innere Bindung der Galla an ihr geliebtes Vieh mit den als "*cattle complex*" bekannten Zeremonien und Ritualen. Das gibt indes nicht das Recht, angesichts dieser häufig ins Extrem getriebene Überbewertung des Rinderbesitzes den Galla den Feldbau völlig abzusprechen — ebenso würde man verfahren, wollte man die Existenz der Viehzucht bei den nigritischen Stämmen des Sudans in Hinblick auf die Überbetonung des chthonischen Elementes leugnen.

Endlich — das ist das entscheidendste Argument, das ich in die Waagschale werfen und im folgenden näher ausführen möchte — lagen über die Galla-Stämme des Südens, die sich ihre alte Kultur am unversehrtesten erhalten konnten, bisher so gut wie keine größeren Berichte vor. Eine Reihe von Quellen (meist Reisebeschreibungen), in denen vom Feldbau dieser Stämme gesprochen wurde, sind zu allem Überfluß bisher übersehen worden (vgl. Anm. 21).

Meine Untersuchungen bei vier großen Stämmen der südlichen Galla sowie bei verscheidenen Gruppen der Schoa-Galla haben dazu folgende Ergebnisse gebracht:

1. Die Urheimat der Galla — vor ihrer großen Wanderung seit Beginn des XVI. Jahrhunderts — war nicht das mittlere Somali-Land (Ogaden), sondern das kühle und feuchte Hochland rund um die heute Bali genannte Region.

2. Die Galla betrieben (und betreiben) in diesen Hochländern nicht nur Viehzucht sondern auch Feldbau. Ursprüngliche Haustiere und Anbaupflanzen sind die für das Hochland typischen Rind und Schaf, Gerste und Weizen.

3. Die heutigen rein viehzüchterischen Stämme in den Tiefländern stellen späte Absplitterungen von der gemischtwirtschaftlichen Kultur des Hochlandes dar.

Diese Sätze sollen nicht der von C e r u l l i und neuerlich auch von L e w i s mit vorzüglichem Material belegten Erkenntnis widersprechen, daß Galla bereits vor 1500 östlich von Harar und am mittleren Šebelli saßen oder — besser gesagt — dort ihr Vieh hüteten [14]. Ich will damit lediglich sagen, daß Galla — ebenso wie Angehörige anderer Stämme — wohl die unendlichen kaum besiedelten Savannen des südlichen und östlichen Äthiopiens mit ihren Herden durchzogen, daß dies jedoch nicht gleichbedeutend mit einer dauernden Niederlassung war.

Noch heute wandern Guǧi-Gruppen in der Regenzeit mit ihrem Vieh viele Tagereisen von ihrer Heimat entfernt durch die Tiefländer am Margherita- und Ruspoli-See und vor zwei Generationen kamen die Borana von ihren Wohnsitzen in Dirre bis herunter an den Lorian-Sumpf und zu den Brunnen von El Waḳ.

Die Traditionen aller von mir untersuchten Galla-Stämme sprechen ebenso wie die aus der Literatur bekannten Daten für die Herkunft aus den Hochländern [15]. So stammen die Borana nach ihren Überlieferungen aus dem nördlichen Liban, die nördlichen Guǧi aus dem Hochland östlich des Awasa-Sees, die südlichen Guǧi vom Oberlauf des Ganale Gudda, die Arussi aus dem westlichen Bali und die Schoa-Galla und die Maccˇa vom Harro Wolabo im heutigen Uraga-Gebiet. In dieser Urheimat der Galla residieren auch heute noch die Hohen Priester, die *abba muda* (Väter der Salbung), zu denen nicht nur die Angehörigen der noch in den alten Wohnsitzen lebenden Stämme, sondern bis vor kurzem auch noch die Mitglieder der ausgewanderten Gruppen (Schoa-Galla und Maccˇa) pilgerten [16].

Ein weiteres Argument: Das Jahr der Galla beginnt wie das der meisten äthiopischen Völker Mitte September mit dem Ende der großen Regenzeit des äthiopischen Hochlandes. Für ein Volk, dessen Urheimat in Ogaden, in Gebieten mit einer ganz anderen Regenzeit als das äthiopische Hochland lag, wäre dieser Jahresanfang wenig sinnvoll.[17] Man könnte zwar einwenden, daß der ursprünglich zeitlich anders fixierte Jahresanfang erst später, nach der Einwanderung in die Hochländer mit dem anderen Jahresrythmus verändert worden wäre [18]. Dagegen spricht jedoch, daß bei a l l e n Galla-Stämmen der auf den November fallende dritte Monat *sadasa* "der Dritte" und der dem Dezember entsprechende vierte *arfasa* oder *abrasa* "der Vierte" heißt.

Die Borana lassen ihr Jahr im Februar beginnen, da bei ihnen der Rythmus der Regenzeiten, die die großen Einschnitte des Jahres markieren, ein anderer ist als im äthiopischen Hochland. Der große Regen, auf den man nach der langen Trockenzeit sehnsüchtig wartet, ist dort ein sinnfälliger Anfang für das Neue Jahr. Dennoch haben sie die alten Namen — "der Dritte" und "der Vierte" — die nach wie vor auf November und Dezember fallen, beibehalten, obwohl sie im Kalender ihrer Jahreszeiten sinnlos ge-

worden sind. Bei einer Herkunft der Galla aus den trockenen Tiefländern hätte man einen umgekehrten Vorgang erwartet.

Ein weiterer Beleg für die Hochland-Kultur der Galla ist die Stellung von Rind und Schaf als rituell wie wirtschaftlich allein bedeutsame Haustiere. Von den beiden typischen Tieflandstieren Kamel und Ziege, die bei den Somali die wichtigsten Haustiere sind, halten die Galla nicht viel. Die Ziege wird nicht nur wenig geschätzt, sondern geradezu rituell verachtet. Das Kamel hat auch bei den Tiefland-Stämmen der Galla kaum Bedeutung. Die Borana verschmähen sogar sein Fleisch und seine Milch. Nicht einmal als Lasttier hat es sich bei ihnen trotz ihres langen Kontaktes mit den Somali durchzusetzen vermocht. Dagegen zeigt das besonders bei religiösen Anlässen vorkommende Beladen des Rindes seine alte Funktion als ursprügliches Lasttier, wie sie noch bei den im Tiefland lebenden Tana-Galla im vorigen Jahrhundert von B r e n n e r beschrieben wurde [19]. Es wäre bei der Annahme des Ursprungs der Galla im Tiefland schwer erklärbar, weshalb sie das Kamel, das ideale Haustier der trockenen Savanne, nicht in ihrer Kultur integriert hätten wie die benachbraten Somali — immerhin ist das Kamel seit mindestens 1500 Jahren in Nordost-Afrika heimisch. Das gleiche Argument wäre für die Ziege anzuführen.

Bei den meisten Galla spielt der Mittelpfahl des Hauses im rituellen Leben eine große Rolle [20]. Er kann nur in einem Rundbau wie dem äthiopischen Kegeldachhaus eine tragende Funktion haben. Bei den unregelmässig gebauten, flachdachigen Häusern der Tiefland-Guği oder der Borana sind mehrere Stützbalken nötig, die alle in gleicher Weise tragen. Trotzdem wird einer von ihnen, der sich in nichts von den anderen Pfählen abhebt, zum «Mittelpfahl» erklärt und mit ins Ritual einbezogen. Der geringe Regenfall der Tiefländer macht ein fest konstruiertes Kegeldach, wie es in den Hochländern üblich ist, unnötig. Bei den Tiefland-Guği und Borana soll die dünne Grasschicht auf dem unregelmäßig eingebuchteten Flechtwerk von Wänden und Dach nur Schatten bieten. Bei Regen werden — wie bei den ähnlich gebauten Häusern der Masai — Lederdecken über die Dächer gebreitet. So spricht auch hier das Ritual eine deutliche Sprache und hilft, vergessene Beziehungen wieder anzuknüpfen.

Der entscheidendste Punkt schließlich ist, daß die in ihrer Kultur noch sehr unberührten südlichen Galla durchaus den Anbau von Getreide kennen, der sich ausschießlich auf Gerste (in geringem Maße auch Weizen) beschränkt und der durch die archaische Form seiner Technik deutlich zeigt, daß man es hier mit einem sehr alten Kulturelement zu tun hat, das sich nicht nur vom Pflugbau der Amhara, sondern auch von dem höher entwickelten Feldbau der benachbarten Darassa oder Sidamo, unterscheidet. Ich selbst habe bei allen im Hochland lebenden Galla-Stämmen den Anbau von Gerste feststellen können — im Tiefland ist er unmöglich — außerdem liegen von den gleichen Stämmen eine ganze Reihe von Berichten vor, die Angaben über Getreide bereits vor oder kurz nach dem Kommen der Amhara machen [21].

Ich will auch auf die große rituelle Bedeutung hinweisen, die die Gerste als einzige Pflanze bei den Galla genießt. Nach Aussagen der Mati, der Schoa-Galla und der Arussi wurde die Gerste von Gott geschaffen, «damit sie zusammen mit Rind und Schaf Gott dargebracht werden kann». Ebenso wie von der Milch wird von der Gerste ein Primitium dargebracht, das bei allen anderen Pflanzen, die heute für die Volksnahrung ebenso große Wichtigkeit haben, fehlt. Alle rituellen Speisen und pflanzlichen Opfer bestehen auch bei den Tiefland-Arussi, die heute nur Mais und Hirse anbauen, und

bei nördlichen Guği deren pflanzliche Nahrung jetzt die von den Darassa eingehandelte Ensete bildet, nach wie vor aus Gerste. Bei den Arussi gilt die geröstete Gerste, die unter Segenswünschen gereicht wird, als beste Medizin bei allen Krankheiten. Bei den nördlichen Guği war sie früher die einzige pflanzliche Nahrung, die der Hohe Priester genießen durfte. Die einzigen Galla, die nicht mehr ausschließlich Gerste zum Opfer benutzen, sind die Borana. Bei ihnen wird die Schwierigkeit, Gerste aus dem weit entfernten Hochland von Bali oder von den Darassa zu beziehen, dazu beigetragen haben, statt dessen auch Hirse oder andere Getreidearten zu benutzen. Daß sie sich die Mühe machen, überhaupt Getreide von weither einzuhandeln, um er bei einer Viehzeremonie zu benutzen, zeigt die Wichtigkeit, die sie sie seiner rituellen Verwendung beimessen. Andere Stämme hielten trotz aller Umstände an diesem Ritual fest. Der Tradition nach ließen sich die Schoa-Galla noch lange nach ihrer Auswanderung aus ihrer Heimat Gerste in Ledersäcken nachsenden und führten sie auf ihren Wanderungen mit sich, um damit die Opfer vollziehen zu können.

Kann man angesichts der bisher vorgetragenen Belege schwer daran zweifeln, daß die Galla ursprünglich Hochlandbewohner waren und von jeher Feldbau ausübten, so erhebt sich zum Schluß die berechtigte Frage, welche Gründe es waren, die zur Aufgabe des Feldbaus und zur Absplitterung der reinen Hirtenstämme im Tiefland führten. In allererster Linie ist die sehr starke Bindung der Galla wie vieler ostafrikanischer Stämme an ihr Vieh zu nennen. Darüber liegen so unzählige Berichte vor — von M i c h e l s zusammengestellt [22] —, daß ich hier nicht darauf einzugehen brauche. Eine ganz entscheidende Rolle spielt innerhalb dieses "*cattle complex*" die Vorstellung, das soziale Ansehen eines Menschen neben anderen Faktoren auch von der Zahl seiner Rinder abhängig zu machen. Wer 100 oder 1000 Rinder besitzt, darf förmliche Verdienstfeste abhalten, die ihm besondere Vorrechte verleihen [23]. Erst in jüngster Zeit beginnt auch der Landbesitz ein Maßstab der sozialen Wertung zu werden. Dem Viehzüchtertum gegenüber hat der Feldbau bei den Galla wie bei den anderen gemischtwirtschaftlichen Völkern, zu denen die Niloten zu rechnen sind, nie eine sehr hervortretende Stellung eingenommen. Vor allem war er in der religiösen wie der emotionalen Sphäre von nur untergeordneter Bedeutung.

Größere Herden können nicht für längere Zeit an der gleichen Stelle stationär gehalten werden, sondern verlangen einen Wechsel der Weiden, wenn das Gras abgeweidet ist. Diese Notwendigkeit hat die klassische Zweiteilung vieler äthiopischer Völker in zwei stark voneinander differenzierte Bevölkerungsteile, die Feldbauern im Hochland und die Hirten im Tiefland, zur Folge gehabt. Man kann bei diesen beiden wirtschaftlich bedingten Gruppen zwar nicht von zwei verschiedenen Kulturbereichen sprechen, jedoch ist nicht zu leugnen, daß das Überwiegen jeweils einer Wirtschaftsform — Feldbau im Hochland und Viehzucht im Tiefland — prägend und auf manche Kultur-Äußerungen verstärkend wirkt. Feldbauriten im Tiefland wären unsinnig — ebenso findet sich bei manchen Stämmen kaum ein Stück der zur Milch- und Viehwirtschaft gehörenden Geräte im Hochland (z. B. Blutpfeile oder Melkgefäße). Beide Wirtschaftsformen mit ihrem Ritual sind jedoch Ausdruck e i n e r Kultur. Die Jünglinge, die als Hirten im Tiefland leben, verwandeln sich nach ihrer Heirat in Hochland-Bauern, die ihre Felder selten verlassen, um nach dem Vieh in der Ebene zu sehen. Diese Viehposten im Tiefland werden von den Galla und anderen äthiopischen Völkern als *fora* bezeichnet — sie treten nicht nur bei den Stämmen auf, die für dauernd im Hochland leben und ihr Vieh in einem der «Transhu-

manz»-ähnlichen Rhythmus zwischen Hochland und Tiefland wechseln lassen, sondern auch bei den Gruppen, die dauernd im Tiefland leben, dort aber ebensowenig wie ihre Brüder im Hochland nomadisch schweifen, sondern feste Wohnsitze haben.

Die Entstehung der heute nur von der Viehzucht lebenden Galla-Stämme aus selbständig gewordenen *fora*-Gruppen wird von vielen Stämmen berichtet. So sind z. B. die heutigen Borana nach Ansicht ihrer nördlichen Nachbarn die Nachkommen solcher Hirtenjünglinge, denen es auf den Weiden im Tiefland besser gefiel als im Hochland und die sich von dem Hauptstamm in Hochland trennten, um eine neue politische Einheit zu bilden.

Voraussetzung für die Bildung nur von der Viehzucht lebender Gruppen und Stämme mußten ein genügend großer Viehreichtum und große, unbesiedelte Gebiete sein, die ein ungehindertes Weiden ermöglichten. Nach Angaben der Galla waren die südlichen Tiefländer so gut wie menschenleer, als sie von Norden her dort eindrangen — ähnliche Gegebenheiten fanden sie um 1550 im Norden in den durch die Mohammedaner-Kriege entvölkerten Gebieten Mittel-Äthiopiens vor. Unter diesen günstigen Bedingungen war es ihnen ohne Schwierigkeiten möglich, im Tiefland nur von ihrem Vieh zu leben und die noch immer einen ganz beträchtlichen Teil der Ernährung bildende pflanzliche Kost von ihren Nachbarn gegen Butter oder Vieh einzutauschen. Wie die Herero [24] sind die Viehzüchterstämme der Galla noch heute der Ansicht, daß es sinnlos sei, sich die harte Feldarbeit aufzubürden, solange man von der nach ihrer Ansicht keine Arbeit verursachenden Viehzucht leben könne. Auf ähnliche Weise hat man sich die Entstehung der anderen großen Viehzüchterstämme in Afrika vorzustellen, denen die unendlichen unbewohnten Savannen Ost- und Süd-Afrikas das Halten großer Herden ermöglichte. Vergessen wir nicht, daß es diese Gegebenheiten waren, die noch im XIX. Jahrhundert auch den Buren im unbewohnten Süd-Afrika die Existenz als reine Hirten erlaubten.

ANMERKUNGEN

[1] G. P. Murdock, *Africa*, New York—Toronto—London, 1959.

[2] E. Hahn, *Die Haustiere und ihre Beziehungen zur Wirtschaft des Menschen*, Leipzig, 1896.

[3] Vorkämpfer dieser Idee waren vor allem W. Schmidt und Koppers (z. B. *Völker und Kulturen*, Erster Teil, Regensburg, 1924, S. 194, S. 502 f.), denen als Grundlagen für diese Konzeption die Arbeiten von Hatt dienten (G. Hatt, *Notes on the Reindeer Nomadism*, «Memoirs of the American Anthropological Association», IV, 1917; *The Reindeer*, «American Anthropologist», XXIII, 1921), während die zu gleicher Zeit erscheinenden Aufsätze von Laufer, der in eine Diskussion mit Hatt eingetreten war, in der für sie so typischen einseitigen Arbeitsweise übergangen wurden (B. Laufer, *The Reindeer and its Domestication*, «Memoirs of the American Anthropological Association, IV», 1917; *The Reindeer once more*, «American Anthropologist», XXII, 1920).

[4] F. Flor, *Haustiere und Hirtenkulturen*, «Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik», I, Wien, 1390, S. 236.

[5] L. Frobenius, *Atlas Africanus*, München, 1922; H. Baumann, R. Thurnwald, D. Westermann, *Völkerkunde von Afrika*, Essen, 1941, S. 35 f. Vgl. auch M. J. Herskovits, *The cattle complex in East Africa*, «American Anthropologist», XXVIII, 1926.

[6] Baumann, *a. a. O.*, S. 223 f.

[7] Vgl. dazu besonders А. П. Окладников, *История Якутии*, Т. I. Якутск, 1955 (2 Aufl.). Jettmar hat in seinem grundlegenden Aufsatz *Zu den Anfängen der Rentierzucht* («Anthropos», 47, 1957) auch alle bis dahin erschienenen sowjetischen Untersuchungen zu diesem Problem verarbeitet. Vgl. ferner die Besprechung von Jettmar im «Central Asiatic Journal», III, 1957, S. 155—160 zu dem Buch von Fr. Hančar, *Das Pferd in prähistorischer und früher historischer Zeit*, «Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik», Band XI, Wien—München, 1956.

[8] Ad. E. Jensen, *Forschungsreise nach Süd-Abessinien*, «Zeitschrift für Völkerkunde», 77, 1952, S. 58; *Altvölker Süd-Äthiopiens*, Stuttgart, 1959, S. 14 f., S. 360 f.

[9] Ad. E. Jensen, *Dual-Systeme in Nordost-Afrika*, «Anthropos», 48, 1953, S. 754, f.

[10] Kunz Dittmer, *Ackerbau und Viehzucht bei Altnigritiern und Fulbe des Obervolta-Gebietes*, «Paideuma», VI, 1958, S. 440 f., S. 454.

[11] Es handeln sich dabei um die Stämme der Borana, der nördlichen und der südlichen Guĝi und der Arussi, die im Verlauf von zwei Expeditionen des Frobenius-Institutes an der Universität Frankfurt während der Jahre 1950—1952 und 1954—1956 vom Verfasser untersucht wurden. Die Drucklegung der ethnographischen Ergebnisse der Forschungen bei den Galla soll in Kürze erfolgen, auf das dort ausfürlich dargelegte Material sei angesichts dieser gedrängten Zusammenfassung ausdrücklich verwiesen.

[12] So z. B. H. Ludolf, *Historia Aethiopica*, Frankfurt a. M., 1681, Liber I, XIII, No. 30; J. Bruce, *Reisen zur Entdeckung der Quellen des Nils*, Leipzig, 1790, S. 214 f.; E. Cerulli, *Le popolazioni della Somalia nella tradizione storica locale*, «Rendiconti della Reale Accademia dei Lincei (Sc. mor.)», ser. VI, Vol. II, Roma 1926; J. P. Michels, *De Godsdiens der Galla*, Nijmegen, 1941, S. 21 f.; G. W. B. Huntingford, *The Galla of Ethiopia*, London, 1955, S. 19; Cl. Brooke, *The Rural Village in the Ethiopian Highlands*, «Geographical Review», 1959, S. 58 f.; I. M. Lewis, *The Galla in Northern Somaliland*, «Rassegna di Studi Etiopici», XV, 1959, S. 21 f.

[13] A. Cecchi, *Da Zeila alla frontiera di Caffa*, Roma, 1885—1887; E. Cerulli, *The Folk-Literature of the Galla of Southern Abyssinia*, «Harvard African Studies», III, 1919; E. Cerulli, *Etiopia Occidentale*, Roma 1930—1933.

[14] E. Cerulli, *Le popolazioni. . .*; I. M. Lewis, *The Galla in Northern Somali-Land. . .*

[15] E. Cerulli, *Etiopia Occidentale*, Vol. II, S. 169, f. Taya, *Ya Ityopya hezb tarik*, Addis Ababa, 1946, S. 35.

[16] z. B. A. Cecchi, *Da Zeila*, Vol. II, S. 30 f.; A. d'Abbadie, *Géographie d'Ethiopie*, Paris, 1890, S. 310; E. Cerulli, *Etiopia Occidentale*, Vol. I, S. 60 f., S. 97 f., Vol. II, S. 169 f.; *Le Popolazioni del Bacino Superiore dello Uabi*, S. 142 f. (aus: L. A. Savoia-Aosta, *La esplorazione dello Uabi—Uebi Scebelli*, Milano, 1932), usw.

[17] G. W. B. Huntingford, *The Galla. . .*, S. 19.

[18] E. Cerulli, *Le Popolazioni del Bacino. . .*, S. 172 f.

[19] G. Brenner, *Reise in den Gälla-Ländern*, «Petermanns Mitteilungen», 1868, S. 465.

[20] E. Haberland, *Äthiopische Dachaufsätze*, «Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig», Band XVII, 1958.

[21] S. z. B. V. Bottego, *Il Guiba esplorato*, Roma, 1895, S. 195; Donaldson Smith, *Through unknown African countries*, London, 1897, S. 50, 69, 92, 105; L. Traversi, *Viaggi negli Arussi, Guraghi etc.*, «Bolletino della Società Geografica Italiana», XXVI, 1889, S. 275; Guèbrè Sellassie, *Chronique du Règne de Menelik II*, Paris, 1930—1931, S. 235; O. Neumann, *From the Somali Coast through Southern Ethiopia to the Sudan*, «Geographical Journal», XX, 1902, S. 378. Auch Ch. F. Rey, *The Arussi and other Gallas of Abyssinia*, «Journal of the African Society», XXIII, S. 43; Savoia-Aosta *a. a. O.*, S. 64, 70, 82 und E. Cerulli, *Le Popolazioni del Bacino...*, S. 137 geben für den Feldbau im Arussi-Gebiet genügend Beispiele.

[22] J. P. Michels, *a. a. O.*, S. 186 f.

[23] Vgl. E. Haberland, *Verdienstfeste in Süd-Äthiopien*, «Paideuma», VI, 1957, S. 338 f.

[24] J. Irle, *Die Herero*, Gütersloh, 1906.

GRAHAM IRWIN (*Accra*): THE SOURCES OF WEST AFRICAN HISTORY

It is only recently that historians have attempted to write the history of A f r i c a, as opposed to the history of foreign activities in, trade w i t h, and attitudes t o w a r d s Africa. This shift in emphasis is to be welcomed, but it has necessitated a corresponding shift in technique. The history of Africa as seen from the outside can be written by the same historiographic methods as are employed in other parts of the world. The history of Africa as seen from the inside cannot be so written, and this is mainly because of the nature of the sources involved.

I

Historical sources are commonly classified according to their relationship to the events they describe. Thus, a contemporary source is given greater weight by the investigator than a subsequent source, an on-the-spot record

is preferred to a remote one, and an original or primary source to a derived or secondary one [1]. The historian naturally places greatest reliance on an eye-witness account written down contemporaneously with the occurrence of the event described. The more an historical source diverges from this ideal — the more remote it is — the less credence, other things being equal, is it given. The least satisfactory type of evidence is a second or third-hand account written at a late date by a person unfamiliar with the territory or society with which he is dealing.

The question of bias is not so crucial as is sometimes suggested. A sympathetic description is not necessarily to be preferred to a hostile one, since much may be learnt from both, and wilful distortion due to prejudice can usually be detected. It is often easier to deduce the truth from an informed, if biased, description than from an uninformed, though well-disposed one. Confronted with a remote historical source, however, the investigator frequently has no way of determining the extent of the writer's unconscious or unadmitted ignorance. This is why the most important test of relialibity always is: how close, in space, in time, and in terms of background knowledge, was the author of an historical source to the event or process he is describing?

Measured against this criterion the written sources of West African history before the XIXth century are both inadequate and unsatisfactory. In the first place all West African societies, except for some in the north under Muslim influence, were until recently non-literate. With a few unimportant exceptions there are no indigenous written records for the coastal and forest areas before the XIXth century. This means that not only is the writer on the past of these regions deprived of the usual materials of the historian's craft — government archives, newspapers, trade statistics and the like — but he is also unable to draw on those private papers and personal accounts which in literate societies participants in great events usually leave behind them and with which the bare bones of historical narratives are clothed.

In consequence, there is in West African history no large body of universally accepted fact. Because it is known that William the Conqueror invaded England in 1066, it is profitable to argue about why he did so and with what results; such speculation would be a waste of time if the basic facts of the Norman Conquest of England were not already agreed upon. Yet it is fundamentals of precisely this order that have not so far been established for early West African history. It might have been thought that the list of the Kings of Ashanti in the XVIIIth century was by now "fixed", and constituted the type of information upon which the historian might with confidence build. It appears from recent research, however, that not only are the reign-dates of known *Asantehenes* in some cases inaccurate, but that an *Asantehene* — until now completely unheard of — ought to appear in the dynastic lists between Osei Tutu and Opoku Ware [2].

A second major disadvantage of the pre-nineteenth century sources is that they are almost entirely concerned with the periphery of West Africa rather than with its interior. For the medieval period we have a limited number of accounts in Arabic, written between the VIIIth and XVth centuries. Few of the authors of these works ever visited West Africa, and many of them produced encyclopaedic compilations based not on personal observation but on material collected at second-hand from undisclosed informants. Even those writers who did visit West Africa in no case penetrated south of the savanna. The descriptions they have left us, moreover, deliberately omit the sort of information which the modern historian of Africa requires. A well-known passage in Ibn Hawqal illustrates their attitude to the world

outside the Faith: "I have not described the country of the African blacks and the other peoples of the torrid zone; because naturally loving wisdom, ingenuity, religion, justice and regular government, how could I notice such people as these or magnify them by inserting an account of their countries?" [3]. The writer of this passage is not biased in the sense that he provides a distorted or prejudiced picture of the land of the Negroes; he fails to provide any account of it at all.

The Arabic sources are also unsatisfactory because, with the exception of Ibn Khaldun, the authors of them lacked a true historical sense [4]. Muslim writers on medieval Africa were imbued with a scholastic respect for authority and the written word. When they copied one another, they did so uncritically, and errors were repeated generation after generation. (The same stricture may, of course, be applied to chroniclers of medieval Christendom). Confronted with a contradiction in the descriptions of the past handed down to them, Arabic scholars in the Middle Ages did not balance one view against another and seek to resolve apparent conflicts by analysis. They usually dismissed the subject with the comment, "Allah alone knows the truth".

More serious is the fact that the Arabic sources of West African history were compiled at such great intervals of time from one another, and describe peoples and societies over so wide an area, they hardly ever overlap. Of the major authorities, Al-Yaqubi wrote in the IXth century, Al-Masudi and Ibn Hawqal in the Xth, Al-Bakri in the XIth, Idrisi in the XIIth, and Ibn Battuta, Al-Omari and Ibn Khaldun in the XIVth. The assertions of these writers cannot be compared or contrasted by the modern investigator because they are not mutually related. The King of Old Ghana, Idrisi tells us, had "a nugget of pure gold weighing thirty pounds" to which he could tether his horse [5]. No other contemporary writer mentions this and, to my knowledge, no writer of any period denies it. The report stands in isolation. In deciding whether to accept it as fact or reject it as fiction, we can only apply the test of inherent probability. In doing so we are making a subjective judgment, which is unscientific. The Arabic sources are priceless because we have practically no other written information on medieval West Africa, but the history we base on them can never be more than speculative. We may guess at the truth; we can rarely prove it.

Turning to the pre-nineteenth century European sources, we find that much the same strictures apply. European interest in West Africa, like Muslim, was peripheral only [6], and the hinterland was no more effectively penetrated from the sea to the south than it was across the desert to the north. Apart from abortive attempts by the Portuguese in the XVIth and by the French in the XVIIIth century, Europeans did not even try to extend their influence inland. This was partly because they had no need to; so long as the supply of slaves, their main commercial interest, was kept up, the traders on the coast saw no point in indulging in expensive and dangerous forays into the interior. The coastal chiefs, moreover, did not encourage penetration by foreigners since, if European trading posts and slave forts had been established inland, their profits as middlemen between slave supplier and slave buyer would have been destroyed. It is not suggested that Europeans knew nothing of events in the interior of West Africa before the XIXth century — merely that their knowledge was, at best, second-hand. And their coastal informants, if questioned about conditions up-country, sometimes had good reason to keep silent.

A further disadvantage of much of the early European material is that it was intended for a contemporary reading public. To get inside the minds

of dead men the historian needs access to the "working papers" of their times — to their love-letters, their household accounts, their private as well as their public correspondence, the comments they put in their diaries as well as the texts of their public pronouncements. Among the West African sources the historian looks in vain for chance documentary survivals from the past. To a considerable extent he has to rely on the published memoirs of traders, missionaries and travellers, and he often cannot tell whether or how much these were pruned by author or editor out of deference to public opinion. It is true that the domestic records of the trading companies do not suffer from this disadvantage, since they were obviously not intended to be made public. But the archives of foreign commercial concerns, however relevant to the history of Europeans in Africa, are of less value for purely African history. It is also true that many of the collections of West African materials in modern European archives have so far barely been examined, much less used, and that a wealth of information still remains to be extracted from them. Yet, despite these qualifications, the essential difficulty persists: the internal history of pre-literate societies cannot satisfactorily be derived from the published writings of foreigners alone.

II

This being so, how can further progress be made in the elucidation of early West African history? How can the admitted disadvantages of the written sources be overcome?

In the first place, the historian can learn much from the study of indigenous oral tradition, of the remembered heritage of the African past. There are still scholars who believe that oral tradition has no historical value whatever [7], and tradition uncorroborated is certainly a shaky foundation upon which to build a historical narrative. Yet it is possible to apply the canons of historical criticism to unwritten as well as to written sources [8], and if continuously checked against contemporary documents and carefully related to the present day circumstances of the society which gives it birth, oral tradition can be a valuable adjunct to historiography. An adjunct, but not a source; if tradition is allowed to become equated with history, error inevitably creeps in. It is not the function of oral tradition to preserve an accurate record of the past. Rather, it exists to provide a chapter or framework by which non-literate man can find his place in society [9], and this must always be borne in mind when it is used by historians.

Secondly, the historian can call to his aid the techniques of related disciplines and the results of research in fields other than his own. Archaeology, physical and cultural anthropology, linguistics, the study of art (particularly sculpture and wood-carving), and such newly developed specialities as ethno-botany, ethno-zoology and glotto-chronology can be used by the historian to fill in the gaps in his knowledge and to confirm or refute the hypotheses he has formulated by conventional historical research. Recent experience in Benin in Southern Nigeria suggests that inter-disciplinary co-operation works best if the various experts involved meet frequently to discuss and criticise one another's findings while each is in the process of developing his ideas [10]. It is clear that when the written legacy fails him the historian must seek assistance from those who can interpret the material legacy of the past.

Thirdly, it is possible to use such written records as we possess more selectively and more accurately than has been done hitherto. West African

historiography — and this applies to the work of Africans as well as Europeans — has always been markedly "Europocentric" in its approach. Because the bulk of the sources are European, West African historians have written from a European point of view, allowing themselves to be moulded by the materials available to them instead of the other way about. This fault will not be eradicated by Europeans handing over the writing of African history to Africans, nor by the substitution of "we" for "they" in historical narratives, nor by the forswearing of more or less pejorative terms like "the blacks" and "the natives". It is not simply a matter of changing the emphasis from the history of colonial policy to the history of indigenous peoples. What is needed is something more fundamental: a re-thinking of existing historical categories.

Historians of West Africa talk loosely, for example (as I have done already in this paper), of «medieval Africa», and «the medieval Sudan». Between what two ages does this supposed period of history lie? When does the «medieval period» in West Africa end? With the Moroccan invasion of 1590? A «Middle Age» ought logically to be followed by a «Modern Age». Was the Western Sudan more «modern» after the Battle of Tondibi than before? Did nation states develop following a decline of feudalism, or did a rising bourgeoisie achieve commercial dominance at the expense of a decaying aristocracy? The word «medieval», with its connotations of feudalism, chivalry, monasticism and market towns, has no relevance whatever to the Western Sudan.

Again, categories such as «the Seventeenth Century» and «the Eighteenth Century», when used in a West African context can be misleading. Terms like these may be only expedients and not concepts, but they are undeniably «laden with meaningful speculation» [11]. «Eighteenth Century Europe» may not have been an historical unity, but it possessed characteristics and distinguishing marks which separate it off from the Europe of other centuries. The periodisation of European history into centuries is therefore not merely a matter of convenience, a device designed to facilitate chronological reference. If that were so, it could be argued that the reckoning of time in hundred year lots from A. D. onwards was at least as suitable in West Africa as elsewhere. The trouble is that when a European historian uses the term «Eighteenth Century» he conjures up for his readers the world of the Enlightenment and the Ancien Régime, of Sir Robert Walpole, Catherine II and Frederick the Great, of Voltaire, Rousseau and Adam Smith. This world has no connection with West Africa. To use a phrase like «Eighteenth Century West Africa» suggests an identity during that century between Europe and West Africa which did not exist [12].

In addition to these temporal categories, some of the descriptive categories commonly in use need revision. The «King of Ashanti» has already been mentioned in this paper. To a European the word «king» means the ruler of a state who has ascended his throne by right of inheritance in the patrilineal line. In the European tradition, unless a king voluntarily abdicates, he cannot be removed from office except by revolution, that is, illegally. In Ashanti, however, succession to political office is handed down in the matrilineal, not the patrilineal, line. A chief is elected, and may be constitutionally destooled [13]. The ruler who is commonly referred to in books as the «King» of Ashanti, the *Asantehene* has never been the sovereign of a centralised state. He is the titular ruler of a loose confederacy [14]. It is therefore wrong to apply the title «king» to him. It is even more wrong, and confusing, to refer to an *Ohemmaa* as «Queen Mother» which is a European

term signifying an office with entirely different duties and responsibilities attaching to it from those of an *Ohemmaa* in Ashanti.

In these particular cases the solution may be to keep the original titles (*Asantehene*, *Ohemmaa*, etc.) untranslated. But there are numerous other descriptive terms — elder, family, village, town, church, inheritance, law, land tenure, caste, slave [15] — which have more or less exact meanings in their European context, but when transferred to Africa become inaccurate. The historian cannot use the African word in every case, for if he did so his text would be unintelligible to the general reader. This is more than a problem in semantics. The historical categories developed in Europe and for Europe over more than two thousand years cannot satisfactorily be transferred to the entirely different social and cultural circumstances of West Africa.

New categories can be determined only by thorough and systematic study of West African society. The would-be writer on the West African past must, in fact, be an anthropologist before he can be a historian. He must master the West African environment, free his mind of European preconceptions (and it is worth stressing again that this applies to African just as much as to non-African historians), and enlist to the full the aid of experts in allied disciplines. Not until then will he be able to write definitive West African history.

NOTES

[1] See the classification in Wilhelm Schmidt, *The culture historical method of ethnology*, New York, 1939, p. 89.

[2] M. A. Priestley and I. G. Wilks, *The Ashanti kings in the eighteenth century. A revised chronology*, «Journal of African History», I, 1 (May 1960).

[3] Cited in E. W. Bovill, *The golden trade of the Moors*, London, 1958, pp. 60—61.

[4] J. D. Fage, *Ancient Ghana: a review of the evidence*, «Transactions of the Historical Society of Ghana», III, 2 (1957), p. 84.

[5] Fage, *op. cit.*, p. 83.

[6] J. Vansina, *La deuxième conférence sur l'histoire et l'archéologie africaine (Londres, 16—18 juillet 1957)*, «Zaïre», XI, 8 (Octobre 1957), p. 866.

[7] Cf. G. P. Murdock, *Africa, its peoples and their culture history*, New York, 1959, p. 42.

[8] D. H. Jones (Ed.), *History and archaeology in Africa. Second conference*, London, 1959, p. 36.

[9] B. Malinowski, *Myth in primitive psychology*, London, 1926, p. 23 and passim.

[10] R. E. Bradbury, *Chronological problems in the study of Benin history*, «Journal of the Historical Society of Nigeria», I, 4 (December 1959), p. 263.

[11] J. Huisinga, *Verzamelde werken*, VII, p. 93.

[12] Cf. J. C. van Leur, *On the Eighteenth century as a category in Indonesian history* in «Indonesian trade and society», The Hague, 1955, pp. 268—289.

[13] K. A. Busia, *The position of the chief in the modern political system in Ashanti*, London, 1951, p. 21.

[14] R. S. Rattray, *Ashanti law and constitution*, Kumasi and London, reprinted 1956, p. 105.

[15] Cf. D. A. Olderogge, *Feudalism in the Western Sudan in the 16th—19th Centuries*, «African Abstracts», 10, 1, (January, 1959), p. 12.

15 августа, утреннее заседание
Председатель Текле Цадэк Мекурия (*Аддис-Абеба*)

CHARLES FRANTZ (*Chicago*): RACE, CULTURE, AND HISTORY IN SOUTHERN RHODESIA: AN INTERPRETIVE ESSAY

Historical interpretation has been approached with various techniques, procedures, and assumptions. Various theories have had currency in historiography which attribute paramount importance to a single factor; the

names of Ratzel, Huntington, Gobineau, Leslie White, and Marx call to mind those who have interpreted human behavior in this fashion. In contrast, I wish to argue that the history of Southern Rhodesia, like that of many, most, or all other societies, is the product of several factors which interact upon one another.

Four of these factors — culture, social structure, population, and ecology — appear to me to be the most significant ones that have both influenced and reflected the course of events in that area of South Central Africa.

I do not attempt here to reconstruct or speculate about cultural developments and population movements in prehistorical times. Nor do I examine the sporadic contacts between the indigenous people and the Arabs, Portuguese, and others before the present century. Rather, I am concerned with events only after 1890, when a "Pioneer Column" of Europeans moved from Bechuanaland and systematically began to settle north of the Limpopo River.

The territorial "occupation" of Southern Rhodesia was commercially motivated. Extravagant accounts about prospects for gold encouraged Cecil Rhodes both to seek further fortunes beyond the Witwatersrand and, perhaps strategically, to establish British hegemony from the Cape of Good Hope to the eastern shores of the Mediterranean. In 1889, Rhodes obtained an Imperial Charter for his British South Africa Company, but unlike elsewhere, the monopolistic Company did not engage directly in trade. However, in addition to its mining activities, the Company also was responsible for administering the new Colony.

Competition existed between the immigrant "Europeans" and the indigenous "Africans" for the control and exploitation of both land and labor, and warfare soon started. Although the hostilities were brief, the new immigrants gained an ascendancy which since then has been a striking feature of Southern Rhodesian society. In 1898, The Company's responsibilities were defined more clearly. An administration and judiciary were established to govern the ethnic groups which differed greatly in their values, beliefs, and customs — people who, in general, were dissimilar in their social and cultural development.

The institutions established by the B. S. A. Company under its Imperial Charter were modelled after those of Great Britain. Yet modifications were made in order to accommodate both (1) the wishes of Rhodes and the new immigrants and (2) the peculiarities of a culturally and racially diverse setting. A separate branch of government, the Native Affairs Department, was established to deal with the African population, insofar as it was necessary. This Department remained an integral part of the institutional structure both after Southern Rhodesia obtained Self-Governing status in 1923 and after it federated with Northern Rhodesia and Nyasaland in 1953, but it has become the target of more frequent and trenchant criticism than in the early decades of settlement.

With this sketchy background, let us turn now to the four significant factors in Southern Rhodesia's history.

1. *Demography.* Firstly, the numerical size of the European and African groups necessitated various patterns of behavior. In view of their small number, the Europeans initially had no alternative but to compromise with the Africans. The wars in the 1890's altered this type of accommodation, however, since political control passed entirely to the victors. Yet when the first census was taken in 1901, there still was only one European for each 45 Africans. Through heavy European immigration after the Second World War, the ratio now stands at approximately 1 to 12.

Naturally, the proportion of Europeans who were born in Southern Rhodesia gradually increased; today, about equal numbers have been born in the Colony, in the United Kingdom, and in the Union of South Africa. During the 1910's and 1920's, when the South African-born predominated, most of the Colony's legislation was passed in which separate rights and facilities were provided for Europeans and Africans. When the number of Europeans who had been born in the United Kingdom was greatest, fewer differentiating measures were enacted.

Women were virtually absent among the early settlers, but this was rectified relatively quickly. For this reason, among others, only a very small hybrid population was produced — a demographic factor which undoubtedly helped to simplify "race relations" in Southern Rhodesia, when contrasted with the Union of South Africa. On the other hand, Europeans selectively came into contact with African men more than with African women, since the women primarily remained on their "reserves" while the men worked in European homes and businesses. The African workers also tended to be younger than their European employers, and in general this fact was reflected in the Europeans' conceptions of their employees and the latter's way of life. Thus, differences in the age and sex composition of the two populations were important in Southern Rhodesia's history as well as the sheer difference in their numbers.

2. *Ecology.* A second influential factor upon history was the spatial distribution of the population, and its relationships to the natural resources. In the first decade of European settlement, some sections of the country were reserved solely for the occupation of either Europeans or Africans. The apportioning of land continued over the years until the entire Colony — both rural and urban areas — was demarcated. The present situation is that about 44% of the land is reserved for Africans, although they compose 92% of the total population of approximately 3 000 000.

Contacts between Europeans and Africans were thereby controlled, since a natural corollary of territorial segregation was the presence of separate schools, churches, residential and commercial areas, and so on.

As the European population expanded, they needed more laborers for their mines, farms, businesses, and homes. In fulfilling this demand, the Africans were redistributed widely throughout the Colony. However, in the urban centers, they could not acquire freehold title to the land on which they resided; only in recent years have a few Africans been able to obtain long-term leases on urban land and to buy the houses in which they reside. Yet the redistribution of the population has progressed so far that there are almost as many Africans (usually domestic servants) as Europeans who live in the so-called "European" residential areas of the cities and towns.

Territorial segregation increasingly became a part of the Europeans' policy toward Africans. It was, and still is, one of the keystones that regulates and restricts contact between members of the two cultural groups and encourages the growth of separate facilities, services, and institutions. Except for some economic activities, most of the social life of Europeans and Africans has been carried out separately from that of the other group.

3. *Social Structure.* These spatial arrangements of the population were, so to speak, the more visible parts of the social structure (or organization) of Southern Rhodesian society. The cultural and social differences that existed at the time of first contact gradually became sanctioned by law and custom. The Europeans invariably have had the greater social status because of their greater knowledge, skill, and power. Out of the early con-

quest situation and the existing social and cultural differences, a society developed in which Europeans and Africans had different rights, responsibilities, and status. Local governments were thoroughly segregated, as were the courts in which most civil law cases were heard. In territorial politics, high franchise qualifications effectively excluded the Africans from registering and voting. In addition, Africans were seldom consulted in national affairs until very recent times.

The division of labor was complementary to the structure of political control and responsibility. As a result of advantages obtained during the past centuries by their forefathers, only the Europeans were qualified to initiate, direct, and control capitalistic enterprises. Until after the Second World War, there were very few opportunities for Africans to obtain training or to fill highly skilled positions. The most typical relationship, that of master and servant, or employer and employee, was traditionally defined in "racial" terms.

Similar, but not identical, differences pervaded other parts of the social structure: in religious organizations, in family and kin groups, and in educational and recreational associations. The control or regulation of these affairs was largely determined by the wishes and values of the Europeans. Today, Southern Rhodesia is changing rapidly, partly due to internal developments, but also due to the continuing interest of the British Government, the pressures upon Southern Rhodesia from its two fellow members in the Federation of Rhodesia and Nyasaland, and the increasing focus of foreign opinion upon its internal affairs. A genuine but uneven decrease in the independence of the European and African social systems is occurring: most of all in economic and religious activities, less in politics and education, and virtually none in family life and private recreation. With these changes, the dominant position of Europeans in the total social structure of Southern Rhodesia is being increasingly questioned.

4. *Culture.* This brings us to the fourth of the major factors that have influenced the history of race relations in Southern Rhodesia: the cultural equipment of the immigrants. By "culture", in this context, I refer primarily to the ideas, meanings, and values contained in the European's way of life. I suggest that it was these values and ideas which, in large measure, sanctioned the territorial segregation of Europeans and Africans, the traditional social structure of the Colony, and some of the demographic features of the population.

The immigrants shared certain conceptions of justice and morality, and they had other ideas about the propriety of working, living, and playing with Africans. Although a few Europeans came to spread Christianity and "civilization", the majority aimed to establish and maintain a way of life with which they were familiar. This goal relegated "native development" to a secondary place. Europeans not only disliked the color of the indigenes' skin; they also condemned many African customs in regard to marriage, justice, ownership, and so on. The Europeans assumed that their own values, beliefs, and practices were superior to those of the Africans. And since most of the immigrants came from societies imbued with an idea of "progress", it was thought that Africans eventually would benefit from the civilizing influence of the newcomers. But for an undefined period — a period which most Europeans in Southern Rhodesia still wish to continue — it was thought to be necessary to protect European "standards" of health, morality, government, and "racial" purity. Like many peoples elsewhere, the Europeans generally believed that their cultural and social characteristics were biologically or "racially" determined. Thus, in a territory where disparate groups

would continue to live, segregation and a "dual organization" of society were broadly supported. Both the legal and non-legal differentiations mentioned earlier were the "natural" products of the contemporary scene in which the Europeans believed it was necessary to "preserve civilization" through elaborate mechanisms of control.

Not all Europeans shared these values, of course, even in the beginning. "Colonial" expansion generally has had its critics, and the all-pervasive segregation of Southern Rhodesia has had even more dissenters at various times. British parliamentary traditions, and some aspects of Christianity — such as the ideals of cooperation and brotherhood — were often severely tested in Southern Rhodesia. There has been frequent conflict between Europeans in the Colony and the British Government over policies toward the Africans.

With each successive year, both Southern Rhodesia's autonomy and the dominant status of its European citizens have been modified. The goals of "African nationalism", of justice, democratic government, brotherhood, and economic efficiency are all non-Rhodesian — even, perhaps, non-European. Yet collectively these widespread cultural values have affected the degree to which the future of the Colony may be determined primarily by its European population.

Although there has not been a complete consensus of values among Europeans, Southern Rhodesia's history has had considerable continuity, primarily, it seems, because of the strength with which traditional beliefs and attitudes have been held by the majority of them. A recent study of European attitudes about Africans, to be reported elsewhere*, shows that the European population is generally quite conservative and wishes to maintain most of the segregated way of life in Southern Rhodesia. Their greatest tolerance of potential changes is for the elimination of any practices whereby legal justice can be equated with race or culture. Europeans also tend to support any programs which will either improve the Africans' education and economic opportunities or increase the services and facilities in those areas that have been reserved for the exclusive occupation and use by Africans. Only a minority, however, wish to change the other laws and customs whereby Africans and Europeans are differentiated. European attitudes are progressively m o r e c o n s e r v a t i v e as the situations in which social contact might occur are of a m o r e p e r s o n a l o r i n t i m a t e nature, as in sharing common schools, hotels, clubs, cinemas, swimming baths, and lavatories.

Yet since the study was made, in 1959, the Government (both Southern Rhodesian and Federal Governments) has introduced a number of changes that were not desired by the Europeans. Restrictions upon Africans have been removed in such things as betting on horse races, using the same entrances to post offices, obtaining apprentice training, and belonging to "non-racial" trade unions. In no case has there been any strong overt antagonism against the Government for its decisions. The reason seems to be that the respect for law and authority, which is an intergal part of British culture, has been instrumental in sanctioning the actions of the Southern Rhodesian Government. Thus, it may be inferred that when the Government acts resolutely and in the name of the Crown, and when it does not face opposition from well-organized groups, it may take considerable initiative in determining the future history of Southern Rhodesia — the future of the social

* C. A. Rogers and C. Frantz, *Racial Themes in Southern Rhodesia* (in press).

relations between persons who still differ widely in their cultural and social characteristics.

One may conclude by acknowledging that all cultures probably contain contradictions. Also, the importance of particular beliefs, values, and practices may change over a period of time. It seems clear that Southern Rhodesia's history has been influenced not only by the shifting and varying values of its European inhabitants, but also by the culture of Africans within the country and by the culture of people living outside the territory.

However, although cultural factors play an extremely important role in determining Southern Rhodesia's history, the demographic, ecological, and structural influences likewise continue to be of great significance. To assert the primacy of any one of these, or other, determinants upon the relations between Africans and Europeans does not seem to increase our understanding of the complex historical record of Southern Rhodesia. Rather, the recognition of the interrelations between multiple factors or influences appears to provide a more comprehensive procedure for interpretation.

По докладу выступили Э. Сакс, Л. Д. Яблочков. Выступавшие отметили, что в Южной Родезии, как и в Южно-Африканском Союзе, проводится политика расовой дискриминации и сегрегации, лишь прикрываемая в Родезии лозунгом межрасового партнерства. Африканцы в Южной Родезии не считаются субъектами государственного права, а скорее объектами юридической деятельности европейцев.

J. SURET-CANALE (*Conakry*): LA POLITIQUE DES GRANDES CONCESSIONS ET AFRIQUE NOIRE SOUS DOMINATION FRANÇAISE

L'économie coloniale contemporaine des pays d'Afrique Noire sous domination française (*ex* A. O. F. et *ex* A. E. F.) présente des caractéristiques particulières qui sont bien connues: c'est une «économie de traite», c'est-à-dire que l'exploitation coloniale y est fondée, non sur l'exportation des capitaux en direction des secteurs productifs de l'économie, mais sur le commerce d'importation et d'exportation.

Par là, le système économique prolonge celui de l'époque antérieure (XVIIIe et XIXe siècle) où l'on pratiquait également la «traite», c'est-à-dire l'échange de pacotille européenne (tissus, quincaillerie, alcools, etc. . .) contre les marchandises locales (esclaves principalement jusqu'au XIXe siècle; puis produits de cueillette ou produits agricoles locaux).

L'élément nouveau, qui fait de ce commerce de traite un élément du système colonial impérialiste contemporain, c'est son caractère de monopole, appuyé sur la prise de possession politique des territoires par la France.

Toutefois, ce monopole va prendre des formes différentes suivant les régions intéressées.

Au Sénégal, des textes de 1896 et 1897 attestent «le commerce dans ce pays est entre les mains de trois ou quatre grandes maisons qui ont formé entre elles un syndicat, une manière de triplice, qui leur assure quoi qu'il arrive le monopole des produits» [1]. Il s'agit surtout de maisons bordelaises. Sur la côte de Guinée, c'est la déjà puissante «Compagnie Française de l'Afrique Occidentale» (marseillaise) et les Sociétés anglaises de Liverpool, qui dominent.

Il y a bien entendu entre ces grandes maisons des dissensions internes: mais elles s'entendent pour barrer l'entrée du marché à tout nouveau venu (et elles y réussiront, jusqu'à l'époque contemporaine).

En Afrique Equatoriale, la situation était nettement différente. Le commerce français n'avait pas acquis de positions importantes sur le littoral du Congo et du Gabon. Deux maisons anglaises, Hatton et Cokson, John Holt et Cie, «établies depuis longtemps sur le littoral congolais et monopolisant presque tout le commerce de traite»[2], jouaient le rôle principal.

En Afrique Occidentale (au moins au Sénégal-Soudan et en Guinée) des mesures douanières avaient permis de consolider le monopole en faveur des sociétés françaises. En Afrique Equatoriale, la plus grande partie du territoire appartenait au «Bassin conventionnel du Congo», où l'acte de Berlin du 21 Février 1885 avait interdit toute taxe douanière discriminatoire.

Dès 1891, un certain nombre d'affairistes parisiens liés aux intérêts coloniaux engagèrent une campagne pour la création en Afrique de grandes compagnies concessionnaires, disposant pour 99 ans, sur de vastes territoires, de véritables droits de souveraineté.

Delcassé, en 1896, concédait par décret deux grandes concessions de 30 ans au Congo (dont une à Daumas, successeur de la maison marseillaise Régis) et une en Côte d'Ivoire, au bénéfice de Verdier, commerçant et ancien résident de France à Assinie (cette dernière, de 5 millions d'hectares).

Il y eut protestation du Parlement, qui n'avait pas été consulté: mais il y eut aussi de vives résistances en Côte d'Ivoire. L'Administration locale (le Gouverneur Binger en tête), et surtout les maisons de commerce rivales, protestèrent avec vigueur.

Finalement les concessions furent annulées. Mais pendant que Verdier recevait «en compensation» 300 000 hectares en toute propriété et des indemnités en argent, une commission parlementaire inspirée par le Ministre des Colonies Guillain rédigeait un cahier de charges pour 40 sociétés (en tête desquelles figuraient les «victimes» de l'annulation des décrets de 1893) à qui furent accordées, de Mars à Juillet 1899, des concessions de 30 ans couvrant à peu près 70% de la surface du Congo Français (future A. E. F.).

Par contre, en A. O. F., l'opposition des sociétés de commerçe, au nom de leurs «droits acquis» fit obstacle à l'extension de ce régime.

Au nom de la Compagnie Française de l'Afrique Occidentale, son directeur F. Bohn faisait valoir que «tandis que la commerce du Congo était absolument nul [3], celui des colonies dont nous parlons (d'Afrique Occidentale) s'est élevé en 1898, à 62 millions pour la Côte d'Ivoire, à 18 millions pour le Dahomey, soit un total de 108 millions (non compris l'ex-colonie du Soudan qui, faute de documents précis, ne figure pas dans les chiffres qui précèdent)» [4].

Au nom de quoi, il rejetait le principe des grandes concessions en Afrique Occidentale où elles auraient lésé les intérêts des sociétés de commerce déjà installées.

Au Congo, les sociétés (dont plusieurs étaient dirigées en sous-main par le colonel Thys, homme à tout faire du roi Léopold II) s'inspiraient ouvertement des méthodes qui avaient valu des dividendes alléchants aux sociétés du Congo belge.

Dès 1900, l'opinion européenne était alertée sur les méthodes particulières des agents de Léopold, qui furent imitées au Congo français et conduisirent à de tels scandales qu'une commission d'enquête, dirigée par Brazza, fut envoyée en mission sur place en 1905.

Les sociétés anglaises qui exerçaient au Congo depuis 1884, furent poursuivies et frappées d'amendes sur plainte des compagnies concessionnaires pour «activité illégale». Une campagne s'ouvrit en Angleterre contre le régime congolais.

Dans le cadre de l'«Entente Cordiale» de 1904, un accord fut conclu: les poursuites judiciaires contre les compagnies anglaises furent annulées et elles reçurent une indemnité de 2 millions et demi, plus de 30 000 hectares de concessions.

Ainsi s'établirent en Afrique Noire sous domination française deux systèmes d'exploitation, présentant des caractéristiques communes (procédés rudimentaires de la traite, investissements insignifiants) mais des différences dans les modalités d'application.

D'un côté (A. O. F.), la traite règne sous les auspices de la «liberté du commerce» et du monopole de fait des grandes sociétés commerciales. L'exploitation du paysan se fait par l'intermédiaire du marché, même si son activité est «stimulée» par l'impôt (pour le payer, il faut vendre et se procurer de l'argent) ou par les cultures forcées imposées par l'Administration (chaque canton étant «taxé» et contraint de livrer au commerce des quantités déterminées de produits, aux prix fixés par l'Administration). Les plantations européennes, limitées géographiquement aux pays forestiers, ne connaitront aucune extension appréciable.

De l'autre côté (Congo français, dénommé A. E. F. en 1908), la traite s'exerce par le canal des grandes compagnies, disposant de monopoles de droit, et considérant les hommes et le produit de leur travail comme leur propriété. L'apparence du commerce libre fit place ici à la spoliation pure et simple: en témoigne le déséquilibre entre importations et exportations (les premières, beaucoup moins importantes, représentant d'ailleurs essentiellement le matériel et les marchandises importées pour la consommation des Européens).

Même après la suppression des concessions, l'esprit du système demeure en A. E. F. (par exemple dans le monopole d'achat, par région, concédé en Oubangui aux compagnies cotonnières) et se révéla encore plus néfaste et oppressif que celui utilisé en A. O. F.

NOTES

[1] Picrochole, *Le Sénégal Drôlatique*, Paris, Paul Dupont, 1896, p. 8—9. Le même auteur précise que les moyennes maisons reçoivent leur part des produits de traite, *à condition de respecter le prix d'achat fixé par les «grands»*.

[2] F. Rouget, *L'expansion coloniale au Congo français*, Paris, Larose, 1906, p. 664.

[3] Il était en réalité, en 1898, de 10,5 millions de francs (importations et exportations).

[4] F. Bohn, *Rapport à M. Cotelle, Conseiller d'État, Président de la Comission des concessions coloniales*, Marseille, 1900, p. 5.

По докладу выступил П. Буато, приведший аналогии из области колониальных способов ведения хозяйства на Мадагаскаре.

Л. Н. ПРИБЫТКОВСКИЙ (*Москва*): К ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ ТРУДЯЩИХСЯ МАСС НИГЕРИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В обширной литературе о второй мировой войне немало места уделяется проблемам, связанным с участием в ней африканских колоний, в том числе и крупнейшей из них — Нигерии. Многие исследователи, в частности английские (Бауэр, Прест и др.) в той или иной форме признают, что положение трудящихся масс Нигерии, и прежде всего рабочих и крестьян, в годы второй мировой войны, в целом, значительно ухудшилось. Вместе с тем нельзя пройти мимо того факта, что в некоторых официальных документах и публикациях английского правительства периода

войны, а также послевоенных лет, содержатся утверждения, что в годы войны условия жизни африканцев улучшились. Так, например, в обзоре экономического состояния стран Британской Восточной Африки, опубликованном в январе 1945 г. департаментом заморской торговли Великобритании, говорилось, что по сравнению с лицами азиатского происхождения и европейцами, африканцы извлекли наибольшие выгоды из условий военного времени, ибо крестьяне располагали постоянно расширяющимся рынком, а рабочие всегда были обеспечены работой, ввиду предпринимавшихся усилий по увеличению производства [1].

В отчёте Министерства колоний Великобритании за 1939—1947 гг. указывалось, что в годы войны проводились мероприятия, направленные на улучшение условий жизни африканцев. В отчёте подчеркивается благотворное влияние на экономику колоний правительственных закупок и установления твердых цен на продукты экспорта [2]. В свете такого рода высказываний исследование вопроса о положении трудящихся масс Нигерии в годы войны несомненно представляет интерес.

В настоящем сообщении мы постараемся на основе преимущественно официальных данных показать как и в каких размерах колониальная эксплуатация Нигерии в годы второй мировой войны привела к ухудшению условий жизни трудящихся масс страны. К сожалению скудость источников лишает нас возможности осветить многие важные стороны этой проблемы. Поэтому в задачу исследования входит выяснение лишь следующих моментов:

а) выявление основных методов и путей извлечения из Нигерии материальных ресурсов и ориентировочный подсчёт размеров «чистых потерь» Нигерии;

б) анализ условий торговли и изменения покупательной способности крестьян — производителей экспортных культур (на примере какао);

в) выявление тенденций движения реальной заработной платы нигерийских рабочих и соотношения между заработной платой и прожиточным минимумом;

* * *

Выкачка национального дохода из Нигерии осуществлялась различными путями. Одним из них являлось постоянное превышение экспорта над импортом, создававшее материальную основу для вывоза сырьевых и продовольственных товаров без какого-либо эквивалента. Достаточно сказать, что превышение экспорта над импортом составило за годы войны около 27 млн. фунтов стерлингов (см. таблицу 1).

Не менее важное значение имело неблагоприятное для Нигерии изменение «условий торговли», то есть установление такого соотношения экспортных и импортных цен, в результате которого за одно и то же количество экспортируемых товаров страна могла покупать все меньше традиционных предметов импорта.

Известно, что и до войны торговля Нигерии с промышленно развитыми капиталистическими странами осуществлялась на основе неэквивалентного обмена [3]. Однако в годы войны «ножницы цен» на экспортируемые из Нигерии и импортируемые в Нигерию товары значительно расширились, и за счёт этого Англия сумела вывезти из Нигерии безвозмездно дополнительное количество товаров, причем формально на основе «равноправной» торговли.

Согласно произведенному нами расчёту, в годы войны значительно сократилась покупательная способность экспорта в отношении импорта

(условия торговли $\frac{\text{индекс экспортных цен}}{\text{индекс импортных цен}}$), составив в 1940—45 гг. в среднем лишь 74,5% от уровня 1939 г. Используя сведения о стоимости экспорта в годы войны, а также данные о покупательной способности экспорта в отношении импорта, легко можно подсчитать сумму потерь понесенных Нигерией в результате ухудшения ее условий торговли. Так, за 1940—45 гг. эти потери составили 32,9 млн. фунтов стерлингов. При этом следует иметь ввиду, что данная цифра сильно преуменьшена в силу двух обстоятельств; во-первых, использованные нами первичные данные основаны на экспортных и импортных ценах, которые намного выше закупочных цен, фактически получаемых крестьянами; во-вторых, нами было взято за основу соотношение экспортных и импортных цен в 1939 г. Между тем и в этом году внешняя торговля Нигерии осуществлялась на основе неэквивалентного обмена, и все наши последующие расчёты учитывают лишь дальнейшее расширение уже существовавших раньше «ножниц цен».

Третьим важнейшим методом эксплуатации Нигерии являлся вывоз товаров «в долг», на основе которого происходило накопление так называемых «стерлинговых авуаров». В результате этого слаборазвитая Нигерия, национальный доход которой в расчёте на душу населения был во много раз ниже чем в Англии, превратилась в вынужденного кредитора последней, то есть осуществлялся весьма своеобразный принцип «пусть бедный помогает богатому».

Мы не располагаем точными данными о сумме стерлинговой задолженности Англии непосредственно Нигерии. Но известно, что к июню 1945 г. стерлинговые авуары всех западноафриканских колоний (Гамбия, Золотой Берег, Нигерия, Сьерра-Леоне) составляли 91 млн. фунтов стерлингов; не будет преувеличением предположить, что бо́льшая часть этой суммы падала на Нигерию как крупнейшую африканскую колонию Англии [4]. Следовательно, если даже мы допустим, что на долю Нигерии приходилось лишь 50% от всех стерлинговых счетов западноафриканских колоний, то и в этом случае стерлинговые авуары Нигерии составят не менее 45,5 млн. фунтов стерлингов. Не говоря уже о том, что оплата этих счетов, в той мере, в какой она вообще производилась, осуществлялась на основе цен, значительно выросших после окончания войны, накопление стерлинговых авуаров в Лондоне в годы войны было неразрывно связано с ростом выпуска бумажных денег в Нигерии, то есть с инфляцией, весьма болезненно отразившейся на положении самых широких слоев населения колонии. Достаточно сказать, что за период с 1939 по 1945 гг. количество бумажных денег, находящихся в обращении, увеличилось более, чем в 9 раз [5].

Помимо указанных выше способов выкачки материальных богатств из Нигерии (превышение экспорта над импортом, расширение «ножниц цен», стерлинговые авуары) следует иметь в виду и такой важный источник «чистых потерь» Нигерии как перевод прибылей иностранных компаний, действующих в Нигерии, в Англию. О размере этих прибылей можно судить по цифрам, относящимся к более позднему периоду. Так, в 1950—52 гг. ежегодная сумма прибылей, переводимых в метрополию, составляла 6,5 млн. фунтов стерлингов [6].

Если исходить из отчёта официальной комиссии по определению и контролю за прожиточным минимумом в Нигерии, в котором указывалось, что годовой доход «обычной» нигерийской семьи не превышает 15 фунтов стерлингов [7], а также учесть, что в Нигерии насчитывалось около 4—5 млн. семей, то можно считать, что сумма совокупных потерь Нигерии зна-

чительно превышала годовой доход всего трудящегося населения Нигерии. Вполне очевидно, что потеря такой огромной суммы неизбежно должна была самым губительным образом отразиться на положении нигерийских рабочих и крестьян.

Как известно, многие нигерийские крестьяне заняты возделыванием экспортных культур (какао, земляной орех, продукты масличной пальмы) и в силу этого в значительной степени зависят от импорта продуктов питания.

Между тем, в годы войны резко сократился ввоз продовольственных и промышленных товаров. По официальным данным в 1940—1945 гг. импорт консервированной рыбы составил 11%, сушеной рыбы 2%, риса 8%, сахара 26%, папирос 60%, резиновой обуви 14%, хлопчатобумажной пряжи 48%, хлопчатобумажных изделий в среднем 78% от объема ввоза всех этих товаров в 1934—1939 гг.[8].

Сокращение импорта сопровождалось сильным ростом цен на ввозимые товары, тогда как закупочные цены на основные сельскохозяйственные культуры, экспортируемые Нигерией, оставались крайне низкими. Так, в меморандуме профсоюза печатников, который был представлен указанной выше комиссии по определению жизненного уровня нигерийцев, отмечалось, что в период с 1939 до 1945 гг. хлопчатобумажные ткани вздорожали в 8—9 раз, обувь в 5—6 раз, головные уборы в 3—5 раз, плащи почти в 10 раз[9].

Произведенные нами на основании официальных данных расчеты свидетельствуют о том, что в годы войны имело место катастрофическое падение покупательной способности крестьян — производителей какао как абсолютно, так и по отношению к продуктам импорта. (См. таблицу 3). Эти расчёты показывают, что в годы войны экспортная цена какао не только не увеличивалась, но и оставалась ниже среднего уровня цен в 1934—1939 гг. Значительная часть экспортной цены доставалась не непосредственным производителям — крестьянам, а многочисленным посредникам, и в первую очередь крупным английским экспортным фирмам.

Точных данных о действительной доле крестьян в экспортной цене какао нет. Однако некоторое представление о соотношении доли крестьян и различного рода посредников дают сведения об экспортной и так называемой закупочной цене, хотя часть и этой последней попадала нередко в руки скупщиков, агентов и т. д. В годы войны удельный вес закупочной цены по отношению к экспортной цене обнаружил ярко выраженную тенденцию к уменьшению. Иначе говоря, если до войны крестьянин получал $^4/_5$ экспортной цены, то в 1944 г. на его долю приходилось не более $^3/_5$. В условиях уменьшения экспортных цен, такое снижение «доли крестьянина» означало резкое ухудшение условий его жизни.

Однако и эти данные еще не дают исчерпывающего представления о фактической сумме всех потерь крестьян. Ведь в то самое время, когда экспортные, а еще в большей степени, закупочные цены какао снижались, непрерывно повышались цены на все импортные товары. К 1944 г. индекс экспортных цен на какао уменьшился на 6% по сравнению с уровнем 1934—1939 гг., индекс закупочных цен на 24%, тогда как общий индекс импортных цен увеличился в 2,4 раза. В результате этого покупательная способность крестьян, возделывающих какао, в пересчёте на импортируемые товары сократилась примерно в 3,2 раза по сравнению с довоенной. Это означало, что в 1944 г. крестьянин, чтобы купить 1 ярд хлопчатобумажной ткани, литр керосина или пару обуви, должен был продавать в три с лишним раза больше какао, чем до войны. А между тем в годы

войны экспорт какао не только не возрос, но наоборот сократился с 93 тыс. т. в 1934—1939 г. г. до 80 тыс. т. в 1941—1944 гг.[10].

В результате нигерийские крестьяне были вынуждены в несколько раз сократить покупки тканей, обуви, топлива, а также ввозимых из-за границы продуктов питания (сахар, рис, сушеная рыба и т. д.) [11].

* * *

Имевшее место расширение производства и увеличение занятости отнюдь не улучшило условий жизни рабочих. Напротив, безудержный рост цен на все потребительские товары самым пагубным образом отразился и на рабочих, положение которых и до войны было очень тяжелым.

«Если говорить правду, то следует признать, что даже в мирное время зарплата нигерийцев была низкой по любым нормам. Война лишь ухудшила положение», — указывалось в меморандуме наиболее крупной профсоюзной организации — Верховного Совета нигерийских рабочих [12].

Для того, чтобы выяснить положение рабочих, необходимо проанализировать движение номинальной заработной платы — с одной стороны, и изменение стоимости жизни (прожиточного минимума) — с другой стороны. К сожалению, насколько нам известно, до сих пор официальные данные о средней заработной плате рабочих и служащих Нигерии в довоенный период не публиковались, поэтому мы лишены возможности сопоставить соответствующие цифры за 1939 и 1944—1945 годы [13]. Однако можно с полной определенностью говорить об изменениях заработной платы в военные годы. Таким образом, будучи лишены возможности сопоставить абсолютные цифры заработной платы, мы тем не менее можем оперировать относительными данными об ее изменении.

Известно, что с 1939 г. и до 1942 г. номинальная заработная плата рабочих вообще не увеличивалась. Согласно официальной шкале заработной платы большинство нигерийских рабочих получало в 1942 г. 1,5—2 фунта стерлинга в месяц [14]. Между тем цены на основные продукты питания увеличились за этот период по различным районам следующим образом (в процентах к 1939 г.): на ямс на 29—100%, просо на 82%, рис — 115—243%, пальмовое масло 113—163%, мясо на 50—100% и т. д.[15].

Приведенные цифры показывают, что с 1939 по 1942 г. имело место значительное снижение реальной заработной платы.

В 1942 г. в связи с резко усилившимся недовольством рабочих Нигерии против роста цен и нищенской зарплаты, колониальные власти впервые были вынуждены назначить комиссию по определению прожиточного минимума и принять решение о введении надбавки на дороговизну в среднем в размере 50% к основной ставке большинства рабочих и служащих. Однако эта надбавка не могла полностью компенсировать продолжающийся рост цен. После ее введения, в период 1942—1945 гг., заработная плата рабочих и служащих не изменилась. Однако именно в эти годы происходил особенно быстрый рост цен на товары первой необходимости. Так, например, мешок ямса стал стоить в этот период в 5 раз дороже, мешок пшеницы — более чем вдвое, рис — в 2,4 раза, бобы — вдвое, пальмовое масло — более чем в 2 раза, масло земляного ореха — более чем в 2 раза, рыба — в 2 раза, сахар на 71% дороже. Самые дешевые ткани вздорожали на 40%, парусиновая обувь на 70%, мыло на 67% и т. д. Всего по официальным данным цены возросли в 1942—1945 г. г. на 75% [16].

В годы войны резко возросла также квартирная плата. В упоминавшемся уже меморандуме Верховного Совета нигерийских рабочих говорилось:

«Комната, за которую до войны платили 5—7 шиллингов, теперь стоит 25—30 шиллингов. Нигерийский рабочий, максимальная зарплата которого составляет 2 фунта 12 шиллингов в месяц (в Лагосе), счастлив, если ему удается снять полуразрушенную комнату в 10 *кв. м.* для себя, жены и двух детей за 12 шиллингов 6 пенсов в месяц. Таким образом на все остальное ему остается менее 2 фунтов стерлингов» [17].

Приведенные нами данные свидетельствуют о том, что за годы войны цены на основные продукты питания и промышленные товары возросли более чем в два раза. Однако эти относительные величины еще не дают полного представления об абсолютном уровне реальной заработной платы, поэтому необходимо сопоставить номинальную зарплату и прожиточный минимум.

С учетом надбавки на дороговизну нигерийский рабочий зарабатывал в среднем около 35 фунтов стерлингов в год. Что же касается прожиточного минимума, то созданная в 1942 г. специальная комиссия по изучению этого вопроса установила его в размере 5 фунтов 4 шиллингов в месяц (62 фунта 8 шиллингов в год) для семьи состоящей из трех человек. При этом на питание, включая напитки и табак, отводилось 2 фунта 10 шиллингов в месяц, или 20 пенсов в день. Для того, чтобы представить себе величину этой суммы, приведем цены 1945 г. на некоторые продукты питания и промышленные товары: фунт сушеной рыбы стоил 12 пенсов, фунт сахара 12 пенсов, кусок мыла 15 пенсов, коробка спичек 19 пенсов и т. д.[18]. Как уже отмечалось, с 1942 до 1945 г. цены на продовольственные товары возросли на 75% [19]. Это означало, что в 1945 г. рабочий должен был потратить на приобретение скудного продовольственного рациона, включенного в прожиточный минимум, не менее 52,5 фунтов стерлингов. Следовательно, заработная плата рабочего к концу войны не обеспечивала даже мало-мальски сносного питания, а если учесть, что около половины ее уходило на выплату налогов, квартирную плату, транспортные и другие расходы, нельзя не признать резкого падения жизненного уровня подавляющего большинства рабочих и мелких служащих Нигерии.

Таким образом приведенные нами расчеты показывают, что в годы войны имело место катастрофическое падение реальной зарплаты рабочих и служащих, а также покупательной способности нигерийских крестьян.

Таковы объективные факты, характеризующие действительное положение трудящихся Нигерии в годы второй мировой войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *British East Africa. Review of commercial conditions*, London, 1945, p. 17.

[2] *The Colonial Empire (1939—1947)*. Presented by the Secretary of State for the Colonies to Parliament by Command of His Majesty, July 1947, London 1947, pp. 6, 10, 11.

[3] По данным П. Т. Бауэра покупательная способность четырех основных экспортных сельскохозяйственных продуктов Нигерии (какао, арахис, пальмовые ядра и пальмовое масло) по отношению к импортным хлопчатобумажным тканям составляла в 1938 г. в среднем 56% от уровня 1935—1937 гг.; см. P. T. Bauer, *West African Trade*, Cambridge, 1954, p. 422—423.

[4] A. R. Prest, *War economics in primary producing countries*, London, 1948, p. 252.

[5] *Digest of Statistics*, Lagos, 1958, vol. 7, N 4, p. 22.

[6] *Digest of Statistics*, Lagos, 1959, N 3, p. 95.

[7] *Enquiry into the cost of living and the control of the cost of living in the Colony and Protectorate of Nigeria*, London, 1946, p. 5.

[8] *Op. cit.* p. 31.

[9] *Op. cit.* p. 113.

[10] Исчислено по: A. R. Prest, *op. cit.*, p. 241.

[11] Общее повышение стоимости импорта (см. табл. I) объяснялось резким увеличением ввоза нефти, смазочных масел и других материалов необходимых для содержания находившихся в Нигерии войск.

[12] *Enquiry into the cost of living*, p. 2.

[13] По данным журнала «Кроун колонист», средняя заработная плата нигерийских рабочих составляла в 1938 г. около 11 пенсов в день. См «Crown Colonist», London, 1944, July, p. 471.

[14] *Enquiry into the cost of living*, pp. 77, 111; A. R. Prest, op. cit., p. 249.

[15] Высчитано по *Enquiry into the cost of living*, p. 123—124.

[16] *Op. cit* p. 98.

[17] *Op. cit* p. 59.

[18] *Op. cit* p. 59.

[19] *Op. cit.* pp. 98, 107.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Импорт и экспорт в Нигерии в годы войны (в млн. ф. ст.)

Годы	Экспорт	Импорт	Превышение экспорта над импортом
1939	10,3	6,8	3,5
1940	11,4	7,5	3,9
1941	13,6	6,5	7,1
1942	14,3	10,5	3,8
1943	15,0	12,4	3,6
1944	17,1	15,8	1,3
1945	18,0	13,5	4,5
Всего:	99,7	73,0	26,7

Источник: The Economic Development of Nigeria, Baltimore, 1955, p. 666.

Таблица 2

Условия торговли и чистые потери Нигерии в результате расширения «ножниц цен» в ее внешней торговле

Годы	Индекс импортных цен	Индекс экспортных цен	Покупательная способность экспорта в отношении импорта	Стоимость экспорта в млн. ф. ст.	Чистые потери Нигерии в результате расширения «ножниц цен»
1939	100	100	100	—	—
1940	134	116	87	11,4	1,7
1941	146	113	77	13,6	4,1
1942	166	123	74	14,3	5,0
1943	222	138	62	15,0	9,2
1944	242	163	67	17,1	8,4
1945	223	180	80	18,0	4,5

Таблица составлена по: A. R. Prest, *op. cit*, p. 259. P. T. Bauer, *op. cit*, p. 421. Покупательная способность экспорта в отношении импорта высчитана нами для всех последующих лет после 1939 г., причем в качестве исходных данных принято соотношение цен в 1939 г. Далее мы рассчитываем на этой основе, какое количество экспорта (в стоимостном выражении) было бы необходимо для приобретения такого же количества импорта как в 1939 г., если бы соотношение импортных и экспортных цен осталось неизменным. Разница между этими цифрами и действительной стоимостью экспорта и составляет величину прямых потерь Нигерии в результате расширения «ножниц цен».

Таблица 3

Покупательная стоимость какао по отношению к продуктам импорта

Годы	Экспортная цена за 1 тонну, шил.	Закупочная цена за 1 тонну, шил.	Закупочная цена в % к экспортной цене	Индекс экспортных цен	Индекс закупочных цен	Общий индекс	Индекс покупательной способности экспортной цены какао в отношении импорта	Индекс покупательной способности закупочной цены какао в отношении импорта
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1934—1939 в средн.	425	330	78	100	100	100	100	100
1941	336	300	71	79	90	146	54	62
1942	347	360	61	82	80	166	49	48
1943	354	260	61	83	80	122	47	36
1944	397	250	60	94	76	242	39	31

Все данные в графах 2—6 и 8—9 вычислены нами. При составлении таблицы использованы сведения о закупочных ценах, приведенные в указ. соч. П. Т. Бауэра (стр. 397) и в журнале «Crown Colonist» (январь 1940 и апрель 1944), а также сведения о стоимости экспорта, приведенные в указ. соч. А. Р. Преста (стр. 241).

HARTMUT SCHILLING (*Berlin*): ZUR ROLLE UND SPEZIFISCHEN BEDEUTUNG DES STAATSKAPITALISMUS IN DER REPUBLIK GHANA

Mit der Beseitigung des Kolonialstatus und der Erringung der staatlichen Selbständigkeit der afrikanischen Völker im Kampf gegen die Fremdherrschaft — ein Prozeß der sich in unseren Tagen in immer schnellerem Tempo vollzieht — tritt die antikoloniale, nationale Bewegung in eine neue Etappe ihrer Entwicklung ein, die sie vor zum Teil völlig neue Aufgaben stellt. Eine der wichtigsten Aufgaben, die sich ergibt, nachdem die ehemaligen Kolonien ihre staatliche Souveränität erlangt haben, ist die Organisierung des wirtschaftlichen Aufbaus des neuen Staates, die Überwindung der aus der Kolonialperiode herrührenden ökonomischen Rückständigkeit und die Schaffung einer solchen Struktur der Volkswirtschaft, die die absolute Abhängigkeit dieser Länder von den entwickelten Industrieländern beseitigt. Mit anderen Worten: Die afrikanischen Völker sehen sich vor die Aufgabe gestellt, durch die Erringung auch der ökonomischen Unabhängigkeit ihre neu gewonnene staatliche Souveränität zu stabilisieren und zu sichern.

Zu den hervorstehendsten Instrumenten der wirtschaftlichen Entwicklung der jungen Staaten Afrikas gehört zweifellos die staatliche Einflußnahme auf die Wirtschaft, gehören staatliche Regulierungs- und Lenkungsmaßnahmen bei der nationalen Industrialisierung und im wirtschaftlichen Leben überhaupt, die Organisierung eines staatlichen Sektors in der Industrie, im Verkehrswesen, im Außenhandel usw., kurz: in den Mittelpunkt der ökonomischen Aufbauarbeit in Afrika rückt die Tätigkeit und Aktivität des Staates.

Allerdings ist die ökonomische Funktion des Staates in den befreiten Ländern Afrikas weder gleichzusetzen mit der ökonomischen Funktion des Staates in den sozialistischen Ländern, in denen der Staat einen anderen Klasseninhalt besitzt und seine ökonomische Tätigkeit sich auf der Basis völlig anderer gesellschaftlicher Verhältnisse vollzieht, als das heute in Afrika der Fall ist, noch ist sie gleichzusetzen mit der ökonomischen Akti-

vität des Staates in den Ländern Westeuropas und der USA, die wir auf Grund ihrer grundsätzlichen Unterordnung unter die Interessen der bestimmenden Wirtschaftskräfte dieser Länder, der kapitalistischen Monopole, als staatsmonopolistischen Kapitalismus bezeichnen. Vielmehr erwächst die ökonomische Rolle des Staates im befreiten Afrika auf dem Boden der antikolonialen Befreiungsbewegung und dient der Durchsetzung ihrer Ziele. Ausgehend vom Charakter der jungen Staaten Afrikas und den sich in ihnen entwickelnden gesellschaftlichen Verhältnissen handelt es sich also bei der staatlichen Tätigkeit im Wirtschaftsleben des befreiten Afrika um Staatskapitalismus, bei den sich mit dieser Tätigkeit entwickelnden Formen um staatskapitalistische Formen, zu deren konkreter Spezifik in der Republik Ghana wir uns hier einige Bemerkungen gestatten.

Wenn wir dabei besonders die progressive Tendenz des Staatskapitalismus in seinen konkreten Formen als Staatskapitalismus eines von der Kolonialherrschaft befreiten Landes betonen, so übersehen wir keineswegs seine Grenzen und seine historische Beschränktheit, die den ihm immanenten Widerspruch konstituieren[1]. Der Staatskapitalismus in den jungen afrikanischen Staaten ist deshalb historisch progressiv, weil er sich objektiv gegen den Imperialismus richtet, gegen die Einflußnahme des Auslandskapitals auf die nationale Wirtschaft und die ökonomischen Wurzeln des ausländischen Einflusses, der auch nach der Beseitigung des Kolonialstatus noch gegeben ist, untergräbt. Er ist historisch progressiv, weil er, — sich selbst auf der Basis des relativ niedrigen ökonomischen Niveaus der betreffenden Länder entwickelnd — die Überwindung der kolonialen Rückständigkeit dieser Länder beschleunigt und den Fortschritt zur ökonomischen Unabhängigkeit in verschiedener Hinsicht begünstigt. Seine Grenzen ergeben sich daraus, daß er sich unter den Bedingungen der Beibehaltung privatkapitalistischen Eigentums an Produktionsmitteln und der Machtausübung der Klasse der nationalen Bourgeoisie entfaltet. Dadurch spiegelt er, wie die Tatsachen bereits zeigen, den zwiespältigen Charakter dieser Klasse wider, die einerseits in Verfolgung ihrer eigenen ökonomischen Interessen die gesamtnationalen Interessen gegenüber dem Neokolonialismus unter bestimmten Bedingungen und bis zu einem gewissen Grade vertritt, andererseits aber auf Grund ihrer Klassenstellung auf die Dauer nicht in der Lage ist, die soziale Befreiung der Massen des Volkes zu verwirklichen.

Obwohl der Widerspruch in den Tendenzen des Staatskapitalismus also einmal die Möglichkeit einschließt, daß der Staatskapitalismus zur ökonomishhen Grundlage eines reaktionären Regimes werden kann, zum anderen seine Perspektive von uns keineswegs als völlig identisch mit der Perspektive der vollen Unabhängigkeit der afrikanischen Länder betrachtet wird, überwiegt unter den gegenwärtigen Bedingungen des entfalteten antikolonialistischen Kampfes in Afrika sein progressiver antiimperialistischer Charakter, der von allen an Afrikas voller Unabhängigkeit Interessierten und mit der Befreiung Afrikas Sympathisierenden unterstützt wird, während bestimmte Kreise in den westeuropäischen Ländern, z. B. in Westdeutschland, ihn scharf bekämpfen — ein Faktum, über das im Folgenden noch konkret zu sprechen sein wird.

Die aktive Rolle des ghanesischen Staatsapparates im Wirtschaftsleben und bei den Bemühungen um die Erringung der ökonomischen Unabhängigkeit Ghanas steht im wesentlichen im Zusammenhang mit den Anstrengungen zur nationalen Industrialisierung des Landes. Die nationale Industrialisierung ist gegenwärtig die zentrale Aufgabe in der ökonomischen Emanzipationspolitik der jungen Republik. Ihren Ausdruck findet diese Konzentra-

tion auf die Industrialisierung Ghanas in den verschiedenen staatlichen Entwicklungsprogrammen, deren bedeutendste der gegenwärtig laufende «*Second Development Plan 1959 — 1964*» und daß mit diesem allgemeinen Plan verbundene Sonderprogramm zur Realisierung des Voltariverprojekts darstellen.

Der «*Second Development Plan*» weist eine eindeutige Tendenz zur schnellen Entwicklung der verarbeitenden Industrie auf, was u. a. durch die starke Anteilsvergrößerung und die hohe Steigerungsrate der für die Industrie vorgesehenen Ausgaben im Vergleich zu den vorausgegangenen Programmen sichtbar wird. In bezug auf das Voltariverprojekt erübrigt sich jede Bemerkung über seinen Zusammenhang mit der Industrialisierungsorientierten Wirtschaftspolitik in Ghana, denn die sich aus einer Realisierung ergebende Schaffung einer ausgedehnten Energiebasis sowie der daran geknüpfte Aufbau eines vertikal kompletten Industriezweigs, der Aluminiumindustrie, sprechen — neben allen anderen Wirkungen auf verkehrsökonomischem und landwirtschaftlichem Gebiet — für sich. Die Tatsache der Existenz solcher staatlichen Entwicklungsprogramme, ihr Ausmaß hinsichtlich ihrer dominierenden Stellung im wirtschaftlichen Entwicklungsprozeß Ghanas und ihr Charakter als konzentrierter Ausdruck der Fortführung der antikolonialen Befreiungsbewegung auf ökonomischem Gebiet unter den gegenwärtigen Bedingungen können wir als erste und vielleicht augenfälligste Erscheinungsform des Staatskapitalismus in Ghana qualifizieren.

Aber auf diese staatlichen Entwicklungsprogramme reduziert sich der Staatskapitalismus in Ghana nicht, sie zeugen auch nicht von seiner Spezifik. Das trifft ebenfalls zu auf einen anderen Komplex ökonomischer Maßnahmen des Staates, die sich aus der Durchführung der erwähnten Programme im weitesten Sinne ergeben.

Die Republik Ghana ist bei ihrem nationalen Wirtschaftsaufbau und speziell bei der schnellen Durchführung der Industrialisierung wie alle anderen von der Kolonialherrschaft befreiten Staaten unter den gegebenen Bedingungen auf die vor allem technische und finanzielle Unterstützung des Auslands angewiesen. Der schnelle Übergang zur modernen Großproduktion auf industrieller Grundlage, der aus den verschiedensten Gründen für diese jungen Staaten eine unumgängliche Notwendigkeit ist, erfordert die Inanspruchnahme bestimmter Leistungen der bereits entwickelten Industrieländer. Soweit es sich in diesem Zusammenhang um die Aktivität von Kräften aus solchen Ländern handelt, deren ökonomisches und politisches System sich von dem System nicht unterscheidet, das den Kolonialismus und die Kolonialherrschaft hervorgebracht hat, gebieten die nationalen Interessen der diese Leistungen in Anspruch nehmenden Länder und ihr Sicherheitsbedürfnis gegenüber neokolonialistischen Ambitionen bestimmte staatliche Maßnahmen, die die möglichen Gefahren auf wirtschaftlichem Gebiet, die sich aus der Tätigkeit des Auslandskapitals ergeben, auf ein Minimum reduzieren.

In der Republik Ghana gruppieren sich um diesen Komplex der Stimulierung ausländischer Unterstützung auf ökonomischem Gebiet und ausländischer Kapitalinvestitionen bei gleichzeitiger Sicherung der nationalen Belange in der wirtschaftlichen Entwicklung eine Reihe von Formen des Staatskapitalismus.

Um das Auslandskapital zur Investierung in Ghana anzureizen, wurden neben weitreichenden politischen Garantien[2] für die Sicherung der Kapitalanlagen bestimmte Maßnahmen des Staates auf ökonomischem Gebiet

getroffen, wie Steuervergünstigungen, Importliberalisierungen und die Erhebung bestimmter Produktionszweige zu sogenannten «Pionierindustrien», letzteres verbunden mit weiteren Steuervergünstigungen und unter dem Aspekt durchgeführt, gleichzeitig eine gewisse Lenkung der Privatinvestitionen in die vom staatlichen Entwicklungsprogramm vorgezeichneten Schwerpunkte zu erreichen [3]. In Gestalt des staatlichen «*Investment Promotion Board*» hat die ghanesische Regierung ein Lenkungs-, Koordinierungs- und Beratungsorgan für insbesondere ausländische Investoren geschaffen, das als institutioneller Ausdruck der aktiven Einwirkung des Staates auf die Tätigkeit des Auslandskapitals in Ghana anzusehen ist.

Wesentlich ausgeprägter sind die Formen des Staatskapitalismus in Ghana im Hinblick auf die Wahrung des nationalen Interesses im Zusammenhang mit der Aktivität ausländischer Investoren. Neben zustätzlichen fiskalischen Belastungen für den Transfers von Profiten und der Verknüpfung jeder Betriebsneugründung in Ghana mit bestimmten im nationalen Interesse liegenden Auflagen und Bedingungen [4] ist von großer Bedeutung die staatliche Begrenzung der für das Privatkapital zulässigen Investitionssphäre [5].

Die Industrie wurde staatlicherseits im bezug auf die Investitionsmöglichkeiten in drei Kategorien eingeteilt. Die erste Kategorie, die ausnahmslos dem Staat vorbehalten ist und in der nur der Staat investieren darf, umfaßt: das Eisenbahntransportwesen, die Elektrizitätserzeugung, die Wasserversorgung, die (zukünftige) Atomenergieerzeugung, die Rüstungsindustrie, Telegrafie und Fernmeldewesen, Rundfunk und Kakaoexport. Damit sind für afrikanische Verhältnisse wesentliche wirtschaftliche Kommandohöhen in den Händen des Staates konzentriert. Bei einer zweiten, wesentlich geringfügigeren Kategorie ist eine staatliche Beteiligung obligatorisch. Die dritte Kategorie umfaßt alle übrigen Industrie- bzw. Wirtschaftszweige. Für sie ist eine Beteiligung des Staates an den Investitionen nicht Pflicht, aber sie wird in vielen Fällen von den investierenden Privatunternehmen gewünscht und ist unter diesen Umständen zu einem weiteren Förderungs- und Lenkungsinstrument geworden. Sie hat sich in der Praxis der nationalen Industrialisierung Ghanas nahezu zur Regel entwickelt und kaum ein bedeutender Betrieb ist in den letzten Jahren in Ghana ohne staatliche Beteiligung, gewöhnlich zwischen 20% und 40%, erreichtet worden. Zum speziellen Zweck der Durchführung der staatlichen Investitionen und Beteiligungen wurde von der ghanesischen Regierung die «*Industrial Development Corporation*» gegründet. Diese staatliche Investitionsgesellschaft wurde mit einem Eigenkapital von 8 Mill. £. gh. ausgestattet und ihre Funktion besteht, außer in der Verwaltung staatlicher Betriebe, in der Prüfung privater Investitionsvorhaben und der Durchsetzung der Planvorhaben über die Realisierung der finanziellen Beteiligung des Staates. Im Prinzip die gleichen Aufgaben erfüllen auf dem landwirtschaftlichen Sektor die staatliche «*Ghana Agricultural Development Corporation*», auf dem Gebiet des Wohnungsbaus die «*Ghana Housing Corporation*» und zur speziellen Entwicklung des Industriezentrums und Hafens Tema die «*Tema Development Corporation*». Die Regierung verfolgt diese Beteiligungspolitik und die Schaffung gemischt-staatlich-privater Betriebe mit dem Ziel, ihre «beschränkten Mittel am wirkungsvollsten einzusetzen, um möglichst vielen neuen Betrieben zum Start zu verhelfen und das erfahrene Unternehmertum in die Betriebe zu ziehen, an denen der Staat beteiligt ist» [6].

Durch die ausschließliche Investierung von staatlichen Mitteln in bestimmten Wirtschaftsbereichen entsteht ein staatlicher Sektor in der

Volkswirtschaft, der in Verbindung mit der Schaffung gemischt-staatlich-privater Betriebe und der damit erfolgenden Ausdehnung des staatlichen Eigentums sowie in Verbindung mit den Mechanismen und Institutionen der staatlichen Beteiligungspolitik eine wesentliche Grundlage des Staatskapitalismus in Ghana darstellt.

Die Spezifik des ghanesischen Staatskapitalismus ist jedoch durch eine andere Form gegeben, die sich im Außenhandel bzw. überhaupt in der Zirkulationssphäre entwickelt hat.

Die Wirtschaftsstruktur der Republik Ghana ist bekanntlich charakterisiert durch das Überwiegen der Kakaomonokultur sowie die Gewinnung und den Export von tropischen Hölzern und einigen Arten mineralischer Rohstoffe. Wir finden daher in der Exportstruktur des Landes folgendes für die Kolonialwirtschaft bezeichende Bild:

Exportstruktur Ghanas [7]

(in % des Gesamtexports)

	1956	1957	1958
Kakao	59,0	55,9	60,0
Holz	10,9	10,9	10,6
Gold	8,6	10,8	10,2
Diamanten	9,1	9,9	8,3
Manganerz	8,1	9,9	8,3
Übriges	4,3	2,6	2,6
	100,0	100,0	100,0

Daraus kann man bereits die Schlußfolgerung ziehen, das der Kakaoexport für die gesamte Ökonomik Ghanas von überragender Bedeutung ist. Das wird dadurch unterstrichen, daß rund die Hälfte der Bevölkerung Ghanas von der Kakaowirtschaft ökonomisch abhängig ist. Schließlich zeugt eine Untersuchung des Einnahmenteils des ghanesichen Staatshaushalts ebenfalls von der außerordentlichen Bedeutung des Kakaoexports für Ghanas wirtschaftliche Gesamtenwicklung. Die auffälligste Erscheinung im ghanesischen Staatshaushalt ist der hohe Anteil der Einkünfte aus dem Kakaoexport an den Gesamteinnahmen (in Form der Kakaoabgabe), ein Anteil der im Durchschnitt bei etwa 40% liegt[8] — neuere, allerdings inoffizielle Quellen [9] nennen sogar 50—70% — der aber schwankt zwischen 60,3% im Jahre 1954 (Weltmarktpreis für Kakao — 566 £ pro *t*) und 28% 1957 (Weltmarktpreis im Februar — 168 £ pro *t*) und offensichtlich die Bewegung der Gesamteinnahmen bestimmt. Der Kakaoexport stellt auch die Hauptakkumulationsquelle von Mitteln für die Finanzierung der nationalen Industrialisierung in Ghana dar, was u. a. daraus zu ersehen ist, daß die Bewegung der Zuweisungen zum Entwicklungsfonds aus dem Staatshaushalt konform geht mit der Bewegung der Kakaoabgabe und beide auch annähernd den gleichen Umfang haben [10].

Alles das deutet wie gesagt auf die besondere Abhängigkeit der ghanesischen Wirtschaftsentwicklung vom Kakaoexport hin, was selbstverständlich große Gefahren einschließt, die allgemein durch die Konjunkturschwankungen des Weltmarkts, im besonderen in jüngster Zeit aber durch die absehbar diskriminierenden Wirkungen der EWG, in der Westdeutschland auf Grund verschiedener Umstände eine führende Rolle spielt, begründet werden [11].

Diese Tatsachen machen uns die spezifische Bedeutung einer staatskapitalistischen Organisationsform klar, mit der die ghanesische Regierung ihnen in Gestalt des «*Ghana Cocoa Marketing Board*» Rechnung getragen hat.

Das «*Cocoa Marketing Board*» ist in seiner Form und in seinem Mechanismus kein Novum in der ghanesischen Wirtschaft. Es ist als staatsmonopolistisches Instrument der Kolonialmacht bereits während des zweiten Weltkriegs entstanden, und zwar unmittelbar gefördert durch den Umstand, daß der Export von Agrarrohstoffen aus den afrikanischen Kolonien den damit beschäftigten großen Privatunternehmen angesichts der Kriegsbedingungen zu riskant wurde, ihre Profite in Gefahr gerieten, große Verluste durch Kriegseinwirkungen sich abzeichneten und die Kolonialmacht so zum direkten Eingreifen veranlaßt wurde. Bereits 1938 hatte ein Untersuchungsausschuß die Bildung eines solchen *Marketing Boards* vorgeschlagen, als die westafrikanischen Kakaobauern Versuche der Kakaoexportfirmen, durch kartellmäßige Festsetzung von sehr niedrigen Preisen ihre Profite zu sichern, mit einem Streik beantworteten, keinen Kakao mehr verkauften und auch keine Importerzeugnisse mehr kauften. Das so während des Krieges gebildete «*West African Produce Control Board*», dessen Aufgabenbereich sich auf verschiedene Agrarerzeugnisse und alle englischen Kolonien in Westafrika erstreckte, wurde nach dem Kriege aufgelöst und durch «*Marketing Boards*» in den einzelnen Kolonien ersetzt. So entstand das «*Gold Coast Cocoa Marketing Board*», und obwohl es in der entsprechenden Verfügung der englichen Regierung aus dem Jahr 1946 hieß, daß das «*Board* als Beauftrager der Produzenten wirkt und sein Überschuß in erster Linie dazu dienen sollte, ein Maximum an Preisstabilität zu erzielen» [12], waren seine Praktiken derart, daß die Bauern sich zu Recht betrogen fühlten. Ohne hier auf die Kolonialpraxis des *Boards* näher einzugehen, sei darauf verwiesen, daß den Kakaobauern 1954 vom *Board* 134 £ pro *t* als Aufkaufpreis gezahlt wurde, während das *Board* seinerseits auf dem Weltmarkt 560 £ pro *t* realisierte.

Mit der Beseitigung des Kolonialstatus in Ghana begann ein Prozeß der Umwandlung des «*Cocoa Marketing Board*» aus einem staatsmonopolistischen Instrument der Kolonialmacht in ein Instrument der staatlich organisierten antikolonialen Bewegung. Es handelt sich dabei um einen anhaltenden Prozeß der inneren Mutation des kolonialen Wesens dieses *Boards* in ein nationales. Davon ist der Mechanismus des *Boards* aber im wesentlichen nicht berührt worden.

Das «*Ghana Cocoa Marketing Board*», dessen 7-köpfiger Vorstand vom ghanesischen Wirtschaftsministerium eingesetzt wird, realisiert das staatliche Exportmonopol für Kakao. Es organisiert über von ihm lizenzierte staatliche, genossenschaftliche und zum erheblichen Teil auch private ausländische Gesellschaften den Aufkauf der Kakaoernte von den bäuerlichen Produzenten zu festen Preisen und setzt sie über seinen noch in London befindlichen Apparat (die «*Ghana Cocoa Marketing Corporation Ltd.*») ab. Zu den bedeutendsten Aufkäufern zählen die «*United Africa Company*» — eine Tochtergesellschaft des Unileverkonzerns — und die «*Ghana Farmers' Marketing Association*», eine 1957 vom ghanesischen Bauernbund mit staatlicher Kapitalbeteiligung gegründete Gesellschaft. Der vom GCMB erzielte Verkaufsüberschuß dient als Reserve für die Stützung der Aufkaufspreise bei Weltmarktpreisschwankungen, ein weiterer Teil wird zu fixen Sätzen als Kakaoabgabe an den Staatshaushalt abgeführt, während der Rest akkumuliert und in großem Umfang dem Staat in Form von Anleihen für die Finanzierung von Entwicklungsvorhaben zur Verfügung gestellt wird.

Auf diese Art und Weise wird einmal der staatliche Einfluß auf die

gegenwärtige Lebensader der ghanesischen Wirtschaft gesichert und zum anderen eine wichtige Akkumulationsquelle ständig unter Kontrolle gehalten. Diese spezifische Form des Staatskapitalismus ist ausserdem dem Umstand angepaßt, daß die Produktionsbasis des ghanesischen Hauptexportartikels enorm zersplittert ist, so daß eine staatliche Einflußnahme praktisch nur über die Zirkulationssphäre möglich ist. Der Kakaoanbau in Ghana ist bekanntlich durch folgende Bodenbesitzverhältnisse in etwa charakterisiert:

21%	aller	Kakaobauern	bewirtschaften	weniger als	1/2 *ha*
39%	»	»	»	»	1/2—2 *ha*
37%	»	»	»	»	2—4 *ha*
nur 3%		»	»	»	4—10 *ha.*

Wir sehen also, daß Exportabhängigkeit und Akkumulationsergiebigkeit auf der einen Seite, eine zersplitterte Produktionsbasis auf der anderen Seite die Spezifik dieser staatskapitalistischen Form begründen.

Es muß auch darauf hingewiesen werden, daß die nationalen Kräfte in Ghana ständig versuchen, die Rolle und Wirkung dieser Form des Staatskapitalismus zu erhöhen, wie z. B. durch die im Frühjahr 1959 von der größten Bauernorganisation Ghanas, dem mit der Regierungspartei (CPP) eng liierten "*United Ghana Farmers Council*", unternommenen Kampagne, deren Ziel der Entzug der Aufkauflizenzen fur die ausländischen Privatunternehmen war.

In diesem Zusammenhang offerierte der *Farmers Council* dem *Board* im Namen der Mehrheit der Bauern eine freiwillige Herabsetzung der Kakaoaufkaufpreise von 72 Shilling auf 60 Shilling *pro load*, um die finanziellen Mittel des Staates fur die Durchführung der nationalen Industrialisierung zu erweitern [13]. Gerade dieser Schritt ist ein wichtiger, indirekter Beweis dafür, wie das Wesen, der Charakter des "*Cocoa Marketing Board*" sich bereits gewandelt hat.

Das "*Ghana Cocoa Marketing Board*" ist zwar die wichtigste Institution des ghanesischen Staatskapitalismus in der Zirkulationssphäre, aber nicht die einzige. Gleichgeartet ist das "*Ghana Agricultural Produce Marketing Board*", daß das Ausführmonopol für einige andere wirtschaftliche Erzeugnisse besitzt, die aber nur 1% des Wertes des Gesamtexports ausmachen. Bis zu einem gewissen Grade ebenfalls unter diese Form muß man den in Accra eingerichteten unter staatlicher Kontrolle stehenden "Diamantenmarkt" zählen, über den alle in Ghana erzeugten Diamanten verkauft werden müssen. Das ist etwa $^1/_{10}$ der mengenmäßigen Weltproduktion, und ihre Bedeutung wird dadurch unterstrichen, daß Ghana der größte Außenseiter des internationalen Diamantensyndikats ist. Die staatliche Kontrolle des Diamantenexports bewirkt einmal angemessene Preise für die in der Mehrzahl afrikanischen Erzeuger, zum anderen sichert sie die Exportabgabe an den Staat, die 1958 immerhin 450 000 £ gh. betrug [14]. Mit der Einführung der staatlichen Marktkontrolle wird die Steigerung der staatlichen Einnahmen aus dem Diamantenexport um etwa 50% bewirkt [15]. Außerdem bedürfen alle Aufkäufer auf diesem Markt einer staatlichen Lizenz, deren Erwerb ihnen etwa 100 000 £ gh. kostet [16].

Besonders klar ist die Bedeutung des Staatskapitalismus im ghanesichen Außenhandel für die Entwicklung des Landes zur wirtschaftlichen Unabhängigkeit in den Auseinandersetzungen um die von der Regierung beabsichtigte Bildung eines «*Timber Marketing Board*» geworden.

Der Export von Holz hat einen Anteil von über 10% am ghanesischen Gesamtexport. Ghana ist nach Gabun der zweitgrößte Holzexporteur Afrikas. Trotz wachsender Nachfrage nach ghanesischen Hölzern auf dem Welt-

markt hat sich die Differenz zwischen dem mengenmäßigen Export und dem Marktwert dieses Exports ständig vergrößert, und zwar sehr zu ungunsten Ghanas. Wert- und mengenmäßigen Export von Rundholz 1951—100 gesetzt, ergibt sich für 1957 eine Indexzahl für die Exportmenge von 269, für den Marktwert des Exports von nur 169 [17]. In Ghanas Holzexport dominieren europäische Privatunternehmen. Die Regierung hatte bereits 1957 eine «*Ghana Timber Marketing Corporation*» gegründet, um die ghanesische Holzproduzenten zu unterstützen, sich aber nun entschlossen in Anlehnung an die guten Erfahrungen mit dem «*Cocoa Marketing Board*» für den Holzexport ebenfalls eine straffere staatskapitalistische Organisationsform zu wählen, die ab 15.10.1960 eingeführt wird, und zwar auf der Grundlage eines staatlichen Exportmonopols für zunächst nur eine Holzart, die allerdings 60% des Gesamtholzexports ausmacht [18]. Die geplante Maßnahme wird den privaten ausländischen Importgesellschaften den direkten Ankauf bei den unter im wesentlichen gleichen Bedingungen wie im Kakaosektor produzierenden Afrikanern und afrikanischen Genossenschaften unmöglich machen und die bisher weit verbreitete Praxis ausschließen, daß die europäischen Holzhandelsmonopole bei den Stammeshäuptlingen gegen geringe Gebühren Holzeinschlagskonzessionen fur 20—40 Jahre erwerben und unter Ausnutzung billigster afrikanischer Arbeitskräfte den Holzreichtum des Landes ausbeuten.

Interessant für den Neokolonialismus der Gegenwart ist die Reaktion der betroffenen europäischen Kreise auf eine dementsprechende Ankündigung der ghanesischen Regierung. Neben anderen europäischen Staaten intervenierte und protestierte z. B. der Botschafter Westdeutschlands in Accra im Auftrage des westdeutschen Auswärtigen Amts und des Wirtschaftsministeriums gegen die geplante Maßnahme [19] und selbst nach der Zurückweisung dieses Einspruchs durch die ghanesichen Behörden setzte der westdeutsche «Afrika-Verein Hamburg-Bremen» und der «Verein Deutscher Holzeinfuhrhäuser e. V.» seine Kampagne fort und erreichte, daß das projektierte «*Ghana Timber Marketing Board*» sogar zum Gegenstand von Handelsabkommenverhandlungen zwischen Westdeutschland und der Republik Ghana gemacht wurde [20]. Die betreffenden Kreise in Westdeutschland befürchten — nach ihren eigenen Worten [21] — ein Steigen der Preise für die begehrten ghanesischen Rundhölzer, die Abschöpfung der Gewinne aus dem Holzverkauf durch das *Board* sowie ihre Verwendung für den Entwicklungsfonds Ghanas, d. h. ihre Verwendung im Interesse der nationalen Industrialisierung.

Wir glauben mit Recht, daß dieses Beispiel deutlich die Rolle des Staatskapitalismus bei der Weiterentwicklung der antikolonialen Bewegung in Ghana demonstriert. Diese Annahme wird durch das Folgende noch erhärtet.

Der bekannte westdeutsche Publizist Dr. Markus Timmler schrieb 1956 über das «*Cocoa Marketing Board*» (d. h. zu einer Zeit, als es noch ein Instrument der Kolonialmacht war, was aber die Gegenwartbezogenheit der Timmlerschen Feststellungen nicht schmälert — wie aus dem Inhalt mit Sicherheit zu folgern ist), daß mit ihm zwei sehr weitreichende Gefahren gegeben seien [22]. Er sieht diese Gefahren darin, daß

«der mit den Praktiken in der Wirtschaft nicht vertraute Farmer niemals wirtschaftlich handeln und denken lernen wird, wenn er nicht gezwungen wird zu lernen, wie man für Produktion, Absatz und Finanzierung selbst einsteht. Daraus folgt zum anderen, daß die Bewohner solcher Staaten niemals politisch wirklich selbständig werden, wenn sie nicht auch unabhängig und selbständig zu wirtschaften wissen. Es wird also darauf ankommen, ... wieweit der Staat bereit ist, mehr und mehr auf seine Rolle

als wirtschaftlicher Vormund zu verzichten und die individuelle Verantwortung für das Risiko, aber auch für den Gewinn und für die Anlage des Gewinns zu wecken» [23].

Wir sind völlig anderer Meinung als Dr. Timmler und betrachten diese Meinungsverschiedenheit als den Ausdruck einer objektiv gegensätzlichen Einstellung zur Frage der vollen Unabhängigkeit Ghanas.

Für Ghana geht es — nicht etwa nur nach marxistischer Auffassung — darum, das Erbe der kolonialen Epoche zu überwinden und möglichst rasch seine ökonomische Unabhängigkeit zu erringen. Aber er stellt sich diese Aufgabe und löst sie unter inneren und äußeren Bedingungen, die eine Wiederholung des herkömmlichen kapitalistischen Weges der Entwicklung — wie ihn z. B. die westeuropäischen Länder gegangen sind — ausschließen. Hierbei wirken sehr viele Faktoren wie — um nur zwei zu nennen — die allgemeine Diskreditierung des privatkapitalistischen Prinzips bei den bisher unmittelbar kolonialunterdrückten Völkern und der Einfluß der Erfahrungen und Beispiele der sozialistischen Länder. Alles das bedingt die stärkere Rolle des Staates in der wirtschaftlichen Entwicklung. Hinzu kommt, daß in Ghana, wie in vielen anderen Ländern Afrikas, das nationale Privatkapital außerordentlich schwach ist, so daß ein konzentrierter staatlicher Einsatz der begrenzten Mittel erwiesenermaßen den größten Erfolg beim wirtschaftlichen Aufbau verspricht. Das Beispiel Ghanas zeigt, daß gerade die zunehmende ökonomische Aktivität des Staates und nicht ihre Einschränkung wie Dr. Timmler meint, geeignet ist, das Land auf dem Wege zur Stabilisierung seiner politischen Selbständigkeit und zur Erringung der ökonomischen Unabhängigkeit vorwärts zu bringen. Im Übrigen belehrt das Verhalten der Kakaobauern im neuen Ghana gegenüber dem «*Ghana Cocoa Marketing Board*», das ich oben erwähnte, Herrn Dr. Timmler sicherlich, daß sie sehr wohl verstehen zu «wirtschaften», wenn man unter «wirtschaften» nicht wie Timmler offensichtlich «wirtschaften nach dem in Westeuropa üblichen Prinzip» versteht, sondern wie Ghanas Kakaobauern die eigenen persönlichen Interessen in das gesamtnationale Interesse einschließt und unter diesem Aspekt wirtschaftlich handelt und denkt.

Die von mir erwähnten praktisch-politischen und ideologischen Widerstände [24] gegen den Staatskapitalismus in Ghana, die Tatsache ihres Vorhandenseins, mehr aber noch ihr Ursprung, verdeutlichen, daß es im Interesse aller progressiven und antikolonialistischen Kräfte Ghanas liegt, die antiimperialistische Wirksamkeit des ghanesischen Staatskapitalismus noch zu erhöhen, so wie es das Anliegen einer der Befreiungsbewegung der afrikanischen Völker eng verbundenen Afrikawissenschaft sein sollte, diese Erscheinung der neuesten afrikanischen Geschichte sorgfältig zu analysieren, ihre progressive Bedeutung und Rolle, wie ihre Grenzen zu untersuchen, um dem kämpfenden Afrika auf diesem Wege neue Möglichkeiten zur Erreichung seiner Ziele zu erschließen.

ANMERKUNGEN

[1] Vergl. O. Kuusinen u. a., *Grundlagen des Marxismus-Leninismus*, Dietz Verlag, Berlin, 1960, S. 481—485; *Politische Ökonomie*, Lehrbuch, Dietz Verlag, Berlin, 1959, S. 313—314.

[2] Entsprechende Sicherheiten gewährt z. B. die Verfassung der Republik Ghana, Vergl. § 14, Abs. 1, siehe auch: «Industriekurier», Düsseldorf, Nr. 122 vom 8.8.1959.

[3] Siehe: *Ghana Handbook of Commerce and Industry*, Published by the Ministry of Trade and Industries, Accra, 1958, S. 26—28.

[4] *Ghana Second Developmeni Plan 1959—1964*, Accra, 1959, S. 17.

[5] *Ebenda.*

[6] Siehe: Regierungserklärung des Ministerpräsidenten Dr. Nkrumah vom 16.7.1958 (in: *Ghana Second Development Plan*, Accra, 1959, S. 19 engl.) und vom 3.9.1958 (in: *Ghana Handbook of Commorce and Industry*, o. a. Beilage)

[7] *Chana Economic Survey 1958*, S. 15; *Chana Handbook*, Accra, 1957, S. 37.

[8] Berechnet nach: *Ghana Economie Survey 1957*, Appendix S. VI.

[9] Siehe: «Deutsche Außenwirtschaft», Köln, Nr. 37 vom 18.9.1959.

[10] Vergl.: *Ghana Economic Survey 1957*, Appendix S. VI.

[11] Vergl.: «Industriekurier», Düsseldorf, Nr. 31 vom 26.11.1959.

[12] Siehe: «Der Volkswirt», Frankfurt/Main, Nr. 30 vom 28.7.1956.

[13] Siehe: «The Times», London, Nr. 54 441 vom 22.4.1959.

[14] Siehe: «Neue Züricher Zeitung», Nr. 193 vom 16.7.1959.

[15] Siehe: «The Times», London, Nr. 54 474 vom 30.5.1959.

[16] Siehe: «Westfälische Rundschau», Dortmund, Nr. 232 vom 6.10.1957.

[17] Berechnet nach Angaben aus *Ghana Economic Survey 1957* o. A., S. 16—17.

[18] Vergl.: «Die Welt», Hamburg, Nr. 144 vom 23.6.1960.

[19] Vergl.: «VWD — Wirtschaftsspiegel», Frankfurt/Main, Nr. 259 vom 7.11.1959.

[20] Siehe: «VWD — Wirtschaftsspiegel», Frankfurt/Main, Nr. 23 vom 28.1.1960.

[21] Vergl.: «Handelsblatt», Düsseldorf, Nr. 148 vom 19.11.1959.

[22] Markus Timmler, *Vor- und Nachteil der Marketing Board* In: «Der Volkswirt», Frankfurt/Main, Nr. 30 vom 28.7.1956.

[23] *Ebenda.*

[24] Timmlers Auffassungen stellen in der westdeutschen Publizistik durchaus keinen Einzelfall dar. So wenden sich z. B. auch Dr. J. Zahn und W. Röke gegen den Staatskapitalismus in den Entwicklungsländern und fordern eine westliche «Hilfeleistung», die diese Tendenzen nicht begünstigt, d. h. eine «Hilfe», die nicht im Interesse der Empfängerländer liegt. Siehe: «Industriekurier», Düsseldorf, vom 30.1 1960; «Frankfurter Allgemeine Zeitung» vom 19.9.1959.

По докладу выступил Н. Халперн.

MARIO DE ANDRADE (*Angola*): LA LITTERATURE D'AFRIQUE

Текст доклада не представлен.

По докладу выступили М. Холдсворт, М. Херсковиц.

16 августа, утреннее заседание
Председатель К. Бюттнер (*Лейпциг*)

HORST KÜHNE (*Leipzig*): DER RASSISMUS IN DER KOLONIALPOLITIK DES DEUTSCHEN FASCHISMUS *

1. Der Rassismus nahm im Arsenal der Apologeten der Kolonialpolitik des deutschen Imperialismus stets einen hervorragenden Platz ein. Der «Argumente» eines Gobineau oder Chamberlain bedienten sich «seriöse» Wissenschaftler ebenso wie der berüchtigte Konquistador Carl Peters, um die Kolonialpolitik des deutschen Finanzkapitals zu rechtfertigen.

2. Über die Rassenpolitik Hitlerdeutschlands bestehen in bestimmten Kreisen der antikolonialen Befreiungsbewegungen unrichtige Vorstellungen, die die herrschenden Kreise Westdeutschlands für ihre neokolonialistische Politik ausnutzen. Vor allem unter einigen Vertretern der nationalen Bewegung in Indien und in den arabischen Ländern hatten sich während des zweiten Weltkrieges gefährliche Illusionen ausgebreitet; man hielt es für möglich, mit Hilfe Hitlerdeutschlands das Joch der englischen und französischen Kolonialherrschaft zu zerbrechen. Vom faschistischen deutschen Imperialismus hatten die Völker Asiens und Afrikas jedoch nur noch grausamere Unterdrückung zu erwarten. Der Faschismus ist auch auf kolonialem

* В отсутствие автора доклад прочел Х. Шиллинг.

Gebiet die barbarischste Herrschaftsform der Bourgeoisie. Dies wird nicht zuletzt durch die rassenpolitische Konzeption der nazistischen Kolonialpolitiker bewiesen.

3. Das Referat Übersee-Rassenprobleme im Rassenpolitischen Amt der NSDAP entwickelte im Mai 1940 «*Rassenpolitische Leitsätze zur deutschen Kolonialpolitik*», in denen die Methoden der künftigen deutschen Kolonialherrschaft in Asien und Afrika festgelegt wurden. Diese «*Rassenpolitischen Leitsätze. . .*» sind keineswegs bloße Theorie geblieben, wenngleich die deutschen Faschisten keine Gelegenheit fanden, sie in eigenen Überseekolonien zu praktizieren; voll und ganz auf ihrer Linie liegt die Apartheidspolitik der Südafrikanischen Union.

4. Die «rassentheoretische Begründung» der Kolonialherrschaft war darauf berechnet, den antagonistischen Gegensatz zwischen den imperialistischen Mächten und den für ihre Unabhängigkeit kämpfenden Völkern in einen Gegensatz zwischen den Rassen umzufälschen. Das Streben der deutschen Monopole nach kolonialen Extraprofiten erschien auf diese Weise als Verteidigung eines «biologisch begründeten Herrentums der nordischen Rasse». Diese Rassenhetze diente der chauvinistischen Vergiftung des deutschen Volkes; sie war ein Element der ideologischen Vorbereitung des zweiten Weltkrieges.

5. Das Ineinandergreifen von Rassenhetze und Antikommunismus unterstreicht, daß die Forderung der Rassentrennung ausschließlich der Sorge um die imperialistischen Machtpositionen entspringt (z. B. Spengler in *Jahre der Entscheidung*).

6. Mit dem Schlagwort von der «Solidarität der weißen Rasse» appellierten die deutschen Faschisten an die anderen imperialistischen Staaten, gemeinsam den Befreiungsbewegungen der unterdrückten Völker entgegenzutreten. (Z. B. Hitler in *Mein Kampf* über die «rassische Minderwertigkeit» der indischen und arabischen Freiheitskämpfer). Sie warfen den Westmächten vor, sie würden selbst die Machtgrundlage der «weißen Rasse» erschüttern, indem sie einen konsequenten Standpunkt in der Rassenfrage vermissen ließen. Hinter dem Gerede der faschistischen Kolonialpropagandisten von der «gelben und schwarzen Gefahr» verbargen sich jedoch die Weltherrschaftspläne Hitlerdeutschlands.

7. Die rassenpolitische Konzeption der faschistischen Kolonialpolitik stützte sich wesentlich auf Argumente von Wissenschaftlern, die die Position der Kolonialherren vertraten, was nicht ausschliesst, daß sie sich auf ihrem Spezialgebiet (z. B. in der Sprachwissenschaft) verdient gemacht haben. Daraus folgt die Notwendigkeit einer kritischen Sichtung und Verarbeitung aller Forschungsergebnisse der deutschen Afrikanistik. Vor den fortschrittlichen deutschen Afrikanisten steht die verantwortungsvolle Aufgabe, den Werktätigen endlich ein unverfälschtes Afrikabild zu vermitteln.

8. Auf dem Gebiet der Deutschen Demokratischen Republik wurden nach dem zweiten Weltkrieg die Machtgrundlagen des Imperialismus vernichtet. Darin besteht die Gewähr, daß es in diesem deutschen Staat keinen Nährboden für kolonialistische Theorien gibt.

По докладу выступили Э. Сакс, поддержавший положения доклада, П. Буато, отметивший, что лишь среди западногерманских ученых нашлись люди, высказавшиеся в поддержку расизма в ответах на анкету о расизме, разосланную ЮНЕСКО в 1951 г., и Х. Шиллинг, заверивший, что ученые ГДР готовы сделать все от них зависящее, чтобы фашизм не повторился.

Б. В АНДРИАНОВ (*Москва*): КАРТА НАРОДОВ АФРИКИ

Карта народов Африки, составленная сектором этнической статистики и картографии института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР, входит в серию этнических карт народов мира, начало которой было положено изданием в 1956 г. *Карты народов Индостана* [1]. Ее основное назначение — показать современное территориальное размещение народов африканского континента.

Защитники колониализма потратили немало усилий, чтобы доказать, что в Африке царит «этнический хаос» и необычайная этническая раздробленность; в связи с этим находится-де и отсталость коренного африканского населения. На этнических картах, опубликованных официальными учреждениями, этнический состав населения изображается как конгломерат ничем не связанных между собой племен [2]. На лингвистических картах выделяются многие сотни самостоятельных языков. Немецкий этнограф и лингвист Т. Тессман только в одном Камеруне выделил ареалы двухсот двадцати пяти языков [3]. Бельгийский лингвист Ван Бюльк насчитал в бывшем бельгийском Конго несколько тысяч различных диалектов языков банту [4].

На этнической карте *Народов черной Африки* [5], которая охватывает обширную территорию от Атлантического побережья до бассейна реки Конго, автор отказался от научной легенды и от группировки народов в соответствии с их этническим и лингвистическим родством. Границы народов и племен показаны на цветном фоне географических ландшафтов, что, видимо, должно подчеркнуть основную идею карты: зависимость жизни и степени национального развития африканских народов от природных условий. На листах миллионной этнической карты бывших французских владений в Африке (листы — *Дакар* и *Браззавиль*), выполненных точечным методом [6], большие африканские народности (мандинго, фанг и др.) расчленены на отдельные племена. Вследствие этого создается впечатление необычайной дробности этнического состава и крайней отсталости населения.

При выборе методов картографирования этнического состава Африки Институт этнографии АН СССР остановился на методе графического сочетания этнического состава и плотности населения [7], так как этот метод лучше всего помогает решению важной задачи — выявлению крупных образований и основных центров этнической консолидации. Такие центры выделяются не только размерами и компактностью этнических территорий, но и повышенной плотностью населения.

Каждой группе народов или отдельному народу в условных обозначениях присвоен определенный цвет. Плотность населения изображается графическими значками: пунктиром, линиями различной толщины и черной штриховкой для более высоких плотностей.

Для африканского континента характерны резкие контрасты плотности населения — от чрезвычайно низких (в Сахаре — менее 1 человека на 10 *кв. км.*) до очень высоких (в Египте в долине Нила средняя плотность превышает 700 человек на 1 *кв. км.*). Чтобы показать особенности территориального размещения народов, на карте выделено восемь ступеней плотности.

Районы с населением, смешанным по национальному составу, изображены условным знаком в виде небольших прямоугольников, расположенных в шахматном порядке и закрашенных в соответствующие цвета. Небольшие группы других национальностей показаны отдельными прямоугольниками.

Изображение плотности способствует выявлению характерных особенностей расселения многих африканских колониальных народов, размещенных в резервациях. Некоторые их этих резерваций (например, в Северной Родезии) отличаются очень низкой средней плотностью. Другие, напротив, перенаселены и выделяются в виде небольших островков с высокой плотностью населения среди обширных европейских владений (в Кении и Родезии).

Выявление контрастов плотности имеет большое значение для общей этнографической характеристики народов, так как плотность населения тесно связана с направлением хозяйственной деятельности и с так называемыми хозяйственно-культурными типами [8]. Хозяйственная деятельность, в свою очередь, влияет на особенности материальной культуры и быта народов. Карта народов Африки может оказать большую помощь при изучении этих исторических взаимосвязей.

Большинство африканских государств и колониальных владений не имеют правильно поставленной демографической статистики. Несмотря на чрезвычайное богатство специальной этнографической, лингвистической и географической литературы по Африке, вопросы этнической географии и статистики освещены в них, как правило, слабо. Из общего количества 57 стран только в 33 странах производились переписи африканского населения [9], в остальных население учитывалось администрацией только по косвенным данным (количество налогоплательщиков и т. п.), но лишь по очень немногим странам имеются достаточно подробные этно-статистические материалы. Подробные переписи населения были осуществлены в британских владениях Восточной, Южной Африки и Западного Судана (1946, 1948, 1952, 1957 и 1959 гг) [10]. В 1956 г. перепись населения была проведена в Республике Судан, но статистические данные об этническом составе опубликованы не полностью.

Среди мусульманского населения Северной Африки переписи проводились неоднократно, однако население там учитывалось лишь по религиозной принадлежности и подданству. В Южной Африке (Южно-Африканский Союз и португальские владения) этническая статистика заменена расовой и чаще всего публикуются лишь данные о численности «основных рас».

В подавляющем большинстве африканских стран, статистические данные о численности коренного африканского населения по административным районам и даже в целом по странам приводятся в официальных изданиях без учета национальной или племенной принадлежности. В виду отсутствия достоверных данных о численности многих африканских народов, африканисты вынуждены обращаться к лингвистической статистике. Так как в основе классификации африканских народов лежит лингвистический принцип, данные о численности и распространении языков и языковых групп имеют первостепенное значение. Но обобщающих работ, посвященных этим вопросам, чрезвычайно мало. Наибольшей известностью пользуется американский справочник по языкам Африки Мак-Дугалда. Он был опубликован в 1944 г., и сведения его в значительной степени устарели [11]. Автор приводит данные о языках без учета лингвистической группировки, что очень затрудняет их использование. Во многих случаях цифры увеличены за счет лиц пользующихся данным языком как вторым.

В послевоенные годы число лингвистических, этнографических и статистических исследований резко увеличилось. Особенно большую работу проделали сотрудники Международного африканского института и Фран-

цузского института «Черной Африки». Международным африканским институтом закончена публикация лингвистической серии, охватившей все африканские языки [12]. В многотомной этнографической серии этого института уже насчитывается около сорока названий.

Публикацию демографических ежегодников с уточненными демографическими данными по странам мира, в том числе и по африканским государствам и владениям, проводит Организация Объединенных наций.

Все это облегчило составление сводки численности африканских народов на середину 1958 г. путем сопоставления различных лингвистических, этно-статистических сведений с официальными данными о численности населения по отдельным государствам и мелким административным единицам. Данные о численности народов в пределах отдельных этнических территорий (границы которых были уточнены по картографическим источникам) и послужили базой для определения плотности населения в пределах микрорайонов с однородным этническим составом и наиболее характерной для данной местности однородной плотностью населения.

При составлении карты народов Африки наряду со статистическими данными были широко использованы литературные и картографические материалы. Значительную помощь в работе над всей картой и пояснительным текстом оказал обобщающий труд *Народы Африки* из этнографической серии «Народы Мира» Института этнографии АН СССР [13].

Африканское население состоит из многих наций, народностей и племен. Их современное размещение на территории Африки является результатом сложной этнической истории, о которой известно пока еще очень мало. Основные этапы ее связаны, во-первых, с многократными передвижениями в Тропической Африке с севера на юг и отчасти с юга на север коренных, преимущественно негроидных народов (наиболее значительным из этих передвижений было постепенное проникновение народов банту в Восточную и Южную Африку), во-вторых, с переселением (VII—XI вв.) в Северную Африку арабов из Азии и процессами арабизации местных берберояэычных народов, в-третьих, с европейской колонизацией (XIX—начало XX в.), которая сопровождалась империалистическим разделом территории Африки. После второй мировой войны, в условиях распада мировой колониальной системы, империалистические державы пытаются удержать свое господство применением новых методов и форм колониального закабаления, усилением экономического влияния на африканские страны. Однако мощный подъем освободительного движения привел к тому, что в последние годы добились независимости 27 стран. Теперь (в середине 1960 г.) независимые государства в Африке занимают 68,6% территории и 72% общей численности населения.

Народы Африки находятся на различных ступенях социально-экономического развития и на разных стадиях образования этнических общностей. Большинство из них еще не сложилось в нации. Это дает повод защитникам колониализма писать об «этническом хаосе», необычайной этнической раздробленности и отсталости коренного населения. Действительно, этническая карта Африки сложна, еще сохраняется в известной степени дробность языков.

Классификацию народов Африки принято строить по их языковой близости, однако общепринятой установившейся классификации языков Африки не существует. Прежде всего это связано с тем, что языки населения ряда областей Африки изучены недостаточно. В разных странах используются различные классификации. Так, во Франции распространена классификация, которая делит языки Африки на четыре основные группы:

семито-хамитскую; языки Судана и Гвинеи; банту; койсанскую [14]. Классификация носит преимущественно территориально-географический характер. Во время ее создания языки Африки еще были плохо изучены, и в классификации недостаточно учтена генетическая близость различных языков. Этими же недостатками страдает и немецкая классификация Д. Вестермана [15], где языки африканских народов группируются (в конечном счете по антропологическому признаку) в три группы: семито-хамитскую; группу языков негров; койсанскую.

Попытка создания генетической классификации африканских языков с привлечением новых материалов была предпринята в 1949—1950 гг. американским лингвистом Дж. Гринбергом [16].

В основе группировки народов на нашей карте принята классификация африканских языков Д. А. Ольдерогге, опубликования в томе *Народы Африки*. Был несколько изменен порядок перечисления семей и групп, а также дополнен список народов.

На *Карте народов Африки* показаны ареалы расселения двухсот африканских народов, часть которых в быту еще сохраняет деление на более мелкие этнические группы и племена. Однако идет интенсивный процесс слияния и смешения этих групп. За кажущейся пестротой этнических наименований часто уже скрываются складывающиеся крупные этнические общности [17]. Развитие капиталистических форм хозяйства, проникновение капитализма в колониальную деревню, широкое распространение высокотоварных плантационных культур, рост горнодобывающей промышленности и увеличение городского населения, сезонные передвижения больших масс рабочих в поисках заработка — все это сопровождается разрушением натурального хозяйства и связанных с ним первобытнообщинных и патриархально-феодальных порядков. Стираются племенные различия. Формируются общие литературные языки, складывается национальное самосознание. Объединяются в единое целое разрозненные прежде племена и народности.

Не только в Северной Африке, где большинство арабоязычных народов сформировались в многомиллионные нации и добились независимости (в ОАР, Ливии, Тунисе, Марокко, Судане), но и в Тропической и Южной Африке уже сложились крупные народности (мандинго, хауса, акан, йоруба, баганда, кикуйю, ваньямвези, балуба, басуто, зулусы, коса и др.) и намечаются контуры других больших этнических общностей. Так, на территории народов банту в Восточной тропической Африке языком суахили владеет как вторым языком около 30 млн. человек, и, по-видимому, начинает складываться большая восточно-африканская нация [18]. В бывшем бельгийском Конго широко распространены языки луба (2,3 млн. человек), конго (2,5 млн.) и монго (1,5 млн человек) [19]. В Южно-Африканском союзе — зулу, коса, суто и др.[20]. Слияние близкородственных племенных диалектов и формирование общих форм языка — важное звено в цепи исторического развития народов Африки.

Колониальный режим затормозил развитие национальной культуры народов Африки. Многие из народов оказались расчлененными на части между отдельными колониальными владениями, границы которых были установлены в ожесточенной борьбе между империалистическими державами без учета этнического состава населения. Так, мандинго, насчитывающие свыше 3 млн. человек, оказались расчлененными колониальными границами между Сенегалом, Мали, Берегом Слоновой Кости, Гамбией, Сьерра-Леоне, Португальской Гвинеей, Либерией и республикой Гвинеей.

Народы акан, составляющие большинство населения в Гане, кроме того живут на территории Берега Слоновой Кости. Народы моси разделены между Верхней Вольтой и Ганой, эве — между Того, Ганой и Дагомеей; йоруба между Нигерией и Дагомеей; хауса — между Нигерией и Нигером; тикар и бамилеке — между Западным и Восточным Камеруном; многомиллионные народы баньяруанда и барунди — между Руанда-Урунди и Конго и т. д. Несовпадение политических и этнических границ является серьезным препятствием на пути национального развития многих народов Африки, оно осложняет отношения между новыми освобождающимися от колониальных пут независимыми африканскими государствами, делает национальный вопрос злободневным и чрезвычайно острым.

В свете тех событий, которые на наших глазах развертываются на африканском континенте и свидетельствуют о пробуждении угнетенных колониальных народов, борющихся за свободу и национальную независимость против позорной системы колониализма и империализма, исследование этнического состава населения Африки, создание и публикация подробной этнической карты африканского континента является актуальным и своевременным.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В 1959 г. опубликованы карта народов Китая, МНР и Кореи и карта народов Индокитая; в 1961 г. вышли в свет карта народов Передней Азии, карта народов Африки и карта народов мира.

[2] См. например, опубликованную в 1956 г. в Нью-Йорке карту негритянских племен Африки (G. Hunter Bruce, *Tribal map* of *Negro Africa*, New York, 1956. Масштаб 1 : 10 000 000). На этой карте этнические границы отсутствуют, а «племена», число которых превышает тысячи, нанесены цифрами. Классификация народов заменена алфавитным списком.

[3] G. Tessmann, *Volksstämme Cameruns*, «Petermanns Mitteilungen», 1932, № 78, Tafel 4. Масштаб 1 : 2 000 000.

[4] G. Van Bulck, *Les recherches linguistiques au Congo Belge*, Bruxelles, 1948.

[5] M. G. C. Fraelich, *Carte des populations de l'Afrique Noire*, Paris, 1956. Масштаб 1 : 5 000 000.

[6] J. Richard-Molard, *Cartes ethno-demographiques de l'Afrique Occidentale*, JFAN (Dakar), 1952. Масштаб 1 : 1 000 000; M. Soret, *Carte ethnique de l'Afrique Equatoriale Française*. F. n. 1. Moyen Congo (Brazzaville), 1955. Масштаб 1 : 1 000 000.

[7] Б. Е. Терлецкий, *О новом методе этнического картографирования К вопросу о составлении «Этнической карты мира»*, «Советская этнография», 1953, № 1.

[8] М. Г. Левин и К. Н. Чебоксаров, *Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области*, «Советская этнография», 1955, № 4.

[9] Во всех бывших французских и бельгийских владениях переписи населения проводились лишь среди европейцев.

[10] В 1946 г. переписи были проведены в Южно-Африканском Союзе, Басутоленде, Бечуаналенде, Свазиленде и в Юго-Западной Африке. Данные об этническом составе населения опубликованы, см. *Union of South Africa. Population census*, vol. I. Geographical distribution of the population of the Union of South Africa, Pretoria, 1949; *Report of Government of South West Africa of the Year 1946*, New York, 1947. Переписью 1948 г. было охвачено население Кении, Уганды, Занзибара, Танганьики, Золотого Берега и Того; см. *African population of Kenya Colony and Protectorate. Geographical and tribal studies. (Source: «East African Population Census», 1948)*, Nairobi, 1950, Beprinted 1953; *African population of Uganda Protectorate. Geographical and tribal studies. (Source: «East African Population Census», 1948)*, Nairobi, 1950; *African population of Tanganyika Territory. (Source: «East African Population Census», 1948)*, Nairobi, 1950; *The Gold Coast census of population 1948. Report and tables*, London, 1950. — В 1952 г. перепись была проведена частично в Танганьике и в Нигерии (1952—1953); См. *Population census of Nigeria, 1952—1953*, Lagos, 1955. Переписи 1957 г. и 1959 г. охватили все население Танганьики и Уганды.

[11] D. J. McDougald, *The languages and press of Africa*, Philadelphia, 1944.

[12] *Handbook of African languages*. Part I: A. Basset, *La langue berbère*, Oxford, 1952; Part II: D. Westermann and M. A Bryan, *Languages of West Africa*, Oxford, 1952; Part III: A. N. Tucker and M. A. Bryan, *The non-Bantu languages of North-Eastern*

Africa. With a supplement on the non-Bantu languages of Southern Africa by E. O. J. Westphal, Oxford, 1956; Part IV: M. A. Bryan, *Bantu languages of Africa*, Oxford, 1959.

[13] *Народы Африки*. Под ред. Д. А. Ольдерогге и И. И. Потехина, Изд-во АН СССР, Москва, 1954.

[14] A. Meillet et M. Cohen, *Les langues du monde. Par un groupe de linguistes*, Paris, 1952.

[15] H. Baumann, R. Thurnwald und D. Westermann, *Völkerkunde von Afrika*, Essen, 1950.

[16] J. H. Greenberg, *Studies in African linguistic classification*, reprinted from «South-Western Journal of Anthropology», New Haven, 1955.

[17] И. И. Потехин, *Задачи изучения этнического состава населения Африки в связи с распадом колониальной системы*, «Советская этнография», 1957, № 4.

[18] В. М. Мисюгин, *О происхождении и распространении языка суахили*, «Африканский этнографический сборник», вып. III, М.—Л., 1959 г.

[19] A. P. Merriam, *The concept of culture clusters applied to the Belgian Congo*, «South-Western Journal of Anthropology», vol. 15, № 4, 1959.

[20] И. И. Потехин, *Формирование национальной общности южно-африканских банту*, М., 1956.

По докладу выступили Ж. Сервье, Г. де Сикар, Д. А. Ольдерогге, сделавшие отдельные поправки и замечания, и Э. Сакс, возражавший против применения термина «банту», который южноафриканцы считают пренебрежительным.

ПОДСЕКЦИЯ ИСТОРИИ

11 августа, утреннее заседание
Председатель М. Ачуфузи (*Нигерия*)

И. И. ПОТЕХИН (*Москва*): О ФЕОДАЛИЗМЕ У АШАНТИ

Вопрос о существовании феодальных отношений у ашанти — предмет длительного спора. Р. С. Рэтрей в результате тщательного исследования пришел к заключению, что феодализм ашанти является «почти точной копией» английского феодализма [1]. Близкую к Рэтрею позицию занимает де Графт Джонсон, называющий положение ашанти «ситуацией, похожей на феодальное землевладение в английской истории» [2]. Проф. К. А. Бусия объявил это заключение ошибочным: «Ashanti society not feudal» [3]. Аналогичного мнения придерживается и доктор Данква [4]. Выводы Рэтрея он назвал неудачной попыткой подогнать факты под известную ему теорию. Во время пребывания в университетском колледже Ганы мне многократно приходилось обсуждать этот вопрос, и почти все мои собеседники заявляли: у ашанти нет и не было феодализма, общество ашанти — бесклассовое общество. А между тем премьер-министр Ганы доктор Кваме Нкрума, комментируя события 1955 г. в Ашанти, говорил о «восстании феодалов против демократического пути развития» [5]. Одна из передовых статей газеты «*Вечерние новости Ганы*» заканчивалась призывом: «Долой феодализм!» [6].

Очевидно, этот вопрос заслуживает внимания. Дискуссия о феодализме у ашанти имеет не частное, а более общее значение, поскольку аналогичные или близкие к ним социальные отношения наблюдаются и в других странах Африки к югу от Сахары. Определение характера этих отношений тем более необходимо, что теория бесклассовости африканского общества широко распространена. Признание или отрицание этой теории связано, в частности, с признанием или отрицанием феодальных отношений. Учитывая все это, я решил изложить свою точку зрения и таким образом внести скромный вклад в эту интересную дискуссию.

За последние десятилетия в связи с развитием товарного хозяйства и капиталистического предпринимательства весь жизненный уклад народа ашанти претерпел весьма существенное изменение. Старые социальные отношения были подорваны. Политика правительства независимой Ганы привела к резкому изменению положения традиционных социальных институтов в политической жизни страны. Сейчас можно говорить лишь о пережитках старых социальных отношений. Поэтому выводы настоящего доклада относятся примерно к XIX—началу XX в.

* * *

Основу феодальных отношений составляет феодальная земельная собственность: земля принадлежит ограниченному кругу крупных земельных собственников, как это было в Европе, или феодальному государству, как это было во многих странах на Востоке. Непосредственный производитель, крестьянин, имеет в своей собственности все средства производства, за исключением основного — земли; в таком положении находится, по крайней мере, огромное большинство крестьян. Земля принадлежит феодалам, которые ведут на ней свое хозяйство, то есть обрабатывают ее сами трудом зависимых от них крестьян или передают ее в обработку крестьянам на тех или иных условиях. Крестьянин является следовательно, не собственником, а лишь держателем той земли, которую он обрабатывает. Условия держания могут быть самые разнообразные; некоторые из них, как бессрочное наследственное владение, иногда очень близки к полной собственности. Но при любых условиях крестьянин обязан платить земельную ренту, то есть нести в пользу феодала различные повинности. Уплата ренты и является экономическим содержанием феодальной собственности на землю. Следовательно, где непосредственный производитель обязан нести за право на обработку земли какие-то повинности в пользу земельного собственника, там есть феодальная собственность на землю и феодальные отношения.

Каждый феодал в пределах своего владения — абсолютный владыка: он не только землевладелец, но и верховный правитель. Поэтому в отличие от капиталистических отношений, имеющих частно-правовую форму, феодальные отношения облечены в публично-правовую форму. Выполнение повинностей в пользу феодалов принимает по внешней форме характер государственных повинностей, что затемняет их действительное экономическое содержание.

В отличие от капиталистической собственности феодальная собственность на землю характеризуется иерархичностью и условностью. Иерархичность феодальной земельной собственности состоит в том, что феодалы образуют лестницу зависимых один от другого держателей земли — один землевладелец находится в зависимости от другого, более крупного, более могущественного, и обязан выполнять в его пользу определенные повинности. Выполнение этих повинностей — непременное условие держания земли.

Такова в самых общих чертах типичная картина феодализма. Что же представляет собой общество ашанти? Ашанти включают несколько небольших самоуправляющихся территорий (Кумаси, Бекваи, Венчи и др.). В дальнейшем мы будем называть эти территории условно *оманами*, так как в принципе это территории расселения племен (*оман* — племя). Во главе каждого *омана* стоит вождь племени — *оманхене* (*кумасихене*, *венчихене* и т. д.). *Оманы* обычно делятся на более мелкие территории.

Во главе их стоят зависимые от *оманхене* вожди — *охене*; они приносят ему присягу на верность. *Оманхене*, как и *охене*, — лицо выборное, но кандидатами на этот пост могут быть только члены правящей династической семьи.

Кандидатов обычно бывает несколько, и потому выборы происходят в обстановке острой борьбы; при этом применяются такие средства, как шантаж, запугивания, подкуп старейшин, играющих главную роль в выборе *оманхене*. Практика покупки голосов приняла в последние десятилетия такой массовый характер, что этот вопрос стал предметом специального обсуждения совета конфедерации ашанти в 1938 г. Один из участников обсуждения, представитель Мампонга, говорил: «Подкуп в связи с выборами или низложением вождя — скверная практика, она находится в противоречии с благосостоянием страны. Она должна быть запрещена, должна быть объявлена преступлением. Я предлагаю издать закон, по которому вождь, признанный виновным в этом преступлении, подлежит низложению, а виновные в этом молодые люди должны заключаться в каторжную тюрьму на шесть месяцев» [7].

Но какой бы острой ни была борьба, она кончалась выбором одного из членов правящей династической семьи. Рядовой ашанти не может претендовать на пост *оманхене* или даже *охене*. Совет конфедерации в 1938 г. принял по этому вопросу специальное решение, согласно которому выдвижение или избрание старейшинами на пост *охене* или *оманхене* кандидата, не являющегося членом правящей династической семьи, объявляется незаконным [8].

Выборы *оманхене* связаны с большими расходами для избранного на этот пост кандидата. По подсчетам проф. Бусия, они составляют от 150 до 1000 фунтов стерлингов. Если, несмотря на это, многие добиваются избрания, надо полагать, что *оманхене* имеет значительные доходы. Каковы источники этих доходов?

Согласно религиозным воззрениям ашанти, земля считается собственностью предков, она священна и принадлежит всему народу, *оманхене* является лишь хранителем, опекуном земли *омана*. Его первейшая обязанность состоит в том, чтобы всеми средствами, включая войну, защищать землю предков от внешних нападений. Анализ земельных отношений у ашанти весьма затруднен в связи со слабой их изученностью и наличием многообразных форм земельных держаний. При изучении этих форм следует иметь в виду, что все они складывались исторически в процессе заселения и освоения современной территории ашанти и что в основе всех их лежит право первоначального заселения.

Ашанти переселялись на территорию нынешнего обитания племенами или группами родов и занимали незаселенные или весьма слабозаселенные земли. Каждая такая группа поселенцев во главе с вождем — *охене* занимала какую-то часть территории. Границы между ними не всегда были определены, особенно в зоне сплошного тропического леса. Позднее, когда земля приобрела рыночную ценность, это привело к многочисленным тяжбам из-за границ. Каждая семья или какая-то группа родственников осваивала облюбованный ими кусок земли, передавая его по наследству своим потомкам. Часть земли, никем еще не занятая, оставалась в распоряжении *охене*.

Кейзли Хейфорд [9] делил все земли *омана* с точки зрения земельных прав главы *омана* на три разряда.

1. Земля, принадлежащая его семье — наследственное земельное имущество. Она является его наследственным держанием независимо

от того, глава ли он *омана* или нет. Его права по отношению к этой части земли ничем не отличаются от прав других глав семейств.

2. Земли, закрепленные за подчиненными ему *охене* или непосредственно главами других семейств. Он не может ими распоряжаться, за ним остается право надзора, выражавшегося, в частности, в том, что все земельные сделки нуждаются в его ратификации.

Права *охене* по отношению к земле аналогичны правам *оманхене*. Вся закрепленная за ним земля или большая ее часть находится в бессрочном наследственном владении подчиненных ему крестьян; никем не занятая земля остается в его распоряжении.

Земли второго разряда находятся, следовательно, в бессрочном наследственном владении крестьян. Это именно владение, но не собственность, так как владелец не может продать свой участок земли без санкции *оманхене*. Ему принадлежит лишь право обработки земли, и за это право он должен нести повинности в пользу *оманхене* или подчиненных ему *охене*. Воспользуемся описанием этих повинностей проф. Бусия, отрицающим наличие феодализма у ашанти. Крестьяне обязаны отрабатывать на ферме *охене* несколько дней в году, участвовать своим трудом в строительстве и в регулярном ремонте его резиденции, отдавать ему часть собственного урожая, платить взносы на покрытие военных расходов и долгов *омана*, на расходы, связанные с похоронами вождя, и др. Часть охотничьей добычи и часть лесных продуктов, собранных на земле, принадлежащей *охене*, идет в его пользу [10].

3. Нераспределенные земли. *Охене* или *оманхене* может выделять наделы для новых поселенцев, дарить, сдавать землю в аренду и даже продавать. Единственное ограничение — необходимость согласования вопросов со своими советниками, которые участвуют в дележе доходов от земли. Заслуживают серьезного внимания следующие наблюдения Рэтрея, касающиеся этого разряда земель. *Оманхене* дарили эти земли или отдавали в качестве вознаграждения своим военачальникам за хорошую службу. При этом *оманхене* говорил: «управляй ею для меня» или «кормись с нее!» [11].

Земли третьего разряда приобрели большую ценность в связи с развитием культуры какао, горной промышленности и лесоразработок. Развитие культуры какао привлекло на земли ашанти много переселенцев из прибрежных районов. Одни из них покупали участки земли, другие брали ее в аренду, отдавая землевладельцам треть урожая. Большие земельные участки были сданы в концессии европейским горным компаниям и под лесоразработки. Ценные материалы по этому вопросу собраны в докладе Конвея Белфилда, специально по поручению английского парламента изучавшего условия отчуждения земли на Золотом Берегу и в Ашанти [12]. Деньги, вырученные от концессий, распределяются в определенных пропорциях между *оманхене*, его советниками и старейшинами. Все, кто был опрошен Белфилдом, единогласно признавали, что рядовые общинники ничего не получают от сдачи земель в концессии.

Некоторые *оманхене* не имеют земель третьего разряда, они полностью разделены между подчиненными им вождями. В этих случаях доходы *оманхене* складываются из обязательных поступлений от этих вождей.

Глава *омана* Кумаси — *кумасихене* — является верховным правителем всего Ашанти, его титул — *ашантихене*. В пределах своего *омана* он пользуется теми же прерогативами государственной власти, что и другие *оманхене*. Как и во всякой другой стране в период феодальной раздробленности, *ашантихене* обладает реальной властью только в пределах *омана* Кумаси. Со всеми другими главами *оманов* он связан договорными

отношениями: он обязан защищать их владения от военных нападений, а они обязаны служить ему, по его приказу являться на войну со своими войсками.

Все главы *оманов* приносят ему присягу, в которой говорится: «Если я не буду помогать тебе в управлении страной, если я буду нечестен по отношению к тебе, если ты позовешь меня днем или ночью и я не явлюсь к тебе, тогда я нарушу эту великую клятву». *Ашантихене* при этом говорит: «Если ты восстанешь против меня, боги убьют тебя» [13]. История Ашанти знает немало попыток отдельных *оманов* отложиться от *ашантихене*, и все эти попытки были подавлены вооруженной силой. Главы *оманов* не могут начать войну со своими соседями, не испросив санкции *ашантихене*. Они не могут приговаривать своих подданных к смертной казни — это прерогатива *ашантихене*. Имеются разнообразные экономические обязательства глав *оманов* перед *ашантихене*.

Мы наблюдаем в Ашанти типичную для феодального общества иерархию: *ашантихене*, *оманхене*, *охене* низших рангов. Все они связаны отношениями зависимости по нисходящей линии, и каждое низшее звено этой иерархии несет определенные повинности в пользу высшего звена. Мы наблюдаем также монополизацию земли в руках аристократической верхушки ашанти и характерную для феодализма условность земельных держаний. Но вместе с тем очевидно, что нельзя ставить знак равенства между феодализмом у ашанти и феодализмом средневековой Англии, как это делает, хотя и с некоторыми оговорками, Рэтрей. Он обратил внимание на некоторые общие черты, такие, как политическую раздробленность и вассальную иерархию между *охене* разных рангов, но не придал должного значения различию в отношениях между аристократической верхушкой и рядовыми общинниками ашанти, с одной стороны, между английскими феодалами и крестьянством — с другой. А в этом суть дела.

У ашанти еще сильны родовые отношения. В основе иерархической лестницы в пределах *омана* лежит исторически сложившаяся иерархия родов. Еще сохранилась большая семья, играющая весьма важную роль в общественной жизни, и даже материнское право наследования. Рядовая масса общинников еще имеет возможность оказывать влияние на выбор *охене* и *оманхене*, их советников и старейшин. Хотя *ашантихене* силой оружия поддерживает верность *оманов* присяге, первоначально союз *оманов* создан на добровольной основе для борьбы против господства Денкьера.

Монополизация земельной собственности еще не достигла своего завершения. Вся земля принадлежит трону, являющемуся материальным воплощением духов предков, или *оманхене*, как их представителю среди живущих. «Ферма моя, земля вождя» [14], — говорят ашанти. Но крестьянина нельзя согнать с обрабатываемого им участка, пока он обрабатывает его и исправно несет повинности в пользу *оманхене*; последний может получать ренту с земель второго разряда, однако не может распоряжаться ими. Что касается земель третьего разряда, то *оманхене* и окружающая его аристократическая верхушка корпоративно распоряжалась ими уже как своей собственностью, хотя с формальной, юридической, точки зрения эти земли таковыми еще не были.

Вследствие ряда исторических условий, подлежащих еще изучению, феодальные отношения у ашанти развивались почти параллельно с развитием рабовладельческих отношений. Ашанти не знали рабовладельческого способа производства, но рабство уже переросло рамки первоначального патриархального рабства, и труд рабов широко применялся

в горной промышленности и в сельском хозяйстве. Когда начала развиваться торговля с европейскими факториями, рабов использовали для переноски грузов к побережью. Применение труда рабов, а также огромная власть родовых традиций обусловили сравнительную легкость феодальных повинностей свободных общинников. Феодальная рента и по своим размерам и по своей форме напоминала традиционные обязательства членов племени по отношению к своему вождю, хранителю интересов племени, и его военному предводителю.

Как уже указывалось, феодальные отношения облекались в публично-правовую форму, а феодальные повинности принимали характер повинностей в пользу государства. У ашанти эта особенность феодализма дополнялась сакральной властью *оманхене*. Служитель культа и носитель государственной власти выступал еще в одном лице. Поэтому феодальные отношения сохраняли еще форму услуг представителю духов предков.

Проф. Бусия и его единомышленники пришли к отрицанию феодализма у ашанти именно потому, что они за публично-правовой и даже сакральной формой отношений между рядовыми общинниками и аристократической верхушкой не хотели увидеть реальное экономическое содержание. А между тем это в основе своей отношения феодальной эксплуатации. В той или иной мере они сохранились до наших дней, и только этим можно объяснить, что лозунг «Долой феодализм!» нашел горячую поддержку в народных массах.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Capt. R. S. Rattray, *Ashanti*, Oxford, 1923, p. 223.
[2] J. W. de Graft Johnson, *Akan Land Tenure*, «Transactions of the Gold Coast and Togoland Historical Society», vol. I, part IV, Acchimota, 1955, p. 100.
[3] K. A. Busia, *The Position of the Chief in the Modern Political System of Ashanti*. Oxford, 1951, p. 57.
[4] J. B Danquah, *Akan Laws and Customs and the Akim Abuakwa Constitution*, London, 1928, p. 6.
[5] «West Africa», 1955, 27 August, p. 805.
[6] «The Ghana Evening News», 1956, 12 August.
[7] K. A. Busia, *op. cit.*, p. 210.
[8] *Ibid.*, p. 212.
[9] Casely Hayford, *Gold Coast Native Institutions with Thoughts upon a Healthy Imperial Policy for the Gold Coast and Ashanti*, London, 1903, p. 45—46.
[10] K. A. Busia, *op. cit.*, p. 48—50.
[11] R. S. Rattray, *Ashanti Law and Constitution*, Oxford, 1929, p. 365.
[12] «Report on the Legislation Governing the Alienation of Native Lands in the Gold Coast Colony and Ashanti; with Some Observations on the "Forest Ordinance", 1911», London, 1912.
[13] K. A. Busia, *op. cit.*, p. 54.
[14] R. S. Rattray, *op. cit.*, p. 362.

По докладу выступили Дж. Д. Фейдж, полагавший, что у ашанти господствуют не экономические отношения феодализма, а родовые отношения, А. Н. Эллотт, критиковавший работы Рэтрея и Хэйфорда и отчет Белфилда, а также отрицавший возможность дефиниции понятий «феодализм» и «собственность», М. Ачуфузи, поддержавший докладчика, и Ж. Тюбиана, призвавший к углубленному изучению проблем аграрного строя. В заключительном слове И. И. Потехин разъяснил марксистское понимание социально-экономических терминов и указал, что в своих выводах о характере экономических отношений он основывался на объективных данных, собранных учеными, далекими от марксизма.

J. SERVIER (*Mont-Pellier*): ORGANIZATION OF A TRADITIONAL VILLAGE IN KABYLIA

Текст доклада не представлен.

По докладу выступил Ж. Сюре-Каналь.

A. N. ALLOTT (*London*): THE EVOLUTION OF AFRICAN LAW

A new approach is required to the study of African law. Most present studies of African law are either written by a n t h r o p o l o g i s t s, who aim to give an exact description of a society as it is at a certain point in time, or by l a w y e r s, who aim to describe the law at present administered by the courts. Neither category of authors is particularly concerned with the historical aspect of the development of African law.

The impact of the Western world and Western ideas on indigenous African society has produced astonishing and fundamental transformations in the political, social, economic, and conceptual aspects of African life; these transformations have telescoped into a few decades a process that elsewhere has taken centuries. These transformations are necessarily reflected in the development of the legal systems of African countries. Indigenous African customary law, relatively unsophisticated and unwritten, has been subjected to the impact and co-existence of highly developed Western systems of law. Legal evolution in Africa provides a fascinating study in applied comparative law. Studies of the historical evolution of African law ought therefore to be made, and material for such study is available.

There are certain well-defined p e r i o d s or phases in such an evolution: (a) the period immediately preceding European colonization (it is difficult to reconstruct the customary law of earlier periods in sufficient detail); (b) the early colonial period; (c) the present (i. e. post-1945) period; (d) the immediate future. During the early colonial period in most British African territories there was little change in the customary law as administered; but the practice of other colonial powers varied. Since certain ethnic groups came under the control of several different European powers (cf. the *Azande* under British, French, and Belgian administration), it would be worth while making a comparative study of the varying impact of different Western legal and administrative systems on the same customary law.

Since 1945 evolution has been accelerated; but the pace of change in the law will increase even more rapidly in the next 5—10 years. The adaptation of existing legal systems in Africa to new needs raises fundamental questions about the function of law in society. The law of a country may be viewed (I) as the expression of a way of life — of the V o l k s g e i s t — of a people (this is the view of the so-called «historical school» of jurisprudence); or (II) as «social engineering» — the law imposed from above or outside can r e m o d e l life to fit it (cf. the reception of Swiss law in Turkey). The customary laws of Africa fall into the first category, the received or imposed systems of Western law into the second category. Direct conflict between opposed views of law and life therefore arise: how is, or how should be, this conflict reconciled?

По докладу выступили М. Херсковиц, Э. Сакс, Ч. Франц.

MAMADOU TRAORE (*Conakry*): COMMUNICATION SUR LES OBJETS ETHNOGRAPHIQUES KISSIENS*

Текст доклада не представлен.

11 августа, вечернее заседание
Председатель Ж. Сюре-Каналь (*Конакри*)

В. В. МАТВЕЕВ (*Ленинград*): О СЕВЕРНЫХ ПРЕДЕЛАХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ БАНТУ (ЗИНДЖЕЙ) В X в. ПО АРАБСКИМ ИСТОЧНИКАМ

Северные пределы распространения народов банту в Восточной Африке в настоящее время определены с достаточной ясностью. Они занимают значительную часть пространства между реками Галана (Сабаки) и Тана и узкую полоску обоих берегов реки Тана. Севернее Таны известны лишь отдельные, сравнительно небольшие группы банту, живущие на территории Сомали в некоторых частях побережья, вдоль рек Джуба и Веби-Шебели [1]. Существует точка зрения, что некогда восточные банту проживали гораздо севернее, занимая значительную территорию Сомали, и что они были впоследствии частично вытеснены, частично уничтожены галласкими народами, с которыми в свою очередь так же поступили затем народы сомали [2]. Этими вопросами много и долго занимался Энрико Черулли, который на основании имеющейся у него в распоряжении и недавно им изданной арабской рукописи, содержащей запись местных преданий, установил, что изгнанные галласами банту принадлежали к племени Ва-Нйика и проживали на обоих берегах реки Джуба [3].

В настоящее время едва ли возможно ответить вполне определенно на вопрос, к какому времени относится вытеснение банту из Сомали народами галла. Возможно, однако, установить некоторые рамки этого события. Одну из таких рамок устанавливает сам Э. Черулли. Он на основании известия Диего да Коуто сообщает об участии группы людей Ва-Нйика в защите Малинди в 1589 г. в качестве союзников португальцев, и следовательно относит их эмиграцию из Сомали ко времени более раннему, чем XVI в.[4]

Установить нижний хронологический предел эмиграции банту позволило бы знание этнической границы народов банту в разные периоды. Установление такого предела для X в. и является задачей этой небольшой работы. Сделать это позволяют средневековые арабские источники, в которых восточные банту называются зинджами. Различные исследователи, главным образом арабисты, занимавшиеся историей Восточной Африки, неоднократно обращали внимание на этот вопрос и пытались выяснить, где находится северная граница зинджей. Сходясь во мнении, что границу эту следует искать где-то в области Абиссинии, Сомали и Кении, они решали свою задачу по-разному.

Наиболее обстоятельное исследование этого вопроса мы находим у французского ученого Л. М. Девика в его книге *Страна зинджей*, вышедшей в свет в 1883 г.

Используя известия авторов, писавших на греческом языке, — Птолемея, Косьмы Индикоплова, анонимное сочинение *Перипл Эритрейского моря*, — Л. М. Девик приходит к выводу, что начало страны зин-

* Доклад в отсутствие автора прочитал Ж. Сюре-Каналь.

джей находится на северном побережье Сомалийского полуострова, начиная от мыса Гвардафуй и далее на юг [5].

Арабские источники, по мнению Л. М. Девика, не могут уточнить местоположение пределов страны зинджей. Он привлекает для этого данные целого ряда авторов, из которых наиболее ценными и относительно подробными являются сведения ал-Истахрӣ, ал-Масʿӯдӣ и ал-Идрӣси. Ал-Истахрӣ сообщает:

«Страна зинджей более протяженна, чем страна Судан. Она не соприкасается ни с какой другой страной, кроме ал-Хабаша, и находится против Йемена, Фарса, Кермана и против Индии» [6].

В известии ал-Масʿӯдӣ говорится, что в стране Бербера население смешанное из *ал-хабаша* и зинджей, и что страна зинджей начинается в земле Бербера [7]. При этом Л. М. Девик основывается на известии ал-Масʿӯдӣ, что народы Бербера являются разновидностью зинджей [8].

Привлеченное Л. М. Девиком известие ал-Идрӣси содержит перечисление городов восточноафриканского побережья, начиная от восточноафриканского рога до Момбасы. Л. М. Девик дает перевод отрывков этого текста и пытается идентифицировать местоположение этих городов. Но в целом его вывод состоит в том, что понятие «страна зинджей» довольно неопределенно и, видимо, включает в себя всю восточную часть Африки, начиная с 12° северной широты и до 26° южной широты, как можно судить по комплексу данных греческих и арабских источников.

Другой ученый — Ф. Шторбек — уже в XX в. также ставил вопрос о границах зинджей. Он ограничился переводом отрывков из сочинений арабских авторов по интересующей нас теме и воздержался от позитивных выводов [9]. Однако Ф. Шторбек отметил, что «ко времени арабского географа ал-Масʿӯдӣ (X в.) начало страны зинджей считали от Веби-Шебели или Джубы» [10].

В 1920 г. Карл Мейнхоф дал свое определение границы страны зинджей. Он писал: «Относительно ранней границы между зинджами и барабир (то есть банту и сомали) я могу привести следующее место из ал-Масʿӯдӣ (т. III, стр. 7): „Жилища зинджей простираются от рукава, который ответвляется от верхнего Нила (то есть Веби-Шебели — Леопардовая река) и до земель Софалы и Ваквака. Странная идея о том, что Веби ответвляется от Нила, существует еще и в настоящее время“ [11].

Э. Черулли в своих работах также привлекает арабские источники. Однако, во-первых, он не пытается установить на их основе границу распространения зинджей в Сомали, во-вторых, пользуется сочинениями сравнительно поздних авторов: ад-Димашкӣ, Абу-л-Фиды, Ибн-ал-ʿАрабӣ, Йакута. Самым ранним сочинением, которое он использует, является сочинение ал-Идрӣси *Нузхат ал-Муштак*, относящееся к XII в. [12].

Нам кажется, что границу зинджей — этническую границу народов банту — можно определять для X в. более точно и на основании тех же источников, которые привлекались Л. М. Девиком, Ф. Шторбеком и К. Майнхофом.

Так, в другом сообщении ал-Истахрӣ мы читаем: «А что касается стран *ал-хабаша*, то они находятся на море ал-Кулзум, а оно также море Фарса. Одна из их границ простирается к стране зинджей, одна граница идет по пустыне, которая между нубийцами и морем ал-Кулзум, и одна граница — с Беджа — идет по пустыне, которая непроходима» [13].

Сведения же ал-Идрӣси, привлеченные Л. М. Девиком, ясно показывают, что страна зинджей начиналась не в северной части территории нынешнего Сомали, а в южной. Ал-Идриси, говоря о побережье

страны Бербера, сообщает названия целого ряда городов и указывает расстояния между ними в днях пути. Все эти города расположены между мысом Гвардафуй и городом Малинда — современным Малинди. От самого южного города на побережье Бербера — города Базӯна, идентификация которого не удается, — до Малинди расстояние в три дня и три ночи пути морем. Ал-Идрӣсӣ говорит, что город Базӯна подчинен зинджам. Отсюда возможен вывод, что он не является городом самих зинджей, а только принадлежит им, и, следовательно, где-то в этом месте кончаются пределы страны зинджей. Наше предположение подтверждается сообщениями ал-Идрӣсӣ о двух других городах, расположенных на берегу Индийского океана, непосредственно перед городом Базӯна. Первый из них — Брава, второй — Карнува. Оба эти города указаны как прилегающие к стране зинджей. Интересно, что между зинджами и бербера ал-Идрӣсӣ помещает еще один небольшой народ, который он называет неверными, не поклоняющимися ничему [14].

О том, что северную границу страны зинджей следует искать в южной части территории Сомали, говорит также порядок перечисления ал-Идрӣсӣ. Все города побережья ал-Идрӣсӣ называет, начиная с севера от мыса Гвардафуй. Оба же упомянутые нами города помещены в конце списка.

Несмотря на то что в целом известие ал-Идрӣсӣ о городах побережья стран Бербера и зинджей довольно туманно и становится еще более туманным по мере его удаления в своем описании на юг, нам кажется, что из него можно сделать вывод, который мы делаем.

Степень достоверности этих сведений особых сомнений также не вызывает. Мы знаем, каким образом ал-Идрӣсӣ получал свои известия, и знаем, что при описании Африки он в значительной степени зависит от Птолемея. Но в данном случае известие о городах побережья Восточной Африки, очевидно, было получено из рассказа человека там побывавшего, так как в нем указываются расстояния между городами, заимствовать же эти сведения в литературе ал-Идрӣсӣ не мог, поскольку у него они встречаются впервые.

Таким образом, из сказанного следует, что северную границу страны зинджей нужно искать в южной части территории Сомали — средневековой страны Бербера.

Известие другого автора — ал-Масʿӯдӣ — позволяет установить эту границу еще более точно.

Ал-Масʿӯдӣ также говорит о местности, являющейся границей страны зинджей. Ценность его известия особенно велика, так как он сам побывал на восточноафриканском побережье и о некоторых территориях мог рассказать как очевидец. В своем сочинении *Мурӯдж аз-Захаб* ал-Масʿӯдӣ пишет: «А то, что мы упомянули о воде, текущей в море зинджей, так это только река (рукав — خليج), начинающаяся из самых верхних источников (страны) зинджей. И она разграничивает страны зинджей и окраины стран племен *ал-хабаша*. А если бы не эта река, песчаные пустыни и сыпучие пески, не было бы для *ал-хабаша* места в их области от различных зинджей из-за большого числа и воинственности последних» [15].

Приведенный отрывок был пропущен Л. М. Девиком и отсутствует в его книге. А именно он и позволяет уточнить местонахождение искомой границы. Так как ал-Масʿӯдӣ говорит о пустыне и реке, то их и нужно искать. Такой пустыней является пустынная область на границе Кении и Сомали. Рекой же, по нашему мнению, должна быть

река Джуба. В самом деле, местоположение страны *ал-ҳабаша* арабских источников — Эфиопии — не должно вызывать сомнений. Страну *ал-ҳабаша* арабы помещали на берегу моря и сразу же южнее ее — страну зинджей. Направление здесь может быть только одно — с севера на юг. С юга же к районам Эфиопии, как мы знаем, примыкает только одна пустынная область, именно та, о которой мы сказали. Другой области нет, и, следовательно, мы должны отождествить ее с той, о которой говорит ал-Масʿӯдӣ. Остается река, отделяющая *ал-ҳабаша* от зинджей, вытекающая из верхних источников страны зинджей и впадающая в море. Такой рекой может быть только какая-нибудь крупная река. Известная в этой области большая река Веби-Шебели не подходит под определение ал-Масʿӯдӣ, так как она не впадает в море, а теряется в песках. Говорить же о мелких реках не приходится, так как они не могли служить препятствием и границей и в большинстве случаев пересыхали. Остается сделать вывод, что упоминаемой ал-Масʿӯдӣ рекой является река Джуба.

Этот вывод противоречит мнению К. Мейнхофа, который помещает границу страны зинджей на Веби-Шебели, также основываясь на сообщениях ал-Масʿӯдӣ. К. Мейнхоф не доказывает своей идентификации реки, о которой говорит ал-Масʿӯдӣ, с рекой Веби-Шебели (см. выше). Нам кажется все же, что он не прав. Из обоих отрывков текста ал-Масʿӯдӣ, помещенных в разных частях его сочинения, нельзя усмотреть того, что речь идет непременно о двух реках. Напротив, скорее можно заключить, что он имеет в виду одну и ту же реку. Кроме того, обычно арабские географы строго отмечали те случаи, когда река теряется в песках, а не впадает в какую-либо другую реку или в море. И если ал-Масʿӯдӣ не говорит, что река (по которой проводит границу К. Мейнхоф) впадает в море, то отсюда совсем не следует, что она в него не впадает. Ал-Масʿӯдӣ мог опустить это указание, помня, что уже один раз говорил об этой реке. Доводом в пользу того, что это две различные реки, могут служить указания ал-Масʿӯдӣ о том, что в первом случае река начинается от верхних источников страны зинджей, а во втором случае ответвляется от верхнего Нила. Известно, что арабы не знали внутренних областей Африки, и поэтому представление ал-Масʿӯдӣ об источниках рек, лежащих в глубине страны, вероятно, было весьма смутным. Однако оба его указания, на наш взгляд, обоснованы и объясняются следующим образом. Веби-Шебели не случайно получила название «Нил Макдишу». Причина этого, по всей вероятности, кроется в том, что в летние месяцы, в период с 15 июня по 15 сентября, в ней наблюдаются высокие уровни воды, вызванные сезонными дождями в Эфиопии [16]. Это явление отмечалось и арабскими авторами [17]. Такое же явление наблюдается и на реке Джуба, которая, следовательно, также имеет основания для сравнения с Нилом. Что же касается указания о верхних источниках зинджей, то здесь приходят на помощь данные *Книги о зинджах*. В этом сочинении неоднократно указывается, что зинджи в давние времена жили на берегу Джубы [18], что впоследствии они ушли с Джубы «к месту, которое называется Гирйама» [19], и что на Джубе было первоначальное местопребывание зинджей [20]. Таким образом, видя зинджей в низовьях Джубы и зная о свойстве реки разливаться, ал-Масʿӯдӣ безусловно мог сообщить, что истоки этой реки находятся в верхних источниках страны зинджей и что она является рукавом Нила, то есть начало этого несуществующего рукава вполне могло считаться одновременно и «верхними источниками страны зинджей».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] A. N. Tucker and M. A. Bryan, *Lingustic Survey of the Northern Bantu Borderland*, vol. IV, Oxford, 1957, карта.
[2] E. Cerulli, *Le populazioni della Somalia nella tradizione storice locale*, Сборник работ Э. Черулли под названием «Somalia», Roma, 1957, vol. I, p. 52.
[3] E. Cerulli, *Il Libro degli Zengi*, «Somalia», vol. I, p. 233, 253.
[4] E. Cerulli, *Le populazioni. . .*, «Somalia», vol. I, p. 55; *Il Libro degli Zengi*, «Somalia», vol. I, p. 270, n. 5.
[5] L. M. Devic, *Le Pays des Zendjs*, Paris, 1883, p. 23.
[6] M. Y. de Goeje, *Bibliotheca Geographorum Arabicorum*, t. I, Leyde, 1870, p. 11.
[7] Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, *Maçoudi, Prairies d'or*, Paris, 1861, t. I, p. 231.
[8] Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, *Maçoudi, Prairies d'or*, Paris, 1861, t. III, p. 2.
[9] F. Storbeck, *Die Berichte der arabischen Geographen des Mittelalters über Ostafrika*, MSOS, Jahrgang XVIII, 1914, SS. 97—169.
[10] F. Storbeck, *Die Berichte der arabischen Geographen*, SS. 112—113.
[11] C. Meinhof, *Afrikanische Worte in orientalischer Literatur*, «Zeitschrift für Eingeborenen Sprachen», Bd. X, Hft. 2, SS. 147—151, Berlin, 1920.
[12] См. например, E. Cerulli, *Noterelle Somale ad al-Dimašqi ed Ibn Arabi*, «Somalia», vol, I, p. 41—49.
[13] M. Y. de Goeje, BGA, t. 1, Leyde, 1870, p. 11.
[14] Youssouf Kamal, *Monumenta Cartographica Africae et Aegypti*, tome troisième, fasc. IV, 1934, p. 831.
[15] Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, *Maçoudi, Prairies d'or*, Paris, 1861, t. I, p. 211.
[16] E. Cerulli, *Somalia*, EI, t. IV, p. 504—505.
[17] Youssouf Kamal, *Monumenta Cartographica Africae et Aegypti*, tome troisième, fasc. IV, 1934, p. 831.
[18] E. Cerulli, *Il Libro degli Zengi*, «Somalia», vol. I, p. 233, 253.
[19] E. Cerulli, *op. cit.*, p. 233, 253, 235, 259, 237, 263.
[20] E. Cerulli, *op. cit.*, p. 237.

По докладу выступили Р. Оливер, Т. Левицкий, Г. де Сикар.

ROLAND OLIVER (*London*): THE STUDY OF AFRICAN HISTORY IN THE UNIVERSITY OF LONDON AND AT THE RELATED UNIVERSITY COLLEGES IN TROPICAL AFRICA

Текст доклада не представлен.

По докладу выступил Г. де Сикар.

ROLF HERZOG (*Kairo*): DER VERFALL ALTER KARAWANENROUTEN ZWISCHEN DEM SUDAN UND ÄGYPTEN

Uralt ist der Warenaustausch zwischen den Siedlungszentren der hellfarbigen Nordafrikaner an der Mittelmeerküste und den Negerländern im Süden. Auf berühmten Karawanenrouten wurden kostbare Güter, wie Elfenbein, Straußenfedern oder Gold, aber auch Sklaven transportiert. Von Timbuktu, vom Tschad und anderen großen Märkten traten sie den langen und beschwerlichen Weg nach Norden an. Meine Ausführungen beschränken sich auf den Handel Ägyptens mit seinem südlichen Nachbarn, der jetzigen Republik Sudan.

Die gedrängte Darstellung erlaubt keinen weit zurückgreifenden historischen Abriß, der beim Pharaonenreiche beginnt. Es sei vielmehr nur die Situation vom XVIII. bis XX. Jahrhundert beleuchtet, wobei ich die Veränderungen besonders herausstellen möchte.

Das Verkehrssystem Nordostafrikas wird nur verständlich, wenn man sich vergegenwärtigt, daß der Nil nur in Teilstrecken schiffbar ist und als durchgehender Transportweg nicht in Frage kommt. Den sechs Nilkatarakten, die schwer überwindliche Schiffahrtshindernisse darstellen, verdanken schließlich die westlich und östlich des Stromes verlaufenden Karawanenrouten ihre Existenz, denn ein voll schiffbarer Nil hätte den kostspieligeren Landtransport wohl gar nicht erst aufkommen lassen.

Im XVIII. Jahrhundert stand die westliche Piste nach der Bedeutung an der Spitze. In durchschnittlich vierzig Tagen bewältigten Kamelkarawanen die Strecke vom zentralen Darfur bis nach Asiut im mittleren Ägypten. Auf Arabisch wurde diese Route *Darb el-Arba'in* genannt, Straße der vierzig Tage.

Auf diesem Handelweg flutete aber keineswegs das ganze Jahr hindurch reger Karawanenverkehr hin und her. Im Durchschnitt erreichten zwei große Karawanen im Jahr Asiut, wie wir aus den Aufzeichnungen des französischen Konsuls Maillet [1] (1692—1715 in Kairo) erfahren. Selten wurden bisher die Reisebeschreiungen der Franzosen Poncet [2] und de Brévedent [3] ausgewertet und nahezu nie das fast verschollene Itinerar des bayerischen Franziskanerpaters Theodor Krump, der 1701 und 1702 die nördliche Hälfte des *Darb el-Arba'in* in beiden Richtungen hinter sich brachte. Sein 1710 in Augsburg erschienenes Reisetagebuch [4] erfreut sich eines 198 Worte langen Titels, der beginnt: *Hoher /und Fruchtbahrer Palm-Baum/ Dess Heiligen Evangelij/ Das ist: Tieff-eingepflantzter Glaubens-Lehr/ In das Hertz dess Hohen Abyssiner Monarchen. . .* Krumps Karawane, die mehr als tausend Kamele gezählt haben soll, kreuzte den Nil bei Mosho am 3. Katarakt, um Richtung auf Sennar einzuschlagen. Er gibt (S. 225) eine Erklärung für den langen Parallelmarsch zum Nil: Nicht die Abkürzung der Wegstrecke, sondern Furcht vor Überfall und Raub seitens der Einwohner des mittleren Niltals ließen die strapaziöse Wüstenroute vorteilhafter erscheinen.

Politische Gründe also, Ohnmacht der Regierungen gegen Wegelagerer oder habgierige Statthalter, sprachen mit. Dieser Zustand blieb unverändert bis zum Ende des XVIII. Jahrhunderts. Browne [5], der erste Europäer, welcher den *Darb el-Arba'in* in seiner ganzen Länge durchstand, erklärt den Ausfall der Karawane für zwei oder gar drei Jahre ebenfalls damit. «The perpetual changes in their several governments, and the caprices of their despots, are in a great degree the occasion of this irregularity». Der Auszug der Karawane nach Ägypten war ein bedeutendes Ereignis im öffentlichen Leben Darfurs; in Browne's Worten: «The departure of a caravan from Dar-Fûr forms an important event. It engages the attention of the whole country for a time, and even serves as a kind of chronological epoch».

Von allen Augenzeugen des ausgehenden XVIII. und beginnenden XIX. Jahrhunderts wird hervorgehoben, wie stark der Karawanenbetrieb auf dem *Darb el-Arba'in* mit dem Sklavenhandel verknüpft war. Sogar Napoleon, das sei als Kuriosum angemerkt, forderte während seines Feldzuges in Ägypten den Sultan von Darfur brieflich auf, ihm 2000 junge, waffenfähige Negersklaven zu schicken [6].

Ein Wandel bahnte sich an, als Mohammed Ali, der von der Hohen Pforte immer unabhängiger werdende Herrscher in Kairo, 1821 den Sudan eroberte. Nunmehr mit Ägypten eine politische Einheit, verloren die meisten der kleinen Fürsten Macht und Einfluß; die Karawanenwege wurden sicherer und die willkürliche Zolleintreibung und Beschlagnahme der Handelgüter weniger häufig.

Das Fundj-Reich, mit der Hauptstadt in Sennar am Blauen Nil, hatte kaum Widerstand geleistet, denn seine Kraft war erlahmt, seit es seine Handelswege nicht mehr offen und sicher zu halten vermochte. Dieses Land, das — wie Buṣaili [7] hervorhebt — wesentlich vom Transithandel lebte, ohne selbst Produzent eines gefragten Handelsgutes zu sein, reagierte auf Beeinträchtigungen der Verkehrswege sehr empfindlich.

Die erste Verminderung der Bedeutung des *Darb el-Arbaʿin* brachte schon Mohammed Alis Entscheidung, den Gouverneur in dem um 1830 gegründeten Khartum residieren zu lassen. Die Route östlich des Nils von Aswan über Korosko — Abu Hamed — Schendi nach Khartum bot sich damit von selbst als Hauptnachschubweg an. Der Stamm der Ababde wurde für die Sicherheit und die Gestellung von Kamelen wie Begleitmannschaft verantwortlich gemacht.

Noch lief aber ein Teil des Warenverkehrs auf dem *Darb el-Arbaʿin*, wenn auch wohl selten über die ganze Länge, denn viele Güter kamen auf den Zubringerrouten von el-Obeid über Bara oder von Omdurman durch die Bajuda [8]. Neu-Dongola, das auch erst zu Anfang des XIX. Jahrhunderts gegründet worden war, zeigte nach dem Urteil früher Reisender in seinem Bazar ein stattlicheres Warenangebot als Khartum [9].

Trotz der Verbesserung der äußeren Bedingungen blühte der Handel doch nicht recht auf. Daran war in erster Linie die staatliche Monopolwirtschaft schuld, eine Form der Zwangswirtschaft, die, unter den Mameluken schon bekannt, von Mohammed Ali besonders straff organisiert wurde. Auf nahezu allen wichtigen Handelsgütern lag Staatsmonopol und der kaufmännischen Initiative war weitgehend der Anreiz genommen. Cadalvène und Bereuvéry [10], die 1829—32 Ägypten und Nubien bereisten, schildern die Lage Asiuts düster: «Le commerce de Syout a beaucoup diminué depuis que le monopole exercé par le vice-roi a détruit les avantages que trouvaient à venir en Egypte les caravanes du Dar-Four».

Obwohl die rege Nachfrage nach Gummiarabikum, einem in Kordofan und Darfur gesammelten Schleim der Akazie, den Export über Alexandrien nach Europa lohnend machte, hemmte auch in diesem Geschäft, ebenso wie im Export von Elfenbein und Straußenfedern, die ägyptische Bürokratie den freien Kaufmann. Pallme [11], der von 1837 an der Geschäfte wegen im Sudan weilte, klagt bitter über die vielfache Behinderung.

In den ersten Regierungsjahren Abbas I. drangen die europäischen Konsuln wieder heftig auf Liberalisierung des Handels, immerhin mit dem vorübergehenden Erfolg der Aufhebung des Gummiarabikum-Monopols 1850. Leider blieb es nur für wenige Jahre, dann fiel alles in den alten Trott zurück. Gestützt auf viele Akten in Kairiner Archiven urteilt Shukry [12] über diese Epoche: «From the outset there was no real likelihood of the establishement in the Sudan of any 'freedom' of commerce. The governors-general were averse to abandoning a system that had yielded to them a considerable profit; and they adhered — with disastrous results — to the system of state monopoly. The effect of the monopoly was to cripple legitimate commerce, but greatly to encourage the slave-traffic».

1841 verbot ein Firman der Hohen Profte den Sklavenfang, nicht den -handel. Damit begannen erste Maßnahmen gegen den Menschenhandel, zunächst allerdings nur wenig wirksam, denn die Gouverneure waren, wie die in Khartum ansäßigen Europäer, von rühmlichen Ausnahmen abgesehen, mit diesem anrüchigigen Gewerbe verquickt. Ihre hemmungslose Habgier ließ alle Reformen vorerst scheitern. Das Angebot frisch importierter Sklaven betrug in Ägypten um 1830 etwa 3000 jährlich, um

1846 etwa 5000 und um 1860 etwa 1000, Marschverluste schon abgerechnet [13].

Energisch wurde erst unter dem Khediven Ismail (1863—79) durchgegriffen. Je stärker man die Karawanen auf der östlichen Route kontrollierte, desto häufiger verlagerten die Sklavenhändler ihre Transporte auf den kaum zu überwachenden *Darb el-Arbaʿin*, wobei sie die höheren Verluste unter ihrer lebenden Ware infolge der enormen Strapazen in Kauf nahmen. Mit der politischen Situation wechselte die Frequenz der Sklavenkarawanen, die sich nach Norden schleppten, auch noch nach dem 1877 erlassenen generellen Verbot [14].

Die Eröffnung des Suezkanals 1869 zog zwar einige Handelsgüter von Kassala nach Suakin am Roten Meer, dessen schlechter Hafen aber für Hochseeschiffe schwierig anzulaufen blieb. Ein Aufsatz von Marno [15], der mehr als zehnjährige eigene Erfahrung verwerten konnte, zeichnete folgendes Bild: Im Sudan gab es um 1876 drei Handelszentren, alle nach Ägypten orientiert, aber untereinander kaum verbunden; im Osten Kassala mit Zugang zum Roten Meer, in der Mitte Khartum mit der schon genannten Karawanenstrasse über Abu Hamed nach Korosko, und im Westen el-Obeid mit Routen nach Südnubien (Dongola) und weiter am Nil entlang nach Wadi Halfa. Dieser Ort am Ende des 2. Kataraktes war als Ausgangspunkt von Karawanen schon länger bekannt [16], aber von geringer Bedeutung. Marno, der sogar den wenig begangenen *Darb Foqani* (Oberer Weg) von Aswan nach Berber vermerkt, spricht mit keinem Wort mehr vom *Darb el-Arbaʿin*. Ein Beweis für den Bedeutungsverlust!

Der *Darb el-Arbaʿin* gewann erst wieder bescheidenes Interesse, als durch die Mahdi-Erhebung von 1882 an die kürzeren Verbindungen nach Norden abgeschnitten oder zumindest von den Kampfhandlungen sehr beeinträchtigt waren. Dem *Darb el-Arbaʿin* kam wiederum seine Unkontrollierbarkeit wie die Feindschaft des Kababisch-Stammes gegen den Nachfolger des Mahdi zugute. Wie unsicher jedoch die Karawanenführer zu dieser Zeit hinsichtlich der Strecken von der unbewohnten Oase Selima südwärts waren, schildert Neufeld [17], der von Wadi Halfa aus eine Reise nach el-Obeid, teils auf dem *Darb el-Arbaʿin*, wagte, um Gummiarabikum einzukaufen. Zwölf Jahre Gefangenschaft lohnten seine Kühnheit schlecht.

Mit einer Einsenbahnlinie von Wadi Halfa südwärts, immer nahe dem Nil, war 1878 begonnen worden; Gordon hatte das Unternehmen abgestoppt und der Mahdi ihm endgültig das Ende gesetzt. Bei der Rückeroberung des Sudans (1896—99) schenkte Kitchener dem Nachschubwesen besondere Aufmerksamkeit. Die Eisenbahnlinie von Wadi Halfa durch die Wüste bis Abu Hamed entstand aus strategischen Überlegungen. Als sie bald Khartum erreichte, war eine völlig neue Verkehrssituation geschaffen. Die alten Karawanenrouten belebten sich gar nicht erst wieder, sondern fast aller Verkehr rollte über den neuen Schienenstrang.

Nicht weniger einschneidend wurden zwei andere Ereignisse: die Eröffnung des mit modernen Kais ausgestatteten Hafens Port Sudan (1906) und die Erweiterung des Bahnnetzes bis el-Obeid (1913). Der Gummiarabikum-Handel, der erst 1920 durch die Baumwolle von der Spitze der sudanischen Ausfuhrstatistik verdrängt wurde, lief nun innerhalb eines Zoll- und Währungsgebietes in West-Ost-Richtung. Zudem verkürzte sich die Wegstrecke beträchtlich. Von el-Fascher bis Alexandria über den *Darb el-Arbaʿin* sind es rund 2500 *km*. Die Entfernungsangaben schwanken geringfügig [18]. Von el-Obeid bis Port Sudan rechnet man dagegen nur 1484 *km* Eisenbahn. Damit hatte für die alten Kamelkarawanen das letzte Stünd-

lein schon geschlagen, bevor noch der Lastwagen als zusätzlicher Konkurrent auftrat!

Heute beschränkt sich die Verwendung des Kamels auf den Güternahverkehr, z. B. die Anlieferung des ungereinigten Gummiarabikums zu den Auktionen in el-Obeid, zu Datteltransporten und zum Abholen von Salz oder Holz; daneben natürlich in der Landwirtschaft. Überall dringt aber der Lastwagen vor. Kamele werden noch in nennenswerter Zahl in Ägypten eingeführt, vorwiegend als Schlachtvieh. 1956 trieb man 38 107 Kamele vom Sudan nach Ägypten. Nach Aussage meiner Gewährsleute und nach eigenen Beobachtungen in Nubien ziehen diese Herden meist in Flußnähe und benutzen nur selten Wüstenrouten, da die Tiere dabei abmagern.

In seiner Studie über den *Darb el-Arbaʿin* behauptet Shaw [19] meines Erachtens zu recht: «Traffic on the Arbaʿin Road is now reduced to a minimum; probably no caravan has passed along its entire length since the beginning of the twentieth century, though sections of it are still in intermittent use». Wie ähnlich klingen auch die Sätze des ungarischen Wüstenforschers Almásy [20]: «Der Zeitraum einer einzigen Generation hat genügt, um die uralten Verkehrswege in Vergessenheit geraten zu lassen. Von den Männern, die die ehemalige Wüstenstraßen des Sudans als Kabire (Karawanenführer) begangen haben, lebt kaum noch einer, und beinahe mythisch klingt heute der Name des ehrwürdigen Karawanenweges, der jahrhundertelang den Sudan mit Ägypten verbunden hat: *Darb el-Arbaʿin*, die Straße der vierzig Tage».

In kleinen nubischen Dörfern hatte ich Gelegenheit, Männer, die regelmäßig zu Oase Selima ziehen, um Salz zu holen, zu befragen, ob sie dort gelegentlich Karawanen begegnen, welche auf dem Wege von Darfur nach Ägypten oder umgekehrt sind. Keiner der Befragten konnte von solch einem Zusammentreffen berichten. Auch in Kordofan fand ich niemanden, der vom *Darb el-Arbaʿin* mehr als die südlichen Teilstrecken kannte.

Die große Karawane über Hunderte oder Tausende von Kilometern gehört, von der modernen Verkehrstechnik überholt, der Vergangenheit an. So wie die romantische Postkutsche in Europa schon Geschichte geworden ist, so geht es in diesen Jahrzehnten der Kamelkarawane, deren Verschwinden unaufhaltsam geworden ist.

ANMERKUNGEN

[1] Mascrier, *Description de l'Egypte composée sur les mémoires de M. de Maillet*, Paris, 1735, S. 216.

[2] Charles Jaques Poncet. *A voyage to Aethiopia*, London, 1709.

[3] Drei Briefe de Brévedents sind abgedruckt bei O. G. S. Crawford, *The Fung Kingdom of Sennar*, Gloucester, 1951, S. 292—298.

[4] Vgl. Rolf Herzog, *Ethnographical Notes on the Sudan in an Early Traveller's Account*, «Sudan Notes and Records», vol. 38, Khartum 1957, S. 119 ff.

[5] W. G Browne, *Travels in Africa*, London, 1799, S. 247

[6] R. T. Paterson, *Darfur Province. Agriculture in the Sudan*, ed. Tothill, London, 1948, S. 854.

[7] Šāṭir Buṣailī 'Abd al-Ǧalīl, *Maʿālim taʾrīḫ Sūdān wādī n-Nīl*, Kairo, 1955, S. 70 ff

[8] Vgl. Adelbert von Barnim, *Entwurf einer Karte der Karawanenstraße zwischen Dabbeh und Khartum*, «Zeitschrift für allgemeine Erdkunde», N. F. Bd. 12, Berlin, 1862

[9] G. A. Hoskins, *Travels in Ethiopia*, London, 1835, S. 183; Joseph Russeger, *Reisen in Europa, Asien und Afrika*, 2 Bd, 3. Teil; Stuttgart, 1846—49, S. 47

[10] E. de Cadalvène et Breuvéry, *L'Egypte et la Nubie*, Bd. I; Paris, 1841, S. 271.

[11] Ignaz Pallme, *Beschreibung von Kordofan*, Stuttgart, 1843, Kap. 15.

[12] M. F. Shukry, *The Khedive Ismail and the Slavery in the Sudan*, Kairo, 1938, S. 98/99

[13] Franz Pruner, *Aegypten's Naturgeschichte und Anthropologie*, Erlangen, 1847, S. 68; Alfred von Kremer, *Aegypten*, Leipzig, 1863, Bd. 2, S. 86

[14] Einzelheiten bei Rolf Herzog, *Die Nubier*, Berlin, 1957, S. 115 ff.

[15] Ernst Marno, *Über die Handelsstraßen Ägyptens*, «Österreichische Monatsschrift für den Orient», Bd. 3; Wien 1877, S. 96

По докладу выступил К. Рейнинг.

12 августа, утреннее заседание
Председатель Дж. Хантингфорд (*Лондон*)

HORST STÖBER (*Berlin*): DIE VERÄNDERUNG DER SOZIALEN STELLUNG DES HÄUPTLINGS in NORDGHANA UNTER DEN BEDINGUNGEN DER KOLONIALHERRSCHAFT

Einleitung

Die Erforschung der Veränderung der sozialökonomischen Verhältnisse Afrikas unter den Bedingungen der imperialistischen Kolonialherrschaft ist eine wichtige Aufgabe der Ethnographie, deren Bedeutung noch dadurch erhöht wird, daß sich aus der Erkenntnis dieser Verhältnisse bestimmte Aufgaben für die antikoloniale Befreiungsbewegung ergeben. So heißt es bezeichnenderweise im Kommuniqué des Vorbereitenden Komitees zur Konferenz der Völker Afrikas (Accra 1958): «So lange wir noch nicht das Wesen und die unpatriotische Rolle der afrikanischen politischen Karrieristen, deren Tätigkeit den Imperialisten hilft, ihre traditionelle Politik „Teile und herrsche" durchzuführen, dieses letzten Bollwerks des Kolonialismus aufgedeckt haben, so lange wird Afrika seine verlorene Freiheit nicht wiedergewinnen und seinen gesetzlichen und rechtmäßigen Platz unter den anderen Ländern einnehmen» («Daily Graphic», 12. 9. 58). In einer der Resolutionen der Konferenz selbst wurden dann diese «politischen Karrieristen» konkret beim Namen genannt. Es heißt dort, daß einige der afrikanischen traditionellen Institutionen, insbesondere die Macht der Stammeshäuptlinge, nicht den Anforderungen der Demokratie entsprechen und daß einige von diesen Institutionen dem Kolonialismus Unterstützung leisten und ein Instrument der Korruption, der Ausbeutung und der Unterjochung darstellen sowie die Würde, die Individualität und den Willen der Afrikaner in ihrem Kampf um die Befreiung unterdrücken [1].

Die jüngste Geschichte der unabhängigen Staaten Afrikas, insbesondere Ghanas, zeigt, daß das Problem der Auseinandersetzung mit den traditionellen Institutionen auch nach Erlangung der politischen Unabhängigkeit noch nicht gelöst ist, da die Häuptlinge nach wie vor eine Macht darstellen. Um jedoch das Wesen der traditionellen Institutionen aufzudecken, muß untersucht werden, wie sich die soziale Stellung des Häuptlings unter den Bedingungen der Kolonialherrschaft gewandelt hat.

Der sowjetische Ethnograph P o t e k h i n hat in verschiedenen Arbeiten die Ansicht vertreten, daß die von den Kolonialherren begünstigten Stammeshäuptlinge feudale oder halbfeudale Elemente darstellen, daß sie unter dem Schleier der Überreste patriarchalischer Gentilverhältnisse feudale Formen der Ausbeutung anwenden. Typisch für das afrikanische Dorf sei heute die Vorherrschaft patriarchalisch-feudaler Verhältnisse. Die Herrschaft feudaler Produktionsverhältnisse begründet er damit, daß hier der Bauer in allen Landfragen vom Stammeshäuptling abhängt, daß die Veräußerung eines Teils der Arbeit oder der Produkte an den Häupt-

ling für den Bauern unabdingbare Voraussetzung für die Bebauung des Bodens darstellt (P o t e k h i n 1956, S. 5—6; 1958, S. 146; 1959, S. 14—15). P o t e k h i n ist sich durchaus darüber im klaren, daß es sich in Afrika südlich der Sahara um keinen Feudalismus europäischer oder asiatischer Prägung handelt. Wenn man diese Formen des Feudalismus hier suchen wollte, so meint er, käme man zu dem Schluß, den die Mehrheit der bürgerlichen — einschließlich der afrikanischen — Forscher zieht, nämlich, daß es südlich der Sahara keinen Feudalismus gibt. P o t e k h i n betont deshalb auch immer wieder den spezifischen Charakter dieses Feudalismus, seine patriarchalisch-gentile Verschleierung, seine Verwurzelung mit religiösen Vorstellungen und vor allem daß, — da es kein Privateigentum an Grund und Boden gibt, — das Recht des Häuptlings auf das Land nur ein beschränktes ist.

Dennoch bleibt dieses Problem weiterhin heiß umstritten, und als P o t e k h i n im Jahre 1957 in Ghana weilte, fand er dort keinen Menschen, der seine Ansichten teilte (1958, S. 145). Es dürfte verhältnismäßig leicht sein, den westafrikanischen Feudalismus dort nachzuweisen, wo er offenbar schon früher existierte — z. B. bei den *Yoruba*, den *Nupe*, *Haussa* oder anderswo, besonders dort, wo es bereits vor der Kolonialherrschaft zur Staatenbildung gekommen war. Daß es sich auch hier um keinen «klassischen» Feudalismus handelt, ist klar, und wir werden uns später an anderer Stelle speziell mit diesem Problem auseinandersetzen. Hier wollen wir diese Frage in einem Gebiet untersuchen, wo es vor Beginn der Kolonialherrschaft noch keine entwickelte Klassengesellchaft gegeben hat, nämlich in Nordghana, im Norden der ehemaligen Goldküste.

Die sozialen Verhältnisse in Nordghana vor der Kolonialherrschaft.

Die soziale Organisation der Völker Nordghanas und insbesondere die Stellung der Häuptlinge vor Beginn der Kolonialherrschaft, die offiziell im Jahre 1901 begann, wurde stark von Wanderungen und kriegerischen Einfällen verschiedenster Völker beeinflußt, die die ursprünglich gentilen Verhältnisse in zunehmendem Maße lockerten. Die heutigen Völker Nordghanas sind so aus einer Mischung vieler, wenn auch verwandter Stämme hervorgegangen. Nach R a t t r a y and C a r d i n a l l ergab sich dabei folgende Situation: An der Spitze der erstansäßigen Familiengruppen dieses Gebiets stand jeweils ein Oberhaupt, ein *Tendaan*, wie ihn die *Tallensi* nennen [2]. Im Laufe der Zeit, als sich die ursprünglichen Familiengruppen vergrößerten, aufsplitterten und es zur Bildung neuer Siedlungen kam, verlor der *Tendaan* mehr und mehr die Kontrolle über die einzelnen, nunmehr selbständigen Familiengruppen [3].

Fremdstämmige Einwanderer kamen ins Land, die vom *Tendaan* Land zur Nutzung erhielten, diesen als Landeigentümer anerkannten, jedoch ihr eigenes Oberhaupt wählten. So kam es mehr und mehr zu einer Unterscheidung zwischen der Herrschaft (des *Tendaan*) über das Land und der Herrschaft über die Menschen, die zunächst die Oberhäupter der Familien und Siedlungen, nach den Einfällen der Fremden — vor allem der *Dagomba* und *Mamprussi* — jedoch die fremden Stammeshäuptlinge ausübten. Im Laufe dieser Eroberungen wurden zwar beispielsweise die eingewanderten *Dagomba* zu *Namnam* und die *Mamprussi* zu *Tallensi*, d. h. sie gingen in den unterworfenen Stämmen auf und anerkannten auch den örtlichen *Tendaan* als den obersten Priester der lokalen Erdgottheit, aber die Häuptlingsschaft übernahmen sie (R a t t r a y II, S. 366—367). Die Häupt-

linge sind auf jeden Fall Fremde, der *Tendaan* immer ein Einheimischer, und man muß deshalb wohl annehmen, daß dort, wo es vor der Kolonialherrschaft keinen Häuptling gegeben hat — was beispielsweise die *Awuna* von sich behaupten (*ibid.*, 526) — auch keine Fremden eingewandert sind.

Welche Eigentumsverhältnisse bestanden nun zu dieser Zeit in Nordghana?

Das Land gilt als Eigentum der Erdgottheit. Deshalb ist allein dessen Oberpriester, der *Tendaan*, befugt, das Land zu verteilen, jedoch nicht, es als Privateigentum zu verkaufen. Wer vom *Tendaan* Land erhält, zahlt deshalb auch keine Rente. Die jährlichen Abgaben, die er dem *Tendaan* leistet, — gewöhnlich einen Korb voll Korn oder Hirse — tauscht dieser gegen Kühe und Schafe ein, um diese dann der Erdgottheit zu opfern (Cardinall, S. 60—61; Rattray I, S., 257). Der *Tendaan* nimmt also kein Mehrprodukt für sich in Anspruch. Daran ändert die Tatsache nichts, daß er über das unbebaute Land verfügt und infolgedessen auch über Fundsachen, einschließlich verendeter oder entlaufener Tiere. In ihrer Stellung zum *Tendaan* unterscheiden sich die Häuptlinge in keiner Hinsicht von den anderen Mitgliedern der Gesellschaft.

Jeder hat Anspruch auf Land. Doch wie wird dieses Recht in den Produktionsverhältnissen realisiert? Buschland kann jeder bebauen, so viel er will und kann. Doch weit beschränkter ist natürlich die Verfügung über das seit langem bebaute Land innerhalb des direkten Siedlungsgebietes. Es steht unter der Kontrolle des Ältesten, des Oberhaupts einer bestimmten Verwandtschaftsgruppe. Diese wurde als Gruppe bezeichnet (Tait, S. 332), als Haushalt, (Manoukian, S. 66 und Fortes 1945, S. 177, S. 226) als eine Kernlineage, die gewöhnlich von der Gruppe männlicher Agnaten eines Haushalts gebildet wird, (Werder, S. 101) — wahrscheinlich am genauesten — als Großfamilie, die ein männliches Oberhaupt und seine Frauen, seine jüngeren Brüder mit ihren Frauen, seine ledigen Kinder sowie Sklaven und Verpfändete umfaßt. Es handelt sich also um eine patriarchalische Großfamilie, die bereits die patriarchalische Sklaverei kennt, wobei die Sklaven praktisch den jüngeren Familienmitgliedern gleichgestellt sind.

Doch was bedeutet diese Kontrolle des Ältesten über die Großfamilie? Nach Werder hat das Oberhaupt Anspruch auf die Arbeitskraft der anderen bei der Arbeit auf seinen Feldern, denn innerhalb der Großfamilie besteht individuelle Bodennutzung. Er hat sogar das Recht, Unbotmäßige zu bestrafen, ja sogar zu vertreiben und zu verkaufen. Aufgrund der ihm zu leistenden Dienste seiner Gruppenangehörigen bebaut er selbst mehr Land, besitzt er mehr Vieh und Frauen als die anderen Gruppenmitglieder. (Fortes, 1936b, S. 238; Cardinall, S. 60—61). Dennoch ist dieses Oberhaupt keineswegs ein Ausbeuter. Einmal ist er Funktionär seiner Gruppe, der für diese verantwortlich ist, selbst für die Zahlung des Brautgeldes. Er verfügt zwar über die Ernte der gemeinsamen Arbeit [4], aber doch nicht gegen den Willen der Angehörigen der Gruppe (Fortes 1945, S. 178, 226). Er ist auch keinesfalls Privateigentümer, weder in bezug auf das Land, noch in bezug auf die abhängigen Menschen, sondern Verwalter des Eigentums, das innerhalb der Gruppe weiter vererbt wird, und jeder Freie, der heute als junger Mann noch Arbeiten für das Oberhaupt leistet, kann nach dessen Tode seine Stelle als Ältester übernehmen. Die soziale Stellung wird also vom Alter bestimmt. Es handelt sich somit nicht um Klassenverhältnisse, sondern um patriarchalische Familienverhältnisse, wie sie für die normale Endphase der Urgesellschaft typisch

sind. Die patriarchalische Großfamilie stellt sich nach Horde und Klan als die letzte sozial-ökonomische Grundzelle der Urgesellschaft dar.

Das Land ist noch Gemeineigentum und kann von der Großfamilie nur verschenkt oder verliehen werden, was dem Verleiher höchstens ein paar Geschenke, keinesfalls jedoch eine Rente einbringt (*ibid.*, S. 177).

Die Großfamilie ist allerdings nicht isoliert, noch existiert der Klan. Der Häuptling oder auch der *Tendaan*, der an seiner Spitze steht, hat zwar nur eine moralische oder rituelle Macht über den Klan, aber die Klanbeziehungen selbst haben nicht ihren Charakter als eine gemeinsame Interessengruppe verloren. Fortes berichtet von den *Tallensi*, daß dort ein Gläubiger das Vieh, das also persönliches Eigentum war, jedes Klanangehörigen seines Schuldners rauben konnte. Der Geschädigte konnte dann Ersatz vom Schuldner, der seinem Klan angehörte, fordern. Fortes kannte Menschen, die ihr Kind verpfändet oder in die Sklaverei verkauft hatten, um einem geplünderten Klanangehörigen Ersatz zu schaffen (1945, S. 245).

Viele Völker Nordghanas, z. B. die *Tallensi*, kannten keine Stammesorganisation. Ihre Vereinigung ging auch später, in der Kolonialzeit, nur auf administrativer, territorialer Basis vor sich. Eine etnwickelte Stammesorganisation hatten die *Dagomba* und *Mamprussi*, wahrscheinlich bereits auch Stammesbünde. Wir wollen nun die soziale Rolle des Häuptlings und des *Tendaan* vor Beginn der Kolonialherrschaft etwas genauer betrachten.

Bei den *Isala* stand an der Spitze des Klans der *Tendaan*. Er bekam Hilfe bei seinen Feldarbeiten und ein Geschenk von den ersten Feldfrüchten. Doch Anspruch darauf hatte er nicht (Rattray II, S. 482, S. 493). Ähnliche Verhältnisse bestanden auch bei den *Tampolense*. Auch hier ist der Häuptling, der über territoriale Gruppen herrscht, erst eine jüngere Erscheinung (*ibid.*, S. 512—520). Die *Awuna* kannten vor der Kolonialherrschaft gar keinen territorialen Häuptling neben dem *Tendaan* (*ibid.*, S. 626). Kompliziertere Verhältnisse hatten sich bei den *Tallensi* herausgebildet.

Die *Tallensi* waren noch zu Beginn der Kolonialherrschaft kein einheitliches Volk. Es gab bei ihnen keine Zentralgewalt, selbst keine Vereinigung zu Kriegszwecken (Fortes 1950, S. 240—241).

Die größte soziale Einheit, an deren Spitze ein Häuptling (*Na'am*) bzw. ein *Tendaan* stand, war der Klan bzw. die «maximal lineage». Diesem Häuptling unterstanden die Oberhäupter der kleinen Lineagegruppen. Theoretisch kann jeder Mann Häuptling bzw. Oberhaupt seiner sozialen Gruppen werden. In der Praxis ist der Kreis derer, die Häuptling werden können, bereits beschränkt. Die Funktion des *Na'am* kann nur ein Nachkomme der ursprünglichen Einwanderer aus Mampurugu übernehmen. Außerdem wird er direkt nur von einem Wahlmann, gewönlich von einem Unterhäuptling gewählt. Dieser Wahlmann ist offenbar bestechlich. Jedenfalls spricht Fortes (1950, S. 255—256) davon, daß nur ältere Menschen, die über die Dienste vieler Abhängiger (*dependants*) verfügen, in der Lage sind, die Kosten für den Häuptlingsposten aufzubringen, um den Sieg bei der Wahl davonzutragen. So «kostet» ein kleinerer Häuptlingsposten 8—9 Stück Vieh, ein größerer bis zu 70 Stück Vieh und dazu noch eine Menge Kaurischnecken. Allerdings ist dieser reiche Kandidat doch nicht stark genug, um allein die Unkosten tragen zu können. Er ist dabei auf die Hilfe seiner Verwandten angewiesen. Dieses Beispiel unterstreicht jedoch nochmals die vorhandene Reichtumsdifferenzierung und bereits die Möglich-

keit, diese Macht umzumünzen. Allerdings ist diese Macht sehr beschränkt; der Häuptling kann von keinem der Angehörigen seiner sozialen Gruppe irgendwelche Dienste oder Abgaben verlangen. Er hat lediglich einige Vorrechte auf die Benutzung bestimmter Jagdgründe sowie einiger Bäume. Innerhalb seiner Gruppe hat er Streitigkeiten zu schlichten und bestimmt auch das Verhalten gegenüber den Fremden. Er bezitzt das Privileg, einen Fremden in die Sklaverei zu verkaufen (*ibid.*, 258—59). Der Häuptling von Tongo ist nach F o r t e s (1945, S. 182; 1950, S. 255—56) der überragendste und rangälteste Häuptling der *Tallensi*. Diese Funktion bedeutete jedoch vor Beginn der Kolonialherrschaft noch keinen Anspruch auf die Herrschaft über alle *Tallensi*. Der Häuptling von Tongo stand zunächst nur rituell höher; die Tatsache jedoch, daß er seine Unterhäuptlinge selbst wählte, zeigt, daß er auch innerhalb seiner sozialen Gruppe stärker war. Die religiösen Funktionen der *Tallensi*-Häuptlinge sind durchaus nicht unbedeutend. Sie vertreten den Ahnenkult der eingewanderten Klane, der sie mit ihrer Urheimat in Mampurugu verbindet, während der *Tendaan* innerhalb der Gemeinde als Vertreter des autochthonen Klans den Erdkult vertritt. Dennoch handelt es sich hier um keinen Dualismus. *Tendaan* und *Na'am* sind gemeinsam für das Wohl der Gemeinde verantwortlich, und nur in Zusammenarbeit ist ihnen ein Erfolg vergönnt (M a n o u k i a n, S. 50, 85).

Von den *Namnam*-Häuptlingen wird berichtet, daß sie jährliche Tribute in Form von Korn, Erdnüssen und Bohnen und ferner Geschenke erhielten (R a t t r a y II, S. 368). Ob es sich dabei wirklich um einen Tribut, um eine Entschädigung für Ausgaben zum Wohle der Gemeinschaft oder um eine Rente handelt, wird nicht klar. Letzteres ist jedoch kaum anzunehmen, da auch die Häuptlinge der *Namnam* den *Tendaan* anerkannten und von ihm wie jeder andere Land erhielten.

An der Spitze der Klane der *Mamprussi* stand der *Na*, der lediglich juristische und religiöse Funktionen ausübte, dabei sich auf die Ältesten der einzelnen Sektionen stützte und wie bei den *Tallensi* lediglich das Privileg hatte, sich Fremder zu bemächtigen und sie in die Sklaverei zu verkaufen (B o y o n, S. 101). Die *Mamprussi* waren jedoch bereits zentralisiert und standen unter der Herrschaft des *Na* von Naleregu, des *Na-yiri*, der mit Hilfe eines Rats regierte. Das ganze Gebiet der *Mamprussi* war dann weiter in drei territoriale Einheiten untergliedert, an deren Spitze Häuptlinge standen, die eigentlich Heerführer der Territorialarmeen und gleichzeitig die höchsten Offiziere in der gemeinsamen Armee der Mamprussi waren. Direkt unterstanden dem *Na-yiri* 11 Städte oder Dörfer, von denen jedoch 9 von seinen Söhnen beherrscht wurden, von denen einer später sein Nachfolger wurde. Die Einkünfte des *Na-yiri* setzten sich zusammen aus Tributen, die die Territorialhäuptlinge, Städte und Dörfer aufbringen mußten: jährlich pro Einheit 4000—100 000 Kaurischnecken, ferner Fische, Hühner; die Dörfer und Städte mußten auch Arbeitskräfte aufbringen; aus Kautionen, Wahlgeldern, der Kriegsbeute und den Eidsteuern (R a t t r a y II, S. 555—560).

Es wäre jedoch verfehlt, in bezug auf die *Mamprussi*, wie übrigens auch auf die *Dagomba* und *Nanumba*, bereits von entwickelten Staaten zu sprechen. Derselbe R a t t r a y (II, S. 541) charakterisirt diese Vereinigungen wie folgt: «Unter den Bedingungen, die existierten, als diese Staaten gegründet wurden, konnte — wie es oft auch wirklich geschah — eine Gruppe von 20 oder weniger gut bewaffneten und entschlossen kämpfenden Männern das politische Gesicht verändern. Die reale Bedeutung solcher

„Eroberungen" ist geeignet, in unseren Augen übertrieben zu werden. Wir sind sehr geneigt, uns absolute Monarchen und autokratische Formen der Regierung vorzustellen, wenn wir, in einer ziemlich großzügigen Weise, von diesem „großen Reichen" im heidnischen Afrika sprechen. Es ist eine Tatsache, daß solche Verschmelzungen kaum das reale innere Leben der einfachen Menschen berührt haben. Die größten dieser „Reiche" existierten nur Dank der Dezentralisation, und das Recht, die eigenen Angelegenheiten selbst zu regeln, in eigener Weise, war der Grundton jedes Versuches bei einer effektiven provinziellen Kontrolle».

Die Quellen reichen leider nicht aus, um diese Entwicklungsstufe genau zu charakterisieren. Wir finden auf jeden Fall noch Elemente, die an die der Griechen der «Heroenzeit» erinnern und die Engels im Begriff «militärische Demokratie» zusammengefaßt hat: Sklaverei, zunächst noch bloß von Kriegsgefangenen, aber schon die Aussicht eröffnend auf Versklavung der eigenen Stammes — und Gentilgenossen; der alte Krieg von Stamm gegen Stamm bereits ausartend in systematische Räuberei, um Vieh, Sklaven, Schätze zu erobern, in regelrechte Erwerbsquelle. Darüber hinaus gab es bereits ein erbliches Königtum, gab es bereits territoriale Gliederungen, die jedoch noch nicht festgefügt und allumfassend waren. Volksversammlungen werden bereits nichts mehr erwähnt. Sie sind bereits durch staatliche Institutionen, den König, seinen Rat und Beamte ersetzt worden.

Eine weitere Frage, die sich aus der Analyse der sozialen Rolle dieses Königs ergibt, ist die, ob er der nominelle Eigentümer des Landes ist, ob hier staatliches Eigentum an Grund und Boden existiert und ob deshalb die Tribute an ihn eine feudale Rente darstellen, die ja bekanntlich nach Marx (S. 841) beim asiatischen Feudalismus mit der Steuer zusammenfällt. Der Angelpunkt für die Lösung dieses Problems ist zweifellos in der Rolle zu suchen, die der *Tendaan* bei den *Mamprussi* und *Dagomba* spielt. Man muß feststellen, daß in der Tat die Quellen in bezug auf diese Völker nicht derart die Rolle des *Tendaan* als Landeigentümer betonen, wie dies beispielsweise bei den *Tallensi* der Fall ist. Cardinall berichtet, daß, obwohl die *Na* der *Dagomba* die *Tendaan* z. T. ermordeten, sie sich dennoch nie die Aufgaben des *Tendaan* angemaßt haben (S. 15—16) [5]. Manoukian meint allerdings: «In Dagomba und Nanumba liegt die politische Eigentümerschaft an Land in den Händen des *Ya-Na* bzw. des *Bimbilla-Na*, und sie ihrerseits haben in der Praxis die Kontrolle über das Land ihren Unterhäuptlingen übergeben, die sagen, daß sie nicht länger den *Tendaan*, wo er existiert, konsultieren, wenn sie Land verteilen, obgleich das zweifelhaft ist» (S. 66). Die Quellen reichen also hier nicht aus, um eine klare Antwort zu geben. Man muß jedoch in diesem Zusammenhang unbedingt zwei Momente betonen — einmal, daß das *Dagomba*-Gebiet auch halbunabhängige Provinzen umfaßte (Rattray II, S. 565), was wiederum zeigt, daß die Zentralisation sehr locker war, und daß ferner zumindest noch in Jahre 1821 die *Dagomba* den *Aschanti* tributpflichtig waren. Um diese Tribute zu entrichten, forderte der *Na* Abgaben von seinen Untertanen und überfiel die schwächeren Nachbarvölker, um Sklaven zu erhalten, die er den *Aschanti* regelmäßig liefern mußte (Cardinall). Einen dauernden festen Zusammenhalt haben jedenfalls diese losen militärischen Vereinigungen ohne einheitliche ökonomische Basis noch nicht gehabt. Der *Na* war deshalb vor allem ein Kriegsführer und die Masse der Ausgebeuteten waren fremde Sklaven.

Nordghana während der Kolonialherrschaft

a) Allgemeine Veränderungen

Der Beginn der Kolonialherrschaft führte zu tiefgreifenden Veränderungen der sozialen Verhältnisse der Völker Nordghanas. Die Kolonialherren brauchten zunächst autoritative Menschen, die ihnen halfen, ihre Politik durchzuführen, d. h. zunächst vor allem solche die sie für die Durchführung ihrer Anordnungen verantwortlich machen konnten. Gewöhnlich waren es die Territorialhäuptlinge, die diese Funktion übernahmen, und wo keine existierten, wurden vielfach welche ernannt. Der *Tendaan* wurde dabei gewöhnlich ignoriert, er drängte sich auch nicht danach, denn er mußte fürchten, daß seine hohe Autorität unter den Beziehungen zu den fremden Herren leiden würde. Außerdem besaß er ja auch keine administrative Gewalt. Um so mehr strebten reichgewordene Männer, die bislang ebenfalls keine administrative Gewalt besaßen, danach, Mittelmänner der Kolonialherren zu werden. Sie erhoben sich bald zu Häuptlingen, indem sie von ihren weißen Herren administrative Rechte übertragen bekamen. So stieg beispielsweise der *Koro* — ursprünglich ein Begriff, der einen reichen Mann bezeichnete — bei der *Isala* zum Häuptling auf (Rattray II, S. 480—489). Nach Hinden (S. 98) wurden oft Menschen als Häuptling anerkannt, die nach der Tradition keinen Anspruch auf diesen Titel hatten. Diese Politik, so meint sie, hätte zu einer Schwächung der Autorität der alten Häuptlinge geführt.

Wenn auch die Kolonialverwaltung in der «*Administration Ordinance*» vom Jahre 1902 und 1906 die Häuptlinge nur ermächtigte, die Rechtssprechung so auszuüben, «in the same as such jurisdiction has heretofore exercised», so wurde doch in Wirklichkeit nichts unternommen, um die Macht der Häuptlinge über ihre Untertanen zu beschränken. Im Gegenteil: die Unterstützung, die ihnen die Kolonialherren verliehen, befähigte sie, eine Macht auszuüben, die sie vorher nie besessen hatten (Hailey 1951, S. 53, 261—262; 1957, S. 524). In der erweiterten «*Native Jurisdiction Ordinance*» vom Jahre 1910 und in der «*Chiefs Ordinance*» des Jahres 1904 wurde festgelegt, daß die «native institutions» den Häuptling ernennen, daß dieser jedoch vom britischen Gouverneur bestätigt werden muß. Der Gouverneur kann den Häuptling auch absetzen. Damit wurden die Häuptlinge — einst aus demokratischen Institutionen hervorgegangen — mehr und mehr Agenten der Kolonialverwaltung. Um diese Agenten zu stärken, erhielten sie das Recht, verschiedene Gesetze zu erlassen, die besonders den Straßenbau und die Oberaufsicht über unbebautes Land betreffen. Damit begannen die Hauptlinge praktisch über Land und Leute zu verfügen. Durch das ihnen zugesprochene Recht, Geld- und Gefängnisstrafen zu verhängen (Buell, S. 799—800), erhielten sie zusätzliche Attribute einer von den Kolonialherren geschaffenen Staatsgewalt. In der «*Native Administration Ordinance*» vom Jahre 1927 wurden alle «natives» der Befehlsgewalt der Häuptlinge unterworfen (Ward, S. 224). Darüber hinaus waren die Kolonialherren zunächst bestrebt, eine zentralisierte pyramidische Organisation der Haüptlingsgewalt zu schaffen, wobei sie einige Häuptlinge mit besonderen Machtbefugnissen ausstatteten und sie gegenüber geringeren unterstützte. Auf diese Art wurde bei den *Tallensi* besonders der Häuptling von Tongo gefördert (Fortes 1945, S. 250). Durch die Aufgliederung des Landes in administrative Distrikte wurden der alte Stammesaufbau und gleichzeitig die Grundlage für die religiöse Funktion des *Tendaan*, die an ein bestimmtes Wirkungsfeld der Erdgott-

heit gebunden war, zerbrochen (Hailey 1951—53, S. 261—262; Hinden, S. 98).

Die neuen Häuptlinge verstanden sich durchaus nicht auf die traditionellen Pflichten, sie ignorierten den *Tendaan* und waren im Dienste der europäischen Kapitalisten, die ihnen die Macht gaben, lediglich darauf bedacht, sich selbst zu bereichern. Die Interessen der Kolonialherren, die sie zu vertreten hatten, ermöglichte es ihnen, ihre Untertanen hemmungslos auszubeuten. Gestützt auf die Bajonette der fremden Eroberer begannen sie von ihren Untertanen Arbeitsleistungen, Zins und Steuern zu verlangen. Das galt keineswegs nur für die *Dagomba* und die *Mamprussi*, die derartige Dinge — wenn auch unter ganz anderen Verhältnissen — gekannt hatten. Das galt für ganz Nordghana, wo somit die Häuptlinge sich ein Recht anmaßten, daß sie früher nie besessen hatten (Manoukian, S. 64; Fortes 1950, S. 264—265; Hailey 1951—53, S. 262). Der *Koro* bei den *Isala*, der früher nur ein reicher Mann, keinesfalls ein Häuptling war, bezog jetzt Vorladungsgebühren, Taschengebühren, erhielt Teile des erlegten Wildes und verfügte außerdem in der Saat- und Erntezeit über die Arbeitskräfte seiner Untertanen auf seiner Farm (Rattray II, S. 488—489). Das Oberhaupt einer der *Tallensi*-Lineages, der *Golibdaana*, wurde unter diesen Verhältnissen zu einem wahren Croesus (Fortes 1945, S. 254). Er war ursprünglich das Oberhaupt einer Lineage, die das Monopol über einen mächtigen Kult hatte, der riesige Pilgerscharen aus ganz Ghana an sich zog.

Unter den Bedingungen der Kolonialherrschaft wurde der *Golibdaana* als Oberhäuptling aller Bergklane der *Tallensi* anerkannt. Er nutzte diese Stellung einmal dazu aus, den Pilgerverkehr, der immer einträglicher wurde, in seinen eigenen Händen zu monopolisieren und ihn weiter zu fordern. Noch im Jahre 1933 übte er die Kontrolle über *Tenzugu*-Klane in allen Angelegenheiten aus, die unter die Jurisdiktion der Kolonialverwaltung fielen. Er bot die jungen Männer zum Straßenbau und zu Bauarbeiten an Rasthäusern auf, er zog die Steuern von allen Haushaltungen des Berggebietes ein und fungierte als oberster Richter.

Öffentliche Ämter wurden jetzt kommerziell wertvoll, und die Gier ihrer neuen Träger nach Reichtum wurde durch die eindringenden europäischen Waren nur noch gefördert. Und schließlich wurde das einträgliche Amt des Häuptlings oder auch des kleinen Beamten, der das Klanoberhaupt verdrängte, überall nur denen zugänglich, die dazu das nötige Geld aufwenden konnten (Werder S. 121). Reichtum, so meint auch Rattray (II, S. 487), wurde der entscheidende Faktor bei der Wahl eines Häuptlings. Die Bestechung blühte, und der *Tendaan*, der die Interessen des Klans vertrat, konnte hier nicht konkurieren. Die neuen Häuptlinge, die sich immer mehr bereicherten, wurden in persönlicher Hinsicht Interessenvertreter nur ihrer eigenen Familie (*ibid.*).

Diese Verhältnisse, die die Kolonialherrschaft mit sich brachte, werden gewöhnlich von allen bürgerlichen Autoren kritisiert und verworfen. Sie entschuldigen dabei jedoch die Kolonialherren gewöhnlich damit, daß diese anfangs die ursprünglichen Verhältnisse noch nicht richtig kannten, daß das ganze soziale Gefüge erst einmal richtig studiert werden mußte, ehe man zu besseren Kolonisationsmethoden übergehen konnte. Diese Wende wurde nach Ansicht der britischen Autoren in den Jahren nach 1931 vollzogen (Manoukian, S. 65; Hailey 1951—53, S. 261—262; Fortes 1945, S. 250 f.). Die Reformen, die von 1932 bis 1936 zur Schaffung der sogenannten «indirekten» Verwaltung führten, waren vor allem folgende: Durch Gesetze von 1932 und 1935 wurden «*Native Authorities*» geschaffen,

denen ein eigenes Schatzamt zugesprochen wurde; 1936 wurde eine direkte Besteuerung eingeführt. Was stellen nun diese «*Native Authorities*» dar? Das entsprechende Gesetz definierte sie als «any chief or other native or any native council or group of natives or native councils declared to be a Native Authority under this Ordinance for the area concerned» (M a n o u k a n S. 65). Wer nun wirklich zur «*Native Authority*» erklärt wurde, oblag der Bestimmung des britischen Gouverneurs. Er allein hatte auch das Recht, eine solche «*Native Authority*» wieder abzusetzen (H i n d e n, S. 98). Wenn Hailey konstatiert, daß diese «*Native Authorities*» teils die traditionellen Häuptlinge, teils Mächte sind, die in den Jahren vor 1932 entstanden sind (1951/53, S. 262—63), so geht daraus hervor, daß die britischen Reformen praktisch an der Zusammensetzung der Häuptlingsschaft nicht das geringste verändert haben.

Im *Mamprussi*-Gebiet verblieben die traditionellen, erblichen Autoritäten, die aus bestimmten privilegierten Familien stammten, im Amt. Lediglich die *Kassena-Nankansi*-Häuptlinge, die Autoritäten im *Builsasub*-Gebiet, sowie die dem *Na* von *Mamprussi* untergeordneten *Fra-Fra*-Häuptlinge machten hierbei eine Ausnahme. Die untergeordneten (subordinate) «*Native Authorities*» wurden hier entweder von der obersten «*Native Authority*» ernannt bzw. von den unteren sozialen Einheiten gewählt (*ibid.*). Im *Dagomba*-Gebiet verblieb die traditionelle erbliche Macht des *Ya-Na*, die untergeordneten Häuptlinge wurden von ihm ernannt. In Wala wurden der *Wa-Na*, in Lawra der «Präsident» und die Häuptlinge der *Lawra*-Konföderation, im *Nanumba*-Gebiet der *Bimbilla-Na*, im *Gonja-Gebiet* der *Yabumwura*, im Gebiet der *Brong*-Konföderation der *Sarikin Zongo Prang* und in Krachi der *Krachiwura* mit ihren Räten zur «*Native Authority*» erklärt (*ibid.*, S. 264). Es blieben also die alten größtenteils aristokratischen Häuptlinge im Amt. Von einer Demokratisierung kann demnach keine Rede sein.

Die bürgerlichen Autoren heben weiterhin die Beseitigung der künstlichen Distriktsgrenzen hervor, das Bestreben, die alten Stammesgrenzen zu rekonstruieren und die künstlichen Zentralisierungen zu beseitigen (H i n d e n, S. 98; F o r t e s 1945, S. 255). Damit begann man aber einen Anachronismus zu konservieren, wenngleich 1946 durch die Schaffung des *Northern Territories Council of Chiefs* doch wieder eine Zentralgewalt geschaffen wurde (W a r d S. 228.)

Das ganze System der *Native Authorities* war darauf gerichtet, Gewalten zu schaffen, die die britische Kolonialherrschaft stützten. Die wirkliche Macht der *Native Authorities* war sehr beschränkt. Sie waren verpflichtet, die Ordnung im Sinne der Kolonialverwaltung aufrecht zu erhalten und die lokale Gerichtsbarkeit auszuüben. Sie erhielten lediglich die Macht der Entscheidung über Fragen der Durchführung von Glücksspielen, des Destillierens und Verkaufs von Alkohol, des Waffentragens, des Viehtransport, der Ausrottung der Tsetsefliege, der Wasserentweihung, des Holzfällens und Grasabbrennens, der Steuerhinterziehung, des Kampfes gegen Epidemien; sie mußten über Geburten, Heiraten und Todesfälle berichten; sie mußten ferner alle Befehle der Kolonialverwaltung durchführen; ihre Gesetze konnten von den Kolonialherren annuliert werden (H i n d e n, S. 99). Diese Aufzählung zeigt wohl doch mit aller Deutlichkeit, daß die Häuptlinge zu bloßen Beamten der Kolonialverwaltung geworden waren.

Doch was die *Native Authorities* gefügig machte, den Büttel zu spielen, war das ihnen übertragene Schatzamt, wenngleich dieses auch formell von einem lokalen Finanzkomitee verwaltet wurde, deren Mitglieder übrigens 1948 gleichberechtigte Mitglieder der *Native Authorities* wurden. Natürlich brauchten die *Native Authorities* bei der Durchführung ihrer Aufgaben

Geld, und die bürgerlichen Autoren betonen auch, daß dies der einzige Zweck der Einführung der direkten Steuer gewesen ist, wobei die Häuptlinge auf ihr Recht verzichtet hätten, den üblichen Tribut in Form von Arbeitsleistungen und Abgaben von ihren Untertanen zu fordern [6] (H a i l e y 1957, S. 524; 1951/53, S. 262/63; H i n d e n, S. 100). Die Steuern wurden von den *Native Authorities* — also im wesentlichen von den alten Häuptlingen — eingezogen und gingen in den Fonds des Schatzamtes der *Native Authorities* ein. Die Steuer betrug 2—6 Schillinge für jeden erwachsenen Mann. In einigen Gebieten wurden auch Frauen besteuert, und einigen Dörfern wurde eine Kollektivsteuer auferlegt.

Etwa zwei Drittel der Einnahmen der *Native Authorities* setzten sich aus den direkten Steuern, den Gerichtsgebühren, Markt- und Fährsteuern zusammen. Von den Einnahmen werden 35% für das Bildungs-, Gesundheits-, Veterinär-, Forst-, Agrar- und Wasserversorgungswesen ausgegeben und 25% für Kapitalanlagen. 40% werden jedoch für die Verwaltung verwendet: die Lokalpolizei, das Gerichtswesen und die Beamten des Staatsapparates, der *Native Authorities*. Das Jahresgehalt dieser eingeborenen Kolonialbeamten betrug für Häuptlinge des *Mamprussi*-Gebietes bis zu 210 Pfund Sterling (in *Wa* bis zu 86 Pfund; der *Na-Ya* von *Dagomba* erhielt 250 Pfund). Unterhäuptlinge erhielten jährlich von 12—24 Pfund Sterling in *Mamprussi* bis zu 60 Pfund in *Dagomba*. Die anderen Ratsmitglieder erhielten jährlich bis zu 12 Pfund Sterling bzw. 10% der von ihnen in ihrem Bereich eingesammelten Steuern (H a i l e y 1951/53, S. 265—266). So waren also die *Native Authorities* und an ihrer Spitze die Häuptlinge zu besoldeten Beamten des Kolonialapparates geworden.

An dieser Situation hat auch die «*Local Government Ordinance*» vom Jahre 1951 (Ward S. 232—37) wenig geändert. Zwar wurde nun neben der Kopfsteuer eine Vermögens- und Einkommensteuer geschaffen, doch die Mitglieder der neugeschaffenen Lokalräte, die diese Steuern festzulegen hatten, wurden zu einem Drittel von den *Native Authorities*, also vor allem von den Häuptlingen, selbst ernannt. Zwei Drittel der Ratsmitglieder werden jedoch nunmehr gewählt.

b) V e r ä n d e r u n g d e r E i g e n t u m s v e r h ä l t n i s s e

Zu welchen Veränderungen der Eigentumsverhältnisse hat nun die Kolonialherrschaft in Nordghana geführt?

Bereits zu Beginn der Kolonialherrschaft mußte die wachsende ökonomische und politische Bedeutung des Häuptlings gegenüber dem *Tendaan* langsam dazu führen, daß der Häuptling sich auch die Verfügungsrechte des *Tendaan* über das Land anmaßte. So äußerten die *Namnam* bereits gegenüber R a t t r a y, daß die Häuptlinge jetzt das Land besitzen (II, S. 368). Die *Kusase* erklärten, daß viele Häuptlinge die Erdgottheiten mißachten und Anspruch auf das Land erheben (II, S. 376)). Ein *Kassena*-Häuptling äußerte bereits, daß das Land schon immer sein Eigentum gewesen ist (II, S. 538). B u e l l berichtet, daß die Häuptlinge Land verteilten, wobei sie ein Drittel der Ernte als Rente beanspruchten (S. 816). Allerdings haben diese Landveräußerungen an Fremde — im Zusammenhang mit der Einführung der Kakao-Warenproduktion — wohl vor allem das *Aschanti*-Gebiet und den Süden Ghanas betroffen.

In Nordghana versuchte die Kolonialverwaltung das Land an die «natives» zu binden. Damit wurde keineswegs eine Veräußerung des Landbesitzes ausgeschlossen. Die «*Land and Native Rights Ordinance*» vom Jahre 1927 sowie das Ergänzungsgesetz vom Jahre 1931 machten hier lediglich eine Veräußerung des Landes durch die Häuptlinge an Nichtafrikaner von der

Zustimmung des Gouverneurs abhängig, womit — wenn es auch formell hieß, «for the use and common benefit of the natives» — letztendlich das Land in Nordghana zum faktischen Eigentum der britischen Krone erklärt wurde, sofern nicht existierende, nachgewiesene Besitztitel — also auch Pachtverhältnisse — vom Gouverneur anerkannt wurden (H i n d e n, S. 92; M e e k, S. 170; S. 291; A p t e r, S. 55—56; H a i l e y 1957, S. 740). Durch dieses Gesetz wurden die Besitzrechte auf das von altersher bebaute Land beschränkt, und das unbebaute Land stand nicht mehr jedem zur Bebauung frei. Die weitere Verteilung des Landes lag nunmehr praktisch in den Händen der Häuptlinge, der *Native Authorities*, die aus diesem Recht Gewinn schöpften. Das geht — so spärlich die Quellen hierüber auch sind — dennoch aus indirekten Angaben hervor. H a i l e y schreibt über die jetzt einsetzende große Veränderung, daß die Häuptlinge, die als *Native Authorities* anerkannt wurden, nach dem traditionellen System kein Land verteilen durften (1957, S. 793). Nunmehr übernahmen Häuptlinge die Funktion des *Tendaan* (d. h. eine ursprünglich urgesellschaftliche Funktion) in bezug auf die Landverteilung (1951/53, S. 276). In der «*Local Government Ordinance*» vom Jahre 1951 wird den Lokalräten auferlegt, bei der Festlegung der Einkommens- und Vermögenssteuer auch zu berücksichtigen, ob der Bauer das Land von einem «landlord» gepachtet hat oder ob er es als Eigentum besitzt (W a r d, S. 236). Nach H a n n i g a n erhielt der Häuptling einen Tribut von den Fremden, die in seinem Bereich Land bearbeiteten. Nach 1951 erhielt er nur noch einen Teil davon, während der andere Teil formell in den Fonds der Lokalräte einfloß (S. 120—121). Auch im ehemaligen britischen Nordtogo war es nach einem UNO-Bericht Aufgabe der Häuptlinge, dafür zu sorgen, daß das Land zum Nutzen des Volkes verwendet wurde (UNO-Resolutions, S. 24).

Die Bebauung des Landes durch Stammesfremde, die also zumindest zur Zahlung einer Rente verpflichtet waren, war durchaus keine Seltenheit. Viele junge Männer der *Tallensi* zogen beispielsweise ins *Mamprussi*-Gebiet, um dort ihr Land zu bebauen (F o r t e s 1936, S. 41—42). Außerdem zog von den *Tallensi* fast jeder Dritte in der Trockenzeit nach dem Süden, um dort als Saisonarbeiter Geld zu verdienen (F o r t e s 1945 S. 10).

Zusammenfassend kann man feststellen, daß die Klassendifferenzierung im kolonialen Nordghana bereits Fortschritte gemacht hat. Es gibt freie Eigentümer an Grund und Boden, die steuerpflichtig sind und ihr Land nicht verkaufen dürfen, es gibt renten- und steuerpflichtige Pächter, und es gibt reiche Häuptlinge, die Gemeindeland verpachten, wovon sie zumindest einen Teil als Rente beziehen. Unter den ersten beiden Gruppen gibt es jedoch ebenfalls eine Reichtumsdifferenzierung aufgrund der Möglichkeit, Land zu vepfänden [7] und aufgrund dessen, daß eine Erweiterung der Anbaufläche — eine Frage, die bei der Vergrößerung der Familien insbesondere für die jungen Männer sehr akut ist — nur durch ein Pachtverhältnis möglich ist oder aber, daß sie Saisonarbeiter werden, um sich Vieh zu kaufen.

Doch die wichtigste Frage, die es nun noch zu klären gilt, ist die, ob die Eigentumsverhältnisse an Land feudalistische oder andere Produktionsverhältnisse darstellen.

Analyse der Produktionsverhältnisse

Beginen wir mit den Pachtverhältnissen. Die Häuptlinge verfügen über das Land. Dieses Verfügungsrecht bezieht sich auf das gesamte Gebiet, in dem sie als «*Native Authorities*» gelten. Zwar wurden die «*Land and Native Rights Ordinance*» die Besitzrechte der eingeborenen «Indivi-

duen, Familien und Gruppen» an ihren traditionellen bebauten Ländereien anerkannt, aber einmal war es nicht zu verkaufen, und zum anderen verfügte der Häuptling über alle noch vergebenden Ländereien, einschließlich der Jagd-, Holznutzungs-, Schurf- und Baumnutzungsrechte. Der Häuptling verblieb also — von der Obereigentümerschaft der Krone zunächst abgesehen — Eigentümer des Landes und bezieht als solcher von jedem dem er ein Landbenutzungsrecht verleiht, eine Rente.

Es kann wohl kaum bezweifelt werden, daß es sich hier nicht mehr um traditionelle Abgabeu an einen urgesellschaftlichen Funktionär handelt, die einer Entgeltung seiner Dienste und Ausgaben im Interesse der Gemeinschaft gleichkommen. Die Quellen stimmen darin überein, daß die Häuptlinge in erster Linie auf eine Bereicherung bedacht sind. Hier spielt tatsächlich, wie Potekhin meint, das subjektive Verhältnis der Bauern zu diesen Abgaben, die sie als drückend empfinden, eine gewichtige Rolle bei der Einschätzung dieser Rente (1956, S. 6), umso mehr, da ja alle Untertanen bereits eine Kopfsteuer bezahlen. Ein wirklicher Funktionär der Gesellschaft war noch der *Tendaan*, der Häuptling ist unter den Bedingungen der Kolonialherrschaft ein reiner Ausbeuter geworden. Er beutet die Pächter aus, denen er Land zur Verfügung stellt. Diese Pächter sind jedoch noch keine eigentlichen kapitalistischen Pächter, da sie keine Lohnarbeiter ausbeuten; die Bauern besitzen Land; es gibt in Nordghana keine Lohnarbeiter, weshalb auch die, die bereits zur Erhaltung und Erweiterung ihrer Wirtschaft gezwungen sind wenigstens zeitweise Lohnarbeiter zu werden, nach dem Süden gehen, wo in den Minen und auf den Plantagen kapitalistische Produktionsverhältnisse herrschen.

«In Gesellschaftsformationen», schrieb Marx, «wo es noch nicht das Kapital ist, das die Funktion vollzieht, alle Mehrarbeit zu erzwingen und allen Mehrwert in erster Hand sich selbst anzueignen, wo also das Kapital sich die gesellschaftliche Arbeit noch nicht, oder nur sporadisch subsumiert hat, kann von einer Rente in modernem Sinn, von der Rente als einem Überschuß über den Durchschnittsprofit, d. h. über den proportionellen Anteil jedes Einzelkapitals an dem vom gesellschaftlichen Gesamtkapital produzierten Mehrwert, überhaupt keine Rede sein» (S. 833). Möglichkeiten für Kapitalanlagen bestehen in Nordghana noch nicht. «What cannot be invested in wives, livestock, and clothes, or consumed in the form of food, beer, tobacco, kola nuts, and household and farming equipment, must be hoarded», schrieb Fortes in bezug auf die *Tallensi* (1945, S. 55), der dann weiter am Beispiel des *Golibdaana* zeigt, daß dieser seinen Reichtum in Prestige zu verwandeln bestrebt war.

Der Häuptling im kolonialen Nordghana ist durchaus ein Feudalherr. Er verfügt über Grund und Boden und übt als *Native Authority* gleichzeitig den außerökonomischen Zwang aus, auch wenn es sich um eine durch die Kolonialherrschaft beschränkte gesetzgebende, exekutive und rechtsprechende Gewalt handelt (Hinden, S. 99). Aufgrund seine Verfügungsgewalt über das Land mit Hilfe seiner von den Kolonialherren zugestandenen außerökonomischen Gewalt erhält er von den Pächtern, denen er Land zuteilte, eine feudale Rente. An dieser Einschätzung der *Native Authorities* als Feudalherren können auch einige Besonderheiten, die diesem Feudalismus eigen sind, nichts ändern. Diese Besonderheiten bestehen kurz gesagt in folgendem:

1. Das Verfügungsrecht des Feudalherren über das Landeigentum ist beschränkt. Er darf das Land nicht verkaufen, an «non-natives» verteilen, und er darf auch die freien Bauerngemeinschaften, deren Besitzrechte durch die «*Land and Native Ordinance*» anerkannt wurden, nicht antasten.

2. Beschränkt ist auch die Verfügungsgewalt des Feudalherren über die Pächter, die nicht an den Boden gebunden sind und nur so lange eine Rente beziehen, wie sie den an sie verliehenen Boden benutzen.

3. Die Entstehung der Klassen der Feudalherren und Bauern (Pächter) ging ohne die Herausbildung eines Allods vor sich. Sie beruht auf der Verfügungsgewalt des feudalen Stammeshäuptlings über das Landeigentum, vor allem auf einer Beschränkung der tatsächlichen Bodennutzungsrechte auf das zur Zeit des Inkrafttretens der «*Land and Native Rights Ordinance*» von den einzelnen Gruppen bebaute Land. Dadurch wurde eine Weiterentwicklung der Produktivkräfte praktisch von den feudalisierten Häuptlingen, die über das unbebaute Land verfügten, abhängig gemacht, d. h. und damit von der feudalen Ausbeutung. Außerdem wurde eine Erweiterung der Produktion durch zeitweilige Lohnarbeit im Süden ermöglicht. Die Saisonarbeiter aus dem Norden kauften sich von ihrem Lohn vor allem Vieh.

Alle diese drei Besonderheiten werden letztendlich von einer einzigen bestimmt, ohne die diese Entwicklung nicht möglich gewesen wäre, nämlich von der Tatsache, daß diese Feudalherren gleichzeitig Beamte des britischen Kolonialapparates sind, die dessen Willen durchführen und nur durch diesen überhaupt erst Feudalherren werden konnten. Der Obereigentümer des Landes wurde die britische Krone, die die feudalen Rechte des Häuptlings zweifellos beschränkt. So unterliegen die durch die «*Land and Native Rights Ordinance*» anerkannten Besitzer, so lange sie ihren Besitz über den durch dieses Gesetz anerkannten Rahmen nicht erweitert haben, zweifellos keiner feudalen Ausbeutung. Die Kopfsteuer, die sie zahlen, ist nicht an die Landnutzung gebunden. Sie dient neben der Bestreitung der Ausgaben für öffentliche Einrichtungen und der Förderung des — wenn auch noch so beschränkten — Gesundheits- und Bildungswesens und des Straßenbaus, vor allem aber der Besoldung des Häuptlings, aber nur in dessen Eigenschaft als *Native Authority*, als Kolonialbeamter, nicht als Feudalherr.

Diese freien Bauern Nordghanas bilden zweifellos die Mehrheit der Bevölkerung. Deshalb kann man — selbst wenn man berücksichtigt, daß diese Bauern oftmals Teilpächter sind — nicht von den feudalistischen als den herrschenden Produktionsverhältnissen in Nordghana sprechen. Hier herrschen in der Produktion vielmehr vorfeudale Verhältnisse, die von kapitalistischen Tendenzen zeugen. Das beste Beispiel hierfür finden wir wiederum bei den *Tallensi*. Sie haben, wie erwähnt, noch keine Möglichkeiten, in der Landwirtschaft Kapital anzulegen. Es gibt bei ihnen keine Plantagen und keine Monokulturen. Aber sie werden in zunehmenden Maße kleine Warenproduzenten, und damit steigt ihre Abhängigkeit vom kapitalistischen Markt. F o r t e s schreibt: «Every. . . desires money; and since the social differentation of labour is extremely rudimentary, and few people have a sufficient surplus of food products for sale to any marked extent, money ist not easy to come by» (1936, S. 44). Europäisches Geld gilt als Wert- und Tauschmittel, es wird in allen ökonomischen Transaktionen verwendet, hat jedoch noch nicht Bedeutung als Reichtum erlangt. Als reich gilt nach F o r t e s immer noch ein Mann, der viele Frauen und viel Vieh, der Nahrungsmittel und Kleidung im Überfluß hat. Selbst die wenigen einheimischen Händler bauen ihre Hauptnahrung selbst an (*ibid.*, 38). So herrscht also noch die Naturalwirtschaft, die auch das Fortbestehen feudalistischer Züge, der feudalen Häuptlinge und der abhängigen Pächter begünstigen. Sie wird jedoch in zunehmenden Maße—insbesondere durch den wachsenden Einfluß des ökonomisch entwickelteren Südens — zur Warenwirtschaft. Welchen Weg die kapitalistische Entwicklung der Landwirtschaft in Nordghana nimmt, hängt

vor allem von der Beseitigung der Klasse der feudalisierten Häuptlinge ab.

Die soziale Stellung dieser Häuptlinge hat sich, wie wir gesehen haben, im Laufe der Geschichte verändert. Ursprünglich ein Führer einwandernder gentiler Gruppen, als militärischer Führer meist reich und mit Verfügungsgewalt über fremde Sklaven ausgestattet, ein Führer, der jedoch die Landverfügungsrechte des *Tendaan* als Funktionär der Gesellschaft anerkannte, wurde der Häuptling unter den Bedingungen der Kolonialherrschaft nach und nach zum anerkannten Beamten des britischen Gouverneurs und gleichzeitig dank der Nichtanerkennung des *Tendaan* und der Gunst der Kolonialherren und insbesondere ihrer «*Land and Native Rights Ordinance*» zum Feudalherren. Die erste Position hat er heute nach der Unabhängigkeitserklärung Ghanas verloren. Die Grundlage der zweiten wurde dadurch gleichfalls erschüttert. Sie wird beseitigt durch die Beseitigung der Verfügungsgewalt des Häuptlings über das Land.

LITERATURVERZEICHNIS

Arter D. D., 1955 — *The Gold Coast in Transition*, Princeton, New Jersey.

Boyon J., 1958 — *Naissance d'un état africain. Le Ghana*, Paris.

Buell R. L., 1928 — *The Native Problem in Africa*, vol. I, New York.

Cardinall A. W. T., 1920 — *The Natives of the Northern Territories of the Gold Coast*, London.

Engels F., — *Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staates*

Fortes M., 1936 — *Culture Contact as a Dynamic Process*, — «Africa», IX, London.

Fortes M., 1945 — *The Dynamics of Clanship among the Tallensi*, London—New York—Toronto.

Fortes M., 1949 — *The Web of Kinship among the Tallensi*, London—New York—Toronto.

Fortes M., 1950 — *The Political System of the Tallensi of the Northern Territories of the Gold Coast*, — «African Political System», ed. by M. Fortes and E. E. Evans-Pritchard, 4th edition, London—New York—Toronto.

Halley, 1950/53 — *Native Administration in British African Territories*, vol. III, London.

Halley, 1957 — *An African Survey*, London—New York—Toronto.

Hannigan A. S. J. J., 1955 — *Local Government in the Gold Coast*, — «Journal of African Administration», vol. VII, London.

Hinden R., 1950 — *Local Government and the Colonies*, London.

Manoukian M., 1952 — *Tribes of the Northern Territories of the Gold Coast*, — «Ethnographic Survey of Africa», Western Africa, p. V, London.

Marx K., — *Das Kapital*, Bd. III, Berlin.

Meek C. K., 1949 — *Land Law and Custom in the Colonies*, 2nd edition, London—New York—Toronto.

Potekhin, 1953 — И. И. Потехин, *Этнический и классовый состав населения Золотого Берега*, — «Советская Этнография», № 3, 1953.

Pote hin, 1956 — И. И. Потехин, *Родовые отношения в системе социальных отношений в современной африканской деревне*, М., 1956.

Potekhin, 1958 — И. И. Потехин, *Этнографические наблюдения в Гане*, — «Советская Этнография», № 3, 1958.

Pote hin, 1959 — И. И. Потехин, *О некоторых задачах африканистики в связи с Конференцией народов Африки*, — «Советская Этнография», № 2, 1959.

Rattray R. S., 1932 — *The Tribes of the Ashanti Hinterland*, Oxford.

Tait D., 1956 — *The Family, Household, and Minor Lineage of the Konkomba*, — «Africa», XXVI, London.

UNO Resolutions, 1950 — *Official records of the 7th Session of the Trusteeship Council.* Supplement I, New York.
Ward W. T. 1957 — *Short History of Ghana*, 7th edition, London—New York—Toronto.
Werder P. V. 1938 — *Sozialgefüge in Westafrika*, — «Zeitschrift fur vergleichende Rechtswissenschaft», III, Stuttgart.

По докладу выступили Ж. Сюре-Каналь, дополнивший доклад автора материалами по Гвинее; Осенде Афана, выразивший мнение о том, что начатки феодальной государственности были не только в южной, но и в северной Гане еще в доколониальный период; М. Херсковиц; и И. И. Потехин, отметивший большую принципиальную важность проблемы и высказавший пожелание о созыве теоретического симпозиума по проблеме племенных вождей в одном из университетов Африки.

С. Р. СМИРНОВ (*Москва*): РОЛЬ МАХДИСТСКОГО ВОССТАНИЯ В КОНСОЛИДАЦИИ СЕВЕРОСУДАНСКОЙ НАРОДНОСТИ

Текст доклада не представлен.

По докладу выступил Р. Херцог.

HEINRICH LOTH (*Leipzig*): ZUR BEDEUTUNG SEKTENKIRCHLICHER FRÜHFORMEN IM SOGENANNTEN WITBOOI-AUFSTAND IN SÜDWESTAFRIKA

Es entspricht der apologetischen Konzeption des alten und moderneu Kolonialismus, daß auch die gesellschaftlichen Ideen und Anschauungen der Afrikaner in der früheren deutschen Kolonie Südwestafrika, die mehr oder weniger vollkommen den Widerstandswillen gegen die Fremdherrschaft reflektierten und eine große mobilisierende Rolle im Freiheitskampf 1904 bis 1906 spielten, entweder entstellt geschildert oder gar nicht untersucht wurden. Sektenkirchliche Frühformen waren bei den damaligen gesellschaftlichen Verhältnissen in Südwestafrika eine ideologische Flagge, unter der die Auseinandersetzung mit dem Kolonialismus geführt werden konnte. Heute entspricht auch in Afrika die christliche wie jede andere religiöse Weltanschauung den Erfordernissen der gesellschaftlichen Entwicklung nicht mehr.

In Südwestafrika wurde der Kapitän des Witbooistammes, Hendrik Witbooi, zum Mittelpunkt der oppositionellen Christen. Die Lebensgeschichte dieses afrikanischen Volkshelden beweist, daß sich seine Ideen und Auffassungen nicht grundsätzlich von der äthiopischen Bewegung in Südafrika unterscheiden; im Oktober 1904, wenige Wochen nach der Niederlage der Hereros am Waterberg, erklärte der Kapitän des Witbooistammes der deutschen Kolonialherrschaft den Krieg. Die Kapitäne fast aller Namastämme schlossen sich dieser Kriegserklärung an. Mit ihrer Kriegserklärung lehnten sich die Namachristen gleichzeitig wie in den Jahren vor 1894 gegen die ausländische Mission und ihre Ideologie auf. Das war die notwendige Folge der Rolle der christlichen Mission als Werkzeug des Kolonialismus.

Im Bewußtsein der Anhänger Witboois widerspiegelte sich die Führerrolle ihres Kapitäns als die eines erwählten Diener Gottes, ähnlich der Berufung Moses zum Befreier des Volkes Israel im Alten Testament. Der Krieg gegen die kolonialen Landräuber war nach ihrer Version letzten Endes ein Krieg Gottes, und Hendrik Witbooi war nichts weiter als sein ausführendes Werkzeug. Hendrik Witbooi erhielt eine wirkungsvolle Unterstützung durch einen Sendling der äthiopischen Bewegung Südafrikas, des sogenannten

«Propheten» Stürmann, der im Jahre 1904 aus der Kapkolonie nach dem Namaland gekommen war und von Ort zu Ort zog und predigte, daß Gott ihn gesandt habe, um die Afrikaner von der Fremdherrschaft zu erlösen. Er zählte neben Hendrik Witbooi als bedeutendster Führer im Witbooi-Aufstand.

Die ausländischen Missionare beteiligten sich in Wort und Tat an der Bekämpfung der Freiheitsbestrebungen der Namastämme. Die sektenkirchlichen Frühformen haben in den Jahren 1904 bis 1906 in Südwestafrika eine höhere Stufe erreicht. Die Unabhängigkeitsbewegung in religiöser Form erfaßte fast alle Namastämme, was auch ein Verdienst des «Propheten» Stürmann war. Solange die göttlichen Offenbarungen, Zeichen und Visionen scheinbar mit dem Kriegsverlauf übereinstimmten, führten die Christen mit großer Energie und mit letztem Einsatz den Kampf um die Freiheit ihres Landes. Aber hierin liegen auch bereits die Grenzen der sektenkirchlichen Frühformen. Durch die Niederlage und Dezimierung der Namastämme im Witbooi-Aufstand wurde die Entwicklung zu afrikanischen Sektenkirchen in Südwestafrika unterbrochen.

Auch heute spiegelt sich der Kampf gegen den Kolonialismus in ideologischen Auseinandersetzungen wider. Besonders in Südafrika gibt es zahlreiche Sektenkirchen. Eine richtige Einstellung der fortschrittlichen Kräfte in Afrika zu dieser Erscheinungsform der nationalen Befreiungsbewegung erfordert zunächst eine scharfe theoretische Abgrenzung. Das schließt aber einen gemeinsamen Kampf mit den oppositionellen Christen gegen den Kolonialismus nicht aus.

По докладу выступили П. Х. Иденбург, Б. И. Шаревская и Ж. Сюре-Каналь, поддержавшие положения докладчика.

S. K. CHATTERJI (*Calcutta*): AFRICANISM AND THE IMPORTANCE OF AFRICA IN THE CULTURE OF THE WORLD

Текст доклада не представлен.

По докладу выступили Ч. Франц, Э. Сакс, Р. Гринфилд.

ПОДСЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИИ

10 августа, вечернее заседание.
Председатель Д. А. Ольдерогге (*Ленинград*)

A. N. TUCKER (*London*): BANTU PHILOLOGY

Bantu philology has always been associated with the name of Carl Meinhof for, though it was Bleek who discovered the family a century ago and who is, in fact, responsible for the naming of it, it was Meinhof, under the strong influence of Lepsius, who first seriously applied to it the laws and disciplines already in force in other fields of comparative philology.

By Meinhof's time, too, some notable lingusts had been able to provide him with, for that era, some exceptionally good source material. Outstanding among these scholars were: Endemann (Sotho), Steere and Büttner (Swahili), Hahn and Kolbe (Herero), Christaller (Duala), and others.

Meinhof's aim was to make theories concerning the origins of the Family, and his method was to deduce the hypothetical *Ursprache* from which the various modern languages are derived, by means of studying sound change processes within and between the modern languages. For, in the virtual absence of indigenous orthographic systems, historical documentation was conspicuously lacking. He worked on the principles underlying comparative study in all languages, namely that if there is an ancestral language common to the whole Family, the words of that ancestor will be found in the languages of the group, and any phonetic changes will be regular.

His hypothetic system postulated the following:

seven vowels	*î i e a o u û*
five unvoiced consonants	*p t ṯ ḳ k*
five corresponding voiced consonants	*v l l̄ ɣ ɣ*
two nasals	*m n*

Meinhof was fully aware of the fact that the Bantu languages are almost all tone languages, but was unable to do anything about this aspect, owing to lack of tonal material. (When asked about it by the present writer, his reply was: "You do it!")

Another and more important aspect in which his source material was deficient lay in the fact that his first works were entirely in languages in which vowel length is of no lexical importance, having been subjugated to patterns of stress. For instance, Swahili, with its inflexible rule of penultimate vowel length and stress, makes no distinction in length between the verbs *tema* 'to fell' and *leta* 'to bring', nor the numeral stems *-tatu* 'three' and *-tano* 'five'.

In Ganda, on the other hand, the verbs are *tema* and *leeta*, and the numeral stems *-satu* and *-taano*.

The result is that all Ur-Bantu word stems are recorded by Meinhof and his school with single stem vowels.

The London school in comparative Bantu philology, led by Guthrie, picked up the threads where the Meinhof school left off, and Guthrie's Common Bantu vocabulary of «starred forms» [1] of which there are now some 2300, indicate both vowel length and tone values.

Guthrie's categories are almost the same as Meinhof's, and his symbols are as follows:

seven vowels	*i̧ i e a o u u̧*
four unvoiced consonants	*p t c k*
four corresponding voiced consonants	*b d j g*
four nasals	*m n* (*ny ŋ* rare)
one zero consonant	*y*

It is important at this stage to indicate the difference between Meinhof's Ur-Bantu and Guthrie's Common Bantu as, though superficially alike, they are based on completely different premises, the one being diachronic and the other synchronic.

As already stated, Meinhof's is a hypothetical reconstruction of a presumed ancestral language, and an attempt to give a phonetic representation of the sounds as spoken by the first Bantu speakers.

Each of Guthrie's "starred forms", on the other hand, is a symbolic representation, in formula pattern, of a comparative series of words demon-

strating phonetic correspondence. The symbols employed have no precise phonetic values, but only category values, and have consequently been chosen with a view to tabular balance as well as to convenience in writing, printing and typing.

Hence **b *d *j *g* are the obvious counterparts of **p *t *c *k* to represent the voiced series, but do not pretend to indicate primitive pronunciation. Thus Guthrie's «starred form» **-pad-* 'to scrape', represents a series which, if one takes the six languages Swahili, Venda, Kamba, N. E. Kongo, Nyoro and Ganda, is realized as: *-paa*, *-φala*, *-βaa*, *-γala*, *-hara*, *-wala*; whereas Meinhof's Ur-Bantu stem *-pala* is meant to represent the actual pronunciation, in the hypothetical ancestral language, of his series:

Pedi:	*ʃala*
Swahili:	*paa*
Herero:	*para*
Konde:	*phăla*

Guthrie finds no justification for Meinhof's division of the palatal series into *t̠* and *k̠* (unvoiced) and *l̠* and *γ̠* (voiced) but uses **c* and **j* only.

There being philologically no letter to represent «zero», Guthrie has chosen **y*. This letter, however, has the further advantage in that the sound *y* (alternating with zero) is to be heard in many Bantu languages in these contexts.

Where the close vowels are concerned, he prefers the cedilla to the circumflex accent as leaving the top of the vowel letter clear for the tone mark.

Here again the tone mark does not represent absolute pitch of the voice, but merely a tonal relationship. For instance, all acute accented Common Bantu syllables may be realized as high pitch syllables in Language A, and all grave accented Common Bantu syllables as low pitch syllables. In Language B, on the other hand, the exact opposite may be the case. Thus: **-túm-* 'send' and **-túl-* 'forge' correspond to *-tuma* and *-fula* in Bemba but *-tùma* and *-fùla* in Luba; on the other hand: **-dìd-* 'cry' and **-bòd-* 'rot' correspoud to *-lila* and *-βola* in Bemba but *-dila* and *-bóla* in Luba.

Or a final acute accented syllable in Common Bantu may correspond to an actual falling tone in a particular language, e. g.: **-bògó* 'buffalo' Ganda: *èmbògô*.

Most Bantu roots consist in -CVC-, and it is important, especially in dealing with sound change, that one should know whether a given consonant stands in first radical position or in second, e. g. **-d-* of Common Bantu is represented by *-l-* in lirst radical position in Swahili but by zero in second radical position. Compare Swahili *-lia* 'cry' with Zulu *-lila*, and *-rira* and *-lira* in many East African languages.

This distinction in treatment had not always been maintained by previous Bantu philologists.

An examination of the language facts presents the philologist with an important difficulty, namely that if one wishes to reconstruct a single hypothetical parent of the Bantu languages, one has to admit a large number of exceptions to the laws of phonetic development. But the moment one no longer insists that phonetic changes schould be regular, one surrenders the means of verifying the processes. For it should never be forgotten that we are dealing with languages without written history, so it is all the more important that each step should be carefully checked. The following examples are illustrative of this dilemma:

Meinhof lists *nuŋka* (*nuka*) meaning 'to smell' in his Ur-Bantu vocabulary, citing the following languages:

Pedi:	*ŋkxa*
Swahili:	*nukha, nusa*
Herero:	*nuka*
Konde:	*nuŋga, nuṣya*
Sango:	*nuŋxa*

The interpretation here is that either *nuŋka* or *nuka*, or both, must have existed in Ur-Bantu, as some of his items derive from one source and some from the other.

Guthrie sets up two distinct starred forms:

* *-nu̯nk-*	found in all his Zones[2] except Zones A, B, and C;
* *-nu̯u̯k-*	found only in Zones[2] D E H K R S.

That is to say, all words in each list can be derived from one or other hypothetical original root, without speculating as to whether the two hypothetical roots themselves are synchronic in time or place, or whether one can ultimately be shown to be derived from the other.

Another example. Meinhof lists: *-pûlo* (*polû*, *pûlû*, *pûlî*) meaning 'foam', with the following scatter:

Pedi:	*ma-ǎu̯lo*
Swahili:	*povu*
Herero:	*e-ṣuzu*
Duala:	*pudi, pudu*

Guthrie establishes no less than four comparative series for this word with the following distribution:

-pu̯du	in Zones	A	B	C		E									R			
-pu̯dù	in Zones		B	C					H	K	L							
-pu̯dò	in Zones			C	D	E	F		H		L	M		P		S		
-pòdu̯	in Zones					E		G			L	M	N	P				

Another feature of difference is Guthrie's approach to "meaning". The "starred form" **-gón-* (Meinhof *-γona*) is represented in many languages, but its meaning varies from 'snore' in some languages to 'lie down' or 'sleep' in others. From the historical point of view one may argue in terms of a word altering its shades of meaning in the course of history (as the Meinhof school does) but from the synchronic point of view it is safer to consider that there are three "starred forms" with identicel phonetic shape but with the following clearly defined meanings:

* *-gón-*	snore	Zones			D	E	F		H	K	L						R	S
* *-gón-*	lie down, sleep	»			D	E	F	G					M	N	P			
* *-gón-*	sleep (only)	»				E		G						N				

Even with these safeguards one has to guard against the possibility of fortuitous resemblance or inter-tribal borrowing. Guthrie has set himself a pragmatic rule whereby no series is recognized by him as such unless it contains at least three members belonging to languages well separated geographically. In his own case he insists that three of the members of a list should be from languages spoken in distinct Zones.

In this way the 2300 «starred forms» that have been constructed by Guthrie represent 2300 comparative series which, both from the phonetic and the

semantic point of view, are absolute, permitting of no exception nor slightest deviation. In setting up these comparative series, a great deal of no doubt useful material has had to be discarded in order to conform to the rigid rules which he follows, but what has been permitted through this sieve is philologically irreproachable.

So there is nothing in Common Bantu itself, as constructed, which implies a hypothetical ancestral language, but it is in fact on the basis of Common Bantu that one can proceed to make hypotheses on Bantu origins, for with these "starred forms" and the knowledge of their spread throughout the field, it is now possible to postulate the nature and location of the ancestor of the Bantu languages.

In this second phase of his researches, Guthrie relied on the fifteen "Zones" which he had set up, with emphasis on their geographic rather than their linguistic validity.

It was soon apparent that there are a certain number of items which are scattered over the whole or almost the whole Bantu field. They contain items such as a philologist might expect, but in addition some interesting cultural items such as 'canoe', 'paddle', 'to fish with a book', also 'charcoal', 'to forge iron', which may ultimately have historical significance. These items constitute about 23% of the total, and are called the "General Series". As for the rest, after trying various ways of classification according to their distribution among the Zones, he found that if one divided the Zones into two Regions — West Region and East Region — 20% of the series belong to the West and 21% to the East, leaving only about 15% difficult to classify.

From these facts it would appear that these languages have a common origin of which the "General Series" preserve the remnants. Further, it is necessary to presuppose that there have been two intermediate ancestors, one in the West and one in the East.

As information on all Bantu languages is still far from satisfactory, the next step was to draw up a pilot scheme in which 28 languages were selected, namely:

Duala	A. 24 143	Kikuyu	E. 51 31	Ila	M. 63 43
Bulu	A. 74 21	Kamba	E. 55 30	Nyanja	N. 31 37
Bali	B. 75 27	Sukuma	F. 21 40	Yao	P. 21 36
Bobangi	C. 32 24	Swahili	G. 42 44	Mbundu	R. 11 38
Tetela	C. 71 26	Kongo	H. 16 43	Herero	R. 31 32
Rundi	D. 62 43	Lwena	K. 14 44	Zezuru	S. 13 30
Nyoro	E. 11 36	Luba-Kasai	L. 31 47	Venda	S. 21 29
Nyankore	E. 13 36	Luba-Katanga	L. 33 47	S. Sotho	S. 33 29
Ganda	E. 15 36	Bemba	M. 42 53	Xhosa	S. 41 26
				Zulu	S. 42 29

These languages were chosen both for the fulness of their data, *viz.*, satisfactory dictionaries or access to satisfactory informants, and for their representative scatter, each Zone being represented by at least one language and the large Zones by two or more.

First all valid items in each of the 28 languages were entered in the comparative series, then the number of items of each language which occur in the "General Series", and finally the number which occur in the Western and Eastern series respectively. From these calculations he has established that, concerning the "General Series", the figures vary between 18% and 47%. By this means he has obtained a measure of the degree of conservation of the ancient hypothetical roots of the family, while it is evident that the manner in which the figures are distributed on the map can give an indication of the region where that ancestor could have been spoken. An interesting deduction from this map is that there is a band in the middle of the Bantu

field, extending from the Atlantic to the Indian Ocean, where one finds the largest figures (all above 45%). As soon as one leaves the central belt, the figures become noticeably lower. To the North one finds 18%, to the North East and South East 30%, to the South West 25%. From these facts we can adopt as hypothesis that the ancestor was spoken in the middle of the field where the languages of today are spoken, and that it spread, first West and East, then North and South.

If we lay out the charts of the figures of the two collections of regional series, we discover more or less the same pattern of figure distribution. From this we can enlarge the hypothesis to suggest that the original language divided into two dialects while expanding to the West and East, and that the diffusion to the North and South took place after the development of the two dialects.

This does not necessarily mean that the birth place of the ancestral language was in the middle of the present Bantu field. Study of some of the items in the "General Series" would seem to indicate a migration from further north, but that part of the problem is still under investigation.

As for the phonetic character of the ancient language, this is still difficult to determine. It seems clear that there were seven vowel phonemes and two tone levels. But the actual nature of the unvoiced and voiced consonant series is still a matter of speculation.

I now deal with an extraordinary state of affairs, not encountered by European philologists. It is a fact that, if one goes through the dictionary of any European language, the number of words for which no etymology can be given is infinitesimal. In any Bantu language, however, where one can find up to four thousand roots of distinct origin, it is rare that more than five hundred of these roots will show relationship with the roots of other Bantu languages (apart from closely neighbouring dialects). To put it differently — Ur-Bantu and/or Common Bantu can rarely account for more than 12% of the root vocabulary of any Bantu language. That means that more than 80% of the roots of each language or dialect cluster are particular and peculiar to itself. *There is in fact more diversity than similarity in vocabulary between the Bantu languages.*

What makes the problem even more difficult is that normally there is nothing to distinguish this majority of particular roots from those roots which are part of comparative series other than the mere fact that these do n o t appear to form part of a comparative series. Some words in a few languages are outside the phonetic system of the "Common Bantu" stock (the clicks in certain South African languages are an outstanding example), but in most languages there is no positive clue — only the negative one of non-correspondence.

The analysis of this bulk of unrelated roots has only become possible with the emergence of reliable dictionaries and the increased access to informants, and research into their limited distribution in closely related languages or dialects is still only in the initial stages.

With, then, such a limited percentage of usable vocabulary, how is it that investigators have been able to establish the Bantu Family with such comparative ease, compared with the other families of African languages, about which there is still much strife? The answer to this question lies in the realms of linguistic typology. The Bantu languages are characterized by a system of Noun Class Prefixes [4] and alliterative Pronominal Concords which immediately attract the attention of the student, so that a trained investigator usually needs but a few minutes in which to determine whether a given language is Bantu or not.

But here a caveat must be entered. There are also Class languages in non-Bantu Africa, for example in the Nuba Hills of the Sudan, with full Concord systems. These are ruled out on two counts:

1) The Class prefixes of Bantu all form part of a comparative series themselves, to which the Class prefixes of the Nuba Hills languages do not belong;

2) The languages do not contain a sufficiently high proportion of Common Bantu items to qualify.

This latter criterion is very useful for the exclusion of the so-called Bantoid languages, such as Mbugu in Tanganyika, which has a complete set of Bantu Class prefixes and Concords grafted on to a basic vocabulary bearing some similarities to that of Iraqw. It also serves to disqualify Tiv in Nigeria, which has a recognizably Bantu series of prefixes but a Common Bantu vocabulary of merely 75 items. (The average number for a truly Bantu language is 300—500).

The same two criteria are useful in the exclusion of what Guthrie calls Sub-Bantu languages, *viz.*, languages such as Bira in the North Eastern Congo, which has sufficient Common Bantu roots to qualify, but in which the Class and Concord system is absent or reduced. (Here again an arbitrary minimum of such affixes has been fixed as 8. The average Bantu language has between 12 and 20).

So, in spite of the enormous vocabulary diversity between the Bantu languages, for the purpose of classificaзion, a small nucleus of 300—500 vital words and a smaller nucleus of some 10 to 20 Class affixes, combined with the typological phenomenon of the alliterative Concord system, is sufficient to classify that language as Bantu.

NOTES

[1] *I. e.* forms always preceded by an asterisk when written.

[2] Guthrie, in his *Classification of the Bantu Languages*, 1948, arranges his languages or dialect clusters into Groups; the Groups themselves he then arranges into fifteen regional Zones, labelled A—S, which have both linguistic and geographical pertinence.

[3] A=1st Zone; 24=group number; 14=percentage of "General Series".

[4] In some few Bantu languages the Noun Classes are indicated by suffixes.

KAREL RŮŽIČKA (*Praha*): SOME PROBLEMS OF THE BANTU SYNTAX

Текст доклада не представлен.

ERNST DAMMANN (*Berlin*): DAS APPLIKATIVUM IN DEN BANTUSPRACHEN

Die erweiterten Verben, die in den Bantusprachen durch das Suffix *-ela* gebildet werden, bezeichnet man weithin als applikativ. Die Regeln für die Anwendung dieser Form werden für die einzelnen Sprachen verschieden definiert. So heißt es zum Beispiel, daß diese Form gebraucht wird, wenn ein Vorgang oder ein Zustand als im Interesse einer Person oder Sache befindlich geschildert werden soll. Andere Grammatiker geben eine mehr formale Regel, wonach das Applikativum angewandt wird, wenn ein Prädikat neben einem direkten Objekt auch ein indirektes Objekt aufweist.

Der Tatbestand in den Bantusprachen wird aber durch solche Definition nicht erfaßt. Es soll daher versucht werden zu zeigen, daß das Wesen

des Applikativums darin liegt, daß eine außer dem Objekt vorhandene Satzergänzung nicht additiv in das Satzgefüge hineingesetzt, sondern in eine enge Beziehung zum Prädikat gebracht wird, die man als eine Art Abhängigkeit bezeichenen könnte.

И. В ОХОТИНА (*Ленинград*): О КЛАССИФИКАЦИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В ЯЗЫКЕ ЗУЛУ

В бантуистике за последние годы наметились два основных лингвистических направления, теоретические расхождения которых особенно отчетливо проявляются в вопросе классификации частей речи.

Представители одного из направлений, лингвисты южноафриканской школы (основоположником которой является Клемент М. Док), еще в 30-х годах выступили с критикой традиционного толкования грамматической структуры языков банту, в том числе языка зулу, которое основывалось в целом на механическом использовании категорий, заимствованных из индоевропейских языков и не характерных для грамматического строя языков банту. Сторонники этого нового для того времени направления в своих теоретических построениях (особенно ярко проявляющихся при характеристике существующих частей речи) берут за основу слово, которое в их понимании является той или иной частью речи только в зависимости от функции данного слова в предложении [1]. Поэтому слова объединяются в определенные разряды сообразно с тем, в качестве какого члена предложения они выступают (субстантива, предикатива, квалификатива и т. п.). При характеристике каждой части речи эти исследователи рассматривают грамматические формы слов, на основании которых производится разделение частей речи на подгруппы; таким образом, субстантив подразделяется на имя существительное и местоимение, предикатив — на глагол и копулятив и т. п. Однако ни имя существительное, ни местоимение, ни другие подгруппы основных разрядов слов в понимании представителей данной школы не могут быть определены как самостоятельные части речи, несмотря на различия в грамматической форме, поскольку в предложении они выполняют одни и те же функции. По тем же причинам прилагательное и существительное в сопряженной форме и притяжательные местоимения (так называемые поссессивы) характеризуются как подгруппы одной части речи (квалификатива).

Изменение слова, будь то изменение по классам или изменение за счет других формально выраженных грамматических категорий, свойственных тем или иным разрядам слов, не может служить критерием при определении части речи до тех пор, пока не определена синтаксическая функция слова. Но как только формальное изменение влечет за собой изменение синтаксической функции, и слово (например, имя существительное) в предложении получает возможность выполнять функцию не субъекта или объекта, что для него характерно, а атрибута, оно переходит в иную часть речи. Вот почему слово *umuntu* 'человек' будет субстантивом в предложении *umuntu uhlala endlini* 'человек живет в хижине', но в предложении *inkabi yomuntu yapuma* 'бык человека ушел' то же имя существительное в сопряженной форме будет рассматриваться как квалификатив, а в предложении *ngiya kumuntu* 'иду к человеку' слово *umuntu* 'человек' в локативной форме будет рассматриваться как дескриптив.

Такая классификация неминуемо приводит к исчезновению реального содержания частей речи, поскольку одно и то же слово одновременно

может выступать и субстантивом, и квалификативом, и предикативом в зависимости от выполняемой функции в предложении.

Сторонники другого лингвистического направления, возникшего в последние годы и обычно связываемого с именем М. Гасри, подходят к классификации частей речи банту, в частности языка зулу, с совершенно иных позиций [2]. В основу классификации в данном случае кладутся формальные признаки, характеризующие слово и проявляющиеся при его согласовании. Прежде всего выделяются слова, которые стоят вне системы согласования, — частицы (то есть идеофоны и междометия). Согласуемые слова в свою очередь подразделяются на имена и глаголы в зависимости от фонетической структуры лексических основ (от последовательности чередования и количественной характеристики звуков). В результате в языке зулу выделяются три части речи: имена, глаголы и частицы. Имена в свою очередь разделяются на подгруппы по степени участия в согласовании: имена существительные, прилагательные, местоимения, демонстративы, наречия и союзы.

Несомненно, что данная классификация, как и классификация южноафриканских лингвистов, в определенной мере отражает особенности грамматического строя языка зулу. Однако в ней имеются существенные изъяны, которые заставляют говорить о недостаточности классификации, основанной только на формальных признаках слова, без учета суммы признаков, характерных для слова, или группы слов. С точки зрения изложенных принципов непоследовательно вводить наречия и союзы в разряд имен наравне с именами существительными, прилагательными и противопоставлять их частицам как отличной от них части речи уже потому, что и наречия, и союзы, так же как и частицы, стоят вне системы согласования. Кроме того, неправомерно сглаживается различие между прилагательными, местоимениями и именами существительными, поскольку они определяются не как самостоятельные части речи, а как подгруппа одной части речи, противопоставляемой глаголу. Однако по грамматической форме, по присущим каждому из них грамматическим категориям и по степени участия в согласовании они могут быть противопоставлены друг другу в той же мере, как и глаголу. Что же касается фонетической модели основ, то многие основы имен существительных и местоимений могут иметь ту же последовательность чередования и ту же количественную характеристику, что и основы глаголов, например; *umfiki* 'пришелец' (CVC), поскольку конечный гласный является словоизменяющим показателем и не входит в состав основы, *isikuthali* 'трудолюбец' (CVCVC), *lo* 'этот' (человек) (C) и т. п.

При объединении слов в разряды, называемые частями речи, следует учитывать не только одну какую-либо формальную черту, но комплекс признаков, присущих слову, прежде всего его грамматическую характеристику, то есть совокупность показателей грамматических категорий, присущих одному разряду слов и не присущих другому, поскольку части речи не только отличаются друг от друга грамматическим оформлением, но и объединяются в определенные разряды по свойственным им грамматическим категориям. Кроме того, при разграничении этих разрядов и при противопоставлении их друг другу необходимо принимать во внимание некоторые аспекты лексического содержания слова (так как части речи являются лексико-грамматическими разрядами слов), а также их синтаксические функции.

Слово в языке зулу, как оформленная единица, состоит из следующих компонентов: словообразующего показателя и лексической основы. Эти компоненты взаимосвязаны и взаимообусловлены, так как ни основа,

ни показатель, взятые сами по себе, не составляют оформленной единицы, например: *umuntu* 'человек' <*umu-* (показатель именного класса)+*-ntu* (лексическая основа); *ngiβona* 'вижу'<*ngi-* (приглагольный согласователь)+*-βona* (лексическая основа) и т. п.

Если основа в языке зулу заключает максимально обобщенное лексическое содержание, то показатель в зависимости от его формы определяет грамматическую характеристику слова. Поэтому при классификации частей речи прежде всего необходимо учитывать форму словообразующего показателя.

В языке зулу имеется четыре типа словообразующих показателей, по форме значительно различающихся. Наличие этих показателей позволяет говорить о четырех разрядах частей речи: 1) префиксы именных классов, 2) атрибутивные согласователи, 3) приместоименные согласователи, 4) приглагольные согласователи.

Эти показатели выражают также грамматические категории; например, префиксы именных классов, оформляя лексические основы и образуя имена существительные, одновременно выражают категорию класса и числа. Кроме того, от формы именных префиксов зависят формы согласователей других частей речи, которые в предложении связаны с именами существительными, в чем и выражается грамматико-синтаксическое согласование членов предложения в языке зулу, например: *umuntu omdala uyasebenza emgodini»* 'человек старый работает в шахте', *imibuzo emikhulu ithinta ukusebenza kwabo* 'вопросы большие касаются их работы'.

Несмотря на то что все виды согласователей являются видоизмененными за счет дополнительных формантов именными префиксами [3], каждый вид согласователей привносит в слово категории, коренным образом отличные от категорий, привносимых именными префиксами. Именно это свойство согласователей и позволяет им выступать показателями других частей речи, отличных по грамматической характеристике от имен существительных. Так, субъектные и объектные приглагольные согласователи, как и приместоименные согласователи, выражают категории не только числа, но и лица, например: *abantu* ***b****onke* ***b****atshona entabeni* 'люди все скрылись за горой'; *umfazi* ***wam****tanda nda umntwana* ***w****ake lo****w****o* 'женщина она — его — любила ребенка своего того'.

Лексическая основа, оформленная каким-либо одним из упоминавшихся четырех показателей, приобретает грамматическую характеристику имени существительного, глагола, местоимения или прилагательного и в соответствии с этим получает способность выполнять функции данной части речи. Каждая часть речи в языке зулу характеризуется определенными категориями, которые передаются при помощи различных словоизменяющих аффиксов. Так, например, локативная форма имен существительных выражается показателями — префиксами *e-*, *ku-* и суффиксом *-ini*, увеличительная форма имен — при помощи суффикса *-kazi*, заставительная форма глагола — при помощи суффикса *-sa*, временные и видовые формы глагола — при помощи инфиксов *-ya-*, *-a-*, *-za-*, *-se-* и т. п. Однако показатели этого рода являются вторичными, так как они всегда сочетаются с основными показателями и не могут выступать в словообразовательной функции.

Значение словообразовательных показателей как основных единиц, образующих разряды слов, отличающихся друг от друга своей грамматической природой, в некоторой мере ограничивается лексическим содержанием, которое присуще уже самой основе. Имеющиеся в языке зулу основы по лексическому содержанию можно разделить на три типа. К первому относятся основы, заключающие значение предметности; эти основы

могут образовывать лишь имена существительные (например, *-ntu*, *-dade*). Второй тип представляет многозначные основы, заключающие значение и предметности, и действия, и качества или численности; эти основы являются базой для образования имен существительных, прилагательных, глаголов (например, *-βona*, *-khulu*, *-βili*). Наконец, третий тип включает основы, лексическое содержание которых абстрагировано от конкретных значений; подобные основы могут служить материалом для образования только местоимений различных видов (например, *-na*, *-ni*, *-dwa*, *-onke*).

Наиболее продуктивен в языке зулу второй тип лексических основ. Роль словообразующего показателя при формировании слов на базе данного типа основ является определяющей, поскольку только после оформления лексической основы показателем, слово в языке зулу приобретает грамматическую характеристику и получает возможность выполнять функции определенной части речи (то есть имени существительного, прилагательного или глагола). Например, лексическая основа *-βona* в зависимости от показателя получает значение имени существительного *iliβona* 'зрение', 'вид' или глагола *ngiβona* 'вижу'; основа *-khulu* будет выступать как прилагательное: *umuntu omkhulu* 'человек великий', как имя существительное: *isikhulu* 'вельможа', *ubukhulu* 'размер', 'величина'; основа *-dala* будет иметь значение прилагательного: *umuntu omdala* 'человек зрелый, сформировавшийся' или глагола: *ngidala* 'формирую' и т. п.

В то же время лексическое содержание основ первого и третьего типов само по себе уже определяет в какой-то мере грамматическую характеристику образуемого слова, поскольку лексические основы первого типа могут быть оформлены лишь префиксами именных классов, а основы третьего типа — лишь приместоименными согласователями. Таким образом, лексическое содержание некоторых основ включает потенциал грамматической характеристики образуемого слова.

Анализ лексических основ и словообразующих показателей, таким образом, позволяет выделить в языке зулу следующие разряды слов, которые по лексико-грамматическому содержанию, грамматической характеристике и функциям могут быть противопоставлены друг другу и определены как независимые части речи: 1) имя существительное, 2) прилагательное, 3) глагол, 4) местоимение.

За пределами данных четырех категорий остается разряд слов, лексико-грамматическое содержание которых заключается главным образом в выражении всевозможных отношений, а также в выражении различных оттенков значений, присущих указанным частям речи. Признаки, определяющие данные слова, позволяют объединить их в самостоятельный разряд — разряд частиц, который может быть разделен на следующие подгруппы: а) наречные частицы, б) союзные частицы, в) предложные частицы, г) идеофоны, д) частицы (в собственном смысле слова), е) междометия.

Все группы частиц, как уже говорилось, имеют много общих формальных черт. Прежде всего следует отметить, что все частицы, к какой бы группе они ни относились, стоят вне системы согласования, что коренным образом отличает их от частей речи. Кроме того, частицы не имеют самостоятельных, присущих только им словообразующих показателей и лексических основ [4], поскольку они являются по грамматической форме именами существительными, прилагательными и местоимениями, которые в результате измененной функции теряют грамматическую характеристику соответствующих частей речи и грамматикализуются.

Вследствие того, что все группы частиц стоят вне системы согласования, форма их остается неизменной, они представляют собой застывшие образования, не подверженные каким-либо грамматическим модификациям. Именно этим и объясняется то обстоятельство, что в разряде перечисленных групп частиц встречаются, как правило, слова, сохраняющие морфологические показатели формообразований, а также лексические основы, малоупотребительные в языке или совершенно исчезнувшие. В качестве примера можно привести наречные, союзные и предложные частицы, представляющие по форме имена существительные, прилагательные или местоимения, дополнительно оформленные показателями локативных классов, а также префиксом увеличительного именного класса (*pezulu*, *kakhulu*, *loku* и т. д.).

Естественно, что отдельные группы частиц не могут рассматриваться как самостоятельные разряды слов, поскольку различия между ними не могут быть приравнены к различиям, существующим между основными частями речи; общность же отдельных групп частиц очевидна.

Таким образом, в языке зулу можно выделить следующие части речи и частицы;

I. Части речи: 1) имя существительное, 2) прилагательное, 3) глагол, 4) местоимение.

II. Частицы: а) наречные частицы, б) союзные частицы, в) предложные частицы, г) идеофоны, д) частицы (в собственном смысле слова), е) междометия.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: C. M. Doke, *Text-book of Zulu Grammar*, London, 1950; C. M. Doke, *The Southern Bantu Languages*, London, 1954; D. McMalcolm, *A Zulu Manual for Beginners*, London, 1949; I. Fox, *Juta's First Zulu Manual with Vocabulary*, Cape Town, n. d. и др.

[2] См. A. T. Cope, *The Grammatical Structure of Zulu*, «African Studies», vol. 16, № 4, 1957, p. 218.

[3] Исключение составляют субъектные и объектные прилагательные согласователи 1-го и 2-го л. ед. числа 1-го класса, а также приместоименные согласователи 1-го и 2-го л. ед. и мн. числа 1-го класса.

[4] Исключение составляют частицы в собственном смысле слова, некоторые междометия и идеофоны, представляющие неразложимые лексические единицы.

11 августа, вечернее заседание
Председатель С. Стрельцын (*Варшава*)

LUIGI FUSELLA (*Napoli*): LA FAVOLA AMARICA DI MOHAMMAD ŠĀṬER

Текст доклада не представлен.

CH. PELLAT (*Paris*): LES ETUDES DE LINGUISTIQUE BERBÈRE DEPUIS LE CONGRES DE CAMBRIDGE (1954)

Le maître des études berbères, le regretté André Basset à la mémoire de qui je saisis cette occasion de rendre hommage, avait pris l'habitude d'entretenir les membres des Congrès d'Orientalistes auxquels il participait des travaux effectués par les berbérisants et de faire pour ainsi dire le point, en formulant des souhaits quant à l'orientation des recherches les plus urgentes. Bien que les circonstances m'aient quelque peu éloigné de la berbérologie, il m'a paru utile de reprendre la tradition interrompue.

* * *

Les six ans écoulés depuis le Congrès de Cambridge ont été relativement très féconds dans un champ de recherches qui compte, pour le monde entier, une vingtaine de spécialistes au maximum. Et, contrairement à ce que l'on aurait pu redouter, la mort d'André Basset, loin de mettre un terme aux études de berbérologie, paraît au contraire les avoir stimulées, comme si l'on éprouvait la nécessité, pour rendre hommage au maître, d'honorer une discipline à laquelle il s'était identifié pendant tant d'années.

C'est encore lui cependant qui occupe la première place, et c'est par ses propres travaux que je dois commencer cette rapide revue.

Entre le Congrès de Cambridge et sa mort, alors que sa santé déclinait déjà, il a pu donner au GLECS, à la fin de 1954, une communication sur *n* devant complément de nom et, le 2 mars 1955, des notules *Ait Sadden*. La même année, paraissaient dans le «Bulletin de la Société de Linguistique de Paris», une note sur *'Après-midi' en berbère* et, dans les «Mélanges» offerts à Diedrich Westermann, un article sur *le Verbe berbère signifiant 'vivre'*, qui avait depuis fort longtemps attiré l'attention d'André Basset.

Ce dernier article a été reproduit, avec un certain nombre d'autres plus anciens dans un recueil dédié à sa mémoire par la Société de Linguistique de Paris et publié en 1959, avec une pénétrante préface de M. Benveniste, sous le titre: *Articles de dialectologie berbère*. Avant d'aller plus loin, je voudrais dire quelques mots de ce recueil qui contient, outre une bibliographie complète d'André Basset, 19 articles et un index. E. Galand et moi-même avons été guidés dans notre choix, non point par l'importance ou la valeur intrinsèque des études, mais plutôt par la difficulté que l'on peut éprouver à consulter certains travaux d'André Basset éparpillés dans un nombre assez considérable de périodiques ou de recueils de mélanges plus ou moins accessibles; c'est ainsi qu'en éliminant d'emblée des périodiques tels que le «Journal Asiatique» et le «Bulletin de la Société de Linguistique de Paris», nous avons pu conserver une série d'articles de volume variable qui n'en sont pas moins représentatifs de l'activité d'André Basset et des sujets sur lesquels se concentrait son intérêt. Les 19 articles sont répartis en cinq sections: tableaux de la langue berbère (il ne nous fut malheureusement pas possible de reproduire sa magnifique *Langue berbère* parue dans le «Handbook of African Languages»); géographie linguistique; recherches de phonétique, morphologie et syntaxe; études particulières; histoire de la langue. Le plus ancien de ces articles date de 1925, le plus récent de 1955, de sorte que le recueil couvre une période de trente ans et fournit un échantillonnage très éloquent et digne d'être médité.

Je dois dire encore quelques mots des manuscrits qu'il a laissés et qui méritent une attention particulière. Les textes Ait Saddən recueillis par André Basset pour son enseignement á l'École des langues orientales vivantes seront publiés prochainement, du moins je l'espère, par Madame Galand-Pernet qui a bien voulu se charger du travail matériel de préparation pour l'impression. Ceux de l'Aurès, recueillis à Paris vers la fin des années 1940, étaient primitivement destinés à être publiés, ainsi que le prouve la mise au point de quelques pages, mais André Basset avait dû ensuite modifier son enseignement et par conséquent abandonner provisoirement son projet. J'ai pris moi-même la charge de leur publication et j'ai enfin le plaisir de pouvoir vous en montrer le premier exemplaire sorti des presses de l'Imprimerie Nationale qui y travaille depuis plus de trois ans. Je me suis refusé à me substituer à André Basset et j'ai conservé presque sans changement les

manuscrits que j'ai eus à ma disposition, tout en sachant que dans certains cas l'auteur y aurait apporté d'importantes corrections; leur intérêt documentaire a fait taire mes scrupules et, malgré quelques détails douteux, je crois que nous avons là un matériel digne de la plus grande confiance. L'auteur avait effectué un relevé exhaustif du vocabulaire, mais comme il renvoyait à la ligne du manuscrit, ce glossaire était inutilisable; j'avoue que mes trop nombreuses occupations m'empêchent de refaire ce travail, et je souhaite simplement qu'un berbérisant débutant veuille bien s'en charger. En attendant, ces textes sont exploitables puisqu'ils sont accompagnés d'une traduction littérale.

André Basset a également laissé un certain nombre de fiches et de notes de géographie linguistique; il est souhaitable qu'un jeune chercheur accepte de les exploiter pour dresser des cartes dont la nécessité n'est plus à démontrer.

* * *

Chacun de nous a pu remarquer que si André Basset, au cours de sa carrière, a recueilli des textes pour son enseignement, il n'en a jamais publié lui-même. Il n'en encourageait pas moins ce genre de travail fondamental si nous voulons un jour réaliser notre désir de connaître dans son ensemble la langue berbère. Les deux recueils que je viens de signaler viendront donc enrichir très heureusement notre documentation qui est de plus en plus difficile à recueillir sur place. A la veille de l'accession du Maroc à l'indépendance, l'Institut des Hautes Études marocaines, qui a toujours été un centre très actif d'études berbères, avait inauguré une nouvelle collection de textes dont le départ fut foudroyant; coup sur coup parurent en effet, en 1955, *La vie berbère par les textes. Parlers du Sud-ouest marocain*, par Arsène Roux, et des *Textes berbères dans le parler des Ait Seghrouchen de la Moulouya*, par Charles Pellat. Cette collection n'a malheureusement pas été poursuivie, et il y a peu de chances qu'elle le soit un jour, car les autorités du Maroc, pays berbérophone par excellence, semblent se désintéresser totalement de cette langue. Celle-ci est pourtant connue jusqu'en Amérique puisque J. R. Applegate a publié à New York, en 1958, *An outline of the structure of Shilha*, qui ne m'est point parvenu.

A l'autre extrémité de la Berbérie, il serait souhaitable que de nouvelles enquêtes fussent entreprises, car il y a longtemps que nous n'avons plus rien sur les parlers libyens et tunisiens. L'Algérie, en revanche, n'a pas été négligée. Le *Fichier de Documentation berbère* publie toujours régulièrement ses cahiers qui, tout en étant destinés à un public assez large, sont une source de documentation tout à fait digne de confiance; le R. P. Dallet et la St Louis de Vincennes ont entrepris la publication d'une *Initiation à la langue berbère* (*Kabylie*), dont deux volumes (grammaire et exercices) sur trois viennent de paraître. André Picard a donné une vue générale des parlers algériens dans *l'Initiation à l'Algérie* (Paris, 1957, pp. 197—214) mais surtout, et c'est sur ce point que je veux insister, deux événements exceptionnels se sont produits pendant la période qui nous occupe. En effet, pour la première fois depuis le jour où, en 1929, André Basset soutenait ses thèses sur le verbe berbère et la géographie linguistique de la Kabylie. nous avons décerné le grade de docteur ès-lettres à deux berbérisants. Le premier, Jean Servier a présenté à la Sorbonne, le 6 juillet 1955, une thèse principale d'ethnologie qui ne nous intéresse pas directement ici et une thèse complémentaire sur des *Chants de femmes de l'Aurès*; ces travaux sont encore inédits.

D'un caractère linguistique bien plus accusé sont les thèses soutenues à Alger, le 23 avril dernier, par André Picard. La complémentaire, en deux volumes de 670 pages au total, est constituée par des *Textes berbères dans le parler des Irjen* (*Kabylie*) accompagnés d'une traduction et d'un index exhaustif; dans ce dernier, l'auteur a adopté — et l'on ne peut que l'en féliciter — l'ordre alphabétique basé sur le point d'articulation des sons et a classé le vocabulaire par racine, ce qui est un peu déroutant pour les profanes, mais simplifie considérablement la tâche des spécialistes. Ce travail, remarquable par la finesse et la sûreté des notations, s'inscrit dans la ligne traditionnelle, en ce sens qu'il procure de la documentation et resserre une maille du filet que nous souhaiterions moins lâche. La thèse principale, en revanche, rompt totalement avec la tradition; elle s'intitule *De quelques faits de stylistique dans le parler berbère des Irjen* (*Kabylie*). *De la Phrase inorganique á la Phrase organisée* (Alger, 1960, 704 pages), et il me paraît juste d'en dire quelques mots. Appliquant à ses recherches les théories de Charles Bally sur la stylistique française, mais sans négliger non plus des théories plus récentes, André Picard, analysant la syntaxe de l'expression dans l'énoncé simple, montre l'importance respective, dans un parler aussi peu intellectualisé que celui qu'il étudie, des éléments d'expressivité *a*, *i/y* et *u/w*, qu'il repartit en trois groupes divisés eux-même en sous-groupes et trois degrés. Chacune des séries ainsi distinguée est examinée selon un plan uniforme: une liste d'exemples est suivie de l'étude du comportament expressif des éléments recensés, puis sont rassemblés les indices de la tendance que marque l'élément expressif examiné à s'insérer dans une phrase organisée. Sur le plan de l'expressivité, l'auteur démontre que la position d'un mot en tête de l'énoncé est la position expressive par excellence, et en arrive ainsi à prouver que l'ordre des mots dans la proposition berbère indépendante est: sujet—verbe—compléments. A propos du passage de la phrase inorganique à la phrase organisée, il dégage deux tendances contradictoires, l'une visant à l'intégration progressive à la dernière au moyen de particules et de pronoms relevant du domaine grammatical, l'autre cherchant à maintenir le potentiel expressif par l'adjonction de nouveaux éléments de la phrase inorganique. D'autre part, André Picard développe des idées neuves sur le prétérit intensif dont il a découvert l'existence dans les parlers du Nord, sur la particule de négation, sur certaines prépositions, sur l'état d'annexion qu'il ramène à un problème d'expressivité, sur plusieurs complexes jusqu'ici réfractaires à l'analyse. Les berbérisants, cela va sans dire, devront reviser certaines de leurs conceptions, mais je gage que les arabisants et les linguistes en général trouveront dans cette thèse des indications qui leur ouvriront des horizons nouveaux.

* * *

Les ouvrages que je viens de passer en revue sont dus, comme on pouvait s'y attendre, à des Français, mais si, pour des raisons géographiques et, dans une certaine mesure, politiques, la berbérologie est une science, disons méditerranéenne, elle tend à attirer de plus en plus de chercheurs d'autres pays. De cette tendance, nous avons des indices dans quelques travaux que je vais examiner maintenant en m'excusant des lacunes toujours possibles.

La disparition prématurée d'André Basset nous a donné l'occasion de compter, de par le monde, les berbérisants, en entreprenant la publication d'un *Mémorial André Basset* qui a pu paraître dès 1957. Nous nous sommes adressés uniquement à des linguistes et, bien que plusieurs de nos collègues n'aient pas pu (ou voulu) répondre à notre invitation, nous avons

réussi à grouper 15 articles qui, à l'exception d'un seul, accidentel, ont effectivement trait à la linguistique berbère. Outre les auteurs méditerranéens, deux Autrichiens (Werner Wycichl et Dominik Wölfel), un Anglais (T. F. Mitchell) et un Danois (Karl Prasse) nous ont fait l'honneur de collaborer à notre entreprise; nous avons appris trop tard que Hambourg comptait un berbérisant, Alfred Willms, qui a fait au Congrès de Munich une communication sur les *Kriterien für radikales oder akzessorisches* i *und* u *im Verb des Tuareg* (p. 723—6).

Il me faudrait dire quelques mots de chacun des articles du *Mémorial*, mais je dois me contenter d'une rapide analyse. Sur les quatorze études de linguistique, huit concernent des parlers plus ou moins nettement localisés: les *Notes détachées pour servir à l'étude de la syntaxe d'un parler* — en l'occurence de deux villages de Kabylie — par le P. J. M. Dallet; *Une tradition orale encore vivante: le poème de Çabi (tašəlḥit)* par Madame Galand-Pernet; *El dialecto berber del Rif*, du P. E. Ibañez; *Deux notes grammaticales sur le berbère de Ghadamès*, par le P. Lanfry; *Sur l'emploi du démonstratif introduisant la proposition subordonnée relative dans le parler des Aït-Hichem* (*Kabylie*), par Madame Laoust-Chantréaux; *Some properties of Zuara nouns, with special reference to those with consonant initial*, par T. F. Mitchell; *Le problème berbère des radicales faibles* (*ahaggar*), par Karl Prasse; enfin *Dilettantismus und Scharlatanerie und die Erforschung der Eingeborenensprache der Kanarischen Inseln*, par Dominik Wölfel. D'un caractère plus général sont les contributions de G. S. Colin sur les *Mots «berbères» dans le dialecte arabe de Malte;* de Lionel Galand sur *L'anticipation renforcée et l'interrogation en berbère;* de Charles Pellat sur Am *et* zun(d) «*comme*», *en berbère;* d'André Picard, *Du prétérit intensif en berbère*; de Werner Wycichl sur *L'article défini du berbère*; je classerai à part l'article de T. Sarnelli *Sull'origine del nome Imāzîġen.* Ce dernier travail a déjà, si je puis dire, porté ses fruits, puisqu'il a incité K. Prasse, dont l'ardeur juvénile ne recule devant aucune difficulté, à le réfuter dans un article des «Acta orientalia» (XXIII) intitulé *L'origine du mot amazig.*

* * *

Puisque j'en suis à K. Prasse, je dois signaler ses articles des «Acta orientalia» (XXII) sur *Les relations de sexe, d'âge et de sang*, d'après une documentation recueillie auprès d'André Basset et de son répétiteur originaire des Ait Saddən, et, tout récemment (XXIV) son *Analyse sémantique des verbes dérivés par préfixe en touareg.*

Durant la période intéressée, la phonologie ne paraît représentée que par un travail de T. F. Mitchell, *Long consonants in phonology and phonetics*, dans «Studies in Linguistic Analysis» (Oxford, 1957), tandis que Werner Wycichl donnait dans la WZKM, en 1955, son article sur l'inflexion, *Der Umlaut in den Berbersprachen Nordafrikas.* Du même savant, je citerai pour mémoire *Three problems of North African Chronology*, dans les «Actes du IVe Congrès international des sciences anthropologiques et ethnologiques» (1952), dont le tome III n'a paru qu'en 1956.

* * *

Le GLECS, où André Basset faisait de fréquentes communications, a poursuivi son activité, le berbère étant représenté par M. et Mme Galand. Celle-ci a parlé le 27 mars 1957, des *Interpellatifs en berbère* et

le 7 janvier 1959, de *Préposition et subjonction*. K. Prasse lui-même a fait, le 24 juin 1959, une communication sur *L'accent des mots des groupes accentués en touareg*. Quant à Lionel Galand, il a parlé le 19 décembre 1956 de: y *ancien et* y<g *dans le parler des Ait Saddən* et d'*Un cas d'opposition pertinente* w/u; puis il a fait, le 26 mars 1958, *Quelques observations sur les emprunts du berbère à l'arabe* et, le 23 décembre 1959, une communication sur *La particule d'approche dans le parler Kabyle des Zibans*. Enfin, le 24 février 1960, il a présenté, avec M. de Coninck, *Un essai des Kel Antessar pour améliorer l'écriture touarègue* (*au moyen des voyelles arabes*).

C'est également à une date toute récente qu'a paru la livraison de l'*Encyclopédie de l'Islam* contenant l'article *Berbères* que L. Galand et moi-même avons essayé de mettre à jour.

* * *

Bien que je ne me sente guère qualifié pour cela, il me faut maintenant faire le point et donner quelques indications sur les recherches souhaitables.

Pendant ces six ans, nous avons eu des textes, des études partielles de phonétique, de morphologie de syntaxe, de lexicographie, des analyses intéressantes. Tout cela est très estimable, et des travaux de tout premier ordre ont vu le jour ces temps derniers; il faut cependant que les berbérisants coordonnent leurs efforts pour combler des lacunes encore trop nombreuses et, au delà des parlers modernes, analyser la structure de la l a n g u e b e r b è r e.

Pour cela, il convient d'abord de recueillir des textes dans des parlers inconnus ou peu connus — en accordant la priorité à ceux qui sont en voie de disparition — et de leur joindre des glossaires exhaustifs afin de faciliter les travaux de synthèse dont on doit recommander ensuite l'élaboration. André Basset avait donné l'exemple avec son *Verbe berbère* et quelques savants articles fondés sur un dépouillement poussé de toutes les sources accessibles, et il est souhaitable que cette méthode, qui a fait ses preuves, soit appliquée à l'étude des nombreux problèmes qui restent encore sans solution ou dont la réponse n'est pas absolument satisfaisante. Même si leurs résultats doivent être relativement peu durables du fait de nouvelles découvertes, il semble que des recherches sur les formes dérivées, le nom, les prépositions, les démonstratifs, la syntaxe du berbère en général et non d'un parler en particulier, devraient être entreprises en priorité. Elles ne pourront qu'étayer les travaux, légitimement souhaitables, de comparatisme à l'intérieur du chamito-sémitique dont je me suis abstenu de parler dans la présente revue.

12 августа, утреннее заседание
Председатель А. Н. Тэккер (*Лондон*)

F. R. PALMER (*London*): RELATIVE CLAUSES IN TIGRINYA

Relative clauses in Tigrinya are definable in terms of the particle *zə-* and of their function as noun-modifiers. The clauses have the same internal structure as simple sentences. The particle is prefixed to a verb (to both elements of a compound verb), and rarely to a noun. The clause usually precedes the noun it modifies.

zə- is to be referred to as a relative particle, not a relative pronoun. It indicates only that the clause is a relative clause; it does not mark the distinctions that are shown by relative pronouns such as 'who', 'whom' 'whose' etc. Distinctions of this type are marked in Tigrinya by the concord of some element within the relative clause with the noun. The elements that may have such concord are the verb, the pronominal suffixes of the verb ('direct' and 'indirect' objects) and a noun.

The particle is also used in sentences in which one element is emphasized. These sentences are superficially similar to the English 'It is .... that ....', but their structure is quite different. The most striking feature is the concord of the two verbs within the sentence — the verb prefixed with *zə-* and the 'copula'. The emphasized elements are not only nominal, but very commonly adverbial. In such sentences it is appropriate to regard *zə-* as the mark not of a relative clause, but of a complex verbal phrase consisting of the verb with the prefix *zə-* and the copula.

По докладу выступили В. Леслау, Ж. Тюбиана.

HUGUES JEAN DE DIANOUX (*Paris*): LES MOTS D'EMPRUNT D'ORIGINE ARABE DANS LA LANGUE SONGHAY

La langue songhay est parlée, sur le territoire de la République du Mali, le long du fleuve Niger depuis Niafounké jusqu'à la frontière du Mali et de la République du Niger. Elle l'est également, toujours le long du Niger, dans la République du Niger et dans quelques circonscriptions voisines de la République Voltaïque, de la République du Dahomey et du Nigeria.

En dehors de cette zone compacte, des îlots linguistiques du groupe du songhay existent en amont de Niafounké, dans le Mali, près du lac Debo et à Djenné; près d'Aribinda et de Ouahigouya en République Voltaïque et près de Kontagora en Nigeria.

Au Mali, les Songhay parlent:

1) le dialecte de Tombouctou (en amont de cette ville et également en aval de celle-ci, jusqu'à Arnasey, à 25 *km* de Tombouctou);

2) le dialecte de Gao parlé par les «Karaboro» ou «Koroboro» le long du Niger depuis Arnasey jusqu'à Labezenga et dans l'îlot linguistique de Hombori, au sud de la boucle du Niger. Cet îlot se trouve dans une zone qui est, elle, de langue tamachek (berbère touareg).

Dans la République du Niger, on trouve les dialectes suivants:

3) le kado

4) le wogo ou woggo

5) le dyerma ou zerma dans la région de Niamey. Le zerma a été considéré par certains auteurs comme une langue proche, quoique différente du songhay, mais en fait il est plutôt un dialecte du songhay;

6) le dendi qui est parlé aux confins des républiques du Niger et du Dahomey ainsi que du Nigeria et dans les territoires de ces deux pays (notamment autour de Parakou au Dahomey). Il y a également un îlot linguistique près de Kontagora en Nigeria du Nord.

Sont également considérés comme des dialectes particuliers: le kurtey (rapproché du zerma); le tyenga qui est, comme le dendi, parlé sur les confins des républiques du Niger et du Dahomey ainsi que du Nigeria; le koromba (qui semble apparenté au dendi) autour d'Aribinda en République Volta-

ïque (où il forme un îlot linguistique); et enfin de petits groupes de populations Maransé qui parlent le dialecte de ce nom sont disséminés près de Ouahigouya, République Voltaïque.

L'ensemble des populations parlant le songhay et ses dialectes comprendrait environ 650000 personnes.

Le dialecte songhay de Tombouktou, étudié par Hacquart et Dupuis ainsi que par A. Dupuis (Yakouba) se différencie des autres dialectes; parmi ces derniers, qui seraient plus proches les uns des autres, les plus connus sont le dialecte de Gao, étudié par le R. P. A. Prost, et le zerma, étudié par E. Marie et par Ardant du Picq. Le zerma comprend un certain nombre de mots d'emprunt d'origine haoussa. Les dialectes du songhay comprennent un nombre notable de mots d'emprunt d'origine arabe; il y a là un fait que l'on rencontre dans les langues voisines (tamachek, haoussa, kanouri, mossi, et jusqu'en yorouba).

L'ethnologue Jean Rouch, auteur d'une étude générale sur les Songhay et d'un ouvrage sur la *Magie et la Religion chez les Songhay*, estime qu'il y a 270 mots d'emprunt arabe, 180 haoussa, 8 tamachek, 7 peuls et 4 mandingues. En réalité, le nombre des mots d'emprunt haoussa n'est important que dans le dialecte zerma, et par contre, it y a nettement plus de 8 mots d'emprunt tamachek dans les dialectes de Tombouctou ou de Gao.

En ce qui concerne le dialecte songhay de Gao, connu grâce au dictionnaire qu'en a donné le R. P. A. Prost, on peut y trouver, sur un ensemble de 3665 mots, 232 termes d'origine arabe, soit pratiquement 7% du vocabulaire. Cette proportion est moins élevée cependant que celle que l'on peut noter dans le parler de Tombouctou, étudié par A. Dupuis (Yakouba). Là, en effet, sur 3395 mots songhay, on en relève environ 450 d'origine arabe (y compris quelques mots propres) ce qui donne une proportion de 13% du vocabulaire. Ceci se comprend, si l'on considère que Tombouctou devint possession du Maroc en 1592 et que la langue arabe y eut certainement, dès lors, une plus grande diffusion que dans la région de Gao, laquelle avait été antérieurement le centre administratif de trois dynasties songhay, dont les deux dernières furent celles des Sonni (1331—1492) et des Askia (1492—1591).

Il faut noter d'ailleurs que l'islamisation du pays a commencé au XIIIe siècle, alors que régnait la dynastie des Za, qui a donné naissance au début du XIVe siècle à la dynastie des Sonni ou Si issue d'un fils du vingtième Za, après une période de conquête de l'État Songhay par l'État du Mali.

C'est à partir de l'étude du dialecte de Gao qu'est rédigée la présente communication; il s'agit en effet d'un dialecte songhay que le R. P. A. Prost considère comme le plus typique, parce que la région de Gao fut le centre de ces dynasties.

L'examen des mots d'origine arabe que l'on trouve dans le parler de Gao révèle qu'il s'agit là de termes culturels, religieux et de noms abstraits. Des notions que «destinée», «signification», «temps», «écrire» s'expriment par des mots empruntés à l'arabe. On trouve également dans cette catégorie des emprunts à l'arabe, quelques termes concrets (noms d'instruments ou d'ustensiles, nourritures et étoffes). Enfin, ainsi que l'a indiqué M. le Professeur Olderogge, c'est à l'arabe que sont empruntés des noms de dignitaires religieux, alors que dans l'État Songhay, du XIVe et du XVe siècles, les noms des dignitaires civils étaient purement songhay, avec parfois une influence mandingue. (*Die Gesellschaftsordnung Songhais im 15. und 16. Jahrhundert*, «Afrikanische Studien», Berlin, 1955).

Mais le tamachek, langue dont l'aire de diffusion est répandue de part

et d'autre de celle du songhay dans la vallée moyenne du Niger, a fourni aussi des termes concrets à la langue songhay, et notamment des noms d'ustensiles ou d'animaux.

Les mots d'emprunt arabe en songhay se présentent normalement sous la forme nominale, plus rarement sous la forme verbale. S'agissant du parler de Gao, on n'y trouve pas plus de trente termes d'origine arabe empruntés sous la forme verbale; parfois même ceux-ci, qui ont une acception verbale en songhay, proviennent en réalité d'une forme nominale arabe, ainsi de l'arabe *maʿāmalat* «commerce» provient le songhay *MAMALA* «faire commerce» et de l'arabe *al ḥasb* «compte» provient le songhay *ALA-SABU* «compter de l'argent».

Les mots d'emprunt arabe ayant le caractère de préposition, d'adverbe ou de conjonction passés en songhay sont rares. Notons *amma* «mais» d'où le songhay *AMMA*; a. *bala* «oui» d'où s. *BALA* «il faut, même si»; a. *ḥāl*, d'où s. *HALA* «jusqu'à ce que»; a. *ābadan* «jamais», d'où s. *ABADA*. Il y a également quelques interjections: *INSHALLA* «si Dieu le veut», *WALLAHI* ou *LAHI* «par Dieu».

Les formes adjectivales paraissent absentes, sauf a. *kull*, d'où s. *KUL* «tout» et a. *qaṣīr*, d'où s. *GAZERÉ* «courtaud».

Les formes nominales, qui sont de beaucoup les plus fréquentes, sont souvent empruntées avec l'article *al*. Sur 224 de ces formes nominales, on peut en effet en noter 109 précédées de *AL*. *Āl* parfois se conserve tel quel (par exemple a. *al ʿādat*, d'où s. *ALADA*), parfois se modifie par assimilation avec la première consonne du mot suivant comme en arabe (par exemple a. *al din* ou *addin*, d'où s. *ADDIN*) parfois enfin, mais dans quelques cas seulement *al* se réduit à «*l*»; exemples a. *al ʿaqal* devient s. *LAKAL* «esprit»; a. *althalātha* ou *aththalatha* devient s. *ATALATA*.

* * *

Le traitement des consonnes arabes dans les mots d'emprunt passés en songhay est le suivant:

* * *

l'occlusive sonore *BĀ* se conserve telle quelle (il y a cependant un cas de passage de *B* à la demi-voyelle *W* devant *T*: a. *āl-sabt* > s. *ASHIBTI* ou *ASIUTI* «samedi»;

la spirante sourde *FĀ* se conserve telle quelle;

l'occlusive sonore nasalisée *MIM* se conserve telle quelle.

* * *

l'occlusive sourde *TĀ*, qui, en songhay, est plutôt alvéolaire que dentale, se conserve à l'initiale, comme en position médiane; en finale, le «*tā marbūṭa*» arabe tombe, ainsi a. *āl-barakat* donne. s. *ALBARKA*; a. *al-ghayṭat* > s. *ALGEITA*; a. *maʿāmalat* > s. *MAMALA*;

l'occlusive vélarisée *ṬĀ* devient une occlusive sourde égale à *T*, ainsi a. *saṭl* «seau» s. *SATAL* «théière pour ablutions»; a. *ṭalib* > s. *TALIB* «élève»; a. *khaṭiya* > s. *HATTA* «manquer le but». On a des traitements particuliers dans de rares cas; ainsi le passage de *ṭ* > *ty* dans a. *fiṭr* «la rupture du jeûne» > s. *WITYIRA* «fin de l'après-midi, vers 16 heures» (en dialecte de Tombouctou *FITIROW* est «le moment après le coucher du soleil»); et le cas d'assimilations amenant le passage de

Ṭ à *D*, ainsi a. *qirṭas* «papier» > s. *KARDASU* ou *KADDASU* et a. *al-qaṭṭi* «cretonne» > s. *ALKUDDA*;

la spirante interdentale sourde *THĀ* devient une occlusive sourde égale à *T*, ainsi a. *thawāb* > s. *TIYABU* «récompense de Dieu», sauf cependant dans le cas de s. *SULUSI* venant de l'arabe *ath-thuluth* «le tiers», mais le mot est à rapprocher de l'emprunt arabe en haoussa *sulusi*;

l'occlusive sonore *DAL* (qui, comme l'occlusive sourde correspondante est plutôt alvéolaire que dentale) reste normalement constante. Devant une autre consonne, le *D* peut passer à *R*, voire à *L*; ainsi a. *ṣadaqat* > s. *SARGA* «faire l'aumône de nourriture», et a. *madfaʿ* > s. *MALFA* «fusil». Le *d* final tombe dans le cas de a. *al-bārūd* > s. *ALBARU* «poudre»;

la spirante latérale sonore *ḌĀD* (ض) qui devient, en arabe, suivant les régions, une occlusive sonore vélarisée ou une spirante interdentale également vélarisée (= *ḍ* emphatique) est réduit à l'occlusive sonore, ainsi a. *aḍ-ḍuḥay* > s. *ADDUHA* «période de la matinée après le lever du soleil» et a. *al-Ramaḍān* > s. *ALMADAN* «mois du Ramadhan».

Il arrive cependant qu'à proximité d'une vibrante linguale, le *ḍ* devient un son transcrit par le R. P. A. Prost comme une vibrante linguale, mais qui est plus probablement un *L* «dur» ou «rétroflexe» (*l*), comme le prouve le fait que ce «*l*» est parfois redoublé dans la transcription de cet auteur. C'est ainsi que l'on a a. *āl-waḍaʿat* > s. *ALWALA* «faire des ablutions» (forme verbale en songhay); a. *al-qaḍi* > s. *ALKALI* «le juge»; et a. *al-faḍilat* «prière surérogative» > s. *ALFALILLA*;

la spirante interdentale sonore vélarisée *ẒĀ* (correspondant à un *ḍ* emphatique) n'est representée dans les mots d'emprunt arabe en dialecte de Gao que par a. *waʿaẓa* «prêcher» > s. *WAZU*:

la spirante postpalatale sourde (sifflante) *SĪN* est normalemeint constante, sauf devant la voyelle *I*; dans ce cas, elle devient la chuntante *SH*. Par exemple a. *al-fasiq* > s. *ALFASHIKI* «effronté»; a. *al-ḥasad*) (oua. *al-ḥasid*) > s. *ALHASHIRI* «envieux»; a. *sabīl* > s. *SHIBIL* (transcrit *ŠIBIL*) «moyen, expédient».

Dans le cas de a. *lābas* > s. *ALBAISHI* (transcrit *ALBAIŠI*) «mieux, meilleur santé», antithèse de a. *al-bas* > s. *ALBASI* «mal»; le passage de *S* à la spirante cacuminale sourde (chuintante) en finale et le développement *A* > *AI* ont probablement pour origine le désir de distinguer le mot de son contraire et d'éviter l'homophonie due à ce que en songhay, le négatif *la* de *labas* a été confondu dans l'expression dérivée de l'arabe avec l'article *āl* de *al-bas*.

Dans l'expression songhay *ATAFURILLA* «que Dieu pardonne», de l'arabe *astaghfir Āllāh*» le *SIN* a disparu;

la spirante postdentale sourde vélarisée *ṢĀD* (*ṣ* emphatique) devient normalement une spirante postdentale sourde (sifflante) *SĪN*. Ainsi a. *al-ṣawrat* > s. *ASSURA* «bel aspect du visage» ou a. *naṣāray* > s. *NASARA* «chrétien, Européen». Le même traitement que pour le *S* devant un *I* s'observe dans a. *khaṣala* «lutte» > s. *ALKAŠILA* «dispute violente». On peut parfois noter le passage de *S* à *Z* (spirante postdentale sonore) dans a. *qaṣīr* > s. *GAZERÊ* «courtaud», a. *anṣum* «je jeûne» > s. *ANZUM* «jeûner». Ce passage peut même apparaître à l'initiale dans le cas de s. *ZORFU* «argent». Ce mot vient de l'arabe *ṣirf* «(argent) pur», mais il faut faire intervenir l'influence du tamachek *azref* (même sens);

la spirante postdentale sonore *ZEIN* se conserve avec possibilité de passer à la spirante cacuminale sonore devant *I*; on a ainsi l'alternance

Z > ZH (ou *Ž*) (*DJIM*) parallèle à l'alternance *S* > *SH* (dans le dialecte de Tombouctou, elle passe toujours à *DY*);

la vibrante linguale *RĀ* est normalement constante (cas de a. *al-rikab* > s. *ALKYEBU* «étrier»); elle peut apparaître à partir de l'occlusive sonore *D* comme il est indiqué plus haut. On a vu que le groupe *RD* peut devenir *DD* dans s. *KADDASU* (= *KARDASU*);

la vibrante linguale *LĀM* est constante. Dans le cas de a. *al-baṣal* «oignon» > s. *ALBASAN* s'observe la permutation de *L* en *N* en finale.

On a un autre exemple de ce phénomène dans a. *āl-bakhil* > s. *ALBĀHIRI* «l'avare». Dans s. *MALFA*, *L* provient de *D* et dans s. *ALKALI*, *L* provient de *Ḍ*. Le groupe arabe *law-* peut devenir à l'initiale *WAL*, exemple: a, *lawḥat* «planchette pour écrire» > s. *WALHA*;

l'occlusive sonore nasalisée *NŪN* se conserve; cependant, elle peut tomber en finale et c'est le cas dans a. *al-hanān* «pardon» > s. *ALHĀ* et dans a. *al-huzin* «bouderie» > s. *ALHUZA*. Le *N* peut apparaître en songhay dans des mots où il n'existe pas en arabe; ainsi a. *al-faṭira* «beignet» > s. *ALFINTA*, a. *khatm* > s. *HANTUM* «sceau» et a. *ḥajjām* «barbier» > s. *WANZAM* (mais ici le songhay reproduit le haoussa *wanzam*).

* * *

la semi-voyelle *WĀW* qui est instable et peut devenir la voyelle longue *ū* est constante en initiale (exemple a. *wafiqa* «être d'accord» > s. *WĀFAKU*) et en médiane (exemple a. *dawāt* «encrier» > s. *DAWA*), on a cependant le cas d'un passage de *W* à *F* en initiales (a. *fiṭr* > s. *WITYIRA* «fin de l'après-midi, vers 16 heures»).

le *WĀW* peut apparaître à l'initiale par suite d'une inversion dans a. *wala* > s. *ĀWLĀ* «ou bien, est-ce que, si», et a. *lawha* «plachette pour écrire» > s. *WALHA*.

le *W* qui se trouve dans s. *WANZAM* «barbier» venant de l'arabe a. *ḥajjām* s'explique parce que l'emprunt à l'arabe est venu par l'intervention du haoussa;

la demi-voyelle *YĀ* est constante. Aussi a. *al-ʿafiyat* «bonne santé» > s. *ALAFIYA* «paix». En finale, elle peut n'être pas représentée, par exemple: a. *sawiya* «être égal» > s. *SAWA*. Cependant, elle se conserve dans une interjection provenant d'une forme littéraire au cas indirect: a. *wallāhi* > s. *WALLAHI* «par Dieu».

la spirante cacuminale sourde (chuintante) *SHĪN* (aussi transcrite *Š*) se conserve;

la spirante cacuminale sonore *J* (*DJIM*) (ou *Ž*) reste constante, ou passe à *Z* ou à *DY* (le passage à *DY* est normal en dialecte de Tombouctou). Ainsi a. *al-jamāʿat* > s. *ALJEMA* (*ALŽEMA*) «assemblée de village»; mais d'autre part a. *āljumʿat* > s. *ALZUMA* «vendredi», a. *aljāhil* s. *AZZAHIL* «ignorant», a. *jāwba* > s. *ZĀBI* «répondre».

A noter le cas de a. *sajada* > s. *SUDUDU* «adorer» dans lequel un *J* précédant un *D* s'assimile au *D*; et également le cas de *J* initial passant à *KY* (par l'intermédiaire de *DY* et *TY*) dans a. *jawwada* «réciter le Coran» > s. *KYÉO* «lire»;

l'occlusive sourde *KĀF* est constante. Elle peut être palatalisée devant une voyelle palatale, par exemple a. *kāfir* «païen» > s. *KYEFER* où *K* est palatalisée devant *E*; a. *al-rikāb* «étriers» > s. *ALKYEBO* (avec disparition du *R*). Le groupe *KY* passe à *TY*. Ainsi a. *kabsh* (ou *kabš*) «mouton» > s. *TYIBSHI* (*TYIBŠI*), *TYUSHI* (*TYUŠI*) «fête du mouton»;

les vélaires arabes ne se maintiennent pas telles quelles, en songhay, et une seule laryngale, le *ḤĀ*, passe de l'arabe au songhay où l'on trouve un *HA* médio-palatal;

la spirante fricative sourde *ḪĀ* (خ) passe au *H* songhay, ainsi par exemple a. *al-ḥaqq* > s. *ALHAKU* «droit, vérité»;

la spirante fricative sonore *GHAIN* devient l'occlusive sonore *G*, mais il faut constater qu'en songhay il s'agit en fait d'une occlusive vélaire sonore qui tend vers le *QĀF*. On a ainsi a. *al-ghayṭat* > s. *ALGEITA* «flûte»; a. *āl-gharīb* > s. *ALGARIBU* «mendiant»; a. *gharāra* > s. en dialecte de Tombouctou *ALGARARA* «grand sac en poils de chameau pour mettre le grain», ce mot devient *HAUGARA* «grand sac en cuir» en dialecte de Gao;

l'occlusive arrière-vélaire sourde *QĀF* devient *KĀF*, mais ce *K* est aussi, comme le *G* songhay, une occlusive vélaire sourde, dont le son tend vers celui de la lettre arabe *Q*. Ainsi a. *qalam* > s. *KALAM* «plume». Cette lettre peut être aussi représentée par l'occlusive sonore *G*, ainsi l'on a a. *qaṣīr* > s. *GAZERÉ* «courtaud».

* * *

La spirante fricative sourde ʿ (*ʿAYN*) ne se maintient pas en songhay. Exemple a. *āl-ʿāfiyat* > s. *ALAFIYA* «paix».

le *KHĀ* de l'arabe (souffle sourd émis dans la position de la voix chuchotée) passe en songhay, comme le *ḥ* arabe, à un *H*. Ainsi a. *al-khabar* > s. *ALHABAR* «nouvelle, affaire, histoire»;

le *HĀ* arabe (souffle sourd) est normalement représenté par le *H* songhay. Ainsi a. *āl-haway* (*āl-hawan*) > s. *ALHAWA* «passion, désir». Cependant le *H* en position médiane peut tomber; c'est le cas dans a. *šahada* > s. *ŠEDE* «témoigner»;

enfin, le hamza (ʾ) n'est pas noté en songhay; le titre de notable religieux relevé par le Professeur Olderogge dans son article sur l'histoire songhay s. *MÔDI*, «cheikh» de a. *mo'addib* «lettré».

* * *

Les voyelles arabes se conservent dans l'ensemble, dans des mots songhay provenant de l'arabe, tels que s. *ŠEHĀDU* correspondant à l'arabe *Šahadā* et s. *GAZERÉ* ayant pour origine l'arabe *qaṣīr*, le *E* s'explique dans le premier cas par une palatalisation, tandis que dans le second le *ī* de *qaṣīr* passait déjà à *E* dans la prononciation réelle de l'arabe (il s'agit là d'un «timbre conditionné par vélarisation»).

En finale, des voyelles apparaissent normalement en songhay dans les mots provenant de termes arabes terminés soit par des consonnes, soit par des voyelles brèves dans la langue arabe commune. Cependant, une terminaison arabe en *N* n'est pas suivie, en songhay, de l'une de ces consonnes. Des finales arabes en *L*, *M* et *R* peuvent être, ou n'être pas, suivies en songhay de voyelles. C'est ainsi que à côté de a. *al-jahil* > s. *AZZAHIL* «ignorant», on a a. *al-ḥalāl* > s. *ALHALALA* «licite», «légitime»; à côté de a. *qalam* > s. *KALAM* «plume», on a a. *āl-khadīm* «serviteur» > s. *ALHADIMEY* «être domestique» (au sens verbal); à côté de a. *kāfir* > s. *KYEFER* «païen», on a a. *qaṣīr* > s. *GAZERÉ* «courtaud». Les autres consonnes finales des mots arabes sont suivies de ces

voyelles. Il faut ici noter qu'il y a dans le dialecte songhay de Gao deux types de *A* (fermé et ouvert), trois types de *E* (*E*, *Ê* et *È*), un *I*, deux types de *O* (fermé et ouvert, un, *U*. Ces voyelles peuvent être longues ou brèves. Les voyelles terminant en songhay les mots d'origine arabe ne sont pas des voyelles longues. On aura donc les brèves suivantes: *A* (le R. P. A. Prost ne précise pas s'il s'agit d'un *A* ouvert ou fermé, mais il s'agitait plutôt d'un *A* ouvert, car il semble que l'allongement de *A* entraîne sa fermeture, et il n'y a pas en finale de *Ā* long ainsi qu'il vient d'être noté), par exemple a. *jayb* > s. *JIBA* (*ŽIBA*) «poche»; *E*, par exemple a. *šahada* > s. *ŠEDE* «témoigner»; *É*, par exemple a. *qaṣīr* > s. *GAZERÉ*; *È*, par exemple a. *dāma* > s. *DUMÈ* «durer», employé surtout dans le dialecte de Tombouktou et donné par A. Dupuis (Yakouba) sous la forme *DUMI*; *I*, par exemple a. *āl-fasiq* > s. *ALFASHIKI* (*ALFAŠIKI*) «effronté»; *O*, par exemple a. *āl-waʿd* > s. *ALWADO* «destinée» (il n'est pas non plus précisé par le R. P. A. Prost s'il s'agit de *O* ouvert ou fermé, mais, comme pour le *A*, l'allongement de *O* tend à entraîner la fermeture de cette voyelle, et étant donné que *O* final est ici bref, il s'agit donc vraisemblablement d'un *O* ouvert); *U*, qui est fréquent, par exemple a. *āl-ḥijāb* «protection» > s. *ALHIZABU* «protection de Dieu». Dans l'article de M. Houis, paru dans le «Bulletin de l'Institut Français d'Afrique noire» (t. XX, série B, n^{cs} 1—2, 1958) sous le titre de *Notes sur le Songhay*, une distinction est faite par cet auteur en ce qui concerne le sens de ce que M. Houis appelle les «lexèmes verbaux» en songhay, suivant qu'ils sont terminés en *A*, *U*, ou *I*:

1) Lexèmes verbaux à désinence en *A* traduisant des procès qui intéressent activement ou passivement le sujet ou dont la réalisation correspond à un but, *BONA*, «désirer»;

2) lexèmes verbaux à désinence en *U* s'appliquant à des procès dont les modalités sont imposées de l'extérieur, *DUSU*, «être fatigué»;

3) lexèmes verbaux à désinence en *I* correspondant à un déroulement continu ou à une situation stable qui ne peut être modifiée que par un autre procès, *BĒRI*, «grandir».

La présence de l'une de ces trois lettres à la finale d'un «lexème verbal» songhay dont le radical est d'origine arabe pourrait avoir, en effet, une signification, mais il n'y a pas de motif, semble-t-il, de penser que dans les formes nominales d'origine arabe en songhay (il s'agirait alors, — pour reprendre l'expression de M. Houis — de «lexèmes à fonction substantive»), une différenciation sémantique existe entre les catégories dans lesquelles seraient classés les «lexèmes» de cette sorte suivant qu'ils sont terminés par une des trois voyelles *A*, *U* ou *I*. D'ailleurs, en ce qui concerne les «lexèmes verbaux» dont la liste est fournie par M. Houis, *loc. cit.*, il est à noter que cet auteur n'en donne que quatre qui soient d'origine arabe certaine, à savoir *BĀYA* «faire partie d'un village, de la suite d'un chef, payer l'impôt», de l'arabe *bāyaʿ*; *SAWA* «être égal, s'aligner pour la prière», de l'arabe *sawiya*, ceci pour la catégorie en *-A*; et pour la catégorie en *-I*, *TUBI* «se repentir», de l'arabe *taba* (*tauba*), et *ZĀBI* «répondre», de l'arabe *jāba* (*jauba*).

* * *

Certains phénomènes constatés dans le traitement phonétique des mots d'emprunt arabes passés en songhay sont semblables dans les langues géographiquement voisines. C'est ainsi qu'en haoussa le *kh*, le *ḥ* et le *h* arabes se réduisent au seul *h* haoussa. De même qu'en songhay,

en haoussa le *gh* arabe devient *g*, et dans cette langue on observe aussi la transformation du *d* arabe intercalique en *l* (probablement *l* rétroflexe), par exemple dans les mots *Ramalān* (le mois de Ramadhan), *al-qali* «le juge». Cependant, à la différence du songhay, le *q* se conserve en haoussa, ainsi que parfois le ʿ (*ʿayn*).

En mossi, on observe le passage du *gh* arabe à *g* (par exemple le mossi *garibu* «mendiant», de l'arabe *gharīb*) et celui du *q* arabe à *k* (par exemple le mossi *arzeka*, de l'arabe *arzāq* «richesse»).

En kanouri, le *ḥ* arabe devient *h*, le *gh* devient *k*, comme dans *kasalà* «bain» (de l'arabe *ghusl*), le *q* devient *k* ou *g* ou encore un son transcrit par Johannes Lucas *ŋg*. Le ʿ (*ʿayn*) ne se conserve pas en kanouri.

Des observations de cet ordre pourraient être faites dans bien d'autres langues de l'Afrique parlées dans des régions proches du domaine de l'arabe.

По докладу выступили Ш. Пелла, Ж. Тюбиана, Текле Цадэк Мекурия.

WOLF LESLAU (*Los Angeles*): THE INFLUENCE OF CUSHITIC ON SEMITIC ETHIOPIC REEXAMINED

См. т. I, стр. 387.

По докладу выступили Ф. Р. Палмер, А. Н. Бикер, С. Стрельцын, Ж. Тюбиана.

STEFAN STRELCYN (*Warszawa*): LES TRAITES MEDICAUX ETHIOPIENS

La médecine éthiopienne a été peu étudiée jusqu'ici. En dehors des observations fragmentaires contenues dans les récits des voyageurs, nous ne disposons que d'une seule étude d'ensemble, celle du docteur Mérab qui avait séjourné en Ethiopie une dizaine d'années et y était venu comme médecin particulier de l'empereur Ménélik II. Son livre *Médecins et médecine en Ethiopie*, Paris, 1912, est certes fort utile et intéressant, mais il ne peut pas être considéré comme un ouvrage scientifique, essentiellement pour la raison que Mérab ne connaissait pas la langue du pays et n'avait aucun accès aux écrits médicaux.

Le problème majeur de l'étude de la médecine éthiopienne est celui des rapports qui existent entre la médecine populaire et la magie. On sait bien que le plus souvent il est impossible à séparer ces notions. Ceci vaut aussi bien pour les maladies que pour la thérapeutique (on met sur le même pied les charmes, le *buda* etc. et n'importe quelle maladie contagieuse, la colique etc.; on prescrit le même type de recettes, les mêmes ingrédients).

Existe-t-il en Ethiopie deux genres de médecine, l'un magique et l'autre empirique, ou au contraire, l'empirique y est-il toujours enchevetré dans le magique?

Que disent les textes? Les recettes médico-magiques édités sont peu nombreuses. En dehors des recettes isolées, on ne dispose jusqu'ici que d'une édition importante, le *Livre de recettes d'un dabtara abyssin*, Paris, 1930, de Marcel Griaule. A cela il faut ajouter le petit recueil de recettes qui se

trouve à la suite des *maftəhe šəray* que j'ai édité en 1955 (*Prières magiques éthiopiennes pour délier les charmes*, Warszawa, 1955 = RO, XVIII).

Les textes inédits se trouvant dans les collections européennes (du moins ceux que les éthiopisants ont vu de près), ne sont pas non plus très nombreux et représentant sensiblement le même genre de recettes que celles de l'édition Griaule. La B. N. de Paris possède quelques recueils qui portent même différents titres qui pourraient faire penser à des livres purement médicaux (*maṣḥafa madḫanit zaṣaḥafa 'erəmyas nabiy*, «Livre de médecine qu'a écrit Jérémie le prophète», Eth. 402 — Griaule 98; *maṣḥafa madḫanit za'arab*, «Livre de médecine arabe», Eth. 651 — Griaule 343; *maṣḥafa faws zak^{w}əllu*, «Livre de médecine pour tout», même manuscrit, etc.), mais ils n'apportent rien de sensiblement nouveau.

On connait par différents auteurs un recueil de recettes médicales intitulé *'əṣa dəbdabe* «Régistre de plantes» (Dal Guerra, Conti Rossini, Cacciapuoti). La B. N. de Paris possède un petit manuscrit portant ce nom (Eth. 648 — Griaule 340). En 1956—57 des fragments de ce recueil ont été édités en Ethiopie, à la suite de le *'awda nagast* par Za-Manfas Qəddus 'Abrəhā. Malheureusement, il ne s'agit là non plus que d'un recueil de recettes médico-magique.

L'analyse de tous ces textes ainsi que de nombreuses recettes disséminées sur les feuilles de garde de différents manuscrits confirmait donc dans l'ensemble l'impression des médecins européens qui regardaient cette médecine comme un tout assez cohérent où l'on ne peut pas isoler l'empirique du magique.

Pourtant deux voix se sont fait entendre dans un sens tout différent. D'une part, le dr. Cacciapuoti, dans un article intitulé *Medicina e farmacologia indigena in Etiopia* (RSE, 1941) a émis l'avis qu'il existe un courant empirique qui est à distinguer du courant magique. D'autre part, le prof. Maxime Rodinson dans l'introduction à l'édition d'un manuscrit écrit en 1932 pour la Mission Dakar—Djibouti et contenant une liste de guérisseurs de Gondar (édition que nous espérons voir bientôt paraître), a écrit: «... Il semble qu'une certaine différence soit sentie (entre les méthodes empiriques et les méthodes magiques) assez obscurément avec assurément des erreurs de classement et une vaste zone de flou. C'est ce qu'exprimeraient en particulier l'assez grand nombre de guérisseurs spécialisés dans l'une ou l'autre des méthodes à peu près exclusivement et l'application à une catégorie seulement du terme *ṭanq^{w}ay* 'sorcier'. C'est là une conclusion qui s'oppose à l'impression des médecins européens qui ne voient la pratique indigène que globalement et de l'extérieur et peuvent aisément confondre traitement erroné à base strictement empirique et traitement à principes magiques...». Et plus loin: «on a traité jusqu'ici la médecine éthiopienne comme un tout organique, synchronique, ce qu'elle est d'ailleurs sous un certain rapport. Mais elle est assurément composée de strates multiples, de recettes empruntés à l'étranger à diverses époques et plus ou moins intégrées dans le système médical indigène. Il est probable qu'il y a eu des influences arabes...».

Ce raisonnement est parfaitement juste et je voudrais présenter à cette place des documents nouveaux qui le prouvent.

Lors de mon séjour en Ethiopie (1957—58), j'ai pu photographier, entre autres carnets de *dabtarā*, un MS. qui contenait au début un petit traité médical (sans aucune intervention magique), intitulé "Livre de médecine utile" (*yəh maṣāf yəmmitəqəm maḍḫanit yamminəggər nəw*),

écrit en langue amharique. Ce MS. date du XXe siècle. Par un heureux concours de circonstances j'ai pu, grâce à M. Roger Schneider, entrer en possession d'un jeu de photographies d'un second MS. contenant le même texte et datant, lui, du XVIIIe siècle. Il s'agit en l'occurence d'un traité théorique qui continue la lignée classique de la médecine gréco-arabe. Le texte commence par un exposé de la théorie des humeurs, des tempéraments de l'homme et des caractères qui en résultent. Suit un traité d'hygiène (rapports sexuels, saignée, diététique). Le tout se termine par un chapitre sur les médicaments. Ce traité correspond *grosso modo* au premier livre du *Canon* d'Avicenne et aux premiers livres de presque tous les livres de médecine gréco-arabes. L'analyse linguistique de ce traité amharique permet conclure à une traduction de l'arabe.

Les photos d'un autre manuscrit médical m'ont été fournies par 'abbā Yohannəs Gabra 'Əgzi'abəher d'Asmara. Beaucoup plus grand que les précédents (il compte 100 feuillets de grand format), ce MS. écrit en guèze (ou plutôt dans un mélange guèze-amharique qui nous est connu par ailleurs par certains textes magiques), comprend un traité de thérapeutique qui se divise en deux parties à peu près égales. La première s'intitule *maṣḥafa fəws zamalāyālyān*, "Livre de médecine des parties du corps" et comprend des recettes médicales groupées d'après les maladies, elles-mêmes rangées dans un ordre allant de la tête aux pieds. La seconde partie porte le titre *maṣḥafa madḥanit lak^{w}əllon dawe'ata 'abālāt* "Livre de médecine pour toutes les maladies du corps." Elle contient la chirurgie et le traitement des maladies générales (fractures, coupures, morsures, *məšəro q^{w}əsla səgā*, gale, plaies, lèpre, etc). Parmi ces maladies générales on trouve aussi quelques maladies «magiques». Nous y trouvons un chapitre consacré au mal causé par les charmes (*zašəray*), à la maladie provoquée en piquant l'ombre (*yaṣəlāwagi*), etc., mais ces recettes n'y constitue qu'une infime minorité (environ 90 sur 1350). Sans entrer dans les détails, disons que le contenu de ce MS. correspond en gros partiellement au IIIe, partiellement au Ve livre du *Canon* d'Avicenne. La structure tellement caractéristique de la première partie de ce traité de thérapeutique correspond à celle des traités de pathologie arabes (p. ex. le VIe livre du *Thesaurus* de Ḥwarazmšāh, la IVe partie du traité médical de 'Āli ibn Rabban, le IIIe livre du *Canon* D'Avicenne, etc. (c. à. d. *a capite ad calcem*, cp. Edward G. Browne, *Médecine arabe*, Paris, 1933).

Mais le MS. d'abbā Yohannəs n'est pas le seul à contenir ce traité. J'ai pu constater depuis que trois manuscrits du British Museum (Add. 20 751, Or. 828 et Or. 829 = Catalogue de Wright, n°s 399, 400 et 401) contiennent trois versions de ce même traité.

Le premier de ces MSS. (seconde moitié du XVIIIe s.) contient une version plus courte (et incomplète) en langue guèze correspondant à la première partie et aux premiers chapitres de la seconde (fractures, coupures, morsures). Sauf pour leur volume, les textes de ces deux MSS. s'accordent parfaitement. Le texte de ce MS. ne contient pas la partie où dans le MS. d'abbā Yohannəs se trouvent les recettes contre les maladies «magiques».

Le MS. Or. 829, plus étendu que le précédent, est écrit en amharique et contient une version un peu élargie de ce même traité par rapport au MS. d'abbā Yohannəs. Le texte du traité est précédé d'une introduction et d'un index alphabétique des matières. C'est surtout la seconde partie du traité qui y a été augmentée. A partir du chapitre 12 (il y en a 24 en tout), on y trouve un mélange de recettes contre des maladies «magiques» et des recettes contre différentes maladies déjà traitées pour la plupart dans les

chapitres précédents. On y rencontre aussi quelques recettes vétérinaires. Il est à remarquer que les chapitres 21—23 reproduisent fidèlement les chapitres concernant le blé, le lait et la viande qui font partie de la diététique dans notre premier traité, le traité théorique.

Le dernier MS. qu'il nous faut analyser est le MS. Or. 828. C'est le plus étendu de tous et il ne compte pas moins de 192 feuillets de grand format (30×22 *cm*, 3 colonnes). Il a appartenu au roi du Choa, Walda Giyorgis Wasan Sagad (+1812). Il contient une autre version amharique du même traité de thérapeutique, mais une version encore élargie par rapport au MS. précédent. Le scribe avait recopié le MS. en laissant après chaque chapitre un peu de place, d'une à trois colonnes, déstinées à recevoir de nouvelles recettes pour les mêmes maladies. On reconnait que plusieurs ont été ajoutées après coup. Souvent elles sont accompagnées des indications sur la source où elles ont été puisées. Certaines partent, par contre, la mention *yaññа* ou *yəh jaññа naw* „de nous" ou „ceci est de nous". Etaient-ce des ajoutés dictées par le roi même?

Divisé en 235 chapitres, le traité est précédé d'une table des matières (numéros et titres des chapitres).

Il faut supposer que la version guèze (ou plutòt guèze-amharique) est plus ancienne que la version amharique de ce traité. Mais la chose n'est pas absolument certaine. Voici une filiation probable de nos quatre versions:

1. Br. Mus. Add. 20 741 (guèze, XVIIIe siècle, incomplet),
2. MS. d'Abbā Yohannəs (guèze, XIXe—XXe siècle),
3. Br. Mus. Or. 829 (amharique, XIXe siècle),
4. Br. Mus. Or. 828 (amharique, début XIXe siècle).

Il me reste encore à dire quelques mots sur l'introduction du MS. Br. Mus. Or. 829. C'est un petit traité indépendant divisé en 27 paragraphes dont les neufs premiers manquent. Le titre n'est pas connu. Les feuillets manquants contenaient (d'après la table des matières) les notions sur les éléments et les humeurs. Les feuillets conservés (f. 8r°—12r°) contiennent des indications concernant la scarification, le fonctionnement du coeur, etc. Le texte est en partie rédigé sous la forme de questions et de réponses. A deux reprises il se réfère à Galien (*Gālinos*). L'ouvrage est apparenté à certains fragments de notre traité théorique, mais reste nettement distinct de lui. Contrairement au traité de thérapeutique qui me parait être en grande partie une création éthiopienne originale (non sans modèle, évidemment) — les plantes et les maladies y sont pour la plupart spécifiquement éthiopiennes — le dernier petit traité doit, lui aussi, constituer si non une traduction, du moins une adaptation de l'arabe.

La découverte de ces premiers traités médicaux éthiopiens (et la recherche d'autres ouvrages analogues doit être continuée) semble présenter une importance considérable.

1. Pour l'histoire de la science d'abord. Voici que s'élargit considérablement vers le Sud la zone de transmission directe de l'enseignement médical classique gréco-arabe.

2. Pour l'histoire de la civilisation éthiopienne ensuite. Voici une nouvelle branche dont il faudra, dès maintenant, tenir compte dans l'histoire de la littérature et de la science éthiopiennes.

Dans mes études sur la littérature magique éthiopienne j'ai toujours souligné l'éritage du syncrétisme hellénistique et l'apport arabe. Voici un autre domaine important où intervient l'élément arabe, lui-même héritier de la tradition grecque.

3. Pour notre connaissance de la médecine éthiopienne enfin. Nous voici en présence d'une authentique tradition médicale empirique.

Ces textes fournissent d'autre part un matériel linguistique particulièrement intéressant, aussi bien pour l'étude du langage technique guèzo-amharique que pour les travaux de lexicographie amharique et guèze, car ils fournissent le catalogue le plus complet possible des noms de maladies et des noms de plantes.

L'identification exacte des sources et des modèles de ces traités constitue une tâche à part qui ne sera probablement pas facile à accomplir.

По докладу выступили Л. Фузелла.

JOSEPH TUBIANA (*Bourg la Reine—Seine*): NOTE SUR LA LANGUE DES ZAGHAWA

L'existence des noirs Zaghawa semble avoir été connue des Arabes au plus tard au VIIIe s. de l'ère chrétienne. L'auteur du *Kitāb al-Ma'ārif*, Ibn Qutaiba, dans une tradition qu'il attribue à Wahb ibn Munabbih, énumère parmi les noirs *Sūdān* les Nouba, les Zandj, les Goranes, les Zaghawa, les Abyssins, etc[1].

La même tradition, enrichie parfois de nouvelles précisions, se retrouve ensuite chez un certain nombre d'auteurs arabes.

L'origine du nom est obscure. C'est apparemment un ethnique dérivant d'un nom de pays: *Zaghā* ou *Zaghay*. Mais les géographes arabes ne nous informent guère à ce sujet. A tel point qu'on peut légitimement se demander dans quelle mesure ce nom mérite d'être appliqué à la population que nous désignons ainsi, en donnant au terme Zaghawa une valeur restrictive.

Mais la discussion de ce point — pour important qu'il soit — risquerait de nous entraîner trop loin, et en dehors des questions de linguistique.

Tout ce qui importe ici, c'est que les Zaghawa savent que ce nom leur est donné par les Arabes et par les Européens.

Ils n'en utilisent pas d'autre dans leurs relations avec les étrangers[2]. Ils le prononcent tantôt *Zagawa* ou *Zaḫawa*, ou encore *Sakawa*. Mais le nom qu'ils se donnent à eux-mêmes est celui de *bèRí*.

Les tribus *bèRí* doivent totaliser une soixantaine de milliers d'individus, répartis à peu près également entre le Wadday et le Dar-Fur.

L'existence au beau milieu du territoire qu'ils occupent d'une frontière internationale, et d'autre part les vicissitudes des politiques, administratives et économiques de la Grande-Bretagne et de la France, puis aujourd'hui des Républiques indépendantes du Soudan et du Tchad, ont eu, parmi d'autres conséquences, cette de favoriser des mouvements de populations de caractère et d'amplitude divers.

Dans la partie septentrionale du Dar-Fur vivent les tribus *Tuär*, *Anka*, *Dor*, *Wulagi*, *Kaytiŋa*. Dans le nord du Wadday on trouve les *Kobe*, les *Kapka* ou *Kabga*, les *Kige*, les *Diroŋ* (ou *Duroŋ*, ou *Dureŋ*) et les *Guruf*.

Du côté soudanais, on trouve encore un petit noyau d'émigrés Kapka dans la région frontalière d'Am-Dur, et une notable fraction de Kobe, établis à l'est du wadi Howa, qui sont maintenant séparés par le tracé de la frontière de l'ensemble de la tribu.

Il y aurait dans le nord du Kordofan des descendants de Zaghawa immigrés au XVIIIe s., entièrement arabisés[3].

J'ai relevé de mon côté l'existence d'"Arabes Zaghawa", dans la région de Haraz, au Tchad; je ne sais malheureusement pas grand chose sur eux.

C'est en 1956 et 1957 que j'ai eu l'occasion d'enquêter parmi les tribus vivant au Wadday, et c'est à leur sujet que mes renseignements sont les plus sûrs.

J'ai mené l'essentiel de mon enquête linguistique dans le village de *hìRí-bà*, "le puits des vaches"[4], résidence du sultan des Zaghawa, où j'avais parmi d'autres avantages, celui de pouvoir rencontrer des Zaghawa et même des Bideyat de diverses tribus.

Mes informateurs principaux ont été des membres du clan royal des *Aŋu*, de la tribu Kobe.

J'ai procédé à l'enquête linguistique de la manière habituelle, recueillant du vocabulaire, des phrases, et des textes spontanés. Simultanément, je m'efforçais de comparer de manière systématique les documents publiés par H. A. MacMichael [5] pour les dialectes du Soudan avec les éléments similaires du dialecte Kobe.

Dès que je suis parvenu à déterminer de façon à peu près satisfaisante le système phonologique de la langue, j'ai enseigné un système de transcription très simple à mes informateurs, qui savaient déjà lire et écrire le français. Il ne leur fallut que très peu de temps pour arriver à s'en servir sans trop de difficulté ni de *lapsus calami*.

Dans ces conditions, j'ai eu la possibilité d'augmenter la quantité des documents recueillis, et aussi leur qualité, car les explications que j'ai été obligé de fournir à mes informateurs à propos de la transcription nous ont permis de mieux préciser certaines choses.

J'ai pu recueillir aussi une grande quantité de toponymes, de noms de personnes et de noms ethniques, ainsi que quelques textes littéraires de prose ou de poésie.

Je n'ai malheureusement pas pu faire d'enregistrements, le magnétophone qui m'était attribué ne m'étant parvenu qu'au moment de quitter l'Afrique.

* * *

Le système consonantique du Zaghawa est solidement charpenté par les trois séries: labiale, dentale, et postpalatale. Chacune comprend une sourde, une sonore et une nasale.

La labiale sourde présente la particularité d'être réalisée spirante: *f*. On peut dire qu'en Zaghawa, pour la série labiale la distinction entre occlusives et spirantes n'est pas pertinente. Le cas se retrouve dans un certain nombre d'autres langues, par ex. dans certaines langues du groupe chamito-sémitique.

Les autres phonèmes sont des occlusives:

f	*t*	*k*
b	*d*	*g*
m	*n*	*ŋ*

Il faut y ajouter une laryngale *h*, isolée, et qui n'est peut être pas présente dans tous les dialectes.

Il est pour le moment difficile d'affirmer que le Zaghawa possède une apicale *r* et une latérale *l*. Il possède en tout cas certainement une rétroflexe cacuminale *R* (ɽ).

Il existe enfin une série de travail accessoire, de localisation prépalatale, à trois termes:

$$\begin{matrix} \check{s} \\ \check{g} \\ \tilde{n} \end{matrix}$$

L'ensemble est complété par les semi-voyelles *w* et *y*.

Le tableau complet de système phonologique se présente ainsi:

$$\begin{matrix} f & t & & & \check{s} & k \\ b & d & (l) & (r) & R\ \check{g} & g \\ m & n & & & \tilde{n} & \eta \\ w & & & & y & \end{matrix} \Big\} h$$

Mis à part le cas des "liquides" et du *h*, c'est là un système parfaitement équilibré, sans aucune case vide.

Je n'ai noté aucun mot contenant la labiale sourde occlusive *p*. Il est vrai qu'on entend une réalisation *p* ou quelque chose qui y ressemble dans le nom de tribu *Kapka*. Il semble qu'il s'agisse dans ce mot d'une réalisation assourdie du phonème *b*. La forme devrait être transcrite phonologiquement *Kabka*. Je ne l'ai jamais clairement notée ainsi, mais j'ai entendu de nombreux *Kabga*, où cette fois c'est la postpalatale qui est sonorisée.

La consonne rétroflexe *R*, dont le point d'articulation peut être qualifié de cacuminal, est réalisée le plus souvent comme une vibrante apicale à un seul battement. Parfois aussi on l'entend comme une vibrante latérale dont le point d'articulation cacuminal est sensiblement postérieur à celui du *l* français.

Dans la prononciation des mes informateurs *Aŋu* la réalisation latérale était plus fréquente que la réalisation apicale. Je crois qu'il s'agit d'une variante stylistique, d'un snobisme d'aristocrate. En effet, dans la prononciation des gens du peuple la réalisation latérale m'a semblé infiniment rare.

Cette consonne rétroflexe n'apparaît jamais en position initiale.

Un problème non résolu pour l'instant est celui de l'existence d'un *r* et d'un *l* (non rétroflexes).

On rencontre ces consonnes, en position initiale, dans de rares emprunts arabes tels que: *liğama* «marteau à sucre»; *lūtí* «pédéraste»; *rum*, «fromager»; *rís* «riz».

Une réalisation latérale *l* peut être le résultat de la dénasalisation d'un *n*, comme dans *kéní* ou *kélí*, "bélier". Un exemple tout à fait probant est fourni par l'emprunt arabe *kànùn* «brasero», qui prend le plus souvent la forme *kàlùn*.

Dans l'état actuel de mon information, il me paraît préférable de réserver la possibilité de l'existence de phonèmes distincts *l* et *r*, au moins dans certains suffixes ou post-positions. Au cas où ces phonèmes auraient une existence réelle, ils n'apparaîtront comme doués que d'une très faible fréquence.

La série de travail accessoire comprend un phonème dont la réalisation est constante: c'est la nasale *ñ*.

La sourde *š* et la sonore *ğ* présentent des réalisations variables.

En ce qui concerne la sonore *ğ*, on vient à bout de la difficulté devant laquelle on se trouve, si on pose en principe que cette consonne ne possède pas un point mais une vaste zone d'articulation. En effet les réalisations de cette consonne prépalatale vont du simple *d* "mouillé", d^y, jusqu'à l'affriquée proprement dite *ǧ*. On peut entendre

aussi des sortes de t^y ou de k^y, et j'ai noté une fois un *č* alternant avec un *ǧ*.

La réalisation d^y est plus fréquente que la réalisation *ǧ*, mais la plupart du temps on a l'impression d'entendre un son intermédiaire dont la complexité semble faire succéder un élément occlusif sensiblement postalvéolaire et un élément *y*.

Le problème posé par la sourde *š* est autre. Elle est assez souvent réalisée non prépalatalisée: *s*. Mes observations ne me permettent pas d'affirmer que la réalisation *š* soit beaucoup plus fréquente que l'autre. Il se peut que l'usage de la langue arabe ait favorisé cette prononciation *s*; les lettrés et les aristocrates semble dire indifféremment *š* ou *s*. Les gens du peuple diront plutôt *š*.

Il faudrait rechercher dans quelle mesure *s* peut représenter une variante combinatoire facultative devant telle ou telle voyelle.

Quoiqu'il en soit, la structure même du système me porte à penser que ce phonème est le correspondant sourd de *ǧ* et *ñ* et par conséquent, fondamentalement *š*, abstraction faite bien entendu du point de vue diachronique.

* * *

Le système vocalique est caractérisé par l'usage de tons.

Il y a cinq timbres vocaliques:

i · *u*
e *o*
a

Les tons "ponctuels" sont au nombre de deux (et peut-être trois). Il y a un ton haut et un ton bas. Je pense, mais je ne peux pas l'affirmer pour le moment, qu'il n'y a pas de ton moyen. Je note le ton haut par un accent aigu sur la voyelle, le ton bas par un accent grave:

bá "main"; *bà* "puits";
bí "eau"; *bì* "esclave (de sexe féminin)";
órú "nombril"; *órù* "pastèque".

Les tons "modulés" sont au nombre de deux. La durée de la voyelle qui comporte ces tons est légèrement plus longue que celles des voyelles sur ton simple (ou "ponctuel"). C'est pourquoi j'ai jugé pratique, aussi bien pour moi que pour mes informateurs — pour qui cette durée était sensible — de noter le ton montant au moyen du signe de la longue, surmonté d'un accent aigu, et le ton descendant au moyen du signe de la longue surmonté d'un accent grave: *bí* "attrappe!" (impératif); *bì*, "veau"; *kírè* "frère aîné"; *kìrè* "sorte de grand panier".

La langue Zaghawa dispose donc au total d'un minimum de vingt réalisations à valeur distinctive (il y en aurait au maximum vingt cinq, s'il s'avérait qu'il existe un ton moyen).

Il semble bien que l'élément le plus important dans la réalisation d'une voyelle soit l'élément tonal.

J'ai pu observer des passages du timbre *a* au timbre *o* (ou inversement) qui consituent soit des variantes facultatives, soit plus vraisemblablement des variantes stylistiques manquant la distinction entre gens du peuple et aristocrates, à moins qu'il ne s'agisse d'un élément diachronique: prononciation archaïque des vieux et prononciation moderne des jeunes.

Les relations entre les voyelles *i* et *u* d'une part et les semi-voyelles *y* et *w* devront être étudiées de près. Il semble bien que *y* et *w* aient une existence autonomes et soient assez peu fréquents, tandis que *i* et *u* devant voyelle conservent leur réalisation vocalique, sans doute consolidée par la présence du ton.

* * *

Il est vraisemblable que chacune des tribus Zaghawa utilise un dialecte qui lui est propre, sans que les différences soient excessivement marquées. Cependant l'intercompréhension paraît moins facile entre Kobe et Guruf qu'entre Kobe et Kapka ou entre Diroŋ et Guruf. On peut distinguer *grosso modo* un groupe Kobe—Kapka—Kige et un groupe Diroŋ—Guruf. Le premier est caractérisé par le passage de *f* initial à *h*: le nom (d'emprunt) du cheval est *fírtè* en guruf et *hírdè* en kobe; "montagne" se dit *fá* en guruf, *há* en kobe; "vache" se dit *fìrí* en Guruf et *hìrí* en kobe.

J'ai cru constáter en Guruf une certaine importance de la nasalité (qu'elle se soit maintenue ou étendue); par ex. la solanée appelée *nóbòk* en Kobe et appelée *mómòk* en Guruf.

Je n'ai pas pu pousser l'étude jusqu'aux dialectes du Soudan, mais les documents publiés par MacMichael sont plus proches des dialectes du groupe du Guruf.

* * *

Les Bideyat, voisins au nord des Zaghawa, ont une civilisation presque identique; ils se donnent le même nom de *bèrí* dans leur langue. Là l'on ajoute à cela que les maigres documents linguistiques recueillis par Chateauvieux (Archives de Fort-Lamy), ceux publiés par Chalmel[6], et les éléments que j'ai recoltés moi-même, montrent que les dialectes Bideyat ne sont pas plus éloignés du groupe Zaghawa que par exemple le Kobe ne l'est du Guruf[7], on sera porté à considérer les dialectes parlés par les Bideyat et ceux parlés par les Zaghawa comme constituant une seule unité, que je propose d'appeler la langue *bèRí*.

L'étude d'ensemble du groupe de dialectes *bèRí* montrera vraisemblablement que le *R* rétroflexe du Zaghawa représente une réalisation spirante d'un *d̄* rétroflexe qui a abouti à *d* en bideyat (comme dans le mot *hidi*, "vache", déjà cité, à moins qu'il ne s'agisse d'une notation fautive pour **hidi*, auquel cas le *d̄* serait directement attesté).

Le groupe *bèRí* n'est pas sans affinités avec le groupe téda—daza, affinités qu'une étude approfondie révèlera sans doute importantes. Ceci est déjà assez apparent dans le domaine de la phonologie, ce l'est moins dans celui de la morphologie et de la syntaxe, simplement en raison de l'insuffisance de notre information dans ces domaines.

Pour le lexique, voici quelques exemples tirés d'un sondage préliminaire:

téda *arbi*, daza *are*, kob. *èrfé*, «marque de bétail»;
téda—daza *maaḍo*, kob. *màRá*, «rouge»;
téda *farto*, kob. *hòrdò*, «tunique en peau de gazelle (portée par les forgerons)».

Ces quelques exemples montrent des correspondances *b*/*f*, *d̄*/*r*, *f* initial/*h* initial dont l'intérêt n'echappera pas. Chacune indique une hypothèse de travail. Il conviendra, aussi, de se préoccuper des tons du téda et du daza.

* * *

Il est permis de dire, en conclusion de cette reconnaissance préliminaire des dialectes zaghawa:

1) qu'il existe un groupe de dialectes *bèRí* comprenant les dialectes parlés par les Bideyat et par les Zaghawa;

2) qu'il est très probable que ce groupe appartient à la même grande unité linguistique que le groupe des dialectes téda et daza.

Une conséquence de cela est qu'il convient de joindre le groupe *bèRí* au groupe téda — daza et au kanouri sous une dénomination appropriée.

Joseph Greenberg a proposé celle de "Saharien central". On peut en imaginer de meilleures, mais il vaut peut-être mieux conserver une dénomination criticable que créer la confusion.

L'existence de la grande unité linguistique ainsi définie exige d'être démontrée de manière beaucoup plus probante que je ne suis en mesure de le faire pour le moment.

Les données dont nous disposons sont certes encore insuffisantes, mais il faudrait les exploiter complètement pour commencer.

Qui ne voit que c'est un problème passionnant que celui des limites de ce groupe: l'archéologue, l'ethnographe, l'historien, l'anthropologue même y sont intéressés autant que le linguiste, et chacun d'eux peut apporter quelque chose aux autres.

NOTES

[1] *Ibn Coteiba's Handbuch der Geschichte*, édité par F. Wüstenfeld, Göttingen, 1850, p. 12—13.

[2] Dans une langue autre que le Zaghawa.

[3] H. A. MacMichael, *Notes on the Zaghâwa and the people of Gebel Mídób*, JRAI, 42, 1912, pp. 288 et 289.

[4] I r i b a des cartes françaises. Cf. *Cahiers d'Etudes Africaines*, I, 1960, p. 115—120.

[5] *Op. cit.*, note 3.

[6] Capitaine Chalmel.

[7] Comparer avec les exemples déjà donnés les mots bideyat: *hęrtę* «cheval»; *ma*, «main»; *hidi*, «vache». Et encore: bid. *mu*, «absorbé», kob. *bóù*; bid. *odo*, «bois à brûler», kob. *óró*, (ou *óRó*?), etc.

По докладу выступил А. Н. Тэккер.

В заключении была принята резолюция, см. т. I, стр. 60.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К V ТОМУ

С изданием настоящего тома завершается публикация «Трудов XXV Международного конгресса востоковедов», и вместе с тем Организационный комитет Конгресса прекращает свое существование.

Оглядываясь на проделанную работу, Оргкомитет выражает надежду, что его труд послужил на пользу делу укрепления культурных связей и сотрудничества ученых стран Запада и Востока и желает успеха следующему, XXVI Международному конгрессу востоковедов.

Издание «Трудов XXV Международного конгресса», включающих текст на семидесяти языках мира, было делом нелегким. Поэтому Организационный комитет и редакционная коллегия считают своим долгом выразить искреннюю благодарность секретарю Оргкомитета А. В. Алексеевой, несшей в течение более пяти лет на себе всю сложную техническую работу, старшему научному сотруднику Г. Ф. Ильину, научным сотрудникам Г. М. Бауэру и Ю. Я. Цыганкову, без чьей бескорыстной и часто самоотверженной помощи эти пять томов не могли бы увидеть свет, всем товарищам, оказавшим помощь своими консультациями, и всем работникам Издательства восточной литературы и типографий.

Пожелаем новых успехов востоковедной науке, дальнейшего укрепления дружбы между народами Востока и Запада!

Организационный Комитет XXV
Международного конгресса востоковедов

СПИСОК ДЕЛЕГАТОВ
XXV МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА ВОСТОКОВЕДОВ*

A

Abayev, V. I., Moscow
Abdullayev, Zakir, Baku
Abramson, Saul, Leningrad
Achufusi, Modilim, Leipzig
Adelman, Fred, Pittsburgh
Adie, W, A. Ch., Oxford
Afana, Ossende, Cairo
Afshar, Iraj, Tehran
Ahmad, Aziz, London
Aini, Kamol, Dushanbe
Aitbaew, Mukoin, Frunze
Akhramovitch, Roman, Moscow
Akhtar, S. M., Lahore
Akhvlediani, George, Tbilisi
Akimushkin, Oleg, Leningrad
Akopian, T. A., Erevan
Akramov, Sali, Samarqand
Akyüz, Kenan, Ankara
Alavi, Bozorg, Berlin
Mrs. Alavi, Berlin
Alekberli, Mamedkesir, Makhach-Kala
Alekseyev, Dmitrij, Leningrad
Alesker-zade, Ajdar, Baku
Ali-zade, Abdulkerim, Baku
Ali-zade, Mamed, Baku
Alkaieva, Leila, Moscow
Allchin, F. R., Cambridge
Allchin, Bridget, Cambridge
Allen, Louis, Durham
Allen, Thomas, Bradenton, USA
Allott, Antony, London
Almaz (Almazov) Javad, Kazan
Altmann, Ladislav, Bratislava
Amiran, Ruth, Chicago
Ammer, Karl, Halle
Anderson, Robert, London
Andrade, Mario de, Conakry
Andreasyan, R. N., Moscow
Andrianov, Boris, Moscow
Angelov, Dmitr, Sofia
Ankori, Zvi, Jerusalem
Antonova, Koka, Moscow
Appadurai, K. P., Madras
Ap-Thomas, Dafydd, Bangor
Arasly, Hamid, Baku
Archer, William, Teaneck
Areshian, Salomiya, Erevan
Arevshatian, S. S., Erevan
Armajani, Yahya, St. Paul
Artamonov, Mikhail, Leningrad
Artsikhovsky, A. V., Moscow
Arunova, M. R., Moscow
Ashurbeili, Sara, Baku
Aslanapa, Oktay, Istanbul
Aslanov, Martiros, Moscow
Assfalg, Julius, München
Astafiev, Gennadiy, Moscow
Ateş, Ahmed, Istanbul
Atsamba, F. M., Moscow
Aubin, Françoise, Paris
Auboyer, Jeannine, Paris
Audet, Jean-Paul, Jerusalem
Auezov, Muchtar, Alma-Ata
Augustynowicz-Ciecierska, Teresa, Kraków
Autra, Mamadou Traore Ray, Conakry
Avaliani, Julia, Samarqand
Avdiev, Vsevolod, Moscow
Avrorin, Valentine, Leningrad
Awad, Gurgis, Baghdad
Ayache, Germain, Rabat
Ayalon, David, Jerusalem
Azimjanova, Sabahat, Tashkent
Azimov, Pigam, Ashkhabad

B

Babakhojayev, Abdusamat, Tashkent
Badawy, Alexander, Lawrence
Baishev, S. B., Alma-Ata
Bakoš, Ján, Bratislava
Balabushevich, Wladimir, Moscow
Balandier, Georges, Paris
Ballis, William, Ann Arbor
Balzarova, Praha
Bănăţeanu, Vlad, Bucureşti
Banck, Alice, Leningrad
Banguoğlu, Tahsin, Ankara
Barbour, Nevill, Banbury
Bardtke, Hans, Leipzig
Barkan, Ömer, Istanbul
Barkhudarov, Alexey, Moscow
Barnett, Richard, London

* Указатель докладов приложен к IV тому.
* Index of reports is supplemented to Volume IV.

Bartikian, Hrach, Erevan
Basham, Arthur, London
Baskakov, Nikolay, Moscow
Batmanov, I. A., Frunze
Batyrov, Shaja, Ashkhabad
Bauer, Wolfgang, München
Bausani, Alessandro, Rome
Baykal, Bekir, Ankara
Bazin, Louis, Saint-Maur (Seine)
Bečka, Irži, Praha
Beckingham, Charles, Manchester
Beek, M. A., Amsterdam
Beeston, Alfred, Oxford
Behrsing, Siegfried, Berlin
Belayev, Victor, Leningrad
Belenitsky, Alexander, Leningrad
Beliaiev, Eugene A., Moscow
Bell, Walter, Oxford
Bellinger, Louisa, Washington
Benedikter, Martin, Bressanone
Benedicty, Robert, Budapest
Beonio-Brocchieri, Paolo, Milano
Berbekov, Khatuta, Nalchik
Berg, C. C., Leiden
Berger, Morroe, Princeton
Beridze, Vakhtang, Tbilisi
Berlev, Oleg, Leningrad
Bernard, Lucien, Paris
Berndt, Jürgen, Berlin
Bernhard, Franz, Hann. Münden
Bernhardt, K. H. Rostock
Bernot, D., Antony (Seine)
Bertagayev, Trofim, Moscow
Bese, Lajos, Budapest
Beskrovny, Wassiliy, Moscow
Betz, Margaret, Tehran
Bgazhba, H. S., Sukhumi
Biardeau, M., Poona
Bibby, Thomas, Aarhus
Bickford, George, Cleveland
Biegman, Nicolaas, Leiden
Bielawski, Józef, Warszawa
Bikzhanova, M. A., Tashkent
Bira, Sch., Ulan-Bator
Birkeland, Harris, Uppsala
Mrs. Birkeland, Uppsala
Biswas, Samarendranath, Berlin
Blachère, Régis, Paris
Mme Blachére, Paris
Blaškovič, Josef, Praha
Blumenkranz, Bernhard, Bagneux
Bodde, Derk, Philadelphia
Bode, Framroze, Bombay
Bogdanova, Medina, Moscow
Bogolyubov, Mikhail, Leningrad
Bogoutdinov, Alauddin, Dushanbe
Böhlig, Alexander, Halle/Saale
Boiteau, Pierre, Paris
Bokarew, E. A., Moscow
Boldyrev, Alexander, Leningrad
Bombaci, Alessio, Napoli
Bondarevsky, Grigoriy, Moscow
Bongard-Levin, Grigoriy, Moscow
Borkovsky, Victor, Moscow
Bormanshinov, Arash, New Brunswick
Borovkov, Alexander, Leningrad
Borshchevsky, Yuriy, Leningrad
Bosch, Gulnar, Baton Rouge
Bosma-McVey, Ruth, Vogelenzang
Bosse-Griffiths, Kate, Swansea
Boston, A. F., U S A
Bothmer, Bernard, Brooklyn
Böttger, Walter, Leipzig
Bouligand, H., Moscow, University of Friendship
Bourguet, Pierre du, Paris
Bouśková, Marcela, Praha
Bowman, John, Melbourne
Braginski, Joseph, Moscow
Braun, Jan, Warszawa
Bräutigam, Herbert, Berlin
Brentjes, Burchard, Berlin
Bretanitsky, Leonid, Baku
Brookes, Reuben, Birmingham
Mrs. Brookes, Birmingham
Brown, Frank, New Haven
Brown, W. Norman, Philadelphia
Brownlee, William, Claremont
Bruck, Solomon, Moscow
Brugman, J., Hague
Buhl, Marie-Louise, København
Bukhorizoda, Abdurahman, Dushanbe
Bulatov, Ahmed, Kazan
Burmov, A. K., Sofia
Burton-Page, John, London
Buss, Claude, Stanford
Büttner, Kurt, Leipzig
Buxton, Martin, London
Bykov, Alexis, Leningrad
Bystrikova, Maya G., Leningrad

C

Cadart, Claude, Paris
Cahen, Claude, Savigny
Caillat, C., Sèvres
Caillois, Roger, Paris
Caldwell, I. A. M., London
Cameron, George, Ann Arbor
Canard, Marius, Alger
Carminová, Eva, Praha
Castiglione, Ladislas, Budapest
Catanzaro, C. J. de, Evanston
Černá, Zlata, Praha
Černý, Jaroslav, Oxford
Černý-Krušina, Ladislav, Praha
Chamsoutdinov, Abdoulla, Moscow
Chartres, Cecile, London
Chatterji, Suniti Kumar, Calcutta
Chattopadhyaya, K., Varanasi
Chauhan, Shivdan, Gurgaon
Mrs. Chauhan, Vijay, Gurgaon
Cheboksarov, Nicolai, Moscow
Chehab, Maurice, Beyrouth
Chelyshev, Eugene, Moscow
Chesneaux, Jean, Paris
Chettiar, A. C., Madras
Chittick, Hubert, Guildford, England
Chmielewski, Janusz, Lodz
Christian, Viktor, Walchsee
Frau Christian, Walchsee

Christie, Elizabeth, England
Chroust, Josef, Praha
Čikobava, Arnold, Tbilisi
Čitaya, Georgiyi, Tbilisi
Clark, Kenneth, Durham
Clauson, Sir Gerard, London
Codazzi, Angela, Milano
Coi Den Hu, Pyongyang
Collett, Dorothy M., La Verne
Colpe, Carsten, Göttingen
Condominas, Georges, Paris
Conze, Edward, Maidenhead, England
Cramer, Maria, Münster
Cressey, George, Syracuse
Crossland, Ronald, Sheffield
Csongor, Barnabas, Budapest
Mrs. Csongor, Budapest
Cuisinier, Jeanne, Paris
Czeglédy, Karoly, Budapest

D

Dahm, Annemarie, Flensburg
Dalay, Ch., Ulan-Bator
Damais, Lovis, Djakarta
Mlle. Dambuyant, Paris
Dammann, Ernst, Berlin
Frau Dammann, Berlin
Dandamayeff, Muhammad, Leningrad
Dandekar, Ramchandra, Poona
Daniel, Bernard, Paris
Daniyalov, Hadji-Ali, Makhach-Kala
Danmanville, Jenny, Paris
Danzig, Boris, Moscow
Darsky, Erich, Moscow
Daumas, François, Castelnau-le-Lez
David, Sir Percival, London
Lady David, London
David-Weill, Jean, Paris
Davidovitch, E. A., Dushanbe
Dechevoy (Dessefy), Nicolas, Strassbourg
Deines, Hilde von, Berlin
Del Medico, H. E., Paris
Dementyev, Yuriy, Moscow
Demieville, Paul, Paris
Demirchizade, Abdouazal, Baku
Der-Nersessian, Sirarpie, Washington
Derrett, J. D. M., Great Missenden, Buck., England
Mrs. Derrett, Great Missenden, Buck., England
Desheriyev, Yunus, Moscow
Devyatkina, Tamara, Moscow
Deychkov, Sofia
Diakonoff, Igor, Leningrad
Mrs. Diakonova, Leningrad
Diakonova, Nathalie, Leningrad
Diakov, Alexey, Moscow
Dianoux, Hugues J. de, Paris
Dickson, Martin, B., Princeton
Dillon, Myles, Dublin
Dimitrov, Strashimir, Sofia
Diringer, David, Cambridge
Dmitrieva, Ludmila, Leningrad
Dobrovits, Aladar, Budapest
Dobson, W. A., Toronto
Donadoni, F. Sergio, Milano
Donnithorne, Audrey, Hong Kong
Dreyer, Oleg, Moscow
Drimba, Vladimir, Bucureşti
Driver, Godfrey R., Oxford
Drost, Dietrich, Leipzig
Drozdík, Ladislav, Bratislava
Dshikija, Serge, Tbilisi
Du Bois, Cora, Cambridge (Mass.)
Dubovska, Zorica, Praha
Ducros, Jacques, Montpellier
Dulson, A. P., Tomsk
Duman, Lazar, Moscow
Dunajevskaja, Irina, Leningrad
Dunn, Charles, London
Dupont, Monique, Paris
Dupont-Sommer, André Paris
Durand, Maurice, Paris
Düsing, Alois, Jerusalem
Dvořalova, Praha
Dvoryankov, Nikolai A., Moscow
Dvorska, Xenie, Praha
Dyen, Isidore, New Haven
Dylykov, Sandje, Moscow
Dyusenbaev, Iskhak, Alma-Ata
Dzidzaria, G. A., Sukhumi

E

Ebeling, Carl, Amsterdam
Edel, Elmar, Bonn
Edwards, Iorwerth, Morden
Mrs. Edwards, Morden
Efimov, Geronti, Leningrad
Egami, Namio, Tokyo
Eidlin, Lev, Moscow
Eidus, Khaim, Moscow
Elfenbein, Josef, London
Eliséeff, Nikita, Beyrouth
Elizarenkova, Tatiana, Moscow
Ellsworth, Robert, Morrisville (Vermont)
Elwell-Sutton, Laurence, Edinbourgh
Elzière, May, Paris
Endesfelder, Erika, Berlin
Endo, Yoshimoto, Berlin
Ensink, Jacob, Groningen
Enver, M., Bucureşti
Eremian, Suren, Erevan
Ergis, G. I., Yakutsk
Esin, Emel, New York
Esmer, Ahmet, Ankara
Esmerian, Ralph, Kabul
Ettinghausen, Richard, Washington

F

Fage, J. D., London
Fairbank, John, Cambridge, Mass.
Fairbank, Wilma, Cambridge, Mass.
Falina, Avrora, Moscow
El Fasi, Mohammed, Rabat
Fass, Josef, Praha
Fazylov, Mullajan, Dushanbe
Fecht, Gerhard, Dossenheim
Fedorov, A. S., Moscow

Fekete, Lajos, Budapest
Ferguson, Charles, Washington
Fessen, Helmut, Berlin
Feuchtwang, Stephan, London
Fichtner, Eckhardt, Berlin
Filonenko, V. I., Pyatigorsk
Finkelstein, Jacob J., Berkeley
Finsterbusch, Käte, Leipzig
Fischel, Walter J., Berkeley
Fischer, Wolfdietrich, Münster
Fitzgerald, Gerald, Cambridge
Fleischhammer, Manfred, Halle/Saale
Fletcher, Josef, Cambridge (Mass.)
Fokkema, D. W., Hague
Fokker, A. A., Hilversum
Forlati, A. Ferdinando, Venezia
Foust, Clifford, Chapel Hill (N. Carolina)
Franke, Herbert, München
Franke, Wolfgang, Hamburg
Frantz, Charles, Chicago
Franz, H. Gerhard, Mainz
Freund, Miriam, New York
Fried, Morton, New York
Friedman, David, London
Mrs. Friedman, London
Friedman, May, London
Friese, Heinz, Hamburg
Frumkin, Gregoire, Genève
Frye, Richard N., Cambridge (Mass.)
Fujimoto, Akira, Osaka
Fukushima, Masao, Tokyo
Fürer-Haimendorf, Ch. von, London
Fusella, Luigi, Napoli

G

Gabain, Annemarie von, Hamburg
Gabarayev, S. Sh., Staliniri
Gabbrielli, Lugiana, Rome
Gabrieli, Francesco, Rome
Gadschiewa, Ninel, Moscow
Gafferberg, Edith, Leningrad
Gafurov, Bobojan, Moscow
Gahart, Praha
Gainullin, Mokhammed, Kazan
Gaj, Halina, Warszawa
Galla, Endre, Budapest
Galperin, A. L., Moscow
Galstian, Ashot, Moscow
Gamayunov, Leonid, Moscow
Gamkrelidze, T. V., Tbilisi
Gampert, Vilém, Praha
Gan, Tjiang-Tak, Leiden
Mme. Ganay, S. de, Paris
Ganiyev, A. G., Tashkent
Ganiyeva, Sujima, Tashkent
Gankovsky, Yuri, Moscow
Gardner, Kenneth, London
Mrs. Gardner, London
Garibian, A. S., Erevan
Garry, Robert, Montreal
Mrs. Garry, Montreal
Gataullin, Maluta, Moscow
Geddes, Charles, Cairo
Geijer, Agnes, Stockholm
Gelb, Ignace, Chicago
Gerard, Robert, Paris
Gershevitch, Ilya, Cambridge
Mrs. Gershevitch, Cambridge
Gerson, Jack, Newfoundland
Mrs. Gerson, Newfoundland
Ghhirshman, Roman, Paris
Ghosh, Amalananda, New-Delhi
Giulamov, Yahya, Tashkent
Ggineshvili, Otor, Tbilisi
Gimbutas, Marija, Cambridge (Mass.)
Ginsburg, Wulf, Leningrad
Gittings, J., Oxford
Glaubitz, Joachim, München
Glavova, Praha
Glebov, Dmitr, Sofia
Gluskina, Anna, Moscow
Gluskina, Gita, Leningrad
Goell, Theresa, New York
Goetze, Albrecht, New Haven
Goldberg, David, Leningrad
Goldberg, N. M., Moscow
Goldobin, Alexei, Leningrad
Golman, Mark, Moscow
Goodrich, L. Carrington, New York
Gorbacheva, Zoia, Leningrad
Gordon-Polonskaya, Ludmila, Moscow
Gorelov, V. I., Moscow
Gorgoniev, Yuriy, Moscow
Gosling, Lee A. P., Ann Arbor
Mrs. Gosling, Ann Arbor
Grabar, Oleg, Ann Arbor
Graham, Angus, London
Graham, Hugh, Albuquerque (New Mexico)
Graham, Irvin, Australia
Grande, B. M., Moscow
Granström, E., Leningrad
Grantovskij, Edwin, Moscow
Grapow, H., Berlin
Graur, Alexandr L., Bucureşti
Greenfield, Richard, Addis-Abeba
Griffiths, John, Swansea
Grigoryan, S. N., Moscow
Grunebaum, G. E. von, Los Angeles
Grüner, Fritz, Berlin
Gryaznov, Mikhail, Leningrad
Grynpas, Benedykt, Bruxelles
Mme. Grynpas, Bruxelles
Guber, Alexander, Moscow
Guboglu, Mikhail, Bucureşti
Guéniot, Maurice, Paris
Guignard, Marie, Paris
Guli-zade, Mirzaga, Baku
Gulam, Gafur, Tashkent
Gusyeva, Natalia, Moscow
Gutbub, Adolphe, Cairo
Guzalyan, Leon, Leningrad

H

Haberland, Eike, Frankfurt am Main
Hackett, Roger, Evanston
Hadžibegić, Hamid, Sarajevo
Hájek, Lubor, Praha
Haldar, Gopal, Calcutta

Halpern, Manfred, Princeton
Mrs. Halpern, Princeton
Hamarneh, Saleh, Kraków
Hammershaimb, Erling, Aarhus
Han Ki Mun, Pyongyang
Harmatta, János, Budapest
Haroutiunian, A. B., Erevan
al-Hassani, Abd ar-Razzaq, Baghdad
Haudricourt, André G., Paris
Hay, Stephen, Chicago
Hayashi, Shigeru, Tokyo
Hazai, Georges, Budapest
Hazama, Genzo, London
Hecker, Karl, Freiburg
Heimann, Betty, London
Henderson, Eugenie, London
Hendriksen, Hans, Holte
Henning, Walter B., London
Herold, Erich, Praha
Herskovits, Melville, Evanston
Hervouet, Yves, Talence-Gironde
Herzog, Rolf, Cairo
Heyd, Uriel, Jerusalem
Hintze, Fritz, Potsdam
Frau Hintze, Potsdam
Hiraoka, Kentaro, Kyoto
Hirschberg, Haim Z., Jerusalem
Ho Ping-ti, Vancouver
Hodgkins, G. A., USA
Hoenigswald, Henry, Philadelphia
Hoffmann, Alfred, Marburg
Höftmann, Hildegard, Berlin
Holdsworth, Mary, Oxford
Horie, Masanori, Tokyo
Horlo, P., Ulan-Bator
Horsch, Paul, Zürich
Hourani, Albert, Oxford
Hourani, George, Ann Arbor
Hrbek, Ivan, Praha
Hrouda, Barthel, Sulzbach
Hübschmannová, Milena, Praha
Hucker, Charles, Tucson
Hulin, Peter, Oxford
Huntingford, George, London
Hurewitz, Jacob, New York
Hussein, Mohammed, Cairo
Husseinov, Ismail, Baku
Hussey, Joan, Englefield Green (Surrey)
Hüseynov, Rauf, Baku

I

Ian Hen Sep, Pyongyang
Ibrahimov, Mirza, Baku
Ibscher, Rolf, Berlin
Idenburg, P. J., Leyden
İğdemir, Uluğ, Ankara
Ikeda, Tadashi, London
Ikegami, Jirô, Tokyo
Ilishkin, I. K., Elista
Ilyasov, Sytar, Frunze
Ilyin, Grigory, Moscow
Ilyushechkin, Wasilii, Moscow
Injikyan, O. G., Erevan
Inoue, Kiyoshi, Kyoto
Intojo, Moscow
Iorish, Ilya, Leningrad
Irkayev, Mullo, Dushanbe
Irmscher, Johannes, Berlin
Irwin, Graham, Accra
Irwin, John, London
Işıltan, Firket, Istanbul
Iskandarov, B. I., Dushanbe
Issawi, Charles, New York
Italiaander, Rolf B. M., Hamburg
Itina, Marianna, Moscow
Its, Rudolf, Leningrad
Ivanov, M. S., Moscow
Ivanov, Serge, Leningrad
Ivanov, Valentine, Moscow
Ivanov, Vyacheslav, Moscow
Ivanova, Viktorina, Moscow
İz, Fahir, Istanbul

J

Jacobsen, Thorkild, Chicago
Jadary, A. D.
Jafar, Akrem, Baku
Jaeckel, Ralph, Istanbul
Jahn, Karl, Utrecht
Jameson, Dorothy, London
Jamgyrchinov, Begimaly, Frunze
Jamin, Mohammed, Djakarta
Janashia, B. P., Sukhumi
Janayev, A. K., Ordzhonikidze
Jankowska, Ninel, Leningrad
Janssen, Josef, Leiden
Japaridze, Vakhtang, Tbilisi
Jargy, Simon, Paris
Jedlička, Jaromir, Praha
Jenner, William, Oxford
Jepsen, Alfred, Greifswald
Jepsen, Erika, Greifswald
Jessen, Alexander, Leningrad
Jettmar, Karl, Wien
Jidkoff, Georges, Montmagny
Jndi, Jauary, Erevan
Johansen, Ulla, Hamburg
Johnson-Davies, D. C., London
Jones, Russell, London
Josephson, Folke, Stockholm
Joshi, Laxman, Satara
Józsa, Sandor, Budapest
Jung, Ralf, Berlin
Junusov, Mahsud, Frunze

K

Kabrda, Josef, Praha
Kaido, Susumu, Kobe
Kaiser, Werner, Heidelberg
Kákosy, László, Budapest
Kalousková, Jarmila, Praha
Kałużiński, S., Warszawa
Kalyanov, Vladimir, Leningrad
Kampman, A. A., Leiden
Kanbayashi, Teijiro, Osaka
Kanimetov, A. K., Frunze
Kantor, Helene, Chicago
Kantor, Robert, Chicago

Kaphadarian, Karo G., Erevan
Kara, George, Budapest
Karakeyev, K. G., Frunze
Karimov, Hilol, Dushanbe
Karimov, Ubaidulla, Tashkent
Karmyshewa, Belkis, Moscow
Karryev, Aga, Ashkhabad
Kary-Niyazov, Tashmuhamed, Tashkent
Katsh, Abraham, New York
Katzman, N., Praha
Katznelson, Isidore S., Moscow
Kaukhchishwili, S. G., Tbilisi
Kawar, Irfan, Los Angeles
Kayumov, A. P., Tashkent
Kazakevich, Igor, Moscow
Каждан, Alexander P., Moscow
Kaziyev, M. A., Baku
Keddie, Wells, Claremont
Kekilov, Aman, Ashkhabad
Kenesbayev, Smet, Alma-Ata
Kerbabaev, Berdy, Ashkhabad
Khadduri, Majid, Washington
Khairullayev, Muzaffar, Tashkent
Khalfin, N. A., Moscow
Khalid, Khalid Musa, Khartoum
Khandanian, A., Paris
Khatchikian, Levon, Erevan
Khavsky, G. G., Moscow
Khayat, Jafar, Baghdad
Khadi-Zade, Rasul, Dushanbe
Kholodovitch, Alexandre, Leningrad
El-Kholy, Amin, Cairo
Khristov, Lenin, Sofia
Khuchua, Pavel, Tbilisi
Khulusi, S. A., Baghdad
Mrs. Khulusi, Baghdad
Kim, George, Moscow
Kim Sek Hen, Pyongyang
Kirketerp-Møller, Hertha, Lyngby, Denmark

Kiselev, Serge V., Moscow

Kishi, Yuichi, Tenri-City
Kislyakov, Nicolas, Leningrad
Kiyekbayev, D. G., Ufa
Kiyeshi, G., Japan
Klíma, Josef, Praha
Klingmüller, Ernst, Kalsruhe
Kluge, Inge-Lore, Berlin
Knížková, Hana, Praha
Kobayashi, Hajime, Tokyo
Kodve-Khorb, Rajagali, Halle/Saale
Kohzad, Ahmad, Kaboul
Kolokolov, Vsevolod, Leningrad
Komissarov, Daniil, Moscow
Kononov, Andrey, Leningrad
Konrad, Nikolai, Moscow
Koppe, Berlin
Korolev, A. V., Leningrad
Korošec, Viktor, Ljubljana
Korostovtseff, Mikhail, Moscow
Korotkov, N. N., Moscow
Koshimura, Shinzaburo, Yokohama
Kotański, Wieslaw, Warszawa
Kotovsky, G. G., Moscow
Kotwicz, Maria, Kraków
Koubbell, Lev, Leningrad
Kourbatov, George, Leningrad
Kovalev, A. A., Moscow
Kovalev, Eugene, Moscow
Kowalska, Maria, Kraków
Kozhin, Nikolai, Moscow
Krader, Lawrence, Washington
Kraemer, Jacques, France

Kraemer, Jörg, Erlangen

Král, Oldřich, Praha
Kramer, Samuel N., Philadelphia
Mrs. Kramer, Philadelphia
Krasa, Miloslav, Praha
Kratchkovskaya, Vera, Leningrad
Krebsová, Berta, Praha
Kretchetova, Marianna, Leningrad
Kriéger-Posener, Paule, Paris
Kritzeck, James, Princeton
Krüger, Horst, Berlin
Krustrup, Modens, København
Krymov, Afanasy, Moscow
Kublin, Human, New York
Kudryavtsef, Mikhail, Leningrad
Kühne, Horst, Berlin
Kulikova, F. I., Moscow
Kulczycky, Jerzy, Warszawa
Kümmel, Peter, Hamburg
Kuniyeshi, Kisaki, Japan
Kunst, Arnold, New York
Mrs. Kunst, New York
Kurdian, Harutiun, Wichita
Kurdoyev, Kanat, Leningrad
Kushev, Vladimir, Leningrad
Kusikyan, J. K., Moscow
Kuzeyev, Rahil, Ufa

L

Lachat, André, Porrentruy
Lacheman, Ernst, Wellesley (Mass.)
Ladstätter, Otto, Bonn
Lafleur, Violette, London
Lamb, Harold, Beverly Hills (Calif.)
Lambert, Hester M., London
Lambert, Maurice, Paris
Mme Lambert, Paris
Lambert, Wilfred, Baltimore
Lanciotti, Lionello, Rome
Lang, David, London
Lang, Janet, London
Lapresle, Jean, Paris
Laqueur, Walter, London
Laqueur, Barbara, London
Laroche, Emmanuel, Strasbourg
Lasareff, Victor N., Moscow
Last, Josephus, Amsterdam
Lattimore, Owen, Ruxton, USA
Mrs. Lattimore, Ruxton
Lauha, Aarre, Helsinki
Lazard, Gilbert, Paris
Lebedev, Eugene, Moscow
Lecerf, Jean, Paris
Leclant, Jean, Strasbourg
Lefever, Ernest, USA
Legum, Colin, London
Lehmann, Arno, Halle

Lehmann, O. H., Oxford
Lehmann, Winfred, Austin (Texas)
Lekiashwili, Alexei, Tbilisi
Leslau, Wolf, Los Angeles
Levenson, Joseph, Berkeley
Levin, Maxim, Moscow
Levinson, George, Moscow
Levkovsky, Alexey, Moscow
Lewicka, Irena, Kraków
Lewicki, Tadeusz, Kraków
Lewin, Bruno, Münster
Lewis, Bernard, London
Lewis, Cyril, London
Lezin, V. V. Moscow
Liebscher, Gertraud, Berlin
Ligeti, L., Budapest
Lipin, L. A., Leningrad
Lippert, Wolfgang, Berlin
Lipschits, Helene, Leningrad
Lisker, Leigh, Poona
Litman, Alexei, Moscow
Litvinski, B. A., Dushanbe
Livshitz, Vladimir, Leningrad
Loehr, Max, Cambridge (Mass.)
Loth, Heinrich, Leipzig
Loutskaya, Nathalie, Moscow
Loutsky, Vladimir, Moscow
Lowe, Donald, Pittsburg
Luard, David, Oxford
Lubo-Lesnitchenko, Eugene, Leningrad
Lukonin, Vladimir, Leningrad
Lukyanova, Mariya, Moscow
Lundin, Abraham, Leningrad
Lust, John, London
Lusternik, Eva, Leningrad
Luvsanvandan, Sh., Ulan-Bator

M

MacFarquhar, Roderick, London
Machalski, Franciszek, Kraków
Machavariani, G. I., Tbilisi
Maejima, Shozo, Kyoto
Maenchen, Otto, Berkeley
Magnani, Luigi, Roma
Mahomedov, Rassul, Makhach-Kala
Mahfuz, Hussain, Baghdad
Maisky, Ivan, Moscow
Maitinskaya, C. E., Moscow
Majrouh, Sayd, Kaboul
Makhova, Elene, Moscow
Makovelsky, A. O., Baku
Maksymowicz, Krystyna, Warszawa
Malalasekera, G. P., Colombo
Malinine, Michel, Paris
Malinine, Tatiana, Paris
Malkov, Feodor, Moscow
Mamut, Enver, Bucureşti
Mancall, Mark, Cambridge (Mass.)
Mansoor, Menahem, Madison
Marek, Jan, Praha
Maretin, Yuri, Leningrad
Margulan, A. Kh., Alma-Ata
Marshall, Peter S., Chertsey (Surrey)
Martin, William, Hoylake (Cheshire)
Masanori, Horie, Tokyo
Massignon, Louis, Paris
Ma'sumi, N. A., Dushanbe
Matei, Ion, Bucureşti
Matouš, Lubor, Praha
Matthews, Charles, Hague
Matthieu, Militza, Leningrad
Matveyev, Victor, Leningrad
Mauriange, Edith, Bellevue-Meudon
Maximov, M. A., Moscow
May, Helene, Hamburg
Mazaev, A. G., Moscow
Mazda, Abbas, Tehran
Mazur, Y. N., Moscow
McMullan, Joseph, New York
McMullan, Constance, New York
Mehlig, Johannes, Halle/Saale
Mehnert, Gerhard, Berlin
Meier-Henderson, George, London
Meister, Eva, Hamburg
Mekouria, Tekle Tsadik, Jerusalem — Addis Abeba
Melikishvili, Georges, Tbilisi
Meliksetbek, Leon, Tbilisi
Meliksetov, Arlen, Moscow
Mellink, Machteld, Bryn Mawr
Melman, Sophie, Moscow
Mendis, G. C., Peradeniya
Meredith-Owens, Glyn, London
Merhaut, Boris, Praha
Merhautová, Eliška, Praha
Meyer, Gerhard F., Berlin
Michael, Franz, Seattle
Mikeladze, I. S., Tbilisi
Miklukho-Maklay, Nikolai, Leningrad
Mile, Ligor, Tirana
Miller, Anatole F., Moscow
Miller, Charles, La Verne
Millet, Nicholas, Cairo
Minh Tranh, Hanoi
Minorsky, Vladimir, Cambridge
Mrs. Minorsky, Cambridge
Minovi, M., Tehran
Miroshnikov, Lev, Moscow
Mirsky, Samuel, New York
Mirzoyev, Abdulghani, Dushanbe
Miyazaki, Ichisada, Kyoto
Mnatsakanian, Haroutyun, Erevan
Mode, Heinz, Halle
Mo'in, Mohammad, Tehran
Mokri, Mohammad, Paris
Mollova, Mefküre, Sofia
Monogarova, Lydia F., Moscow
Montillon, Georges, Briare
Moravcsik, Gyula, Budapest
Moreau-Neret, H., Paris
Moreaux, Jean, Paris
Morgenstierne, Georg, Oslo
Mori, Katsumi, Tokyo
Moriya, Fumio, Tokyo
Morris, I. I., London
Mrs. Morris, Avako, London
Moscati, Sabatino, Rome
Mrozek, Antony, Warszawa
Muginov, A. M., Leningrad

Mukhamedova, Zuleika, Ashkhabad
Mukhtarov, Akhror, Dushanbe
Mulder, Willem, Oegstgeest, Netherland
Muminov, Ibrahim, Tashkent
Munaǧǧid, Salahuddin, Cairo
Münchow, Ursula, Berlin
Muratov, Saify, Leningrad
Murayama, Shichiro, Tokyo
Murphy, George, Stanford
Mutafčieva, Vera, Sofia

N

Nadschip, Emir, Moscow
Naficy, Said, Tehran
Nag, Kalidas, Calcutta
Nagahara, Keiji, Tokyo
Nakane, Chie, London
Nakayama, Mutsunobu, Japan
Nakayama, Shozen, Tenri-City
Nallino, Maria, Roma
Namgpal, Paldan Thondup, Maharaj-Kumar of Sikkim
Nantet, Elisabeth, Paris
Narzikulov, Ibodullo, Dushanbe
Nasenko, Yuri, Moscow
Nasilov, V. M., Pushkin
Nawa, Toichi, Kyoto
Nawabi, Maryab, Tehran
Nayagam, Thani, Peradeniya
Natsogdorji, Sch., Ulan-Bator
Needler, Winifred, Toronto
Németh, J., Budapest
Nersesyan, Mkrtich, Erevan
Nguyen Khánh Toàn, Hanoi
Nikiforov, Vladimir, Moscow
Nikitina, Marianna, Leningrad
Nikitina, V. B., Moscow
Nikolsky, L. B., Moscow
Niyazmukhamedov, Bobojan, Dushanbe
Nizamuddin, Muhammad, Hyderabad
Nonomura, Kadzuo, Tokyo
Norob, Punzug, Ulan-Bator
Novikova, Vera, Leningrad
Novitcheff, Aron, Leningrad
Nuriakhmetov, Anvar, Leningrad
Nurmahambetova, O. A., Alma-Ata
Nurmuhamedov, M., Nukus
Nusupbekov, Akay, Alma-Ata

O

Ode-Vasilyeva, Claudia, Moscow
Ohanesian, Konstantin L., Erevan
Oka, Kazuo, London
Oka, Masao, Japan
Okhotina, Nathalie, Leningrad
Okladnikov, Alexei, Leningrad
Olderogge, Dmitri, Leningrad
Oliver, Roland, London
Ono, Yoshihiko, Osaka
Oplt, Miroslav, Praha
Oppenheim, A. Leo, Chicago
Oransky, Joseph, Leningrad
Orbéli, Joseph, Leningrad
Orbéli, Rusudana, Leningrad
Orlandos, Anastasios, Athens
Orlinsky, Harry, Brooklyn
Orlova, Antonina, Moscow
Orozaliyev, Kerimkul, Frunze
Oshanin, Elias, Moscow
Osipov, Alexander, Moscow
Ostrovityanov, Konstantine, Moscow
Otto-Dorn, Katharina, Heidelberg
Ovnan, G. N., Erevan
Özgüç, Nimet, Ankara
Mrs. Özgüç, Tahsin, Ankara

P

Paige, Glenn, San Francisco
Pak, Mikhail, Moscow
Pak Si Hen, Pyongyang
Pakhalina, T. N., Moscow
Pakhomov, Eugene, Baku
Palasz, Miroslaw, Kraków
Palát, Augustin, Praha
Palmer, Frank R., Hemel Hempstead, (Herts.)
Palvanova, Biby, Ashkhabad
Pankratov, Boris, Leningrad
Papazyan, A. D., Erevan
Paper, Herbert, Ann Arbor
Pâques, Viviana, Paris
Pareja, Felix, Madrid
Parnikel, Boris, Moscow
Pastorelli, Carmela, Italia
Pathé, Marie-Blanche, Paris
Pätsch, Gertrud, Berlin
Pauliny, Jan, Bratislava
Pavloff, V. V., Moscow
Pavlovsky, E. N., Moscow
Pawlow, D. A., Elista
Payer, Dorothy, Cleveland
Payevskaya, E. V., Moscow
Pellat, Ch., Paris
Pelzer, Karl, J., New Haven
Pema Choki Yuthou of Sikkim
Perepelkin, G. J., Leningrad
Perevertailo, Alexei, Moscow
Perlee, H., Ulan-Bator
Peshchereva, Helene, Leningrad
Peters, Helmut, Leipzig
Peters, Irma, Leipzig
Petrosyan, J. A., Leningrad
Petrouchevsky, Elias, Leningrad
Petrov, George, Moscow
Petrov, Peter, Sofia
Petrov, Viktor, Leningrad
Petrova, Olga, Leningrad
Petrovsky, Nikolai, Leningrad
Peuke, Hans, Halle
Pewzner, Yacob, Moscow
Pewzner, Serge, Moscow
Philby, Harry St. John B., London
Philips, C. H., London
Piazza, Hans, Leipzig
Picken, Laurence, Cambridge
Picot, Suzanne, Paris
Pigoulevskaya, Eugenia, Moscow
Pigoulevskaya, Nina, Leningrad
Pijper, G. H., Blaricum, Netherland

Pikulin, M. G., Tashkent
Pilszczikova, Nina, Warszawa
Pinder-Wilson, Ralph, London
Pines, Shlomo, Jerusalem
Pinus, Eugénie, Leningrad
Piotrovsky, Boris, Leningrad
Piquot, Léon, France
Pisani, Vittore, Milano
Plam, Y. Ya., Moscow
Plumley, Jack, Cambridge
Mrs. Plumley, Cambridge
Pobelensky, Y. A., Kharkov
Podpalova, Galina, Moscow
Pohl, A., Roma
Pohl, Herbert, Hamburg
Pokora, Timoteus, Praha
Pokrovsky, Serge, Alma-Ata
Poliak, Abraham, Tel-Aviv
Polívková, Zdenka, Praha
Polyak, A. A., Moscow
Polyakov, Nikolai, Moscow
Popov, Konstantine A., Moscow
Popov, Konstantine M., Moscow
Porada, Edith, New York
Posener, Georges, Paris
Postowskaya, Nathalie, Moscow
Potapov, Leonid, Leningrad
Potekhin, Ivan, Moscow
Potskhveriya, Boris, Moscow
Poucha, Pavel, Praha
Pougatchenkova, Galina, Tashkent
Power, Eugene, Ann Arbor
Power, Philip, Ann Arbor
Pozdneyeva, Liubov, Moscow
Pribytkovsky, Leo, Moscow
Priese, Karl H., Berlin
Prijono, Djakarta
Pritsak, Omelian, Hamburg
Průšek, Jaroslav, Praha
Prüzinovskaja, Ester, Belgium
Punzuknorob, Z., Ulan-Bator
Purcell, Victor, Cambridge
Pure-Dawud, E., Tehran
Putchkovsky, Leonid, Leningrad

Q

Quenum, Maximilian, Saint-Maur (Seine)
Quigly, E. Pauline, Oxted (Surrey)

R

Rabin, Chaim, Jerusalem
Rafikov, Ahmet, Leningrad
Raina, Preduman, Oxford
Radjabov, Musa, Dushanbe
Rajabov, Z. Sh., Dushanbe
Rall, Jutta, Hamburg
Rapoport, Yuri, Moscow
Rastiannikov, Viktor, Moscow
Rastorguyeva, Vera, Moscow
Ratchnevsky, Paul, Berlin
Rathmann, Lothar, Leipzig
Ratnam, K. P., Colombo
Ratnam, Kamala, Vientiane
Reck, Karl-Heinz, Berlin
Redard, Georges, Berne
Redko, Elias, Moscow
Regmi, Dilli R., Kathmandu
Reineke, Walter, Berlin
Reining, Conrad, Washington
Rentz, George, Dhahran
Revunenkov, V., Leningrad
Reuschel, Wolfgang, Leipzig
Rice, David Storm, London
Richard, Jean, Dijon
Richards, Donald, Oxford
Richter, Gunnar, Berlin
Rodinson, Maxime, Paris
Roeder, Dmitri, Moscow
Roerich, G., Moscow
Rogatchev, Alexice, Moscow
Rohr Sauer, Alfred von., St. Louis
Mrs. Sauer, St. Louis
Rommel, Ingeborg, Tübingen
Romodin, Vladimir, Leningrad
Róna-Tas, Andrew, Budapest
Rosenfeld, Boris, Moscow
Rosenthal, Franz, New Haven
Rosenwasser, Joseph, London
Rosset, François, Paris
Rostovsky, Serge, Moscow
Roth, Ernst, Mainz
Rothney, Gordon, London
Mrs. Rothney, London
Rouhani, Mehdi, Paris
Roumiantsev, Michail, Moscow
Rousset, Huguette, Paris
Rowe, Margarett, Rhode Island
Rozhdestvensky, Y. V., Moscow
Ruben, Carlota, Berlin
Ruben, Walter, Berlin
Rubinacci, Roberto, Napoli
Rubinstein, Alvin, Philadelphia
Rubinstein, Modest, Moscow
Rubinstein, Rebekka, Moscow
Rudenko, Serge, Leningrad
Rumyantsev, George, Ulan-Ude
Rühlmann, R., Paris
Rühlmann, Gerhard, Halle/Saale
Rustow, Dankwart, New York
Růžička, Karel, Praha
Ryabinkin, Pavel, Moscow
Rybakov, Boris, Moscow
Rygaloff, Alexis, Palaiseau
Rypka, Jan, Praha
Ryskulbekov, Musa, Frunze
Rzhevin, Boris, Moscow

S

Šabanović, Hazim, Sarajevo
Sachs, Emil, London
Sahinian, A. A., Erevan
Saidov, Mahomed, Moscow
Sakamoto, Koretada, Tokyo
Salahetdinova, Munira, Leningrad
Salie, Michel, Tashkent
Sander-Hansen, C. E., Copenhagen
Šanidze, Akakiy, Tbilisi
Šanidze, Mzekala, Tbilisi

Sanzhejev, Garma, Moscow
Sapozhnikov, Boris, Moscow
Sarkisian, Ervand, Erevan
Sarkisian, Gagik Kh., Erevan
Sastri, Gaurinath, Calcutta
Savignac, Jean de, Bruxelles
Saweljewa, Tatiana, Moscow
Scanlon, George, Cairo
Scarcia, Gianroberto, Roma
Scarcia, Lea, Roma
Schacht, Joseph, New York
Schilling, Hartmut, Berlin
Schirmann, J., Jerusalem
Schlerath, Bernfried, Frankfurt/Main
Schlingloff, Dieter, Berlin
Schlumberger, Daniel, Strasbourg
Schmid, Toni, Uppsala
Schmidt, Ernst-Gunther, Berlin
Schmidt, Karl, Münster
Schnura, Heinz, Berlin
Schöhl, Hermann, Homburg
Schorr, Bianca, Berlin
Schubert, Johannes, Leipzig
Schult, Helga, Dahlwitz-Hoppegarten
Schultz, Doris, Berlin
Schurmann, Herbert, Berkeley
Schurmann, Isidora, Berkeley
Schwartz, Benjamin, Washington
Schwartz, Jacques, Strasbourg
Segert, Stanislav, Praha
Seid-Zadeh, Ali, Baku
Seidov, Rauf, Baku
Selbmann, Erhard, Halle/Saale
Selter, Gerhard, Leipzig
Serdyuchenko, George, Moscow
Serebrennikov, Boris, Moscow
Servier, Jean, Montpellier
Seuberlich, Wolfgang, Marburg
Sevak, G. G., Erevan
Sevortian, Ervand, Moscow
Shabad, Theodore, New York
Sha'ban, Mohammad, New York
Shabanov, Faruh, Baku
Shagirov, A. K., Moscow
Shamukhamedov, Sh. M., Tashkent
Shapley, John, Washington
Sharakshinova, N. O., Irkutsk
Sharbatov, G. Sh., Moscow
Sharif, Aziz, Baghdad
Sharifly, Mamed, Baku
Sharma, Ram, London
Sharma, Sri Ram, Sholapur
Sharp, Lauriston, Ithaca (New Jork)
Shchebenkov, V. G., Vladivostok
Shepherd, Dorothy, Cleveland
Shcherbak, Alexander, Leningrad
Sherman, Alfred, London
Shikhmuradov, Oraz, Ashkhabad
Shiota, Shobei, Tokyo
Shiraliyev, Mamed, Baku
Shiratori, Yoshiro, New York
Shirendeb, Ulan-Bator
Shkolyar, Serge, Leningrad
Shnaider, Mark, Moscow
Shostakovich, S. V., Irkutsk
Shukurov, Arif, Dushanbe
Shumovsky, Theodor, Leningrad
Shunkov, V. I., Moscow
Sicard, Harald de, Uppsala
Simmonds, Edward, London
Simmonds, Patricia, London
Simon, Heinrich, Berlin
Simon, Malvina, Brooklyn
Simon, Walter, London
Simonovskaïa, Larisa, Moscow
Simpson, Cyril, Durham
Simson, Georg von, Gollingen
Şinasi, Tekin, Erzurum
Sinor, Denis, Cambridge
Skachkov, Petr, Leningrad
Skorov, G. E., Moscow
Slametmuljana, Djakarta
Smirnov, Nikolay, Moscow
Smirnov, Sergey, Moscow
Smirnova, Olga, Leningrad
Smith, Wilfred, Montreal
Snesarev, Gleb, Moscow
Sokolova, Valentina S., Leningrad
Solntsev, Vadim M., Moscow
Solovjev, V. I., Moscow
Soper, Alexander, Rosemont
Sorokin, Vladislav, Moscow
Souček, Vladimir, Praha
Spirt, Alexander, Moscow
Sprigg, Richard, London
Miss Sprigg, London
Stapleton, Henry, St. Brelade (Jersey)
Mrs. Stapleton, St.Brelade
Starikov, A. A., Moscow
Starkova, Claudia, Leningrad
Stein, Victor, Leningrad
Štěpanovsky, Irži, Praha
Stepugina, Tatiana, Moscow
Sternbach, Ludwik, New York
Stívínova, Věra, Praha
Stöber, Horst, Berlin
Storry, George, Oxford
Straelen, H. J. J. M. van, Nagoya
Stratanovich, Grigoriy, Moscow
Strelcyn, Stefan, Warszawa
Stricker, Bruno, Leiden
Stronach, David, Cambridge
Stroyeva, Ludmila, Leningrad
Struve, Wassili, Leningrad
Sulayman, H. S., Tashkent
Sultanov, A. F., Moscow
Sultanov, Mamed, Baku
Sultanov, Rahim, Baku
Sumbat-Zade, Ali Soibat, Baku
Sumiya, Etsuji, Kyoto
Sumiya, Shin-ichi, Kyoto
Sunik, Orest, Leningrad
Surazakov, Sazon, Gorno-Altaysk
Suret-Canale, J., Conakry
Suroor, Ali Ahmad, Aligarh
Sutton, Stanley, London
Swann, P. C., Oxford

T

Tabarov, Sahib, Dushanbe
Tabulova-Malbakhova, N. T., Moscow

Tabyshallyev, Salmorbek, Frunze
Tadmor, Hayim, Jerusalem
Taeuber, Irene, Hyattsville
Tagirova, Kumri, Leninabad
Tajiyev, Dadojon, Dushanbe
Takaya, Sadakuni, Kyoto
Talbot-Rice, David, Edinburgh
Talbot-Rice, Tamara, Edinburgh
Talbot-Rice, Nicholas, Edinburgh
Tarasenko, R. F., Moscow
Tartakovsky, A. G., Moscow
Tax, Sol, Chicago
Tchikovani, M. Y., Tbilisi
Tchubinashvili, G. N., Tbilisi
Telegdi, Zsigmond, Budapest
Teng, S. Y., Bloomington, Ind.
Terakawa, Kishio, Tokyo
Thapar, Romila, London
Thomas, Jacqueline, Paris
Thorner, Daniel, Paris
Mrs. Thorner, Paris
Tibawi, Abdul Latif, Esher (Surrey)
Tibiletti, Gianfranco, Pavia
Tietze, Andreas, Los Angeles
Tikhomirov, M. N., Moscow
Tikhvinsky, Serge, Moscow
Tiourine, Wassiliy, Tula
Tiratsyan, Gevork, Erevan
Tivchev, Petr, Sofia
To Iu Ho, Pyongyang
Todayeva, B. Kh., Moscow
Todorov, Nikolai, Sofia
Tőkei, Ferenc, Budapest
Tokombayev, Agli, Frunze
Tolstov, Serge, Moscow
Tolybekov, Sergadi, Alma-Ata
Tomaszkiewicz, Wieslaw, Kraków
Topchian, Eduard, Erevan
Topekha, Petr, Moscow
Topencharov, Vladimir, Sofia
Topuria, V. T., Tbilisi
Toshchakova, Taissiya, Gorno-Altaysk
Tóth, Edith, Budapest
Touma, Emil, Tel-Aviv
Toyoda, Shiro, Tokyo
Trencsenyi-Waldapfel, Imre, Budapest
Tretyakov, P. N., Moscow
Trever, Camilla, Leningrad
Trofimova, Tatiana, Moscow
Trotsevich, Adelaida, Leningrad
Tryjarski, Edward, Warszawa
Tsereteli, Georges, Tbilisi
Tsereteli, Konstantine, Tbilisi
Tsitsishwili, G. Sh., Tbilisi
Tsybulsky, Vladimir, Moscow
Tsydendambayev, Ts. B., Ulan-Ude
Tubiana, Joseph, Bourg la Reine
Mrs. Tubiana, Bourg la Reine
Tucker, Archibald, London
Turková, Helena, Praha
Turner, Sir Ralph, London
Tushingham, Arlotte, Toronto
Tveritinova, Anna, Moscow
Tyagai, Galina, Moscow
Tyloch, Witold, Warszawa
Tyulyaev, Semen, Moscow

U

Ubryatowa, E. I., Moscow
Udaltzova, Z. V., Moscow
Uesugi, Jûjiro, Berlin
Ulanov, A. J., Ulan-Ude
Ulfat, Gul Pacha, Kabul
Ulyanovsky, Rostislav, Moscow
Umarov, Sultan, Dushanbe
Unger, Eckhard, Neubrandenburg
Frau Unger, Neubrandenburg
Uno, Masao, London
Uray, Géza, Budapest
Uray-Köhalmi, Käthe, Budapest
Useynov, M. A., Baku
Ushiomi, Toshitaka, Berlin
Usman, Effendi, Leningrad University
Usmanov, Hatib, Kazan
Uzyanov, Anton, Moscow

V

Vaiman, Aizik, Leningrad
Vakhtin, Boris, Leningrad
Valitova, Aislu, Moscow
Valskaya, Bluma, Leningrad
Van Buitenen, J. A. B., Veenendaal, Netherland
Van Delft, Rebekka, Amsterdam
Van der Loon, Piet, Cambridge
Varga, Edith, Budapest
Vasiliev, Vladimir, Moscow
Vatolina, Lydie, Moscow
Vaudeville, Charlotte, Paris
Veccia-Vaglieri, Laura, Roma
Veccia Scavalli Giacomo, Roma
Vekilov, Afrasiab, Leningrad
Veselá, Zdenka, Praha
Veselovsky, I. N., Moscow
Veselý, Rudolph, Praha
Vilchevsky, Oleg, Leningrad
Vinnikov, I. N., Leningrad
Vinogradov, Alexander, Moscow
Vinogradov, N. P., Moscow
Vinogradov, V. V., Moscow
Vinogradova, Nadežda, Moscow
Vogel, Kurt, München
Vogt, Hans, Oslo
Voigt, Wolfgang, Marburg
Voigtlander, Elisabeth, Ann Arbor
Volbach, Fritz, Roma
Volten, Aksel, København
Voronina, V. L., Moscow
Vucinich, Wayne, Stanford
Vyatkin, Rudolf, Moscow
Vyzharova, Zhivka, Sofia

W

Wagner, Ewald, Mainz
Waldschmidt, Ernst, Göttingen
Walsh, John, Edinburgh
Warder, Antony, Edinburgh
Watel, Bernard, Paris
Watson, W., London
Weinzweig, Nikolay, Moscow
Weimarn, Boris, Moscow

Welker, Marian, New York
Weller, Friedrich, Leipzig
Frau Weller, Leipzig
Wenig, Steffen, Berlin
Wernberg-Møller, Preben, Manchester
Wernecke, Wolfgang, Berlin
Wertheim, Willem, Amsterdam
Westendorf, Wolfhart, Berlin
Wezler, Albrecht, Bundesrepublik Deutschland
Wheeler, Geoffrey, London
White, John, Honolulu
Whitting, Charles E. J., London
Mrs. Whitting, London
Wickens, George, Toronto
Wieder, F. C., Wassenaar
Wilkinson, Charles, New York
Williams, Ronald, Toronto
Mrs. Williams, Toronto
Wilson, John, Chicago
Winstedt, Lady Sara, London
Wint, Guy, Oxford
Winter, Ernst, USA
Withof, B., Bundesrepublik Deutschland
Wölffling, Berlin
Wolfgat, Siegfried, Berlin
Wu Shih-ch'ang, Oxford

Y

Yablochkov, Leonid, Moscow
Yadin, Yigael, Jerusalem
Mrs. Yadin, Jerusalem
Yakhontov, Serge, Leningrad
Yamada, Nobuo, Osaka
Yamagata, Kazuo, Tokyo
Yamamoto, Tatsuro, Tokyo
Yamamoto, Shumiko, Japan
Yang Hing-shun, Moscow
Yapp, M. S., London
Yari, Abdul, Kabul
Yarshater, Ehsan, New York
Yartel, Ihsan, Tehran
Yassour, Avraham, Kibutz Merhavia, Israel
Yastrebova, Irena, Moscow
Yazykova, Mayagozal, Ashkhabad
Yeganian, Hamlet, Erevan
Yeivin, Solomon, Jerusalem
Yoshikawa, Kojiro, Kyoto
Yosimati, Yosio, Fukuoka
Yuldashev, Mamajan, Tashkent
Yunusaliev, B. M., Frunze
Yuriev, Mikhail, Moscow
Yusbashian, Karen, Leningrad
Yushkevitch, Adolph, Moscow
Yusufbekov, Rustambek, Dushanbe
Yusupov, Daniel, Moscow

Z

Zabozlayeva, Olga, Moscow
Zajączkowski, Ananiasz, Warszawa
Zajączkowski, Włodzimierz, Kraków
Zakaraia, Parmen, Tbilisi
Zakhidov, Vakhid, Tashkent
Zand, Mikhail, Moscow
Zander, Walter, London
Zanegin, Boris, Moscow
Zaripov, Khadi, Tashkent
Zardan, Khalil, Conakry
Zasloff, Joseph, Pittsburg
Zbavitel, Dušan, Praha
Zeitlin, Solomon, Philadelphia
Zhdanko, Tatiana, Moscow
Zhgenti, Serge, Tbilisi
Zhirmunsky, Victor, Leningrad
Zhukov, Eugene, Moscow
Ziai, Abdul, Kaboul
Zimanov, Salik, Alma-Ata
Zinzius, Vera, Leningrad
Žižka, Atou, Praha
Zlatkin, Ilia, Moscow
Zuberi, Matinuzzaman, Oxford
Zvetkova, Bistra, Sofia